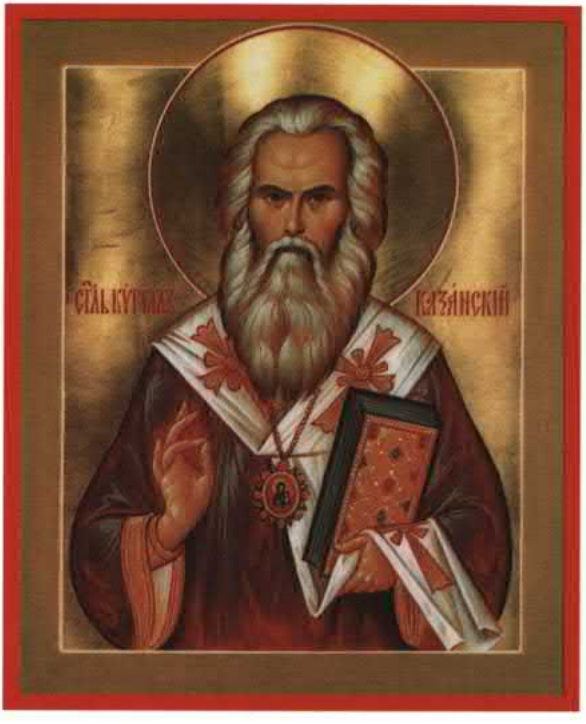
К 10-летию возрождения
московского ставропигиального
Сретенского монастыря
1994 – 2004



Святый священномучениче Кирилле,
моли Бога о нас!

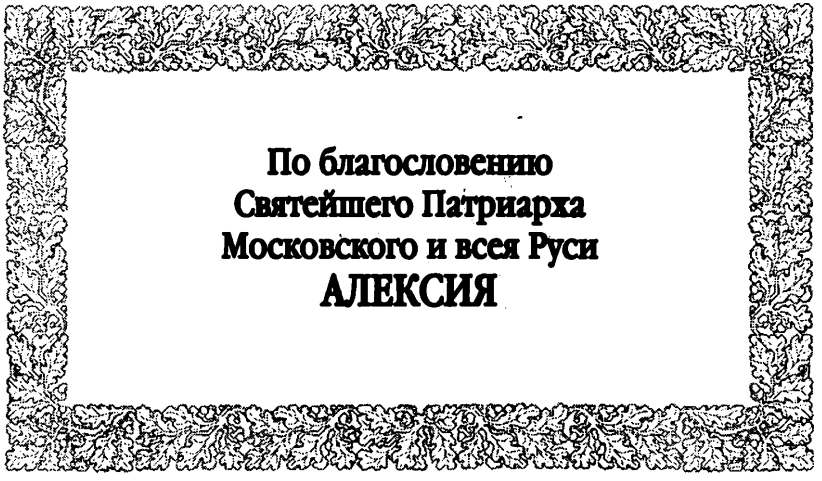
А. В. ЖУРАВСКИЙ

ВО ИМЯ ПРАВДЫ И ДОСТОИНСТВА ЦЕРКВИ

Жизнеописание и труды
СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
КИРИЛЛА КАЗАНСКОГО
в контексте исторических событий
и церковных разделений
XX века

ИЗДАНИЕ СРЕТЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Москва
2004



Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского/Авт.-сост. *А. В. Журавский.* — М.: Изд. Сретенского монастыря, 2004. — 864 с.; ил.
ISBN 5-7533-0302-1

УДК 271.2-36+929Кирилл
ББК 86.372
Ж91

© Журавский А. В. — составление, жизнеописание, комментарии, 2004 г.
© Сретенский монастырь — набор, верстка, оформление, 2004 г.

Посвящается моему деду,
Журавскому Анатолию Семеновичу,
узнику Карлага

ОТ АВТОРА

В постсоветский период развития отечественной исторической и агиографической науки деятельность многих выдающихся иерархов Русской Церкви XX века стала предметом исследования светских и церковных историков*. Были изданы сборники статей, писем, поучений,

---

* *Андроник (Никольский), сщмч.* О Церкви, России.— Фрязино, 1997; Арсений (Жадановский), еп. Воспоминания.— М.: ПСТБИ, 1995; *Вострышев М. В.* Божий избранник: Крестный путь святителя Тихона, Патриарха Московского и всея Руси. — М., 1991; *Дамаскин (Орловский), иером.* Жизнеописание святителя Василия, епископа Кинешемского // *Василий (Преображенский), свт.* Беседы на Евангелие от Марка.— М.: Отчий дом, 1996; *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: В 6 кн.— Тверь, М., 1992—2002; «Дело» митрополита Вениамина (Петроград, 1922 г.). — М.: ТРИТЭ, 1991; *Зеленогорский (Гринберг)* М. Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского).— М., 1991; *Иоанна, мон.* Жизнеописание архиепископа Волоколамского Феодора (Поздеевского), последнего ректора МДА//Православная жизнь. — 1995.— № 9.— С. 1—29; № 10.— С. 1—29; Любовью побеждая страх. Жизнеописания новомучеников Российских. Архиепископ Пермский Андроник, епископ Соликамский Феофан, архиепископ Черниговский Василий, епископ Семиречинский Пимен.— Фрязино, 1998; Житие епископа Серафима (Звездинского): Письма и проповеди.— Б. м., б. г.; Молю о тех, кого Ты дал мне..: Владыка Серафим (Звездинский) в воспоминаниях духовной дочери, схимонахини Иоанны.— М.: Даниловский благовестник, 1999 и мн. др.

богословских работ известных церковных деятелей*. И только о митрополите Казанском Кирилле (Смирнове), авторитетнейшем иерархе Русской Церкви новейшего ее периода,— прославленном в 2000 г. в лике новомучеников Российских,— до сих пор не было ни одного серьезного исследования.

Между тем деятельность митрополита Кирилла в разные периоды его церковного служения была многообразна и плодотворна. Так, например, следует чрезвычайно высоко оценить влияние владыки Кирилла на распространение и укоренение Православия среди персидских сирохалдеев в период 1902—1904 годов, когда он (в сане архимандрита) являлся начальником Урмийской Духовной Миссии. Существенна роль митрополита Кирилла в подготовке и проведении канонизации святителя Питирима Тамбовского, значителен его вклад в формирование многих важнейших решений Поместного Собора 1917—1918 годов. О достойном и самоотверженном его пастырском служении в Петербургской епархии, а затем архипастырском служении на Тамбовской кафедре (1910—1917) единодушно отзывались представители самых разных церковно-общественных сил: от митрополита Антония (Вадковского) до митрополита Антония (Храповицкого), от провинциального сельского священника — до протопресвитера Георгия Шавельского, известного своим критическим отношением к русскому епископату; от простого прихожанина — до представителя либеральной прессы. Удивительно, но даже дореволюционная деятельность священномученика Кирилла не стала предметом исторического или агиографического исследования, хотя большинство публикаций и документов были исследователям вполне доступны.

Послереволюционный период жизни и церковного служения митрополита Кирилла Казанского и вовсе оставался до недавнего времени не исследованным, представляя собой даже не совокупность известных разрозненных фактов, а собрание широко распространившихся мифологем и исторических лакун, вкупе способных составить подобие ус-

---

* В разное время издавались сборники статей, проповеди, богословские работы видных иерархов XX века: митрополита Сергия (Страгородского), митрополита Антония (Храповицкого), митрополита Анастасия (Грибановского), митрополита Евлогия (Георгиевского), в последнее время — митрополита Макария (Парвицкого), митрополита Нестора (Анисимова), архиепископа Илариона (Троицкого), епископа Арсения (Жадановского) и многих других.

тойчивого историографического мнения, которое тем труднее бывает опровергнуть, что ему усвояется значение предания.

Вместе с тем оставались не исследованными не только послереволюционная жизнь и деятельность митрополита Кирилла в качестве митрополита Тифлисского, а затем Казанского, но и его взгляды на сложнейшие вопросы общественной и церковной действительности. До сих пор не вполне выявлено и влияние святителя на современных ему иерархов. Разноречивые мнения высказываются о роли владыки в церковно-исторических процессах XX века и разделениях, имевших место в 20—30-е годы. В частности, почти противоположные суждения встречаются в церковно-научной литературе об отношении митрополита Кирилла в последний период его жизни к благодатности таинств иерархов, не отделившихся от митрополита Сергия (Страгородского). Да и сама церковно-каноническая и экклезиологическая полемика этих двух выдающихся иерархов не была глубоко осмыслена, хотя, попрежнему, остается ключевым проблемным вопросом, отношение к которому определяет подход конкретного исследователя к интерпретации всей истории Русской Церкви XX века.

Поставив целью изучить жизнь и деятельность митрополита Казанского и Свияжского Кирилла (Смирнова) в контексте общественно-политических процессов начала XX века и церковных разделений 1920—1930-х годов, автор определил и задачи исследования: оценить миссионерское служение митрополита Кирилла в бытность его начальником православной Урмийской Миссии в Персии; изучить его деятельность на Гдовской и Тамбовской кафедрах в условиях российской монархии и его взгляды на важнейшие церковные и общественно-политические проблемы российской действительности начала XX века; определить вклад святителя Кирилла в деятельность Поместного Собора 1917—1918 годов; выявить «тифлисский» период его служения; исследовать и проанализировать на основе архивных материалов т. н. «тайные выборы патриарха» 1926 года; определить историческую роль митрополита Кирилла в послереволюционной истории Русской Церкви и исследовать его воззрения на характер церковных разделений 1920—1930-х годов.

Пожалуй, впервые, в данной книге, предпринята попытка всестороннего исследования жизни и деятельности митрополита Кирилла (Смирнова). При этом значительную часть источников настоящего исследования составили неопубликованные материалы, представленные документами из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА, Санкт-Петербург), Государственного архива Тамбовской

области (ГАТО, Тамбов), Национального архива Республики Татарстан (НАРТ, Казань), Центрального архива ФСБ РФ (ЦА ФСБ РФ), Архивного управления ФСБ РФ Московской Области (АУ ФСБ РФ МО), Архива КГБ Республики Татарстан (АКГБ РТ), Архива УКГБ КазССР по Чимкентской области (АУКГБ КазССР ЧО).

Несмотря на то что за полтора года со времени написания книги появилось немало публикаций, так или иначе касающихся деятельности митрополита Кирилла (Смирнова), автору представляется важным опубликовать свой труд практически в том виде, в каком он был завершен к осени 2000 года, за исключением небольших правок и дополнений. Было много возможностей и предложений опубликовать его, в том числе и за рубежом. Однако автор считал возможным издание исследования о жизни священномученика Российского только в России, и только в церковном издательстве. Этим, а также желанием избавить не искушенного в исторической науке читателя от обременительного количества ссылок, сносок и цитат, объясняется вынесение в часть II (Приложение) источниковедческого и библиографического введения к работе, значительного числа архивных документов.

Вместе с тем, не столько по объему, сколько по важности, Приложения в части II составляют особый самостоятельный раздел данной книги. Так, именно в Приложениях приведены, как правило, не публиковавшиеся ранее материалы, такие как: переписка архимандрита Кирилла (Смирнова), тогда — начальника Урмийской Духовной Миссии, и митрополита Санкт-Петербургского Антония (Вадковского); записка по вопросу принадлежности урмийских храмов Православной Духовной Миссии, также составленная архимандритом Кириллом; расшифровка стенограммы заседания, состоявшегося под председательством митрополита Кирилла в Богоявленском соборе Казани 24 июля 1922 года; письма митрополита Кирилла священнику Е. Едемскому-Своеземцеву (1929—1930); материалы (анкеты арестованных, протоколы допросов и пр.) следственных дел 1934 года в Гжатске и 1937 года в пос. Яны-Курган и г. Чимкент. Кроме того, в Приложениях приводятся избранные проповеди владыки Кирилла, собранные автором из дореволюционных журналов разных лет, а также не единожды публиковавшаяся, но чрезвычайно важная для понимания сути церковной дискуссии, переписка митрополита Кирилла и митрополита Сергия (Страгородского), заместителя местоблюстителя патриаршего престола.

В издании помещены в части III также жизнеописания двух последователей митрополита Кирилла — епископа Иоасафа (Удалова) и архимандрита Александра (Уродова).

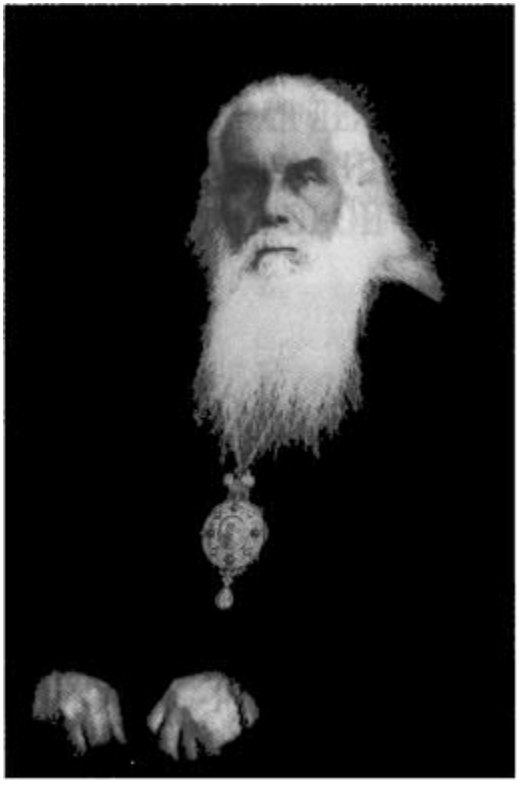
Наконец, в части IV автор посчитал необходимым поместить две свои статьи более позднего периода, развивающие тему настоящего исследования. Одна из статей посвящена обзору светской и церковной историографии по вопросу взаимоотношений правой оппозиции и митрополита Сергия (Страгородского), другая — экклезиологическим и этико-каноническим воззрениям митрополита Кирилла. Первая статья, опубликованная в 2000 году в малодоступном российскому исследователю альманахе «Нестор» (2000, № 1. С. 343—372), содержит классификацию церковных оппозиций митрополиту Сергию (Страгородскому) и церковных групп 1920—1930-х годов. Вторая статья представляет собой доклад, сделанный в ноябре 2001 года в Сэнтендре (Венгрия) на конференции «История Русской Православной Церкви в XX веке», состоявшейся по инициативе Берлинской епархии Русской Православной Церкви за границей (Зарубежной Церкви). Эти статьи важны как для понимания значения личности священномученика Кирилла в истории Русской Церкви XX века, так и для уяснения особенностей его экклезиологических и этических взглядов. Важно понимать, что именно через систему взглядов митрополита Кирилла на ситуацию 20—30-х годов в вопросе местоблюстительства и церковного управления строится сложный диалог Московского Патриархата и Зарубежной Церкви — этих двух трагически разделенных частей Русской Церкви.

Несомненно, что в будущем появится много исследований, посвященных личности митрополита Кирилла, светлый и святой образ которого удивительно естественен и многогранен в своих церковных служениях: приходской священник, урмийский миссионер, проповедник, князь Церкви, первый из трех названных святителем Тихоном патриарших местоблюстителей, гонимый свидетель правды.

Представляемая книга — первая попытка значительно восполнить недостаток сведений об одном из наиболее выдающихся русских архиереев минувшего столетия, столпе Русской Церкви XX века — священномученике Кирилле (Смирнове).

***

Автор выражает признательность всем, кто помогал ему в долгий период работы над этим исследованием: архиепископу Казанскому и Татарстанскому Анастасию — за всемерную поддержку начинания; епископу Йошкар-Олинскому и Марийскому Иоанну, архивариусу Рождество-Богородичного Санаксарского монастыря иеромонаху Венедикту (Кулешову) и протоиерею Алексию Сухих (Вятская епархия) — за предоставленные документы об архимандрите Александре (Уродове); протоиерею Владимиру Воробьеву (Москва) — за предоставленную возможность защиты богословской диссертации в ПСТБИ; О. Ю. Васильевой (Москва), протоиерею Владиславу Цыпину (Москва) и протоиерею Георгию Митрофанову (Санкт-Петербург) — за доброжелательную критику и оппонирование; И. В. Полтавской (Санкт-Петербург), В. В. Антонову (Санкт-Петербург), А. Н. Алленову (Тамбов), А. Г. Кравецкому (Москва), О. Ю. Левину (Тамбов), А. Г. Лозовскому (Тамбов), Г. А. Миллеру (Казань), игумену Стефану (Садо) (СПбДА), А. В. Столярову (Санкт-Петербург) — за содействие в организации работ в архивах, справочную информацию и предоставленные документы; протоиерею Игорю Цветкову (Казань) — за важные советы и обсуждение богословских и историко-канонических проблем новейшей церковной истории; протоиерею Николаю Артемову (Мюнхен) — за общение, обсуждение актуальных вопросов церковной истории, а также за приглашение на конференцию в Сентэндре (2001), что послужило причиной составления доклада об этико-экклезиологических и канонических воззрениях митрополита Кирилла; моей матери Наталье Александровне — за моральную поддержку и терпимое отношение к килограммам архивных ксерокопий и книжной пыли, сопровождавшим все годы моих исследований; наконец, наместнику московского Сретенского монастыря архимандриту Тихону (Шевкунову) — за предоставленную возможность издания настоящей книги.



ЧАСТЬ I

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА КИРИЛЛА (СМИРНОВА)

ГЛАВА I

ПАСТЫРСКАЯ И АРХИПАСТЫРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИТРОПОЛИТА КИРИЛЛА ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

НАЧАЛО ЖИЗНЕННОГО ПУТИ И ПАСТЫРСКОГО СЛУЖЕНИЯ

Митрополит Кирилл (в миру — Константин Иларионович Смирнов) родился 26 апреля 1863 года в г. Кронштадте Санкт-Петербургской губернии в семье псаломщика. И едва ли будет ошибкой сказать, что с самого детства жизненный путь будущего иерарха Русской Православной Церкви был предопределен. Предопределен рождением в церковной семье, воспитанием в духе трепетной любви к Церкви, которую привили ему верующие родители, и той благочестивой средой, в которой с юных лет находился Константин.

Достигнув определенного возраста, Константин поступает в Духовную семинарию. Об этих годах нам известно, к сожалению, мало. Сохранились лишь собственные, незначительные по объему воспоминания самого будущего священномученика: «Умственным взором моим я, как и сейчас, вижу ряды волнующихся голов, в среде которых жил когда-то. Передо мною восстает прошедшая жизнь семинарская, с ее интересами, волнениями, спорами и бурями. Несерьезные эти волнения, но воспоминания о них особенно приятны сердцу. Занимали нас те вопросы, от которых волновались тогда мы: кого спросят на уроке и тому подобные по нашей жизни, нашему сердцу близкие, дорогие»[1].

Кронштадт. Андреевский собор

После завершения семинарского курса Константин Смирнов поступает в 1883 году в Санкт-Петербургскую Духовную академию. Как гласило журнальное постановление Совета академии: «Из подвергавшихся проверочным испытаниям и выдержавших оные удовлетворительно — оказавшихся лучшими — принять на казенное содержание в числе 49». При этом двадцать шестым по списку значился Константин Смирнов[2], который избрал изучение предметов церковно-практического отделения[3], а из предлагаемых новых языков выразил желание изучать немецкий[4].

В Духовной академии, как и многие студенты тех лет, Константин Смирнов оказался под сильным влиянием незаурядной личности архимандрита Антония (Вадковского), тогдашнего инспектора (с 1885 года), а в 1887 году — ректора академии, будущего Петербургского митрополита. Архимандрит Антоний очень скоро отметил прямодушного молодого студента, горящего жаждой самоотверженного пастырского служения, юношу с глубоко православным сознанием и ясными представлениями о высоте и достоин-

Кронштадт. Николаевский проспект

стве духовного служения русского пастыря. А это по тем временам было редкостью.

Стоит ли напоминать, что духовное сословие в синодальную эпоху находилось в ущемленном, полуотверженном положении, которое отразилось и на сознании значительной части духовенства. Высота пастырского служения не соответствовала почти физической сословной закрепощенности священнослужителей и стесненному положению всей Русской Церкви, бывшей в неестественной (а подчас и противоестественной) зависимости от государства. Это пагубно сказывалось на духовном здоровье тех, кто сам по долгу своему и призванию обязан был заботиться о духовном здравии нации.

В этом смысле Константин Смирнов выгодно отличался от многих своих однокурсников. В нем сочетались как несомненные нравственные достоинства, так и очевидные пастырские дарования и ораторские способности, которые обнаружились уже на младших курсах академии, а в священнический период его служения

выдвинули иерея Константина Смирнова в число наиболее талантливых проповедников Петербургской епархии (что будет в свое время особо отмечено митрополитом Антонием (Вадковским) и обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым).

Духовную академию Константин Смирнов успешно окончил в 1887 году со степенью кандидата богословия. Степень была получена за сочинение «Никифор Феотоки и его значение в истории Русской Церкви и духовной литературы». Эта работа, в которой изучались сочинения Никифора Феотоки на греческом языке и привлекались зарубежные исследования, была весьма высоко оценена экстраординарным профессором по кафедре гомилетики Николаем Ивановичем Барсовым, известным духовным писателем и историком, который заключил свой лестный отзыв о диссертации такими словами: «Вообще обширное (500 страниц) сочинение г. Смирнова — труд весьма почтенный, плод самого добросовестного отношения и особенной любви к ученой (в данном случае весьма кропотливой) работе. По интересу содержания оно настолько ценно, что желательно было бы видеть его, после более тщательной обработки, в качестве диссертации магистерской»[5]. Константину Смирнову, окончившему академию пятнадцатым по списку (из 68-ми выпускников), была присуждена степень кандидата богословия с правом защиты магистерской диссертации без новых устных испытаний[6]. Уже в этой кандидатской работе, написанной по кафедре гомилетики, мы видим, как через интерес к искусству проповеди проявилось особое расположение будущего митрополита Кирилла к живому пастырскому слову. Кандидатская работа Константина Смирнова в числе других одиннадцати работ была удостоена почетного отзыва Совета академии[7].

В 80-е годы XIX столетия в стенах Санкт-Петербургской академии учились те, кому предстояло стать главными участниками трагической истории Русской Церкви XX века. За два года до окончания Константином Смирновым Духовной академии выпускником ее стал иеромонах Антоний (Храповицкий), будущий первоиерарх Русской Зарубежной Церкви. На курс младше Константина Смирнова учился Василий Белавин[8], будущий Святейший Патриарх Тихон. Наконец, в год, когда Константин Смирнов получил степень

Санкт-Петербургская Духовная академия

кандидата богословия, первый курс Петербургской Духовной академии 14-м по списку окончил студент Иван Страгородский, будущий заместитель патриаршего местоблюстителя, а позднее – Патриарх Московский и всея Руси Сергий. Обучение же в академии названных церковных деятелей происходило в инспекторство, а с 1887 года – ректорство Антония (Вадковского), будущего митрополита Петербургского, первоиерарха Русской Церкви, с именем которого связана история Русской Церкви начала XX века, в том числе и организация Предсоборного Присутствия 1906 года – события чрезвычайного для синодального периода.

Следует особо заметить, что влияние архимандрита Антония, который, уже в годы учебы в академии высоко оценил честного, прямодушного и талантливого студента Константина Смирнова, не ограничилось только академическим периодом жизни будущего святителя Кирилла. Вернее было бы сказать, что влияние это почти и не прекращалось вплоть до самой кончины митрополита Антония. Так, в 1887 году, после того как Константин Смирнов вступил в

законный брак с дочерью священника Петербургской епархии Ольгой Николаевной Азиатской, он был рукоположен во диакона (15 ноября), а затем во иерея (21 ноября 1887 года)[10] только что назначенным на должность ректора Санкт-Петербургской Духовной академии и незадолго до этого получившим архиерейскую хиротонию епископом Выборгским Антонием (Вадковским). Промысл Божий уготовлял этим двум славным иерархам Русской Церкви еще много знаменательных встреч. И позже мы вернемся к тому, что сближало и роднило этих двух служителей алтаря Господня.

21 ноября 1887 года от имени обер-прокурора Святейшего Синода последовало назначение иерея Константина Смирнова на место священника и законоучителя Елисаветпольской гимназии Кавказского учебного округа. Здесь отец Константин прослужил долгих семь лет. На этом месте сменил его другой будущий священномученик, выдающийся деятель Русской Православной Церкви — протоиерей Иоанн Восторгов, который также еще встретится нам в рассказе об урмийском периоде служения будущего митрополита Кирилла.

18 октября 1894 года последовало назначение иерея Константина настоятелем церкви при 2-й Петербургской гимназии с одновременным исполнением обязанностей в ней законоучителя. Гимназическая церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы была однопрестольным каменным храмом, устроенным в 1883 году попечением директора гимназии К. И. Смирнова (однофамильца отца Константина)[11]. Символично, что этот гимназический храм находился на Казанской улице (д. 27).

В период своего законоучительства во 2-й Петербургской гимназии отец Константин активно участвовал в общественно-церковной деятельности. В 1897 году он был избран членом епархиального Комитета Миссионерского общества, а в 1900 году привлечен к работе в подкомиссии по вопросу о надлежащей постановке преподавания Закона Божия в средних учебных заведениях Министерства народного просвещения[12].

В октябре 1900 года иерей Константин Смирнов был переведен на священническую вакансию к кронштадтской Свято-Троицкой кладбищенской церкви. Это был деревянный однопрестольный

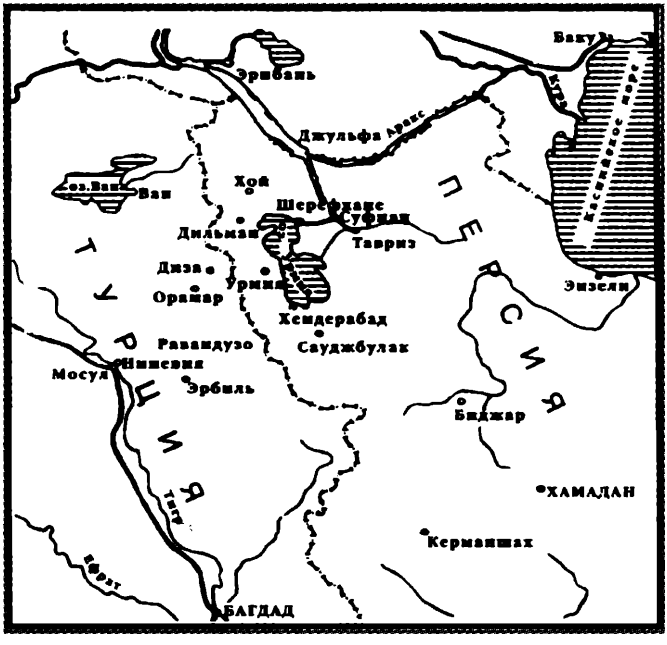
Святой праведный Иоанн Кронштадтский

храм, основанный еще в 1788 году (на средства купчихи Рыбниковой) и расширенный в 1865 году, коему по штату полагалось два священника.

Стороннему человеку, конечно, трудно понять, чем объясняется такой перевод священника с академическим образованием, прослужившего в гимназической церкви шесть лет, из столицы в Кронштадт, да еще к кладбищенской церкви, где священник получал всего 85 рублей 80 копеек в год[13] (против 400 рублей, полагавшихся настоятелю гимназического храма; правда, если в кладбищенской церкви жалование было согласно штату по Ведомству православного исповедания, то в гимназии сумма священнического оклада определялась Министерством народного просвещения). Некоторое объяснение видится нам в возможном желании самого отца Константина перебраться из шумной столицы на родину, в Кронштадт — город, где проживали все его родственники (в том числе и родная сестра). Все, конечно, так. Но, как нам представляется, единственным действительно решающим и внутренне убедительным фактором столь внешне «странного» решения отца Константина являлось желание быть ближе к духоносному пастырю — протоиерею Иоанну Кронштадтскому, с которым отца Константина связывали крепкие духовные узы. Затрудняемся сказать, когда именно возникла эта духовная дружба двух великих русских праведников, но, несомненно, именно ею объясняется переезд священника Константина Смирнова из стольного Петербурга в Кронштадт.

Несомненно, в этом был и Божий Промысл, так как именно с Кронштадтом, родиной отца Кирилла, станут связаны переломные моменты его жизни. Так, в Кронштадте отца Константина постигла семейная трагедия. Мучительной смертью внезапно умерла маленькая дочь Оля, случайно проглотившая иголку, а вскоре, от непереносимого горя отошла ко Господу и супруга отца Константина, тоже Ольга.

10 мая 1902 года, тяжело и долго переживавший потерю близких и дорогих его сердцу людей, иерей Константин Смирнов принимает монашеский постриг с именем Кирилл, в честь равноапостольного Кирилла, учителя Словенского[14], который, как известно, до монашества также носил имя Константин. Постриг был совер-



Карта северо-западной части Персии, где действовала Урмийская Миссия

шен в церкви Петербургской Духовной академии ректором академии епископом Ямбургским Сергием (Страгородским). В этом пострижении и в этом наречении было что-то символическое и отчасти даже прообразовательное, связанное с будущим миссионерским служением иеромонаха Кирилла.

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХИМАНДРИТА КИРИЛЛА В УРМИЙСКОЙ МИССИИ

В том же 1902 году иеромонах Кирилл был возведен в сан архимандрита и назначен начальником Урмийской[15] Духовной Миссии в Персии[16].

Здесь архимандриту Кириллу пришлось столкнуться со многими трудностями. Православной Миссии к моменту его назначения исполнилось всего только четыре года. Существовали проблемы

с властями, не хватало, конечно, и финансовых средств. Однако отец Кирилл с большим усердием взялся за налаживание духовной жизни Миссии, а также за устроение корпуса главного здания, дома для школы и служащих (строительство которых было завершено в 1905 году уже при новом начальнике Урмийской Миссии). Он сумел наладить переводческое и печатное дело при Миссии, организовать миссийскую школу, отстоять урмийские православные храмы от посягательств раскольников. Так кратко можно было бы описать урмийский период служения архимандрита Кирилла.

Но такая характеристика не способна дать даже приблизительное представление о том, сколь трудными и, одновременно, важными в жизни будущего святителя были эти два года его миссионерского служения, а потому постараемся представить более полное и подробное описание и предпошлем ему краткий экскурс в историю Урмийской Миссии.

В августе 1901 года против начальника православной Урмийской Духовной Миссии в Персии архимандрита Феофилакта (Клементьева) была развернута широкая кампания по дискредитации его и всей Русской Миссии. Кампания была развернута по инициативе некоторых бывших несториан, несколькими годами прежде принявших Православие, но искавших в последнем не истины религиозной веры, а политических или материальных выгод, и потому, обманувшись в своих расчетах, решивших поднять вопрос о бывшем «несторианском» имуществе (храмах и школах) под лозунгом нового возвращения к «древней религии» — несторианству. Политиканов поддерживали инославные Миссии (англиканская, американская и католическая), не жалевшие средств и сил на дискредитацию православной Миссии, поскольку, после ошеломляющего массового перехода урмийских несториан в 1898 году в Православие, ее влияние было весьма сильным. Поддержку оказывали и мусульманские власти, готовые, впрочем, поддержать любую силу, способную ослабить православное (а значит — русское) влияние. Между тем для значительной массы самих урмийских сирохалдеев (бывших несториан), в общем-то находившихся в удручающем нравственно-религиозном состоянии, очень часто вопрос

Епископ Туркестанский и Ташкентский
Софония (Сокольский)

об избрании конфессии был вопросом лишь большей или меньшей обеспеченности в случае принятия той или иной веры. Это облегчало действование инославных Миссий, не гнушавшихся подкупом, фальсификацией и публикацией клеветнических материалов для достижения главной своей цели — ослабления в Урмии позиций Православия.

На эту масштабную кампанию против Урмийской Миссии весьма болезненно отреагировало Министерство иностранных дел, преследовавшее свои интересы в Персии и вообще мало симпатизировавшее православным миссионерам в этом регионе. Достаточно сказать, что уже в 70-е годы XVIII века несторианский католикос желал стать союзником Грузии и России против Турции; в XIX веке, в результате победоносной войны России с Персией в 1827—1828 годах, урмийские ассирийцы-несториане чуть было не переселились всем народом на отошедшие России земли будущей Эриванской губернии. Однако осуществить это смогли лишь немногие, они-то и присоединились к Православию[17]. Только покровительство

такого мощного и влиятельного христианского государства, как Россия, могло спасти ассирийцев (айсор) от физического истребления их мусульманами. В 30-е, 40-е, 50-е годы XIX века со стороны несториан делались многочисленные попытки через Российское посольство в Тегеране или Генеральное Консульство в Тавризе, через Наместника императора на Кавказе (в Тифлисе) или Святейший Синод добиться помощи влиятельного соседа путем осуществления религиозно-политического единения с Россией. Но этому препятствовало Министерство иностранных дел, пока, наконец, на Восток — по согласованию с авторитетными в «восточных делах» русскими иерархами митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым) и епископом Тамбовским Феофаном (Говоровым) — не был направлен архимандрит Софония (Сокольский). За две свои поездки 1861—1862 годов архимандрит Софония представил в Святейший Синод обстоятельный отчет, дополненный подписями епископов, духовенства и старейшин всей Урмийской области, а кроме того — патриарха и епископов турецких территорий. Из отчета следовало, что ассирийцы желали присоединиться к Православию. Но опять вмешались дипломатические соображения могущественного министерства, и несторианский вопрос был отложен. В течение следующих тридцати лет со стороны несториан предпринимались неоднократные попытки присоединиться к Православию. Некоторым удавалось при посещении России принимать Православие. В Тифлис и Петербург приезжал несторианский епископ Мар-Гавриил, желавший принять Православие и убитый курдами в 1896 году на пути в Урмию. Но главным представителем движения за присоединение к Православию в самой Урмии в 90-е годы XIX века стал епископ Мар-Иона (он же — Мар-Ионан). После очередного коллективного обращения несторианского духовенства в Святейший Синод, в 1897 году в Урмию были направлены два миссионера: настоятель Эриванского собора священник Виктор Синадский и приходской священник из православных ассирийских селений близ Эривани Симон Алаверанов. То ликование и те выражения надежды, с какими были встречены эти два священника в Урмии, заставили Святейший Синод решиться на более конкретные шаги. Указом Святейшего Синода от 17/21 марта 1898 года за

№ 1017 (после согласования этого указа с Министерством иностранных дел, вынужденного уступить давлению Синода и русской общественности) было принято решение об удовлетворении прошения епископа Мар-Ионана и его паствы о воссоединении их с Православной Церковью[18].

Вопросом о чиноприеме несториан много занимался профессор Санкт-Петербургской Духовной академии В. В. Болотов. Еще ранее (в 1860—1880 годы) по этому же вопросу высказывались митрополит Московский Филарет (Дроздов), архиепископ Иркутский Вениамин (Благонравов), экзарх Грузии архиепископ Павел (Лебедев) и др. Причем, по мнению святителя Филарета, несториан следовало принимать через 2-й чин — миропомазание. Другие иерархи высказывались за 3-й чин приема — через отречение от ереси (без совершения над несторианами миропомазания).

Профессор Болотов, проведя подробный историко-канонический и литургический анализ, доказал, что несториан Церковь принимала через покаяние, с принятием действительности несторианского крещения, миропомазания и священства. Этим же выдающимся ученым был составлен чин присоединения к Православию несториан, отредактированы «Акт» о присоединении несториан и «Деяние» Святейшего Синода по этому же вопросу. Свой «Доказательный тезис» Болотов завершал такими пророческими словами: «Сравнительно с 1861-м годом, ныне пред дверьми Православной Церкви стоит только малое стадо: вместо 40 000 только 9 783 души. «Эти айсоры» и армяногрегориане нуждаются не в обращении, а в церковном общении. Почти бессознательно теснятся они к Великой России, в общении с нею ища спасения своему восточному народному духу, которому грозят разрушительные западные влияния. Подле Миссий американских неослабно работает опытная римская пропаганда, уже своими халдеями-униатами связанная с урмийскими айсорами; она силится привлечь к себе эту народность, благодетельствуя ей посредством печатного станка, приходя к ней с дарами многоценными — в виде древнеотеческих творений на сирском языке. Является на этом поле действия и Миссия от архиепископа Кентерберийского. Что будет по сих? Не в последний ли раз айсоры толкут в двери Православной Церкви?

И, отсрочив воссоединение этого народа еще раз, не отлагаем ли мы это дело уже навсегда?»[19]

Несмотря на предпринятые в конце XIX века меры, опасения Болотова, увы, сбылись. События Первой мировой войны и последовавшие потрясения 1917 года перечеркнули все усилия созданной в 1898 году Урмийской Духовной Миссии. Значительная часть православных айсор будет физически истреблена мусульманами, другая — подпадет под влияние англикан и католиков.

Но это произойдет двумя десятилетиями позже. А пока, в марте 1898 года, в Петербурге, в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, в Троицком соборе Александро-Невской лавры было совершено торжество присоединения к Православию епископа Мар-Ионана, а также трех священников и диакона, входивших в урмийскую делегацию. Заведующим, а затем и начальником Российской Православной Миссии в Урмии был назначен иеромонах (с 1900 года — архимандрит) Феофилакт (Клементьев)[20]. Именно против него очень скоро ополчились инославные Миссии, обвинившие его в пьянстве и небрежном заведовании урмийскими школами. Обвинения инославных были поддержаны и интригами двух членов Миссии — иеромонахов Тихона и Анатолия, настроенных против отца Феофилакта. Этой клевете как-то очень скоро поверили в Тавризе и в Министерстве иностранных дел. Так что 4 октября 1901 года за грифом «секретно» К. П. Победоносцеву от министра иностранных дел было направлено особое письмо с настоятельным уверением, что сам граф Ламздорф (министр иностранных дел) для «радикального искоренения возможного зла» не видит иного средства, как «полное обновление личного состава православной духовной Миссии в Урмии, с поставлением во главе ее лица строгих правил и безукоризненного поведения»[21].

В тот же день, 4 октября, Победоносцев, получивший письмо от графа В. Н. Ламздорфа, собственноручно написал и отправил письмо, в котором, между прочим, справедливо замечал: «При крайнем затруднении узнать истину чрез заинтересованных лиц в иноязычном крае, командировано туда вполне разумное и благонадежное лицо из Тифлиса, тамошний окружной наблюдатель школ, протоиерей Восторгов. Сегодня мы получили от него прилагаемую при

сем в копии телеграмму, решительно опровергающую все имевшиеся до сих пор сведения». Протоиерей Иоанн Восторгов был как раз тем священником, который вступил на место законоучителя Елисаветпольской гимназии после перевода отца Константина Смирнова в Петербург. Спустя столько лет этим двум будущим новомученикам Русской Церкви Господь готовил встречу на Урмийской земле.

Протоиерей Иоанн Восторгов в своей телеграмме от 3 октября 1901 года сообщал, что опросил 132 человека и посетил пять селений: «Епископ Иона, клир, паства просят возвращения Феофилакта [и] Вячеслава. Обвинения против них построены [на] гнусных интригах [иеромонахов] Тихона и Анатолия, которые успели внести заблуждение [и в] Консульство. Школы, несомненно, существуют [числом] до 60. Не нахожу слов, [чтобы] достойно осудить поведение Тихона и Анатолия, возмутившихся против епископа и архимандрита. Необходимо хоть на время возвратить [в] Урмию Феофилакта [и] Вячеслава. Без Феофилакта остановятся школы, произойдет невообразимая путаница денежных счетов, Вячеслав незаменим при постройках»[22]. Однако граф Ламздорф своим письмом от 29 сентября 1901 года вновь настаивал на необходимости «отозвания всего личного состава Миссии и назначении новых ее членов».

Но Синод, рассмотрев ревизионный отчет протоиерея Иоанна Восторгова (за который отец Иоанн был награжден даже крестом из Кабинета Его Величества)[23], явно в противовес мнению Российского МИДа, своим определением от 21 декабря 1901 (15 января 1902) года постановляет: «Признать о. Феофилакта и монаха Вячеслава невиновными в приписываемых им проступках, возвратить их в г. Урмию», о чем и довести до сведения министерства. Недовольный подобным решением Синода, граф Ламздорф 13 февраля 1902 года «доверительным письмом» Победоносцеву подтверждает неизменность позиции своего ведомства: «Цели, преследуемые нами в Урмии, едва ли могут быть достигнуты с помощью людей, быть может, и невиновных в приписываемых им поступках, но репутация коих, во всяком случае, сильно пострадала в глазах местных властей и населения»[24]. И Синод вынужден был уступить давлению МИДа.

Необходимо было изыскивать другого кандидата на должность начальника Миссии. И тогда митрополит Антоний (Вадковский) предложил кандидатуру вдового священника Константина Смирнова, подавшего прошение о пострижении его в монашество. Святейший Синод своим определением от 4 апреля 1902 года назначил архимандрита Феофилакта настоятелем Козловского Троицкого третьеклассного монастыря в Тамбовской епархии, а также просил К. П. Победоносцева выяснить, не встречается ли со стороны Министерства иностранных дел препятствий к назначению на должность начальника Урмийской Миссии священника Константина Смирнова (по пострижении его в монашество)[25].

Выписку из этого определения Победоносцев уже на следующий день, то есть 5 апреля 1902 года, направил графу Ламздорфу вместе с «доверительным» письмом, где между прочим писал: «Первенствующий Член Святейшего Синода Высокопреосвященнейший Антоний, митрополит С.-Петербургский, озабочиваясь избранием на должность начальника названной Миссии лица, способного по своему образованию и нравственным качествам упорядочить дела Миссии, остановил свое внимание на лично ему известном священнике кладбищенской церкви в г. Кронштадте Константине Смирнове. Кандидат богословия С.-Петербургской Духовной академии, бывший законоучитель С.-Петербургской второй классической гимназии о. Константин Смирнов известен как талантливый проповедник и является одним из лучших представителей клира С.-Петербургской епархии. В текущем апреле о. Константин Смирнов принимает монашество и имеет быть возведен в сан архимандрита. В его лице Урмийская Миссия приобретет начальника с твердым религиозно-нравственным настроением, просвещенного, учительного и вполне способного управлять делами Миссии. Сообщая о сем Вашему Сиятельству, имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, об уведомлении, не встречается ли со стороны Министерства иностранных дел каких-либо препятствий к назначению помянутого священнослужителя на должность начальника Урмийской Миссии»[26]. Министерство таковых препятствий не усмотрело.

Архимандрит Кирилл (Смирнов),
начальник Урмийской Духовной Миссии в 1902 – 1904 годах

Так отец Константин был пострижен в монашество, возведен в сан архимандрита и назначен начальником Миссии.

Ознакомившись с делами Миссии, архимандрит Кирилл набрал новый ее состав. Иеромонахи Тихон и Анатолий были уволены от должностей членов Урмийской Миссии, и скоро оба сняли с себя сан. Прежнее синодальное решение о приеме на службу в Миссию бывшего католического священника Давида было отменено по настоянию архимандрита Кирилла. Из прежнего состава Миссии остались только диакон Михаил Саркисов и псаломщик Василий Мамонтов (Мамот); новыми членами Миссии стали окончивший Санкт-Петербургскую Духовную академию иеромонах Сергий (Лавров)[27], кандидат богословия Казанской Духовной академии православный сириец Иоанн Иванов и заштатный псаломщик Таврической епархии Агафангел Тихонов, рукоположенный во диакона[28].

...Архимандрит Кирилл и новые члены Миссии, назначенные особым распоряжением Святейшего Синода, отбывали из Петербурга. После тихого приходского служения иерею Константину, теперь уже — архимандриту Кириллу, предстояло окунуться в мир большой восточной политики и мелкого восточного интриганства — мир, где сталкивались интересы империй и где судьба несториан-айсор, принявших Православие, оказалась на два десятилетия в эпицентре политических событий. Едва ли и сам архимандрит Кирилл представлял все те трудности, с которыми ему предстояло столкнуться в Урмии. Но архимандрита Кирилла ободряло то, что митрополит Антоний, благословляя его на это трудное миссионерское служение, просил письменно[29] сообщать о ходе дел Урмийской Миссии, и, в случае необходимости, обращаться за помощью непосредственно к нему. Такое высокое покровительство и доверие, конечно же, ко многому обязывали. И архимандрит Кирилл, как показали все дальнейший события, оказался достоин и этого покровительства, и этого доверия.

19 августа архимандрит Кирилл и новые члены Миссии прибыли из Петербурга в Тавриз, где были с почетом встречены русским генеральным консулом и чиновником от азербайджанского каргузара, который выслал навстречу начальнику Урмийской Миссии свой экипаж. После приема у каргузара, архимандрит Кирилл был

представлен наследнику персидского престола, а затем приглашен в Немет-Абад — летнюю резиденцию Русского генерального консульства. Архимандрит Кирилл сумел сразу же расположить к себе консула, что впоследствии способствовало успешной защите прав Миссии перед персидским правительством.

«Обоюдный между нами обмен взглядами на миссионерскую деятельность нашей духовной Миссии среди персидских сирохалдеев,— докладывал генеральный консул в Тавризе Похитонов министру иностранных дел в своем письме от 7 сентября 1902 года,— выяснил полнейшее единство таковых (взглядов), а именно: не смешивать чисто духовного с политическим и внушать присоединившимся и желающим присоединиться к Православию, что кроме духовной и нравственной поддержки, они не должны рассчитывать на вмешательство нашей духовной Миссии в дела, имеющие какое бы то ни было отношение к их подданническим обязанностям».

Идею эту архимандрит Кирилл не преминул объявить и в своем приветствии, обращенном к православным сирохалдеям (среди которых находились и русскоподданные мусульмане), собравшимся на первое благодарственное молебствие, отслуженное новым начальником Миссии тотчас же по прибытию в Урмию, 26 августа (из Тавриза архимандрит Кирилл отбыл 22 августа).

В своем приветствии архимандрит Кирилл сказал: *«Освятивши молитвою своей первый момент пребывания в Урмии, мы, тем самым, свидетельствуем населению, что ни для какого-либо другого, как для чисто духовного молитвенного дела прибыли мы в Урмию. Служение наше есть служение только Богу и Его истине, и потому ищущие этой истины могут всегда требовать от нас наставления и молитвенного руководства, но все, что стоит вне Церкви и ее интересов, не может и не будет подлежать кругу деятельности нашей Миссии»*[30].

Как формулировал впоследствии архимандрит Кирилл, задачи своей деятельности Миссия видела, во-первых, в долге священнослужения, во-вторых, в деле обучения новообращенных, в-третьих, в деле благотворения, как по отношению ко всему православно-сирийскому народу, так и к его духовенству[31]. Именно в этих направлениях и развивала свою деятельность Урмийская Миссия.

Кроме того что были приложены все силы к скорейшему завершению строительства в г. Урмии храма святителя Николая Чудотворца и ремонта почитаемой сирийцами церкви Мар-Мариам, членам Миссии архимандритом Кириллом были вменены в обязанность постоянные объезды с богослужебными целями горных сел Урмийской епархии. Такие же командировки предпринимали и сирийские священники, приписанные к церкви Мар-Мариам.

Для обучения малограмотного, в подавляющей своей части, сирийского духовенства, представители оного вызывались в Миссию сроком до десяти дней, причем Миссия выплачивала таковым ежедневное пособие (1 р. 30 коп. в день), что в год составило значительную для Миссии сумму в 934 рубля.

Однако богослужения должны были совершаться на понятном для ассирийцев языке, и потому с первых же месяцев своего пребывания в Урмии архимандрит Кирилл озаботился переводом богослужебных книг.

Для обсуждения этого вопроса 26 сентября 1902 года было созвано в городской церкви святителя Николая общее собрание всего духовенства епархии. Так как разговорный язык представлял собой только искаженный древнесирийский, то собрание почти единогласно высказалось за перевод богослужебных книг на язык древний, освященный уже исконным употреблением в богослужении. Тут же на собрании была избрана комиссия из трех священников и трех диаконов, которая 3 октября 1902 года, под председательством архимандрита Кирилла и при участии его помощника иеромонаха Сергия, приступила к переводческому труду, который был благословлен и самим митрополитом Антонием[32].

8 ноября 1902 года архимандрит Кирилл писал высокопреосвященному Антонию о том, с какими трудностями столкнулась Урмийская Миссия при рассмотрении имевшихся к тому времени богослужебных книг, переведенных и изданных англиканской и американской Миссиями: *«Занятый массою других дел, я очень задерживаюсь в изучении местного языка и не успел еще ознакомиться со всеми изданиями, выпущенными англиканскою и американскою Миссиями для воспитания и просвещения народа. Впрочем, американцы нисколько не скрывают чисто конфессионального ха-*

рактера своей здесь деятельности; но для суждения об изданиях англикан мне необходимо будет сравнить их печатные церковные издания с рукописными несторианскими первоисточниками. Тогда придется, может быть, убедиться, что несторианства, как вероисповедания с определенною физиономиею, давным-давно уже не существует, а есть люди, называющие себя несторианами, помнящие несторианскую обрядность, но верящие и думающие так, как научили их верить и думать англиканские миссионеры посредством своих печатных изданий; а другие ничего не думают и ничему не верят, потому что их никто и ничему не научил»[33].

Подобное предположение архимандрита Кирилла, как показала будущая проверка англиканских и американских изданий, не было лишено оснований, тем более что невежественность и малограмотность айсор открывала обширное поле для злоупотреблений инославными Миссиями доверчивостью сирийцев.

«Не забудем,— писал архимандрит Кирилл в том же письме митрополиту Антонию,— *что англикане появились здесь около того времени, в которое исполнял данное ему относительно сирохалдеев поручение приснопамятный архимандрит Софония, впоследствии епископ Туркестанский. О тогдашнем сирохалдейском духовенстве Софония говорит, между прочим, что искусство разбирать богослужебную книгу является среди духовенства признаком высокой степени образованности. Как легко было при такой обстановке людям предприимчивым и умным произвести незаметную для посторонних зрителей, но тем не менее полную реформу религиозного миросозерцания целой народности»*[34].

Все это потребовало тщательной работы не только по переводу богослужебных книг, но и по ревизии тех богослужебных текстов, которыми пользовалось сирийское духовенство до сих пор.

Первым плодом переводческой деятельности вновь учрежденной комиссии явился сборник ежедневных молитв, отпечатанный в количестве двух тысяч экземпляров. Затем к апрелю 1903 года был завершен перевод чина литургии святителя Иоанна Златоуста. Этот труд был представлен на рассмотрение и утверждение Святейшего Синода. После незначительных правок этого перевода рецензентами (профессорами Санкт-Петербургской Духовной академии

И. Г. Троицким и Санкт-Петербургского Императорского университета П. К. Коковцевым), перевод был одобрен к печатанию и богослужебному использованию. Миссии же было предоставлено право печатать свои богослужебно-переводческие труды без предварительного представления их в Петербург на цензуру. Кроме этого, комиссия за период с октября 1902 по май 1903 года успела перевести последование вечерни и утрени по Часослову и Служебнику, воскресные песнопения Октоиха 1-го и 2-го гласов, службы праздников Рождества Христова и Пасхи, последование Спасительных Страстей Христовых, чин диаконской и пресвитерской хиротонии и отдельные богослужебные песнопения. Был также осуществлен перевод на новый сирийский язык Деяния Святейшего Синода об открытии честных мощей преподобного Серафима Саровского[35].

Такая обильная переводческая деятельность, конечно же, не могла осуществляться вполне успешно без наличия собственной типографии. Пользоваться услугами типографий инославных Миссий значило ставить себя в несколько двусмысленную зависимость от англикан, протестантов или католиков. Печатный станок и русский шрифт Миссия приобрела еще в бытность архимандрита Феофилакта, но все это типографское оборудование стояло в неразобранном состоянии. Кроме запуска самой типографии, надо было срочно приобрести сирийский шрифт для печатания богослужебных книг на древнесирийском языке.

Архимандрит Кирилл, предвидя все эти сложности, еще в августе 1902 года дальновидно заказал тифлисскому словолитчику Мадеру 25 пудов сирийского шрифта. Однако следовало дать образцы, для чего православная Миссия вынуждена была пользоваться услугами американской пресвитерианской Миссии, заказав ей, кроме того, еще и изготовление 25 пудов сирийского шрифта крупного размера[36].

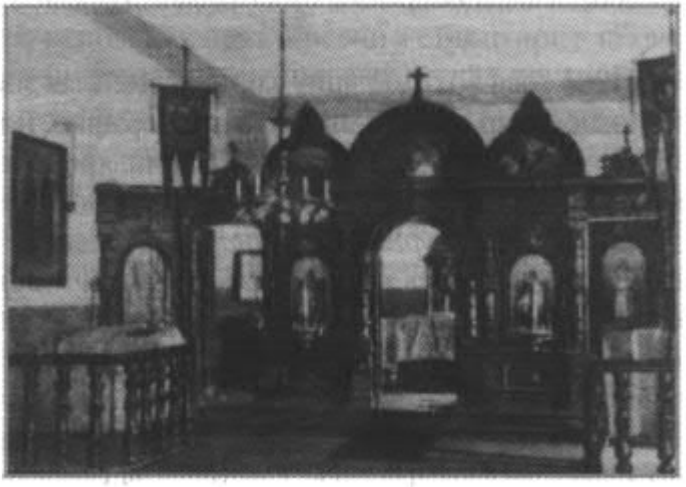
К середине 1903 года типография уже начала работать в полную мощность. Помимо богослужебной литературы, переведенной с церковно-славянского языка на древнесирийский, издавалась литература и на современном сирийском языке, например, «Начатки христианско-православного учения» святителя Филарета Московского (в переводе иеромонаха Сергия), послания епископа Мар-

Ионана с каноническими разъяснениями по церковно-богослужебным вопросам и вопросам приходской практики и многое другое[37].

В апреле 1903 года архимандрит Кирилл, высылая митрополиту Антонию экземпляр отпечатанной в типографии Пасхальной службы, переведенной при Миссии, и 20 экземпляров Символа веры на древнесирийском языке, сопровождал эту посылку следующими словами: *«В Петербургской семинарии и училище духовном есть ученики сирийцы; быть может, Вы найдете нужным раздать им эти экземпляры Символа веры»*[38]. Будучи в Урмии и наблюдая за состоянием сирийского духовенства, архимандрит Кирилл уже думал о тех айсорах, воспитанниках русских духовных школ, что спустя некоторое время окажутся в пределах своего отечества и будут поставлены перед необходимостью совершения богослужения на древнесирийском языке. Потому следовало уже в студенческие годы приучить будущих пастырей к осознанию собственной ответственности за будущее миссионерского дела и пониманию необходимости усердного изучения древнесирийского языка.

Деятельность Русской Духовной Миссии постоянно сталкивалась с плодами деятельности инославных Миссий, особенно англиканской, во главе которой стоял англиканский пастор мистер Парри. Архимандрит Кирилл очень быстро понял, кто стоял за организацией выдворения архимандрита Феофилакта и дискредитацией в глазах властей и верующих православной Миссии. *«Я знаю, владыко,* — писал архимандрит Кирилл митрополиту Антонию,— *что в Петербурге мистер Парри — persona grata, и о Миссии англиканской там существует самое лестное мнение; но если я решаюсь говорить отсюда нечто противоположное, то потому, что местные впечатления не дают мне возможности говорить иначе. На мой взгляд, англиканская Миссия здесь представляет собою какое-то очень подозрительное предприятие».*

И действительно, печатно и устно мистер Парри заверял всех, что руководимая им Миссия не преследует целей прозелитизма, в то время как в действительности все было совершенно иначе. Сами способы деятельности англиканской Миссии были неприемлемы и



Внутренний вид домовой церкви при Миссии в Урмии

зазорны для архимандрита Кирилла, который долго отказывался верить, что подобное возможно среди христиан.

«Уведомляя, например, архиепископа Кентерберийского о прибытии русских миссионеров в Урмию и о том народном порыве к Православию, которым все тогда были здесь поражены, мистер Парри называет несторианство вредною ересью; между тем вся деятельность англиканской Миссии в прошлом была, по-видимому, направлена на сохранение и поддержание этой ереси. Миссия напечатала богослужебные книги несториан и снабдила ими все церкви; джентльмены, как бы то ни было считающие себя священниками известного исповедания, ничтоже сумняся, обучали сирохалдеев несторианскому богослужению и не перестают уверять, что у них одно только желание, чтобы ученики их остались несторианами».

Архимандрита Кирилла поражало то лицемерие, которым была исполнена вся деятельность англикан, поддерживавших все, что как-либо способствовало ослаблению православного влияния на

умы сирийцев, даже если в результате этого влияния сирийцы могли из Православия вновь возвратиться в несторианство: *«Всякий объявивший себя несторианином сейчас же может рассчитывать на самое деятельное покровительство богатой и сильной англиканской Миссии, что подтвердилось на известном Вам священнике Георгии Беджанове. Нет нужды, что при первом свидании со мною мистер Парри отозвался об этом священнике как о последнем негодяе: он переродился для англикан в самого достойного человека, лишь только заявил о своем разрыве с Православием. И если бы Мар-Ионан решился теперь открыто изменить Православию, то мы были бы, несомненно, свидетелями, с какою любовью и благодарностью облобызал бы мистер Парри десницу столь ненавистного ему епископа».*

Впрочем, при всем этом, в первой же своей беседе с членами православной Миссии *«мистер Парри обмолвился, что Миссия англиканская за все время своего существования считала для себя таким же священным долгом борьбу с американским пресвитерианизмом, как и с самим несторианством». «Итак,* — резюмировал начальник православной Миссии,— *целей прозелитизма не преследовали, а уничтожением несторианства были весьма озабочены».*

Иногда создавалось впечатление, что англиканская Миссия — учреждение далеко не религиозного характера, поскольку благодаря своей финансовой обеспеченности оно «покупало» благорасположение восточных правителей и услуги персидских чиновников. *«Внутри, за стенами этой Миссии, всегда знают сколько, например, покупает винограду католическая Миссия для приготовления «винного уксуса»* к столу, и сколько «бочек» такого уксуса она изготовляет, — констатировал общеизвестный, видимо, в Урмии факт архимандрит Кирилл, — *там заранее знают, куда собирается ехать начальник Миссии Русской, что подавалось у него к столу; сколько и откуда велел он приобрести грамматик сирийского языка и т. д. Я не уверен, что даже беседа наша с о. Сергием за вечерним чаем не подвергается ловкому подслушиванию агентов мистера Парри, или что это письмо не поступит к нему для прочтения прежде, чем будет запаковано в почтовый мешок».*

Вот и удаление архимандрита Феофилакта является тоже одной из интриг англиканского священника: *«Мистер Парри хорошо осведомлен, что в России ничему так охотно не верят, как пьянству своих монахов, и желавший угодить мистеру доктор Даниил, приглашенный к заболевшему желудочными припадками архимандриту Феофилакту, легко мог симулировать в больном припадки белой горячки. Недаром же этот милый эскулап ставил свой бланк на пасквильном дневнике иеромонаха Анатолия»*[39].

Газетные статьи, очерняющие Русскую Миссию, были организованы все тем же мистером Парри, чего, как оказывается, никто и не собирался скрывать. Самое печальное, что в этом участвовали сами сирийцы из числа бывших воспитанников академии: *«Мелик-Давид, недавний слушатель нашей Духовной академии, но искренний друг мистера Парри, рекомендующий, впрочем, себя приверженцем националистической несторианской партии, не скрывает, что писал намеренно ложные сообщения в газеты, так как ему казалось, что начальник Русской Миссии слишком мало делает для народа. Немалое содействие в данном случае, по редактированию статей и помещению их в газеты, оказывал Мелик-Давиду студент нашей академии кавказский халдей Симонов. Говорю это на основании собственного письма Симонова к Давиду, переданного мне о. Восторговым вместе с другими документами, но не знаю, как попавшего в руки о. Восторгова. Судя по этому письму, г. Симонов, как и брат его — Авраам, ныне помощник инспектора Тифлисской семинарии, очень враждебно настроен к Русской Миссии в Урмии»*[40].

Судя по этому последнему сообщению, становится понятным и столь поспешное отсоединение Грузинской Православной Церкви от Русской в 1917 году, и тот страшный разгул национализма среди грузинского духовенства и мирян, который имел место и до событий 1917 года, когда стреляли (и убивали) православных иерархов, не угодных, кажется, не столько методами своего управления, сколько своей национальностью.

Но не одна только англиканская Миссия действовала в Урмии. Католическая миссия была представлена в этом крае орденом лазаристов. *«От прозелитов требуется только признание папы главою*

Церкви, — писал архимандрит Кирилл в феврале 1903 года митрополиту Антонию. — *При печатании богослужебных сирийских книг, содержащих изменяемые молитвословия годичного круга, между сирийскими древними восследованиями вставлена нарочито переведенная на древний сирийский язык служба на праздник в честь «Непорочного зачатия», в честь «Тела Христова» и т. п.».* В католических приходах в качестве священников состояли природные сирийцы, но воспитанные при Миссии, причем в очень строгих правилах. *«Воспитанник,* — замечал архимандрит Кирилл,— *в продолжение десяти лет не отпускается из коллегии к своим родным и отшлифовывается в довольно типичного католического ксендза, только не бреющего бороды. Каждый священник сельский получает около 12 рублей месячного жалования и 50 коп. за каждую совершенную мессу»*[41].

Общее нравственно-религиозное состояние айсор было чрезвычайно печальным. Православное сознание их было размыто разрушительной деятельностью инославных Миссий, чувство самосохранения в иноверной мусульманской среде диктовало тактику бессловесного выживания. Критерии христианской морали становились понятиями слишком беспредметными, чтобы разговор о них с сирийцами мог привести к каким-либо благим результатам.

Видя, как друг перед другом наперебой хлопочут инославные миссионеры, чтобы приобрести большее число сирийцев в свое исповедание, для чего постоянно набавляют плату за принадлежность к своей Миссии, сирохалдеи быстро смекнули выгоду своего положения. Каждый из них стал смотреть на себя как на владельца очень ходкого товара, которым торговал направо и налево. *«Сегодня,* — с горечью писал архимандрит Кирилл митрополиту Антонию о таких сирийцах,— *он был англиканином, завтра пресвитерианином, через день католиком, в существе же своем — религиозною окаменелостию, которую только по недоразумению признают еще живым организмом. Оживут ли кости сии, то ведомо одному Господу и лежит в руках Его неисчерпаемого милосердия. Я верю, что Господь именно Русской Церкви судил вдохнуть душу живу в эту сиро-халдейскую мумию, но поскольку всесовершающая благодать Его действует через людей и до известной степени даже*

под условием их внутреннего достоинства и усердия, то необходимо предполагать здесь весьма продолжительную и ожесточенную борьбу с князем мира сего. Я не смею утверждать, что огнь борьбы сей уже возгорелся, но зарево его уже видится»[42].

Это видимое наиболее славными и достойными русскими людьми «зарево» мирового пожара разгорится спустя каких-нибудь пятнадцать лет в катастрофу, неведомую прежде человечеству,— катастрофу всеобщего отпадения от Церкви, осознанного богоборчества и клятвопреступления, катастрофу невиданных прежде массовых смертоубийств, катастрофу, не национальную только — русскую, но и мировую. Ибо в XX веке не один только народ русский был увлечен в погибельный круговорот греха и страстей. Это увиденное архимандритом Кириллом, в трезвенной чистоте внутреннего духовного зрения, зарево будущей борьбы, действительно оказалось заревом борьбы Бога и князя мира сего, где полем битвы по-прежнему были сердца человеческие. Сколько же надлежало иметь духовного опыта, чтобы в трагическом положении одного небольшого народа прозреть будущие трагедии целых наций.

Как уже говорилось, служение православной духовной Миссии проходило в обстановке тотальной слежки. Вскоре по прибытию в Урмию архимандриту Кириллу пришлось сделать для себя печальное открытие, что почта Миссии вскрывается. Так, пакет на имя начальника Миссии с важными документами и деньгами поступил в распечатанном виде. По уверению почтового начальника, пакет «распался» по причине трения о деньги, с которыми он был положен.

«Этот рассказ о деньгах, протирающих пакеты,— не без иронии писал архимандрит Кирилл митрополиту Антонию в своем письме 19 ноября 1902 года,— *не лишен иносказательной откровенности. Несомненно, пакет протерся от денег, но не в почтовом только мешке, а в англиканской Миссии, для которой сняты, надо думать, точные копии со всех находившихся в пакете документов услужливым другом мистера Парри, русским эмигрантом из армян Нухинского уезда, занимающим здесь положение секретаря почтового директора и неофициального цензора всякой плохо запечатанной бумаги. В стране постоянного подслушивания, подгляды-*

вания, сплетен, подкупов и т. п. прелестей знакомство с таким господином никого не может шокировать, и его не только принимают — за ним ухаживают представители инославных Миссий. Об этом неприятном случае с пакетом я буду писать Тавризскому консулу, но и Конторе Синодальной следовало бы обнаруживать большую догадливость и помнить пословицу «плохо не клади, в соблазн вора не вводи»[43].

Эта история со вскрытым пакетом, отвлечение работников Миссии на командировку в Турцию, к тамошним айсорам, тогда как и в Персии работы было чрезвычайно много (Грузинская синодальная контора в данном случае просто переложила ответственность с собственных плеч на плечи неокрепшей еще Урмийской Миссии), и, наконец, вообще в некотором роде печально-пренебрежительное отношение Грузинской синодальной конторы к Миссии побудили архимандрита Кирилла ходатайствовать перед митрополитом Антонием об изменении не вполне нормального административного подчинения Миссии.

Дело в том, что еще по прибытии своем в августе 1902 года в Тифлис архимандрит Кирилл убедился, что и высокопреосвященнейший экзарх, и все члены Грузино-Имеретинской синодальной конторы, за исключением отсутствовавшего в то время протоиерея Иоанна Восторгова, признавали совершенно чуждым для себя дело Урмийской Миссии и тяготились им. Тем более, что все другие православные Миссии находились в непосредственном подчинении Святейшему Синоду, и только Урмийская Миссия была поставлена в такое несколько неестественное административное положение. Тогда же архиепископ Алексий (Опоцкий), экзарх Грузии, обещал архимандриту Кириллу ходатайствовать перед Святейшим Синодом о подчинении Урмийской Миссии непосредственному синодальному ведению. Однако такого ходатайства не последовало, и Урмийская Миссия вынуждена было по всем своим вопросам обращаться в Грузинскую синодальную контору, которая только и обладала непосредственным правом представления интересов Миссии перед Святейшим Синодом. Это очень затрудняло решение задач, поставленных перед Урмийской Миссией и требующих, в большинстве случаев, быстрого административного указания. Послед-

него-то Грузинская контора никак не могла обеспечить. История с пакетом стала дополнительным мотивом к обращению архимандрита Кирилла за отеческим советом и с просьбой о помощи к митрополиту Антонию.

«Единственно надежный путь доставки сюда важной казенной корреспонденции,— писал архимандрит Кирилл высокопреосвященнейшему Антонию,— *через Министерство иностранных дел. Тогда пакет приходит ко мне в холщовом конверте за консульской сургучной печатью и с обратной почтовой распиской. В этом тоже одно из оснований получать нам распоряжения прямо из Петербурга, а не из Тифлиса, в котором даже адрес наш забыли и надписывают пакеты «через Баку в Тавриз»*[44].

Просьба архимандрита Кирилла была удовлетворена. Митрополит Антоний представил Святейшему Синоду действительное положение дел, и в административную подчиненность Миссии было внесено существенное и столь желательное для самой Миссии изменение. 20 февраля 1903 года последовал указ Святейшего Синода, в котором, между прочим, говорилось: «Имея в виду, что Урмийская Миссия в первые годы учреждения ее была подчинена Грузино-Имеретинской Синодальной конторе для скорейшего устроения ее, в настоящее же время эта Миссия вполне организована, Святейший Синод признал необходимым предписать начальнику Миссии производить все сношения со Святейшим Синодом через Первенствующего члена Святейшего Синода, входя к оному с донесениями и представлениями»[45].

Это важное изменение в жизни Урмийской Миссии, осуществленное благодаря инициативе архимандрита Кирилла, позволило изменить урмийскую ситуацию в лучшую сторону. Теперь Миссия уже официально имела в лице митрополита Антония могущественного покровителя. Таким образом, не только поднялся статус Миссии, но и возрос ее авторитет в глазах урмийцев, причем даже и не православных. Многие из персидских чиновников уже опасались прямо противодействовать Миссии.

Не стоит при этом упрощать той сложности обстоятельств, в каковых приходилось развивать свою деятельность православным миссионерам. Мусульманское окружение Миссии не давало ей спо-

койной жизни. 13 января 1903 года было совершено покушение на жизнь сирийского священника Александра (из селения Энгиджа), шедшего в город в сопровождении двух прихожан. Недалеко от селения Чамаки священника встретил вооруженный ружьем и кинжалом мусульманин, который остановился напротив отца Александра и начал вкладывать патрон для выстрела. Предвидя беду, священник начал вырывать ружье у разбойника, призывая на помощь двух впереди идущих своих спутников. Тогда мусульманин бросился на священника с кинжалом и нанес ему две раны. Подоспевшие на помощь защитили раненого от дальнейшей расправы.

Архимандрит Кирилл, узнав об этом событии, навестил пострадавшего. Выяснилось, что совершил нападение слуга энгиджайского помещика. *«Связывать с настоящим случаем имя энгиджайского помещика,*— писал архимандрит Кирилл Российскому генеральному консулу в Азербайджане,— *есть очень понятные побуждения, так как еще не забылось недавнее насилие, учиненное этим помещиком над о. Александром. Помещик этот очень избил о. Александра и, как состоящий на службе у Меджи-Салтанэ, был наказан тем, что должен был в присутствии сослуживцев и нашего Милет-баши просить у обиженного священника извинения, а также заплатить ему свой давнишний долг в несколько туманов»*[46].

Самое печальное, что Салар, урмийский губернатор, настроенный крайне негативно по отношению к православной духовной Миссии, оставил это дело фактически без последствий для нападавшего мусульманина. Он лишь «взял с виновного приличный пешкеш и отпустил его на свободу». Так что архимандриту Кириллу оставалось лишь констатировать, что решение подобных дел «по существу будет всегда одинаковым, в какой бы инстанции урмийского суда оно не разбиралось. На этот счет и губернатор, и серпераст[47] придерживаются одного судебного кодекса: «дай деньги и режь кого хочешь»[48].

Со своей стороны, Миссия взяла на себя расходы по лечению священника. Вмешиваться же в судебные прения с персидскими властями Урмийская Миссия не имела никакой возможности, поскольку, во-первых, была призвана служить только задачам духовного просвещения, во-вторых, вмешательство миссионеров в дела

персидских подданных, пусть даже и православных, светские власти расценили бы как вмешательство России во внутренние дела Персии; в-третьих, вмешиваясь в судебные тяжбы, Миссия могла бы потерять расположение Российского консульства в Тавризе, каковое расположение было чрезвычайно необходимо в тех тяжелых условиях, в каких приходилось существовать православной Урмийской Миссии. Это архимандрит Кирилл осознавал как никто другой. Поэтому для ведения судебных дел по защите прав православных сирийцев Миссией был нанят милет-баши, персидский подданный. А кроме того, в случае, если происходили события, подобные нападению на священника или отчуждению православного храма в пользу каких-либо самозванцев, пользующихся покровительством местных урмийских властей, архимандрит Кирилл обращался к генеральному консулу в Тавриз и получал неизменную его поддержку.

Личный авторитет архимандрита Кирилла был чрезвычайно высок; причем, следует заметить, что это был единственный начальник Урмийской Миссии, который, благодаря как своим нравственным, так и дипломатическим качествам, сумел наладить нормальные отношения с консульством. Это, конечно, не могло ускользнуть от внимания урмийских властей, неизменно ставящих себя в оппозицию Миссии, но так же неизменно, в начальствование архимандрита Кирилла, терпевших фиаско. И если к моменту приезда в Урмию архимандрита Кирилла положение Миссии оставляло желать лучшего, то уже через два года, когда архимандрит Кирилл был отозван в Петербург для епископской хиротонии, Миссия находилась в благоустроенном состоянии, имея свои храмы, богослужебные книги, переведенные на древний сирийский язык, собственную школу при Миссии. И главное, что архимандрит Кирилл сумел воспитать себе достойную замену на посту начальника Миссии в лице иеромонаха Сергия. Но до этого устойчивого положения Миссии должен был пройти еще целый год напряженной и утомительной борьбы с раскольниками, объявившими себя несторианами, с урмийскими властями, поддерживавшими раскольников, и с англиканской Миссией, поддерживавшей интриги тех и других.

Помимо печальных и огорчительных событий, в жизни Миссии были, конечно, и такие, которые привносили в души урмийских православных миссионеров некоторую надежду. И прежде всего это — устроение при Урмийской Миссии в октябре 1902 года своей школы с интернатом.

В первый год было набрано 25 мальчиков, причем, кто-то был приведен своими родителями, кто-то подброшен родственниками, не имевшими средств для воспитания детей. Ввиду того, что большинство сирийских священников и учителей были воспитанниками пресвитерианских, англиканских или католических школ, то православное сознание этой учительной массы было весьма и весьма размыто. Большая часть этой сирийской «интеллигенции» имела самые посредственные представления о древнесирийском языке. Жизнь в условиях постоянных гонений и преследований сделала из персидских сирийцев приспособленцев. Поэтому архимандрит Кирилл с первых же месяцев своей миссионерской деятельности поставил задачу подготовки настоящих кадров, которые способны были бы вернуть своему народу истинное Православие, восстановить национальное и религиозное самосознание урмийских айсор, стать действительными вождями своего народа — духовенством и учителями, близко принимающими к сердцу не одну только собственную судьбу, но судьбу всего народа. С этой целью решено было создать не обычную школу, а школу-интернат, чтобы уберечь детей от часто не вполне здорового влияния их семей, ибо, как свидетельствовал печальный опыт, *«каждое посещение мальчиком родительского дома приносило всегда с собою тот или другой минус еще в незакрепленных добрых навыках»*[49].

В целях воспитания в детях религиозного настроения и духа церковности для них установлено было обязательное ежедневное посещение в миссийском храме Божественной литургии, начинавшейся около 7 часов утра сразу за утреней. В воскресные и праздничные дни дети присутствовали и за остальными службами, причем они же пели и читали как во время всенощного бдения, так и во время литургии. Некоторые из детей очень быстро осваивали чинопоследование литургии и песнопения, так что архимандрит Кирилл и члены Миссии брали этих ребят для исполнения обязан-

ностей псаломщиков, когда необходимо было посещать сельские церкви с богослужебными целями[50].

Обучение велось на современном сирийском и древнесирийском языках, с тем чтобы приучить детей к тем знаниям, которые впоследствии способствовали бы успешному обучению переводческому труду. Изучался и русский язык.

До прибытия архимандрита Кирилла все урмийские школы были школами одной только грамотности. Новый начальник Миссии поставил перед учителями задачу и духовного образования, постепенно преобразуя школы грамотности в тип церковно-приходских школ. Однако для решительного изменения положения дел нужны были новые кадры, именно их и готовили в школе при Урмийской Духовной Миссии. Конечно, наибольшие свои плоды школа стала приносить только спустя пять-шесть лет уже при другом начальнике Миссии, но начало этому воспитательному процессу и правильный ход всего школьного дела положил именно архимандрит Кирилл.

Как уже говорилось, Урмийская Миссия среди прочих задач ставила перед собой и задачу благотворительности, которая, впрочем, по ограниченности финансовых возможностей, не могла осуществляться вполне широко. Среди сирийцев было немалое число людей совершенно обездоленных в имущественном отношении. Много было вдов и женщин, брошенных своими мужьями без всяких средств к существованию и имевших по несколько детей на иждивении. Тем более что и персидские власти делали все возможное, чтобы усугубить и без того несносное положение урмийских христиан. Так, по персидским законам, принимающий ислам становился сразу же и наследующим все имущественные права своих родственников, так что вполне при желании мог пустить по миру своих православных сородичей. Это, конечно, не способствовало нравственному здоровью урмийских айсор-христиан, часто спекулировавших этой возможностью в случае необходимости чего-либо добиться от епископа или священника. Так происходило например, при отказе епископа благословить развод. Родственники, поставленные перед возможностью потерять все свое имущество, осаждали епископа просьбами дать развод, и очень скоро практика благо-

словения разводов (даже для священников!) стала общепринятой. С этим пришлось столкнуться архимандриту Кириллу, и он употреблял все силы к тому, чтобы разъяснить и епископу Мар-Ионану, и духовенству всю моральную двусмысленность и недопустимость подобных разводов. О православной же принадлежности сирийцев, пугающих возможностью своего перехода в ислам, и вовсе не приходилось говорить. Архимандрит Кирилл, понимая, что подобная практика может быть изжита только в результате долгой и терпеливой духовно-просветительской пастырской работы, просил митрополита Антония хотя бы письмом указать епископу Мар-Ионану на необходимость окончательного решения вопросов о разводе только после предварительного совещания епископа с начальником Миссии.

Но в таком нравственно-религиозном положении, как уже говорилось, было мало вины самих урмийцев. Толпами они приходили в Миссию за различной помощью, причем совершенно невозможно было отличить действительно нуждающегося от выдающего себя за такового. Однако архимандрит Кирилл относился ко всем приходящим с неизменным сочувствием. *«Находясь под тяжелою рукой мусульманских властей,* — писал в своем отчете архимандрит Кирилл, — *сириец должен скрывать свое благосостояние, чтобы не быть ограбленным. И с этой стороны, конечно, весь уже народ заслуживает самого широкого сочувствия безотносительно к его нравственному настроению»*[51].

Прежде всего для помощи не отдельным только лицам, а всему православному народу в тяжелых, но неизбежных отношениях с местной властью Миссия приняла на свое содержание милет-башу (народного представителя), который постоянно присутствовал в суде в качестве защитника интересов православных урмийцев. Кроме того, «в случаях какого-либо несчастья или совершенной имущественной беспомощности» тех или иных православных сирийцев, Русская Миссия оказывала помощь им через выделение единовременного или даже постоянного пособия[52]. При этом всякий единоверец, прибывавший в Миссию, вне зависимости от характера своей просьбы, принимался на ночлег в гостиный дом и

пользовался миссийской столовой. Все расходы, связанные с подобным гостеприимством, Урмийская Миссия брала на себя.

Наконец, и в отношении духовенства Миссия принимала на себя определенные обязательства. Архимандрит Кирилл не хотел питать иждивенческих настроений в среде сирийского духовенства, полагавшего, что Русская Миссия должна содержать все сирийское духовенство за свой счет. Он мудро перевел эту расчетливость в положительное русло. Так, Миссия материально поощряла особое усердие по изучению православного богослужения с необходимым для этого проживанием в Урмии при Миссии (следует напомнить, что большая часть духовенства, перешедшая в Православие из несторианства или англиканства, вообще слабо разбиралась в богослужении, что, например, очень ярко проявилось во время пасхальных служб, когда сирийцы оглашали вместе со священническими молитвами еще и богослужебные указания). Труды по обучению детей в школах и переводу богослужебных текстов также вознаграждались. Такие трудовые заработки имели в определенном смысле для сирийского духовенства и воспитательное значение.

Но Миссии приходилось часто выдавать экстренные пособия духовенству, значительная часть которого находилась в долговой кабале у местных мусульманских помещиков с обязательством выплаты очень высоких процентов. В этом случае архимандрит Кирилл изыскивал возможности для погашения за счет Урмийской Миссии подобного долга. Причем в некоторых случаях духовенство брало на себя обязательство постепенного беспроцентного погашения этого оплаченного Миссией долга, а в других случаях, если положение семьи священника было крайне бедственным, предоставлялись безвозмездные пособия. Наконец, Миссия, по силе своих возможностей, помогала семьям духовенства продуктами, одеждой, облачениями. И, конечно же, урмийские храмы снабжались бесплатно утварью и книгами, издававшимися в типографии Миссии.

Таким образом, деятельность православной Урмийской Духовной Миссии была весьма многообразна. Архимандриту Кириллу приходилось быть в непрестанных (и далеко небезопасных) командировках по урмийским селениям, курировать богослужебную,

переводческую и хозяйственную деятельность Миссии и при этом находиться в постоянном напряжении, поскольку нападение на Урмийскую Миссию и окормляемую ею паству могло произойти с совершенно разных сторон. Судьба архимандрита Феофилакта и всего предыдущего состава Русской Миссии это хорошо продемонстрировала.

И такое внезапное нападение не заставило себя ждать. В октябре 1903 года персидские власти объявили о том, что все храмы, числящиеся за Миссией, должны быть переданы древним назореям (так персы называли несториан). Предполагалось, что таковые существуют. В действительности же это было только иллюзией.

Несторианами для достижения своих целей объявили себя несколько запрещенных в священнослужении (за двоеженство) священников, а также лица, некогда принимавшие весьма активное участие в деле воссоединения несториан с Православной Церковью. В Тегеране дело было представлено таким образом, что будто бы угнетенные «назореи» восстали против засилья русских миссионеров, вмешивавшихся во внутренние дела персидских подданных. Число ушедших в раскол было весьма незначительно в сравнении с числом тех, кто исповедовал себя православным. Ситуация усугублялась как поддержкой этого раскола инославными Миссиями, так и неожиданностью этого решения для МИДа, который, может быть, и желал бы помочь православным, но не был в курсе всех обстоятельств. Из Петербурга казалось, что просто часть несториан решила вернуть себе свои храмы, что было в действительности совершенно не так. С объяснением сути дела, по благословению митрополита Антония, в Петербург выехал сам архимандрит Кирилл. Управлять Урмийской Миссией в его отсутствие остался его помощник иеромонах Сергий, возведенный в сан игумена в сентябре 1903 года за свои переводческие труды.

Прибытие архимандрита Кирилла в конце ноября 1903 года в Петербург принесло самые положительные результаты. Начальник Урмийской Миссии сумел добиться через обер-прокурора и Министерство иностранных дел желательного для Миссии исхода дела, казавшегося многим безнадежным. Однако успеху дипломатических усилий архимандрита Кирилла предшествовали несколько

месяцев утомительной переписки с различными ведомствами, составление отчетов и пояснительных записок по урмийскому вопросу, встречи с различными общественными, церковными и государственными деятелями.

В высшей степени интересна переписка, завязавшаяся между могущественным К. П. Победоносцевым и министром иностранных дел графом Ламздорфом по проблемам Урмийской Миссии. Переписка эта отражает как тот уровень, на котором решался вопрос о содействии Русской Духовной Миссии в Урмии, так и те позиции, какие занимали каждая из сторон. Начало этой переписке положил Константин Петрович Победоносцев своим письмом от 2 декабря 1903 года на имя министра иностранных дел Российской Империи графа В. Н. Ламздорфа: «Милостивый государь, граф Владимир Николаевич. Прибывший на днях в Санкт-Петербург начальник духовной православной Миссии в Урмии архимандрит Кирилл сообщает о следующем печальном событии. В конце октября месяца текущего года со стороны персидского правительства предъявлено к Миссии требование о передаче ключей от православных храмов несторианам, в том числе и от храма Мар-Мариам, в коем совершается православное богослужение со дня основания Миссии. Это требование исходит, по мнению архимандрита Кирилла, от самого шаха персидского и вызвано происками враждебных православной Миссии несториан, покровительствуемых английским посольством в Тегеране. Нет сомнения, что исполнением столь незаконного требования будет подорван авторитет Миссии, и она лишится возможности нести возложенное на нее высокое служение интересам Православной Церкви и России. Сообщая о сем Вашему Сиятельству, имею честь покорнейше просить Вас, милостивый государь, оказать свое содействие к отклонению предъявленного персидским правительством требования и ограждению интересов Миссии, о последующем же не оставить уведомлением. Приимите уверение в совершенном моем почтении и преданности. К. Победоносцев»[53].

Своим ответным секретным письмом[54] от 6 декабря 1903 года граф Ламздорф сообщал К. П. Победоносцеву, что, по получении обер-прокурорского письма от 2 декабря сего года, он телеграммой

уведомил русского посланника в Тегеране Власова о необходимости оказать возможное содействие Урмийской Духовной Миссии в вопросе о местных храмах, на что уже 4 декабря последовала телеграмма Власова. В этой телеграмме сообщалось о приказе шаха передать все храмы, находившиеся в ведении Урмийской православной Миссии, несторианам, предоставив православным строить собственные храмы, с его, шаха, разрешения[55]. «Такая постановка вопроса,— писал Ламздорф,— несомненно, обязывает нас к крайней осторожности в переговорах с шахским правительством, вследствие чего я вместе с сим поручил посланнику в Тегеране ограничиться пока представлением о сохранении за духовной Миссией храма Мар-Мариам, на каковой мере Д. С. С.[56] Власов признает возможным настаивать. Одновременно посланнику предписано собрать необходимые сведения в видах всестороннего выяснения вопроса о праве пользования несторианскими храмами. Передавая о вышеизложенном, почитаю долгом с своей стороны покорнейше просить Вас не отказать сообщить все те данные, коими, по мнению Вашему, могли бы быть подтверждены законность и обоснованность претензий духовной Миссии на несторианские храмы в Урмийском округе»[57].

Все данные, которые свидетельствовали о законности владения Урмийской Миссией бывшими несторианскими храмами и о необоснованности требований так называемых «несториан» (являвшихся на самом деле в вопросах догматических, а в некоторых случаев даже обрядовых, американскими протестантами или англиканами, но при этом желавших получить храмы, в которых совершали богослужения и молились бывшие несториане, принявшие православие), были изложены в обширной и обстоятельной записке, составленной архимандритом Кириллом. В этой записке[58] с замечательной полнотой и ясностью представлялась картина той сложной ситуации, которая возникла вокруг Урмийской православной Миссии в результате интриг Миссии англиканской и «несторианствующих протестантов».

Архимандрит Кирилл справедливо указывал, что переход урмийских несториан в Православие был всеобщим и безусловным, причем не без ведома персидских властей. *«Только на этой всеобщности*

желания несториан,— писал архимандрит Кирилл,— *и основывалось учреждение в Урмии постоянной православной Миссии, которая пошла в Урмию не для обращения несториан в Православие, а лишь для научения православной вере уже принявших таковую прежде несторианствовавших урмийцев. Никакого вопроса о несторианских храмах и о праве владения ими не могло в то время возникать, т. к. при общем переходе несториан в Православие храмы несторианские само собою стали храмами православными и в них начало отправляться богослужение теми же местными священниками, которые и прежде совершали там службу Божию»*[59].

Зная, мягко говоря, сложный характер русско-английских отношений, особенно в вопросе государственных интересов каждой из сторон в Персии, становится понятным, почему МИД вынужден был все-таки прислушаться к настойчивым призывам церковных кругов обратить внимание на недопустимо тяжелое положение Урмийской православной Миссии. Ведь всякие репрессивные меры против Миссии должны были восприниматься и Россией, и самими урмийцами не только как антиправославные, но и как антироссийские. А в этом вся русская общественность, в том числе и МИД, усматривала заинтересованность прежде всего Англии (впрочем, Соединенные Штаты Америки и Германия тоже были не против подрыва российского авторитета в Персии, поскольку вопрос стоял не только религиозно-политический, но и экономический — о возможности получения этими странами концессий в Персии).

«В приказе шаха передать им все храмы,— констатировал уже теперь и для МИДа очевидный факт архимандрит Кирилл,— *слышится чей-то сторонний голос, заранее и злорадно хохочущий над готовящимся поруганием Русской Православной Церкви. Православие для шаха, конечно, безразлично, но имя России должно для него иметь значение, а Россия, Церковь которой в данном случае заинтересована, не может быть равнодушной к данному делу»*[60].

Для Церкви, конечно, важнее всяких политических и экономических интересов было попечение о самих православных урмийцах. Последние, вверив себя душепопечению и покровительству Русской Православной Церкви, таким образом, вверили россий-

скому Православию и свою дальнейшую судьбу. И потому Русская Церковь чувствовала свою ответственность за нравственное состояние сирийского народа, интуитивно отдавшего предпочтение не богатой англиканской Миссии, не англиканству, а Православию. И об этом тоже писал в своей записке начальник Урмийской Миссии.

Архимандрит Кирилл ставил вопрос и о несправедливости указа в вопросе возвращения всех церквей. *«Между этими всеми храмами, передаваемыми указом шахским несуществующим несторианам, имеются уже храмы нашей русской православной постройки»*[61].

Внимательное прочтение распоряжения персидского правительства наводило на мысль, что игнорировались вообще какие бы то ни было права православных урмийцев на владение собственными храмами. *«Указание шаха на необходимость православным построить собственные храмы с его шахского разрешения,*— разъяснял тонкости персидской дипломатии архимандрит Кирилл,— *есть как бы иносказательное откровение о том, чего ждать в данном случае православным. Вопрос о построении собственного храма для православных был уже поднимаем настоящим составом Миссии. Дело касалось села Гюйтапа, в котором храм был три года тому назад отобран от православных и передан протестантствующему каше Гцвре. Миссия ходатайствовала пред местным губернатором Саларом (он же владелец села Гюйтапа) о предоставлении ей права купить в селении небольшой клочок земли от желающего продать этот клочок сирийца для построения там православной церкви. Несмотря на уверение губернатора в его совершенной готовности исполнить просьбу Миссии, разрешения на покупку земли дано все-таки не было, и по уверению Салара, вследствие запрещения, сделанного непосредственно из Тегерана. Можно опасаться, что в таком именно смысле будут оканчиваться и все просьбы о разрешении к постройке храмов для православных. Православным могут указывать на необходимость построить свои храмы заново и даже дадут разрешение на такое строительство, но не разрешат приобрести необходимого для постройки клочка земли.*

Церкви решено передать несторианам со всем церковным имуществом; но если в храмах Урмийской епархии имеется какая-либо утварь, то она принадлежит вся целиком православной Миссии, которая в настоящем только году на приобретение утвари для сирийских церквей и на поддержание в них возможности богослужения затратила больше 1000 рублей. Благотворить в продолжение пяти лет в чужих храмах едва ли бы могла православная Миссия, и шахское правительство должно увидеть, что возникновение вопроса о церквах после пятилетнего существования Миссии можно объяснить только наличностью интриги, а не действительным незаконным будто бы владением церквами со стороны православных»[62].

Записка эта была передана в МИД, который и руководствовался ею в своих дальнейших дипломатических переговорах. Причем записку архимандрита Кирилла Победоносцев сопроводил на имя графа Ламздорфа письмом, в котором еще раз напоминал, что «приведение в исполнение требований персидского правительства относительно храмов, принадлежащих с 1898 года православным, может поколебать уважение к Православной Церкви среди христианского населения Урмии и сопредельных с нею областей»[63]. Однако совместными энергичными усилиями архимандрита Кирилла, консула в Тавризе и посланника в Тегеране опасность утраты всех православных храмов в Урмии миновала. Храмы остались за Урмийской Духовной Миссией.

По совету архимандрита Кирилла было принято решение о хиротонии находившегося в Петербурге архимандрита Илии, сирохалдея по происхождению. В январе 1904 года архимандрит Илия стал епископом Тергяварским. По решению Синода, Мар-Илия должен был управлять южной, Барандузской частью Урмии, епископ Мар-Ионан Супурганский и Урмийский — северной, Назлучайской. Епископу Мар-Аврааму доставалось в управление селение Марсаргиз[64]. Таким образом предполагалось умирить конфликтующие группировки сторонников Мар-Ионана, Мар-Авраама и Мар-Илии. Постепенно вопрос успешной деятельности Русской Миссии в Урмии приобретал статус государственной задачи. О ходе решения возникших в Персии проблем был информиро-

ван и государь император, проявивший несомненную заинтересованность в благополучном окончании дипломатических усилий по водворению среди православных христиан Персии мира и согласия.

Вероятно, этой заинтересованностью объясняется та легкость, с какой архимандрит Кирилл получает аудиенцию у императора Николая II. 11 февраля 1904 года обер-прокурор Святейшего Синода Победоносцев представляет Государю отношение следующего содержания: «Начальник Урмийской Миссии архимандрит Кирилл ходатайствует о разрешении представиться перед отъездом его в Урмию Вашему Императорскому Величеству. Приемлю долг всеподданнейше испрашивать разрешение на сие Вашего Императорского Величества. Константин Победоносцев»[65]. На этом документе император Николай собственноручно начертал: «Могу принять его завтра в 3 часа».

Мы не знаем, как именно проходила эта встреча, но надо полагать, что определенную, и даже, возможно, весьма существенную роль, эта встреча сыграла, как в судьбе Урмийской Духовной Миссии, так и в судьбе начальника ее.

Посещение архимандритом Кириллом Петербурга имело еще один результат – учреждение в начале 1904 года «Кирилло-Сергиевского Урмийского братства», в которое вошли товарищ обер-прокурора Святейшего Синода В. К. Саблер (бессменный председатель Братства до 1917 года), а также другие известные и влиятельные лица. Братство находилось под покровительством императрицы Марии Феодоровны, попечителем же братства стал митрополит Петербургский Антоний. Целью братства являлось содействие утверждению Православия в Урмии и обращению несториан в Православие. Усилиями братства для Урмийской Миссии и церквей православных сирийцев приобреталась утварь, книги, собирались денежные средства (периодически организовывались сборы по церквам в пользу Урмийской Миссии). Помощь была весьма ощутимой. Так, в 1905 году братством были заказаны в Берлинской библиотеке и во Французской Национальной библиотеке (Париж) снимки с православных (мелькитских) рукописей для препровождения их в помощь переводческой комиссии при

Урмийской Миссии[66]. На собраниях Братства заслушивались доклады начальников Миссии о положении дел в Урмии. Небесными покровителями «Кирилло-Сергиевского Урмийского братства» были святой равноапостольный Кирилл, учитель Словенский, и преподобный Сергий Радонежский (небесные покровители архимандрита Кирилла и иеромонаха Сергия).

ОСОБЕННОСТИ ЕПИСКОПСКОГО СЛУЖЕНИЯ СВЯТИТЕЛЯ КИРИЛЛА В КРОНШТАДТЕ И ТАМБОВЕ

Выдающиеся качества архимандрита Кирилла не позволили ему долго трудиться на персидской окраине. За каких-то два года своей миссионерской деятельности он добился столь значительных результатов, поставил дела православной Духовной Миссии на такую высоту, что вопрос о его епископской хиротонии становился лишь вопросом времени. 6 мая 1904 года архимандрит Кирилл, как свидетельствует его послужной список, был «Всемилостивейше сопричислен к ордену св. Анны II степени»[67], а 7 мая того же года Святейший Правительствующий Синод под председательством митрополита Санкт-Петербургского Антония «имел суждение» о замещении вакантных кафедр, среди которых была и кафедра епископа Гдовского, викария Петербургской епархии. В результате обсуждений Святейший Синод вынес следующее определение: «Представить г. синодальному обер-прокурору поднести Его Императорскому Величеству, среди прочих документов, доклад следующего содержания: «Для замещения кафедры епископа Гдовского, викария Санкт-Петербургской епархии, освободившейся за назначением преосвященного Константина епископом Самарским, признавая достойными возведения в епископский сан архимандритов: 1) начальника Российской Духовной Миссии в Урмии Кирилла; 2) ректора Тверской духовной семинарии Евгения, и 3) ректора Санкт-Петербургской семинарии Сергия, Синод, с представлением послужных списков сих архимандритов, всеподданнейше испрашивает Высочайшего Вашего Императорского Вели-

чества соизволения на возведение одного из них в Санкт-Петербурге в сан епископа Гдовского с присвоением ему именования третьим викарием Санкт-Петербургской епархии, а епископу Нарвскому — вторым викарием той же епархии»[68]. Под настоящим документом стояли подписи митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского), митрополита Киевского и Галицкого Флавиана (Городецкого), архиепископа Финляндского и Выборгского Николая (Налимова), архиепископа Казанского и Свияжского Димитрия (Ковальницкого).

10 мая 1904 года Константин Петрович Победоносцев, неизменный советник государя императора по всем церковным вопросам, сам, вероятно, сочувствовавший кандидатуре архимандрита Кирилла (здесь, кроме прочего, сказывалось и всегдашнее расположение влиятельного обер-прокурора к епископам из вдового духовенства), представил в Царском Селе «всеподданнейший доклад» Святейшего Синода, на котором «собственною Его Императорского Величества рукою» было начертано: «Быть первому, а в прочем быть по сему». Это означало, что выбор императора пал на первого из предложенных Синодом кандидатов, каковым являлся архимандрит Кирилл, в прочем же следовало поступить согласно представленному докладу.

Вероятно, на выбор императора повлиял целый ряд факторов, среди которых: и то несомненно приятное впечатление, какое произвел архимандрит Кирилл на императора Николая II при их личной встрече; и добрые отзывы о нем митрополита Антония; и судьба архимандрита Кирилла, сходная с судьбой митрополита Антония, также в молодые годы потерявшего семью[69]; и, наконец, явное расположение к кандидату влиятельного обер-прокурора, составившего за два года успешной деятельности архимандрита Кирилла в Урмии весьма высокое о нем мнение. Кроме того, по давно заведенной традиции в подобных представлениях первым указывался тот кандидат, который являлся бы наиболее желательным с точки зрения Синода. Таковым был, конечно, архимандрит Кирилл.

На следующий день, 11 мая, о решении императора Николая был извещен Синод, который направил уведомление архимандриту Кириллу в Урмию с предписанием прибыть, по сдаче в установ-

Троицкий собор Александро-Невской лавры

ленном порядке должности, в Петербург для посвящения во епископа[70]. Преемником же архимандрита Кирилла на посту начальника Урмийской Миссии стал молодой игумен Сергий (Лавров), прекрасно зарекомендовавший себя за два года совместной работы с архимандритом Кириллом.

О том, сколь высоко зарекомендовал себя в миссионерской деятельности архимандрит Кирилл, красноречиво свидетельствует письмо министра иностранных дел графа Ламздорфа, направленное в июне 1904 года товарищу обер-прокурора Святейшего Синода В. К. Саблеру, где министр, сообщая, что со стороны МИД не находится препятствий к назначению игумена Сергия начальником Урмийской Миссии, между прочим писал: «Позволяю себе выразить надежду, что игумен Сергий приложит все старания к тому, чтобы управлять вверенной ему Духовной Миссией столь же успешно, как его предместник, и предупреждать повторение печальных и в высшей степени вредных с точки зрения обаяния русского имени в Персии явлений, происходивших в Урмии до прибытия ту-

да архимандрита Кирилла»[71]. Следует отметить, что игумен Сергий оказался достойным наследником тех славных традиций православной духовной Миссии в Урмии, какие были заложены архимандритом Кириллом.

В августе того же 1904 года архимандрит Кирилл прибыл в Петербург и в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры 6 августа (в день Преображения Господня) был хиротонисан митрополитом Антонием во епископа Гдовского, третьего викария Санкт-Петербургской епархии. При хиротонии в Свято-Троицком соборе присутствовали архиепископ Финляндский и Выборгский Николай (Налимов), епископ Владикавказский и Моздокский Владимир (Сеньковский), епископ Вологодский и Тотемский Алексий (Соболев)[72].

Уже в первые годы архипастырского служения епископа Кирилла его деятельность отличалась необычайной активностью. Владыка являлся наблюдателем за преподаванием Закона Божия в учебных заведениях Ведомства учреждений императрицы Марии и Ведомства Императорского человеколюбивого общества, председателем Санкт-Петербургского православного епархиального братства во имя Пресвятой Богородицы, в ведении которого находились церковно-приходские школы разного типа[73], председателем Совета Петербургского эстонского православного братства преподобного Исидора Юрьевского[74], активно участвовал в деятельности Кирилло-Сергиевского Урмийского братства[75]. В Александро-Невской лавре владыка Кирилл ввел всенародное пение во время богослужения и внебогослужебные катехизаторские беседы.

Гдовский епископ был весьма почитаем за полноуставное служение единоверцами-старообрядцами, признававшими православную иерархию. Он часто совершал богослужения и в единоверческих храмах епархии. На единоверцев сильное впечатление оказывала не только манера служения владыки Кирилла, но и самый вид его. Очень многие отмечали какое-то особенное достоинство в этом архипастыре. Даже левая печать, представившая поначалу назначение архимандрита Кирилла на Гдовскую кафедру как «высокую протекцию» Петербургского митрополита, вынуждена

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ

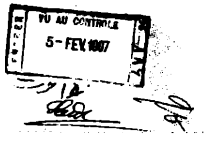
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляется чрезъ сие всѣмъ и каждому, кому о томъ знать надлежитъ, что показатель сего Преосвященный Кирилл Епископъ Гдовскій отправляется отсюда за-границу и возвращается Затѣмъ обратно въ Россію.

Того ради дружественно просимъ всѣ высшія Власти и приглашаемъ каждаго, кому сіе предъявится, Нашимъ же Воинскимъ и Гражданскимъ Управителямъ Всемилостивѣйше повелѣваемъ Преосвященнаго Кирилла не только свободно и безъ задержанія всюду пропускать, но и всякое благоволеніе и вспоможеніе ему оказывать. Во свидѣтельство того и для свободнаго проѣзда данъ сей паспортъ съ приложеніемъ Нашей Государственной печати. Въ С. Петербургѣ Февраля 9 дня 1907 года.

По Указу Его Императорскаго Величества

Г. Товарищъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ



Заграничный паспорт
преосвященного Кирилла, епископа Гдовского.
9 февраля 1907 года

Transl

Von Gottes Gnaden

Wir NICOLAUS der Zweite.

Kaiser und Selbstherrscher aller Reußen

x. x. x.

[redacted]

[redacted]

[redacted]

была умолкнуть перед очевидной справедливостью подобного выбора. Сам же митрополит Антоний (Вадковский), первенствующий член Священного Синода, чрезвычайно ценивший владыку Кирилла как деятельного иерарха, сочетающего в себе дар администратора и высокодуховную жизнь по евангельским идеалам, не ошибся в своих надеждах и нашел в лице Гдовского викария надежного помощника в управлении Петербургской епархией.

31 октября 1905 года (в связи с назначением первого викария Петербургской епархии епископа Ямбургского Сергия на самостоятельную Финляндскую кафедру) епископ Гдовский Кирилл был переименован из третьего во второго викария Санкт-Петербургской епархии (первым викарием стал епископ Антонин (Грановский). А в феврале 1908 года первый викарий Санкт-Петербургской епархии епископ Нарвский Антонин был уволен за штат, как тогда сообщалось в официальных изданиях: «согласно прошению, по болезненному состоянию»[76]. В связи с этим, первым викарием епархии стал, согласно Высочайше утвержденному 15 февраля 1908 года указу Святейшего Синода, епископ Гдовский Кирилл[77], а вторым викарием в сане епископа Нарвского был назначен преосвященный Никандр (Феноменов), бывший прежде епископом Кинешемским, викарием Костромской епархии.

Следует заметить, что промыслительным образом в Санкт-Петербургской епархии в период с 1905-го по 1910 год на викарных кафедрах побывали многие из тех иерархов, которые станут главными участниками славной и, одновременно, трагической истории Русской Православной Церкви XX века. На Ямбургской кафедре: с 1901-го по 1905 год — епископ Сергий (Страгородский), будущий заместитель местоблюстителя, впоследствии патриарх; с 1905-го по 1908 год — епископ Сергий (Тихомиров), будущий Предстоятель Японской Православной Церкви (с 1912-го по 1940 год); с 1909-го по 1910 год — епископ Феофан (Быстров), впоследствии архиепископ Полтавский, духовник Царской Семьи. На Нарвской кафедре: с 1903-го по 1908 год — епископ Антонин (Грановский), будущий обновленческий «митрополит Московский», глава «Союза Церковного возрождения»; с 1908 года — епископ Никандр (Феноменов), будущий митрополит Ташкентский и Туркестанский; на Гдовской викар-

ной кафедре: с 1904-го по 1909 год — епископ Кирилл (Смирнов), впоследствии митрополит Казанский и Свияжский, указанный в завещании Святейшего Патриарха Тихона первым кандидатом в местоблюстители; с 1910-го по 1917 год — епископ Вениамин (Казанский), будущий митрополит Петроградский, священномученик; наконец, Кронштадтскую викарную кафедру с 1907-го по 1911 год занимал столь же одиозный деятель, что и епископ Антонин, епископ Владимир (Путята). Со всеми ними владыка Кирилл был знаком и имел о них самое определенное представление.

Ревностное служение и независимость самого епископа Кирилла также были всем широко известны. Так, например, совершая в 1909 году Крещенское богослужение в присутствии Царской Семьи, владыка отказался выполнить требование полиции и совершить освящение великой агиасмы на кипяченой воде, справедливо полагая, что вера во всеосвящающую благодать Духа Святаго преизобилует над верой рационалистического сознания во всесилие огня, уничтожающего бактерии. Великое водосвятие владыкой Кириллом в сослужении архимандритов Александро-Невской лавры было, как и принято, совершено у проруби на Неве[78].

С. А. Нилус в своих январских записях 1909 года, повествуя о совершении в Петербурге в Александро-Невской лавре с молчаливого согласия митрополита Антония (Вадковского) освящения великой агиасмы на кипяченой воде, восклицал: «К счастью, не все еще отступили от якоря нашего спасения, и в том же Петербурге Господь сохранил для избранных Своих одного епископа, не согласившегося поступиться своей верой ради мира с врагами Христовой Церкви. Если мои записи когда-либо узрят свет, то пусть они и сохранят имя этого верного слуги Божия и архипастыря в подкрепление веры и благочестия изнемогающих моих братий. Кирилл Гдовский — имя этому епископу. Да будет благословенно имя его в род и род»[79].

Вся жизнь владыки Кирилла была отмечена рядом предзнаменований. Так, за год до назначения на Тамбовскую кафедру владыка Кирилл сослужил митрополиту Антонию (при освящении вновь сооруженного храма в лаврском имении «Зачеренье») вместе с епископом Тамбовским и Шацким Иннокентием (Беляевым)[80].

Причем главный престол храма был освящен в честь преподобного Серафима Саровского. В храме был помещен дар саровских старцев – образ преподобного угодника Божия Серафима[81]. Позже владыка Кирилл неоднократно посещал Саровскую пустынь уже в качестве правящего архиерея.

А 4 октября 1909 года на окраине Петербурга, на Черной речке, произошло другое знаменательное церковное торжество – освящение нового весьма вместительного храма в честь Казанской иконы Божией Матери, храма, построенного при подворье Леснинского женского монастыря. Чин освящения храма и первую литургию в нем совершал владыка Кирилл в сослужении настоятеля Петропавловского собора протоиерея А. Дернова, благочинного монастырей Санкт-Петербургской епархии архимандрита Макария, протоиерея И. Миртова и др. На этом торжестве присутствовали почетный опекун храма генерал-лейтенант граф Гейден, генерал-лейтенант А. А. Киреев и другие высокопоставленные особы. По окончании литургии преосвященный Кирилл произнес прочувствованное слово о состоявшемся церковном торжестве, а затем стал благословлять всех, стоя с крестом и одновременно управляя общим пением. После того как последний паломник был благословлен, епископ Кирилл посетил в келье болящую настоятельницу подворья монахиню Нину. Рассказ об этом событии вместе с фотографией группы гостей, присутствовавших на освящении нового храма, был помещен в журнале «Русский паломник»[82]. В центре в первом ряду сидел владыка Кирилл, рядом с ним с одной стороны располагался протоиерей А. Дернов, с другой – настоятель новоустроенного храма отец В. Сейбук и архимандрит Макарий. Снимок был сделан на фоне церкви Казанской иконы Божией Матери.

Как уже говорилось, владыку Кирилла связывали узы давней духовной дружбы со святым праведным Иоанном Кронштадтским. Незадолго до своей смерти Кронштадский пастырь завещал отпевать себя именно епископу Кириллу, прозорливо выделив его среди прочих петербургских викариев.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский преставился утром 20 декабря 1908 года. По благословению митрополита Антония, в

Дом в Кронштадте,
в котором жил протоиерей Иоанн Сергиев

Кронштадт направился владыка Кирилл, который, согласно предсмертной просьбе своего почившего духовного отца[83], должен был его отпевать.

Епископ Кирилл, приехав прямо на квартиру праведника, сразу же совершил панихиду. Вечером того же дня тело великого пастыря было положено в дубовый гроб и владыка Кирилл вновь отслужил панихиду при участии местного духовенства. В тот же день во всех петербургских церквах началось совершение панихид[84].

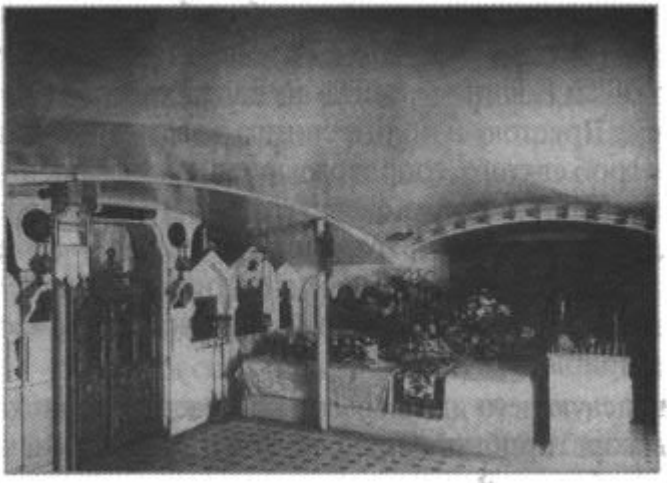
В девять часов утра 21 декабря на квартире отца Иоанна совершили последнюю панихиду, на которую собрались представители местной администрации и множество почитателей всероссийского пастыря. После панихиды гроб на руках духовенства был вынесен из дома. На дворе его приняли главный начальник Кронштадта генерал-лейтенант Артамонов, кронштадтский военный губернатор контр-адмирал Григорович, комендант крепости, городской голова, соборный староста и другие лица. Под печальный перезвон колоколов Андреевского собора, в котором несколько десятилетий

Погребальная процессия направляется по льду Финского залива из Кронштадта в С.-Петербург

служил праведник, процессия, в предшествии икон и хоругвей, направилась от квартиры по Андреевской улице к самому собору. У Андреевского собора гроб опять взяло на руки духовенство во главе с преосвященным Кириллом и внесло в церковь.

Переполнен был не только собор: тысячи людей собрались на площади и Николаевском проспекте. Началась литургия, которую совершал епископ Кирилл при участии многочисленного духовенства. После литургии им же была отслужена панихида. После панихиды началось трогательное прощание верующих с любимым пастырем. В семь часов вечера начался заупокойный парастас, продолжавшийся до одиннадцати часов вечера. Всю ночь с 21 на 22 декабря собор был открыт, и все это время народ беспрестанно шел для прощания с великим русским молитвенником. Слышались сдавленные рыдания[85].

22 декабря в шесть часов утра Андреевский собор был закрыт для прощания с почившим: предстоял длинный путь перенесения его тела в Санкт-Петербургский Иоанновский женский монастырь.



Усыпальница святого праведного Иоанна Кронштадского в Иоанновском монастыре

После литургии преосвященный Кирилл произнес проникновенное надгробное слово об отце Иоанне как личности, уже при жизни окруженной ореолом небесной славы. Во время проповеди народ рыдал[86]. В одиннадцать часов утра начался вынос тела из собора. Дубовый гроб был крестным ходом обнесен вокруг собора и под звон колоколов поставлен на колесницу. Военные оркестры играли «Коль славен». Двадцать тысяч людей сопровождали гроб с телом праведного отца Иоанна до берега, многие пошли пешком по льду Финского залива[87].

В Ораниенбауме прибытия погребального шествия ожидало огромное число людей. Местное духовенство, возглавляемое прибывшим сюда епископом Кириллом, крестным ходом пошло на сретение тела всеми почитаемого пастыря. Встреченный таким образом гроб был крестным ходом перенесен к поезду, где установлен в специально приготовленный траурный вагон. По Балтийской дороге в пять часов утра 23 декабря поезд прибыл в Санкт-Петербург. По Обводному каналу и по всему Измайловскому

проспекту гроб встречали тысячи верующих[88], переживавших незабываемые минуты священной скорби, ибо очень многими утрата великого пастыря осознавалась уже как начало иного почитания «батюшки Иоанна», почитания как угодника Божия, представителя Горнему Престолу и молитвенника за всю русскую паству. Уже на вокзале гроб святого, сопровождаемый преосвященным Кириллом и кронштадтским духовенством[89], встречали архиепископ Финляндский Сергий (Страгородский), епископ Архангельский Михей (Алексеев) и епископ Нарвский Никандр (Феноменов), кои сопроводили тело почившего до Иоанновского монастыря, куда процессия прибыла уже вечером.

Утром следующего дня первым в монастырь приехал епископ Кирилл, вскоре прибыли архиепископ Сергий, епископ Михей, ректор Петербургской духовной семинарии архимандрит Вениамин (Казанский), а затем и сам митрополит Антоний (Вадковский). После литургии началось отпевание, в котором участвовали помимо указанных архипастырей до шестидесяти священников и двадцати диаконов. Во время отпевания «Непорочны» читал преосвященный Кирилл, а канон — протоиерей Философ Орнатский[90].

28 января 1909 года, на сороковой день памяти святого праведного Иоанна Кронштадтского, преосвященный Кирилл в Исаакиевском кафедральном соборе совершил заупокойную литургию. Перед панихидой владыка, близко знавший отца Иоанна и любивший его, «с особым воодушевлением в похвалу о Бозе почившего и в назидание всем, посвятил прекрасное слово, заключив оное пожеланием, чтобы добрая память о дорогом батюшке отце Иоанне и славные советы его пребывали в долготу дней»[91], а 5 февраля преосвященный Кирилл, состоявший благочинным всех петербургских единоверческих храмов, совершил в Иоанновском монастыре литургию с единоверцами по особому единоверческому чину, на особых просфорах и по особым книгам[92].

Чуть менее чем через год после кончины святого праведного Иоанна Кронштадтского, 14 декабря 1909 года, Синод имел суждение о замещении Тамбовской архиерейской кафедры, в связи с назначением преосвященного Иннокентия (бывшего Тамбовско-

го) архиепископом Карталинским и Кахетинским, экзархом Грузии. На Тамбовскую кафедру решено было переместить епископа Гдовского Кирилла, в качестве же кандидатов на освобождающуюся таким образом викарную Гдовскую кафедру указывались: ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии архимандрит Вениамин (Казанский) и ректор Олонецкой духовной семинарии архимандрит Никодим (Кононов)[93]. Всеподданнейший доклад Святейшего Синода[94] был представлен 30 декабря 1909 года государю императору в Царском Селе обер-прокурором Святейшего Синода С. Лукьяновым. На представленном докладе, касающемся замещения вакантной Тамбовской кафедры, император Николай Александрович собственноручно начертал: «Быть по сему»[95], в качестве же Гдовского викария был утвержден архимандрит Вениамин (Казанский)[96], будущий митрополит Петербургский, священномученик.

Так, 30 декабря 1909 года владыка Кирилл был утвержден на самостоятельную кафедру — епископом Тамбовским и Шацким[97].

Тамбовская епархия была не самой древней среди русских епархий, но имела уже и своих подвижников благочестия (среди коих был тогда еще не прославленный в лике святых епископ Феофан Затворник). Имела епархия и свою историю, и своих историков.

В Тамбовской губернии было 13 городов: губернский Тамбов, 11 уездных и один заштатный (г. Кадом). В епархии в 59 благочинических округах насчитывалось 1175 приходских церквей. Монастырей в епархии действовало 27[98]. В самом губернском городе Тамбове располагалось 25 храмов (кафедральный собор, 8 приходских церквей, 3 кладбищенских и 13 домовых)[99].

На новое место своего архипастырского служения владыка Кирилл прибыл в девять часов утра 24 января 1910 года. На вокзале его встречали тамбовский губернатор, викарный епископ Григорий (Яцковский)[100], ректор Тамбовской духовной семинарии, многочисленные гражданские чины и городское духовенство.

Под колокольный звон всех церквей прямо с вокзала владыка Кирилл направился в кафедральный собор, где прежде всего проследовал в нижний храм собора, чтобы помолиться у гробницы приснопамятного святителя Тамбовского Питирима. Так, уже с первого дня тамбовского служения владыки Кирилла деятельность его

Святитель Феофан Затворник

оказалась под небесным покровительством святителя Питирима, всероссийское прославление которого стало одной из главных заслуг преосвященного Кирилла в эти годы.

Уже первой своей речью-импровизацией, бывшей ответом на зачитанное приветствие епископа Григория, преосвященный Кирилл покорил тамбовское духовенство, давно не встречавших подобного проповеднического дара. Владыка Кирилл сказал, что хотя он уже знает, что Тамбовская епархия испытывает большую тревогу ввиду натиска на православную паству сектантов, но поддерживает в себе уверенность, что рекомендованные ему с лучшей стороны пастыри окажутся деятельными помощниками в борьбе с сектантами. Своим новым сотрудникам по епархии владыка предлагал быть готовыми совместно обсуждать возникающие вопросы, взаимно помогать друг другу, а в случае возникновения разногласий – проявлять терпимость, уступчивость, покрывая все недоразумения взаимной любовью[101]. Подобные слова из уст правящего ар-

Тамбовский кафедральный собор
в честь Рождества Христова. 1873 год

хиерея (да еще прибывшего из столичного Петербурга) даже по тем временам были чрезвычайной редкостью. Вообще, как отмечалось тогда тамбовскими газетами, «новый владыка произвел чарующее впечатление своею бодростью, добротой и отеческим обращением со всеми»[102]. «Тамбовская епархия может радоваться, — писали в газете «Тамбовский край», — Бог послал ей одного из выдающихся иерархов — мудрых наставников, поборников правды Божией, творящих дело Господне со всяким усердием»[103]. И эти слова заключали в себе всем очевидную истину.

Все было ново для тамбовской паствы: и проникновенные проповеди епископа Кирилла, и полноуставные службы (на праздник Сретения Господня 1910 года всенощное бдение длилось пять часов, что очень скоро вошло в традицию), и неустанная энергия епископа, постоянно совершавшего поездки по епархии, и его простота, и знание нужд народа (владыка установил ежедневный, кроме воскресенья, прием посетителей с 11 до 13 часов).

И при всей этой неутомимой деятельности в личности владыки Кирилла удивительно сочетались епископское достоинство, цельность натуры и невозмутимость характера, которые, при несомненной внешней величественности иерарха, производили неизгладимое впечатление на всех, кто когда-либо общался с ним.

Уже самые первые месяцы служения владыки Кирилла были отмечены введением многочисленных новшеств, в том числе архипастырских с народом бесед и общенародного пения. В газете «Тамбовский край» в феврале 1910 года так описывалось общение нового архиерея со своей паствой: после запричастного стиха, «как только владыка разоблачился и в мантии, с посохом в руках, вышел на амвон, преподав общее благословение, он обратился к предстоящим с предложением пропеть тропарь праздника «Радуйся, Благодатная Богородице Дево». Очевидно, тропарь этот известен немногим, почему и в пении приняли участие немногие. Тогда владыка, заметив, что не хорошо не знать тропаря праздника, внятно и членораздельно прочел его несколько раз, предварительно разъяснив его содержание, затем последовательно предложил пропеть его раз пять, и в последний раз в пении приняло участие уже большинство молящихся»[104].

Святитель Кирилл ввел и общее пение Символа веры, молитв «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся», «Достойно есть». Причем владыка, стоя на амвоне, сам поначалу руководил общим пением, разъясняя, что эти молитвословия есть последование преподобного Серафима Саровского, которое может быть исполняемо и в храме, и дома, и при любых жизненных обстоятельствах. Очень скоро общенародное пение в стройности уже могло сравниться с хоровым, а в воздействии на молящихся значительно превосходило оное. Что же удивительного в том, что прихожане, выходя из храма после такого богослужения, восклицали: «Господи! Как хорошо! Какого архипастыря сподобились мы иметь. Дай Бог, чтобы он пожил среди нас подольше. Чтобы его от нас не взяли»[105].

Истовое литургическое служение владыки Кирилла привлекало огромное множество богомольцев. И это при том что владыка чрезвычайно редко служил в кафедральном соборе, предпочитая сокращенному приходскому уставу полноуставную монастырскую служ-

бу в Казанской обители, которую тамбовцы любовно прозвали «кафедральным монастырем». Вошло в обычай, что литургия, начинавшаяся в девять часов утра, завершалась в час дня, а всенощное бдение длилось не менее пяти часов (нередко бывало, что и более — с семи часов вечера, а то и раньше и до часу ночи). Причем прихожане особенно любили именно эти длительные архиерейские службы, совершаемые по монастырскому уставу.

Владыка Кирилл ввел в обычай ежегодное совершение заупокойных литургий в дни памяти тогда еще не прославленных в лике святых протоиерея Иоанна Кронштадтского, епископов Феофана Вышенского и Питирима Тамбовского, старца Оптинского Амвросия и многих других подвижников благочестия XIX—XX веков. Сам владыка служил в эти дни в Казанском монастыре, а викарный епископ (вначале — епископ Григорий, а позже — епископ Зиновий) в кафедральном соборе. После литургии все городское духовенство обычно съезжалось в Казанский монастырь на торжественную панихиду, в этот же день в духовной семинарии, училище и прочих образовательных учреждениях, устраивались чтения в память подвижников благочестия.

Епископ Кирилл был деятельным иерархом, чуждым рутины. Несмотря на то, что владыка чрезвычайно внимательно изучал все поступающие к нему из духовной консистории, духовной семинарии и прочих учреждений бумаги, он, однако, постоянно стремился к тому, чтобы бумажная волокита не заслоняла живой пастырской деятельности. Так, в июне 1913 года владыка Кирилл утвердил решения образованной по его благословению комиссии, которая выработала проект по сокращению канцелярской деятельности благочинных Тамбовской епархии[106], всегда чрезмерно обременявших консисторию излишним бумаготворчеством.

Значительную часть своего времени владыка посвящал объездам обширной Тамбовской епархии, охотно посещая самые отдаленные сельские приходы, причем чаще всего без всякого предварительного уведомления. Эту практику владыка Кирилл завел еще в бытность свою начальником Урмийской Миссии, когда сама жизнь заставляла миссионеров объезжать с богослужебно-проповедническими целями сирийские церкви. Вот и в Тамбовской епархии

епископ Кирилл стремился лично посетить каждый подведомственный ему приход, тем более что эта епархия также нуждалась в духовной Миссии, поскольку терпела бедствия от сектантов, наводнивших этот край. Не случайно уже в 1910 году епископ Кирилл основал Тамбовское просветительско-миссионерское Питиримовское братство.

При входе в храм владыка обычно обращался к местному образу Спасителя, вслух читая слова, начертанные на раскрытом Евангелии, изображенном на иконе, и именно с этих слов начинал свою импровизированную проповедь или же произносил поучение на тему прочитанного за литургией Евангелия или Апостола.

В 1910 году владыка за десять поездок, предпринятых для обозрения своей епархии и знакомства с духовенством[107], посетил все уездные города Тамбовской губернии, пять мужских монастырей, одиннадцать женских, 124 сельских прихода. В городах епископом Кириллом за тот год было осмотрено 63 храма и 25 школ, в селах, соответственно — 124 и 53. Во время обозрения епархии владыкой было сказано 180 поучений[108]. В следующем, 1911 году в продолжение также десяти поездок владыка Кирилл посетил пять городов, пять мужских и девять женских монастырей, 191 сельский приход и произнес 210 поучений. По тем временам это были весьма впечатляющие цифры, особенно если учитывать состояние российских дорог и транспорта в начале XX века[109].

Темы проповедей владыки Кирилла всегда отличались знанием народной жизни. Пьянство, невежественное предубеждение против грамотности и школьного образования, подверженность сектантству — таков был круг тем, которые затрагивал в своих проповедях и поучениях епископ Кирилл. Но не только проповедью вооружался владыка против человеческих пороков. Так, например, в первые же годы его тамбовской деятельности в губернии резко возросло число обществ трезвости. К 1912 году их насчитывалось 567, тогда как в других губерниях численность таковых не превышала 30-ти. Одни только общества Поройского и Липецкого уездов Тамбовской губернии насчитывали в своем составе около 30 тысяч человек. Всего же по всей России к 1912 году действовало 1818 таких организаций.

Просвещение народа и нравственное воспитание в православном духе неизменно оставались предметами попечительной заботы епископа Кирилла, унаследованной им от великого праведника Иоанна Кронштадтского.

Владыка Кирилл был удивительно внимателен и чуток к проблемам юношества, обучавшегося в духовных учебных заведениях, видя именно в них надежду Русской Церкви. Святитель призывал к осознанию каждым семинаристом важности и высоты того служения, которое его в будущем ожидает, напоминал, что даже по одному учащемуся судит народ о всем духовном заведении и духовном сословии. *«Довольно,*— с горечью говорил владыка Кирилл,— *уж очень много грязи, упреков и насмешек проливали до сего времени на семинарии. Имя семинариста сделалось у нас синонимом недоучки, невежества, тупости, необразованности. Докажите обществу, что во многом глубоко оно заблуждалось относительно нас. И не думайте, что это можно будет доказать только галантным обращением, развязным поведением на веселых собраниях, дорогими выгнутыми штиблетами. Не внешними формами убедите вы общество, но своею жизнью. Только за тем, в кого веруют, жизни кого удивляются, словами и делами кого убеждаются,— за тем следуют, того слушают, того советы принимают»*[110]. Будущий священномученик постоянно напоминал учащимся о высоком достоинстве духовного сословия, предстоящего в храме престолу, где совершается Бескровная Жертва, достоинстве, носителем которого может быть только праведный, непререкаемой жизни пастырь, любящий свою паству и любимый ею.

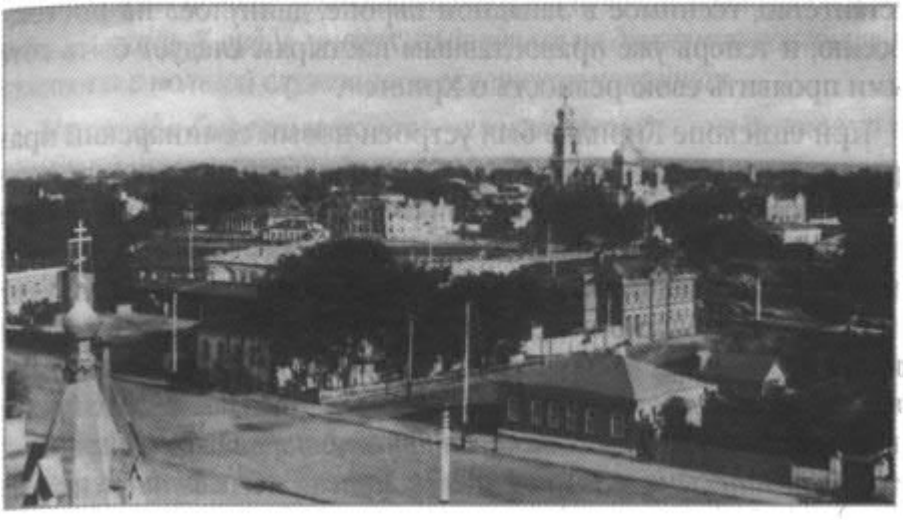
Очень часто владыка инспектировал семинарию и духовные училища, не только обозревая внешние условия деятельности этих духовно-учебных центров, но и непременно стремясь вникнуть в проблемы духовных школ, для чего постоянно беседовал с учащимися, посещал их занятия, прослушивая некоторые лекции, для выяснения уровня преподавания предмета, вместе с семинаристами. Бывало, что владыка посвящал посещению семинарских занятий и беседе с воспитанниками подряд пять-шесть дней[111]. Учащиеся, видя столь попечительную о себе заботу, отвечали епископу Кириллу такой же любовью. О лучшем архипастыре они и не могли мечтать.

Здесь следует привести пример одной из бесед святителя Кирилла с воспитанниками IV класса Тамбовской семинарии после прослушанного ими урока философии: *«Послушал я ваши ответы заданного урока; слышал и повторение нового, и вижу, что вы ведете себя, как и должно философам: хорошо учите — хорошо и слушаете. Сейчас мне невольно вспоминается из моей жизни то время, когда мы готовились к переходу в философский класс. До нас случайно дошел тогда слух, что философия более не будет преподаваться в семинарии, и говорю откровенно, известие это столь сильно поразило и подействовало на нас, что мы, если хотите, совершенно искренно готовы были плакать. Среди нас создалось убеждение, что для переходящего в четвертый класс откроется доселе неведомый мир, сделаются ясными тревожившие его неразрешимые вопросы, и он станет иным человеком.*

Вот перед вами стройною чредою проходят один за другим философы. Каждый из них предлагает свою систему, создает известное мировоззрение, дает определенное объяснение основ бытия. Но приходит другой, опровергает предшественника, разрушает его здание, стремясь на обломках создать свои построения для того, чтобы они были беспощадно разрушены спешащими на смену иными.

Вы, между прочим, упоминали о Шопенгауэре. Как велико было в свое время его влияние, хотя бы на русское общество; но что представляет его система, как не сбор чужого добра? Так естественная человеческая мысль стремится познать и уяснить абсолютную первопричину бытия. Она, как птица, попавшая в клетку, бьется, портит крылья и клюв, и остается немощной ответить на вечно живые и бессмертные вопросы человеческого духа. Разрешение их вы найдете в последующих классах. Но, находясь в этом классе, изучая логический ход умозрений, вы развиваете свой ум. И дай Бог, чтобы это развитие было в добрую сторону»[112].

Отеческие советы и поучения владыки Кирилла всегда добрым семенем падали в сердца семинаристов, видевших за словами своего архипастыря не одно только желание назидать, но и то самоотверженное служение на ниве Христовой, которое отличало святителя. Епископ Кирилл напоминал воспитанникам духовной



Вид города Тамбова. XIX век

школы, чтобы они, достигнув некоторой высоты разумения Христова учения и став способными принимать твердую пищу, не пренебрегали молоком учения, которое заключено в Евангелии. «Приводилось встречать,— с печалью прибавлял владыка,— таких питомцев духовных семинарий, которые по окончании курса ни разу в течение не одного, а нескольких лет не взяли в руки свои Святого Евангелия»[113].

Свободная во Христе личность епископа Кирилла проявлялась буквально во всех его служениях, в том числе и в способности отделить зерно от плевел, выйти за пределы схоластического школьного богословия, часто насаждавшегося в духовных заведениях, и практикой церковной жизни определить значимое и существенное.

Тамбовская епархия была одной из наиболее заселенных сектантами. И вот владыка Кирилл в беседе с семинаристами, изучающими историю борьбы католичества с протестантством, рекомендует не закрывать глаза на действительные достоинства инославных религиозных деятелей и учиться у них (например,

у католиков) любви к исповедуемой вере, ревности о ней, ибо протестантство, теснимое в Западной Европе, двинулось на Восток, в Россию, и теперь уже православным пастырям следует быть готовыми проявить свою ревность о Христе[114].

При епископе Кирилле был устроен новый семинарский храм. При его освящении 16 октября 1911 года архипастырь произнес проникновенную речь на слова прочитанного в тот день Евангелия. В речи владыки отразились и его особое сердечное отношение к воспитанникам семинарии, и его чуткая забота о родителях, понимание родительского беспокойства и озабоченности судьбой своих чад: *«Юноша, тебе говорю, востани»* (Лк. 7, 14). *Не случайно, уверяю вас, не случайно день освящения этого храма упал именно на то воскресение, евангельское чтение которого повествует нам о воскрешении сына наинской вдовы. Хотели мы освятить церковь гораздо ранее даже приезда вашего, но Бог судил совершиться этому святому делу только сегодня. Вдумайтесь, юноши, в нынешнее евангельское чтение. Несут погребать единственного сына наинской вдовы. Целые толпы народа, друзей и родных вдовы следовали за гробом, и никто не мог помочь вдове. И вот подходит Христос, воскрешает мертвеца и дает его матери. Не ясно ли, что Христос воскрешает с тем, чтобы облегчить положение несчастной матери, утешить, успокоить ее. Не определяется ли отсюда и тот путь, по которому должны идти мы, последователи Христа? Не ясно ли отсюда, что наше назначение прежде всего заключается в том, чтобы стремиться насаждать всюду утешение и умиротворение.*

И прежде всего мы должны утешить родителей своих. Несомненно, для родителей наших, на скудные, тощие зернышки которых вы получаете свое образование, существует только одна мечта — видеть вас у престола Божия. Самое искреннее их желание заключается в том, чтобы сын осуществил и продолжил то, что не успели или не смогли сделать они сами. Я не раз видел, как старый сельский иерей с светлой радостью в очах рассказывал мне о том, что у него уже двое-трое сыновей служат пред престолом Всевышнего; я видел и горькие слезы, когда убитый горем отец говорил мне о заблудших детях своих. Не думайте, что я говорю это с тем, что-

бы все вы шли в духовные. О, нет. Я хочу только видеть вас исполнителями слова Божия, независимо от вашего будущего общественного положения. Я видел многих, вышедших из духовного сословия, и с успехом и с пользой служащих на светских поприщах.

Но иногда бывает так, что человек, вышедши из духовного сословия, начинает стыдиться своего происхождения и своего семинарского образования. Если у вас, юноши, явится такой соблазн, то вспомните слова Спасителя: «Юноша, тебе говорю, востани»,— встаньте бодро, и с сознанием своего достоинства носите свое звание и не стыдитесь его. Пусть всегда, когда какое-нибудь стороннее веяние потянет вас в другую сторону, вспоминается вам призыв Спасителя: «Юноша, тебе говорю, востани»,— призыв, который вы слышали в день освящения этого храма, в первый день принесения в нем Бескровной Жертвы»[115].

Насколько глубокое впечатление произвела на семинаристов проповедь епископа Кирилла, можно заключить хотя бы из того, что за следующие два дня 17—18 октября 1911 года в редакцию «Тамбовских епархиальных ведомостей» поступили статьи от 18 (!) воспитанников семинарии с восторженным описанием освящения нового храма и речи преосвященного владыки[116].

Человек волевой и строгий, владыка Кирилл был требователен к духовенству. Он был нетерпим ко всякой небрежности во время богослужения: стоило ему заметить, что два диакона разговаривают в алтаре, как сразу же их имена появились в приказе по епархии с опубликованием в «Тамбовских епархиальных ведомостях». Однако при всем этом требовательность всегда соседствовала с уважением к духовенству. Здесь не было пресловутого противостояния монашества и белого духовенства. Это видно хотя бы из того, что владыка постоянно устраивал в архиерейском доме пастырские собрания городского духовенства, на которых в мирной благожелательной обстановке обсуждались проблемы пастырского служения и вопросы приходской жизни. Уже в 1910 году епископ Кирилл обратил внимание на жалобы причтов городских церквей, что они бывают слабо представлены на епархиальных съездах, и своим решением значительно увеличил число представителей от

приходского духовенства (до 70 человек) и число депутатов от церковных старост (до 35 человек)[117].

Весьма показателен и следующий случай, имевший место после январской сессии епархиального съезда 1910 года. Тогда съезд, обсуждая акты ревизии, бывшей в ноябре 1909 года по поводу недоимок в церквах Тамбова, Борисоглебска и других городов, предлагал применить очень суровые меры к настоятелям «провинившихся» приходских общин. Однако владыка Кирилл, как строгий, но справедливый управитель епархии, одернул излишне ревностных «не по Бозе» депутатов, полагая, что подобные вопросы необходимо решать только в духе любви и мира. *«Съезд не должен был брать на себя не принадлежащих ему прав судебного учреждения,*— писал епископ Кирилл в своей резолюции на протоколах епархиального съезда,— *от него ожидалось деловое и спокойное обсуждение создавшегося положения, а не измышления тех карательных мер, какие епархиальная власть может применить к неисправным плательщикам»*[118].

Дела Тамбовской духовной консистории епископ Кирилл просматривал чрезвычайно внимательно, а резолюции, какие налагал он на решения консистории, могут служить практическим пособием по пастырскому богословию. Владыка Кирилл всегда старался решить любое дело миром и любовью о Христе, но в случае необходимости архипастырь проявлял твердость, так что суд его был строг, но справедлив. Так, делая внушение одному благочинному за попустительство безобразиям, чинимым младшим клиром одной сельской церкви, за бездействие, когда дело можно было решить миром, и нерешительность, когда следовало бы и власть применить, епископ Кирилл 12 августа 1911 года писал: *«Благочинный должен сразу видеть и определять, можно ли случившуюся в причтовой жизни болезнь лечить пластырем благочинического внушения или следует произвести операцию отсечения негодных членов, производящих соблазн в приходах»*[119].

И все же при утверждении решения консистории владыка Кирилл никогда не забывал о том, что решается судьба не просто подведомственного ему клирика, а судьба человека, христианина, который по слабости своей может заблуждаться, но по своему

христианскому достоинству заслуживает снисхождения там, где это снисхождение возможно проявить. Владыка действительно был пастырь добрый, часто бывало, что его резолюция смягчала решение, выносимое консисторией, особенно если он видел искреннее раскаяние провинившегося или его затруднительное семейное положение (многодетность или вдовство). Так, один псаломщик в сане диакона был определен духовной консисторией (за пьянство и грубость) на молитвенные и покаянные труды в Козловский Троицкий монастырь сроком на один месяц с получением от провинившегося подписки «не пить вина под опасением лишения сана и исключения из духовного звания»[120]. Епископ Кирилл утвердил решение консистории, но «ввиду начавшегося исправления» псаломщика-диакона решил «применить присужденное ему наказание условно, оставив Предтеченского на свободе дотоле, пока он будет воздерживаться от тех слабостей, за какие был судим. В случае же новой обнаруженной нетрезвости или грубости немедленно привести настоящий приговор о монастырском подначалии в исполнение». Силу сего условного приговора епископ Кирилл предлагал распространить на трехлетний срок, после чего, если псаломщик окажет исправление, его можно будет «признать достаточно укрепившимся в добром поведении, и дело настоящее посчитать оконченным»[121].

Зная нужды приходского духовенства, святитель нашел возможность изыскать средства для учреждении второго епархиального женского училища в г. Шацке, о чем стало известно на совещании 23 августа 1912 года[122]. Владыка Кирилл для того, чтобы открытие училища состоялось уже в 1912—1913 учебном году, решил открыть его пока, до приискания необходимых средств, без интерната. Но и без этого радости и благодарности приходского (особенно сельского) духовенства не было границ: ведь отныне облегчалось положение их дочерей. Указом Святейшего Синода представление епископа Кирилла об открытии в Шацке училища в составе двух классов без интерната было удовлетворено[123].

Хорошо зная по своему приходскому священническому служению в районе, населенном питерской беднотой, что такое нужда, владыка Кирилл занимался широкой благотворительностью, за что

был очень почитаем в народе. Епископ Кирилл, например, привлек монастыри к помощи ремесленно-воспитательному приюту для малолетних[124], известно и то, сколь велика была заслуга владыки в успешной деятельности Крестовоздвиженского братства, содержавшего Тамбовское училище слепых детей. Постоянно посещая училище, внимательно, ласково и подолгу беседуя с детьми, лишенными (с рождения или после болезни: оспы, кори) зрения, помогая и личными средствами, владыка собственным примером привлекал в братство многих состоятельных особ, спешивших, глядя на самоотверженного архипастыря, также проявить усердие в деле благотворительной помощи детям и училищу. Так, именно владыка привлек к жертвованию на нужды слепых детей Александру Николаевну Нарышкину, вдову обер-камергера (впоследствии статс-даму при императорском дворе), которая сразу же пожертвовала тысячу рублей на школу, а после неоднократно помогала с устроением школьной усадьбы[125]. Среди лиц, которых владыка Кирилл привлек к благотворительному содействию слепым детям, была и княжна Лидия Петровна Кугушева, на средства которой был построен дом для слепых детей и которая всячески отказывалась принимать знаки какой бы то ни было благодарности. Епископ Кирилл, вручая княжне Библию от Святейшего Синода (княжна пожертвовала школе 30 тысяч рублей), сказал: «Вы скромны, княжна. Вы не хотели принимать благодарность. Но благодарность — это христианский долг, на каковой нам указывает притча Христа о десяти прокаженных»[126]. И действительно, будучи сам человеком высокой и безупречной духовной жизни, владыка Кирилл умел привлечь к делам благотворительным именно натуры возвышенные, по-евангельски «чистые сердцем». Так было и при изыскании средств на строительство нового здания училища для слепых детей и храма, устроенного в честь иконы Божией Матери «Нечаянная Радость», каковые владыка Кирилл освятил 30 сентября 1912 года, в воскресенье. После этого на храм были водружены кресты.

11 января 1912 года епископ Кирилл в архиерейских покоях созвал совещание по учреждению Церковно-археологического комитета Тамбовской епархии. После обсуждения проблем, решением которых должен был заниматься новоучрежденный Комитет (а это

историко-археологическое описание церквей и монастырей Тамбовской епархии, содействие исследованиям жизни святых и подвижников благочестия Тамбовского края), был избран председатель Комитета. Им стал ректор духовной семинарии протоиерей Иоанн Александрович Панормов[127]. Безусловно, учреждение Церковно-археологического комитета явилось чрезвычайно важным предприятием, принесшим уже в самые ближайшие годы первые плоды — материалы к истории Тамбовской епархии, историко-статистические и историко-археологические описания монастырей и храмов края. В октябре 1912 года последовал и официальный указ Святейшего Синода с разрешением открыть Тамбовский церковно-археологический комитет[128], тогда же был опубликован в «Тамбовских епархиальных ведомостях» устав этого комитета[129].

2 ноября 1912 года пришло известие о смерти митрополита Петербургского Антония (Вадковского), которого епископ Кирилл хорошо знал и чрезвычайно уважал. Владыку это известие застало в Тамбове. В тот же день в сослужении епископа Григория и в присутствии учащихся и наставников семинарии епископ Кирилл отслужил панихиду по митрополиту Антонию, бывшему когда-то воспитанником Тамбовской семинарии, и сказал в память о нем проникновенную речь: *«Сегодня в 4 1/2 утра скончался святитель земли Русской, первенствующий член Святейшего Синода, высокопреосвященнейший митрополит Петербургский Антоний. Узнавши об этой печальной вести, я решил помолиться вместе с вами о упокоении души митрополита Антония. Высокопреосвященный Антоний имел особенно близкое отношение к нашей семинарии. Он долгое время состоял почетным членом Попечительства о бедных воспитанниках. Митрополит Антоний, как уроженец Тамбова, воспитывался здесь и образование первоначальное получил в нашей семинарии. Во время своего высокого служения митрополит Антоний сделал много хорошего на благо Церкви Православной. Его дела принадлежат истории. Несомненно, что все, что он делал, все хорошее, доброе, благородное, является плодом его доброго сердца, его природы. Но несомненно также, что на все это большое влияние оказало и полученное им образование в здешней семинарии. Митрополит Антоний оставил по себе добрую память. Будем же*

постоянно держать перед собой образ этого благородного святителя, будем стараться следовать ему, и да подаст Господь покой его душе»[130].

3 ноября владыка Кирилл отбыл в Санкт-Петербург, где принял участие в погребении почившего митрополита[131]. В погребении высокопреосвященнейшего Антония участвовало 22 архиерея, свыше 60 архимандритов и митрофорных протоиереев, около 150 священников и иеромонахов, представители Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской и Константинопольской Восточных Церквей. По утверждению современников, «никогда еще не было на Руси, от дней святого Владимира равноапостольного, чтобы в погребении кого-либо принимало участие такое множество архиереев»[132]. Трогательный чин отпевания продолжался четыре часа.

По завещанию митрополита Антония, тело его было положено в простой сосновый гроб и погребено под обычным восьмиконечным дубовым крестом. При обнесении гроба вокруг собора порывом ветра «воздух», которым было закрыто лицо почившего святителя, приподняло, венчик, покрывавший чело, сорвало и унесло в народ. Послышался шепот: «Смотрите, да он, батюшка, захотел показаться народу в последний раз». И народным взорам предстало задумчивое, спокойное, казавшееся живым, лицо почившего владыки[133]. Епископ Кирилл возвращался из Петербурга в Тамбов, глубоко переживая кончину первоиерарха Русской Церкви, который некогда принял столь живое участие в его судьбе.

По завещанию митрополита Антония, Тамбовской семинарии, воспитанником которой он являлся, отходила вся его библиотека, а облачения и кресты распределялись между Казанской и Санкт-Петербургской Духовными академиями и Александро-Невской лаврой[134].

В январе 1913 года викарный епископ Григорий был переведен на другую кафедру, а епископом Козловским, викарием Тамбовской епархии, был назначен бывший викарий Кишиневской епархии епископ Измаильский Зиновий (Дроздов)[135].

Вскоре епископ Кирилл Высочайшим указом от 6 мая 1913 года был возведен в сан архиепископа[136]. Впрочем, это не было знаком особого расположения императорского двора, а только кон-

статацией тех, действительно, высоких заслуг, которые имел перед Русской Церковью преосвященный Кирилл. Монархист по убеждениям, владыка тем не менее обладал слишком независимым и смелым характером, чтобы церковную иерархическую свободу слепо подчинять светской власти. Возможно, поэтому его не особо жаловали при царском дворе (не могли забыть случай с освящением крещенской воды)[137].

Сам святитель Кирилл, лишенный каких бы то ни было честолюбивых устремлений, не искал чинов и наград, но Святейший Синод всегда отмечал достойное архипастырское служение Тамбовского архиерея, что, например, выразилось в поручении ему обревизовать в марте 1913 года Самарское и Уфимское епархиальные управления (тогда еще владыка находился в сане епископа). Интересно, что уже в то время владыка Кирилл обретал незримые, едва уловимые духовные связи с Казанской епархией. Через несколько месяцев после его ревизии на Самарскую кафедру был назначен епископ Михаил (Богданов), а на Уфимскую — епископ Андрей (бывший князь Ухтомский), оба — бывшие викарии Казанской епархии. Сам архиепископ Кирилл, имея прежде такого духовного наставника и высокого покровителя, как митрополит Петербургский Антоний (Вадковский), не мог не знать, что последний был не только воспитанником Тамбовской духовной семинарии, но и выпускником Казанской Духовной академии, являлся даже одно время преподавателем и инспектором ее (в сане архимандрита). Собственно, большинство выпускников Тамбовской семинарии распределялись именно в Казанскую академию, так что владыка Кирилл уже в то время имел постоянные отношения с Казанской епархией, знал многих ее церковных деятелей.

В 1913 году в истории Русской Церкви произошло событие, неожиданно и самым трагическим образом потрясшее ее и обозначившее внутреннее неблагополучие, явившееся, в некотором роде, результатом авторитарного метода решения богословских (и не только богословских) вопросов, метода, воспитанного в иерархии синодальной эпохой.

В свет вышла книга афонского схимонаха Илариона «На горах Кавказа», которая послужила причиной возникновения в православной среде двух партий — «имяславцев» (или «имябожников») и «имяборцев». Последнюю возглавил влиятельный архиепископ Антоний (Храповицкий), что и предопределило результат «полемики»[138]. В 1913 году, вместо всецерковного обсуждения афонского имяславия, появилось синодальное послание, весьма противоречивое и весьма жесткое в отношении «имябожников». Это самым угнетающим образом подействовало на часть православных интеллектуалов[139] и поддерживавшую афонцев часть русской иерархии[140], и, одновременно, посеяло смущение в умы прихожан, богословского образования не имевших. Афонские монахи, приверженцы имяславия, по синодальному указу, высылались с Афона и расселялись (до полного раскаяния) по монастырям Российской империи с запрещением в священнослужении и лишением сана.

Часть афонских монахов попала и в Тамбовскую епархию. И следует отдать должное пастырской мудрости архиепископа Кирилла, который сумел исполнить свое церковное послушание и одновременно проявить к гонимым, но ожесточившимся сердцем, монахам участие и христианское милосердие. В сентябре 1913 года владыке Кириллу поступило письмо священника Михаила Шевалевского с сообщением об упорстве имябожника «инока Панкратия» (в миру — крестьянина Петра Лапина), и просьбой научить, как сказать в своей церкви по поводу афонской смуты и трудно понимаемой ереси об имени «Иисус»[141]. Владыка на этом письме наложил резолюцию: «В храме говорить об ереси нет необходимости, но вопрошающим объяснять с терпением и без раздражения против еретика Лапина. Надо и его убеждать с сожалением о его заблуждении»[142].

Через некоторое время священник сообщал, что инок Лапин возмущает сельчан разговорами, что терпит за Христа и правду Божию, что его скоро сошлют на каторгу или даже предадут смерти[143].

На эти, очевидно спекулятивные, домыслы Лапина владыка Кирилл писал: *«Объявить через благочинного именующему себя монахом Панкратием, что гнать его и преследовать за его еретичество*

никто не станет, а молиться, чтобы Господь Иисус Христос, Истинный Бог наш, пощадил Свое создание, дал бы ему покаяние и обращение на истинный путь, о том будем! Если Петр Лапин был пострижен в монастыре и считает себя монахом, то властию, мне данною, приказываю ему ни с кем, кроме священника своего, не беседовать о вере. Пусть в смирении усердно молится, чтобы Господь избавил его от прелести и снова ввел в ограду церковную»[144].

Вопрос об имяславии не мог, конечно, быть решен однозначно в пользу имяславцев, но многие православные христиане как в России, так и в других православных странах ожидали пересмотра резкого синодального решения, возобновления богословского обсуждения (и выяснения) православного учения об имени Божием, уяснения того, в чем сходились и в чем расходились взгляды сторонников и противников «имяславия». Поместный Собор 1917—1918 годов (где «имяславие» имело авторитетных сторонников в среде ученых и епископата) для решения этого вопроса выделил особую подкомиссию под председательством архиепископа Полтавского Феофана (сторонника «имяславия»). Но революционные события прервали деятельность Собора и работа подкомиссии ограничилась только двумя вступительными заседаниями[145].

Однако не только «имяславие» владело умами русских людей в эти годы. Все более глубоким становилось влияние материализма и атеизма. «Воинствующее безбожие» придумано большевиками только как термин. Как особое социальное явление оно стало проникать в жизнь российского общества гораздо раньше. И здесь свою трагическую роль сыграла отечественная интеллигенция и отечественная пресса. Архиепископу Кириллу приходилось в меру своих сил противостоять нападкам на Церковь, все более усиливающимся с начала XX века. Об этом свидетельствует открытое письмо владыки Кирилла редактору газеты «Тамбовский край». Это был смелый и мужественный шаг, особенно если учитывать, что уже тогда начиналась волна антицерковных газетно-журнальных публикаций.

«Сейчас в № 1476 Вашей газеты, от 9 сего августа,— писал владыка Кирилл,— *прочитал небольшую заметку под заглавием*

«Почетный член Ной», возмутившую меня до глубины души, как открытое глумление над Святой Библией и библейскими лицами.

«Общество американских кораблестроителей и морских инженеров» допустило на своем собрании пошлую выходку: скажите, для чего надо читателям «Тамбовского края» не только знать о том, но и подражать этой пошлости, силясь превзойти американцев пренебрежением к лицам священноисторическим и к откровенному слову Божию, заключенному в Святой Библии?

Не знаю, можете ли Вы себе вообразить, но я отлично представляю то душевное смущение, какое будет переживать всякий, не отказавшийся от Бога человек, читая шутовскую болтовню г. Робура о подводной лодке пророка Ионы с запасом воздуха и пищи. Шутить над тем, кого Господь Христос поставил великим знамением от Ветхого Завета Новому (Мф. 12, 39—40) — значит нагло кощунствовать. Называя поступок Вашей газеты настоящим именем, я исполняю пред ее читателями, моими духовными чадами, свой пастырский долг; Вам же напомню только слова Спасителя: горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит (Мф. 18, 7). В надежде, что Вы не пожелаете навлекать это горе на себя, считаю нужным просить Вас дать настоящему письму место в ближайшем № Вашей газеты»[146].

За заботами будней владыка Кирилл не забывал и о других сторонах своего служения, в особенности — литургической. Достаточно посмотреть на расписание его богослужений: с 24 декабря 1913-го по 7 января 1914 года — 14 литургий и всенощных, совершенных, в основном, в Казанском монастыре[147], а с 1 по 12 апреля (в Светлую и Страстную седмицу) — это все литургии и всенощные, весь круг богослужений этих дней[148]. Если учесть, что обычная литургия (святителя Иоанна Златоуста), совершавшаяся владыкой, длилась около 3,5—4 часов (следовательно литургия Преждеосвященных Даров — и того более), а всенощная — до шести часов, и если учитывать, что и в эти дни архиерей не освобождался от необходимости вести епархиальные дела, то можно сказать, что подобное ревностное литургическое служение было не чем иным, как пастырским подвигом владыки Кирилла.

Помнил владыка и о почивших иерархах и подвижниках благочестия. 2 ноября 1913 года (в годовщину смерти митрополита Антония) владыка совершает в Казанском монастыре заупокойную литургию и панихиду по Петербургскому святителю, 20 декабря — по протоиерею Иоанну Кронштадтскому, 22 декабря — по всем почившим Тамбовским иерархам.

К этому же времени относится и благословение архиепископа Кирилла на устроение в разных местах епархии краткосрочных народно-миссионерских противосектантских курсов. В «Тамбовских епархиальных ведомостях» появляется специальный раздел — «Миссионерский листок», полностью посвященный рассмотрению проблем, связанных с сектантством, весьма активизировавшимся в Тамбовском крае.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Алленов А. Н.* Патриарший избранник//Город Тамбов в прошлом, настоящем и будущем: Тезисы докладов краеведческой конференции. 26 апреля 1996 г. Тамбов, 1996. С. 24.

[2] Журналы заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1883/4 учебный год.— СПб., 1884. С. 39.

[3] Там же. С. 121. Поступившим предлагалось избрать группу предметов по одному из трех отделений в академии: богословскому, церковно-историческому, церковно-практическому.

[4] Там же. С. 123. В тот год изучение английского языка выбрали 10 студентов, немецкого — 45, французского — 18.

[5] Журналы заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1886/7 учебный год.— СПб., 1891. С. 206. См. Приложение 1.

[6] Там же. С. 183.

[7] Журналы заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1887/8 учебный год.— СПб., 1892. С. 184.

[8] Василий Белавин в 1887 году был переведен на 4-й курс вторым по списку (из 62-х человек): см. Журналы заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1886/7 учебный год.— СПб., 1891. С. 179.

[9] Там же. С. 175.

[10] РГИА, ф. 796, оп. 184, 1903 г., д. 2839, л. 99—100.

[11] Памятная книжка по Санкт-Петербургской епархии/Сост. Н. М. Кутепов.— СПб.: Типография Отдельного корпуса Пограничной Стражи, 1899.— Ст. 45.

[12] РГИА, ф. 796, оп. 439, д. 523, л. 13об.—14. Послужной список архиепископа Тамбовского и Шацкого Кирилла.

[13] Памятная книжка по Санкт-Петербургской епархии... С. 236.

[14] Дни памяти равноапостольного Кирилла, учителя Словенского († 869) — 14 (27) февраля и 11 (24) мая.

[15] Урмия (после 1926 — г. Резайе) — город в Иране (до 1936 г.— Персии), административный центр иранского остана (провинции) Западный Азербайджан. Прежде Урмия находилась в административной подчиненности г. Тавризу (совр. Тебриз), который в настоящее время является административным центром иранского остана Восточный Азербайджан.

[16] *Андриевский. А.* Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Ч. 1.— Тамбов, 1911. С. 9.

[17] Желающих более подробно ознакомиться с историей Урмийской Духовной Миссии отсылаем к соответствующей статье иеромонаха Стефана (Садо): Российская православная Миссия в Урмии (1898—1918) //Христианское чтение, 1997. № 13. С. 73—112.

[18] *Иеромонах Стефан (Садо).* Указ. ст. С. 79—80.

[19] РГИА, ф. 796, оп. 165 (1884 г.), д. 1663, л. 718. Полный текст составленной профессором Болотовым записки об айсорах приводится в приложении к статье иеромонаха Стефана (Садо). Профессор СПб Духовной академии В. В. Болотов и вопрос о чиноприеме воссоединения несториан с Русской Православной Церковью в конце XIX века //Христианское чтение, 1997. № 14. С. 97—123.

[20] Архимандрит Феофилакт (Клементьев). Род. в 1870 г. в семье священника Харьковской епархии. Окончил историко-филологический факультет Харьковского университета (1893), а затем — СПбДА (1893—1897) со степенью кандидата богословия. Рукоположен во иеродиакона (февраль 1894 г.), иеромонаха (декабрь 1895 г.). С 26 марта 1898 г.— заведующий Урмийской Миссией, с 29 сентября 1900 г.— архимандрит, начальник Миссии. Отозван в Петербург — лето 1901 г. Настоятель Козловского Троицкого монастыря Тамбовской епархии (апрель 1902 г.), в период с ноября 1903 г. по март 1911 г.— настоятель Заиконоспасского московского монастыря и Жировицкого монастыря Гродненской епархии. Епископ Таганрогский, викарий Екатеринославской епархии (с апреля 1911 г.), епископ Слуцкий, викарий Минской епархии (с апреля 1913 г.). 1917 г.— лето 1919 г.— епископ Елисаветпольский, временный управляющий Кавказским экзархатом. В 1919 г.— епископ Прилукский, викарий Полтавской епархии. С конца 1922 г.— в обновленческом расколе — епископ Ростовский и Таганрогский. Умер в 1923 г. в Ростове-на-Дону.

[21] РГИА, ф. 797, оп. 71, отд. II, ст. 3, д. 291, л. 11—11об.

[22] Там же, л. 16—17.

[23] Там же, л. 24.

[24] Там же, л. 30об.

[25] Там же, л. 31.

[26] Там же, л. 32—32об.

[27] Епископ Сергий (Лавров). Род. в 1878 г. в семье священника Орловской губернии. Окончил Орловскую духовную семинарию (1898) и СПбДА (1902) со степенью кандидата богословия. Пострижен в монашество (февраль 1902), рукоположен во иеромонаха, определением Св. Синода (5. 6. 1902) назначен помощником начальника Урмийской Миссии. С сентября 1903 г.— игумен (за переводческие труды). С июня 1904 г.— начальник Миссии, архимандрит (август 1904 г.). Хиротонисан во епископа Салмасского (1. 12. 1913). С декабря 1914 г. по июль 1915 г.— эвакуирует Миссию из Урмии в Россию (Тифлис, Тамбов, Петроград). В июле 1916 г. назначен епископом Соликамским, викарием Пермской епархии, затем — епископом Семиреченским (январь 1917 г.). После отъезда из Урмии пребывал в Тамбове, не выезжая в место новых назначений. В 1918 г. числился на покое. В 1920 г. управлял Екатеринодарской епархией. Выслан в Туркестан. С 1923 г. временно управляющий Ташкентской епархией. В феврале 1927 г. уклонился в обновленческий раскол. Дата смерти неизвестна. Биографическая справка епископа Сергия приводится по: *Стефан (Садо), иером.* Российская православная Миссия в Урмии//Христианское чтение. № 13. 1996. С. 111.

[28] РГИА, ф. 797, оп. 71, отд. II, ст. 3, д. 291, л. 43—43об. Определение Св. Синода от 31 мая—3 июня 1902 г. за № 2400

[29] Четыре сохранившихся письма архимандрита Кирилла митрополиту Антонию (Вадковскому) и письмо архимандрита Кирилла Российскому Императорскому генеральному консулу в Азербайджане (написанные в период с 8 ноября 1902 года по 20 апреля 1903 года) приводятся полностью в Приложении 2.

[30] РГИА, ф. 797, оп. 71, отд. II, ст. 3, д. 291, л. 75об.—76.

[31] РГИА, ф. 796, оп. 185, д. 2922, л. 5об.

[32] Там же, л. 7.

[33] РГИА, ф. 834, оп. 4, д. 938, л. 7—7об.

[34] Там же, л. 7об.

[35] РГИА, ф. 796, оп. 185, д. 2922, л. 7—7об.

[36] Там же, л. 23—23об.

[37] Там же, л. 24.

[38] РГИА, ф. 834, оп. 4, д. 938, л. 49об.

[39] Там же, л. 11.

[40] Там же, л. 10—10об.

[41] Там же, л. 39.

[42] Там же, л. 39об.

[43] Там же, л. 13.

[44] Там же, л. 13—13об.

[45] РГИА, ф. 796, оп. 185, д. 2922, л. 4.

[46] РГИА, ф. 834, оп. 4, д. 938, л. 28.

[47] Серпераст — губернатор для православных айсор.

[48] РГИА, ф. 834, оп. 4, д. 938, л. 29.

[49] Из отчета архимандрита Кирилла «Урмийская православная духовная Миссия с сентября месяца 1902 года по август месяц 1903 года»// РГИА, ф. 796, оп. 185, д. 2922, л. 22.

[50] Там же, л. 22—22об.

[51] Там же, л. 24—24об.

[52] Там же, л. 25.

[53] РГИА, ф. 797, оп. 73, II отд., 3 ст., д. 524, л. 1.

[54] Там же, л. 2—2об.

[55] Там же, л. 3. Секретная телеграмма Власова: «Тегеран, 4/17 декабря 1903 г. Мушир сообщил мне час тому назад нижеследующую собственноручную резолюцию шаха на донесение урмийского губернатора о том, что наш вице-консул формально противится передаче всех храмов несториан, не присоединившихся к Православию: «Сообщить это кому следует и пояснить, что никто не вправе покровительствовать персидским подданным в Персии, буде то православные или нет, равным образом никто не вправе вмешиваться в их духовные дела». Вследствие жалоб несториан, не присоединившихся к Православию, шах приказал передать им все храмы и церковное имущество, предоставив православным построить собственные храмы с его, шаха, разрешения. Других сведений у меня не имеется. Опасаюсь, чтобы вмешательство наше в этот вопрос не испортило отношений к нам шаха. Полагал бы настаивать лишь на возвращении нашей Миссии храма Мар-Мариам. Ожидаю указаний».

[56] Д. С. С.— действительный статский советник.

[57] РГИА, ф. 797, оп. 73, II отд., 3 ст., д. 524, л. 2об.

[58] Записка архимандрита Кирилла, датированная 13 декабря 1903 года, полностью приводится в Приложении № 3.

[59] РГИА, ф. 797, оп. 73, II отд., 3 ст., д. 524, л. 7об.

[60] Там же, л. 16.

[61] Там же.

[62] Там же, л. 18об.—20.

[63] Там же, л. 5—5об.

[64] *Стефан (Садо), иером.* Российская православная Миссия в Урмии//Христианское чтение. № 13. 1996. С. 105.

[65] РГИА, ф. 797, оп. 73, II отд., 3 ст., д. 524, л. 27.

[66] *Стефан (Садо), иером.* Указ. соч.

[67] РГИА, ф. 796, оп. 439, д. 523, л. 13об.—14.

[68] Там же, оп. 185, д. 714, л. 1.

[69] Следует отметить, что на утверждение императора Николая II было предложено 12 архимандритов на 4 вакантных кафедры (по три кандидата на каждую кафедру), из них для епископской хиротонии был утвержден лишь один кандидат (на Сумскую викарную кафедру), принявший монашество еще в духовной академии, остальные трое утвержденных кандидата либо приняли монашество после светской службы, либо после того, как, будучи белым духовенством, овдовели.

[70] РГИА, ф. 796, оп. 185, д. 714, л. 12. Определение Св. Синода от 12 мая 1904 года за № 2479.

[71] Там же, оп. 184, д. 2839, л. 135.

[72] Там же, оп. 185, д. 714, л. 40. Рапорт митрополита С.-Петербургского и Ладожского Антония Св. Синоду от 10 августа 1904 г. за № 6810.

[73] 15 марта 1908 года на годовом собрании братства сообщалось, что в ведении братства находится 559 церковно-приходских школ разного типа с 25 248 учащимися, а также 8 второклассных школ с 285 учащимися. Известия по СПб. еп. 1908. № 8–9. С. 58.

[74] РГИА, ф. 796, оп. 439, д. 523, л. 14об.–15.

[75] В 1908 году, например, на годовом собрании братства владыка Кирилл делал особый доклад о положении Православной Церкви в Урмии. Известия по СПб. еп. 1908. № 8–9. С. 59.

[76] Известия по СПб. еп. 1908. № 4. С. 25.

[77] Там же. С. 5.

[78] «В самый день Крещения, требования полиции поставить чан с кипяченой водой на льду у Иордани лаврское духовенство отвергло. Вода была освящена епископом Кириллом Гдовским, в сослужении архимандритов лавры, прямо в проруби Невы»// *Нилус С. А.* На берегу Божьей реки: Записки православного.– Сергиев Посад: Троице-Сергиева лавра, 1991. С. 19.

[79] Там же. С. 18.

[80] Епископ Иннокентий (Беляев) находился на Тамбовской кафедре с 1903 по 1909 г.

[81] Известия по СПб. еп. 1908. № 22. С. 29.

[82] Русский паломник. № 45. 1909. С. 731.

[83] Пастырский венок дорогому батюшке о. Иоанну Кронштадтскому. [Репринт. изд.]: Ютика, 1965. С. 208.

[84] Отец Иоанн Кронштадтский.– СПб.: Рус. Народ. Союз им. Михаила Архангела. 1909. С. 111.

[85] Там же. С. 113.

[86] Пастырский венок... С. 212.

[87] Отец Иоанн Кронштадтский. С. 114.

[88] Там же. С. 115.

[89] Пастырский венок... С. 215.

[90] Там же. С. 222.

[91] Там же. С. 244.

[92] Там же. С. 250.

[93] РГИА, ф. 796, оп. 190, I отд., 2а ст., д. 422, л. 1.

[94] Доклад был представлен императору Николаю II за подписями: митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония, митрополита Московского и Коломенского Владимира, митрополита Киевского и Галицкого Флавиана, архиепископа Литовского и Виленского Никандра, архиепископа Ярославского и

Ростовского Тихона, епископа Оренбургского и Тургайского Иоакима, епископа Полтавского и Переяславского Иоанна и протопресвитера Военного и Морского духовенства Александра Желобовского.

[95] РГИА, ф. 796, оп. 190, I отд., 2а ст., д. 422, л. 3.

[96] Там же, л. 4.

[97] А епископом Гдовским был поставлен Вениамин (Казанский), будущий священномученик, убиенный в ночь с 12 на 13 августа 1922 г. Архиерейским Собором РПЦ причислен к лику святых 5 апреля 1992 г.

[98] Андриевский А. Указ. соч. С. 12.

[99] Там же. С. 27.

[100] Григорий (в миру — Яцковский Гавриил Иулианович), род. 30 июля 1866 г. в Каменец-Подольской губ., в крестьянской семье. Окончил Подольскую духовную семинарию, Киевскую Духовную академию (1894) со степенью кандидата богословия, был: преподавателем Александровского духовного училища в Осетии (1894) и Томской духовной семинарии (1895); инспектором Иркутской духовной семинарии (с 08. 11. 1896); ректором Томской духовной семинарии (с 27. 10. 1897), архимандритом; ректором Рязанской духовной семинарии (с 28. 10. 1901). Хиротонисан во епископа Козловского, викария Тамбовской епархии (ноябрь 1908). Епископ Бакинский (1912—1917), Елисаветпольский (1917), Екатеринбургский и Ирбитский (позже Свердловский и Уральский), архиепископ. 9 (22) декабря 1925 — инициировал т. н. «григорианский» раскол, возглавив Временный Высший Церковный Совет (ВВЦС). Митрополитом Сергием запрещен в священнослужении. «Митрополит» и «Блаженнейший» (в расколе). Скончался 9 марта 1932 в Свердловске вне общения с РПЦ. Погребен у Петропавловского собора (бывшая кладбищенская церковь).

[101] Тамбовские епархиальные ведомости. 1910. № 5. С. 190.

[102] Там же. С. 192.

[103] Там же. 1910. № 6. С. 193.

[104] Там же. 1910. № 7. С. 272—273.

[105] Там же. С. 274—275.

[106] ГАТО ф. 181, оп. 1, д. 2175, л. 2048—2053об.

[107] 9 февраля владыка Кирилл обозревал школы и церкви г. Кирсанова; с 14 по 26 февраля — церкви и школы г. Козлова, Елатомского и Темниковского уездов, гг. Кадома, Темникова, Спасска, Саровскую и Вышенскую пустыни, Санаксарский монастырь; в марте — г. Моршанск; в мае — дважды выезжал для освящения храмов в Ахтырском женском монастыре Козловского уезда и в слободе Голынщине Кирсановского уезда; с 31 мая по 4 июня обозревал церкви и школы Шацкого и Моршанского уездов и Моршанскую женскую общину; 25—28 июня церкви и школы гг. Усмани и Борисоглебска; в июле посетил г. Елатьму и Елатомский уезд; в сентябре предпринял продолжительную поездку по уездам Тамбовскому, Козловскому, Липецкому и Усманскому; 3—6 ноября осматривал церкви и школы г. Лебедяни. // Тамбовские епархиальные ведомости. 1911. № 11. С. 617—618.

[108] *Протоиерей Тихон Поспелов.* Обозрение Его Преосвященством, Преосвященнейшим Кириллом, епископом Тамбовским и Шацким церквей, монастырей и школ епархии в 1910 году// Тамбовские епархиальные ведомости. 1911. № 15–16. С. 930.

[109] Тамбовские епархиальные ведомости. 1912. № 22–23. С. 1160.

[110] Там же. № 17–18 (1. 5), 1910. С. 617–622.

[111] Так, владыка Кирилл в течение 5 дней (с 7 по 11 октября 1913 г.) посещал семинарию, оставаясь в ней в течение классных уроков, начиная с общей утренней молитвы (8 ч. 30 мин.) и до 2 часов дня// Тамбовские епархиальные ведомости. 1913. № 43. С. 1403.

[112] Там же. 1910. № 13. С. 514–515.

[113] Там же. С. 503.

[114] Там же. С. 503–504.

[115] Там же. 1913. № 43. С. 1506–1508.

[116] Там же. С. 1509.

[117] ГАТО, ф. 181, оп. 1, д. 2114, л. 920. Резолюция епископа Кирилла была следующей: *«1910. Марта 30. Для устранения жалоб на то, что причты городских церквей бывают слишком слабо представлены на епархиальных съездах, предписать благочинным градских округов: Тамбовского, Козловского, Моршанского, Борисоглебского, Липецкого и Усманского, чтобы они, по должном избрании и по утверждении избранных епархиальным начальством, командировали на будущий епархиальный съезд: от городов Тамбова и Козлова по четыре депутата, от Моршанска трех депутатов, от городов Борисоглебска, Липецка и Усмани по два депутата. Таким образом, общее число депутатов от духовенства будет на съезде семьдесят человек. Что касается количества участников съезда от лица церковных старост епархии, то, утверждая предположенный консисторией распорядок избрания таких участников, предлагаю консистории сделать распоряжение, чтобы от городов Тамбова, Козлова и Моршанска были избраны на съезд и представлены к утверждению по два депутата от местных церковных старост, а от остальных девяти городов по одному; от уездов Лебедянского, Липецкого, Спасского и Темниковского по одному депутату от всех старост уезда, а от остальных восьми уездов по два депутата. Таким образом, всех депутатов от церковных старост будет на съезде 35 человек. Епископ Кирилл».*

[118] Тамбовские епархиальные ведомости. 1910. № 14. С. 251–252.

[119] ГАТО, ф. 181, оп. 1, д. 2134, л. 1023об.

[120] Там же, д. 2154, л. 256об.

[121] Там же, л. 254.

[122] Тамбовские епархиальные ведомости. 1912. № 34. С. 1522.

[123] Указ Св. Синода за № 14156 от 20 сентября 1912 г. // Тамбовские епархиальные ведомости. 1912. № 40. С. 1010–1011.

[124] ГАТО, ф. 181, оп. 1, д. 2154, л. 1437.

[125] Тамбовские епархиальные ведомости. 1911. № 44. С. 1543.

[126] Там же. С. 1544.

[127] Там же. 1912. № 3. С. 42–43.

[128] Указ Св. Синода от 2 октября 1912 года за № 14719//Тамбовские епархиальные ведомости. 1912. № 41. С. 1016.

[129] Там же. С. 1020–1024.

[130] Там же. 1912. № 45. С. 1882.

[131] Там же.

[132] М. Б. Антоний, митрополит С.-Петербургский и Ладожский/М. Б.– Пг.: О-во расространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви, 1915. С. 267.

[133] Там же. С. 266.

[134] Там же. С. 290.

[135] Зиновий (в миру – Дроздов Николай), архиепископ. Род. 14 июля 1875 г., окончил Костромскую ДС (1897), рукоположен во иерея, овдовел. Поступил в СПбДА (1900), пострижен в мантию (1903), окончил СПбДА со степенью кандидата богословия (1904). Иеромонах на госпитальном судне «Орел» (с 14. 08. 1904). Преподаватель Вятской духовной семинарии (с 23. 09. 1905), смотритель Кутаисского духовного училища (с 28. 09. 1906), с 14. 07. 1907 – правитель канцелярии Экзарха Грузии архиепископа Никона (Софийского), архимандрит (с 12. 09. 1907); поскольку после убийства грузинскими националистами архиепископа Никона (28 мая 1908 г.) жизнь архимандрита Зиновия также находилась в опасности; решением Св. Синода переведен на должность смотрителя Екатеринбургского духовного училища (13. 07. 1908); ректор Кишиневской духовной семинарии (с 22. 01. 1909); хиротонисан во епископа Измаильского, викария Кишиневской епархии (11. 12. 1911); епископ Козловский, викарий Тамбовской епархии (с 17. 01. 1913); епископ Тамбовский и Шацкий (с 22. 05. 1918). Летом 1922 г. отстранен от управления епархией обновленцами, спустя несколько месяцев арестован. К ноябрю 1924 г. выслан в Москву. 12. 04. 1925 г. – в числе подписавших акт о передаче высшей церковной власти митрополиту Петру (Полянскому). В апреле 1926 г. выслан в Арзамас, с сентября 1927 – в тюрьме г. Арзамаса, затем Нижнего Новгорода, 8 октября 1927 освобожден, 17-го выехал в Москву. Декларации митрополита Сергия не принял, по прошению уволен от управления Тамбовской епархией (октябрь 1927 г.); проживал в г. Муроме Владимирской обл. Арестован ок. 1940 г., умер в концлагере (?).

[136] «Высочайшим указом в 6-й день мая сего года данным, Его Преосвященство Преосвященнейший Кирилл, епископ Тамбовский и Шацкий, во внимание к примерно ревностному и отлично-полезному служению в священном сане, возведен в сан архиепископа» // Тамбовские епархиальные ведомости. 1913. № 19. С. 379.

[137] Впрочем, нет никаких оснований полагать, что кто-либо из Царской Семьи лично не благоволил к Тамбовскому владыке. Скорее всего, как это часто бывало, имела место чиновная неприязнь кого-то из придворного окружения.

[138] При всем уважении к неординарной личности владыки Антония (Храповицкого), к его деятельности по формированию ученого монашества и к трудам по восстановлению в России патриаршества, нельзя не признать: борьба с «имяславцами» не являлась для него глубоко продуманным решением. Митрополит Вениамин (Федченков) в своей статье «Имяславие» в книге «Протоиерей Иоанн Сергиев» (кстати, св. Иоанн Кронштадтский был сторонником имяславия) писал: «Упомяну об одном печальном факте. Известный митрополит Антоний (Храповицкий), бывший самым ярым противником афонских «имябожников»,— оказалось, сам не читал нашумевшей книги, в коей высказывалось это выражение об имени Бог, «На горах Кавказа»,— и с коей, собственно, и началось противное течение. Однажды, когда митрополит Антоний был уже митрополитом Киевским, с ним на обеде начала разговор Елисавета Феодоровна: почему он так сильно восстал против этой книги; а она была издана на ее средства и после одобрения сведущими лицами. Митрополит Антоний, к великому удивлению и тяжелому смущению Елисаветы Феодоровны, ответил ей, что он сам-то не читал этой книги, а ему докладывал миссионер!» — Цит. по: *Флоренский П. А.* У водоразделов мысли. Т. 2.— М.: изд-во «Правда», 1990. С. 426.

[139] Имяславие поддерживали профессор МДА М. Д. Муретов, М. А. Новоселов, Ф. Д. Самарин, В. Ф. Эрн, С. Н. Булгаков, А. Ф. Лосев, священник Ф. Андреев, священник Павел Флоренский. Последний в имяборчестве видел влияние богословского рационализма и позитивизма, проникшего в православие из протестантизма, и сравнивал имяборчество с иконоборчеством и варлаамитством. Привлекая паламитские категории энергии и сущности, о. Павел Флоренский видел в имени Божием энергию Божию, в которой присутствует и Сущность Бога, т. е. Сам Бог. Таким образом, Бог и имя Божие существуют, по мнению о. Павла Флоренского, нераздельно и неслиянно (Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь.— М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2000. С. 479—480).

[140] Среди тех, кто поддерживал имяславцев и высказывался за более глубокий богословский анализ возникшего учения, были: архиепископ Феофан (Быстров), епископ Феодор (Поздеевский) и др. Среди тех, кто одобрил издание книги, был и преп. схиархимандрит Гавриил (Зырянов), старец Седмиезерной и Псковской Спасо-Елеазаровой пустынь.

[141] ГАТО, ф. 181, оп. 1, д. 2174, л. 41об.

[142] Там же, л. 40.

[143] Так, увы, часто бывает, что вызывающее сочувствие движение мысли, как только оно теряет укорененность в христианской любви и увлекается в какую-то озлобленность против мира, злую мечтательность о высоте и славе своего «мученичества», тут же впадает в сектантство, и, действительно, само выводит себя из церковной ограды. Так было со старообрядцами, так произошло и с частью (хотя и не столь значительной) афонских имяславцев, в пылу полемики потерявших чувство меры, посчитав собственную формулировку учения об имени Божи-

ем единственно верной, и отложившихся от церковной власти после 1917 года, удалившись на Кавказ.

[144] Там же, л. 32.

[145] *Зандер Л. А.* Бог и Мир.— Париж, 1948. Т. 1. С. 53.

[146] Тамбовские епархиальные ведомости. № 32 (11. 8), 1912.

[147] См.: Расписание архиерейского служения в г. Тамбове архиепископа Кирилла и епископа Зиновия с 24. 12. 13 по 07. 01. 14 //Тамбовские епархиальные ведомости. 1913. № 51. С. 1339—1341.

[148] См.: Расписание архиерейского служения в г. Тамбове на Страстной и Светлой седмице 1914 г. //Тамбовские епархиальные ведомости. 1914. № 12—13. В эти дни архиепископ Кирилл служит в Казанском мужском, Вознесенском женском монастырях и Христорождественском соборе.

ГЛАВА II

СЛУЖЕНИЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОГО КИРИЛЛА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ДВУХ РЕВОЛЮЦИЙ

РОЛЬ АРХИЕПИСКОПА КИРИЛЛА В КАНОНИЗАЦИИ СВЯТИТЕЛЯ ПИТИРИМА ТАМБОВСКОГО

Священномученику Кириллу принадлежит исключительная роль в подготовке прославления святителя Питирима Тамбовского. Канонизация происходила в дни, когда уже разразилась первая мировая война, однако работа по подготовке прославления началась почти за три года до этого.

С самых первых дней пребывания на Тамбовской кафедре владыка Кирилл прилагал усилия к большему распространению почитания святителя Питирима Тамбовского, поддержав идею его прославления. Однако канонизация в синодальную эпоху была сопряжена со многими трудностями. Вопрос о прославлении святителя мог растянуться на долгие годы. Для успешного прохождения дела через синодальную канцелярию, а затем для достойной подготовки канонизации потребовались значительные усилия со стороны преосвященного Кирилла.

В мае 1912 года ходатайство владыки Кирилла, духовенства всех епархиальных городов и городского самоуправления о прославлении святителя Питирима Тамбовского принесло первые свои результаты. Святейший Синод, «рассмотрев означенное ходатайство, поручил преосвященному Кириллу, епископу Тамбовскому и Шацкому, образовать на месте комиссию для расследования

чудес, совершившихся при мощах святителя, и о последующем довести до сведения Святейшего Синода»[1]. Можно предполагать, что благоприятному решению этого вопроса способствовало то обстоятельство, что в январе 1912 года епископ Кирилл был вызван в Петербург для присутствия в Синоде[2] и, оставаясь там до 17 апреля 1912 года, имел возможность лично участвовать в продвижении этого вопроса.

14 января 1913 года, как сообщили «Тамбовские епархиальные ведомости», состоялось восьмое и последнее заседание особой комиссии (под председательством преосвященного Кирилла) по обследованию чудотворений, совершившихся по вере в молитвенное предстательство пред Богом святителя Питирима, на котором было завершено рассмотрение чудес святителя, произошедших в прежнее время[3]. После этого владыка направил результаты деятельности комиссии (засвидетельствованные описания 34 чудотворений, совершившихся по молитвам святителя Питирима) в Святейший Синод[4].

В январе 1914 года, владыкой Кириллом было получено Деяние Святейшего Синода от 25 января 1914 года, в котором среди прочего говорилось: «Ныне, по получении от Преосвященного тамбовского подлинных достоверных свидетельств о чудесных действиях, совершившихся благодатным предстательством епископа Питирима, рассмотрев во всей подробности и со всевозможным тщанием обстоятельства важного дела, Святейший Синод нашел, что многочисленные случаи благодатной помощи по молитвам епископа Питирима, обследованные надлежащим образом, не оставляют никакого сомнения в своей достоверности... По сему Святейший Синод, в полном убеждении в достоверности таковых чудес, воздав хвалу дивному во святых Своих Господу Богу, присно благодеющему твердой в праотеческом прославлении Российской Державе, благоволившему явить нового светильника Церкви Российской как новое и великое знамение Своих благодеяний православному народу русскому, подносил Его Императорскому Величеству всеподданнейший доклад, в коем полагал: 1) во блаженной памяти почившего Питирима, епископа Тамбовского, признать в лике святых, благодатию Божиею прославленных, оставив всечестные останки его

Святой император-страстотерпец Николай II

под спудом, на месте их упокоения; 2) торжественное прославление святителя Питирима совершить 28 июля 1914 года, в день памяти его; 3) службу святителю Питириму составить особую, а до времени составления таковой, после дня празднования прославления памяти его, отправлять ему службу общую святителям, память же его праздновать в день преставления и прославления его, 28 июля и 4) объявить о сем во всенародное известие от Святейшего Синода»[5].

Этому синодальному документу предшествовал доклад Святейшего Синода, представленный обер-прокурором на Высочайшее рассмотрение Его Императорского величества. На этом докладе государь император Николай II 28 июня 1913 года собственноручно начертал: «Согласен. Прочел с чувством истинной радости и умиления»[6]. Тогда на очередном своем заседании Святейший Синод определением от 1—13 июля 1913 г. постановил поручить митрополиту Санкт-Петербургскому совместно с Преосвященным Тамбовским и другими иерархами, которые прибудут в Тамбов, совершить 28 июля 1914 года торжественное прославление святителя Питирима, епископа Тамбовского.

Кроме того, Святейший Синод определил: «Благословить совершить во всех православных храмах империи 27 июля 1914 года, накануне дня прославления святителя Питирима, всенощное бдение новопрославленному угоднику Божию, а где не принято совершать таковых бдений, то в самый день прославления, то есть 28 июля 1914 года, утренние богослужения по общему чинопоследованию службы святителям и затем в тот же день 28 июля Божественные литургии, а по окончанию их молебствия; поручить Хозяйственному Управлению при Святейшем Синоде сделать распоряжение о том, чтобы в издаваемые по духовному ведомству святцы была внесена память преставления и церковного прославления святителя Питирима (28 июля)»[7].

Указ о грядущей канонизации святителя Питирима Тамбовского был напечатан в «Епархиальных ведомостях» вместе с воззванием архиепископа Кирилла: «Призываю сопастырей моих, иереев Божиих с сослужителями их, честными диаконами и клириками, всех в иноческом чине подвизающихся и всех состояний и возрас-

тов православных людей, в мирском житии свое спасение содевающих, объединиться в благоговейной Господу благодарности и смиренной готовности послужить всемерно молитвою, и личным трудом, и от избытка имений своих достойному устроению и радостному совершению великого торжества Святой Церкви Православной в предстоящем прославлении как Божиего угодника святителя Тамбовского Питирима»[8].

Обращение владыки Кирилла возымело свое действие, и весьма скоро на его имя стали поступать средства от храмов и монастырей епархии на должное устроение предстоящих торжеств (к декабрю 1913 года эта сумма составляла более 15 тысяч рублей)[9].

Царская Семья не оставляла своим вниманием предстоящее прославление Тамбовского святителя. Вскоре после указа о канонизации государыня императрица Мария Феодоровна пожертвовала три тысячи рублей на постройку часовни над колодцем святителя Питирима, а великая княгиня Елисавета Феодоровна — 100 рублей[10]. В марте 1914 года императрица пожертвовала 500 рублей на устроение сени над вышеупомянутым колодцем святителя, а великий князь Михаил Александрович — 300 рублей[11].

В мае 1914 года из Святейшего Правительствующего Синода был получен указ Его Императорского Величества о разрешении архиепископу Кириллу, в соответствии с его ходатайством, «при предстоящем прославлении святителя Питирима, изнести честные его останки и положить их в особый гроб и раку, для благоговейного поклонения верующих»[12].

По получении известия о предстоящей канонизации святителя Питирима в Тамбов стали прибывать паломники и богомольцы из разных мест Российской империи. 30 мая 1914 года поклониться гробу угодника Божия прибыло 2,5 тысячи оренбуржцев вместе со своим духовенством. Они прибыли в двух специальных поездах. Владыка Кирилл совершил в этот день панихиду, с общенародным пением, по еще не канонизированному святителю Питириму, которая продолжалась с 13-ти до 16 часов 30 минут. Архиепископ не покинул нижнего храма кафедрального собора до тех пор, пока последний паломник не приложился ко гробу Тамбовского святителя и к кресту, с которым стоял сам владыка Кирилл[13].

Подготовка к прославлению святителя Питирима проходила с большим воодушевлением. По мысли архиепископа Кирилла, для большей торжественности и величественности такого события следовало организовать грандиозный большой мужской хор, состоящий исключительно из клириков Тамбовской епархии. Причем песнопения всенощного бдения, литургии, панихиды и парастаса должны были исполняться знаменным распевом. Поначалу подобная идея Преосвященного вызвала скептическое недоверие у специалистов: знаменным распевом литургии и всенощные бдения не исполнялись в России с давних пор, и требовалось большое мужество и дарование, чтобы взяться за подбор достойных певчих и организацию из них благозвучного хора. Однако и здесь владыка Кирилл все предусмотрел. Регент Михаил Степанович Покровский сумел создать замечательный хор из 160 священников, диаконов и псаломщиков[14].

Торжество прославления святителя Питирима готовилось тщательно и масштабно. В начале мая, за три месяца до канонизации, уже был произведен ремонт нижнего храма, где почивали мощи святителя Питирима, замощена и частью заасфальтирована соборная площадь. К колодцу святителя Питирима устроена широкая гранитная лестница, начат капитальный ремонт верхнего храма кафедрального собора и соборной колокольни[15]. Для торжественных служб на средства кавалерственной статс-дамы А. Н. Нарышкиной для всего духовенства, какое предполагало участвовать в торжествах, изготовлялись новые, праздничные облачения[16]. Ко времени Питиримовских торжеств был издан план г. Тамбова с обозначением платных квартир, зданий и помещений бесплатного размещения паломников, медицинских пунктов, больниц и пр. Для организованного проведения торжеств было создано несколько губернских комиссий: квартирная, медико-санитарная и барачная (занимавшаяся бесплатным размещением богомольцев в загородных палатках, коих предполагалось устроить около 2,5 тысяч, и строительством двух бараков на 300—400 человек для наиболее немощных паломников)[17].

Святитель Питирим, епископ Тамбовский

Хотя предстоящие торжества были несколько омрачены известием о начале войны с Германией, тем не менее для Тамбовской епархии лето 1914 года выдалось богатым и на радостные события. Так, 19 июня в Шацке состоялась торжественная закладка нового здания епархиального женского училища. Своим участием это торжество освятил и владыка Кирилл. Стоит ли говорить, какое значение имело это событие для приходского духовенства.

Само прославление святителя Питирима состоялось 28 июля 1914 года, в понедельник.

Сохранились воспоминания одного из очевидцев этого события,— события знаменательного не для одной только Тамбовской епархии, но и для всей Русской Церкви[18]. Вот что пишет упомянутый очевидец: «К совершению незабвенного торжества предстояли большие подготовительные работы. На средства А. Н. Нарышкиной Спасо-Преображенский кафедральный собор был капитально отремонтирован. В нижнем храме, где почивали мощи святителя Питирима, стены и потолки были отделаны под мрамор, так что в вечернее время зажженные свечи и лампады красиво отражались. Верхний Преображенский храм был богато расписан итальянскими мастерами. Снаружи собора также были произведены большие работы. Площадь перед собором покрыта асфальтом. В северо-восточной стороне построена открытая шатровая церковь для паломников, которых не мог вместить собор. В сотнях саженей от собора, над колодцем святителя Питирима, была сооружена богатая металлическая часовня с золотым верхом и крестом. Над колодцем в большой резервуар наливалась вода, которая по трубам, имевшим множество кранов, шла к богомольцам. К колодцу вела широкая мраморная лестница. Для предстоящих торжеств заготовлено роскошное парчовое облачение: розово-голубое, с золотистым отливом, архиепископом Кириллом были выписаны из патриаршего архива ноты XVII века — времен святителя Питирима и устроен хор из диаконов и псаломщиков епархии, в его составе было более 200 человек. Хор размещался в духовной семинарии, где проводились спевки в течение всего лета.

На торжества прибыли следующие архипастыри, уроженцы Тамбовской епархии: высокопреосвященный Владимир, митропо-

лит Санкт-Петербургский и Ладожский; преосвященные: Василий, епископ Черниговский и Нежинский; Тихон, епископ Уральский; Амвросий, епископ Михайловский, викарий Пензенской епархии; Варлаам, епископ Гомельский, викарий Могилевской епархии[19], а также настоятель Саровской пустыни игумен Иерофей, настоятель Вышенского монастыря архимандрит Ипатий, настоятель Иоанно-Предтеченского монастыря (основанного святителем Питиримом) архимандрит Иринарх и многие другие настоятели монастырей Тамбовской епархии. В торжестве принимали участие и все настоятели приходских церквей города Тамбова, а также много архимандритов, игумены, иеромонахи, протоиереи и священники из других епархий, причем некоторые прибыли с крестными ходами, с хоругвеносцами, одетыми в темно-синие кафтаны с золотыми галунами (принеся в дар собору ценные хоругви). Ввиду начавшейся Первой мировой войны некоторые крестные ходы были отменены.

В последние дни перед торжеством ежедневно совершались всенощные, литургии и панихиды по святителю Питириму при участии множества народа. Торжества начались 27 июля (по старому стилю) совершением заупокойной всенощной, за которой помянуты были в последний раз святитель Питирим, а также его родители, сестра — игумения Екатерина, патриарх Иоаким и другие.

Всенощные бдения и литургии совершали: в нижнем, Благовещенском храме, у гробницы святителя — архиепископ Кирилл; в верхнем, Спасо-Преображенском,— епископ Гомельский Варлаам; на площади, во временном храме,— епископ Козловский Зиновий, с участием большого количества прибывших паломников.

После литургии в нижнем соборном храме архиепископом Кириллом был совершен крестный ход к колодцу святителя Питирима для освящения новой часовни и воды при большом стечении богомольцев. После возглашения многолетий крестный ход по набережной реки Цны и по Питиримовской улице возвратился в собор при колокольном звоне.

В тот же день вечером начались торжества прославления и открытия мощей святителя Питирима. К 6 часам вечера в собор прибыли митрополит Владимир, архиепископ Кирилл, епископы, которых встречали со славой. Гроб с мощами святителя Питирима

был установлен перед архиерейской кафедрой. Началось всенощное бдение. Торжественно пел замечательный хор по старинным нотам времен святителя Питирима. Литию совершил архиепископ Кирилл со многими священнослужителями. Наконец наступили торжественные минуты полиелея. К мощам святителя Питирима вышли из алтаря митрополит Владимир, архиепископ Кирилл и другие архиереи со множеством архимандритов, игуменов, протоиереев и священников. Раздалось мощное пение древним распевом «Хвалите имя Господне», шесть архимандритов сняли крышку с гроба, которая была отнесена в алтарь. Митрополит совершил троекратное каждение вокруг святых мощей, после чего святые мощи были подняты архимандритами и протоиереями и изнесены из храма наружу, где поставлены на специально приготовленные носилки. Начался крестный ход вокруг храма. Духовенство, хор и все верующие впервые запели: «Величаем Тя, святителю отче наш Питириме». Пение было подхвачено многочисленными голосами стоящих вне собора. По звону соборного колокола начался звон во всех приходских и монастырских церквах города, в том числе «тысячных» колоколов Казанского монастыря (1 096 пудов) и Христо-Рождественского собора (1 200 пудов).

Народ заполнил соборную площадь, крыши и заборы ближайших зданий. Все желали хотя бы издали видеть святые мощи и поклониться им. Слышались возгласы: «Батюшка Питирим, помоги нам, спасай нас твоими молитвами!»

Крестный ход возвратился в собор, святые мощи были поставлены на прежнее место, и продолжилось всенощное бдение. По прочтении митрополитом Владимиром Евангелия краткое слово о святителе Питириме произнес епископ Черниговский Василий, а затем началось чтение канона Божией Матери и святителю Питириму. Верующие подходили ко святым мощам, где их помазывали святым елеем два архиерея. Каждый получал освященный хлебец с изображением святителя Питирима. Всенощная закончилась во втором часу ночи. Паломники всю ночь подходили ко святым мощам, около которых служили молебны святителю Питириму.

В 3 часа ночи началась литургия для причастников в Смоленском приделе собора. В 6 часов утра началась вторая литургия, ко-

торую совершили епископ Козловский Зиновий и епископ Михайловский Амвросий. По окончании литургии гроб с мощами святителя Питирима был поднят в верхний храм и поставлен на уготованном месте перед архиерейской кафедрой.

К 10 часам в собор прибыли митрополит Владимир, архиепископ Кирилл и епископы Василий, Тихон и Варлаам. Они прошли в мантиях к мощам святителя Питирима, совершили поклонение и целование. Затем началась литургия. Она совершалась особенно торжественно, с большим подъемом и сопровождалась замечательным пением хора в 200 человек. Во время малого входа со Святым Евангелием гроб с мощами святителя Питирима священнослужителями торжественно был внесен в алтарь царскими вратами и поставлен на горнем месте, лицом к святому престолу. У гроба встали четыре диакона с рипидами так, как бы святитель Питирим сам возглавлял служение литургии.

Евангелие было прочитано протодиаконом Исаакиевского собора, а апостольское чтение — протодиаконом тамбовского собора, замечательным баритоном Косьмой Стельмахом. После чтения Евангелия митрополит Владимир произнес поучение, в котором отметил, что на горизонте Русской Церкви зажглась новая звезда, у Престола Божия предстал святитель Питирим, и ныне вся Русская Церковь молится ему. Она просит, чтобы по молитвам его Господь остановил вражеские полчища, вторгшиеся в нашу землю, и даровал бы нам мир и безмятежие.

По окончании литургии был совершен молебен святителю Питириму, и по прочтении Евангелия гроб с мощами святителя, поставленный на носилки, в преднесении святых, Тамбовской и Девпетерувской икон Божией Матери, осеняемых рипидами, обнесен вокруг храма под звон колоколов всех церквей города Тамбова. По окончании крестного хода гроб святителя Питирима был внесен в нижний храм и поставлен у южной стены, на месте погребения святителя. Затем паломники были допущены ко святым мощам, где совершались непрестанные молебны святителю. Богомольцы подходили в течение всего дня, до позднего вечера, а в городе совершался целодневный звон до вечерни. В ограде собора паломникам был устроен обед.

На третий день архиепископ Кирилл в верхнем храме собора освятил престол в честь святителя Питирима и совершил литургию.

Так завершились Питиримовские торжества. В них приняло участие до 50 тысяч человек, а если бы не война — ожидалось до 100 тысяч. За время торжеств было отмечено несколько случаев исцелений у раки святителя и на его колодце. Вскоре после торжеств над мощами святителя Питирима была сооружена мраморная сень с золотым верхом, по углам которой изображены Ангелы со скрещенными рипидами. Рака установлена под аркой между Благовещенским и Никольским приделами, и сюда перенесены мощи святителя Питирима»[20].

В эти же святые и памятные для всей Русской Церкви дни от императора Николая II пришла телеграмма на имя митрополита Владимира: «Сердечно благодарю Вас, Владыко, и всех помолившихся за меня у святых мощей угодника Божия Питирима. Николай»[21].

Со дня прославления Тамбовского святителя архиепископ Кирилл еженедельно по понедельникам совершал в кафедральном соборе молебен с чтением акафиста святителю Питириму. Одним из следствий прославления святителя Питирима стало определение Святейшего Синода о присвоении Липецкому духовному училищу, в молитвенную память о новопрославленном предстателе земли Тамбовской, наименования «Питиримовское»[22].

В июне 1914 года, как раз в дни торжеств по прославлению святителя Питирима Тамбовского, в Петербурге стали упорно распространяться слухи о возможном скором назначении архиепископа Кирилла на кафедру экзарха Грузии. В «Церковно-общественном вестнике» от 12 июня появилась следующая заметка: «По полученным в Петербурге сведениям, наместник на Кавказе граф Воронцов-Дашков выдвигает на пост экзарха Грузии епископа Кирилла Тамбовского. Преосвященный до назначения на Тамбовскую кафедру состоял первым викарием Петербургской епархии и пользовался покровительством покойного митрополита Антония, под руководством которого начал свою пастырскую деятельность»[23].

Однако архиепископу Кириллу был предпочтен архиепископ Владикавказский Питирим (Окнов). Личность для многих — одиозная и сомнительная. Некогда любимец и выдвиженец Саблера, по-

сле неудачно проведенных торжеств по прославлению святителя Иоасафа Белгородского, архиепископ Питирим быстро утратил милость своего высокого покровителя и был «сослан» с богатой Курской кафедры на Владикавказскую. Однако обретя нового влиятельного «друга» в лице Распутина, архиепископ Питирим в 1913 году был переведен в Самару, а вскоре на экзаршую кафедру в Грузии. Поскольку последняя считалась четвертой кафедрой в России после трех митрополичьих (Петербургской, Киевской и Московской), то архиепископу Питириму оставался лишь один шаг до митрополитства, каковой он успешно совершит после фактической «ссылки» митрополита Владимира (Богоявленского) с Петербургской кафедры на Киевскую (за оппозицию Распутину).

Впрочем, как покажет история, и владыка Кирилл не избежит назначения на экзаршую кафедру в Грузии, но это уже будет при святителе патриархе Тихоне.

Среди особых памятных событий 1914 года, конечно, было и посещение Тамбова 7 декабря государем императором Николаем II, направлявшимся в Москву после длительной инспекционной поездки (Царское Село император покинул еще 18 ноября). Государь помнил, конечно, владыку Кирилла и по урмийским делам, и по гдовскому служению, и вот теперь имел возможность встретиться с ним еще и на тамбовской земле, после состоявшейся летом канонизации святителя Питирима. Эта встреча, видимо, произвела на императора самое благоприятное впечатление, что и было им отмечено в своем дневнике:

«7-го декабря. Воскресенье.

В 10 ч. прибыли в Тамбов. После встречи поехали в собор, знакомый мне по 1904 году. Владыко Кирилл отлично и скоро отслужил литургию. Приложились к мощам святителя Питирима и пошли к его колодцу. Заехали в военный лазарет и в поезд к завтраку. После завтрака посетили еще три лазарета и под конец заехали на полчаса к А. Н. Нарышкиной. Она нездорова и не могла выехать из дома. Уехали из Тамбова под отличным впечатлением всего виденного»[24].

Само по себе отрадное событие — посещение государем императором Тамбова — омрачалось сознанием того, что причиной его инспекционной поездки стали военные обстоятельства 1914 года.

А к счастливым обстоятельствам этого года очень скоро стала примешиваться горечь первых военных утрат.

УЧАСТИЕ В ЦЕРКОВНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ТАМБОВСКОГО КРАЯ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первые раненые с фронта прибыли в Тамбов 22 августа. Город принял 614 человек. На вокзале среди встречающих присутствовал и архиепископ Кирилл. А уже 13 сентября владыка благословлял отправлявшееся из Тамбова на фронт ополчение. На соборной площади архиепископ после крестного хода, молебна и прочтения молитвы на освящение знамен, вручил их начальнику дружин[25].

Однако взгляды владыки Кирилла на войну 1914 года были далеко не однозначны. Конечно, как гражданин России, святитель желал победы своему Отечеству, но как мудрый архипастырь был против бессмысленного кровопролития, и если уж оно совершается, то — по мысли владыки — следовало проявлять не ура-патриотический восторг, а жертвенное служение страдающим от ран, увечья, недостатка на фронте питания и медикаментов воинам. Впрочем, свое трезвое отношение к происходящему архиепископ Кирилл не имел возможности явно высказать, ибо многие могли воспринять его позицию как малодушие, а недруги России, извратив слова архиерея, постарались бы причислить его к своему пораженчески настроенному лагерю.

Частично особенности отношения архиепископа Кирилла к происходившим в те годы событиям мы можем обнаружить в его письме редактору газеты «Тамбовский край». Владыка Кирилл сумел распознать духовные причины мировой войны: *«Милостивый государь, господин редактор. В № 194 «Тамбовского края» от 11 сентября помещена заметка под названием «Излишняя скромность», с требованием более или менее шумных проявлений народного чувства по поводу успехов русского оружия на бранном поле. Автор жалеет об отсутствии флагов на улице и желает трескотни ракет и иллюминаций. С чувством глубокой скорби прочи-*

тал я эту заметку и протестую против ее содержания всем своим существом.

Слишком серьезное время переживаем мы, чтобы можно было думать о рукоплесканиях и потехах. Глубоко верим, что Правосудный Господь пошлет и воинству нашему, и Родине всю полноту радости окончательной победы над гордым врагом; но об этой радости надо неустанно молиться, необходимо готовиться к ней как к великой Святыне, во всей сосредоточенности народного духа; должно заслужить эту радость подвигом общего труда и жертв, а не бесчинными кличами и расслабляющими зрелищами. Придет время — мы будем засыпать цветами обратный путь с поля брани наших доблестных воинов, мы не только флагами уберем свои дома, но готовы будем одежды свои подостлать под ноги наших героев; но теперь, теперь пока время думать о скорейшей замене продырявленной пулями рубашки, о корпии и марле для перевязки ран, о мягкой подушке под израненную голову. Прошу Вас, милостивый государь, письмо это, как противоядие легкомысленной заметке, давшей повод к его написанию, поместить в ближайшем номере»[26].

Архиепископ Кирилл понимал, что война может быть справедливой, освободительной, но по природе своей она всегда основывается на человеческих страстях: желании неограниченной власти, стремлении к скорой наживе и т. п. Владыка мудро угадывал вероятность юношеского патриотического порыва в воспитанниках семинарии и предупреждал их отеческими наставлениями, понимая, как пагубно может отразиться на душевном состоянии будущего пастыря участие в войне (массовом убийстве), даже если это война «справедливая». На годичном акте 1914 года в духовной семинарии архиерей призывал учащихся не обращать внимание на видимое расстройство учебной жизни (*«возможно, при данных тяжелых обстоятельствах военного времени вам придется потесниться»*), а стараться продолжать занятия с не меньшими, чем в мирное время, успехами: *«Настоящая война привлекла в ряды наших войск особенно много добровольцев. Есть такие и из вашей среды. Конечно, само по себе явление это в высшей степени похвальное. Но как ваш архипастырь, я считаю долгом преподать вам мой совет. Не*

решайтесь брать на себя подвиг добровольчества, не испросив ранее согласия на то родителей; ведь лишь «благословение отчее утверждает домы чад». Если же будет нужда, мы сами вам скажем: «Идите и защищайте Родину». Итак, не обольщайтесь излишними порывами, спокойно продолжайте ваши занятия, с твердой надеждой на то, что Господь поможет нам сокрушить врага»[27].

Владыка Кирилл много времени и архипастырского внимания уделял объяснению верующим причин военных бедствий, обрушившихся на Россию. Его слова сильно отличались от распространенных в те первые дни войны ура-патриотических проповедей большей части духовенства и настроений официальных газет. Владыка призывал обращать свой гнев не на врага, а на собственные пороки. 1 февраля, в Неделю сыропустную, совершив великую вечерню в Казанском монастыре, архиепископ Кирилл, после молитвы «Господи и Владыко живота моего», обратился к верующим со словом назидания, в котором указал *«на общий грех презрительного отношения к своим вековым религиозным и национальным заветам и устоям, когда русские люди хулят и поносят все свое древнерусское церковное и национальное и устремляют свои сердца к чужому, иноземному». «Такое наше поведение,*— говорил владыка,— *не могло не внушить немцам мысли и желания взять под свою опеку этот изуверившийся в себе русский народ и подчинить его себе. В этом своем грехе мы должны каяться перед Родиной и Церковью»*[28]. Далее владыка испросил у всех предстоящих прощения и, земно поклонившись, произнес сам слова прощания и благословения, а затем, под пение хора «Покаяния отверзи ми двери», стал принимать всех ко святому кресту.

Война принесла горе не только на Русскую землю. Вторжение турок и курдов в персидские пределы вынудило весь состав Урмийской Миссии (которую некогда возглавлял владыка Кирилл) покинуть Урмию ввиду реальной угрозы для жизни православных и удалиться в пределы России. Вместе с начальником Миссии епископом Салмасским Сергием в Россию прибыли ученики училища, дети населяющих Урмию сирохалдеев, учителя Миссии, духовенство. Имущество Миссии было разграблено турками. Поначалу расположившись в Тифлисе, Миссия очень скоро вынуждена

была покинуть его, и, благодаря попечительному участию владыки Кирилла, найти себе прибежище в Тамбове, в стенах духовной семинарии[29]. Здесь в феврале 1915 года расположились 19 детей и один наставник. На средства архиепископа Кирилла и Александры Николаевны Нарышкиной дети Урмийской Миссии были снабжены всем необходимым[30]. Сам владыка Кирилл, горячо переживая судьбу Урмийской Миссии, для благоустроения которой он так много потрудился в 1902—1904 годах, в марте специально выезжал в Петроград для совещания в Святейшем Синоде и в правительственных организациях по этому вопросу. Одним из результатов попечительской деятельности владыки Кирилла стали сборы средств в пользу Урмийской Миссии, а вскоре и распоряжение Святейшего Синода о подобном сборе в праздник Богоявления по всем церквам Российской Империи[31].

Но в жизни Тамбовского края в эти тяжелые для всей страны годы были и отрадные моменты. Так, по ходатайству архиепископа Кирилла, Святейший Синод установил ежегодное празднование 29 июля Тамбовской иконе Божией Матери, находящейся в тамбовской Богородичной церкви, с совершением крестного хода вокруг храма[32]. Владыка Кирилл освятил несколько вновь сооруженных храмов (например, храм святителя Николая, устроенный на средства железнодорожных служащих близ вагонных мастерских). А император Николай II пожертвовал три тысячи рублей на устройство раки для мощей святителя Питирима[33]. 23 декабря 1915 года новая серебряная, вызолоченная рака и сень над нею были освящены архиепископом Кириллом[34].

При многих храмах Тамбовской епархии, по благословению владыки Кирилла, совершались общедоступные чтения о подвижниках благочестия. Так, при Вознесенской церковно-приходской школе г. Липецка Великим и Рождественским постами 1914 года прошли чтения, посвященные памяти епископа Феофана Затворника, святителя Питирима Тамбовского, преподобных Сергия Радонежского и Серафима Саровского, святителя Иоасафа Белгородского, старца Амвросия Оптинского, святого праведного Иоанна Кронштадтского, в начале 1915 года — чтения о святителе

Великая княгиня Елисавета Феодоровна —
настоятельница Марфо-Мариинской обители, преподобномученица.
1916 год

Митрофане Воронежском, а также о религиозном воспитании детей и о распространении христианства на Руси.

10 января 1915 года отмечалось 100-летие со дня рождения епископа Феофана Затворника. По распоряжению владыки Кирилла в этот день поминовение Вышенского подвижника благочестия было совершено во всех храмах и монастырях епархии, а в духовно-учебных заведениях были устроены чтения, посвященные его памяти. Сам архиепископ Кирилл совершил в этот день заупокойную литургию в кафедральном соборе, произнеся удивительное слово памяти святителя Феофана: «*Слава Господу, сподобляющему нас исполнять заповедь Его, данную чрез апостола: поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие. Но усердствуя в поминовении наставников, потщимся, братие, подражать вере их, взирая на кончину жития их. Если где много сокровищ для подражания, то это в жизни святителя Феофана. Отличительною чертою приснопамятного святителя была именно вера, вера в Бога Творца и в великое достоинство Его создания — человека, с его главным украшением — бессмертной душой. На воспитание души, на возможное достижение того, чтобы стать в близкое, тесное общение с Богом, святитель Феофан отдал всего самого себя*»[35]. И далее владыка Кирилл сказал о святителе Феофане знаменательные слова, которые прообразовали и его будущий личный путь затворничества, хотя и невольного — ссыльно-тюремного: «*Затворник, не видевший людей, оказывался в самом широком общении с многими людьми, вопрошавшими его. Те письма, которые он писал обращавшимся к нему, являются сокровищами для постоянного руководства на пути к спасению*»[36]. Этими словами можно было бы описать последние полтора десятилетия жития самого священномученика Кирилла.

Среди редких отрадных событий военных лет следует отметить посещение Тамбова 2 апреля 1915 года великой княгиней Елисаветой Феодоровной[37]. С вокзала она проследовала в кафедральный собор, где ее прибытия ожидал архиепископ Кирилл с соборным духовенством, встретивший августейшую паломницу при входе в нижний храм со святым крестом. Приложившись ко святому кресту и приняв окропление святой водой, великая княгиня

проследовала к раке, поклонилась святым мощам святителя Питирима и встала на приготовленное ей место. Тотчас началась литургия, которую совершил владыка Кирилл в сослужении соборного духовенства, при этом, по просьбе великой княгини, на раку мощей святителя Питирима были возложены для освящения несколько образков святого, пакетики с ватой и четки. Ее Высочество принесла в дар кафедральному собору массивную позолоченную серебряную лампаду, которая сразу же была затеплена и установлена над ракой. После заамвонной молитвы владыка Кирилл совершил краткую заупокойную литию об упокоении убиенного супруга великой княгини Елисаветы Феодоровны великого князя Сергея Александровича, на поле брани убиенного князя Олега Константиновича и «всех за веру, царя и Отечество живот свой положивших». На отпусте литургии владыка Кирилл поднес великой княгине Елисавете просфору. Затем у раки с мощами святителя Питирима высокопреосвященным Кириллом и соборным духовенством был совершен молебен Тамбовскому святителю. В храм был также принесен чудотворный образ Тамбовской иконы Божией Матери, к которому благоговейно приложилась августейшая паломница.

После осмотра (в сопровождении владыки Кирилла) ризы и креста святителя Питирима, великая княгиня Елисавета Феодоровна с крестным ходом, возглавляемым архиепископом, проследовала на источник святителя Питирима, где, испив святой воды, выразила желание взять с собой воды, а также масла от лампады у раки святителя Питирима. Великая княгиня с крестным ходом вернулась в собор и, взяв елей, направилась в Казанский монастырь (где была совершена заупокойная лития на могиле Э. Д. Нарышкина), а затем вместе с сопровождавшими ее В. С. Гордеевой и гофмейстером Корниловым была принята владыкой Кириллом (архиерейский дом располагался в Казанском монастыре). После этого великая княгиня Елисавета Феодоровна посетила лазарет раненых воинов, организованный архиепископом Кириллом в одном из монастырских зданий, где беседовала с ранеными и раздавала иконки и Евангелия[38].

Из лазарета великая княгиня направилась в дом Александры Николаевны Нарышкиной. Здесь следует сказать несколько слов о самой А. Н. Нарышкиной и изложить известное тамбовское предание, позволяющее в некоторой степени объяснить, почему и великая княгиня Елисавета Феодоровна, и сам император Николай II, посещавшией Тамбов проездом, всегда навещали Александру Николаевну.

Александра Николаевна была статс-дамой при императорском дворе и вдовой обер-камергера Эммануила Дмитриевича Нарышкина (1813–1901), известного в Тамбове благотворителя и почетного гражданина, окончившего Екатерининский учительский институт. Нарышкин прославился своей едва ли не по-царски широкой благотворительностью, которая в денежном выражении достигала колоссальной суммы в полтора миллиона рублей. Так, одному только учительскому институту он оставил капитал, составлявший в 1913 году 600 тысяч рублей, а, кроме того, построил на собственные средства приют для арестантских детей, общежитие Тамбовского реального училища, здание народных чтений (ныне – Тамбовская картинная галерея), содержал двадцать стипендиатов и пр.[39]

Откуда взялось громадное состояние Э. Д. Нарышкина и почему такое внимание оказывалось его вдове со стороны августейших особ? Сам Э. Д. Нарышкин, не имел громких титулов и наград, был всего лишь «почетный гражданин г. Тамбова». Согласно местному преданию, Э. Д. Нарышкин являлся внебрачным сыном императора Александра I, «усыновленным» гофмейстером Императорского двора Нарышкиным. Так что внимание царственных лиц к этой семье, согласно народной молве, объяснялось не одной только благотворительностью Нарышкиных, что, впрочем, нисколько не умаляет заслуг как Эммануила Дмитриевича, так и Александры Николаевны.

По ходатайству городской думы г. Тамбова, 11 марта 1914 года император Николай II присвоил А. Н. Нарышкиной звание почетного гражданина г. Тамбова, как сообщалось, «за пожертвование свыше 50 тысяч рублей на приведение в благоустроенный вид

соборной площади г. Тамбова и за широкую благотворительную деятельность по призрению бедных детей»[40].

Помимо монастырского лазарета великая княгиня посетила городской лазарет, лазарет в доме Егоровых, лазарет Красного креста и лазарет Вознесенского монастыря. В лазарете Красного креста, увидев на столе одного из раненых брошюру «Святитель Питирим, его жизнь и чудеса», великая княгиня выразила желание приобрести такие же брошюры для раздачи раненым в московских лазаретах и для отсылки на фронт.

Вечером, в присутствии великой княгини, в доме губернатора состоялось заседание Тамбовского отделения Елисаветинского комитета, после окончания которого Ее Высочество вновь побывала в кафедральном соборе, где приложилась к раке со святыми мощами святителя Питирима, а затем посетила всеми почитаемую в Тамбове М. Ф. Чернову, расслабленную более 47 лет. В ночь на 3 апреля великая княгиня отбыла из Тамбова[41].

1915 год не стал исключением в заведенном архиепископом Кириллом порядке обозрения епархиальных храмов и монастырей, хотя по условиям военного времени поездки были более кратковременны. Первая поездка была совершена 25—26 апреля в г. Козлов для освящения придела Троицкой церкви[42]. Вторая длилась также два дня (23—24 мая) и была посвящена обозрению церквей 5-го благочинического округа Тамбовского уезда[43]. Третья поездка была более продолжительной: с 3 по 10 июня, и включала посещение г. Кирсанова и тридцати четырех сел Тамбовского и Кирсановского уездов [44]. Четвертая поездка была предпринята с 26 по 30 июня для обозрения Тихвинско-Богородицкого монастыря, церквей г. Кирсанова, а также 14 приходов Кирсановского и Тамбовского уездов[45]. Наконец, пятая поездка архиепископа Кирилла была им совершена с 8 по 24 июля 1915 года для посещения монастырей и церквей Шацкого, Темниковского и Спасского уездов[46]. Особое расположение владыки к монастырям выразилось и в этот раз в том, что он останавливался в каждом из них на несколько дней. Следует ли говорить, что для епархиальных архиереев той поры проживание в монастырях в течение нескольких дней было крайней редкостью. В эту поездку владыка провел в Вышенской пу-

стыни четыре дня (с 10 по 13 июля), столько же — в Саровской (с 16 по 19 июля), два дня в Санаксарском монастыре[47].

Всюду, куда прибывал архиепископ Кирилл, он беседовал с прихожанами и духовенством о современном положении Церкви и государства, объясняя смысл войны как наказания русскому народу за его отпадение от Церкви, уклонение в сектантство и безбожие.

Где бы святитель ни находился, он всегда посещал в госпиталях и лазаретах раненых воинов. С ними он подолгу беседовал об их семьях, условиях жизни, утешал, ободрял, благословляя их крестиками, Евангелиями, душеполезными книгами, совершал молебны о здравии и о даровании победы русскому оружию. Везде, где только находились могилы павших на фронте или скончавшихся от ран воинов, архиепископ Кирилл совершал заупокойные литии.

Посещение владыкой далеких сельских приходов, лазаретов, семей погибших воинов производило на православных людей неизгладимое впечатление. Это было живое общение архипастыря со своей паствой. В драгоценных свидетельствах дошедших до нас описаний поездок архиепископа Кирилла мы находим и небывалое воодушевление, каким встречали владыку верующие различных городов, деревень и сел, и радость от общения с родным епископом, и искреннюю благодарность, что не забыл святитель и этого отдаленного селения. Обладая удивительным даром общения, владыка везде находил верное и нужное слово, падающее добрым семенем на благодатную почву. Надо сказать, что для тех лет подобное единение архипастыря и его паствы встречалось уже, увы, редко.

Как и по всей России, в Тамбове были сильны патриотические настроения. Все силы людей церковных направлялись на служение раненым воинам, прибывавшим с фронта. Церковные хоры давали концерты духовной музыки в пользу раненых. Владыка способствовал открытию лазаретов. Так, «Питиримовский» епархиальный лазарет, созданный попечением архиепископа Кирилла, с октября 1914-го по июль 1915 года оказал помощь 264 раненым и увечным воинам[48], здание Тамбовской духовной семинарии было предоставлено под 57-й и 58-й эвакуационные военные госпитали[49], под лазарет было отведено и здание Серафимовского духовного училища[50].

При приходских церквах было организовано к концу 1915 года 1133 попечительских совета, занимавшихся сбором средств, продуктов, топлива для фронта, открытием приходских госпиталей. Монастыри Тамбовской епархии также не оставались в стороне от дел милосердия, в них были открыты лазареты на 208 человек. А Кирсановский Тихвинский женский монастырь уступил безвозмездно под лазарет Красного креста верхний этаж монастырского здания, приносивший в прежнее время монастырю 1300 рублей дохода в год. В общем, за год войны монастыри отчислили на госпитальные нужды 25 тысяч рублей, а кроме того, закупили значительное количество продуктов, теплой одежды, а при женских обителях открыли приюты для детей воинов, погибших на фронте[51]. Наконец, при трех мужских монастырях были устроены мастерские по обучению воинов-калек различным ремеслам. Даже после такого краткого обзора едва ли у кого достанет смелости отрицать выдающуюся роль русских монастырей в деле христианского служения и милосердия.

В 1915–1916 годах Русская Церковь переживала тяжелые времена. К военному лихолетью, надвигающимся социальным потрясениям, падению нравов[52] и выходу большой части общества из ограды церковной (в сектантство, теософию, политические партии с материалистической идеологией) прибавилась еще одна трагедия — трагедия Царской Семьи, связанная с личностью Григория Распутина. Здесь прослеживается вина и русской церковной иерархии, часть которой была под влиянием этой темной личности или использовала его в своих личных интересах. Конечно, епископ Феофан позже осознал, что сыграл роковую роль, познакомив Царскую Семью с Распутиным. Конечно, среди людей Церкви, поднимавших свой голос против засилия Распутина и вмешательства «старца»-хлыста в дела Церкви и государства, были и опальный за это митрополит Владимир (Богоявленский), будущий священномученик, и архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий), Ф. Д. Самарин, М. А. Новоселов и многие другие. Но все-таки существует определенная вина и Русской Церкви (ее пассивного безмолвия, ее неумения противостоять распутинщине) в том, что феномен Распутина состоялся. Объяснение этому лучше всего

Схиархимандрит Гавриил (Зырянов) Седмиезерный, преподобный. 1910-е годы

сформулировал отец Сергий Булгаков: «Царь взыскал пророка, и его ли вина, если, вместо пророка, он встретил хлыста. Если Распутин — это грех, то — всей Русской Церкви, всей России»[53]. Здесь же следует согласиться и со следующим утверждением священника-философа: «Но зато и самая мысль о святом старце, водителе монарха, могла родиться только в России»[54].

Среди тех, кто понимал всю трагичность положения (когда тема распутинщины становилась орудием в руках лиц, грезивших революционным переворотом), была великая княгиня Елисавета Феодоровна, которую поддерживал в ее решимости противостоять влиянию Распутина схиархимандрит Гавриил (Зырянов)[55] и многие другие, в том числе и оптинские старцы[56].

Такую же непримиримую, но при этом взвешенную позицию в отношении Распутина занимал и архиепископ Кирилл. Он понимал, что всякое упоминание имени Распутина бросает тень и на Царскую Семью. И потому владыка часто в своих проповедях говорил о нездоровой и зловредной увлеченности народа ересью хлы-

ствства. Люди же и сами понимали, против кого направлены эти обличительные проповеди. *«Среди отрицателей и отщепенцев находит себе место самое гнусное явление, называемое хлыстовством,*— говорил в одной из своих проповедей летом 1915 года архиепископ Кирилл.— *Оно не признает даже нужным распространение рода человеческого. Либо это учение само себя осуждает на смерть, либо оно яд, душащий других. Хлысты, не признавая обрядов Православной Церкви и ее установлений, хвалятся еще перед православными: если бы веровали по-нашему, вы были бы сытыми, не жили бы впроголодь и в такой бедности. Но их частое внешнее благополучие не есть еще доказательство правильности их религиозного упования. Если посмотреть на дерево в лесу, оно кажется крепким и могучим, но внутри его точат черви. Так и хлыстовство: оно представляется снаружи — людям неопытным в делах веры — благочестивым, но на самом деле внутри разъедается собственными противоречиями и язвами греха. И все это происходит оттого, что люди стремятся толковать слово Божие по своей воле, по своему разумению, не считаясь с учением святых отцов и учителей Церкви. Недаром Господь послал в мир апостолов, недаром им только одним поручил дело проповеди и научения всех людей вере. Значит, без пастырей, Свыше поставленных и облагодатствованных Духом Святым, нельзя достигнуть спасения. А потому будем благодарить Господа, что живем в Церкви под руководством пастырей. На эту жизнь в полном союзе с Церковью и ее пастырями, да благословит вас Господь Бог»*[57].

В тяжелый во всех отношениях 1916 год (к военным бедам присоединился революционный террор, участившиеся кражи и разбойные нападения на храмы) владыка Кирилл не отказался от длительных поездок по епархии, несмотря на реальную опасность для жизни, которая сопутствовала подобным поездкам. В марте 1916 года (с 3 по 18 число) он обозревает уездные города епархии[58]. В мае совершает две поездки — по обозрению церквей и школ Кирсановского уезда (с 4 по 11)[59] и церквей, монастырей, церковно-приходских школ Спасского, Темниковского и Елатомского уездов (с 20 мая по 9 июня)[60]. С 30 июня по 20 июля владыка продолжил

посещение церквей, монастырей и учебных заведений духовного ведомства трех упомянутых уездов, включив в свой маршрут еще и Шацкий уезд[61]. Наконец, сентябрьская поездка архиепископа Кирилла (с 5 по 26 число) была посвящена, в основном, устроению благочинных собраний (таковых за 21 день было созвано 20). Помимо этого, в сентябрьскую поездку владыка посетил два города, 40 сельских церквей, преодолев расстояние в 1235 верст[62]. Во всех своих поездках владыка Кирилл собирал духовенство, беседовал о трудностях исторического момента, переживаемого Россией и, собственно, Русской Церковью, о необходимости деятельного пастырства, а не «требного наемничества». Не забывал архипастырь и монастыри, как и в прежние годы, на несколько дней (обычно на четыре) останавливаясь в близких его сердцу Саровской пустыни и Вышенском монастыре. И при этом, где бы ни был архиепископ Кирилл, везде он совершал богослужения.

За делами общецерковными и даже государственными владыка Кирилл никогда не забывал о своей пастве, о конкретных людях, духовных чадах, часто нуждавшихся не только в добром слове, но и в действенной помощи. Вот только два примера его отношения к своим духовным чадам. 6 февраля 1916 года на 74-м году жизни скончалась Мария Феодоровна Чернова, которая в течение 49 лет была прикована к постели тяжким недугом. Она обладала даром прозорливости (предсказала открытие мощей святителя Питирима, посещение Тамбова государем императором с Августейшей Семьей и пр.), ее посещали в разное время великая княгиня Елисавета Феодоровна, отец Иоанн Кронштадтский. Владыка Кирилл, прибыв в Тамбов и узнав о Марии Феодоровне, посетил ее и вынес из этого посещения самое отрадное впечатление. Владыка даже распорядился провести в ее дом телефон, соединенный с телефоном кафедрального собора, чтобы немощная могла хотя бы таким образом — через слушание песнопений— участвовать в богослужении.

Всенощное бдение, заупокойную литургию и отпевание праведницы совершил сам владыка Кирилл в сослужении сонма духовенства. Перед отпеванием владыка сказал слово о той «кротости, покорности судьбе, любви к ближнему», которыми во всей полноте

обладала почившая раба Божия Мария. Отпевание закончилось в четыре часа дня, когда похоронная процессия, возглавляемая самим архиепископом Кириллом, прибыла в Казанский монастырь, где Мария Феодоровна и была погребена[63].

Другой случай, не менее характерный. В декабре того же 1916 года преставился «болящий Михаил Павлович Соловьев». Одиннадцать лет болел он, не вставая с постели, и почил в 41 год. Брат и отец его умерли еще прежде, и Михаил оставался с одной матерью. Заболел он на пятом курсе Демидовского лицея, в 30 лет. Поначалу он был близок к отчаянию, роптал на свою судьбу, но постепенно в душе молодого человека, привыкшего прежде проводить время в праздности и веселии, произошел религиозный переворот — он по-иному увидел смысл человеческой жизни: «Я прежде мало верил, мало думал о храме Божием — Господь наказал». И в этом переосмыслении своего жизненного пути большую роль сыграл владыка Кирилл, который с любовью и добротой отнесся к безропотно терпящему скорби Михаилу: «Тепло отозвался «страстотерпцу» благостный пастырь архиепископ Кирилл. Владыка милостиво навещает больного, утешает его, своими ласками и теплом облегчает его душевные и телесные муки. Проводит телефон из храма, дав возможность слушать богослужение. До последнего часа владыка не оставлял больного, посетил его за три часа до кончины, напутствуя его и благословив. А после владыка приезжал служить панихиды[64]».

И нет никаких оснований сомневаться, что это лишь наиболее яркие и известные примеры пастырского служения ближним архиепископа Кирилла. Не эти ли примеры есть лучшие свидетельства вечной правоты слов Спасителя: *Аз есмь пастырь добрый и знаю Моя, и знают Мя Моя* (Ин. 10, 14). Потому-то так часто произносят благочестивые миряне слова благодарности Господу за дарование Тамбовской епархии такого иерарха: «На всем протяжении прошедшего XIX и наступившего XX века история Тамбовской епархии едва ли может указать нам на столь деятельного и столь бодрого архипастыря, каковым является в настоящее время для нас, пасомых, Высокопреосвященный Кирилл. Были у нас епископы-проповедники, богословы, строители, но настоящий владыка наш для своей

паствы — «все и вся». В тяжелую годину, переживаемую нашим Отечеством, годину, которую можно приравнять, пожалуй, только к 1812 году и, почти, к 1612, наш архипастырь для удрученных пасомых своих служит, поистине, ангелом-хранителем. Посещая часто разные уголки своей обширной епархии, Высокопреосвященнейший Кирилл несет повсюду с собою радость, надежду, утешение и прочие блага духовные. В одном месте он является как «веры и благочестия наставник», в другом — как хозяин своей паствы и печальник в материальных нуждах ея»[65]. Подобная оценка не лучшая ли награда архипастырским трудам и не лучшая ли их аттестация?

Характеризует владыку Кирилла и его отношение к пастырскому служению и такой случай. Один сельский священник, совершая крещение на дому двух детей (девочки и мальчика), был так испуган долгим молчанием мальчика после погружения в воду (полагая, что младенец захлебнулся), что, когда тот заплакал, священник потом забыл погрузить девочку и опомнился лишь тогда, когда совершил над нею миропомазание. Консистория хотела наказать священника, но владыка Кирилл наложил резолюцию: «Священнику Ф. Павлову вменить в нравственную обязанность иметь обоих младенцев, при крещении которых произошло с ним рассмотренное консисторией искушение, на своем особом пастырском попечении, посещая их возможно часто для наблюдения за их телесным и духовным возрастанием»[66].

За заботами текущего момента никогда не забывались владыкой дела богослужебные: в вопросах Устава владыка Кирилл был чрезвычайно щепетилен. 21 июня 1916 года в Тамбовскую Духовную консисторию поступает распоряжение владыки: «До сведения моего дошло, что на одном из кладбищ г. Тамбова существует обычай, начинающий проникать и в приходские храмы,— поминать усопших на великом входе за литургией. Признавая такое нововведение злоупотреблением в области Церковного Устава и благочестия, предлагаю консистории сделать незамедлительное распоряжение духовенству г. Тамбова под расписку каждого священника, чтоб сей неблагочинный обычай никоим образом не употреблялся. В предупреждение возможных подражаний и в других местах епархии объявить о сем же всему духовенству епархии»[67].

ОТНОШЕНИЕ К РЕВОЛЮЦИОННЫМ СОБЫТИЯМ 1917 ГОДА И УЧАСТИЕ В ПОМЕСТНОМ СОБОРЕ 1917–1918 ГОДОВ

Тяжелым испытанием для Церкви стало изменение общественно-политического строя государства Российского. По-разному встретили известие об отречении императора Николая II от престола не только миряне, но и духовенство. Кто-то с восторгом приветствовал новую власть, «освободившую» русский народ от «оков самодержавия», кто-то апокалиптически предрекал «последние дни» российской государственности. Владыка Кирилл не относился ни к тем, ни к другим. Он, являясь приверженцем монархии, избрал средний путь — путь мудрого, сдержанного отношения к новой власти.

Самыми тяжелыми для будущего священномученика были первые дни после объявления царского Манифеста об отречении от престола. 4 марта 1917 года на всенощном бдении по изнесении святого креста на середину храма владыка Кирилл обратился к своей пастве: *«Несколько дней тому назад я призывал вас, духовных чад своих, бояться пуще всего клятвопреступления и, оставаясь спокойными каждый на своем деле, ждать решающего слова того, кому вручена была Господом власть над нами. И вот сегодня дождались мы этого слова, дождались гораздо большего, чем ожидали. Сегодня отпечатан в нашем граде Манифест Царский, которым Царь сам освобождает нас от присяги, данной на верное ему служение, и, передавая престол Российский брату своему великому князю Михаилу Александровичу, заповедует ему править делами государственными в полном единении с представителями народа в законодательных учреждениях.*

Таким образом, мы оказались при новой, но совершенно законной власти, состоящей как бы из двух половин: законного Государя и представителей народа в законодательных учреждениях. Нужно было ждать Манифеста великого князя Михаила Александровича о вступлении его на престол, но вместо того получена официальная телеграмма об отречении.

Сессия Святейшего Синода 1914/1915 года под председательством священномученика Владимира (Богоявленского) (в центре), по правую руку — архиепископ Финляндский и Выборгский Сергий (Страгородский)

С этим отказом великого князя одна половина верховной власти как бы отошла в сторону, переливши свои полномочия во вторую половину своего состава, то есть в народное представительство. Таким образом, освобожденные самим Государем от присяги ему, мы имеем в лице Временного правительства, Государственною Думой учрежденного, вполне законную власть, которой Государь и следом за ним великий князь Михаил Александрович передали свои верховные права».

Однако здесь же владыка Кирилл предостерегает паству от устранения в устройстве нового государства, напоминает: *«Теперь настало время, когда мы внутри самих себя должны находить указания, как решить и выполнить то или другое дело с таким расчетом, чтобы не вышло из него вреда не столько нам, сколько другим людям, соединенным вместе с нами в одном государственном устройстве, не вышло вреда великой Родине нашей. Задача эта, возлюбленные, нелегкая, особенно на первых порах. И потому для всех нас теперь время не веселья еще, не шумного ликования, а сосредоточенного и бережного отношения, вдумчивого ко всем*

подробностям нашей жизни, а для многих — время такого подвига, под тяжестью которого в изнеможении падал Сам Искупитель мира Господь Христос. Но Он нес Свой Крест и донес до Голгофы, после которой засияла заря всеобщего воскресения. Да благословит же Он Своею всесильною благодатной помощью и наше общее крестоношение наступивших дней устроения самим народом своей государственной жизни»[68].

Проходит всего несколько дней, и святитель Кирилл, видя неистовство революционных лозунгов и безоглядное глумление над совсем еще недавним прошлым любимого Отечества, обращается к пастве с призывом мирного и спокойного отношения к своей истории, традициям и историческим деятелям: *«Особенно тяжким несчастием для Родины было бы, если дни начавшейся свободы омрачатся проявлением какой-нибудь злобы или мстительности по отношению к прошлому, пусть в этом прошлом нашем было много, чем справедливо возмущались, но из были слова не выкинешь, прошлое это было все-таки наше, отечественное, прошлое. При жизни родителей, ведущих неладную жизнь, взрослые дети не могут иногда удержаться от укоризны в их сторону, и за это их нельзя осудить; но если бы эти дети не перестали бранить таких родителей и после их смерти, то найдите сами название такому поступку детей!.. Так точно и мы, если не удержимся от глумлений над своим прошлым, то напишем такую новую страницу своей новой истории, которую следующие поколения будут читать с краской стыда на лице, готовы будут вырвать ее, но нет таких ножниц, которыми можно было бы вырезать что-либо из памяти истории. Будем помнить это крепко и молить Бога, чтобы не впасть нам во искушение»*[69].

Так сердце мудрого архипастыря угадывало во внезапно поднявшейся мутной волне революционных лозунгов и событий зловещие предзнаменования грядущих испытаний для Русской Церкви и для всей страны.

Видя, какое смущение у людей Церкви вызвало отречение императора Николая II и действия новой власти, владыка Кирилл 12 марта направляет всем благочинным епархии телеграмму: *«Приглашаю духовенство епархии общими силами уяснить себе и паст-*

ве важность переживаемых событий, ответственность всех за целость Родины, обязанность отдать и себя, и запасы на ее спасение. Собирайтесь, обсуждайте, поддерживайте друг друга. Спешите делать, «пока день есть»[70].

Обилие указов и постановлений из Святейшего Синода, поступавших за подписью одного обер-прокурора Львова, подвигло владыку Кирилла на довольно мужественный поступок: тактичное, но твердое указание Львову на тот факт, что юридически роль обер-прокурора как авторитарного «управителя церковных дел» закончилась вместе с монархическим устроением Российского государства. Архиепископ направил митрополиту Владимиру телеграмму (а копию — Львову) следующего содержания: *«Велениями совести вынуждаюсь просить, чтобы присылаемые из Св. Синода указы подписывались кем-либо из членов Синода»*[71].

Многие священники (например, благочинный 4-го Козловского округа церквей отец Константин Райский) в эти тревожные дни направляли архиепископу Кириллу свои просьбы о немедленном созыве епархиального съезда духовенства, причем предлагалось устроить съезд «на новых началах», то есть с учетом революционных перемен, а именно — с участием представителей низших членов клира. Но владыка слишком хорошо понимал опасность подобного мероприятия, способного превратиться в стихийное неуправляемое митинговое собрание, где наиболее крайние взгляды могут возобладать над трезвыми и спокойными оценками создавшегося в государстве положения. Оттого мудрый архипастырь через епархиальный журнал отвечал на эти призывы, не отказывая себе в определенной доле иронии над наивной убежденностью духовенства, что съезд сможет ответить на вопросы, ответов на которые тогда еще не существовало: *«Прошу молитв сопастырей и сам непрестанно молю Господа, чтобы умудрил и укрепил Своею благодатной помощью в опознании и устроении того, что воистину потребно со стороны архипастыря к надлежащему руководительству и надежному поддержанию своих сопастырей в их деятельности в эти мудрые дни. Позволяю себе думать, что немедленный созыв Епархиального съезда по условиям погоды и по недостаточной ясности настроений на местах является мероприятием не самой*

первой очереди. Надо переждать надвигающееся половодье и, кроме того, дать время детям освободить здания, нужные для занятий съезда и размещения его участников»[72].

Подтверждение правильности принятого владыкой решения и его опасений по поводу неуправляемого характера съезда в случае его немедленного созыва не заставило себя ждать. Владыке поступило весьма резкое письмо от некоего анонимного «иерея Тамбовской губернии», в котором между прочим говорилось: «Русский народ воскрес от смерти и сам кует дальнейшую судьбу свою. Все сословия принимают живейшее участие в устроении революции, и, увы, только в стороне стоит, как всегда, одно запуганное, забитое православное русское духовенство. Прежняя бюрократическая ненавистная народу власть в таких ежовых рукавицах держала духовенство и так заткнуло ему поганой тряпкой — указами — рот, что духовенство, особенно сельское, доселе продолжает молчать, боится разинуть рот. Вы немедленно должны распорядиться, чтобы во всех уездах губернии были созваны благочинические пастырские собрания и Епархиальный съезд духовенства в лице его депутатов. Сейчас, Владыко, не время сидеть сложа руки и молчать. Берегитесь, Владыко, медлить. Иначе собрания сии пройдут помимо Вас на 6-й неделе Великого поста по приказанию Думы. Тогда пастыри отрекутся от своего архипастыря и заявят Ему: мы не знаем Вас».

В своей увлеченности революционным задором анонимный писатель и не заметил, как вторил словам трижды отрекавшегося от Спасителя апостола Петра. «Иерей Тамбовской губернии» продолжает угрожать архиепископу: «Владыко, не забывайте про митрополита Питирима, Протопопова, Штюрмера и К°. Копия с сего будет отослана в редакцию газеты «Русское слово», если Вы не обратите на сие внимание»[73].

Архиепископ Кирилл ответил на это письмо с достоинством и тонкой афористичной иронией: *«Сложа руки не сидим. Жаль, что автор не подписался и лишил меня возможности ему ответить. В свободном государстве можно бы и не прибегать к подлому анониму, особенно иерею. Копию с сего сами напечатаем».* И действительно, письмо было напечатано в «Епархиальных ведомостях».

События 1917 года, с одной стороны, явно продемонстрировали, что теперь у Русской Православной Церкви нет покровителя в лице государства и необходимо не только научаться жить в новых условиях российской действительности, но и вырабатывать методы противодействия воинствующему безбожию, с другой — создали условия, когда стал возможным созыв Поместного Собора. Требовали своего скорейшего разрешения как проблемы внутрицерковного характера (вопросы церковного управления, хозяйствования, духовного образования и пр.), так и проблемы взаимоотношений Церкви и государства.

Все это подвигло Святейший Синод к принятию 8 мая 1917 года решения о созыве в Петрограде к 11 июня 1917 года Предсоборного Совета «для обсуждения назревших вопросов, касающихся устроения Православной Российской Церкви»[74]. В Предсоборный Совет должны были среди прочих войти и семь преосвященных архиереев, избранных епархиальными и викарными епископами из своей среды. Вскоре по обнародовании определения Святейшего Синода в Петроград стали поступать письма и телеграммы от архиереев с указанием кандидатов в члены Предсоборного Совета. Имя архиепископа Тамбовского Кирилла упоминалось 48 архиереями, среди которых были многие выдающиеся иерархи XX века[75]. Сам архиепископ Кирилл назвал следующих кандидатов: 1) епископа Пермского Андроника (Никольского); 2) архиепископа, бывшего Харьковского, Антония (Храповицкого): 3) архиепископа Новгородского Арсения (Стадницкого); 4) епископа Минского Георгия (Ярошевского); 5) епископа Астраханского Митрофана (Краснопольского); 6) епископа Вятского Никандра (Феноменова); 7) архиепископа Тульского Парфения (Левицкого)[76].

Для истории небезынтересно знать, что, например, архиепископ Сергий (Страгородский) подал свой голос за следующих архиереев: 1) епископа Пермского Андроника (как видим, первое место владыки Кирилл и Сергий единодушно отдают епископу Андронику); 2) епископа Омского Сильвестра (Ольшевского); 3) епископа Челябинского Серафима (Александрова); 4) архиепископа Тамбовского Кирилла (Смирнова); 5) архиепископа Волынского Евлогия

Архиепископ Новгородский и Старорусский Арсений (Стадницкий), впоследствии митрополит Ташкентский, священномученик

(Георгиевского); 6) епископа Каневского Василия (Богдашевского); 7) епископа Бельского Серафима (Остроумова).

9 июня (ст. ст.) 1917 года Святейший Правительствующий Синод Российской Церкви, рассмотрев представления епархиальных архиереев и преосвященных викариев с указанием кандидатов в члены Предсоборного Совета, выявил, что большинство голосов получило четыре русских иерарха: архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий) (83 голоса); архиепископ Литовский Тихон (Белавин) (58 голосов); архиепископ Тамбовский Кирилл (Смирнов) (46 голосов); митрополит Киевский Владимир (Богоявленский) (45 голосов). Они-то и были вызваны в Петроград для участия в работе Предсоборного Совета[77]. Владыке Кириллу была направлена следующая телеграмма: «Тамбов[скому] Архиепископу Кириллу[.] Вы избраны [в] состав Предсоборного Совета[.] Открытие назначено [на] 12 июня[.] Помещение [в] лавре»[78]. Как видно из телеграммы, местом пребывания в Петрограде владыке Кириллу была указана столь близкая его сердцу Александро-Невская лавра[79].

Епископ Антоний (Храповицкий),
впоследствии первоиерарх Русской Зарубежной Церкви

Однако революционные события в Тамбове и попытка некоторых представителей белого духовенства захватить церковное управление в свои руки посредством проведения через Епархиальный съезд соответствующих решений заставили владыку Кирилла отложить на несколько дней свой приезд в Петроград. «С отбытием буду спешить,— телеграфировал архиепископ Кирилл в Синод,— но не могу выехать ранее двадцатого. Нахожу необходимым свое пребывание здесь во время Епархиального съезда, открываемого 15 июня»[80]. Твердая и решительная позиция Тамбовского архипастыря на Епархиальном съезде способствовала нормальному ходу заседаний, а попытки отдельных представителей либерального духовенства устроить из съезда трибуну для пропаганды революционных преобразований в епархиальном управлении удалось пресечь.

Вскоре архиепископ Кирилл прибыл в Петроград, куда уже съехались другие участники Предсоборного Совета. Кстати, помимо указанных выше четырех архиереев (митрополита Владимира,

архиепископов Тихона, Арсения и Кирилла), согласно определения Святейшего Синода от 12 июня 1917 года, в качестве членов Предсоборного Совета были вызваны еще трое преосвященных: архиепископ Волынский Евлогий (29 голосов), епископ Пермский Андроник (27 голосов) и епископ Минский Георгий (27 голосов).

В подготовке Поместного Собора участие архиепископа Кирилла было активнейшим. Определением Святейшего Синода от 21 июня 1917 года за № 4121 владыка был назначен председателем седьмого отдела (о церковном хозяйстве) Предсоборного Совета[81].

Архиепископ Кирилл являлся и одним из наиболее деятельных участников открывшегося Поместного Собора. Он, в частности, состоял председателем соборного Отдела о преподавании Закона Божия, некоторое время исполнял обязанности председателя Отдела об имущественном и правовом положении духовенства (вместо епископа Пермского Андроника)[82], был избран в заместители члена Святейшего Синода[83].

15 августа 1917 года, в день открытия Поместного Собора, архиепископу Тамбовскому Кириллу было суждено совершить Божественную литургию в Казанском соборе, из которого чудотворные Казанская и Иверская иконы крестным ходом, во главе с владыкой Кириллом, переносились к Успенскому собору. Еще одно знамение его грядущего казанского служения.

И вот долгожданный (воистину долгожданный — с 1690 года прошло 227 лет!) Собор приступил к работе.

В своей деятельности Собор встречался со множеством трудностей как внешних, так и внутренних. Первое время партийные пристрастия его отдельных участников мешали нормальному ходу заседаний и спокойному рассмотрению сложных вопросов церковной жизни. Об этом свидетельствовало и внеочередное выступление архиепископа Кирилла на соборном заседании 22 августа 1917 года: *«Я решаюсь выступить пред Собором с исповеданием того чувства тревоги, которое закрадывается мне в душу ввиду некоторых подробностей нашей жизни. Пришли мы сюда с одной целью: да соберутся все рассеянные воедино. И если где, то на Соборе все должны дышать одним духом веры и любви и привести к единству все русское православное население. Но начинает прояв-*

ляться нечто неожиданное. Первые дни радовали нас согласием и единодушием. Но прошло несколько дней, и в газетах появились заметки о том, что на Соборе есть течение, особенно со стороны черной сотни, куда записывают весь епископат, руководимый будто бы архиепископами Антонием Харьковским, Арсением Новгородским и Кириллом Тамбовским. Никаких партий ни красных, ни черных сотен я не видал и к ним не принадлежу. Мы все пришли для одной цели, и делить членов Собора на партии могут только недобросовестные люди, желающие испортить наше общее дело. Чтобы предотвратить это, я просил бы всех собираться для обсуждения наших дел не по тайным углам, а всем вместе в зале духовной семинарии или в этом зале. Говорят, что епископы наводнили Собор «Московскими ведомостями». В чем угодно можно обвинять епископов, но только не в том, что они состоят разносчиками газет! Прошу встречать все эти слухи с чувством презрения и относиться друг к другу с доверием и любовью»[84].

Этот искренний призыв был участниками Собора услышан, и вскоре от взаимных обвинений, упреков и выяснения отношений Собор перешел к решению серьезных и сложнейших проблем внутрицерковной жизни, являя дух веры, любви и единства.

График работы Собора был весьма напряженным, ведь работа велась не только на заседаниях, но и по завершению оных, причем на фоне грозных общественно-политических событий 1917—1918 годов. По предложению архиепископа Кирилла расписание работы соборных Отделов составлялось с учетом того, что большинство членов Собора записалось в несколько Отделов и желало «не числиться только в них, а работать»[85].

Чтобы убедиться в том, что владыка Кирилл являлся одним из наиболее деятельных участников Собора, достаточно посмотреть стенограммы заседаний, изданные соборные Деяния. В них имя Тамбовского архиепископа (затем — митрополита Тифлисского) встречается постоянно, причем при обсуждении самых разных вопросов церковной жизни. Вместе с епископом Пермским Андроником архиепископ Кирилл выступил инициатором издания материалов о Соборе и был среди первых жертвователей на это дело[86]. Но все-таки основными заботами владыки Кирилла в первые заседания

Поместного Собора были законоучительство и новое устроение епархиальных управлений.

23 сентября 1917 года на соборном заседании архиепископ Кирилл сделал доклад по деятельности возглавляемого им Отдела о преподавании Закона Божия в школе[87]. К этому времени Отдел имел шесть заседаний и одно частное совещание, причем большую часть времени он уделил рассмотрению опубликованного в № 109 «Вестника Временного правительства» от 14 июля 1917 года Закона о свободе совести. Внимание Отдела особенно привлек пункт 4 этого закона, согласно которому гарантировалась свобода религиозного самоопределения в возрасте 14 лет, то есть в том возрасте, когда значительное количество русских находилось на попечении школы. Отсюда гражданской властью (в том числе Государственным комитетом при Министерстве народного просвещения) закономерно поднимался вопрос о признании необязательным преподавание курса Закона Божия в школах.

Архиепископ Кирилл с печалью говорил о том, что правительство объявляет себя «выразителем голоса народной демократии», но при этом издает законы в нарушение демократических начал, не спрашивая у народа, желает ли он существования церковно-приходских школ. А между тем *«в распоряжении Отдела,*— говорил владыка,— *имеется громадный материал протестов со стороны родительских съездов и разных организаций, настойчиво возвышающих свой голос против всяких попыток узурпировать только им, родителям, принадлежащее право ведать вопрос о религиозной жизни детей. Нам постоянно говорят о праве каждого гражданина на свободное самоопределение и сейчас же нарушают это право узаконением необязательности Закона Божия. Здесь свобода только по видимости, а на самом деле это особый вид обструкции»*[88].

Между тем государство, по мнению архиепископа Кирилла, должно быть и само заинтересовано в преподавании Закона Божия, поскольку статистика свидетельствует, что преступники формируются преимущественно из лиц, которым Закон Божий преподаваем не был. *«Вражда против преподавания Закона Божия в школе заявляется по преимуществу со стороны организаций и*

Заседание Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917—1918 годов

партий социалистического направления. Поэтому становиться в решении этого вопроса на точку зрения этих партий— значит давать делу партийную окраску и решать его с точки зрения партийной, а не государственной. За Законом Божиим необходимо сохранить господствующее положение».

Что же касается права свободного выхода из Православия в 14-летнем возрасте, то, по мнению владыки Кирилла, возраст этот не есть возраст духовной зрелости. Напротив, это *«возраст критический, переходный, когда детская душа особенно чутка и восприимчива к разным влияниям. Оставить юношу этого возраста без правильного и опытного руководительства невозможно. Это внесет в детскую душу смятение и будет причиной многих жизненных трагедий. Поэтому означенный закон должен быть отменен»*[89].

На своих заседаниях Отдел выработал два проекта обращения к Временному правительству, в которых было изложено отношение Собора к закону 14 июля и то, что вызвало справедливое возмущение православных граждан. Большинством голосов был принят первый проект, который и был оглашен на Соборе.

Однако против этого обращения было заявлено особое мнение протоиерея Н. М. Боголюбова, утверждавшего, что доклад Отдела выстроен так, что будто бы речь в законах Временного правительства идет не о необязательности (факультативности) преподавания Закона Божия, а об окончательном изгнании его из школы. Владыка Кирилл по поводу этого особого мнения сказал: *«Отдел имел в виду не только закон 14 июля, но всю совокупность современных условий, тот ветер, который начинает ныне дуть. И Государственный Комитет, и социалистическая печать спешат использовать этот закон в смысле создания такого положения, которым Закон Божий низводится на степень необязательного предмета, было высказываемо предложение прямо объявить школу безрелигиозной. Имея в виду такие предпосылки, Собор едва ли может, из опасения кого-либо огорчить, скрывать то настроение, которое имеется в православной народной массе, и должен отразить в своем обращении не только то, что сейчас есть, но и те опасения, которые есть в душе каждого христианина»*[90].

Забегая вперед отметим, что последующая встреча представителей Поместного Собора с А. Ф. Керенским подтвердила опасения, высказанные архиепископом Кириллом. Участники Собора верно «прочитали» закон, выявив и скрытый смысл, заложенный в нем. Временное правительство не упрекнуло Собор за «неверные» выводы из опубликованного им июльского закона о свободе совести.

28 сентября, после долгого обсуждения закона Временного правительства от 20 июня 1917 года[91], согласно которому церковно-приходские школы переходили в ведение Министерства народного просвещения, Собор постановил направить к Временному правительству четырех своих представителей. В эту делегацию вошли: архиепископ Тамбовский и Шацкий Кирилл, протоиерей А. М. Станиславский, присяжный поверенный Н. Д. Кузнецов[92] и крестьянин Пермской губернии П. И. Уткин[93].

8 октября 1917 года министр исповеданий А. В. Карташев поручил особой телефонограммой в дом Синодального училища церковного пения «уведомить архиепископа Тамбовского Кирилла, что Керенский принимает делегацию во вторник, 10-го, около 11-ти часов утра»[94]. Соборная делегация выехала из Москвы в Пет-

роград в ночь с 8 на 9 октября. На общем собрании делегации на квартире председательствующего в Училищном, при Святейшем Синоде, совете протоиерея П. И. Соколова было решено, что общий тон речи членов соборной делегации должен быть не просительный, а вежливо сообщительный. Делегация должна поставить правительство в известность о соборных решениях по вопросам о церковно-приходской школе и положении Закона Божия в учебных заведениях.

Утром 10 октября в Департаменте по делам Православной Церкви делегаты узнали, что А. В. Карташев еще не успел возвратиться из своей поездки в Вологду, а члены Временного правительства заняты неотложным тайным совещанием с военачальниками, прибывшими с фронта. 10 октября прием не состоялся.

11 октября в 12 часов дня делегация во главе с архиепископом Кириллом имела с министром А. В. Карташевым более чем часовую беседу, в ходе которой выяснилось, что идеология, развиваемая соборными рассуждениями, не может быть воспринята правительством, поскольку распоряжения последнего относительно церковно-приходской школы основываются на оценке ее значения с чисто политической точки зрения. «Школа эта,— рассуждал А. В. Карташев,— является детищем старого строя, который возлагал на нее самые широкие упования, и потому говорить с Временным правительством о сохранении прежнего отношения к этой школе является делом безнадежным... Отказ от услуг церковно-приходской школы должен быть одной из обязательных примет в паспорте республиканского правительства». Очевидно, сам Карташев уже тогда воспринимал систему церковно-приходских школ как один из тех пережитков «древней римско-византийской теократии, «симфонии» православного царства»[95], с каковыми для блага самой Русской Церкви следовало бы (по мнению Карташева) расстаться. «Министерство не верит,— продолжал министр исповеданий,— в способность духовного ведомства, без правительственной субсидии, сохранить свои школы и потому прибегает к акту почти принудительной передачи школ этого типа в ведомство министерства... Наибольшей мерой уступчивости со стороны этого министерства было бы издание в циркулярном порядке распоряжения о сохра-

нении в руках духовного ведомства школ в тех пунктах, относительно коих будут предоставлены достаточные гарантии, что школа здесь может и будет действовать правильно и сообщать учащимся... минимум знаний, обязательный для государственной школы»[96]. Что касается будущего положения Закона Божия в учебных заведениях, то министр исповеданий надеялся, что пожелания Собора будут приняты к сведению, когда вырабатываемый Госкомитетом законопроект поступит на рассмотрение правительства. Соборное деяние даст тогда Карташеву твердую опору для отстаивания неприкосновенности Закона Божия.

В этот же день состоялся прием делегации А. Ф. Керенским. Архиепископ Кирилл так передавал свои впечатления от увиденного в Зимнем дворце: *«В вестибюле дворца ни малейшего намека на прежний этикет: впечатление общей прихожей какого-нибудь губернского суда в день процесса с самым разнообразным составом свидетелей... В 2 часа 40 минут дня нас действительно пригласили к министру-председателю. Мимо часового с ружьем прошли мы чрез бильярдную комнату и оказались в одной из библиотечных комнат с лестницей на верхнее отделение. А. Ф. Керенский встретил нас у дверей этой комнаты. Одет он в куртку военного образца, цвета хаки; лицо очень утомленное. Министр протянул мне руку, но прежде чем обменяться рукопожатиями, я сначала сотворил крестное знамение на себе, а потом благословил министра. А. В. Карташев представил остальных членов нашего посольства, и мы все уселись у стола, стоявшего в стороне, противоположной входу»*[97].

В начале беседы архиепископ Кирилл выразил уверенность, что *«правительство, при определении своего отношения к учреждениям церковно-государственного значения, примет в соображение те воззрения, какие существуют на эти учреждения у Православной Российской Церкви и какие выражать от ее лица в настоящую пору правомочен только Поместный Собор»*. После этого владыка Кирилл прочитал принятые по этому вопросу решения Собора. Затем выступили с разъяснениями протоиерей А. Станиславский и Н. Д. Кузнецов, подтвердив, что закон от 20 июня 1917 года лишает Церковь одного из могущественных средств в

осуществлении своего просветительского служения. Причем государство не только прекращает выделять Церкви казенные ассигнования на церковно-школьное дело, но и принудительно отчуждает церковно-школьные помещения в распоряжение Министерства народного просвещения. На это А. Ф. Керенский заметил, что отбираются только те школьные помещения, на постройку которых были отпущены казенные средства; собственные же помещения церковных школ занимаются на арендных началах всего на два года.

Протоиерей А. Станиславский пояснил, что построенных исключительно на казенные средства церковных школ почти не существует. Все такие школы строились только с казенной субсидией, при условии изыскания на местах трети, а в большинстве случаев половины всей потребной на постройку суммы. Таким образом, закон 20 июня 1917 года следовало понимать «как выражение правительственных намерений уничтожить самый тип церковной школы».

Керенский отвел эти обвинения, заявив, что «Временное правительство достаточно уже показало свое лояльное отношение к Церкви, которая пользуется теперь самою широкою свободою. Факт созыва Церковного Собора, который никак не мог быть собран при прежнем государственном строе, с достаточным красноречием подтверждает эту мысль. Но предоставляя Церкви полную свободу в ее внутренней жизни, правительство не может не порвать тех пут, которые мешают новому строю стать внеконфессиональным... Поэтому все, что может обещать в данном случае Временное правительство,— это свою заботу, чтобы процесс размежевания между церковно-школьным ведомством и Министерством народного просвещения проходил с меньшею болезненностью при решении вопроса о том, чьи нужды должно обслуживать данное школьное помещение в ближайшее учебное время: школы министерской или церковной. Что же касается самого закона 20 июня 1917 года, то он никоим образом не может быть отменен»[98].

В ответ на это Н. Д. Кузнецов заметил, что церковно-приходские школы способны давать своим ученикам весь тот образовательный материал, какой окажется обязательным для школы государственной, и перейдут в ведение прихода, которому правительство может

Архиепископы Сергий (Страгородский), и Антоний (Храповицкий), архимандрит Гурий (Степанов), впоследствии архиепископ Суздальский (в первом ряду второй справа) и др. Начало XX века

доверять, как оно доверяет земским и городским обществам. К тому же установление правительственного контроля за состоянием школьного дела остается в руках государства. Обращал Н. Д. Кузнецов внимание и на очевидное нарушение законом от 20 июня 1917 года имущественных прав Церкви. Так, согласно ст. 2 отдела II, здания церковно-приходских школ, построенных на средства церквей, монастырей и братств при каком-либо пособии церковно-школьного строительного фонда, не только изымались без всякого возмещения средств, истраченных церковными организациями, но последние обязывались вернуть ту часть средств, которая была потрачена царской казной на строительство церковно-приходских школ, причем «долг» следовало уплатить до 1 января 1920 года[99].

К этому времени А. Ф. Керенский, его адъютанты и появившиеся во время беседы министр иностранных дел и министр торговли и промышленности начали обнаруживать признаки нетерпения и желания окончить дальнейший разговор. Поэтому беседа о положении Закона Божия в школе получилась краткой. Впрочем, в этом

вопросе точка зрения А. Ф. Керенского совпадает с мыслями, высказанными ранее министром исповеданий А. В. Карташевым. 14-летний возраст, как срок религиозного самоопределения, представляется и министру-председателю неприемлемым в школьной жизни. В конце беседы Керенский принял от архиепископа Кирилла письменное изложение постановлений Собора и докладов, легших в основу соборных суждений. Глава правительства дал обещание представить весь этот материал Временному правительству.

14 октября 1917 года архиепископ Кирилл сделал внеочередной доклад на Поместном Соборе, где изложил ход переговоров с Временным правительством.

Однако и после не вполне успешного (по достигнутым результатам) посещения соборной делегацией министра исповеданий А. В. Карташева и главы правительства А. Ф. Керенского Отдел, возглавляемый архиепископом Кириллом, продолжал свою деятельность. К 18 октября 1917 года, когда секретарем Собора было оглашено число членов различных соборных Отделов, в Отделе о Законе Божием насчитывалось 108 человек. Этот Отдел (Законоучительный, как его называли) поставил себе целью разрешить вопрос о школьном и внешкольном образовании и образовал подотделы высшего, среднего и низшего школьного образования (под председательством протоиерея Е. З. Капралова и М. Ф. Глаголева), а также внешкольного образования — под председательством епископа Олонецкого Иоанникия и епископа Томского Анатолия[100]. Кроме того, Законоучительный отдел провел совместное заседание с Отделом о церковно-приходских школах (под председательством архиепископа Назария (Кириллова) для обсуждения вопроса о религиозном воспитании.

Это были как раз дни, когда на Соборе обсуждался вопрос о патриаршестве. Дискусии проходили в весьма напряженной атмосфере. Когда со стороны отдельных членов Собора были сделаны попытки ограничить число выступающих по упомянутому вопросу, слово взял архиепископ Кирилл: *«Я выступаю на защиту прав меньшинства. Если у нас Собор, то нужно давать право и одному желающему говорить, но нельзя никому закрывать рта: такая*

Митрополит Алеутский и Североамериканский Вениамин (Федченков)

система непозволительна для Собора. Важность вопроса требует, чтобы каждый сказал свое слово»[101].

Собор происходил в то время, когда второй раз за 1917 год менялся государственный строй. 27 октября архиепископ Кирилл вместе с архимандритом Вениамином (Федченковым), направляясь на Собор, более чем на сутки оказались в Кремле в центре военных действий между большевиками и юнкерами. Последние сумели обезоружить восставших, которых было около 500 человек, и выстроили их на площади. Владыка Кирилл вместе с архимандритом Вениамином направился к Троицким воротам, но, не доходя до них, вдруг остановился, решив послать своего келейника Ивана позвонить по телефону, чтобы узнать, будет ли в этот день заседание Собора.

Внезапно с башни раздались пулеметные очереди, огненный поток пуль без всякого разбора полился на юнкеров и арестованных большевиков. «Юнкера и солдаты,— вспоминал позже митрополит Вениамин,— стали падать как подкошенная трава. Скоро пу-

леметчика «сняли» выстрелами снизу, и опять наступила тишина. Только я сам видел, как наросла за эти несколько минут гора трупов: и господа, и мужики кончили свою жизнь и теперь лежали мирно вместе. Иван воротился: заседание есть. Мы подошли к братским трупам. Ведь только-только они еще были живы»[102]. Эта бессмысленная бойня, как некий символ наступления «нового» времени, времени бессмысленной жестокости и сознательного государственного террора, поразила как очевидцев, так и всех, кому архиепископ Кирилл и архимандрит Вениамин поведали эту страшную историю. Сами они остались в живых лишь чудом, благодаря тому, что владыка внезапно остановился и отправил келейника осведомиться о заседании Собора.

Через Троицкие ворота их не пустили, и они прошли через Боровицкие. Город в те дни точно вымер: на пустых улицах раздавались одиночные выстрелы то из окон домов, то с чердаков. С большим трудом архиепископу Кириллу удалось найти извозчика, и тот окольными путями доставил его и архимандрита Вениамина на соборное заседание. Здесь владыка Кирилл, по многочисленным просьбам присутствовавших, рассказал о событиях в Кремле и о том, с какими злоключениями ему вместе с архимандритом Вениамином пришлось добираться до Собора: *«Откуда стреляли,* — говорил архиепископ Кирилл,— *понять было невозможно. Я вынес впечатление, что стреляют с целью произвести впечатление на публику и поддержать панику»*[103]. На фоне таких событий проходили заседания Поместного Собора Русской Церкви. Под орудийные залпы и пулеметные очереди принимались решения, определившие на много лет вперед ход преобразований в Русской Церкви и в значительной мере указывающие ориентиры в постсоветский период.

31 октября 1917 года Собор, под председательством митрополита Тихона Московского, приступил к выборам трех кандидатов на патриаршество. При этом митрополит Тихон, будущий Святейший Патриарх, сказал: «Отложим всякие страсти, всякие личные взгляды и стремления. Будем руководствоваться мыслью о том, что мы должны выбирать лицо, которое принесло бы пользу Святой Православной Церкви и послужило бы прославлению имени Божия.

Помолимся Господу, чтобы Он ниспослал нам Духа Божия, чтобы Дух Божий пришел к нам и вселился в нас, привел нас к единомыслию, чтобы мы не свои глаголы глаголали, а глаголы Божии, чтобы нашею рукою, нашею тростию, нашими мыслями при написании кандидатов в патриархи руководил Сам Дух Божий. Буди светлость Господа Бога нашего на нас и дела рук наших исправи»[104].

Кандидатами в патриархи первоначально были намечены 25 человек, среди которых: архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий) (101 голос), архиепископ Тамбовский Кирилл (Смирнов) (27 голосов), митрополит Московский Тихон (Белавин) (23 голоса), митрополит Тифлисский Платон (Рождественский) (22 голоса), архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий) (14 голосов), митрополит Киевский Владимир (Богоявленский) (13 голосов), архиепископ Кишиневский Анастасий (Грибановский) (13 голосов), протопресвитер Георгий Шавельский (13 голосов), архиепископ Владимирский Сергий (Страгородский) (5 голосов), архиепископ Казанский Иаков (Пятницкий), архимандрит Иларион (Троицкий), А. Д. Самарин (по 3 голоса), архиепископ Алеутский Евдоким (Мещерский), епископ Уфимский Андрей (Ухтомский), епископ Полтавский Феофан (Быстров) (по 2 голоса), остальные девять человек — по одному[105] голосу.

После этого был проведен тур голосования по конкретным кандидатам (следовало указать в записке имена трех человек из числа намеченных к участию в выборах в качестве кандидатов на патриаршество). Голосование выявило, что абсолютное большинство голосов (159) получил архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий), он и стал первым из трех выбираемых кандидатов на патриаршество. Другие участники получили следующее количество голосов: архиепископ Новгородский Арсений — 148, митрополит Московский Тихон — 125, митрополит Тифлисский Платон — 111, архиепископ Тамбовский Кирилл — 102, архиепископ Кишиневский Анастасий — 77, протопресвитер Георгий Шавельский — 75, митрополит Киевский Владимир — 59, архиепископ Владимирский Сергий — 14, архиепископ Казанский Иаков — 9, епископ Уфимский Андрей — 7, остальные меньше[106].

Второй тур принес в качестве еще одного из трех кандидатов имя архиепископа Новгородского Арсения (Стадницкого), набравшего 199 голосов (архиепископ Антоний (Храповицкий) в этом туре в качестве кандидата уже не участвовал).

Другие участники получили следующее количество голосов: митрополит Тихон — 137, митрополит Платон — 97, архиепископ Кирилл — 77, архиепископ Анастасий — 33, митрополит Владимир — 26, протопресвитер Георгий Шавельский — 24, епископ Андрей, архиепископ Агафангел (Преображенский) и архиепископ Сергий — по 4 голоса.

Третий тур выявил в качестве последнего кандидата будущего патриарха Тихона, тогда — митрополита Московского, набравшего 162 голоса. Следующими по количеству голосов в этом туре голосования были митрополит Тифлисский Платон (74 голоса) и архиепископ Тамбовский Кирилл (35 голосов)[107].

По итогам трех туров голосования можно сделать вывод, что среди всех церковных иерархов наиболее авторитетными и достойными для возглавления Русской Церкви (по мнению членов Поместного Собора) являлись следующие семь архиереев: митрополит Антоний (Храповицкий), митрополит Арсений (Стадницкий), митрополит Тихон (Белавин), митрополит Платон (Рождественский), архиепископ Кирилл (Смирнов), архиепископ Анастасий (Грибановский), митрополит Владимир (Богоявленский). В этой группе выдающихся русских иерархов архиепископ Кирилл по хиротонии был старше только архиепископа Анастасия (Грибановского)[108].

5 ноября 1917 года после литургии, совершенной в храме Христа Спасителя членами Собора митрополитами Владимиром (Богоявленским), Вениамином (Казанским), архиепископами Иаковым (Пятницким), Евсевием (Никольским), Иоанном (Смирновым), Кириллом (Смирновым), Митрофаном (Симашкевичем), Вениамином (Муратовским), Константином (Булычевым), Димитрием (Абашидзе) и Анастасием (Грибановским)[109] в сослужении многочисленного духовенства из числа членов Поместного Собора, состоялось избрание (при помощи жребия) Святейшего Патриарха из трех

кандидатов, избранных голосованием. Патриархом стал митрополит Московский Тихон.

28 ноября 1917 года по предложению Святейшего Патриарха Священный Синод определил «во внимание к высокополезному для Православной Церкви святительскому служению» возвести архиепископов Владимирского Сергия, Ярославского Агафангела и Казанского Иакова в сан митрополитов с предоставлением права ношения белых клобуков и митр с крестами[110].

7 декабря 1917 года состоялись выборы в члены Священного Синода, каковыми оказались: митрополит Новгородский Арсений («за» проголосовало — 264, «против» — 27), митрополит Харьковский Антоний (соответственно: 218 и 72), архиепископ Кишиневский Анастасий (206 и 81), митрополит Владимирский Сергий (206 и 87), архиепископ Волынский Евлогий (206 и 88), митрополит Тифлисский Платон (199 и 92)[111].

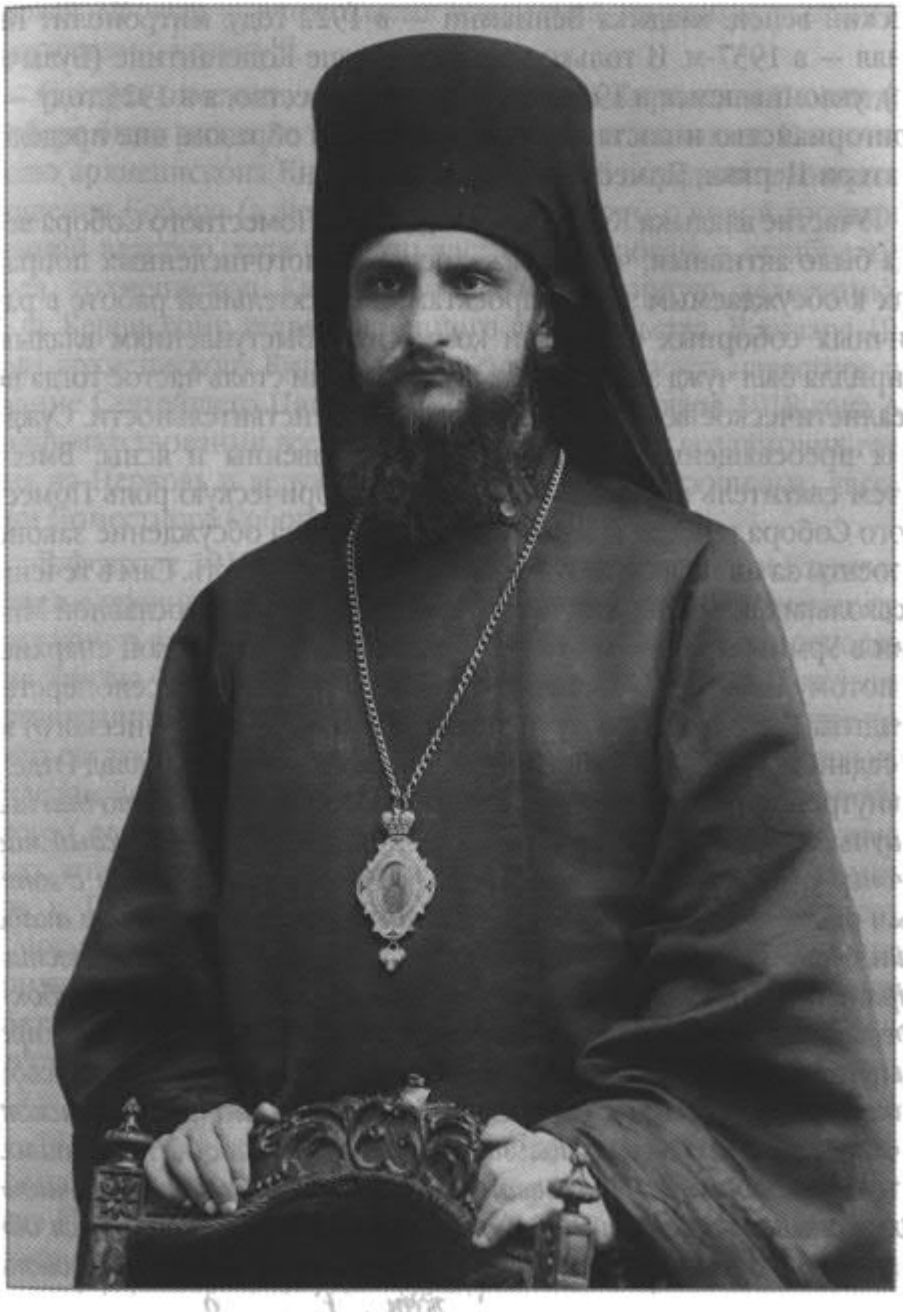
В истории Русской Православной Церкви этот Синод будет, пожалуй, самым именитым и оказавшим самое значительное влияние на судьбы Православия в мире. В судьбе самих церковных иерархов удивительным образом отразится вся послеоктябрьская история многострадальной Русской Церкви.

Митрополит Антоний (Храповицкий) и Анастасий (Грибановский) возглавят Карловацкий Собор и станут первоиерархами Русской Православной Церкви Зарубежом (первый — с 1922 по 1936 год, второй — с 1938 по 1964 год)[112], заняв непримиримую позицию по отношению к компромиссной церковной политике митрополита Сергия как заместителя патриаршего местоблюстителя. Митрополит Платон (Рождественский) будет избран на Третьем Всеамериканском церковном Соборе в Питсбурге в сентябре 1922 года первым митрополитом Американским и Канадским и поведет русскую церковную диаспору в Америке к автокефалии, руководствуясь в управлении американскими приходами указом патриарха Тихона от 20 ноября 1920 года[113]. Митрополит Платон скончается в 1934 году, а Американская митрополия станет Православной Церковью в Америке — пятнадцатой Поместной Автокефальной Православной Церковью — только в 1970 году. Митрополит Евлогий (Георгиевский) окажется после революционных бурь в Париже, будет

Святитель Тихон, патриарх Московский

управлять западноевропейскими приходами и стоять у истоков создания Парижского Свято-Сергиевского Богословского института и, после многих лет сложных взаимоотношений с Московской Патриархией, войдет в юрисдикцию РПЦ, став экзархом Западноевропейского Экзархата РПЦ[114]. Митрополит Сергий станет заместителем патриаршего местоблюстителя, автором известной Декларации 1927 года, с именем которого будет связана вся церковная политика 20—30-х годов XX века, и первым патриархом после патриарха Тихона, коего изберет собор из 19 оставшихся в живых и доставленных властями в Москву иерархов в сентябре 1943 года. Митрополит Арсений (Стадницкий) не покинет страны, будет некоторое время занимать двойственную позицию по отношению к административной деятельности митрополита Сергия, но станет членом Временного Патриаршего Священного Синода при митрополите Сергии (хотя участия в нем принимать не будет), после ссылки окажется на Ташкентской кафедре и скончается 23 февраля 1936 года в Ташкенте[115]. Промыслом Божиим все шесть членов избранного на Поместном Соборе Священного Синода умрут в страшном XX веке своей смертью, сподобятся напутствия Святых Таин и христианского погребения.

На Поместном Соборе 7 декабря 1917 года были избраны и заместители членов Синода, среди коих оказался и архиепископ Кирилл. Заместителями членов Священного Синода стали: епископ Вятский Никандр («за» — 193, «против» — 99), архиепископ Таврический Димитрий (192 и 99), митрополит Петроградский Вениамин (177 и 116), архиепископ Могилевский Константин (158 и 135) и, наконец, архиепископ Тамбовский Кирилл (147 и 143)[116]. События советской действительности также по-разному сказались на судьбе этих иерархов. Митрополит Никандр (Феноменов) и архиепископ Димитрий (князь Абашидзе) были среди поминающих митрополита Сергия и оба умерли своей смертью, первый — в 1933 году, второй, принявший еще в конце 20-х годов схиму с именем Антоний,— во время немецкой оккупации в Киеве. Митрополиты Петроградский Вениамин (Казанский) и Казанский Кирилл (Смирнов) стали славой и гордостью Русской Церкви, столпами веры и истинными поборниками Православия; оба они стяжали мучени-



Епископ Уфимский Андрей (Ухтомский),
впоследствии архиепископ Томский

ческий венец: владыка Вениамин — в 1922 году, митрополит Кирилл — в 1937-м. И только в архиепископе Константине (Булычеве), уклонившемся в 1923 году в обновленчество, а в 1925 году — в григорианство и поставившим себя, таким образом, вне пределов Матери-Церкви, Поместный Собор ошибся.

Участие владыки Кирилла в заседаниях Поместного Собора всегда было активным, что выражалось и в многочисленных поправках к обсуждаемым законопроектам, и в деятельной работе в различных соборных отделах и комиссиях. Выступлениям владыки Кирилла был чужд законнический пафос или столь частое тогда нереалистическое восприятие российской действительности. Суждения преосвященного Кирилла были трезвенны и ясны. Вместе с тем святитель прекрасно осознавал историческую роль Поместного Собора и часто критиковал вносимые на обсуждение законопроекты за их непроработанность и схоластичность. Сам в течение нескольких лет подвижнически служивший делу православной Миссии в Урмии, а затем много лет управлявший Тамбовской епархией и потому прекрасно знавший проблемы русского миссионерства, владыка Кирилл (уже будучи в сане митрополита Тифлисского) на заседании 22 марта (4 апреля) 1918 года критиковал доклад Отдела о внутренней и внешней Миссии. *«Беда Миссии в том, что она шла ощупью,*— говорил на Соборе митрополит Кирилл.— *Каждый миссионер сам себе прокладывал дорогу. Редко кто приходил с готовым ответом и необходимыми знаниями. Ни семинарии, ни академии, что нужно для миссионерства, в особенности в местах, зараженных расколом, ничего не давали. Сколько было ошибок и вреда для Церкви, об этом каждый помнит. Теперь, говоря о правильной постановке Миссии, мы должны выработать те способы, какие ведут Миссию к определенной цели, не заставляя епископа бояться, как бы вместо пользы не было вреда, как бы не пришлось исправлять ошибок. Но ответа на это в проекте нет. Я прочитал проект и как архиерей подумал: на меня теперь налагается обязанность уследить и правильно высчитать пятилетки миссионерам, изыскать средства их содержания. Но что дает законопроект в деле миссионерства, не видно. Это табель о рангах. Не дело, простите, Собору заниматься этим. Будет возможно, дадим 2000*

рублей. Проект — опыт благих пожеланий, но заниматься им положительно нельзя»[117].

Следует отметить, что участие владыки Кирилла в Поместном Соборе было всегда не только активным, но и знаковым. Именно на долю архиепископа Кирилла выпал жребий определять взаимоотношения Собора (а значит, и Русской Церкви) с новой государственной властью, хотя бы и по частным вопросам: в октябре 1917 года архиепископ Кирилл возглавил соборную делегацию к А. Ф. Керенскому, главе Временного правительства. В январе 1918 года архиепископу Кириллу было суждено огласить известное послание Святейшего Патриарха Тихона от 19 января 1918 года (об анафематствовании всех творящих беззаконие и воздвигших гонения на Церковь и верующих). Это событие произошло на заседании Поместного Собора 20 января 1918 года[118].

В феврале 1918 года возглавляемый архиепископом Кириллом Отдел о преподавании Закона Божия, желая узнать отношение православного народа к декрету о недопущении школьного преподавания Закона Божия, организовал собрание делегатов родительских организаций совместно с законоучителями Москвы. Собрание приняло следующую резолюцию: «Организованное законоучительным Отделом Всероссийского Церковного Собора собрание Всероссийского Совета родительских организаций, Союза Союзов родительских комитетов г. Москвы, представителей родительских комитетов г. Петрограда и законоучителей всех учебных заведений г. Москвы, в заседании 4 (17) февраля единогласно постановило: признать преподавание Закона Божия во всех учебных заведениях обязательным, а все попытки на его изгнание из школы считать посягательством на народную святыню, давлением на совесть родителей и учащихся»[119].

14 (27) февраля Поместный Собор учредил комиссию под председательством архиепископа Кирилла и в составе архимандрита Матфея (Померанцева) и П. Я. Руднева для расследования обстоятельств мученической кончины митрополита Киевского Владимира. Позднее, когда выяснилось, что в Киеве по постановлению Всеукраинского Православного Церковного Собора была также организована под председательством епископа Елисаветградского

Прокопия (Титова) подобная комиссия, исследовавшая все обстоятельства мученической кончины священномученика Владимира Киевского, Поместный Собор Российской Церкви упразднил собственную комиссию, тем более что никто из трех членов комиссии не смог добраться до Киева[120]. Тем не менее назначение владыки Кирилла председателем этой комиссии говорило о высоком доверии Собора к Тамбовскому иерарху. На другом соборном заседании 22 марта (4 апреля) 1918 года архиепископ Кирилл был избран в комиссию по борьбе с большевизмом в Церкви, составленную из 12 человек – митрополита Одесского Платона (Рождественского), епископа Вятского Никандра (Феноменова), архимандрита Матфея (Померанцева), протоиерея П. Н. Лахостского, протоиерея А. П. Рождественского, П. И. Астрова, профессора И. М. Громогласова, Н. Д. Кузнецова, генерала Л. К. Артамонова, В. Г. Рубцова, С. П. Руднева[121].

Не будучи политически ангажированным церковным деятелем, которого можно было бы заподозрить в некритичном отношении к какой-либо из государственных систем, архиепископ Кирилл уже тогда являл собой тот тип истинно православного иерарха, который в XX веке станет совестью Русской Церкви, ничем не уронив церковного достоинства и стяжав мученический венец. Вероятно поэтому, вслед за святым праведным Иоанном Кронштадтским, владыку Кирилла отметил своим доверием и Святейший Патриарх Тихон.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Тамбовские епархиальные ведомости. 1912. № 18. С. 564.
[2] РГИА, ф. 796, оп. 439, д. 523, л. 15об.–16.
[3] Тамбовские епархиальные ведомости. 1913. № 3. С. 116.
[4] Там же. 1914. № 5. С. 129.
[5] Там же. С. 129–130.
[6] Там же. С. 130.
[7] Там же. 1913. № 30. С. 825.
[8] Там же. С. 826.
[9] Там же. № 49.
[10] Там же. № 38.
[11] Там же. 1914. № 11. С. 401.

[12] Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского из Святейшего Правительствующего Синода, от 12 мая 1914 года за № 775//Тамбовские епархиальные ведомости. 1914. № 20. С. 629–630.

[13] Тамбовские епархиальные ведомости. 1914. № 22. С. 638–642.

[14] Хор был расположен в Тамбовской ДС. Спевки проходили по группам: 1-я гр.– с 8 час. 30 мин. утра до 9 час. 45 мин., 2-я – с 10 до 11 час.; общая спевка – с 12 до 13 час. 30 мин.; вечерние занятия: 1 гр.– от 17 до 19 час., 2 гр.– с 19 час. 30 мин. до 21 час. // Тамбовские епархиальные ведомости. 1914. № 28. С. 785–799.

[15] Там же. 1914. № 17. С. 498.

[16] Там же. С. 499.

[17] Там же. С. 500.

[18] Этот очевидец – протодиакон Покровского кафедрального собора в г. Тамбове Василий Малин.

[19] Митрополит Санкт-Петербургский Владимир (Богоявленский), епископ Черниговский и Нежинский Василий (Богоявленский), епископ Уральский Тихон (Оболенский), епископ Михайловский Амвросий (Смирнов), епископ Гомельский Варлаам (Ряшенцев). Кроме них, конечно же, участвовали еще архиепископ Тамбовский и Шацкий Кирилл (Смирнов) и его викарный епископ Зиновий (Дроздов).

[20] ЖМП, 1989, № .– С. 20–21.

[21] Тамбовские епархиальные ведомости. 1914. № 31. С. 991–992.

[22] Определение Св. Синода от 11–23 июля 1914 г. за № 6366// Тамбовские епархиальные ведомости. 1914. № 32. С. 1008.

[23] Церковно-общественный вестник. СПб., 1914. № 24. С. 12.

[24] *Николай II, имп.* Дневники. М.: Орбита, 1991. С. 502.

[25] Тамбовские епархиальные ведомости. 1914. № 38.

[26] Там же. 1914. № 37. С. 1083–1085.

[27] Там же. 1914. № 38. С. 1118–1119.

[28] Там же. 1915. № 6. С. 137.

[29] Другая часть Миссии (20 учеников с наставником) нашла приют в Тульской епархии, поскольку архиепископ Тульский и Белевский Парфений (Левицкий), также как и архиепископ Кирилл, принял сердечное участие в устроении учеников Урмийской Миссии.

[30] Тамбовские епархиальные ведомости. 1915. № 8. С. 207–209.

[31] Определением Св. Синода от 18–19 ноября 1916 г. за № 8531 всем духовным консисториям предлагалось: «Произвести во всех церквах Империи за богослужениями в праздник Богоявления будущего 1917 года, как в самый день праздника, так и накануне 5-го января, сбор пожертвований в пользу Урмийской Миссии и православного населения Урмии, разоренных мусульманами во время занятия края турецкими войсками, с тем, чтобы имеющиеся поступить путем этого сбора деньги чрез местных благочинных были представлены в Хозяйственное Управление при Святейшем Синоде для препровождения в распоряжение начальника Урмийской Духовной Миссии».– См. Церковные Ведомости. 1916. № 48; ГАТО, ф. 181, оп. 1., д. 2265, л. 63.

[32] Тамбовские епархиальные ведомости. 1915. № 25.

[33] Там же. № 24. С. 781.

[34] Проект и исполнение раки и сени были осуществлены московской фирмой Н. В. Немирова-Колодкина и стоили 36 тысяч рублей, собранных из пожертвований императора Николая II и прочих благотворителей.

[35] Тамбовские епархиальные ведомости. 1915. № 3. С. 66.

[36] Там же. С. 67.

[37] Этому приезду предшествовала переписка В. С. Гордеевой и Тамбовского губернатора А. А. Салтыкова. 26 марта 1915 г. В. Гордеева направила А. А. Салтыкову следующее письмо: «Милостивый государь Александр Александрович. Ея И(мператорское) Высочество — Великая Княгиня Елисавета Феодоровна полагает побывать в скором времени в Тамбове для ознакомления с деятельностью Комитета Ея Высочества по оказанию помощи семьям раненных. О дне приезда я Вам сообщу дня за три, но пока не откажите сообщить мне для доклада Ея Высочеству, какие в Тамбове имеются лазареты и на какое количество человек каждый?

Ея Высочество просит Вас в день Ея приезда собрать заседание Комитета. Великая Княгиня предполагает приехать утром, быть у обедни в соборе, где почивают мощи святителя Питирима, затем посетить учреждения Комитета (если таковые есть), также два или три лазарета, жен. м-рь, А. Н. Нарышкину и после заседания Комитета в тот же вечер выехать обратно в Москву.

Из лазаретов Ея Высочество выберет по вашему указанию все равно не более двух, т. к. главная цель Ея Высочества есть желание поклониться мощам святителя Питирима и ознакомиться с работой Комитета. Прошу Вас принять уверения моего искреннего уважения. В. Гордеева».— ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 9124, л. 3.

30 марта 1915 года А. А. Салтыкову прибыла телеграмма: «Ея Высочество предполагает прибыть [в]Тамбов [в] четверг рано утром[.] Из вагона выйдет около девяти [часов] для следования [в] собор [на] обедню[.] Затем посетит владыку[,] завтракать будет [у] Александры Николаевны Нарышкиной[,] днем посетит лазареты и женский монастырь[.] Заседание Комитета желательно Ея Высочеству [в] семь с половиной вечера[,] затем [—] отъезд[.] Не откажите в ответе на мое письмо[,] а также[, в] котором часу начало литургии [в] соборе. = Гордеева[.]» — ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 9124, л. 1.

31 марта А. А. Салтыкову прибыла телеграмма от гофмейстера Корнилова: «Великая Княгиня Елисавета Феодоровна выйдет в Тамбов из вагона около девяти утра. Губернаторы всюду встречали и сопровождали Ея Высочество не в мундирах. Заседание Комитета также не в мундирах. Кроме В. С. Гордеевой сопровождаю Великую Княгиню я = Гофмейстер Корнилов».— ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 9124, л. 2.

[38] Тамбовские епархиальные ведомости. 1915. № 13—14. С. 320—321.

[39] ГАТО, ф. 17, оп. 43, д. 45, лл. 13—15.

[40] ГАТО, ф. 17, оп. 44, д. 58, л. 4.

[41] Тамбовские епархиальные ведомости. 1915. № 13—14. С. 321—322.

[42] Там же. 1916. № 9. С. 225.

[43] Там же. С. 228.

[44] Там же. С. 228.

[45] Там же. № 13. С. 414.

[46] Там же. № 14—15. С. 487.

[47] ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 9045, лл. 377об.—378.

[48] Тамбовские епархиальные ведомости. 1915. № 31. С. 808—809.

[49] Там же. № 34. С. 875.

[50] Духовные учебные заведения вынуждены были потесниться. Церковь, как всегда, в трудное для страны время спешила посильно помочь государству. Занятия семинаристов проходили в здании епархиального женского училища (в утреннюю смену), уроки воспитанниц училища — в смену послеобеденную. Учащиеся Серафимовского духовного училища занимались в здании 1-го Тамбовского училища в первую утреннюю смену, а воспитанники 1-го училища — во вторую.

[51] Тамбовские епархиальные ведомости. 1915. № 39. С. 980—983.

[52] Например, с 1914 года резко обозначился рост числа разводов по причине неверности супругов, увеличилось число кощунственных краж церковного имущества (святотатств) и пр.

[53] *Булгаков С. Н.* Агония //Христианский социализм (С. Н. Булгаков). Споры о судьбах России.— Новосибирск. Наука. Сиб. отд., 1991. С. 306.

[54] *Там же.* С. 307.

[55] Схиархимандрит Гавриил (Зырянов) (14. 03. 1844 — 24. 09. 1915), старец Седмиезерной пустыни Казанской епархии и Спасо-Елеазаровой пустыни Псковской епархии. Был духовным отцом многих новомучеников Российских (особенно из числа выпускников Казанской Духовной академии), среди коих: архиепископы Феодор (Поздеевский), Иувеналий (Масловский), Гурий (Степанов), епископы Герман (Ряшенцев), Иоасаф (Удалов) и мн. др. К духовным чадам старца относила себя и св. преподобномученица великая княгиня Елисавета Феодоровна. Схиархимандрит Гавриил был прославлен 30 июля 1997 года в городе Казани как местночтимый святой Казанской епархии. Память преподобного Гавриила Седмиезерского совершается 24 сентября (7 октября) — в день кончины святого старца и 17 (30) июля — в день его прославления. Святые мощи старца ныне покоятся в Седмиезерной пустыни, часть — в Спасо-Елеазаровом монастыре.

[56] Не во всем можно согласиться с С. Н. Булгаковым, особенно с его оценкой деятельности о. Востокова, но следует признать справедливым его замечание о том, что тема «распутинщины» была страшным орудием в руках революционеров: «Этого не понимали легкомысленные попы, как Востоков, пóшло игравшие в демагогию на распутинские темы, но это отлично сознавали мои друзья, которые вели через Елисавету Феодоровну скрытую борьбу с Распутиным при дворе, когда А. И. Гучков просил их дать материалы о Распутине для «запроса» в Гос. Думе, они отказались это делать. Они не хотели революции, которой хотели все, злорадствовавшие о Распутине» // *Булгаков С. Н.* Указ. соч. С. 307.

[57] Тамбовские епархиальные ведомости. 1916. № 9. С. 280—281.

[58] ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 9310, л. 31—31об.

[59] Там же, л. 48—48об.

[60] Там же, л. 51—53. За эту поездку владыка Кирилл посетил: 63 сельских прихода, 21 городской приход, 4 монастыря, преодолев при этом расстояние в 1390 верст: 996 верст по железной дороге и на пароходе, 394 верст на лошадях.

[61] Там же, л. 96—97об.

[62] Там же, л. 126—129.

[63] Тамбовские епархиальные ведомости. 1916. № 7. С. 201—202.

[64] Там же. № 50. С. 1298—1299.

[65] Там же. 1917. № 7. С. 197—198.

[66] ГАТО, ф. 181, оп. 1, д. 2175, л. 336.

[67] Там же, д. 2265, л. 55.
[68] Тамбовские епархиальные ведомости. 1917. № 10—11. С. 247—249.
[69] Там же. С. 251—252.
[70] Там же. С. 294.
[71] Там же.
[72] Там же. С. 297—298.
[73] Там же. С. 298—299.
[74] РГИА, ф. 796, оп. 204, I отд., V ст., д. 132, л. 6. Состав Предсоборного Совета был определен следующий: все присутствующие в Св. Синоде преосвященные, представители белого духовенства и обер-прокурор с его товарищем; семь преосвященных архиереев, избранных правящими и викарными епископами; восемь делегатов от Всероссийского съезда духовенства и мирян, в том числе четверо от духовенства и четверо от мирян; четыре делегата от духовно-учебных заведений по выбору Комиссии по реформе духовно-учебных заведений; восемь делегатов по избранию Советов Православных духовных академий; два делегата по избранию съезда монашествующих, и один делегат от ученого монашества по избранию съезда представителей сего монашества; один представитель от Грузинской Церкви, один представитель от единоверцев; восемнадцать лиц по особому приглашению Св. Синода.
[75] РГИА, ф. 796, оп. 204, I отд., V ст., д. 132. Имя архиепископа Кирилла назвали: епископ Нестор (Анисимов) — л. 42; архиепископ Владимирский и Шуйский Алексий (Дородницын) — л. 44; епископ Вологодский и Тотемский Александр (Трапицын) — л. 49; архиепископ Волынский и Житомирский Евлогий (Георгиевский) — л. 51; епископ Владимиро-Волынский Фаддей (Успенский), викарий Волынской епархии — л. 52; епископ Вятский Никандр (Феноменов) — л. 57; епископ Глазовский Павел (Поспелов) — л. 58; архиепископ Платон (Рождественский), экзарх Грузии — л. 60; архиепископ Донской и Новочеркасский Митрофан (Симашкевич) — л. 64; архиепископ Казанский и Свияжский Иаков (Пятницкий) — л. 70; епископ Чистопольский Анатолий (Грисюк) — л. 71; епископ Чебоксарский Борис (Шипулин) — л. 72; митрополит Владимир (Богоявленский) — л. 76; епископ Чигиринский Никодим (Кротков) — л. 77; епископ Костромской и Галичский Евгений (Бережков) — л. 80; епископ Кинешемский Севастиан (Вести) — л. 81; епископ Слуцкий, викарий Минской епархии Феофилакт (Клементьев) — л. 87; епископ Гомельский Варлаам (Ряшенцев) — л. 89; епископ Волоколамский Феодор (Поздеевский) — л. 92; епископ Можайский Димитрий (Добросердов) — л. 93; епископ Балахнинский Лаврентий (Князев) — л. 97; архиепископ Новгородский и Старорусский Арсений (Стадницкий) — л. 98; епископ Олонецкий и Петрозаводский Иоанникий (Дьячков) — л. 102; епископ Кустанайский Дионисий (Прозоровский) — л. 108; епископ Челябинский Серафим (Александров) — л. 111; епископ Орловский и Севский Макарий (Гневушев) — л. 112; епископ Пермский и Кунгурский Андроник (Никольский) — л. 116; епископ Соликамский Феофан (Ильминский), викарий Пермской епархии — л. 117; архиепископ Петроградский и Ладожский Вениамин (Казанский) — л. 118 об.; епископ Нарвский Геннадий (Туберозов) — л. 120; епископ Полтавский Феофан (Быстров) — л. 127; епископ Прилукский Неофит (Следников), викарий Полтавской епархии — л. 129; епископ Псковский и Порховский Евсевий (Гроздов) — л. 130; архиепископ Рижский и Итавский Иоанн (Поммер) — л. 131; епископ Са-

марский и Ставропольский Михаил (Богданов) — л. 134; епископ Уральский и Николаевский Тихон (Оболенский) — л. 135; епископ Вольский Досифей (Протопопов) — л. 136; епископ Смоленский и Дорогобужский Феодосий (Феодосиев) — л. 140; епископ Томский Анатолий (Каменский) — л. 151; архиепископ Тульский и Белевский Парфений (Левицкий) — л. 154; епископ Каширский Иувеналий (Масловский) — л. 155; архиепископ Финляндский и Выборгский Сергий (Страгородский) — л. 158; епископ Сердобольский Серафим (Лукьянов), викарий Финляндской епархии — л. 159; епископ Сумский Митрофан (Абрамов) — л. 161; архиепископ Херсонский и Одесский Назарий (Кириллов) — л. 162; епископ Бельский Серафим (Остроумов) — л. 165; епископ Новгород-Северский Иоанн (Доброславин), викарий Черниговской епархии — л. 167; архиепископ Ярославский и Ростовский Агафангел (Преображенский) — л. 168.

[76] РГИА, ф. 796, оп. 204, I отд., V ст., д. 132, л. 146. Представление от 25 мая 1917 года за № 3656.

[77] Там же, л. 172. Определение Св. Синода от 9 июня 1917 г.: «Согласно избранию епархиальных Преосвященных и Преосвященных викариев, вызвать в Петроград для участия в работах Предсоборного Совета: Преосвященных митрополита Киевского Владимира, архиепископа Литовского Тихона, архиепископа Новгородского Арсения и архиепископа Тамбовского Кирилла с назначением местопребывания: архиепископам Тихону на Ярославском подворье, Арсению на Благовещенском Синодальном подворье, архиепископу Кириллу — в Александро-Невской лавре».

[78] Там же, л. 175.

[79] Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917—1918 гг. (Репринт.) М.: Новоспасский монастырь, 1994. Т. 1. С. 7—8.

[80] РГИА, ф. 796, оп. 204, I отд., V ст., д. 132, л. 179.

[81] Указ Св. Синода за № 4121 от 21 июня 1917 г. //Деяния. Т. 1. С. 9.

[82] См. Расписание работы соборных Отделов. Деяние XII (30 августа 1917 г.) //Деяния. Т. 1. С. 153.

[83] См. Выборы членов и заместителей членов Священного Синода. Деяние LXII (7 декабря 1917 г.) //Деяния. Т. 5. С. 355.

[84] Деяние VIII//Деяния... Т. 1. С. 87—88.

[85] Деяние XI. //Деяния... Т. 1. С. 152.

[86] Архиепископ Кирилл и епископ Андроник пожертвовали по 100 р., протоиерей В. Туркевич и В. К. Недельский — по 25 р., А. Золотарев — 20 р., Н. Медведков — 15 р., архимандрит Вениамин, священник И. Артоболевский, Ф. Зибарев — по 10 р.— Деяние XXXIV//Деяния. Т. 3. С. 64.

[87] Деяние XIII//Деяния... Т. 2. С. 54.

[88] Там же. С. 55.

[89] Там же. С. 56.

[90] Там же.

[91] Закон Временного правительства от 20 июня 1917 г. об объединении в целях введения всеобщего обучения учебных заведений разных ведомств в ведомстве Министерства народного просвещения (Вестник Временного правительства, № 29). Согласно этому закону, церковно-приходские школы, второклассные и церковно-учительские, переходили в ведомство Министерства народного просвещения; пенсионные кассы учителей и учительниц церковно-приходских

школ закрывались, кредиты от казны, которые отпускались прежде на содержание означенных школ, а также на Училищные советы, переходили на смету Министерства народного просвещения. Этот закон фактически ликвидировал тип церковно-приходской школы.

[92] Деяние XX//Деяния... Т. 2. С. 124.

[93] Деяние XXV//Деяния... Т. 2. С. 244.

[94] Там же. С. 245.

[95] *Карташев А. В.* Церковь. История. Россия: Статьи и выступления. М., 1996. С. 232.

[96] Деяние XXV // Деяния... Т. 2. С. 246.

[97] Там же. С. 247.

[98] Там же. С. 248—249.

[99] Там же. С. 251.

[100] Деяние LXV // Деяния... Т. 5. С. 378—379.

[101] Деяние XXVI // Деяния... Т. 2. С. 279.

[102] *Митрополит Вениамин (Федченков).* На рубеже двух эпох.— М.: Отчий дом, 1994. С. 162—163.

[103] Деяние XXXI // Деяния... Т. 3. С. 11—12.

[104] Деяние XXXIII // Деяния... Т. 3. С. 52.

[105] Там же. С. 53.

[106] Там же. С. 55.

[107] Там же. С. 56.

[108] Архиепископ Кирилл хиротонисан в 1904 г., тогда как митрополит Владимир был хиротонисан в 1888, митрополит Антоний и митрополит Тихон — в 1897, митрополит Арсений — в 1899, митрополит Платон в 1902, и только архиепископ Анастасий — в 1906 г.

[109] Деяние XXXVI // Деяния... Т. 3. С. 105.

[110] Деяние LV // Деяния... Т. 5. С. 125.

[111] Деяние LXII // Деяния... Т. 5. С. 354.

[112] Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 838, 841.

[113] *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке.— М.: Республика, 1995. С. 245—249.

[114] Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 861.

[115] За Христа пострадавшие... С. 107—109.

[116] Деяние LXII // Деяния... Т. 5. С. 355.

[117] Деяние CXI// Деяния... Т. 8. С. 159.

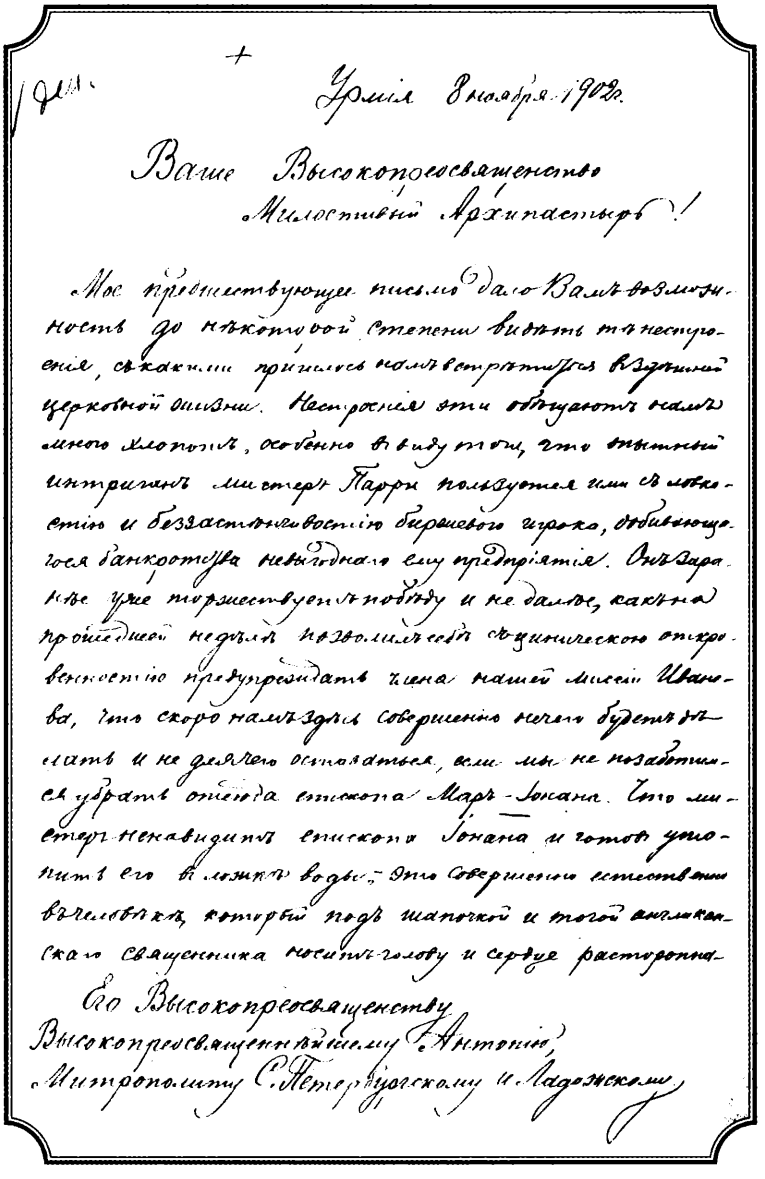
[118] Деяние LXVI // Деяния... Т. 6. С. 4—5.

[119] Деяние LXXVII // Деяния... Т. 6. С. 274.

[120] Деяние CL //Деяния... Т. 10. С. 233.

[121] Деяние CXI//Деяния... Т. 8. С. 163.

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский
Антоний (Вадковский)



+

Урмія 8 ноября 1902г.

Ваше Высокопреосвященство
Милостивый Архипастырь!

Мое предшествующее письмо дало Вам возможность до нѣкоторой степени видѣть тѣ неустройства, съ какими пришлось мнѣ встрѣтиться въ здѣшней церковной жизни. Неустройства эти обощлись мнѣ многихъ хлопотъ, особенно въ виду того, что тайный интриганъ миссіонеръ Парри пользуется ими въ ловкости и безстыдливости бѣднаго игумена, обвиняющагося банкротства невыгоднаго ему предпріятія. Онъ заранѣе уже торжествуетъ побѣду и не далѣе, какъ на прошедшей недѣлѣ позволилъ себѣ съ цинической откровенностію предупреждать членовъ нашей Миссіи Иванова, что скоро нашъ здѣшній совершенно нечего будетъ дѣлать и не для чего оставаться, если мы не позаботимся удалить отсюда епископа Мар-Іоханна. Что миссіонеръ ненавидитъ епископа Іоханна и готовъ уничтожить его въ ложкѣ воды,- это совершенно естественно въ человѣкѣ, который подъ шапочкой и тогой англиканскаго священника носитъ голову и сердце расторопнаго

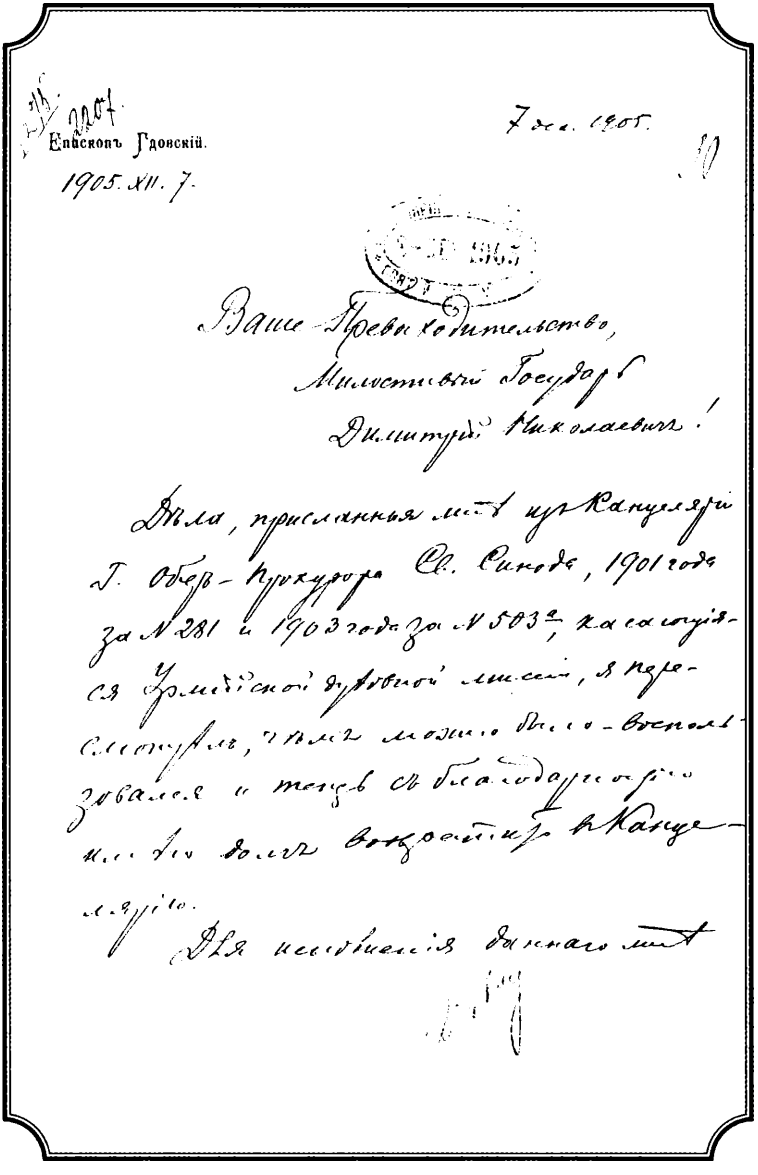
Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнѣйшему Антонію,
Митрополиту С.Петербургскому и Ладожскому.

Письмо архимандрита Кирилла (Смирнова), начальника Урмийской Миссии, митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Антонию (Вадковскому). 8 ноября (ст. ст.) 1902 года

Епископ Таганрогский Феофилакт (Клементьев),
бывший начальник Урмийской Миссии

Молебен на территории Урмийской Миссии. Архимандрит Кирилл (в митре) вместе с епископом Мар-Ионаном, сирийским духовенством и учениками миссийных школ. 25 марта 1903 года

После молебна. Фото на фоне строящегося здания Урмийской Миссии.
В клобуках (слева направо) архимандрит Кирилл (Смирнов), иеромонах Сергий (Лавров),
епископ Мар-Ионан



Епископъ Гдовскій.
1905. XII. 7.

7 дек. 1905.

Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь
Дмитрий Николаевичъ!

Имѣя, присланныя мнѣ изъ Канцеляріи Г. Обер-Прокурора Св. Синода, 1901 года за №281 и 1903 года за №503, касающіяся Урмійской духовной миссіи, я пересмотрѣлъ, нѣтъ ли можно было-бы воспользоваться и тѣмъ обстоятельствомъ, что они должны возвратиться въ Канцелярію.

Для исполненія данныхъ мнѣ

Письмо епископа Гдовского Кирилла по делам Урмийской Миссии в канцелярию обер-прокурора Святейшего Синода. Санкт-Петербург. 7 декабря 1905 года

Епископ Салмасский Сергий (Лавров), преемник архимандрита Кирилла (Смирнова) на посту начальника Урмийской Миссии

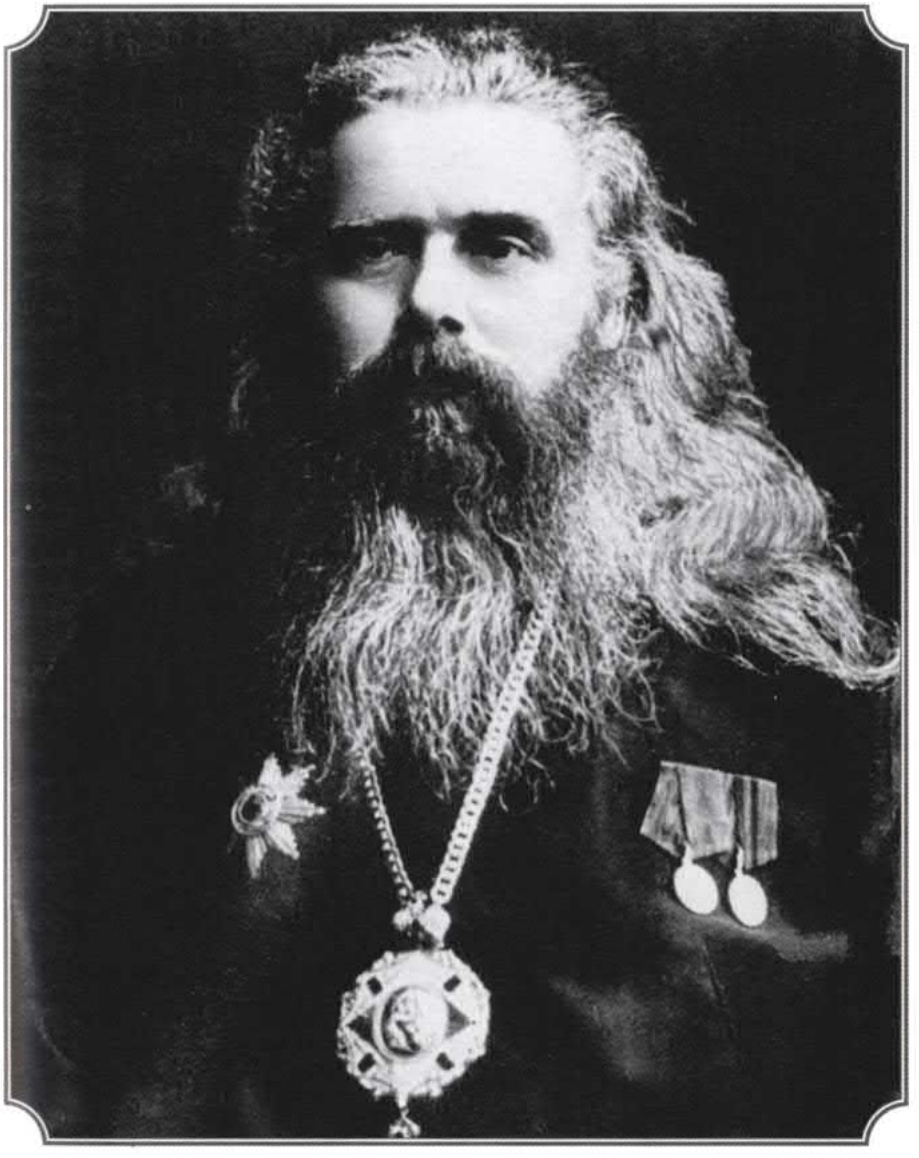
Священномученик Кирилл
в Свято-Троицкой пустыни под Петербургом

Епископ Гдовский Кирилл (Смирнов),
викарий Санкт-Петербургской епархии

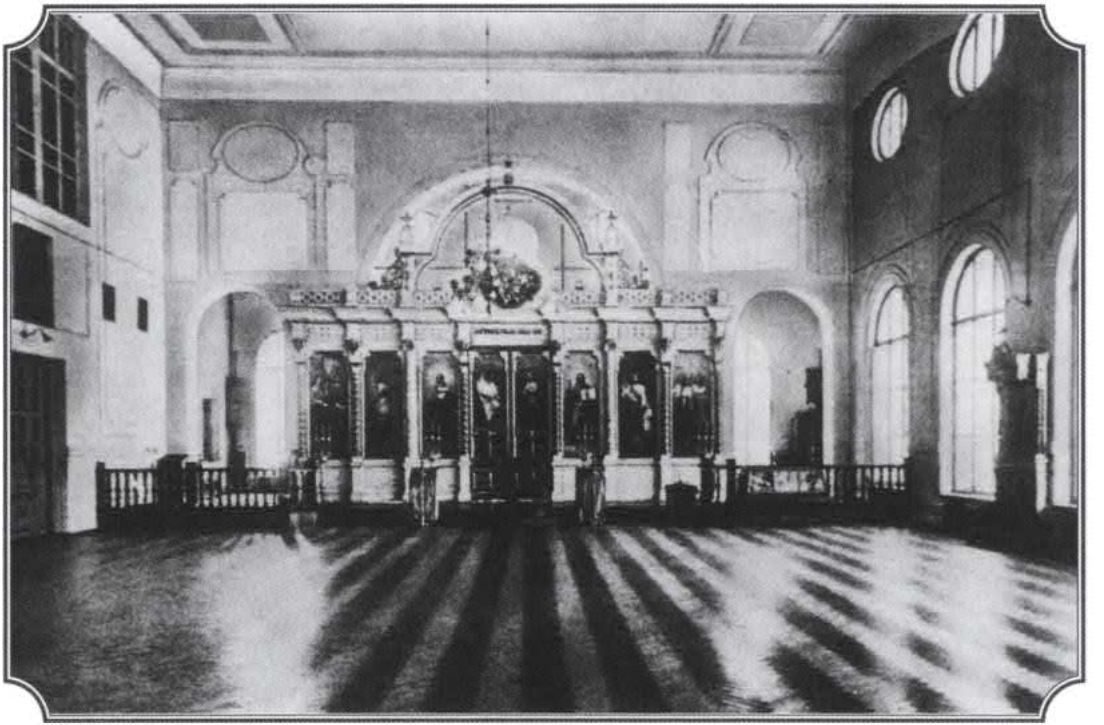
Епископ Козловский Григорий (Яцковский),
викарий Тамбовской епархии

Епископ Козловский Зиновий (Дроздов),
викарий Тамбовской епархии, священномученик

Казанский собор в Казанском монастыре г. Тамбова



Архиепископ Тамбовский и Шацкий Кирилл (Смирнов)



Домовая церковь Тамбовской Духовной семинарии.
1911 год

Тамбовская Духовная семинария

Часовня над колодцем святителя Питирима Тамбовского

ГЛАВА III

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИТРОПОЛИТА КИРИЛЛА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ ДО ДЕКЛАРАЦИИ 1927 ГОДА

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА НАЗНАЧЕНИЯ АРХИЕПИСКОПА КИРИЛЛА ЭКЗАРХОМ ГРУЗИИ И ИЗБРАНИЯ НА НИЖЕГОРОДСКУЮ КАФЕДРУ

С апреля[1] 1918 года[2] Святейшим Патриархом Тихоном архиепископ Кирилл был назначен митрополитом Тифлисским и Бакинским, экзархом Кавказским. Об этом было объявлено 8 апреля 1918 года на Поместном Соборе, на котором присутствовал и сам владыка Кирилл. Секретарь огласил выписки из постановлений Святейшего Патриарха и Священного Синода от 19 марта (1 апреля) и 23 марта (5 апреля) 1918 года за № 185, 210 о «бытии архиепископу Тамбовскому и Шацкому митрополитом Тифлисским и Бакинским, экзархом Кавказским, и о предоставлении ему права ношения белого клобука и митры с крестами»[3].

Само назначение владыки Кирилла на Тифлисскую кафедру являлось мерой, в некоторой степени вынужденной: митрополит Платон (Рождественский), будущий первоиерарх Американской Православной Церкви, не был в состоянии справиться с тяжелой закавказской ситуацией. Еще 12 марта 1917 года собравшиеся во Мцхете в храме Двенадцати апостолов представители грузинской иерархии (епископы, клирики и миряне) объявили о «восстановлении автокефального церковного управления в Грузии». Архиепископу Платону тогда же было объявлено, что отныне он перестает

Архиепископ Тифлисский Платон (Рождественский), экзарх Грузии, впоследствии митрополит Северо-Американский и Аляскинский

быть экзархом Грузии. Низложенный экзарх отказался подчиняться постановлению Мцхетского Собора[4]. С этого времени и начинается отсчет сложного и трагического периода (длившегося до 1943 года) в отношениях между Русской и Грузинской Церквами, характеризующегося прекращением церковного общения и параллельным существованием на одной канонической территории приходов двух юрисдикций.

Грузинский экзархат Русской Православной Церкви возглавлялся к началу XX века иерархом в сане архиепископа или митрополита, носившего титул Карталинского и Кахетинского, экзарха Грузии. В Грузинский экзархат входили епархии: Грузинская (кафедра в Тифлисе) с викариатствами Алавердским (учреждено в 1886 г.), Бакинским (учреждено в 1905 г.) и Горийским (учреждено в 1811 г., епископы проживали в Тифлисе); Ереванская (учреждена в 1912 г.); Гурийско-Мингрельская (с кафедрой в г. Поти); Имеретинская (учреждена в 1821 г., кафедра в г. Кутаиси); Сухумская (учреждена в 1885 г., кафедра в Сухуми). К моменту провозглашения автокефа-

лии в Грузинском экзархате были следующие иерархи: архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии Платон (Рождественский) (с 13 августа 1917 г.— митрополит Тифлисский и Бакинский); викарии Грузинской епархии епископ Горийский Антоний (Георгадзе), епископ Алавердский Пирр (Окропиридзе), епископ Бакинский Григорий (Яцковский), епископ Ереванский Дамиан (Говоров); правящие архиереи: епископ Гурийско-Мингрельский Леонид (Окропиридзе), епископ Имеретинский Георгий (Аладашвили), епископ Сухумский Сергий (Петров)[5].

В период существования Грузинского экзархата в составе Русской Православной Церкви экзархами назначались неизменно русские иерархи, что вызывало глухое недовольство, а иногда и открытый протест грузинского духовенства и населения. После падения российской монархии недовольство грузинского духовенства синодальной (русской) политикой приняло формы автокефалистского и антирусского движения. Все русские епископы в несколько месяцев вынуждены были покинуть свои кафедры. Фактически бежал в 1917 году епископ Бакинский Григорий (Яцковский)[6], хотя Бакинское викариатство было, пожалуй, наиболее спокойным; удалился из Грузии и епископ Дамиан (Говоров), назначенный 3 июля 1917 года епископом Петровским, викарием Саратовской епархии[7]. Несколько лучшим было положение епископа Сергия (Петрова), чья кафедра находилась в абхазской части экзархата, но и здесь сепаратистские тенденции и влияние Грузии были сильны. Несмотря на это, епископ Сергий занимал кафедру до 1920 года, хотя последние годы были временем скорее номинального, чем фактического управления епархией.

Церковные события в Грузии происходили на фоне государственных потрясений в России. Решение участников Мцхетского собора было направлено Временному правительству, которое признало автокефалию Грузинской Церкви, но только как Церкви национальной, без географических границ. Таким образом, русские приходы на территории Грузии оставались в юрисдикции Русской Церкви, что вызвало недовольство грузинской иерархии. Временное управление Грузинской Церкви направило Временному правительству протест по поводу признания только национальной,

а не территориальной автокефалии, что «не гарантирует грузинам блага церковного и мирного сожительства с русским элементом края, ибо воинствующим представителям Русской Церкви открывается возможность создания среди грузин церковного русского прозелитизма, а равно фактического стеснения и умаления Грузинской Церкви»[8]. По мнению грузинской иерархии, автокефалия должна быть признана в территориальных пределах древнегрузинского католикосата; русские же приходы должны получить автономного русского епископа, канонически зависимого от главы Грузинской Церкви.

В то же время Тифлисский союз русских клириков и мирян, посчитав восстановление автокефалии Грузинской Церкви свершившимся фактом, обратился 27 марта 1917 года в Святейший Синод с просьбой об учреждении в Закавказье Русского экзархата, куда бы вошли русские и абхазские приходы и монастыри, не желавшие выходить из юрисдикции Русской Православной Церкви[9]. Уже 14 июля 1917 года были изданы временные правила об управлении приходами на Кавказе, сохранившими верность Русской Церкви. В Тифлис был назначен епископ Феофилакт, однако жесткая позиция грузинской иерархии не позволила епископу Феофилакту долго оставаться в Грузии, и вскоре он был вынужден покинуть Тифлис. 8 сентября 1917 года грузинское духовенство избрало католикосом всея Грузии епископа Кириона (Садзаглишвили), почтенного церковного историка, бывшего епископа Полоцкого и Витебского. Таким образом, состоялся окончательный канонический разрыв отношений Грузинской Церкви с кириархальной Русской, и даже послание патриарха Тихона 29 декабря 1917 года с призывом к грузинским иерархам передать вопрос об автокефалии на суд Всероссийского Поместного Собора не способно было изменить ситуации. Церковной автокефалии способствовали и политические события, происходившие в Грузии.

Однако вопрос о создании Русского экзархата представлялся по-прежнему актуальным, не терялись надежды и на восстановление канонического единства. Эти вопросы могли быть разрешены Всероссийским Собором. Участник Поместного Собора протоиерей Георгий Голубцов 21 марта 1918 года в своем дневнике писал,

Тифлис (Тбилиси). Церковь святого Давида

что митрополит Платон (Рождественский) сообщил ему о своем переводе на Одесскую кафедру и о решении Святейшего Патриарха Тихона назначить экзархом Грузии архиепископа Кишиневского Анастасия или архиепископа Тамбовского Кирилла: «Конечно,— писал отец Георгий,— наиболее подходящим был бы архиепископ Кирилл, так как, в бытность свою законоучителем Елисаветпольской гимназии, он отлично изучил все условия жизни в Закавказье. Да и человек-то он прямой и решительный! А такой только и нужен сейчас у нас в Закавказье!»[10]

Характерно, что эти же имена были упоминаемы в качестве кандидатур в экзархи Грузии еще двумя годами раньше (в 1916 году), когда великий князь Николай Николаевич, назначенный новым наместником Кавказа, поставил вопрос о переводе с экзаршей кафедры архиепископа Питирима (Окнова): «Мне нужен там такой архиерей, которого бы я чтил и которому бы я верил»[11]. С просьбой назвать кандидатов для экзаршей кафедры великий князь обратился к протопресвитеру армии и флота Георгию Шавельскому, который

рекомендовал обратить внимание на трех иерархов: архиепископа Кишиневского Платона (Рождественского), архиепископа Холмского Анастасия (Грибановского) и архиепископа Тамбовского Кирилла (Смирнова). Дав каждому краткую характеристику, об архиепископе Кирилле протопресвитер, знавший владыку еще с 1898 года, когда тот занимал должность законоучителя 2-й Петербургской гимназии, сказал так: «Архиепископ Кирилл, при безусловной порядочности, крепком уме и хорошей настроенности, отличался еще лоском, красотой и уменьем обходиться с людьми»[12]. Зная критическую настроенность (если не предубежденность) отца Георгия против архиереев и наблюдая то «сословное раздражение «белого» духовенства против «монахов» (выражение протопресвитера Иоанна Мейендорфа)[13], которое сквозит почти в каждой строчке «Воспоминаний» отца Георгия Шавельского, можно заключить, что даже сдержанный положительный отзыв армейского протопресвитера о владыке Кирилле свидетельствовал о действительно высоком духовном авторитете Тамбовского святителя.

Надеждам протоиерея Георгия Голубцова суждено было сбыться только отчасти. Он оказался одним из первых, кто узнал о новом назначении на экзаршую кафедру. 29 марта 1918 года отец Георгий был принят Святейшим Патриархом Тихоном по вопросу о выделении Сухумской кафедры в качестве самостоятельной из состáва Грузинского экзархата в связи с усилением изоляционистских и автокефалистских настроений среди грузинского духовенства и опасностью захвата всей Абхазии (вместе со всеми абхазскими и русскими в ней монастырями и храмами) Грузинской Церковью. Патриарх, внимательно выслушав настоятеля Сухумского кафедрального собора, поручил более подробно доложить об этом деле новому экзарху Кавказскому — владыке Кириллу. Вечером отец Георгий уже докладывал ему о возникших проблемах русского Закавказья. Владыка Кирилл, как и сам патриарх, обещал в деле образования самостоятельной Сухумской кафедры (Российской юрисдикции) свою поддержку[14].

Однако чаяниям протоиерея Георгия в отношении умиротворения тяжелой ситуации в Закавказье не суждено было сбыться. По условиям военного времени прибыть к месту нового своего служения

в Тифлис митрополит Кирилл так и не смог. Через Баку он сумел добраться только до Астрахани, а далее, не добравшись до Тифлиса, вынужден был вернуться на новую сессию Поместного Собора.

В Баку митрополит Кирилл пребывал с 19 мая н. ст. до начала июля 1918 года. Из Баку митрополит Кирилл выехал не позднее 10 июля и прибыл в Астрахань не позднее 12 июля: этим числом датирована телеграмма владыки Кирилла патриарху Тихону по вопросу о нижегородских выборах (о чем ниже). Из Астрахани 12 июля (или несколькими днями позже) митрополит Кирилл направился в Тифлис.

От периода пребывания митрополита Кирилла в Баку (центре Бакинского викариатства) осталось три письма, датированных 24 мая, 5 июня и 20 июня 1918 года и адресованных Святейшему Патриарху Тихону. Поскольку в этих письмах содержится много важной информации для понимания сложной церковной ситуации в Закавказье, приведем их практически полностью[15].

24 мая 1918 года из Баку митрополитом Кириллом было направлено патриарху Тихону первое из известных нам писем. *«Ваше Святейшество, Святейший Владыко и благостный отец!* — писал митрополит Кирилл.— *6-го мая*[16] *ко 2 часам достиг я пристани у гор. Баку. Никаких известий здесь не имели из России несколько уже месяцев, не знали ничего и о моем сюда назначении. Во всяком случае за самозванца меня не сочли и приняли, видимо, радуяся. Я вызвал на пароход кафедрального о. протоиерея Юницкого*[17] *и попросил его подготовить все необходимое для встречи архиерейской и совершения в соборе торжественной вечерни. Когда начали звонить на соборной колокольне, за мной на пароход явился местный благочинный протоиерей Рождественский и повез меня в собор на автомобиле, любезно присланном из комиссариата. Народу собралось немного, но для такой неожиданности достаточно. При встрече было сказано протоиереем подобающее приветствие, а потом началось облачение и совершение вечерни и благодарственного Господу молебствия за дарованное нам благополучное путешествие в сии места»*[18].

Политическая ситуация в Закавказье была сложной. Митрополит Кирилл прибыл в Баку вскоре после того, как большевиками

было подавлено вооруженное восстание мусаватистов, выступивших с национально-сепаратистскими лозунгами против советской власти, успевшей укрепиться в Бакинском, Ленкоранском, Джавадском и Кубинском уездах. В самом Баку 30 марта — 1 апреля шли ожесточенные бои, в которых участвовало около 20 тысяч человек[19]. Результатом победы большевиков стало создание Бакинского совнаркома под председательством С. Г. Шаумяна. Но в апреле—мае в Закавказье вторглись турецкие войска. Большевизм с его интернационализмом оказался единственной силой, способной реально противостоять и местному религиозно-национальному сепаратизму, и насаждаемому извне пантюркизму. У православных не было выбора (слишком памятны были расправы персов-мусульман с православным населением в Кубинском уезде), и приходы стали налаживать отношения с большевиками.

Об этой несколько странной ситуации во взаимоотношениях Церкви и бакинских большевиков писал и митрополит Кирилл: *«Церковная жизнь и отношения сложились здесь своеобразно и много иначе, чем в России. К Вашему Святейшеству отправилась отсюда за два дня до моего прибытия депутация с докладом о местных церковных делах и нуждах. Это освобождает меня от обязанности говорить о подробностях течения церковных событий. Я отмечу только главную для всех их основу, насколько мог ее рассмотреть и определить за эти пять дней своего здесь пребывания. Общее политическое положение определилось здесь такими чертами, что единственными носителями русской государственности и защитниками державных прав России на Закавказье явились большевики, по лозунгам которых естественно стали ориентироваться все, кому дорого здесь русское дело. Оторванность же от России и от Тифлиса, отсутствие на месте высшего руководителя церковной жизни заставило и духовное местное общество, при возникавших недоразумениях* [*искать защиты*] *у носителей гражданской власти, несмотря на несомненно большевистский характер правительственной идеологии. Отсюда, на собраниях в наиболее замутившихся приходах оказывается необходимым не только присутствие, но и председательствование членов исполнительного Комитета солдатских, рабочих и матросских депу-*

татов, а избираемые на этих собраниях приходские советы получают от этих Комитетов и свое утверждение, после чего совершенно естественно признают приговоры и решения Синодальной Конторы для себя необязательными; в церквах же возносятся молитвы о «благоверном временном правительстве нашем»[20].

В своем письме митрополит Кирилл привел пример игнорирования церковными приходами решений церковной власти под давлением власти гражданской: *«Передо мною лежит «извещение», присланное одним из таких советов приходскому священнику, получившему указ Синодальной Конторы об отрешении его от места, о назначении ему сверх того месячной монастырской епитимии. «Извещение» это гласит следующее: «Во исполнение воли общеприходского собрания 12 ноября с. г., Совет в заседании своем, состоявшемся 14 ноября, постановил: признать приговор суда Синодальной Конторы в отношении Вас для себя необязательным, предписывает Вам вступить в исполнение своих обязанностей и не сдавать никому должность без письменного распоряжения Совета за подписью председателя и секретаря. К Вашему сведению Совет сообщает, что на общеприходском Собрании 12 ноября с. г. старому Совету выражено недоверие и избран новый, председателем коего в настоящее время состоит пом[ощник] прис[яжного] пов[еренного] Михаил Логинович Никитин и секретарем Николай Антонович Корловский».*

Священник принял это извещение ко исполнению, и я пока еще не уяснил себе, что в данном случае им руководило: сознательное ли противление своей духовной власти или вынужденное дерзновение к непослушанию ради сохранения прихода от еще более неудобных и противохристианских выступлений. Завтра буду продолжать свою беседу с этим священником по данному вопросу. Пока же могу только сказать, что дел подобного характера здесь в Баку непочатый угол. Тифлис и Синодальная Контора весьма повинны в их происхождении и накоплении»[21].

Главной целью прибытия митрополита Кирилла в Баку было, после предварительного ознакомления с церковной ситуацией в Закавказье и вступления в права экзарха, воссоединение Грузинской

Церкви с кириархальной Российской. Эту цель можно было осуществить только прибыв в Тифлис, что осложнялось нестабильной политической ситуацией в Грузии и победой в ней меньшевиков, выступавших за независимую от России государственность и поддерживавших автокефалистские устремления грузинского духовенства. Естественно, что ни грузинская церковная иерархия, ни гражданские власти не желали видеть в Тифлисе русского экзарха. Всю сложность создавшейся ситуации начинал понимать и митрополит Кирилл.

«К великому сожалению, нет никаких сношений с Тифлисом, — писал владыка Кирилл.— *Я предполагаю пробраться туда каким-либо обходным путем или с юга, или с севера, о возможности чего веду сейчас усердную разведку. Раньше конца мая едва ли можно будет осуществить это предположение. К тому же и Баку требует сейчас самого тщательного внимания. За отсутствием какого бы то ни было исполнительного аппарата при решении дел намереваюсь устроить такой аппарат на месте, хотя бы в качестве временного учреждения, применительно к выработанному на Священном Соборе положению об епархиальном управлении*[22]. *Грузинская автокефалия никого здесь не тревожит и не печалит. Узнал только, что послание Вашего Святейшества к грузинским епископам*[23] *не доставлено по назначению. Везший его г. Кацура был ограблен по дороге чеченцами донага; вместе с его вещами осталось в руках чеченцев и Ваше послание. Если найдете потребным, то благоволите в возможной скорости изготовить и направить мне новый экземпляр сего послания. Быть может, мне удастся довести его до Тифлиса и вручить Тифлисским владыкам*[24]. *Адресуйте Ваш пакет Астраханскому архиепископу*[25] *для пересылки мне. Он сумеет это сделать с какой-нибудь оказией. Я же здесь принял уже меры для перевода послания Вашего Святейшества на грузинский язык, после чего постараюсь его отпечатать на этом языке и переслать хоть на некоторые грузинские приходы, чтобы грузинские автокефалисты не утаили от народа обращенного к ним любвеобильного зова Вашего Святейшества.*

Из 47 православных приходов в Муганской[26] *степи*[27] *усидели на месте после набега персидских шахсевянов (?) не более десяти, ос-*

тальные искали спасения в бегстве и через это совершенно разорились. К сожалению, в некоторых местах первыми побежали пастыри, бросившие на произвол судьбы и святыню храмовую, и паству. Бежали, главным образом, в Баку, а отсюда в Россию, когда открылось сообщение с Астраханью. Некоторые задержались в Баку за недостатком перевозочных средств и теперь начинают подумывать о возвращении обратно на Муган или в другие места, где окажутся засеянные и брошенные хозяевами поля. Места такие имеются в Кубинском уезде[28]*. Там кровавые ужасы были пострашнее мучанских и доселе еще не прекратились. Но и урожай нынче там небывало обильный, жаль его потерять. Говорят, что одна партия переселенцев-беженцев (по словам одних, 2000 человек, по другим— всего только 300) отправилась несколько дней тому назад в Ленкорань*[29] *и оттуда на Муган для уборки урожая. Если правда, то это хорошо. Иначе Баку умрет с голоду. Пуд муки доходит здесь до 350—400 руб. и даже дороже, особенно при расчете за товар местными бонами.*

Простите за слишком длинное письмо и благословите.

Вашего Святейшества покорнейший послушник Митрополит Кирилл»[30].

Не успев отправить первое письмо, митрополит Кирилл пишет Святейшему Тихону второе послание, датированное 5 июня (н. ст.) 1918 года: *«Письмо, изготовленное мною еще 11 числа, оказалось и доднесь в Баку, так как оказия, с которой оно должно было отправиться, не состоялась. Правда, на этих днях начала действовать и у нас почта, получены письма из Тамбова и Петрограда и посылка из Москвы, и я мог бы отправить свое письмо почтою, но решил воздержаться для первого раза, чтобы не вводить в искушение любознательных почтовых чиновников. Пусть уж просвещаются моими сообщениями в другом богоспасаемом граде, и ради этого намереваюсь отправить свое послание все-таки через Высокопреосвященного Митрофана. К тому же от него прибыл сюда по делам председатель свечного завода: оказия, стало быть, верная»*[31].

К моменту написания второго письма митрополитом Кириллом ситуация в Грузии изменилась настолько, что благополучно

добраться до Тифлиса представлялось уже делом почти безнадежным. Еще 26 мая 1918 года Грузия была объявлена независимой республикой, однако защищать эту «независимость» (от России и местных большевиков) гражданской власти пришлось при помощи немецких и турецких войск. В конце мая — начале июня 1918 года в Грузию вошли немецкие войска, а 4 июня был заключен договор с Турцией[32], по которому туркам отходила часть грузинских территорий. В Баку уже знали о немецкой интервенции, тем не менее митрополит Кирилл не оставлял надежды при первой же возможности отправиться в Тифлис, несмотря на все трудности политического характера. *«К сообщенному мною 11-го числа,*— писал владыка Кирилл патриарху Тихону,— *считаю долгом добавить только, что стена крепкая между нами и Тифлисом остается по-прежнему, и я сам не льщу себя надеждой вскоре туда пробраться. На днях оттуда будто бы прибыл сюда какой-то офицер, совершивший этот путь по Грузинской дороге в автомобиле, от Владикавказа[33] до Моздока[34] в поезде, дальше на арбе и пешком до Кизляра[35], тут на шлюпке и всякими плавательными способами до пристани Брянской, оттуда со случайной шхуной в Астрахань и из Астрахани сюда на почтовом пароходе. Пробыл он в пути 17 суток, израсходовал в дороге около 1300 руб. Путешествие не из приятных, но, если нет иного пути, поневоле придется проделать дорогу, только что очерченную. Мне не хотелось бы отсюда трогаться на Собор, не побывав в Тифлисе»*[36].

Свое пребывание в Баку митрополит Кирилл использовал для устройства церковных дел и организации системы церковного управления. *«С местными бакинскими делами понемногу налаживаемся,*— писал владыка.— *Бунтарский приход, явивший весьма резкое противление Синодальной Конторе (действовавшей, надо сознаться, очень неосторожно), смиряется и согласился выразить в письменной форме сожаление по поводу допущенных приходским Советом резких выражений в оценке судебного решения Конторы по делу священника Кольцова. Сам священник этот проходит теперь назначенную ему судом Конторы епитимию не в монастыре, а при кафедральном соборе в Баку, так как ни в какой монастырь отсюда попасть нельзя, да едва ли существует и самый монас-*

тырь, куда должен был отправиться епитимийный священник. Место его в замутившемся приходе будет объявлено от имени самого непокорствовавшего Приходского Совета свободным. Но по исполнении епитимии я снова определю этого священника в тот же приход, надеясь этим способом и овец сохранить, и алчущих формально-судебной правды насытить. По внешним подробностям дела и при строго формальном отношении к нему надо было бы лишить священника Кольцова сана, но слишком много имеется привходящих и смягчающих вину обстоятельств, по соображении с коими я и решился на предположенный мною выход из создавшегося очень мудреного положения. Преосвященный Григорий, когда узнает, чем кончается это близкое его сердцу дело, вероятно, весьма меня осудит, но суд этот не встревожит моей совести — в этом могу признаться со всею решительностью»[37].

Занимаясь местными приходскими и епархиальными проблемами, митрополит Кирилл не забывал о Поместном Соборе, третья сессия которого должна была начаться летом 1918 года. Но поскольку епископ Григорий (Яцковский) покинул епархию, то необходимо было восстановить представительство Кавказского экзархата на Соборе. Существовали проблемы и с определеним границ Кавказского экзарха, поскольку Российская Церковь не сформировала официального отношения к провозглашению грузинской иерархией автокефалии. В послании патриарха Тихона предлагались переговоры, участие грузинских епископов в соборном обсуждении вопроса об автокефалии. Но это был вариант, возможный в условиях мирной жизни, а не при иностранной интервенции и разгуле сепаратизма. Необходимо было исходить из рельной ситуации. Митрополит Кирилл вынужден был даже признать за епархиальное собрание съезд представителей бакинских приходов, поскольку остальная часть экзархата либо была оккупирована турецкими и немецкими войсками, либо свободна от русского и православного присутствия после религиозно-национальных «чисток» 1917—1918 годов.

В этих условиях следовало, прежде всего, озаботиться сохранением и организацией той паствы и русских приходов, которые оставались в юрисдикции Российской Церкви. *«Вчера состоялось*

собрание представителей всех приходов гор. Баку,— сообщал митрополит Кирилл Святейшему Тихону.— *Собрание это, под моим председательством, должно было заменить нам собрание епархиальное, каковое устроить в надлежащем составе и порядке нет никакой возможности. К тому же вне Баку почти не осталось наших православных приходов, а если где и усидели на месте, то сноситься с ними нет способов, кроме очень рискованных и совершенно случайных возможностей. На этом собрании мы избрали прежде всего пять членов (три — пресвитерского сана и два мирянина) для нашего Временного Бакинского Епархиального Совета; действовать без него, при отсутствии сношений с Тифлисом, совершенно невозможно. Кроме того, избрали заместителя на Собор Преосвященному Григорию, который представительствовал там бакинский клир, а теперь естественно утратил свои полномочия. Избрали также заместителя и к члену Собора от мирян Владимиру Григорьевичу Соколову, который, кстати сказать, не принимал участия в последней сессии Собора. Об избрании всех этих лиц я донесу Вашему Святейшеству официальным представлением, здесь же позволяю себе только просить Вас поторопить и Синодальную и Соборную канцелярию ответом на эти представления. Хоть и медленно, но его доставят сюда.*

Во всяком случае, протоиерею Юницкому, избранному заместителем к Преосвященному Григорию, я выдам надлежащие полномочия независимо от того, будет ли получен ответ из Москвы на мое представление, так как право его на участие в соборной работе представляется мне бесспорным, а участие самое весьма полезным, особенно при решении вопросов, касающихся Грузии. Он 33 года работает в Закавказье, это чего-нибудь стоит.

Когда соберется Собор? Благоволите приказать уведомить о сем телеграммой Астраханского владыку, а он сообщит мне. Прося молитв и благословения Вашего Святейшества, имею честь быть покорнейшим послушником Вашим. Митрополит Кирилл, Экзарх Кавказский»[38].

Третье письмо от митрополита Кирилла патриарху Тихону датировано первым публикатором 20 июня (3 июля) 1918 года[39]. Однако эта датировка требует уточнения. По нашему мнению, дата,

указанная самим митрополитом Кириллом в этом письме,— 20 июня, приведена им по новому, а не по старому стилю. Дело в том, что по решению соборного Совета от 2 (15) мая 1918 года возобновление занятий Поместного Собора должно было начаться 15 (28) июня 1918 года[40]. Однако в письме владыки Кирилла выражается сожаление по поводу того, что он не успеет прибыть к началу новой соборной сессии. *«Ваше Святейшество, Святейший Владыко и благостный отец!* — писал митрополит Кирилл.— *От Владыки Астраханского получил известие, что занятия поместного Собора возобновляются 15 июня: к сожалению, никак не могу оказаться к этому времени в Москве»*[41]. Таким образом, если письмо написано 20 июня ст. ст. (т. е. 3 июля н. ст.), то митрополит Кирилл уже опоздал к открытию третьей сессии Поместного Собора, и становится неуместным высказываемое им сожаление.

Вместе с тем владыка Кирилл не оставлял надежды добраться до Грузии, хотя шансов осуществить это мероприятие становились все меньше. Ко времени написания митрополитом Кириллом третьего письма бои между Кавказской Красной армией и турками шли возле Геокчая, находившегося на полпути от Елисаветполя (где были расположены турецкие войска и отряды мусаватистов) до Баку. Пробираться православному русскому митрополиту в Тифлис через линию фронта означало отправляться на верную гибель. До Тифлиса можно было добраться только объездным путем: Каспийским морем до Астрахани, а от нее — через Дагестан и Владикавказ — до Тифлиса.

«Я все еще не мог пробраться в Тифлис,— писал Высокопреосвященный Кирилл,— *и проберусь ли, не знаю; но попытку сделать должен. Сейчас сижу со сложенными узелками в дорогу, но выехать нет возможности: «власти» не отпускают пароход на Астрахань. Вообще с передвижением и почтой дело обеспечено очень плохо: ниоткуда и никаких известий. Впрочем, сегодня, к великому изумлению, принесли несколько писем из Тамбова, причем стало ясным, какое огромное количество их не доставлено. Не удивляйтесь посему, если получите от меня некоторые бумаги в двух экземплярах. Я пользуюсь оказиями и, не полагаясь на каждую в отдельности, повторяю свои отправления со следующей. Вместе с этим письмом*

о. протоиерей Юницкий представит Вам несколько пакетов, в которых окажутся и бумаги, представляющие дубликаты ранее посланных, но будут и новые. Разумею представления к наградам. Среди них самое нужное — митра для о. протоиерея Юницкого. Сотворите Вашу отеческую милость, утешьте старца-труженика и меня с ним. А сурового святителя Ярославского[42] *успокойте, что долго просить не буду ни о каких исключениях из строгих наградных правил, хотя в моем представлении «правило» и «награда» плохо вяжутся. Надеюсь, что о. прот[оиерей] Юницкий окажется весьма полезным работником на Соборе, особенно по вопросам, связанным с положением Церкви в Закавказье. Главный из этих вопросов — о грузинской автокефалии — я просил отложить рассмотрением до моего прибытия на Собор. К числу менее важных можно отнести вопрос о составе и границах экзархата, вернее назвать эти вопросы — менее сложными. Для пользы дела следовало бы Дагестанскую область отнести к экзархату, равно и всю береговую полосу на восток и юг от Каспия»*[43].

Действительно, вопрос о грузинской автокефалии, как, впрочем, и вопрос о границах экзархата, не обсуждался до прибытия митрополита Кирилла на Поместный Собор. Предложение митрополита Кирилла заключалось в том, чтобы новообразованный Кавказский экзархат объединил Дагестанские территории и Прикаспий. Более того, планировалось создание Кавказского митрополичьего округа с преобразованием Бакинского викариатства в самостоятельную епархию. Образованием Бакинско-Прикаспийской епархии устранялась проблема юрисдикционной принадлежности части закавказских территорий Российской Церкви, ведь на эти территории претендовала и провозгласившая автокефалию Грузинская Церковь. В синодальный период Бакинский епископ являлся викарием Тифлисского архиепископа (или митрополита), на что могли ссылаться грузинские католикосы при своих юрисдикционных претензиях на территорию всего Закавказья.

Между тем митрополиту Кириллу потребовался всего лишь месяц, чтобы устроить церковные дела в Баку, восстановить епархиальное управление и снискать уважение своей новой паствы. Это следует из последних строк третьего бакинского письма митропо-

лита Кирилла патриарху Тихону: *«Возвратился сюда о. Иоанн Рождественский. В его рассказе о свидании с Вашим Святейшеством меня очень тронула Ваша забота о моем здесь материальном обеспечении. Рад, что могу Вас на этот счет успокоить. Вчера между прочим вопрос этот обсуждался на соединенном собрании всех приходских советов гор. Баку, и решено отчислять на содержание митрополита из средств церквей — 10 тыс. рублей в год. Определение это сделано только на год, по каким соображениям, не знаю; но хочу предполагать самые лучшие побуждения, хотя и не скрываю от себя всего значения этого «срочного» ассигнования. Вообще должен исповедовать, что отношение ко мне бакинской паствы трогательно-внимательное и заботливое. Есть, конечно, и недовольные с инженером Косюра во главе, но группа этих лиц невелика и по настроению своему едва ли церковна. Высижены они курицею, но из утиных яиц; к тому же и сама наседка (преосвященный Григорий) улетела. Потому с ними и нет сладу.*

Помолитесь и благословите путь мой в Тифлис. Если попаду туда, то буду стараться к августу прибыть на Собор.

Вашего Святейшества покорнейший послушник митрополит Кирилл, экзарх Кавказский»[44].

В эти же дни, когда митрополит Кирилл пытался добраться до Тифлиса, в Нижнем Новгороде происходили выборы архиерея на кафедру, вакантную после увольнения архиепископа Иоакима (Левицкого). В результате на Нижегородскую кафедру был избран митрополит Тифлисский Кирилл.

Обстоятельства этих выборов были таковы. Указом Священного Синода от 11 (24) апреля 1918 года в Нижнем Новгороде были назначены выборы на кафедру правящего архиерея. 6 (19) июня в Синод поступил рапорт от епископа Балахнинского Лаврентия (Князева), временно управляющего Нижегородской епархией, со списком кандидатов, выдвинутых благочинническими собраниями духовенства и мирян, корпорациями педагогов духовно-учебных заведений и братией мужских монастырей Нижегородской епархии. Кроме того, в рапорте сообщалось, что епархиальный съезд духовенства и мирян назначен на 20 июня (3 июля) 1918 года[45]. Со-

Епископ Алеутский Евдоким (Мещерский), впоследствии обновленческий митрополит

гласно прилагаемому к рапорту протоколу Нижегородской епархиальной предсъездной комиссии от 5 (18) июня, в числе выдвигаемых оказалось 29 кандидатов (22 архиерея, два архимандрита, один протопресвитер, три вдовых священника и один мирянин)[46]. Среди них первыми были указаны: епископ Балахнинский Лаврентий (Князев), архиепископ Вольский[47] Евлогий (Георгиевский), епископ Нарвский Геннадий (Туберозов), епископ б. Орловский Макарий (Гневушев). Архиепископ Американский Евдоким (Мещерский), будущий обновленец, был указан под 13-м номером, митрополит Владимирский Сергий (Страгородский) — под 14-м, митрополит Кирилл — под 18-м, митрополит Арсений (Стадницкий) — под 26-м. Кандидаты вносились в список в порядке их выдвижения, причем число ходатайствующих о внесении имени того или иного кандидата в выборные списки было в разных случаях различным. Если, например, епископа Лаврентия выдвинули многие благочиния, монастыри и духовно-учебные заведения, то кандидатура ми-

Епископ Волоколамский Феодор (Поздеевский)

трополита Кирилла была предложена одной только корпорацией Нижегородского духовного училища.

Список кандидатов Святейшим Патриархом Тихоном был утвержден, а для открытия епархиального съезда и руководства выборами в Нижний Новгород был направлен епископ Волоколамский Феодор (Поздеевский)[48], прибывший туда уже 18 июня. Через два дня состоялось предвыборное заседание съезда, с тем чтобы определиться с числом депутатов и порядком выборов, а 21 июня (4 июля) после совершения Божественной литургии и молебного пения, согласно выработанным правилам, были произведены выборы на кафедру Нижегородского епископа, причем с первого же тура необходимое и достаточное большинство голосов набрал, неожиданно для всех, митрополит Тифлисский Кирилл[49]. На выборах присутствовали, помимо епископа Феодора: митрополит Владимирский Сергий (Страгородский), епископ Юрьевский Евгений (Мерцалов), епископ Муромский Митрофан (Загорский), единоверческий епископ Охтенский Симон (Шлеев).

Извещая 24 июня (7 июля) 1918 года Святейшего Патриарха Тихона о выборе митрополита Тифлисского Кирилла на Нижегородскую кафедру, епископ Феодор прилагал к своему представлению и «Деяние Нижегородского Епархиального Собора», каковое по важности своей помещаем полностью:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Тысяча девятисот восемнадцатого года июня 21/июля 4 дня в богоспасаемом граде Нижнем Новгороде в кафедральном соборе во имя Преображения Господня открылся после литургии и молебного пения Епархиальный Собор в присутствии Его Высокопреосвященства Сергия, митрополита Владимирского и Шуйского, и Преосвященных епископов Феодора Волоколамского, Евгения Юрьевского, Митрофана Муромского и Симона Охтенского в составе всего с упомянутыми иерархами духовных и мирян 324 лиц, производили закрытой баллотировкой через подачу записок выборы кандидата на кафедру епископа Нижегородского и Арзамасского, причем оказалось из 324 поданых голосов по первой баллотировке получили избирательных голосов: митрополит Кирилл — 216, епископ Лаврентий — 103, епископ Макарий — 1, епископ Евгений — 1, архиепископ Варнава — 1, епископ Геннадий — 2. Согласно § 16 Соборного Определения (см. Церк[овные] вед[омости] № 11—12, 1918 г.), избранным постановили считать, как получившего 2/3 всех голосов, митрополита Тифлисского Кирилла, которого и представляем на утверждение Высших Церковных Властей»[50]. Под «Деянием» стояли подписи участников съезда (или, как его именовали сами делегаты, Собора), начиная с архиереев, председательствовавших на выборах[51].

О произведенных выборах митрополита Кирилла известил телеграммой митрополит Сергий, а 12 июля н. ст. 1918 года в Москву на имя патриарха Тихона поступила телеграмма из Астрахани, подписанная митрополитом Кириллом, находившимся на полпути к месту своего нового экзаршего назначения: «Получил сейчас телеграмму митрополита Сергия о моем избрании [на] Нижегородскую кафедру[;] буду рад, если решение церковной власти признает сей глас народа гласом Божиим о моем недостоинстве[.] Пока этого нет[,] исполняю свой долг и отправляюсь [в] Тифлис[;] сейчас покидаю Астрахань. Митрополит Кирилл»[52].

Получив эту телеграмму, Святейший Патриарх тотчас направил архиепископу Астраханскому Митрофану телеграмму следующего содержания: «Сообщите митрополиту Кириллу, что он избран на Нижегородскую кафедру[,] но благо Церкви требует ныне пребывания его на Кавказе[.] Ожидаю его ответа[.] Патриарх Тихон[.] Лихов пер., Епархиальный Дом»[53].

Какой именно ответ был получен Святейшим Патриархом от митрополита Кирилла, нам неизвестно, но о характере этого ответа можно судить по известной нам телеграмме владыки Кирилла, где он выражает свою решимость исполнить прежнее послушание Святейшего — попытаться урегулировать церковные нестроения на Кавказе, при том, что будет рад исполнить и новое патриаршее послушание, если высшая церковная власть признает выбор нижегородцев правомерным и полезным для Русской Церкви. О характере ответа митрополита Кирилла, несомненно полученного патриархом Тихоном, мы можем догадаться и по тому решению, которое было принято патриархом и Священным Синодом в октябре 1918 года: «Не признавая возможным оставлять православное население Закавказской паствы без архипастырского руководительства и попечения, постановлено: не перемещать на Нижегородскую архиерейскую кафедру митрополита Тифлисского и Бакинского Кирилла, поручив временное управление Нижегородской епархией Преосвященному архиепископу Алеутскому Евдокиму, с освобождением от временного управления сею епархией Преосвященного Балахнинского, о чем и уведомить указами Преосвященных: митрополита Кирилла, архиепископа Евдокима и епископа Лаврентия»[54].

Такое постановление было вынесено несмотря на то, что к октябрю 1918 года было известно о невозможности митрополиту Кириллу добраться до места своего назначения, то есть до Тифлиса, и следовательно, управление Кавказским экзархатом было в значительной степени номинальным, а не фактическим. Возможно, что в принятии церковной властью подобного решения свою роль сыграло иерархическое положение кафедр. Ведь Грузинская кафедра до революции была четвертой по значению и в списке российских епископских кафедр стояла гораздо выше Нижегородской. В то же

время патриарх желал и искоренить прежнюю пагубную практику синодального периода, связанную с неоправданно частыми перемещениями архиереев с кафедры на кафедру.

Утверждение церковной властью на Нижегородскую кафедру вместо митрополита Кирилла архиепископа Евдокима в церковно-административном отношении не оправдало себя и имело печальные последствия для самого Нижнего Новгорода. Архиепископ Евдоким (Мещерский) уклонился в 1922 году в обновленчество, став одним из активнейших членов обновленческого Синода и даже, одно время, председателем его.

Прежде чем приступить к дальнейшему повествованию, необходимо представить читателю интересно наблюдение по поводу двух авторитетнейших церковных деятелей периода 1925—1937 годов — митрополита Кирилла и митрополита Сергия. Митрополит Кирилл был одним из кандидатов при выборах в патриархи на Поместном Соборе 1917—1918 годов, а митрополит Сергий этого удостоен не был, однако именно он стал в 1943 году первым патриархом после Святейшего Патриарха Тихона. Так же, как и митрополит Кирилл, митрополит Сергий был выдвигаем на Нижегородскую кафедру, но избран был именно митрополит Кирилл, а митрополит Сергий не получил ни одного голоса. Однако обстоятельствами времени митрополит Кирилл на сей кафедре утвержден не был, зато в 1924 году, после принесения покаяния Святейшему Патриарху Тихону за уклонение в обновленчество, Нижегородскую кафедру занимает вновь именно митрополит Сергий. Наконец, Святейший Патриарх Тихон именно митрополита Кирилла указывает первым своим местоблюстителем, но владыке Кириллу так и не удастся вступить в права местоблюстителя, тогда как вовсе не указанный в завещании Святейшего Патриарха Тихона митрополит Сергий вступит в фактическое многолетнее управление Церковью меньше чем через год после смерти патриарха, запретив в священнослужении в 1929 году митрополита Кирилла, а до этого предав в 1926 году суду епископов митрополита Агафангела (второго местоблюстителя по завещанию Святейшего Патриарха Тихона). Такими неисповедимыми путями вел Господь двух русских митрополитов,

чье влияние на судьбы Русской Церкви в XX веке было столь значительно, что и поныне изучение или даже простая оценка этого влияния является предметом острых дискуссий светских и церковных историков.

...После неудавшейся попытки добраться до Тифлиса митрополит Кирилл вернулся в столицу, где в то время возобновилась третья (и последняя) сессия Поместного Собора 1917—1918 годов. Впрочем, даже если бы митрополит Кирилл имел намерение остаться в Закавказье, это было бы сложно сделать. 1 (14) августа 1918 года в Баку, единственном центре, откуда можно было еще осуществлять управление экзархатом, высадился английский десант. Кавказ и Закавказье оказались территориями, оккупированными турецкими, английскими и немецкими войсками, находившимися в союзнических отношениях с местными сепаратистами.

Впрочем, в самой Москве тоже было не спокойно. В период между сессиями, за несколько дней до открытия третьей сессии Собора, комендант Московского Кремля по ордеру, выданному ВЦИК, реквизировал помещения Московской духовной семинарии, где прежде размещались и питались многие участники Собора. В связи с этим Собор, открытие которого планировалось на 15 (28) июня 1918 года, собрался на первое частное совещание только 19 июня (2 июля). Реквизиция семинарских помещений обосновывалась светскими властями необходимостью временного размещения участников Всероссийского съезда Советов, поэтому у съехавшихся в количестве 140 человек участников Поместного Собора оставалась надежда на возвращение семинарских помещений. Было принято решение отложить открытие Собора до возвращения помещений Московской духовной семинарии. На втором частном совещании, состоявшемся 15 июля Н. Д. Кузнецов сообщил, что в Совете Народных Комиссаров по-прежнему обещают возвратить здания. На третьем частном совещании, имевшем место 19 июля 1918 года, слово взял Святейший Патриарх. «Имеются частные сведения, что вопрос предрешен в отрицательном для нас смысле...— сообщил Святейший Тихон, подразумевая малую вероятность возвращения Церкви зданий семинарии.— Ждать более не представляется

полезным и нужным. Между тем вы сами знаете — каждый день развертываются события, большею частью печального характера, которые побуждают к тому, чтобы мы не медлили с открытием Собора. Собор необходим как авторитетный голос для всей России»[55]. Собравшиеся проголосовали за открытие Поместного Собора. Так, третье частное совещание стало началом третьей соборной сессии[56]. Прежде чем Собор приступил к работе, патриархом Тихоном и соборным духовенством была совершена панихида «по убиенному рабу Божиему бывшему императору Николаю II». С этого началась третья сессия Поместного Собора Православной Российской Церкви.

7 (20) июля 1918 года было зачитано постановление Святейшего Патриарха и Священного Синода от 22 мая (4 июня) об утверждении избранного свободным голосованием клира и мирян Тамбовской епархии на кафедру Тамбовского епархиального архиерея викария Тамбовской епархии епископа Козловского Зиновия (Дроздова) епископом Тамбовским и Шацким[57]. Таким образом, только через три месяца после возведения архиепископа Кирилла в сан митрополита и назначения его экзархом, Тамбовская кафедра обрела нового правящего архиерея, и епископ Зиновий в тяжелые годы советской власти оказался достойным преемником владыки Кирилла.

На том же заседании были оглашены изменения в составе участников Поместного Собора. В частности, изменилось представительство Тифлисского экзархата. Соборный Совет еще 22 июня (5 июля) рассмотрел рапорт митрополита Кирилла от 2 (15) июня об общем собрании бакинских приходов, состоявшемся 22 мая 1918 года, и избравшем заместителей членам Собора от Тифлисского экзархата — епископу Григорию (Яцковскому), бывшему Бакинскому, и В. Г. Соколову. Избранными оказались настоятель Бакинского кафедрального собора протоиерей А. Юницкий и присяжный поверенный М. Л. Никитин. Учитывая письменное уведомление митрополита Кирилла о том, что прежний заместитель епископа Григория священник Потапенко выбыл из епархии в неизвестном направлении, соборный Совет постановил: «Ввиду предстоящего рассмотрения вопроса об автокефалии Грузинской Церк-

ви и признавая участие на Соборе представителя от клира Бакинского викариатства весьма желательным, а также имея в виду, что заместитель епископа Григория, священник Потапенко не находится уже в пределах викариатства, допустить к участию в Соборе избранного общим собранием Бакинских приходов заместителем епископа Григория протоиерея А. Юницкого»[58].

Митрополит Кирилл прибыл на Собор в середине августа. Впервые его имя на соборных заседаниях третьей сессии встречается 2 (15) августа[59], когда он участвовал в обсуждении доклада Отдела о богослужении «Общие положения о порядке прославления святых Русской Православной Церкви к местному почитанию». Собором была принята даже поправка митрополита Кирилла к ст. 2 доклада.

На соборном заседании 7 (20) августа (Деяние 146) принимаются две поправки митрополита Кирилла к докладу Отдела о монастырях и монашествующих (обсуждались пп. 61—89). Докладчиками выступали архиепископ Серафим (Чичагов), епископ Феодор (Поздеевский) и архимандрит Гурий (Степанов)[60]. На этом же заседании митрополит Кирилл был избран заместителем члена соборного Совета, при этом избирали двух заместителей от епископов, двух от клириков, двух от мирян[61]. На протяжении третьей сессии Собора митрополит Кирилл периодически исполнял обязанности товарища председателя Собора[62] или даже председательствующего[63].

На заседании 17 (30) августа митрополит Кирилл огласил заявление 30 членов Собора с предложением обсудить текст соборного определения, призывающего епархии оказать помощь педагогам духовно-учебных заведений, если эти заведения будут закрыты. В результате был утвержден проект митрополита Кирилла с поправкой протоиерея П. Н. Лахостского[64].

23 августа (5 сентября) на 157-м заседании было оглашено заявление 32-х[65] членов Собора во главе с владыкой Кириллом, предлагавших «ввиду затруднительности в условиях современной деятельности созывать новые епархиальные собрания для выборов членов Собора и возможной необходимости срочного созыва Собора» принять постановление, что члены Собора 1917—1918 годов сохраняют свои полномочия до созыва нового Собора. Это предложение

было передано на совместное рассмотрение Уставного отдела и соборного Совета[66]. В результате Собор вернулся к обсуждению этого вопроса на своем 163-м заседании 30 августа (12 сентября) 1918 года, приняв предложение группы делегатов Собора. Таким образом, члены Собора сохраняли свои полномочия вплоть до распоряжения патриарха о созыве нового Собора, причем Святейший Патриарх имел право созвать Собор в прежнем составе, а делегаты Собора имели право участвовать по месту жительства в работе епархиальных, окружных, уездных и благочинных собраний с правом решающего голоса[67].

На 161-м заседании, состоявшемся 27 августа (9 сентября) «при закрытых дверях», обсуждались практические мероприятия по защите церковных святынь, вошедшие в определение Собора «Об охране церковных святынь от кощунственного захвата и поругания». Особую дискуссию вызвала ст. 5, позволявшая в крайних случаях передавать властям описи и ключи от церковных хранилищ (ризниц). В результате обсуждений статья была принята в редакции митрополита Кирилла (с учетом поправок членов Собора П. И. Астрова и А. В. Васильева): «Церковно-приходским собраниям и прочим хранителям священного достояния Церкви разрешается передавать по требованию светских властей описи находящихся в храме предметов церковного имущества с тем, чтобы проверка описей совершалась при участии клира и членов церковно-приходского совета и с предварением, что прикосновение к священным предметам со стороны лиц, не имеющих на то права, равно и вхождение в алтарь лиц иноверных, представляет собой кощунство»[68].

31 августа (13 сентября) по предложению соборного Совета была создана делегация для передачи Совету народных комиссаров постановления Собора от 24 августа (6 сентября) о необходимости отмены инструкции Народного комиссариата юстиции от 17 (30) августа 1918 года «по проведению в жизнь Декрета об отделении Церкви от государства». Состав соборной делегации был таков: митрополит Тифлисский Кирилл (Смирнов), епископ Симон (Шлеев), протоиерей А. И. Юницкий, профессор И. М. Громогласов, крестьянин А. И. Июдин, присяжный поверенный Н. Д. Кузнецов, торговый приказчик В. Г. Рубцов[69]. Суть принятого 24 августа (6 сентября)

1918 года Собором заявления, которое должна была передать в Совнарком делегация во главе с митрополитом Кириллом, сводилась к тому, что если декрет от 23 января 1918 года ставил Православную Церковь в положение фактически и юридически гонимой, то принятие инструкции Наркомюста от 30 августа явилось не только нарушением обещания Совнарком выслушать представителей Церкви, но и создало механизм разрушения церковной структуры. Инструкция Наркомюста являлась подзаконным актом по отношению к декрету об отделении Церкви от государства. Согласно инструкции Наркомюста религиозная община обязана была составить описи церковного имущества, которое национализировалось, а затем, уже в качестве «народной» собственности, могло предоставляться в пользование «двадцатке». Таким образом, с юридической точки зрения Церковь как некий церковно-общественный институт утрачивала свой социально-правовой статус, церковная жизнь атомизировалась. Отныне юридическим лицом советское государство признавало только группу граждан, объединенных в «двадцатку».

Особую остроту обсуждению изданной Наркомюстом инструкции придавали политические события, являвшиеся трагическим фоном всей третьей сессии Поместного Собора: принятие 27 июня (10 июля) 1918 года Конституции РСФСР, согласно которой Церковь отделялась от государства и школа от Церкви, провозглашалась свобода антирелигиозной пропаганды, а монахи и церковнослужители лишались избирательных прав; июльский расстрел Царской Семьи; массовые казни духовенства (в том числе — епископата и членов Собора), так что почти каждый день третьей сессии Собора начинался пением «Со святыми упокой»; секуляризация домовых церквей и их имущества в образовательных учреждениях; чехословацкий мятеж, начавшийся еще в мае, и восстание эсеров, совпавшее с началом открытия Собора; антицерковная инструкция Наркомюста от 11 (24) августа, вступившая в силу 17 (30) августа; и, наконец, объявление советской властью 23 августа (5 сентября) 1918 года днем «красного террора» и расстрел в этот же день священномученика протоиерея Иоанна Восторгова.

Именно последние события определили жесткость и эмоциональность соборного документа.

«Последняя «Инструкция» комиссаров юстиции,— говорилось в соборном заявлении 24 августа (6 сентября) 1918 года,— ставит Православную Церковь пред лицом неизбежного исповедничества и мученичества, а российскую коммунистическую власть обрисовывает как власть, сознательно стремящуюся к оскорблению народной веры, очевидно, в целях ее уничтожения. Как с такой властью нам, защитникам народной веры, найти общий язык? Мы уже не взываем, как прежде, ни к национальной истории, ни к общегосударственному благу, ни к отвлеченной идее разделения Церкви и государства, ни к идее истинной или только условной политической свободы, ни к праву и справедливости, ни к любви и общечеловеческому братству. За истекшее полугодие все [...] ожидания в этом направлении рассеяны самой советской властью. Из многократных ее заявлений, не менее ярких действий и официальной литературы мы с печалью сердечной убедились, что коммунизм отверг все эти обычные в человеческом общежитии мерила и открыл свое забрало как сила, враждебная всякой свободе и всякому праву, даже простой человеческой справедливости и простейшему человеколюбию. Во главу угла он поставил идею неравенства людей от рождения и проклятия одной части человечества во имя другой, вплоть до физического и даже насильственно-кровавого ее истребления. Здесь уже нет дыхания Духа Божия, нет даже духа человеческого, здесь дышит дух зла, ненависти и разрушения. Последние приказы власти народных комиссаров с официальными призывами к «захвату значительных количеств заложников» и к «массовому расстрелу» без суда внушают невольный ужас всякому здоровому, сохранившему элементарное нравственное чутье человеку. Расправы над заложниками — это возвращает нас не только к темным векам варварства, но и уносит мысль от крещеной культурной Европы куда-то вглубь Африки.

Мы уверены, однако, что наш российский коммунизм, будучи духовным явлением антихристианской сущности, исповедуется и проводится в жизнь людьми все же общего с нами европейского, насыщенного преданиями христианства, духовного воспитания.

Митрополит Московский и Коломенский Владимир (Богоявленский), священномученик

И потому мы еще надеемся, что Совет народных комиссаров хотя отчасти поймет нас, когда мы, в расчете на простейшую общечеловеческую нравственность и культурность, свидетельствуем о бесчеловечном и бесцельно жестоком насилии над народной верой, проводимой в последней «Инструкции»[70].

Именно это заявление должна была передать соборная делегация во главе с митрополитом Кириллом.

На 168–169 заседаниях, состоявшихся 5 (18) и 6 (19) сентября 1918 года, обсуждался доклад митрополита Кирилла, сделанный им от лица Отдела о высшем церковном управлении. Доклад назывался «О церковных округах» и был посвящен мероприятиям, способствующим распространению принципа соборного управления на отдельные территории, что давало новые возможности для активизации миссионерской и пастырской работы.

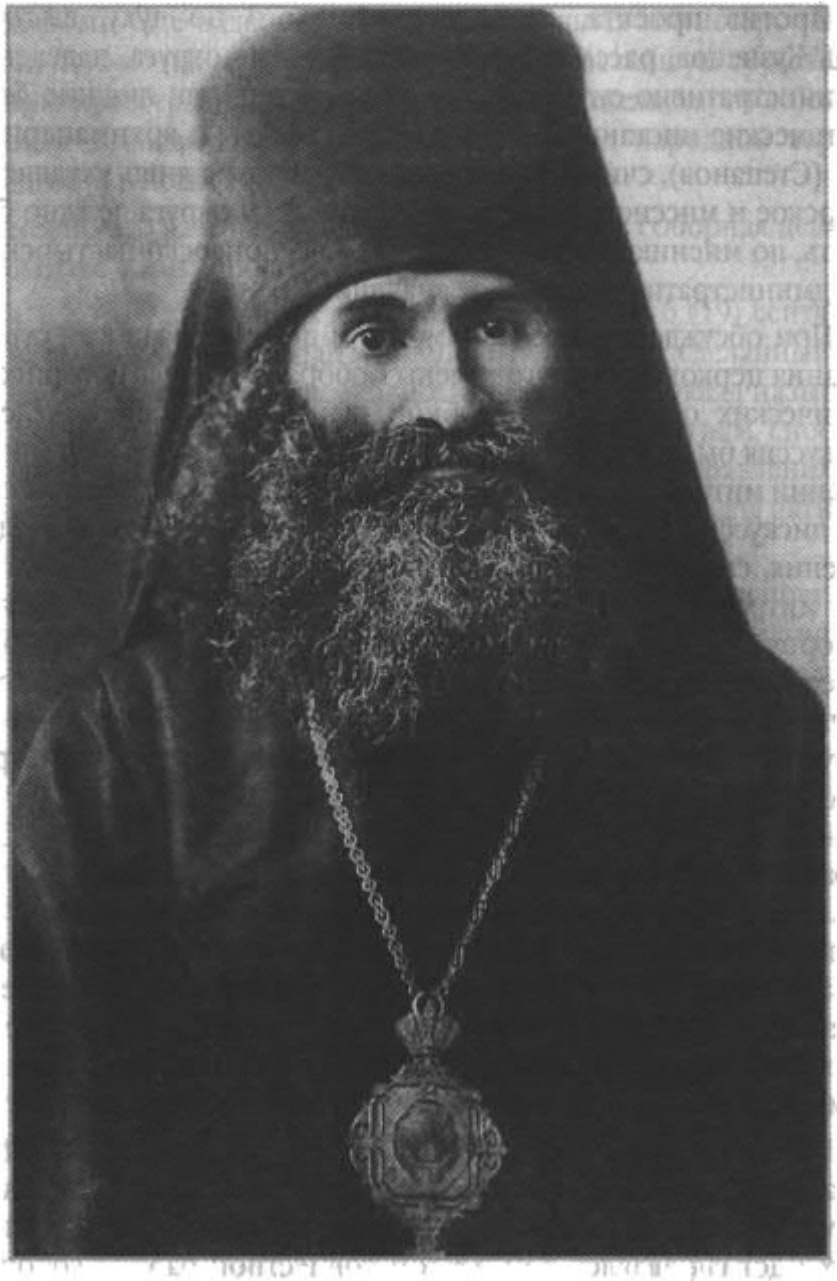
Представляя доклад, митрополит Кирилл заметил: «В основу положена необходимость найти для архипастырей и пасомых оплот в их взаимном единении. Это общение и единение и осуществляется в мысли об объединении отдельных епархий нашей Патриархии по округам. Необходимость такого сближения осознана была еще до Собора. Еще Св. Синод после марта месяца 1918 года [...] предложил, чтобы архипастыри под руководством старшего сошлись и обменялись мыслями о событиях [...] Доклад этот, долго ожидавший очереди для своего рассмотрения, в основной своей теме уже разрешен в некоторых постановлениях Собора [...] По докладу церковные округа должны объединять епархии к миссионерско-пастырской деятельности, по предложениям же докладов о церковном суде и о составе Соборов церковные округа должны быть и административными, и судебными центрами, а не только пастырско-миссионерскими»[71].

Епископ Охтенский Симон (Шлеев), поддерживая проект, сказал: «Укрепление патриаршества, умножение епархий требуют учреждения округов. Тогда центр церковной власти приблизится к народу и миллионы православных получат и хорошее церковное управление, сильное для отражения гонений на Церковь, и скорый и справедливый суд»[72].

Против проекта, как сепаратистского по духу, выступил Н. Д. Кузнецов, рассматривавший церковные округа, наделенные административно-судебными полномочиями, как лишние бюрократические инстанции. Не поддержал проект и архимандрит Гурий (Степанов), считавший, что новая структура лишь ухудшит пастырское и миссионерское дело[73]. Деление на округа должно было иметь, по мнению критиков проекта, миссионерско-пастырское, а не административно-судебное значение.

При обсуждении необходимости и целесообразности существования церковных округов члены Собора коснулись историко-канонических оснований подобного административного деления. Дискуссия была весьма оживленной. Председательствующий на заседании митрополит Арсений (Стадницкий) даже призвал участников дискуссии не «жонглировать канонами». По мнению владыки Арсения, следовало отложить обсуждение учреждения церковных или митрополичьих округов до следующей сессии или будущих Соборов[74]. Однако это предложение не было поддержано Собором. Более того, митрополит Кирилл призвал принципиально одобрить доклад, а конкретную работу распределения епархий по округам поручить Высшему Церковному Управлению. Митрополит Кирилл заметил, что «те места принятых Собором постановлений «О прославлении русских святых к местному почитанию», «О ВЦУ», «О Соборах, созываемых через три года», «О суде» и т. п., в которых упоминаются митрополичьи округа, все повиснут в воздухе, если настоящее положение о церковных округах не будет принято Собором»[75]. В результате члены Собора принимают предложение митрополита Кирилла[76]. Однако сложные социально-политические условия существования Русской Церкви в СССР не позволили Высшему Церковному Управлению осуществить этот проект.

На том же 169-м заседании владыка Кирилл сделал доклад «Об управлении духовно-учебными заведениями, церковно-приходскими школами и законоучительством в светских учебных заведениях». Доклад являлся результатом совместной работы соборных отделов «О духовно-учебных заведениях», «О церковно-приходских школах», «О преподавании Закона Божия» и Издательского отдела. В результате Собор принял постановление о том, что управление



Архиепископ Пермский Андроник (Никольский), священномученик

духовно-учебными заведениями, церковно-приходскими школами и законоучительством в светских учебных заведениях будет сосредоточено в Школьно-просветительском отделе ВЦС, а подготовленный комиссией проект организации религиозно-просветительского совета при ВЦУ следует передать в ВЦС, с тем чтобы «он принял из этого проекта к руководству то, что сочтет полезным»[77].

На заключительном 170-м заседании Поместного Собора вновь рассматривался вопрос, к которому прямое отношение имел митрополит Кирилл. Протоиерей А. И. Юницкий сделал доклад «Об устроении Православной Церкви в Закавказье и на Кавказе вообще». Доклад был результатом работы соборного отдела «Об устроении Православной Церкви в Закавказье». Председательствующий на этом заседании митрополит Арсений (Стадницкий), предлагая перейти к обсуждению доклада, по благословению Святейшего Патриарха уступает председательские функции митрополиту Кириллу, так как «обсуждаемый вопрос имеет к нему непосредственное отношение».

Согласно представленному проекту, предполагалось образование Бакинской епархии (вместо прежнего Бакинского викариатства Грузинской епархии) с включением в ее состав приходов, ранее не входивших в экзархат, а принадлежавших Владикавказской и Туркестанской епархиям. В докладе содержалось описание структуры и состава Бакинской епархии. Разработчики проекта создания новой епархии исходили из того практического соображения, что в условиях гражданской войны, иностранной интервенции и национального сепаратизма не представляется возможным возвратить Грузинскую Церковь, провозгласившую автокефалию, в юрисдикцию Русской Церкви. А потому следует выработать такие меры, которые закрепили бы имеющееся присутствие Русской Церкви в Закавказье, чтобы не утратить и того малого, что удалось сохранить. Создание самостоятельной Бакинской епархии позволило бы оградить русские приходы в Азербайджане от разрушительного влияния сепаратизма. Наконец, из числа Закавказских епархий формировался Кавказский экзархат (который наделялся, по проекту, правами митрополичьего округа). Поскольку это было последнее заседание Собора, то на постатейное обсуждение представленного

проекта не оставалось времени. Кроме того, по-прежнему невыясненным отставался вопрос об автокефалии Грузинской Церкви: признается ли эта автокефалия Православной Российской Церковью или нет. В связи с этой неопределенностью митрополит Арсений (Стадницкий) предложил не рассматривать вопрос об учреждении митрополичьего округа и Бакинской епархии на Соборе, а передать его на рассмотрение ВЦУ. «Я смотрю на этот вопрос с широкой точки зрения,— заявил митрополит Арсений.— Имея в виду автокефалию Грузии, а также послание по этому поводу Святейшего Патриарха[78], которое несколько расходится с этим докладом, нужно признать, что обсуждаемый вопрос имеет большое значение и для всей Русской Церкви. Поэтому решать его без должной подготовки невозможно и для Собора недопустимо»[79].

Мнения членов Собора разделились: кто-то считал необходимым утвердить доклад о создании митрополичьего округа и Бакинской епархии, кто-то присоединялся к точке зрения митрополита Арсения (Стадницкого). Предлагались и промежуточные варианты. Так, епископ Тамбовский Зиновий (Дроздов) полагал, что нужно прежде выяснить, как относиться к грузинам: «Кто они — братья или раскольники, находятся они с нами в единении или вражде? И только решив этот вопрос, мы можем решить другой вопрос относительно устройства Православной Церкви в Закавказье и на Кавказе вообще [...] Я думаю, что хорошо устроить округ, но тогда, когда будет выяснено положение Закаспийской области»[80].

В результате дискуссий Собор все же одобрил предложение митрополита Арсения и передал вопрос о митрополичьем округе и Бакинской епархии на рассмотрение ВЦУ. Впоследствии жизнь показала правоту реалистической и прагматической позиции митрополита Кирилла, а ВЦУ в 1919 году учредило вместо Тифлисской и Бакинской епархии (Кавказского экзархата) епархию Прикаспийскую и Бакинскую.

В этот же день 7 (20) сентября 1918 года Собор Православной Российской Церкви завершил свою работу. Это заседание стало кульминацией не только третьей сессии, но и всего Поместного Собора 1917—1918 годов. На этом заседании были рассмотрены важные документы и проекты соборных решений и был зачитан секре-

Епископ Саратовский Гермоген (Долганов), священномученик

тарем Собора В. П. Шеиным (расстрелянным 12 августа 1922 года по «делу митрополита Петроградского Вениамина») доклад Комиссии по гонениям. В докладе были поименно перечислены 4 архиерея, 2 архимандрита, 8 протоиереев, 20 священников, 8 монахов и 7 мирян, убиенных за веру. Имена еще семи священников и 18 мирян остались неизвестны[81].

Собор, не успев рассмотреть многие вопросы, передал их на обсуждение в ВЦУ, собираясь вновь съехаться весной 1921 года.

Митрополит Кирилл после окончания Собора продолжал служить в Москве, поминая за богослужением убиенных митрополита Владимира (Богоявленского), архиепископов Андроника (Никольского), Гермогена (Долганова), Макария (Гневушева) и прочих иерархов, ежемесячно в 1918—1919 годах пополнявших сонм новомучеников Российских.

Один из современников и очевидцев московских событий тех лет Н. П. Окунев 10/23 сентября 1918 года в своем дневнике писал: «Был за службами, совершавшимися архимандритом Холмской

Общий вид на Казанский кремль
и памятник императору Александру II

епархии Смарагдом и Тифлисским и Бакинским митрополитом и Экзархом Грузии Кириллом. И тот и другой поразили меня особенностью своего служения и красивой представительностью. Необыкновенно выразительны и сладкозвучны их возгласы. Вообще видно, что это не простые «попы», отбывающие профессиональную повинность, а люди образованные. За них не стыдно и перед католиками. Необыкновенно красивый голос и библейская внешность митрополита Кирилла навела меня на грешную мысль,— а почему же не его избрали патриархом России?»[82]

ПЕРВЫЕ АРЕСТЫ И УПРАВЛЕНИЕ КАЗАНСКОЙ ЕПАРХИЕЙ

Недолго митрополит Кирилл имел возможность свободного совершения богослужения: чуть более года. Однако за этот период его авторитет как одного из выдающихся церковных деятелей еще

Казанский кремль. Вид на Спасскую башню. 1920-е годы (снесены: часовня, памятник Александру II, двуглавый орел с башни)

более возрос. Митрополит Кирилл становится членом Священного Синода.

В конце декабря 1919 года он был впервые арестован ВЧК вместе с митрополитом Арсением (Стадницким), начав восхождение на свою Голгофу. За несколько дней до этого, 24 декабря 1918 года Святейший Патриарх Тихон был заключен под домашний арест[83]. Арест патриарха Тихона и заключение в Лубянскую тюрьму митрополита Кирилла было осуществлено по обвинению церковных иерархов в «контр-революционной агитации путем рассылки воззваний и сношения с Колчаком и Деникиным»[84].

Делегация ВЦУ под председательством протопресвитера Николая Любимова ходатайствовала 25 декабря 1918 года перед Совнаркомом «о содействии к предоставлению Святейшему Патриарху возможности принимать участие в делах Высшего Церковного Управления и беспрепятственно совершать богослужение во всех храмах,— а равно о таковом же распоряжении и в отношении митрополитов Арсения и Кирилла»[85].

Митрополит Казанский и Свияжский Кирилл (Смирнов)

В результате последующей переписки управляющего делами СНК В. Д. Бонч-Бруевича, заведующего VIII отделом НКЮ П. А. Красикова и начальника СО ВЧК Т. П. Самсонова в январе 1920 года, выяснились причины ареста высших церковных иерархов. В конце января был освобожден из-под ареста митрополит Арсений (Стадницкий) на условиях удаления к месту своего служения в Нижний Новгород. Патриарх Тихон и митрополит Кирилл были освобождены позже. Первое заключение митрополита Кирилла продолжалось около двух месяцев[86].

Вообще вторая половина 1919 года отличалась целенаправленной работой ВЧК по устранению от церковного управления наиболее деятельных и авторитетных епископов, клириков и мирян. Так, еще до ареста Святейшего Патриарха Тихона и митрополитов Арсения и Кирилла, 26 августа 1919 года по обвинению в «сопротивлении властям при вскрытии мощей преп. Саввы Сторожевского»[87] и в другой «контр-революционной деятельности, выразившейся в организации контрреволюционного общества «Совет объединенных

приходов г. Москвы и губернии», были арестованы члены Поместного Собора Н. Д. Кузнецов, А. Д. Самарин, протоиерей Николай Цветков, несколько священнослужителей и мирян[88]. В конце 1919 года в Москве был арестован и один из ближайших в те годы сотрудников патриарха Тихона — архиепископ Крутицкий Иоасаф (Каллистов)[89], также участник Поместного Собора 1917—1918 годов.

В апреле 1920 года, после выяснения Святейшим Патриархом, что ушедший из Казани вместе с белочехами в сентябре 1918 года митрополит Иаков (Пятницкий) не предполагает возвращаться в Казань, на Казанскую кафедру был назначен митрополит Кирилл, которому так и не удалось после Собора возвратиться в Закавказье и вступить в управление Кавказским экзархатом.

...Около двух месяцев ожидали казанцы прибытия нового архипастыря, вознося имя его на ектеньях. Сам же владыка в это время безуспешно пытался добиться разрешения московских властей на отъезд к месту нового своего служения.

Наступил день встречи Смоленской Седмиезерной иконы Божией Матери 26 июня ст. ст. 1920 года. Кафедральный Благовещенский собор, находившийся в Казанском кремле, к тому времени был закрыт, и епископ Чистопольский Анатолий (Грисюк), временно управляющий Казанской епархией, служил в большом храме Казанского Богородицкого монастыря, где находились и перенесенные в сентябре 1918 года раки со святыми мощами святителей Гурия и Варсонофия, Казанских чудотворцев.

Владыка Анатолий вышел с крестным ходом на окраину города, где и встретил чудотворный Седмиезерный образ. С пением святую икону пронесли через весь город и внесли в Богородицкий монастырь.

Крестный ход, возглавляемый владыкой Анатолием, вошел в святые ворота обители, вступил в монастырский двор — и тут открылось удивительное зрелище. На паперти собора предстал пред паствою величественный старец в полном архиерейском облачении. Это был митрополит Кирилл, неожиданно приехавший в Казань как раз в то время, когда крестный ход встречал Седмиезерный образ Божией Матери. Святитель Кирилл благоговейно

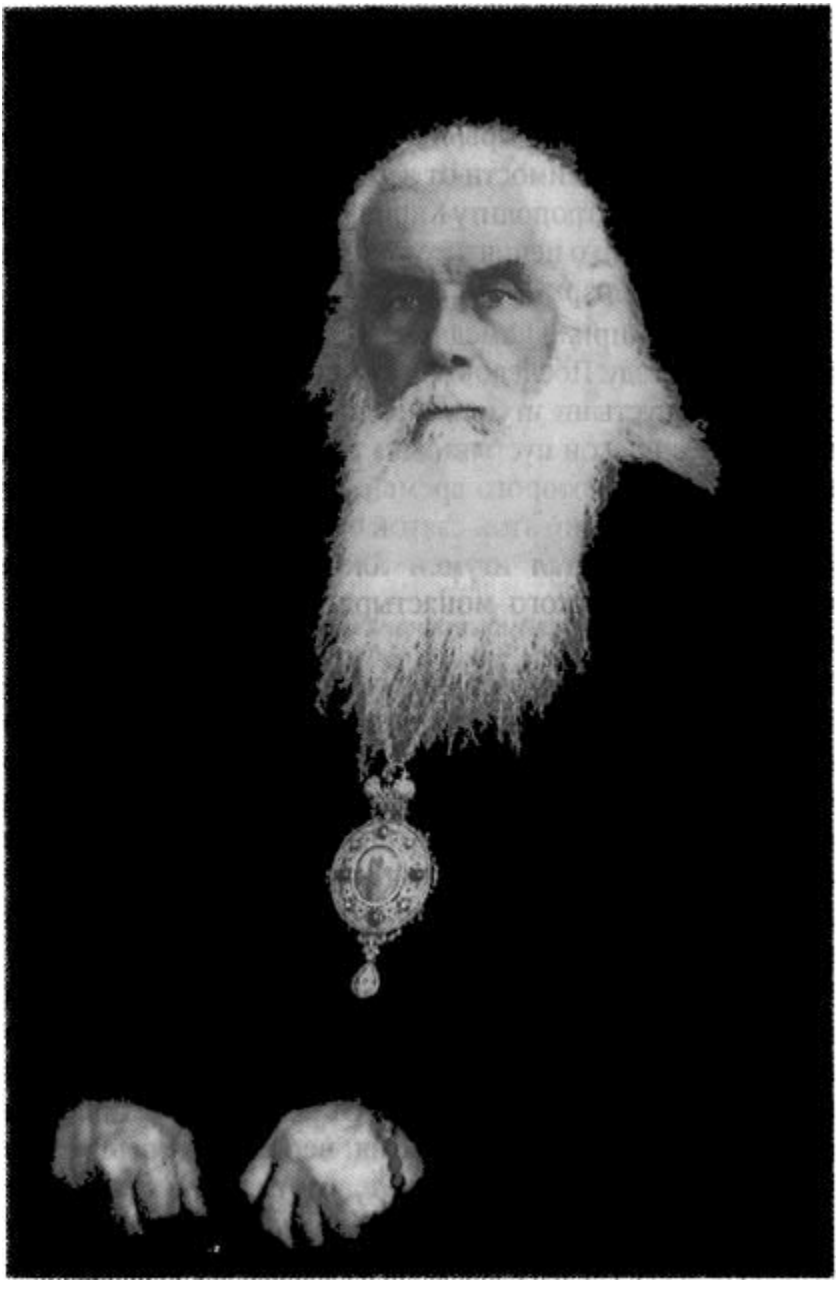
принял из рук епископа Анатолия чудотворную икону, осенил ею народ и вступил в храм. Все плакали от радости, когда владыка встал на митрополичьей кафедре посреди храма.

По окончании молебна митрополит Кирилл произнес казанской пастве первое слово назидания, начав его евангельским речением: *откуда мне сие, яко Мати Господа моего приide ко мне* (Лк. 1, 43). Владыка Кирилл поведал народу о том, как он стремился в Казань, стараясь получить разрешение на выезд, и как чудом, по милости Матери Божией, совершенно неожиданно для себя получил возможность приехать. Поезд прибыл из Москвы в Казань около 12 часов дня, и митрополит Кирилл приехал в Богородицкий монастырь к моменту, когда крестный ход уже вышел на встречу чудотворной иконы.

Чудесное совпадение приезда владыки Кирилла с торжественной встречей Седмиезерной иконы произвело глубокое впечатление на верующих казанцев, переживавших истинную радость после стольких страданий и невзгод, выпавших на их долю за последние два года. Казанцы ясно увидели в митрополите Кирилле того иерарха, который в состоянии сплотить церковный народ перед лицом надвигающегося безбожия. Верующие были совершенно покорены внешним обликом владыки: высокого роста, с величественной осанкой и благообразным лицом, с прямым пристальным взглядом, осененный сединами митрополит Кирилл выглядел библейским патриархом.

В короткое время завоевал архипастырь уважение не только православных казанцев, но и мусульман, называвших владыку за его белый митрополичий клобук — «Ак калфак».

С первых же дней своего приезда владыка Кирилл стал служить полноуставную службу по приходским церквам, которые были переполнены верующими, истосковавшимися по торжественному архиерейскому богослужению. При митрополите Кирилле на ектеньях с поминовением Святейшего Патриарха были прибавлены слова «и отца нашего»: «Великого господина и отца нашего Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея Руси». На великом входе священники стали становиться не в один ряд лицом к народу, а попарно лицом к Царским вратам и Святым Дарам.



Митрополит Кирилл Казанский, священномученик. 1920-е годы

Владыка Кирилл поселился в Богородицком монастыре, поскольку архиерейский дом, находившийся на территории кремля, был экспроприирован. Ежедневно митрополит пешком шел в Иоанно-Предтеченский монастырь, где помещался епархиальный совет. Все казанцы, вне зависимости от вероисповедания и национальности, относились к митрополиту Кириллу с искренним уважением, не допуская даже мысли о непочтительном отношении к этому достойному 57-летнему иерарху.

Митрополит Кирилл немедленно уладил все конфликты, имевшиеся к его приезду. Последовали и новые назначения. Настоятель Макарьевской пустыни игумен Феодосий (Лузгин) был назначен настоятелем Раифской пустыни, два года остававшейся без настоятеля, обязанности которого временно исполнял иеромонах Сергий (Гуськов), ризничий этой святой обители. А настоятелем Макарьевской пустыни стал игумен Александр (Уродов), бывший настоятель Санаксарского монастыря, вызванный владыкой Кириллом из Тамбова.

11 июля того же года совершилось знаменательное событие: митрополитом Кириллом вместе с епископом Анатолием и специально приглашенным из Нижнего Новгорода епископом Балахнинским Петром (Зверевым) была совершена хиротония архимандрита Спасо-Преображенского монастыря Иоасафа (Удалова) во епископа Мамадышского, викария Казанской епархии. Владыка Петр пробыл в Казани с 8 по 11 июля, и казанцы имели счастье насладиться торжественным богослужением целого сонма архиереев.

Значение епископской хиротонии владыки Иоасафа состояло еще и в том, что теперь, даже при вынужденном отсутствии митрополита Кирилла, епископ Анатолий мог вместе с епископом Иоасафом в случае необходимости совершить новую хиротонию. Как показали дальнейшие события, такая необходимость возникала довольно часто.

Активная, смелая и самостоятельная — без оглядки на власть — деятельность митрополита Кирилла в Казани, его высокий авторитет в самых разных кругах казанского общества и, наконец, очевидное увеличение и сплочение вокруг него православных людей, все это чрезвычайно обеспокоило местные власти. К тому же при-

Спасо-Преображенский монастырь Казанского кремля. Начало XX века

бытие митрополита Кирилла в Казань для центральных властей оказалось неожиданным. Митрополит Кирилл, получив разрешение на приезд в Казань, без дальнейшего промедления и уведомления «соответствующей инстанции» выехал туда, чем вызвал растерянность на Лубянке. «Наши агенты сбились с ног, выслеживая его в Москве, а он уже в Казани»,— рапортовали в Секретном отделе ВЧК[90]. Узнав же, что Казанский митрополит кроме всего прочего проводит еще и независимую церковную политику, не идя ни на какое соглашательство с местной властью, ВЧК постановила: «Принимая во внимание политическую неблагонадежность Кирилла, причислить его небольшое преступление к преступлениям неподчинения распоряжениям советской власти и сослать его в Соловецкий монастырь на все время гражданской войны»[91].

Потому и радость казанцев от обретения столь уважаемого ими архипастыря была недолгой. В престольный праздник Спасо-Преображенского монастыря — в Преображение Господне 19 августа 1920 года — сразу после богослужения владыка был арестован в своих

покоях, в Богородицком монастыре, и препровожден в «Набоковку» (дом Набокова, где в те годы располагалась Казанская ЧК), а еще через несколько дней увезен в Москву и помещен в Таганскую тюрьму. Арест был произведен по телеграфному распоряжению ВЧК[92].

Арест митрополита Кирилла чрезвычайно огорчил казанцев. Но очень скоро с митрополитом Кириллом была налажена связь, так что казанские викарии могли по наиболее важным вопросам епархиальной жизни руководствоваться его указаниями. Так, по благословению митрополита Кирилла, 21 ноября 1920 года епископы Анатолий и Иоасаф в храмовый праздник Казанской Духовной академии (Собор Архистратига Михаила) рукоположили во епископа Чебоксарского доцента академии архимандрита Афанасия (Малинина), ученого инока, жившего созерцательной жизнью, и блестящего оратора, чрезвычайно почитаемого народом.

Казанская Духовная академия, продолжавшая действовать в стесненном состоянии (преподавало около двадцати пяти профессоров и доцентов, обучалось около двадцати студентов на каждом из курсов), 7 ноября 1920 года избрала в число почетных членов академии заключенного в тюрьму Казанского митрополита и ходатайствовала перед высшей церковной властью об утверждении владыки Кирилла в этом звании[93]. Это ходатайство было удовлетворено указом патриарха Тихона и ВЦУ за № 100 от 22 января (4 февраля) 1921 года[94]. Позже это решение Совета академии будет инкриминироваться академической корпорации «как контрреволюционные настроения и даже прямо преступные деяния».

С арестом митрополита Кирилла, несмотря на то что номинально временно управляющим Казанской епархией являлся епископ Анатолий, фактически епархией управлял епископ Иоасаф, обладавший незаурядным организаторским талантом и сумевший сплотить верующий народ, растерявшийся после внезапного ареста владыки Кирилла. В апреле 1921 года светские власти арестовали и епископа Анатолия по обвинению в несоблюдении декрета об отделении школы от Церкви и содержании незарегистрированного учебного заведения (имелась в виду Духовная академия, сумевшая просуществовать до 1921 года).

С этого времени епископ Иоасаф вступил в права временно управляющего Казанской епархией, и имя его упоминалось рядом с именем владыки Кирилла. В Казанской епархии епископ Иоасаф был самым последовательным выразителем церковной линии митрополита Кирилла вплоть до самой своей мученической кончины в 1937 году.

После ареста епископа Анатолия епископы Иоасаф и Афанасий письменно связались с митрополитом Кириллом и по его благословению совершили поставление наместника Седмиезерной пустыни престарелого архимандрита Андроника (Богословского) во епископа Спасского, третьего викария Казанской епархии. Местом проживания епископа Андроника был указан Иоанно-Предтеченский монастырь.

В Москве митрополит Кирилл был осужден 27 августа 1920 года на срок «до конца гражданской войны» с предъявлением обвинения: «Выехал из Москвы в Казань без разрешения ВЧК»[95]. Митрополит Кирилл не признал за собой вины, отвергнув обвинения: «Никто и никогда не обязывал меня подпиской о невыезде из Москвы. Выехал я с пропуском, выданным мне на Варварке на бланке Высшего Учреждения Республики Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Талон выданного мне из ВЦИК пропуска находится при деле в ВЧК. Осуждение меня Президиумом ВЧК к заключению до конца гражданской войны признаю недоразумением»[96]. 5 октября 1920 года митрополит Кирилл был помещен в Таганскую тюрьму в камеру № 160 на втором этаже третьего тюремного крыла.

Владыка Кирилл и в заключении пользовался непререкаемым авторитетом у томящихся в тюремных узах верующих. В Таганской тюрьме находилось еще несколько иерархов, духовенство, известные церковные деятели: митрополит Серафим (Чичагов); архиепископ Филарет (Никольский); епископ Феодор (Поздеевский); епископ Анатолий (Грисюк); епископ Петр (Зверев), годом раньше участвовавший в епископской хиротонии владыки Иоасафа (Удалова); епископ Гурий (Степанов), бывший инспектор Казанской Духовной академии, доктор богословия; игумен Иона (Звенигород-

ский); игумен Георгий (Мещевский); бывший обер-прокурор Священного Синода А. Д. Самарин; профессор Н. Д. Кузнецов и др. Но старшинство митрополита Кирилла для всех было безусловно. Именно в Таганской тюрьме митрополит Кирилл благословил архимандрита Георгия (Лаврова) на старчество[97].

Один из бывших тогда в заключении, В. Ф. Марциновский, оставил свои воспоминания об этом времени, описав и тюремную обстановку тех лет:

— На прогулку! — кричат сторожа в нижних коридорах. «Выходи на прогулку!» — вторят надзиратели из разных этажей. Камеры отворяются. По железным лестницам из разных этажей спускаются заключенные. Идут простые люди, рабочие, военные. Там и сям виднеется фигура духовного лица. Вот митрополит Кирилл с величественной осанкой, с большой бородой, в серой рясе и фиолетовой скуфье, а там исхудалый, с темными впалыми глазами на строгом аскетическом лице — игумен Иона; наклонив голову, идет епископ Волоколамский Феодор, черноволосый, с бледным лицом, с очками в черной оправе (это бывший ректор МДА). Поблескивая синими очками, низко сидящими на несколько коротком носу, спускается медленно по лестнице епископ Гурий Казанский».

По многочисленным просьбам заключенных богослужения были разрешены, и для них было отведено в тюрьме школьное помещение:

«Это был небольшой светлый зал, со школьными скамьями. На боковых выступах стен портреты: слева Карла Маркса, справа — Троцкого. В этом импровизированном храме не было иконостаса. Вот стол, покрытый белой скатертью, и на нем Чаша для совершения Тайной вечери, крест и Евангелие. Все просто, как, может быть, было в первохристианских катакомбах. Семисвечник сделан арестантами из дерева.

Служит обычно митрополит Кирилл, обладающий величественной фигурой, высокий, с правильным лицом и широкой седой бородой. Сослужат ему епископы Феодор и Гурий. Тут же стоят игумен Иона, с сосредоточенным, несколько суровым лицом, и отец Георгий, простой и серьезный. Управляет хором бывший обер-прокурор Священного Синода А. Д. Самарин. А как поют!

Митрополит Серафим (Чичагов), священномученик

Только страдание может так одухотворить песнопение. Поют также и многие из предстоящих. Как много души и глубокого переживания вкладывается в слова Евангелия: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное».

Приближается Пасха. Первый год, что я не говею в Православной Церкви. Между тем является мысль о том, чтобы принять участие в причащении. Догматически я в этом не совсем уверен. Итак, я обращаюсь, как бы в виде пробного вопроса, к митрополиту Кириллу, встретив его на пути в храм. Он пригласил меня зайти к нему»[98].

Митрополит Кирилл помещался в одной камере с епископами Феодором (Поздеевским) и Гурием (Степановым). Это, конечно, не случайно. Оба эти владыки были воспитанниками Казанской Духовной академии, владыка Феодор был одно время инспектором Казанской Духовной семинарии, владыка Гурий — инспектором Духовной академии. Иеромонах Феодор (Поздеевский) окончил ака-

Преподобный Георгий (Лавров), Даниловский исповедник. 1920-е годы

демию, когда Алексей Степанов (будущий владыка Гурий) в академию только поступил (это был 1900 год). Однако общие знакомства, воспоминания, наставления знаменитого старца Гавриила (Зырянова), единство взглядов на судьбу России и Православия, участие в Поместном Соборе 1917—1918 годов — все это объединяло епископов. Тем более что рядом был мудрый и авторитетный иерарх, занимавший Казанскую кафедру,— митрополит Кирилл.

Вот как Марциновский описывает свое посещение камеры владыки Кирилла:

«Митрополит Кирилл сидел на своей койке, в глубине камеры, под окном. Слева помещался епископ Феодор, справа епископ Гурий. Первый говорил со мной добрым отеческим тоном, два другие, помоложе — оценивали мои взгляды более богословски. «Все это сектантская гордость»,— сухо и строго сказал мне епископ Феодор. Епископ Гурий обнаружил склонность к полемике, но говорил более мягко: «Это большой грех, что вы пренебрегли Таинством Крещения, совершенным над вами в детстве. Вы должны

Архимандрит Гурий (Степанов), инспектор Казанской Духовной академии, впоследствии архиепископ Суздальский

покаяться — и лишь после этого мы можем допустить вас до причащения». Я изложил свои взгляды епископам, они пожали плечами, но не изменили своего требования.

— Насколько я знаю, меня можно было бы допустить до причастия. Есть правило, разрешающее причастие иноверцев, если они просят причастия в крайней нужде, в опасности смерти и т. д. А мы здесь все в таком положении.

— Ну нет, этого правила нельзя отнести к данному положению,— сказал митрополит Кирилл.

— Бог вас наказал тюрьмой за вашу ересь,— проговорил вдруг сгоряча один из епископов,— и помяните мое слово: вы не выйдете из тюрьмы, пока не покаетесь»[99].

О заключенных епископах молились во многих московских храмах. В праздник Благовещения Пресвятой Богородицы 7 апреля 1921 года один из современников записал в своем дневнике: «Благовещение. В церкви сегодня молились о здравии заключенных митрополита Кирилла, архиепископа Никандра и еще некото-

рых епископов. Значит, где-нибудь в Каменщиках или Бутырках целый Синод «заседает»[100].

Это было время, когда власти ненадолго ослабили тяжесть заключения, разрешив (на краткое время) совершение в тюрьме богослужений. Однако не стоит полагать, что заключение было неким «курортным отдыхом». Всего полтора месяца спустя в этой же тюрьме при допросе был жестоко избит епископ Анатолий (Грисюк): у него были сломаны челюсть и ребро. Разрешение богослужения и несколько «либеральное» отношение к заключенным в Таганской тюрьме было в значительной степени связано с тем, что ее часто посещали различные делегации, в том числе и иностранные, и власти создавали видимость гуманной советской пенитенциарной системы.

Кроме того, нельзя было игнорировать и умонастроения, царившие среди заключенных. «Бывшие» (имеются ввиду дворяне, бывшие сановники) и представители духовенства могли почти свободно ходить вечером по этажам, населенным уголовниками: их уголовники не трогали, в отличие от заключенных коммунистов, социалистов и прочих деятелей революции, которым появляться в одиночку среди уголовников было далеко не безопасно.

Князь Сергей Евгеньевич Трубецкой вспоминал о Таганской тюрьме 1921 года: «К духовенству отношение уголовных было двойственное: одни поносили, другие защищали (я не раз вспоминал евангельских двух разбойников). Тюремная церковь была закрыта, и в здании ее помещался клуб, но нам как-то полуофициально разрешали церковные службы (скорее их допускали, чем разрешали). Для этого, под охраной добровольных стражников из верующих[101], нас вели в большую камеру, оборудованную под коммунистическую школу. Архиерейская служба шла под иронически-ми взглядами Ленина и Троцкого, портреты которых украшали стены. На время службы мы пожелали их снять или завесить, но этого нам не позволили. В этой бедной тюремной обстановке я особенно оценил великолепие службы митрополита Кирилла: он входил в мантии настоящим «князем Церкви»[102].

Неудивительно, что именно владыка Кирилл возглавил Пасхальное богослужение (март—апрель 1921 года), когда оно было все-таки разрешено:

«Пасхальная ночь. Москва, сердце России, вся трепещет от радости. Густые волны колокольного звона медным гулом заливают тюрьму: она ведь находится на горе. Пасхальная заутреня должна быть в 12 часов ночи, но она откладывается из-за опасения побегов. Лишь в 6 часа утра, когда стало рассветать, стали выводить нас из камер. Уже не гудела Москва, а только звенели в коридорах связками ключей наши телохранители. Народу, как всегда бывает на Пасху, пришло много. С воли прислали пасхальные архиерейские ризы, сверкающие серебром и золотом. Митрополит Кирилл, весь сияющий, в тяжелой парче, кадит, посылая во все стороны не только фимиам, но и клубы пламени, вырывающиеся из кадильницы. В руке у него красные пасхальные свечи. «Христос Воскресе!» — «Воистину Воскресе!» — разносится гулом под сводами тюремных коридоров. У многих на глазах слезы, хотя здесь преимущественно суровые, ко многому привыкшие мужчины. Читается знаменитая Пасхальная речь святителя Иоанна Златоуста, приветствие всем и вся, и тем, кто постился, и тем, кто не постился, и тем, кто пришел в первом часу, и тем, кто пришел в последний, одиннадцатый час. Меня до слез потрясает воспоминание о великой любви, которая особенно в этот день согрела тюрьму и обвила ее холодные, мрачные стены объятиями братской, нежной ласки. Всю Великую Субботу, с раннего утра, все несли и несли яйца, куличи, сырые пасхи, цветы, свечи — и все это тогда, когда Москва голодала. Несли, может быть, последнее, чтобы бросить пасхальную радость и туда, в сырые мрачные казематы»[103].

Тот, чей жизненный путь хотя бы единожды пересекся с исповеднической стезей владыки Кирилла, уже не мог забыть образ этого удивительного иерарха. Князь Сергей Евгеньевич Трубецкой, старший сын известного русского философа Евгения Николаевича Трубецкого, вспоминая о днях, проведенных возле митрополита Кирилла, хотя бы и в ужасных условиях тюремного содержания, писал: «С достойной простотой нес он свой крест до конца, подавая пример многим и являясь немым укором тоже для многих. Мне навсегда останется памятным его последнее благословение, когда меня выводили из камеры»[104].

Когда Трубецкой покидал тюрьму (в числе немногих, высланных в 20-е годы за пределы СССР), митрополит Кирилл, чтобы убедиться, что князь действительно выберется из Таганского каземата (а не падет очередной жертвой коварства ЧК), попросил его, когда тот окажется на воле, сходить в монастырь, откуда заключенным владыкам приносили передачи (еду и белье). Там князь должен был попросить в препроводительной записке к следующей «передаче» поместить слово «хлеб» не на первом месте, как обычно, а на последнем. Таким образом митрополит Кирилл в тюрьме мог узнать, что бывший узник Таганской тюрьмы остался жив и находится на свободе[105]. Позже многие письма заключенных владык, в том числе и самого митрополита Кирилла, будут изобиловать условными словами и выражениями, предпринятыми против бдительного ока «Ивана Васильевича» (так среди заключенных именовалась ЧК).

В 1920 году приговор митрополита Кирилла был пересмотрен. В результате, вместо прежнего срока «до окончания гражданской войны», было вынесено определение о назначении заключения на 5 лет[106]. Стало очевидно, что власти не желают освобождения митрополита Кирилла. Вместе с тем, к 7 ноября 1920 года в СССР была объявлена широкая амнистия заключенных. Тем не менее даже она не коснулась томившегося в тюремном заключении владыку Кирилла.

Митрополит Кирилл был одним из тех, кто привлек внимание «Политического Красного Креста» (ППК) (с 1922 года ППК перерегистрировался под названием «Помощь политическим заключенным»), организации, оказывавшей юридическую, материальную и медицинскую помощь политзаключенным в СССР. 24 марта 1921 года юридический отдел ППК направил ходатайство в Комиссию по применению амнистии о пересмотре постановления по делу митрополита Кирилла. Как уже говорилось, согласно этому постановлению владыке Кириллу было назначено пятилетнее тюремное заключение взамен бессрочного, «до конца гражданской войны». Между тем ППК ходатайствовал о полной амнистии и об освобождении от дальнейшего заключения в тюрьме. Но амнистии сразу не последовало.

Никольский собор Казанского Богородицкого женского монастыря. Казань. 1915 год

Тем не менее, в самом конце 1921 года (24 декабря)[107] владыка Кирилл был досрочно освобожден в связи с очередной амнистией по случаю 4-й годовщины Октябрьской революции. Видимо, власти полагали, что освобождаемый митрополит достаточно «научен» тюремным содержанием, чтобы не оставаться независимым в управлении Казанской епархией.

Так, новый 1922 год совершенно неожиданно ознаменовался для Казанской епархии радостной вестью об освобождении архипастыря-исповедника.

Несмотря на то, что поезд из Москвы прибывал в ночь с 17 на 18 января 1922 года, встречать митрополита Кирилла в зимнем храме Богородицкого монастыря собралось несколько тысяч верующих. Ожидавших в то позднее время своего любимого архипастыря можно было уподобить евангельским девам, готовящимся к сретению Небесного Жениха с мыслью: «Се Жених грядет в полунощи». На вокзале владыку встречали епископы Иоасаф и Афана-

сий. По пути следования Казанского митрополита от вокзала к монастырю его сопровождал, несмотря на поздний час, колокольный звон приходских и монастырских храмов. Наконец, владыка вступил в Казанскую обитель Пресвятой Богородицы — и начался молебен, по окончании которого митрополит Кирилл обратился к своей пастве с приветственным словом. Слезы радости блестели на глазах у людей, охваченных тем чувством, какое наполняет ликующие сердца верующих в Господню Пасху и в день Торжества Православия.

И вновь начались торжественные богослужения с участием митрополита Кирилла. Уже на следующий день по прибытии владыки, 19 января, в праздник Богоявления Господня был совершен торжественный крестный ход из Богоявленского храма на озеро Кабан (где была устроена Иордань) с совершением владыкой Кириллом чина великого водосвятия. Настоятелем Богоявленского собора был назначен протоиерей Николай Виноградов.

С возвращением митрополита Кирилла на Казанскую кафедру оживилась и церковно-приходская жизнь. 19 марта 1922 года для образования Союза церковных общин Казани состоялось собрание представителей этих общин. Собрание происходило под председательством Ксенофонта Ивановича Софийского. На письменную просьбу К. И. Софийского об уведомлении всех общин епархии о создании Союза и о желательном участии в его деятельности духовенства, последовала резолюция митрополита Кирилла: *«1922, марта 11/24. Благословляется обратиться к оо. благочинным с просьбой о содействии к осведомлению приходов об открытии деятельности Союза. Духовенство, как обуславливающее своею наличностью самое существование приходов, тем самым предполагается в качестве участника во всякой организации, действительно связанной с приходом и его церковно-канонической жизнью. М[итрополит] Кирилл»*[108].

В апреле 1922 года в казанских храмах началось изъятие церковных ценностей в пользу (как тогда декларировалось) «голодающих Поволжья». Однако это было только предлогом безбожников к дальнейшему разграблению православных храмов. Реально от продажи за границу церковных ценностей непосредственно на по-

Протоиерей Николай Виноградов,
профессор Казанской Духовной академии

мощь голодающим пошло менее одного процента(!) вырученных средств. Русская Православная Церковь в лице своего патриарха еще в августе 1921 года сама предложила государству оказать помощь голодающим. Патриарх Тихон обратился к православным патриархам, Римскому папе, архиепископу Кентерберийскому, православным людям России и христианам всего мира с просьбой оказать посильную помощь голодающим людям. Однако богоборческой власти было крайне невыгодно, чтобы Церковь встала во главе общественно-церковного движения Помгол. Всероссийский церковный комитет помощи голодающим был признан советским правительством излишним, а все собранные комитетом средства изъяты государством.

Но уже через несколько месяцев, а именно в декабре 1921 года, правительство вновь предложило Церкви жертвовать средства и продовольствие голодающим Поволжья. Святейший Патриарх обратился к общинам и приходским советам с просьбой жертвовать на нужды голодающих драгоценные церковные украшения и пред-

меты, не имеющие богослужебного употребления[109]. Но обеспокоенные новым ростом влияния Церкви, власти предпринимают очередную провокационную акцию. 26 февраля 1922 года появляется декрет о порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих, согласно которому местным Советам предлагалось «в месячный срок со дня опубликования сего постановления изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих, по описям и договорам все драгоценные предметы из золота, серебра и камней»[110].

Вслед за этим декретом появилось и послание Святейшего Патриарха Тихона от 28 февраля, объявляющее изъятие священных предметов и богослужебных церковных сосудов «актом святотатства»: «Мы допустили, ввиду чрезвычайно тяжких обстоятельств, возможность пожертвования церковных предметов, не освященных и не имеющих богослужебного употребления. Мы призываем верующих чад Церкви и ныне к таковым пожертвованиям, лишь одного желая, чтобы эти пожертвования были откликом любящего сердца на нужды ближнего, лишь бы они действительно оказывали реальную помощь страждущим братьям нашим. Но Мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается ею как святотатство — миряне отлучением от нее, священнослужители — извержением из сана (апостольское правило 73; Двукратного Вселенского Собора правило 10)»[111].

В Казани изъятие церковных ценностей, благодаря взвешенному отношению к нему митрополита Кирилла, прошло относительно спокойно. Владыка сумел отстоять часть богослужебных предметов от изъятия. Однако большая часть церковных ценностей (позолоченные серебряные ризы с драгоценными камнями и пр.) была реквизирована. При каждом изъятии составлялась специальная опись. В Казани действительно царил ужасный голод, и владыка Кирилл благословил отдать все небогослужебные ценности, способные хоть в какой-то мере послужить улучшению продовольственной ситуации в Поволжских республиках.

Митрополит Казанский Кирилл (Смирнов),
священномученик. 1920-е годы

Но трагедия заключалась в том, что, с одной стороны, эти ценности шли вовсе не на помощь голодающим, а, с другой стороны, властью были изъяты и утилизированы многие предметы церковной старины XVI—XVIII веков. В Спасском монастыре были изъяты серебряные царские врата. Часть хранившегося в ризнице Благовещенского собора также была реквизирована и бесследно исчезла в бездонных государственных спецхранах. Были опустошены ризницы древних Казанских и Свияжских монастырей. При первом председателе комиссии по изъятию ценностей Денисове удавалось отстоять часть богослужебных предметов. Но с 20 апреля 1922 года, когда был назначен председателем С. С. Шварц, в работе комиссии была отмечена новая тенденция, о которой свидетельствовал в своем отчете сам Сергей Соломонович: «В церквах и монастырях по возможности ничего не оставлять, несмотря ни на какие условия, в которых будет протекать изъятие и несмотря ни на какие ходатайства и особые мнения экспертов»[112].

При всей дипломатичности, которую митрополит Кирилл проявлял, когда дело касалось судеб людей и Церкви, в принципиальных вопросах владыка всегда высказывался предельно откровенно, а порой даже и резко. Он весьма высоко ставил достоинство и ответственность православного иерарха. Владыке не простят его откровенное и смелое высказывание на общегородском собрании в Казанском университете 9 апреля 1922 года, когда в ответ на предложение председателя комиссии по изъятию церковных ценностей Денисова «помочь» своим авторитетом советской власти в ограблении казанских церквей, митрополит Кирилл сказал: «*За время революции очень много лили грязи на духовенство, а теперь зовете нас к себе на службу. Нет, этого не будет, я лично не хочу исполнять роль полицейского, прокладывающего путь работе комиссии по изъятию ценностей, и за последствия история нас может жестоко осудить. Для нас более славно не участвовать в этом деле и менее славно — участвовать*»[113]. Всего три месяца будет отделять эти слова владыки Кирилла от его очередного ареста.

В докладе С. С. Шварца от 22 июня 1922 года содержатся красноречивые свидетельства о методах работы комиссии по изъятию ценностей: «Реакционно настроенное к изъятию духовенство было

взято на учет, и за ним велось внутреннее наблюдение через осведомителей — попов[114] и лиц, в их среде вращающихся. Причем, кто был замечен в злостной агитации, тот подвергался немедленной изоляции. Выяснено, что некоторая часть духовенства придерживалась политики митрополита Кирилла — политики невмешательства, но многие попы (большинство из числа будущих «живоцерковников».— *А. Ж.*) к изъятию отнеслись как к акту, необходимому в условиях голода, так как кошмар голода у всех на глазах [...] За сокрытие ценностей и агитацию против изъятия арестовано 7 человек, из них 4 священника и 3 церковнослужителя [...] Прежде чем приступить к фактическому изъятию церковных ценностей, комиссией были затребованы от Татнаркомюста описи церковных имуществ, составленные в момент выполнения декрета об отделении Церкви от государства, но, к несчастью, означенные описи происшедшим в здании ТНКЮ пожаром уничтожены. Тогда же такие же описи были затребованы от митрополита Кирилла, который не счел нужным даже ответить[115]. В некоторых церквах описи сохранились, во многих же таковых не оказалось, почему комиссия сначала приступила к переучету ценностей, а затем уже к фактическому изъятию. Отсутствие описей объясняется бегством священников с белыми бандитами и другими катастрофическими явлениями, которым подверглась Казань. По каждому отдельному такому случаю велась следственная разработка, которая действительных причин отсутствия описей не установила»[116].

В мае 1922 года произошел арест Святейшего Патриарха Тихона и инициированный светской властью «живоцерковнический» раскол. В июне того же года волна обновленчества достигла и Казани, куда прибыл живоцерковник Николай Пельц, назвавшийся священником Симбирской епархии.

По этому поводу митрополит Кирилл позднее вспоминал: «*Приезжал такой лектор и в Казань, назвавшийся Пельдсом-священником* (так в оригинале, в действительности — Николай Николаевич Пельц.— *А. Ж.*), *но никаких документов ни о своем священстве, ни о поручении ему устроения собраний по вопросам текущей церковной жизни не представил. У меня, в частности, как Казанского архиерея, он потребовал письменного разрешения*

духовенству казанскому присутствовать на устрояемом им, Пелдсом, собрании. Я отвечал своему посетителю, что если устраиваемое им собрание разрешено гражданской властью, то никаких других разрешений для присутствия на этом собрании гражданам, к числу которых принадлежит и духовенство, — не требуется. Этот ответ мой Пельдс оценил как выражение моего контрреволюционного настроения и пообещал мне в будущем всякие неприятности. Дальнейшее пребывание Пельдса в Казани меня не интересовало».

Сохранился и текст резолюции митрополита Кирилла на прошение Пельца. Резолюция была сообщена обновленческому активисту митрополичьей канцелярией: «Священнику-миссионеру Николаю Пельц. Административно-исполнительная канцелярия при митрополите Казанском сообщает Вам, что резолюция его Высокопреосвященства Высокопреосвященнейшего Кирилла митрополита Казанского и Свияжского от 16—29 июня 1922 года за № 590 на прошении Вашем последовала такая: «Казанским митрополитом не было издаваемо для духовенства запрещений посещать собрания, происходящие с разрешения гражданской власти, а потому нет надобности и в разрешении на такое посещение». То или иное отношение к такого рода собраниям есть частное дело духовных лиц. № 958. 30/VI 22 г.»[117]

2 июля священник Николай Пельц устроил диспут в актовом зале Казанского университета о проблемах современной Церкви. В своей речи Пельц вдохновенно обличал «контрреволюционера» Тихона, Всероссийского Патриарха, «одряхлевшую, требующую революционных реформ Русскую Православную Церковь», излагал программу этих реформ: введение женатого епископата, разрешение второбрачия священства, переход на новый стиль, переход с церковно-славянского богослужебного языка на русский и пр. В качестве примера «грубости» и «отсталости» богослужебного языка Русской Церкви Пельц привел слова из чина крещения: «дунь и плюнь».

После Пельца выступил молодой ученый Александр Исаакович Никифоров, призвав собравшихся не слушать более подобных зазорных речей и разойтись, чему присутствующие единодушно и

последовали, выразив таким образом свое отношение к живоцерковнической «программе революционных реформ». В ту же ночь ГПУ пыталось арестовать А. И. Никифорова, но его дома не оказалось. В ближайшие дни он с помощью добрых людей покинул город.

Пельц пытался продолжить свою активную деятельность в Казани, попробовав проникнуть в административно-исполнительную канцелярию митрополита Кирилла под видом ревизора от обновленческого Высшего церковного управления (ВЦУ). Но был изгнан владыкой Кириллом с запрещением служить и проповедовать в Казани. Вынужденный удалиться из города, Пельц перед этим совершил литургию и сказал проповедь в одном из окраинных храмов. За нарушение запрета владыки Кирилла настоятель этого храма был устранен от должности благочинного[118].

Через несколько дней состоялся большой диспут о церковных проблемах в «Красноармейском дворце» (бывший Новый театр на Лядской улице). На диспуте присутствовал и владыка Кирилл. При появлении этого величественного иерарха Русской Церкви все присутствующие встали и сели на места только после того, как митрополит благословил народ и начало собрания. На диспуте выступал первый сторонник «Живой Церкви» в Казани священник Варлаамовского храма Степан Спирин, о связях которого с ГПУ знал весь город. Его оппонентом был священник Богородицкого монастыря Александр Лебедев, последний редактор «Известий по Казанской епархии».

К этому же времени относится получение известия о печатном воззвании от 16 июня, подписанном митрополитом Сергием (Страгородским), архиепископом Евдокимом (Мещерским) и архиепископом Серафимом (Мещеряковым)[119]. Это воззвание смутило очень многих верующих, в том числе в Казанской епархии. Неудивительно, что после такой авторитетной «поддержки» обновленчества уже в июле 1922 года из 73 епархиальных архиереев 37 присоединились к обновленческому ВЦУ, и только 36 остались верными патриарху Тихону[120]. Последователи церковного «обновления» торжествовали, многие, прежде уверенные в необходимости активного сопротивления ВЦУ, поколебались в своей уве-

Архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский Борис (Шипулин)

ренности. Большинство заняли выжидательную позицию, полагая не признавать ВЦУ как верховный орган церковной власти, но признавать за ним, как за временной структурой, полномочия по созыву Поместного Собора.

Митрополит Кирилл был близок именно к этому взгляду на сложившуюся церковно-административную ситуацию. Он считал, что ВЦУ – орган, инициированный светской властью и, следовательно, преследующий политические, а не церковные цели. Посему, дабы не вступать в конфликт с государством, необходимо согласиться с созывом новым Высшим церковным управлением Собора, отправить на него своих представителей, а уже там отстаивать православные позиции, патриаршество и самого патриарха. Если же этого не удастся, то заявить, что Собор – не православный. Поминовение патриарха Тихона владыка Кирилл, естественно, не прекращал.

По поводу же выяснения причин воззвания трех уважаемых иерархов владыка Кирилл направил протоиерея Порфирия Руфим-

ского в Нижний Новгород, где в то время проживал митрополит Сергий. Но даже узнав, что воззвание действительно подписано самим митрополитом Сергием, владыка Кирилл не изменил своей позиции, отказываясь признать за обновленческим ВЦУ права называться высшей церковной властью, хотя это и грозило неприятностями со стороны светских властей, откровенно поддерживавших ВЦУ. Позже казанский обновленческий журнал «Православный церковный вестник» в своей статье «Обновленческое движение в Казани» писал: «Митрополит Кирилл постоянно повторял фразу: «Пусть мне пришпилят ярлык контрреволюционера, а до тех пор я считаю себя в полной безопасности». Через два месяца,— язвительно комментировали обновленцы,— этот ярлык был пришпилен произведенным следствием»[121].

Почти одновременно с заявлением «трех архиереев» от 16 июня появилось послание митрополита Агафангела (Преображенского) от 18 июня с заявлением о вступлении во временное управление Русской Церковью и указанием на незаконность живоцерковнических административных инициатив. Митрополит Кирилл благословил зачитать это послание по церквам и разослал это послание бывшему своему викарию, а в то время уже епископу Самарскому Анатолию (Грисюку) и епископу Уфимскому Борису (Шипулину), с которым у митрополита Кирилла вплоть до 1937 года оставались добрые отношения. Впоследствии митрополит Кирилл вспоминал об этом послании митрополита Агафангела: *«Оценка живоцерковного движения и совершаемого так называемым В. Ц. У. бесчиния церковного была сделана в конце июня месяца особым посланием митрополита Агафангела, объяснявшего всю деятельность В. Ц. У. как узурпацию церковной власти и отклонение от основ православной церковности. В то же время, признавая создавшуюся для него невозможность быть в Москве и во всей полноте осуществлять руководительство церковной жизнию, митрополит Агафангел предоставлял право на местах руководиться в епархиальной жизни патриаршим указом на случай невозможности сношений с церковным центром, то есть управляться на основе канонов и церковной практики каждой епархии автономно, недоуменные же вопросы разрешать по силе возможности путем*

совещания с ближайшими православными архипастырями. Послание это было прочитано в церквах города Казани и разослано по епархии. Вскоре я получил телеграмму, подписанную Пельдсом о предстоящем мне увольнении на покой. И действительно в канун июля другая телеграмма, подписанная управляющим делами В. Ц. У. Львовым, уведомляла меня о том, что решением В. Ц. У. я освобожден от управления Казанской епархией и уволен на покой. Так как с В. Ц. У. никаких отношений у меня не было и не могло быть, то никакого значения таким телеграммам я, конечно, не придавал и продолжал исполнять свой долг служения в качестве епархиального архиерея»[122].

Обновленческий раскол вызвал неожиданно для самой власти религиозный подъем в православной среде, заставив церковный народ сплотиться вокруг своих иерархов. Одним из явных свидетельств этого религиозного подъема было пополнение рядов монашества молодыми образованными иноками. В июле 1922 года принявшие постриг студенты богословских курсов (открытых вместо Казанской Духовной академии) Питирим (Крылов), Иоанн (Широков), Палладий (Шерстенников), Серафим (Шамшев) были приняты в число насельников Казанского Иоанно-Предтеченского монастыря. Иноки Питирим, Иоанн, Палладий были вскоре рукоположены митрополитом Кириллом во иеромонахов, а Серафим — во иеродиакона. Иоанно-Предтеченский монастырь стал центром религиозной жизни Казани, оказавшись одним из главных оплотов Православия и центров сопротивления обновленчеству в Казанском крае.

Встреча и проводы в 1922 году чудотворной Седмиезерной иконы Божией Матери были совершены самим митрополитом Кириллом в сослужении со своими викариями епископами Иоасафом, Афанасием и Андроником. Причем впервые с 1918 года чудотворный образ был принесен не в Богородицкий монастырь, а, как в дореволюционные годы, в Казанский кремль. Из Благовещенского собора были совершены и проводы иконы. К празднику Казанской иконы Божией Матери в Казань из Самары приезжал епископ Анатолий, освобожденный из тюрьмы вместе с митрополитом Кириллом и назначенный Самарским правящим архиереем. Казанцы с

радостью и любовью встретили этого архиерея, с деятельностью которого было связано управление Казанской епархией в тяжелейший период с 1918-го по 1919 год. Таким образом, верующие могли присутствовать на торжественном богослужении с участием сразу пяти архиереев.

Будущий священномученик митрополит Кирилл был для Казанского края тем иерархом, вокруг которого сплачивались лучшие церковные силы, видевшие во владыке истинного пастыря Русской Церкви, способного уберечь свою паству от раскола и удержать церковный корабль на плаву в это тяжелое время.

Насколько высоко почитался Казанский владыка, видно и по отношению к нему, например, американской Миссии (АРА), работавшей в помощь голодающим.

Один из американцев женился на русской девушке, дочери профессора Казанского университета Дубяго. Венчание происходило в Варваринской церкви Казани, и американцы, весьма уважавшие Казанского владыку, просили митрополита Кирилла совершить венчание. Но владыка, как монах, согласился отслужить только молебен после венчания, отказавшись, конечно, и от участия в брачном пире.

Зная, с каким подозрением смотрели на Миссию АРА советские власти, можно понять, почему участие митрополита Кирилла в венчании американца и дочери казанского профессора произвело самую негативную реакцию властей. Впрочем, здесь опять проявился тот независимый характер митрополита Кирилла, который его отличал и в дореволюционные времена.

И все же при всем том, что безбожные власти клеймили Казанского митрополита как «контрреволюционера», «последователя святейшей контрреволюции» патриарха Тихона и пр., однако сквозь эту духовную и классовую ненависть к независимому иерарху Русской Церкви сквозило и невольное уважение к тому церковному достоинству, носителем которого был и оставался владыка Кирилл, в каких бы тяжелейших и стесненных условиях он ни находился. Подобного отношения властей никогда не удостаивались, например, обновленческие иерархи.

24 июля 1922 года в Богоявленском соборе Казани состоялось собрание под председательством митрополита Кирилла, которое обсудило возможность представителям Казанской епархии участвовать в соборе, созываемом ВЦУ в Москве. Делегаты от всех приходов высказывались о целесообразности участия в этом «соборе».

Прежде всего митрополит Кирилл предложил удалиться мирским представителям. Затем владыка выступил по поводу возможного церковного Собора[123]: *«Для меня, как правящего архиерея, постоянные призывы в собрании к Собору вызывают недоумение. Зовут к Собору, как будто никто его не желает или мешает. Вопросы [к Собору] определены 1917 и 1918 годами, и Собор должен был собраться в 1921 году. Митрополит Агафангел и патриарх тоже говорили о Соборе. Словом, Собор никем не оспаривается. Значит, нужно собирать материалы и дать направление решениям вопросов. Например, язык русский в качестве богослужебного: есть ли переводы? Православный институт*[124] *должен исполнить свой долг. Необходимо учредить Комиссию».*

Говорил митрополит Кирилл и о своем отношении к обновленческому ВЦУ: *«Для меня требование ВЦУ как гражданского учреждения — обязательно, но как церковного — не обязательно, но должна быть контрассигнация правительства* (чтобы считать ВЦУ гражданским учреждением.— *А. Ж.*). *Как церковное же учреждение ВЦУ — нуль. ВЦУ говорит, что созовет Собор. Очевидно, Собор желателен и для гражданской власти: мы должны в силу лояльности выполнить приказание гражданской власти. Но Собор — церковный. [Поэтому следует] собраться, чтобы заявить, что Собор не наш. Пойдем сказать свое слово, заявить [о своей позиции] тому же Антонину* [...] *Говорят, что ВЦУ есть идейно особое от «Живой Церкви». Это неправда: одни учредители, в одном доме редакции и управления. Но такой Собор не для Православной Церкви, в лютеранском [духе] эти вопросы [будут] разрешаться. А нам нужно православно решать вопросы».*

На собрании было решено готовить предложения к Собору в нескольких комиссиях, которые будут действовать под непосредственным руководством епископа Чебоксарского Афанасия, викария Казанской епархии. Несмотря на то что архимандрит Варсонофий

Протоиерей Николай Петров,
настоятель Варваринской церкви г. Казани,
в 1921–1922 годах – ректор Богословского института

(Лузин) и некоторые другие священники активно выступали против участия в Соборе, собрание прислушалось к более взвешенной и реалистичной позиции митрополита Кирилла.

Обновленческий журнал «Православный церковный вестник» со ссылкой на священника А. Лебедева приводил следующее постановление по данному вопросу: «Единогласно признавая необходимость созыва Церковного Собора, собрание казанского духовенства находит необходимым ныне же приступить к практической подготовке и разработке вопросов, подлежащих соборному разрешению, для чего постановляет ныне же избрать предсоборную комиссию в следующем составе: Преосвященный Афанасий, протоиерей П. В. Петров, протоиерей Павел М. Руфимский, протоиерей Николай Виноградов, священник А. В. Лебедев, архимандрит Варсонофий, священник А. П. Касторский, протоиерей А. И. Дружинин, протоиерей Порфирий М. Руфимский, протоиерей В. И. Беликов, священник В. М. Катагощин, священник Д. З. Прокопович, протоиерей А. Ф. Михайлов, священник М. Н. Малиновский, священник

В. А. Белокуров, протоиерей В. И. Беллавин, протоиерей П. А. Грачев. Протоиерей С. К. Спирин и о. Е. Ф. Сосунцов дали согласие быть сотрудниками членов комиссии при разработке тех или иных вопросов. Кроме того, в комиссию войдут члены по избранию приходов и по приглашению самой комиссии»[125]. Таким образом, решено было подготовить рекомендации и проекты решений к предполагаемому Собору, в случае же уклонения Собора от Православия — заявить об этом и покинуть Собор.

Вскоре после собрания в ночь на 2 августа 1922 года был арестован архимандрит Варсонофий, активно выступавший против обновленчества и занимавший на собрании в Богоявленском храме позицию неучастия в созываемом ВЦУ Соборе. Архимандрит Варсонофий был сослан на три года в Нарымский край. А 15 августа последовал арест и митрополита Кирилла. Владыка был отвезен на автомобиле за город, там посажен в тюремный вагон и отправлен в Москву, где вновь заключен в тюрьму...

Второе пребывание митрополита Кирилла в Казани длилось около семи месяцев, но этого времени было достаточно, чтобы понять, насколько был высок авторитет Казанского архиерея. Предчувствуя возможность скорого ареста, митрополит Кирилл еще в июне 1922 года издал следующее распоряжение, направленное им в Административно-исполнительную канцелярию при управляющем Казанской епархией:

«На тот случай, если я почему-либо оказался лишенным возможности сам непосредственно руководить церковной жизнью епархии, управление епархиальными делами принимает на себя один из Преосвященных викариев по старшинству хиротонии. За отсутствием по каким-либо причинам возможности у старейшего из викариев вступить в управление епархией, власть епархиальная переходит к следующему в порядке старшинства Преосвященному. За богослужениями повсеместно в храмах епархии возносить имя только митрополита, пока он находится в живых. В случае же смерти митрополита, до назначения нового, повсеместно за богослужением возносить имя временно управляющего Преосвя-

щеннейшего викария. Кирилл, Митрополит Казанский и Свияжский. 1922 г. Июня 8/21 дня. Казань»[126].

Здесь важным является то обстоятельство, что митрополит Кирилл указывает на обязательность возношения имени «только митрополита» (причем вне зависимости от его возможности непосредственно управлять епархией) до тех самых пор, пока митрополит остается в живых. Имя же временно управляющего Казанской епархией должно возноситься только в случае смерти правящего архиерея в период до назначения нового управляющего епархией. Это частично объясняет позицию митрополита Кирилла в отношении поминовения заместителя патриаршего местоблюстителя, когда Казанский владыка полагал, что, прежде всего, должно поминаться имя патриаршего местоблюстителя митрополита Петра, поминовение же его заместителя может только допускаться.

Обновленческое ВЦУ было информировано местными живоцерковниками о позиции митрополита Кирилла (заключавшейся в том, что в случае если на Соборе отстоять православную линию не удастся, следует воспользоваться постановлением патриарха 1920 года об автономном управлении епархией). Это, конечно, не могло удовлетворить обновленцев. Поэтому арест митрополита Кирилла пришелся как нельзя кстати. Обновленческое ВЦУ сразу же озаботилось «документальным» оформлением «увольнения» митрополита Кирилла, чей авторитет даже из заключения и ссылки мог помешать раскольническим действиям обновленцев:

«Указ митрополиту Казанскому КИРИЛЛУ.

Высшее Церковное Управление настоящим сообщает Вам, что Вы устранены от управления Казанской епархией и уволены на покой с назначением местопребывания вне пределов Казанской епархии. Помещение, кассу, печать и дела Вы обязаны передать Уполномоченному ВЦУ прот. Порфирию ЧЕРКАСОВУ и без малейшего замедления выбыть из Казанской епархии. Председатель ВЦУ В. Красницкий. Управделами прот. М. Попов. Секретарь А. Невский»[127].

Сам развязно-распорядительный тон «указа» обновленческого ВЦУ за № 1415 от 27 августа 1922 года свидетельствует в пользу того, что «живоцерковники» несомненно были осведомлены об арес-

те митрополита Кирилла (именно так следует интерпретировать издевательскую фразу о «назначении местопребывания вне пределов Казанской епархии»). И уж откровенным издевательством является указание уже арестованному митрополиту сдать уполномоченному ВЦУ «помещение, кассу, печать и дела» и «без малейшего замедления выбыть из Казанской епархии», причем место «выбытия» почему-то не сообщалось. Данный указ явное свидетельство того, что для ВЦУ решение светской власти было руководством к действиям в области церковно-административной.

На место «уволенного на покой» владыки Кирилла обновленческим ВЦУ был прислан в Казань архиепископ Алексий (Баженов), архиерей старого поставления, признавший ВЦУ. Им было сформировано новое епархиальное управление — теперь уже полностью обновленческое[128]. Однако ни обновленческий архиепископ, ни обновленческое КЕУ (Казанское епархиальное управление) не были признаны викарными епископами Иоасафом (Удаловым), Афанасием (Малининым) и Андроником (Богословским), всеми монастырями епархии (кроме женского Богородицкого). Зато приходское духовенство в большинстве своем признало обновленческого архиепископа, хотя и тяготилось подобным признанием, ясно сознавая неканоничность назначения Алексия на место здравствующего митрополита Кирилла. Прихожане, в отличие от белого духовенства, заняли весьма недвусмысленную антиобновленческую позицию. Впрочем, всего через несколько месяцев, по освобождении из заключения Святейшего Патриарха Тихона, обновленчество в Казани потерпело сокрушительное поражение, хотя, поддерживаемое ГПУ, сохраняло свое влияние в части сельских приходов.

Между тем, митрополита Кирилла по-прежнему держали в заключении. Сын известного московского священника Иосифа Фуделя Сергей, сидевший вместе с митрополитом Кириллом в Бутырской тюрьме, вспоминал о нем как об удивительно светлой христианской личности. «Если Церкви нужно изменить что-то в ее обрядовых обычаях, которые она никогда не воспринимала как неизменяемые,— писал Сергей Фудель,— то это она делает просто и без всякого ореола. Митрополит Кирилл, сидя во «внутренней», спокойно, как он мне сам с улыбкой говорил, ел и постом баланду

Епископ Алексий (Баженов), в обновленчестве — митрополит Казанский

из кроликов, будучи монахом. В церкви бутырской камеры не было ни иконостаса, ни уставных книг, престол мог стоять на восток, а мог стоять и на запад, один священник причащался по-священнически в пиджаке, архиереи служили даже без омофоров»[129].

Митрополит Кирилл томился в московской тюрьме до января 1923 года, а затем был отправлен этапом в ссылку в Коми-Зырянский край.

Сергей Фудель, который оказался этапирован в одной партии ссыльных со священномучеником Кириллом, так вспоминал этот период: «Образ митрополита Кирилла Казанского, конечно, неизгладим из памяти. Высокий, очень красивый, еще сильный, несмотря на большие годы, он нес свое величие и светлость по тюрьмам и этапам России. Помню его входящего, точно в богатую приемную залу архиерейского дома, в нашу маленькую и невероятно клопиную камеру вятской тюрьмы. На нем была не громоздкая и нелепая шуба, а теплый меховой подрясник, твердо опоясанный ремешком, как древний кафтан, высокая меховая шапка и шарф, закрученный

поверху, с концами за пазухой, как это делали когда-то московские извозчики. Это был Илья Муромец, принявший под старость священство. В той камере нас застало Рождество 1922 года (здесь Рождество Христово указано по старому стилю, то есть Рождество 1922 года — это 25 декабря 1922 года.— *А. Ж.*) и была отслужена всенощная, и митрополит громогласно воспевал праздничный канон на пару с одним эсером, неожиданно оказавшимся хорошим церковным певцом. Мы стояли перед голой стеной, и облачений, конечно, уже не было, ведь мы были на этапе, но ирмосы канона звучали убедительно, как всегда.

Этапный период — самое тяжелое время для заключенного, но в присутствии старого митрополита унывать было совершенно невозможно. На худой конец он и в шахматы заставит играть, чтобы не падать духом. Помню, он играет с певчим эсером, и тот, переставляя фигуру, с некоторым ехидством ему говорит: «Известно, что восточные патриархи курят. А вы, владыко, курите?» — «Мало ли что еще делают восточные патриархи»,— с горечью отвечает митрополит!»[130]

Фудель подробно описывал в своих воспоминаниях как обстановку в вятской тюрьме в ожидании очередного этапирования к месту поселения, так и, собственно, само этапирование: «В Вятке мы сначала сидели, как уже сказал, в маленькой клопиной камере в очень небольшом составе: кроме владыки Кирилла и меня, там было еще четыре человека: архиепископ Фаддей, архимандрит Неофит (секретарь патриарха Тихона), певчий эсер... и один врангелевский офицер... Сидеть там было хорошо, но вскоре нас перевели в тюрьму при управлении ГПУ. Это был громадный сарай позади особняка на одной из центральных улиц, и там мы попали в большую кампанию эсеров и эсдеков. Совершать службу стало уже как-то затруднительно: кругом были, так сказать, не Мити Карамазовы и даже не Смердяковы, а просвещенные потомки Чернышевского, вежливо, но чуть презрительно поглядывавшие на попов и совершенно не понимающие, почему они, собственно, оказались вместе под тюремной крышей. Поэтому сидение наше в этом вятском сарае было неуютное и мы были рады, когда нас вызвали на этап, построили и повели. Скоро мы миновали центр и пошли пус-

тырями. Был хороший зимний вечер с добрым русским снежком, тихо опускавшимся на землю... На вокзале нас посадили в один вагон, но скоро мы и расстались: их повезли, кажется, в Котлас, а нас высадили задолго до него, на станице Мураши, чтобы везти 300 километров на лошадях в Усть-Сысольск: железной дороги тогда к нему еще не было... Путешествие длилось с неделю: ехали не спеша, так как начались большие морозы и мы, замерзая в санях, уговаривали своего проводника делать почаще привалы. Мы были, наверное, одной из первых партий массовой ссылки и уже несомненно первой церковной, поэтому на всех остановках и ночлегах к нам в избу сходился удивленный народ. Зырянский край был тогда еще совсем глухой, везде по избам пряли пряхи и горела, потрескивая, березовая лучина в поставце на железном подносе. Народ удивлялся, конечно, не нам, мирским и обычным, а невиданным фигурам архиереев, да еще почему-то ссылаемым к ним. Ко мне подошел как-то один мужичок и, хитро подмигнув, спросил: «За золото?» А к владыке Кириллу подошел другой мужичок и, молча встав перед ним на колени, вытащил из-за пазухи длинную бумагу. Оказалось, что он истец по многолетнему бракоразводному процессу, затерянному в давно исчезнувших дореволюционных канцеляриях»[131].

Небывалость явления ссыльных архиереев приводила в некоторое недоумение и растерянность даже местное начальство. «Когда мы, наконец, прибыли в Усть-Сысольск,— вспоминал С. Фудель,— нам это начальство предоставило для первого ночлега одну большую комнату. Вскоре появился самовар, и мы в полном составе и благодушии пили чай, когда открылась дверь и вошли два высоких человека в военных шинелях. Они подошли к столу, и один из них, глядя на сидевшего в центре владыку Кирилла, как-то приосанился и четко сказал: «Позвольте представиться: я начальник местного ГПУ (он назвал фамилию, но я забыл ее), а это мой заместитель товарищ Распутин». (Эта фамилия, конечно, запомнилась.) Тогда с добродушной улыбкой в глазах поднялся во весь свой рост владыка Кирилл, на любезность отвечая любезностью, сказал: «Позвольте и нам представиться» — и он назвал себя и каждого из нас»[132].

Вероятно, именно об этих годах зырянской ссылки, в которой митрополит Кирилл находился в общей сложности с 1923 по октябрь

1926 года, сохранилось предание о том, как владыку везли лодкой в верховья Вычегды, причем везшие его стрелки не кормили его, и только лодочники тайком давали владыке хлеба. Когда приехали на место поселения, то митрополита Кирилла оставили под присмотром хозяина одной избы — единственного жилья на всю округу.

Пропитание себе митрополит Кирилл должен был добывать сам (владыка смастерил удочку и питался той рыбой, которую ему удавалось выловить и сварить в старой консервной банке). Святитель был так измучен и изможден подобным несносным существованием в этом пустынном крае, что даже прослезился, когда верная монахиня Евдокия (Перевезникова), «заботница», как ласково именовал ее митрополит Кирилл, едва разыскавшая его в этой глуши, застала владыку на берегу за вынужденным промыслом[133]. Но этот рассказ, несомненно, относится к более поздним (усть-куломскому или усть-ухтинскому) периодам его коми-зырянской ссылки, в том числе и потому, что в Усть-Сысольске монахиня Евдокия была.

В Усть-Сысольске[134] на поселении вместе с митрополитом Кириллом оказался и архимандрит Неофит (Осипов), ризничий и личный секретарь Святейшего Патриарха Тихона. Архимандрит Неофит прекрасно знал Псалтирь, так что мог по указанию номера стиха воспроизвести псалом наизусть. Толкования отцом Неофитом библейских текстов, в том числе и псалмов, очень высоко ценили все знавшие его. Известно, что архимандрит Неофит составил несколько трудов по экзегетике, о которых высоко отзывались и митрополит Кирилл, и епископ Афанасий (Сахаров). Спустя 11 лет (25 апреля 1934 года) митрополит Кирилл в своем очередном письме архимандриту Неофиту, к которому неизменно обращался «Авва мой родной», писал: *«С духовным наслаждением проследил я данное Вами раскрытие смысла 1-го псалма. Ваши десять полулисточков показывают, каким методом должна созидаться вся система православного нравственного богословия. Горе нам, что таких библеистов, какие нужны для этого созидания, у нас едва ли имеется кто-нибудь, кроме Вас. И да сохранил бы [Господь] на дольше силы Ваши и жизнь, чтобы Вы успели дать как можно больше образов надлежащего пользования Библией»*[135].

В мае 1923 года в Усть-Сысольск на поселение прибыл епископ Серафим (Звездинский) и сопровождавшие его монахини. Все вместе они направились к старцу-митрополиту и застали его дома: «В белом подряснике, веселый, бодрый, величавый, он принял гостей радушно, угощая чаем при хлопотах м. Евдокии, постоянной его спутницы»[136].

В Усть-Сысольске в это же время находились в ссылке Сергей Фудель и его сестра Мария. Фудель многие годы хранил в сердце образ старца-митрополита. «Наша епархия теперь вот! — сказал как-то митрополит Кирилл и широким жестом показал на сидевших в комнате двух-трех близких ему людей.— Теперь мы совсем по-иному должны осознавать свои задачи. Довольно мы ездили в каретах и ничего не знали...» Помню, как в Прощеное воскресенье он — старый, грузный — опускается на колени, чтобы поклониться до земли своей келейнице Евдокии, несшей тяготу его скитальческой жизни».

И еще Сергей Фудель вспоминал об удивительных религиозных чувствах, которые он пережил благодаря митрополиту Кириллу: «В нем совсем не было иерархической елейности. Помню его, принимающего меня на исповеди у себя в комнате в зырянской ссылке. Епитрахиль на серебристой волне волос, опускающихся на плечи, на руке синие, нитяные, затертые от молитвы четки, низкий голос говорит: «Мы, священники, видим в этом таинстве свое, особое назначение». Потом его рука прижимает к груди мою голову, и чувствуешь холодок и запах епитрахили и все тепло этого простейшего человека. Он все собирался венчать меня с моей невестой и совершить это у себя в комнате, но неожиданно до назначенного срока его перевели в Усть-Кулом...»[137]

Вероятно, летом 1923 года митрополит Кирилл оказался на поселении в г. Усть-Кулом Коми-Зырянского края.

Здесь или в ближайших селах проживали епископ Новоторжский Феофил (Богоявленский), епископ Петергофский Николай (Ярушевич), священник из Великого Устюга Михаил Шилов и из Петрограда отец Петр Иваницкий, проездом на поселение был епископ Ковровский Афанасий (Сахаров). Именно к тому времени относится начало духовной дружбы владыки Кирилла и Афанасия,

который почитал митрополита своим духовным отцом. Здесь начинается и духовная дружба епископа Афанасия и архимандрита Неофита, которые также будут переписываться, а после смерти архимандрита Неофита владыка Афанасий унаследует его рукописные труды[138]. В это же время в Усть-Кулом приезжает сосланный в мае 1923 года епископ Кинешемский Василий (Преображенский)[139]. Митрополит Кирилл подарил епископу Василию свое архиерейское облачение, которое тот, почитая владыку-митрополита, бережно хранил, а перед смертью благословил разрезать на части и раздать своим духовным чадам как великую святыню.

Ссыльные иерархи совершали службы в небольшой таежной избушке, и все, безусловно, признавали авторитет Казанского святителя. Общение с митрополитом Кириллом оставило в душе епископа Василия неизгладимое впечатление. Отныне владыка Василий, как и епископ Афанасий, стал духовным чадом митрополита Кирилла[140]. По всем важнейшим вопросам церковной жизни епископ Василий будет советоваться с митрополитом Кириллом. Столь же трепетное почитание владыки митрополита стяжал и келейник епископа Василия — Александр Павлович Чумаков, разделявший со своим духовным отцом трудности ссыльного изгнания и тюремного заключения. Это об Александре Павловиче митрополит Кирилл скажет: «Много я видел келейников, но такого, как Александр Павлович, не видел»[141].

В 1924 году Евгений Тучков, начальник VI отделения СО ОГПУ предложил Святейшему Патриарху Тихону вернуть из ссылки многих архиереев, с тем чтобы вновь учредить Синод (возможно, в прежнем составе) при условии, что в него будет входить Владимир Красницкий. Красницкий являлся одним из наиболее одиозных деятелей обновленчества, был возведен первым обновленческим Собором в мае 1923 года в сан «протопресвитера всея Руси», а в апреле 1924 года принес притворное покаяние патриарху Тихону. Святейший Патриарх на настойчивые требования Тучкова ввести Красницкого в состав Высшего Церковного Совета, сказал, что ему необходимо, прежде всего, посоветоваться с членами прежнего Синода, находившимися в ссылке. Если они не будут возражать, то и он, патриарх, возражать не будет. Тогда из ссылок стали вызывать-

ся архиереи, среди которых был и митрополит Кирилл, вызванный из Усть-Кулома в июне 1924 года.

Позднее, в феврале 1930 года митрополит Кирилл вспоминал: *«Прибывши в Москву и явившись в ОГПУ, я узнал от Е. А. Тучкова, что цель моего вызова — привлечение меня к сотрудничеству в учреждаемом при патриархе Синоде. Восстановляется и Высший Церковный Совет, словом, весь учрежденный Собором 1917 года аппарат. Но в состав Высшего Церковного Совета должны войти шесть человек из обновленческой группы с протопресвитером Красницким во главе. Красницкий уже принес покаяние и находится в общении с патриархом, о чем патриарх сам меня осведомит, и к нему было разрешено мне отправиться для беседы. Из последовавшей затем беседы с патриархом я узнал, что переговоры с Красницким о примирении действительно были, но никаких положительных результатов не дали и, судя по газетным выступлениям Красницкого, заявляющего, что ему каяться не в чем, дать не могут. Считать восстановлением общения молитвенного с Красницким то обстоятельство, что Красницкий явился на Пасху к патриарху и произнес «Христос воскресе», также нельзя. В виду такого положения дела, я в следующих беседах с Е. А. Тучковым совершенно решительно заявил, что участвовать в учреждении при сотрудничестве Красницкого я не могу, так как не верю в искренность его покаяния, если бы он даже и принес таковое. Но и при возможности искренности покаяния нахожу непозволительным премировать кающегося грешника высшим возможным для пресвитера положением в Церкви вместо прохождения покаянной дисциплины. Поставление мне на вид того обстоятельства, что патриарх иначе относится к Красницкому и я должен последовать его примеру, я разрешал в своей совести тем, что если таковое инакое отношение со стороны патриарха предполагалось, то самим патриархом оно не подтверждено в беседе со мною, и домашнее молитвенное общение его с Красницким, если оно имело место, есть дело личной патриаршей совести и моему суждению не подлежит. Дня через два после этого надобности в беседах на указанную тему не стало, т. к. патриарх на письменное обращение к нему какой-то делегации о хранении чистоты Православия ответил*

резолюцией от 26 июня [ст. ст.] 1924 года за № 523, которой переговоры с Красницким о примирении и дело об учреждении при патриархе Высшего Церковного Управления прекращались. Я же после сего спешно был возвращен на место своей ссылки, срок которой должен был окончиться в конце ноября 1924 года»[142].

Такова реконструкция событий со слов митрополита Кирилла, сказанных на следствии в 1930 году.

По другому свидетельству (в целом, вполне согласующемся с показаниями владыки Кирилла), во время встречи со Святейшим Патриархом в ответ на вопрос — зачем Святейший собирается ввести обновленцев в Высший Церковный Совет, митрополит услышал: «Я болею сердцем, что столько архипастырей в тюрьмах, а мне обещают освободить их, если я приму Красницкого». На это владыка Кирилл сказал: «Ваше Святейшество, о нас, архиереях, не думайте. Мы теперь только и годны на тюрьмы». Патриарх вычеркнул фамилию Красницкого из подписанной бумаги и просил митрополита Кирилла, отправлявшегося к Тучкову, передать эту бумагу.

Когда митрополит Кирилл явился к Тучкову и разговор зашел о Красницком, владыку стали упрекать, что он не слушает Святейшего, который желает принять Красницкого. «Не понимаю,— с достоинством сказал владыка Кирилл,— год тому назад на этом самом месте вы меня обвиняли в чрезмерном повиновении патриарху, а теперь требуете обратного». И архипастырь показал бумагу Святейшего. Тучков, узнав, что митрополит Кирилл повлиял на ход дела в нежелательном для ГПУ направлении, тут же возвратил его на место прежней ссылки[143].

Несмотря на то, что срок ссылки должен был закончиться в ноябре 1924 года, уведомление об окончании ссылки и разрешение явиться в Усть-Сысольск для получения документов на проезд к месту постоянного жительства иерарх-исповедник получил только в мае 1925 года, накануне смерти патриарха Тихона[144].

7 апреля 1925 года в 23 часа 45 минут Святейший Патриарх Тихон мирно[145] почил в Бозе. Сонмом архипастырей и пастырей при небывалом стечении верующих почивший Святейший Патриарх торжественно был погребен в Донском монастыре 12 апреля в храме в честь Донской иконы Божией Матери.

В заботе о сохранении преемства власти церковной и канонического строя управления Церковью Божией Святейший Патриарх Тихон составил при жизни 25 декабря 1924 года (7 января 1925 г.) завещание, которое в присутствии сонма архипастырей и было оглашено[146].

Завещание было следующим: «В случае Нашей кончины Наши Патриаршие права и обязанности, до законного выбора нового патриарха, предоставляем временно Высокопреосвященному митрополиту Кириллу. В случае невозможности по каким-либо обстоятельствам вступить ему в отправление означенных прав и обязанностей, таковые переходят к Высокопреосвященному митрополиту Агафангелу. Если же и сему митрополиту не представится возможности осуществить это, то наши Патриаршие права и обязанности переходят к Высокопреосвященному Петру, митрополиту Крутицкому. Доводя о настоящем Нашем распоряжении до общего сведения всех Архипастырей, пастырей и верующих Церкви Российской, считаем долгом пояснить, что сие распоряжение заменяет таковое наше распоряжение, данное в ноябре месяце 1923 года. Тихон, Патриарх Московский и всея России. 25 декабря 1924 г./ 7 января 1925 г.»[147].

Это завещание показывало, насколько высоко ценил святитель Тихон митрополита Кирилла, называя его первым в числе иерархов, достойных принять на себя бремя ответственности за управление Церковью в период, когда Русская Церковь останется без патриарха. Называя митрополита Кирилла первым, святитель Тихон косвенно указывал на него как на иерарха, наиболее достойного быть избранным в патриархи.

Владыка Кирилл в момент кончины Святейшего Патриарха Тихона находился в ссылке и не мог прибыть в Москву. Поэтому Собор из 61 епископа Русской Церкви, ознакомившись с Патриаршим завещанием, постановил следующее: «Убедившись в подлинности документа и учитывая: 1) то обстоятельство, что почивший патриарх при данных условиях не имел иного пути для сохранения в Российской Церкви преемства власти и 2) что ни митрополит Кирилл, ни митрополит Агафангел, не находящиеся теперь в Москве, не могут принять на себя возлагаемых на них вышеприведенным документом

обязанностей, мы, Архипастыри, признаем, что Высокопреосвященный митрополит Петр не может уклониться от данного ему послушания и во исполнение воли почившего ПАТРИАРХА должен вступить в обязанности патриаршего местоблюстителя»[148].

А в это время митрополит Кирилл, находившийся в Усть-Сысольске в ссылке, получил освобождение. Узнав о кончине Святейшего Патриарха Тихона, владыка Кирилл намеревался поехать в Москву, однако власти не позволили митрополиту отправиться в столицу, опасаясь активного влияния авторитетного иерарха на ход церковных дел. Епископ Серафим (Звездинский) и сопровождавшие его в пути духовные чада, покидая в конце апреля 1925 года[149] Усть-Сысольск и направляясь на поселение в Дмитров, прощались с митрополитом Кириллом, который при расставании сказал: *«Видел я сон: стою на берегу бушующей реки, а мне надо следовать по ней. Вдруг огромная льдина преградила путь. Видно, мне сейчас закрыт путь в Москву, а что будет, Богу известно»*[150]. Очевидица этих событий вспоминала: «Когда мы были уже на пароходе, митрополит Кирилл, в белом подряснике, стоял на берегу, провожая владыку Серафима в новый путь, на новые подвиги и испытания»[151].

Новые испытания ожидали впереди и самого владыку Кирилла. Вступление митрополита Петра в права местоблюстителя, признанное Собором епископов, вполне устраивало гражданские власти. Митрополит Петр не был столь опытен в церковно-административных делах, как митрополит Кирилл, и не проявлял еще такой непреклонности, как Казанский святитель. В результате, вместо освобождения митрополит Кирилл получил новую ссылку в еще более отдаленное место, чем прежде,— в станок Переволок (Коми-Зырянского края) на р. Ухте.

Митрополит Петр, вступив в права местоблюстителя, продолжил твердую в вопросах веры позицию противления обновленчеству, украинским самосвятам и прочим расколам. Лояльность по отношению к государству, которую декларировал местоблюститель, была лишена роняющих достоинство Церкви заявлений об идеологической близости с государством или о том, что Церковь пользуется в советском государстве свободой[152]. Несмотря на то что

Епископ Новгород-Северский Пахомий (Кедров)

власти ожидали от митрополита Петра компромисса с обновленцами, патриарший местоблюститель своим посланием от 28 июля 1925 года резко отклонил всякую возможность переговоров с обновленчеством. Кроме того, митрополита Петра окружали архиереи из так называемой «даниловской» группы: епископы Парфений (Брянских), Иоасаф (Удалов), Амвросий (Полянский), Прокопий (Титов), Тихон (Шарапов), Николай (Добронравов), Дамаскин (Цедрик), Гурий (Степанов), Пахомий (Кедров), Герман (Ряшенцев). Все это были архипастыри, разделяющие взгляды митрополита Петра как на обновленческий раскол, так и на характер возможных переговоров со светской властью. Наверное, не случайно все эти архипастыри (кроме епископов Парфения, Николая и Дамаскина) окончили Казанскую Духовную академию, в которой в период с 1895 по 1900 год ректорствовал епископ Антоний (Храповицкий) и в которой иночествующее студенчество духовно окормлялось у преподобного старца Гавриила Седмиезерского. Впрочем, епископ Дамаскин (Цедрик) окончил факультет восточных языков

в Казани, и потому личность его также формировалась под влиянием личности старца Гавриила и идей епископа Антония об ученом монашестве[153].

Митрополит Петр проявлял заботу о судьбе вверенного ему духовенства. Известно, что епископу Парфению (Брянских), управлявшему после ареста владыки Феодора (Поздеевского) Даниловским монастырем, митрополит Петр передавал деньги для отправки их томящемуся в заключении духовенству. Патриарший местоблюститель и сам направлял деньги находившимся в ссылках митрополиту Кириллу (Смирнову), архиепископу Никандру (Феноменову), секретарю патриарха Тихона Петру Гурьеву и др.; благословлял приходские причты жертвовать деньги и продукты в пользу заключенных священнослужителей[154].

Непреклонная и твердая позиция митрополита Петра в переговорах со светской властью заставила ГПУ предпринять меры к изоляции местоблюстителя патриаршего престола. 9 декабря 1925 года, через неполные восемь месяцев управления Русской Православной Церковью, митрополит Петр был арестован, успев накануне оставить два документа. Первый из них, датированный 5 декабря 1925 года, гласил, что в случае кончины митрополита Петра права и обязанности патриаршего местоблюстителя «до законного выбора нового патриарха» переходили временно, согласно завещанию Святейшего Патриарха Тихона, митрополиту Кириллу и митрополиту Агафангелу. «В случае невозможности, по каким-либо обстоятельствам, тому и другому митрополиту вступить в отправление означенных прав и обязанностей, таковые,— указывал митрополит Петр,— передать Высокопреосвященнейшему митрополиту Новгородскому Арсению. Если же и сему митрополиту не представится возможным осуществить это, то права и обязанности патриаршего местоблюстителя переходят к Высокопреосвященнейшему митрополиту Нижегородскому Сергию»[155].

Но уже на следующий день митрополит Петр пишет другой документ, сознавая, что вполне может возникнуть ситуация, когда он будет не физически устранен (ведь завещание составлено на случай «кончины»), а изолирован от внешнего мира, удален от возможности управления Церковью. Этим вторым документом не от-

меняется первый, а только дополняется. Митрополит Петр стремится предусмотреть все возможные последствия своего неизбежного ареста, понимая, что митрополиты Кирилл и Агафангел уже искусственно лишены гражданской властью возможности управления Церковью. Поэтому временное исполнение обязанностей патриаршего местоблюстителя митрополит Петр поручает митрополиту Нижегородскому Сергию. «Если же сему митрополиту не представится возможности осуществить это, то во временное исполнение обязанностей патриаршего местоблюстителя вступит Высокопреосвященнейший Михаил, Экзарх Украины или Высокопреосвященнейший Иосиф, архиепископ Ростовский, если митрополит Михаил лишен будет возможности выполнить это мое распоряжение»[156].

А далее — очень важное уточнение: «Возношение за богослужением моего имени, как патриаршего местоблюстителя, остается обязательным». Следовательно, непременным условием замещения патриаршего местоблюстителя являлось поминовение митрополита Петра как патриаршего местоблюстителя.

Таким образом, именно тех, кто не поминал за богослужением митрополита Петра как патриаршего местоблюстителя, следовало бы называть «непоминающими»[157]. Вместе с тем, в историографии сложилась устойчивая традиция именовать «непоминающими» тех, кто не поминал за богослужениями заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), поминая только патриаршего местоблюстителя митрополита Петра.

Возвращаясь к распорядительным документам митрополита Петра, определяющим преемство церковной власти, следует признать эти документы результатом попечения патриаршего местоблюстителя о Церкви в сложной ситуации, когда гражданская власть проводила курс на дестабилизацию и децентрализацию высшего церковного управления. И все-таки санкционирование митрополитом Петром института заместителей местоблюстителя привело не только к неизбежному осложнению ситуации с церковным управлением, но и создало печальный правовой прецедент. Все-таки завещание Святейшего Патриарха Тихона было освящено чрезвычайной санкцией Поместного Собора Россий-

ской Церкви. Два документа, оставленных митрополитом Петром, вносили опасный прецедент узаконения чрезвычайных, экстраординарных форм церковного управления без соборной церковной санкции.

Между тем первый из названных Святейшим Патриархом Тихоном кандидатов в патриаршие местоблюстители — митрополит Кирилл по-прежнему находился в ссылке.

Священномученика Кирилла всегда отличала высокая нравственная чуткость, какую он применял при решении любого вопроса. Яркий пример такого подхода к вопросу, казалось бы вполне бытовому, являет собой письмо митрополита Кирилла в «Политический Красный Крест» от 25 июня 1926 года: *«15-го сего июня доставлен мне в Переволок с оказией из Усть-Ухты денежный перевод на десять руб., отправленный из Москвы 22/XII-25 г. за № 6090. Очень тронутый проявленным ко мне вниманием и принося за него благодарность, считаю для себя обязательным возвратить присланную сумму к ее источнику. Я никогда не принадлежал ни к какой политической организации и не могу принимать денежную помощь от учреждения, вызванного к жизни последствиями политической борьбы. Административно-ссыльный митрополит Кирилл (К. И. Смирнов)»*[158]. Это письмо — прекрасное подтверждение нашего суждения о том, что в вопросах христианской этики митрополит Кирилл стоял на позициях акривии*. Никакой компромисс с совестью им не принимался, поскольку он в сознании глубоко верующего святителя Кирилла оскорблял достоинство не только церковной иерархии, но и самой Церкви.

17 июня 1926 года митрополит Кирилл был вывезен из Переволока Усть-Ухтинской волости Ижемского уезда и 25 июня «водворен на жительство в Усть-Сысольск»[159]. Здесь только он узнает о декабрьском (1925 года) аресте митрополита Петра, григорианском расколе, вступлении митрополита Сергия (Страгородского) в полномочия заместителя местоблюстителя, а также о переписке

---

* *Акривия* — неукоснительная точность, строгость в исполнении чего-либо, в данном случае — церковных канонов.

митрополита Сергия с заключенным митрополитом Петром, что способствовало стабилизации церковного управления и отмене патриаршим местоблюстителем прежнего своего решения об учреждения григорианской коллегии. Как впоследствии вспоминал митрополит Кирилл: *«Ознакомившись по возвращении в Усть-Сысольск с тогдашним церковным положением, я не мог мысленно не приветствовать твердость митрополита Сергия в охранении того церковного устроения, какое принято было митрополитом Петром после почившего патриарха».*

«ТАЙНЫЕ ВЫБОРЫ ПАТРИАРХА» 1926 ГОДА

Отсутствие сведений о судьбе митрополита Петра, его местопребывании и состоянии здоровья стали порождать опасения за саму его жизнь. Аресты и ссылки епископов, прямая угроза митрополиту Сергию, ввиду его нежелания в то время идти на унижающие церковное достоинство компромиссы со светской властью, отсутствие на свободе надежных и испытанных епископов, которым бы митрополит Сергий мог передать управление Церковью в случае своего ареста, неопределенность положения в случае смерти митрополита Петра, с каковою должны были бы прекратиться полномочия и митрополита Сергия, наконец, не вполне ясные перспективы полномочий митрополитов Кирилла и Агафангела — все это, видимо, вынудило некоторых иерархов поднять вопрос о своевременности и целесообразности решительного пересмотра вопроса об управлении Православной Церковью, дабы обеспечить ее законным и отвечающим своему назначению руководством, даже и в том случае, если бы «внезапно» умер митрополит Петр.

Осенью 1926 года, по мнению группы епископов, близких митрополиту Сергию (среди инициаторов назывались архиепископ Иларион (Троицкий)[160], в действительности к этому непричастный, и епископ Павлин (Крошечкин), наиболее целесообразное решение вопроса об управлении Православной Церковью следовало видеть в немедленном же избрании нового патриарха, если не на всеобщем Соборе духовенства и мирян, то на Соборе епископов,

а ввиду невозможности его созыва — путем опроса и собирания мнений большинства православных епископов. Избранный таким образом патриарх, даже если бы он и был в ссылке, во-первых, мог бы ясно и определенно установить авторитетный для всех порядок преемства власти, а во-вторых, возглавил бы Церковь в тот сложный момент, когда ей предстояло определить допустимые пределы компромисса с властью. Кроме того, сами выборы патриарха способствовали бы общецерковному воодушевлению и резкому укреплению позиций православных (или как их называли — тихоновцев, староцерковников) и ослаблению влияния на церковные дела обновленчества.

Стоит ли говорить, что это осознавала и светская власть и потому внимательно отслеживала всякое брожение в среде православной церковной иерархии.

Что касается канонической стороны дела, то епископы-инициаторы, с которыми, видимо, соглашался и митрополит Сергий, находили, что при наличии подписей подавляющего большинства епископов под актом выборов, таковые были бы неоспоримы и с канонической стороны[161].

Однако каноническая сомнительность этого предприятия состояла не в том, что избрание патриарха осуществлялось без мирян (на древних Соборах участвовали исключительно клирики, не считая, конечно, императоров) или что выборы происходили путем опроса епископов, без созыва Собора, а только через изъявление своей воли посредством подписи за того или иного кандидата, ибо согласно 4-му правилу I Вселенского Собора и 4-му правилу VII Вселенского Собора[162] в случае если епископы области не могут принять участие в избрании епископа, то по крайней мере трое «во едино место да соберутся, а отсутствующие да изъявят согласие посредством грамат» (это каноническое правило можно без сомнения распространить и на избрание патриарха). Однако и это еще не последнее условие избрания (именно избрания, а не поставления) епископа (патриарха). Утверждать эти действия должен митрополит области. В рассматриваемой ситуации избрание патриарха не может, конечно, утверждаться кем-либо, кроме самого Собора, но утверждающие функции на предварительной стадии

выборов (вернее — инициатива подобных выборов) должны принадлежать патриаршему местоблюстителю. Таким образом, выборы патриарха не должны происходить в обход патриаршего местоблюстителя. У нас же нет полной уверенности в том, что «тайные выборы патриарха» в 1926 годы не оставались тайными и для митрополита Петра, во всяком случае до тех пор, пока не последовали аресты инициаторов этих выборов. В этом-то и состояла основная каноническая двусмысленность предпринятой попытки выборов патриарха.

Трудность задуманного предприятия заключалась в том, что, во-первых, необходимо было посетить православных епископов, томившихся в ссылках и тюрьмах, разбросанных по необъятным просторам СССР (от Сибири и Казахстана до Коми-Зырянской области). Во-вторых, собирать подписи заключенных и ссыльных иерархов следовало конспиративно и в кратчайшие сроки, что было трудно осуществить при тотальной слежке, организованной ГПУ. Впрочем, некоторые современные церковные историки (например, иеромонах Дамаскин (Орловский) не сомневаются, что ГПУ было осведомлено о «выборах» с самого начала. «Мероприятие с тайными выборами патриарха,— пишет во втором томе своего исследования иеромонах Дамаскин (Орловский),— если и не было целиком задумано в секретном отделе ГПУ, то во всяком случае было им прослежено от начала»[163]. Это замечание, если оно, конечно, справедливо, бросает определенную тень и на самих инициаторов выборов.

История этих выборов до сих пор не вполне ясна. «Дело» о «тайных выборах патриарха», хранящееся в ведомственном архиве, имеет неудовлетворительный вид и страдает отсутствием многих важных документов, в числе которых упоминающееся в деле как изъятое при аресте епископа Павлина (Крошечкина) обращение митрополита Сергия по поводу предпринимаемых выборов, формы выборных бюллютеней и пр. Посему мы приведем две наиболее распространенные теперь версии этих тайных выборов.

Согласно первой версии, основанной больше на предании, нежели на документальных материалах, и существовавшей уже давно, но в последнее время дополненной некоторыми новыми фактами,

по единогласному решению епископов-инициаторов кандидатом в патриархи был избран митрополит Казанский Кирилл, томящийся в ссылке с 1922 года и не раз являвший свою стойкость в Православии. Как раз настал конец срока ссылки Казанского владыки (осень 1926 года), и можно было, хотя и без особой уверенности, надеяться на его освобождение. Митрополит Сергий составляет особое тайное обращение к епископам, в котором излагает сущность предпринятого мероприятия.

С этим обращением митрополита Сергия епископ Рыльский Павлин (Крошечкин), архимандрит Таврион (Батозский) и еще несколько близких митрополиту Сергию лиц стали объезжать епископов, собирая подписи[164]. Доверенные лица парами посещали епископов. Один из посланцев являлся к епископу, а затем помеченный бюллетень передавал второму, чтобы сохранить бюллетень в случае ареста того, кто посещал ссыльного епископа. Один из таких посыльных, участвовавших в объезде епископов, впоследствии игумен Иоанн (Котляревский), свидетельствовал, что в бюллетенях была не одна кандидатура митрополита Кирилла, а три, причем третьим кандидатом в патриархи значился митрополит Сергий (Страгородский)[165]. В ноябре 1926 года были собраны уже подписи 72 епископов под актом избрания митрополита Кирилла патриархом, за второго кандидата проголосовало немного епископов[166], за митрополита Сергия было подано не более одного голоса. Но именно в тот момент, когда казалось, что вопрос об избрании нового Всероссийского патриарха почти решен, был внезапно арестован епископ Павлин (Крошечкин), находившийся проездом в Москве. Вслед за этим последовали и другие аресты. Были арестованы и епископы, чьи подписи стояли одними из первых под актом избрания митрополита Кирилла патриархом — архиепископ Корнилий (Соболев), епископ Григорий (Козлов) и др. Арестовали в Нижнем Новгороде и митрополита Сергия, который в декабре 1926 года был переведен в Москву. В ссылке, в Зырянском крае (по другим не вполне достоверным сведениям — при возвращении из ссылки, при подъезде к Казани[167]) митрополит Кирилл был арестован и препровожден в Вятскую тюрьму. Митрополит Сергий был помещен во внутреннюю тюрьму ГПУ в Москве.

По утверждению епископа Павлина и митрополита Сергия никакие документы компрометирующего характера не попали в ГПУ. Однако многих церковных иерархов смутило то обстоятельство, что если арестованные по этому «делу» епископы были сосланы во все концы СССР по лагерям и ссылкам, то наиболее активные из устроителей выборов нового патриарха — епископ Павлин и митрополит Сергий оказались в скором времени на свободе[168].

Если следовать этой версии, то выборы фактически состоялись, ведь нельзя же игнорировать мнение 72 православных епископов, почти единогласно высказавшихся за кандидатуру митрополита Кирилла. Но здесь возникает закономерный вопрос: почему это мнение все-таки проигнорировали, причем проигнорировали сами иерархи, участвовавшие в выборах? Почему в полемике, возникшей после издания памятной Декларации между «непоминающими» и митрополитом Сергием, столь явный аргумент в пользу «антисергиевской оппозиции» так и не был использован? Среди 72 подписавшихся были те, кто после 1927 года оказался в оппозиции митрополиту Сергию. Так почему же ни у митрополита Иосифа, ни у других «непоминающих» иерархов (о которых нам доподлинно известно, что они подписали выборные бюллетени) мы не находим аппеляций к результатам «тайных выборов» 1926 года? Столь естественными вопросами в нашей церковно-исторической науке почему-то никто не задавался.

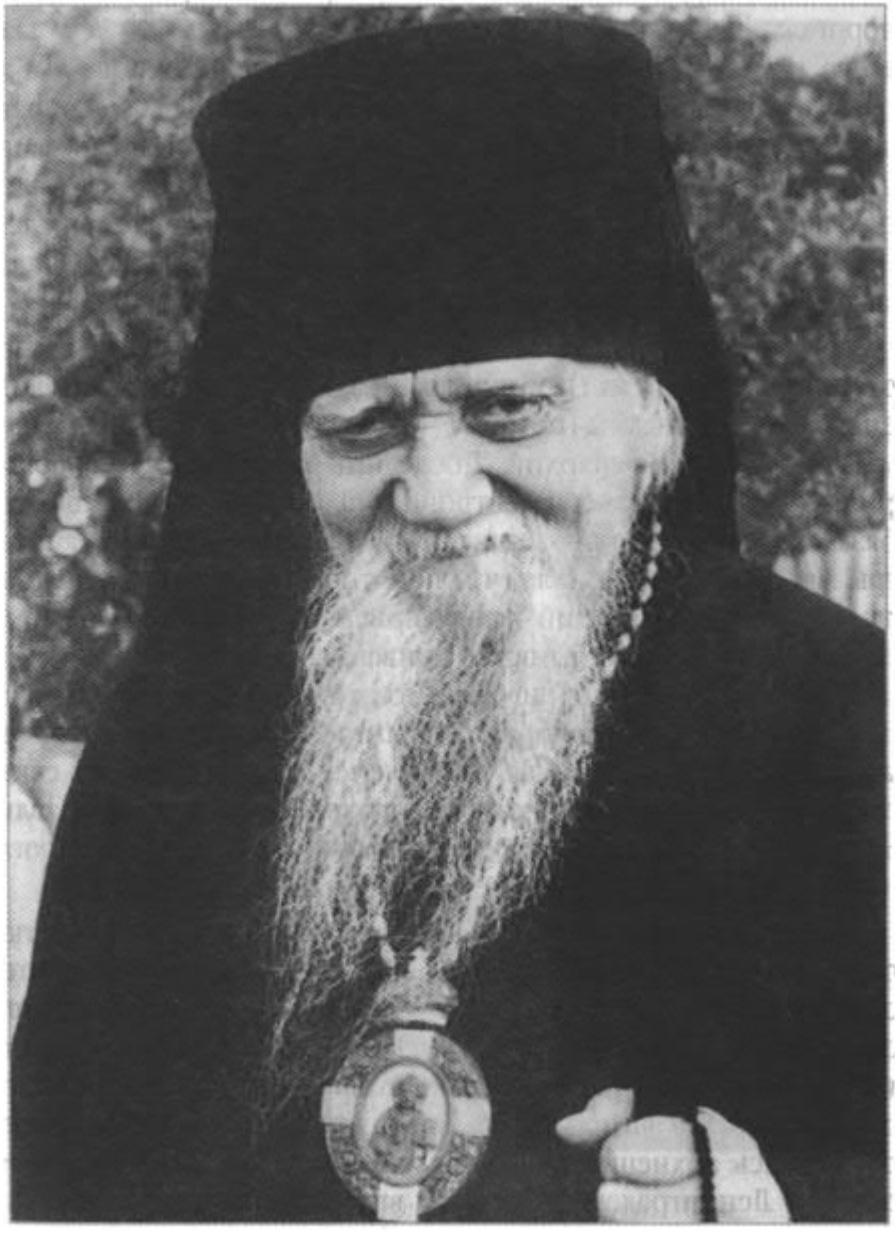
Ответы на эти вопросы мы постараемся сформулировать ниже, а пока приведем вторую версию, которая возникает после исследования тех ведомственных материалов, что хранятся в соответствующем архивно-следственном деле.

Из материалов дела по так называемым «тайным выборам патриарха» вырисовывается более полная и несколько иная картина событий, произошедших осенью 1926 года. Одновременно подобная реконструкция ставит перед нами новые, пока неразрешимые вопросы.

Инициатором проведения «тайных выборов патриарха» являлся епископ Павлин (Крошечкин), бывший викарием Курской епархии. Осужденный еще в 1923 году Курским губсудом по ст. 91 УК РСФСР на два года тюрьмы без строгой изоляции владыка Павлин

после своего освобождения был 14 октября 1926 года назначен митрополитом Сергием на Полоцкую (Витебскую) кафедру, на каковую, по определенным причинам, ехать не хотел и, как еще не получивший официального уведомления о новом своем назначении, решил отправиться в Нижний Новгород к заместителю патриаршего местоблюстителя. Но епископа Павлина заботила не только собственная судьба. Он предложил митрополиту Сергию обратиться к православной иерархии с предложением путем опроса (через сбор письменных мнений) избрать первоиерарха с титулом патриарха[169], причем в качестве наиболее подходящей кандидатуры епископ Павлин указывал на митрополита Казанского Кирилла. Но митрополит Сергий на предложение это отвечал неопределенно и уклончиво, заявив, что «сам он этого дела начать не сможет, и что непременным условием его (дела.— *А. Ж.*) начала является обращение к нему (митрополиту Сергию.— *А. Ж.*) епископов»[170]. Предъявленное же епископом Павлином обращение на имя митрополита Сергия, подписанное архиепископом Корнилием (Соболевым), епископом Павлином и епископом Афанасием (Сахаровым), было признано митрополитом Сергием недостаточным. «Для моего обращения к иерархии по этому поводу,— заявил заместитель патриаршего местоблюстителя,— необходимо иметь более половины подписей под документом, примерно до 20—30»[171]. Эта цифра была названа митрополитом Сергием, вероятно, исходя из числа иерархов (60 архипастырей)[172], подписавших 30 марта (12 апреля) 1925 года документ о вступлении митрополита Петра в права патриаршего местоблюстителя и находившихся в пределах досягаемости для выяснения их мнения по этому вопросу. Неопределенность же необходимого и достаточного числа подписей (от 20-ти до 30-ти) показывает, что митрополит Сергий осознавал, что с 1925 года многие из иерархов, прежде находившихся на свободе, к осени 1926 года уже томились в заключении, и потому не смогут высказать своего мнения.

После беседы с заместителем патриаршего местоблюстителя епископ Павлин составляет текст обращения к митрополиту Сергию. О характере текста этого обращения сообщал сам владыка Павлин на допросе: «Ввиду тревожного положения Церкви жела-

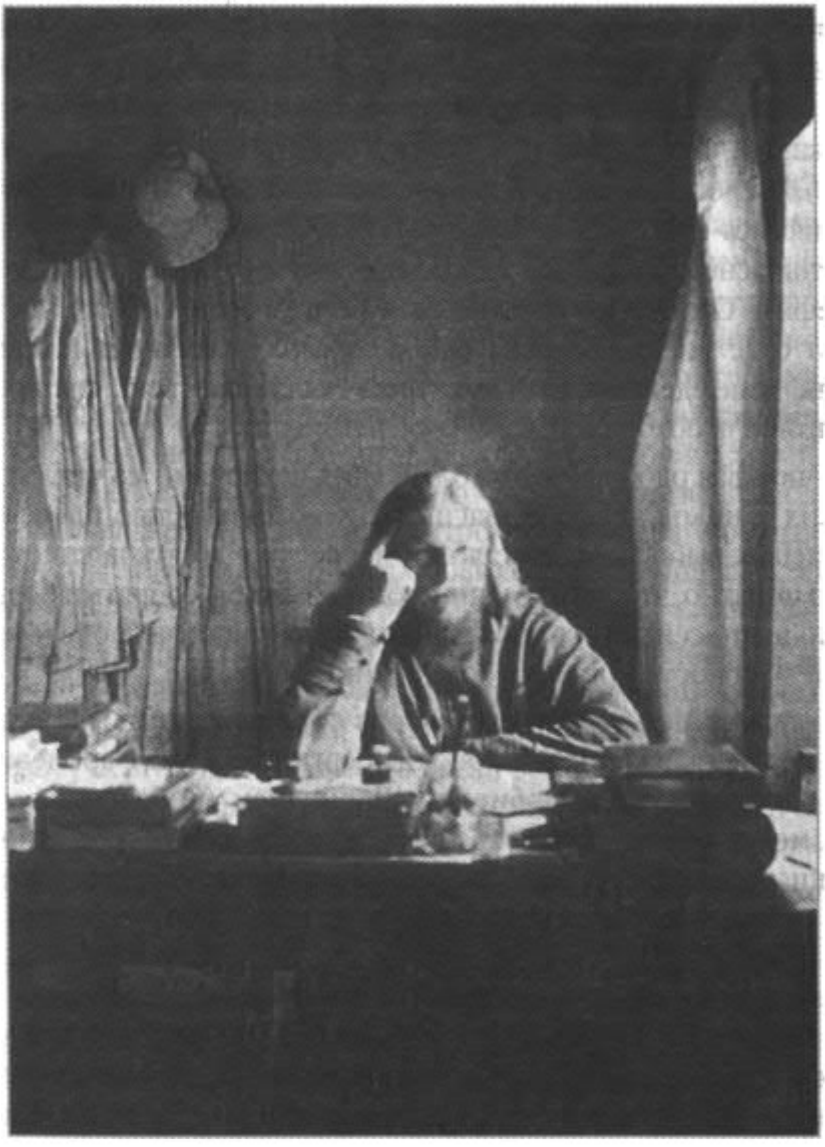


Епископ Ковровский Афанасий (Сахаров),
священноисповедник

тельно начать дело об избрании патриарха, и ввиду наименьшей спорности [митрополит Сергий в этом обращении.— *А. Ж.*] указывал на кандидатуру митрополита Кирилла, причем способом избрания называлось собрание мнений (письменных) только православных епископов»[173]. Последнее обстоятельство (избрание патриарха голосованием одних только епископов) объяснялось практической невозможностью созыва Собора с участием представителей всего клира и мирян. Именно с этим обращением епископ Павлин начинает объезжать архиереев.

Прежде всего он собирает подписи у находившихся в Новгороде епископа Дионисия (Прозоровского), архиепископа Фаддея (Успенского)[174] и епископа Григория (Козлова), бывшего тогда викарием Нижегородской епархии. Последний подписывается первым, причем, по свидетельству митрополита Сергия, не соглашаясь с обязательностью при проведении выборов одной только кандидатуры митрополита Кирилла (что понятно, если принять во внимание, что епископ Григорий был викарием митрополита Сергия); такого же мнения будто бы придерживались епископы Дионисий и Фаддей[175]. Сам епископ Григорий по этому поводу отозвался так: «Не знаю, кого бы там выбрали, но митрополит Сергий в качестве патриарха был бы для меня приемлемее»[176]. Впрочем, как свидетельствовал один из инициаторов этих выборов епископ Павлин: «Не все писали одинаково, но на необходимости патриарха согласились все; впрочем, большинство было за Кирилла»[177].

Епископ Павлин уезжает из Нижнего Новгорода и в короткий срок объезжает архиереев, собирая их подписи под документом, который уже прежде подписали три епископа. Среди подписавших документ были: епископ Серпуховский Алексий (Готовцев), викарий Московской епархии, в Курске за проведение выборов патриарха подписался митрополит Назарий (Кириллов). Кроме того подписались: архиепископ Полтавский Григорий (Лисовский), митрополит Ленинградский Иосиф и викарии Ленинградской епархии — епископ Гдовский Димитрий (Любимов), проживавший на покое архиепископ Кингисеппский Гавриил (Воеводин)[178]; и еще два архиерея, не указанных на допросе епископом Павлином, причем один из них недавно вернувшийся с Соловков и сообщивший



Епископ Старицкий Петр (Зверев), священномученик, в ссылке. Перовск. 1924 год

о решении епископов-соловчан в пользу выборов патриарха, с указанием кандидатуры митрополита Кирилла[179]; епископ Василий (Богдашевский), проживавший в Киеве на покое; епископ Митрофан, которого епископ Павлин встретил у митрополита Сергия[180]; проживавшие в Харькове епископы Макарий и Аркадий (Остальский); за арестованного в Харькове епископа Константина (Дьякова) подписался сам епископ Павлин, поскольку еще прежде заручился его согласием. Епископы Рязанский Борис (Соколов), Рыбинский Серафим (Силичев), и Воронежский Петр (Зверев) сказали, что пришлют свое мнение особо[181]. Таким образом известно доподлинно, что не менее девятнадцати архиереев поставили свою подпись под бумагой о необходимости выборов патриарха.

Учитывая одобрение этого решения иерархами из числа соловецких узников, число согласных с необходимостью проведения негласных выборов достигало не менее трех десятков епископов. Было понятно, что при желании можно было бы собрать и большее число подписей, но это означало бы затягивание выборов и увеличение опасности привлечь болезненное внимание ГПУ.

Будучи в Москве для переговоров с гражданскими властями об условиях легализации, митрополит Сергий беседует с архиепископом Свердловским и Ирбитским Корнилием (Соболевым), который, между прочим, после ареста на допросе назвал себя одним из инициаторов проведения выборов патриарха, о предпринимаемых епископом Павлином усилиях. Архиепископ Корнилий был освобожден из тюрьмы совсем недавно, 18 августа 1926 года, под подписку о невыезде[182]. О характере беседы с архиепископом Корнилием митрополит Сергий потом скажет: «И я, и Корнилий — мы оба смотрели одинаково, что в случае если бы мне удалась регистрация (юридическое оформление моего положения), все Кирилловское дело, то есть выборы его в патриархи, а вернее выборы патриарха вообще — отпало бы, так как в таком случае летом 27 года предполагался созыв Поместного Собора, где вопрос о патриархе был бы решен. В случае неудачи регистрации — дело продолжалось бы дальше (то есть собирание голосов), независимо ни от чего. Говорилось это между прочим, а не было предметом особого обсуж-

дения. Мои мысли Корнилий разделял вообще полностью, не исключая и вопроса легализации».

Здесь стоит отметить, что митрополит Сергий трактует предпринятые выборы в патриархи, как «Кирилловское дело», противопоставляя ему предпринимаемые собой меры к регистрации или, как он говорит, «*юридическое оформление моего положения*» (курсив мой.— *А. Ж.*), вольно или невольно противопоставляя митрополиту Кириллу себя, хотя, как известно, о предпринимаемых выборах не было известно не только местоблюстителю (митрополиту Петру Крутицкому), но и выдвигаемому в патриархи митрополиту Кириллу. Это несколько личностное восприятие митрополитом Сергием выборов и легализации может, конечно, смутить, особенно в том, что вопрос легализации Церкви митрополит Сергий воспринимает как вопрос юридического оформления своего положения, а не положения, например, митрополита Петра, как будто бы было заранее известно, что митрополит Петр не выйдет из заключения.

Впрочем, если отвлечься от неоправданного оптимизма, какой питал митрополит Сергий в отношении возможности созыва Поместного Собора в 1927 году, то следует признать, что если бы митрополиту Сергию все же удалось после регистрации довести дело до Собора, то, конечно, тайные выборы патриарха голосами одних только архиереев не понадобились бы.

После сбора необходимого количества подписей (подписавшихся было 24[183] по другим сведениям — 25[184] человек) епископ Павлин приезжает к митрополиту Сергию, который уже возвратился из Москвы в Нижний Новгород. Одновременно епископ Павлин вместе с представлением документа, снабженного подписями, сообщает митрополиту Сергию о том, что находящиеся в Соловках епископы согласны, что выборы патриарха необходимы, и произвести эти выборы можно путем подачи мнений епископами, то есть так же, как предлагает епископ Павлин[185]. Письменного документа от соловецких епископов с указанием мнения о выборах патриарха митрополит Сергий, по собственному утверждению, не видел. Что это был за документ, можно в некоторой степени уяснить из слов архиепископа Корнилия, который уже после ареста

в декабре 1926 года на вопрос следователя, каким образом епископ Павлин явился выразителем мнений заключенных в Соловках епископов, отвечал: «Епископ Павлин имел на руках документ за подписью одного лица[186], недавно возвратившегося из Соловков, называть которое я отказываюсь по уже приводившимся мною мотивам. Это лицо удостоверяло, что все заключенные в Соловках епископы единодушны по вопросу о необходимости иметь в качестве кандидата в патриархи именно митрополита Кирилла. Эта кандидатура была обсуждена в Соловках гораздо ранее, чем началось дело по проведению самого избрания Кирилла[187].

Следует заметить, что никакой связи между решением вопроса о патриаршестве Кирилла в Соловках и его избранием, вернее, подготовкой избрания, на практике — нет. Этот документ епископ Павлин показывал мне, но как будто бы копию, а не подлинник. Содержание его приблизительно таково: находящиеся в Соловках епископы считают наиболее, или единственно, подходящим кандидатом в патриархи именно Кирилла»[188].

Из слов владыки Корнилия мы заключаем, что у епископа Павлина был документ за подписью одного епископа, прибывшего с Соловков и удостоверявшего, что епископы-соловчане единогласно высказались за митрополита Кирилла как кандидата в патриархи.

Поначалу митрополит Сергий высказал свои сомнения в целесообразности столь спешных выборов, особенно имея в виду возможный успех начатых им переговоров о регистрации церковных управлений. Он полагал, что инициаторы этих выборов могут «возбудить недовольство гражданской власти». Епископ Павлин, в свою очередь, уверял, что «контрреволюции здесь нет, а есть частное церковное дело». Но с этим не была согласна сама гражданская власть, и здесь опасения митрополита Сергия, увы, оправдались.

К доводам рассудка примешивалось, вероятно, и некоторое личное несогласие митрополита Сергия с кандидатурой митрополита Кирилла (который, по мнению заместителя местоблюстителя, был слишком изолирован от последних событий, чтобы в случае своего избрания повести дело столь же деликатно, как это делал прежде архиепископ Иларион (Троицкий), а затем — сам митрополит Сергий). Подобный вывод можно сделать из слов архиепископа

Корнилия (Соболева): «Он (митрополит Сергий.— *А. Ж.*) как будто не особенно склонен был вести, по-моему мнению, дело об избрании Кирилла, но положение и каноны обязывали его это сделать»[189].

И, действительно, в конце концов митрополит Сергий согласился написать обращение к иерархам (текст этого обращения, к сожалению, остается нам неизвестен). Это обращение, снабженное печатью и подписью митрополита Сергия, и было изъято при обыске у епископа Павлина (документ в конспиративных целях был спрятан в шапке)[190]. Владыка Корнилий (Соболев) характеризовал этот документ как «обращение митрополита Сергия к русской иерархии с предложением высказаться и голосовать запечатанными пакетами»[191]. Вероятнее всего в этом обращении митрополита Сергия содержался призыв подать свой голос за митрополита Кирилла как за основного кандидата в патриархи (в пользу этого предположения свидетельствует и опись документов, изъятая позже при аресте у епископа Павлина, где среди прочего значится и «обращение митрополита Сергия о избрании митрополита Кирилла», следовательно, в обращении указывался один кандидат на патриаршество).

Кстати, заместитель патриаршего местоблюстителя при встрече с епископом Павлином «поставил условие sine qua non[192] — получить отзыв митрополита Петра Крутицкого»[193]. Характерно, что митрополит Сергий не взял на себя ответственность известить о предстоящих мероприятиях митрополита Петра, хотя, вероятно, был обязан это сделать. Однако можно с полной уверенностью утверждать, что до декабря 1926 года (времени ареста инициаторов и основных участников выборов) томящийся в тюремном заключении митрополит Петр извещен не был. Впрочем, и времени на его извещение у инициаторов выборов не оставалось.

Помимо мнения соловецких епископов-исповедников о митрополите Кирилле как наиболее достойном кандидате в патриархи, епископ Павлин привез митрополиту Сергию и «Соловецкую декларацию» (так нарек владыка Афанасий (Сахаров), передавший этот документ епископу Павлину при их встрече, майское 1926 года послание соловецких епископов). Эту декларацию митрополит

Сергий оставил у себя, а когда епископ Павлин собирался уезжать, вернул ему, сказав, что «читать ему это документ некогда было»[194].

С полученным от митрополита Сергия обращением епископ Павлин стал объезжать архиереев, собирая их решения, кои запечатывались в пакеты самими иерархами. В этом деле владыке Павлину помогали игумен Таврион (Батозский) и двое мирян — Иван Алексеевич Кувшинов и его сын Иван Иванович Кувшинов, бывшие купцы, проживавшие на Швивой горке в Москве. Полагают, что был еще четвертый помощник, имя которого осталось неизвестным[195]. Сам владыка Павлин посетил епископа Астраханского Фаддея (Успенского), который написал свое мнение и «высказался утвердительно», епископа Бийского Иннокентия (Соколова), епископа Бронницкого Иоанна (Василевского). Митрополит Иосиф (Петровых), по свидетельству епископа Евгения (Кобранова), «подал было голос за Сергия, но потом сказал последнему: «Владыка, Вы все равно не пройдете»,— и подал за Кирилла»[196].

Епископ Евгений (Кобранов) написал, что митрополита Кирилла считает достойным избрания в патриархи, и «это единственный выход для спасения Церкви в случае неуспеха легализации». На вопрос епископа Павлина, бывали ли ранее в истории Церкви выборы патриарха одними только епископами, владыка Евгений припомнил только избрание патриарха Константинопольского Максима[197] на III Вселенском Соборе. При этом владыка Евгений выразил свое удивление, что митрополит Сергий «при его уме и дипломатичности решился одновременно с работами по легализации Церкви, не дожидаясь результатов, дать движение такому делу». Епископ Евгений согласился по просьбе владыки Павлина составить в течение двух месяцев по историческим образцам обращение будущего патриарха к пастве, Константинопольскому патриарху (с греческим вариантом) и обращение епископов к митрополиту Кириллу, чтобы он согласился принять патриаршество[198]. Последнее явно указывает на неосведомленность митрополита Кирилла о предпринятых тайных выборах.

Вновь полученные мнения, около 20-ти, запечатанные в пакеты, как и прежде имевшиеся у него («документ 25-ти»), епископ Павлин отдал на хранение Клавдии Нефедовой, проживавшей

у Спасской заставы в Москве[199]. Пакеты эти должна была забрать некая Варвара, муж которой работал на железной дороге, для передачи их в Нижний Новгород митрополиту Сергию. В случае опасности пакеты должны были быть переданы Ивану Ивановичу Кувшинову.

Кувшинов действительно получил запечатанные пакеты то ли от Варвары, то ли от Нефедовой, но незадолго до своего ареста передал их епископу Филиппу (Гумилевскому)[200]. Известно точно, что запечатанные пакеты епископ Павлин передал 8 декабря 1926 года за несколько часов до своего ареста Клавдии Нефедовой. Но ничего не известно о судьбе этих пакетов или об аресте Нефедовой. Подобное упущение, конечно, удивляет, особенно если учитывать склонность ГПУ к «организации» массовых процессов. Правда, насколько отсутствие информации есть свидетельство «упущения», а не какой-то оперативной работы ГПУ, тоже остается вопросом без ответа.

Если же «тайные выборы», как утверждает иеромонах Дамаскин (Орловский), были инициированы ГПУ, то вопросов возникает еще больше. И ответы на эти вопросы относятся более к области предположений (не имеющих подтверждающих их фактов).

8 декабря 1926 года епископ Павлин был арестован[201]. Он находился в Москве проездом. Его задержали по адресу: Новоспасская застава, д. 11. Судя по протоколу обыска, в руки чекистов попали практически все документы, относящиеся к делу о выборах патриарха. Вот текст этого протокола: «На основании ордера № 5257 от 8 декабря 1926 года произведен обыск и арест Крошечкина Павлина в д. № 11, кв. 1 по ул . Новоспасская застава. Взято для доставления в Объединенное Госполитуправление следующее: Список епископов Православной Церкви 1926 года, обращение митрополита Сергия о избрании митрополита Кирилла, назначение епископа Павлина, записная книжка, три письма, разбросанные списки епископов 7 листов, молитва рукописная, заявление Павлина к митрополиту Сергию и удостоверение личности № 0061945»[202]. Уже на следующий день после ареста, то есть 9 декабря, епископ Павлин был впервые допрошен.

Именно в день ареста епископа Павлина 8 декабря 1926 года митрополит Иосиф (Петровых), находившийся в Ростове, пишет свое завещательное распоряжение о замещении высшей церковной власти в случае невозможности ему исполнять обязанности заместителя патриаршего местоблюстителя. «Имея в виду неизбежное лишение возможности и мне исполнять ответственное поручение патриаршего местоблюстителя от 23 ноября (6 декабря) 1925 г., как последний из указанных им заместителей его должности, на случай устранения моего и обоих моих предшественников, преемственно призываю к канонически неоспоримому продолжению наших полномочий Преосвященнейших: Корнилия, архиепископа Свердловского и Ирбитского, Фаддея, архиепископа Астраханского, и Серафима впредь до возвращения возможности кому-либо из нас покорно выполнять порученные нам непосредственно от самого патриаршего местоблюстителя полномочия»[203].

Действительно, уже через день после опубликования своего завещательного распоряжения, митрополит Иосиф был арестован и 10 декабря 1926 года допрошен. Поначалу митрополит не называет имени епископа Павлина, но когда следователь напрямую спрашивает, звали ли приезжавшего епископа Павлином, митрополит Иосиф отвечает утвердительно: «Павлин мне объяснил, что, желая положить конец неопределенному положению в Церкви, он собирает мнения о возможности избрания патриарха (или вообще главы Церкви). Я указал на записочке, запечатанной в конверт, что желательным кандидатом считаю Кирилла митрополита или Сергия. Я вовсе не считал, что, давая свое мнение, присоединяюсь к какому-то решению, долженствующему заменить собой соборное решение. Я имел в виду совещание, которое должно было состояться в г. Владимире, и полагал, что это просто предварительный обмен мнениями перед совещанием. Павлин мне не говорил, что сумма мнений по этому вопросу будет иметь характер постановления Собора, и я сам считаю «Собор по переписке» — нелепостью. Знай я это, я ни в коем случае своего мнения не подавал бы, по указанной причине. Сам я лично митрополита Кирилла не знаю, настроений его и отношения к Соввласти тоже не знаю. Но знаю, что ему доверяют церковные деятели. И мое мнение, и конверт, в котором было

Епископ Угличский Иосиф (Петровых),
впоследствии митрополит Ленинградский

оно вложено, были скреплены печатью. Впрочем, не помню, была ли печать на конверте».

Обратим внимание, что митрополит Иосиф полагал, что голосование, проводимое среди епископов, является всего лишь предварительным обменом мнениями, который не может, с его точки зрения, заменить соборное решение. Вероятно, в этом кроется причина того, что к результатам выборов 1926 года никто из епископов (даже «непоминающих») не апеллировал.

На том же допросе прозвучал и такой вопрос следователя: «А Вам известно было, что митрополит Кирилл подвергался репрессиям за антисоветскую деятельность?» Митрополит Иосиф ответил: «Мне было известно, что он страдал, а за что, я не знаю»[204]. После двух допросов 10 декабря митрополит Иосиф был выслан в бывший Моденский Николаевский монастырь Новгородской епархии без права выезда[205].

Далее в истории «тайных выборов патриарха» начинаются некоторые странности. В соответствии с документами, хранящимися в архивно-следственном деле, заместитель патриаршего местоблюстителя митрополит Сергий был арестован 12 декабря 1926 года Нижегородским губотделом ОГПУ. Однако это очевидно не вполне соответствует действительности, поскольку митрополит Иосиф еще 8 декабря пишет завещательное распоряжение, а значит, уже некоторое время пребывает в правах заместителя местоблюстителя, что можно объяснить только нахождением митрополита Сергия (Страгородского) в тюремных узах.

Как бы то ни было, но из Нижегородского губотдела ОГПУ под грифом «Совершенно секретно» и за подписями начальника Нижегородского ОГПУ Леймана, начальника СОЧ Загвоздина и начальника I отделения Вашунина приходит телеграмма под № 5791/с от 13 декабря 1926 года на имя коменданта ОГПУ г. Москвы: «Вследствие распоряжения СО ОГПУ за № 84107/с, при сем препровождается арестованный СТРАГОРОДСКИЙ Иван Николаевич (митрополит СЕРГИЙ), подлежащий, согласно указанного распоряжения, заключению в одиночную камеру Внутренней тюрьмы ОГПУ. О приеме СТРАГОРОДСКОГО под стражу, просим поставить в известность Нач. 6-го отделения СО ОГПУ т. ТУЧКОВА»[206].

Тучков в известность, конечно, был поставлен, и первый допрос митрополита Сергия (если, конечно, в деле сохранились все протоколы допроса) был проведен 20 декабря небезызвестным следователем по церковным делам А. В. Казанским. Митрополит Сергий, уже зная, вероятно, об аресте епископа Павлина, не стал скрывать обстоятельств предпринятой подготовки к выборам митрополита Кирилла: «Раньше ноября с. г. ко мне в Нижний Новгород приехал епископ Павлин Рыльский и повел беседу о необходимости для выхода из создавшегося церковного положения — выборов патриарха путем подачи голосов епископами, т. е. путем, далеко не обычным. Такое избрание было бы спорным, как применяющееся, по-видимому, в первый раз. Павлин привез с собой обращение ко мне с просьбой дать делу ход, подписанное самим Павлином и епископом Афанасием Ковровским. Впрочем, там была на первом месте подпись епископа Корнилия, хотя, может быть, он подписал эту бумагу потом, а на первое место его подпись попала как подпись архиепископа, каковым он является». Далее шло описание того, о чем рассказывалось выше. Здесь впервые прозвучало имя епископа Афанасия (Сахарова), и вскоре, помимо уже произведенных арестов, последует и арест владыки Афанасия.

На вопрос следователя, почему все дело по избранию патриарха велось так секретно, митрополит Сергий отвечал: «Во-первых, мы не хотели до времени предавать огласке вопрос об избрании патриарха в церковных кругах, пока он не выяснится среди хотя бы епископов. Во-вторых, исходили из соображений, что гражданская власть может в самой технике работы (разъезды и т. д.) усмотреть какой-нибудь заговор, и предпочитали, чтобы она узнала об этом после, когда вопрос примет практический серьезный характер»[207].

Но еще до допроса митрополита Сергия в Москве 17 декабря 1926 года был арестован архиепископ Корнилий (Соболев)[208], чья подпись стояла первой в обращении к митрополиту Сергию. Всего лишь несколько месяцев назад, 18 августа, владыка Корнилий был выпущен из тюрьмы после ареста 26 мая 1926 года во Владимире. (В Москве архиепископ Корнилий проживал по адресу: Приютский переулок, д. 4, кв. 10.) 19 декабря арестованный епископ был допрошен.

В тот же день, 19 декабря был второй раз допрошен епископ Павлин (Крошечкин). Среди прочего, следователя интересовала «политическая» подоплека выборов.

«Почему это избрание Кирилла,— спрашивал следователь у арестованного епископа,— Вы проводили в такой тайне, беря слово не говорить никому и т. д.

— Потому, что это дело касается только Церкви и делалось в частном порядке,— отвечал епископ Павлин.

— По Вашему мнению, Церковь в целом должна следить за политической благонадежностью своих членов?

— Не должна,— отвечал епископ,— потому что она преследует религиозные цели, и если ее член подходит к ней с религиозной точки зрения, ей нет дела до его политической физиономии. Последнее является личным делом каждого, и дело государства иметь дело с его политической деятельностью».

Но подобный ответ не удовлетворил следователя, пытавшегося вернуть разговор на тему «церковной конспирации»:

«Почему Вы считали нужным дело, «чисто церковное», делать в такой глубокой тайне?

— Я считал, что дело будет лучше, если я его сохраню от всех в тайне, кроме епископов.

— А почему Вы хотели, чтобы совсем никто, кроме епископов, об избрании Кирилла не знал?

— Я считал — так будет лучше, пусть после бы лучше узнали.

— Вам известно, что выдвинутый Вами кандидат в патриархи подвергался репрессиям за антисоветскую деятельность? — спросил следователь, настаивая на «политической» подоплеке выборов.

— Я не знаю, за что он был наказан,— был ответ епископа Павлина»[209].

22 декабря в Москве был арестован епископ Евгений (Кобранов), проживавший по адресу: Крестьянская площадь, д. 8, кв. 9. В Москве епископ Евгений стал известен активной поддержкой идеи выборов патриарха. Некоторые не подозревали даже, что его активность как-либо связана с деятельностью епископа Павлина. Тотчас после ареста владыка Евгений был допрошен (в деле сохранился только один протокол допроса)[210].

«Что касается моих претензий попасть в число инициаторов движения за выборы патриарха, то они основывались на следующем: во время моего посвящения в епископы (март 1926 года), даже немного раньше, я, желая улучшить отношения мои с митрополитом Сергием, предложил во время обеда тост «за будущего патриарха, подобного Тихону», подразумевая личные мои отношения с патриархом Тихоном. Тогда Сергий отвечал: если ты говоришь обо мне, то я согласен. Если за другого, то нет»[211].

Далее епископ Евгений описывал уже известные нам обстоятельства своей встречи с епископом Павлином и объяснял свое согласие участвовать в подготовке текстов обращений будущего патриарха к пастве и к Восточным патриархам.

Митрополит Сергий, видимо, мало знал об участии в этом деле епископа Евгения или просто не хотел, чтобы следователи предположили в такой разветвленной организации выборов какой-нибудь заговор, и потому на вопрос: «А что Вы скажете относительно деятельности по «выборам патриарха в Москве», которой занимался епископ Евгений Кобранов?», митрополит Сергий ответил: «Епископ Евгений Кобранов у меня бывал, но я ему никогда поручения что-либо предпринимать по части выборов патриарха не давал, и сам узнал об его намерениях в этой области от других. Считал это сплетней. Эта деятельность со стороны Кобранова не имеет никакого отношения к последнему предприятию Павлина; я так представляю себе это дело»[212]. Это было сказано на первом допросе митрополита Сергия, то есть 20 декабря.

22 декабря, в шестом часу вечера[213], в один день с епископом Евгением (Кобрановым), был арестован и вызванный в Нижний Новгород епископ Григорий (Козлов), проживавший дотоле в Печерском монастыре. Из Нижнего Новгорода епископ Григорий был отправлен в Москву, где 24 декабря заключен в Бутырскую тюрьму. В анкете арестованного, в графе «Отношение к соввласти», епископ записал: «Сегодня затрудняюсь формулировать отчетливо мое отношение идеологическое к соввласти, т. к. над этим не задумывался до сих пор»[214].

«Скажите,— спросил следователь епископа на допросе 8 января 1927 года,— почему Вы сочли возможным принять участие в выборах патриарха, производившихся таким секретным образом?

— Я не заметил, чтобы эта кампания проводилась секретно,— отвечал владыка Григорий.— Я видел епископа Павлина в комнате келейника, где подписался под заявлением некоторых епископов о необходимости избрания патриарха, причем, однако, оговорился, что вопрос о кандидате должен был остаться открытым. Я не знаю, кого бы там выбрали, но митрополит Сергий в качестве патриарха был бы для меня приемлемее. Самая постановка вопроса носила, по-моему, анкетный характер, о возможности избрания патриарха путем голосования записками на случай, если бы власть так и не разрешила нам Собора, на котором, в случае разрешения, вопрос об избрании патриарха явился бы одним из наиболее важных».

Представляет интерес тот факт, что епископ Григорий был арестован в Нижнем Новгороде 22 декабря, в Бутырскую тюрьму заключен 24 декабря, допрошен дважды 8 января (во всяком случае, в деле хранятся протоколы именно этих двух допросов), а обвинение ему было предъявлено уже 6 января (хотя и позже, чем другим арестованным, но прежде допроса, состоявшегося спустя два дня после предъявления обвинения). Обвинялся епископ Григорий в том, что «оказывал содействие реакционной группировке, поставившей своей задачей борьбу с совластью при помощи Церкви, укрывая ее действия и т. д., и вообще оказывал этой группировке, состоящей из Страгородского И. Н., епископа Павлина Крошечкина, епископа Соболева Корнилия и др. помощь, т. е. совершал преступные действия, предусмотренные ст. 58—12 УК»[215].

Вероятно, уже до допроса епископа Григория, то есть до января 1927 года, дело представлялось следователям вполне ясным, и потому прежде арестованным архиереям начинают предъявляться обвинения. 24 декабря 1926 года уполномоченный 6-го отделения СО ОГПУ Казанский, «рассмотрев следственное производство по делу № 42195 на гражданина КРОШЕЧКИНА Петра Кузьмича (Павлина), по профессии — служителя культа (епископа), нашел, что таковой явился деятельнейшим участником группировки черносотенного епископата, ведшей конспиративную а/советскую деятель-

ность, подготовляя антисоветское выступление демонстративного характера, т. е. совершая преступные действия, предусмотренные ст. 62-й УК, а посему полагаю: предъявить КРОШЕЧКИНУ обвинение по ст. Шестьдесят второй УК, избрав мерой пресечения содержание под стражей»[216].

28 декабря подобное же постановление о предъявлении обвинения было зачитано и архиепископу Корнилию (Соболеву). Архиепископ обвинялся в том, что «явился одним из непосредственных участников и организаторов антисоветской группировки церковников, поставивших себе задачей повести Церковь на открытую борьбу с совластью, путем использования авторитета, амвона и др. возможностей — для возбуждения недовольства населения (верующего)»[217]. Обвинение предъявлялось по все той же ст. 62 УК, мерой пресечения, естественно, избиралось содержание под стражей.

1 января епископа Павлина вновь вызывают к следователю. На прежних допросах епископ Павлин старался назвать как можно меньше имен. К сожалению, очень многое ГПУ узнало из изъятых бумаг епископа Павлина. Однако владыка Павлин в первые допросы предпринимает попытки запутать следствие, не называет среди подписавших документ епископа Афанасия (Сахарова), епископа Фаддея (Успенского), митрополита Иосифа (Петровых), занявшего после ареста митрополита Сергия (Страгородского) место временного управителя Русской Церкви. Первый допрос епископа Павлина был 9 декабря 1926 года, завещательное распоряжение на случай своего ареста, в котором упоминалось имя и епископа Фаддея, владыка Иосиф огласил 8 декабря.

Когда от епископа Павлина следователь требует имя архиерея, передавшего ему отзыв соловецких епископов о необходимости избрания на патриаршество именно митрополита Кирилла, владыка Павлин, словно в насмешку над следователем, говорит: «Точно не помню, кто именно из Ленинградских епископов подал мне этот документ и составил его; возможно, что Зосима, или Серафим, или Савватий»[218]. В то время православных иерархов (тем более среди викариев Петроградской епархии) с именами Зосимы или Саввация мы не находим. Был, правда, обновленческий епископ Зосима (Сидоровский)[219], носивший титул Фрунзенского, и обновленческий

же епископ Савватий с титулом Слуцкий[220]. Но не их же имел ввиду арестованный архиерей. Зато был епископ Колпинский Серафим (Протопопов), который вполне мог быть, как мы уже писали, тем, кто привез с Соловков отзыв. В общем-то, епископ Павлин откровенно издевался над слабо ориентирующимся в церковной иерархии следователем, называя в качестве возможных авторов «Соловецкого отзыва» имена небесных покровителей Соловецкой обители преподобных Зосимы и Савватия. Увы, это не помогло избежать новых арестов и новых обвинений.

5 января 1927 года обвинение было предъявлено митрополиту Сергию. Следователь нашел, что гражданин Страгородский И. Н. «состоя одним из активнейших членов церковно-антисоветской группировки, поставившей своей задачей борьбу с Соввластью — при помощи возбуждения населения верующих через Церковь, используя возможности, предоставляемые последней, т. е. совершая преступные действия, предусмотренные ст. 58—6 УК»[221]. Мерой пресечения, также как и прочим арестованным иерархам, было избрано содержание под стражей.

15 января следователь вновь вызывает епископа Павлина, теперь уже для выяснения обстоятельств его встречи с епископом Афанасием (Сахаровым). Становится совершенно ясно, что ГПУ знает об этой встрече. Следователь задает прямой вопрос:

«Что Вы расскажите сегодня по поводу «Соловецкой декларации»? Вы никаких документов от епископа Афанасия не получали?»

Епископ Павлин не отрицает факта встречи, но имя священника, передавшего декларацию, не называет.

«Соловецкая декларация» попала ко мне чисто случайно. Я, разъезжая и собирая подписи, попал в г. Владимир к епископу Афанасию. У последнего — застал священника, мне неизвестного, и последний, узнав от меня, что я еду к митрополиту Сергию, предложил мне отвезти к Сергию документ, помещавшийся в незапечатанном конверте размером приблизительно в ученическую тетрадь и сообщил мне, что это — декларация соловецких епископов, или, вернее, он сказал просто, что это — «Соловецкая декларация».

Далее шел уже известный нам рассказ о передаче епископом Павлином «Соловецкой декларации» митрополиту Сергию, который не нашел возможности ознакомиться с этим документом.

16 января 1927 года в соответствии с секретным телеграфным распоряжением Тучкова от 15 января во Владимире был арестован на своей квартире, находившейся по адресу: ул. Большая Ильинская, д. 17[222] епископ Афанасий (Сахаров). Владыка при обыске потребовал занести в протокол свой протест против изъятия именной печати: «Изъятие у меня именной печати считаю неправильным и противоречащим циркуляру НКЮ и др. от 15 августа 1926 г.»[223]. А в анкете арестованного собственной рукой епископа Афанасия было записано: «Протестую против снятия с меня креста и парамана[224]»[225]. В то время подобная смелость была уже редкостью. Решение по поводу дальнейшей судьбы епископа Афанасия было принято уже заранее, местное ОГПУ постановило: «Руководствуясь п. 5 ст. 144 УПК гражданина Сахарова Афанасия Григорьевича арестовать и направить в распоряжение СО ОГПУ спецконвоем, о чем объявить Сахарову Афанасию Григорьевичу и копией настоящего постановления уведомить Губпрокурора»[226]. Все формальности незатейливого советского УПК были соблюдены: прокурора «уведомили», и владыка Афанасий был отправлен в Москву.

Кстати, по иронии судьбы, начальником Владимирского губотдела ОГПУ был тогда некто Извеков. Если вспомнить, что другие следователи по церковным делам носили фамилии Полянский, Смирнов и Казанский (фамилии виднейших русских иерархов), то остается только удивляться тому, с какой странной избирательностью подходила партия большевиков к направлению работников на этот ответственный фронт борьбы с «религиозной контрреволюцией».

Владыка Афанасий был допрошен первый раз 16 января, но следователя на этом допросе интересовали бумаги и печать, изъятые у епископа при аресте. «Обнаруженные при обыске у меня девять бланков со штампом и печатью архиепископа Владимирского и Шуйского,— сказал на допросе владыка Афанасий,— остались из канцелярии архиерейского дома, были переданы с разными

ненужными делами-бумагами и мною предназначались для черновиков, никакого официального значения эти бланки не могли иметь, т. к. с 1918 года нет архиепископа Владимирского и Шуйского, а с 1924 года Шуя совершенно неподведомственна епископу Владимирскому. Печать мною приобретена в начале 1925 года, когда вернулся из ссылки, разрешения из административного отдела не брал, т. к. в мастерской меня не спрашивали, заказал я печать в Москве, на Никольской улице (точно не помню)»[227].

20 января 1927 года состоялся второй допрос епископа Афанасия, когда следователь уже не скрывал истинной причины столь внезапного ареста. Интерес, который представляет собой этот допрос, заставляет нас практически полностью опубликовать текст этого документа.

«— Вы знаете епископа Павлина? Давно ли он был у Вас? — интересовался следователь.

— Епископа Павлина знаю. Он был у меня в октябре или ноябре, хорошо не помню.

— Зачем он к Вам приезжал?

— Вы знаете.

— А все-таки? — настаивал чекист.

— Насколько я представляю, по УПК имею право и не давать показаний,— спокойно отвечал епископ Афанасий.

— А Павлин заставлял Вас поклясться, что Вы никому не скажете о причине его прихода?

— Клятвы мы не употребляем вообще; само собой разумеется, что то, о чем мы говорили, говорилось не для того, чтобы стать всеобщим достоянием».

Тогда следователь решил несколько изменить тему разговора.

«— А каково Ваше личное мнение об избрании митрополита Кирилла в патриархи?

— Я считаю его наиболее достойным кандидатом,— отвечал епископ.

— А не является ли по вашему мнению несколько неудобным для этого кандидата то, что он за а/советскую деятельность подвергался репрессиям?»

Следователь явно провоцировал епископа на резкость, но владыка Афанасий находит достойный ответ.

«— При отделении Церкви от государства, оформленному законом, я полагаю, для государства безразлично, кто будет стоять во главе Церкви. В данном случае, я думаю, что политическая деятельность Кирилла нас, церковных деятелей, не касалась. Достаточно того, что он подходил, по моему мнению, для возглавления Церкви; кроме того, я знал, что в последнее время власть облегчила его положение, а раньше отзывалась о нем как о человеке лояльном».

Допрос шел явно не по намеченному плану, и тогда следователь задает прямой вопрос, требуя столь же откровенного ответа.

«— Каким образом попала к Вам так называемая «Соловецкая декларация» и насколько Вы разделяете изложенные в ней взгляды?»

Но и здесь чекист терпит неудачу, вновь встречаясь с тактикой корректной неопределенности (отвечать так, чтобы не называть ни одного нового имени, обязательно ссылаться на законы соввласти в той их части, где декларируются права граждан, ответ формулировать так, чтобы, при внешней лояльности и корректности по отношению к следствию, он — для следствия же — оставался бессодержательным).

«—Как попала,— отвечает епископ,— я не помню; не могу точно определить, каково мое к ней отношение, т. к. я ознакомился с ней мельком, проглядев ее.

— А почему Вы отрекомендовали ее именно «Соловецкой декларацией»?

— Вот уж этого я объяснить точно не могу. Вероятно, по аналогии, т. е. м. б. по аналогии с «Соловецкой челобитной», поданной раскольниками в XVII столетии царю. Впрочем, я это говорю несерьезно.

— Для чего Вы передали эту декларацию (Соловецкую) епископу Павлину?

— Да просто для ознакомления; он мог с ней делать, что хочет.

— А не говорили ли при передаче декларации, чтобы Павлин отвез последнюю митрополиту Сергию?»

Епископ Афанасий понимал, что следствию известно про обстоятельства его встречи с епископом Павлином, поэтому факт

передачи «Соловецкой декларации» епископ опровергать не стал, но и ничего нового сообщать следствию не собирался, следуя уже упомянутой нами тактике неопределенного ответа.

«— Да, я знал, что он едет к Сергию, и передача декларации сама собой предполагалась, да я и не считал уж очень важным это событие, а потому в точности и припомнить все обстоятельства передачи затрудняюсь.

— Будьте добры напомнить мне, что такое за «Соловецкая челобитная XVII века», о которой Вы говорили в показании, и на аналогию с которой Вы указали.

— «Соловецкая челобитная» была подана ~~бунтовщиками против церко~~ монахами соловчанами, не принимавшими церковные исправленные книги. Содержание ее я не помню»[228].

В конце этого протокола было рукой епископа Афанасия занесено примечание: «Зачеркнутое «бунтовщиками» и «против церко» — не читать». Епископ Афанасий, видимо, решил не давать чекистам повода для двусмысленной трактовки приведенной им аналогии, иначе бы получалось, что епископ Афанасий находил аналогию в деятельности, с одной стороны, узников Соловецкого монастыря, а с другой, соловецких монахов-старообрядцев, взбунтовавшихся против патриарха Никона и царских властей. Такой трактовки приведенной им аналогии епископ Афанасий не желал.

18 января арестовывается и допрашивается диакон Даниловского монастыря Иоанн Смирнов[229], заключенный в тюрьму по обвинению в том, что «будучи служителем культа (диаконом) пропагандировал среди церковников мысль об избрании патриархом активного а/советского деятеля митрополита Кирилла, используя для своей деятельности авторитет Церкви, т. е. совершил преступление, предусмотренное ст. 58/14 УК»[230]. Сам диакон Иоанн на допросе сказал: «Я по существу предложенного мне вопроса о поминовении мною по формуле митрополита Кирилла как патриарха могу сказать следующее. Я считаю митрополита Кирилла единственным лицом, возглавление коим Церкви положило бы конец всем церковным нестроениям. Разговоры об его избрании — слышал у нас, в Донском монастыре, а первый раз услыхал о выступлении епископа Павлина и его деле «выборов патриарха» в церкви

Спаса на Спасской, не помню от кого. Но несмотря на то что я Кириллу как патриарху очень бы сочувствовал, я, как строгий уставщик, ни в каком случае за службой Кирилла как патриарха не помянул бы и не поминал. Формулу же его поминовения «великого господина и отца нашего Святейшего Кирилла, Патриарха Московского и всея России» я только предположительно сказал за обедом в общей монастырской столовой и прибавил при этом: «А вот если бы помянуть этим титулом в церкви, то что бы из этого вышло?» Мне на это сказали, что такое поминовение невозможно! А в церкви я по этой формуле Кирилла не поминал»[231].

Вот такие были времена. Сказал в монастырской трапезной, а за слова свои отвечал в ГПУ...

20 января следствие предъявляет обвинение владыке Афанасию. Следователь нашел, что епископ «был участником группы антисоветских епископов, производившей а/советскую демонстрацию и использовавших церковь в а/советских целях, причем он, Сахаров, явился передатчиком антисоветского документа, носящего характер платформы антисоветской группировки, а посему, принимая во внимание, что изложенные преступные деяния предусмотрены ст. 58—6 УК, полагаю: предъявить Сахарову С. Г. (Афанасию) — обвинение по ст. 58—6 УК, избрав мерой пресечения содержание Сахарова под стражей»[232].

12 февраля последовало постановление о продлении срока содержания под стражей арестованных митрополита Сергия и епископа Павлина, содержавшихся во внутренней тюрьме ОГПУ, а также архиепископа Корнилия с епископом Григорием, томившихся в Бутырской тюрьме. Постановление было составлено следователем А. В. Казанским, согласовано с Тучковым и утверждено 15 февраля Г. Ягодой, который собственноручно красным карандашом (в традициях кремлевских вождей) начертал: «Утверждаю». Постановление следователя по этому делу гласило: «По рассмотрению означенного дела нашел, что срок содержания под стражей перечисленным лицам истекает; дело требует продолжения следствия и ввиду серьезности состава преступления (черносотенная группировка церковников, ведущих за собой всю Церковь) — изменение меры пресечения по отношению к перечисленным обвиняемым

возможным не представляется. Ввиду изложенного полагал бы: войти с ходатайством перед Президиумом ВЦИК СССР о продлении срока содержания под стражей перечисленных лиц на два месяца, т. е. КРОШЕЧКИНА П. К. по 8 апреля, СТРАГОРОДСКОГО И. Н. по 14 апреля, СОБОЛЕВА Г. Г. по 17 апреля и КОЗЛОВА по 24 апреля сего 1927 года»[233].

В результате решением Президиума ЦИК от 23 марта 1927 года за подписью секретаря ЦИК Енукидзе сроки содержания под стражей были увеличены.

Что происходило в период между 23 марта и 2 апреля можно только догадываться. Но 2 апреля было принято «Постановление об изменении меры пресечения» по делу № 36960, где следователь утверждал, что «следственное производство по делу в отношении Страгородского в основных чертах можно считать оконченным».

«Принимая во внимание изложенное,— говорилось в постановлении,— и то, что нахождение СТРАГОРОДСКОГО на свободе никакого влияния на ход следствия оказать не может, а также учитывая преклонный возраст и болезненность состояния здоровья, считаю возможным изменить примененную к нему меру пресечения на все время ведения дальнейшего предварительного следствия по данному делу в отношении других проходящих по делу лиц. Посему полагаю: СТРАГОРОДСКОГО Ивана Николаевича (Сергия), арестованного 12 декабря 1926 года и содержащегося во Внутр[енней] тюрьме ОГПУ освободить под подписку о невыезде из Москвы. Дело следствием продолжить»[234]. Постановление, естественно, было согласовано с Е. А. Тучковым, чья подпись тоже стоит под этим документом.

Мотивировка, конечно, может смутить всякого, знакомого с методами работы ГПУ тех лет. Например, преклонный возраст и болезненность митрополита Петра Крутицкого не могли способствовать облегчению его тюремного и ссыльного содержания. Кроме того, предварительное следствие в отношении «других проходящих по делу лиц» не влекло их освобождение, хотя их участие «в организации» тайных выборов было несопоставимо менее деятельным, чем митрополита Сергия или епископа Павлина.

Очевидно, что к этому времени между Тучковым и митрополитом Сергием была достигнута договоренность о легализации церковного управления и о той степени компромисса, которая потребуется от заместителя местоблюстителя.

21 апреля 1927 года последовало еще одно постановление, теперь уже в отношении епископа Павлина. Следователь нашел, что «следственное производство в отношении КРОШЕЧКИНА закончено, а потому, принимая во внимание и незначительность угрожающего ему, как лицу, лишь технически выполнявшему задания других проходящих по делу лиц, наказания — полагал бы: впредь до окончания следствия меру пресечения, избранную по отношению к КРОШЕЧКИНУ, изменить, освободив под подписку о невыезде из г. Москвы. Дело следствием продолжать»[235].

Быть может, митрополит Сергий, соглашаясь на уступки гражданской власти, обусловил свой компромисс немедленным освобождением из заключения не только себя, но и других иерархов. Но и в этом случае не ясна «избирательность» этого «реабилитационного» процесса: почему из всех арестованных иерархов был освобожден именно епископ Павлин (Крошечкин) — инициатор «тайных выборов»?

Дальнейшая судьба пакетов с бюллетенями проголосовавших иерархов неизвестна. Можно предположить, что они также попали в руки ГПУ. Но тогда почему в деле нет ничего о епископе Филиппе (Гумилевском), которому их передал И. И. Кувшинов?

Прежде чем высказать собственное предположение, заметим, что свидетельство о передаче пакетов епископу Филиппу имеется только в протоколе допроса И. И. Кувшинова. Но протокол допроса не датирован! На втором протоколе допроса Кувшинова стоит дата — 24 марта 1931 года! То есть этот протокол допроса взят из архивно-следственного дела 1931 года, по которому Иван Иванович Кувшинов был расстрелян.

Можно предположить, что первый (недатированный) протокол допроса был составлен тогда же, когда и второй, — в 1931 году. В этом случае в 1927 году ГПУ так и не узнало, где именно находятся пакеты.

Тогда объясним тот факт, что не был арестован епископ Филипп. Пакеты, вероятно, были уничтожены, как уже едва ли могущие пригодиться в условиях, когда гражданская власть раскрыла попытку проведения «тайных выборов патриарха» и любое повторение подобных действий восприняла бы как открытый вызов себе. Последнего митрополит Сергий не желал, и, вероятнее всего, все бумаги с мнениями епископов были уничтожены.

В этом случае становится понятно широко известное утверждение митрополита Сергия и епископа Павлина, что документы голосовавших иерархов не попали в руки ГПУ, чему, конечно, не верили многие проголосовавшие в 1926 году епископы, подвергшиеся в 1927 году арестам и ссылкам, тогда как инициаторы выборов — епископ Павлин и митрополит Сергий — были освобождены. Это противоречие в результате наших объяснений устраняется.

Митрополит Сергий и епископ Павлин, говоря о том, что документы епископов не попали в руки ГПУ, в некотором смысле имели право на подобные утверждения, если под документами подразумевали исключительно пакеты с мнениями иерархов. Но даже если выборные бюллетени не были обнаружены следствием, то при аресте инициаторов «тайных выборов» в руки ГПУ попали другие важные документы, в том числе — списки епископов-выборщиков, что и стало причиной организованной ГПУ волны арестов и ссылок.

В архивном деле не хранится свидетельств о вынесении приговора кому-либо из привлекавшихся по этому делу, но о дальнейшей судьбе некоторых из них известно по другим источникам. Так, епископ Григорий (Козлов) был приговорен к трем годам ИТЛ и в течение почти пяти лет пребывал в Соловецком лагере особого назначения, затем проживал в Орле, а в период 1936–1937 годов управлял Уфимской епархией (был в числе поминающих заместителя патриаршего местоблюстителя). В августе 1937 года был арестован в Уфе и 29 ноября того же года расстрелян[236].

Архиепископ Корнилий (Соболев), после заключения в Бутырской тюрьме, уже в мае оказался на Соловках и умер 16 апреля 1933 года в ссылке[237].

Заседание Временного Патриаршего Священного Синода под председательством митрополита Сергия (Страгородского). Москва. 16 ноября 1927 (1928?) года

Епископ Афанасий (Сахаров) был приговорен в апреле 1927 года к трем годам концлагерей и уже в июне, также, как преосвященные Григорий и Корнилий, оказался на Соловках[238].

Среди тех, кто подписал выборные документы, некоторые также оказались в заключении и ссылках. Так, например, епископ Гавриил (Воеводин) находился в апреле–октябре 1927 года в заключении в Ленинграде. В апреле 1927 года был арестован епископ Аркадий (Остальский).

А как дело о «тайных выборах патриарха» коснулось самого митрополита Кирилла? Митрополит Кирилл был арестован 21 декабря 1926 года в г. Котельниче Вятской губернии. В период с конца декабря 1926 года по апрель 1927 года владыка находился в заключении в вятской тюрьме. Дело, инкриминируемое ему, было напрямую связано с попыткой митрополита Сергия и его окружения провести выборы патриарха.

В отношении святителя Кирилла ГПУ вынесло следующее определение: «При рассмотрении означенного дела нашел следующее. Группа черносотенных церковников, проходящих по следственному делу № 36960, во главе с митрополитом Страгородским Сергием, патриаршим местоблюстителем[239], решила придать Церкви окончательно характер определенной антисоветской организации, и с этой целью возглавить ее патриархом, произведя выборы его нелегально и наметив в качестве ее кандидата в таковые наиболее антисоветски настроенное лицо. В качестве наиболее желаемого кандидата группа наметила именно Смирнова Константина Илариoновича, митрополита Кирилла, наиболее черносотенного и активного контрреволюционного церковника, с 1919 года по настоящее время, с несколькими перерывами, подвергавшегося репрессиям за активную антисоветскую деятельность, с которым и снеслась по этому поводу. Смирнов в это время для окончания отбытия административной высылки был переведен в город Котельнич, где близко сошелся с местным священником Агафонниковым. Немедленно у Кирилла начались приемы, как у патриарха. Причем обставлялись они крайне конспиративно, двери запирались и беседы велись шепотом. Посещение церковников приняло повальный характер, приходило к нему до пяти человек зараз. На основании вышеизложенного Смирнов и Агафонников были арестованы вместе с арестом черносотенной группировки церковников. Настоящее дело, ввиду законченности его следствием, полагаю не присоединять к делу № 36960, следствие по которому еще продолжается. Виновность Агафонникова и Смирнова полагаю считать доказанной»[240].

23 марта 1927 года митрополит Кирилл был осужден ОСО при Коллегии ОГПУ СССР по ст. 58—10 на три года ссылки[241]. Так, опальный митрополит вновь оказался в ссылке, теперь уже в Туруханском крае.

Если следовать версии иеромонаха Дамаскина (Орловского), то выборы были инспирированы ГПУ и как таковые не состоялись (проголосовало, по мнению отца Дамаскина, всего около двадцати иерархов). Если верить наиболее распространенной версии, основанной на церковном предании, то выборы можно считать факти-

чески состоявшимися, поскольку 72 иерарха проголосовало за митрополита Кирилла.

Из архивно-следственного дела ясно, что помимо «документа 25-ти» иерархов, высказавшихся за тайные выборы патриарха с кандидатурой митрополита Кирилла, существовали еще запечатанные пакеты с мнениями приблизительно 20 иерархов, проголосовавших почти единогласно за митрополита Кирилла. Таким образом, голосовавших было 45 человек. Сюда следует присоединить мнение епископов-соловчан, которых к 1926 году было не менее 24-х человек[242]. Таким образом, число иерархов так или иначе (устно или письменно) высказавшихся за избрание митрополита Кирилла Всероссийским патриархом, достигает 69-ти (не считая митрополита Сергия).

Напомним, что число иерархов, подписавших акт о вступлении митрополита Крутицкого Петра в права патриаршего местоблюстителя, составляло 60 человек, из которых часть епископов к концу 1926 года оказалась в заключении, например: архиепископ Херсонский Прокопий (Титов), архиепископ Иркутский Гурий (Степанов), епископ Чистопольский Иоасаф (Удалов), епископ Каменец-Подольский Амвросий (Полянский), епископ Гомельский Тихон (Шарапов), епископ Житомирский Аверкий (Кедров), епископ Петропавловский Алексий (Буй), архиепископ Владимирский Николай (Добронравов), епископ Ладожский Иннокентий (Тихонов) и др., некоторые иерархи, как, например, епископ Малоярославецкий Иоасаф (Шишковский-Дрылевский), епископ Иваново-Вознесенский Августин (Беляев), пребывали в ссылке.

Наконец, несколько человек из числа иерархов, подписавших акт о вступлении митрополита Петра Крутицкого в права патриаршего местоблюстителя, уклонились в григорианский раскол, а следовательно, и не могли участвовать в выборах патриарха, это: архиепископ Екатеринбургский Григорий (Яцковский), епископ Царицынский Тихон (Русинов), епископ Бутурлиновский Митрофан (Русинов), епископ Можайский Борис (Рукин), епископ Симбирский Виссарион (Зорин).

Итак, из 60-ти архиереев, поставивших свою подпись 12 апреля 1926 года, по крайней мере, 16 человек были лишены возможно-

сти голосовать, либо в силу физической невозможности это сделать (будучи в заключении или ссылке), либо в силу своей канонической несостоятельности (являясь раскольниками). Был лишен возможности участвовать в выборах и сам митрополит Петр Крутицкий. Оттого мнение, по меньшей мере, 69-ти иерархов Церкви становилось еще более весомым.

Трудно сказать, как бы сложилась дальнейшая судьба Церкви, если бы епископат более решительно обратил внимание на факт почти удавшейся попытки избрания митрополита Кирилла патриархом. Изменилось бы что-либо в ситуации, сложившейся с церковным центром? С высоты сегодняшний знаний архивных материалов и учитывая методы работы ГПУ можно сказать, что попытка провозгласить уже избранного большинством епископских голосов митрополита Кирилла патриархом едва ли была бы успешной.

Это только осложнило бы ситуацию с церковным управлением и предоставило ГПУ новые возможности в инициировании дальнейших церковных расколов и размежеваний. Это, по всей видимости, отчетливо осознавалось православными иерархами. Кроме того, осуществление выборов помимо патриаршего местоблюстителя, санкцией одного только его заместителя тоже настораживало часть епископата, слишком привыкшего во всех странностях видеть «руку Ивана Васильевича» (ГПУ). Не зря же церковные острословы и люди, посвященные в курс событий «выборов» 1926 года, дали этой таинственной истории название «Павлин в клетке», прозрачно намекая на изначальную осведомленность ГПУ о ходе выборов и о лицах, в них участвующих.

Материалы архивно-следственного дела не позволяют сделать столь категорических выводов, хотя бы уже потому, что аресты происходили постепенно, по мере упоминания арестованными на допросах тех или иных лиц, а не сразу, как было бы в случае, если ГПУ еще прежде поименно знало всех участников.

Вероятно, именно уверенность в том, что выборы происходили не без участия (или, по меньшей мере, не без заинтересованности) ГПУ, в обход митрополита Петра и без согласия митрополита Кирилла, заставляли православных епископов относиться с осторожностью к результатам выборов и не ссылаться на них, даже после

опубликования Декларации 1927 года, когда, казалось бы, у наиболее «непримиримых» иерархов имелась возможность напомнить митрополиту Сергию о «волеизъявлении» значительной части епископата.

Ни разу не апеллировал к результатам этих выборов и митрополит Кирилл. Следовательно, и он не придавал этим выборам канонической силы.

Сомнительной для многих оставалась и форма подобных выборов, осуществлявшихся без созыва Собора и голосованием одних только епископов.

Но при всем этом, соглашаясь с мудрой осторожностью церковных иерархов, не усугубивших сложной ситуации с церковным центром (а, может быть, и не догадывавшихся о подобной возможности?), следует особо отметить очевиднейший факт: при всех оговорках церковно-канонического характера избрание патриархом митрополита Казанского Кирилла в 1926 году могло бы состояться, не последуй за этими выборами карательных санкций государственной власти. Безусловно, выборы могли бы быть признаны имеющими каноническую силу только в том случае, если бы митрополит Петр признал законность выборов, инициированных не им[243].

Митрополит Кирилл, как мы уже говорили, ни в одном из известных нам писем не упоминал этих выборов в качестве легитимных и не ставил себя вне послушания митрополиту Петру, которого неизменно считал единственным полномочным Предстоятелем Русской Православной Церкви в те годы. Это дает нам основание полагать, что сам митрополит Кирилл не придавал принципиального значения этим выборам, как не получившим одобрения местоблюстителя патриаршего престола. Кроме того, обращение к митрополиту Кириллу в 1926 году Тучкова с предложением «сотрудничества» в связи с тем, что архиереи просят владыку Кирилла в патриархи и ради этого затеяли нелегальные выборы (тогда Казанский митрополит от переговоров на эту тему отказался), давали основания митрополиту Кириллу полагать, что выборы есть инициатива если не инспирированная ГПУ, то в чем-то им полезная. Непонятна и сомнительна для митрополита Кирилла была и роль в этих выборах митрополита Сергия.

Выскажем и такое предположение. Если бы выбор русских иерархов оказался не столь единодушным, то ГПУ, с целью внесения нового раскола в жизнь Церкви, поддержало бы выборы, поскольку в интересах советской власти была максимальная дестабилизация и децентрализация (атомизация) церковной жизни, обезглавливание Церкви и компрометация виднейших иерархов.

Вероятно, в ГПУ осознавали, что выборы 1926 года способны качественно изменить ситуацию с церковным управлением в лучшую для Церкви сторону, в случае если часть епископата твердо и настойчиво будет высказываться за придание юридического статуса фактическому избранию митрополита Кирилла на патриаршество. Это беспокоило богоборческую власть, ей следовало что-то предпринять. Арест и новая ссылка митрополита Кирилла были, с точки зрения ГПУ (Тучкова), не лучшим выходом из создавшейся ситуации. Гораздо желательнее было бы согласие известного и уважаемого иерарха сотрудничать с властью, что, конечно, предполагало не одну только лояльность. В этом случае могла бы, видимо, последовать и инициированная властью легализация выборов митрополита Кирилла.

Поэтому в середине февраля 1927 года, когда митрополит Сергий (Страгородский) еще пребывал в заключении, к митрополиту Кириллу в вятскую тюрьму, где владыка находился с декабря 1926 года по апрель 1927 года, явился начальник VI Секретного отдела ОГПУ Тучков и предложил владыке, как одному из наиболее авторитетных среди духовенства и мирян иерарху, возглавить Российскую Церковь. Тучков выразил надежду, что судьба заключенного владыки скоро изменится, что он, Тучков, нисколько не сомневается, что разговаривает с будущим патриархом. Заговорил чекист и о «легализации» Церкви, поставив одно только условие:

— Если нам нужно будет удалить какого-нибудь архиерея, вы должны будете нам помочь.

— Если он будет виновен в каком-либо церковном преступлении — да,— спокойно отвечал владыка Кирилл.— В противном случае я скажу: брат, я ничего не имею против тебя, но власти требуют тебя удалить, и я вынужден это сделать.

Е. А. Тучков — начальник VI СО ОГПУ

— Нет, не так,— нетерпеливо и резко возразил Тучков.— Вы должны сделать вид, что делаете это сами и найти соответствующее обвинение.

— Евгений Александрович, вы не пушка, а я не бомба, которой вы хотите взорвать изнутри Русскую Церковь,— с достоинством отвечал митрополит Кирилл[244].

После этого ответа, сохраненного церковным преданием словно в назидание будущим поколениям христиан, приговор ОСО при Коллегии ОГПУ СССР по ст. 58—10, присудивший митрополита Кирилла к трем годам ссылки, был приведен в исполнение.

Сам митрополит Кирилл спустя три года так описывал это событие: *«В половине февраля 1927 г. в том же Вятском О. Г. П. У. был допрошен прибывшим из Москвы Е. А. Тучковым. Из его слов я узнал, что меня кто-то избрал в патриархи Русской Церкви, и Е. А. Тучков интересовался, как я отнесся бы к этому избранию и как осуществлял бы свои патриаршие полномочия? Я отвечал, что для меня на первом месте стоит вопрос о законности избрания, т. е. о*

избрании законно созванным Собором. Таким же Собором может быть только созванный м[итрополитом] Петром или по его уполномочию м[итрополитом] Сергием. Мне было отвечено, что в данном случае инициатором выборов и является м[итрополит] Сергий, и выборы произведены епископатом. Тем не менее, не зная ни повода, ни формы произведенных будто бы выборов, я отвечал, что совершенно не могу определить обязательное для себя отношение к таким выборам, если они были. Во всяком случае, были они без моего ведома. Но Вы, сказал мой собеседник, являетесь центральной личностию, и снова перешел к вопросам о моем церковном credo. Беседа с Е. А. Т[учковым] по этому вопросу была продолжена и на следующий день, после чего через два месяца мне был объявлен приговор О. Г. П. У. об отправлении меня в ссылку в Сибирь на три года, начиная с 21 декабря 1926 г., и я в тот же день с экстренным поездом был отправлен в сопровождении уполномоченного Ополева и конвоира — в Новосибирск, откуда доставлен в Красноярск и с первым пароходом отправлен в Туруханск. Там мне было указано отбывать срок ссылки на станке Хантайка...»[245]

Сам митрополит Кирилл не без скорби отнесся к выборам 1926 года. В письме к епископу Иоасафу (Удалову) 7 (20) ноября 1929 года (ровно за восемь лет до своей мученической кончины), опровергая подозрения митрополита Сергия и гражданских властей в своей связи с волнениями, поднятыми в Вятке последователями епископа Виктора (Островидова), владыка Кирилл писал: *«Но м[итрополит] Сергий опытный делец. Он сделал меня «центральной личностию» в совершенно неведомой мне затее об избрании меня в патриархи, а теперь хочет сделать центром каких-то неведомых мне, но граничащих, по Вашим словам, с уголовщиной, выступлений против него. Sapienti sat [лат. — мудрому достаточно]»*[246].

Справедливости ради заметим, что не митрополит Сергий был инициатором «тайных выборов», хотя и выступил в качестве легитимизатора их. В раздувании тлеющих угольков недоверия между ссыльным митрополитом Кириллом и заместителем местоблюстителя слишком уж очевидно участие Е. А. Тучкова, не преминувшего

на допросе упомянуть о выборах как личной инициативе митрополита Сергия.

Видимо, с подобными же предложениями, что и к митрополиту Кириллу и митрополиту Агафангелу, Тучков обратился и к митрополиту Сергию, поскольку тот вскоре был освобожден из тюрьмы и подписал известный документ, вошедший в историю под названием «Декларация митрополита Сергия». Как теперь известно, ее окончательный вариант, навязанный госвластью, существенно отличался от той Декларации, которая была составлена самим митрополитом Сергием. Кроме того, по свидетельству митрополита Сергия (Воскресенского), заместителю местоблюстителя угрожали в тюрьме расстрелом его сестры и многих арестованных архиереев и священников[247].

Декларация 1927 года вызвала размежевание в среде староцерковнического движения. Однако оценка этого важного в истории Русской Церкви документа не входит в задачу настоящего исследования, как, впрочем, и анализ последовавших за этой Декларацией трагических разделений. К тому же митрополит Кирилл не вменял митрополиту Сергию эту Декларацию в сугубую вину, в отличие от многих других церковных иерархов. Возможно, потому что, как писал протоиерей Владислав Цыпин, «по аттестации самого автора Декларации, она представляет собой всего лишь «заявление земных людей, граждан СССР, а не самой Церкви». Совершенно очевидно, что автором ее поэтому отнюдь не предполагалась и не могла предполагаться обязательность совершенного согласия с нею всех епископов и клириков»[248].

Вместе с тем, помимо трагического размежевания в среде староцерковников, Декларация привела и к новой активизации обновленцев. Последние, увидев в деятельности митрополита Сергия прежде всего желание легализовать высшую церковную власть, чего ранее уже добилось обновленческое ВЦУ, ревниво заявили о беспринципности заявлений митрополита Сергия. Было ясно, что с появлением Декларации обновленцы окончательно потеряют всякую базу для своей деятельности.

Весьма характерна реплика, опубликованная в «Православном церковном вестнике», печатном органе казанских обновленцев.

Заметка интересна тем, что по-своему излагает ход несостоявшихся «выборов патриарха» и дает собственную оценку Декларации:

«Епископы тихоновского толка сговорились избрать сами без всякого Собора «на вдовствующий патриарший престол» митрополита Казанского Кирилла. С этой целью они собрали около 45 подписей епископов из признаваемых ими шестидесяти[249] и направили объявить свою волю через особо посланных двух епископов митрополиту Кириллу. Расчет сделан сергиевцами просто: Кирилл будет сидеть в своем заточении, а народу будет внушаться мысль, что Российскую Церковь возглавляет патриарх-мученик. Вместо же него всеми благами мира сего будут пользоваться епископы-тихоновцы. Затея была своевременно раскрыта одним изменником, из числа самих заговорщиков (удивительная осведомленность обновленцев.— *А. Ж.*), и в результате явилось обращение митр[ополита] Сергия к «безбожной» власти с знаменитым отселе уверением: «ваша радость — наша радость». В этом уверении заключается и разгадка, почему тихоновцы никогда не выступают на диспутах против безбожников: для тихоновцев успех безбожия составляет настоящую радость. Но народ они держат во тьме, по примеру фарисеев, говоривших, что народ, не ведущий закона,— прокляти суть»[250].

Так, Декларация 1927 года, опубликованная митрополитом Сергием, видимо, из благих побуждений (легализация высшей церковной власти, освобождение томящегося по тюрьмам и концлагерям духовенства и пр.) и явившаяся компромиссом с гражданской властью, оказалась в поле критики как со стороны православных, так и со стороны обновленцев. Не преминули высказать своего негодования и карловчане, собственное каноническое положение которых оставалось зыбким.

Однако немалое количество иерархов Русской Церкви не прекратили церковного общения с заместителем патриаршего местоблюстителя, признав *во избежание раскола* и вынужденную внешними обстоятельствами необходимость Декларации, и учреждение Временного Патриаршего Священного Синода, и ту позицию, какую занял митрополит Сергий в отношении к советской власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дата указана по новому стилю.

[2] За Христа пострадавшие. С. 568.

[3] Деяние 140 // Деяния... Т. 8. С. 182.

[4] *Егоров В., свящ.* К истории провозглашения грузинами автокефалии своей Церкви в 1917 году. М., 1917. С. 9—11.

[5] *Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700—1917 // История Русской Церкви. М., 1996. Т. VIII, Ч. 1. С. 776—781.

[6] В 1917 году епископ Григорий (Яцковский) был назначен епископом Екатеринбургским и Ирбитским.

[7] *Смолич И. К.* Указ. соч. С. 779, 752.

[8] *Скурат К. Е.* История Поместных Православных Церквей. М.: Русские огни, 1994. Т. 1. С. 53.

[9] *Егоров В., свящ.* Указ. соч. С. 22—23.

[10] *Голубцов Г., прот.* Поездка на Всероссийский Церковный Собор: Дневник (29 января 18 апреля 1918 г.) //Российская Церковь в годы революции.— М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1995. С. 224.

[11] *Шавельский Г., протопресв.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. (Репринт) — М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. Т. 1. С. 377.

[12] Там же. С. 377.

[13] *Мейендорф И.* Прот. о. Георгий Шавельский. «Воспоминания»//Вестник РСХД.— 1955. № 36. С. 39—40.

[14] *Голубцов Г., прот.* Указ. соч. С. 242—243.

[15] Цит. по: Письма священномучеников — архиереев Русской Православной Церкви к святителю Тихону, Патриарху Московскому и всея Руси. /Публ. прот. В. Воробьева // Богословский сборник. Вып. 6. М.: ПСТБИ, 2000. С. 7—15.

[16] Митрополит Кирилл указывает дату по ст. ст., следовательно, дата прибытия его в Баку 6 (19) мая 1918 г.

[17] Протоиерей Александр Иоаннович Юницкий служил в кафедральном храме Баку, член Поместного Собора (участвовал в работе третьей сессии, замещая выбывшего из числа членов Собора епископа Григория (Яцковского).

[18] Письма священномучеников — архиереев Русской Православной Церкви к святителю Тихону... С. 7—8.

[19] Азербайджанская Советская Социалистическая Республика // БСЭ. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1972. Т. 1. С. 253—254.

[20] Письма священномучеников... С. 8.

[21] Там же. С. 8—9.

[22] Позднее, в связи с невозможностью восстановить церковное общение с Грузинской Церковью, организованный митрополитом Кириллом «исполнительный аппарат» в Баку будет способствовать осуществлению проекта по учреждению самостоятельной Бакинской епархии.

[23] Имеется в виду послание патриарха Тихона от 29 декабря 1917 года.

[24] Епископы из числа природных грузин, провозгласившие автокефалию Грузинской Церкви: епископ бывший Полоцкий и Витебский Кирион (Садзаглишвили), Гурийско-Мингрельский Леонид (Окропиридзе), Имеретинский Георгий (Аладашвили), Горийский Антоний (Георгадзе), Алавердский Пирр (Окропиридзе). Именно к ним было обращено послание Св. Патриарха Тихона от 29 декабря 1917 г.

[25] Архиепископ Астраханский и Енотаевский Митрофан (Краснопольский) (22. 10. 1869—06. 07. 1919).

[26] В «Богословском сборнике» название Муганской степи ошибочно приводится как Мучанская // Письма священномучеников... С. 10.

[27] Муганская степь (Муганская равнина), участок Кура-Араксинской низменности к югу от места слияния рек Куры и Аракса, находится на территории современного Азербайджана. Юго-западная часть Муганской равнины принадлежит Ирану.

[28] Уезд с центром в г. Куба, расположенном на реке Кудиалчай, впадающей в Каспийское море. Город Куба основан в XV в., в 1744—1789 гг. столица кубинских ханов, в 1806 г. занят русскими войсками и по Гюлистанскому мирному договору 1813 г. оставлен за Россией. С учреждением Дербентской губернии становится уездным городом, с 1859 г. входит в состав Бакинской губернии. Расположен в северной прикаспийской части современного Азербайджана.

[29] Ленкорань — один из древнейших городов Азербайджана, расположен на Ленкоранской низменности, на р. Ленкораньчай, при впадении ее в Каспийское море, с 1846 г.— уездный город.

[30] Письма священномучеников... С. 9—11.

[31] Там же. С. 11.

[32] БСЭ. Т. 7. С. 368.

[33] Владикавказ — в настоящее время столица Северной Осетии. Основан в 1863 г. как русская крепость близ осетинского селения Дзауджикау, обеспечивал сообщение с Грузией по Военно-Грузинской дороге.

[34] Моздок — в настоящее время районный центр Северной Осетии, находящийся в 92 км к северу от Владикавказа.

[35] Кизляр — в настоящее время районный центр в Дагестане, расположенный в 170 км к северо-западу от Махачкалы. С 1860-х центр Кизлярского округа (с 1905 — отдела) Терской области.

[36] Письма священномучеников... С. 11—12.

[37] Там же. С. 12.

[38] Там же. С. 11—13.

[39] Там же. С. 14.

[40] Протокол Частного Совещания членов Собора 19 июня (2 июля) 1918 г. // Деяния... Т. 9. С. 144.

[41] Письма священномучеников... С. 14.

[42] Митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский) (27. 09. 1854, с. Могилы Веневского у. Тульской губ.— 16. 10. 1928, Ярославль), исповедник. С 6 марта 1918 г. являлся членом Высшего Церковного Совета при Св. Патриархе Тихоне и участвовал в рассмотрении, в том числе, и вопросов церковных наград.

[43] Письма священномучеников... С. 14—15.

[44] Там же. С. 14—15.

[45] РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 46, л. 16.

[46] Там же, л. 17—18об. Список кандидатов был таков: 1) Лаврентий, епископ Балахнинский; 2) Евлогий, архиепископ Вольский (в документе ошибка, в действительности — архиепископ Волынский — *А. Ж.*); 3) Геннадий, епископ Нарвский; 4) Макарий, б. епископ Орловский; 5) Серафим, архиепископ Тверской; 6) Иоаким, б. архиепископ Нижегородский; 7) Анастасий, архиепископ Кишиневский; 8) Василий, б. архиепископ Черниговский; 9) Шавельский Георгий, протопресвитер; 10) Иоанн, епископ Новгород-Северский, викарий Черниговской епархии; 11) Фаддей, епископ Владимиро-Волынский; 12) Кудрявцев Михаил, протоиерей Нижнего Новгорода, вдовый; 13) Евдоким, архиепископ Американский; 14) Сергий, митрополит Владимирский; 15) Варнава, б. архиепископ Тобольский; 16) Андрей, епископ Уфимский (в протоколе ошибочно указана фамилия, а не кафедра — Ухтомский); 17) Корнилий, епископ Рыбнинский; 18) Кирилл, экзарх Грузии; 19) Иосиф, епископ Угличский; 20) Алексий, епископ Сарапульский; 21) Вениамин, архимандрит, ректор Тверской духовной семинарии; 22) Владимирский Феодор, протоиерей г. Арзамаса, вдовый; 23) Цветаев Николай, протоиерей г . Нижнего Новгорода, вдовый; 24) Нестор, епископ Камчатский; 25) Серафим, епископ Челябинский; 26) Арсений, митрополит Новгородский; 27) Назарий, б. архиепископ Одесский, а ранее Нижегородский; 28) Виссарион (Зорнин), архимандрит; 29) Тополев Петр, преподаватель Нижегородского духовного училища, холост.

[47] Здесь ошибка. Владыка Евлогий был архиепископом Волынским (с 14. 05. 1914), а не Вольским викарием Саратовской епархии.

[48] РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 46, л. 15. Постановление Святейшего Патриарха и Священного Синода от 8 (21) июня 1918 г. за № 431.

[49] Там же, л. 22.

[50] Там же, л. 23—23об.

[51] Там же, л. 23об.—24об.

[52] Там же, л. 10.

[53] Там же, л. 13.

[54] Там же, л. 21. Постановление Св. Патриарха Тихона и Св. Синода Православной Российской Церкви от 8 (21) октября 1918 г. за № 874.

[55] Священный Собор Православной Российской Церкви: 1917—1918 гг. Обзор Деяний. Третья сессия /Сост. А. Г. Кравецкий, Г. Шульц.— М.: Крутицкое патриаршее подворье, 2000. С. 46.

[56] Таким образом, первое заседание третьей сессии Собора соответствовало 130 Деянию Поместного Собора от 6 (19) июля 1918 г.

[57] Деяние 130 // Деяния... Т. 9. С. 155.

[58] Там же. С. 157.

[59] Деяние 144//Деяния... Т. 10. С. 126.

[60] Священный Собор Православной Российской Церкви: 1917—1918 гг. Обзор Деяний. Третья сессия /Сост. А. Г. Кравецкий, Г. Шульц.— М.: Крутицкое патриаршее подворье, 2000. С. 188—189.

[61] Заместителями избраны: митрополит Тифлисский Кирилл, епископ Охтенский Симон, протоиерей П. А. Миртов, протоиерей П. Н. Лахостский, Н. Д. Кузнецов и С. А. Котляревский.— см. Деяние 144 //Деяния... Т. 10. С. 153.

[62] Священный Собор... С. 207.

[63] Там же. С. 268, 370.

[64] «Предрешение Государственной комиссии по народному просвещению закрытия всех духовно-учебных заведений поставляет в положение заштатных всех начальствующих, преподавателей, преподавательниц, воспитателей, воспитательниц, числящихся на службе в духовно-учебных заведениях, содержание коих во многих епархиях принято на общеепархиальные средства. Необходимо указать епархиям и епархиальным начальствам, что оказывающиеся с закрытием духовно-учебных заведений за штатом начальствующие и преподаватели сих заведений, где окажется возможным, должны быть использованы на дело внешкольного просвещения в епархии и во всяком случае получать содержание из епархиальных сумм впредь до приискания себе места, но не более полугода»// Там же. С. 237.

[65] В другом месте говорится о 82-х членах Собора, подписавших это заявление.— Ср. Священный Собор... С. 275 и С. 316.

[66] Там же. С. 275.

[67] Там же. С. 318.

[68] Там же. С. 303.

[69] Там же. С. 327.

[70] Там же. С. 290—291.

[71] Там же. С. 351—352.

[72] Там же. С. 353.

[73] Там же. С. 353—354.

[74] Там же. С. 360.

[75] Там же. С. 361.

[76] Определение Священного Собора Православной Российской Церкви «О церковных округах»: «Имея в виду, что потребность образования округов в Русской Церкви признана Соборами 1666 и 1681—82 гг. и последующим церковным сознанием, и принимая во внимание нынешнее количество епархий Россий-

ской Церкви, Священный Собор, руководствуясь священными канонами, определяет: учредить в Российской Церкви церковные округа, а установление числа округов и распределение по ним епархий поручить Высшему Церковному Управлению» //Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.– Вып. 4. С. 14.

[77] Священный Собор... С. 363–364.

[78] Митрополит Арсений считал, что предлагаемый проект несколько противоречит посланию от 27 декабря 1917 г. Патриарха Тихона грузинским иерархам, поскольку в послании содержится призыв принести покаяние и вместе с кириархальной Церковью обсудить вопрос об автокефалии. Проект же о создании митрополичьего округа и Бакинской епархии исходил из того, что большая часть грузинских приходов уже не принадлежит Русской Церкви.

[79] Священный Собор... С. 371.

[80] Там же. С. 372.

[81] Там же. С. 35–36.

[82] *Окунев Н. П.* Дневник москвича (1917–1924).– Paris: YMCA-PRESS, 1990. С. 221.

[83] Следственное дело Патриарха Тихона. С. 84.

[84] Там же. С. 93.

[85] Там же. С. 84.

[86] Архив УКГБ КазССР по Чимкентской области, ф. 1, д. 02455.–л. 9.

[87] За Христа пострадавшие... С. 661.

[88] Следственное дело Патриарха Тихона. С. 86–91.

[89] За Христа пострадавшие... С. 512.

[90] *Вострышев М.* Во имя правды и достоинства //Литературная Россия. № 5. 31 янв. С. 22

[91] *Вострышев М.* Указ. соч. С. 22.

[92] Церковно-исторический вестник. 1999. № 2–3. С. 65.

[93] Архив КГБ РТ, д. 9867.

[94] Там же. Журнал № 7 Собрания Совета КазДА от 6 марта/21 февраля 1921 г.

[95] Церковно-исторический вестник. 1999. № 2–3. С. 64–65.

[96] Там же. С. 65.

[97] У Бога все живы: Воспоминания о даниловском старце архимандрите Георгии (Лаврове).– М.: Даниловский благовестник, 1996. С. 18.

[98] Православная жизнь. 1995. № 9. С. 21–22.

[99] Там же. С. 22

[100] *Окунев Н. П.* Указ. соч. С. 440–441.

[101] Тогда верующие были не только среди заключенных, но и среди стражников. Троцкий в апреле 1922 года в своей секретной депеше в Политбюро писал о необходимости срочного развертывания массовой антирелигиозной агитации, приводя «печальный» пример того, как глубоки в народе «культовые предрассудки»: «Против моего окна церковь. Из десяти прохожих (считая всех, в том числе детей) по крайней мере, семь, если не восемь, крестится, проходя мимо. А прохо-

дит много красноармейцев, много молодежи» // Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917—194:. Документы и фотоматериалы. М.: ББИ, 1996. С. 105.

[102] *Трубецкой С. Е.* Минувшее.— Paris: YMCA-PRESS, 1989. С. 270.

[103] Православная жизнь. 1995. № 9. С. 23.

[104] *Трубецкой С. Е.* Указ. соч. С. 284.

[105] Там же. С. 283—284.

[106] Церковно-исторический вестник. 1999. № 2—3. С. 65.

[107] Архив УКГБ КазССР по Чимкентской области, ф. 1, д. 02455, л. 9.

[108] НА РТ, ф. 1172, оп. 3, д. 32.

[109] Послание Святейшего Патриарха от 6/19 февраля 1922 г.

[110] Цит. по: Русская Православная Церковь в советское время (1917—1991): Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью/ Сост. Г. Штриккер. М.: «Пропилеи», 1995. Кн. 1. С. 148

[111] Там же. С. 149—150.

[112] *Федорова Н., Абрамов Л.* Голод 1921—1922 годов и казанское духовенство //Эхо веков. 1998. № 3 /4. С. 92.

[113] *Вострышев М.* Указ. соч. С. 22.

[114] Имена этих осведомителей известны, большинство из них составит костяк обновленческого движения в Казани и даже войдет позднее в состав обновленческого КЕУ (Казанского епархиального управления).

[115] Это было сознательной позицией митрополита Кирилла, следовавшего решениям Поместного Собора, запрещавшего добровольно выдавать описи светским властям.

[116] *Федорова Н., Абрамов Л.* Указ. соч. С. 91—92.

[117] Архив УФСБ РФ по Кировской обл., д. СУ-11404, т. 1, л. 169. Цит. по: «Это есть скорбь для Церкви, но не смерть ее...»: Из материалов следственного дела священномученика митрополита Кирилла Казанского (1930) /Публ. Н. Кривошеевой, А. Мазырина // Богословский сборник. Вып. VIII. М. 2001. С. 330.

[118] Православный церковный вестник. № 4, 1925. С. 23.

[119] Воззвание гласило: «Мы, Сергий, митрополит Владимирский и Шуйский, Евдоким, архиепископ Нижегородский и Арзамасский, и Серафим, архиепископ Костромской и Галичский, рассмотрев платформу Временного Церковного Управления и каноническую законность Управления, заявляем, что целиком разделяем мероприятия Временного Церковного Управления, считаем его единственной, канонически законной верховной церковной властью и все распоряжения, исходящие от него, считаем вполне законными и обязательными. Мы призываем последовать нашему примеру всех истинных пастырей и верующих сынов Церкви как вверенных нам, так и других епархий».

[120] *Шишкин А. А.* Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской Православной Церкви.— Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1970. С. 101.

[121] Православный церковный вестник. 1925. № 4. С. 23.

[122] Цит. по «Это есть скорбь для Церкви, но не смерть ее...»: Из материалов следственного дела священномученика митрополита Кирилла Казанского (1930) /Публ. Н. Кривошеевой, А. Мазырина // Богословский сборник. Вып. VIII. М. 2001. С. 330–331.

[123] Стенограмма (в расшифровке *А. Ж.*) собрания в Богоявленском соборе приводится по записной книжке архимандрита Варсонофия (Лузина) (архив автора). Обилие мест, не поддающихся расшифровке, обусловлено плохой сохранностью оригинала.

[124] Митрополит Кирилл говорит о Православном богословском институте, правопреемнике Казанской Духовной академии, возникшем в ноябре 1921 г.– см.: *Журавский А. В.* Казанская Духовная академия в последний период ее существования //Материалы Казанской юбилейной историко-богословской конференции, 17–19 октября 1995 г.– Казань, 1996. С. 95–102, а также: *Журавский А. В.* Казанская Духовная академия на переломе эпох (1884–1921 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук.– М.: ИРИ РАН, 1999.

[125] Православный церковный вестник. № 4, 1925. С. 23–24.

[126] НА РТ, ф. 1172-Р, оп. 3, д. 33, л. 1

[127] Там же, д. 29, л. 1

[128] В прежнее Казанское епархиальное управление (в период с 1 апреля по август 1922 г.) входили: митрополит Казанский и Свияжский Кирилл (Смирнов), Председатель Управления; епископ Иоасаф (Удалов); епископ Афанасий (Малинин); епископ Андроник (Богословский); священник Александр Лебедев; протоиерей Петр Грачев, секретарь; протоиерей Иоанн Тобурдановский, казначей; священник Сергий Покровский, личный секретарь; протоиерей Михаил Софотеров, делопроизводитель; диакон Владимир Петров, делопроизводитель; профессор Михаил Васильевский; профессор Павел Пономарев; Александр Михайлович Покровский, делопроизводитель; Елизавета Александровна Васильева, машинистка; Нина Ефимовна Милова, помощник делопроизводителя; Александр Иванович Померанцев, регистратор. После ареста митрополита Кирилла уполномоченному ВЦУ протоиерею Черкасову поручалось принять все епархиальные дела и сформировать новое Епархиальное управление. 26 сентября состав нового управления был утвержден. В него вошли казанские деятели обновленчества: протоиерей Павел Руфимский; протоиерей Порфирий Руфимский; протоиерей Степан Спирин; священник Евгений Сосунцов; священник Василий Ивановский; протоиерей Порфирий Черкасов, уполномоченный ВЦУ по Казанской епархии; диакон Владимир Баталев. Еще некоторое время в состав управления входили три викария, поскольку епископ Иоасаф являлся временным управляющим Казанской епархией. Но с назначением на Казанскую кафедру обновленческого архиепископа Алексия, все три викария, а также православные священники вышли из состава КЕУ.

[129] *Фудель С. И.* Собр. соч. Т. 1. С. 99-100.

[130] Там же. С. 101

[131] Там же. С. 101–102.

[132] Там же. С. 102.

[133] Вестник РСХД, 1973, № 107. С. 187. Автор статьи «Крестный путь преосвященного Афанасия Сахарова (1887–1962)» утверждает, что эта история с владыкой Кириллом произошла после разговора с Тучковым в вятской тюрьме в 1927 г. Однако в верховьях реки Вычегды, т. е. в коми-зырянской ссылке, митрополит Кирилл пребывал именно с 1923 г. (и находился там не позднее, чем до конца 1926 г.); из вятской тюрьмы митрополит Кирилл был направлен в ссылку в Туруханский край. Поэтому описанная история могла произойти: либо в 1923 году, либо после собеседования с Тучковым в Москве в июне 1924 года, после чего митрополит Кирилл вновь был сослан в Коми-Зырянский край; либо в мае 1925 года, когда после своего прибытия в Усть-Сысольск митрополит Кирилл без суда был сослан в Переволок Усть-Ухтинской волости Ижемского уезда Зырянского края.

[134] Усть-Сысольск — город в бывшей Вологодской губернии, расположенный на берегу рек Сысола и Вычегда; с 1921 центр АО Коми (Зырян), с 1930 носит название Сыктывкар. С 1936 Сыктывкар — столица Коми АССР, с 1991 — Республики Коми.

[135] Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 868.

[136] Житие епископа Серафима (Звездинского). Письма и проповеди. Б. г., б. г. С. 55.

[137] *Фудель С. И.* Указ. соч. С. 101.

[138] Епископ Афанасий передал доставшиеся ему в 50-х годах рукописи архимандрита Неофита в Московскую Патриархию, но их затеряли. Владыка Афанасий по этому поводу писал даже письмо архиепископу Пимену (Извекову), будущему патриарху. В архиве ПСТБИ имеется один машинописный труд архимандрита Неофита.

[139] Мощи епископа Василия (Преображенского) были обретены 5 (18) октября 1985 г. и перенесены в Москву, а в 1993 г. мощи владыки были перенесены в Свято-Введенский женский монастырь г. Иванова. В августе 1993 г. епископ Василий был причислен к лику местночтимых святых. Епископ Василий был в числе тех, кто был канонизирован РПЦЗ в 1981 г. (его имя надписано на полях иконы Собора святых новомучеников Российских, от безбожников избиенных).

[140] *Дамаскин (Орловский), иером.* Жизнеописание святителя Василия, епископа Кинешемского //*Василий (Преображенский), свт.* Беседы на Евангелие от Марка. М.: Отчий дом, 1996. С. 18.

[141] Там же. С. 13.

[142] Архив УФСБ РФ по Кемеровской обл. д. П-17429, л. 32-42. Цит. по: «Это есть скорбь для Церкви, но не смерть ее» //Богословский сборник. Вып. VIII. М.: ПСТБИ, 2001. С. 335.

[143] Вестник РСХД, 1973, № 107. С. 186. См. также *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. С. 359–361.

[144] «Это есть скорбь для Церкви, но не смерть ее» // Богословский сборник. Вып. VIII. М.: ПСТБИ, 2001. С. 337.

[145] Среди духовенства и мирян бытовало мнение о насильственной смерти патриарха Тихона. Однако неопровержимых доказательств этого не имеется.

[146] Послание от 30. 03 (12. 04). 1925 Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского) о вступлении своем в управление Православной Русской Церковью //Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 413.

[147] Завещательное распоряжение Святейшего Патриарха Тихона, на случай своей кончины о преемстве Высшей Церковной Власти //Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 340—344.

[148] Послание от 30. 03 (12. 04). 1925 Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского) о вступлении своем в управление Православной Русской Церковью //Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 413.

[149] Это было в период 27—30 апреля 1925 года.

[150] Житие епископа Серафима (Звездинского). Письма и проповеди. С. 79.

[151] Там же. С. 79.

[152] Материалы, связанные с вопросом о канонизации священномучеников местоблюстителя патриаршего престола митрополита Петра (Полянского), митрополита Серафима (Чичагова) и архиепископа Фаддея (Успенского).— [Софрино]: Синод. комис. РПЦ по канонизации святых, 1997. С. 6.

[153] Не случайно епископ Дамаскин, в бытность еще свою иеромонахом, приехал в 1919 г. именно в Киев, где был зачислен митрополитом Антонием (Храповицким) в число братии Михайловского монастыря.

[154] Материалы, связанные с вопросом о канонизации священномучеников. С. 8.

[155] Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 421—422.

[156] Там же. С. 422.

[157] 12 декабря 1927 г. состоялась беседа представителей Ленинградской епархии епископа Гдовского Димитрия (Любимова), протоиерея Василия Верюжского, протоиерея Викторина Добронравова и мирянина Алексеева с митрополитом Сергием. На вопрос делегатов: «А скажите, владыко, имя митрополита Петра предполагается отменить?», митрополит Сергий отвечал: «Если власти прикажут, так что же будешь делать? И сам Святейший Патриарх Тихон разрешил под давлением властей не поминать его». Тогда протоиерей Василий Верюжский заметил: «Но Святейший Патриарх Тихон мог разрешить не поминать себя, а вы отменить имени митрополита Петра не можете!» На это замечание ответа митрополита Сергия не последовало.

[158] Церковно-исторический вестник. 1999. № 2—3. С. 65—66.

[159] Там же. С. 66.

[160] Вестник РСХД. № 107. С. 186.

[161] События сбора подписей под документом о выборе Всероссийским патриархом митрополита Казанского Кирилла были изложены в периодическом органе русских католиков «Благовест», 1931, № 4, сентябрь—октябрь. См. также «Акты Святейшего Патриарха Тихона...». С. 776—778.

[162] 4-е правило I Вселенского Собора гласит: «Епископа поставляти наиболее прилично всем тоя области епископам. Аще же сие неудобно, или по надлежащей нужде, или по дальности пути: по крайней мере три во едино место да соберутся, а отсутствующие да изъявят согласие посредством грамат: и тогда совершати рукоположение. Утверждати же таковыя действия в каждой области подобает ея митрополиту». 4 правило Седьмого Вселенского Собора в интересующей нас части повторяет формулировку 4 правила Первого Вселенского Собора.

[163] *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним.— Тверь: Булат, 1996. Кн. 2. С. 497.

[161] Возможно, была иная форма сбора подписей, когда через доверенных лиц ссыльные епископы присылали пакеты с именем избранника в патриархи — митрополита Кирилла.— См. статью: *Вострышев М.* Во имя правды и достоинства //Литературная Россия. 1992. № 5. 31 янв. С. 22.

[165] За Христа пострадавшие... С. 570.

[166] Если сообщению о трех кандидатах можно верить, вторым мог быть указан митрополит Агафангел (Преображенский). Это естественным образом вытекало из завещания Св. Патриарха Тихона. Впрочем, не исключено, что вторым был указан все же митрополит Петр, как уже вступивший в права патриаршего местоблюстителя. Если это так, то подобное решение могло бы устранить ту нравственную неловкость, какую, несомненно, должны были бы испытывать устроители выборов перед неизвещенным о предпринятой акции митрополитом Петром.

[167] *Митрополит Елевферий (Богоявленский).* Неделя в Патриархии.— М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1995 С. 265—266. Митрополит Елевферий в качестве движущего фактора оппозиции митрополита Кирилла в 1928 г. митрополиту Сергию выдвигает личную обиду, будто бы поселившуюся в сердце Казанского владыки после того, как «некоторые чрезмерные церковные ревнители, не могущие разбираться в окружающей их атмосфере, пустили в ход агитацию за избрание в патриарха м[итрополита] Кирилла»; власти же, узнав об этом, сослали уже бывшего на свободе митрополита Кирилла «в отдаленный край Сибири». «Старцу-узнику,— продолжает митрополит Елевферий,— естественно было подумать, как это м[итрополит] Сергий допустил такую неразумную агитацию, подвергшую его суровой опале?». Митрополит Елевферий, ополчаясь против «чрезмерных церковных ревнителей», видимо, не знал, что среди инициаторов сбора подписей находился и митрополит Сергий. Трактовка же последующей оппозиции митрополита Кирилла митрополиту Сергию, как следствие личной обиды Казанского владыки, показывает, что митрополит Елевферий не только не разобрался в сути происходивших в России событий (впрочем, это чрезвычайно трудно осуществить и на рубеже XX—XXI вв., даже обладая теми материалами по истории Русской Церкви XX века, которых был лишен митрополит Елевферий), но и ис-

кажал позицию митрополита Кирилла, никогда не привносившего в дела церковные личных мотивов.

[168] Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 777—778. Как говорится в статье из парижского «Благовеста»: «Люди, посвященные в суть дела, именовали его впоследствии интригующим эпитетом «Павлин в клетке». Цит. по: Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 776.

[169] Естественно, что интронизация (настолование) избранного патриарха последовала бы в свое время, о ней вопрос не ставился, речь шла только о выборах.

[170] Архив ФСБ РФ, д. 601064, л. 66.

[171] Там же, л. 57.

[172] Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 413—417.

[173] Архив ФСБ РФ, д. 601064, л. 66.

[174] Архиепископ Фаддей (Успенский) канонизирован в лике новомучеников Российских Архиерейским Собором РПЦ МП.

[175] Архив ФСБ РФ, д. 601064, л. 57.

[176] Там же, л. 84об.

[177] Там же, л. 66.

[178] Там же, л. 67.

[179] Вероятно, это был епископ Колпинский Серафим (Протопопов), викарий Ленинградской епархии, действительно бывший до 1926 года в ссылке на Соловках, а затем проживавший в Ленинграде (о епископах, проживавших в эти годы в Петербурге — см. *Шкаровский М. В.* Петербургская епархия в годы гонений и утрат. 1917—1945. СПб., 1995. С. 119).

[180] Вероятно, имеется в виду епископ Бугульминский Митрофан (Поликарпов).

[181] Архив ФСБ РФ, д. 601064, л. 67.

[182] Там же, л. 43.

[183] Епископ Павлин называет этот документ «документом двадцати четырех». См.: Архив ФСБ РФ, д. 601064, л. 71.

[184] Это, хотя и не вполне уверенно, утверждал митрополит Сергий. См.: Архив ФСБ РФ, д. 601064, л. 57.

[185] Там же, л. 59.

[186] Вероятно, епископа Колпинского Серафима (Протопопова).

[187] Возможно, что к этой соловецкой инициативе имел непосредственное отношение архиепископ Иларион (Троицкий). В этом случае становится понятно, откуда взялось предание о том, что именно священномученик Иларион являлся инициатором «тайных выборов» патриархом митрополита Кирилла.

[188] Архив ФСБ РФ, д. 601064, л. 82.

[189] Там же, л. 81.

[190] Там же, л. 67.

[191] Там же, л. 81.

[192] Sine qua non — лат.. дословно: «без всяких нет», беспрекословно; conditio sine qua non — непременное условие.

[193] Архив ФСБ РФ, д. 601064, л. 59.

[194] Там же, л. 71.

[195] Их страданиями очистится Русь. М.: Изд-во им. свт. Игнатия Ставропольского, 1996. С. 198.

[196] Архив ФСБ РФ, д. 601064, л. 92.

[197] Имеется в виду св. Максимиан, патриарх Константинопольский (431—434), поставленный на Цареградскую патриаршую кафедру после ссылки Нестория, который до своего осуждения на III Вселенском Соборе занимал эту кафедру.

[198] Архив ФСБ РФ, д. 601064, л. 92.

[199] Там же, л. 71.

[200] Там же, л. 104.

[201] Там же, л. 27—27об.

[202] Там же, л. 28.

[203] Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 489.

[204] Архив ФСБ РФ, д. 601064, л. 94.

[205] За Христа пострадавшие. С. 520.

[206] Архив ФСБ РФ, д. 601064, л. 44.

[207] Там же, л. 58.

[208] Там же, л. 34—34об.

[209] Там же, л. 69—70.

[210] Там же, л. 91.

[211] Там же, л. 92.

[212] Там же, л. 58.

[213] Там же, л. 20об.

[214] Там же, л. 84об.

[215] Там же, л. 86.

[216] Там же, л. 74.

[217] Там же, л. 83.

[218] Там же, л. 73.

[219] Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 973.

[220] Там же. С. 989.

[221] Архив ФСБ РФ, д. 601064, л. 64.

[222] Владыка указал прежнее название улицы — Б. Ильинская, тогда как к тому времени она уже была переименована в ул. Герцена.

[223] Архив ФСБ РФ, д. 601064, л. 11об.

[224] Параман (параманд) — часть монашеского облачения; небольшой четырехугольный плат с изображением Страстей Господних, который носится под одеждой и крепится с помощью двойных перевязей, крестообразно обвязываемых вокруг тела. Обозначает крест, который берет на себя монах; сораспятие Христу. Иначе называется аналав.

[225] Архив ФСБ РФ, д. 601064, л. 12об.

[226] Там же, л. 17.

[227] Там же, л. 75об.–76.

[228] Там же, л. 78–79.

[229] Смирнов Иван Яковлевич, диакон. Родился в 1872 г., из мещан г. Москвы, диакон Даниловского монастыря с 1918 г.

[230] Архив ФСБ РФ, д. 601064, л. 89.

[231] Там же, л. 88.

[232] Там же, л. 80.

[233] Там же, л. 48.

[234] Там же, л. 54.

[235] Там же, л. 107.

[236] За Христа пострадавшие. Кн. 1. С. 337.

[237] Там же. С. 619.

[238] Там же. С. 121.

[239] Здесь очевидная ошибка следователя: патриаршим местоблюстителем оставался по-прежнему митрополит Петр Крутицкий. Однако ошибка характерная, показывающая, что митрополит Сергий воспринимался ГПУ как фактический глава Русской Церкви.

[240] *Вострышев М.* Указ. соч. С. 22.

[241] За Христа пострадавшие. М.: Изд-во ПСТБИ, 1997. С. 568.

[242] *Цыпин В., прот.* История Русской Церкви: 1917–1997. С. 151.

[243] Характерно, что когда в 1931 году уполномоченный ОГПУ Полянский предложил митрополиту Петру сложить с себя полномочия местоблюстителя, священномученик Петр отказался, мотивируя это в своем мартовском письме к Менжинскому необходимостью оставаться в своей должности до созыва Поместного Собора: «Собор, созванный без санкции местоблюстителя, будет считаться неканоническим и постановления его недействительными» (Цит. по: *Дамаскин (Орловский), иером.* Указ. соч. Кн. 2. С. 361). А поскольку Собор созывался прежде всего для избрания патриарха, то можно предположить, что избрание патриарха без санкции местоблюстителя патриаршего престола и без Собора не могли быть признаны митрополитом Петром каноническими.

[244] *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. С. 413., см. также Вестник РСХД, 1973, № 107, С. 187; А. Левитин-Краснов и В. Шавров указывают на священника Николая Пульхеридова, который был близок митрополиту Кириллу и сам рассказал об этом знаменательном разговоре владыки Кирилла и Е. А. Тучкова.– См. *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. С. 454.

[245] Архив УФСБ РФ по Кемеровской обл., д. П-17429, л. 42-42об.

[246] Архив УФСБ РФ по Брянской обл., д. П-8979, л. 2.

[247] *Цыпин В., прот.* Русская Православная Церковь. 1925–1938. М., 1999. С. 93.

[248] Там же. С. 100.

[249] Удивительная осведомленность обновленцев! Действительно, подписей было собрано 45 («документ двадцати пяти» + 20 запечатанных пакетов с мнениями епископов), причем эта цифра, ставшая нам известной только сейчас из архивно-следственного дела, лидерам обновленчества оказалась известной уже тогда. Удивляет даже не «доступ» к секретной информации (то, что обновленческое ВЦУ действовало в тесной связи с ГПУ — не новость), а то, что эта информация соответствует действительности. Знаменательно, что, как и в наших рассуждениях, всплывает цифра 60 — число иерархов, подписавших акт о вступлении митрополита Петра в права патриаршего местоблюстителя. Все это еще одно подтверждение правильности нашего счета участвовавших в «тайных выборах» иерархов. Иеромонах Дамаскин (Орловский), утверждая, что результатом выборов стали мнения 20 иерархов, проголосовавших за митрополита Кирилла, не учитывает «документа 25-ти» и, тем более, мнения епископов-соловчан, что, как показано выше, не правомерно.

[250] Православный церковный вестник. 1928. № 1—2. С. 7.

ГЛАВА IV

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ МИТРОПОЛИТА КИРИЛЛА (1927–1937)

ОТНОШЕНИЕ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА КИРИЛЛА К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ КАК ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПАТРИАРШЕГО МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЯ

С апреля 1927-го по весну 1929 года митрополит Кирилл находился в ссылке в Туруханском районе Красноярского округа, из них последние полтора года — в станке Хантайка[1]. Зимой 1928 года, когда владыку везли в новое место ссылки, он проезжал поселок Полой (200 км севернее Туруханска[2]), в котором находился в ссылке епископ Глуховский Дамаскин (Цедрик)[3]. Встреча со старцем-иерархом произвела неизгладимое впечатление на епископа Дамаскина. Результатом ее стала переписка двух архипастырей по вопросам внутрицерковной жизни.

Именно здесь, в Туруханском крае, митрополита Кирилла застало известие об указе митрополита Сергия от 27 мая «Об образовании и легализации Временного Патриаршего Священного Синода и регистрации на местах органов епархиального управления», а также об опубликовании им 29 июля 1927 года особой Декларации.

О реакции митрополита Кирилла на эту Декларацию в первый год после ее публикации ничего неизвестно. Создается даже впечатление, что митрополит Кирилл не придает этой Декларации такого существенного значения, какое придавали ей, например, митрополит Иосиф (Петровых) и его последователи.

Епископ Стародубский Дамаскин (Цедрик), священномученик

Вместе с тем, известно частное письмо митрополита Кирилла архимандриту Неофиту (Осипову) от 13 июля 1928 года, где говорится: *«Учреждение новой формы Высшего Церковного Управления и я не признаю. Покойного патриарха реформатором не считаю, а заявление, сделанное о нас в Сергиевской Декларации, считаю клеветой. О господине нашем Петре молюсь, потому что не знаю о его отношении к так называемому Патриаршему Синоду. Я здоров, прозимовал первую зиму благополучно, да поможет Господь и во вторую»*[4].

Здесь присутствует негативная реакция митрополита Кирилла на учреждение Временного Патриаршего Синода и на Декларацию. Зная, что в дальнейшем о Декларации митрополит Кирилл обычно не упоминал, стоит предположить, что это реакция на тезис о ссыльном духовенстве, прозвучавший не в Декларации, а в известном интервью митрополита Сергия. В условиях ссылки вполне вероятно было получение неточной информации о содержании Декларации.

Святитель Тихон Московский и священномученик Петр Крутицкий.
1924 год

Очевидно, что, прежде чем публично объявить о своей позиции, святитель Кирилл ждал возможного возвращения митрополита Сергия на путь первого периода его заместительства (о чем впоследствии в феврале 1930 года напишет митрополиту Сергию и митрополит Петр: «На мой взгляд, ввиду чрезвычайных условий жизни Церкви, когда нормальные правила управления подвергаются разным колебаниям, необходимо поставить церковную жизнь на тот путь, на котором она стояла в первое Ваше заместительство. Вот и благоволите вернуться к той, всеми уважаемой Вашей деятельности»).

Но проходит время, новый орган Высшего Церковного Управления продолжает действовать не только без соборной санкции, но и без санкции патриаршего местоблюстителя митрополита Петра. Митрополитом Сергием начинают налагаться административные прещения на тех, кто выступает против учреждения Временного Патриаршего Синода или отказывается признать содержащиеся в Декларации 1927 года тезисы согласными со своей христианской совестью. В этих условиях митрополит Кирилл и выступил с собственным видением создавшегося разномыслия и новой церковно-административной ситуации. Ему было очевидно, что административными прещениями создавшееся церковное нестроение еще более усугубляется. Но нельзя было согласиться и с нетерпимостью тех иерархов, кто не только осуждал деятельность митрополита Сергия, но и доходил до обвинений в безблагодатности Таинств, совершаемых им и единомысленным ему духовенством.

Вынужденность заявлений, подобных Декларациям Святейшего Патриарха Тихона и митрополита Сергия, была ясна многим. Но для не согласных с митрополитом Сергием виделась существенная разница между этими Декларациями,— и даже не столько в тоне содержавшихся в этих документах заявлений, сколько в последствиях, какие имели место после их опубликования.

Священномученику Кириллу, находящемуся вдали от церковных событий, было трудно сразу разобраться в создавшейся ситуации. Но прошло некоторое время, и к нему стали обращаться церковные иерархи с вопросами о его позиции.

Архиерейский Собор РПЦЗ 1929 года
Нижний ряд: архиепископ Северо-Американский Аполлинарий, архиепископ Гермоген, архиепископ Анастасий (Грибановский), митрополит Антоний (Храповицкий), архиепископ Западно-Европейский Серафим, архиепископ Сергий, архиепископ Гавриил.
Верхний ряд: епископ Николай, архиепископ Сергий, архиепископ Феофан, архиепископ Германский Тихон, епископ Венский Серафим

Митрополит Кирилл долго молчал, понимая, что всякое нерасчетливое слово способно только усугубить обстановку. Нужно было и время, чтобы оценить, насколько прав митрополит Сергий в своих надеждах на то, что легализация, достигнутая такими компромиссами, принесет мир и благополучие в церковные дела.

Увидев, что надежды митрополита Сергия в значительной мере не оправдываются и что значительная часть церковной иерархии признала действия заместителя патриаршего местоблюстителя не согласными с церковной совестью, святитель Кирилл постепенно выработал и собственный взгляд на создавшуюся в Русской Церкви ситуацию. И этот взгляд отличался от непримиримой позиции последователей митрополита Иосифа (Петровых).

Известно суждение митрополита Кирилла в январе 1929 года (то есть более чем за три месяца до известной переписки с митро-

политом Сергием) о сложившейся церковной ситуации. Письмо это адресовано, вероятно, в Ленинград, последователям митрополита Иосифа, поскольку найдено было у Н. Н. Андреевой, вдовы известного протоиерея Феодора Андреева, одного из идеологов ИПЦ в Ленинграде.

«Да хранит всех нас Господь от всякой вражды и ненависти и да вразумит к взаимному пониманию. Я не от чего святого не отступаю и не отказываюсь, боюсь только приступить и прилепляться к тому, что считаю греховным в своей сущности; никого из братии не считаю мытарем и язычником, но воздерживаюсь от братского общения, не имея других способов обличать согрешающего брата.

«Аще же согрешит к тебе брат твой, иди и обличи его между тобою и тем единем: аще тебе послушает, приобрел еси брата твоего. Аще ли тебе не послушает, поими с собою еще единаго или два, да при устех двою или триех свидетелей станет всяк глагол. Аще же не послушает их, повеждь церкви: аще же и церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь» (Мф. 18, 15—17). *«Ныне же писах вам не примешатися, аще некий, брат именуем, будет блудник, или лихоимец, или идолослужитель, или досадитель, или пияница, или хищник: с таковым ниже ясти»* (Ср. 1 Кор. 5, 11). *Отношу это место вообще ко греху, но не обвиняю кого-либо в грехах, указанных здесь святым апостолом.*

В мою пустыню доходят слухи о разрастающейся среди братии по вере вражде, переходящей в ненависть; укоризнах, переходящих в клевету с одной стороны на другую; о ревности не по разуму, граничащей с хулою на Духа Святаго, каковы взаимные обвинения в безблагодатности. Горестно слышать это. Бог есть любовь, и только пребывающий в любви в Боге пребывает (ср.: 1 Ин. 4, 16).

Поэтому всякое раздражение должно быть совершенно удалено из нашей среды, хотя бы и сыпались на нашу голову обвинения во вражде и приговоры о раскольничестве. Обвинениям этим не к чему прилипнуть, когда вражды в действительности нет. И ревность о сохранении в полной чистоте церковного устроения на-

шего, как елей над водою, всегда всплывет вверх над обвинениями в раскольничестве в сосуде действительной церковной правды.

Да сохранит всех вас Господь в любви к друг другу и к согрешающим братиям. Воздерживаясь от общения с грехом, мы не должны — по наставлению святого апостола Иоанна — оставлять своей частной молитвы о согрешающих братиях. «Аще кто узрит брата своего согрешающа грех не к смерти, да простит. Есть грех к смерти: не о том, глаголю, да молится» (см.: 1 Ин. 5, 16), *потому что происшедший грех не объявлен еще Церковью как грех к смерти.*

Благодать Господа да сохранит всех нас от всякого зла и погибели.

Твой м[*итрополит*] *К*[*ирилл*].

Хантайка, 27 января 1929 г.»[5]

Из этого письма мы видим, что взаимные обвинения спорящих сторон в безблагодатности воспринимаются митрополитом Кириллом как «ревность не по разуму, граничащая с хулой на Духа Святаго». Несомненно также, что ключевой фразой для понимания позиции митрополита Кирилла служит его мысль о том, что «ревность о сохранении в полной чистоте церковного устроения нашего, как елей над водою, всегда всплывет вверх над обвинениями в раскольничестве в сосуде действительной церковной правды». Этим митрополит Кирилл, с одной стороны, устраняет всякие домыслы о причинах его несогласия с деятельностью митрополита Сергия (не Декларация причина несогласия, а стремление сохранить освященный авторитетом Поместного Собора 1917—1918 годов строй церковного управления), с другой — отметает обвинения в раскольничестве. Очевидна также и апелляция митрополита Кирилла к некоему будущему соборному суду.

Весной 1929 года священномученик Кирилл еще томился на поселении в станке Хантайка Туруханского края, а в мае 1929 года был переведен в г. Енисейск, где находился по декабрь.

На время отъезда в Енисейск (весна 1929 года) приходится еще два письма митрополита Кирилла, в которых так или иначе выявляется отношение владыки к церковным событиям тех лет. Письма эти адресованы священнику Евлампию Едемскому-Своеземцеву.

Митрополит Кирилл познакомился с ним, вероятно, в 1923—1924 году в Зырянской ссылке[6].

Во время ареста отца Евлампия[7] у него были изъяты адресованные ему письма митрополита Кирилла. Эти письма предположительно были написаны в один год (1929), то есть до прибытия священника в Казань, но одно из них — до начала переписки с митрополитом Сергием, другое — после.

Первое письмо митрополита Кирилла касается его переписки с архимандритом Владимиром (Пуссет), который обратился за разъяснениями его отношения к церковно-административной деятельности митрополита Сергия.

«Ведом ли Вам арх[имандрит] Владимир Пуссет? — обращается митрополит Кирилл к отцу Евлампию Своеземцеву.— *Он отбыл Зырянскую ссылку и теперь, получивши 7*[8]*, проживает в В[еликом] Устюге. Он сообщает, между прочим, о присланном м[итрополитом] Арсением*[9] *арх[иепископу] Евгению Благовещенскому*[10] *письме с настойчивым указанием на необходимость быть в молитвенном общении с м[итрополитом] С[ергием]. Копию письма м[итрополита] А[рсения] к самому м[итрополиту] С[ергию] с заявлением, что он не состоит в оппозиции м[итрополиту] С[ергию] и осуждает предвосхитивших себе соборный суд, особенно м[итрополита] Иосифа, я имел в своих руках. Копия с этого письма сотрудниками усердно распространяется, равно как и выкопировка из письма арх[иепископа] Евгения, исповедующего греховность отделения от м[итрополита] С[ергия]. Пуссет также уверяет, что так же думают архиеп[ископ] Ил[арион]*[11]*, еп[ископ] С[ерафим] [Звездинский]*[12]*, и приводит еще целый ряд имен до Иринарха Якутского*[13] *и заключает свой список Пахомием*[14] *и Ювеналием*[15]*. Пожалевши своих духовных чад, ставших «викторианами», и разбранивши покойного Иерофея*[16] *— «темную личность» за то, что он в измышленный им список против м[итрополита] Сергия внес даже архипастырей, состоящих членами Синода, арх[имандрит] Владимир продолжает: "...в число противников попали и Вы, св. Владыко. Между тем арх[иепископ] Евгений передавал мне влагаемую в Ваши уста следующую фразу: «Ради церковного мира и сохранения единства нужно покрыть любовью то, в чем погрешил м[итрополит] С[ер-*

гий]». Принадлежит ли она Вам, Владыко, я лично более чем уверен, что да". Ответ свой о. Владимиру пришлю с зимней почтой, а теперь надо запечатывать письмо, потому что идет пароход. Простите, помолитесь. М[атушка] Е[вдокия] земно кланяется Вам. Любящий Вас м[итрополит] К[ирилл].

P. S. Пароходная тревога оказалась ложной. Я успел переписать ответ свой о. Вл[адимиру] и прилагаю здесь. Письма о. Н. Д. не возвращаю Вам, сам их уничтожу, хотя они полны глубокого интереса. Сам я не пишу ему, чтобы не причинить неприятности. Очень я его люблю и ему сочувствую, но указать ему выход из создавшегося положения невозможно в нашей с Вами обстановке, особенно в моей, когда узнаешь через несколько месяцев какие-то клочки происходящего. Выход только в готовности страдать, и чем больше будет такой готовности, тем вернее крушение церкви лукавнующих. К[ирилл]»[17].

К этому же письму была приложена и копия ответа владыки Кирилла архимандриту Владимиру. В ответе, как и в письме петербургскому клирику, мы видим уже те основные мотивы, которые позже будут развиты и оформлены в переписке с заместителем патриаршего местоблюстителя митрополитом Сергием. Иерархическая совесть Соборной Церкви является для митрополита Кирилла главным мерилом верности принятых решений, и если иерархической совести противопоставляется церковная дисциплина, понуждающая прилепляться к тому, что представляется греховным компромиссом, то митрополит Кирилл выбирает иерархическую совесть.

По мнению митрополита Кирилла, весьма многие видят сомнительность целесообразности административных мероприятий митрополита Сергия. Разница только в «религиозном темпераменте», то есть в том, что кто-то (например, последователи митрополита Арсения (Стадницкого), возглавлявшего Ташкентскую епархию) готов ждать решения вопроса до созыва «законно-канонического Собора», другие требуют разрешения этого вопроса немедленно.

Вот текст письма митрополита Кирилла архимандриту Владимиру[18]:

«Очень благодарю Вас за обстоятельное письмо, поставившее меня в курс церковной жизни на местах. Я здесь живу с такими интервалами в почтов[ых] отношениях, что часто по полугодию и больше не могу получить ответа на письмо и сам не могу его дать. В таких условиях было бы слишком опрометчиво высказывать решительные суждения по поводу тех или иных явлений жизни вообще и в церковной в частности. Но мне часто приписывают мысли и слова, каких я не высказывал. К этому разряду принадлежит и цитированная Вами, влагаемая в мои уста фраза: «Ради церковного мира и сохранения единства нужно покрыть любовью то, в чем погрешил м[итрополит] С[ергий]». Я ничего подобного не говорил. Действительно, никого я не сужу и не осуждаю, но и призывать к участию в чужих грехах не могу, как не могу осуждать и тех иерархов во главе с м[итрополитом] И[осифом], которые исповедали свое нежелание участвовать в том, что совесть их признала греховным. Это исповедание вменяют в нарушение ц[ерковной] дисциплины, но ц[ерковная] дисциплина способна сохранять свою действенность лишь до тех пор, пока является действительным выражение иерархической совести Соборной Церкви; заменить собою эту совесть дисциплина никогда не сможет. Лишь только она предъявит свои требования не в силу указаний этой совести, а по побуждениям, чуждым Церкви или неискренним, так индивидуальная иерархическая совесть непременно станет на страже соборно-иерархического принципа бытия Церкви, который вовсе не одно и то же с внешним единением во чтобы то ни стало. Тогда изображенная Вами расшатанность ц[ерковной] дисциплины становится неизбежной как следствие греха (злоупотребляющих ею) в данном случае. Выход же из греха может быть только один — покаяние и достойные плоды его. И кажется мне из моего далека, что этого покаяния одинаково ждут и ленинградцы[19], и осуждающие их ташкентцы[20]. Разница между ними не в убеждениях, а так сказать в темпераменте, с каким убеждения высказываются: потому только и стали возможными разноречивые причисления некоторых то к одному, то к противоположному настроению, как то имеет место особенно относительно епископа [неразб.]. В силу разницы религиозного темперамента, одни жаждут этого покая-

ния немедленно, другие, чтобы не потерять надежды на возможность созыва законно-канонического собора (какая наивность или лукавство), готовы вместе с соловецкими ждать этого покаяния до собора, в уверенности, что собор не может его не потребовать. Несомненно, что создавшееся положение искренно никто не считает нормальным, и даже, быть может, сами творцы его, чувствующие нужду в письменных свидетельствах в свою пользу, — иначе при сознании ими своей правоты им не нужны были бы свидетельства ни Арсения, ни Евгения[21]*. Простите. Мит[рополит] Кирилл»*[22].

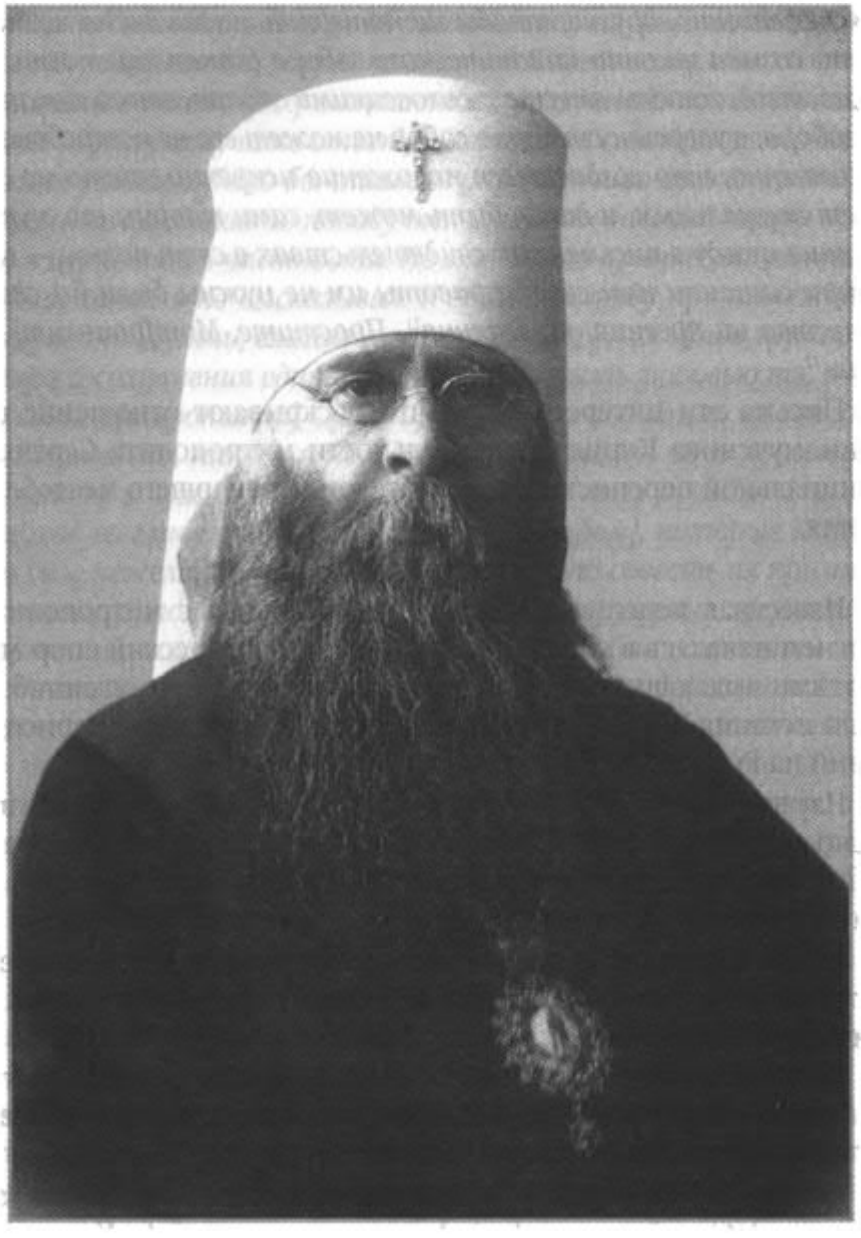
Письма эти интересны тем, что раскрывают отношение священномученика Кирилла к деятельности митрополита Сергия до официальной переписки с заместителем патриаршего местоблюстителя.

Известная переписка митрополита Кирилла с митрополитом Сергием началась в мае 1929 года. Экклезиологический спор между этими выдающимися иерархами являет глубину и масштаб подвига искания Истины и стояния за Истину в страшный период гонений на Русскую Церковь.

Изучение этой переписки, несомненно, требует особого церковно-научного исследования. В настоящей работе мы постараемся лишь наметить те основные проблемы, которые поставил знаменитый экклезиологический спор.

Сам священномученик Кирилл неоднократно объяснял свою позицию в этом вопросе, причем не только церковным единомышленникам и оппонентам, но и гражданской власти. Спустя почти год после своего письма на красноярском допросе 1930 года митрополит Кирилл так опишет церковно-исторический контекст возникшей полемики:

«После смерти патриарха решение вопроса о дальнейшем устроении церковной жизни принадлежит только Собору Поместной Православной Церкви. Обязанность местоблюстителя — найти возможность довести Церковь до Собора и передать ему неизменным полученное от патриарха преемственно устроение Церкви. Поэтому всякая попытка учреждать в Церкви что-либо сверх



Митрополит Нижегородский и Арзамасский Сергий (Страгородский), заместитель патриаршего местоблюстителя

того порядка, какой был оставлен патриархом, является нарушением церковного чина, и если бы на такое учреждение отважился местоблюститель, то такое деяние было бы превышением власти. Тем более должно быть оцениваемо как превышение власти подобное деяние со стороны лица, облеченного, так сказать, только отраженною властию, по передоверению, в каковом достоинстве является для Церкви заместитель местоблюстителя патриарха митрополит Сергий. До весны 1927 года митрополит Сергий, повидимому, так и понимал свои заместительские права. Приходилось слышать, что в тот период митрополит Сергий, определяя свои полномочия церковные, называл себя только «сторожем» церковного устроения. К сожалению, удержаться на этом скромном положении он не смог, и весною 1927 года «сторож» церковного устроения превращается в реорганизатора его и учредителя нового церковного управления в виде так называемого Временного Патриаршего Синода во главе с заместителем патриаршего местоблюстителя. В моем понимании деяние такое преломляется как узурпация церковной соборной власти, и я счел своим архипастырским долгом в мае 1929 года поставить в известность управляющего в мое отсутствие Казанской епархией архиепископа Афанасия о моем отношении к созданному митрополитом Сергием церковному положению и копию своего суждения по этому вопросу препроводил митрополиту Сергию к сведению. Это дало основания митрополиту Сергию обменяться со мною двумя письмами, на которые мною дан был своевременный ответ. В переписке этой причины и границы моего расхождения с митрополитом Сергием нашли полное выражение»[23].

Итак, 2 (15) мая 1929 года митрополит Кирилл пишет со станции Хантайка Туруханского района Красноярского края первое письмо к заместителю патриаршего местоблюстителя митрополиту Нижегородскому Сергию. Это письмо содержит отправленное митрополитом Кириллом викарному епископу Афанасию (Малинину) суждение по поводу церковной деятельности митрополита Сергия. В этом суждении Казанский митрополит ответил на пять поставленных перед ним вопросов[24].

С первых же строк своего письма митрополит Кирилл определил характер разногласий своих и митрополита Сергия как несогласие с административно-церковной деятельностью заместителя патриаршего местоблюстителя, который, по убеждению митрополита Кирилла, «по своим правам не может равняться с тем, кого он замещает, или совершенно заменить его»[25]. Речь вовсе не идет о Декларации 1927 года, о которой владыка Кирилл вовсе не упоминает. Не содержится в письмах митрополита Кирилла и осуждения заместителя местоблюстителя «за его капитуляцию перед советской властью», как это ошибочно утверждается Д. Поспеловским[26].

Митрополита Кирилла беспокоит прежде всего то, что, по его мнению, митрополит Сергий отважился «на коренное изменение самой системы церковного управления» (имеется в виду создание коллегиального органа управления Церковью — Временного Патриаршего Синода, учрежденного митрополитом Сергием при себе как заместителе патриаршего местоблюстителя), что, между прочим, «превышает компетенцию и самого местоблюстителя»[27], то есть митрополита Петра Крутицкого.

«Это последнее обстоятельство,— пишет далее владыка Кирилл,— *митрополит Сергий со всей убедительностью разъяснил в свое время митрополиту Петру по поводу его решения от 19 января (1 февраля) 1926 г. учредить для управления церковными делами Коллегию под председательством архиепископа Григория. Убежденный доводами своего заместителя, митрополит Петр отказался тогда от погрешительного решения».*

Митрополит Кирилл указывает, что в подобной ситуации даже Святейший Патриарх Тихон отказался учредить при себе Высшее Церковное Управление (вместе с Красницким), когда это вызвало протест со стороны многих иерархов, духовенства и верующих мирян (резолюция патриарха Тихона от 26 июня/9 июля 1924 г. за № 523)[28].

«Посему,— писал митрополит Кирилл,— *до тех пор, пока митрополит Сергий не уничтожит учрежденного им Синода, ни одно из его административно-церковных распоряжений, издаваемых с участием так называемого Патриаршего Синода, я не могу признавать для себя обязательным к исполнению».*

Вместе с тем, *«такое отношение к митрополиту Сергию и его Синоду,*— продолжал владыка Кирилл,— *я не понимаю как отделение от руководимой митрополитом Сергием части Православной Церкви, так как личный грех митрополита Сергия относительно управления Церковью не повреждает содержимого и этой частью Церкви — православно-догматического учения, но я глубоко скорблю, что среди единомысленных митрополиту Сергию архипастырей в нарушение братской любви уже применяется по отношению к несогласным и обличающим их неправоту кличка отщепенцев-раскольников».*

И здесь митрополит Кирилл, вступаясь за достоинство удаляемых с кафедр иерархов, исповедует и свое личное отношение к молитвенному общению с митрополитом Сергием: *«Ни от чего святого и подлинно церковного я не отделяюсь; страшусь только приступать и прилепляться к тому, что считаю греховным по самому происхождению, и потому воздерживаюсь от братского общения с митрополитом Сергием и ему единомышленными архипастырями, так как нет у меня другого способа обличить согрешающего брата».*

Между тем подобное решение не означает утверждения митрополитом Кириллом безблагодатности таинств, совершаемых митрополитом Сергием и признающими его управление верным епископами, или отрицания за митрополитом Сергием прав временного управления Русской Церковью. Митрополит Кирилл признает митрополита Сергия заместителем митрополита Петра, на что указывает и обращение владыки Кирилла к митрополиту Сергию как к заместителю патриаршего местоблюстителя, права которого, по мнению митрополита Кирилла, действительны до освобождения митрополита Петра или отказа последнего от управления в пользу других, указанных патриархом Тихоном кандидатов в местоблюстители.

Таким образом, как писал митрополит Кирилл: *«...воздержанием с моей стороны ничуть не утверждается и не заподазривается якобы безблагодатность совершаемых сергианами священнодействий и таинств (да сохранит всех нас Господь от такого помышления), но только подчеркивается нежелание и отказ участвовать*

в чужих грехах. Посему литургисать с митрополитом Сергием и единомышленными ему архипастырями я не стану, но в случае смертной опасности со спокойной совестью приму елеосвящение и последнее напутствие от священника Сергиева поставления или подчиняющегося учрежденному им Синоду».

Также и в храмах, подчиняющихся Временному Патриаршему Синоду, митрополит Кирилл не считал возможным совершать литургию, однако, в случае предоставления ему возможности служить одному или с единомышленными ему клириками, признавал возможным таковое служение без предварительного освящения храма. Мирянам же по совести активно участвовать в жизни приходов, признающих Временный Синод, не следует, что не служит мирянам препятствием для посещения богослужений и принятию Святых Даров и таинств, если *«в данной местности нет православного храма, хранящего неповрежденным свое каноническое отношение к местоблюстителю патриаршего престола»*[29].

Молиться же о митрополите Сергии наряду с остальными архипастырями не является грехом — это долг всех православных христиан, если только *«общецерковное рассуждение не объявит учиненное митрополитом Сергием злоупотребление доверенной ему церковной властью грехом ко смерти* (Мф. 18, 15—17; 1 Ин. 5, 16)»[30].

В то же время, богослужебное поминовение митрополита Сергия рядом с митрополитом Кириллом, если таковое совершается где-нибудь в Казанской епархии, есть, по слову владыки Кирилла, *«плод недоразумения, созданного уверениями, будто митрополит Кирилл единомыслен с митрополитом Сергием во всех его церковных мероприятиях».*

Здесь чувствуется некоторая двусмысленность позиции митрополита Кирилла. Он признает митрополита Сергия заместителем патриаршего местоблюстителя, но считает грехом сознательное поминовение имени митрополита Сергия рядом с именем митрополита Кирилла. Однако при этом и автономного управления Казанской епархией владыка Кирилл не провозглашает. На эту двусмысленность указывал и сам митрополит Сергий в своем ответном письме, и ряд современных исследователей (например, протоиерей В. Цыпин[31], Д. Поспеловский).

Эта двусмысленность может быть объяснима следующим образом. Митрополит Кирилл не может провозгласить автономного управления, поскольку жив митрополит Петр, местоблюститель патриаршего престола, который признается митрополитом Кириллом и поминается им за богослужением. Потому всякие действия по созданию «автономии» (от митрополита Сергия) будут, хотя бы и косвенно, направлены против митрополита Петра как главы Русской Православной Церкви. С другой стороны, митрополит Кирилл дистанцируется от действий митрополита Сергия через непоминовение его имени рядом с именем митрополита Петра, полагая, что заместитель местоблюстителя узурпирует права не только местоблюстителя, но даже самого патриарха формированием церковно-административных структур, на создание которых, по мнению митрополита Кирилла, не имел прав даже местоблюститель.

Относительно поминовения в Казанской епархии имени митрополита Сергия рядом с именем митрополита Кирилла, помимо указанных владыкой Кириллом причин, следует вспомнить и распоряжение самого митрополита Кирилла от 8 (21) июня 1922 года, согласно которому в Казанской епархии в случае ареста и ссылки правящего архиерея поминаться должно было только имя митрополита Кирилла, а не викария, временно управляющего Казанской епархией. Причем имя викарного епископа могло поминаться только в случае смерти Казанского митрополита на период до назначения нового правящего архиерея. Отсюда более понятной становится позиция владыки Кирилла и в вопросе поминовения за богослужением имени митрополита Сергия. Поскольку митрополит Сергий являлся только заместителем местоблюстителя, что, в понимании митрополита Кирилла, и означало «викарий», то и возноситься за богослужением должно, прежде всего, имя местоблюстителя — митрополита Петра, а не его заместителя (викария) — митрополита Сергия. Тем более что и в завещательном распоряжении митрополита Петра было зафиксировано требование обязательного поминовения имени местоблюстителя, а этого требования, хотя бы и под давлением гражданских властей, с некоторых пор не соблюдал сам митрополит Сергий.

Однако митрополит Сергий в ответном своем письме 18 сентября 1929 года отвергал «искусную игру со словом «заместитель», полагая равенство полномочий своих с митрополитом Петром: «Действительно, по ходячему, всем нам привычному представлению, «зам» только подписывает бумаги за начальника и пропускает текущие дела, не смея касаться дел, требующих инициативы. Но это ходячее представление здесь не приложимо. Дело в том, что с титулом «заместитель» произошло у нас то же, что и с титулом «патриарший местоблюститель». В завещании Святейшего Патриарха говорится только о переходе патриарших прав и обязанностей, и уже сам владыка — митрополит Петр решил именоваться «патриаршим местоблюстителем», по букве же завещания, его титул должен бы быть: «Исполняющий обязанности Патриарха». В свою очередь, и владыка митрополит Петр не называет меня в своем распоряжении «заместителем», а говорит только о временном переходе ко мне прав и обязанностей местоблюстителя. Значит, и мой титул собственно: «Временно исполняющий обязанности патриаршего местоблюстителя», и уже потом за мной установился титул «заместитель»[32].

Важными в этой переписке представляются рассуждения митрополита Кирилла о поминовении гражданских властей. В своем первом письме митрополит Кирилл приводил даже формы поминовения светских властей на великой и сугубой ектеньях, на проскомидии, в евхаристической молитве во время литургий святителя Иоанна Златоуста и святителя Василия Великого. Эта практика сложилась, по утверждению митрополита Кирилла, в 1923 году среди духовенства, находившегося в Зырянской ссылке. Подобное поминовение властей отражало, по мнению владыки, «искреннее церковное отношение и к Божьему и к Кесареву»[33]. Признание митрополитом Кириллом возможности и даже необходимости литургического поминовения гражданских властей свидетельствует о том, что его взглядам на светскую власть был чужд ригоризм.

Митрополит Сергий своим первым письмом-отзывом от 5 (18) сентября 1929 года указывал на противоречивость рассуждений митрополита Кирилла и, одновременно, на общую разноголосицу своей оппозиции: «Вам не нравится, например, учреждение Синода, другому — декларация, третий найдет, что я слишком снисходи-

телен к падшим, четвертый, наоборот, что я слишком к ним строг и т. д., и т. д. Если каждый из недовольных сочтет себя вправе воздействовать на меня по Вашему способу, то в «церковном чине» произойдет уже не «замешательство», а настоящий хаос, угрожающий конечным расстройством церковной жизни. Предупреждая такое бедствие, Святая Церковь и указывает только одно исключение, когда каждый вправе отложиться от своего духовного главы: открытое проповедование последним ереси, уже осужденной соборне (15-е правило Двукратного Собора)».

Поскольку и сам митрополит Кирилл, писал митрополит Сергий, не может не сознавать, что грех заместителя местоблюстителя, «даже преувеличенный до последней степени, не делает возглавляемую мною (митрополитом Сергием.— *А. Ж.*) иерархию ни еретической, ни даже раскольнической», то и следует подчиниться церковной дисциплине. Митрополит Сергий предлагает следовать церковной традиции: «обращаться к Собору и ждать соборного решения, предпочитая, таким образом, лучше терпеть некоторые разные погрешности в деятельности первого епископа, чем колебать церковное единство»[34].

Отстаивая законность учреждения при себе Временного Патриаршего Синода, митрополит Сергий полемизировал с митрополитом Кириллом, доказывая, что Синод не имеет ничего общего с Коллегией под председательством архиепископа Григория (Яцковского), которую митрополит Петр благословил учредить, а затем, убежденный митрополитом Сергием, отказался от этого погрешительного решения. Заместитель патриаршего местоблюстителя писал: «Коллегия учреждалась взамен единоличного заместительства и назначалась управлять Церковью в отсутствие Первоиерарха, а Синод утвержден при Первоиерархе, причем в 1927 г. я нарочно оговорил, что наш Синод не имеет полномочий на управление без меня»[35]. Более того, по мнению митрополита Сергия, Синод может послужить «сохранению у нас патриаршества».

Кроме того, митрополит Сергий указывал на 8, 10, 16 и 31-е Апостольские правила, а также на 2-е правило Антиохийского Собора, как на те основания, по которым митрополит Кирилл может быть привлечен к церковному суду.

4 ноября 1929 года из Енисейска, где проживал тогда митрополит Кирилл, владыка пишет письмо отцу Евлампию[36], в котором сообщает об обстановке своей ссыльной жизни: *«Милость Господня да будет с Вами, дорогой о. Евлампий. Сейчас прочитал Вашу 48-49[37] открытку от 21/X. Вот как мы приблизились друг к другу, даже не верится такому благополучию[38]. Грущу без остатка изжить приключившуюся хворость. Об этом молюсь как могу. Сам я здоров. Передвижение на 11,5 тыс. верст к югу очень чувствуется. До сих пор обхожусь еще без валенок. Сижу на улице довольно, но погода удивительно мягкая. Ледостава на реке еще нет. Ледяные забереж. очень широки, но середина реки представляет движущуюся полынью. Раз в неделю (по пятницам) исполняю свой гражданский долг, являясь для отметки в милицию»*[39].

Далее следует повествование митрополита Кирилла о первом (майском) письме митрополиту Сергию и ответе на него заместителя патриаршего местоблюстителя. Характерно, что суждение в этом письме митрополита Кирилла, по его собственному отзыву, *«в очень многих местах встречается враждебно, как якобы примиренчество и потеря православного чутья»*. Эти обвинения раздавались со стороны наиболее непримиримых оппонентов митрополита Сергия — последователей митрополита Иосифа (Петровых), архиепископа Димитрия (Любимова), епископа Виктора (Островидова). Но в то же время *«митрополит Сергий со своей стороны,—* продолжал письмо владыка Кирилл,— *прислал грозные справки из канонических правил, на основании-де которых я должен быть лишен сана»*.

В своем втором письме (отзыве) митрополит Кирилл не соглашался с мнением митрополита Сергия, что Синод при нем не служит к подрыву патриаршего строя Русской Церкви, ибо учрежденный орган носит правительственное значение. При этом митрополит Кирилл не только не выступал против существования «вспомогательно-совещательного» органа при заместителе местоблюстителя, но и одобрял таковое. Митрополит Кирилл призывал митрополита Сергия *«для успокоения Церкви»* последовать примеру Святейшего Патриарха Тихона и распустить Синод, дабы успокоить смущенные души верующих. *«Думаю, что эти души и их ничем не смущаемая*

совесть,— писал митрополит Кирилл,— *в общении с Церковью и Ее служителями гораздо ценнее для Церкви и важнее для общего спасения, чем настойчивое сохранение в жизни церковной спорных учреждений, быть может, полезных в некоторых житейских отношениях, но не могущих этой полезностью погасить вред, причиненный неподобающим порядком своего возникновения»*[40].

Не соглашался митрополит Кирилл и с мнением заместителя патриаршего местоблюстителя о его, заместителя, равных правах с местоблюстителем.

«Становясь на Вашу точку зрения равенства Ваших прав с правами митрополита Петра,— писал митрополит Кирилл,— *мы, при наличии подобных актов, имели бы одновременно два возглавления нашей Церкви: митрополита Петра и Вас. Но этого в Церкви быть не может, и Ваши права в ней — только отражение прав митрополита Петра и самостоятельного светолучения не имеют».*

Во втором письме становится более ясной позиция митрополита Кирилла по вопросу о евхаристическом общении с митрополитом Сергием. Здесь священномученик Кирилл дает прежде всего духовное и нравственное объяснение своему воздержанию от совместного литургисания: *«Я воздерживаюсь литургисать с Вами не потому, что тайна Тела и Крови Христовых будто бы не совершится при нашем совместном служении, но потому, что приобщение от Чаши Господней обоим нам будет в суд и осуждение, так как наше внутреннее настроение, смущаемое неодинаковым пониманием своих церковных взаимоотношений, отнимет у нас возможность в полном спокойствии духа приносить милость мира, жертву хваления. Поэтому во всей полноте свое воздержание я отношу только к Вам и единомысленным с Вами архиереям, но не к рядовому духовенству и тем менее к мирянам»*[41].

Митрополит Кирилл не соглашался и с теми обвинениями, которые выдвигались против него на основании ряда канонических правил. В рассуждениях митрополита Сергия Казанский святитель усматривает злоупотребление «диалектической каноникой».

«Вспомните,— обращается митрополит Кирилл к владыке Сергию,— *как на основании канонического буквализма учредительный, обновленческий так называемый «Собор 1923 г.» осудил*

Священномученик Агафангел (Преображенский) с собором духовенства

патриарха не только на лишение сана, но и монашества. Поэтому не злоупотребляйте, Владыко, буквой канонических норм, чтобы от святых канонов не остались у нас просто каноны. Церковная жизнь в последние годы слагается и совершается не по буквальному смыслу канонов».

В этом же отзыве митрополит Кирилл вновь подтверждает свое принципиальное несогласие с теми, кто отрицает благодатность таинств, совершаемых «сергианами». В этом митрополит Кирилл солидарен с взглядом митрополита Сергия, считавшего подобное отрицание плодом «беспросветной темноты одних и потери духовного равновесия другими».

В то же время митрополит Кирилл обращается с упреком и к митрополиту Сергию за то, что тот *«не осмеливается найти более любовный способ воздействовать на них, как постановление Синода от 6 августа 1929 г. за № 1864, воспрещающее, несмотря ни на какие просьбы, отпевать умерших в отчуждении от Вашего Цер-*

ковного управления», не говоря уже о перемазывании крещеных, тем же святым миром помазанных, и перевенчивания венчанных».

Заканчивалось письмо митрополита Кирилла просьбой передать весь материал, составляющий переписку с митрополитом Сергием, на усмотрение патриаршего местоблюстителя *«как действительно первого епископа страны»*[42].

Второе письмо митрополита Сергия, последовавшее 2 января 1930 года, вновь начинается с утверждения заместителем местоблюстителя полноты своих юридических прав и полномочий в управлении Церковью: «Не ограничивает моих полномочий и то обстоятельство, что получил я их не непосредственно от Святейшего Патриарха, а от местоблюстителя. Это, если угодно, умаляет престиж или нравственный авторитет заместителя, но не размер его прав. Вы опасаетесь, как бы при неограниченности прав заместителя у нашей Церкви не оказалось двух глав. В 1922 г. при жизни Святейшего Патриарха митрополит Агафангел вступил в управление Церковью в качестве его заместителя, однако тогда никто не думал о двух главах: все понимали, что при невозможности для Святейшего управлять Церковью кто-то должен это взять на себя»[43].

Во втором письме митрополита Сергия вновь раскрываются особенности воззрений заместителя патриаршего местоблюстителя на положение Церкви и на пути преодоления возникшего разномыслия: «Я со всею искренностью прошу Вас еще раз обсудить, что лучше: терпеть ли неопределенное время в ожидании Собора некоторые недостатки в организации церковного управления, которые по самому своему характеру не затрагивают глубоко христианской церковной жизни и не могут переродить ее во что-то чуждое, или же учинить из-за этих недостатков раскол и каждой стороне отдельно ждать Собора. Церковное сознание и вековой опыт, выразившийся, между прочим, и в 13—14-м правилах Двукратного Собора, предпочитают первое, и они не ошибаются. Недостатки организации Собору всегда легко исправить, раз не потеряно благодатное преемство, но соединить расколовшихся иногда невозможно без чрезвычайного воздействия благодати Божией»[44].

При всей своей прагматичности и дипломатичности (владыка Сергий был у церковной власти и до революции, являясь постоянным

членом Святейшего Синода, и после оной), митрополит Сергий оставался все-таки в значительной мере своеобразным идеалистом в отношении к государственной власти. Может быть, он уже и не верил в возможность созыва в ближайшее время Собора, предлагая ожидать его «неопределенное время» (хотя и оказался одним из тех немногих, кто дожил до Собора 1943 года), но еще по-прежнему полагал, что с любой властью можно договориться.

Митрополит Сергий верил в силу договора с гражданской властью. Для терпящих ссылки, тюремные заключения и пытки иерархов подобная позиция представлялась неприемлемой: пусть и вынужденной, но все-таки погрешительной. По мнению Д. Поспеловского, у самого митрополита Сергия к концу 30-х годов возникли сомнения в успехе его церковно-государственной дипломатии. В мае 1941 года он скажет заехавшему к нему протоиерею Василию Виноградову: «Раньше нас душили, но, по крайней мере, исполняли свои обещания. Теперь нас продолжают душить, но обещаний своих больше не исполняют»[45].

В результате такой компромиссной дипломатии митрополиту Сергию удалось сохранить организованную им структуру церковного управления и довести Московскую Патриархию до Собора 1943 года.

Заканчивается второе письмо текстом постановления митрополита Сергия, о котором он сообщает томящемуся в ссылке митрополиту Кириллу, оставляя ему полтора месяца для заявления о восстановлении канонического общения с заместителем патриаршего местоблюстителя и подчинении последнему: «Так как дальнейшее промедление с настоящим делом не безопасно для церковного благочиния и на случай, если это мое обращение к Вам желательного результата иметь не будет, нахожу благовременным теперь же сделать нижеследующее постановление:

1. Преосвященного митрополита Казанского и Свияжского Кирилла предать суду Собора архиереев по обвинению во вступлении в общение с обществом, отделившемся от законного церковного священноначалия и образовавшим раскол, и в поддержке названного раскола своим примером, словом и писаниями (нарушение правил Апостольских 10, 16 и 31 и аналогичных); в демонстратив-

ном отказе от принятия Святых Таин в православных храмах (правило Апостольское 8, Антиохийское 2) и в отказе повиноваться законному заместителю патриаршего местоблюстителя и иметь с ним общение (Двукратного 15 и аналогичное).

2. В целях освобождения Преосвященных викариев, клира и мирян Казанской епархии от канонической зависимости от митрополита Кирилла, а равно и в целях ограничения дальнейшей, нарушающей церковный чин деятельности названного митрополита, уволить его от управления Казанской епархией на покой с правом священнодействия с разрешения местных епархиальных архиереев.

3. Священнодействие в сослужении с митрополитом Кириллом разрешается для православных священнослужителей лишь под условием поминовения митрополитом Кириллом православного архиерея.

4. Назначить Преосвященному митрополиту Кириллу крайним сроком 15 февраля 1930 г. для выражения им канонического послушания и отказа от общения с раскольниками. Если до означенного числа заявлений указанного содержания от митрополита Кирилла не последует, считать настоящее постановление вступившим в силу с нижеписанного числа»[46].

30 января 1930 года митрополит Кирилл направляет свой отзыв[47] на второе письмо митрополита Сергия. Документ этот является заключительным документом в их переписке:

«Ваше Высокопреосвященство!

Второе письмо Ваше от 2 января 1930 года за № 7 получено мною 14 января. Решительный отказ Ваш передать нашу с Вами переписку на усмотрение местоблюстителя митрополита Петра и предупредительное постановление о моем увольнении на покой свидетельствует о совершенной безнадежности для Церкви Православной Вашего возвращения с пути узурпации церковной власти, по коему движетесь Вы уже почти три года, изобретенные же Вами такие обвинения против меня, как «вступление в общение с обществом отделившимся» и т. д. и вообще весь метод рассуждения Вашего письма делает дальнейшие сношения с Вами невозможными для человека, говорящего только от своего лица, ни в каких обществах не состоящего и всегда устранявшегося и устраняющегося от

обсуждения церковных вопросов в плоскости политических воззрений и предположений. Из предшествующей нашей переписки Вы знаете, что при созданном Вами церковном положении ни одно ц[ерковно-] административное распоряжение Ваше я не могу признавать для себя обязательным к исполнению, а потому и после 15 февраля, аще живы будем и Господь изволит, — я в деле нравственно-архипастырского служения Св. Церкви, определяемого в своем внутреннем содержании не писанием резолюций и указов, а христианским душепастырством (1 Пет. 5, 2—3), *остаюсь по-прежнему митрополитом Казанским и Свияжским для всех православных чад Церкви, не могущих разделять Ваши воззрения на церковные полномочия Ваши и на пути осуществления Церковию своего призвания в здешнем мире, ибо воззрения эти нарушают правду Церкви и искажают Ея православное лицо.*

Во имя этой правды и достоинства Православной Церкви, исполняя свой архипастырский долг, решился я поднять свой голос, но Вы обратили мое выступление только в предлог для расправы со мною. В этой жизни едва ли дождемся мы с Вами суда Соборного. Да рассудит нас Бог! При временной невозможности общения с Центром Церковной Власти порядок церковной жизни на местах определен известным ноябрьским указом Патриаршего издания.

Осведомление же митрополита Петра сейчас о случившемся я возлагаю всецело на Вашу ответственность.

Грешный Кирилл, митрополит Казанский и Свияжский.

Январь 30 дня 1930 г.

с. Каргино Енисейского района».

Тотчас после своего январского письма священномученик Кирилл был препровожден из-под Енисейска в Красноярск, краевой центр, где заключен в тюрьму.

Вероятно, после очередного выяснения обстоятельств переписки с митрополитом Сергием владыке Кириллу было указано на новое место ссылки — Туруханский край, край еще более северный, нежели Енисейский (если Енисейск находился в 338 км к северу от Красноярска[48], то Туруханск — в 1474 км[49]; сам же Красноярск расположен в 3955 км от Москвы[50]).

Епископ Ковровский Афанасий (Сахаров), священноисповедник

В ожидании этапа митрополит Кирилл оказался в Красноярской пересыльной тюрьме.

Однажды к нему радостно подошел изможденный, измученный многолетними ссылками и болезнями, исхудалый, обритый наголо ссыльный. Митрополит Кирилл не узнал этого человека. Но недоразумение быстро рассеялось: перед ним стоял епископ Афанасий (Сахаров), чудом оставшийся в живых после тяжело перенесенного им сыпного тифа[51].

Епископ Афанасий шел этапом с Соловков. Этот этап направлялся теперь в Туруханский край, который оказался и для владыки Афанасия местом, предназначенным для ссылки. Впоследствии оба владыки некоторое время даже жили вместе в Туруханских «станках» Селиванихи, вместе молились. А когда однажды в Туруханске в январе 1932 года[52] владыка Афанасий попал в ужасную тамошнюю тюрьму и был в очень тяжелом положении, митрополит Кирилл молился за него и читал Святое Евангелие (по примеру Киевского подвижника иеросхимонаха Парфения и с его молитвой[53]).

Неожиданно епископ Афанасий был освобожден, так что Евангелие от Иоанна владыки дочитывали вместе[54].

В эту дальнюю ссылку за священномучеником Кириллом добровольно последовала монахиня Евдокия (Перевезникова), верная помощница владыки.

Именно здесь епископ Афанасий воспринял от митрополита Кирилла особенное почитание пророка Божия Илии, так что ежедневно в продолжение всей свой жизни читал на послеобеденной молитве тропарь, составленный им самим: «Во плоти Ангел, пророков основание, вторый предтеча пришествия Христова, Илия славный, от Ангела пищу приемый и вдовицу во время глада напитавый, и нам, почитающим тя, благодатный питатель буди».

Святитель Кирилл рассказал владыке Афанасию историю, услышанную им от преосвященного Феодора (Поздеевского), о том, как в 1918 году одному скромному подвижнику было откровение, что в суровую годину оскудения пищи пророк Илия является питателем, как когда-то для Сарептской вдовицы. В тюрьме и ссылке они стали молиться пророку и никогда не оставались без пищи. А в день памяти пророка Илии митрополит Кирилл получил однажды столько посылок, что на дверях его камеры уголовники написали: продуктовый склад[55].

В Туруханском крае владыка Кирилл вновь встретился с уже упоминавшимся нами отцом Евлампием Своеземцевым, который после ареста в Казани в 1930 году был приговорен к трем годам ссылки в Казахстан. Отбыв эту ссылку, отец Евлампий собирался поселиться где-нибудь в северном городке, но прежде решил побывать у митрополита Кирилла, проживавшего в то время на поселении в Красноярском крае. 70-летний старец-иерарх был несказанно рад этой нежданной встрече с отцом Евлампием, с которым постоянно поддерживал переписку.

22 октября 1933 года, в праздник Казанской иконы Божией Матери, митрополит Кирилл писал в Старую Руссу (Владимирской области) епископу Афанасию (Сахарову) о приезде священника Евлампия, знакомого владыке Афанасию по Зырянской ссылке, и о своей ссыльной жизни: *«Дорогой мой Владыко! Спаси Христос за письмо от дня св. ап. Иакова. Я получил его 17 числа, но не мог от-*

вечать сейчас, занятый слушанием подробностей житья-бытья о. Евл[ампия] По освобождении он решил направиться на северную стройку и взял литер досюда, чтобы, перезимовавши, двигаться дальше, до Селиванихи. Теперь, вероятно, маршрут изменится, и весной, а может быть и ранее того, он осядет где-нибудь близ Вашего удела[56]*. Он о[чень] возмужал и телом и духом, если можно употребить такое выражение о сорокалетнем человеке».*

В то же время размышлял митрополит Кирилл и о том, куда сам направится после окончания ссылки, если только гражданские власти этого допустят. Полагал, что после встречи с родными архипастырский долг требует направиться в Казань («свой удел»): *«Радуюсь за Вас, что имели возможность повидать своих. Об этом и я мечтаю, но не знаю, удастся ли. Повидавши же и уже простившись для последнего странствования, думаю двинуться в свой удел*[57]*. Знаю, что пребывание там для меня безнадежно, но думаю, что я должен на месте свидетельствовать своим присутствием о совершившейся неправде. Хочу по этому поводу слышать Ваше мнение, которое благоволите не задержать изложением и отправлением сюда.*

1 час дня. Сейчас прочитал письмо Аненьки о свидании с Вами и Ваше, писанное в день Николы Святоши. Спаси Вас Христос. Если попаду в удел свой, то, вероятно, придется, подобно Вам, читать что-нибудь подобное литературе Кешиной[58]*, но, вероятно, в более обработанной редакции. После намеков на неблагонадежность клира той церкви, которую Вы по будням посещали, Вам, конечно, нельзя было поступать иначе, чем Вы поступили. О посещении меня местным Пр[еосвященным] Антонием*[59] *я, кажется, писал Вам. При расставании я просил своего гостя не посетовать, что не исполню обычной вежливости и не отдам ему визита. Получил через несколько дней письмо с выражением удовольствия, что "Вы (т. е. м[итрополит] К[ирилл]) и нашего первенствующего, и нас считаете православными. Многие же, простите, называют Вас: или «каноническим разбойником в Церкви» или «туруханским пустосвятом»". Сам же автор при глубочайшем ко мне уважении, считает меня истинным представителем латинского богословия в нашей Св. Церкви. Латиняне...».*

Здесь письмо, начатое митрополитом Кириллом 22 октября, прерывалось на полуслове и продолжено было автором уже на следующий день рассказом о переписке с епископом Антонием (Миловидовым):

«Продолжаю 23-го. Вчера на полслове помешали. Латиняне недопонимают духовную сторону Православия, как соединенного невидимым присутствием,— «школы для учащихся под невидимым руководством»,— а всю важность видят в видимом руководстве Главы Централизации, в центральном авторитете, в верховном владычестве Главы Централизации, а греческое богословие, как я понимаю, выше всего ставило не Главу Централизации, а «Дух веет, где хочет, и ты слышишь голос Его, но не знаешь, откуда он приходит и куда уходит, так бывает со всяким, рожденным от Духа» (ср.: Ин. 3, 8).

Дальше автор говорит о том, что "Синод Петровский был менее каноничен, чем Сергиевский, потому что учреждался попранием постановления 25-го Конст[антино]польск[ого] Собора 1590 г., подписанного тремя Восточными патриархами, 19 митрополитами, столькими же архиепископами и 20 епископами и утвердившего от лица всей Восточной Церкви Патриаршество в России; нарушено было и определение последнего Собора Р[усской] Церкви 1681 г. (напр., об иерархической лестнице). Наш же Патриарший Синод сохранил все, что возможно сохранить при условиях настоящего времени, из определений последнего нашего Собора, хотя всегда и везде переживаемые времена и события, как в зеркале, отражаются в Церковной Централизации. Даже св. Иоанн Златоуст про ап. Павла так писал: хотя он и был Павлом, но все-таки он был человеком по своим уступкам и приспособлениям. Он не был чужд недостатков, иначе он не был бы человеком. А св. Григорий Богослов страдал приступами раздражительной щепетильности".

Дальше автор говорит, что "наш патриарший заместитель тоже человек и гражданин СССР, который своими мудрыми соображениями устроил каноническую Централизацию, необходимую нам как связь между иерархами и как нужное руководство. Устраивая эту Централизацию и приспосабливаясь к условиям жизни, патриарший заместитель ничего не внес чуждого чистоте Право-

славия, с чем согласны и Вы". «Нас не нужно считать, что мы сергиевцы из-за прибытка (1 Тим. 6, 5). Для нас самое главное: И поставлю правителям твоим мир и надзирателям твоим правду (Ис. 60, 17)»[60].

Далее митрополит Кирилл в своем письме излагает обсуждение вопросов, связанных с правами заместителя патриаршего местоблюстителя. Здесь вновь раскрывается основной мотив теперь уже заочной полемики митрополита Кирилла с заместителем патриаршего местоблюстителя, а именно – разное понимание форм и методов управления Церковью. По суждению митрополита Кирилла, все административные мероприятия заместителя местоблюстителя патриаршего престола после 1927 года направлены были на упразднение патриаршества и замену его новой формой синодального правления.

«В беседе с Пр[еосвященн]ым, – продолжал митрополит Кирилл изложение своего разговора и переписки с епископом Антонием,– *я коснулся и вопроса о преднесении св. креста при служении м[итрополита] С[ергия]. По этому поводу он пишет: "Относительно предношения креста (данное право заместителю) я полагаю, что и видно по смыслу указа, – этим дается право, по желанию русских иерархов, в лице Высоко[преосвященнейш]его Сергия, всем русским первенствующим иерархам". Расшифровывая этих «всех первенствующих», понимаю, что в сознании искренних сергиевских иерархов русское патриаршество уже не существует. Церковь управляется Синодом более каноничным, чем Петровский, возглавляемым «Первенствующим». На мой вопрос в устной беседе: «Каким Пр[еосвящен]ный представляет себе дальнейшее управление Р[усской] Пр[авославной] Ц[ерко]вию, когда м[итрополит] Сергий умрет, не успев созвать канонический Собор?» Пр[еосвящен]ный ответил: «Синод изберет нового заместителя». Видимо, титул «наш патриарший заместитель» есть не lapsus linguae*[61], *а формула сложившегося уже воззрения. Таким образом, последний Собор Р[усской] Церкви и учреждение патриаршества нужны были только для того, чтобы дать возможность м[итрополиту] Сергию прокорректировать канонические погрешности при учреждении*

Петровского Синода и дать ему «Главу», сохранив от патриаршества внешнюю регалию — предношение креста.

Это письмо помечено 22 окт[ября]. 30-го получено мною второе, начинающееся извинениями за резкие выражения, помещенные в первом. Допуская возможность со стороны людей недопонимания моих «устоев» Православия, Пр[еосвященн]ый не думает все-таки, что св. Климент, напр[имер], недопонимал Сократа, когда называл его «аттическим шутом», а Аристотеля «жалким Аристотелем». Приведя слова Златоуста: "Апостол Павел одним способом беседовал с поселянами Листры, другим беседовал с эпикурейцами и стоиками в Афинах, и иным способом в Синедрионе в Иерусалиме. Не многим,— добавляет св. Златоуст,— была дана такая блестящая гибкость ума. Этой блистательной гибкости ума, я полагаю, не лишен отчасти и наш заместитель. Напрасно в э[той] б[листательной] г[ибкости] его ума усматривают какую-то узурпацию. За митр[ополита] Сергия наша Церковь не будет краснеть впоследствии, а будет гордиться им, да и теперь враги митр[ополита] Сергия только поносят, а не опровергают". Дальше автор по Златоустову примеру относительно апостола Павла истолковывает м[итрополита] Сергия «разделяя» его: "на м[итрополита] Сергия как на Правителя Церкви, на м[итрополита] Сергия как на дипломата, как на гражданина СССР".

В заключение: "Я оканчиваю «свидетельство» о м[итрополите] Сергии (Ин. 2, 25). Жду Вашего «свидетельства» о себе самом, как епископе той области, в которой Вы очень долго жили. Мне хотелось бы перед Вашим отъездом попрощаться лично с Вами, дорогой Владыко: помолитесь за любящего Вас епископа Антония. 1933, 30 октября" [62]*. После этого письма мне было дано доказательство, что Пр[еосвящен]ный оч[ень] заботится о скорейшем получении мною паспорта, а вчера, когда я начал свое письмо Вам, он пожаловал лично сам «поздравить меня с праздником», и мы с ним и о. Евл[ампием] хорошо пообедали вместе. Сказать, что я вполне уразумеваю настроение и отношение ко мне е[пископа] Антония, не могу. Судите по сделанным выпискам сами.*

Паспорта я все еще не получил по той причине, что у домоуправления не имеется печати, и будет ли она не раньше, как че-

рез месяц. Без такой печати анкетный листок недействителен. Задержка такая не без воли Божией. Видимо, надо побыть здесь и выждать.

Сегодня получил письмо из Чернигова, в котором Н. В. между прочим пишет: "Мой сын Богом данный рассказывал, что родненький мой еще числится и Сер. [Митрополитом Сергием?] в списках иер [ерархов?], а Вы и совершенно не существуете". Что это означает, Вы, конечно, понимаете, и ввиду этого поездка в свой удел будет, пожалуй, «пранием против рожна»[63]*, надо просто отойти от зла. Повод к такой расправе могло дать мое последнее обращение, сделанное 28 июля, в котором я объясняю, по каким основаниям считаю совершающееся узурпацией. Вы этого обращения не знаете, и я не могу решить, следует ли Вас ознакомить с ним. Боюсь причинить Вам какую-нибудь неприятность. Назойливое и торопливое напоминание Вам о непослушании имеет какой-то посторонний привкус. Проявляемая же в данном случае распоясанность м[итрополита] С[ергия] совсем не вредна для нашего самочувствия.*

От батюшки о. Н[еофита][64] *имею весточку, но он от Вас не имеет и, видимо, огорчен этим. Жизнь здесь не дешевеет, но хлеб печеный. Радуюсь настроению о. И[осифа] и Вашею радостью о своем крестнике*[65]*. Подкрепи их Господь. Пр[еосвященный] Василий [Преображенский], Ал[ександр] П[авлови]-ч [Чумаков], их приходский свящ[енник] о. Николай*[66]*, р. Б. Екатерина*[67]*, монахини Виталия*[68] *и Евдокия идут на 5 л[ет] в концлагерь. Помолитесь о них. М[атушка] Е[вдокия] земно кланяется с обычной просьбой. К сожалению, условия квартирного существования лишают возможности иметь полное утешение.*

Да хранит Вас Господь цела и невредима. Простите, помолитесь и благословите любящего Вас М[итрополита] К[ирилла]».

6 (19) ноября 1933 года митрополит Кирилл, по-прежнему находившийся в ссылке, но теперь уже получивший паспорт и строивший планы на предстоящую поездку, направил второе письмо епископу Афанасию (Сахарову).

«Дорогой Владыко! Письмо Ваше из Ст[арой] Руссы получено мною, спаси Вас Христос. Почти постоянно беседуем с о. Евл[ампием] и Вас с любовию вспоминаем. Ваша справка о правилах Карф[агенского] Собора произвела на него глубокое впечатление».

Здесь довольно важное упоминание о правилах Карфагенского Собора. Много позже, в 1954 году, в своем письме протоиерею Павлу Дашкееву епископ Афанасий вспомнит о том, какое значение придавали «непоминающие» этому правилу: «Среди правил Поместного Карфагенского Собора есть одно... содержание которого приблизительно такое: если православный епископ не ревнует о возвращении православным захваченного донатистами имущества, то все епископы поместной Церкви прерывают с ним общение, и он должен довольствоваться общением только со своей паствой[69]. Таким образом, устанавливается возможность такого положения, когда православному, благодатному, не отлученному и не запрещенному епископу, не достаточно энергично действующему в защиту интересов Церкви, применяется как бы своеобразный церковный бойкот со стороны других епископов и их паств. На этом правиле в начале 30-х годов я и м[итрополит] Кирилл основывали нашу тогдашнюю позицию. Мы поминали одного первоиерарха М[осковской] П[атриархии] и не поминали временно за него управлявшего церковными делами, как никогда не возносилось во всей епархии имя викария, хотя бы и управлявшего епархией за отсутствующего или [пропуск в копии] епарх[иального] архиерея»[70].

Вновь мы убеждаемся в том, что именно этико-экклезиологический мотив был основополагающим в критике митрополитом Кириллом и его последователями административной деятельности заместителя патриаршего местоблюстителя. Присутствует здесь и ссылка на принципиальную каноническую необязательность богослужебного поминовения митрополита Сергия как всего лишь «заместителя», «викария» митрополита Петра.

В своем втором письме к епископу Афанасию от 6 (19) ноября 1933 года митрополит Кирилл, между прочим, упоминает и о своем намерении посетить в Москве митрополита Сергия с целью узнать, направил ли он их переписку на суд местоблюстителя патриаршего престола (просьба об этом содержалась в письме митрополита

Кирилла от 30 января 1930 г.): *«15/XI мне выдали паспорт на год, и я собираюсь уезжать отсюда, чтобы не тревожить своим присутствием здешних отцов. Много прикидывал мыслию, где остановиться, и наконец решил поселиться 180 км. на запад от Москвы, если, конечно, не встретится препятствий со стороны начальства. Проездом через Москву хочу навестить Кешиного отца*[71] *и узнать, намерен ли он справиться с мнением своего доверителя*[72] *о тех недоразумениях, на почве коих мы с ним заспорили. Если бы он согласился признать свою деятельность нужною только для своих добровольных сотрудников и отказался бы от всяких прещений, оставляя всех, замедляющих с одобрением его поведения, их собственному усмотрению, то заваренную им кашу не трудно было бы расхлебать. Местный его панегирист*[73] *прислал мне третье писание, помеченное Димитриевым днем. Писание это сопровождалось присылкою полученного им указа от 31 окт[ября] с/г. о деянии, совершенном в марте [19]30 г., по поводу уверений, что Казань не даст увлечь себя в раскол, хотя бы и «Кирилловский». Писать начинает «с письма святою темой»: 2 Кор. 2, 4*[74]*. Передавать полностью его содержание было бы долго, но размышления моего корреспондента о патриаршестве процитирую: "могу Вам напомнить, что в Иерусалиме долгое время не было патриаршества (когда Иерусалим именовался Элией Каппадокией (?)*[75]*, но это не повредило чистоте Православия Матери Церквей, тогда как Константинопольское патриаршество, если нельзя сказать, что оно было причиной разрыва с Западом, то во всяком случае, если бы его не было, то, пожалуй, разумно предположить, что не было бы и раскола с Западом. Также и в Русской Церкви, если бы не было патриаршества, пожалуй, не было б раскола при Никоне патриархе и не явился бы раскол в связи с патриаршеством Св. Тихона. Поэтому-то и «внешние» в своей печати постоянно ратовали за восстановление у нас патриаршества".*

Это третье письмо, по уверению автора, будет с его стороны и последним. Такого решения нельзя не приветствовать. Придет ли он еще раз ко мне для личной беседы — не знаю; впечатление же от его личности остается у меня весьма неопределенным. Словом, надо поскорее уезжать, чтобы не дразнить гусей. К сожалению,

стало весьма холодать, и поездка будет не из легких и приятных, а главное, очень дорогою. И чего доброго, не успеешь доехать до избранного места, как придется отправляться в другое[76]. *М[атушка] Е[вдокия] и о. Евл[ампий] земно Вам кланяются с обычной просьбой.*

Простите, благословите и помолитесь о любящем Вас М[итрополите] К[ирилле].

P. S. Приветствую добрую М[арию] И[вановну] с детками. Пусть передает мой привет и благословение доброму о[тцу] Иосифу»[77].

Эта переписка показывает, что несмотря на все сложности тюремно-ссыльных мытарств митрополит Кирилл, епископ Афанасий и многие другие церковные иерархи продолжали жить исключительно интересами Церкви.

Священник Евлампий Своеземцев[78] вскоре покинул гостеприимного митрополита Кирилла, которому после окончания в августе 1933 года срока ссылки было разрешено избрать место для поселения, помимо, конечно, крупных городов.

ГЖАТСКИЙ ПЕРИОД И АРЕСТ 1934 ГОДА

В Туруханском крае митрополит Кирилл отбывал ссылку до 19 августа 1933 года. На праздник Преображения Господня последовало освобождение, которого владыка ждал давно, но с малой вероятностью которого давно же и смирился. Неожиданно срок его ссылки не был, как это случалось ранее, продлен. Владыка выбрал для поселения город Гжатск Западной области[79], куда отправился, видимо, в самом конце 1933 года.

Этот небольшой провинциальный русский город, находившийся в 239 км от Смоленска, с населением всего около 15 тысяч человек, казалось, как нельзя лучше подходил для поселения. Спокойный и тихий, он сохранял в себе очарование дореволюционной провинции. В нем действовали храмы, которых для такого небольшого городка было немало. На возвышенном берегу реки Гжать

возвышались Благовещенский собор, церковь во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» и Тихвинская церковь, на центральной площади красовался Богоявленский храм, на окраине города, на Смоленской дороге, находилась кладбищенская церковь в честь Вознесения Господня, а в 25 верстах, в селе Самуйлово, располагалась бывшая усадьба князей Голицыных, постепенно приходящая в запустение.

Будучи проездом через Москву, митрополит Кирилл заехал в Синод к митрополиту Сергию, с которым имел личную встречу и беседу по вопросу их переписки 1929 года. Владыку Кирилла интересовало, переправил ли митрополит Сергий их переписку на суждение митрополиту Петру Крутицкому, местоблюстителю патриаршего престола. Оказалось, что переписка не была переправлена митрополиту Петру, поскольку, по словам митрополита Сергия, неизвестно, в какую именно из тюрем тот был заключен[80]. По всей видимости, и в дальнейшем митрополит Сергий не делал такой попытки.

Между тем, как выясняется, митрополит Петр был знаком с перепиской митрополита Кирилла и митрополита Сергия и не вполне одобрял характер деятельности своего заместителя.

В Гжатске митрополит Кирилл поселился на ул. Бельской, д. 102, у местной жительницы Пашиной, где и пробыл целый год до нового своего ареста, никуда не выезжая. Это был последний год относительной свободы митрополита Кирилла. Вместе с ним в том же доме проживала его духовная дочь Лидия Николаевна Фокина[81], которая сюда прибыла в июне 1934 года после окончания своей казахстанской ссылки. Попытки ее поселиться в Москве или Можайске не были успешными (в Москве не выдали паспорта, в Можайске не нашлось квартиры), и Лидия Николаевна решилась последовать за своим духовным отцом, благо такое благословение от владыки она получила. Вместе с монахиней Евдокией (Перевезниковой) она занималась хозяйством и ухаживала за владыкой митрополитом, чье здоровье было основательно подорвано тюрьмами, ссылками и лагерями, коим святитель отдал к тому времени 13 лет своей жизни. С декабря 1919 по август 1933 года митрополит Кирилл провел на свободе всего около года.

Вскоре по прибытии в Гжатск наладилось письменное общение владыки с епископами Афанасием (Сахаровым), Дамаскиным (Цедриком), Парфением (Брянских), Серафимом (Самойловичем)[82]. Это были единомысленные архипастыри, и в их сердцах жило сильное эсхатологическое чувство — чувство последних времен, времен всеобщей апостасии.

Епископ Дамаскин писал митрополиту Кириллу: «Совершается Суд Божий над Церковью и народом русским. Совершается отбор тех истинных воинов Христовых, кои только и смогут быть строителями нового здания Церкви, кои только и будут в состоянии противостоять самому «зверю». Времена же приблизились, несомненно, апокалипсические. Все наши усилия теперь должны быть направлены на установление прочных связей между пастырями и пасомыми. И необходимо по возможности исправить совершенный грех путем противодействия злу, до готовности даже кровию омыть грех свой»[83].

Следует заметить, что в конце 1933 — начале 1934 года активизировалась деятельность последователей движения, получившего название Истинно-Православной Церкви (ИПЦ). Это было связано с возвращением из ссылок епископов Дамаскина, Парфения, архиепископа Серафима, которые быстро наладили связь с единомысленным духовенством и, одновременно, с митрополитом Кириллом, которого желали видеть во главе этого движения.

Оживленная переписка представителей ИПЦ свидетельствует о бывшем тогда намерении активно противостоять деятельности митрополита Сергия. Видимо, именно от этих иерархов или близких к ним лиц последовало предложение митрополиту Кириллу объявить себя заместителем местоблюстителя, то есть лицом, замещающим собой митрополита Петра, совершенно к тому времени изолированного от церковной действительности, или даже патриаршим местоблюстителем (с учетом сложившихся обстоятельств — невозможности митрополита Петра реально управлять Церковью, превышения, по мнению оппозиционного епископата, митрополитом Сергием своих полномочий, гонимости инакомыслящей иерархии, желавшей консолидации и скорейшего проведения Собора, даже тайного, для чего группу инакомыслящих должен был

возглавить всем известный и непререкаемый в своем авторитете иерарх, каковым являлся для всех митрополит Кирилл).

Однако митрополит Кирилл не пошел на предлагаемый раскол, что и обосновал в двух своих письмах неизвестным адресатам в январе–феврале 1934 года.

«Только после смерти митрополита Петра,– пишет владыка Кирилл в своем январском письме,– *я нахожу для себя не только возможным, но и обязательным активное вмешательство в общее церковное управление Русской Церковью. Дотоле же иерархи, признающие своим Первоиерархом митрополита Петра, возносящие его имя по чину за богослужением и не признающие законной преемственности Сергиева управления, могут существовать до суда Соборного параллельно с признающими; выгнанные из своих епархий, духовно руководя теми единицами, какие признают их своими архипастырями, а невыгнанные – руководя духовной жизнью своей епархии, всячески поддерживая взаимную связь и церковное единение»*[84].

Таким образом, митрополит Кирилл не видит для себя возможности до физического прекращения полномочий митрополита Петра, то есть его смерти или отказа от местоблюстительства, активно вмешиваться в церковное управление. Сохранение «мерности» в отношении митрополита Петра, хотя и изолированного властями, но остающегося де-юре местоблюстителем, для владыки Кирилла чрезвычайно важно. В этом именно видит митрополит Кирилл церковную дисциплину, а не в подчинении решениям заместителя местоблюстителя, против которых восстает архипастырская совесть.

«Для меня лично выступление сейчас представляется невозможным,– продолжает свою мысль митрополит Кирилл.– *Во всяком случае, быть явочным порядком заместителем митрополита Петра без его о том распоряжения я не могу, но если митрополит Петр добровольно откажется от местоблюстительства, то я, в силу завещания Святейшего Патриарха и данного ему мною обещания, исполню свой долг и приму тяготу местоблюстительства,*

хотя бы митрополит Петр назначил и другого преемника, ибо у него нет права на такое назначение»[85].

Объяснение своего понимания (как нам представляется, близкого к истине) завещания Святейшего Патриарха митрополит Кирилл дает в февральском письме неизвестному архиепископу (возможно, архиепископу Серафиму (Самойловичу)): *«Воспринять патриаршие права и обязанности по завещанию могли только три указанных в нем лица, и только персонально этим трем принадлежит право выступать в качестве временного церковного центра до избрания нового патриарха. Но передавать кому-либо полностью это право по своему выбору они не могут, потому что завещание патриарха является документом совершенно исключительного происхождения, связанного соборной санкцией только с личностью первого нашего патриарха. Поэтому со смертью всех троих завещанием указанных кандидатов завещание Святейшего Тихона теряет силу, и церковное управление созидается на основе указа 7 (20) ноября 1920 г. Тем же указом необходимо руководствоваться и при временной невозможности сношения с лицом, несущим, в силу завещания, достоинство церковного центра, что и должно иметь место в переживаемый церковно-исторический момент»*[86].

В том же письме митрополит Кирилл советует избегать обвинений митрополита Сергия и его сторонников в еретичестве — и потому, что это не верно по своей сути, и потому, что это не способствует врачеванию церковного разделения, и потому, что отталкивает тех, кто, сознавая погрешительность административных мероприятий митрополита Сергия, *«снисходительно терпят эту погрешительность как некое лишь увлечение властью, а не преступное ее присвоение». «Предъявляя к ним укоризну в непротивлении,—* продолжал митрополит Кирилл,— *мы рискуем лишить их психологической возможности воссоединения с нами и навсегда потерять их для Православия. Ведь признаться в принадлежности к ереси много труднее, чем признать неправильность своих восприятий от внешнего устроения церковной жизни»*[87].

Следует отметить, что и в этот период митрополит Кирилл, несмотря, видимо, на оказываемое давление наиболее непримиримых оппонентов митрополита Сергия, признавал благодатность таинств клириков, остававшихся в каноническом единстве с митрополитом Сергием.

«Сдается мне, — писал митрополит Кирилл,— *что и Вы сами, и Ваш корреспондент не разграничиваете тех действий митрополита Сергия и его единомышленников, кои совершаются ими по надлежащему чину в силу благодатных прав, полученных через таинство священства, от таких деяний, кои совершаются с превышением своих сакраментальных прав по человеческим ухищрениям в ограждение и поддержание своих самоизмышленных прав в Церкви»*[88] (имелись в виду прежде всего прещения на несогласных с административными нововведениями клириков, отказ даже отпевать «непоминающих» и пр.— *А. Ж.*).

В Гжатске митрополита Кирилла посещают многие его единомышленники. Весной 1934 года владыку посетил епископ Афанасий (Сахаров), из Москвы приезжали известный профессор Иван Васильевич Попов, миссионер С. В. Касаткин и многие другие.

В июне 1934 года из Каширы приезжал иеромонах Паисий, не признававший митрополита Сергия. Его мучил вопрос, может ли он священнодействовать. Владыка Кирилл благословил его на совершение келейных служб, что фактически означало благословение на создание домовой церкви. Открытое служение митрополит Кирилл не благословлял.

Из Кадышков, что на Урале, митрополиту Кириллу писал иеромонах Леонид, сообщая, что им основана домашняя церковь, и просил разъяснения по вопросу о церковном управлении.

Приезжал в Гжатск и епископ Палладий (Шерстенников), кстати, казанский постриженник владыки Кирилла. Митрополит Сергий направил его с очередным предложением владыке Кириллу принести покаяние[89].

Позже, уже на допросе, Лидия Николаевна Фокина (духовная дочь владыки Кирилла), очень мужественно державшаяся в тюрьме, на вопрос следователя, кто бывал у владыки, отвечала (не без

иронии), что приезжал епископ Палладий: «Цель приезда епископа Палладия заключалась в информации о присвоении митрополиту Сергию звания «Блаженнейшего» и рассказе о положении дела в епархии»[90].

Епископ Палладий с декабря 1930 по август 1933 года был епископом Елабужским и, действительно, знал, что происходит в Казанской епархии, правящим епископом которой владыка Кирилл по-прежнему считал себя.

Имел общение митрополит Кирилл и с московскими «непоминающими».

Лидия Николаевна Фокина, выезжавшая в Москву в июне 1934 года для того, чтобы навестить тяжело болевшего отца и купить лекарства для митрополита Кирилла, имела еще и поручение от владыки Кирилла навестить приезжавших к нему ранее в Гжатск неких Ивана Ивановича и Софью Петровну. Владыка поручил сообщить им свое впечатление от встречи с иеромонахом Паисием, о котором его спрашивали приезжавшие москвичи.

Особенность позиции митрополита Кирилла заключалась в том, что он не пытался создать «организацию», оппозиционную митрополиту Сергию или советской власти. Он считал, что для сохранения Церкви не нужно создания новых внешних организационных форм, ибо Святая Церковь сама в себе несет организующее начало. Начало это — Сам Основатель Церкви — Христос Спаситель, Чье обетование о неодолимости Церкви вратами ада было и оставалось единственным упованием верующих.

Однако власти были далеки от подобных соображений, их волновало влияние митрополита Кирилла на умы церковных иерархов и верующих мирян.

Со всех сторон приходили к митрополиту Кириллу тревожные сообщения о новых арестах единомысленных ему иерархов и священнослужителей. В мае 1934 года был арестован отец Евлампий Своеземцев, которому среди прочего вменялась в вину связь с митрополитом Кириллом и бывшим Угличским архиепископом Серафимом. Как говорилось в обвинении, отец Евлампий «во вре-

мя посещения Рыбинских церковников выдвинул перед ними задачу созыва церковного Собора, с явно провокационной контрреволюционной программой». На допросе отец Евлампий сказал: «Я считаю, что советская власть должна принести покаяние, прекратить репрессии и в корне изменить церковную политику». Постановлением Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 1 июня 1934 года священник Своеземцев был заключен в ИТЛ сроком на три года.

Власти, конечно, не могли не заметить частых посещений митрополита Кирилла духовенством и мирянами. Стало очевидно, что свободное проживание митрополита Кирилла может привести к еще большему росту авторитета гонимого церковного иерарха, к неуправляемому паломничеству в Гжатск церковников. Ситуация явно грозила выйти из-под контроля властей. Был извещен Тучков.

При этих обстоятельствах и появляется распоряжение ОГПУ от 8 июля 1934 года за № 161007 об аресте митрополита Кирилла. Постановление об аресте утверждает начальник Управления НКВД СССР по з/о И. Блат[91], и 14 июля владыка Кирилл был арестован. Вместе с ним была арестована и Лидия Николаевна Фокина.

Архивное дело хранит квитанции изъятых у митрополита Кирилла вещей. Изумляет та педантичность, с какой описывалось «имущество» владыки. У митрополита изъяли: 14 рублей[92], а также — кружку, чайничек для заварки чая, подтяжки, крест с цепочкой, столовую ложку, саквояж, две пустых банки (так и было внесено в квитанцию!), крест деревянный, пояс, очки, гребенку, палку (!), 100 граммов чая (!)[93].

Позже появляется протокол обыска и ареста, датированный почему-то 15 июля 1934 года (напомним, что арестован митрополит Кирилл был 14 июля, эта же дата стоит под заполненной им анкетой арестованного). Из протокола следовало, что двумя сотрудниками районного отдела НКВД в присутствии одной понятой при обыске была изъята «разная переписка гражданина Смирнова К. И. в количестве ста восьмидесяти шести листов и десяти фотокарточек

разных лиц, из них 4 его лично. Претензий и жалоб на неправильности при обыске не заявлено»[94].

Остается только сожалеть, что такое духовное сокровище сгинуло в архивах НКВД. 186 листов переписки митрополита Кирилла с владыками Афанасием (Сахаровым), Дамаскиным (Цедриком), Серафимом (Самойловичем), профессором И. В. Поповым и другими достойнейшими деятелями Церкви могли бы открыть нам новые свидетельства исповедничества русских иерархов, томившихся в тюремных узах, гонимых в ссылки и на каторги, но не отрекавшихся от Христа Спасителя.

Арест был произведен с санкции московских властей, и потому митрополита Кирилла и Лидию Николаевну Фокину из Гжатска сразу же после ареста направляют в Москву[95], куда этап прибывает уже 16 июля 1934 года. В тот же день особым распоряжением начальника секретного политотдела ГУГБ митрополит Кирилл помещается во внутренний изолятор ГУГБ[96].

31 июля во внутренний изолятор переводится и Лидия Николаевна Фокина[97].

Уже 16 июля митрополит Кирилл был допрошен.

Среди прочего следователя интересовало отношение владыки к «политическим выступлениям» митрополита Сергия (Страгородского). Владыка отвечал: «Мое отношение к политическим выступлениям митрополита Сергия, в частности к т. н. «интервью», заключается в следующем: во-первых, Сергий не имел права выступать от лица Церкви, т. к. никто его на это не уполномочил, а во-вторых, (он) преувеличенно представил благополучность положения Церкви, которая на самом деле находится с моей точки зрения в скорбном положении»[98].

Но важнее всего для следователей было добиться признания митрополита Кирилла в попытке создания им контрреволюционной церковной организации.

«Вопрос: Признаете ли Вы себя виновным в предъявленном Вам обвинении, т. е. в попытке воссоздать контрреволюционную организацию «Истинно-Православная Церковь»?

Ответ: Нет, не признаю. Я назначен был в завещании патриарха Тихона первым кандидатом на место патриаршего местоблюстителя, и поэтому, вероятно, в сознании многих церковников за мной мыслилась обязанность давать известные разъяснения, которые у них возникают в связи с курсом в церковной жизни, принятым официальной Церковью. Своего отрицательного отношения к этому курсу я никогда не скрывал и совершенно определенно выразил его в официальных и неофициальных письменных обращениях к митрополиту Сергию[99]. Само собой разумеется, что эти обращающиеся ко мне лица рассматривали меня как их руководителя, и я им не отказывал в возглавлении их, т. е. в руководстве ими. Никого сам к себе не звал и никаких организационных указаний не делал. Не отрицаю того, что я одобрял возможность совершения церковных служб дома[100], т. е. без регистрации в установленном советским законодательством порядке»[101].

Здесь возникает закономерный вопрос: а мог ли митрополит Кирилл сам служить и выступать как церковный иерарх, будучи запрещен митрополитом Сергием и Временным Патриаршим Синодом? Ответ мы находим в самой деятельности митрополита Кирилла и в его письмах.

Митрополит Кирилл полагал, что, как епископ своей области, он должен быть подсудным собору епископов, во главе с первоиерархом Церкви. Таковым в условиях церковной действительности 30-х годов был местоблюститель патриаршего престола митрополит Петр Крутицкий, а в его отсутствии — заместитель местоблюстителя. Владыка Кирилл, будучи запрещен митрополитом Сергием, которого он признавал заместителем патриаршего местоблюстителя, имел все основания просить перенести возникший спор на суждение предстоятеля Русской Церкви митрополита Петра.

Теперь известно, что митрополит Петр через епископа Дамаскина летом 1929 года получил копии писем митрополита Кирилла к митрополиту Сергию и письма архиереев, выражавших свои суждения относительно Декларации[102]. И тогда в декабре 1929-го и феврале 1930 года митрополит Петр из заключения направляет митрополиту Сергию два оставшихся без ответа письма, в которых,

между прочим, пишет: «Мне сообщают о тяжелых обстоятельствах, складывающихся для Церкви в связи с переходом границ доверенной Вам церковной власти. Очень скорблю, что Вы не потрудились посвятить меня в свои планы по управлению Церковью. А между тем Вам известно, что от местоблюстительства я не отказывался и, следовательно, Высшее Церковное Управление и общее руководство церковной жизнью сохранил за собою. В то же время смею заявить, что Вам предоставлены полномочия только для распоряжения текущими делами, быть только охранителем текущего порядка. Я глубоко был уверен, что без предварительного сношения со мною Вы не предпринимаете ни одного ответственного решения, каких-либо учредительных прав я Вам не предоставлял, пока со мною местоблюстительство и пока здравствует митрополит Кирилл, и в то же время был жив митрополит Агафангел. Поэтому же я и не счел нужным в своем распоряжении о назначении кандидатов в заместители упомянуть об ограничении их обязанностей, для меня не было сомнений, что заместитель прав установленных не заменит, а лишь заместит, явит собой, так сказать, тот центральный орган, через который местоблюститель мог бы иметь общение с паствой. Проводимая же Вами система управления не только исключает это, но и самую потребность в существовании местоблюстителя. Прошу устранить мероприятия, превысившие Ваши полномочия»[103].

Во втором письме через два месяца митрополит Петр в еще более твердой, но по-прежнему тактичной форме повторяет требование вернуться к прежнему строю церковного управления: «На мой взгляд, ввиду чрезвычайных условий жизни Церкви, когда нормальные правила управления подвергаются разным колебаниям, необходимо поставить церковную жизнь на тот путь, на котором она стояла в первое Ваше заместительство. Вот и благоволите вернуться к той, всеми уважаемой Вашей деятельности. Повторяю, что очень скорблю, что Вы не писали мне и не посвятили в свои намерения. Раз поступают письма от других, то, несомненно, дошло бы и Ваше»[104].

Все это показывает, что первоиерарх Русской Церкви священномученик Петр Крутицкий не вполне одобрял деятельность мит-

рополита Сергия по тем вопросам церковной жизни (учреждение Временного Патриаршего Синода, увольнение с кафедр и запрещение в священнослужении иерархов, не согласных с церковной политикой заместителя местоблюстителя), по каким с этой деятельностью не соглашался и митрополит Кирилл.

Доклад епископа Василия (Беляева) об одобрении Декларации 1927 года митрополитом Петром[105] оказался недоразумением, о чем также сообщал из заключения митрополит Петр в декабрьском своем письме митрополиту Сергию[106].

Таким образом, митрополит Петр, как местоблюститель патриаршего престола, не санкционировал своею властью нововведений митрополита Сергия, вынужденного — для сохранения с трудом достигнутого им статус-кво во взаимоотношениях с госвластью — «принимать решения, не обсуждая их предварительно с патриаршим местоблюстителем»[107].

В то же время, для митрополита Петра его заместитель попрежнему представлялся близким человеком, что следует из того же цитированного выше письма от 26 февраля 1930 г.: «Пишу Вам откровенно, как самому близкому мне архипастырю, которому многим обязан в прошлом и от святительской руки которого принял постриг и благодать священства»[108]. Митрополит Петр отказывался верить, что отсутствие реакции на его письма есть со стороны митрополита Сергия вынужденная политика выживания церковного центра, уклоняющегося от общения с заключенным первоиерархом.

Однако вернемся к положению священномученика Кирилла.

Условия его содержания в Бутырском изоляторе были довольно тяжелыми. Сказывались и болезни, приобретенные в ссылках и лагерях.

Уже при аресте, в комендатуре у владыки были отобраны все вещи, в том числе и очки, так что митрополит вынужден был писать особое заявление на имя начальника внутреннего изолятора: «Прошу 1) представить в мое пользование очки, отнятые у меня в комендатуре; 2) перевести отобранные там же деньги в мое распоряжение во вн. изолятор. К. Смирнов. 19/VII-1934»[109]. Из тюремного

отдела начальнику СПО ГУГБ НКВД Молчанову поступает служебная записка за № 602450: «Препровождается заявление арестованного Смирнова К. И., числящегося за 3 СПО, с просьбой разрешить пользоваться очками — на распоряжение»[110]. И 23 июля начальник 3-го отделения СПО наконец-то разрешает заключенному митрополиту воспользоваться изъятыми у него очками и деньгами[111].

Но, конечно же, возвращенных митрополиту Кириллу 14 рублей не хватило на сносное питание, столь необходимое для поддержания сил. Да и цены в ларьке были не низкими. И 4 августа владыка просит разрешения послать письмо в Гжатск для получения оттуда денег на покупку продуктов из ларька[112].

29 июля уполномоченный 3-го отделения СПО ГУГБ НКВД Алексеев объявляет митрополиту Кириллу постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения: «Рассмотрев следственный материал по делу № 7 и приняв во внимание, что гр. Смирнов Константин Иларионович (митрополит Кирилл), 1863 г. р., урожденный г. Кронштадта, русский, гражданин СССР, достаточно изобличается в том, что, возвратившись по отбытию срока ссылки, приступил к воссозданию контрреволюционной организации «Истинно-Православная Церковь». С этой целью Смирнов установил связи с архиереями: Поздеевским, Сахаровым, Самойловичем, Дамаскиным[113] и др. лицами, давая установки на образование подпольных групп церковников. Постановил: гр. Смирнова К. И. привлечь в качестве обвиняемого по ст. ст. 58/10-11 УК, мерой пресечения способов уклонений от следствия и суда избрать содержание под арестом»[114]. Под документом стоит подпись митрополита Кирилла в том, что постановление ему объявлено.

11 сентября заключенный архиепископ последний раз вызывается на допрос. Следователь требует от Казанского митрополита назвать автора брошюры «Беседа двух друзей», в которой, между прочим, к большому негодованию чекистов, утверждалось, что человек должен повиноваться Богу больше, чем людям. Владыка отвечал: «Кто является автором этой брошюры — я не знаю. Когда и кто передал мне указанную брошюру — не помню, но полагаю, что она получена мною во время пребывания в ссылке, возможно в 1929 г.»[115].

В тот же день, 11 сентября, митрополиту Кириллу было объявлено об окончании следствия[116]. Но еще два с половиной месяца предстояло провести митрополиту Кириллу в Бутырском изоляторе в ожидании того дня, когда ему будет объявлено о приговоре.

Особое Совещание при НКВД СССР 2 декабря 1934 г., рассмотрев «дело № 7 о Смирнове Константине (Кирилле) Илларионовиче, 1863 г. р., митрополите, без определенных занятий, неоднократно репрессировавшемся за к.-р. деятельность, ПОСТАНОВИЛ: Смирнова Константина (Кирилла) Илларионовича за к.-р. деятельность сослать в Казахстан, сроком на ТРИ года, считая с 14/7-34 г. Дело сдать в архив»[117].

Лидия Николаевна Фокина этим же Особым Совещанием была приговорена к заключению в исправтрудлагерь сроком на три года, считая срок также со дня ареста (с 14 июля 1934 г.)[118].

5 декабря того же 1934 года из учетно-статистического отдела ГУГБ коменданту Бутырского изолятора НКВД направляется служебная записка с указанием с первым же этапом отправить митрополита Кирилла в г. Алма-Ата Казахстанской АССР и там взять его на особый учет[119]. Л. Н. Фокину предписывалось с первым же этапом направить в г. Мариинск для заключения в Сиблаг НКВД, где также взять ее на особый учет.

КАЗАХСТАНСКАЯ ССЫЛКА И МУЧЕНИЧЕСКАЯ КОНЧИНА МИТРОПОЛИТА КИРИЛЛА

Прибывший этапом в Казахстан митрополит Кирилл был направлен в поселок Яны-Курган, где и проживал до последнего ареста, последовавшего в июне 1937 года.

Что в эти годы наполняло существование ссыльного иерарха, чем жил он, будучи фактически изолирован властью от деятельной церковной жизни, об этом нам мало что известно. Вероятно, многое еще сокрыто от нас в ведомственных архивах и многое ушло вместе с очевидцами событий тех лет.

В поселке, где вынужден был поселиться митрополит Кирилл, в низких с маленькими окнами мазанках проживало довольно много

Митрополит Ленинградский Иосиф (Петровых)

ссыльных. Собственно, весь Казахстан был заселен сосланными «врагами народа», «классово чуждыми элементами» и проч.

За митрополитом Кириллом в ссылку последовала и его духовная дочь — монахиня Евдокия (Перевезникова), которая также поселилась в поселке Яны-Курган.

Приезжали к владыке Кириллу и почитатели его, например, келейник епископа Василия Кинешемского Александр Павлович Чумаков, посетивший весной 1937 года владыку Василия в Рыбинской колонии и получивший его благословение на поездку к митрополиту Кириллу в Среднюю Азию для выяснения отношения к последним церковным событиям (смерти патриаршего местоблюстителя митрополита Петра и провозглашению местоблюстителем митрополита Сергия). А. П. Чумаков пробыл в Яны-Кургане несколько дней, а затем по благословению владыки Кирилла направился в Ташкент, где устроился работать на завод[120].

Неподалеку от поселка Яны-Курган (и тоже в ссылке, в г. Мирзоян) находился другой авторитетный иерарх — митрополит Иосиф

(Петровых). Два старца-архиерея имели в последний год их земной жизни утешение от письменного общения друг с другом.

С именем митрополита Иосифа обычно связывают руководство движением наиболее непримиримых иерархов, доходивших до признания неблагодатности таинств клириков, находившихся в церковном общении с митрополитом Сергием. Но к концу 30-х годов для представителей всех направлений этого «непоминовенческого» движения стало очевидным, что разница в их взглядах в действительности есть разница в религиозном темпераменте.

Митрополит Кирилл, кстати, писал одному иеромонаху в марте 1937 года: *«С митрополитом Иосифом я нахожусь в братском общении, благодарно оценивая то, что с его именно благословения был высказан от Петроградской епархии первый протест против затеи м[итрополита] Сергия и дано было всем предостережение в грядущей опасности»*.

Общение происходило не только между «иосифлянами» и последователями митрополита Кирилла, но и между этими двумя группами иерархов и иерархами, не порывавшими церковного общения с митрополитом Сергием (например, с митрополитом Арсением (Стадницким) и архиепископом Борисом (Шипулиным). Это могло происходить только при победе в «непоминовенческом» движении взглядов митрополита Кирилла на необходимость воздерживаться от взаимных обвинений и осуждений, особенно тех, кто откладывает вопрос о правомерности или неправомерности административной деятельности Временного Патриаршего Синода до освобождения патриаршего местоблюстителя митрополита Петра или до созыва Поместного Собора.

Начало письменного общения митрополита Кирилла и Иосифа следует относить к январю 1937 года.

Владыка Иосиф лично с митрополитом Кириллом знаком не был и видел его единственный раз в жизни в 1909 году. В январе 1937 года митрополит Иосиф направил с приехавшим из Алма-Аты архимандритом Арсением (Кординым) письмо митрополиту Кириллу. «В своем письме,— говорил впоследствии митрополит Иосиф на допросе,— я свидетельствовал владыке свое глубочайшее почтение, говорил, что преклоняюсь перед его мужественным

стоянием в его борьбе за церковные интересы. Это было с моей стороны пробным камнем для выяснения отношения митрополита Кирилла ко мне. От митрополита Кирилла Арсений привез ответ, который вполне удовлетворил меня»[121]. В дальнейшем вся переписка велась через третьих лиц — священника Ветчинкина (в Ташкенте) и Сеницкого Григория (в Самарканде).

В свой приезд архимандрит Арсений передал митрополиту Кириллу фотографию владыки Иосифа и высказал мысль о желательности встречи этих двух авторитетных иерархов. Необходимость подобной встречи, вероятно, сознавалась многими.

Дело в том, что, когда осенью 1936 года было официально объявлено о смерти патриаршего местоблюстителя митрополита Петра (в действительности остававшегося в живых до 10 октября 1937 года), и, вместо соборного рассмотрения вопроса о новом возглавителе Русской Православной Церкви, титул патриаршего местоблюстителя был усвоен митрополитом Сергием (хотя формально его полномочия оканчивались вместе со смертью митрополита Петра)[122]. Тогда многие ссыльные иерархи стали обращаться к митрополиту Кириллу с просьбой объявить о своем вступлении в права местоблюстителя. Если рассуждать формально, то завещательное постановление патриарха Тихона, действительно, обязывало митрополита Кирилла (единственного остававшегося в живых кандидата на место патриаршего местоблюстителя из указанных в завещании Святейшего Тихона) к определенным и более решительным действиям. Но в условиях, когда всякое противодействие официально зарегистрированному управлению, возглавляемому митрополитом Сергием, рассматривалось светской властью как деяние контрреволюционное и антисоветское, выступление подобного рода было обречено на неудачу. Сам митрополит Кирилл, будучи мудрым и трезвомыслящим иерархом, вероятно, более чем кто-либо сознавал это. Потому для митрополита Кирилла оставался чужд как пылкий энтузиазм епископа Евгения (Кобранова), видевшего смысл своего существования в примирения «непоминающих» и митрополита Сергия, так и катакомбная административно-церковная активность митрополита Иосифа. Вероятно, сердцу митрополита Кирилла была ближе идея спасения «малого стада» и автоном-

ного, где это окажется возможным епископу и пастве, епархиального управления на основании патриаршего указа от 7 (20) ноября 1920 года[123].

Упоминавшийся выше как последователь идеи «примирения» митрополита Сергия и «непоминающих» епископ Евгений (Кобранов) с 1935 года проживал в Чимкенте. Очень скоро он наладил письменную связь с митрополитом Кириллом, хотя сам оставался среди тех, кто имел церковное общение с митрополитом Сергием[124].

С митрополитом Кириллом епископ Евгений познакомился в 1921 году, когда оба иерарха находились в заключении в Таганской тюрьме. В 1935 году они вновь встретились, теперь уже в камере Алма-Атинской тюрьмы[125]. Три дня общения выявили как разногласие между двумя архиереями в их оценке возможностей изменения церковной ситуации к лучшему, так и общность их взглядов на положение Церкви в СССР, что лишний раз свидетельствует о несправедливости мнения некоторых исследователей, приписывавших митрополиту Кириллу и митрополиту Петру полный разрыв в общении с иерархией, остававшейся в церковном общении с заместителем патриаршего местоблюстителя.

Известие о смерти митрополита Петра привело к возобновлению переписки между митрополитом Иосифом (Петровых), архиепископом Прокопием (Титовым), находившемся тогда в Кара-Калпакии в г. Туркуль, и архиепископом Серафимом (Самойловичем)[126]. Ссыльные иерархи высказались за то, чтобы главой Русской Православной Церкви признать митрополита Кирилла как последнего из оставшихся в живых кандидата в местоблюстители патриаршего престола, на которого указывали в своих завещательных распоряжениях и Святейший Патриарх Тихон, и митрополит Петр Крутицкий. С этим решением согласился и митрополит Иосиф, хотя именно он являлся возглавителем движения, имеющего наибольшее число последователей. Все это происходило в первые месяцы 1937 года.

Сохранившиеся несколько писем из переписки митрополита Кирилла с другими архиереями свидетельствуют о том, что интересы и заботы ссыльной иерархии не изменились. Более всего русских иерархов занимала судьба Церкви, церковная действительность,

вопросы церковно-канонические и литургические, и уж менее всего заботила владык их собственная судьба. Для митрополита Кирилла смыслом жизни по-прежнему оставалось исповедническое жертвенное служение, какое церковное большинство оценит только спустя многие десятилетия.

Характерно письмо епископа Евгения (Кобранова) митрополиту Кириллу от 15/28 марта 1936 года, в котором сквозь иносказательность и конспиративность фраз проступает единственный интерес гонимого епископата — сохранение паствы и благо Церкви: «Дорогой и родной Вл[адыка] М[итрополит] К[ирилл]. Открыточки Ваши получил и благодарю. Из Сталино мне ответили, и ему написал[127]. Благодарю за заботу. Этому врачу я хочу поручить некоторых тамошних больных[128]. О хранении и вкушении мирянами Вел[икого] Утешения я приготовил Вам научно-обоснованный мемуар[129], но пересылкой затрудняюсь. Пока сообщу, что ecclesia в этой сфере имела две практики: одну, когда ecclesia была in persecution, другая, когда состояла in pace[130]. Первая нашла отражение в 93 посл [ании] Вас[илия] Вел[икого], выписки из которого Вам прислали; вторая в 58 прав[иле] VI Всел[енского] Соб[ора][131], запрещающего это мирянам, но очень нерешительно: с легкой епитимией (одна неделя отлучения от общения), с оговоркой: когда есть епископ, пресвитер или диакон; и именно за «высокое мудрствование», не за превышение своего чина, следовательно сами духовники, а тем более омофороносцы[132], могут подвижникам из мирян и монашеств[ующих] благословлять в качестве исключения, только в тяжелые времена, хранить и вкушать лекарство». Под лекарством здесь подразумевались Евхаристические Дары, письмо же свидетельствует о методах литургической жизни, какие предусматривались гонимой Церковью для выживания в условиях советской действительности.

Но при общности ссыльных мытарств, каким подвергались все без исключения церковные иерархи, между ними (например, между митрополитом Кириллом и епископом Евгением) имелись принципиальные расхождениях во взглядах на церковную действительность[133]. И переписка вскрывает эти противоречия, которые, впрочем, не становились препятствием для общения.

Так, в начале июня 1937 года, митрополит Кирилл писал в своем письме владыке Евгению: *«Возлюбленный о Господе, дорогой собрат Преосвященнейший е[пископ] Евгений! Открыточка Ваша, помеченная 11/24. V, заштемпелевана в Чимкенте 31. V. 37 и получена мною 21/3. VI. Спаси Вас Господи за именинный привет*[134] *и высказанные мне пожелания. Не отвечал Вам вскорости потому, что имел случай свою точку зрения на поставленный Вами вопрос высказать Н. Ал-чу, который, по-видимому, мыслит одинаково с Вами и, конечно, осведомил Вас, что мои мысли в данном случае не вполне совпадают с Вашими, и я не могу усматривать надобности каких-либо перемен в создавшемся у меня представлении о сущности с[ергиан]ства*[135]*. Надо дождаться более достоверных сведений, которые Господь скажет в свое время. Приветствую Вас с наступающим временем св. поста. Продолжает ли выходить «Журнал М[осковской] П[атриар]-хии» и какой № был последним? Я имел последним № 23—24. Храни Вас Господь в мире и благополучии. Передайте мой привет доброй м. Сергии. Прошу молитв. Со всегдашнею к Вам братскою любовью М. К.»*[136]

Переписка велась между владыками конспиративно (жизнь научила их не особенно доверять почтовым отделениям), поэтому помимо условных слов и сокращений применялась и система «конспиративных» адресатов.

Переписка поступала не прямо к сосланным иерархам, а к их доверенным лицам, которые находились не под таким пристальным наблюдением властей, как сами архиереи. Так, например, вся переписка для владыки Евгения поступала на адрес: г. Чимкент, ул. Долорес, д. 63, кв. 1, Рыковой Марии Сергеевне. Владыке Кириллу переписка приходила на адрес Евдокии Александровны Перевозниковой (монахини Евдокии, «заботницы»), которая так же, как и митрополит Кирилл, проживала в поселке Яны-Курган. Митрополиту Иосифу наиболее важная почта приходила через священника Ветчинкина, проживавшего в Ташкенте, Сеницкого Григория и его дочь Фаину, проживавших в Самарканде. Иногда, когда и почте нельзя было довериться, письма доставляли доверенные монахи или монахини.

В последнее время в исторической науке появилась тенденция предполагать некую существенную эволюцию взглядов митрополита Кирилла на деятельность митрополита Сергия в сторону большей нетерпимости. Поэтому представляется важной задачей исследование этих взглядов к 1937 году: претерпела ли изменение точка зрения митрополита Кирилла на деятельность митрополита Сергия и если претерпела, то насколько существенно?

Определенное изменение воззрений владыки Кирилла на деятельность митрополита Сергия, конечно, следует признать. Сам факт издания 27 декабря 1936 г. «Акта о переходе прав и обязанностей Местоблюстителя Патриаршего Престола Российской Церкви к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя блаженнейшему митрополиту Московскому и Коломенскому Сергию (Страгородскому)» был воспринят ссыльной оппозиционной иерархией как игнорирование митрополитом Сергием и завещательного распоряжения патриарха Тихона от 25. 12. 1924 (07. 01. 1925), и завещательного распоряжения митрополита Петра от 22. 11 (5. 12). 1925.

Среди исследователей существуют крайне противоречивые суждения о вступлении митрополита Сергия в права местоблюстителя в обход прав митрополита Кирилла: от отрицания каноничности подобной меры (например, епископ Григорий Граббе[137], Л. Регельсон и др.), как узурпации не принадлежащих митрополиту Сергию прав, до признания целесообразности и естественности подобной меры (например, Д. Поспеловский).

В качестве обоснования последнего суждения обычно приводятся два довода: во-первых, физическая невозможность митрополита Кирилла (по причине постоянного нахождения в ссылке или в заключении) вступить в права местоблюстителя, в то время, во-вторых, избрание митрополита Сергия патриаршим местоблюстителем собором епископов, что хотя бы по форме — канонично, в то время как назначение местоблюстителя через завещательное распоряжение — явление экстраординарное и не вполне согласное с канонами[138].

Следует признать, что этот вопрос в церковно-научной литературе почти не изучен, а потому, несомненно, еще станет предметом отдельного исследования.

Под впечатлением такого забвения его прав митрополит Кирилл, конечно, мог заявить свой протест, но, как известно, он этого не сделал.

Все рассуждения об эволюции позиции митрополита Кирилла основываются на черновике недописанного письма, обнаруженного в последнем следственном деле, по которому проходил священномученик Кирилл. Это черновик письма от 23 (8) марта 1937 года, адресованного иеромонаху Леониду[139]. Среди прочего в письме содержалась такая фраза: *«Происшествия же последнего времени окончательно выявили обновленческую природу сергианства»*[140].

Именно в этих словах — *«обновленческая природа сергианства»* видят исследователи (в частности, М. В. Шкаровский)[141] эволюцию взглядов и сближение с позицией митрополита Иосифа и епископа Виктора (Островидова).

По нашему мнению, коренного изменения взгляды митрополита Кирилла не претерпели. Митрополит Кирилл еще в феврале 1934 года писал неизвестному архиерею: *«Иное понимание патриаршего завещания, утверждаемое митрополитом Сергием, привело уже к тому, что завещание, составленное для обеспечения скорейшего избрания нового патриарха, стало основой для подмены в церковном управлении личности патриарха какой-то коллегиальной «Патриархией». Почиет ли на этом начинании митрополита Сергия благословение Божие, мы не дерзаем судить, доколе законный Собор своим приговором не изречет о нем суда Духа Святаго, но, как и* <u>*все, обновленчеству сродное, не можем признать обновленное*</u> (подчеркнуто мной.— *А. Ж.*) *митрополитом Сергием и церковное управление нашим православным, преемственно идущим от Святейшего Патриарха Тихона, и потому, оставаясь в каноническом единении с патриаршим местоблюстителем митрополитом Петром, при переживаемой невозможности сношения с ним признаем единственно закономерным устроение церковного управления на основе патриаршего указа 7 (20) ноября 1920 г.»*[142].

Отсюда видно, что для митрополита Кирилла «обновленческая природа сергианства» заключается не в утверждении за деятельностью митрополита Сергия какой-то новой «ереси», а в нарушении нормального (патриаршего) церковного управления, в своеобразном

«обновлении» митрополитом Сергием формы высшей церковной власти. Более того, как в 1934 году владыка митрополит признавал благодатность таинств иерархии, признающей митрополита Сергия, так и в 1937 году митрополит Кирилл говорит о «ревности не по разуму» некоторых церковных деятелей (в частности, последователей священномученика Виктора (Островидова)), готовых даже перекрещивать «сергиан». Таким образом, мы не наблюдаем существенного изменения взглядов митрополита Кирилла к 1937 году.

Однако вернемся к событиям 1937 года. Конечно, предпринимаемые епископами меры предосторожности были необходимыми, но в условиях советской действительности — недостаточными.

23 июня под грифом «Совершенно секретно» для областной прокуратуры была составлена справка за подписью замначальника ОблУНКВД капитана госбезопасности Кальнинга и лейтенанта госбезопасности Костенко, где сообщалось: «В областном управлении НКВД имеются данные о том, что в Южно-Казахстанской области существует контрреволюционная организация среди церковников, центр которой находится в Чимкенте. Задачей контрреволюционной организации является подготовка контрреволюционных кадров к свержению советской власти»[143]. Активными членами этой организации назывались 14 человек (архиереи, духовенство, монашествующие), и первыми тремя были:

«1. СМИРНОВ Константин (он же Кирилл) Иларионович, бывший митрополит, отбывающий ссылку за к.-р. деятельность в Яны-Курганском районе Ю/К[144] области, уроженец г. Кронштадта, рождения 1863 г., не женатый, с высшим образованием.

2. КОБРАНОВ Евгений Яковлевич, бывший епископ, отбывающий ссылку за к.-р. деятельность в г. Чимкенте, уроженец бывш. Смоленской губ., рождения 1892 г., не женатый, с высшим образованием.

3. ПЕТРОВЫХ Иосиф, бывший митрополит, отбывавший срок ссылки за к.-р. деятельность, проживающий в данное время в г. Мирзояне, нигде не работает, уроженец г. Устюжны Ленинградской области, рождения 1873 г., не женатый, с высшим образованием»[145].

«На основании вышеизложенного,— писал капитан Кальнинг,— считаю необходимым вышеуказанных лиц арестовать и привлечь к уголовной ответственности по ст. 58 п. 11, на что и просить санкции Облпрокурора»[146].

Санкция была дана незамедлительно, и в тот же день 23 июня 1937 года в ОблУНКВД было принято постановление, согласно которому для митрополита Кирилла и для всех поименованных в секретной справке предлагалось «мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей в КПЗ УНКВД»[147]. В этот же день был выписан и орден на обыск за № 425[148], согласно которому на следующий день — 24 июня 1937 года— состоялись обыски и аресты.

В протоколе обыска, произведенного 24 июня у митрополита Кирилла, было записано: «Взять для доставления в облуправление НКВД следующее: закрытых писем 45 штук, открытых 16 штук, 2 фотокарточки, 4 шт. талона к денежному переводу, расписок о переводе денег — 5 шт. Журнал Московской Патриархии — 16 шт.»[149]. Надо полагать, что закрытые письма представляли собой неотправленные письма самого митрополита Кирилла, открытые — присланные владыке послания, которые он не успел уничтожить перед арестом.

Во время обыска и ареста владыка Кирилл и митрополит Иосиф вели себя спокойно и с достоинством. Митрополит Иосиф даже начертал своей рукой на предъявленном ему ордере: «Ордер читал и недоумеваю, почему нет санкции прокурора. И. С. Петровых»[150]. Изъятая переписка (у митрополита Иосифа — 121 лист) была приобщена к инициированному властями следственному делу.

Одновременно с арестом митрополита Кирилла в Яны-Кургане, в Чимкенте и Мирзояне были арестованы митрополит Иосиф, епископ Евгений, а также: священник Владимир Смирнов, бывший одно время юристом патриарха Тихона, 67-летний схимонах Елевферий (Печенников), 69-летний афонский монах Иларион (Цуриков) и его брат, тоже монах с Афона Иоанн (Цуриков), бывшая настоятельница Пензенского монастыря игумения Ева (Павлова), священник Николай Толгский, священник Стефан Медведь, монахиня Мария (Рыкова), Вера Горбунова. Был арестован даже обновленческий

епископ Михаил (Николаев). Всего в несколько дней было арестовано 16 человек. Арестованные были заключены в чимкентскую тюрьму.

В этих условиях, когда аресты следовали один за другим, монахиня Евдокия (Перевезникова) не покинула арестованного в очередной раз митрополита Кирилла, принося ему для передачи в тюрьму еду и теплую одежду. Но 13 июля была арестована и сама матушка Евдокия[151]. Немногим ранее (9 июля) будет арестована Людмила Петрова; немногим позже (29 июля) — Феодор Захаров, странник, часто привозивший почту из Ташкента, поначалу от митрополита Арсения (Стадницкого), позже (после смерти владыки Арсения в феврале 1936 года) — от архиепископа Бориса (Шипулина), которого, по словам епископа Евгения, митрополит Кирилл считал «тайным своим соратником»[152] и с которым имел письменное общение митрополит Иосиф. Аресты будут осуществляться вплоть до осени 1937 года. В результате НКВД сумеет «организовать» несколько следственных дел по т. н. «Всероссийскому контрреволюционному центру».

По этим делам будет арестовано, а затем приговорено к расстрелам и заключению в концлагерь 64 человека!

Две недели спустя после ареста (7 июля 1937 года), двум старцам-митрополитам: 74-летнему владыке Кириллу, 64-летнему владыке Иосифу, а также епископу Евгению, были предъявлены обвинения и зачитаны постановления о привлечении их в качестве обвиняемых. Митрополит Иосиф от подписи в предъявленном ему обвинении отказался[153], так что следователь вынужден был сам расписаться вместо митрополита Иосифа. И вместо подписи обвиняемого митрополита оказалась подпись «контрреволюционер»[154].

Тюремное существование для расстроенного многолетним пребыванием в ссылках и тюрьмах здоровья митрополита Кирилла было чрезвычайно тяжело. Но опыт семнадцатилетних лагерных скитаний и упование на помощь Божию, укрепляющую немощь человеческую, придавали и в этих условиях священномученику Кириллу уверенность в том, что не оставит его Господь и в это последнее земное испытание (а, думаем, что митрополит Кирилл догадывался, что испытание это будет для него последним).

Условия содержания заключенных в чимкентской тюрьме были невыносимы. Тюремная стража, выполняя поручение следователей, не давала заключенным спать, пытаясь довести арестованных до крайнего изнеможения. Еда была несносной, вода пахла гнилью. Этими условиями заключенные подготавливались к допросу. Известно, что некоторые уже на этом этапе сдавались, подписывали любые «признания», лишь бы поскорее быть осужденными и через то избежать ужасных условий содержания в тюрьме.

Первым на допрос был вызван епископ Евгений. 25 июня следователь потребовал от владыки Евгения: «Дайте показания о Вашей контрреволюционной деятельности». Но последовал ответ: «Контрреволюционной деятельностью я не занимаюсь и по этому вопросу показать ничего не могу»[155]. На чем первый допрос и завершился.

Следующим был вызван к следователю митрополит Иосиф. Допрос, состоявшийся 14 июля, принес следствию только один результат — владыка Иосиф признал свою виновность в руководстве «нелегальной религиозной организацией», политические обвинения (антисоветскую или контрреволюционную деятельность) он не признал[156]. На вопрос, в чем заключалось руководство нелегальной организацией, митрополит Иосиф отвечал, что «в руководстве местными религиозными организациями и в содействии им; в сношениях с руководителями этих местных организаций; в подпольной форме отправления религиозных обрядов»[157]. Через 9 дней (23 июля) в следственном деле появляется документ под названием «Показания обвиняемого Петровых Иосифа», где уже нет вопросов и ответов. Документ представляет собой будто бы «чистосердечные признания» митрополита Иосифа в «контрреволюционной деятельности» и руководстве им «контрреволюционной организацией»[158].

По казенной стилистике письма и стандартной для подобных «признаний» форме эти показания должны быть отнесены к несомненному творчеству самих следователей. Ни одного нового свидетельства не дано в этом документе в сравнении с предыдущими показаниями митрополита Иосифа, и, следовательно, подобную бумагу мог составить кто угодно. Раболепное самооговаривание и вовсе делает невозможным признание авторства за митрополитом Иосифом. Иными словами, мы смело относим данный документ к

разделу «Spuria» (подложный). Вопрос только в том, чья подпись стоит под этим фальсифицированным документом — вынужденного к тому (различными методами «следственного дознания») митрополита Иосифа, или же это подпись такая же подложная, как и авторство «показания обвиняемого». Для окончательного разрешения этой проблемы потребуется, конечно, соответствующая экспертиза, но и без экспертизы стоящая под «показаниями» подпись вызывает сомнение в принадлежности ее митрополиту Иосифу. Сомнения усиливаются, если вспомнить, что митрополит Иосиф отказался поставить свою подпись под постановлением о предъявлении ему обвинения и привлечении в качестве обвиняемого.

29 июля был вторично вызван епископ Евгений. Видимо, следователем были применены меры физического давления на владыку, потому что тот признал собственную вину и начал называть имена. Похоже, свою роль сыграли и сфабрикованные «Показания», о которых шла речь выше. Следствие словно говорило этим документом: если уж митрополит Иосиф начал «сотрудничать» со следствием, то это следует сделать и остальным.

Нам сейчас трудно себе представить, каким истязаниям был подвергнут владыка Евгений, потому не возьмемся даже косвенно бросить ему упрек. Кроме того, трудно вычленить из всего представленного на бумаге, «признания», принадлежащие владыке Евгению, и «признания» иного авторства[159].

Два месяца пройдет с момента ареста до того дня, когда митрополит Кирилл будет вызван на допрос. Допрашивал владыку Кирилла 20 августа 1937 года лейтенант госбезопасности Костин. Главной целью допроса было, конечно же, добиться признания православного иерарха в создании и возглавлении им контрреволюционного центра церковников, тем более что подобные «признания» следователям уже удалось «получить» от епископа Евгения, а от митрополита Иосифа удалось добиться признания в руководстве «нелегальной религиозной организацией».

Для усиления морального давления на митрополита Кирилла ему были предъявлены фальсифицированные показания владыки Иосифа, где он «становится на правдивый путь» и якобы признается в контрреволюционной деятельности. Но священномученика

Кирилла трудно было обмануть подобными «признаниями»: за свою 17-летнюю тюремно-ссыльную жизнь он слишком хорошо знал цену таким провокациям. Перед следователями предстал иерарх-исповедник, который как будто бы осознавал, что каждое его слово будет словом для истории. Митрополит Кирилл мужественно и достойно держался на своем последнем допросе.

«*Вопрос:* Следствием установлено, что Вы входили в к.-р. центр церковников и являлись руководителем его. Дайте показания по этому вопросу.

Ответ: О существования такого центра мне ничего не известно, а потому и руководителем его быть не мог.

Вопрос: Следствие предлагает прекратить запирательства и дать откровенные показания.

Ответ: Иного показать ничего не могу.

Вопрос: Следствием установлено, что Вами был поставлен ряд организационных вопросов перед единомышленниками. Дайте показания: перед кем и какие вопросы организационного характера были Вами поставлены?

Ответ: Мною ставились вопросы, скорее всего, дискуссионного характера, чем организационного. Так, например, вопрос о замене миропомазания мною был поставлен перед рядом моих единомышленников»[160].

Вопрос о замене миропомазания возложением рук не был таким уж частным вопросом, как это кому-то может показаться. Таинство миропомазания, в коем, как учит Церковь, «при помазании освященным миром частей тела во имя Святаго Духа подаются дары Святаго Духа, возращающие и укрепляющие в жизни духовной»[161], есть таинство, необходимое для полноты вхождения новокрещенного в Церковь Христову. Миропомазание — это личная Пятидесятница, сообщение новому члену Церкви дара Святаго Духа. При помазании миром священнослужитель произносит тайносовершительную формулу: «Печать дара Духа Святаго. Аминь». И поскольку таинство миропомазания по древней церковной практике совмещается с таинством крещения, то полнота принятия крещаемого в Церковь зависит и от того, совершено миропомазание или нет (оно столь же обязательно, как и крещение).

Святое миро приготовляется особым чином с использованием особого масла, вина, благовонных трав и ароматов в течение трех дней на Страстной седмице первоиерархом Церкви (патриархом, местоблюстителем его или, в Синодальный период, первенствующим членом Святейшего Синода). Однако в условиях ссыльно-тюремных мытарств русских иерархов подобного освящения мира осуществить было невозможно, а необходимость в совершении таинств крещения и миропомазания не оскудевала, конечно же, и в то время.

С учетом же того, что многие священнослужители, служившие тайно, не имели возможности пополнить запасы мира, то встал вопрос, а можно ли помазание святым миром заменить чем-либо иным? И здесь вспомнили про древнюю, восходящую к апостольскому времени практику возложения рук как сообщения даров Святаго Духа. Так, книга Деяний апостольских повествует о крещении самарян диаконом Филиппом. Находившиеся в Иерусалиме апостолы, узнав об этом, направили апостолов Петра и Иоанна для сообщения крещеным Духа Святаго, ибо, как говорит дееписатель о Святом Духе: *Он не сходил еще ни на одного из них, а только были они крещены во имя Господа Иисуса* (Деян. 8, 16). Тогда апостолы «возложили руки» на новокрещенных, и последние «приняли Духа Святаго». Это и было таинство, впоследствии получившее название миропомазание, ибо вместо возложения рук было введено помазание святым миром (традиция, восходящая к Ветхому Завету, когда пророк Моисей, по глаголу Божию, излил миро на главу Аарона, возводя его в сан первосвященника; также и пророк Самуил совершил помазание на царство Саула и Давида).

Таким образом, заключенные иерархи, обращаясь к апостольской традиции возложения рук, полагали временно заменить в таинстве миропомазания акт помазания миром на возложение рук.

На допросе следователя интересовало, чьи именно отзывы по этому вопросу запрашивал митрополит Кирилл.

«*Ответ:* Я запрашивал письменно епископа Афанасия Сахарова, в данное время находящегося в концлагерях на Медвежьей Горе, епископа Василия Преображенского — в трудовой исполнительной колонии в Рыбинске, епископа Евгения Кобранова, отбываю-

щего ссылку в Чимкенте, через священника Ветчинкина спрашивал мнение митрополита Иосифа Петровых и мнение архиепископа Прокопия Титова, находящегося в ссылке в г. Туркуль, спрашивал письменно епископа Иоасафа Удалова, находящегося в Казани, но от него ответа не получил. Вот те лица, мнение которых мною было запрошено.

Вопрос: Когда возник этот вопрос и в связи с чем?

Ответ: Этот вопрос возник около двух лет назад по инициативе епископа Дамаскина Цедрик, находящегося в лагере в Караганде, а в то время он находился в Архангельске. В связи с тем возник этот вопрос, что трудно было доставать вещества для изготовления так называемого мира.

Вопрос: Почему он обратился к Вам за разрешением этого вопроса, а не к кому-либо другому?

Ответ: Потому что он со мною через переписку держал связь, отношение его к сергианству одинаковое со мной было, и притом я старше его по положению и по возрасту»[162].

И здесь следователь попытался спровоцировать митрополита Кирилла на признание в том, что владыка был осведомлен о тайных богослужениях, которые совершал епископ Дамаскин. Последовал вопрос следователя: «Дамаскин в Архангельске служил в церкви?» Но митрополит Кирилл, представляя, чем заканчиваются подобные вопросы, мудро игнорирует смысл вопроса, словно отказываясь его понимать: «Нет, он был в ссылке». А на логичный вопрос следователя: «Зачем же ему необходимо было миро?», следует категоричный ответ митрополита Кирилла: «Этого я не знаю».

Понимая, что здесь более определенного ответа не добиться и провокация не удалась, следователь пытается подойти к этому вопросу по-иному, но и здесь, как показали дальнейшие ответы митрополита Кирилла, следователя ожидает неудача.

«*Вопрос:* А что ответил Вам Иосиф Петровых?

Ответ: Он ответил, что считает меня единственным законным руководителем Церкви и только. На это письмо я ему ничего не ответил.

Вопрос: Какой ответ получили от остальных?

Ответ: Прокопий Титов ответил, что принципиально считает разрешение вопроса в положительном смысле возможным, но окончательное его решение принадлежит Собору. Такой же почти ответ был получен и от других.

Вопрос: Почему же Вы не ответили Дамаскину сразу же лично сами, а стали собирать мнения к.-р. епископата, находящегося в ссылке?

Ответ: Свое мнение я написал — что принципиально не возражаю. Лично мне необходимо было иметь мнение епископата по этому вопросу как руководителю, для того, чтобы в будущем безошибочно разрешить этот вопрос.

Вопрос: Значит, этот вопрос Вы разрешали как руководитель нелегальной церковной организации?

Ответ: Я разрешал его как обыватель.

Вопрос: Следствием установлено, что после смерти Петра Крутицкого Ваши единомышленники перед Вами ставили вопрос о преемственности местоблюстительства. Назовите, на кого они указывали.

Ответ: Они называли меня как единственного и законного местоблюстителя, что свидетельствовало и завещание б[ывшего] патриарха[163] Тихона.

Вопрос: Кто к Вам обращался по этому вопросу?

Ответ: По этому вопросу ко мне обращался епископ Макарий (?) Барнаульский, который просил сообщить ему, что если Петр умер, то я разрешил бы ему считать меня местоблюстителем. Об этом же писал и Евгений Кобранов, что он считает меня главой Церкви и поминает мое имя, он также писал о том, что если мы не решим, то другие решат.

Вопрос: Дайте показания о враче и больных, которые упоминаются в изъятом у Вас при обыске письме от Кобранова.

Ответ: В этом письме Кобранов говорит о священнике Серафиме Кириллове, который меня посетил в Яны-Кургане в 1935 году. До этого просил он меня, чтобы я ему сообщил адрес этого священника, что я и выполнил, а потому уже он писал мне, что якобы ему передал своих верующих, называя их больными.

Вопрос: Откуда было известно Кобранову о Кириллове?

Ответ: Не знаю, вероятно, Кириллов был уже у него, так как у меня он был проездом.

Вопрос: Что передал Вам Кириллов о Кобранове?

Ответ: Он даже о нем мне не упоминал.

Вопрос: Как же попал к Вам в Яны-Курган проездом Кириллов?

Ответ: Он ехал в г. Ташкент, слез с поезда в Яны-Кургане, чтобы познакомиться со мною, раньше я его не знал.

Вопрос: А откуда он узнал, что Вы в Яны-Кургане, и откуда Кириллов приехал?

Ответ: Откуда ему известно о моем месте ссылки — не знаю, но ехал из Донбаса. Адрес он мне дал на г. Сталино на имя Мухтарова Сатура Михайловича.

Вопрос: Почему не на его имя дал адрес?

Ответ: Этого я не знаю

Вопрос: Дайте показания, через кого Вы держали связь с Иосифом Петровых и Прокопием Титовым?

Ответ: Связь с ними держал через Ветчинкина и Фаину Григорьевну Синицкую в Самарканде.

Вопрос: Почему непосредственно с ними не связывались?

Ответ: Я не знал их адресов.

Вопрос: В изъятом у Вас письме, написанном, но не отправленном Синицкой, что Вы писали про Иосифа Петровых?

Ответ: Только просил передать привет.

Вопрос: Вы даете неоткровенные показания на всем протяжении следствия, стараетесь скрыть истинный смысл и факты Вашей деятельности. Дайте откровенные показания.

Ответ: Да, я в этом письме писал о том, что считаю митрополита Иосифа Петровых своим единомышленником.

Вопрос: Еще что в нем писали?

Ответ: Не помню.

Вопрос: Через кого переслал Иосиф Петровых Вам свою фотографическую карточку и в знак чего?

Ответ: Через Бориса Коруэ[164], который мне ее передал при посещении им Яны-Кургана. Карточку он прислал в знак того, что он меня ценит и считает своим человеком.

Вопрос: С какой целью приезжал к Вам Борис Коруэ?

Ответ: Он приезжал познакомиться со мною и передал о том, как живет Иосиф. Высказывал мысль о том, что мне и Иосифу хорошо было бы лично повстречаться и побеседовать.

Вопрос: Все, что Вами показано, является ли действием обывателя или авторитетного лица среди к.-р. элемента церковников?

Ответ: Да, я являюсь авторитетным лицом среди своих единомышленников, а не обывателем.

Вопрос: А Ваши действия среди них чем являются?

Ответ: Мои действия для них также являются авторитетными, что я делаю, то и они должны бы делать, как мои единомышленники.

Вопрос: Значит, Вы являетесь руководителем своих единомышленников?

Ответ: Да, выходит так»[165].

На этом допрос был прерван. А под протоколом допроса стояла подпись «Смирнов М. Кирилл».

Остается только удивляться, какой мудростью и каким мужеством нужно было обладать, чтобы не смалодушествовать на допросах, не оставить ни одного слова, которое могло бы быть вменено в вину будущими поколениями. Через всю свою жизнь пронес святитель Кирилл высокое представление о иерархическом достоинстве и этому представлению был верен. Мы не можем знать, каким методам морального и физического давления подвергался митрополит Кирилл, можем только утверждать, что и в этом страшном испытании владыка явил нам образ истинно-православного иерарха твердой воли и потрясающего мужества, иерарха, безупречного в своем узническом исповедничестве. А то, что подследственные подвергались «давлению», допросам «с пристрастием», заключаем мы из печального факта, что даже столь опытные и неоднократно бывавшие в тюрьмах архиереи, как митрополит Иосиф и епископ Евгений, через несколько, вероятно, «пристрастных» допросов не сумели удержаться от признания в существовании «тайной организации» во главе с митрополитом Кириллом.

Тем ярче исповедничество митрополита Кирилла, который не только не пошел на поводу у следствия в признании собственной вины, но и не назвал ни одного нового для следователя имени,

Место расстрелов жертв репрессий 1930—1940-х годов — Лисий овраг, г. Чимкент. Здесь были расстреляны священномученик Кирилл (Смирнов), митрополит Иосиф (Петровых) и епископ Евгений (Кобранов). Фото 1997 года

в чем, возможно, сказалась и опытность, приобретенная за долгие годы следствий, тюрем и ссылок.

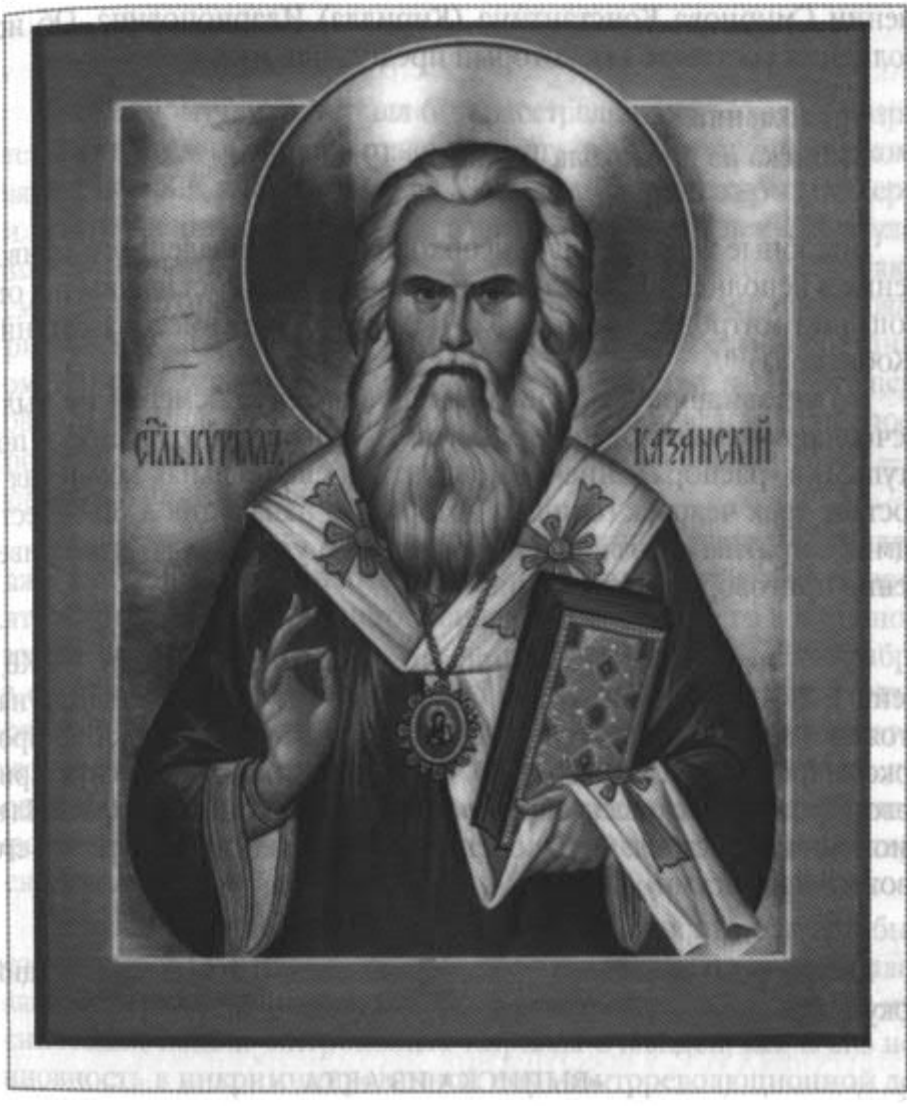
К концу следствия все арестованные были свезены в Чимкент. Заседание Тройки УНКВД по Южно-Казахстанской области от 19 ноября 1937 года, заслушав дело 4-го Отд. ЮК ОблУ НКВД за № 723 по обвинению митрополита Кирилла, вынесло свое обвинительное заключение. Выписка из протокола заседания Тройки сухо сообщает «суть обвинений»: «СМИРНОВ Константин (Кирилл) Илларионович, рождения 1863 г., адмссыльный, бывший митрополит, неоднократно судимый за к.-р. деятельность, находящийся в ссылке 19 лет. Обвиняется в том, что являлся руководителем Всесоюзной к.-р. повстанческой организации церковников, в задачу которой было поставлено свержение советской власти, установление монархического строя, восстание патриаршества с главенствующей ролью над государственной властью в управлении страной. Являясь первым и единственным заместителем быв. патриарха ТИХОНА, к.-р. организацией был намечен в будущие патриархи Русской

Церкви. Для достижения поставленной цели СМИРНОВЫМ был достигнут блок с главарями так называемых религиозных течений Иосифом ПЕТРОВЫХ и Ф. ПОЗДЕЕВСКИМ на общей платформе прекращения разногласий и вражды между духовенством, развертывания активной к.-р. деятельности и борьбы с советской властью». На это обвинение последовало постановление Тройки: «СМИРНОВА Константина (Кирилла) Илларионовича РАССТРЕЛЯТЬ. Личное имущество конфисковать»[166].

Подобные же постановления о расстреле были вынесены заседанием Тройки УНКВД и в отношении митрополита Иосифа и епископа Евгения. Обвинения митрополита Иосифа, формулировалось следующим образом: «Обвиняется в том, что являлся руководителем контр-революционной повстанческой организации церковников, заместителем главы контр-революционной организации СМИРНОВА Кирилла. Участник и руководитель нелегальных совещаний, на которых были выработаны методы проведений к.-р. повстанческой деятельности. Организатор к.-р. ячеек в разных местностях, как ЮК области, так и СССР»[167].

Обвинения епископа Евгения формулировались несколько иначе: «Обвиняется в том, что являлся одним из активных руководителей к-р повстанческой организации церковников, возглавляемой СМИРНОВЫМ и ПЕТРОВЫХ. Участник нелегальных совещаний, на которых выработаны методы к-р повстанческой деятельности. Организатор и руководитель к-р ячеек к-р организации, созданных им как на территории ЮК области, так и на населенных промышленных местностях СССР. Организатор к-р шпионских элементов из числа б/офицерства и др. бывших людей вокруг к-р организации с целью разворота повстанческой к-р деятельности среди населения»[168].

Тем же числом, что и решения заседания Тройки, то есть 19 ноябрем 1937 года, датирована записка председателя Тройки капитана Кальнинга, направленная коменданту УНКВД и подписанная, в традициях тех лет, красным карандашом:



Священномученик Кирилл,
митрополит Казанский и Свияжский.
Икона РПЦЗ, конец XX века

«Немедленно привести в исполнение приговор Тройки в отношении Смирнова Константина (Кирилла) Иларионовича. Об исполнении составьте акт, который представьте мне.

Приложение:
Выписка из протокола Тройки от 19/XI 1937 г.»[169]

Подобные же указания о необходимости немедленного приведения в исполнение смертного приговора были составлены и в отношении митрополита Иосифа (Петровых)[170] и епископа Евгения (Кобранова)[171].

Но чудовищное делопроизводство конвейера смерти не было исчерпано только этими документами. Теперь приговоренные поступали в «распоряжение» коменданта, и специальная комиссия в составе трех человек (один из которых — начальник АХО, то есть административно-хозяйственного отдела!) утверждала дату приведения приговора в исполнение:

«1937 года, 20 дня, Мы, нижеподписавшиеся: П/нач. УНКВД Лейт. Г. Б. Б-в, начальник АХО С-в, комендант М-в[172] составили настоящий акт в том, что сего числа, на основании выписки из протокола Тройки от 19 ноября 1937 г., произвести в исполнение приговор Тройки в отношении Смирнова Константина (Кирилла) Иларионовича. Расстрел. О чем составили настоящий акт, скрепив его своими подписями»[173].

Апофеозом кровавого делопроизводства служит следующий документ:

«ВЫПИСКА ИЗ АКТА

Постановление Тройки при УНКВД по Южно-Казахстанской области от 19 ноября 1937 года о расстреле Смирнова Константина (Кирилла) Иларионовича, Петровых Иосифа Семеновича, Кобранова Евгения Яковлевича приведено в исполнение 20 ноября 1937 г. [в] 24 часа.
См. Инспектор 8 отд. УНКВД
лейтенант Гос. безоп. К-в».

• • •

Священномученик Кирилл был расстрелян в 1937 году, в возрасте 74 лет. Из них 37 лет выпало прожить этому великому русскому святителю в XIX веке, 37 лет — в XX, не столь безмятежном для Церкви, по сравнению с веком предыдущим. В первые 37 лет жизни уложились мирное детство, юность, студенческие годы в Духовной академии и пастырское служение. В последующие 37 лет предстояло принять монашество, стать миссионером и архиереем-исповедником, принять венец мученичества за веру Христову и чистоту церковного учения. При советской богоборческой власти пришлось прожить 20 лет, но из них менее трех лет — на свободе, а 17 лет — в тюрьмах, лагерях, ссылках.

Все знаменательно и символично в жизни владыки Кирилла. Даже мученический венец митрополит Кирилл сподобился принять в преддверии 50-летнего юбилея служения своего в духовном звании: ведь рукоположение его во диакона состоялось 15 ноября ст. ст. (т. е. 27 ноября по н. ст.) 1887 года, а казнен святитель был в ночь с 20 на 21 ноября н. ст. 1937 года в 24 часа. Но та неделя, которую не дожил владыка Кирилл до полувекового юбилея своего духовного служения, расцвела вечностью его небесного предстояния Престолу Божию как исповедника и мученика, «до конца претерпевшего».

Прошло более полувека, прежде чем митрополит Кирилл был реабилитирован гражданской властью. Конечно, Русской Православной Церкви не столь важна была реабилитация, поскольку мученический подвиг митрополита Кирилла очевиден, как и его невиновность в инкриминированной ему «контрреволюционной деятельности». Реабилитация, совершившаяся в отношении митрополита Кирилла только в 1989 году, нужна была скорее гражданской власти как своеобразная декларация того, что государственная политика в отношении Русской Православной Церкви изменилась.

В этом смысле тот процесс реабилитации, который был начат в т. н. «хрущевскую оттепель», явно засвидетельствовал неизменность

политики советского государства по отношению к Православию. Были реабилитированы почти исключительно партийные работники, то есть «свои», советские. А пострадавшие за веру духовенство и миряне, особенно крестьянская масса, способная самостоятельно хозяйствовать на земле: кулаки, середняки, практически уничтоженные как класс, масса, за редким исключением, религиозная, не единожды организованно и сознательно выступавшая в защиту церквей и монастырей, — все они в 50-х годах реабилитированы не были.

Эту характеристическую особенность хрущевской «реабилитационной волны», волны «избирательно-реабилитационной», в полной мере иллюстрирует документ, имеющий самое непосредственное отношение к митрополиту Кириллу. Этот документ — «Заключение», последовавшее в результате «пересмотра» в 1956 году архивно-следственного дела 1937 года.

«Утверждаю»
Прокурор Южно-Казахстанской
области ст. советник юстиции
/СМАГУЛОВ/
20/II-1956 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1956 г. 14 февраля в г. Чимкенте Помощник прокурора Южно-Казахстанской области по спецделам младший советник юстиции РОГАНОВ рассмотрел в порядке надзора архивно-следственное дело за № 633007 по обвинению СМИРНОВА К. И., КОБРАНОВА Е. Я.[174] и ПЕТРОВЫХ И. С. в преступлении, предусмотренном ст. ст. 58—10, 58—11 УК РСФСР

НАШЕЛ:

Материалами дела установлено, что 24 июня 1937 г. были арестованы и привлечены к уголовной ответственности:

1. СМИРНОВ Константин Илларионович, 1863 г. рождения, адмссыльный, бывший митрополит, неоднократно судимый за контрреволюционную деятельность.

2. КОБРАНОВ Евгений Яковлевич, 1892 г. рождения, адмссыльный, бывший епископ, неоднократно судимый за контрреволюционную деятельность.

3. ПЕТРОВЫХ Иосиф Семенович, 1872 г. рождения, бывший митрополит, неоднократно судимый за контрреволюционную деятельность,

которые обвиняются в том, что, являясь руководителями контрреволюционной повстанческой организации церковников, в задачу которых было поставлено свержение советской власти, установление монархического строя, организовывали контрреволюционные ячейки и вырабатывали методы повстанческой деятельности.

За что 19 ноября 1937 года были осуждены к высшей мере наказания — расстрелу. Решение тройки от 19/XI-37 г. было 20/XI-37 г. приведено в исполнение.

На допросах, на предварительном следствии обвиняемые СМИРНОВ, КОБРАНОВ и ПЕТРОВЫХ виновными себя признали[175]. Контрреволюционная их деятельность подтверждается приложенными к делу протоколами допросов по другим делам ХОЛМАГОРОВА и ПОЗДЕЕВСКОГО[176], а также показаниями допрошенных свидетелей по делу ЧИЖОВА-КОКОВЦЕВА А. М. и ПОСПЕЛОВА А. А.

Рассматривая изложенное выше и принимая во внимание, что привлечение к уголовной ответственности за контрреволюционные преступления СМИРНОВА К. И., ПЕТРОВЫХ И. С. и КОБРАНОВА Е. Я. правильно, и решение тройки УНКВД Южно-Казахстанской области от 19/XI-37 г. в отношении их вполне обосновано.

Исходя из изложенного ПОЛАГАЛ БЫ: решение тройки УНКВД от 19/XI-37 г. считать правильным, к пересмотру данного дела оснований не имеется.

Пом. Прокурора Южно-Казахстанской
области по спецделам
Младший советник юстиции /РОГАНОВ/»[177]

Впрочем, «избирательность» реабилитационных процессов 50-х годов в отношении церковнослужителей объясняется довольно просто. Хрущевское правление, ставшее временем «оттепели» в общественно-государственных отношениях, оказалось периодом

«заморозков» в отношениях государственно-церковных. С именем Хрущева в церковной истории связаны гонения на Православную Церковь, закрытие и уничтожение тысяч храмов. Так, в начале 1959 года было 13372 действующих храма, а в 1966 году – 7523, число клириков РПЦ за эти годы сократилось с 12099 до 7347 человек, число монастырей с 63-х до 18-ти (причем, только два монастыря находилось на территории Российской Федерации, большинство же сохранялось на Украине), число насельников снизилось в четыре раза.

Прошло еще 33 года, и в 1989 году государство (справедливее сказать, государственная власть), наконец-то, оказалось готово для частичного осознания собственной вины перед своим народом и Церковью. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 20–40-х и начала 50-х годов» был датирован 16 января 1989 г. Это было начало года, следующего после юбилейного 1988-го, когда советская власть впервые так явно за всю свою историю пошла навстречу нуждам и интересам Церкви. 1988 год послужил точкой отсчета нового периода отечественной истории, а с 1989 года начался процесс реабилитации духовенства, репрессированного в годы советской власти.

Был реабилитирован и митрополит Казанский Кирилл. В «Заключении» в отношении «Смирнова К. И. (Кирилла)» по материалам уголовного дела (архивный № 1609) говорится, что Смирнов К. И., привлеченный к уголовной ответственности по уже приводимым выше обвинениям, и постановлением Тройки УНКВД по Южно-Казахстанской области от 19 ноября 1937 года приговоренный по ст. 58–10 УК РСФСР к расстрелу, признается реабилитированным, поскольку «подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 20–40-х и начала 50-х годов». «Заключение» подписано 6 мая 1989 года старшим помощником прокурора Чимкентской области по надзору за следствием в органах КГБ, советником юстиции Е. Мылтыкбаевым и замначальника Управления КГБ Казахской ССР по Чимкентской области полковником Г. И. Осенним; утвердил

это решение 7 мая 1989 года прокурор Чимкентской области государственный советник юстиции 3-го класса В. Ф. Шведюк[178].

Такие же «Заключения о реабилитации» последовали и в отношении Кобранова Е. Я. (епископа Евгения) и Петровых И. С. (митрополита Иосифа), утвержденные прокурором Чиментской области, так же как и заключение о реабилитации митрополита Кирилла, 7 мая 1989 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Личность такого духовного масштаба, как митрополит Кирилл (Смирнов), не может быть не замечена, но долгое время может быть «не востребована». О священномученике Кирилле долгое время не было ни статей, ни монографий. Даже известные и авторитетные исследователи новейшей истории видели в митрополите Кирилле только оппонента митрополита Сергия (Страгородского), к тому же, как некоторым казалось, а иным и по-прежнему кажется, лишенного широкой церковной поддержки в силу якобы непоследовательности взглядов митрополита Кирилла на церковно-политическую ситуацию в Русской Церкви.

Но исследования на рубеже XX—XXI веков выявили громадный пласт документов и свидетельств об исповедническом служении митрополита Кирилла, его непосредственном или опосредованном влиянии на многие церковные события 20—30-х годов XX века.

Даже будучи удален в ссылку или заключен в тюрьму, этот великий церковный иерарх, названный патриархом Тихоном первым кандидатом в местоблюстители, одним своим существованием, религиозно мотивированной аполитичностью, твердостью и независимостью церковной позиции представлял для гражданской безбожной власти серьезную проблему.

Отсюда — искусительные, почти библейские собеседования Е. А. Тучкова с митрополитом Кириллом в Вятской тюрьме; отсюда — внезапные вызовы из ссылок и столь же скорые возвращения на прежнее место, а то и далее; отсюда же — опасение возвращения старца-митрополита в центральную Россию и неоднократное продление срока ссылок и тюремных заключений, когда предыдущие сроки уже оканчивались. Власть видела то, что долгое время не могли разглядеть даже церковные историки,— митрополит Кирилл являлся центральной личностью русской церковной действительности после кончины патриарха Тихона и ареста митрополита Петра.

Это не авторский вымысел, это — признание Е. А. Тучкова, человека, не только хорошо представлявшего церковно-политический расклад, но и причастного ко многим церковно-политическим пасьянсам. Обновленчество, григорианство, последняя редакция «Декларации митрополита Сергия», правая оппозиция — за этими и многими другими событиями, раскалывающими единство Церкви, маячила тень этого советского политического технолога, манипулятора, «игумена» (как прозвали Тучкова его современники). Но всякий раз, когда этот «вершитель чужих судеб» встречался с митрополитом Кириллом, влиятельный начальник VI отделения секретного отдела ОГПУ, курировавший борьбу с Церковью, оказывался каким-то суетливым «мелким бесом» рядом с подлинным исполином духа, хранителем церковной правды, столпом веры, великим русским святым. Свидетельства церковного предания о встречах митрополита Кирилла и Тучкова — тот редкий случай, когда церковное предание полностью адекватно документально подтвержденной исторической правде.

После каждой такой «беседы» с Тучковым (или другими следователями) митрополита Кирилла неизменно отправляли в очередную ссылку, хотя никаких политических высказываний он не допускал и выражал позицию по исключительно внутрицерковным вопросам. Но тем он и был непонятен, опасен гражданской власти, всегда чувствовавшей за ним силу духовной правды и не находившей в нем склонности к необходимым власти компромиссам.

Однако не понимала митрополита Кирилла не только гражданская власть. Отказывались понимать «царский путь» владыки Кирилла и яростные оппоненты митрополита Сергия, указывавшие на «непоследовательность» Казанского святителя в отношении к заместителю патриаршего местоблюстителя, на признание им благодатности таинств его приверженцев.

Непонятен и чужд оказался путь митрополита Кирилла и самому митрополиту Сергию, опытному синодалу, церковному администратору и политику. Свидетельство тому — переписка этих двух выдающихся церковных деятелей Русской Церкви. Убежден, что их письма еще станут предметом многочисленных исследований

и размышлений, текстологического, канонического и семантического анализа.

Для XX века спор митрополитов Кирилла и Сергия о церковной Истине и каноническом «буквализме», иерархической совести и совести паствы, патриаршем строе и местоблюстительстве, психологии церковного общества и церковном сознании, правде и достоинстве Церкви — это, конечно, богословский этико-экклезиологический, а, отчасти, и сотериологический спор, подобный тому, какой возник в XVI веке между Нилом Сорским и Иосифом Волоцким. И даже не только подобный, но и продолжающий его — извечный спор о двух путях спасения, о двух разных взглядах на то, что в земном церковном бытии является благом и что допустимым компромиссом.

Две правды были у двух русских митрополитов, полемизировавших в XX веке. Два разных духовных стиля, два разных отношения к роли светской власти в жизни церковного организма и разное понимание церковной соборности.

Вот в письме к епископу Дамаскину (Цедрику) митрополит Сергий обосновывает противопоставление своей позиции мнению «маститых иерархов» (митрополитов Петра, Агафангела и Кирилла): «Я считаю это полезным для Церкви... Мы теперь получили возможность свободно молиться, мы легализованы, мы управляем». Это говорит администратор и опытный церковный дипломат, взваливший на себя громадный груз ответственности за судьбу легальной церковной власти. Но это не слова духоносного молитвенника или духовного вождя. И трудно поверить, что так говорит автор богословского исследования «Православное учение о спасении», где убедительно и вдохновенно критиковалась юридическая теория искупления.

Священномученик Кирилл, в отличие от митрополита Сергия, не писал прежде богословских трудов, не участвовал в религиозно-философских собраниях. Приходское служение, руководство Урмийской Миссией, богатая сектантами Тамбовская епархия требовали не книжной мудрости, а деятельной духовной и социальной активности, и она у митрополита Кирилла в те периоды его служения, несомненно, присутствовала. Но в переписке 1929—1930-х го-

дов видим мы не миссионера, не политика и не администратора, а богослова (в древнем аскетическом понимания богословия: богослов — тот, кто Богу молится). Православному мышлению и глубокой живой вере митрополита Кирилла чужды схоластическая мертвенность и книжная ученость (не это спасает, и не за это люди идут на смерть). Именно митрополит Кирилл призывает «растопить лед диалектически-книжнического пользования канонами и сохранить святыню их духа», хотя этого больше можно было бы ожидать от критика юридической теории искупления.

Таково все русское православное богословие — проявившееся в условиях необходимости защищать Православие, полемизировать о вере и путях спасения. Так появляется преподобный Зиновий Отенский, так мы узнаем великого старца Нила Сорского. А разве «Просветитель» Иосифа Волоцкого возник, исходя из какого-то другого мотива? Не было бы испытаний и искусов у русского Православия — не знали бы мы и о наших богословах. Это как догматы веры: присутствуя в полноте Божественного откровения, наиболее полно они выявляются и формулируются только тогда, когда появляется ересь, ложное или погрешительное учение об Истине.

Несмотря на все ужасы XX века, постигшие Русскую Церковь, основания для надежды сохранить ее чистоту и Истину можно найти уже в том, что даже в условиях внезапности бедствия, каковым стала для России большевистская революция и богоборческая власть, в Церкви оказались такие столпы веры, как патриарх Тихон, митрополит Агафангел, митрополит Петр, митрополит Кирилл...

Митрополит Сергий, и в синодальный период, и в советский, осуществляя свою административную и церковно-политическую деятельность, верил в силу договора с гражданской властью. Он был убежден в важности и необходимости *социального* статуса Церкви. Для него именно это было важно и верно. Наивно полагать, что митрополит Сергий, писавший ссыльному митрополиту Кириллу, не учитывал тех исторических обстоятельств, в которых находилась Русская Церковь, но не менее наивно, если даже не оскорбительно по отношению к самому митрополиту Сергию, было бы заподозрить его в лукавстве и неискренности, когда он рассуждает о необходимости легализации церковного управления,

апеллирует к каноническому праву, убежденно обосновывает полноту своих прав и верность избранного пути.

Полемика митрополита Сергия и митрополита Кирилла — если вспомнить историю византийской Церкви — это не продолжение спора православных политиков-икономистов (хотя именно к этому лагерю относится митрополит Сергий) и зилотов. Прагматизму митрополита Сергия оппонирует не зилотский ригоризм (это митрополиту Кириллу чуждо) и даже не пафос исповедничества, дающего моральное право на суд (как это было в Древней Церкви во II—III веках), а духовная трезвенность святости, которая ясно различает границы икономии и акривии.

В словах и размышлениях митрополита Кирилла иное содержание, иной язык, иные мотивация и аргументация. Он глубоко духовно понимает «пути осуществления Церковью своего призвания в здешнем мире». Он убежден, что «дело нравственно-архипастырского служения Святой Церкви» определяется «в своем внутреннем содержании не писанием резолюций и указов, а христианским душепастырством (1 Пет. 5, 2—3)»[180].

У каждого был свой путь и своя правда. *«Во имя этой правды и достоинства Православной Церкви, исполняя свой архипастырский долг, решился я поднять свой голос, но Вы обратили мое выступление только в предлог для расправы со мною... Да рассудит нас Бог!»* — это слова священномученика, заслужившего своим безупречным церковным служением право так сказать.

Митрополит Кирилл оказался глубоко прав, когда в последнем своем письме митрополиту Сергию писал, что *«в этой жизни едва ли дождемся мы с Вами суда соборного»*. Справедливый соборный суд в отношение осужденного и гражданским, и церковным судами митрополита Кирилла состоялся лишь в 2000 году, спустя 70 лет после написания выше процитированных строк. Решение этого суда известно — прославление священномученика Кирилла Казанского.

Оценивая вклад митрополита Кирилла в историю Русской Церкви, нельзя рассматривать только советский период исповедничества и мученичества этого великого святого. Необходимо знать и верно оценивать те служения, которые он нес в Кронштадте, Урмии, Петербурге, Тамбове, в качестве члена Поместного Собо-

ра и экзарха Грузии. Личность святителя Кирилла, его обширная деятельность и церковные воззрения дают обильную почву для исследований. И, конечно, настоящая книга не может быть признана «закрывающей тему». Должны появиться и уже появляются публикации о последователях священномученика Кирилла, его богословских взглядах.

В то же время, при изучении сложного советского периода и характера полемики с заместителем патриаршего местоблюстителя следует признать, что сама святая жизнь митрополита Кирилла, его бескорыстное служение Церкви свидетельствуют, что бессмысленно искать личные или партийные мотивы там, где принимаемые решения определяются представлениями о высоком достоинстве и ответственности архипастыря, заботой о церковной правде и достоинстве Церкви. Да и сам митрополит Кирилл верил, что *«ревность о сохранении в полной чистоте церковного устроения нашего, как елей над водою, всегда всплывет вверх над обвинениями в расколничестве в сосуде действительной церковной правды»*.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] За Христа пострадавшие... С. 568.

[2] Туруханск — основан в 1607 г. как укрепленный пункт Новая Мангазея. В 1782 г. стал уездным городом Томской области, с 1925 г.— сельское поселение. В настоящее время — село, районный центр Красноярского края, находящийся при впадении р. Нижняя Тунгуска в Енисей (в 1474 км к северу от Красноярска).— см.: Города России: Энциклопедия.— М.: БРЭ, 1994. С. 550.

[3] Православная жизнь. 1994. № 9. С. 8.

[4] Архив УФСБ по Брянской обл., д. П-8979, л. 60об. Цит. по: «Это есть скорбь для Церкви, но не смерть ее...»: Из материалов следственного дела священномученика митрополита Кирилла Казанского (1930) /Публ. Н. Кривошеевой, А. Мазырина // Богословский сборник. Вып. VIII. М. 2001. С. 341.

[5] *Бутаков А. (Антонов В.)* Два письма митрополита Кирилла //Возвращение. 1996. № 4 (8). С. 23—24.

[6] Поэтому, например, спрашивая в письме к о. Евлампию об архимандрите Владимире (Пуссет), митрополит Кирилл упоминает, между прочим, что тот отбыл Зырянскую ссылку.

[7] Священник Евлампий Своеземцев родился в 1893 г. в деревне Ананьевская Спасской волости Тотемского уезда Вологодской губернии. В 1915 г. был взят

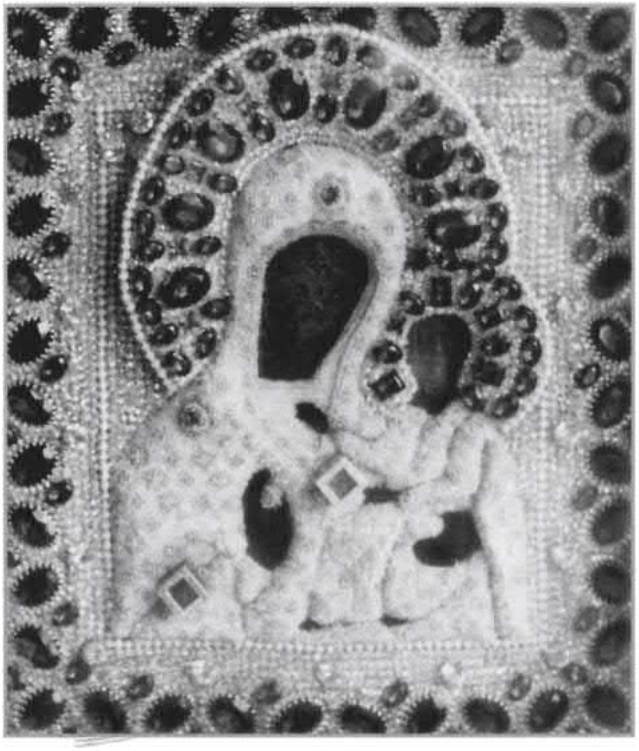
в царскую армию. К 1917 г. дослужился до прапорщика. Началась революция. Увлеченный красными агитаторами и обещаниями «светлого будущего», Евлампий стал красноармейцем. Образование позволило ему стать начальником школы 5-го Пермского полка Красной армии, затем работать во Всеобуче Курской губернии и даже стать начальником штаба 2-й отдельной бригады Курского укрепрайона, а затем — начальником штаба бригады 1-й и 9-й дивизии. Е. Своеземцева ждала блестящая карьера красного командира и вполне обеспеченная жизнь. Но душевный переворот, полное разочарование в советской власти, принесшей столько бед и несчастий России, заставили 27-летнего молодого человека переосмыслить всю свою жизнь и уйти с военной службы. Своеземцев принимает посвящение от архиепископа Назария (Кириллова) и становится священником в слободе Михайловка Курской области. Обстоятельства вынудили о. Евлампия переехать в Ярославскую область. Будучи священником с. Орлова Рыбинской области, о. Евлампий был арестован 27 ноября 1922 г. за то, что организовал братство для преподавания Закона Божиего взрослым и детям и для помощи неимущим. В ГПУ священнику предъявили обвинения в «контрреволюционной тихоновской политике», «подрыве авторитета органов власти», «преподавании Закона Божиего несовершеннолетним», и в феврале 1923 г. сослали на три года в Зырянскую область. Здесь состоялось знакомство о. Евлампия с митрополитом Кириллом, томившимся вместе с епископом Афанасием (Сахаровым) в этих же местах. В марте 1926 г. о. Евлампий возвратился в с. Орлово, где был встречен верующими односельчанами как мученик за веру. К священнику началось паломничество из других приходов, так как о. Евлампий был еще и замечательным проповедником. Вероятно, именно в это время начинается переписка о. Евлампия с митрополитом Кириллом. В начале 1927 г. о. Евлампий был вновь арестован, теперь уже за создание сестричества, проведение внебогослужебных религиозных бесед и за проповеди против обновленчества. Между прочим, о. Евлампию вменялась в вину организация детской рождественской елки. Священник был осужден еще на три года ссылки, после отбытия которой выбирает для поселения г. Казань, полагая, что именно там много единомысленного митрополиту Кириллу духовенства. В Казань священник Евлампий прибывает 30 июля 1930 г., здесь знакомится с проживающим на поселении епископом Нектарием (Трезвинским) и селится в академической слободе (поблизости от закрытой к тому времени Казанской Духовной академии). Но уже в том же 1930 г. о. Евлампий был привлечен к процессу по делу о т. н. Казанском филиале «Всесоюзной церковно-монархической черносотенной организации Истинно-Православная Церковь».

[8] Т. е. «минус семь», запрет на поселение в семи крупных городах СССР.

[9] Митрополит Арсений (Стадницкий), родился 22 января 1862 — скончался 23 февраля 1936 в Ташкенте.

[10] Архиепископ Евгений (Зернов), род. 1877 — расстрелян 20 сентября 1937 г.

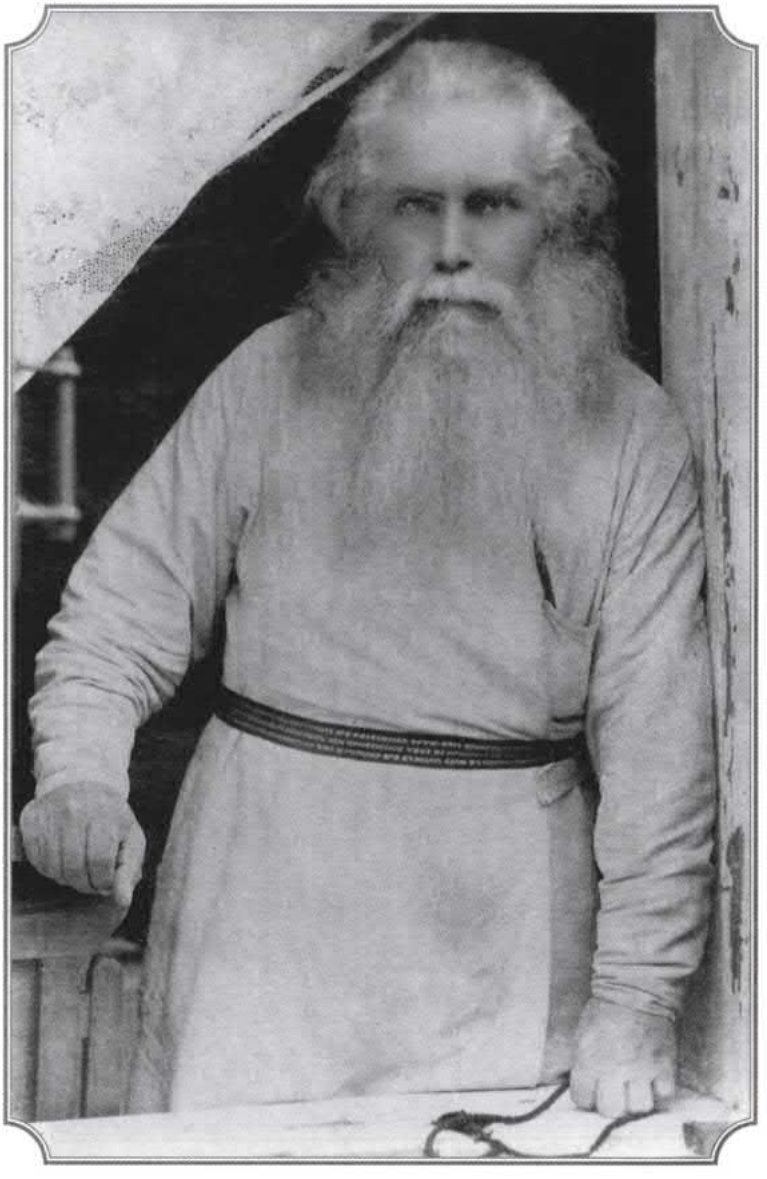
[11] Архиепископ Иларион (Троицкий), род. 13 сентября 1886, окончил МДА (1910), хиротонисан во епископа Верейского Св. Патриархом Тихоном (25. 05. 1920), в 1919, 1921—1922 в заключении (Москва), в ссылке в Архангельске (июнь



Икона Божией Матери Смоленская Седмиезерная

Спасская башня Казанского кремля с часовней,
в которой находилась чтимая икона Нерукотворного Образа Спасителя
(список со знамени Ивана Грозного).
Начало XX века

Епископ Чистопольский Анатолий (Грисюк),
ректор КазДА, викарий Казанской епархии,
впоследствии митрополит Одесский,
священномученик



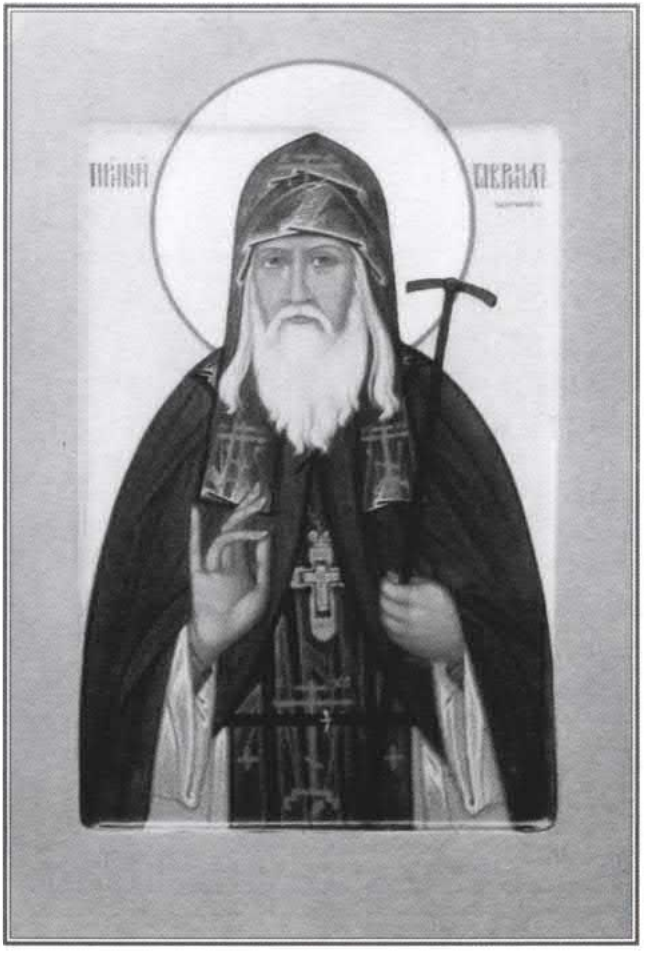
Митрополит Казанский и Свияжский Кирилл,
священномученик

Епископ Чебоксарский Афанасий (Малинин), викарий Казанской епархии, впоследствии архиепископ Саратовский и Петровский

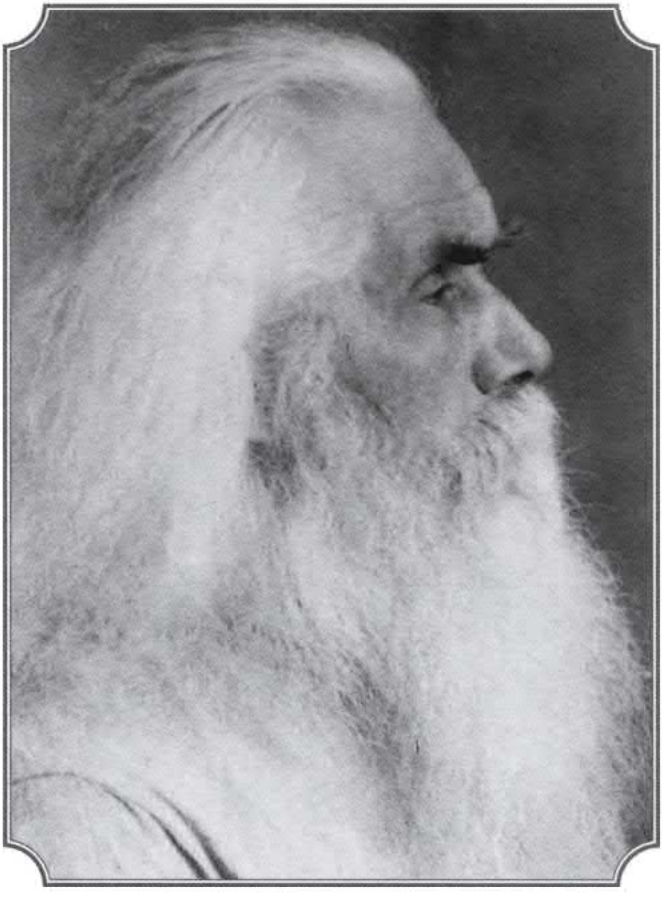
Митрополит Сергий (Страгородский)
и Временный Патриарший Синод

Епископ Елисаветградский Прокопий (Титов),
впоследствии архиепископ Херсонский, священномученик

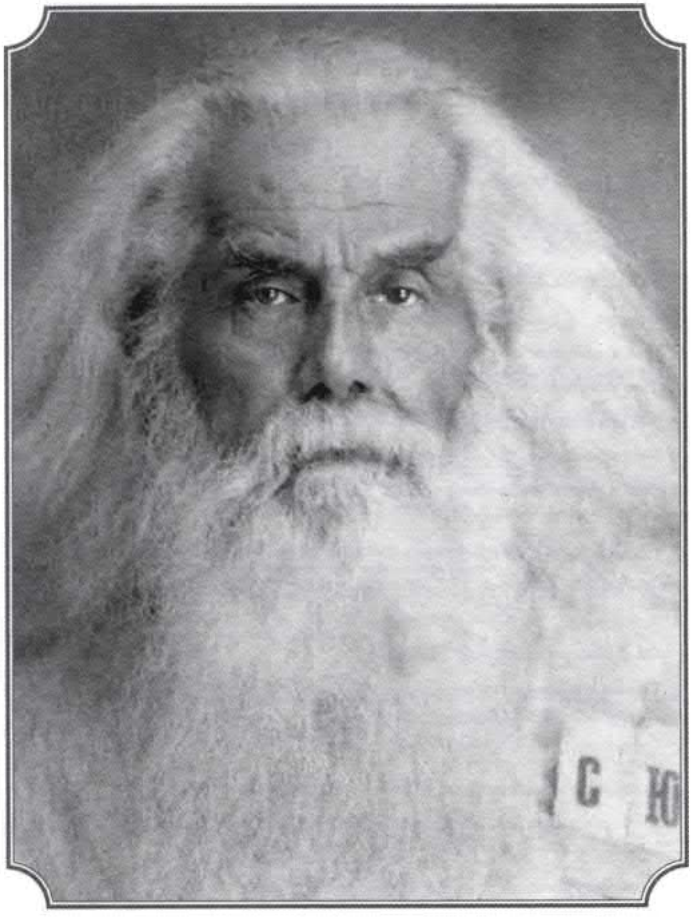
Новые преподобномученики Раифские



Преподобный Гавриил Седмиезерный



Фотография священномученика Кирилла из следственного дела.
Гжатск, 1934 год



Фотография священномученика Кирилла из следственного дела.
Гжатск, 1934 год

С. С. С. Р.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Главное Управление Государственной Безопасности

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ № 7

1934 г. Июля мес. 16 дня. Я, Помощн. начальник 3 отд СПО (должн., наимен. органа, фамилия) Тимофеев допросил в качестве

1. Фамилия Смирнов
2. Имя и отчество Константин Илларионович (митр. Кирилл)
3. Дата рождения - 1863
4. Место рождения г Кронштадт
5. Местожительство Гжатск Западной обл.
6. Нац. и гражд. (подданство) Русский, гр-н СССР
7. Паспорт Годичный паспорт выдан в (когда и каким органом выдан, номер, категор. и место приписки) ноябре 1933 г Паспорт. пункт в Красногорск
8. Род занятий Служитель рел. культа (место службы и должность) (Митрополит)
9. Социальное происхождение Из семьи служащ. (род занятий родителей и их имущественное положение) религиозного культа (отец - икономарь)
10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение)
    а) до революции епископом в Тамбове
    б) после революции Митрополит
11. Состав семьи Сестра Гурова Вера Илларионовна живет (близкие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий) в Кронштадте не имеет служащих сестер.

Митрополит Кирилл Смирнов

Протокол допроса священномученика Кирилла (Смирнова) от 16 июля 1934 года в Гжатске

+ 23/8 III 37 г. 6

Милость Господня да будетъ съ Вами, боголюбивый о. иеромонахъ Леонидъ!

19/4 III получилъ письмо Ваше и перевод ка 10 р. Спаси Васъ Господи, за попеченiе о моихъ нуждахъ, только смотрите, что бы это не было самому себѣ в обиду и лишенiе его- кабудь необходимаго.

По поводу Вашихъ недоумѣнiй относительно Сергiанства могу сказать, что тѣ же самые вопросы и к такимъ же почти формамъ были обращены коллегiумъ Казани десять лѣтъ тому назадъ, и тогда я отвѣчалъ на нихъ утвердительно, потому что считалъ Васъ маленькое м. Сергiемъ ошибкой, которую ~~и Сергiй~~ самъ Сознаетъ и поспѣшаетъ исправить. Въ томъ же средѣ радовать[ся]

Страница последнего письма священномученика Кирилла (Смирнова). Яны-Курган (Казахстан), 23 февраля/8 марта 1937 года

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

собого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР

от „2“ декабря 193 4 г.

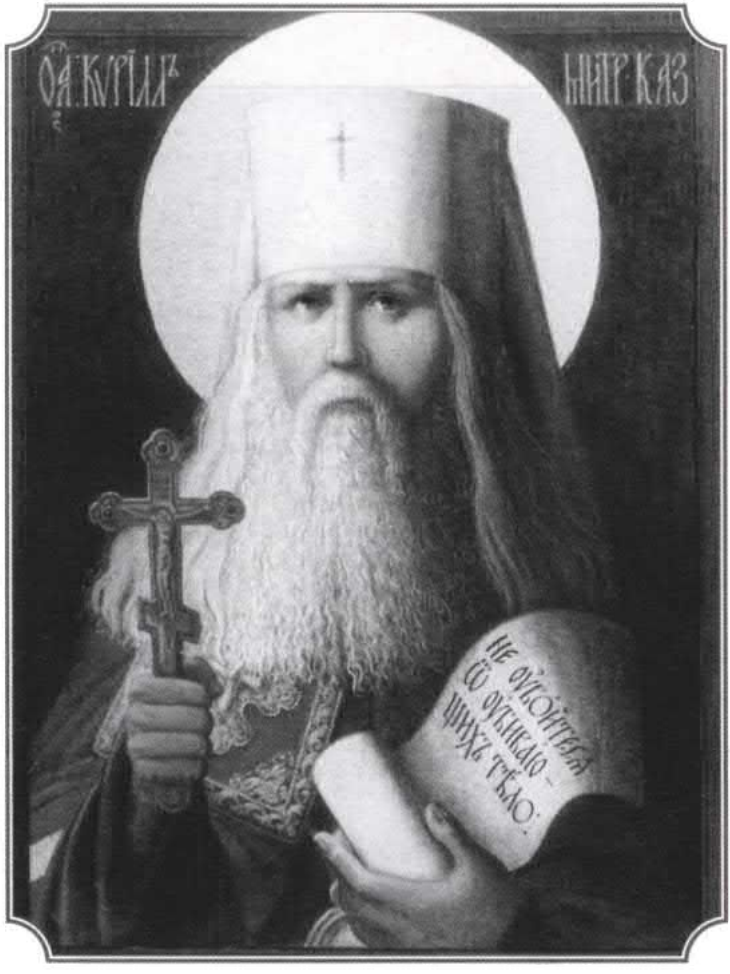
СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
Дело № 7 о СМИРНОВЕ Константине(Кирилл)Илларионовиче,1869г.р.,митрополит,без опр.занятий,неоднократно репрессировался а к-р деятельность.	СМИРНОВА Константина(Кирилл) Илларионовича за к-р деятельность сослать в Казахстан, сроком на ТРИ года,считая срок с 14/7-34г. Дело сдать в архив.

Народный Комиссариат Внутренних Дел СССР

Отв. Секретарь Особого Совещания

Выписка из протокола Особого совещания при НКВД СССР от 2 декабря 1934 года о ссылке священномученика Кирилла (Смирнова) в Казахстан на три года

Барак 1930-х годов в поселке Яны-Курган (Казахстан). В подобном бараке жил священномученик Кирилл (Смирнов) во время ссылки. Фото 1997 года



Священномученик Кирилл, митрополит Казанский и Свияжский.
Икона, начало XXI века

1922 – июнь 1923), архиепископ и в. у. Московской епархией (июль 1923), в ноябре 1923 – арестован, в Кемском концлагере (1924), на Соловках (1924–1925), в заключении в Ярославле (июль 1925–апрель 1926), с 1926 г. вновь на Соловках, переведен в ленинградскую тюрьму для этапирования на поселение в Алма-Ату (декабрь 1929); скончался от сыпного тифа в ленинградской тюремной больнице 28 декабря 1929. Один из главных защитников патриаршества на Поместном соборе 1917–1918 гг., выдающийся богослов, один из составителей послания епископов, томившихся на Соловках. Выступал в защиту единства Церкви и поэтому порицал иерархов, отделившихся от митрополита Сергия после выхода июльской Декларации 1927 года.

[12] Епископ Дмитровский Серафим (Звездинский), викарий Московской епархии. Род. 7 апреля 1883, окончил МДА (1909), с 1914 г.– архимандрит, помощник наместника Чудова монастыря, епископа Арсения (Жадановского). Хиротонисан во епископа Св. Патриархом Тихоном (21. 12. 1919), с 1922 по 1925 г.– в ссылке в Зырянском крае, осенью 1925 г.– помощник митрополита Петра (Полянского); уволен на покой (1926), с 1927 – в оппозиции митрополиту Сергию. Был несколько раз арестован, ссылался. В 1937 г. арестован и приговорен к десяти годам заключения без права переписки.

[13] Архиепископ Иринарх (Синеоков-Андреевский), род. 1871. Окончил КДА (1897), священник (1897), овдовев, принял монашество (ок. 1911), архимандрит (1913), хиротонисан во епископа (июль 1917), избран членом ВВЦУ на Сибирском церковном совещании в Томске (ноябрь 1918). Епископ Тюменский (1922), Якутский (1923–1926), Великоустюжский (1925–1926), архиепископ Пермский (1931–1933), умер 1 марта 1933.

[14] Архиепископ Черниговский Пахомий (Кедров), род. 1876 г. Один из сподвижников митрополита Петра Крутицкого, был в ссылке на Соловках. Скончался 11 ноября 1937.

[15] Архиепископ Рязанский и Шацкий Иувеналий (Масловский), род. 1878 г. Окончил КазДА. Духовное чадо преп. старца Гавриила (Зырянова). Расстрелян в ночь с 24 на 25 октября 1937 года.

[16] Епископ Никольский Иерофей (Афоник), викарий Великоустюжской епархии. С 1927 г. находился в оппозиции митрополиту Сергию, сторонник митрополита Иосифа (Петровых). 10 февраля 1928 г. запрещен митрополитом Сергием и Временным Патриаршим Синодом уволен на покой с запрещением в священнослужении за «раздорническую деятельность». При аресте 17 мая 1928 г. был смертельно ранен сотрудником ОГПУ, доставлен в больницу г. Великого Устюга, где и скончался.

[17] Архив КГБ РТ, д. 2-18199, т. 4, л. 375об.–376.

[18] Это письмо приводится с рукописного подлинника, написанного рукой самого митрополита Кирилла. Со слов «я никого не сужу и не осуждаю, но и призвать к участию в чужих грехах никого не могу» этот текст цитируется (с отдельными незначительными искажениями) митрополитом Иоанном (Снычевым) в его магистерской диссертации как «письмо митрополита Кирилла частному

лицу».— см. *Иоанн (Снычев), митр.* Стояние в вере. Очерки церковной смуты. СПб.: Царское Дело, 1995. С. 201; см. также: Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 636.

[19] Последователи митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых).

[20] Последователи митрополита Ташкентского Арсения (Стадницкого).

[21] В цитации, приводимой митрополитом Иоанном (Снычевым): «им не нужны были бы свидетельства от Арсения, ни от Евгения Благовещенского», имеются в виду митрополит Арсений (Стадницкий) и архиепископ Евгений (Зернов). // *Иоанн (Снычев), митр.* Указ. соч. С. 201.

[22] Архив КГБ РТ, д. 2-18199, т. 4, л. 376.

[23] Цит. по: «Это есть скорбь для Церкви, но не смерть ее...»: Из материалов следственного дела священномученика митрополита Кирилла Казанского (1930) /Публ. Н. Кривошеевой, А. Мазырина // Богословский сборник. Вып. VIII. М. 2001. С. 341—342.

[24] Вопросы таковы: 1) Можно ли ходить, можно ли молиться, можно ли приобщаться Св. Даров в той церкви, где поминают митрополита Сергия? 2) Можно ли поминать рядом в молитве церковной митрополита Кирилла и митрополита Сергия? 3) Какова должна быть формула церковной молитвы о предержащих властях, чтобы ею не искажался смысл церковной молитвы и христианского отношения к власти, какова бы она ни была? 4) Как быть ищущему священства при современном церковном положении, чтобы иметь возможность приносить Божие Богу без туги сердечной, смущений и соблазнов? 5) Допустимо ли обращение за церковным окормлением к одному из иноепархиальных архиереев, не подчиняющемуся распоряжениям митрополита Сергия с так называемым Временным Патриаршим Синодом?//Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 637.

[25] Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 638.

[26] *Поспеловский Д. В.* РПЦ в XX веке. С. 146.

[27] Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 638.

[28] Там же. С. 638.

[29] Там же. С. 640.

[30] Там же. С. 640.

[31] Протоиерей В. Цыпин отмечает «каноническую сбивчивость и двусмысленность рассуждений» митрополита Кирилла //РПЦ. 1925—1938. С. 184.

[32] Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 645.

[33] Там же. С. 641.

[34] Там же. С. 649.

[35] Там же. С. 184.

[36] Текст письма митрополита Кирилла священнику Евлампию Своеземцеву, помещен в Приложении.

[37] При переписке митрополит Кирилл и многие другие ссыльные помечали номерами свои письма и открытки, чтобы, во-первых, в условиях плохой работы почты адресат сумел отличить письмо, написанное прежде другого, которое

могло значительно опоздать, а во-вторых, чтобы узнать, какое количество корреспонденции до адресата не доходит.

[38] Митрополит Кирилл подразумевает близость места ссылки о. Евлампия со своим местопребыванием.

[39] Архив КГБ РТ, д. 2-18199, т. 1, л. 367.

[40] Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 653.

[41] Там же. С. 655.

[42] Там же. С. 657.

[43] Там же. С. 677.

[44] Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 680.

[45] *Поспеловский Д. В.* РПЦ в XX веке. С. 182.

[46] Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 680–681.

[47] Текст письма приводится по: Возвращение. 1996. № 4. С. 24–25 с некоторыми правками — с учетом текста этого «Отзыва», приведенного митрополитом Кириллом в своем письме о. Евлампию Едемскому-Своеземцеву.

[48] Города России. М.: БРЭ, 1994. С. 134.

[49] Там же. С. 550.

[50] Там же. С. 221.

[51] Вестник РСХД, № 107, 1973. С. 185.

[52] За Христа пострадавшие. М.: Изд-во ПСТБИ, 1997. С. 121.

[53] Иеросхимонах Парфений (Краснопевцев), духовник Киево-Печерской лавры (род. 24. 08. 1790—ум. 17. 03. 1855). Прославлен Украинской Православной Церковью 27. 07. 1993 в лике преподобных Киево-Печерских (память 17 (30) марта). Сам преподобный Парфений говорил о своем келейном правиле: «Благоволением Безначальнаго Отца, содействием Предвечнаго Сына и наитием Пресвятаго Духа, правило мое келейное сице: Евангелие книжно чту в вечер, заутра и полудне, по единому евангелисту. От полудне начинаю и Псалтирь воспевати с Богом изустно, и в сутки весь оканчиваю. Ко сну отходя чту акафист Богоматери, с поклонением Страстем Господним (святителя Димитрия Ростовского) и вечерними молитвами. От сна восстав чту акафист Спасителю с утренними молитвами и яже ко причащению — вся сия изустно. Обрадование с молитвою Богородице (Богородице Дево, радуйся) чту трижды сторицею; триста молитв: за имя Божие во единице триипостасное три краты; за евангелистов, на них же почил Христос, яко на колеснице умной — трижды четверицею; за язвы Христовы пяточисленныя — трижды пятерицею; за скорбь Богоматери, юже претерпе седмистрельно — трижды седмерицею; за странствие Христово на земли, Иже пожил с человеки тридесять три лета, трижды тридесятерицею; за пятидесятницу в ожидании Духа Божественнаго трижды пятиюдесятерицею. Паче меда и сота сия молитва мне приятна; она мне охотна, помогательна, спасительна и врагов отгнательна». Особенно почитая Пресвятую Богородицу, преп. Парфений прибавлял между всеми кафизмами и славами архангельское приветствие Богородице и составленное им от полноты души молитвенное воззвание к Пресвятой Деве (см.: Преподобный Парфений Киево-Печерский. М.: Изд-во им. свт. Игнатия Ставро-

польского, 1996. С. 17—18). Это правило и исполнял митрополит Кирилл, молясь о заключенном епископе Афанасии (Сахарове).

[54] Вестник РСХД, № 107, 1973. С. 186.

[55] Там же. С. 186—187.

[56] Под «уделом» епископа Афанасия митрополит Кирилл подразумевает Владимирскую епархию.

[57] Казанская епархия.

[58] «Кешей» в письме условно именуется архиепископ Иннокентий (Летяев) (1882—1937), с мая 1931 по февраль 1935 г. занимавший Владимирскую кафедру. В 1921 г. хиротонисан во епископа Клинского, викария Московской епархии. В 1922 г. перешел в обновленчество. В 1923 г. принес покаяние. В 1923—1926 гг. епископ Ставропольский и Кавказский. С 1934 г.— член Временного Патриаршего Священного Синода. С 1935 г. архиепископ Харьковский. В 1936 г. арестован. Расстрелян.

[59] Епископ Антоний (Миловидов) в период с 29. 06. 1933 по 03. 05. 1934 занимал кафедру Красноярскую и Енисейскую.

[60] Епископ Антоний (Миловидов) приводит не вполне точную цитацию, отчего меняется смысл. У пророка Исаии: *и поставлю правителем твоим мир, и надзирателями твоими— правду* (Ис. 60, 17).

[61] Лат.— словесная ошибка, оговорка.

[62] Вероятно, имеется в виду 30 октября по н. ст.

[63] Здесь очевидна смена настроения митрополита Кирилла, принявшего решение не следовать после ссылки в Казань.

[64] Архимандрит Неофит (Осипов).

[65] Диакон Иосиф Афанасьевич Потапов (25. 03. 1899—23. 07. 1981), впоследствии — протоиерей. С 1916 — келейник епископа Юрьевского Евгения (Мерцалова), викария Владимирской епархии. 25. 02. 1922 рукоположен епископом Афанасием (Сахаровым) во диакона. 31. 01. 1921 арестован во Владимире, приговорен к трем годам ИТЛ. С июня 1934 служил в Успенском храме пос. Петушки Московской обл. 02. 05. 1936 арестован вместе с епископом Афанасием. Приговорен к трем годам Ухтинских лагерей. В 1941—1945 — на фронте. После окончания Великой Отечественной войны служил в Никольском кафедральном соборе Новгорода. В 1947 — протодиакон. 12. 09. 1947 — рукоположен во иерея. В 1957 — протоиерей. В 1969 — духовник Новгородской епархии. Крестник, о котором идет речь в письме, первый сын о. Иосифа — Георгий.

[66] Священник Вознесенской церкви г. Кинешмы Николай Панов, род. 1884. В июле 1928 г., после категорического отказа стать осведомителем ГПУ, был арестован. Вины своей не признал и был приговорен к трем годам ссылки в Сибирь. В 1932 году о. Николай вернулся в Кинешму, работал уличным сторожем, совершал требы по домам. В 1933 г. был вновь арестован и приговорен к пяти годам концлагерей. Находился, как и владыка Василий, в Рыбинской колонии. Скончался от непосильной работы и голода в 1937 г.

[67] Председатель приходского совета Вознесенской церкви Екатерина Книшек.

[68] Монахиня Виталия (в миру — Векла Ивановна Кузнецова), насельница Успенского монастыря в Кинешме. Была арестована по «делу» владыки Василия (Преображенского). Обвинялась в том, что «являясь активной последовательницей епископа Преображенского, воспитывала в антисоветском духе членов кружков; являясь нелегальной связью между кружками и ссылкой, собирала средства в помощь ссылке». Приговорена к пяти годам концлагерей.

[69] Правило 123 (137) Карфагенского Собора: «Аще епископ нерадети будет о возвращении от еретиков принадлежащаго церкви по спискам, или самых кафедр: то да увещают его соседние тщательные епископы, и да покажут ему его небрежение, дабы не имети ему извинения. Аще же в течение шести месяцев от дня увещания, пребывая в той же епархии, не возъимеет попечения о долженствующих возвратитися к кафолическому единению: с таковым да не сообщаются, доколе не исполнит того. Аще же не приидет в оныя места содействователь: то епископу да не поставится в вину недействование» // Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского.— Т. II. С. 267.

[70] Молитва всех вас спасет. С. 384—385.

[71] «Кешиным отцом» конспиративно именуется митрополит Сергий.

[72] «Доверитель» — митрополит Крутицкий Петр. Митрополит Кирилл предполагал выяснить у митрополита Сергия, собирается ли он перенести их спор на суждение митрополита Петра.

[73] Епископ Антоний (Миловидов).

[74] 2 Кор. 2, 4: *от печали бо многия и туги сердца написах вам многими слезами, не яко да оскорбитеся, но любовь да познаете, юже имам изобильно к вам.*

[75] Епископ Антоний ошибочно именует Иерусалим Элией Каппадокией, тогда как после разрушения Иерусалима на месте развалин римлянами была основана языческая колония Элия Капитолина. Эта очевидная ошибка и вынудила митрополита Кирилла поставить знак вопроса (?).

[76] Митрополит Кирилл предположил, что не будет допущен (по окончании ссылки) к поселению в избранном месте, а осужден на новый срок ссылки, как это было в предыдущий раз.

[77] О. Иосиф — уже упоминавшийся диакон Иосиф Потапов, Мария Ивановна — его супруга.

[78] Священник Евлампий Своеземцев был арестован вместе с группой верующих и духовенства в марте—мае 1934 года ПП ОГПУ Ивановской Промышленной области, и на следствии обвинялся, как и другие, в проведении организованной антисоветской деятельности как участник контрреволюционной церковно-монархической организации «ИПЦ», охватившей своей деятельностью ряд районов Ивановской Промышленной области (Рыбинский, Ярославский, Угличский и др.). Обвинялся в том, что «будучи непримиримым врагом советской власти и являясь близко связанным с лидерами Всесоюзной контрреволюционной церковно-монархической организации «ИПЦ» митрополитом Кириллом Казан-

ским, бывшим архиепископом Угличским Серафимом и др., дал контрреволюционные ориентировки о задачах ИПЦ в настоящий период священнику Востокову и церковнице Филипповой в Рыбинске в декабре 1933 г. Во время посещения рыбинских церковников выдвинул перед ними задачу созыва церковного Собора с явно провокационной контрреволюционной программой. Дал Востокову и Филипповой установки о переходе на служение в нелегальных домашних церквах. Распространял контрреволюционные провокационные слухи о гонении на религию и духовенство в Советском Союзе с целью возбуждения недовольства верующих против советской власти, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58—10 и 11 УК». На допросе 21 мая 1934 г. показал: «Политику м. Сергия по отношению к советской власти я осуждаю. Я нахожу, что м. Сергий пресмыкается перед советской властью и не проявляет нужной решительности в разрешении вопросов отношений соввласти к религии. Я считаю, что соввласть должна принести покаяние, прекратить репрессии и в корне изменить церковную политику. Действия м. Сергия и данные им иностранным корреспондентам в 1930 г. интервью о положении Церкви в Советском Союзе я осуждаю и расцениваю это как ложную информацию заграницу, наносящую вред религии». Отец Евлампий виновным себя не признал. По постановлению Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 1 июня 1934 г. отец Евлампий был заключен в ИТЛ на три года.— См.: Архив КГБ РТ, д. 2-18199, т. 6, л. 43.

[79] В 1968 году город Гжатск переименован в Гагарин (Смоленской области) в честь космонавта Ю. А. Гагарина, родившегося в 1934 г. в с. Клушино близ Гжатска.

[80] АУФСБ РФ МО, д. Р—37479, л. 24.

[81] Фокина Лидия Николаевна, род. в феврале 1899 г. в Москве, в семье доверенного текстильной фирмы, позже кассира в банке Николая Яковлевича Фокина. Имела образование 6 классов гимназии. 15 апреля 1931 года была арестована в Москве по церковному делу и осуждена по 58 ст. на три года ссылки в Казахстан. 15 апреля 1934 г. была освобождена без ограничения в праве проживания в крупных городах. К 1934 году среди родственников Л. Н. Фокиной были живы отец, мать — Елена Ивановна, и сестры — Надежда и Екатерина, проживавшие по адресу: Москва, Сивцев Вражек, д. 12, кв. 12.

[82] АУФСБ РФ МО, д. Р—37479, л. 24об.

[83] Там же, л. 42.

[84] Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 700.

[85] Там же. С. 700.

[86] Там же. С. 701.

[87] Там же. С. 701.

[88] Там же. С. 702.

[89] Митрополит Мануил в своей работе также указывает, что епископ Палладий (Шерстенников) направлялся к находившемуся в ссылке митрополиту Кириллу 20 января и 27 февраля 1934 года «для переговоров», но Казанский митрополит «по-прежнему был неумолим».— Указ. соч. С. 120.

[90] АУФСБ РФ МО, д. Р—37479, лл. 35об.—36.

[91] Там же, л. 2. «ПОСТАНОВЛЕНИЕ (о производстве ареста), 1934 года июля 14 дня, г. Смоленск.

Я, Начальник 3 Отд. СПО — Антонов, рассмотрев имеющийся в СПО материал на б. митрополита Смирнова Кирилла-Константина Иларионовича и Фокину Лидию Николаевну, проживающих в гор. Гжатске и усматривая из этих данных активные действия со стороны Смирнова и Фокиной по созданию контр-революционных, церковнических ячеек, а также имея в виду распоряжение ОГПУ № 161007 от 8/VII — с. г. об аресте Смирнова, ПОСТАНОВИЛ: Произвести обыск и арест Смирнова К. И. и Фокиной Л. Н. предварительно согласовав с Прокуратурой».

[92] АУФСБ РФ МО, д. Р—37479, л. 7. Квитанция № 23.

[93] Там же, л. 8. Квитанция № 21.

[94] Там же, л. 40.

[95] Из Гжатского районного отделения Полномочного представительства по Западной области ОГПУ на имя начальника 3 Отдела СПО НКВД СССР Полянского (того самого, что в ноябре 1930 года допрашивал в Екатеринбурге митрополита Петра Крутицкого) поступает сопроводительный документ: «Согласно личной договоренности с Вами начальника СПО Управ. НКВД Западной Области тов. Саввина — при этом направляю арестованных Смирнова К. и Фокину Л. Н. Начальник Гжатского РО (Смирнов)».— АУФСБ РФ МО, д. Р—37479, л. 1. В истории случаются странные совпадения. Два чекиста носили фамилии двух авторитетнейших церковных иерархов — митрополита Петра (Полянского) и митрополита Кирилла (Смирнова).

[96] 16/7—34. «Служебная записка № 33335. Внутренний изолятор. Содержащегося в приеме арестованного Смирнова Кирилла-Константина Иларионовича поместите во внутренний изолятор, изолировав от арестованного Савельева Никандра Александровича».— АУФСБ РФ МО, д. Р—37479, л. 15.

[97] 31/7—34. «Служебная записка № 34378. Содержащуюся в приеме арестованную Фокину Лидию Николаевну поместите во внутренний изолятор».— АУФСБ РФ МО, д. Р—37479, л. 16.

[98] Там же, л. 24об.

[99] Эти слова митрополита Кирилла дают основание полагать, что помимо двух известных нам писем владыки Кирилла митрополиту Сергию были еще какие-то послания или обращения, носившие устную (переданную через кого-то) или письменную форму.

[100] Это, кстати, не может быть вменено владыке Кириллу в вину даже последователями митрополита Сергия. В 60-е годы во времена хрущевских гонений на РПЦ небезызвестный «выездной» митрополит Никодим совершал тайные хиротонии в катакомбные священники, таким образом благословляя их на тайное служение и создавая, между прочим, структуру, параллельную официально зарегистрированной Церкви. Но едва ли события 60-х годов были страшнее событий годов 30-х. И потому действия митрополита Кирилла, благословлявшего на тай-

ное служение священников, по своей совести не видевших возможности согласиться с курсом митрополита Сергия, вряд ли можно осудить.

[101] АУФСБ РФ МО, д. Р—37479, л. 27—28.

[102] Переписка митрополита Кирилла с митрополитом Сергием, письма других иерархов, оппозиционных заместителю местоблюстителя, были переданы монахиней Ириной Буровой, которую направил к ссыльному митрополиту Петру епископ Дамаскин (Цедрик) //*Дамаскин (Орловский), иером.* Указ. соч. Кн. 2. С. 359.

[103] Там же. С. 509—510.

[104] Там же. С. 511.

[105] Теперь трудно сказать о происхождении этого документа, известно только, что митрополит Сергий не придавал ему большого значения. Почему он не придавал значения письмам митрополита Петра, написанным несколькими годами позже доклада епископа Василия (Беляева), сказать затрудняемся. Доклад епископа Василия был следующим: «29 октября настоящего года я возвратился из ссылки, которая до окончания ее, т. е. до 9 января 1929 года заменена минусом шесть. С 1 августа по 23 сентября я прожил в поселке Хэ Обдорского района Тобольского округа вместе с митрополитом Петром местоблюстителем и, по его поручению, должен Вам сообщить следующее: Владыка получил возможность (из газ. «Известия») прочитать декларацию нынешнего православного Синода и вынес от нее вполне удовлетворительное впечатление, добавив, что она является необходимым явлением настоящего момента, совершенно не касаясь ее некоторых абзацев. Владыка митрополит просил передать его сердечный привет митрополиту Сергию и всем знающим его.

Смиренный послушник Вашего Высокопреосвященства епископ Василий, викарий Рязанский. 1927 года 11 ноября» (Цит. по: *Дамаскин (Орловский), иером.* Указ. соч. Кн. 2. С. 510).

[106] «Между прочим, мне пишут, что епископ Василий о делах от моего имени представил Вам доклад. Должен заметить, что ни ему, ни другому моему сожителю я не давал никаких поручений, касающихся церковных дел»//Там же. С. 511.

[107] *Цыпин В., прот.* Русская Православная Церковь. 1925—1938.— М., 1999. С. 188.

[108] Цит. по: *Дамаскин (Орловский), иером.* Указ. соч. С. 511.

[109] АУФСБ РФ МО, д. Р—37479, л.

[110] Там же, л. 21.

[111] Там же, л. 17. «Служебная записка № 34035. Внутренний изолятор. Арестованному Смирнову Константину-Кириллу Илларионовичу разрешается пользоваться очками и деньгами. Начальник 3 отделения Секретного Политотдела ГУГБ».

[112] Там же, л. 14—14об.

[113] Видимо, следователь принял фамилию владыки Дамаскина — Цедрик — за монашеское имя, а имя —Дамаскин — за фамилию.

[114] АУФСБ РФ МО, д. Р—37479, л. 26.

[115] Там же, л. 38.

[116] Там же.

[117] Там же, л. 47.

[118] Там же, л. 48.

[119] «Коменданту Бутырского изолятора НКВД. Препровождается для исполнения и объявления выписки из постановления Особого Совещания при НКВД СССР от 2 декабря 1934 г. по д. № 7 гр. Смирнова Константина (Кирилла) Илларионовича, которого надлежит направить с первым отходящим этапом в гор. Алма-Ата, в распоряжение УГБ НКВД по Казахстанской АССР и взять НА ОСОБЫЙ УЧЕТ, согласно приказа № 257/с-33 г. Прибытие подтвердите немедленно. Приложение: выписки, ф/карт. Начальник УСО ГУГБ НКВД СССР. Начальник 2 Отделения УСО».— Там же, л. 51.

[120] *Дамаскин (Орловский), иером.* Жизнеописание святителя Василия, епископа Кинешемского // *Василий (Преображенский), свт.* Указ. соч. С. 26.

[121] Архив УКГБ КазССР по Чимкентской области, ф. 1, д. 02455, л. 52об.

[122] Сам митрополит Сергий писал 3 (16) мая 1926 году митрополиту Агафангелу (Преображенскому): «Если почему-либо митрополит Петр оставит должность местоблюстителя, наши взоры, естественно, обратятся к кандидатам, указанным в завещании, т. е. к митрополиту Кириллу, а потом и к Вашему Высокопреосвященству» (Цит.: Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 461). Но после объявления о смерти патриаршего местоблюстителя митрополита Петра (Крутицкого) митрополит Сергий не обратился к митрополиту Кириллу. Вопрос о церковной власти был решен на основании прежнего *фактического* церковного управления митрополита Сергия.

[123] Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 701.

[124] В случае с епископом Евгением ситуация не столь простая. Епископ Евгений был среди тех, кто подписал 6 февраля 1928 года вместе с митрополитом Агафангелом (Преображенским), митрополитом Иосифом (Петровых), архиепископом Серафимом (Самойловичем) и архиепископом Варлаамом (Рященцевым) т. н. «Ярославскую декларацию» (обращение ярославских архиереев) к митрополиту Сергию с уведомлением об административном отмежевании от него (но не от митрополита Петра). Епископ Евгений был тогда на Ростовской (викарной) кафедре. Но через несколько месяцев епископ Евгений восстановил церковное общение с митрополитом Сергием, не порывая отношений (во всяком случае — письменных) и с «непоминающими».

[125] Архив УКГБ КазССР по Чимкентской области, ф. 1, д. 02455, л. 62.

[126] Там же, л. 49.

[127] Епископу Евгению ответил из пос. Сталино священник Серафим Кириллов, посещавший митрополита Кирилла в Яны-Кургане еще в 1935 г. Епископ Евгений просил митрополита Кирилла дать адрес этого священника (что владыка Кирилл и исполнил), чтобы поручить о. Серафиму окормление оставленной там епископом Евгением паствы.

[128] Под «больными» подразумеваются верующие, под врачом — о. Серафим.

[129] Епископ Евгений составил записку о возможности хранения и вкушения мирянами Евхаристических Даров, т. е. Тела и Крови Христовых («Великого Утешения»).

[130] ecclesia in persecution — гонимая Церковь, in pace — в мире.

[131] «Никто из состоящих в разряде мирян да не преподает себе Божественныя Тайны, когда есть епископ, или пресвитер, или диакон. Дерзающий же на что-либо таковое, как поступающий противу чиноположения, на едину неделю да будет отлучен от общения церковнаго, вразумляяся тем, не мудрствовати паче, еже подобает мудрствовати» (58-е правило VI Вселенского Собора).

[132] Епископы.

[133] Например, митрополит Иосиф при допросе на вопрос о возглавителях движения, одним из руководителей которого он и сам являлся, перечисляя митрополита Кирилла, архиепископов Прокопия, Серафима и Димитрия, не называет имени епископа Евгения, что побуждает нас с осторожностью отнестись ко многим «признаниям» епископа Евгения в ходе следственного дознания (например, признаниям в организации катакомбного церковного подполья и пр.).

[134] Письмо митрополиту Кириллу было отправлено 11 (24) мая, в день памяти равноапостольных Кирилла и Мефодия, учителей Словенских, т. е. в день именин владыки Кирилла.

[135] Сергианства.

[136] Архив УКГБ КазССР по Чимкентской области, ф. 1, д. 02455, приложение.

[137] Епископ Григорий (Граббе) приводит выдержку из докладной записки от 11. 04. 1937 известного канониста С. В. Троицкого (позднее перешедшего в юрисдикцию Московской Патриархии), как мнение РПЦЗ: «Права заместителя прекращаются со смертью замещаемого, это юридическая аксиома, которую признал и сам митрополит Сергий. Поэтому со смертью митрополита Петра полномочия митрополита Сергия прекратились, и в должность местоблюстителя автоматически ео ipso вступает митрополит Кирилл, которого и следует поминать за богослужениями»// *Григорий (Граббе), еп.* Русская Церковь перед лицом господствующего зла. С. 65.

[138] *Поспеловский Д.* РПЦ в XX веке. С. 181.

[139] Текст письма приводится в Приложении.

[140] История РПЦ от восстановления Патриаршества до наших дней.— СПб., 1997. Т. I. 1917—1970. С. 982.

[141] *Шкаровский М. В.* Иосифлянство: течение в РПЦ.— СПб, 1999. С. 179.

[142] Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 701.

[143] Архив УКГБ КазССР по Чимкентской области, ф. 1, д. 02455, л. 1.

[144] Ю/К — сокращ. от Южно-Казахстанская (область).

[145] Архив УКГБ КазССР по Чимкентской области, ф. 1, д. 02455, л. 1.

[146] Там же, л. 2.

[147] Там же, л. 4.

[148] Там же, л. 5.

[149] Там же, л. 6.

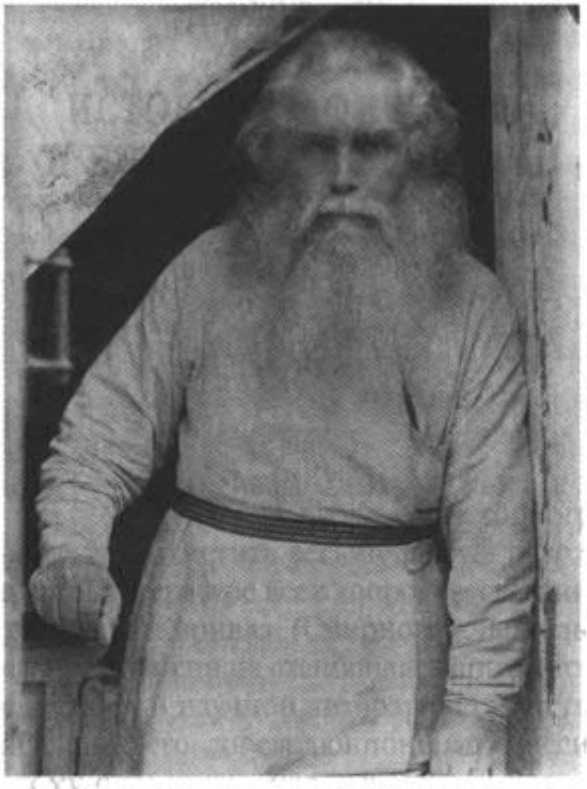
[150] Там же, л. 13.
[151] Там же, л. 39.
[152] Там же, л. 69.
[153] Там же, л. 18.
[154] Там же, л. 17.
[155] Там же, л. 60.
[156] Протокол допроса митрополита Иосифа приводится в Приложении.
[157] Архив УКГБ КазССР по Чимкентской области, ф. 1, д. 02455, л. 49об.
[158] «Показания обвиняемого Петровых Иосифа» от 23 июля 1937 г. приводятся в Приложении.
[159] По указанным причинам мы не приводим показаний епископа Евгения.
[160] Архив УКГБ КазССР по Чимкентской области, ф. 1, д. 02455, л. 42.
[161] Пространный христианский катехизис Православныя Кафолическия Восточныя Церкви.— Набережные Челны: Светоч, 1995. С. 79.
[162] Архив УКГБ КазССР по Чимкентской области, ф. 1, д. 02455, л. 42—43.
[163] Сокращение «б» (бывший), поставленное перед словом «патриарх», было вставлено уже после допроса, а это означает правку протокола допроса следователем. Митрополит Кирилл никогда бы не назвал патриарха Тихона «бывшим» патриархом.
[164] Здесь митрополит Кирилл сознательно или несознательно (в любом случае не для пользы следствия) называет искаженную фамилию архимандрита Арсения (Кордина), снижая тем самым вероятность поиска и ареста архимандрита Арсения.
[165] Архив УКГБ КазССР по Чимкентской области, ф. 1, д. 02455, л. 43—47.
[166] Там же, л. 165.
[167] Там же, л. 166.
[168] Там же, л. 167.
[169] Там же, л. 172.
[170] Там же, л. 173.
[171] Там же, л. 171.
[172] По этическим причинам мы не называем фамилий этих людей; их родственники, дети едва ли повинны в преступлениях своих предков. Может быть, кто-то из родственников этих людей стал даже добрым христианином. Как бы то ни было, мы не посчитали возможным и целесообразным приводить имена этих лиц.
[173] Архив УКГБ КазССР по Чимкентской области, ф. 1, д. 02455, л. 170.
[174] В «Заключении» фамилия епископа Евгения вместо Кобранов, ошибочно именуется как Каробанов.
[175] В отношении митрополита Кирилла это утверждение совершенно не обосновано. Митрополит Кирилл виновным себя не признал.
[176] Фамилии архимандрита Симеона (Холмогорова) и архиепископа Феодора (Поздеевского), так же, как и фамилия епископа Евгения (Кобранова), были искажены.

[177] Текст приводится по: Архив УКГБ КазССР по Чимкентской области, ф. 1, д. 02455, л. 174–175.

[178] Там же, приложение.

[179] *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Репринт. Вильнюс. 1991. С. 18.

[180] *Пасите Божие стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но из усердия, и не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду* (1 Пет. 5, 2–3).



ЧАСТЬ II

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПИСЬМА, ПРОПОВЕДИ, ДОКУМЕНТЫ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ОБЗОР

Говоря об историографии исследуемой темы, следует отметить весьма слабую разработанность в церковно-научной литературе всех вопросов, связанных с деятельностью митрополита Кирилла (Смирнова). Деятельность эта до самого последнего времени не становилась предметом особого научного исследования. В научной литературе отсутствуют исследования, посвященные его дореволюционному миссионерскому и архипастырскому служениям; малоизвестна и послереволюционная деятельность митрополита Кирилла. Последнее, возможно, объяснимо недоступностью для многих исследователей архивов КГБ-ФСБ, где хранятся весьма значительные массивы информации (преимущественно в следственных делах, по которым проходил митрополит Кирилл). Очевидно, что до начала 1990-х годов не могла быть вполне исследована и дореволюционная деятельность выдающегося церковного иерарха, имя которого было связанно, во-первых, с миссионерством, во-вторых, с личностью святого праведного Иоанна Кронштадтского, чрезвычайно негативно воспринимавшейся официальной советской идеологией, в-третьих, с нелегальным церковным движением, которое было идентифицировано советской властью как «церковно-монархическая контрреволюционная организация Истинно-Православная Церковь».

Однако и распад СССР, и кратковременное открытие ведомственных архивов также не привели к появлению многочисленных научных публикаций и материалов по интересующей нас теме.

Между тем нельзя утверждать, что о митрополите Кирилле публикации совершенно отсутствуют. Таковые имеются, но носят либо преимущественно житийных характер[1] (и содержат в этом случае мало новой информации о личности митрополита Кирилла), либо характер расширенной справки[2]. Множеством неточностей отличается соответствующая статья в «Каталоге...» митрополита Мануила (Лемешевского), а также многие другие публикации, написанные до начала 1990-х годов.

Не только отдельные факты жизни, но даже дата смерти митрополита Кирилла вызывала много споров. Так, в целом, справедливая и, как убедился автор настоящего исследования, близкая к истине характеристика дореволюционной деятельности митрополита Кирилла, приводимая А. Левитиным-Красновым и В. Шавровым, дополненная изложением известной беседы мужественного русского иерарха с Е. А. Тучковым, заканчивается совершенно легендарным утверждением, что митрополит Кирилл скончался «в 1944-м году в казахстанских лагерях»[3]. Это утверждение содержит сразу несколько неточностей: во-первых, митрополит не «скончался», а был расстрелян, причем, не в 1944 году, а в 1937-м, и в это время он пребывал не в казахстанском лагере, а на поселении в Казахстане. Другое предание, оказавшееся таким же легендарным, повествовало о смерти митрополита Кирилла в августе 1941 года и было опубликовано митрополитом Мануилом, а затем Л. Регельсоном[4].

На этом фоне выгодно отличаются публикации, появившиеся уже в конце 90-х годов, в частности, газетная статья М. Вострышева «Во имя правды и достоинства»[5], хотя имеющая характер литературно-исторического эссе, но тем не менее содержащая некоторые новые для тех лет данные, а также обширная статья в биографическом справочнике «За Христа пострадавшие»[6], вобравшая в себя всю информацию, появлявшуюся в ряде публикаций последних лет. Определенный интерес представляет и статья Б. Ф. Султанбекова «Митрополит Кирилл — последний арест»[7], где автором предла-

гается описание жизни митрополита Кирилла со времени Поместного Собора 1917—1918 годов до мученической смерти в 1937 году Существенным недостатком этой работы является то, что исследователь допускает ряд ошибок при авторской интерпретации приводимых им фактов.

В конце 90-х годов появляются публикации, в которых митрополит Кирилл упоминается в связи с его участием в том или ином церковно-историческом событии. Так, в исследовании иеромонаха Стефана (Садо), посвященном истории Урмийской Миссии, довольно подробно описывается период, когда митрополит Кирилл являлся начальником этой Миссии[8]. О «тайных выборах патриарха», в которых сам митрополит Кирилл не участвовал, но при проведении которых был выдвинут в качестве единственного кандидата на патриаршество, упоминается в монографии иеромонаха Дамаскина (Орловского)[9].

Две обширные публикации автора настоящей книги были посвящены отдельным периодам жизни митрополита Кирилла: первая — периоду с 1918 по 1922 год, вместившему пребывание митрополита Кирилла в Казани и первые его аресты[10], вторая — гжатскому периоду и следственному делу 1934 года[11]. В этих статьях впервые опубликованы многие важнейшие архивные документы, в том числе из архива ФСБ РФ. Отдельная публикация автора настоящего исследования посвящена личности епископа Чистопольского Иоасафа (Удалова), как одного из последователей митрополита Кирилла[12]. В этой публикации, в частности, цитируется переписка епископа Иоасафа и митрополита Кирилла, упоминается о влиянии митрополита Кирилла на казанское духовенство.

Однако большая часть монографий и публикаций, посвященных вопросам церковной истории XX века, при упоминании личности митрополита Кирилла — малоинформативна и содержит преимущественно оценочные характеристики его воззрений. При этом очевидно, что наибольший интерес исследователей привлекает полемическая переписка митрополита Кирилла и митрополита Сергия.

До 90-х годов, по причине недоступности архивных материалов, не представлялось возможным ввести в научный оборот новые

документы, касающиеся других аспектов деятельности священномученика Кирилла, поэтому наиболее распространенным было упоминание о нем в связи с оценкой разными исследователями отношения митрополита Кирилла к деятельности митрополита Сергия на посту заместителя патриаршего местоблюстителя. При этом высказывались (и продолжают высказываться) самые разные мнения. Одни исследователи считают вполне справедливой критику святителем Кириллом характера деятельности митрополита Сергия (к таковым относятся епископ Григорий (Граббе)[13], протопресвитер Михаил Польский, Л. Регельсон, среди современных — М. В. Шкаровский, И. И. Осипова, А. Бутаков (В. Антонов)), другие готовы признать единственно верной позицию митрополита Сергия[14], а деятельность митрополита Кирилла — близкой к раскольнической (среди современных исследователей подобных взглядов придерживается, например, Д. Поспеловский)[15]. Между этими непримиримыми церковно-научными оппонентами существуют две группы исследователей, чьи взгляды лишены подобного ригоризма. Одна группа исследователей, убежденных в целесообразности мер, предпринимавшихся митрополитом Сергием, стремится избежать крайне резких оценок воззрений священномученика Кирилла, находя для характеристики его взглядов термин «оппозиция» (среди таковых, например, митрополит Иоанн (Снычев)[16], протоиерей Владислав Цыпин[17]). Представители другой исследовательской группы полагают, что, признавая справедливость многих доводов митрополита Кирилла, следует отойти от ригористичного подхода к деятельности митрополита Сергия, избегая обвинений первого иерарха в расколе, а второго — в «сергианстве», поскольку оба иерарха принадлежат Единой Церкви (таких взглядов придерживался протоиерей Иоанн Мейендорф[18], сходная позиция отражена и в первом томе биографического справочника «За Христа пострадавшие»).

Изданием в «Актах Святейшего Патриарха Тихона...» в 1994 году нескольких прежде неизвестных писем митрополита Кирилла[19] было положено начало процессу публикации новых документов эпистолярного характера, принадлежащих авторству владыки Кирил-

ла. Таковы публикации с комментариями А. Бутакова (В. Антонова) (1996)[20], М. В. Шкаровского (1997)[21], О. Косик (1999)[22], И. И. Осиповой (1999)[23], протоиерея Владимира Воробьева (2000)[24]. Представляет интерес и публикация доклада председателя Комиссии по изъятию ценностей в Татреспублике С. С. Шварца, где приводится характеристика позиции митрополита Кирилла во время проведения изъятия церковных ценностей в Казани[25].

В целом же, несмотря на позитивную тенденцию появления новых публикаций, касающихся жизни и деятельности митрополита Кирилла, следует отметить недостаточную изученность этой темы, проявляющуюся, в частности, в мифологичности многих распространенных положений и даже в появлении новых мифологем на основе недавно опубликованных, но недостаточно проанализированных документов, в частности, последнего письма митрополита Кирилла иеромонаху Леониду.

Что касается источниковедческой базы, то в представленном исследовании были использованы источники следующих видов: материалы делопроизводственной документации, периодическая печать, мемуарная литература. При этом привлекались как опубликованные документы делопроизводственного и мемуарного характера, так и неопубликованные. В качестве опубликованных источников делопроизводственного характера в процессе работы использовались «Журналы заседаний Совета С.-Петербургской Духовной академии» за 1883/4 и 1886/7 учебные годы, содержащие данные о студенческом периоде жизни митрополита Кирилла. Незаменимым опубликованным источником для исследования деятельности митрополита Кирилла в период Поместного Собора 1917—1918 годов являются изданные в Москве в 1918 году Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917—1918 годов. Они содержат стенографические отчеты о дискуссиях на пленарных заседаниях Собора и заседаниях отделов, соборные документы, определения и пр. Эти Деяния вместе с Собранием соборных определений и постановлений были переизданы в 1994—2000 годах московским Новоспасским монастырем. Важным источником для исследования участия митрополита Кирилла в работе третьей соборной сессии явилась

публикация А. Г. Кравецким и Г. Шульцем «Обзора Деяний» третьей сессии Поместного Собора[26].

Обильный материал для исследовательского анализа дали периодические издания, в частности, епархиальные ведомости различных епархий, где проходил свое служение митрополит Кирилл. Особенно информативными являются для настоящей монографии «Тамбовские епархиальные ведомости», где публиковались епархиальные распоряжения и указы, проповеди правящего архиерея, хроника епархиальной жизни, подробные описания поездок высокопреосвященного Кирилла по церквам и монастырям епархии в разные годы. В «Тамбовских епархиальных ведомостях» содержатся материалы, которые характеризуют архипастырскую и общественную деятельность Тамбовского преосвященного, в частности его попечение над тамбовскими духовно-учебными заведениями, социально-благотворительную работу в Тамбовском крае. Кроме того, благодаря этим материалам, имеется возможность определить отношение владыки Кирилла к первой мировой войне, отречению императора Николая II, Февральской революции 1917 года. Автором исследования просмотрены и использованы номера этого епархиального периодического издания за период с 1909-го по 1917 год.

Среди других печатных изданий, привлекавшихся при работе над настоящим исследованием,— «Церковно-общественный вестник» (Санкт-Петербург) за 1914 год; журнал казанских обновленцев «Православный церковный вестник» за 1925, 1928 годы, где приводится обновленческая характеристика действий в Казани митрополита Кирилла; некоторые другие периодические издания как дореволюционного, так и советского периода.

Важным источником является мемуарная литература, передающая атмосферу эпохи и содержащая много частных фактов и свидетельств, отсутствующих в других источниках. Среди опубликованных мемуарных источников, использованных в данной работе, следует отметить воспоминания протопресвитера Георгия Шавельского («Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота»), мемуары С. И. Фуделя («Воспоминания»), князя

С. Е. Трубецкого («Минувшее»), Н. П. Окунева («Дневник москвича (1917—1924)») В. Марцинковского («Записки верующего»), митрополита Евлогия (Георгиевского) («Путь моей жизни»), митрополита Вениамина (Федченкова) («На рубеже двух эпох»), епископа Арсения (Жадановского) и др.[27] В то же время, при всей важности этого рода источников, следует критически оценивать многие содержащиеся в них высказывания и оценки, в силу субъективности последних, что особенно справедливо по отношению к мемуарам протопресвитера Георгия Шавельского.

Несмотря на важность опубликованных источников разного рода, значительную часть источников настоящего исследования составили неопубликованные материалы, представленные, прежде всего, документами из государственных и ведомственных архивов. В данной работе были использованы материалы из фондов: Российского Государственного Исторического Архива (РГИА, Санкт-Петербург), Государственного архива Тамбовской области (ГАТО, Тамбов), Национального архива Республики Татарстан (НАРТ, Казань), а также из некоторых ведомственных архивов: Центрального архива ФСБ РФ (ЦА ФСБ РФ), Архивного управления ФСБ РФ Московской Области (АУ ФСБ РТ МО), Архива КГБ Республики Татарстан (АКГБ РТ), Архива УКГБ КазССР по Чимкентской области (АУКГБ КазССР ЧО).

Из РГИА привлекались документы следующих фондов: ф. 796 «Канцелярия Святейшего Синода», ф. 797 «Канцелярия обер-прокурора Синода», ф. 831 «Канцелярия Патриарха Тихона и Священного Синода», ф. 834 «Рукописи Святейшего Синода».

В ф. 796 содержатся материалы официальной переписки Св. Синода с архиереями о назначении и перемещении епископов на самостоятельные и викарные кафедры и проч. Архивные дела ф. 797 хранят важные документы, касающиеся миссионерской деятельности архимандрита Кирилла (Смирнова) в Урмии (в частности, его рапорты в Св. Синод о делах Православной Урмийской Миссии), а также переписку 1902—1904 годов обер-прокурора К. П. Победоносцева с министром иностранных дел графом Ламздорфом. В ф. 831 хранятся документы делопроизводственного

характера периода 1918—1924 годов, в том числе прежде не публиковавшиеся материалы дела об избрании митрополита Кирилла на Нижегородскую кафедру. Ф. 834 содержит важную, прежде не публиковавшуюся и не вводившуюся в научный оборот, переписку архимандрита Кирилла (Смирнова) с митрополитом Антонием (Вадковским) по вопросам, связанным с Урмийской Миссией.

Помимо архивных дел РГИА, в исследовании использовались документы местных архивов, в частности, материалы Государственного архива Тамбовской области (ГАТО). Несмотря на весьма неудовлетворительную сохранность документов церковного происхождения, автору настоящей работы удалось выявить ряд документов, относящихся к служению на Тамбовской кафедре высокопреосвященного Кирилла. Это, прежде всего, документы из ф. 181 «Тамбовская духовная консистория», где нас интересовали преимущественно резолюции архиепископа Кирилла на делопроизводственных документах, касающиеся епархиальных дел, жизни клириков, участи высланных с Афона имяславцев. Кроме того, использовались дела ф. 4 «Канцелярия Тамбовского губернатора» и ф. 17 «Тамбовская городская управа». Среди важных документов последних фондов — материалы, связанные с посещением Тамбовской епархии великой княгиней Елисаветой Феодоровной.

Несмотря на кратковременность пребывания митрополита Кирилла в Казани, в фондах Национального архива Республики Татарстан (НАРТ) удалось обнаружить важнейшие документы для осмысления взглядов этого святителя на некоторые сложные вопросы церковно-административного характера. В частности, было выявлено завещательное распоряжение, составленное митрополитом Кириллом 8 (21) июня 1922 года для административно-исполнительной канцелярии при Управляющем Казанской епар-хией. При этом в работе были использованы дела из ф. Р—1172 (894) «Казанский епархиальный совет».

Неоценимыми по важности для настоящего исследования материалами явились дела из ведомственных архивов: Центрального архива ФСБ РФ, Архивного управления ФСБ РФ Московской области, Архива КГБ Республики Татарстан, Архива УКГБ КазССР по Чим-

кентской области. В этих делах содержатся важные документы личного характера (письма) и официально-делопроизводственного (протоколы допросов, анкеты и прошения арестованных, переписка судебных органов, обвинительные заключения, приговоры, справки о приведении приговора в исполнение и проч.). Недоступность материалов из этих архивных фондов в прежние годы не позволяла серьезно ставить вопрос об изучении послеоктябрьского периода жизни митрополита Кирилла, известного до этого только по мемуарной литературе.

Архивно-следственные дела, по которым проходил митрополит Кирилл, были тщательно изучены. Анализ документов, хранящихся в этих делах, позволил выстроить хронологию событий жизни митрополита Кирилла в период с 1926-го по 1937 год и устранить многочисленные исторические лакуны, имевшиеся прежде в церковно-исторической науке. В частности, благодаря исследованию материалов ведомственных архивов, значительно прояснен вопрос о «тайных выборах патриарха» в 1926 году, прослежена хронология событий тех лет, изучен гжатский период жизни митрополита Кирилла и обстоятельства его ареста в 1934 году. Наконец, по документам следственного дела из Архива УКГБ КазССР по Чимкентской области составлено описание последнего (яны-курганского) периода жизни владыки Кирилла и прояснены обстоятельства его мученической смерти. Таким образом, настоящим исследованием вводятся в научный оборот многие прежде не публиковавшиеся документы, часть которых приводится в Приложениях.

При использовании документов ведомственных архивов автором учитывался тот факт, что при допросах в 30-е годы применялись такие методы дознания, которые не позволяют в настоящее время быть до конца уверенным в полной адекватности протоколов допросов действительно сказанному привлекавшимися к уголовной ответственности лицами. В частности, вопрос о фальсификации некоторых протоколов допроса митрополита Иосифа (Петровых) в 1937 году может считаться вполне установленным. Учитывалось и то, что на допросах подследственные могли сознательно умалчивать или искажать многие факты, с целью сохранения

жизни тем родным, близким, знакомым, единомышленникам, которые еще находились на свободе, но могли быть арестованы.

В целом следует отметить, что неопубликованные архивные материалы составили значительную часть источников настоящего исследования. В то же время многие из опубликованных до 1917 года материалов, особенно в периодической печати, использованных в настоящем исследовании, после 1917 года не вводились в научный оборот и игнорировались до самого последнего времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Алленов А. Н.* Патриарший избранник//Город Тамбов в прошлом, настоящем и будущем. Тезисы докладов краеведческой конференции. 26 апреля 1996 г. Тамбов, 1996; Святитель Кирилл, митрополит Казанский и Свияжский//Православная беседа, 1992, № № 4—5.— С. 24—25; Священномученик Кирилл, митрополит Казанский//Тамбовский патерик. Православные святые и подвижники благочестия Тамбовского края/Сост. Алленов А. Н., Бочаров А. С., Лёвин О. Ю.— Тамбов, 1999.— Кн. 1.— С. 52—55.

[2] Акты Святейшего Патриарха Тихона...— С. 866—867; История Русской Православной Церкви от восстановления Патриаршества до наших дней. 1917—1970.— Спб.: Воскресение, 1997. Т. 1.— С. 214—217; *Осипова И. И.* Новые материалы о преследованиях за веру в Советской России//Церковно-исторический вестник.— 1999.— № 2—3.— С. 179

[3] *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты.— М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996.— С. 454.

[4] *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви.— М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996.— С. 560.

[5] *Вострышев М.* Во имя правды и достоинства//Литературная Россия. 1992.— № 5 (31 янв.)

[6] За Христа пострадавшие... Кн. 1. А-К.— С. 567—575.

[7] Митрополит Кирилл — последний арест//*Султанбеков Б. Ф.* История в лицах.— Казань: Тат. кн. изд-во, 1997.— С. 53—70.

[8] *Стефан (Садо), иером.* Российская Православная Миссия в Урмии (1898—1918) // Христианское чтение.— 1997.— № 13.— С. 73—112.

[9] *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия.— Тверь: Булат, 1995.— Кн. 2.— С. 497—498.

[10] *Журавский А. В.* Жизнь и деятельность митрополита Казанского и Свияжского Кирилла (Смирнова) с 1918 по 1922 г. // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского Института: Материалы 1997.— М.: ПСТБИ, 1997.— С. 203—212.

[11] *Журавский А. В.* Гжатский период жизни Казанского митрополита Кирилла (Смирнова) и арест 1934 года// Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского Института: Материалы 1998.— М.: ПСТБИ, 1998.— С. 246—252.

[12] *Журавский А. В.* Епископ Чистопольский Иоасаф (Удалов) как последователь митрополита Казанского Кирилла. // Ежегодная богословская конференция ПСТБИ: Материалы 1992—1996.— М.: ПСТБИ, 1996.— С. 356—363.

[13] *Григорий (Граббе), еп.* Русская Церковь перед лицом господствующего зла.— Джорданвилл, 1991.— С. 71—77.

[14] *Васильева О. Ю.* Жребий митрополита Сергия (от «Декларации» до «Памятной записки»//Ежегодная богословская конференция ПСТБИ: Материалы 1997 г.— М.: ПСТБИ, 1997.— С. 186.

[15] Д. Поспеловский прямо говорит о митрополите Кирилле и епископе Афанасии (Сахарове) как о «раскольниках», однако не снимает ответственности за усугубление «взаимного ожесточения» и с митрополита Сергия.— См. *Поспеловский Д.* Православная Церковь в истории Руси, России и СССР.— М.: ББИ, 1996.— С. 268.

[16] Несмотря на то, что митрополит Иоанн довольно критично отзывается о взглядах митрополита Кирилла, полагая их «одним из оттолосков иосифлянского раскола», однако расколом эти взгляды не называет, считая более справедливым употребить термин «оппозиция»//*Иоанн (Снычев), митр.* Стояние в вере: Очерки церковной смуты.— Спб.: Царское дело, 1995.— С. 200.

[17] Протоиерей Владислав Цыпин, характеризуя позицию митрополита Кирилла, употребляет термины: «скрытая оппозиция», «каноническая сбивчивость и двусмысленность рассуждений». — См. *Цыпин В., прот.* Русская Православная Церковь. 1925—1938.— М.: Сретенский мон-рь, 1999.— С. 182—184.

[18] *Мейендорф И., прот.* Послесловие. //*Регельсон Л. Указ. соч.*— 624—625.

[19] Акты Святейшего Патриарха Тихона...— С. 867—870.

[20] *Бутаков А. (Антонов В.)* Два письма митрополита Кирилла. //Возвращение. 1996.— № 4 (6).— С. 23—25.

[21] История Русской Православной Церкви от восстановления Патриаршества до наших дней.— Спб.: Воскресение, 1997.— Том I. 1917—1970.— С. 982—983.

[22] Письмо митрополита Кирилла (Смирнова) к м. Евдокии. Публ. О. Косик//Богословский сборник.— М.: ПСТБИ, 1999.— № 3.— С. 225—227.

[23] *Осипова И. И.* Новые материалы о преследованиях за веру в Советской России//Церковно-исторический вестник.— 1999.— № 2—3.— С. 64—66.

[24] Письма священномучеников-архиереев Русской Православной Церкви к святителю Тихону, Патриарху Московскому и всея России/Публ. прот. В. Воробьева //Богословский вестник.— М.: ПСТБИ, 2000.— № 6.— С. 7—15.

[25] Голод 1921—1922 годов и казанское духовенство/ Публ. Н. Федоровой, Л. Абрамова//Эхо веков.— 1998.— № 3/4.— С. 88—94.

[26] Священный Собор Православной Российской Церкви 1917—1918 гг.: Обзор Деяний: третья сессия / Сост. А. Г. Кравецкий, Г. Шульц.— М.: Крутицкое патриаршее подворье, 2000.

[27] *Шавельский Г., прот.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота: В 2-х т.— Нью-Йорк, 1954; *Фудель С. И.* Воспоминания//Новый мир.— 1991.— № 3.— С. 188—214; *Трубецкой С. Е., кн.* Минувшее.— Paris: YMCA-PRESS, 1989; *Окунев Н. П.* Дневник москвича (1917—1924).— Paris: YMCA-PRESS, 1990; *Марцинковский В.* Записки верующего.— Спб.: Христ. общ-во «Библия для всех», 1995; *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни.— М.: Московский рабочий, 1994; *Вениамин (Федченков), митр.* На рубеже двух эпох.— М.: Отчий дом, 1994 и др.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ОТЗЫВ ЭКСТРАОРДИНАРНОГО ПРОФЕССОРА Н. И. БАРСОВА

О СОЧИНЕНИИ СТУДЕНТА СМИРНОВА КОНСТАНТИНА: «НИКИФОР ФЕОТОКИЙ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ И ДУХОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Сочинение состоит из 1) введения, 2) биографии Никифора, 3) обстоятельного изучения его экзегетически-гомилетических сочинений, 4) разбора его «ответов» раскольникам и 5) очерка мировоззрения, развиваемого в его сочинениях. Биография составлена весьма хорошо, по печатным лишь, впрочем, источникам, так как материалами письменными, находящимися в архивах консисторий Екатеринославской и Астраханской, автор, естественно, воспользоваться не мог. Эта часть сочинения имеет полную научную цену в том смысле, что автор тщательно эксплуатировал для своей задачи сочинения на греческом языке, в которых содержатся данные для биографии Никифора (в России доселе неизвестные), именно сочинения: Гуды, Кума, Сафаса, а также французское сочинение Ризо. Вторая часть сочинения, весьма обширная, представляет весьма обстоятельное изучение сочинений Феотокия, не всех впрочем (исчисляемых им во введении), а, соответственно гомилетической задаче сочинения, лишь истолковательных и проповеднических, именно обширного Kuriakodromion и Seira. Автор изучает своего автора не по русским

только переводам, но и по греческим подлинникам, делая иногда поправки к русским переводам. Изучение обоих, весьма больших по объему, сочинений автор делает весьма подробное (хотя недовольно систематическое), рассматривая и излагая характеристические черты как их содержания, так и формы — построения, изложения и языка.

Менее подробен, но также весьма тщателен разбор «ответов» Никифора.

Вообще обширное (500 стр.) сочинение г. Смирнова — труд весьма почтенный, плод самого добросовестного отношения и особенной любви к ученой (в данном случае весьма кропотливой) работе. По интересу содержания оно настолько ценно, что желательно было бы видеть его, после более тщательной обработки второй части со стороны содержания, а всего сочинения — со стороны изложения (которое по местам небезупречно), в качестве диссертации магистерской.

(Журналы заседаний Совета С.-Петербургской Духовной академии за 1886/7 учебный год.— СПб., 1891. С. 205—206)

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ПИСЬМА АРХИМАНДРИТА КИРИЛЛА, НАЧАЛЬНИКА УРМИЙСКОЙ МИССИИ

ПИСЬМО МИТРОПОЛИТУ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМУ И ЛАДОЖСКОМУ АНТОНИЮ (ВАДКОВСКОМУ)

Урмия, 8 ноября 1902 года

Ваше Высокопреосвященство, милостивый Архипастырь!

Мое предшествующее письмо дало Вам возможность до некоторой степени видеть те нестроения, с какими пришлось нам встретиться в здешней церковной жизни. Нестроения эти обещают нам много хлопот, особенно ввиду того, что опытный интриган мистер Парри пользуется ими с ловкостью и беззастенчивостью биржевого игрока, добивающегося банкротства невыгодного ему предприятия. Он заранее уже торжествует победу, и не далее, как на прошлой неделе, позволил себе с циничною откровенностию предупреждать члена нашей Миссии Иванова, что скоро нам здесь совершенно нечего будет делать и не для чего оставаться, если мы не позаботимся убрать отсюда епископа Мар-Ионана. Что мистер ненавидит епископа Ионана и готов утопить его в ложке воды,— это совершенно естественно в человеке, который под шапочкой и тогой англиканского священника носит голову и сердце расторопного приказчика крупной торговой фирмы. Он рассчитывал получить очень большие проценты на затраченный капитал, но ошибся в расчетах. Настойчиво и строго обдуманно веденное дело материального и духовного порабощения

Англии всех урмийцев сильно пострадало от того, что Мар-Ионан с известной частью своей паствы принял Православие, и в стране стало чувствоваться русское влияние, вряд ли когда-нибудь и где-либо приятное для Англии. Простить Мар-Ионану это деяние мистер Парри не может, и он не щадит слов, чтобы очернить епископа Иону, где только представится случай. К сожалению, епископ, при всей своей восточной хитрости и мнительности, не настолько умен, чтобы понимать всю необходимость при подобных обстоятельствах самой щепетильной осторожности, и не достаточно чувствует вред, какой является следствием каждой бестактности, допускаемой им как в церковном управлении, так и в отношениях с властями.

Особенно чревато осложнениями дело священника Георгия Беджанова, о котором я писал Вам. У епископа слишком много счетов с семейством Беджановых, а у тех — нескончаемые счеты с партией Мухатазовых, из которых епископом поставлен второй священник с. Ада. Чувствуя, что дело Георгия Беджанова даром пройти не может, друзья его и он сам объявили себя верными чадами Мар-Шимуна и обратились за покровительством в англиканскую Миссию. Мистер Парри сердобольно обещал им просимое, и Беджанов с братиею, греясь под крылышком сильного англичанина, начали сейчас же проявлять присущую сирийцам наглость. Они привлекли к суду у персидских властей преданного епископу священника Фому Мухатазова. Обвинение было вздорное, вся неприятность дела для Фомы исчерпалась только поездкой в город для судебной волокиты и необходимостию уплатить туман (2 р.) персидским властям в благодарность, что они его, Фому, не забыли и позвали пред свои ясные очи. Можно было отнестись к этому оговору и несправедливости с подобающим терпением и никоим образом не мстить Беджановцам, чтобы не дать им повода возопить об утеснении, а для мистера Парри не создать предлога выступить в роли защитника угнетенных. У епископа не хватило на это такта и, пользуясь тем, что давно когда-то один из братьев священника Беджанова дал обязательство внести епископу известную сумму на церковное строительство, Мар-Ионан привлек теперь этого Беджановца к суду перед властями.

Узнал я об этом от присланного мистером Парри повара. Посланный передал мне, что мистер возмущен обращением епископа Ионы к персидским властям для взыскания каких-то русских денег с Одишу Беджанова; что по примеру прежних лет можно было бы решить дело, касающееся христианина, третейским судом всех Миссий без вмешательства мусульман, и что, наконец, он — мистер Парри — никому не даст в обиду христианина.

Я просил посланного передать мистеру, что к такой благородной решимости его не могу относиться иначе, как с полным уважением, но Русская Миссия не может вмешиваться в посторонние ей дела, подлежащие властям светским; она никому не поручала взыскивать с кого бы то ни было какие-то деньги, и, следовательно, епископ ведет в данном случае свое частное дело и ведет его тем путем, который для него, как персидского подданного, единственно доступен; о практике третейского суда среди Миссий слышу впервые и приму это к сведению.

Тогда же мною был отправлен к епископу член Миссии Иванов узнать, в чем дело. При этом я поручил Иванову передать епископу, что время слишком тревожное, требующее самой внимательной осторожности, что у Его Преосвященства слишком много на очереди чисто духовных дел, которые должны бы заставить его пренебречь житейскими дрязгами из-за каких-то рублей и разных тряпок. Иванов возвратился ко мне от епископа с печатью в руках, которая, по словам епископа, отобрана была несколько лет тому назад от Одишу Беджанова. Последний будто бы изготовил ее для фабрикации рекомендательных грамот от имени епископа Ионы и с этими грамотами ездил по России собирать деньги. В одну из поездок, после которой была отобрана эта печать, Беджанов собрал весьма значительную сумму и, выведенный епископом на чистую воду, обещал уплатить сто туманов на построение церкви. Денег этих епископ не требовал раньше, но, когда Беджановы стали теперь нападать на приверженцев епископа, привлекая их к суду, то Мар-Ионан заявил об этом обязательстве Одишу Беджанова персидским властям, чтобы при их посредстве надеть узду на слишком расходившихся буянов.

Существенную часть этого сообщения я на следующий день передал через того же Иванова мистеру Парри, и г. Иванов был прямо подавлен потоком злобы, которою преисполнен к епископу Парри, не считающий нужным хоть сколько-нибудь скрывать эту злобу.

Так как мистер официальному представителю нашей Миссии говорил о всевозможных соблазнительных поступках, совершаемых епископом Мар-Ионаном, то я почел нужным ознакомить Его Преосвященство с теми утверждениями, какие на его счет делаются начальником англиканской Миссии. Вот главнейшие из них: а) совместное с персидскими властями взяточничество с народа; б) подачки персидским властям и затем при помощи этих властей утеснения народа и духовенства; в) неправильный дележ имущества; г) разлучение супругов; д) с целью произвести большее на нас впечатление мистер не упускает случая постоянно повторять известную Вам историю с иконой, драгоценный оклад с которой Мар-Ионан отдал переплавить на чубуки.

Я очень надеялся выяснить себе эту печальную историю с иконой, без обращения за сведениями непосредственно к епископу; вся эта история казалась мне гнусною сплетней, и я не хотел огорчать старца напоминаниями о ней. Но на городской квартире епископа этой иконы не было: там помещается икона Богоматери, поднесенная епископу В. К. Саблером. Между тем на собрании духовенства 26 сентября священник Павел Хошаба, запрещенный епископом в священнодействовании, спрошенный мною, уверен ли он в действительности того факта, о котором сообщалось в Петербурге письмом диакона Бабы, подписанным, между прочим, и Хошабою, с большою решительностию утверждал этот факт. Епископ, видимо, понимал, о чем идет речь, и, обращаясь к Хошабе, сделал ему упрек за то, что он подражал в своих отношениях к епископу не Симу и Иафету, а злобному Хаму. «Положим, я сотворил грех, а ты не захотел прикрыть наготы отца своего, но всячески над нею посмеялся». Это было похоже на признание уже; но зная священника Павла Хошабу как друга англиканской Миссии, я старался уверить себя, что икона, несомненно, цела и находится в Супурганском доме епископа, где я ее и увижу. Но и там иконы не оказалось.

Из двух комнат, представляющих епископские покои, в одной совсем нет образа, а в другой висит икона Спасителя без оклада.

До времени я молчал на этот счет, но теперь решил показать епископу письмо, переданное мне Вами 19-го мая сего года. Епископ прочитал письмо и стал говорить, что подписи под ним принадлежат врагам его. «Это не подлежит сомнению,— отвечал я,— но нужно опровергнуть это письмо, чтобы мы могли и мистера Парри пристыдить, и в Петербург сообщить успокоительные сведения. Надо для этого видеть в целости самую икону, и я надеялся увидеть ее у Вас в Супургане, но обманулся».— «А если предположим, только предположим, что написанное в этом письме правда, что же, разве так велик этот грех?» — «Как православный епископ, Вы должны сами знать, велик ли грех в таком поступке»,— отвечал я. Тогда епископ стал говорить, что икону эту у него выкрали, вероятно, враги его, чтобы затем очернить его перед русскими властями. «Странно,— заметил я,— что Вы, Владыко, не побеспокоились отыскать похитителя и так молчаливо примирились с этим похищением, хотя вокруг Вас стоустая молва рассказывала самые обидные для Вашего епископского достоинства вещи».— «Может быть, мои родственницы взяли по глупости, не понимая сами, что делают»,— промолвил епископ и хотел еще что-то продолжить, но я нашел нужным прекратить разговор на эту тему. Очевидно было, что иконы действительно нет, что она, вероятно, и в самом деле переплавлена, и случилось все это не без соизволения Его Преосвященства. Но добиваться больших подробностей значило бы очень напугать епископа, а он со страху перед судом русской церковной власти понаделает таких глупостей, которые и поправить станет невозможно. О. Сергия вся эта история смущает и возмущает до глубины души, потому что он видит пред собою только епископа, но не хочет видеть того заурядного и невежественного сирийца, который воспитывался если не в иконоборчестве, то в глубоком индифферентизме к иконопочитанию. Нельзя упускать из виду, что для сирийца, по условиям его жизни среди хищников-мусульман, было невозможно какое бы то ни было ценное украшение предметов религиозного чествования, самое понимание такой возможности у него отсутствует. «Для Господа не нужно драгоценностей» — эту

мысль громко проповедуют все сирийские храмы, слепленные из сырого кирпича или из глины и представляющие нередко худшие здания в селении. Поэтому драгоценный оклад на иконе с точки зрения сирийца имеет значение не большее, как тот футляр или коробочка, в которой икона выпускается из магазина. Здесь лежит причина непонимания епископом того, что есть дурного в этом обдирании окладов с икон. Чем искреннее и глубже такое непонимание, тем более причин для имеющих власть судить об этом деянии епископа отнестись к нему с самым глубоким отеческим снисхождением[1].

По прекращению разговора об иконе епископ сам завел речь о других слухах, которые усердно распространяет мистер Парри с братиею. Относительно поборов с народа Владыка с решительностью утверждает, что с тех пор, как он принят в общение с Русскою Церковию, он взял от народа не более 60 рублей, что он привык жить в бедности (Парри подозревает у епископа большие денежные средства) и умеет ограничивать свои потребности до минимума.

Что касается дележа имений и разлучения супругов, то тут, повидимому, было что-то неладное, чего, по обещанию епископа, не будет впоследствии. По принятому здесь обычаю, когда умирает муж, жена получает от его родных часть имения и может уходить, куда хочет. Решение вопроса о том, как велик должен быть надел в каждом отдельном случае, спокон века принадлежало епископу. Не знаю, по какой причине, но делящиеся не всегда оставались довольны епископским судом, и Владыка заставлял их подчиняться приговору при посредстве персидских властей. Я просил Владыку на будущее время ограничиться только произнесением своего решения. Если тяжущиеся подчинятся его суду, можно радоваться; если нет,— необходимо предоставить их собственной воле. Пусть они сами ищут, если хотят, суда у персидских властей, а епископу обращаться к этим властям за содействием неприлично. Епископ обещал последовать моему совету.

Бывали и такого рода случаи: приходят к абуне рассорившиеся супруги с жалобой друг на друга. Епископ созывает их односельчан и старается узнать, кто виноват, кто прав; затем при помощи сельчан убеждает сварливых мужа и жену примириться. До этого мо-

мента все идет хорошо, и если супруги мирятся — то все хорошо и оканчивается; но если они примириться не желают, то епископ объявляет их разведенными на семь лет, как бы для испытания. Это совсем худо, и я старался уяснить Владыке всю и житейскую, и каноническую несообразность такого порядка. Обещал так не делать. Если не сдержит обещания, то мы, конечно, если не узнаем сами, будем вовремя уведомлены, потому что мистер Парри, за недостатком материала, способен сам выдумать про епископа какой-нибудь гнусный факт, но ни за что не упустит действительно случившегося происшествия подозрительного характера.

Что же такое этот мистер Парри, что такое англиканская Миссия, во главе которой он стоит? — Я знаю, Владыко, что в Петербурге мистер Парри — persona grata, и о Миссии англиканской там существует самое лестное мнение; но если я решаюсь говорить отсюда нечто противоположное, то потому, что местные впечатления не дают мне возможности говорить иначе.

На мой взгляд, англиканская Миссия здесь представляет собою какое-то очень подозрительное предприятие. И печатно, и устно мистер Парри заверяет всех и каждого, что руководимая им Миссия не преследует целей прозелитизма. Чтобы поверить этому утверждению, надо допустить или совершенное равнодушие церковных деятелей Англии к вероисповедным вопросам, или предположить у англиканских миссионеров такие побуждения к деятельности, которые были бы сильны заслонить собою религиозные интересы. Вернее же предположить, что англикане просто скрывают свои настоящие цели. Но во всех этих положениях для деятельности подобных миссионеров исчезают всякие нравственные нормы: они не смутятся никакой нравственной несообразностью, пойдут на подкуп, обман, ложь, клевету, потому что цель оправдывает тогда все средства. Тогда можно, например, считать известное явление вредным само по себе и все-таки, для достижения каких-то других целей, сознательно поддерживать и покровительствовать ему, как это и случилось с англиканской Миссией. Уведомляя, например, архиепископа Кентерберийского о прибытии русских миссионеров в Урмию и о том народном порыве к Православию, которым все тогда были здесь поражены, мистер

Парри называет несторианство вредною ересью; между тем вся деятельность англиканской Миссии в прошлом была, по-видимому, направлена на сохранение и поддержание этой ереси. Миссия напечатала богослужебные книги несториан и снабдила ими все церкви; джентльмены, как бы то ни было считающие себя священниками известного исповедания, ничтоже сумняся обучали сирохалдеев несторианскому богослужению и не перестают уверять, что у них одно только желание, чтобы ученики их остались несторианами. Поэтому всякий, объявивший себя несторианином, сейчас же может рассчитывать на самое деятельное покровительство богатой и сильной англиканской Миссии, что подтвердилось на известном Вам священнике Георгии Беджанове. Нет нужды, что при первом свидании со мною мистер Парри отозвался об этом священнике как о последнем негодяе: он переродился для англикан в самого достойного человека, лишь только заявил о своем разрыве с Православием. И если бы Мар-Ионан решился теперь открыто изменить Православию, то мы были бы, несомненно, свидетелями, с какою любовью и благодарностью облобызал бы мистер Парри десницу столь ненавистного ему епископа.

Занятый массою других дел, я очень задерживаюсь в изучении местного языка и не успел еще ознакомиться со всеми изданиями, выпущенными англиканскою и американскою Миссиями для воспитания и просвещения народа. Впрочем, американцы нисколько не скрывают чисто конфессионального характера своей здесь деятельности; но для суждения об изданиях англикан мне необходимо будет сравнить их печатные церковные издания с рукописными несторианскими первоисточниками. Тогда придется, может быть, убедиться, что несторианства, как вероисповедания с определенною физиономиею, давным-давно уже не существует, а есть люди, называющие себя несторианами, помнящие несторианскую обрядность, но верящие и думающие так, как научили их верить и думать англиканские миссионеры посредством своих печатных изданий; а другие ничего не думают и ничему не верят, потому что их никто и ничему не научил.

Не забудем, что англикане появились здесь около того времени, в которое исполнял данное ему относительно сирохалдеев поруче-

ние приснопамятный архимандрит Софония, впоследствии епископ Туркестанский. О тогдашнем сирохалдейском духовенстве Софония говорит, между прочим, что искусство разбирать богослужебную книгу является среди духовенства признаком высокой степени образованности. Как легко было при такой обстановке людям предприимчивым и умным произвести незаметно для посторонних зрителей, но тем не менее полную реформу религиозного миросозерцания целой народности. Надо было только усыпить восточную подозрительность сирохалдеев, войти в доверие к ним, а потом творить все, что угодно.

Нас звали сюда в свое время, но мы не пошли; англикан не звали, и они пришли сами, пришли с уверениями, что их христианская совесть смущена теми страданиями, каким подвергаются сирохалдеи от мусульман, и они чувствуют за собою долг помочь бедному страждущему народу. Грошовые, но дотоле невиданные денежные подачки, успешное заступничество перед персидскими властями, постоянные уверения, что миссионеры не преследуют целей прозелитизма, а движутся только побуждениями любви и милосердия, открыли англиканам возможность забрать здесь все в свои цепкие руки. С небольшими сравнительно денежными затратами отобрали они все книжное богатство несторианских храмов. Только некоторые экземпляры Евангелия, особенно дорого ценившиеся владельцами, остались на руках у собственников, а все символические и богослужебные книги перешли в распоряжение гг. миссионеров, которые взамен их с большою щедростию выпустили чистенькие, удобные для употребления печатные таксы (служебники) и сами же научили сирийцев пользоваться этими служебниками; а затем принялись за воспитание юношества, из которого приготовили значительный кадр народных учителей, священников и диаконов. В каком духе воспитывались эти будущие несторианские пастыри и учители, англикане умалчивают, но в первой своей интимной беседе с нами мистер Парри обмолвился, что Миссия англиканская за все время своего существования считала для себя таким же священным долгом борьбу с американским пресвитерианизмом, как и с самим несторианством. Итак,

целей прозелитизма не преследовали, а уничтожением несторианства были весьма озабочены.

Народ инстинктом почуял, что его обкрадывают в религиозном отношении: горские несториане отказались принять изданные англиканами богослужебные книги, а урмийцы метнулись в сторону России; но этот порыв не привел ни к чему: только обширная записка Софонии архимандрита осталась всегдашним памятником этого знаменательного исторического момента. Мы не решились тогда пойти в Урмию к живущим там христианам, а англикане с американцами тем временем продолжали без помехи разрушать религиозное миросозерцание сирийцев, пока сделали из них таких же религиозных индифферентистов, какими являются и не стыдятся признавать себя сами. Жалеть о том, что индифферентный к религии народ утратит все нравственные устои, англиканам не приходилось. Освободившись от таких устоев, народ окажется более способным к усвоению принципа выгод и пользы, и посредством денег его можно будет всегда держать в послушании, с ним можно будет сделать все, что угодно. Недаром же мистер Парри с уверенностию заявил нам при первом свидании, что если бы они только пожелали, то давно создали бы здесь громадную англиканскую церковь. Он только умалчивает, что это желание действительно было их заветною мечтою, но они обманулись в нем, так сказать, накануне того момента, когда уже подсчитывали часы и минуты, остававшиеся до полного его осуществления. Казалось, что все уже готово. Народ, видимо, почувствовал полную бессодержательность несторианства в том освещении, в каком давали ему это исповедание англикане чрез воспитанных ими священников и учителей; оставалось только произнести самое слово, что несторианство больше не существует, а есть вера народных благодетелей англичан. Но тут произошло нечто совсем неожиданное. Из-за Кавказья как снег на голову явились о. о. Синадский и Алавераноў: и народ, изнывавший в своем религиозном убожестве, толпами устремился к ним навстречу. Мистеру Парри очень бы хотелось крикнуть: «караул, грабят», и он рад был бы позвать персидского городового, чтобы убрать подальше непрошеных гостей, но слишком уж усердно трубил он раньше и печатно, и устно, что

англиканская Миссия не ищет прозелитов, а потому волей-неволей должен был теперь улыбаться приветливо и говорить комплименты нашим миссионерам о благовременности выбранного ими момента прибытия.

Мы, русские, оказавшись в подобном положении, растерялись бы, потом обиделись бы и, отрясши прах от ног своих, убрались восвояси. Но мистер Парри слишком торговый человек, чтобы мог забыть о тех капиталах, какие были затрачены здесь на дело англиканской Миссии, и слишком энергичный и воинственный, чтобы уступить позиции без борьбы. К тому же он хорошо знал сирийцев, знал их религиозный индифферентизм и легкомысленную продажность, и в глубине души надеялся дожить до того момента, когда получит возможность злорадно посмеяться над неудавшейся Русской Миссией, а в свои руки снова возвратит так неожиданно пошатнувшееся обаяние. Не откладывая дела в долгий ящик, сообразительный мистер тут же придумывает такой ход, которым надолго сводит деятельность нашей Миссии к нулю. Он передает в распоряжение Русской Миссии все школы, открытые в Урмии англиканами, передает с наличным составом учителей, с учебниками и даже с жалованием учителям за целый год вперед.

Получилось таким образом впечатление, что Русская Миссия явилась в Урмию с полного соизволения мистера Парри и пользуется даже от него субсидией, если не находится у него на полном содержании; что православные миссионеры признают вполне пригодными для своих целей школы, открытые англиканами; что учебники, составленные англиканами и так охотно принятые русскими миссионерами, содержат, следовательно, то, что нужно знать православному. Словом, ничего не случилось особенного. Явился только русский иеромонах, который стал заведовать, с разрешения мистера Парри, англиканскими школами. Но как же зато должен был подняться престиж англиканской Миссии. Всем становилось ясным, что не из-за чего было приходить в восторг при появлении русских миссионеров: англикане и без них давали все нужное; сами русские питаются от их же мудрости и на их счет. И мистер Парри со всею развязностью воспользовался выгодами занятого положения. Начальник Русской Миссии превратился в его ловких руках

в какого-то приказчика, присланного из России в распоряжение г-на Парри для помощи сирийскому народу в его чисто гражданских делах. Приходит по старой памяти к мистеру сельчанин за всемогущим содействием пред персидскими властями. «Ступай, голубчик, к иеромонаху, я все дела об вас ему передал; а у нас очень много хлопот теперь с горцами, просто не до вас».— «Иеромонах, Ваша милость, говорит, что ничего не может сделать».— «Как не может, он для того и прислан из России, просто не хочет. Вот я ужо напишу в Петербург об нем; некогда только теперь. Впрочем, вы и сами написать можете, например, в газету какую-нибудь, что иеромонах ничего не делает; или прямо в министерство ихнее. Пойди к малек-Давиду, он знает, как это сделать». И малек-Давид, недавний слушатель нашей Духовной академии, но искренний друг мистера Парри, рекомендующий, впрочем, себя приверженцем националистической несторианской партии, не скрывает, что писал намеренно ложные сообщения в газеты. Так как ему казалось, что начальник Русской Миссии слишком мало делает для народа. Немалое содействие в данном случае — по редактированию статей и помещению их в газеты — оказывал малик-Давиду студент нашей академии кавказский халдей Симонов. Говорю это на основании собственного письма Симонова к Давиду, переданного мне о. Восторговым вместе с другими документами, но не знаю, как попавшего в руки о. Восторгова. Судя по этому письму, г. Симонов, как и брат его — Авраам, ныне помощник инспектора Тифлисской семинарии, очень враждебно настроен к Русской Миссии в Урмии.

А о. Феофилакт между тем усердно разъезжал по англиканским школам, платил деньги учителям и священникам англиканам, и не знаю, подозревал ли и подозревает ли, что вся интрига против него, как начальника ненавистного мистеру Парри учреждения, была продумана и получала форму в стенах англиканской Миссии. Внутри за стенами этой Миссии всегда знают, сколько, например, покупает винограду католическая Миссия для приготовления «винного уксуса» к столу и сколько «бочек» такого уксуса она изготовляет; там заранее знают, куда собирается ехать начальник Миссии Русской, что подавалось у него к столу; сколько и откуда велел он приобрести грамматик сирийского языка и т. д. Я не уверен, что

даже интимная беседа наша с о. Сергием за вечерним чаем не подвергается ловкому подслушиванию агентов мистера Парри, или что это письмо не поступит к нему для прочтения прежде, чем будет запаковано в почтовый мешок. Мистер Парри хорошо осведомлен, что в России ничему так охотно не верят, как пьянству своих монахов, и желавший угодить мистеру доктор Даниил, приглашенный к заболевшему желудочными припадками архимандриту Феофилакту, легко мог симулировать в больном припадки белой горячки. Недаром же этот милый эскулап ставил свой бланк на пасквильном дневнике иеромонаха Анатолия.

Если можно ставить что-нибудь в вину архимандриту Феофилакту, так это его малороссийское разгильдяйство и недогадливое принятие от англикан основанных ими школ. К четырем тысячам, отпущенным из государственного казначейства, пришлось прибавить еще синодальную тысячу рублей,— и все-таки не оказалось возможным хоть понемногу положить во все, тянувшиеся за подачкою руки непризванных народных просветителей. А между тем денег этих вполне могло бы хватить на открытие хотя бы одной школы с интернатом, в которой преподавание и воспитание велись бы самими миссионерами. Находясь в общении с детьми, они скоро освоились бы с языком в нужной мере. О. Сергий теперь уже обходится без переводчика; вероятно, и для меня не далеко это время. Мы взяли на миссийское содержание 15 человек, но ищущих такой милости несть числа.

Нехорошо также было слишком робкое отношение со стороны архимандрита к иеромонахам Тихону и Анатолию, которые и дневали и ночевали у мистера Парри.

Начальника англиканской Миссии очень интересует в настоящее время вопрос, признает ли Русская Церковь права архимандрита Ильи на Урмийскую епископскую кафедру, так как Илья с детства-де предназначался к такому положению. Я отвечал, что у русской церковной власти нет, вероятно, причин отказывать архимандриту Илье в этом праве, но вступивший в общение с Русскою Церковью архимандрит и тем поставивший себя под действие православно-русского канонического права, чтобы удостоиться епископской хиротонии, должен будет обнаружить действительные

качества, необходимые для епископа, и не может уже рассчитывать на получение этого сана в силу только непотизма[2].

Простите, Владыко, что так долго задержал Вас, но мне представляется слишком нужным, чтобы Вы все это знали. В среду 6-го числа пришла очень запоздавшая почта, и я получил Ваше письмо от 12 октября, по силе которого я в тот же день сдал на почту представление в Св. Синод о священнике Павле Иванове. В настоящую пору этот священник допущен мною к преподаванию в нашей городской школе древнего и новейшего сирийского языка, а сам священник поручен особенному вниманию о. Сергия.

Прося архипастырского благословения себе и сотрудникам моим, честь имею быть *Вашего Высокопреосвященства покорнейший послушник архимандрит грешный Кирилл.*

(РГИА, ф. 834, оп. 4, д. 938, л. 2-11об.)

ПИСЬМО МИТРОПОЛИТУ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМУ И ЛАДОЖСКОМУ АНТОНИЮ (ВАДКОВСКОМУ)

Урмия, 19 ноября 1902 года

Ваше Высокопреосвященство,
милостивый Архипастырь.

Вместе с этим письмом я отправляю рапорт в Святейший Синод о назначении сюда еще одного члена Миссии и прошу послать на это место о. Павла Невдачина. О поводе вчинять это ходатайство теперь, а не позднее Вы узнаете из рапорта, и я не стану повторяться. Но чего нельзя говорить в рапорте, о том чувствую себя и вправе и обязательным сказать Вам по силе моего духовного сыновства по отношению к Вашему Высокопреосвященству.

При самом назначении сюда я был немало смущен подчинением вверяемой мне Миссии ведению Грузино-Имеретинской Святейшего Синода конторы, но такова была Ваша воля, и я не осмелился представлять Вам свои мысли о неудобствах этого порядка, совершенно исключительного и примененного только к Урмийской Мис-

сии, так как все другие учреждения того же характера сносятся по делам своим или через Вас или непосредственно с Синодом.

По прибытии своем в августе месяце в г. Тифлис я убедился, что и Высокопреосвященнейший Экзарх, и все члены Синодальной конторы, за исключением отсутствовавшего протоиерея Восторгова, признают совершенно чуждым для себя дело Урмийской Миссии, тяготятся им, и тогда же решил ходатайствовать пред Святейшим Синодом о подчинении Урмийской Миссии непосредственному его ведению.

Поэтому меня очень удивило получение 16-го числа указа от Синодальной Грузино-Имеретинской конторы от 24 октября и огорчила как та неосторожность, с какою указ отправлен, так и самое его содержание. Пакет, в котором заключалась, между прочим, и копия с отзыва г. Главноначальствующего на Кавказе г. министру иностранных дел, доставлен мне в распечатанном виде, так как плохая бумага конверта распалась с одного бока от трения, по словам почтового начальника, о деньги, с которыми конверт был положен. А положен он с деньгами потому, что не оплачен почтовыми марками и за него надлежало получить 72 коп. с адресата.

Этот рассказ о деньгах, протирающих пакеты, не лишен иносказательной откровенности. Несомненно, пакет протерся от денег, но не в почтовом только мешке, а в англиканской Миссии, для которой сняты, надо думать, точные копии со всех, находившихся в пакете документов услужливым другом мистера Парри, русским эмигрантом из армян Нухинского уезда, занимающим здесь положение секретаря почтового директора и неофициального цензора всякой плохо запечатанной бумаги. В стране постоянного подслушивания, подглядывания, сплетен, подкупов и т. п. прелестей знакомство с таким господином никого не может шокировать, и его не только принимают, за ним ухаживают представители инославных Миссий. Об этом неприятном случае с пакетом я буду писать Тавризскому Консулу, но и конторе синодальной следовало бы обнаруживать большую догадливость и помнить пословицу «плохо не клади, в соблазн вора не вводи».

Единственно надежный путь доставки сюда важной казенной корреспонденции — через Министерство иностранных дел. Тогда

пакет приходит ко мне в холщовом конверте за консульской сургучной печатью и с обратной почтовой распиской. В этом тоже одно из оснований получать нам распоряжения прямо из Петербурга, а не из Тифлиса, в котором даже адрес наш забыли и надписывают пакеты «через Баку в Тавриз».

Но главное дело все-таки в содержании полученного мною указа Синодальной конторы. Ей предстояло, в силу Синодального распоряжения от 17 сентября, послать способного священника, преимущественно из знающих сирохалдейский язык, к айсорам, проживающим в Ванском вилайене в Турции; и она, вспомнивши тогда о существовании Урмийской Миссии и воспользовавшись своим правом писать указы, с легким сердцем вырывает из состава вверенной мне Миссии разом двух работников, взявши для способностей иеромонаха Сергия, а для знания языка священника Бадалова. Контора не сообразила только, что знанию разговорного сирийского языка — цена грош, а что для ознакомления с вероучением айсоров необходимо владеть древним языком сирийским, в котором священник Бадалов — круглый невежда. Чтобы облегчить о. иеромонаху ознакомление с богослужебно-вероучительными книжками ванских айсоров, я нашел необходимым за собственный страх дать ему в спутники одного из членов нашей переводческой комиссии, именно диакона Моисея Геваргизова. Спрашивать на этот счет разрешения у меня нет возможности, потому что и самый указ предписывает поспешность, и г. Ванский вице-консул прислал уже вчера своего каваса для сопровождения нашего посольства. Задерживать при Миссии священника Бадалова я тоже не решился, чтобы не было сочтено это за самовольство; но глубоко убежден в совершенной бесполезности этого трусливого, бестолкового, но самонадеянного сирийца-политикана. Боюсь, что он много испортит крови бедному о. иеромонаху, а потому предполагаю в инструкции о. Сергию дать право немедленно отослать обратно в Миссию такого из спутников, которого он признает бесполезным или недостаточно послушливым.

Конечно, по месту самого служения своего мы не может быть равнодушны к делу ванских айсоров и очень заинтересованы его надлежащим выполнением, но командировка сейчас туда о. иеро-

монаха не благовременна для нашей Миссии. Грузино-Имеретинской конторе следовало бы справиться с положением наших дел, спросить и моего мнения прежде, чем отнимать у меня работников. Мы попросили бы только обождать до весны и тем временем хорошо подготовились бы к делу. О. Сергий успел бы овладеть знанием древнего сирийского языка, занятия которым он только что начал под руководством знающего преподавателя и теперь так неожиданно должен прервать их, а я мог бы хорошо продумать ту инструкцию, которую надо будет дать, для чего у меня сейчас слишком мало наблюдений: здесь каждый день приносит какую-нибудь неожиданность. Главнее всего та, что Св. Синод успел бы к тому времени назначить и прислать сюда еще члена Миссии, который заместил бы о. Сергия. Теперь же я остаюсь в самое тяжелое печальное время, когда под каждое дело надо иметь готовые руки, чтобы вовремя подставить их для поддержки,— остаюсь совершенно один и должен исповедовать Вам, что, при всем желании поддержать заведенный порядок, сознаю всю непосильность такого бремени. Одно только приучение к священнослужению и совместное священнодействие с сирийским духовенством стоит такой траты энергии, о какой мы не можем даже и судить в России: каждую минуту можно ждать какого-нибудь соблазна, вследствие совершенного непонимания халдейскими батюшками нашей православно-богослужебной практики. А сколько они сердятся при этом, как обидчивы — этого и передать невозможно. Впрочем, в рапорте на имя Св. Синода я подробно излагаю свои затруднения и не стану повторять их здесь.

Вас же, милостивый Владыко, осмеливаюсь просить об одном только, чтобы дозволено было мне отчет о поездке о. Сергия представить прямо в Св. Синод, а не через Синодальную Грузино-Имеретинскую контору, чтобы и дальнейшее устроение этого дела могло остаться на попечении нашей Миссии. Мы здесь имеем достаточные аналогии, можем лучше вникнуть в дело и выполним его с большею осмотрительностию, чем кто бы то ни было из природных халдеев Кавказа. Ни на одного из них нельзя положиться даже в самых пустых мелочах: всегда у них на первом плане кумовство и желание помянуть своих покойников за чужим кануном.

А Грузино-Имеретинская Синодальная контора, не пожелавшая выполнить данного ей поручения и сбросившая его на плечи Урмийской Миссии, можно думать, затруднится, а потому и не должна быть докладчиком по этому делу. Дело это, требующее столь непосильного напряжения от Миссии, будет стоить нам слишком дорого, и мы каждой мелочи придадим соответствующую ценность, тогда как контора, просто по недостатку рабочих рук, может пожелать сократить наш отчет и зачеркнет то, чему с нашей точки зрения следует придать особое значение.

Если, Владыко, покажется Вам, что я не должен так говорить, то простите ради Господа. Но я слишком болен этим делом, чтобы мне дозволить скрывать от Вас настоящий образ своего отношения к тому или другому факту. Я несу здесь Вами наложенное на меня послушание и потому не могу связывать своей искренности перед Вами никакими сторонними опасениями.

12 ноября освятили мы помещение для школы старших учеников, занятия с которыми начались с 1 октября. До этого дня они жили и учились в одной из комнат при Миссии (наша столовая с о. Сергием), а спали как в этой комнате, так и в других, где можно было разостлать тюфяк. Теперь, славу Богу, они на месте; шестнадцать человек на полном миссийском содержании, а шестеро должны платить за одежду (если хотят иметь ее одинакового с нашими воспитанниками образца) и за харчи. Но надо опасаться, что только 10 рублями задатка и ограничится эта плата, а остальное падет на Миссию. Что же делать, понесем эту тяготу: может быть, Господь благословит Миссию рано или поздно и за это сеяние телесное пожать плоды духовные. На прилагаемых снимках Вы можете видеть как самое здание школы, так и всех наших учеников. Старшая школа, для которой и нанят этот дом, помещается на снимке вправо от епископа в одной группе со мною и о. Сергием. Старшая школа, которой принадлежит будущее здешней Церкви, составлялась с некоторым выбором, но выдержать строго намечавшиеся условия приема не удалось. Мы хотели, чтобы каждый ученик был непременно голосистым, известного возраста и определенных познаний, но столкновение с действительностью заставило очень поступиться этими требованиями. Не до пробы голоса и не до

экзамена тут, когда привела, например, бабка мальчишку на миссийский двор и бросила его тут: нет, говорит, у него ни отца, ни матери, а он православный; вам его и кормить. Приехал я из селения, познакомился с этим десятилетним подкидышем и отправил его в школьный дом. Таких десятилетних живет у нас там пятеро. Вместе с малоподготовленными мальчуганами они ходят в младшую школу, а после уроков проводят время со старшими. Есть и очень возрастные ученики, но их я не решился взять на полное содержание ни за какую плату. Они приходят учиться, получают даже обед, а ночевать должны на квартирах. Это в большинстве дети духовенства, ожидающие диаконского сана и потому обязанные выучиться церковному богословию и хоть сколько-нибудь познакомиться с Православием, хотя бы с православным Символом веры. Один из таких большаков (на снимке последний у стены), получая содержание в школе, отправляется на ночлег в церковь для помощи, на случай беды, сторожу.

Прилагаемый снимок сделан после молебствия, которое было совершено самим Преосвященным Мар-Ионаном в сослужении со мною и о. иеромонахом Сергием при диаконе Тихонове и Мамонтове, которых можете усмотреть на снимке в амбразуре окна над моею головою. Это тоже два хороших работника в Миссии. Вообще надо сознаться, что назначения в Миссию нерусских людей, даже до академического человека Иванова включительно, было ошибкой, за которую мне приходится теперь тяжело расплачиваться. Не дело у этих господ на первом месте, а только желание устроить собственное благополучие. Особенно неприятно, что держать их в должном отношении к делу приходится постоянным страхом отнятия этого благополучия; больше всего доставляет хлопот о. Бадалов и отчасти г. Иванов, совершенно не понимающий того, что служба в Миссии не может проходить на положении инспектора народных училищ в России, что здесь нельзя жить по инструкции, размеряющей каждый твой шаг, а нужно уметь понимать момент и обстановку, и на основании только общих руководящих начал, указанных главным руководителем дела, быть способным проявить известную степень собственного творчества, но нет у природных сирийцев способности к синтезу, и они совсем не могут видеть дальше собст-

венного носа: потому-то, вероятно, они такие несносные политиканы все поголовно.

Благословите, Владыко, всех нас здесь; вознесите молитву о благополучном странствовании о. Сергия и посодействуйте назначению и отправлению к нам о. Павла Невдачина. Пусть не боится ни дороги сюда, ни службы здесь. Если состоится назначение о. Павла, то было бы очень хорошо, если бы Вы нашли возможным написать от себя г. Главноначальствующему на Кавказе о снабжении о. Павла конвойцем от Эривана до Урмии. Я со своей стороны напишу и Эриванскому губернатору г. Консулу в Тавризе. Простите.

Вашего Высокопреосвященства покорнейший послушник архимандрит грешный Кирилл.

P. S. На приложенном снимке Вы можете видеть и сопутствующего о. Сергию диакона Моисея Геваргизова: он помещается с правой стороны от школьников на первом месте, с шапкой в правой руке.

(РГИА, ф. 834, оп. 4, д. 938, л. 12-17об.)

ПИСЬМО РОССИЙСКОМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ГЕНЕРАЛЬНОМУ КОНСУЛУ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

25 января 1903 года

Его Высокородию,
г. Российскому Императорскому
Генеральному консулу в Азербайджане
Января 25-го, 1903 года
№ 11

Милостивый Государь Иван Феодорович!

Я обещал Вам в прошлом письме рассказать подробности моего свидания с Саларом, того свидания, после которого Салар выдал мне письменное удостоверение, что церковь в Ада принадлежит православным. О выдаче этого распоряжения я телеграфировал

Вам в самый день его получения, а прошлою почтою послал Вам копию его текста.

О получении Саларом неприятной для него телеграммы из Тавриза я знал за два дня раньше, чем сам Салар познакомил меня с содержанием полученных им распоряжений. Сообщил мне эти сведения через г. Иванова Меджи-Салтанэ, сыну которого Иванов дает уроки. При этом Салтанэ прибавлял, что Салар очень желает держать полученную телеграмму некоторое время в секрете.

На следующий день Салар передал мне через Милет-башу, что очень желал бы меня видеть, но не может выходить из дому, так как у него умер близкий родственник, отправившийся на богомолье, и требования траура налагают на всех близких обязанность сидеть дома. Я велел выразить Салару сожаление по поводу постигшего его семейного горя и передать ему, что, когда окончится его траур, я всегда готов принять его, если только буду дома. К вечеру Милет-баши принес новое заявление Салара о желании меня видеть с добавлением, что дело у него есть, и дело, прямо касающееся Хальфы, которого он просит поэтому побывать у него. Я отвечал, что у меня тоже имеются причины, по которым я не выхожу никуда из дому, как только в церковь, а потому прошу Салара, если у него есть дело какое-нибудь до меня, сообщить о том через наиболее толкового чиновника. Дело оказалось такой важности, что его нельзя доверить никакому чиновнику. Тогда я обещал придти к Салару. Если получу приглашение не через Милет-баши своего, а через Саларовского чиновника. Чтобы было видно всем, что не у меня нужда в Саларе, а он нуждается во мне.

Требование это было исполнено, и в три часа дня 8 января наше свидание с правителем Урмии состоялось. Он начал беседу сообщением, что по известиям, полученным им из Тавриза, русский Халифа очень недоволен урмийским губернатором, и потому последний просит теперь Халифу сказать, чем вызвал он такое к себе нерасположение. Только по двум делам были у него сношения с Халифою — по гюй-тапинскому (о земле) и по адинскому (о тамошнем храме); но чем же виноват он, Салар, что Тавриз ничего не отвечает на его представления. А что касается Беджановского дела, то Салар еще ранее спрашивал Халифу, что и как сообщить по этому

делу в Тавриз; спрашивает и теперь, чего Халифа желает, и соответственно его желанию Салар сейчас же протелеграфирует в Тавриз и уверен, что ответ не замедлит последовать самый удовлетворительный для Халифы.

Я велел растолковать этому наивному хитрецу, что мы очень терпеливо умеем ждать и вовсе не желаем затруднять высоких правителей Персии экстренными напоминаниями о делах, нас интересующих. Все, нас касающееся, находится в надежных руках г. Тавризского Генерального консула, и я уверен, что желанный для нас ответ о решении адинского дела мы получим от г. консула в одну из ближайших почт и во всяком случае скорее, чем это делает обыкновенно Саларовский телеграф. Если только это хотел мне сказать Салар, то он напрасно меня потревожил, и я прошу его на будущее время приглашать меня только в том случае, если у него действительно есть что-нибудь сказать мне. Салар страшно заерзал на своем стуле и стал просить подождать, потому что у него действительно есть очень важные сообщения, но он боится только передать их Халифе. Я отвечал, что если сообщения Саларовские прямо меня не касаются, то я не имею причин добиваться их, а если дело касается Русской Миссии, то я, конечно, получу известия из надлежащего источника, а Салар только лишний раз докажет мне свое полное нерасположение к Русской Миссии. Мало-помалу губернатор выволок из своего чемодана все полученные телеграммы по делу адинской церкви и, наконец, последнюю, в которой ему объявляется выговор, что адинское дело было представлено в Тавризе в неправильном освещении, и приказывается объявить, что церковь в Ада принадлежит православным. Телеграмма о вызове Ушана-хана была написана отдельно. Долго не хотел Салар давать мне удостоверение о принадлежности адинской церкви православным; говорил о молодости Валиахда, и о возможности перемены в его воззрениях на дело, говорил о необходимости еще раз спросить в Тавризе, наконец, стал обещать, что пришлет нужную бумагу сегодня же вечером, но просит только до времени никому не говорить об этом деле. Я отвечал ему, что правительственных распоряжений никому стыдиться не приходится, а потому прятать такие распоряжения без действительно важных причин нельзя, а у меня таких причин

не имеется. Ждать до вечера нужную бумагу я не могу, потому что хорошо знаю забывчивость губернатора, много раз обещавшего прислать мне документ на право владения землею в Гюй-тапа, но до сих пор не исполнившего своих обещаний. Только унося с собою документ, я буду знать, что был у Салара действительно за делом, а иначе не перестану считать эту двухчасовую беседу потерянным временем. Наконец документ был написан и на обратной стороне текста приложены даже две печати. Получивши эту бумагу, я послал Вам телеграмму, а сам уехал в Барандузский округ, где в это время болтался некий диакон Шлимун, выдающий себя за посланца Мар-Шимуна и собирающий якобы в пользу последнего рэшиту. Трое суток не было меня дома. Тем временем Салар, видимо, снова запрашивал Тавриз об адинской церкви и в мое отсутствие прислал в Миссию текст новой телеграммы Валиахда, подтверждавшего еще раз, что церковь в Ада должна принадлежать православным христианам персидским подданным. Упоминание о персидских подданных наводит меня на догадку, что текст моей телеграммы к Вам встревожил местных правителей. Я назвал в телеграмме церковь «нашею», и вот получилось разъяснение о владельческих правах на нее только за персидскими подданными признаваемых. Может быть, телеграмма эта и действительно была от Валиахда, а может быть, ее сфабриковал и сам Салар при содействии Ушаны и телеграфного начальника.

Ушана старается собрать как можно больше народу для сопутствия ему в Тавриз: с ним отправится все наличное количество несторианствующих. Всяких угроз по нашему адресу распространяется многое множество. Говорят, что сам муштеид, все муллы и помещики дают Ушане удостоверение о чинимых русскими насилиях над христианами старого исповедания. От себя муштеид и муллы будто бы посылают отдельное требование правительству — убрать отсюда Русскую Миссию, нарушающую покой мирных обывателей и властей вмешательством в чужие дела. Сочувствие к несторианам муштеид мотивирует между прочим тем, что это единственные представители христианского исповедания, остающиеся под защитою мусульманских властей. Все же остальные, имея покровителей в лице иностранных Миссий и особенно покровительствуемые

Русской Миссиею, совершенно не хотят знать мусульманских властей. Как ни дики эти известия, но приходится и к ним прислушиваться, потому что клеветою и ложью здесь пользуются как лучшим средством для успеха против ненавистных учреждений, даже представители христианских Миссий; чего же ждать от мусульман? В прошлом письме я передавал Вам смысл появившейся статейки в местной католической газете, теперь могу привести Вам точный перевод этой статьи. Помещена она в № 9 от 31 января 1903 г. католической газеты, носящей название «Kala dschrara» (Голос истины) и занимает последний столбец на с. 1143 и начало первого столбца на с. 1144. Вот эта статья:

...[пропуск, неразб.]

другой Миссии? Теперь хотят, видимо, добиться распространения этого указа и на православную Миссию. Но не надо забывать, что Православие было принято всем народом, считавшимся в несторианстве. Приняла Православие вся местная Церковь с епископом во главе, тогда как католичество вербовало себе единоверцев путем денежных подачек и других компенсаций обращенным. Затем, Русская Церковь не шла сюда с какими-нибудь завоевательными целями, а прислала от себя Миссию, потому что представители народные, говорившие и подписывавшиеся от лица всего назарейского народа, без исключения пола и возраста, письменно свидетельствовали о всеобщей готовности народа к Православию и требовали Миссию для совершения самого акта воссоединения. В Св. Синоде имеется об этом заявление и прошение, в котором на первом месте стоит подпись того самого Ушаны-хана, который агитирует теперь против Миссии и подает вышеприведенные слезницы с жалобами на изгнание хранителей старой веры из отцовских храмов.

Особенно характерна эта жалоба на изгнание из храмов, когда и служба-то в этих храмах, если ее совершают местные священники, правится все еще по старинному чину. Насколько расположены православные люди выгонять кого бы то ни было из своих храмов, может свидетельствовать тот факт, что в нашей городской церкви очень не редки случаи присутствия мусульман, приходящих, конечно, не для молитвы, а из любопытства. И когда я узнал однажды, что

бестолковый диакон-сириец пригласил нескольких из таких любопытных об выходе из церкви, то послал сейчас же Милет-башу с извинением от моего имени к тому хану, с детьми которого этот неприятный случай произошел. Я не помню имени этого хана сейчас, но если бы понадобилось, могу его сообщить.

Сейчас Ушана-хан, сказавшийся между прочим больным, чтобы отсрочить поездку в Тавриз, делает все, чтобы симулировать так или иначе существование в Урмийской провинции несториан и несторианской церкви. Состоящий на жалованьи у англиканской Миссии турецкий подданный — горец епископ Мар-Дынха, как истый вор, из-под полы, открыл торговлю благодатию, и что дальше, то все смелее и смелее начинает это делать. Я уже писал Вам о поставлении этим епископом в квартире Ушаны-хана священника и двух диаконов для несторианства из людей, записанных в свое время православными, теперь Мар-Дынха снова поставил в несторианского диакона писанного православным некоего Рувима, сына Хнанишу из селения Дигяля (родной брат повара и доверенного человека мистера Парри). С поставлением этого диакона он проделал куншток очень вызывающего характера, забравшись для совершения хиротонии в православную церковь, строенную по православному типу, и при ее сооружении была отпущена некоторая сумма из средств православной Миссии; но священника при этой церкви нет. Невежественный хранитель церковного ключа не мог различить несторианского епископа от православного и открыл ему церковь. Так представляют дело алвачцы, но, несомненно, было предварительное соглашение между несколькими алвачцами и Мар-Дынхою. Думаю так потому, что, во-первых, по произведенному дознанию алвачцы в канун того воскресенья, когда Мар-Дынха совершил свой воровской набег на их церковь, употребили даже обман, чтобы убедить священника, который должен был явиться к ним для совершения литургии, перенести службу на следующий воскресный день, во-вторых, известие об этом происшествии в Алваче принесено мне тайным приверженцем Ушаны-хана, человеком ведущим двойную игру, с расчетом ловко сдвурушничать под шум общей сумятицы. Это — именующий себя диаконом Авраам, сын священника Вениамина из Чарбаша.

Рассказавши мне с деланным ужасом совершенное Мар-Дынхою беззаконие, Авраам прямо от меня отправился окольными путями к Ушане-хану для доклада о том впечатлении, какое произвела на меня эта повесть. Думаю, что Ушана-хан принудил Мар-Дынху к этой вызывающей дерзости в той надежде, что мы поднимем шум и крик перед местными властями и таким образом сами заявим о существовании в Урмии не только несторианствующих священников, но даже самого епископа, с которым нам надо бороться; а Ушане-хану тем самым дадим возможность телеграфировать о насилиях, чинимых несторианскому святителю русскими миссионерами. Поэтому я лично не решаюсь ничего сейчас предпринимать против Мар-Дынхи и усердно прошу Ваших указаний, как быть мне с этим волком, прибежавшим из турецких пределов. Нет ли каких-нибудь способов пугнуть его отсюда без моего вмешательства? На завтра (26 число), говорят, назначена еще новая хиротония у Мар-Дынхи, и опять же в Алваче. Поэтому туда отправится утром о. иеромонах после ранней литургии в городской Мар-Мариамской церкви и там пропоет литургию, которую будет совершать священник-сириец. Я сам в шестом часу утра выеду для совершения литургии верст за 20 от города в село Чамаки. Сегодня по моему совету туда уже выехал епископ Мар-Ионан; там он заночует, а утром отправится к службе в село Караджалу неожиданно для караджалинцев. Среди них готовится, вероятно, тоже немалый соблазн в скором времени. Помещиком Караджалу состоит Мамад-али хан Назими-Салтана, тот самый, который не хотел пустить к себе в село покойного протоиерея Синадского и за это был оштрафован на весьма чувствительную сумму. Обиды этой он, конечно, не забыл и всегда поэтому готов напакостить русским.

Ушана-хан сейчас же воспользовался таким настроением помещика караджалинского. Заметив, что мы придаем очень большое значение поездкам по селениям с богослужебными целями, Ушаны-хан деятельно принялся хлопотать, чтобы оставить нас без церквей. А чтобы обида была для нас чувствительнее, он направил свои козни как раз против тех церквей, которые строены уже по православному образцу. Первый опыт был сделан относительно церкви в селении Ада, а оттуда внимание Ушаны было перенесено

на церковь караджалинскую, имеющую тоже православное внутреннее устройство, а теперь, как видно, особенно устремляется на такую же церковь в Алваче.

Село Караджалу большое и весьма разноверное. Там и протестантов много, и католики есть, и даже баптисты имеются. Тем не менее, по первоначальной записи, все, числившие себя несторианами, записались в Православие. Таких православных зарегистрировано было 385 человек, и для этой паствы существует два священника — Геваргиз и Тамраз. Строителем церкви был собственно священник Геваргиз. Когда денег, собранных с прихожан, оказалось недостаточно, священник Геваргиз, в компании с двумя почетными сельчанами, занял 50 туманов у армян. Долг этот из года в год переписывался с добавлением процентов и теперь возрос до 197 туманов. При первом посещении Караджалу мне никто не обмолвился ни одним словом о существовании на церкви долга и таком его постоянном нарастании. Но помещик караджалинский, конечно, хорошо знал об этом долге, сообщил о нем и Ушане-хану, и совместно с ним они открыли поход против православного храма. Младшего священника Тамраза поманили возможностью быть старшим, а одному из участников долгового обязательства за церковь была нарисована заманчивая перспектива явиться единоличным обладателем караджалинской церкви. Для облегчения ему будущего хозяйничанья в храме, племянник его получает поставление во священника от Мар-Дынхи в доме Ушаны-хана. Священник этот начинает претендовать на право священнодействия в караджалинском храме, так как дядя его состоит поручителем за числящийся на церкви долг. Старший священник отказывает ему в таком праве, а младший Тамраз, видимо, покровительствует этой узурпации. Известие о существовании долга, наконец, доходит до Миссии. Я предлагаю священникам заплатить числящийся за церковью долг по счетам, чтобы перед Миссиею были должниками сами священники и больше никто. Тогда приказчик Мамад-али хана Шакюр-ага начинает уговаривать жителей селения не допускать русских к расплате за церковный долг, чтобы они собрали сами между собою потребную сумму для уплаты долга, обещая им помощь от помещика в 30 туманов. Этот добродетельный татарин заявляет, между прочим,

что рад очень, если и русские будут молиться в караджалинском храме, но он хочет, чтобы храм был открыт для всех желающих. Услыхав это, баптистский проповедник в селе предложил внести со своей стороны 20 туманов с тем, чтобы ему был предоставлен один день в неделю для проповеди в караджалинской церкви; такое же предложение сделано и протестантскими проповедниками. Таким образом нашу православную церковь, в которой не один раз уже была совершена Божественная литургия, Ушана-хан, при помощи татарина-помещика, хочет обратить либо в несторианскую, либо в какой-то съезжий дом. Негодяйство духовенства, конечно, много помогает ему во всей этой истории, но будем все-таки стараться, чтобы не допустить поругания над Господним храмом. Чтобы разобраться хоть немного в этом деле, я и просил епископа с возможною поспешностию и без предварительных извещений отправиться в Караджалу завтра к обедне. Принесет ли какую пользу эта поездка, не знаю.

Знаю одно только, что чем дальше, тем все больше и больше ссужаем мы Вас нашими делами. При всем желании щадить Ваше время и глаза, прямо не вижу возможности, как это сделать, а потому молимся только усердно о здоровье Вашем и о том, чтобы Господь продлил Вам терпение выслушивать нас и поддержал бы в Вас неослабную охоту помогать нам.

Опять кровавое дело, и чтобы рассказать его, потребуется, вероятно, еще не одна страница.

13 января в послеобеденную пору совершено покушение на жизнь священника Александра из селения Энгиджа. Шел он в город в сопровождении двух прихожан, и недалеко от селения Чамаки встретил его мусульманин, вооруженный ружьем и кинжалом. Спросивши священника, откуда он идет, и узнавши, что из Энгиджа, татарин остановился в упор против о. Александра и начал вкладывать патрон для выстрела. Предвидя беду, священник схватился за ружье и начал вырывать его у разбойника, закричавши в то же время о помощи двум своим спутникам, несколько его опередившим. Тогда татарин бросился на о. Александра с кинжалом и нанес ему две раны. Прибежавшие на помощь спутники о. Александра отняли раненого от дальнейшей татарской расправы, а также отняли

у насильника и ружье, и кинжал. Раненого доставили в Чамаки и положили там в доме священника. Мне стало известно об этом происшествии к вечеру следующего дня, и 16-го числа после литургии я отправился с диаконом Саргизовым в Чамаки навестить раненого. Около больного ухаживали мать и жена его, хозяева дома и знахарь-сириец, славящийся искусством лечить раны. Спрашивать самого больного о происшедшем было невозможно, но я видел снятую с него одежду, очень густо пропитанную кровью. Мне сказали, что совершил нападение слуга помещика из селения Абаджалу, ведущий дружбу с энгиджайским помещиком. Связывать с настоящим случаем имя энгиджайского помещика у близких о. Александру людей есть очень понятные побуждения, так как еще не забылось недавнее насилие, учиненное этим помещиком над о. Александром. Помещик этот очень избил о. Александра и, как состоящий на службе у Меджи-Салтанэ, был наказан тем, что должен был в присутствии сослуживцев и нашего Милет-баши просить у обиженного священника извинения, а также заплатить ему свой давнишний долг в несколько туманов.

О всем случившемся очевидцы донесли серпераету 14-го числа, и, как мне передавали, тот распорядился арестовать нападавшего. Но на следующий день серпераст признал это дело не подлежащим его компетенции, так как в случившемся замешан мусульманин, и суд должен поэтому принадлежать губернатору. Вчера старший чиновник серпераста сообщил епископу Мар-Ионану, что Салар очень просто разрешил это дело: взял с виновного приличный пешкеш и отпустил его на свободу. Сообщение это может быть и вздорное, но в этой чиновничьей откровенности слышится все-таки голос обиженного дельца, у которого ускользнул из рук хороший куш. Решение же дела по существу будет всегда одинаковым, в какой бы инстанции Урмийского суда оно не разбиралось. На этот счет и губернатор, и серпераст придерживаются одного судебного кодекса: «дай деньги и режь кого хочешь». Хорошо убежденный в этом, я озабочен одним только, чтобы наше имя никаким образом не было примешиваемо к делам, кои вершатся у представителей власти и суда в Урмии. Поэтому я посылал даже недавно к серпераету диакона Саргизова с нарочитым заявлением, что никому и

никогда, ни даже Милет-баши, не даю права говорить в Серпераст-хане от нашего имени; прошу серпераста иметь это в виду и знать, что когда мне представится нужным подать свой голос или понадобится навести у серпераста какую-нибудь справку, то я буду посылать или диакона Саргизова, или г. Иванова, или другое лицо доверенное, но непременно из русских подданных. Сделать этот шаг меня заставили доходящие со всех сторон слухи, что среди местных властей существует сильное неудовольствие на русских миссионеров за вмешательство в судебные дела.

Заявление это вызывает очень понятное неудовольствие в пастве Мар-Ионана, потому что все ее члены желали бы от нас совершенно иного. Для иллюстрации я приведу Вам в переводе ту корреспонденцию, которой обменялись мы 23-го числа января со священником селения Мушава о. Вениамином. Вот его письмо: «Достойному почтения православному миссионеру Высокого Русского Царства: любовь и мир да приумножатся во Христе! Да будет Вам известно относительно больного священника о. Александра из Энгиджа, что здоровье его не улучшается. Теперь долг Ваш в том, чтобы найден был ранивший, и пусть он на допросе покажет, откуда все это дело получило начало.

Во-вторых, мы уговорились с доктором Эйвазом о лечении больного за 20 туманов. Упомянутый доктор обнадеживает нас относительно выздоровления.

Надеемся, что Вы не оставите (без внимания) этого ужасного дела: в противном случае нам нельзя будет выходить из дверей своих домов. От нижайшего слуги священника Вениамина из Мушава».

Ответ этому батюшке послан на сирийском языке приблизительно в таких выражениях: «Достопочтенный о. Вениамин! Письмо Ваше с приветствием получили, за которое весьма благодарим и сами также выражаем мир и любовь Вам. О несчастии, которое постигло о. Александра энгиджайского, мы знаем и сейчас же, как только узнали, выразили о. Александру свое сочувствие и посетили его в селении Чамаки. Очень желаем, чтобы о. Александр скорее поправился, и просим Вас позаботиться, чтобы доктор лечил о. Александра хорошо. Если у о. Александра нет средств для уплаты доктору, то Миссия уплатит за него все, что будет нужно. Но Вам должно

быть известно, что для всяких Ваших судебных дел существует Милет-баши, которому Миссия платит достаточное жалованье, чтобы он мог усердно служить народу. Милет-башу, как представителя народного, знают и персидские власти. От него Вам нужно спрашивать те сведения, за которыми Вы обращаетесь ко мне. Я же с своей стороны могу только сообщить г. Генеральному консулу о печальном событии с о. Александром, и это сделано будет. Подпись». Приведя эту переписку, я исполнил данное обещание и могу теперь дать Вам покой. Простите за слишком затянувшееся послание. Примите привет от всех моих сотрудников и передавайте его от нас сослуживцам Вашим.

Призывая на Вас благословение Божие, честь имею быть
покорнейший слуга Ваш и богомолец, архимандрит Кирилл.

P. S. Подписку беджановскую, согласно Вашему совету, посылал к серпераету, но он опять отказался утвердить ее, ссылаясь на отсутствие на этот счет распоряжений из Тавриза. *Архимандрит Кирилл.*

(РГИА, ф. 834, д. 938, л. 18—31)

ПИСЬМО МИТРОПОЛИТУ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМУ И ЛАДОЖСКОМУ АНТОНИЮ (ВАДКОВСКОМУ)

Урмия, 1 февраля 1903 года

Ваше Высокопреосвященство, милостивый Архипастырь!

Слава Богу, Беджановская эпопея кончилась, по крайней мере в местных официальных сферах,— кончилась, благодаря влиянию г. Тавризского Генерального консула, совершенно для нас благополучно. Но вся эта история выяснила для меня истинный характер отношения к нам так называемого православного населения Урмийской епархии. Мы всецело во враждебном лагере. Окружающие нас ласковые речи, приятные улыбки, выражения глубокой преданности и покорности Православию только прикрывают, по привычной восточной хитрости, плохо скрываемые чувства вражды и ненависти. Чувства эти выступают затем наружу с тем большею

напряженностью, чем меньше удалась попытка провести нас и обделать какое-нибудь хищническое предприятие, направлявшееся или против кошелька нашего или против православного дела вообще. Как бы ни были малочисленны враги эти, но их достаточно все-таки в такой мере, чтобы в продолжение, например, четырех месяцев тормозить нам дело, в котором справедливость требований наших была более, чем очевидна. И если бы не энергичная поддержка г. консула, то никакая правота наша не могла бы обеспечить нам уважение наших прав. В стране, где взаимные отношения граждан регулируются не законом, а личным усмотрением правительственных чиновников, можно опасаться всяких неожиданностей, если не считать для себя нравственно-дозволительным обращаться к подкупу и обману.

Все враги наши группируются около доктора Ушаны-хана, который в числе первых подписал прошение в Св. Синод о присылке сюда Духовной Православной Миссии. Ближайшим его помощником и советником является Давид-малек, сын диакона Геваргиза, бывший некоторое время слушателем нашей Петербургской академии. Самую энергичную поддержку лица эти получают и советом и деньгами от англиканской Миссии. Другие Миссии только поддакивают и в выражении своего сочувствия нашим врагам не идут пока далее помещения в своих газетах какой-нибудь статейки, которая должна показывать нам, что у пишущих тоже камешки за пазухой набраны.

В настоящее время доктор Ушана-хан требуется в Тавризе для некоторых внушений, но всячески оттягивает свой отсюда отъезд. Сообщая мне об окончании Беджановского дела, г. консул пишет между прочим: «Как бы то ни было, вопрос этот решен, несмотря на интриги кучки несториан, во главе с доктором Ушан-ханом, поддерживавшиеся как местною властию, так и одной из инославных духовных Миссий. Решением этим дано понять тем и другим, что справедливые требования Православной Духовной Миссии имеют за собою должную поддержку.

Для отрезвления единомышленников Ушана-хана и их покровителей от козней против вверенной Вашему Высокопреподобию Миссии мною уже приняты меры. Пока Ушана-хан, по требованию

моему, имеет быть вызван в Тавриз для получения должного внушения, сопряженного с хорошо ему известными денежными расходами». Г. консул в частном своем письме ко мне возлагает большие надежды на отрезвляющее действие тех внушений, какие получит Ушана-хан в Тавризе. Дай Бог, конечно!.. Но я лично не могу смотреть в будущее с особенным оптимизмом и должен всегда готовиться к новым нападениям на наш лагерь, тем более что главный вдохновитель Ушаны-хана, ласковый мистер Парри, человек не с сирийским куриным умом и не с робким характером, от испытанной сейчас неудачи должен еще более проникнуться желанием всякого вреда местному православному делу и его представителям.

Мистеру Парри желательно доказать теперь, что несторианство в Урмии существует и со дня на день усиливается. Поэтому всякий недовольный епископом священник, а особенно запрещенный в священнослужении за какое-нибудь злохудожество, сейчас же получает через Ушану-хана предложение объявить себя несторианином; предложение сопровождается денежным подарком туманов в 10, и смута в селении готова. Так занесторианил бывший священник из селения Нази по имени Эйваз. Православие Эйваз принял при первом появлении здесь Русской Миссии и, будучи уже православным священником, овдовел. Несмотря на свой преклонный возраст (свыше 60 лет), Эйваз пожелал вступить в новый брак. Не получивши на то разрешения от архимандрита Феофилакта, он возвратил в Миссию священнический крест, отказался от священства и женился. Архимандрит вскоре был отозван, а епископ, видимо, дал какое-то условное разрешение Эйвазу совершать в церкви некоторые богомоленья: ключ от церкви во всяком случае оставался у Эйваза, а привычное для местного духовенства второбрачие никого, видимо, не соблазняло. Ко мне Эйваз являлся с надеждою получить снова признание в сане, но ему объявлена полная безнадежность таких исканий. Тогда Эйваз обратился к Ушане-хану и тем был признан в своем священническом достоинстве и начал пользоваться всею полнотою священнических прав. Посетивший село о. иеромонах разъяснил жителям, что Эйваз не может быть священником и что считающие себя православными не должны иметь с ним молитвенного общения. Тем не менее Эйваз продолжал

заведовать церковью и после этого. При посещении села Нази епископом к нему явились старики сельские с заявлением, что все они хотят быть верными Православию, но Эйваз, забравший церковный ключ и колокол, приобретенный на общественные деньги, нудит их к отречению от Православия. Тогда пришлось и ключ, и колокол отобрать от Эйваза при содействии светских властей. Эйваз был позван в город к серпераста (христианский губернатор), получил приказание возвратить ключ и колокол доверенному от православных, а в пользу серпераста уплатить туман за беспокойство. Дело, как видите, не очень громкое, но оно дало повод интриганам телеграфировать в Тавриз и в Тегеран о притеснениях, которые терпят от нас представители древнего исповедания. Тогда же была сделана попытка со стороны англиканской Миссии изобразить Беджанова в тюремном заключении прикованным цепью за шею к стене. Фотография эта должна была иллюстрировать те мучения, которым подвергаются от персидских властей православные священники, навлекшие на себя неудовольствие Начальника Русской Миссии. Говорят, что попытка эта даже удалась, и я думаю, не без содействия самого серпераста. Один из секретарей нашего Тавризского консульства, поздравляя меня с праздником, писал между прочим следующее: «По-видимому, англиканцы угрозу свою снять с Беджанова фотографию «в тюрьме» и в «цепях» привели в исполнение, но, чем бы дитя ни тешилось, пусть забавляется, Вас это никоим образом беспокоить не может». Я и не беспокоюсь, тем более что к тому времени должна была получиться в консульстве данная Беджановым подписка на персидском языке следующего содержания: «Я, священник Геваргиз Беджанов, из селения Ада, даю это письмо Начальнику Православной Духовной Миссии, как выражение моего искреннего чистосердечного признания, что церковь в селении Ада строилась только для православных христиан, деньги на ее построение давали только православные люди, и самая церковь должна находиться в заведовании и распоряжении православной Духовной Урмийской Миссии. От кого и сколько денег взял я на построение этой церкви и как эти деньги израсходовал, в том обязуюсь дать отчет по первому требованию начальника православной Миссии. Все свое поведение с августа месяца сего года,

когда я восстал против своего законного епископа Мар-Ионана и произвел через то смуту среди православных людей своего селения, я признаю теперь тяжким грехом и прошу епископа и православную Миссию ходатайствовать перед Св. Синодом о прощении мне сего греха. Никакого вмешательства в церковные дела как селения Ада, так и в других селениях я себе отныне не смею дозволить и если бы нарушил это обещание, то должен подвергнуться наказанию по суду как возмутитель народа и его спокойствия. Буду счастлив, если Св. Синод оставит меня священником, но если меня лишат священного сана или запретят в священнослужении, то обязуюсь подчиниться с покорностью суду церковной власти и не осмелюсь совершать священнослужения или называться священником. Поручителем полной искренности всего сейчас здесь написанного от моего имени являются почетные односельчане мои, прилагающие здесь свои подписи. Они же свидетельствуют, что церковь в Ада устроена действительно для православных и должна находиться в заведовании Православной Духовной Миссии. В случае неисполнения мною этого обещания руководители Православной Урмийской Церкви могут просить светские власти о привлечении меня к ответственности и воспрещении мне какого бы то ни было самовольства».

Когда Беджанов давал мне эту подписку, у него совсем уже было устроено дело с Ушан-ханом о признании адинской церкви несторианскою. Мошенники заручились содействием местных властей, рассчитывали на полную безнаказанность и готовили, кажется, себе веселую тему для рассказов о том, как дурачили они начальника Православной Миссии. Несмотря на то, что подписку эту отказался утвердить серпераст, несмотря на то, что через час после составления этой подписки мне был предъявлен текст полученной еще два дня тому назад губернатором телеграммы о признании адинского храма несторианской собственностью, все дело приняло все-таки подобающий оборот: церковь признана нашей, и я имею выданный на этот счет документ от губернатора. Ушана-хан должен будет отправиться в Тавриз и там очень растрясти свой кошелек, а губернатор, как это обещано уже г. консулу, будет смещен по окончании мусульманского года (9 марта). Но сколько все-таки в общем эти

негодяи берут нервного напряжения, просто страсть! В каком направлении движется их интрига сейчас, о том я подробно изложил в своем последнем официальном письме к консулу. Письмо это прилагаю здесь в копии для Вашего прочтения. Там Вы найдете между прочим и направленную против нас католической Миссией газетную статью. Ужасная в общем страна, ужасные люди — совершенно обезверившиеся и изнаглевшие! И если в этом религиозно-нравственном уродстве много природного, национального, то еще больше привитого усилиями иностранных миссионеров. Приемы их деятельности здесь прямо поразительны. Я считаю нужным дать для Вас хотя краткую характеристику этих приемов, чтобы Вам видно было, как шла порча народа и какие, следовательно, задачи предстоят нашей Миссии здесь.

Об англиканской Миссии я отчасти уже писал Вам. Последующие наблюдения только еще больше подтвердили мои первоначальные выводы. В какой степени англизировали миссионеры своих воспитанников, можно судить по тому, что священники, вышедшие из английской школы, совершенно не знают содержания своих богослужебных книг. Между тем на этих книгах, даже в самом строе языка, сильно сказывается греческое влияние. Будь сирийские пастыри внимательны к своей церковной сокровищнице, они гораздо больше сохранили бы способности воспринимать церковные уклады от Восточной Церкви. Но отнявши от воспитанников наследие отцов их, англикане не сказали им, что готовят в лице их деятелей для давно затеянной унии с англиканской Церковью. Коммерческие люди не хотели давать своим воспитанникам даже и повода подумать, что они работать будут в интересах Англии, потому что тогда воспитанники могли потребовать платы за услугу. Предпочитали создать кадры сотрудников, которые являлись бы бессознательными помощниками своих воспитателей, и действительно насадили такого духовенства весьма достаточное количество. Но в душе у этих англичан на сирийской подкладке должен был оказаться совершенный сумбур, разрешившийся почти у всех самым глубоким равнодушием к религиозным интересам. Что бы ни исповедовать, лишь бы только выгодно и удобно было! При наличности такого настроения оказались возможными даже

такие явления, что диакон, отбивши предварительно жену у священника, бежал с родины и принял мусульманство. Что мог получать народ от подобного духовенства, судите сами.

Американские пресвитериане, работающие здесь более 60 лет, сделали для религиозного растления народа сирийского не менее, чем англиканская Миссия. На знамени своем они ставят веру во Св. Троицу как нечто единственно обязательное для спасения и необходимое для получения права на пользование их помощью и покровительством. Поэтому с полною терпимостью оставляли они сирийцам и их богослужение, и обряды, и звание кашей и шамашей за духовенством; один из первых миссионеров сам даже принял поставление в священники от несторианского епископа Мар-Илии: но самым игнорированием своим всех подробностей церковно-религиозного ритуала они приводили народ к мысли о случайности и ненужности ритуальных требований. Детей же, которых брали к себе на полное воспитание, они сумели, конечно, вырастить в желательном направлении. А мало ли за все время своего здесь пребывания успели они воспитать сирийских ребят! Надо видеть так называемую Kal'y, главное сосредоточие всех американско-пресвитерианских учреждений, чтобы представить себе, каким широким влиянием пользуются в народе и какими огромными и денежными, и интеллектуальными силами располагают они для этого.

Усвоивши в школе воззрения, что священство внешне — вещь, совершенно безразличная для спасения, но ценя все-таки некоторые внешние удобства, связанные с званием священника, многие из протестантских воспитанников по выходе из школы начинали домогаться священной степени, нередко с согласия своих воспитателей. А так как право на хиротонию измерялось всего только несколькими рублями, плативши мися епископу, то при обилии епископов, искавших заработка, всегда было можно такой хиротонии удостоиться. Поддержанный затем своими многочисленными сельскими родственниками, такой хиротонисанный пресвитерианец очень скоро получал в свое время какой-нибудь сельский приход. Находясь фактически в подчинении у епископа, он всем своим внутренним настроением служил пресвитерианской Миссии.

И последняя не жалела средств на устройство в таком приходе школы, поручая преподавание там самому священнику, который распевал со своими учениками пресвитерианские гимны не с меньшими охотой и умением, чем и несторианские кярюзуты. Обычно в таком приходе стена к стене с несторианским храмом прилеплялся и молитвенный дом пресвитериан. Здесь наезжавшие по временам миссионеры показывали народу, после произнесения краткой молитвы, туманные картины с подобающими разъяснениями и понемногу приручали к себе народ. Случалось иногда, что у священника происходила размолвка с епископом. Тогда приходской батюшка открыто переходил на сторону пресвитериан и, сохраняя за собой звание каши, становился официальным пресвитерианским проповедником в сельском храме. Невежественный народ считал подобное отступничество только заменою одних покровителей другими, более щедрыми и тароватыми, и не оставлял своего священника-родственника. Стоявшая в общении с несторианскими епископами англиканская Миссия должна было идти на компромиссы и путем уступок и усиленных подачек возвращала непокорного священника к повиновению епископской власти. Раскаявшийся и с епископалов взятку взял, и обыкновенно пользовался этим приемом всегда с достаточным успехом.

Со временем я сочту своим долгом представить в Св. Синод более или менее обстоятельные сведения о сирохалдейском духовенстве[3]; здесь же приведу на выдержку две-три записи из делаемых мною по личным распросам у самих священников и диаконов.

Священник Иосиф Инвиев Ильяев из селения Ангар, 65 лет от роду, учился в продолжение 5 лет в американской Миссии и по окончании образования состоял у американ 4 года евангелистом и 30 лет учителем в школе. Звание пресвитерианского евангелиста не помешало Иосифу получить рукоположение в диаконы от епископа Мар-Гавриила, а полученное 25 лет тому назад поставление во священники от самого Мар-Шумуна не воспрепятствовало занятиям Иосифа в содержимой пресвитерианами школе. Православным сделался священник Иосиф при первом же появлении здесь русских миссионеров.

Священник Юханна из Диза-Такя, 58 лет от роду, учился у американ в селениях Шаматаджиан, Карагаче и др. на жаловании от англиканской Миссии. 27-ми лет отправился в Россию и в селении Куйласар Эриванской губернии принят в лоно Православной Церкви священником Давидом Гургенидзе. Через два года возвращается на родину и принимает рукоположение в диаконы от несторианского епископа Мар-Гавриила, а через 9 лет, за плату в 5 туманов (около 10 руб.), поставляется во священника от епископа Мар-Соришу (ныне православный Мар-Авраам) к церкви селения Диза-Такя и Шаматаджиан. С прибытием русских миссионеров священник Юханна был признан в достоинстве православного пастыря без всякого чина присоединения и в числе первых получил крест, усвоенный русским священникам. Когда начальник Русской Миссии был отсюда отозван, а второй священник селения Диза-Такя, носящий татарское имя Тарвердий, начал обижать священника Юханну, как последнему казалось, с согласия епископа, тогда Юханна передался в сторону Ушаны-хана и дал тому письменное обязательство навсегда остаться несторианином. В настоящее время этот священник Юханна снова принят епископом Мар-Ионаном в общение с Православной Церковью.

Я мог бы исписать целые страницы такими curricula vitae, но во всех их будут варьироваться только подробности, а сущность останется та же, поэтому довольно и двух. По этим примерам Вы можете судить, каков состав духовенства, которому вверена была религиозно-нравственная жизнь якобы несторианской части урмийских сирохалдеев, соединившихся с Православною Русской Церковью.

Остается еще сказать несколько слов о католической Миссии, представляемой здесь орденом лазаристов. Метод привлечения на свою сторону народных симпатий в этой Миссии однороден с приемами остальных Миссий: те же подачки, заступничество перед властями и всякие одолжения. От прозелитов требуется только признание папы главою Церкви, и затем все подробности остаются в церковной жизни сирийцев не тронутыми. Для проведения в сознание сирийцев особенностей католической догмы употреблен такой прием: при печатании богослужебных сирийских книг, со-

держащих изменяемые молитвословия годичного круга, между сирийскими древними восследованиями вставлена нарочито переведенная на древний сирийский язык служба на праздник в честь «Непорочного зачатия», в честь «Тела Христова» и т. п. На местах сельских священников у католиков состоят природные сирийцы, но воспитанные при Миссии. Воспитательный режим очень строгий. Воспитанник в продолжение десяти лет не отпускается из коллегии к своим родным и отшлифовывается в довольно типичного католического ксендза, только не бреющего бороды. Каждый священник сельский получает около 12 рублей месячного жалования и 50 коп. за каждую совершенную мессу. В воспитанниках католической Миссии не видно уже того шатания (неразб.), образец которого представил я выше. Есть, впрочем, в селении Диза священник-католик, который несколько лет тому назад отправился в Россию; принял там Православие у тифлисского протоиерея о. Гургенидзе, обошел со свидетельством о своем Православии Русскую землю, собрав весьма обильную жатву нашими рублями и, возвратившись на родину, как ни в чем не бывало снова стал во главе своего католического прихода. Страсть к наживе заставляет и мирян не отставать от своих пастырей.

Видя, как друг перед другом наперебой хлопочут инославные миссионеры, чтобы приобрести большее число сирийцев в свое исповедание, и постоянно набавляют подачки за принадлежность к такой, а не другой Миссии, халдеи хорошо могли смекнуть выгоду своего положения. Каждый из них стал смотреть на себя как на владельца очень ходкого товара и торговал этим товаром направо и налево. Сегодня он был англиканином, завтра пресвитерианином, через день католиком, в существе же своем — религиозною окаменелостию, которую только по недоразумению признают еще живым организмом. Оживут ли кости сии, то ведомо одному Господу и лежит в руках Его неисчерпаемого милосердия. Я верю, что Господь Русской именно Церкви судил вдохнуть душу живу в эту сирохалдейскую мумию, но поскольку всесовершающая благодать Его действует через людей и до известной степени даже под условием их внутреннего достоинства и усердия, то необходимо предполагать здесь весьма продолжительную и ожесточенную борьбу

с князем мира сего. Я не смею утверждать, что огнь борьбы сей уже возгорелся, но зарево его уже видится. Да изводит же сегодня Господь делателей сильных верою, разумом, терпеливым усердием и любовною покорностию старшим; словом, таких, каким является сейчас иеромонах Сергий.

Я все еще не могу отправить в Св. Синод перевод литургии на сирийский язык, потому что его приходится много раз пересматривать. Чем больше осваивается о. Сергий с языком, тем становится строже к предшествующей работе. Знакомясь с богослужебными книгами, он находит все более подходящие выражения для той или другой мысли, и перевод тогда редактируется заново.

Я писал Вам раньше о той легкости, с какою здесь совершается развод супругов. Теперь у меня есть недоуменный вопрос, на который прошу Вашего авторитетного решения. По здешним селам имеются женщины, у которых мужья ушли с родины свыше пяти лет тому назад и не подают о себе известия. Тут между тем находятся к покинутым женам женихи. Можно ли ограничиться только епископским признанием этих женщин свободными от прежнего брака или необходимо просить разрешения вопроса у Св. Синода?

О епископе особенно много говорить не приходится. Он истинный сын своего народа и с этой точки зрения должен оцениваться. Хитрит он и лжет с тою же наивностью, как и повелевает ему духовенство и управляемый им народ. Иногда приходится очень откровенно говорить с ним на весьма щекотливые темы. Слава Богу, что нам с о. Сергием при этих объяснениях не требуется уже переводчика, соблазну меньше.

Особенно огорчил меня епископ с Беджановским делом. Стоило это дело очень большого нервного напряжения; и вот, когда Беджанов был доведен до необходимости принести письменное покаяние, епископ с заднего крыльца засылает к нему требование: прежде отчета перед Миссией внести епископу 100 рублей из собранных в России денег. На сделанное мною потом представление епископу о неуместности подобного требования он оправдывался своим желанием помочь той женщине, муж которой был дан Беджанову в спутники, но был брошен им последним в Тифлисе. У этой женщины, между прочим, епископ снимает свое городское помещение, так

что желание помочь вызывалось просто необходимостью расплачиваться за квартиру. И это делается после того, как только получил милостынную дачу сразу за 2 года (2 тыс. руб.). Не чисто обстоит дело и с собиранием рэшиты. Как ни уверяет епископ в своем бескорыстии, но рэшиту он берет. По совершении епископом последней поездки по селам я мог ему при первом же свидании сообщить сведения, сколько взял он в некоторых из сел. Отказываться не приходилось, и на сцену выступили опять бедные. Владыка говорил, что, взявши у богатых, он раздал полученное беднякам. Я советовал ему на будущее время, ввиду происходящих нареканий, не брать денег ни от кого лично, а просто указывать богачам тех бедняков, которым они должны помочь. При новом посещении села можно проверить, исполнен ли долг милосердия, и тогда можно будет или хвалить или усовещивать пасомых, но в карман к ним самому все-таки не лазить.

Здесь держится упорный слух о скором прибытии архимандрита Ильи на родину. Благоволите помешать этому делу. Архимандрит состоит уже, кажется, русским подданным, и потому его можно не пустить из России. Я мечтаю как о большом празднике о наступлении того дня, когда мог бы проводить Мар-Авраама отсюда в Россию. Старик очень желает этого, но Экзарх Грузии не благоизволяет принять такого гостя. Не найдется ли, Владыко, места для Мар-Авраама в каком-нибудь монастыре Петербургской епархии или другой?

Своему сирийцу о. Бадалову я предложил проситься в какой-нибудь айсорский приход Грузинского экзархата, но он не желает. Тогда я признался Бадалову, что не могу держать его при Миссии и обещал ему в скором времени четырехмесячный отпуск с тем, чтобы он из этого отпуска уже не возвращался сюда больше.

Вынуждает меня к этому совершенная непригодность Бадалова к тому делу, на которое он предназначался. Вот, например, факт из недавнего прошлого. Несмотря на настойчивые требования с моей стороны, чтобы служба в селениях правилась командируемыми от Миссии лицами непременно на сирийском языке, о. Бадалов 19 января, отправляясь для совершения литургии в село Диза, «забывает» дома сирийский служебник, но не забывает взять с собой церков-

нославянский и по нему правит службу. Он не ожидал, что начальник Миссии, совершавший раннюю литургию в городской церкви, пожелает отслушать литургию и в Дизинском храме. Из желания блеснуть перед земляками своим обрусением, он решил пренебречь настоятельным требованием начальника Миссии. Поэтому и должен будет убраться отсюда. Я всякий раз отнимаю у Вас, Владыко, много времени своими письмами, но никак не могу укоротить их. Простите. Благословите меня и сотрудников.

Вашего Высокопреосвященства покорнейший послушник, архимандрит грешный Кирилл.

P. S. 3 февраля. Сегодня получено доброе письмо Ваше от 29 декабря. Искренно благодарю Вас за привет и ободрение. Если о. Павел не будет назначен, изберите сами другого.

(ЦГИА, ф. 834, д. 938, л. 32-41об.)

ПИСЬМО МИТРОПОЛИТУ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМУ И ЛАДОЖСКОМУ АНТОНИЮ (ВАДКОВСКОМУ)

Урмия, 20 апреля 1903 года

Ваше Высокопреосвященство, милостивейший Архипастырь!

С чувством искренней радости прочитал я указ Св. Синода о предоставлении начальнику Урмийской Миссии права обращаться со своими донесениями и представлениями к Вашему Высокопреосвященству и не престаю молить Господа управить дела здешние так, чтобы донесения мои могли явиться для Вас источником радости и утешения. До сих пор этого не было: к каждой доброй вести мне приходилось прибавлять десяток печальных подробностей. То же придется сделать и в настоящий раз. С внешней стороны дела наши обстоят, пожалуй, лучше несколько сравнительно с тем, как приходилось мне изображать их в прошлом письме, но внутренняя сущность положения оттого нисколько не изменилась к лучшему, скорее даже — наоборот. Беспокойства и неприятности, чинившиеся местной Православной Церкви извне во все предшествующее

полугодие, до известной степени сдерживали слишком резкие обнаружения многих непривлекательных сторон в правах и обычаях главных представителей местной Православной Церкви. Теперь же настало некоторое успокоение: Ушана-хан около двух месяцев уже пребывает в Тавризе и не знает, скоро ли его оттуда отпустят; мистер Парри и весь состав англиканской Миссии после двадцатого марта отбыли в Кутчанис, так как смерть Мар-Шимуна, случившаяся 22-го числа прошлого месяца, грозит возникновением больших смут в пастве покойного патриарха сирийцев из-за престолонаследия. Таким образом, мы оставлены на некоторое время в покое. И этим затишьем епископ Мар-Ионан не преминул воспользоваться, чтобы заняться своими семейными делами. Родни у абуны многое множество, я даже сосчитать не сумею всех сестер, племянников и племянниц Его Преосвященства, и почти всякий раз, при поездках в Супурганский округ, нахожу все новых и новых представителей рода Марогуловых. Все они в большей или меньшей степени пользуются покровительством епископа, или по крайней мере, считают себя вправе надеяться на такое покровительство. Положим, какая-нибудь сноха абуны завела крупную ссору с католическим священником и не пропускает воду на принадлежащий последнему луг. Обиженный идет с жалобой к Мар-Ионану, но тот, своеобразно понимая родственные свои обязанности, сам принимает участие в возникшем споре и, припоминая жалобщику обиды, причиненные тем давно уже умершему брату епископа, объявляет, что и на будущее время никогда не даст воды для орошения луга священника-католика. Неудовольствие растет что дальше, то больше, и дело может поступить в светский суд. Я просил владыку как-нибудь уладить этот спор, так как рабу Господа не должно ссориться (2 Тим. 2, 24), но не знаю, действительно ли примирился он с обиженным священником или просто припугнул того чем-нибудь, только вторичной жалобы по этому поводу не поступало ко мне. Зато поступила жалоба от другого священника супурганского, на этот раз — православного. Священник этот только в феврале месяце рукоположен в священный сан, и сам Мар-Ионан указал его как достойнейшего кандидата, но многочисленные племянники епископа посмотрели на это поставление как на нарушение их прав. Супурганский при-

ход много лет уже находился в ведении рода Марогуловых, и епископу, видимо, пришлось подвергнуться усиленным укоризнам со стороны родственников. Один из них носит сан диакона и является душою недовольных. Этот малограмотный, но весьма злобный диакон выразил прежде всего протест свой тем, что забрал к себе все церковные вещи на дом, считая их личною собственностию своего рода, а потом при свидании со мною на предложенный ему вопрос о причинах непосещения им церкви отвечал, что от такого нарушения его прав, какое ему приходится теперь испытать, он не только не считает для себя возможным посещать сельскую свою церковь, но и православным-то быть затрудняется. Я просил епископа вразумить своего сродника и водворить порядок в церковной жизни Супургана. Мне было дано обещание умиротворить недовольных, но путь к умиротворению, как потом оказалось, был избран далеко не симпатичный. Абуна написал письмо к представителям супурганского прихода и, не говоря нам ни слова, поручил соседнему к Супургану священнику из селения Мушава собрать супурганских прихожан и прочитать им, в присутствии священника, епископское послание. К немалому смущению новопоставленного иерея и его паствы, они должны были выслушать выражения епископского неудовольствия на молодого пастыря за его немиролюбие и другие нравственные слабости (священник этот — лучший представитель сирийского духовенства). Меня в это время не было уже в Урмии, я находился в Тавризе, и очень был смущен, когда по возвращении домой выслушал от о. иеромонаха эту новость. Я нашел нужным сделать епископу представление о крайней неуместности подобной выходки. Во-первых, владыка хорошо знал, что тех пороков, в которых он обвинял супурганского священника, за обвиняемым на самом деле не водится, и епископу следовало бы поберечь свое достоинство и не заниматься разглашением бабьих басен. Во-вторых, священник этот был водворен в приход при особенном участии Православной Миссии и пользуется ее нарочитым попечением, что не составляет, конечно, тайны для его прихожан.

Прежде рукоположения во священники он два месяца провел при Миссии в сане диакона для обучения богослужению, по рукоположении был введен в приход о. иеромонахом 18 февраля сего

года, причем о. иеромонах указывал на необходимость доброго послушания со стороны прихожан к своему пастырю. С тех пор неоднократно для сослужения священнику Иосифу командировался в Супурган по праздникам диакон от Миссии, и священник этот признан в такой степени надежным, что ему на Страстной неделе выдан даже антиминс (доверие, оказанное Миссией пока еще первому из всех сельских иереев). Что должны теперь думать супурганцы о Православной Миссии и ее положении при епископе, когда они выслушали епископское порицание пастырю, которого Миссия видимо выделяет перед всеми другими как достойнейшего? Обещал епископ, что ничего подобного вторично не случится, но сдержит ли он свое обещание, за то никак не поручишься. Обещал он мне давно уже не разрешать явно беззаконных браков и между тем дал недавно очень соблазнительное разрешение, соблазнительное тем более, что месяц тому назад он с решительностью утверждал полную невозможность этого брака. В селении Дигяла осенью прошлого года вернулся из России сириец N, писанный православным, и не пожелал принять к себе свою жену, которую несколько лет тому назад отбил от живого мужа. Обиженная женщина обратилась к защите епископа, тогда N передался к партии Ушаны-хана и оттуда получил разрешение на новый брак; он высватал уже себе и невесту, но так как она оказалась православною, то ей вовремя было освещено подобающим образом поведение ее нареченного, и брак не состоялся. Тогда этот многоженец изменяет тактику. Он приносит епископу покаяние в своем отступничестве от Православия, дает подписку (кстати сказать, ничего не значащую) пребывать всегда верным сыном Церкви и представляет свидетелей, что в его отсутствие жена его вела себя нецеломудренно. Все эти формально-юридические манипуляции, по словам обиженной женщины, сопровождались и некоторым денежным приношением. Упоминаю об этой подробности только для полноты изложения, но сам я хотел бы верить епископскому утверждению, что такого приношения не было. Во всяком случае брак признан расторгнутым и N вступил в новое супружество в прошедшее Фомино воскресенье. Нам все эти подробности становятся известными, конечно, не через епископа, и к сожалению, в настоящем, например, случае пришлось

иметь дело с совершившимся уже фактом, так что поправить дело оказалось невозможным. Я много беседовал по этому поводу с епископом, снова получил обещания, что в будущем мне не придется огорчаться подобными фактами, но с другой стороны вряд ли можно ожидать скорого уничтожения всех этих аномалий. Слишком глубоко въелось в народные привычки это легкомысленное отношение к брачным обязательствам. Надоели супруги друг другу, приглянулась другая женщина, и мотивы для развода налицо. У епископа же и духовенства не хватает нравственной силы и влияния настолько, чтобы противостать этой разнузданности в семейных отношениях. Спасая призрачную свою власть и влияние на паству, они вынуждены потакать этим дурным народным обычаям, но с другой стороны и собственное их нравственное чутье едва ли возвышается над общим уровнем нравственных понятий всего народа. Для них подчас представляется просто невосприемлемой наша точка зрения на дело. Делая иногда попытки быть послушными требованиям православной практики, они сейчас же падают духом перед угрозой просителей изменить христианству и принять ислам. Сколько бы ни разъясняли Вы, что прибегающий к подобным угрозам едва ли может считаться христианином, и что для формального только сбережения его в христианстве не следует освящать Христовым именем его чисто мусульманских склонностей: Вас никогда не поймут, так как в деле играют главную роль мотивы совершенно из другой области. Переход в мусульманство одного из членов известной семьи дает ему, по государственным законам, исключительные права на родовое имущество, и он получает возможность пустить по миру всех своих родственников, оставшихся в христианстве. Вот почему оказывает такое устрашающее впечатление угроза чья бы то ни было перейти в ислам. Все родственники беззастенчивого просителя будут ходатайствовать о разрешении ему нового брака, лишь бы только отвратить от себя опасность возможного разорения. Поэтому не всегда можно в подобных делах слишком строго судить духовенство, но дурно во всяком случае то, что раз вынужденная уступка явилась дурным прецедентом и в конце концов создала определенную практику. Бороться с этой практикой необходимо, хотя бы и пришлось от того встретиться

с возможностью весьма решительных удалений негодных членов Церкви. Но без указаний от Вас я не осмеливаюсь настаивать на применении здесь действующей в России практики о разводе. Я уже просил указаний Ваших относительно жен, покинутых мужьями, теперь позволяю себе и еще раз повторить ту же просьбу, так как случаев таких здесь слишком много, чтобы на них можно было не обращать внимания. Думая, что новое применение здесь нашей русской практики едва ли окажется возможным в скором времени. Может быть, полезно было бы сохранить пока существующую практику епископского решения бракоразводных дел, но подтвердить Мар-Ионану хотя бы письмом на его имя от Вашего Высокопреосвященства, что ни одно из таких решений не должно составляться без согласия начальника Православной Миссии. Тогда, быть может, удастся уберечь епископа от слишком снисходительного отношения к ищущим развода супругам.

С благословения Вашего совершал поездку в Тавриз, где провел Страстную седмицу и первые два дня Светлого праздника. При консульстве внутри двора имеется церковь, построенная отдельным зданием в 1864 году во имя св. Тихона Задонского вместо прежде существовавшей с 1853 г. в одном из флигелей консульского (тогда еще посольского) дома церкви во имя св. Николая Чудотворца. Антиминс сохранен первоначально данный для церкви св. Николая Чудотворца, и освящен он в 1853 году Высокопреосвященнейшим Исидором, тогда Экзархом Грузии. Церковь очень небольшая, но обставленная весьма прилично и снабженная всем необходимым, даже печать для просфор имеется.

В прежние годы для служения в этой церкви вызывался священник из Александрополя через трехгодичные промежутки времени, и на это затрачивалось 550 с чем-то рублей. С учреждением в Урмии нашей Миссии, в один из первых годов ее существования, с этой целью посещал Тавриз архимандрит Феофилакт, ездивший туда даже вместе с епископом и со всем наличным составом Миссии. Но скоро отношения консульства к Миссии изменились, и поездки в Тавриз с богослужебно-совершительными целями больше не повторялись до нынешнего года. Между тем колония русская в Тавризе все возрастала понемногу, и в настоящий приезд туда мне при-

шлось исповедовать около 25 человек. В недалеком будущем число это учетверится, потому что в Тавризе сосредоточится управление вновь устрояющейся дороги от Джульфы на Казвин. С одною партией инженеров я уже познакомился в эту свою поездку и знаю от них, что многие из их среды осядут в Тавризе вместе со своими семьями. В большинстве все это люди православные, и оставлять их без внимания в религиозном отношении нельзя. Поэтому я с полным сочувствием встретил намерение г. консула ходатайствовать перед Министерством иностранных дел об ассигновании некоторой суммы, в дополнение к прежде затрачивавшейся на это дело, для ежегодного приглашения священнослужителей на Страстную седмицу и Пасху в консульскую церковь. При этом г. консул выразил пожелание, чтобы священнослужители являлись именно из Урмийской Миссии.

Так как для Миссии всегда полезно поддерживать близкие отношения с консульством, то это желание г. консула можно только приветствовать, и я обещал г. консулу со своей стороны доложить об этом Вашему Высокопреосвященству и испросить разрешения Вашего, или вернее, приказания — принять как непременную обязанность для себя попечение о религиозных нуждах русской православной колонии в Тавризе. Для того, чтобы путешествия в Тавриз не ложились бременем на денежные средства Миссии, мы условились с г. консулом, чтобы за каждую поездку из Урмии в Тавриз священника с диаконом уплачивалось 275 рублей русскими деньгами. Г. консул вносит эти деньги в Тавризское отделение Учетно-Ссудного банка Персии, уведомляет о том начальника Миссии и просит командировать священнослужителей. Никаких денежных предложений поручно командированным лицам не должно делаться; они только пользуются гостеприимством в консульстве. Я особенно настаиваю на таком именно порядке денежного расчета, чтобы предохранить служащих в Миссии от возникновения каких бы то ни было недоразумений друг с другом. Поездки в Тавриз должны оставаться для них таким же служебным делом, как и поездки по селам Урмии.

В настоящий раз я ездил в Тавриз в сопровождении диакона Тихонова и послушника Гулина на своих верховых лошадях, и потому

от полученных 275 рублей осталась еще некоторая сумма за покрытием путевых издержек; но при другом способе путешествия (экипаж или наемные верховые лошади) денег этих должно хватать на дорогу.

Выехали мы из Урмии 25 марта после литургии. Прежде отъезда я отслужил молебствие на месте наших будущих построек, и 26-го числа там начали копать рвы для фундамента. Таким образом, с Божией помощью начали мы здесь свои строительные дела. О. Сергий очень устал, конечно, за время моего отсутствия управляться со всеми делами, но тем не менее управился вполне хорошо. Много хлопот потребовалось, чтобы устроить службу на Пасху во всех по возможности церквах по нашему чину. С особенным напряжением пришлось работать над печатанием Пасхальной службы; тем не менее она была готова к Лазаревой субботе и разослана по селениям с соответствующими наставлениями. Были, конечно, кое-где и курьезы с этим делом, но в общем все-таки устроилось все благополучно. Не имея еще красных чернил для типографии, мы всю уставную часть службы напечатали в полстроки, а песнопения во всю строку. При малой грамотности некоторых священников возможны были случаи, что во время службы пелись не только песнопения, но и уставные замечания; так по крайней мере готов был пользоваться данным ему текстом сам Мар-Ионан, несмотря на предварительные разъяснения, сделанные ему о. иеромонахом. Да, не очень грамотен в церковном отношении наш абуна, а Мар-Авраам и еще слабее. О. иеромонах устроил все-таки и того в Пасху к совместному с Мар-Ионаном служению литургии, чем доставил старцу самое полное удовлетворение, но сам за то должен был очень измучиться, водя за руку разом двух архиереев. Несмотря на неизбежные в этих случаях замешательства, служба церковная в Пасху в Урмии, по отзыву о. иеромонаха, произвела очень сильное впечатление своею торжественностью. Храм был полон народом, несмотря на необычное полунощное время богослужения.

Перед самым праздником не обошлось дело без некоторой неприятности. Давно уже отрекшийся от Православия бывший священник селения Джиниза, по имени Бадал, изгнал из джинизинской церкви присланного от Миссии для служения в последние дни Страстной седмицы и в Пасху священника Авдия. О. иеромонах об-

ратился к серпераст у за содействием и телеграфировал мне в Тавриз. Серпераст усмирил Бадала, а я по этому поводу имел честь представляться вместе с г. консулом наследнику персидского престола и теперь ожидаю прибытия сюда правительственного чиновника, который должен будет совместно со мною или с о. иеромонахом объехать все селения, опросить жителей о их вероисповедании и решить вопрос о том, кому принадлежат сельские церкви, прежде числившиеся за несторианами. Не знаю, удастся ли этим путем покончить с докучливым вопросом о церквах, или он еще долго не будет давать нам покоя, но во всяком случае это будет и некоторым действованием. Боюсь только чудовищной продажности персидских чиновников, способных за деньги сделать все, что угодно. Консул возлагает большие надежды на этого чиновника. Поживем, увидим.

С возвращением моим из Тавриза работы на миссийском месте можно считать начатыми вполне. Прежде всего сложили два больших сарая для материалов, теперь заканчиваем фундамент под ограду и окончательно приготовляем рвы для фундамента под дом. Кладку фундамента начнем после 1 мая, так как это срок для поставщиков камня. Когда выведем цоколь и произведем закладку здания, думаю послать об этом телеграмму Его Высокопревосходительству г. обер-прокурору с просьбой доложить о том Державной хозяйке нашего участка Государыне Императрице Марии Феодоровне. Если Вы найдете такую затею неуместной, то благоволите воспретить ее мне телеграммой. До 15 мая, думаю я, закладка не состоится. Немного тревожит меня молчание Хозяйственного управления о кредите. Может быть, там ждут представления смет и планов, но я не могу сейчас этого сделать, потому что снимать копии с тех чертежей, какие мне, с Божией помощью, удалось изготовить, совсем не имею возможности; а смету не могу посылать, потому что не сдал еще окончательно плотничных работ и совсем не сдавал малярных. Здесь ведь все мастера, но поверить им можно только в том случае, если они при нас сделают то, что сделать берутся. С поставкой материалов то же горе. Каменщики, подрядившиеся поставить камень для фундамента, не выполнят своего подряда. Хорошо еще, что мы вовремя обратились к содействию мусульман и те на своих маленьких осликах натащили камню весьма изрядное

количество. В этом отношении мусульмане оказались исправнее здешних христиан. Впрочем, и среди них не обошлось без неприятностей. Подрядчик на поставку жженного кирпича вдруг отказался от принятых обязательств, так как базарная цена кирпича теперь на два рубля дороже, чем он сторговался с нами. Пришлось обратиться к содействию властей, и поставка началась. Вытребовать свое мы, конечно, вытребуем, но задержать нам работы он все-таки может. Очень волнует меня эта постройка. Помолитесь, Владыка, чтобы помог нам Господь совершить это дело. Если судит Бог довести его до конца и живы будем, то заранее прошу Вашего благословения отчет о работах и представление о дальнейших нуждах Миссии сделать в Петербурге лично, для чего надо будет дать мне отсюда отпуск месяца на три.

Прилагаемая фотография снята во время молебствия на месте работ 25 марта. Молебный столик поставлен как раз в центре будущего дома.

Позволяю также себе представить Вам один экземпляр Пасхальной службы, переведенный и отпечатанный при нашей Миссии, и 20 экземпляров Символа веры на сирийском древнем языке. В Петербургской семинарии и училище духовном есть ученики сирийцы; быть может, Вы найдете нужным раздать им эти экземпляры Символа веры. В настоящую пору в типографии набирается для печати переведенное на новосирийский язык Деяние Св. Синода о предстоящем открытии мощей преподобного отца Серафима. Деяние это напечатаем в значительном количестве экземпляров для раздачи народу по церквам.

Ждем теперь прибытия нового сотрудника — о. Серафима. Я писал уже о нем г. эриванскому губернатору и нахичеванскому уездному начальнику. Консул тоже сделал соответственные распоряжения своему агенту в Джульфе.

Бадалов еще здесь, но уволить его из Миссии все-таки будет необходимо, чтобы не нажить неприятностей.

Прося Архипастырского благословения Вашего себе и сотрудникам, честь имею быть *Вашего Высокопреосвященства покорнейший послушник, архимандрит грешный Кирилл.*

Урмия, 20 апреля 1903 г.

(ЦГИА, ф. 834, д. 938, л. 42—49об.)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В этом сказываются удивительный такт, дипломатичность и пастырская чуткость архимандрита Кирилла, который своим — до этого священническим, затем миссионерским, а позднее и архипастырским служением неизменно следовал евангельской истине: «Буква мертвит, дух животворит». В служении в духе любви и истины, а не в казуистически-буквалистском следовании канонам видел пастырь свой наипервейший долг; и это отличало архимандрита, а затем и владыку Кирилла от многих выдающихся церковных деятелей XX века, не всегда умевших избрать тот «царский путь», каким неизменно следовал в течение всей своей жизни священномученик Кирилл.

[2] Непотизм — (от лат. nepos, nepotis — внук, потомок) — замещение должностей по протекции родственников, «кумовство».

[3] Это обещание архимандрит Кирилл вскоре выполнит, представив отчет «Урмийская Православная Духовная Миссия с сентября месяца 1902 года по август месяц 1903 года».

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

ЗАПИСКА АРХИМАНДРИТА КИРИЛЛА

ПО ВОПРОСУ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ УРМИЙСКИХ ХРАМОВ ПРАВОСЛАВНОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ

Вопрос о передаче храмов Урмийского округа, а также всего церковного имущества от православных к несторианам мог возникнуть и выступить перед вниманием шахского правительства только в силу недоразумения, основывающегося на малой осведомленности Правительства Его Величества Шаха с историей воссоединения с Православной Церковью бывших несториан Урмийского округа и с положением в этом округе церковного дела в настоящее время.

Православная Русская Церковь нашла возможным послать свою Миссию в Урмию лишь после того, как убедилась в действительном желании всех проживающих в Урмии несториан воссоединиться с Православной Восточной Церковью. Убеждение это основывается на просьбе несториан, писанной как на сирийском, так и на официальном персидском языке, засвидетельствованной подписями епископа и сорока двух лиц, выступавших в качестве народных представителей, и таким образом ручавшихся за всю без исключения массу исповедовавших несторианство сирийцев.

Отправленная по силе этого прошения Миссия из священников Синадского и Алаверанова проверила на месте правдивость показаний, сделанных народными представителями в вышеупомянутом

прошении. И само Духовное правление всей Урмийской епархии, при засвидетельствовании благодарности Св. Синоду за присылку священников Синадского и Алаверанова, нашло для себя возможным с полною категоричностью утверждать, что все без исключения урмийцы желают воссоединиться с Православной Церковью. Документы эти переданы в настоящее время из Святейшего Синода в Министерство иностранных дел для снятия копий; они подписаны, между прочим, теми людьми, которые возбуждают теперь вопрос перед персидским правительством о возвращении церквей тем несторианам, которые, по их же собственному утверждению, все без исключения выразили уже в свое время отказ от несторианства и пожелали стать православными, чего и удостоились по благодати Божией от Русской Церкви. Только на этой всеобщности желания несториан и основывалось учреждение в Урмии постоянной православной Миссии, которая пошла в Урмию не для обращения несториан в Православие, а лишь для научения православной вере уже принявших таковую прежде несторианствовавших урмийцев. Никакого вопроса о несторианских храмах и о праве владения ими не могло в то время возникать, т. к. при общем переходе несториан в Православие храмы несторианские само собою стали храмами православными, и в них начало отправляться богослужение теми же местными священниками, которые и прежде совершали там службу Божию. Время от времени храмы посещались начальником Миссии архимандритом Феофилактом; в них совершалась служба в его именно присутствии, а иногда и лично самим архимандритом, и это служило для всех видимым выражением всеобщего перехода несториан Урмийского округа в православную веру. Ни от кого не поступало тогда жалоб к персидскому правительству на такой порядок дела, хотя лица, вчиняющие теперь этот вопрос перед персидскими властями, находились тогда в Урмии налицо. Они молчали, несомненно, потому, что сами считали этот порядок естественным и законным. Иначе они не могли и смотреть. Один из них, ныне объявляющий себя несторианином, именно каша (священник) Ушана, состоял в то время православным священником в самом городе Урмия. Он далеко еще до появления здесь Русской Православной Миссии уже принял Православие в Тифлисе

(документы, касающиеся священника Ушаны, представлены в свое время в Св. Синод протоиереем Восторговым).

Другой из таких лиц, ныне главный ходатай об отобрании храмов от православных, есть не иной кто, как Хаким Ушана-хан, свидетельствовавший, в качестве председателя Духовного Урмийского правления, пред Св. Синодом собственною подписью о всеобщем переходе урмийских несториан в Православие.

Третий шамаша (диакон) Геваргиз был автором и переписчиком (по крайней мере персидского текста) того прошения, которое подано было Св. Синоду от имени всех несториан Урмийской епархии об их желании стать православными.

Сын его Давид, по прозванию Малек, слушал в это время лекции в Петербургской Духовной академии.

Из лиц, ныне приносящих жалобы на православных, якобы отобравших в свою пользу несторианские храмы, отсутствовали из Урмии только каша (священник) Гцвра из селения Гюйтапа и каша Пира из села Вазирава. Возвратившись в Урмию из своего путешествия по Германии и уже принявшие там протестантство, каши Гцвра и Пира сейчас же заявили о своей непричастности к тому акту воссоединения несториан с Православной Церковью, который совершился в их отсутствие в 1898 году. Они сообразили возможность воспользоваться этим актом в целях приобретения молитвенного дома для протестантского исповедания, ставшего теперь для них своим. Объявивши себя несторианами, они потребовали предоставление в их пользование считавшихся уже православными как гюйтапинского, так и вазиравского храмов. Персидское правительство, не имеющее, конечно, побуждений разбирать вопросы вероучительного характера, а тем более вникать в отличительные особенности христианских сект, решило поднять вопрос по единственно доступной ему формальной справедливости и предписало передать гюйтапинскую и вазиравскую церкви священникам Гцвре и Пире, как последователям древнего исповедания назореев (так звали всех несториан в Персии). Тавризский Генеральный консул г. Петров, имевший возможность разъяснить тогда персидским властям, что под именем несториан воспользовались их покровительством совершенно чуждые древнему исповеданию протестантские проповедники, не пожелал исполнить этого своего

долга перед Православной Церковью и Русской Православной Миссией, порекомендовавши последней совершенное по этому делу молчание из опасения возбудить против себя неудовольствие персидских вельмож. Отнятые от православных для передачи якобы несторианам церкви были сейчас же переделаны внутри по образцу протестантских молитвенных домов и в таком виде продолжают служить до сих пор нуждам сирийцев, принявших германский протестантизм.

Этот успех протестантов, под флагом несторианства отнявших от своих православных односельчан принадлежавший им храм, возбудил смелость и в некоторых других лицах, принявших уже Православие, но увидевших перед собою необходимость почему-либо отречься от этого общения. Так, каша Аблахат из села Ардишай, заявивший раньше о своей преданности Православию, решил от него отказаться потому только, что ему было указано начальником Православной Миссии на некую нравственную неловкость для православного священника иметь жену протестантку. Объявивши себя несторианином, он удержал в своем заведовании древний храм Ардишайского села.

Православная Миссия, побуждаемая постоянными консульскими внушениями к возможно меньшему о себе напоминанию пред персидскими властями, обошла этот, по существу дела, незаконный факт совершенным молчанием, утешившись тем обстоятельством, что в селении Ардишай остался еще храм, только что тогда отстроенный и по своим размерам вполне достаточный для православных ардишайцев. После того в продолжение почти трех лет вопроса о храмах Урмийской епархии не поднималось, и Православная Миссия числила только эти три храма находившимися вне ее владения и принадлежавшими, под знаменем несторианства, лицам неизвестного вероисповедания.

Но чем дальше шло время, тем естественнее было ожидать, что некоторые из вступивших в общение с Православной Церковью станут почему-либо тяготиться этим общением, что найдутся люди, которые прямо пожалеют о совершившемся акте воссоединения с Православием, так как воссоединение это не принесло им тех выгод, ради которых они хлопотали. Все они совершенно естественно должны были заявить возникшее у них недовольство Православием

не иначе, как под знаменем и во имя древнего несторианства, потому что несторианство только и было известно правительству как действительная религия его христианских подданных. Так, каша Бадал из села Джиниса (?), оженившись вторым браком, вопреки канонам Православной Церкви, естественно не мог оставаться православным священником и потому объявил себя несторианином. По тем же причинам оказался среди несториан и бывший православный священник селения Нази престарелый Эйваз. Они оба пожелали признать храмы своих селений несторианскими, но ввиду жалобы прихожан этих храмов на незаконность притязаний этих бывших иереев, им было указано на такую незаконность самим серперастом урмийских христиан, и претенденты до времени умолкли. Но сочувствующими этим людям оказались некоторые из главных руководителей дела воссоединения несториан с Православной Русской Церковью. Все это были люди, преследовавшие не цели религиозной правды, а виды корысти и расчета, узко-националистической политики. Убедившись за пятилетний период существования Православной Миссии, что она не преследует никаких целей, кроме чисто духовных, Ушана-хан, шамаша Геваркул, сын его Давид Малек и некоторые другие должны были выступить на борьбу с Православной Миссией с тем большей энергией, чем меньше оправдало их надежды русское Православие. Для успеха дела им прежде всего казалось необходимым отнять от совершившегося в 1898 году воссоединения несториан с Православной Церковью значение общенародного дела и признания несторианства существующим еще в пределах Урмийского округа, и потому, вопреки прежним своим официальным заявлениям в Российский Св. Синод, они стали утверждать, что несторианство по-прежнему остается в Урмии. Заявление это вызвало недоумение даже среди инославных миссионеров. Чтобы симулировать существование несторианства, смутьяны озаботились расплодить в Урмии как можно большее число несторианствующего духовенства, записавши в его ряды протестантов Гцвру, Пиру, Аблахата, двоеженцев Бадала и Эйваза, подкупивши потом снова раскаявшихся православных кашей Юханну из Диза-Такя и Гавриила из Мар-Саргиза, они деятельно занялись поставлением по несторианскому чину новых священников и диаконов, вербуя их из числа лиц хотя бы и православных, но по-

чему-либо своим православным состоянием недовольных. Первым из таких ставленников оказался родной брат проживающего в Петербурге сирийского православного архимандрита Илии. Считая род свой обиженным тем обстоятельством, что Православная Русская Церковь признала Мар-Ионана епископом Урмийским якобы в нарушение прямых прав архимандрита Илии, этот недовольный Православной Церковью и вероломный сын принял поставление во священники от одного из Курдистанских несторианских епископов Мар-Юханны. Так как после этого поставления он был признан в качестве священника жителями своего родного селения Армудагач, то Православная Миссия стала считать и церковь этого села не подлежащею ее попечениям, и прекратила в Армудагач свои поездки, хотя прежде все село это числилось православным. Вслед за этим случаем, в котором видно все-таки участие народной воли, начинается появление новых несторианских священников уже без всякого участия со стороны народа, а лишь исключительно по проискам только нескольких вышеупомянутых интригующих против Православия лиц.

Ушана-хан со своими клевретами в этих видах воспользовались беглым из Турецких пределов и состоящим на жаловании у англиканской Миссии несторианским епископом Мар-Данхой. В квартире Ушаны-хана этот епископ, как истый вор, из-под полы торгующий благодатию, поставил первоначально священника и диакона для православной церкви в селении Караджалу. Пользуясь поддержкой сельского помещика-татарина, эти священнослужители предъявили было права на владение караджалинским православным храмом, но, слава Богу, не успели в таких своих покушениях. Через неделю после того, забравшись в православную церковь селения Алвач, Мар-Дынха совершил там хиротонию в несторианского диакона над некиим Рувимом (родной брат повара и доверенного человека мистера Парри), который в свое время был писан в число православных жителей селения Дигяла. Такой дерзкий набег на православный храм был рассчитан, конечно, на то, что Православная Миссия поднимет шум и через то сама заявит перед персидскими властями о существовании в Урмии не только несториан, но и несторианского духовенства, даже с епископом во главе. Но Миссия от шума этого воздержалась, ограничившись только передачей

церковных ключей в Алваче более надежному сторожу. Последними ставленниками того же епископа Мар-Дынхи явились в самое недавнее уже время два сына умершего православного священника в селении Супурган, родные племянники епископа Мар-Ионана. Оба они были православными, старший из них, по имени Симон, носил уже сан православного диакона, удостоившись хиротонии от дяди своего Мар-Ионана. В качестве православного диакона он не один раз побывал в России, откуда вынес достаточное количество церковных облачений, утвари, а также денег. Обиженный теперь тем, что к церкви Супургана, где священствовал много лет его отец, поставлен новый священник, образованный, но не родной ему Иосиф, этот полуграмотный диакон Симон счел не противным совести искать священнической хиротонии от несторианского епископа Мар-Дынхи, и не только получил эту хиротонию, но склонил и меньшего своего брата к принятию от того же епископа посвящения в диаконы. Нося теперь сан священника и имея диакона в лице своего брата, этот Симон, обиженный в своих непотических правах, рассчитывает под знаменем несторианства восстановить свою якобы поруганную честь и при помощи Ушаны-хана отобрать от супурганского священника Иосифа и от его православной паствы супурганскую церковь Мар-Геваргиза.

Таков контингент лиц, ради которых Правительство Его Величества шаха издало теперь указ об отобрании церквей у православных и о передаче их несторианам. Видимо, что в настоящем случае шахское правительство, озабочиваясь интересами и благом своих подданных, дозволило обмануть себя небольшой кучке интриганов в прямое нарушение прав и действительного благополучия его подданных. А запрещая кому бы то ни было вмешиваться в их духовные дела, тем самым ставит себя в невозможность даже узнать когда-нибудь правду. И если такое положение вполне удовлетворяет Правительство Его Величества шаха, то едва ли возникающее отсюда весьма плачевное положение православных сирийцев может удовлетворить Православную Россию, Церковь которой приняла этих сирийцев в общение с собою и под свое покровительство не без ведома, конечно, Его Величества шаха.

Шах должен непременно узнать, что Православная Русская Миссия не претендует ни на какие несторианские храмы, т. к. их не

существует в Урмии; но просит от персидского правительства только того, чтобы храмы, считавшиеся с 1898 года православными и освящены совершением в них православного богослужения, не были осквернены в угоду незначительной кучке беспринципных людей, не гнушающихся никакими средствами для достижения самых низменных целей. В приказе шаха передать им все храмы слышится чей-то сторонний голос, уже заранее и злорадно хохочущий над готовящимся поруганием Русской Православной Церкви. Православие для шаха, конечно, безразлично, но имя России должно для него иметь значение, а Россия, Церковь которой в данном случае заинтересована, не может быть равнодушной к данному делу. Между этими всеми храмами, передаваемыми указом шахским несуществующим несторианам, имеются уже храмы нашей русской православной постройки. Таков храм в селении Ада, построенный на русские средства и освященный по православному чину 15 июля текущего года; таков храм в селении Чечакълуви, тоже сооруженный на русские средства только что минувшим летом и, вероятно, теперь уже освященный или во всяком случае близкий к освящению; таков, конечно, и даже прежде других, храм во имя св. Николая Чудотворца, построенный в самом гор. Урмия над церковью Мар-Мариам. Неужели же и эти храмы можно считать передаваемыми несторианам? Так же, как и Мар-Мариам, освящены совершением православного богослужения в продолжение уже пятилетнего периода времени и другие церкви Урмийской области. Настоящий состав Миссии за последние полтора года своей работы в Урмии постоянно совершал поездки по церквам и епархии с богослужебно-совершительными целями. Никто и никогда из сельских жителей не заявил явившемуся в храм миссионеру для совершения богослужения, что тот пожаловал в неправославную церковь. Во время совершения литургии всегда находилось достаточное количество причащающихся Св. Таин, и жители села приносили к миссионерам крестить новорожденных детей, свидетельствуя тем о своей полной принадлежности к Православию. При Миссии имеется книга, в которой ведется запись о посещении сельских церквей, и по этой записи можно видеть, что самими членами Православной Миссии Божественная литургия совершалась в церквах следующих селений: Диза, Чарбаш, Алвач, Ангар, Юльпашан, Дигяла, Тарманьи,

Ирьява, Чечакълуви, Ковси, Джиниза, Зумалан, Нази, Балав, Кизил-Ашик, Ики-Агач, Караджалу, Чамаки, Абаджалу, Ширабат, Ада, Енгиджа, Мушава, Абдула-кенды, Супурган, Гявилян, Джамалава, Шамашаджиан, Дизя-Такя, Акай, Куртапа, Такя и Ардишай. Не были совершены службы только в церквах сел Ярмурагалуви, Барбары и Мар-Саргиз. В первых двух потому, что жители их имели полную возможность присутствовать при совершении литургии в близлежащих селах: ярмурагалувцы в Чамаках, а барбарийцы в Дизя-Такя. А церковь Мар-Саргиза была посещена, но не с богослужебными целями, лишь потому, что в православном священнике Гаврииле было замечено некоторое шатание от представителей одного исповедания к другим. Почему на эти церкви православные урмийцы имеют менее прав, чем на Мар-Мариам, этого понять невозможно.

[Г. посланник, находящий возможным отстаивать мар-мариамскую церковь, должен не менее решительно защищать и все выше перечисленные. На нем лежит нравственный и служебный долг][1]. *Представляется всем желательным* показать персидскому правительству незаконность отобрания церквей в Гюйтапа и Вазирава и исхлопотать для Миссии или, что то же, для православных сирийцев право свободного приобретения земельных участков для построения, где потребуется, новых церквей, а также права свободного ремонта и переустройства старых. Отобрать же теперь все эти церкви и передать их кучке совершенно индифферентных к религиозным вопросам людей — значит без всякой вины со стороны православных прекратить их православное богослужение и просто запереть и оставить в бездействии храмы, оглашающиеся ныне православным пением.

Указание шаха на необходимость православным построить собственные храмы с его шахского разрешения есть как бы иносказательное откровение о том, чего ждать в данном случае православным. Вопрос о построении собственного храма для православных был уже поднимаем настоящим составом Миссии. Дело касалось села Гюйтапа, в котором храм был три года тому назад отобран от православных и передан протестантствующему каше Гцвре. Миссия ходатайствовала пред местным губернатором Саларом (он же владелец села Гюйтапа) о предоставлении ей права купить в селении небольшой клочок земли от желающего продать

этот клочок сирийца для построения там православной церкви. Несмотря на уверение губернатора в его совершенной готовности исполнить просьбу Миссии, разрешения на покупку земли дано все-таки не было, и по уверению Салара вследствие запрещения, сделанного непосредственно из Тегерана. Можно опасаться, что в таком именно смысле будут оканчиваться и все просьбы о разрешении к постройке храмов для православных. Православным могут указывать на необходимость построить свои храмы заново и даже дадут разрешение на такое строительство, но не разрешат приобрести необходимого для постройки клочка земли.

Церкви решено передать несторианам со всем церковным имуществом; но если в храмах Урмийской епархии имеется какая-либо утварь, то она принадлежит вся целиком Православной Миссии, которая в настоящем только году на приобретение утвари для сирийских церквей и на поддержание в них возможности богослужения затратила больше 1000 рублей. Благотворить в продолжение пяти лет в чужих храмах едва ли бы могла Православная Миссия, и шахское правительство должно увидеть, что возникновение вопроса о церквах после пятилетнего существования Миссии можно объяснить только наличностью интриги, а не действительным незаконным будто бы владением церквами со стороны православных.

Начальник Урмийской Духовной Православной Миссии
архимандрит Кирилл
13 декабря 1903 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Эти резкие слова архимандрита Кирилла, в приводимом тексте взятые в скобки, были из окончательного варианта записки, поступившей в МИД, вычернуты и заменены на более нейтральное начало предложения, приводимое в настоящей публикации *курсивом*.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

ИЗБРАННЫЕ СЛОВА, ПРОПОВЕДИ И ПОУЧЕНИЯ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА КИРИЛЛА

РЕЧЬ НА ОСВЯЩЕНИЕ НОВОГО СЕМИНАРСКОГО ХРАМА[1]

Юноша! тебе говорю, востани! (Лк. 7, 14). В настоящую минуту, в день, когда совершилось освящение этого храма, когда впервые принесена была Бескровная Жертва Христова на только что освященном престоле, настроение наше может подниматься и возвышаться до того великого воодушевления, которое овладевало апостолами в те священные минуты, когда Господь Воскресший, но еще не Вознесшийся, являлся им и говорил: «Мир вам». Это преподание мира Воскресшим Христом Спасителем было так действенно для апостолов, что они смело, безбоязненно пошли в мир весь с проповедью мира всей твари; это преподание мира слышится и теперь, в нынешний день, в нынешнем воскресном евангельском чтении.

Не случайно, уверяю вас, не случайно день освящения этого храма упал именно на то воскресенье, евангельское чтение которого повествует нам о воскрешении сына наинской вдовы. Хотели мы освятить церковь гораздо ранее даже приезда вашего, но Бог судил совершиться этому святому делу только сегодня.

Вдумайтесь, юноши, в нынешнее евангельское чтение. Несут погребать единственного сына наинской вдовы. Целые толпы народа, друзей и родных вдовы следовали за гробом, и никто не мог

помочь вдове, никто не мог облегчить ее тяжелое положение. И вот подходит Христос, воскрешает мертвеца и дает его матери. Не ясно ли, что Христос воскрешает с тем, чтобы облегчить положение несчастной матери, утешить, успокоить ее? Не определяется ли отсюда и тот путь, по которому должны идти мы, последователи Христа? Не ясно ли отсюда, что наше назначение прежде всего заключается в том, чтобы стремиться и насаждать всюду утешение и умиротворение. И прежде всего мы должны утешить родителей своих.

Несомненно, что для родителей наших, на скудные, тощие зернышки которых вы получаете свое образование, существует только одна мечта — видеть вас у престола Божия. Самое искреннее их желание заключается в том, чтобы сын осуществил и продолжил то, что не успели, или не смогли, сделать они сами.

Я не раз видел, как старый сельский иерей со светлой радостью в очах рассказывал мне о том, что у него уже двое-трое сыновей служат пред престолом Всевышнего; я видел и горькие слезы, когда убитый горем отец говорил мне о заблудших детях своих.

Не думайте, что я говорю это с тем, чтобы все вы шли в духовные. О, нет, я далек от этой мысли. Я хочу только видеть вас исполнителями слова Божия, независимо от вашего будущего общественного положения. Я видел многих, вышедших из духовного сословия и с успехом, с пользой для себя служащих и на других, светских поприщах.

Но иногда бывает так, что человек, вышедши из духовного сословия, начинает стыдиться своего происхождения и своего семинарского образования. Если у вас, юноши, явится такой соблазн, то вспомните слова Спасителя: «Юноша, тебе говорю, востани»,— встаньте бодро и с сознанием своего достоинства носите свое звание и не стыдитесь его.

Бывают и другие случаи, когда этот голос Христа Спасителя может быть особенно спасителен для вас. Может быть, чувство ропота, недовольства закрадется в душу вашу, быть может, окружающая вас среда поведет вас не туда, куда нужно,— вспомните слова Спасителя: «Юноша, тебе говорю, востани».

Пусть всегда, когда какое-нибудь стороннее веяние потянет вас в другую сторону, вспоминается вам призыв Спасителя: «Юноша,

тебе говорю, востани»,— призыв, который вы слышали в день освящения этого храма, в первый день принесения в нем Бескровной Жертвы. Будьте же стойки и тверды, и тогда благословение Господне на вас, Того благодатию и человеколюбием всегда, ныне и присно и во веки веков.

СЛОВО НА СРЕТЕНИЕ ГОСПОДНЕ, СКАЗАННОЕ ЗА ВСЕНОЩНЫМ БДЕНИЕМ В КАЗАНСКОМ МОНАСТЫРЕ

1 февраля 1910 года

Ветхий деньми, Иже закон древле в Синаи дав Моисею, днесь Младенец видится, и по закону яко закона Творец, закон исполняя, во храм приносится и старцу дается
(Стихира на литии)

Эти слова церковной песни мы слышали уже за сегодняшним богослужением, и если станем прислушиваться со вниманием и к последующим песнопениям, какими прославляется празднуемое событие, то услышим, как Церковь с особенным восторгом размышляет над тем послушанием Закону, какое явил Господь наш Иисус Христос в Своей жизни. Будучи Законодателем, Он первый же является и исполнителем Закона. Сорокадневным Младенцем Он Материю приносится в Церковь Законную, двенадцатилетним Отроком, во исполнение закона же, путешествует во Иерусалим и там во храме поучает Закону, беседуя с законоучителями и старцами. Выступивши на общественное служение роду человеческому, Он во уши всех вещает, что пришел не разорить Закон, а исполнить, и что *йота едина или едина черта не прейдет от Закона, дондеже вся будут* (см.: Мф. 5, 17, 18). При разрешении вопросов нравственной деятельности Он всегда отсылал совопросников Своих к Закону: *в Законе что писано есть? како чтеши?* (Лк. 10, 26). И Сам с такою для всех бесспорностию был исполнителем заповедей Закона, что

мог смело говорить врагам Своим: *кто от вас обличает Мя о грсе?* (Ин. 8, 46).

Эта всегдашняя законопослушливость Христа Спасителя служит очевиднейшим свидетельством, что Господь хотел внушить и всем последователям Своим сознание необходимости жить в неизменном послушании Закону: *аще ли хощеши внити в живот, соблюди заповеди* (Мф. 19, 17). Но чтоб соблюдать заповеди, их надо прежде всего знать. И Церковь, сплетая сегодня в своих песнопениях венец хвалы законопослушливости Господа нашего Иисуса Христа, тем самым без слов проповедует чадам своим: познавайте Закон, исполняйте Закон, как исполнял его и Сам Законодавец наш Господь.

Где же учиться Закону?.. Есть, братие, всем доступное училище — это Святая Церковь Христова. Здесь и в песнопениях богослужебных, и в чтении слова Божия, и в устном слове пастырей немолчно преподается Закон Божий во ушию всем желающим. Но к сожалению, занятые своими житейскими делами, мы можем пользоваться этими уроками только в дни свободы от трудов, в дни праздников, и то все ли и всегда ли? Необходимы, значит, другие способы законоучения, и прежде всего — чтение слова Божия дома. Отцы и старшие в семье! Не пренебрегайте этим долгом самим научиться и детей научать Закону Господню. *Измлада священная писания умееши, могущая тя умудриши во спасение* (2 Тим. 3, 15),— говорил святой апостол Павел ученику своему Тимофею. Должны и наши дети измлада же приобретать эти знания. Могущественным средством к такому приобретению является, конечно, школа. В ней научение Закону Божию должно стоять на первом месте.

Но тут мы подходим к одному из больных вопросов нашей современности, к вопросу о том, какою должна быть наша школа. Есть школы, в которых научение Закону Божественному, заповедям Христовым ставится на первом месте,— вы догадываетесь, что я говорю о школе церковной. И как горестно, что школа эта не всеми признается в ее настоящем достоинстве! Многие относятся к ней с нескрываемою враждою, ставят ей в вину то, будто слишком мало готовит она своих учеников к предстоящей жизни, будто она совершенно не сообщает им познания законов, так что по выходе из

школы ученики-де не знают ни прав своих, ни обязанностей. Я был бы несказанно счастлив, если б среди моей паствы не было места этому печальному недоразумению. В самом деле, разве законы, определяющие права и обязанности граждан, издаются поставленною Богом властию вопреки Закону Христову? Как же может случиться, что человек, хорошо наученный Закону Христову, окажется невеждой по отношению к своим обязанностям чисто житейским? Чего-то другого ищут люди, опорочивающие воспитательную деятельность Церкви и достоинство ее школы. Они хотят такого знания Закона, при котором ученик умел бы всякое дело обделать в свою пользу на законном основании, умел бы так обращаться с Законом, чтоб им можно было подменить сострадание, и стыд, и всю христианскую нравственность, словом — хотят такого научения Закону, о котором народ наш сказал уже крылатое, но горькое слово: «Где закон, там и обида». Но да не будет это научение, братие, для нас желанным научением. Пусть каждый из нас всею душой прилепляется к Закону Христову, всячески постигает его и в послушании ему, при его свете постигает и исполняет всякий закон, созидая тем свое и ближних спасение.

(Тамбовские епархиальные ведомости. 1910. № 7. С. 239—242)

СЛОВО ВО 2-Ю НЕДЕЛЮ ВЕЛИКОГО ПОСТА, СКАЗАННОЕ В ТАМБОВСКОМ КАЗАНСКОМ МОНАСТЫРЕ

14 марта 1910 года

Иисус, видя веру их,
говорит расслабленному: чадо!
прощаются тебе грехи твои.
(Мк. 2, 5)

При жизни Господа Иисуса Христа, где бы Он ни появлялся, Его сейчас же обступала толпа до такой степени тесная, что оказавшемуся позади ее не было уже возможности подойти ко Христу. По-

мните, например, как Закхей должен был взбираться на смоковницу, чтобы хотя оттуда увидеть Господа Иисуса Христа, ибо пробиться сквозь толпу поближе к Господу не было для него возможности; или помните, как апостолы, при исцелении Христом кровоточивой женщины свидетельствовали Учителю своему: *Наставник! народ окружает Тебя и теснит* (Лк. 8, 45)? Вот и в прочитанном ныне для назидания нашего повествовании святого евангелиста Марка слышим мы, что лишь только пришел Христос в Капернаум, и слышно стало, что Он в доме, тотчас собрались многие, так что уже и у дверей не было места (Мк. 2, 1—2). А между тем приближается еще небольшая кучка людей, которым надо видеть Господа и притом пройти к Нему не поодиночке, а непременно всем вместе, так как у них на плечах ноша: несут они расслабленного в чаянии для него милости от Господа, целящего всякий недуг. Но пройти невозможно. И вот, с настойчивостью и живостью, не смущаясь неудачей, эти четверо друзей расслабленного раскрывают крышу дома и опускают свою ношу к ногам Господа Христа. И Иисус, видя веру их, говорит расслабленному: *чадо! прощаются тебе грехи твои.*

И тут вдруг обнаруживается, что среди окружающей Господа толпы далеко не все сошлись по любви к Нему и в чаянии наставления. Было довольное число просто любопытных и даже руководившихся в своем любопытстве злым намерением так или иначе опорочить Спасителя нашего. *Тут сидели некоторые из книжников и помышляли в сердцах своих: что Он так богохульствует? кто может прощать грехи, кроме одного Бога?..* Правда, они тут же получили должный урок. *Иисус, тотчас узнав духом Своим, что они так помышляют в себе, сказал им: для чего так помышляете в сердцах ваших? Что легче? Сказать ли расслабленному: прощаются тебе грехи? или сказать: встань, возьми свою постель и ходи? Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи,— говорит расслабленному: тебе говорю: встань, возьми постель твою и иди в дом твой* (см.: Мк. 2, 6—11).

И чудо великое совершилось: расслабленный встал и, взяв постель, вышел пред всеми!.. И совершилось это чудо благодаря горячей вере не самого только расслабленного, но и тех четверых

друзей, которые нашли для него дорогу ко Господу: Иисус, видя веру их, говорит расслабленному: *чадо! прощаются тебе грехи твои.*

Вдумаемся, братие, несколько в подробности этого повествования. Совершив исцеление расслабленного, Господь показал, что как сам больной, так и друзья его достойны были оказанной им милости. Но смотрите, каких трудов стоило им пробраться ко Господу: толпа любопытствующих загораживала собою дорогу к Нему. Нужно было найти путь через толпу, подняться над нею, так сказать — перескочить через нее. И эти четверо верующих нашли такой путь: они раскопали крышу и оказались около Господа.

Переносясь от тех времен к нашим, не видим ли мы, что Господь и ныне также всегда окружен множеством народа. Вы, может быть, недоумеваете и хотите спросить меня: «Где я видел это?» — А вот здесь, в храме!..

Разве не ко Господу собрались мы сюда? не для того разве, чтобы слышать Его Божественное учение, в Евангелии заключенное, и утешиться близостию к Нему Самому, присутствующему здесь Своим Телом и Кровию в тайне Евхаристии?

Конечно, это так. Но, братие, нужно нам проверить самих себя, действительно ли ради Господа пришли мы и с Господом ли оставались здесь все время? — К сожалению, и среди нас нередки случаи, что влечемся мы сюда не усердием душевным, а тоже любопытством своего рода. Чего только не рассмотрит подчас на своих ближних стоящий в храме лицом к лицу со своим Господом? Какие только мысли и желания не толпятся подчас в душе нашей как раз в те минуты, когда слух наш оглашается словами Евангелия или умилительными звуками церковных песнопений? Встрепенется на минуту человек, воздохнет ко Господу, но видит, что эта суета житейская воздвигла как бы стену крепкую, мешающую подойти ко Господу, прикоснуться к Нему. Если не расшибить эту стену усилиями воли, если не прокопать со всякою поспешностию этот образующийся над душою покров теплохладности и равнодушия, то полное расслабление души сделается почти неизбежным. Собственными усилиями она едва ли уже тогда станет на ноги. Но благодарение Господу, Он не утаил от нас способов борьбы с этим расслаблением. Как расслабленный восстал со одра своего благодаря участливой вере друзей своих, так и мы в обуревании души нашей расслабляю-

щей ее суетой будем прибегать к другим людям, прося их молитвенной помощи и заступления, и, молясь друг за друга как чада единой Матери-Церкви, общими усилиями разрушим всякую стену, созданную из лености нашей и всех дурных свойств нашей души, и отделяющую нас от живого общения с Господом Спасителем нашим: «Молитеся друг за друга, яко да исцелеете» (Иак. 5, 16). Аминь.

(Тамбовские епархиальные ведомости. 1910. № 12. С. 429—432)

РЕЧЬ В ТАМБОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ НА БЛАГОДАРСТВЕННОМ МОЛЕБНЕ ПЕРЕД РОСПУСКОМ НА ЛЕТНИЕ КАНИКУЛЫ ПЯТИ ПЕРВЫХ КЛАССОВ СЕМИНАРИИ

Я приехал сейчас сюда, чтобы поздравить вас с окончанием настоящего учебного года. Радуюсь, потому что вы рады. Но, вместе с тем, не скрою и своей некоторой тревоги за вас: вам предстоят громадные каникулы, и вы разом на долгое время очутитесь вне учебной жизни, вне училищной обстановки, с которой, вероятно, так сроднились. Конечно,— напряженной, особенно напряженной работой в этот короткий год, в частности — за последнее полугодие, вы заслужили этот отдых. Но такой длинный, в полгода, отдых, полная свобода, сознайтесь, может дурно отразиться на многих, может испарить, отнять у вас много знаний, приобретенных, может быть, годами и потом. Ввиду этого прошу вас всех: старайтесь сами подчинять себя порядкам, образу жизни наподобие училищного, сдерживайте самих себя своею волею, без нашего руководительства и опеки. Вам будут даны работы на лето. Их надо будет исполнить. Постарайтесь поработать по своей воле, от своего хотения, без принуждения, с возможно большею плодотворностию. Работайте,— если и не так усиленно, нервно и спешно, как здесь, но понемногу, с любовью и каждый день. Ничего, кроме спасибо, не скажете после за это и себе, и посоветовавшим вам доброе дело. Сами, я думаю, вы понимаете это, сами знаете, сами в душе уверены в пользе труда, работы, деятельности, так что не стоит особенно напоминать об этом.

Но вот главное, о чем хотел я поговорить с вами, вот, что сообщить вам. По установленным в военных училищах правилам, обучающиеся там числятся на действительной службе прямо с момента определения на учение. Как хотелось бы, чтобы такие порядки были распространены как нельзя более на наше сословие, на наши духовные заведения.

Убедитесь, что вы вступаете на высокое Христово служение не тогда только, когда поступаете в семинарии, но рано, рано — с самых малых лет. Убедившись в этой мысли, подумайте, что вы являетесь с детства еще, с юношества — зиждителями судеб целого своего сословия, сословия служителей Церкви; вы определяете отношения к нему людей, покрываете его честью или бесчестием; от вас зависит удача или неудача служения пастырей, от вас зависит — будут ли слушать нас пасомые или уклоняться от наших поучений. Мне хотелось бы, чтобы вы смотрели на себя не как на автоматов, только отправляющих те или иные предписания и приказания, ученические обязанности, но как на людей, членов, преемников своего сословия, в частности. Памятуйте, памятуйте об этом, памятуйте об этом день и ночь.

Общеизвестна пословица, что «по отцу у нас и сыну честь», по отцу определяют и детей, сыновей. Но вполне ведь возможно и обратное заключение, вполне возможно, что и об отце вдруг станут судить по сыну, по детям, что — как слава отца поднимает в глазах людей и сына, так и слава и дела сына для пасомых являются свидетельством о достоинстве, совершенстве отца.

Чтобы доказать, как сильна связь, как нужна связь между деятельностью предков и потомков в нашем сословии, как дела одних возвышают или унижают не только их самих, но все их сословие, как поступки отца могут рекомендовать с хорошей или дурной стороны сына, а поступки сына свидетельствовать об отце, приведу вам факт из моей жизни. Приходит недавно ко мне один сельский староста, простой, из крестьян: «Вы,— говорит,— поберегите местечко-то в нашем селе для сына батюшки нашего. Больно уж он добр был, хорош батюшка-то, до сынка-то уже подождите. Он, надо быть, такой же будет у нас».

Вот факт, подтверждающий мысль мою, что и родители детей и дети родителей могут поступками своими или уронить, обесчестить, поставить в тяжелое положение или же поднять, поддержать, возвысить, ободрить, что плодотворная деятельность отца так помогла сыну, расчистила ему дорогу.

Держите же себя в руках, непрестанно памятуйте об этом, рассчитывайте каждый шаг свой, каждое слово, каждый поступок. Овладевайте собою, когда чувствуете, что слабеет, разжигается воля ваша. Будьте действительно в жизни примерами, образцами, настоящими образцами, чтобы, глядя на вас, и другие старались подражать вам, слушать вас, почитать вас, ваших отцов, дядей, братьев, все духовное сословие.

Избави Бог, если доведете вы до того, что отцам вашим, несущим в мир высокое христианское учение, заметят со стороны: «Пойдите, детей своих сначала научите. А потом нас наставляйте!» Вообразите себе весь трагизм положения пастыря, которому приведется слышать подобные слова. Жизнью, делами своими доказывайте, что можно, что должно вашим отцам учить народ. Ужасно, тяжело, гнетуще тяжело будет состояние, душевная мука пастыря во время службы в радостные великие праздники — когда и старый и малый спешат в храм, спешат под колокольный звон, помолиться от души — если, вглядываясь в теснящиеся толпы, не заметит он своих детей, если услышит намеки на это. Ваша прямая обязанность — не только посещать все богослужения, ваша обязанность не исполнять только вяло, механически, апатично предписания, со скукой простаивая службы; вам нужно помогать отцам, принимать живейшее участие в молебствиях, участие энергическое, душевное, свободно-сознательное. Читайте, пойте во время богослужений. Говорите, кто может, кто желает, поучения — это было бы большою утехою для меня, отрадою. Даю на то полное свое согласие и благословение; говорите — если не свое, так печатное, хорошее, полезное, интересное.

Может, с кем-нибудь из вас летом мне или викарию придется увидеться. Говорю прямо: если есть в каком селе семинарист — я считаю его первым там посетителем моих служб, первым помощником, участником в них. Мне очень будет прискорбно увидеть

семинариста, замешавшимся где-либо среди толпы, или узнать, что он совершенно отсутствует, избегает богослужений. Я ли, викарий ли посетим села ваши, вы, повторяю, должны быть там первыми помощниками мне или викарию, первыми лицами встречающими, знакомящими меня или его с местностями вашими. У нас одно общее дело, одна служба, высокая служба. Примемся же за нее со всею душою, со всеми силами, со всеми стараниями. Пора действительно нам послужить, поработать для народа, для пользы народной души, для плодотворности всего вообще пастырского дела на Руси.

Еще одно последнее мое слово. Не все, должно, будут жить из вас летом у отцов. Многим, вероятно, придется выехать в чужую сторону. Не забывайте,— вместе с собою, со своим поведением, поступками, вместе со своей честью вы повсюду, куда ни отправитесь, несете честь учебного заведения, в котором учитесь, честь своих родителей, честь своих родственников. Это важное дело. По одному из вас составляют мнение обо всех, обо всей семинарии, обо всем нашем сословии. Довольно. Уж очень много грязи, упреков, насмешек проливали до сего времени на семинарии. Имя семинариста за последние дни сделалось у нас синонимом недоучки, невежества, тупости, необразованности. Довольно этого. Пора нам самим беспристрастно оценить, раскритиковать себя и показать людям, что мы действительно из себя представляем. Докажите обществу, что во многом глубоко оно заблуждается относительно нас. И не думайте, что это можно будет доказать только галантным обращением, развязным поведением на веселых собраниях, дорогими выгнутыми штиблетами. Нет. Не причудливые расцвеченные фуражки убедят общество, заставят переменить мнение о нас, ни тем более вид семинариста, расхаживающего с папироской. Кстати. Я знаю, что многие из вас грешат этой слабостью к табаку. Знаю, что если я скажу вам: не курите,— вы не послушаете меня. После сами убедитесь, как это неприлично, как это нехорошо, как это не подобает человеку.

Так, не внешними формами, не курением убедите вы общество, расположите его к себе, но своею жизнью, своими делами, своими словами, регулированием своих занятий образа жизни без нашего надсмотра и руководства. Мне очень и очень будет прискорбно, если услышу я что-либо неодобрительное от кого-либо о поведении

своих семинаристов во время лета. Прошу же вас, не доводите до этого, старайтесь наоборот снискать расположение, любовь и одобрение ваших поступков от посторонних, от окружающих. Только за тем, в кого веруют, жизни кого удивляются, словами и делами кого убеждаются, за тем следуют, того слушают, того советы принимают, того советам следуют, того наставления исполняют. Не забывайте же этого.

Записал воспитанник семинарии Данилов Тихон
(Тамбовские епархиальные ведомости. 1910. № 17–18. С. 617–622)

СЛОВО ПРЕОСВЯЩЕННОГО КИРИЛЛА, ЕПИСКОПА ТАМБОВСКОГО И ШАЦКОГО, СКАЗАННОЕ ПОД ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ[2]

Осанна Сыну Давидову! Благословен
Грядый во имя Господне! Осанна в вышних!
(Мф. 21, 9)

Этот клич народного приветствия раздавался у врат града Иерусалима и по стогнам иерусалимским в то самое время, когда книжники и фарисеи решили участь ненавистного им Учителя Галилейского, а нашего Господа Иисуса Христа. Они отдали уже приказ, чтобы всякий, кто узнает, где Христос находится, объявил им – и они схватят Его, чтобы предать смерти. Несмотря, однако, на это, Христос Господь идет в Иерусалим как в Свой стольный город. Народ встречает Его пением «осанна»! – и никто не смеет прикоснуться к Нему.

Не свидетельствует ли это с очевидностью, что дело спасения нашего, страданиями Господа совершенное, осуществлено Спасителем не в зависимости от каких бы то ни было решений книжников и фарисеев, а как совершенно свободное изъявление Его благой воли, избравшей и час и день, какой Он Сам находил для сего благовременным и необходимым?

С другой стороны, этот восторг народный, таким пышным и светлым облаком окруживший Христа и заслонивший собою всю ненависть и злобу книжников и фарисеев, не свидетельствовал ли с ясностью, что несмотря на бездну падения, в которую погрузился человек, все-таки в глубине души его осталось довольно еще благородства и благоподобия, чтобы при виде истинного величия со всею восторженною искренностью воззвать: «Осанна!» Посему настоящий праздник есть и навсегда останется праздником торжества лучших сил и благороднейших движений души человеческой и всегда будет для нас источником светлой радости. Недаром мы и встречаем его с возжженными свечами.

И Господь, благоволивший вызвать пред самими Своими страданиями весь этот восторг оказанной Ему народом встречи, тем как бы без слов вещал в отдаленнейшие глубины времен, что ведает Он достоинства души человеческой и с любовию готов вручить ей все блага искупления, которые идет приобрести путем Креста и погребения. Принимая эти приветствия, Господь как бы говорил: «Пусть люд, ликующий около Меня, сам видит теперь, что есть в нем силы сбросить с себя всякую грязь житейскую, всякую злобу и ненависть, и в подъеме лучших своих душевных движений доходит до вожделенной высоты, до полного перерождения». Чрез несколько дней это торжественно подтвердил благоразумный разбойник, первым вступивший в райские обители вместе со Спасителем Христом.

Но ободряясь и утешаясь отрадными упованиями, даваемыми нам настоящим праздником, не забудем все-таки, братие, что при входе в Иерусалим Господь наш явил миру и чувства скорби Своей. Он плакал об Иерусалиме, плакал о том равнодушии к спасению, о том упрямстве, с каким многие из современных Ему иудеев закрывали глаза на все явленные перед ними знамения посещения Божественного.

И этот плач Христов пусть служит нам предостережением не складывать рук и не успокаиваться только на вере в нашу способность к исправлению, к перерождению, но настойчиво работать над собою, над преодолением и вне себя, и в себе самих всякого зла, чтобы восходя, при помощи благодати Христовой, от силы в

силу, достигнуть, наконец, горнего Иерусалима и вместе со всеми святыми в восторге нескончаемого блаженства воскликнуть там: «Осанна Сыну Давидову! Осанна в вышних!»

(Тамбовские епархиальные ведомости. 1910. № 17—18. С. 623—624)

ПОУЧЕНИЕ О ПОСТЕ

Ныне бо ближайшее нам спасение,
нежели егда веровахом.
Нощь убо прейде, а день приближися.
Отложим убо дела темная
и облечемся во оружие света
(Рим. 13, 11—14).

Слова эти слышали мы ныне в послании апостольском, которое говорит нам: приблизилось время, когда мы должны отложить темные, худые дела свои и положить разум и душу на дело нашего спасения. В Евангелии мы слышали сегодня, как Господь говорил ученикам Своим: *...когда постишься, помажь главу твою и умой лице свое, чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцем Твоим, Который втайне* (Мф. 6, 17—18).

Приступая к посту, братие, мы должны, так сказать, прочувствовать, что он есть упражнение, установленное Церковью, к совершенствованию нашему. Но в наше время многие отвергают посты и находят много оправданий для неисполнения их. Одни пищу постную считают вредной для здоровья; другие — дорогой, иные же говорят, что пища нас не поставляет пред Богом. Речи такие встречают немалое сочувствие. Я не хочу обманывать себя, зная, что слова мои относительно поста будут малоприемлемы, но, как архипастырь, я должен предупредить вас, что настанет день, когда все, не признающие постов и вообще легко относящиеся к уставам Церкви, горько пожалеют об этом. Сам Законоположитель Христос исполнял пост и указывал на него как на оружие против злого духа,

говоря: *«род сей изгоняется токмо молитвою и постом»*, то есть род диавола, все козни его предотвращаются молитвой и постом. Что же касается вреда постной пищи для здоровья, то всего лучше в неправильности этого взгляда убедиться, побывав в каком-нибудь хорошем монастыре, где посты исполняются со всякой строгостью. Там на братских кладбищах, на надгробных надписях мы читаем: этот старец прожил до 65 лет, причем 30 лет провел в монастыре; тот лет 80 и тоже лет 30 — в монастыре, а другие и дольше. Все они работали и физически, и умственно не меньше живущих в миру. Следовательно, пост расстроить здоровье не может, и эта робость пред ним есть желание оправдать себя.

У нас в народе сложилась верная поговорка: «лучшая приправа ко всякой пище есть голод». И действительно, когда человек голоден, он ест не разбирая, чтобы напитаться; а человек, избалованный излишеством, будучи пресыщен, становится прихотлив к пище, и эта-то прихотливость делает то, что люди не могут исполнять постов. Кроме того, пост надо считать отдыхом от мелочных забот, которыми человек связывает себя, хлопоча постоянно о своей пище. Святитель Иоанн Златоуст поучал своих слушателей, которые, надо полагать, были люди достаточные, говоря: «Дай отдых повару твоему и слугам твоим в эти дни покаяния». Сама природа указывает нам, что все нуждается в отдыхе. Например, что такое зима, как не отдых для всего растущего, прекращающего на время свою жизненную деятельность. Вы должны памятовать, что мы существа духовные, разумные. И вот пост есть прекрасное упражнение к проявлению духовной силы над телом: надо уметь позабыть свое тело, отрешиться от угождения и служения ему и всячески заботиться о другой пище — пище духовной.

Но скажут некоторые, что часто люди, исполняя посты, живут не по заповедям, делают много худого и тем самым заставляют говорить о них так: «Посты соблюдают, а зло творят». Но ведь Господь не требует от нас худого поведения, и не пост понуждает людей творить зло. Но если бы все исполняли посты, то не стали бы замечать сучков в глазах ближних, желая заслонить свои собственные недочеты. Есть и теперь благочестивые семьи, исполняющие посты; но, конечно, не в нашей городской жизни, а так далеко, в захо-

лустных уголках, куда еще не успела проникнуть услужливая в этом отношении наука, отвергающая посты.

Как свято хранили посты наши предки, братие! Все, от едва лепечущих детей до глубоких стариков, строго соблюдали посты, а между тем люди не были слабей ни нравственно, ни физически. Сейчас мне припомнилось, что в войсках отменили посты после Турецкой войны. И что же мы видим? Защитник наш от этого не стал крепче, а наоборот, в последнюю войну можно было наблюдать, что когда наши войска, казалось, должны были одержать победу, им приходилось отступать по неисповедимому Промыслу Божию. Не есть ли это — жезл Божий, указывающий нам на необходимость исполнения постов и вообще всех установлений церковных. Будем же молить Господа, да поможет Он нам всем избежать этого жезла.

Проповедь, сказанная в Казанском монастыре, была приведена в записи одной из молящихся.

(Тамбовские епархиальные ведомости. 1911. № 12. С. 727—729)

СЛОВО ПРЕОСВЯЩЕННОГО КИРИЛЛА, ЕПИСКОПА ТАМБОВСКОГО И ШАЦКОГО, ПРОИЗНЕСЕННОЕ ЗА ВСЕНОЩНЫМ БДЕНИЕМ

25 августа 1912 года

Помни весь путь, которым вел тебя Господь, Бог твой.
(Втор. 8, 2)

Моисей, прощаясь с народом еврейским, внушал ему хранить память о чудесах, и милости, и прещениях, явленных ему Господом Богом в сорокалетнее странствование по пустыне и воспитавших Израиль в народ, имевший особое назначение от Господа.

Этот же призыв повторяется в истории человечества и во все последующие времена. Народы, внимательно относящиеся к своей

жизни, не могут не слышать его каждый в путях своей исторической жизни.

Особенно ясно призыв этот должен звучать для нас, так как народ русский взыскан милостями Господа не менее народа израильского. Господь томил Израиль и голодом, и жаждою, но Он же питал его и манною, и являл ему неожиданно помощь Свою, поборая всех врагов Израиля как Своих собственных. Те же средства воспитания применял Господь и к нашему народу. Они именно выковали Русь среди бедствий, испытаний и сделали ее крепкою, сильной. Такой она останется всегда, если памятование о посещениях Господних, постигавших ее, будет храниться народом нашим в долготу дней.

26 августа — день празднования Владимирской иконы Божией Матери — особенно памятный в нашей истории, так как в этот день неоднократно явлена народу русскому милость Божия чрез посредство чудотворной иконы Божией Матери.

517 лет тому назад в пределы Руси вторгся грозный завоеватель Тамерлан. Он дошел уже до княжества Рязанского. Москва ждала разгрома. Благочестивый князь Василий Димитриевич выставил на берега Оки войско, а митрополиту и людям поручил творить молитву. С постом, с сокрушением о грехах молился народ об избавлении от угрожавшего бедствия. Заступлению Богоматери поручил князь стольный город и Россию. По его приказанию из Владимира принесен был чудотворный образ Владимирской Божией Матери. Встречен он был на том месте, где теперь находится Сретенский монастырь. Коленопреклоненно молилась Москва пред чудотворною иконою Божией Матери. И чудо милости Божией совершилось. Восточный деспот в ночном видении увидел сияющую светозарную Деву, окруженную небесными воинами, гневно на него устремлявшимися. В трепете бежал он из предела нашего отечества. Россия осталась невредима и цела. Это было откровением на все времена, что Владычица нам — «Нерушимая Стена» и «Ограждение» от всякого зла. В этой вере крепли и утверждались русские люди новыми и новыми знамениями милости Божией, изливающейся по молитвенному предстательству Богоматери, и всегда готовы были в бедах и напастях повергнуться с мольбою пред иконою Одигитрии.

Так и 100 лет тому назад поверглись пред нею вожди и воины российские, защищая Родину и святыни ее от дерзкого завоевателя. Одушевленные верою в помощь и заступление Девы, нося в сердце как бы отражение Ея чудотворного образа, на Бородинском поле они показали чудеса самоотвержения и храбрости, и —

«не будь на то Господня воля,
не отдали б Москвы».

Но это попущенное Господом Богом унижение Москвы нужно было как могущественное средство воспитательного воздействия на народ, верхние слои которого начали преклоняться пред всякой иноземщиной, обучаясь у чужих людей не только уму-разуму, но всяким непотребствам. Нужно было именно тогда показать настроение этих наших учителей; нужно было, чтобы они пришли в Москву и проявили во всем ужасе свое внутреннее разложение. Храмы, обращенные в конюшни, иконы, разрубленные на дрова, престолы святые, употребленные для непотребных пиршеств, показали русским людям, что те, учению которых они ревновали, не могут ничему учить, кроме всякой мерзости, кощунства и богохульства. Тогда постигли мы, что необходимо беречь веру, которая создала России государственный уклад, при каком она дошла до славы. И когда вся Родина вспоминает посещение Божие и милости, то хотя бы в эти дни надо дать себе отчет: не продолжаем ли мы увлекаться иноземщиной, которая довела нас в свое время до позора, не склоняемся ли к условиям жизни, нам чуждым.

Благодаря Господа за избавление нас от вражеского нахождения, будем молить, да избавит Он нас и от вражьего наваждения, начиная от мод парижских и от чуждого нам западного строя порядков жизни. Будем просить у Господа понимания драгоценных начал, на каких созидалась Русь. Будем просить Его укрепить в нас любовь к своему отечеству и ко всему родному, и дадим обет ни во внешнем поведении, ни во внутреннем настроении не позволять себе что-либо чуждое ставить выше родных исконных начал жизни. Аминь.

(Тамбовские епархиальные ведомости. 1912. № 35. С. 1523—1526)

СЛОВО
НА ВСЕНОЩНОМ БДЕНИИ
ПОД ПРАЗДНИК ВОЗДВИЖЕНИЯ ЧЕСТНАГО
И ЖИВОТВОРЯЩАГО КРЕСТА ГОСПОДНЯ

Крест — хранитель всея вселенныя,
Крест — красота Церкви,
Крест — царей держава,
Крест — верных утверждение,
Крест — Ангелов слава и демонов язва.

Немного слов, братие, в этом хвалебном песнопении в честь Животворящего Креста, но какое широкое содержание и смысл скрыты в этих словах!

Вся вселенная, и устроительница нравственной жизни людей — Святая Церковь, и хранители внешнего благополучия народов — благочестивые цари, и громада людей, укрепляемых верою, и славные своим послушанием Богу Ангелы, и казнимые своим противлением Ему демоны — все повергнуто словами сей песни к подножию Креста Господня. И высится он над всем миром, поражая врага нашего спасения — диавола.

Как те дни, когда Крест Господень был впервые воздвигнут над преклоненным Иерусалимом и Константинополем, так и последующие празднования сего события закрепляют все более и более в сознании человечества веру о победе Креста над миром. Свидетельством этой победы служит прежде всего перемена, происшедшая с человечеством в отношении к Кресту. Она не могла быть плодом естественного перевоспитания человеческой души и громче всяких доказательств говорит о божественности той веры, которая запечатлена была Крестом.

До Христа Спасителя крест, как орудие страшных мучений и позора, при одном упоминании о нем вызывал во всех содрога-

ние; после же Голгофской Жертвы пред ним преклоняется весь мир видимый и невидимый, потому что со Креста была явлена не только возможность, но и обязательность самоотречения как нового созидающего начала жизни. Мир языческий знал и по-своему ценил самопожертвование и самоотречение, но не имел сил ввести их в жизнь. Он мог только записывать случаи самоотвержения на память следующим поколениям, но считать их за начала, устрояющие жизнь, не мог. Для языческого себялюбия подвиг самоотречения был чудачеством, странностью или даже безумием, как видно из слов святого апостола Павла: *Мы проповедуем Христа распятаго, для иудеев соблазн, а для еллинов безумие* (1 Кор. 1, 23). Но сила любви Божественной, волною заливщая мир с Креста Голгофского, препобедила косное языческое себялюбие, и то, что мыслилось людьми в качестве исключения, стало для всех обязательным, постоянным, созидающим началом жизни. *Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною (*Мк. 8, 34).

Внимая этим словам как новому началу жизни, возвещенному Господом нашим Иисусом Христом, признаем, возлюбленные, обязательным для себя неослабно вести борьбу с грехом и со всяким даже малым проявлением себялюбивых настроений. Пусть подкрепит нас в этом решении предстоящее сейчас лобзание сего Креста напоминанием о Пречистой Крови, струившейся из язв Христа Спасителя во омовение всякой нашей скверны.

Как бы ни было тяжело бороться с собою, но пример Христа Спасителя нашего силен укрепить нашу немощь, тем более, что страждущие со Христом будут и царствовать с Ним (2 Тим. 2, 12).

Кресту Твоему покланяемся, Владыко, и святое Воскресение Твое славим. Аминь.

(Тамбовские епархиальные ведомости. 1912. № 39. С. 1649—1651)

ПОУЧЕНИЕ ПО ОКОНЧАНИИ ЛИТИИ В МИХАИЛО-АРХАНГЕЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ ПОСЕЛКА ПРИ СТАНЦИИ САМПУР[3]

Мир вам, братие. Благодарю Господа, приводящего меня к вам уже не в первый раз. Когда пришел я к вам впервые, как и сегодня, совершая свой путь на лошадях, то издали виден был поселок, водокачка и особенно из всех зданий выделялся элеватор — зернохранилище. Приезжая в первый раз, я спрашивал у кучера: «Далеко ли до поселка?» И он, указывая на элеватор, сказал, что это здание и есть именно часть поселка. И невольно думалось мне: «По этому высокому зданию что можно сказать о людях, к которым мы приближаемся»?.. Один признак: живут здесь люди сытые, имеющие для себя и для других на многие годы запасы.

Но вот приближался я к вам и сегодня, и сердце невольно исполнилось радостью, так как издали виден был уже не один только элеватор, а господствовал над местностью крест Христов на новом храме. И думалось мне, что здесь встретят меня люди не только сытые телесно, но и люди, почивающие под сенью креста, у которых самый храм создан на основании Креста. А Крест — великое орудие в борьбе со врагом: «Боится бо и трепещет».

В борьбе под сению Креста со врагом не все идут рука об руку из жителей поселка. И может быть, большая часть не находит нужным воздать честь Кресту, возложить упование на него и даже осуждают нас и нашу веру в Крест Христов. Что же?.. Смущаться надо этим осуждением или только поскорбеть?.. Конечно, не может быть и речи о смущении для тех, кто единомысленны с апостолами, отдавшими на проповедь о Кресте Господнем всю свою жизнь. Но поскорбеть об инакомыслящих можно, и еще и еще усилить моление, да силою Креста Своего осенит Господь место сие, да отвратит Он души здесь обитающих от пагубных заблуждений и поведет их по пути действительного спасения, а не одних только сладких речей о нем.

Не верьте, что легко получить спасение!.. *Царство небесное нудится, и нуждницы восхищают е* (Мф. 11, 12). Недаром же Церковь так чтит Крест Святый как символ спасения нашего. И кто хулит этот символ и поклонение ему, этот хулит Самого Христа и повторяет речи разбойника нераскаянного. Вспомните, как вися на Кресте, слышал Господь подобные хулы, как из двух распятых с ним разбойников один исповедал Его Богом истинным и молил Его: *Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем* (Лк. 23, 42), понимая, что на Кресте совершается искупление рода человеческого. Другой, не видя этой тайны, не мог постигнуть величия страданий и издевался вместе с книжниками и фарисеями: *Если Ты Сын Божий, сниди с креста* (Мф. 27, 40).

И Церковь всегда вспоминает это страшное противоречие двух душ, одинаково видевших Пречистого Господа, и свою мысль выражает в песнопении: «Посреде двою разбойнику мерило праведное обретеся Крест Твой: овому убо низводиму во ад тяготою хуления, другому же легчащуся от прегрешений к познанию богословия. Христе Боже, слава Тебе» (тропарь 9-го часа), то есть говорит, что Крест Твой, Господи, явился разделением, указанным между двумя разбойниками, между двумя настроениями человеческой природы: один, смирением получивши отпущение грехов, явился наследником истинного богопознания и возводим в Царство Небесное. Другой же тяготою хуления низводим во ад.

И эта трагедия душ на Голгофе продолжается и до сих пор. Одни признают Крест как знамя своего спасения, другие отвергают, хулят его.

Будем просить Господа, чтобы тягота хуления не была поставлена им в грех к смерти вечной, чтобы Христос, молившийся ко Отцу Своему на Кресте за Своих распинателей, ту же молитву вознес бы и за них: «Отпусти им, не ведят бо, что творят».

Несмотря на постоянные ссылки на Священное Писание, они не веруют с нами, так как считают, что мы утратили веру Христову. В этой мысли свидетельствуется гордость ложно мыслящих и ложно исповедующих. А гордым Бог противится, смиренным же дает благодать (1 Пет. 5, 5). Пошли, Господи, чтобы и эти отпавшие вернулись в лоно Православной Церкви! Являйте, братие, пред ними и

всегда пример смирения! *Научитеся от Мене,* — говорит Господь, — *яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). И да будет милость Божия с вами до скончания века. Аминь.

(Тамбовские епархиальные ведомости. 1916. № 9. С. 235—237)

ПОУЧЕНИЕ[4]

Братие! Молясь вместе с вами в вашем святом храме, я невольно обратил внимание на два изображения одно против другого. С одной стороны изображен на плате Нерукотворенный Лик Господа Иисуса Христа, с другой стороны — отсеченная голова Иоанна Крестителя. Эти два образа, говорящие о двух отдаленных событиях из истории людей, если вдуматься в них, имеют глубокое значение, показывают, какие необычайные возможности таятся в душе человеческой. Как, вероятно, вам известно, Нерукотворенный Лик был оставлен Самим Господом. Один языческий царь тяжко заболел и, узнав, что в Иудее явился Великий Пророк, исцеляющий всякие недуги и болезни, послал за Ним, дабы Он пришел к царю и избавил его от тяжких страданий. Господь не пошел к царю по зову, но утер Свое лицо полотенцем, и на плате отпечаталось изображение Пречистого Лика. Господь отдал оное посланному, а тот принес царю, и последний исцелился. Господь сотворил так потому, что видел глубокую веру царя-язычника.

Но вот второе изображение, говорящее о другом. Предтеча Господень был человек, о котором Сам Господь сказал, что между рожденных женами нет никого, более Иоанна Крестителя. Этот величавый пророк был лично знаком правителю избранного народа Ироду. Последний с удовольствием беседовал с ним, слушал его наставления. Но так как Ирод хотел жить не по закону Божию, а по своей воле, то Иоанн Креститель обличал его, особенно за незаконное сожительство со Иродиадою, женою брата Филиппа, чем возбуждал крайнее озлобление сей последней. И Ирод, чтобы унять обличение пророка, чтобы угодить своей злой жене, заключает

праведника в темницу, а затем однажды в день разнузданного праздника, опьяненный вином и пляскою дочери Иродиады, посылает в темницу воина. Тот отсекает главу Крестителя, приносит Ироду, а этот — отдает ее на поругание Иродиаде.

Сравните, братие, ту веру, какую обнаружил в свое время царь-язычник, искавший помощи у Спасителя, с тою жестокою злобой Ирода, не простого язычника, но царя, который имел попущение от Господа Бога царствовать над избранным народом, и для нас станет ясно, до каких высоких порывов в области веры может доходить наша душа и до какого озлобления может падать.

Это расстояние между Царством и адом находится в наших руках. Каждый из нас может падать до ада и возноситься до небес. Если спросить каждого из нас, где мы захотим иметь пребывание: в аде или Царстве Божием, то в ответе нельзя сомневаться. Конечно, каждый пожелает быть только в Царствии. Но для достижения Царства Небесного надобно напрягать все свои силы, надобно стоять на высоте своего звания. Сам Господь говорит: *Царство Небесное нудится, и нуждницы восхищают е (*Мф. 11, 12). И нам нужно дорожить тем временем нашей земной жизни, которое Господь дает нам как великое сокровище, и ни одной крохи из него не расточать на забавы, разврат, распутство, на игрища и всякие непотребства.

(Тамбовские епархиальные ведомости. 1915. № 9. С. 239—240)

ПОУЧЕНИЕ[3]

Если бы сегодня, братие, вы были за литургией, то услышали бы повествование евангельское о том, как Иисус Христос проходил чрез засеянные поля в субботу, то есть в праздничный день, как ученики Его, взалкав, срывали колосья и ели и как книжники и фарисеи укоряли их в нарушении заповеди Божией о субботнем покое, но Иисус Христос защитил Своих учеников, сказав, что Бог требует от людей не жертвы, а милости.

Мы собрались с вами в сем святом храме, братие, в такую пору, когда в Палестине уже созревают все полевые злаки. Случай,

о котором повествуется во Святом Евангелии, не первый, когда Иисусу Христу приходилось беседовать среди природы и из этой видимой природы заимствовать примеры для научения народа истинам веры. Так, Он говорил о плевелах, посреди пшеницы, об Отце Своем, Который «дождит» *на злыя и благая*, и повелевает солнцу светить *на праведныя и неправедныя.*

Вот и наша встреча с вами произошла при неожиданном явлении природы — при сильном дожде. Пусть же этот дождь вразумляет нас, и прежде всего об Отце нашем Небесном. Всякий раз, видя дождь с небес, будем обращать помыслы свои к Отцу Небесному, прося Его ниспослать *нам воздухи благорастворенны* и изобилие плодов земных. Но при этом научимся и другому: научимся такому послушанию по отношению к Господу Богу, какое послушание обнаруживает видимая природа своему Творцу и Вседержителю. В самом деле, братие, сколько бы мы ни хотели унять бурю, она не уймется до тех пор, пока не последует ей на то повеления Свыше. Приятно или неприятно нам, что льется дождь, мы сами по себе, без воли Божией, ничего не можем сделать. В этом полном подчинении природы надо черпать нам с вами, братие, урок послушания Господу Богу.

Заповеди Божии не тяжки, но исполнять их нам кажется трудным; и человек, не исполняя заповедей, является ослушником Бога, и сам, будучи венцом творения, становится чрез это ниже природы. Как дождь идет и не перестает, как солнце светит до тех пор, пока ему положены пределы, так и мы должны являть послушание Богу всегда. Если мы знаем, что по Божиему нужно жить иначе, чем живет брат наш или друг, мы должны призвать его к послушанию воле Божией.

Пусть же этот дождь, эта видимая природа учат нас показывать образец подчинения Богу, будут ли хвалить нас или смеяться над нами за это. На эту полную покорность своему Создателю да благословит вас Господь Бог.

(Тамбовские епархиальные ведомости. 1915. № 10. С. 283—284)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Несовершенство формы некоторых приводимых ниже поучений обусловлено тем, что большинство их публиковалось в «Тамбовских епархиальных ведомостях» только *в записи очевидцев.* Сам владыка Кирилл по своей загруженности архипастырской деятельностью не имел возможности редактировать тексты своих проповедей, записанных по памяти разными людьми, да и не находил, видимо, это необходимым. Потому мы можем только предполагать, какой силы художественного образа и воздействия были проповеди и поучения владыки Кирилла, руководствуясь, по признанию самих записывателей, далекими от совершенства *воспроизведениями по памяти* поучительных наставлений владыки. Тексты приводятся с учетом современной орфографии. В случае, если поучение или проповедь приводится в записи по чьей-либо памяти, это указывается после приводимого текста.

[2] Произнесено 10 апреля 1910 г. за всенощным бдением в Казанском монастыре г. Тамбова. Воспроизведено одним из присутствовавших в храме, перед опубликованием отредактировано епископом Кириллом.

[3] Поучение сказано 3 июня 1915 г. Место Сампур изобиловало сектантами, потому поучение владыки Кирилла было посвящено православному почитанию Креста.

[4] Сказано 3 июня 1915 г. в с. Осиновка Тамбовского уезда.

[5] Сказано 5 июня 1915 г. в с. Богдановo Тамбовского уезда.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

СООБЩЕНИЕ АРХИЕПИСКОПА ТАМБОВСКОГО КИРИЛЛА

О ПОСЕЩЕНИИ ДЕЛЕГАЦИЕЙ ПОМЕСТНОГО СОБОРА МИНИСТРА-ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА А. Ф. КЕРЕНСКОГО

Священному Собору Поместной Всероссийской Церкви было угодно, чтобы деяния его, касающиеся будущности церковно-приходских школ в России, а также положения Закона Божия, как учебного предмета в русских учебных заведениях, были доведены до сведения Временного Правительства чрез нарочитое посольство. Избранными для выполнения этой воли Священного Собора оказались члены его: Кирилл, архиепископ Тамбовский и Шацкий, протоиерей о. А. М. Станиславский, присяжный поверенный Н. Д. Кузнецов и крестьянин Пермской губернии П. И. Уткин.

Чтобы избежать путешествия наугад, с опасностью потерять слишком много времени в Петрограде в бесплодных ожиданиях правительственного приема, я, архиепископ Кирилл, обратился к г. министру исповеданий с письменной просьбой — установить, путем сношений с Правительством, срок, когда Соборное посольство могло бы исполнить возложенное на него Собором поручение.

8-го текущего октября в 8 3/4 утра министр исповеданий поручил особой телефонограммой в дом Синодального училища церковного пения, принятой г. контролером М. Н. Смирновым, «уведо-

мить архиепископа Тамбовского Кирилла, что Керенский принимает делегацию во вторник, 10-го, около 11-ти часов утра». Дома я нашел письмо г. министра исповеданий, от 3 октября, с уведомлением, что министр-председатель, совместно с некоторыми другими членами Правительства, может принять делегацию Собора в любой из ближайших дней, около 12 часов дня.

В силу этого уведомления мы выехали из Москвы в Петроград в ночь с 8 на 9 октября. Собравшись в Петрограде 9-го числа вечером в квартире и в присутствии Председательствующего в Училищном при Священном Синоде Совете протоиерея П. И. Соколова, мы условились предварительно, что и как должно говорить нам пред Временным Правительством. Общий тон речи членов Соборного посольства должен быть,— решили мы,— не просительный, а вежливо сообщительный. Посольство только ставит Правительство в известность о тех решениях, какие приняты на Соборе по вопросам о церковно-приходской школе и положении Закона Божия в учебных заведениях, содержимых и государством, и частными лицами для детей русских граждан православного исповедания.

Утром 10 октября мы съехались в Департаменте по делам Православной Церкви, в уверенности, что назначенный нам прием у Правительства состоится в 11 часов, как утверждал это накануне В. И. Яцкевич, говоривший, что если А. В. Карташев не успеет к тому времени возвратиться из своей поездки в Вологду, то сопутствовать нам при представлении Правительству будет С. А. Котляревский. Однако из личной беседы с С. А. Котляревским выяснилось, что прием 10-го числа никоим образом состояться не может: совершенно неожиданно члены Правительства отвлечены неотложным тайным совещанием с военачальниками, прибывшими с фронта, а затем отправляются на заседание Совета Республики. Было бы психологическою ошибкою добиваться приема сегодня, и его следует отложить до следующего дня. Вечером чиновник особых поручений при министре исповеданий С. Н. Бухаров сообщил по телефону, что прием на следующий день непременно будет, но время этого приема может определиться не ранее 12 часов дня.

11 октября в 12 часов дня съехались мы снова в Департамент и тут имели продолжительную беседу с министром исповеданий по

существу тех вопросов, для разъяснения коих прибыли мы в Петроград по поручению Священного Собора.

В этой беседе выяснилось для нас, что менять ту позицию, на какую Временное Правительство встало по отношению к церковно-приходской школе, оно едва ли отважится. Идеология, развиваемая соборными рассуждениями, не может быть воспринята правительственным разумом существующего государственного строя. Решения Собора опираются на предпосылки религиозного и нравственного порядка, а распоряжения Правительства относительно церковно-приходской школы основываются на оценке ее значения с чисто политической точки зрения. Школа эта является детищем старого строя, который возлагал на нее самые широкие упования, и потому говорить с Временным Правительством о сохранении прежнего отношения к этой школе является делом безнадежным в такой же приблизительно мере, как если бы вздумал какой-нибудь наивный человек настаивать перед Временным Правительством на необходимости уважать прежний государственный строй и оказывать все знаки почтения бывшему императору. Правительство не может не желать того, чтобы школа народная была порождением и служила укреплению того государственного строя, какой сейчас существует. Отказ от услуг церковно-приходской школы должен быть одной из обязательных примет в паспорте республиканского Правительства. Конечно, стоя на страже свободы, Правительство не станет запрещать существование или появление школ типа церковно-приходских там, где окажутся местные средства для их существования, но признать их сетевыми с точки зрения Министерства народного просвещения значило бы пробивать брешь в законодательном акте 20 июня 1917 года.

Министерство не верит в способность духовного ведомства, без правительственной субсидии, сохранить свои школы и потому прибегает к акту почти принудительной передачи школ этого типа в ведомство министерства, предотвращая тем приостановку школьного обучения в тех местах, где в школьную сеть были введены церковно-приходские школы. Поэтому наибольшей мерой уступчивости со стороны этого министерства было бы издание в циркулярном порядке распоряжения о сохранении в руках духов-

ного ведомства школ в тех пунктах, относительно коих будут предоставлены достаточные гарантии, что школа здесь может и будет действовать правильно и сообщать учащимся тот минимум знаний, какой будет определен как обязательный для государственной школы. Следовательно, вопрос должен будет разрешаться каждый раз нарочитым исследованием для каждого отдельного случая.

Что касается будущего положения Закона Божия в учебных заведениях, то все мероприятия на сей счет находятся еще в периоде предположений, и г. министр исповеданий твердо надеется, что пожелания Собора будут приняты к должному соображению, когда вырабатываемый Государственным Комитетом законопроект поступит на рассмотрение Правительства. Соборное деяние даст тогда г. министру твердую опору для отстаивания прежде всего неприкосновенности Закона Божия и его положения в школе от ребяческих капризов достигших 14-летнего возраста учеников. Тогда и вопрос об обязательном изучении Закона Божия разрешается сам собою.

Беседа наша с г. министром исповеданий длилась более часу времени, причем нам стало известным, что прием у министра-председателя назначен нам на 2 часа того же 11-го числа. К назначенному времени отправились мы в Зимний Дворец: министр исповеданий с Н. Д. Кузнецовым в автомобиле, а мы с о. Станиславским и П. И. Уткиным, в сопровождении чиновника особых поручений С. Н. Бухарова, в ландо, предоставленном в наше распоряжение Александро-Невской лаврою. Подъезжали ко дворцу чрез садовые ворота с Александровской площади. В воротах г. Бухаров объявил караулу, какая и от кого делегация проникает во дворец.

В вестибюле дворца ни малейшего намека на прежний этикет: впечатление общей прихожей какого-нибудь губернского суда в день процесса с самым разнообразным составом свидетелей. Поднялись во второй этаж, разыскали опередивших нас А. В. Карташева и Н. Д. Кузнецова и в дежурной комнате стали ожидать, когда нас позовут. Раза два появлялись молоденькие адъютанты с успокоительными заявлениями, что г. министр сейчас нас примет.

В 2 часа 40 минут дня нас действительно пригласили к министру-председателю. Мимо часового с ружьем прошли мы чрез

бильярдную комнату и оказались в одной из библиотечных комнат с лестницей на верхнее отделение. А. Ф. Керенский встретил нас у дверей этой комнаты. Одет он в куртку военного образца, цвета хаки; лицо очень утомленное. Министр протянул мне руку, но прежде чем обменяться рукопожатиями, я сначала сотворил крестное знамение на себе, а потом благословил министра. А. В. Карташев представил остальных членов нашего посольства, и мы все уселись у стола, стоявшего в стороне, противоположной входу.

Начиная речь, я объяснил министру-председателю, что Священный Собор Поместной Всероссийской Церкви, занятый устроением своих церковных дел, естественно останавливается в своей работе в первую очередь на тех учреждениях, которые, будучи церковными по своему существу, являются в то же время небезразличными и для государства, которое в своем новом строительстве жизни не может так или иначе не коснуться этих учреждений. Собор уверен, что Правительство, при определении своего отношения к учреждениям церковно-государственного значения, примет в соображение те воззрения, какие существуют на эти учреждения у Православной Российской Церкви и какие выражать от ее лица в настоящую пору правомочен только Поместный Собор. Посему Собор и имел 2-го сего октября суждение о том способе, каким должно осведомить Правительство о решениях Собора по наиболее срочным делам церковно-государственного значения, и постановил сделать это путем личных сношений с Правительством чрез своих доверенных сочленов. Во исполнение этого решения Собора мы и являемся сейчас с теми заявлениями, какие имеем представить г. министру-председателю. Заявления эти касаются вопроса о дальнейшей судьбе церковно-приходских школ и положения Закона Божия как учебного предмета в русских учебных заведениях. Поводом для суждений о церковно-приходских школах Собору послужило издание Временным Правительством закона 20 июня 1917 года о передаче сих школ в ведомство Министерства народного просвещения, а суждения о положении Закона Божия вызваны были проникшими в широкие народные круги известиями о предположениях, появившихся на сей счет в государственном Комитете по народному образованию.

Останавливаясь прежде всего на церковно-приходских школах, я прочитал г. министру принятые по сему вопросу решения Собора. В дальнейшей беседе приняли живое участие о. А. Станиславский и Н. Д. Кузнецов. Их разъяснениями устанавливалось главным образом то положение, что закон 20 июня 1917 года лишает Церковь одного из могущественных средств в осуществлении своего просветительного служения, что достигается это лишение не одним только отнятием от Церкви казенных ассигнований на церковно-школьное дело, но и принудительною реквизицией церковно-школьных помещений в распоряжение Министерства народного просвещения.

На это г. министр заметил, что отбираются только те школьные помещения, на постройку которых были отпущены казенные средства; собственные же помещения церковных школ занимаются на арендных началах всего на 2 года.

Протоиерей А. Станиславский разъяснил по этому поводу, что построенных исключительно на казенные средства церковных школ почти не существует. Все такие школы строились только с казенной субсидией, при условии изыскания на местах трети, а в большинстве случаев половины всей потребной на постройку суммы. Таким образом, право государства распоряжаться этими зданиями никак не вытекает из природы дела, а обращение собственных зданий церковных школ под школы министерские, хотя бы и на условиях срочной аренды, равносильно запрещению самого существования церковно-приходских школ. Ведь ни Церковь, ни приход не в состоянии заново оборудовать помещение для своей школы, хотя бы и владели средствами на ее содержание и оплату учительского труда. До возвращения школьного здания законному владельцу церковная школа должна прекратить свое существование даже и в таких местах. Таким образом, закон 20 июня 1917 года приходится принимать как выражение правительственных намерений уничтожить самый тип церковной школы.

На это г. министр ответил, что Временное Правительство достаточно уже показало свое лояльное отношение к Церкви, которая пользуется теперь самою широкою свободою. Факт созыва Церковного Собора, который никак не мог быть собран при прежнем

государственном строе, с достаточным красноречием подтверждает эту мысль. Вообще никаких агрессивных намерений по отношению к Церкви Правительство не имеет, так как ни в чем ее не подозревает и никаким сплетням, доходящим до Правительства, о контрреволюционных вожделениях, якобы существующих в кругах церковных, Правительство не верит, хорошо зная, что Церковь не может желать возврата к старому, «вкусивши сладкого, не захочет горького».

Но предоставляя Церкви полную свободу в ее внутренней жизни, Правительство не может не порвать тех пут, которые мешают новому строю стать внеконфессиональным. К тому же участие церковной школы в осуществлении государственной сети всеобщего обучения, нарушая органическое единство всего аппарата по народному просвещению, являлось бы нарушением и церковной автономии при неизбежности тогда подотчетного и подконтрольного положения Церкви пред государством. Против же свободной школы и деятельности Церкви, подобно тому, как это имеет место, например, в армянской Церкви, государство не может ставить никаких возражений. Поэтому все, что может обещать в данном случае Временное Правительство,— это свою заботу, чтобы процесс размежевания между церковно-школьным ведомством и Министерством народного просвещения проходил с меньшею болезненностью при решении вопроса о том, чьи нужды должно обслуживать данное школьное помещение в ближайшее учебное время: школы министерской или церковной. Что же касается самого закона 20 июня 1917 года, то он никоим образом не может быть отменен.

В ответ на это Н. Д. Кузнецов с решительностью отстаивал мысль, что Правительство не имеет причины сторониться от церковно-приходской школы, если только оно чуждо намерения уничтожить самый тип этой школы. Церковно-приходские школы, сохраняя свою природу, будут давать своим ученикам весь тот образовательный материал, какой окажется обязательным для школы государственной; со стороны же заведывания и руководства делом школы эта не останется в прежних бюрократических тисках, она перейдет в ведение прихода, которому Правительство может доверять, как оно доверяет земским и городским обществам. К то-

му же установление какого угодно правительственного контроля за состоянием школьного дела остается всецело в руках государства»[1].

Н. Д. Кузнецов в своей речи между прочим справедливо вопрошал: «Как же быть с охраняемой законом волей жертвователей или завещателей, которые назначили свои деньги или имущество на устройство или поддержание именно церковно-приходских школ? Употребить эти деньги или имущество на другие цели — это значит окончательно подорвать уверенность в правопорядке, отбить охоту делать пожертвования на известные благотворительные цели и вызвать предъявление громадных исков о возвращении дара по исполнению его условий»[2]. Обращал Н. Д. Кузнецов внимание и на совершенно очевидное нарушение законом от 20 июня 1917 года имущественных прав Церкви, например, в статье 2 отдела II, согласно которой: здания церковно-приходских школ, построенных на средства церквей, монастырей и братств при каком-либо пособии церковно-школьного строительного фонда, не только изымались, без всякого возмещения истраченных церковными организациями средств, но последние обязывались вернуть ту часть средств, которая была потрачена царской казной на строительство церковно-приходских школ, причем «долг» следовало уплатить до 1 января 1920 года[3].

В ответ на это заявление Н. Д. Кузнецова,— продолжал свое сообщение архиепископ Кирилл,— г. министр-председатель только поклонился в сторону говорившего.

Тогда нами был поставлен вопрос о возможности благожелательного сотрудничества церковно-приходской школы — за свой собственный счет — с школой общегосударственной в деле всеобщего обучения. Мы старались выяснить будущее отношение Правительства к церковно-приходским школам, там, где для этой школы имеется возможность, без обременения государственного казначейства особыми ассигнованиями, нести обязанности, возлагаемые на школу сетевую. В ответ на это г. министр высказал предположение, что такая школа будет, несомненно, пользоваться со стороны государства признанием в той степени и на тех условиях, в какой и на каких будет определяться общее отношение государства к школам частным.

Беседа о церковно-приходских школах заняла слишком много времени. Министр, его адъютанты и появившиеся во время беседы министры иностранных дел и торговли и промышленности начали обнаруживать признаки нетерпения и желания окончить дальнейший разговор. Поэтому о положении Закона Божия в школе пришлось уже говорить с меньшею обстоятельностью. Но по отношении к этому вопросу настроение правительственных кругов, видимо, отличается большею восприимчивостью к той идеологии, какая лежит в основе Соборных по сему поводу рассуждений. Точка зрения г. министра-председателя на это дело совпадает с теми мыслями, какие развиты были перед нами г. министром исповеданий и уже нашли свое изложение выше. 14-летний возраст, как срок религиозного самоопределения, представляется и г. министру-председателю неприемлемым в школьной жизни.

Принимая от меня письменное изложение постановлений Собора и докладов, легших в основу этих постановлений, г. министр дал обещание представить весь этот материал Временному Правительству.

После этого Н. Д. Кузнецов доложил о необходимости для членов Собора, состоящих на государственной службе, иметь отпуск с сохранением содержания на время Соборных заседаний. Возможное содействие в данном деле было министром обещано.

На этом деле беседа наша, продолжавшаяся 40 минут, была окончена»[4].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917—1918. Кн. 2, вып. 1., 1918, репринт, 1994. Деяние XXV. С. 244—249.

[2] Там же. С. 251.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 252.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

РАСШИФРОВКА СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ, СОСТОЯВШЕГОСЯ В БОГОЯВЛЕНСКОМ СОБОРЕ КАЗАНИ

24 июля 1922 года

«*Митр[ополит Кирилл]:* Для меня, как правящ[его] архиерея, постоянные призывы в собр[ании] к Собору вызывают недоумение. Зовут к Собору, как будто никто его не желает или мешает. Вопросы [к Собору] опред[елены] [19]17 и [19]18 гг., и Соб[ор] долж[ен] б[ыл] собр[аться] в 1921 г. [Митрополит] Агафангел и патриарх тоже гов[орили] о Соборе. Словом, Собор никем не оспаривается. Знач[ит], нужно соб[ирать] материалы и дать направл[ение] реш[ениям] вопрос[ов]. Напр[имер], язык русский [в качестве богослужебного], есть ли переводы? П[равославный] инст[итут]1 долж[ен] исполнить свой долг. Необх[одимо] учр[едить] ком[иссию].

Пр[еосвященный] Афанасий[2]: Перев[одов] мало и не все удачны. Нужно [их] отред[актировать], [необходима] даже степень изящества. Необх[одима] комиссия.

О. Мансур[овский]: Кто будет собирать [Собор]? Мы будем готовы, а Собор не соберется.

Митр[ополит Кирилл]: Пока выясняется лишь идея необходимости Собора. Необходима комиссия (для подготовки материалов к Собору.— *А. Ж.*) из клира и мирян, от приходов. [Необходимо] извещ[ение] [от] канцелярии.

О. Н. Петров[3]: Избр[ать] сейчас чел[овек] 7, а им предост[авить] право привлекать (необходимых комиссии людей.— *А. Ж.*)

О. Руфимский: Предл[ожить] [священникам] Сосунцову и Спирину войти в комиссию, в знак [их] искрен[него] желания помочь церк[овному] делу.

О. Сосунцов[4]: Поначалу отказывается, считает — это [создание комиссии] является оттяжкой Собора. Затем соглашается.

Митр[ополит Кирилл]: Поручить созыв [комиссии с формированием секций] Пр[еосвященному] Аф[анасию].

О. Мансуровский: Кто может собрать Собор? [Следует] обр[атиться] к Пр[еосвященному] Агаф[ангелу].

Митр[ополит Кирилл]: Наход[ит] обр[ащаться] к м[итрополиту] Агаф[ангелу] излиш[ним], т. к. он и сам обещ[ал][5]. Теперь: если он не может, кто может собр[ать Собор]?

О. Николай Петров: Предл[агает] о. П[орфирию] Руф[имскому] рассказ[ать] о поездке в Нижний [Новгород].

О. Порф[ирий] Руф[имский]: Был у Пр[еосвященного] Сергия. С[ергий] подп[исал] (признание обновленческого ВЦУ.— *А. Ж.*) из желания сохр[анить] места для работы, обольстившись обещанием ввести их — [митрополита] Сергия, м[итрополита] Евдокима, архиеп[ископа] Серафима] в ВЦУ[6]. Отн[осительно] послания [митрополита] Агаф[ангела] — послания не имеют[7]. Подписывали [признание ВЦУ] в местн[ой] ЧКа.

[Был] у [митрополита] Евдокима. Расспр[ашивал] о хар[актере] отн[ошения] к власти. И я сказ[ал] что у нас хорошо... (неразб.). Желательно прибытие м[итрополита] Кирилла. [Был] у мест[ного] дух[овного] упр[авления]: [там] документ [послание м[итрополита] Агафангела] не видели. 6/19-VI собр[ание] [у митрополита] Евд[окима]... (неразб.). Пост[ановили] присоед[иниться] к рез[олюции] Моск[овских] благоч[инных][8]... (неразб.)

[Митрополит] Евд[оким] сказал, что он прив[одит] в действие Посл[ание] патр[иарха] об автоном[ии], [проводя] хирот[онию] без санкции центра[9] вдового свящ[енника] и на днях еще будет хирот[ония] един[омышленного] еп[ископа]. Из источников — прот[оиерей] из Яросл[авля] — о полож[ении] в Яросл[авле]. По созыву Красницкого — собр[ание] духовенст[ва] по поводу ареста

[митрополита] Агаф[ангела] и распр[остранения] [его, митрополита] посл[ания]. [Было] 90 чел[овек]. Конец собрания, пост[ановление:] просить убр[ать] Агаф[ангела] и не назн[ачать] еп[ископа] из монахов, выбр[али] 4-х канд[идатов]: 2-е вдов[ых] и 2-е с женами, не подписали немногие, не подписавшиеся были вызваны в ЧеКа, равно как и не бывшие. И прот[оиерей] спокойно подписывал.

Митр[ополит Кирилл]: [Хочет] поделиться свед[ениями] о положении В[ысшего] Упр[авления] со времени слухов об отреч[ении] патр[иарха]. Послание [митрополита] Агаф[ангела] подлинно. Изложение соотв[етствует] актам п[атриар]ха, пост[ановлениям] Соб[ора] 1917 г. Сл[едователь]но, факт вступления налицо. Дост[оинство] [митрополита Агафангела] от невозмож[ности] прибыть не исчезает, пока [митрополит] не перестает быть замест[ителем патриарха]. ВЦУ будто бы потому имеет власть [что отсутствует митрополит Агафангел], но мандат нигде объяснен не был. Нам же извест[ен] только один документ[10]... (неразб.) Но на каком основании ВЦУ? Не известно. Благож[елательное] отн[ошение] гр[ажданской] вл[асти] — собр... (неразб.) На Троицу Ант[онин] заяв[ил], что готов и каземат, и суд, и места для высылки, след[овательно] ВЦУ — учр[еждение] гражд[анско]-церк[овно]-полит[ическое]. Для меня треб[ование] ВЦУ как гражд[анского] учр[еждения] — обяз[ательно], но [как] церк[овного] — не обяз[ательно], но должна быть контрассигнация правительства (чтобы считать ВЦУ гражданским учреждением.— *А. Ж.*). Как церк[овное] же учреждение [ВЦУ] — нуль. ВЦУ гов[орит], что созовет Собор. Очевидно, Соб[ор] желателен и для гражд[анской] вл[асти]: мы должны в силу лояльности выполнить прик[азание] гр[ажданской] вл[асти]. Но Соб[ор] — церковный. [Поэтому следует] собраться, чтобы заявить, что Соб[ор] не наш. Пойдем сказать свое слово, заявить [о своей позиции] тому же Антонину... (неразб.) гов[орят], что ВЦУ есть идейно особое от «Живой Церкви». Это — неправда: одни учред[ители], в одн[ом] доме ред[акции] и упр[авления]. Но такой Собор не для Прав[ославной] Ц[еркви], в лютеранском [духе] эти вопросы [будут] разр[ешаться]. А нам нужно правосл[авно] решать вопросы.

О. Филипповский: Как положение «Ж[ивой] Ц[еркви]»?

Митр[ополит Кирилл]: Читаем по журн[алам] «Ж. Ц». Распор[яжения] на местах... (неразб.) иметь силу не могут, т. к., по разъясн[ению] 5 отд. Об отд[елении] Ц[еркви] от г[осударства], никакая группа не мож[ет] принуд[ительно] действовать на др[угую]. Свящ[еннослужител]ей избир[ают] группы верующих, по опр[еделению] вл[асти] — Разъясн[ение] № 1—3 № № «Рев. и Церк». По поводу «правомерности» [действий] ВЦУ мало сведений, [но] благоч[иние?] пока не отменено.

О. Спирин[11]: Православие мож[ет] отн[оситься] безразл[ично] к богослужениям на яз[ыке] исправл[енном]. «Ж[ивая] Ц[ерковь]» выделяет себя. Новое течение — по влечению сердца. Гр[ажданская] вл[асть] жел[ает] опираться не только на штыки. Я не являюсь апологетом насилия. Ж[ивая] Ц[ерковь] выгодна для госуд[арства], [как средство] от насилия другой [Церкви] — [Церкви] масс.

О. А. Лебедев по поводу спича Спирина: Это — доктор[ская] дисс[ертация], что же говорить о част[ном] разг[оворе]. Еще вопрос — чье насилие сильнее.

Митрополит Кирилл предлагает избегать политических споров и кривотолков. Далее происходит обсуждение декларации трех митрополитов. Обсуждается вопрос о возможности устранения Казанского митрополита обновленческим Высшим Церковным Управлением, вспоминается ноябрьское постановление 1920 г., которым в крайнем случае следует воспользоваться. Выражается желательность того, чтобы до Собора новшеств не вносилось. Обсуждается, как идти, сохранить церковный корабль, довести до Собора, при этом оставшись у церковного руля.

Архимандрит Варсонофий: О знач[ении] канонов и свободе Церкви. Против участия в Соборе, созываемом ВЦУ.

О. Сосунцов: О противодавлении со стороны сопастырей в проповедях. Между своими-то должно быть искл[ючение]. Канонич[еские] наруш[ения были и прежде] — вход в алт[арь] Ек[атерины] II и Павла. Говорить о кан[онах] не своевременно. Сейчас не 1917 год.

О. Спирин: Центр есть — ВЦУ

О. Порфирий Руфимский: О констр[уировании] [живоцерковниками] ц[ерковной] вл[асти] по образу советской. Откуда Белавин[12],

Спирин, Красницкий знают, что мы должны дать ответ, поставлены в необх[одимость сказать] «да» или «нет»?

О. Спирин: Нечего в прятки играть.

Митр[ополит] Кирилл: Ц[ерковного] Центра нет, [ВЦУ] — нуль, в политику мы не желаем [вмешиваться].

Архимандрит Варсонофий: Предл[агает] резолюцию.

О. Николай Петров: Зачитывает резолюцию.

Суть резолюции: В апостольскую эпоху центра не было (по Болотову). Мы имеем руководством Послание 1920 г. (об автономном управлении). Постановили: А). Сочувствовать мероприятиям, клонящимся ко благу Церкви; В). Лояльность местной ц[ерковной] власти к [гражданской] власти. С). При необходимости (если Собор не будет православным и Церковный Центр будет самочинно захвачен.— *А. Ж.*) — возвращение к апостольскому времени [в управлении], децентрализация».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Митрополит Кирилл говорит о Православном богословском институте, правопреемнике Казанской Духовной академии.

[2] Епископ Чебоксарский Афанасий (в миру — Александр Антонович Малинин), род. 1 марта 1884 г. в семье священника, окончил Пермскую ДС, КазДА (1908), доцент академии, магистр богословия, с августа 1916 — настоятель Иоанно-Предтеченского монастыря. С 1920 — епископ Чебоксарский, после ссылки епископа Иоасафа — временно управляющий Казанской епархией. Весьма почитался единоверцами. Архиепископ Казанский и Свияжский (после увольнения митрополитом Сергием митрополита Кирилла). С митрополитом Сергием общения не порывал. С августа 1933 г.— архиепископ Саратовский, с сентября 1935 г. епархией не управлял. Скончался в ссылке 14 мая 1939 года.

[3] Протоиерей Николай Васильевич Петров, род. 4. 01. 1874, доцент КазДА, с 1921 г.— ректор Богословского института (правопреемника КазДА), с 1908 по 1918 г.— настоятель Крестовоздвиженской церкви Казанского Императорского Университета, с 1918 по 1930 г.— настоятель Варваринской ц. г. Казани. Высоко ценился церковным народом за ум, ровный, интеллигентный характер, доброе отношение ко всем прихожанам, вне зависимости от их имущественного и общественного положения. В 1930 г.— сослан на три года в концлагерь. После ссылки проживал на поселении в Муроме, где священствовал в 40-е годы в Благовещенском соборе. Скончался 11 мая 1956 г. Патриархом Алексием I приглашался

для преподавания в восстановленную МДА, но подорванное ссылками и тюремным заключением здоровье не позволило протоиерею Николаю вернуться к преподаванию.

[4] Священник Евгений Феодорович Сосунцов, настоятель Троицкой церкви в Ягодной слободе г. Казани. Один из лидеров обновленческого движения в Казани. За свои взгляды, воинственный вид и пышную бороду получил прозвище «казанского Карла Маркса». До революции занимал активную монархическую, антиреволюционную позицию (в чем схож с Красницким), при этом активно публиковался: издал несколько книг по Закону Божиему, педагогической практике, несколько своих поэтических сборников. В 1918 г. симулировал сумасшествие, по выходу из клиники был вызван в ЧК, после чего стал совершенно «лоялен» к советской власти. В конце 30-х годов выбыл в Крымскую епархию, где и скончался.

[5] При своем аресте патриарх Тихон издал 3/16 мая 1922 г. постановление о поставлении митрополита Ярославского Агафангела «во главе Церковного управления до созыва Собора». Митрополит Агафангел, как «Заместитель Святейшего Патриарха Московского и всея России», своим посланием от 5/18 июня 1922 за № 214 указал на незаконность и неканоничность действий самочинного ВЦУ, полагающего «пересмотреть догматы и нравоучение нашей православной веры, свящ. каноны Св. Вселенских соборов, православные богослужебные уставы, данные великими молитвенниками и подвижниками христианского благочестия, и организовать, таким образом, новую, именуемую ими «живую церковь». Однако, как указывал митрополит Агафангел: «всевозможные изменения и церковные реформы могут быть произведены только соборной властью, а посему я почитаю своим долгом — по вступлении в управление делами Церкви созыв Всероссийского Поместного Собора, который правомерно, согласно со словом Божиим и в силу правил Св. Вселенских Соборов. рассмотрит все то, что полезно и необходимо для нашей духовной жизни» (Цит. по: *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 2. Тверь: Булат, 1995. С. 512.)

[6] Позже митрополит Сергий будет объяснять этот «меморандум трех» желанием войти в ВЦУ и повернуть его в каноническое русло, «спасти положение Церкви, предупредить анархию в ней».

[7] Митрополит Сергий утверждал, что к концу июня 1922 г. все еще не имел послания митрополита Агафангела от 5 (18) июня.

[8] 8 июня 1922 совещание благочинных Московской епархии одобрило действия инициативной группы «Живая Церковь», взявшей на себя Высшее Церковное Управление. Из 30 благочинных 28 проголосовали «за» ВЦУ, двое воздержались.

[9] Имеется в виду Постановление от 7/20 ноября 1920 г. Святейшего Патриарха и Высшего Церковного Совета по поводу самоуправления епархий в случае отсутствия канонического центра или невозможности связи с ним. Как справедливо заметил проф. С. В. Троицкий: «на это высокоавторитетное Постановление ссылаются все партии, на которые разделилась Русская Церковь, но беда в том,

что никто из них не хочет точно и до конца это Постановление выполнить» (Троицкий С. В. Размежевание или раскол. Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1932. С. 134).

[10] Имеется в виду уже упоминавшееся Патриаршее постановление от 3/16 мая 1922 г. о назначении митрополита Агафангела заместителем патриарха до созыва митрополитом Собора.

[11] Протоиерей Стефан Карпович Спирин, род. ок. 1875 г., окончил Астраханскую семинарию и Казанскую Духовную академию (1902) со степенью кандидата богословия. Был священником при Богородицком женском монастыре (1902), сверхштатным священником при кафедральном соборе (1907—1911), а в феврале 1911 г. назначен настоятелем Смоленско-Варлаамской церкви г. Казани. В 1915 г. был командирован в действующую армию, где состоял священником 2-го лазарета 27 пехотной дивизии. В 20—30-е годы активный деятель обновленчества. Подобно, как и священник Е. Ф. Сосунцов, в 1923 г. проходил по сводкам ГПУ как лицо, «могущее быть используемым в деле успешного изъятия ценностей», со следующей краткой характеристикой: «содействует изъятию путем проповедей, настроен благожелательно».

[12] Священник Василий Иванович Белавин — казанский живоцерковник, тройной тезка Святейшего Патриарха Тихона, выдававший одно время себя за его родственника.

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА САХАРОВА АФАНАСИЯ ГРИГОРЬЕВИЧА

16 января 1927 года

Обнаруженные при обыске у меня девять бланков со штампом и печатью архиепископа Владимирского и Шуйского остались из канцелярии архиерейского дома, были переданы с разными ненужными делами-бумагами и мною предназначались для черновиков, никакого официального значения эти бланки не могли иметь, т. к. с 18 г. нет архиепископа Владимирского и Шуйского, а с 1924 г. Шуя совершенно неподведомственна епископу Владимирскому. Выписка из отчета Церковного Совета кладбищенской общины православных верующих о приходе и расходе сумм на ремонт и др. расходы на благоустройство городского кладбища за время с 17/VIII по 1/XI-26 г. получена мною от председателя означенной общины Жарова для ознакомления, ознакомившись с ней, ничего определенного в отношении мастерской и отчислений от таковой на ремонт церкви сказать ничего не могу. С Пашиным-Гулеевым (?) я познакомился во Владимирском изоляторе в январе 1926 года. Один раз он обратился ко мне летом прислать ему очки. А второй раз послать ему деньги. Просьбу его я исполнил, выслал очки и 5 руб. денег. Больше связь с Пашиным ни в чем не выражалась. В отношении статей — «В защиту Патриаршества и отеческих (родительских) прав» и «О практическом изучении христианства» скажу, что означенные статьи или в 1925 или в

1926 г.— не помню, положил, чтобы прочитать на свободе, но так и не добрался до них — вернее, не читал. Конверта не сохранилось, и я не знаю, откуда они присланы. Список приходов заведен мною с 1925 года с соответствующими пометками, смысла прятать его при обыске мною не было никакого, т. к. этот список являлся мне... (неразб.) и случайно был в кармане в этот день, прятать не было никакой цели. Печать мною приобретена в начале 1925 года, когда вернулся из ссылки, разрешения из административного отдела не брал, т. к. в мастерской меня не спрашивали, заказал я печать в Москве, на Никольской улице (точно не помню). Больше показать ничего не могу, протокол записан с моих слов правильно.

Епископ Афанасий Сахаров

ПРИЛОЖЕНИЕ 9

ПЕРЕПИСКА СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА КИРИЛЛА И ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПАТРИАРШЕГО МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЯ МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ

ПЕРВОЕ ПИСЬМО МИТРОПОЛИТА КАЗАНСКОГО И СВИЯЖСКОГО КИРИЛЛА ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПАТРИАРШЕГО МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЯ МИТРОПОЛИТУ НИЖЕГОРОДСКОМУ СЕРГИЮ

Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Сергию, митрополиту Нижегородскому, заместителю местоблюстителя Патриаршего Престола.

Считаю необходимым препроводить Вашему Высокопреосвященству для сведения отправленное мною Преосвященному викарию Казанской епархии епископу Афанасию [Малинину] суждение мое по поводу Вашей церковной деятельности, смущающей совесть многих чад и моей казанской паствы. Передо мною ряд вопросов из Казанской епархии об отношении к митрополиту Сергию и возглавляемой им Церкви:

1. Можно ли ходить, можно ли молиться, можно ли приобщаться Св. Даров в той церкви, где поминают митрополита Сергия?

2. Можно ли поминать рядом в молитве церковной митрополита Кирилла и митрополита Сергия?

3. Какова должна быть формула церковной молитвы о предержащих властях, чтобы ею не искажался смысл церковной молитвы и христианского отношения к власти, какова бы она ни была?

4. Как быть ищущему священства при современном церковном положении, чтобы иметь возможность приносить Божие Богу без туги сердечной, смущений и соблазнов?

Допустимо ли обращение за церковным окормлением к одному из иноепархиальных архиереев, не подчиняющемуся распоряжениям митрополита Сергия с так называемым Временным Патриаршим Синодом?

1. Недоумения об отношении к митрополиту Сергию и возглавляемой им Церкви могли возникнуть только потому, что верующие почувствовали в административно-церковной деятельности митрополита Сергия превышение тех полномочий, какие предоставлены ему званием заместителя местоблюстителя патриаршего престола. Для меня лично — не подлежит сомнению, что никакой заместитель по своим правам не может равняться с тем, кого он замещает, или совершенно заменить его. Заместитель назначается для распоряжения текущими делами, порядок решения которых точно определен действующими правилами предшествующей практикой и личными указаниями замещаемого. Никаких, так сказать, учредительных прав вроде реформы существующих служебных учреждений, открытия новых должностей и т. п. заместителю не может быть предоставлено без предварительного испрошения и указаний замещаемого. Коренное же изменение самой системы церковного управления, на что отважился митрополит Сергий, превышает компетенцию и самого местоблюстителя патриаршего престола. Это последнее обстоятельство митрополит Сергий со всей убедительностью разъяснил в свое время митрополиту Петру по поводу его решения от 19 января (1 февраля) 1926 г. учредить для управления церковными делами Коллегию под председательством архиепископа Григория. Убежденный доводами своего заместителя, митрополит Петр отказался тогда от погрешительного решения; зато сам митрополит Сергий через полтора года после этого успевает основательно забыть собственные доводы и границы доверенной ему власти и, восхищая права Собора церковного, учреждает коллегиальное церковное управление в виде так называемого Временного Патриаршего Синода, приостанавливая тем действенность и обнаружение законной единолично-преемственной власти. Попытка

прикрыться в данном деле авторитетом почившего Святейшего Патриарха Тихона совершенно безнадежна. Митрополит Сергий и его сотрудники по учреждению нового Высшего Церковного Управления не могут не знать резолюции Святейшего Патриарха Тихона — от 26 июня (9 июля) 1924 г., за № 523, которою патриарх счел благовременным совершенно прекратить дело об организации при нем Высшего Церковного Управления.

Посему до тех пор, пока митрополит Сергий не уничтожит учрежденного им Синода, ни одно из его административно-церковных распоряжений, издаваемых с участием так называемого Патриаршего Синода, я не могу признавать для себя обязательным к исполнению. Такое отношение к митрополиту Сергию и его Синоду я не понимаю как отделение от руководимой митрополитом Сергием части Православной Церкви, так как личный грех митрополита Сергия относительно управления Церковью не повреждает содержимого и этой частью Церкви — православно-догматического учения, но я глубоко скорблю, что среди единомысленных митрополиту Сергию архипастырей в нарушение братской любви уже применяется по отношению к несогласным и обличающим их неправоту кличка отщепенцев-раскольников. Ни от чего святого и подлинно церковного я не отделяюсь; страшусь только приступать и прилепляться к тому, что признаю греховным по самому происхождению, и потому воздерживаюсь от братского общения с митрополитом Сергием и ему единомышленными архипастырями, так как нет у меня другого способа обличать согрешающего брата. Известные мне неоднократные попытки личных и письменных братских увещаний, обращенных к митрополиту Сергию со стороны почившего ныне митрополита Агафангела, митрополита Иосифа с двумя его викариями, архиепископом Угличским Серафимом [Самойловичем], епископом Вятским Виктором [Островидовым], не могли вернуть митрополита Сергия на надлежащее место и к подобающему образу действий. Повторять этот опыт было бы бесполезно. Посему подобно сим архипастырям и вместе со всеми, кто считает учреждение так называемого Временного Патриаршего Синода погрешительным, воздержание от общения с митрополитом Сергием и единомышленными ему архиереями признаю исполне-

нием своего архипастырского долга. Этим воздержанием с моей стороны ничуть не утверждается и не заподазривается якобы безблагодатность совершаемых сергианами священнодействий и таинств (да сохранит всех нас Господь от такого помышления), но только подчеркивается нежелание и отказ участвовать в чужих грехах. Посему литургисать с митрополитом Сергием и единомышленными ему архипастырями я не стану, но в случае смертной опасности со спокойной совестью приму елеосвящение и последнее напутствие от священника Сергиева поставления или подчиняющегося учрежденному им Синоду, если не окажется в наличии священника, разделяющего мое отношение к митрополиту Сергию и так называемому Временному Патриаршему Синоду. Подобным образом, находясь в местности, где все храмы подчиняются так называемому Временному Патриаршему Синоду, я не пойду в них молиться за общим богослужением, но совершить в одном из них литургию в одиночку или с участием единомышленных мне клириков и верующих, если бы таковые оказались в наличии, признаю возможным без предварительного освящения храма. Так же, по моему мнению, может поступать и каждый священнослужитель, разделяющий мое отношение к митрополиту Сергию и учрежденному им Синоду.

Что касается мирян, то участвовать деятельно в церковно-приходской жизни приходов, возносящих имя митрополита Сергия за храмовым богослужением, в качестве возглавляющего иерархию архипастыря, по совести не следует, но само по себе такое возношение имени митрополита Сергия не может возлагаться на ответственность мирян и не должно служить для них препятствием к посещению богослужения и принятию Св. Даров в храмах, подчиняющихся митрополиту Сергию, если в данной местности нет православного храма, хранящего неповрежденным свое каноническое отношение к местоблюстителю патриаршего престола.

Молиться же о митрополите Сергии наряду с остальными архипастырями и вообще православными христианами (запись в поминовении на проскомидии, молебне и т. п.) не является грехом,— это долг всех православных христиан, пока общецерковное рассуждение не объявит учиненное митрополитом Сергием злоупотребление

доверенной ему церковной властью грехом к смерти (Мф. 18, 15–17; 1 Ин. 5, 16).

2. Богослужебное поминовение митрополита Сергия рядом с митрополитом Кириллом, если таковое совершается где-нибудь в Казанской епархии, есть, конечно, плод недоразумения, созданного уверениями, будто митрополит Кирилл единомыслен с митрополитом Сергием во всех его церковных мероприятиях. Для знающего же действительный образ мыслей митрополита Кирилла такое поминовение было бы сознательным обманом по отношению к верующим и есть грех.

3. Поминовение предержащих властей духовенством, находившимся в Зырянской ссылке, совершалось в 1923 г. по следующей формуле:

а) на великой ектении: «О всех, иже во власти суть и о еже возглаголати в сердца их благая и мирная о Церкви святей, Господу помолимся»;

б) на сугубой ектении: «Еще молимся о всех, иже во власти суть и о еже возглаголати в сердца их благая и мирная о Церкви Твоей святей»;

в) на проскомидии: «Помяни, Господи, всех, иже во власти суть, возглаголи в сердца их благая и мирная о Церкви Твоей святей и о людях Твоих»;

г) в евхаристической молитве Златоустовской литургии: «О еже в чистоте и в честном жительстве пребывающих, о всех, иже во власти суть и о еже возглаголати в сердца их благая и мирная о Церкви Твоей святей, да и мы тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте»:

д) в Васильевской литургии: «Помяни, Господи, всех, иже во власти суть, возглаголи в сердца их благая о Церкви Твоей святей и о всех людях Твоих, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте; благая во благости соблюди, лукавы благи сотвори благостию Твоею. Помяни, Господи, предстоящие люди» и т. д.

По этой формуле творю я поминовение предержащих властей, и доныне она вполне соответствует помяннику, помещенному

в Псалтири и Учебном Часослове и отражает искреннее церковное отношение и к Божиему, и к кесареву.

4. Искренность же и совершенное устранение всякого лукавства и недоговоренности в деле церковном обусловливают самое бытие истинной Церкви. Поэтому честно и открыто исповедовать свое понимание современного положения церковного — долг каждого ищущего поставления в священную степень. Но едва ли можно надеяться, чтобы подчиняющийся так называемому Временному Патриаршему Синоду архиерей согласился назначить на священническое место человека, отрицательно относящегося к совместной деятельности митрополита Сергия с так называемым Временным Патриаршим Синодом. При данных обстоятельствах для Казанского викария, не объявлявшего о разрыве общения с митрополитом Кириллом, хотя, по-видимому, подчиняющегося уже митрополиту Сергию и его Синоду (быть может, по искреннему неведению образа мыслей своего митрополита), было бы проявлением достаточной степени церковной терпимости, если бы он, в случае обращения к нему церковно-приходской общины, соблазняющейся церковными мероприятиями митрополита Сергия, признал законность желания этой общины быть в каноническом общении только со своим епархиальным архипастырем, митрополитом Кириллом, и согласился бы посвятить для нее во священники избранного и представленного самим приходом кандидата. Если бы со стороны прихожан такая просьба действительно поступила к одному из викариев казанских, то я готов был бы подкрепить ее в случае надобности своим обращением к участвующему в деле викарию, с письменным советом исполнить желание прихода, по надлежащем удостоверении в правоспособности представляемого кандидата к прохождению пастырского служения, не принимая во внимание его отношения к митрополиту Сергию и так называемому Временному Патриаршему Синоду.

Для мыслящих себя в составе казанской паствы обращение за церковным окормлением, по примеру вятских батюшек, к кому-либо из иноепархиальных архиереев было бы неосторожным повреждением своей канонической связи с Церковью Вселенской. Для вятских батюшек, находящихся в общении с епископом Виктором

[Островидовым], такое окормление находит себе основание в том, что епископ Виктор, лишенный уже физической возможности священнодействовать в храме, в бытность свою в Ленинграде сам направил своих ставленников для рукоположения в священники к одному из тамошних архиереев. Для Казани такой порядок я нахожу пока преждевременным.

Кирилл, митрополит Казанский и Свияжский.

2 (15) мая 1929 г.

Станок Хантайка, Туруханского района, Красноярского округа.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПАТРИАРШЕГО МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЯ МИТРОПОЛИТА НИЖЕГОРОДСКОГО СЕРГИЯ К МИТРОПОЛИТУ КАЗАНСКОМУ И СВИЯЖСКОМУ КИРИЛЛУ

Уже давно я угадывал по доходящим до меня отрывочным сведениям церковную позицию Вашего Преосвященства, но не спешил делать отсюда соответствующего вывода. Мне хотелось объяснить Ваши действия просто недостаточной Вашей осведомленностью в современных церковных делах. Я льстил себя надеждой, что с течением времени, с получением надлежащей осведомленности, Вы исправите свою ошибку и не только прекратите неблагодарную работу подкапывания Дома Божия, но и поддержите своим авторитетом мои усилия восстановить сильно нарушаемый теперь порядок и чин в церковной жизни. К сожалению, Ваше суждение «о моей деятельности» (собственноручную копию которого Вы прислали мне «для сведения») не оставляет места сомнению в том, что Вы и теоретически единомысленны с нашим новым расколом, не совсем правильно называемым «иосифлянским», и активно его поддерживаете своим примером и словом и даже стремитесь воздействовать на волю управляющего Казанской епархией означенным «суждением», т. е. перешли уже и к доступным в Вашем положении административным мерам. Это и меня заставляет выйти из выжидательного состояния и обратиться к Вашему Высокопреосвященству с настоящим моим словом.

Прежде всего, нельзя не отметить знаменательного совпадения. Известный архиепископ Григорий свою полемику против меня начал с отрицания моих полномочий. Точно так же и Ваше Высокопреосвященство, чтобы проложить путь к дальнейшим Вашим обо мне суждениям, начинаете с подрыва моих полномочий и делаете это посредством довольно искусной игры со словом «заместитель». Для меня лично, пишете Вы, не подлежит сомнению, что никакой заместитель по своим правам не может равняться с тем, кого он замещает, или совершенно заменить его. Заместитель назначается для распоряжения текущими делами и т. д. Действительно, по ходячему, всем нам привычному представлению, «зам» только подписывает бумаги за начальника и пропускает текущие дела, не смея касаться дел, требующих инициативы. Но это ходячее представление здесь не приложимо.

Дело в том, что с титулом «заместитель» произошло у нас то же, что и с титулом «патриарший местоблюститель». В завещании Святейшего Патриарха говорится только о переходе патриарших прав и обязанностей, и уже сам Владыка — митрополит Петр решил именоваться «патриаршим местоблюстителем», по букве же завещания, его титул должен бы быть: «исполняющий обязанности патриарха»[1]. В свою очередь, и Владыка митрополит Петр не называет меня в своем распоряжении «заместителем», а говорит только о временном переходе ко мне прав и обязанностей местоблюстителя. Значит, и мой титул собственно: «временно исполняющий обязанности патриаршего местоблюстителя», и уже потом за мной установился титул «заместитель».

Было бы ни с чем не сообразно, пользуясь тожеством титула, применять ко Владыке — митрополиту Петру известное «Положение о местоблюстителе», принятое на Соборе 1917—1918 гг., и называть превышением полномочий, например, обращение его с посланиями ко всероссийской пастве или установления поминовения его имени по всем храмам (и то и другое, по положению, предоставлено обычному местоблюстителю только совместно с Синодом). Но в той же степени несообразно и мои полномочия определять, играя на ходячем смысле слова «заместитель». Можно спорить, насколько удачно выбрано для моей должности такое

наименование, но за разъяснением смысла этого наименования и какой размер полномочий в данном случае оно должно обозначать, всего прямее и вернее обратиться ко мне, как носителю этого наименования, или же к тексту распоряжения местоблюстителя, а не затруднять себя довольно бесцельными исследованиями, что вообще может означасть слово «заместитель». Это Ваша первая неправда.

Совершенно произвольно, таким образом, ограничив мои полномочия и основываясь на этом Вами же изобретенном ограничении, Вы легко и приходите к обвинению меня в конечном превышении власти. Вы утверждаете, будто бы учрежденный мною Синод — в существе та же Коллегия, недопустимость которой со всей убедительностью разъяснял я сам в 1926 г. «Убежденный доводами своего заместителя, митрополит Петр отказался от погрешительного решения; зато сам митрополит Сергий через полтора года после этого успевает основательно забыть собственные доводы и границы доверенной ему власти и, восхищая права Собора церковного, учреждает коллегиальное управление, в виде так называемого Патриаршего Синода, приостанавливая тем действенность и обнаружение законной единолично-преемственной власти». Значит, я превысил не только скромное полномочие «зам», но превзошел и всякую меру самовластия, посягнув самочинно на самые основы нашего патриаршего строя. Это Ваша вторая неправда. Ошеломленный читатель, конечно, не знает, что в 1926 г., возражая против Коллегии, я предлагал вместо нее учредить Синод, чего, несомненно, не могло быть, если бы между этими учреждениями не было бы существенной разницы.

Коллегия учреждалась взамен единоличного заместительства и назначалась управлять Церковью в отсутствие Первоиерарха, а Синод утвержден при Первоиерархе, причем в 1927 г. я нарочито оговорил, что наш Синод не имеет полномочий на управление без меня. Коллегия действительно могла угрожать целости патриаршего строя, а Синод угрожать не может. Наоборот, давая патриаршему управлению возможность правильно функционировать, Синод может служить к оправданию и утверждению идеи патриаршества в

нашем церковном сознании и, следовательно, к сохранению у нас патриаршества.

Вы далее пишете, что при утверждении Синода я не имею права ссылаться на пример Святейшего Патриарха, так как последний в своей резолюции от 26 июня (9 июля) 1924 г. за № 523, «счел благовременным совершенно прекратить дело об организации при нем Высшего Церковного Управления». Вы с уверенностью подчеркиваете, что митрополит Сергий и его сотрудники по учреждению ВЦУ не могут не знать «этой резолюции». Выходит, как будто, что мы даже скрываем от церковного общества уличающие нас документы. Между тем в резолюции значится, что «совершенно прекратить» Святейший Патриарх счел «благовременным» не дело об организации ВЦУ, а «переговоры с Красницким о примирении»; и далее — «и подписи на журнале от 8 (21) мая 1924 г. об учреждении при мне ВЦУ считать недействительными». Ясно, что резолюция говорит о ВЦУ в каком-то определенном виде и составе (журнал мне неизвестен) и не содержит в себе даже намека на отказ Святейшего от мысли вообще иметь при себе Управление. Не содержит в себе такого отказа и предложение Святейшего от 18 июня (1 июля) того же года за № 410, прямо касающееся прекращению работ Синода: «Ввиду того, что Священный при мне Синод, а равно и вызываемые мною для участия в его работах Преосвященные архипастыри не зарегистрированы гражданской властью, нахожу благовременным впредь до моего распоряжения работу Священного при мне Синода прекратить, уведомив» и т. д. Таким образом, работа Синода прекращалась не навсегда, а лишь временно, «впредь до особого распоряжения», и что причина прекращения в отсутствии гражданской регистрации, а не в отказе от мысли иметь Синод; поэтому впоследствии, когда намечалась возможность регистрации, Святейший приступал к организации Синода, собственноручно писал списки будущих членов и пр. (например, в 1925 г.). Как будто и я не отступил от линии действий Святейшего, когда, воспользовавшись регистрацией, учредил при себе Синод. Такова третья неправда, содержащаяся в Вашем «суждении о моей деятельности». Из указанных трех неправд Вы делаете вывод: «до тех пор, пока митрополит Сергий не уничтожит учрежденного им Синода, ни одно

из его административно-церковных распоряжений, издаваемых с участием так называемого Временного Патриаршего Синода, я не могу признавать для себя обязательными к исполнению». Вы не делаете оговорки о распоряжениях, лично от меня исходящих; но таких распоряжений для Вас и не может быть, так как, по Вашим словам, учреждение Синода лишает меня («приостанавливает действенность и обнаружение») и единоличной власти, полученной мною от Владыки митрополита Петра.

Вслед за мною теряют власть и все признающие Синод архиереи. Каждый священник, по Вашему наставлению, может отказать «сергианскому» архиерею в повиновении, может перестать с ним служить, может обращаться за окормлением к иноепархиальному, «своему» архиерею (как вятские обращаются к епископу Димитрию (Любимову) в Ленинград); даже на запрещение «сергианского» архиерея может не обращать внимание (Ваш совет о. Шилову из В. Устюга).

Административный разрыв с необходимостью ведет к евхаристическому. Поэтому «воздержание от общения с митрополитом Сергием и единомысленными ему архиереями признаю,— пишете Вы,— исполнением своего архипастырского долга».

Но как ни радикальны эти выводы, Вы не можете не сознавать, что мой грех, даже преувеличенный до последней степени, не делает возглавляемую мною иерархию ни еретической, ни даже раскольнической, что наша Церковь через это не лишилась ни единства с Церковью Вселенской, ни благодати Св. Духа, изливаемой в таинствах («да сохранит всех нас Господь от такого помышления»,— пишете Вы). Вы не против того, чтобы священники для Ваших общин получали хиротонию от «сергианских» архиереев. Вы выражаете даже готовность (чем, в сущности, подрываете всю свою позицию) на «смертном одре» (значит, тогда, когда человек обычно не заботится более о мнении других людей, а ищет одной правды) со спокойной совестью принять елеосвящение и причастие от «сергианского» священника при отсутствии своего. Не признавая нас, таким образом, ни раскольниками, ни безблагодатными и не имея, следовательно, дозволенных оснований для раскола, Вы, од-

нако, с нами порываете общение. Можно ли с Вами согласиться, что раскола Вы не учиняете и остаетесь в мире со Св. Церковью?

I. Прежде всего, кто Ваши единомышленники, с которыми Вы своим «суждением» солидаризируетесь, так сказать, публично и официально?

Вы «глубоко скорбите» о том, что мы их называем отщепенцами и раскольниками. Но ведь они признают нашу, возглавляемую мною Церковь «царством антихриста», наши храмы — «вертепами сатаны», а нас — его служителями, Св. Причастие — «пищею бесовскою»; оплевывают наши святыни и под. Для признающих благодатность нашей Церкви должно быть ясно, что все эти хулы и оплевания падают ни на кого другого, а на самую Св. Церковь Христову и на ее Божественные таинства. Это даже уже не раскол, а прямо хула на Духа Святого, грех и смерть, лишающий хульника надежды вечного спасения. И только беспросветная темнота одних и потеря духовного равновесия другими из хулителей дают христианской любви некоторую смелость верить, что грозное изречение Господа (Мф. 12, 31) не будет применяться к этим несчастным со всей строгостью. Заметьте, что эту хулу изрыгают не только какие-нибудь «чернички», «всегда учащиеся и николиже в разум истины прийти могущие» (2 Тим. 3, 7), а сами их вожди, например, епископы Димитрий (Любимов), Алексий (Буй), Виктор (Островидов), Иерофей (Афоник).

После таких хулений неудивительно, что эти люди в отношении к нашей Церкви не стесняют себя никакими канонами и правилами. Их архиереи простирают свои иерархические действия далеко за пределы своих епископий; посылают в чужие епархии послания, своих ставленников, даже епископов (Серпухов), не замечая присутствия канонических архиереев. Одним словом, это не просто ропщущие на церковный порядок люди, это уже сорганизовавшееся в своем отделении от Церкви особое общество, в полном смысле «церковь лукавнующих». Справедливо поэтому вожди этого общества преданы суду и подвергнуты запрещению, и все молящиеся с ними и последующие им подлежат отлучению.

Между тем с этой церковью лукавнующих Вы состоите в общении: готовы одобрять и поддерживать самые непозволительные по

канонам действия самочинников, вроде, например, служения Шилова в состоянии запрещения или обращения вятских викториан в Ленинград к епископу Димитрию (Любимову). Если для своей казанской паствы Вы не рекомендуете такой способ действий, то только как преждевременный, а не как неправильный по существу. Судите же сами, если за одну молитву даже на дому с отлученным виновный подлежит отлучению (Апостольское правило 10), если священнослужитель, сообщающийся с отлученным от общения, должен быть «вне общения церковного, яко производящий замешательство в чине церковном» (Антиохийского Собора правило 2), если, наконец, «приложившиеся» к учинившему раскол должны быть извержены, т. е. лишены сана и исключены из клира (Апостольское правило 31), то тем более всему этому подлежите Вы, в котором мы должны видеть не рядового сомолитвенника или полупассивного соучастника раскола, а при Вашем авторитете и одного из главных его вдохновителей, своего рода «учителя бесчиния» (Апостольское правило 16).

II. Вы порвали с нами евхаристическое общение и в то же время не считаете ни себя учинившим раскол, ни нас, состоящими вне Церкви. Для церковного мышления такая теория совершенно неприемлема — это попытка сохранить лед на горячей плите. Из всех видимых связей церковного тела евхаристическое общение есть самое существенное, настолько, что при ее отсутствии остальные связи единства не удержат. Мы можем, например, совсем не знать о существовании какой-нибудь отдаленной православной общины, однако, если мы знаем, что в храме этой общины мы можем принять Св. Тайны, значит эта община вместе с нами принадлежит к Единой Св. Православной Церкви. С другой стороны, было время, когда лютеранские приходы в России были в административном ведении нашего Святейшего Синода, а православные в Финляндии — в ведении лютеранского церковного управления, однако ни там, ни здесь единого Тела не было, потому что евхаристического общения быть не могло. Среди старообрядцев есть приемлющие некоторые наши таинства, например, крещение, миропомазание и венчание; другие окормляются «переходящим» от нас священством (как и Вы разрешаете своей казанской пастве принимать священ-

ников, поставленных сергианами); однако при отсутствии евхаристического общения мы называем старообрядцев раскольниками, а они нас еретиками.

То же и в нашем деле. Если мы с Вами одинаково полноправные члены Св. Православной Церкви, то это необходимо должно выразиться в евхаристическом общении между нами. Если же последнего между нами нет, то или Вы учиняете раскол, или мы находимся вне Церкви (хотя бы временно под епитимией), а потому потеряли возможность преподать Вам истинную Евхаристию. Да и психологически среднее невозможно. Во Святом Причащении для верующего церковника совершитель далеко отступает на задний план; верующий вступает в непосредственное общение со Христом. Христос говорит: «Приимите ядите». Мыслим ли для верующего отказ из-за совершителя? Отказ этот только в самой незначительной степени коснется совершителя и больно затронет личные отношения верующего ко Христу. Другое дело, когда мы для Вас вне Церкви. Вам легко тогда сказать: «Вне Церкви нет Христа, нет и Тела Его, а от вашего хлеба и вина причащаться я не желаю». Поэтому-то правило Антиохийское 2-е гласит: «Все входящие в Церковь и слушающие Священное Писание (т. е. полноправные), но по некоему уклонению от порядка не участвующие в молитве с народом или отвращающиеся от причастия Св. Евхаристии да будут отлучены от Церкви дотоле, как исповедуются, окажут плоды покаяния и будут просить прощения и, таким образом, возмогут получить оное».

8-е же правило Св. Апостолов, угрожая отлучением от общения церковного епископу и всякому из «священного списка», кто «при совершении приношения (в Православной Церкви и православным священником) не причастится», указывает причину такой строгости: «яко соделавшийся виною вреда народу и на совершавшего приношение наведший подозрение, аки бы неправильно совершал», т. е. как возбудивший в верующем народе подозрение в неспасительности совершающейся православной Евхаристии и, вслед за собою, отвративший народ от Св. Причастия. Ведь простое христианское сознание, не затемненное никакими так называемыми умствованиями или страстью, знает только одну законную причину уклониться от Св. Причастия (кроме, конечно, своих личных,

нравственных причин), когда причастие не спасительно, а губительно, когда хлеб и вино не суть Тело и Кровь Христовы. Читая Ваше объявление, что Вы впредь до нашего покаяния отказываетесь с нами причащаться, верующий народ поймет это так, что Вы уже признаете нас внецерковными и нашу евхаристию подложной. Ваши же рассуждения о воздействии и пр. сочтет за тактический прием, припишет Вашей излишней осторожности, нежеланию объявлять своего временного «первого епископа» еретиком до Собора и т. п. И будет следовать Вашим не словам, а делам; будет отвращаться от нашей евхаристии, боясь вместо «трапезы Господней» попасть на «трапезу бесовскую». Отсюда же только шаг до тех хулений, которые были упомянуты мною раньше. Таким образом, имея самое благое намерение, но не проверив его голосом Церкви, Вы «соделываетесь виною вреда народа», отнимаете у него веру во Св. Тайны и отвращаете от Св. Причастия.

III. Вы скажете, что 8-е правило Апостольское отлучает от Церкви только того непричащающегося епископа, который не сможет представить благословной причины своего непричащения; у Вас же такая причина есть: осудив деятельность заместителя, Вы разрывом евхаристического общения хотите на него воздействовать в целях исправления, ближайшим образом, упразднения Синода; «так как нет у Вас другого способа обличить согрешающего брата».

Но позволительно спросить, имеете ли Вы полномочия на такое воздействие, притом мерами, «производящими замешательство в чине церковном». Правда, архиепископ Григорий [Яцковский] когда-то утверждал, что попечение об общих делах Церкви возложено на всех епископов и на каждого в отдельности, так что каждый из них при случае может присвоить себе распоряжение общими делами. Однако Св. Церковь напоминает нам каждому «знать свою меру». Я, например, в качестве простого епархиального архиерея должен бы был ограничиться пределами своей епархии и в управлении общими делами Русской Церкви мог бы участвовать только присутствуя в Синоде или на Соборе (Апостольское правило 34). Теперь же, как заместитель, я имею прямое полномочие на управление общими делами. Не отрицаю, что первый епископ под-

лежит суду епископов своей области (III Вселенский Собор, 1-е правило), но суду всех их в совокупности, а не суду каждого из них в отдельности. А чтобы каждый епархиальный архиерей, единолично осудив деятельность первого епископа, мог тотчас же отказывать ему в каноническом послушании и порвать с ним евхаристическое общение, это нечто совершенно неслыханное с точки зрения церковных канонов. Вам не нравится, например, учреждение Синода, другому – декларация, третий найдет, что я слишком снисходителен к падшим, четвертый, наоборот, что я слишком к ним строг и т. д., и т. д. Если каждый из недовольных сочтет себя вправе воздействовать на меня по Вашему способу, то в «церковном чине» произойдет уже не «замешательство», а настоящий хаос, угрожающий конечным расстройством церковной жизни. Предупреждая такое бедствие, Святая Церковь и указывает только одно исключение, когда каждый вправе отложиться от своего духовного главы: открытое проповедование последним ереси, уже осужденной соборне (15-е правило Двукратного Собора). Во всех же остальных случаях Церковь рекомендует недовольным обращаться к Собору и ждать соборного решения, предпочитая, таким образом, лучше терпеть некоторые разные погрешности в деятельности первого епископа, чем колебать церковное единство. А тому из недовольных чем-нибудь, кто, не дожидаясь «соборного оглашения и совершенного осуждения» и рискуя церковным единством, произнесет собственное «суждение о деятельности» первого своего епископа и «дерзнет отступити от общения с ним», таковому Священный Собор определил «быти совершенно чужду всякого священства» (15-е правило Двукратного Собора).

В каком-то из своих писем Вы оправдываете свои действия тем, что кроме церковных канонов у епископа есть еще «иерархическая совесть», которая может его уполномочить действовать даже вопреки всяким канонам. Но это опять мысль совершенно не церковная, открывающая дверь самому необузданному произволу и самочинию, чтобы не сказать самодурству. Даже Римский папа претендует на непогрешимость только тех своих решений, которые произносятся им ex cathedra, т. е. между прочим и после соборного рассмотрения. Наше же положение гораздо скромнее: мы только служите-

ли, призванные творить волю Пославшего нас. А эта воля в обычной обстановке и нам, обычным людям, открывается не в виде каких-нибудь чрезвычайных откровений в нашей совести, а открыта в слове Божием, в учении Церкви и в особенности в канонах, определяющих жизнь церковную в ее конкретной действительности. Если наша «иерархическая совесть» наставляет нас делать сообразно этому регулятору, мы можем на нее положиться. Если же она нам рекомендует бесчиние, то безопаснее обратиться к духовнику и раскрыть ему свое духовное состояние, как это делается при всяком искушении.

Что Св. Церковь повелевает нам подчинять внушения нашей совести правилам внешнего церковного порядка, это показывают 147-е и 133-е правила Карфагенского Собора. Епископ знает о преступлении от самого преступника из его личного наедине признания, но публично в судебном порядке установить этого преступления не может. «Иерархическая совесть» побуждает его немедленно же отстранить виновного от священнослужения, а Св. Церковь заповедует: «Доколе отлученного по сему случаю не примет в общение свой епископ, дотоле сего епископа да не приемлют в общение прочие епископы.

Вы признали «бесполезным повторять опыт» переговоров или переписки со мной по сему делу и перешли уже к действиям против меня и единомысленной со мною иерархии. В частности, Ваше «суждение» рассылается по всем епархиям, производя несомненный соблазн. Это давало бы и мне право перейти прямо к действиям, к которым обязывает возложенное на меня послушание. Однако братский долг внушает мне не считать еще дело поконченным. Поэтому, представляя Вам все вышеизложенное и напоминая Вам тот великий соблазн, какой производит в церковной среде Ваше выступление, усерднейше прошу Вас пересмотреть свое решение и во имя послушания и любви к Св. Церкви иметь мужество признать если не всю неправильность, то хотя бы излишнюю поспешность Вашего разрыва с нами и отложить вопрос до соборного решения, пригласив к тому же и последовавших за Вами.

Отсутствие от Вас ответа на этот мой братский призыв до 18 ноября (1 декабря) с. г. будет означать Ваше нежелание внять ему

и, следовательно, будет обязывать меня перейти к соответствующим действиям по вверенной мне власти. Мне хочется, однако, надеяться, что нужды в этих действиях не будет и что новая туча скорби, собирающаяся над нашей Церковью, рассеется нашими общими с Вами усилиями, о чем и молю усердно Господа.

Вашего Высокопреосвященства недостойный брат о Христе и слуга

Сергий, митрополит Нижегородский.

18 сентября 1929 г. Москва.

ВТОРОЕ ПИСЬМО («ОТЗЫВ») МИТРОПОЛИТА КАЗАНСКОГО И СВИЯЖСКОГО КИРИЛЛА ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПАТРИАРШЕГО МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЯ МИТРОПОЛИТУ НИЖЕГОРОДСКОМУ СЕРГИЮ

Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Сергию, митрополиту Нижегородскому, заместителю патриаршего местоблюстителя, Кирилла, митрополита Казанского и Свияжского

ОТЗЫВ.

Высокопреосвященнейший Владыко,

19 октября 1929 г. уполномоченным от канцелярии так называемого Временного Патриаршего Синода доставлено мне письмо Ваше от 18 сентября с. г. за № 3193.

Не стану оспаривать желательной Вам терминологии для обозначения Ваших церковных полномочий (дело не в терминах, а в деле), но со всею решительностью отрицая приписываемую мне Вами склонность «играть» термином «заместитель», продолжаю думать и утверждать, что Вы действительно превзошли «всякую меру самовластия, посягнув самочинно на самые основы нашего патриаршего строя». Синода с такими правительственными оказательствами, как при Вас учрежденный и действующий Синод, Русская Церковь не знала ни при патриархе, ни при митрополите Петре.

Отказавшись в силу Ваших разъяснений 1926 г. от учреждения Коллегии для управления церковными делами, митрополит Петр не внял, однако, и Вашему предложению относительно Синода,

опасаясь, несомненно, создать ту же Коллегию под другим только именем. Через полтора года после этого Вы создали ее по собственной инициативе.

Сколько бы Вы ни успокаивали верующее сознание заявлениями, что Синод Ваш отнюдь не призван заменить единоличное возглавление Церкви, для всех все-таки остается очевидным, что правите Вы Церковью с Синодом, объявляя, что не можете пригласить в помощь себе братий-соепископов иначе, как в качестве соправителей. Особенно же правительственное значение Вашего Синода подчеркивается приравнением его к тому Синоду, который в свое время пришел на смену патриаршеству и управлял Русской Церковью до восстановления его в 1917 г. В распространяемом с синодским засвидетельствованием подлинности письме архиепископа Илариона (Троицкого) основная аргументация автора покоится на мысли, что Синод Ваш и Святейший Правительствующий Синод, учрежденный в 1721 г.,— «явления одного и того же порядка и достоинства». Если бы эта мысль была чужда Вам, Вы, конечно, не благословили бы рассылать подобный документ в назидание другим. Мысли этой нисколько не ослабляют и попытки Ваши отделить возглавление Церкви от Ее управления. Обычное церковное сознание не может мыслить их раздельно, и для меня, например, остается несомненным, что с учреждением Вашего Синода пред Церковью встала уже не угроза целости патриаршего строя, а действительная подмена этого строя синодальным управлением.

При наличии такого управления Ваша единоличная преемственная власть, конечно, приостановила свою действенность и обнаружение. Вы сами отказались от этой власти, распыливши принятую на себя ответственность за ход церковной жизни на безответственную Коллегию. Оставаясь последовательным, Вы при существовании Вашего соправителя-Синода не должны уже принимать по делам особой церковной важности единоличных решений, не проверенных и не закрепленных синодским постановлением. Единоличные Ваши выступления по таким делам возможны только по поручению Синода — не как возглавляющего Церковь, а как доверенного представителя от Ее возглавления. Принять, например, по отношению ко мне меры канонического прещения без Вашего

Синода Вы уже не можете, потому что такое единоличное распоряжение было бы равносильно уничтожению Вашего Синода, а объявление этого прещения по коллегиальному Вашему решению с Синодом неприемлемо для меня потому, что я мыслю себя в Церкви, унаследовавшей от почившего патриарха единоличную власть. Правда, Вы успокаиваете себя предположением, что «как будто бы не отступили от линии действий Святейшего, когда, воспользовавшись регистрацией, учредили при себе Синод», но это справедливо только для линии внешних действий Святейшего. Подобно ему, Вы составляете списки приглашаемых членов Синода, приглашаете их и т. п., но, в отличие от образа поведения патриарха, делаете Синод Вашим соправителем, чтобы, как заявляете Вы, не править монархически. Но почивший патриарх не правил монархически. Он имел и постоянных около себя советников, называя совокупность их Синодом, пользовался для проверки своей архипастырской совести и суждениями прилучившихся архиереев, но никого не ставил рядом с собою для переложения ответственности со своей головы на другие. При нем все распорядительные решения по Церкви были и воспринимались Ею как единоличные распоряжения Святейшего Патриарха. Вспомните хотя бы историю кратковременного существования в церковной жизни нового стиля. Введен он был с участием так называемого Синода, а отменен резолюцией патриарха единолично,— ясно, что и введение стиля, и отмену его патриарх брал исключительно на свою ответственность, Синод же при нем присутствовал то в качестве советника, то как свидетель совершившегося. Приводимая Вами резолюция от 18 июня (1 июля) 1924 г. за № 410 достаточно отражает положение тогдашнего Синода, как некоего временного привеска, то нужного и существующего, то нет. Резолюция же Святейшего от 26 июня (9 июля) 1924 г. за № 523 об отказе от учреждения при нем ВЦУ устанавливает пред нами и тот основной принцип, которым всегда руководился Святейший в своем управлении Церковью. Мне эта резолюция известна в следующей редакции: «Благодарю за выражение чувства верности. Прошу верить, что я не пойду на соглашения и уступки, которые могли бы угрожать целости Православия. Если же переговоры с о. Красницким, особенно в газетной передаче

о. Красницкого, вместо радости возбуждают тревогу и опасения, о чем свидетельствуют многочисленные заявления архипастырей, пастырей и мирян, то нахожу благовременным совершенно прекратить переговоры с о. Красницким о примирении, и подписи на журнале от 8 (21) мая 1924 г. об учреждении при мне ВЦУ считать недействительными». Наличие тревоги и опасений в церковном обществе заставляют Святейшего отказаться от мероприятия, вызывающего эти опасения.

Давно уже нет недостатка в выражениях пред Вами со стороны архипастырей, пастырей и мирян ощущений опасений и прямых протестов по поводу совершаемой Вами реформы церковного управления. Оказавшись в положении, подобном тому, в каком Святейший нашел в себе мужество принять решение, формулированное вышеприведенной резолюцией, последуйте для успокоения Церкви действительно примеру Святейшего и, если вместо радости учреждение Вами Синода возбуждает тревоги, опасения и страстные споры, найдите благовременным распустить Ваш Синод, успокойте смущенные души, с любовию отдавшиеся Вашему руководству, пока не становились Вы на путь ненужных новшеств. Думаю, что эти души и их ничем не смущаемая совесть в общении с Церковью и ее служителями гораздо ценнее для Церкви и важнее для общего в ней спасения, чем настойчивое сохранение в жизни церковной спорных учреждений, быть может полезных в некоторых житейских отношениях, но не могущих этой полезностью погасить вред, причиненный неподобающим порядком своего возникновения. Уверен, что если бы Ваше Высокопреосвященство во имя сохранения церковного исполнения последовали моему совету, то все упоминаемые Вами в письме ко мне противники Ваши снова с любовью возвратились бы под Ваше руководство и прекратилась бы для Вас надобность расточать новые и новые прещения и меня объявлять «учителем бесчиния» со всеми последствиями такого учительства. Если же Вы найдете для себя позволительным и необходимым утвердить за мной этот плачевный титул, я буду знать, что получил его за то, что я счел обязательным для совести своей вслух назвать действительный источник развивающегося у нас за последние два года церковного бесчиния.

Против необходимости для Вас предварительной проверки своих церковных мероприятий голосом собратий никто возражать не может. Совещайтесь и с прилучившимися архипастырями, и с теми, кого среди своих собратий найдете наиболее опытными и авторитетными,— имейте, если угодно, и постоянных при себе советников, но такое вспомогательно-совещательное, а не правительственное значение их постоянного сотрудничества с Вами установите во всеуслышание, с такою ясностью, чтобы не оставалось уже надобности разъяснять, что разумели Вы под тем или другим употребленным Вами выражением. Это Вам следует сделать независимо от решения вопроса о том, равны ли Ваши права с правами митрополита Петра. Но в устранение ложных представлений необходимо установить действительную природу и границы Ваших прав.

В письме к какому-то недоумевающему о. протоиерею от 1 (14) марта 1928 г. Вы говорите: «Св. патриарх все права и обязанности патриарха передал митрополиту Петру (которого, в сущности, правильнее было бы назвать не местоблюстителем, а и. д. патриарха), а последний без всяких ограничений передал эти права мне». Утверждая это, Ваше Высокопреосвященство не замечаете весьма существенной разницы между митрополитом Петром и Вами в порядке правопреемства. Митрополит Петр принял свои церковные полномочия после патриарха скончавшегося и является единым носителем оставленных прав, в каковом достоинстве и был утвержден в день («погребения»?— *А. Ж.*) Святейшего Патриарха собравшимися на погребение, в значительном количестве, епископами, закрепившими это признание особым актом. Вы свои полномочия восприняли от митрополита Петра, пусть даже без ограничений, но в пользовании ими Вас ограничивает существование митрополита Петра как местоблюстителя. От своих прав по местоблюстительству он не отказывался и до сих пор остается и признается Церковью в своем достоинстве. В качестве местоблюстителя он выступает перед Церковью с посланиями и самостоятельными предложениями, оставляя за Вами отправление возложенных на Вас ежедневных обязанностей по церковному управлению. Таково послание его к архипастырям, пастырям и всем чадам Российской

Православной Церкви, изданное 19 декабря 1926 г. (1 января 1927 г.) в г. Перми. Из этого послания, как такового, усматривается, кроме того, целый ряд деловых сношений в 1926 г. митрополита Петра как действительного местоблюстителя с митрополитом Агафангелом. Становясь на Вашу точку зрения равенства Ваших прав с правами митрополита Петра, мы, при наличии подобных актов, имели бы одновременно два возглавления нашей Церкви: митрополита Петра и Вас. Но этого в Церкви быть не может, и Ваши права в ней — только отражение прав митрополита Петра и самостоятельного светолучения не имеют. Принятие же Вами своих полномочий от митрополита Петра без восприятия их Церковью в том порядке, как совершилось восприятие прав самого митрополита Петра, т. е. без утверждения епископатом, ставит Вас перед Церковью в положение только личного уполномоченного митрополита Петра, для обеспечения на время его отсутствия сохранности принятого им курса церковного управления, но не в положение заменяющего главу Церкви, или «первого епископа страны». Поэтому меня очень смутило в свое время письмо Ваше к митрополиту Агафангелу, которому 17 (30) апреля 1926 г. Вы писали, между прочим, следующее (подчеркивается мною): «Митрополит Петр письмом от 22 апреля (мне разрешили с ним в Москве обменяться письмами по поводу Вашего послания) совершенно определенно заявил мне, что он считает обязательным для себя остаться местоблюстителем, хотя бы он был не на свободе, а «назначенный им Заместитель несет свои обязанности до окончания дела» митрополита Петра.

«Конечно,— продолжаете Вы,— если бы Ваши (т. е. митрополита Агафангела Преображенского) притязания на местоблюстительство были для всех очевидны и бесспорны, я бы (митрополит Сергий Страгородский) ни минуты не колебался передать Вам управление, несмотря на нежелание митрополита Петра». Таким заявлением, Владыко, Вы первый из всех выступили идеологом более чем свободного отношения к 15-му правилу Двукратного Собора и другим, на основании которых ущедряете прещениями на отказывающих Вам в повиновении потому именно, что притязание Ваше на равное и даже высшее положение сравнительно с местоблюстителем не для всех очевидны и бесспорны. Забвение духа

сих правил сказывается, между прочим, и в Вашей постоянной склонности ставить свою деятельность в непосредственную связь с именем почившего патриарха. Авторитет Святейшего имеет, конечно, для всех громадное значение. Однако если бы Вы «знали свою меру» и действовали по духу св. канонов, то остерегались бы постоянно апеллировать к этому авторитету, так сказать, через голову митрополита Петра, от которого Вы получили свои полномочия, и испрошение согласия митрополита Петра на Ваши мероприятия исключительной важности должно быть для Вас и для Церкви ручательством, что Вы подлинно не отступаете от линии действования Святейшего. Ведь полномочия-то патриаршие перешли непосредственно от патриарха не к Вам, а к митрополиту Петру, и Вам следует сохранять по отношению к нему для всех нас обязательную мерность[2].

Как бы ни подчеркивали Вы строгость суждения канонов, на какие ссылаетесь, в обличение непослушных Вам, Ваши толкования производят малое впечатление и на непослушных и на все церковное общество, совершенно перестающее доверять диалектической канонике, развившейся у Вас до ужасающих размеров с появлением обновленчества[3]. Вспомните, как на основании канонического буквализма учредительный обновленческий, так называемый, Собор 1923 г. осудил патриарха не только на лишение сана, но и монашества. Поэтому не злоупотребляйте, Владыко, буквой канонических норм, чтобы от святых канонов не остались у нас просто каноны. Церковная жизнь в последние годы слагается и совершается не по буквальному смыслу канонов. Самый переход патриарших прав и обязанностей к митрополиту Петру совершился в небывалом и неведомом для канонов порядке, но церковное сознание восприняло этот небывалый порядок как средство сохранения целости патриаршего строя, считая последний главным обеспечением нашего православного бытия, особенно ввиду обновленческого отрицания идеи патриаршества. Поэтому и отношение всего церковного исполнения к неповрежденному хранению унаследованного от Святейшего Патриарха строя стало не просто послушанием этому строю по букве канонов, но с психологической необходимостью обратилось в насторожившийся контроль над церковными

верхами. Всякое преткновение на этом пути или только сомнительный шаг кого-либо из архипастырей и пастырей воспринимается наиболее горячими охранителями как отступление от чистоты Православия. Этой психологии церковного общества Вы не могли не знать и не должны были в деле временно доверенного Вам управления Церковью прибегать к спорным экспериментам; или же должны были тотчас же отказаться от них, как только получили засвидетельствование их спорности, чтобы не стать тем, чем Вы теперь стали, т. е. главным виновником все более усиливающегося пожара церковного бесчиния.

В этой психологии находит себе объяснение и оправдание отход от Вашего церковного управления людей, для которых внутренняя каноническая правда, в частности, правда 14, 13 и 15-го правил Двукратного Собора не менее дорога, чем и для Вас. Это и заставляет ревнующих указывать Вам на совершаемую Вами и по существу, и тактически роковую погрешность в устроении бытия Российской Православной Церкви. В этом пункте объединяюсь с ними и я в своих отношениях к Вам, но отнюдь не в хулах, о каких упоминаете Вы в своем письме. О хулах этих я узнаю впервые от Вас; о единственно же возможном для меня отношении к ним Вы имеете полную возможность судить хотя бы по тому ужасу, с каким «отталкивал я от себя мысль о безблагодатности совершаемых сергианами священнодействий и таинств». Вы сами отмечаете этот мой ужас и, приобщая после сего и меня к таким хульникам, говорите просто неправду. Если хулы такие действительно кем-нибудь произносятся, то они плод личного темперамента говорящих, плод — скажу Вашими словами — «беспросветной темноты одних и потери духовного равновесия другими». И как горько, Владыко, что потерю духовного равновесия обнаруживаете и Вы в равную меру. Для своей христианской любви, имеющей по Вашему сознанию «некоторую смелость верить, что грозное изречение Господа (Мф., 12, 31) не будет применяться к этим несчастным со всею строгостью», Вы, однако, не осмеливаетесь найти более любовный способ воздействовать на них, как постановление Вашего Синода от 6 августа 1929 г. за № 1864, воспрещающее, несмотря ни на какие просьбы, отпевать умерших в отчуждении от Вашего церковного

управления. Не говоря уже о перемазывании крещеных, тем же св[ятым] миром помазанных, каким намазуют и послушные Вам священники, или о перевенчании венчанных. В апреле Вы в заботе о заблудших хлопочете о снятии клятв Собора 1667 г., а в августе — вызванный Вашей деятельностью не для всех еще ясный спор церковный закрепляете как непримиримую церковную вражду.

Не забудьте, что вражду такую Вы создаете своим синодским постановлением, главным образом, с теми, кто за время существования обновленчества разных призывов своим православным чутьем, не зная писаных законов, безошибочно определяли подлинную церковную правду и возвращали к ней самих пастырей, пошатнувшихся было на своей церковной стезе, вследствие книжнического пользования писанными церковными правилами[4]. В постановлении Вашего Синода за № 1864 послышался мне подобный же приговор иудейских первосвященников: *народ сей, иже не весть закона, проклати суть* (Ин. 7, 49).

Происходит это оттого, конечно, что отрицательное отношение к Вашей деятельности по управлению церковному Вы с Синодом воспринимаете как отрицание самой Церкви, ее таинств и всей ее святыни. Поэтому же Вас так изумляет, что, воздерживаясь от совершения с Вами литургии, я не считаю, однако, ни себя, ни Вас стоящими вне Церкви. «Для церковного мышления такая теория совершенно неприемлема,— заявляете Вы,— это попытка сохранить лед на горячей плите». Если в данном случае есть с моей стороны попытка, то не к сохранению льда на горячей плите, а к тому, чтобы растопить лед диалектически-книжнического пользования канонами и сохранить святыню их духа. Я воздерживаюсь литургисать с Вами не потому, что тайна Тела и Крови Христовых будто бы не совершится при нашем совместном служении, но потому, что приобщение от Чаши Господней обоим нам будет в суд и осуждение, так как наше внутреннее настроение, смущаемое неодинаковым пониманием своих церковных взаимоотношений, отнимет у нас возможность в полном спокойствии духа приносить «милость мира, жертву хваления». Поэтому во всей полноте свое воздержание я отношу только к Вам и единомысленным с Вами архиереям, но не к рядовому духовенству и тем менее к мирянам.

Среди рядового духовенства очень немного сознательных идеологов Вашей церковной деятельности. Большинство остается послушным Вам, так сказать, по инерции и не смутятся в случае надобности у меня исповедоваться, исповедовать меня и со мною причащаться, не привлекая к делу мое отношение к Вам и Ваше ко мне. Приемля от такого священника последнее напутствие, я ничуть не подрываю свою, как вы называете, позицию. Конечно, если придется мне натолкнуться на одного из идеологов Вашей деятельности, руководящегося синодским постановлением за № 1864, то мир наш к нам возвратится и с ним умру я без напутствия, но с исповеданием той церковной правды, забота о которой (а не о мнениях других людей, как Вы предполагаете) вынудила меня написать свое майское суждение и настоящий отзыв Вашему Высокопреосвященству.

Относительно того, как встретит верующий народ мое суждение о Вашей церковной деятельности, не имею данных ни соглашаться, ни отрицать Ваши предположения, но не могу думать,— вместе с Вами,— будто мое понимание дела отнимет у народа «веру в Св. Тайны и отвращает его от Св. Причастия». Прошу Вас еще раз прочитать сказанное в моем об этом рассуждении: «Что касается мирян, то участвовать деятельно в церковно-приходской жизни приходов, возносящих имя митрополита Сергия за храмовым богослужением в качестве возглавляющего иерархию архипастыря, по совести не следует, но само по себе такое возношение имени митрополита Сергия не может возлагаться на ответственность мирян и не должно служить для них препятствием к посещению богослужения и к принятию Св. Даров в храмах, подчиняющихся митрополиту Сергию, если в данной местности нет православного храма, хранящего неповрежденным свое каноническое отношение к патриаршему местоблюстителю. Молиться же о митрополите Сергии наряду с остальными архипастырями и вообще православными христианами (запись в поминовении, на проскомидии, молебнах и т. п.) не является грехом, это долг всех православных христиан, пока общецерковное рассуждение не объявит учиненное митрополитом Сергием злоупотребление доверенной ему церковной властью грехом к смерти (Мф. 18, 15–17; 1 Ин. 5, 16)». Никоим об-

разом слова эти не отвращают от Св. Причастия. На основании их миряне могут только воздержаться от обязательного участия в церковно-приходской жизни, подчиняющихся Вам и Синоду приходов. Если такое воздержание будет способно Вас потревожить даже до готовности пересмотреть свои мероприятия и отказаться от услуг Вашего соправителя, принесших нам небывалое замешательство в чине церковном, то благодарное церковное общество встретит этот Ваш шаг как драгоценную решимость блюсти в неизменной целости принятый Вами на хранение церковный строй.

Не отказывая моим суждениям в некоторой доле справедливости, Вы убеждаете меня признать «хотя бы излишнюю поспешность моего разрыва с Вами и отложить вопрос до соборного решения». Между тем в обращении к Преосвященным о благовременности отмены клятв Собора 1667 г. Вы вместе с Синодом признаете, что «ожидать для этого нового Поместного Собора равносильно почти отказу от решения вопроса». Значит, к такому отказу Вы и призываете меня предложением ждать соборного решения, чтобы, таким образом, не мешать врастанию в церковную жизнь незаконного порядка, для накопления за ним такой давности, при которой возможность существования какого-либо другого церковного строя станет уже преданием.

Я, конечно, не имею внешних полномочий воздействовать на Вас в случае отклонения Вашей общецерковной деятельности от надлежащего пути. Но нравственного моего права в данном случае Вы отрицать не должны. Вы хорошо знаете, что с вопросом о местоблюститесльстве мое имя связано гораздо больше, чем Ваше. В письме к митрополиту Агафангелу от 17 (30) апреля 1926 г., говоря об особом распоряжении, оставленном Святейшим Патриархом на случай своей смерти, Вы пишете между прочим: «Достаточно вспомнить, что безусловно преемником патриарха назначается там один митрополит Кирилл. Ваше же Высокопреосвященство и митрополит Петр назначены условно: «если нельзя будет митрополиту Кириллу». Значит, если бы при кончине Святейшего присутствовали в Москве все три кандидата, то, бесспорно, власть перешла бы в руки митрополита Кирилла. Так как ни ему, ни Вам принять власть не было возможности, то принял митрополит Петр. Хотя

«в распоряжении Святейшего нет ни слова о том, чтобы митрополит Петр принял власть лишь временно, до возвращения старейших кандидатов», но сам митрополит Петр, как видно из его послания архипастырям, пастырям и всем чадам Российской Православной Церкви от 19 декабря 1926 г. (1 января 1927 г.), намереваясь передать исполнение обязанностей патриаршего местоблюстителя митрополиту Агафангелу, почему-то «вопрос об окончательной передаче этих обязанностей предполагал выяснить по возвращении Высокопреосвященнейшего Кирилла, которому в марте-апреле истекал срок ссылки». Почему митрополит Петр находил нужным выяснить столь важный вопрос с участием митрополита Кирилла, это объяснит он Вам, конечно, лучше меня, если Вы не откажете исполнить мою усердную просьбу и весь материал, составляющий настоящую с Вами переписку, передадите на усмотрение патриаршего местоблюстителя Высокопреосвященнейшего Петра, митрополита Крутицкого, как действительно первого епископа страны. *Вашего Высокопреосвященства всегдашний богомолец, грешный*

Кирилл, митрополит Казанский и Свияжский.

Г. Енисейск, ул. Фефелова, д. 52. 10—12 ноября 1929 г.

ВТОРОЕ ПИСЬМО ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПАТРИАРШЕГО МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЯ МИТРОПОЛИТА НИЖЕГОРОДСКОГО СЕРГИЯ МИТРОПОЛИТУ КАЗАНСКОМУ И СВИЯЖСКОМУ КИРИЛЛУ

Его Высокопреосвященству,
митрополиту Казанскому Кириллу.
Высокопреосвященнейший Владыко.

Полученный мною «Отзыв» Вашего Высокопреосвященства подтвердил самые худшие мои опасения. Вы, видимо, не желаете оставлять своей позиции даже при очевидности Вашего заблуждения.

I. Ваша попытка ограничить мои полномочия на основании титула «заместитель» успеха не имела. Вы этого «не оспариваете» и

все же «продолжаете думать и утверждать», что мои полномочия ограничены.

Напоминаю Вам, что распоряжение Владыки — митрополита Петра [от] 23 ноября (6 декабря) 1925 г., передавшее мне полномочия, почти дословно повторяет распоряжение Святейшего Патриарха о переходе патриарших прав. Тожество формулы говорит о тожестве совершившихся актов. То обстоятельство, что патриаршее распоряжение сделано на случай смерти, а распоряжение местоблюстителя — на время удаления его от дел, могло бы изменить дело лишь в том случае, если бы Владыка — митрополит Петр — сделал в акте соответствующую оговорку (например, как он сделал в своей резолюции от 19 января/1 февраля 1926 г., об оставлении за собою дел принципиальных). Но в акте есть только лишь одна оговорка: о том, что за митрополитом Петром остается титул местоблюстителя и возношение имени по церквам. Так я понимаю свои обязанности, действуя самостоятельно и в то же время пресекая всякие попытки лишить митрополита Петра должности местоблюстителя. Не противоречит этому и написанное мною митрополиту Агафангелу, что я отдал бы ему власть даже и вопреки желанию митрополита Петра, если бы права митрополита Агафангела были несомненны, т. е. если бы, например, в завещании Святейшего было указано, чтобы младший кандидат при возвращении старшего, передавал ему власть. Сам митрополит Петр, при таком условии, не поколебался бы уступить митрополиту Агафангелу.

Не ограничивает моих полномочий и то обстоятельство, что получил я их не непосредственно от Святейшего Патриарха, а от местоблюстителя. Это, если угодно, умаляет престиж или нравственный авторитет заместителя, но не размер его прав, определенный надлежащим актом. В силу этого, например, архиепископ Угличский Серафим, получивший свои полномочия даже и не от местоблюстителя, а от заместителя, имел такое же право наложить запрещение на архиепископа Димитрия [Любимова], какое я — на архиепископа Григория [Яцковского] или сам митрополит Петр — на Иоанникия [Соколовского]. Смысл единоличного заместительства в том и состоит, что патриаршая власть всегда остается в Церкви налицо во всем ее объеме, хотя бы она в данных руках была лишь

на очень короткое время и хотя бы до этих рук она дошла через много промежуточных ступеней. Вы опасаетесь, как бы при неограниченности прав заместителя у нашей Церкви не оказалось двух глав. В 1922 г., при жизни Святейшего Патриарха, митрополит Агафангел вступил в управление Церковью в качестве его заместителя, однако тогда никто не думал о двух главах: все понимали, что при невозможности для Святейшего управлять Церковью кто-то должен это взять на себя. Кстати, тогда никого не смущало и поминовение имени заместителя наряду с именем патриарха. Настоящее же наше положение вполне аналогично тогдашнему.

II. В своем «Отзыве» Вы стараетесь доказать незаконность учреждения мною Синода. Не знаю, откуда Вы черпаете сведения о Синоде, но я, его учредитель, работающий с ним уже третий год, как будто достаточно знакомый с работами Синода при патриархе, отрицательных сторон нашего Синода сравнительно с Патриаршим не вижу. По Вашим словам, меня Синод ограничивает до такой степени, что из учредителя я превращаюсь в синодского уполномоченного; при патриархе же будто бы были только советники, но не было соправителей. Однако буква соборного Положения о Высшем Церковном Управлении далеко не подтверждает таких, несколько мечтательных о нем представлений. Правда, п. 20 предоставляет патриарху право, в случае нужды, делать распоряжения даже в отмену синодальных решений. Но эта прерогатива патриарха, данная ему для случаев чрезвычайных, отнюдь не превращает Синод в ничто при обычном течении дел. Формула постановления всегда гласит: «Святейший Патриарх и Священный при нем Синод слушали, постановили». Члены Синода и участвуют не только в обсуждении как советники, но и в постановлении как соправители и, подписав постановление, несут за него, вместе с патриархом, каждый свою долю ответственности. Так было при членах, выбранных на Соборе, так было и потом, например в 1924 г. Было бы неожиданным делать отсюда вывод, что патриарх превращался в синодского уполномоченного. Но еще менее оснований называть так меня, когда полномочия Синода зависят от моих и с прекращением их прекращаются.

III. Резолюцию Святейшего от 26 июня (9 июля) 1924 г. (о прекращении переговоров с Красницким) Вы на этот раз приводите правильно, но опять-таки хотите обратить ее против меня, хотя и другой стороной. «Наличие тревоги и опасений в церковном обществе,— говорите Вы,— заставляет Святейшего отказаться от мероприятий», и советуете мне упразднить Синод ввиду якобы недовольства им.

Но будем «судить судом праведным». «Примирение» с Красницким и подобные ему решения были такого рода, что от них нужно было отказаться даже при общенародном требовании их сохранять. Когда же Святейший сознавал правоту своего начинания, он не колебался идти даже против течения. Так, его декларация 1923 г. об отказе от прежней политики вызывала тревогу и опасения и прямо ропот в известных кругах. Однако патриарх до конца дней своих от принятого направления не отказался и завещал его своим преемникам. Правда, поминовение властей тогда не привилось, но указ о его введении патриархом отменен не был.

Если наш Синод есть «зло, свидетельствуйте о зле», докажите, что я не имею права его учреждать. Если же этого доказать нельзя, зачем человека, на котором лежит такая ответственность, вынуждать угрозой разделения сделать то, что, по его убеждению, будет неправо по существу и вредно для Церкви по последствиям.

IV. Вы признаетесь, что о хулениях слышите в первый раз от меня. Это лишнее доказательство, что Вы мало осведомлены о движении, ради которого готовы порвать общение с нами. По Вашим словам, вся суть в Синоде; стоит его упразднить, и прекратится всякая оппозиция. В действительности же Синод не имеет для оппозиции такого значения, да и не мог иметь. Ведь не более двенадцати лет назад все спокойно жили при подлинной Духовной Коллегии. От нее мы с Вами спокойно приняли и хиротонию архиерейскую. Для оппозиции Синод был на втором плане. Раздавались голоса против состава Синода, но не против самой возможности его иметь. Во всяком случае, из-за этого рядовые верующие отделяться бы не стали. Главным мотивом отделения служит наша Декларация. В ней наши противники, сами не отрицающие обязательности для каждого христианина гражданской верности (например, епископ

Виктор Островидов), не совсем последовательно увидали заявление не таких же, как и они, земных людей, граждан СССР, а заявление самой Церкви как благодатного учреждения. Отсюда крики о подчинении Церкви государству, Царства Божия — царству мира и даже Самого Христа — Велиару. Упразднением Синода таких фанатиков не примирить: они требуют, чтобы мы возвратились к узконациональному пониманию христианства, когда идея Вселенской Церкви подменилась идеей православно-русского государства.

Нет ничего неожиданного в том, что среди оппозиции стоят, по Вашим словам, люди, проявившие много усердия по борьбе с обновленчеством. Это говорит только о том, что многие восставали против обновленчества не потому, что это было церковное бесчиние, а больше потому, что оно «признало» соввласть. Недаром и теперь кое-кто спрашивает, какая же разница у нас с обновленцами, если мы «за соввласть».

Ваше отмежевание от некоторых крайних выражений оппозиции нисколько не исправляет Вашего канонического положения. Если, как я указывал в прошлом письме, наша оппозиция уже сорганизовалась в отдельное общество и «поставила свой алтарь», то не имеет существенного значения, все ли заблуждения этого общества Вы разделяете, или некоторые, важно, что ради общения с ним Вы готовы расторгнуть общение с нами.

V. По поводу моих ссылок на правила Антиохийское 2 и Апостольское 8 Вы советуете мне «не злоупотреблять буквой канонических норм». По Вашим словам, «на основании канонического буквализма обновленцы в 1923 г. «осудили» Святейшего Патриарха не только на лишение сана, но и монашества». До сих пор мы думали, что обновленчество и состоит в отказе от руководства канонами, и, в частности, осуждение Святейшего рассматривали как самое яркое и наглое нарушение и смысла и буквы канонов.

Мне кажется, что причина Вашего недовольства моей ссылкой на правила в том, что Вы хотите считать наши отношения как бы частным нашим делом, которое других не касается. Между тем эти правила напоминают нам основное начало церковной жизни, где все общее, где болезнь и радость одного члена, хотя бы и самого последнего, становится болезнью и радостью всех. Тем более, не

может быть частным делом евхаристический разрыв старейшего митрополита и первого кандидата в местоблюстители с правящим заместителем. Вы можете сколько угодно писать о необязательности для мирян разрывать общение с нами. Но если Вы порываете, то каждый мирянин может задаться вопросом,— не должен ли и он порвать. В результате великий церковный соблазн и разделение, а достаточно оснований для него по канонам не имеется.

VI. Отнюдь не думаю отрицать Вашего права делать мне братские указания и советы. Но, по слову Христову, братские советы начинаются «между тобою и тем единем» и только в случае безуспешности переходят к обществу. Вы же начали с обращения к обществу посредством писем, да и «Суждение», написанное притом не для меня, прислали мне только для сведения, считая дело со мною покончeнным. Мне самому уже пришлось вступить с Вами в переписку.

Не забываю я и того, что Вы указаны первым кандидатом в местоблюстители: полагаю, однако, что это делает Ваше положение особо ответственным, но не дает Вам как бы неприкосновенности или неподсудимости временному заместителю. Ваше же желание, чтобы дело Ваше было передано на суд Владыки — митрополита Петра только повторяет печальный пример почти всех наших новейших диссидентов, не исключая и тех, кто (как, например, григорьевцы) начали с противодействия лично митрополиту Петру. На все эти попытки укрыться от власти действующей, за авторитет власти отсутствующей, я обычно отвечаю словами Христовыми: «Принимающий того, кого Я пошлю, Меня принимает» (ср.: Ин. 13, 20) и наоборот. Признающий авторитет Владыки местоблюстителя признает суд и того, кому местоблюститель временно поручил управление. А кто не хочет признавать последнего, не подчинится и самому местоблюстителю, если его распоряжение окажется почему-либо нежелательным. Поэтому, пока я занимаю свою должность, я не имею права закрывать глаза на нарушение благочиния церковного, хотя бы (и даже в особенности тогда, когда) нарушителями являлись старейшие из иерархов.

VII. Мое предложение подождать с Вашим протестом до Собора показалось Вам простой отговоркой или дипломатическим ходом.

Но я со всею искренностью прошу Вас еще раз обсудить, что лучше: терпеть ли неопределенное время в ожидании Собора некоторые недостатки в организации церковного управления, которые по самому своему характеру не затрагивают глубоко христианской церковной жизни и не могут переродить ее во что-то чуждое, или же учинить из-за этих недостатков раскол и каждой стороне отдельно ждать Собора. Церковное сознание и вековой церковный опыт, выразившийся, между прочим, и в 13—14-м правилах Двукратного Собора, предпочитают первое, и они не ошибаются. Недостатки организации Собору всегда легко исправить, раз не потеряно благодатное преемство, но соединить расколовшихся иногда невозможно без чрезвычайного воздействия благодати Божией; и сам ушедший не желает возвращаться без первой одежды и перстня на руку, и старший его брат ревнует, как бы не оказаться ему уравненным с возвратившимся.

Так как дальнейшее промедление с настоящим делом не безопасно для церковного благочиния и на случай, если это мое обращение к Вам желательного результата иметь не будет, нахожу благовременным теперь же сделать нижеследующее постановление:

1. Преосвященного митрополита Казанского и Свияжского Кирилла предать суду Собора архиереев по обвинению во вступлении в общение с обществом, отделившимся от законного церковного священноначалия и образовавшим раскол, и в поддержке названного раскола своим примером, словом и писаниями (нарушение правил Апостольских 10, 16 и 31 и аналогичных); в демонстративном отказе от принятия Св. Таин в православных храмах (правило Апостольское 8, Антиохийское 2) и в отказе повиноваться законному заместителю патриаршего местоблюстителя и иметь с ним общение (Двукратного [Собора правило] 15 и аналогичные).

2. В целях освобождения Преосвященных викариев, клира и мирян Казанской епархии от канонической зависимости от митрополита Кирилла, а равно и в целях ограничения дальнейшей, нарушающей церковный чин деятельности названного митрополита,— уволить его от управления Казанской епархией на покой с правом священнодействия с разрешения местных епархиальных архиереев.

Священнодействие в сослужении с митрополитом Кириллом разрешается для православных священнослужителей лишь под условием поминовения митрополитом Кириллом православного архиерея.

Назначить Преосвященному митрополиту Кириллу крайним сроком 15 февраля 1930 г. для выражения им канонического послушания и отказа от общения с раскольниками. Если до означенного числа заявлений указанного содержания от митрополита Кирилла не последует, считать настоящее постановление вступившим в силу с нижеписанного числа.

Эта новая отсрочка, даже при отсутствии твердой надежды на благоприятный исход, да будет Вам свидетельством, насколько всем нам тяжело Вас потерять и насколько сильно наше желание остаться с Вами в братском общении и единомыслии. *Вашего Высокопреосвященства молитвенник и брат о Христе,*

Сергий, митрополит Нижегородский.

Января 2-го дня 1930 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь митрополит Сергий рассуждает как истинный синодал, т. е. представитель церковной иерархии синодального периода. В церковной истории не было такого прецедента, чтобы Церковь, хотя бы и временно, возглавлял «исполняющий обязанности патриарха», а вот патриаршии местоблюстители известны как в общецерковной истории, так и в истории Русской Церкви. Беремся утверждать, как наиболее вероятное, что Святейший Патриарх Тихон, в своем завещании подразумевал именно *патриаршего местоблюстителя*, когда называл трех митрополитов.

[2] Митрополит Сергий в первом своем письме призвал митрополита Кирилла «знать свою меру» в советах заместителю местоблюстителя, на что митрополит Кирилл справедливо замечает, что в настоящее время «для всех» следует сохранять по отношению прежде всего к митрополиту Петру, патриаршему местоблюстителю, «обязательную для всех нас мерность».

[3] Характерно, что уже здесь митрополит Кирилл говорит об «обновленчестве» митрополита Сергия, но обновленчество это заключается для митрополита Кирилла не в Декларации 1927 года, а в «каноническом буквализме», на основании которого происходит узурпация церковной власти. Обновленчество, по митрополиту Кириллу, состоит и в административном нововведении митрополита

Сергия, учреждении Временного Патриаршего Синода, органа-соправителя. Иными словами, попытке заменить патриаршество синодальной фомой правления, чреватой коллективной ответственностью (а следовательно, коллективной же безответственностью). Синодальная форма правления была в тот период наиболее выгодной для государства системой управления Церковью.

[4] Митрополит Кирилл разумеет здесь, конечно, самого митрополита Сергия, «пошатнувшегося на церковной стезе» в 1922 году, «вследствие книжнического пользования писанными церковными правилами». Тогда 16 июня 1922 года в «меморандуме трех» (митрополита Сергия, архиепископа Евдокима и архиепископа Серафима) обновленческое ВЦУ признавалось «единственной канонической церковной властью».

ПРИЛОЖЕНИЕ 10

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПАТРИАРШЕГО МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЯ МИТРОПОЛИТА НИЖЕГОРОДСКОГО СЕРГИЯ И ВРЕМЕННОГО ПАТРИАРШЕГО СВЯЩЕННОГО СИНОДА

ОБ ОТНОШЕНИИ К СВЯЩЕННОДЕЙСТВИЯМ, СОВЕРШЕННЫМ «РАСКОЛЬНИЧЬИМ КЛИРОМ»

Заместитель патриаршего местоблюстителя и временный при нем Патриарший Священный Синод слушали: доклад митрополита Саратовского Серафима [Александрова] от 18 сего июля за № 2100, следующего содержания: «Преосвященные викарии вверенной мне епархии, а равно и отцы благочинные обратились ко мне с вопросом, как смотреть на таинства, совершенные обновленческими священниками, священниками, отпавшими в григорьевщину, а равно и теми священниками, кои отпали в новый раскол «иосифлян» или к Алексию (Бую). Главным образом вопросы касаются Таинства миропомазания, Таинства брака и особо остро вопроса о погребении; причем они, при присоединении бывших в расколе обновленческом, григорьевском, или имевших общение с Иосифом [Петровых] и Алексием [Буем], повторяют Таинство миропомазания, брака; умерших в расколе снова, по просьбе родственников, отпевают; другие — указанные Таинства не повторяют, а об умерших в расколе совершают заупокойные литургии. Разнообразная практика вызывает и недоумения, а иногда и соблазн среди верующих.

Докладывая о сем, прошу дать руководственные по сему делу указания. Определением своим, от 25 июля с. г. за № 94, постановили:

Вопрос о чине приема обновленческих клириков вообще и, в частности, обновленческих деятелей решен Святейшим Патриархом Тихоном и Патриаршим при нем Синодом в декабре 1923 г. (см. Постановление № 160 от 7/20 декабря 1923 г.), причем представители обновленческой иерархии, начиная с бывшего Нижегородского архиепископа Евдокима [Мещерского], Святейшим Патриархом запрещены в священнослужении. А потому все священнодействия, совершенные обновленческими клириками после 15 апреля 1924 г., недействительны, за исключением Таинства св. крещения, и поэтому крещенных в обновленчестве, при присоединении или приеме в лоно Св. Православной Церкви принимать через миропомазание; браки, заключенные в обновленчестве, навершать церковным благословением и чтением заключительной в чине венчания молитвы: «Отец, Сын и Св. Дух».

Таинства, совершенные в отделении от единства церковного отступившими от Патриаршей Церкви последователями бывшего Свердловского (Екатеринбургского) архиепископа Григория [Яцковского] и бывшего викария Московской епархии епископа Можайского Бориса [Рукина] и другими организовавшими ВЦС, как запрещенными в священнослужении, а равно и последователями бывшего Ленинградского митрополита Иосифа [Петровых], бывшего Гдовского епископа Димитрия [Любимова], бывшего Уразовского епископа Алексия [Буя], как тоже находящихся в состоянии запрещения, также недействительны, и обращающихся из этих расколов, если последние крещены в расколе, принимать через Таинство св. миропомазания; браки, заключенные в расколе, также навершать церковным благословением и чтением заключительной в чине венчания молитвы: «Отец, Сын и Св. Дух».

Умерших в обновленчестве и в указанных расколах не следует, хотя бы и по усиленной просьбе родственников, отпевать, как и не следует совершать по них и заупокойную литургию. Разрешать только проводы на кладбище с пением «Святый Боже».

О чем и дается знать Вашему Преосвященству. Августа 6 дня 1929 г. № 1864.

Заместитель патриаршего местоблюстителя Сергий, митрополит Нижегородский.

Управляющий делами Патриаршего Священного Синода Питирим (Крылов), епископ Волоколамский.

ПРИЛОЖЕНИЕ 11

ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА КИРИЛЛА СВЯЩЕННИКУ ЕВЛАМПИЮ ЕДЕМСКОМУ-СВОЕЗЕМЦЕВУ

№ 1

4 ноября 1929 года, преп. Иоанникия, Енисейск, Фефелова ул., 52.

Милость Господня да будет с Вами, дорогой о. Евлампий. Сейчас прочитал Вашу 48-49 открытку от 21/X. Вот как мы приблизились друг к другу, даже не верится такому благополучию. Грущу без остатка изжить приключившуюся хворость. Об этом молюсь как могу. Сам я здоров. Передвижение на 11,5 тыс. верст к югу очень чувствуется. До сих пор обхожусь еще без валенок. Сижу на улице довольно, но погода удивительно мягкая. Ледостава на реке еще нет. Ледяные забереж. очень широки, но середина реки представляет движущуюся полынью. Раз в неделю (по пятницам) исполняю свой гражданский долг, являясь для отметки в милицию. Ссыльного духовенства проживает здесь около 20 человек. Все они сергиевцы, и я молюсь только дома, вместе с одним батюшкой о. Иоанном, который и живет вместе со мною. Человек прекрасной души и глубокого пастырского настроения. В мае я был вынужден высказать вслух свое суждение о произведенным м[итрополитом] Сергием соблазне учреждением т. н. Синода. В оч[ень] многих местах суждение мое встречается враждебно, как якобы примиренчество и потеря православного чутья, но м[итрополит] Сергий со своей стороны прислал грозные справки из

канонических правил, на основании-де которых я должен быть лишен сана. Для ответа и покаяния дан мне срок до 1 декабря. Ответ свой я послал. Игнорируя сплетническую часть доводов м[итрополита] Сергия, а также объявление меня «вдохновителем» «раскола» (появившегося двумя годами раньше моего суждения), я еще раз подтверждаю в своем ответе, что м[итрополит] Сергий учреждением своего Синода-соправителя действительно превзошел «всякую меру самовластия, посягнув на самые основы нашего патриаршего строя» последним его синодальным управлением. В оправдание себя он ссылается на пример патриарха, но почивший патриарх, когда увидал, что за такое учреждение при нем в 1924 г. ВЦУ производит тревогу и опасения среди архипастырей, пастырей и мирян, нашел благовременным сейчас прекратить дело о ВЦУ. Недостатка в опасениях, тревоге и протестах против совершенной м[итрополитом] Сергием реформы ц[ерковного] управления давно уже нет, и ему следует успокоить Церковь и распустить свой Синод... (неразб.). Свою деятельность м[итрополит] Сергий оправдывает утверждением, что м[итрополит] П[етр] передал ему свои полномочия безоговорочно. Но, во 1-х, поизведенная реформа ц[ерковного] управления превышает права и самого м[итрополита] Петра, являясь регалией Собора, во 2-х, самое существование м[итрополита] П[етра] как местоблюстителя ограничивает права м[итрополита] Сергия. Митрополит Петр выступает (1 января 1927 г.) с посланиями, как местоблюститель ведет деловые церковные сношения с м[итрополитом] Агафангелом о возможном восприятии тем местоблюстительских полномочий (май 1926 г.), а м[итрополит] Сергий в это время исполняет ежедневные обязанности порученного ему управления Ц[ерковью]. Если права его равны правам м[итрополита] Петра, то мы имели бы в данном случае две возглавляемых Церкви: м[итрополита] Петра и м[итрополита] Сергия. Посему и права м[итрополита] Сергия только отражение прав м[итрополита] Петра и самостоятельного светолучения не имеют. Испрошение благословения м[итрополита] Петра на всякое исключительной важности церковное мероприятие для м[итрополита] Сергия обязательно как ручательство для Церкви, что «линия действования Святейшего» действительно не искажается, т. к. непосредственно... (неразб.) патриарха вопринят не м[итрополитом] Сергием,

а м[итрополитом] Петром. Меж тем м[итрополит] Сергий 17/30/IV–1926 г. заявлял м[итрополиту] Агафангелу письменно, что, имея от м[итрополита] Петра подтверждение решения, что он считает обязательным пребывать местоблюстителем, хотя бы под судом и не на свободе, он (м[итрополит] С[ергий]), конечно, не поколебался [бы] передать власть м[итрополиту] Агафангелу, несмотря на нежелание м[итрополита] Петра[1], если бы притязание м[итрополита] Агафангела было для всех очевидно и бесспорно.

Этим заявлением м[итрополит] Сергий явился идеологом более чем свободного отношения к 15 пр[авилу] Двукр[атного] Собора[2], на основании которого ущедряет прещениями на тех, для кого его притязания на равенство с м[итрополитом] Петром не очевидны и не бесспорны. М[итрополит] Сергий постоянно ссылается на авторитет Св[ятейшего] Патриарха, авторитет которого громадный, но всегда апеллировать к нему через голову м[итрополита] Петра, от которого получил полномочия, –значит нарушать по отношению к м[итрополиту] Петру для всех нас обязательную «мерность».

Приравнивать меня к хулиганам Церкви Божией при высказанном мною признании благодатности сергианских священнодействий– значит говорить просто неправду. Такая же неправда, что я будто бы отнимаю у народа веру в таинства и отвращаю его от Св. Причастия.

М[итрополит] Сергий предлагает мне ждать решения Собора. Между тем, заботясь о снятии клятв Собора 1667 г., он и Синод заявляют, что ждать для решения этого вопроса Поместного Собора равносильно отказу от самого решения. И нам Синод предлагает безнадежное ожидание, чтоб незаконный порядок успел врасти в церковную жизнь настолько, что в силу давности всякий другой порядок стал уже преданием. Мое нравственное право указывать м[итрополиту] Сергию на его отступление от надлежащего пути в ц[ерковном] управлении может объяснить ему м[итрополит] Петр, на усмотрение которого и прошу препроводить весь материал, составляющий нашу с м[итрополитом] Сергием переписку. Такова суть... (неразб.). Да хранит Вас Господь. М[атушка] Е[вдокия] благодарит, земно кланяется. Помолитесь о любящем Вас м[итрополите] К[ирилле]»[3].

№ 2[4]

Милость Господня да будет с Вами, дорогой мой о. Евлампий! На этих днях почта принесла открытку Вашу № 58 и письмо 59, адресованное в Е.[5] И семь отправлений, досланных из К.[6] № 40—47, с пропуском 42. В одном из писем вложено было Ю[рия]. Где-то он: цел ли? Пока не узнаю от Вас, что Юрий дома, отвечать ему не буду, не то ли же посланное через Вас ему письмо как будто уже отвечает на некоторые подробности и настоящего. На свое письмо от 23/XII — Вы хотели бы иметь ответ по телеграфу, но я не вижу надобности в такой спешке, тем более что тон телеграфных сообщений, в силу самой кратости, может придавать им как бы распорядительный характер. Я же могу только высказывать свое личное понимание дела и отношение к нему, а не решение его и тем более распоряжение. Рассматривая под этим углом зрения и Ваши с почтенным о. Александром[7] недоумения относительно общения с прибывшим к Вам Преосвященным, думаю, что в Вашем положении и я поступил бы так же. Пусть есть некоторая разница в степени, какою определяется воздержание Ваше и его от объединения с м[итрополитом] Сергием, но воздержание такое признается необходимым и вновь прибывшим поселенцем[8]. По существу это звук одного и того же клавиша, но у одних, с некоторым нажимом на педаль, у других — без него. Диез, стоящий при ноте... (неразб.), не может производить какофонию, особенно ввиду все более усиливающейся тугости на ухо Валаамского (он именинник 28 июня)[9]. Из Вашего письма вижу, что Вы не имели в руках моего «суждения» в полном виде. Там вопрос о формуле решен в том именно смысле, как додумались и Вы, теперь «муж разума и силы» действительно излишни, обязательным же кажется мне только: *о всех, иже во власти суть и о еже возглаголати в сердца их благая и мирная о Церкви Святей.* На свой ноябрьский отзыв получил в день св. Василия Великого «Второе письмо», заканчивающееся определением: «Так как дальнейшее промедление с настоящим делом не безопасно для церковного благочиния, и на случай, если это мое обращение к

Вам желательного результата иметь не будет, нахожу благовременным теперь же сделать нижеследующее постановление:

1. Преосвященного (полный титул и имярек) предать Суду Собора архиереев по обвинению во вступлении в общение с обществом, отделившимся от законного Церковного священноначалия и образовавшим раскол, и в поддержке названного раскола своим примером, словом и писаниями (нарушение правил Апост. 10, 16 и 31 и аналог.); в демонстративном отказе от принятия Св. Таин в православных храмах (Пр. Апост. 8; Антиох. 2) и в отказе повиноваться законному заместителю патриаршего местоблюстителя и иметь с ним общение (Двукр. 15 и аналог.).

2. В целях освобождения Преосвященных викариев, клира и мирян N епархии от канонической зависимости от имярек, а равно в целях ограничения дальнейшей, нарушающей церковный чин деятельности названного митрополита, уволить его от управления N епархией на покой, с правом священнодействий с разрешения местных епархиальных архиереев.

3. Священнодействие в сослужении с м[итрополитом] имярек разрешается для православных священнослужителей лишь под условием поминовения митрополитом имярек местного православного архиерея.

4. Назначить Преосвященному имярек крайним сроком 15 февраля 1930 г. для выражения им канонического послушания и отказа от общения с раскольниками. Если до означенного числа заявление указанного содержания от м[итрополита] имярек не последует, считать настоящее постановление вступившим в силу с нижеследующего числа (2 янв.)».

На это второе письмо и постановление предполагаю, аще живы будем и Господь изволит, отправить через неделю следующий «отзыв второй»[10]:

«Второе письмо Ваше от 2 января 1930 г. за № 7 получено мною 14 января. Решительный отказ Ваш передать нашу с Вами переписку на усмотрение местоблюстителя м[итрополита] Петра и предупредительное постановление о моем увольнении на покой свидетельствует о совершенной безнадежности для Церкви Православной Вашего возвращения с пути узурпации церковной власти, по

коему движетесь Вы уже почти три года, изобретение же Вами такого обвинения против меня, как «вступление в общение с обществом отделившихся» и т. д. и вообще все методы рассуждений Вашего письма делают дальнейшее сношение с Вами невозможным для человека, говорящего только от своего лица, не в каких обществах не состоящего и всегда устранявшегося и устраняющегося от обсуждения церковных воспросов в плоскости политических воззрений и предположений. Из предшествующей нашей переписки Вы знаете, что при созданном Вами церковном... (неразб.) ни одно ц[ерковно] административное распоряжение Ваше я не могу признать для себя обязательным к исполнению, а потому и после 15 февраля, аще живы будем и Господь изволит,— я в деле нравственно-архипастырского служения Св. Церкви, определяемого в своем внутреннем содержании не писанием резолюций и уставов, а христианским душепастырством (1 Пет. 5, 2—3), остаюсь по-прежнему митрополитом (титул) для всех православных чад Церкви, не могущих разделить Ваши воззрения на церковные полномочия Ваши и на пути осуществления Церковию своего призвания в здешнем мире, ибо воззрения эти нарушают правду Церкви и искажают Ея православное лицо. Во имя этой правды и достоинства Православной Церкви, исполняя свой архипастырский долг, решился я поднять свой голос. Но Вы обратили мое выступление только в предлог для расправы со мною. В этой жизни едва ли дождемся мы с Вами суда Соборного. Да рассудит нас Бог!

При временной невозможности общения с Центром Церковной Власти порядок церковной жизни на местах определен известным ноябрьским указом Патриаршего издания.

Осведомление же митрополита Петра сейчас о случившимся я возлагаю всецело на Вашу ответственность».

Переписывать самое письмо «второе» нет сейчас возможности. Думаю, что потом дойдет до Вас, п[аче] ч[аяния] у автора довольно для сего переписчиков; если же не дойдет, то когда-нибудь и удосужусь переписать его. По поводу предъявленного обвинения нельзя не отметить, что, имея право говорить только о моем сочувствии к протестующим, обвинитель навязывает мне «вступление в общение с обществом, отделившимся» и т. д. Метод же рассуждений

письма таков, что несогласие с установившимся церковным управлением объясняется исключительно контрреволюционным настроением. При таком отношении к вопросу исключается всякая возможность найти общий язык как с самим творцом нынешнего церковного положения, так и с идеологами его церковного управления. К несознательным же, пассивным его послушникам сохраняю по-прежнему то же отношение, как определил в своем «суждении» о «отзыве» первом.

Ирочкин папа в дороге обворован, спит в общем бараке на втором этаже нар. Воле Божией покорен и бодр. Лиза надеется его навестить. Преосвященному, если не нарушится Ваше общение, передайте мой братский привет. Прошу Ваших молитв. Приветствую о. и м.[11]. Благослови всех Вас Господь!

М. Е. земно кланяется, просит молитв и благословения. *Ваш М. К.* [12]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Это место в письме подчеркнуто самим митрополитом Кириллом, и здесь, действительно, было над чем задуматься. Заместитель местоблюстителя допускал возможность самоличного решения вопроса о передаче местоблюстительских прав через голову самого местоблюстителя, т. е. того, кого заместителем являлся. Это излишне «вольное» отношение к правам местоблюстителя (митрополита Петра) сказалось позже и в трактовке митрополитом Сергием своих прав как полностью идентичных правам митрополита Петра (см. письма заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия митрополиту Кириллу).

[2] 15-е правило Двукратного Собора: *«Что определенно о пресвитерах и епископах и митрополитах, то самое, и наипаче, приличествует патриархам. Посему, аще который пресвитер, или епископ, или митрополит дерзнет отступити от общения со своим патриархом и не будет возносити имя его, по определенному и установленному чину, в божественном тайнодействии, но, прежде соборнаго оглашения и совершеннаго осуждения его, учинит раскол: таковому святый Собор определил быти совершенно чужду всякаго священства, аще токмо уличен будет в сем беззаконии. Впрочем, сие определено и утверждено о тех, кои, под предлогом некоторых обвинений, отступают от своих предстоятелей, и творят расколы, и расторгают единство церкви. Ибо отделяющиеся от общения с предстоятелем, ради некия ереси, осужденныя святыми соборами или отцами, когда, то есть, он проповедует ересь всенародно, и учит оной открыто в церкви, таковые аще и оградят себя от общения с глаголемым епископом, прежде соборного разсмотрения, не токмо не подлежат положенной правилами*

епитимии, но и достойны чести, подобающей православным. Ибо они осудили не епископов, а лжеепископов и лжеучителей, и не расколом пресекли единство церкви, но потщились охранити церковь от расколов и разделений».

[3] Архив КГБ РТ, д. 2-18199, т. 1, л. 367.

[4] Письмо следует датировать периодом не ранее 14 января 1930 г. и не позднее 15 февраля того же года.

[5] Видимо, г. Енисейск.

[6] Из Казани, где проживал на поселении о. Евлампий.

[7] Вероятно, имеется в виду священник Александр Гаврилов, настоятель церкви Грузинской иконы Божией Матери в Казани.

[8] Видимо, имеется ввиду епископ Нектарий (Трезвинский), также находившийся в 1930 г. на поселении в Казани и с которым о. Евлампий имел общение.

[9] Митрополит Кирилл имеет в виду митрополита Сергия (Страгородского), при монашеском постриге нареченного в память преп. Сергия, Валаамского чудотворца (память 28 июня/11 июля).

[10] Митрополит Кирилл приводит только основные моменты своего ответа митрополиту Сергию.

[11] Имена тщательно зачеркнуты, видимо, самим о. Евлампией из соображений конспиративных.

[12] Архив КГБ РТ, д. 2-18199, т. 4, лл. 377–377об.

ПРИЛОЖЕНИЕ 12

ПОКАЗАНИЯ МИТРОПОЛИТА КАЗАНСКОГО И СВИЯЖСКОГО КИРИЛЛА

ИЗ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА 1930 ГОДА (КРАСНОЯРСК)

№ 1

Группировка, известная в настоящее время под именем обновленческой Церкви, возникла весною 1922 года в Москве под именем Живой Церкви и была возглавлена еп[ископом] Антонином, проживавшим тогда в Москве на покое. Главными сотрудниками еп[ископа] Антонина и вдохновителями была группа священников с Красницким во главе. Эта группа добилась от патр[иарха] Тихона согласия временно удалиться от управления Церковью и поместиться на жительство в Моск[овском] Донском монастыре, передавши руководство церковной жизни Ярославскому митрополиту Агафангелу. Письменное сообщение патриарха м[итрополиту] Агафангелу о поручаемом ему руководстве ц[ерковной] жизнию, должен был доставить м[итрополиту] Агафангелу свящ[енник] Красницкий с своими сотрудниками. Обязанность эту Красницкий исполнил, причем сообщил м[итрополиту] Агафангелу, что тот должен руководить ц[ерковной] жизнию в непременном сотрудничестве с возглавляемой Красницким группой священников. От такого сотрудничества м[итрополит] Агафангел отказался, заявивши, что они и без сторонней помощи сумеет

исполнить возложенное на него поручение. Красницкий удалился, а митр[ополит] Агафангел, как потом выяснилось, был лишен возможности явиться в Москву[1]. ~~Между тем~~[2] Поэтому надо добавить, что патриарх Тихон, давая поручение м[итрополиту] Агафангелу о руководстве ц[ерковной] жизнию, в то же время поручил возглавляемой Красницким группе священников хранение текущих канцелярских бумаг по патриархии до прибытия в Москву м[итрополита] Агафангела, которому дела эти и предназначались к сдаче, руководство же церковной жизнью Московской епархии поручил епископу Леониду[3]. Убедивши этого епископа Леонида войти в сотрудничество, Красницкий с своей компанией пригласили и епископа Антонина возглавить эту группу и начать управлять всей Церковью за неприбытием в Москву м[итрополита] Агафангела. Таким образом, хранители канцелярии выступили в качестве правителей Церкви и образовали так называемое Высшее Церковное Управление под председательством епископа Антонина. Задачей этого управления была объявлена как главная цель — оживление церковной жизни, и программа такого оживления появилась вскоре в народившемся при В. Ц. У. печатном органе «Живая Церковь». Для православного церковного сознания проектируемые В. Ц. У. подробности оживления церковной жизни были совершенно неприемлемы. Но В. Ц. У. проявляло достаточно усердия к распространению своих мероприятий и проведению их в жизнь всех епархий. Повсюду начались смущения, толки о творящихся в Москве новшествах. По городам устроялись от имени В. Ц. У. чтения о необходимости оживить ц[ерковную] жизнь. Приезжал такой лектор и в Казань, назвавшийся Пельдсом-священником[4], но никаких документов ни о своем священстве, ни о поручении ему устроения собраний по вопросам текущей ц[ерковной] жизни не представил. У меня, в частности, как Казанского архиерея, он потребовал письменного разрешения духовенству казанскому присутствовать на устрояемом им, Пелдсом, собрании. Я отвечал своему посетителю, что если устраиваемое им собрание разрешено гражд[анской] властью, то никаких других разрешений для присутствия на этом собрании гражданам, к числу которых принадлежит и духовенство,— не требуется. Этот ответ мой Пельдс оценил как выражение моего контрреволюционного настроения и пообещал мне в будущем вся-

кие неприятности. Дальнейшее пребывание Пельдса в Казани меня не интересовало. Но оценка живоцерковного движения и совершаемого так называемым В. Ц. У. бесчиния церковного была сделана в конце июня месяца особым посланием митрополита Агафангела, объяснявшего всю деятельность В. Ц. У. как узурпацию ц[ерковной] власти и отклонение от основ православной церковности. В то же время, признавая создавшуюся для него невозможность быть в Москве и во всей полноте осуществлять руководительство ц[ерковной] жизнию, м[итрополит] Агафангел предоставлял право на местах руководиться в епархиальной жизни патриаршим указом на случай невозможности сношений с церковным центром, то есть управляться на основе канонов и церковной практики каждой епархии автономно, недоуменные же вопросы разрешать по силе возможности путем совещания с ближайшими православными архипастырями. Послание это было прочитано в церквах города Казани и разослано по епархии. Вскоре я получил телеграмму, подписанную Пельдсом, о предстоящем мне увольнении на покой. И действительно в канун июля другая телеграмма, подписанная управ[ляющим] делами В. Ц. У. Львовым, уведомляла меня о том, что решением В. Ц. У. я освобожден от управления Казанской епархией и уволен на покой. Так как с В. Ц. У. никаких отношений у меня не было и не могло быть, то никакого значения таким телеграммам я, конечно, не придавал и продолжал исполнять свой долг служения в качестве епархиального архиерея. Но 14-го августа служение это было прервано моим арестом и помещением во внутреннюю тюрьму при О. Г. П. У. Здесь мне было предъявлено обвинение в солидарности с патр[иархом] Тихоном и м[итрополитом] Агафангелом, и через три месяца мы отправились в одном поезде с митрополитом Агафангелом в ссылку: я в Зырянский край, а митрополит Агафангел в Нарым.

Дальнейшее развитие живоцерковничества, ссоры Антонина с своими сотрудниками, созвание живоцерковнического собора 1923 года и вся эволюция живоцерковства в так называемое обновленческое течение в церковной жизни происходила уже во время отбывания мною ссылки. Для меня было очевидно одно только, что обновленчество является антиправославным течением в церковной жизни и ничего общего у православного человека с этим течением

быть не может. На соборе 1923 года были выступления, возводившие на Православную Церковь обвинения в искажении учения о Лице Иисуса Христа, каковые обвинения могли быть только со стороны отступивших уже от догматического учения христианства. И потому обновленчество не является уже особым течением в церковной православной жизни, а есть совершенное отпадение от Православной Церкви. Православная же Церковь, несмотря на крикливые решения обновленческого собора 1923 года, оставалась по-прежнему в своей целости с постоянным единением с патриархом Тихоном, который к тому же вскоре после обновленческого собора 1923 года был освобожден из-под стражи и по-прежнему продолжал руководить церковной жизнию. Руководство это он совершал под своею единоличною ответственностию, так как тот аппарат, какой был учрежден Православным Собором 1917—1918 годов для управления Православной Церковью, был совершенно ликвидирован целым рядом церковно-гражданских узаконений. Собором 1917 года для управления Православной Церковью было учреждено Высшее Церковное Управление, возглавляемое патриархом и состоящее из Священного Синода и Высшего Церковного Совета. В Синод входили 12 архиереев, избираемых на Поместном Соборе, в Высший Церковный Совет входили тем же Собором избираемые и архиереи, и лица пресвитерского сана, и миряне также в количестве 12 человек. Синод ведал дела вероучения, богослужения и вообще культа в строгом смысле слова, Высший Церковный Совет должен был ведать внешние и хозяйственные дела Церкви; дела же важнейшего значения решались совместными собраниями Синода и Совета. Эта структура церковного управления была выработана Собором 1917 года еще до издания правительственного декрета об отделении Церкви от государства. С вступлением в силу сего декрета начали отпадать одна за другой функции деятельности Высшего Церковного Совета. Уничтожение духовных и церковных школ сделали ненужным существование при Высшем Церковном Совете Духовного учебного комитета и Высшего училищного совета. Переход страхового дела в ведение государства уничтожал Страховой отдел при Высшем Церковном Совете. Учреждение государственного издательства делало ненужным церковное книгоиз-

дательство, руководимое Высшим Церковным Советом. Объявление всех имуществ церковных народным достоянием уничтожало и самое хозяйственное управление, так что у Высшего Церковного Совета не оказывалось уже объектов деятельности, и Совет сей умер, так сказать, естественною смертию. Весьма изменился и круг деятельности самого Священного Синода. Изъятие из его ведения дел, имевших государственное значение, как, например, дела бракоразводные, перенесение центра всей церковной жизни в церковные общины, заменившие церковные приходы с их особым уставом, все это очень сократило сферу деятельности Священного Синода, а неприбытие выбранных Собором некоторых членов Священного Синода и фактическая невозможность для других присутствовать на Синоде ликвидировали к 1921-22 году весь тот аппарат, какой был учрежден Собором 1917 года. Остался один патриарх, не имевший возможности созвать новый Собор и таким образом восстановить разрушенное управление. Правда, патриарх приглашал к сотрудничеству с собою прилучившихся и нарочно призванных нескольких архиереев и называл это собрание Синодом, но, конечно, это был и по возникновению и по статусу вовсе не тот Синод, какой должен был возглавить патриарх по учрежденному Собором положению. Поэтому я и говорю, что патриарх нес единолично ответственность за ход церковной жизни.

В 1924 году возникла попытка воссоздать учрежденное собором 1917 года Высшее Церковное Управление и окружить патриарха и Синодом и Высшим Церковным Советом. В состав предположенных к присутствию в Синоде 12-ти архиереев был включен и я. Поэтому в июне месяце 1924 года я неожиданно для себя был вызван в Москву с места своей ссылки, из Усть-Кулома Коми области. Прибывши в Москву и явившись в ОГПУ, я узнал от Е. А. Тучкова, что цель моего вызова — привлечение меня к сотрудничеству в учреждаемом при патриархе Синоде. Восстановляется и Высший Церковный Совет, словом, весь учрежденный Собором 1917 года аппарат. Но в состав Высшего Церковного Совета должны войти шесть человек из обновленческой группы с протопресвитером Красницким во главе. Красницкий уже принес покаяние и находится в общении с патриархом, о чем патриарх сам меня осведомит, и к нему было

разрешено мне отправиться для беседы. Из последовавшей затем беседы с патриархом я узнал, что переговоры с Красницким о примирении действительно были, но никаких положительных результатов не дали и, судя по газетным выступлениям Красницкого, заявляющего, что ему каяться не в чем, дать не могут. Считать восстановлением общения молитвенного с Красницким то обстоятельство, что Красницкий явился на Пасху к патриарху и произнес «Христос воскресе», также нельзя. В виду такого положения дела, я в следующих беседах с Е. А. Тучковым совершенно решительно заявил, что участвовать в учреждении при сотрудничестве Красницкого я не могу, так как не верю в искренность его покаяния, если бы он даже и принес таковое. Но и при возможности искренности покаяния нахожу непозволительным премировать кающегося грешника высшим возможным для пресвитера положением в Церкви вместо прохождения покаянной дисциплины. Поставление мне на вид того обстоятельства, что патриарх иначе относится к Красницкому и я должен последовать его примеру, я разрешал в своей совести тем, что если таковое инакое отношение со стороны патриарха предполагалось, то самим патриархом оно не подтверждено в беседе со мною, и домашнее молитвенное общение его с Красницким, если оно имело место, есть дело личной патриаршей совести и моему суждению не подлежит. Дня через два после этого надобности в беседах на указанную тему не стало, т. к. патриарх на письменное обращение к нему какой-то делегации о хранении чистоты Православия ответил резолюцией от 26 июня [ст. ст.] 1924 года за № 523, которой переговоры с Красницким о примирении и дело об учреждении при патриархе Высшего Церковного Управления прекращались. Я же после сего спешно был возвращен на место своей ссылки, срок которой должен был окончиться в конце ноября 1924 года. При последнем своем свидании с патриархом я узнал, что на случай своей смерти он назначает местоблюстителем митрополита Агафангела, а при невозможности почему-либо для митрополита Агафангела принять это назначение, местоблюстительство должен воспринять я. С этой информацией я и оставался до мая месяца 1925 года, совершенно не зная, что в конце декабря 1924 года патриархом было сделано по данному вопросу новое волеизъявление,

именно первым кандидатом в местоблюстители назван был я, вместо митрополита Агафангела, и добавлен еще третий — митрополит Петр Крутицкий.

Уведомление об окончании срока моей ссылки и разрешение явиться в Усть-Сысольск для получения документов на проезд к месту постоянного жительства я получил накануне смерти патриарха. Когда пришло известие о смерти патриарха, я, зная о кандидатуре митрополита Агафангела как первого возможного местоблюстителя, не считал нужным преодолевать во что бы то ни стало трудности начавшейся весенней распутицы и оставался на месте своего поселения ожидать первого парохода. Через месяц пароход появился, и я прибыл с ним в Усть-Сысольск. Здесь мне стало известно, что местоблюстителем патриаршим является митрополит Петр, так как ни меня, ни митрополита Агафангела при смерти патриарха в Москве не оказалось. Хотя для меня остается и сейчас непонятным, почему отсутствие в Москве могло быть препятствием к исполнению обязанностей патриаршего местоблюстителя, но раз епископатом, бывшим в Москве при погребении патриарха, местоблюстительство возложено было на митрополита Петра, то я с любовию признал это для себя обязательным и до сих пор мыслю себя в каноническом и молитвенном с ним общении как первым епископом страны.

К сожалению, митрополит Петр недолго оставался у кормила церковного. В декабре 1925 года он был лишен свободы, и в управление церковными делами должен был вступить назначенный им заместитель митрополит Нижегородский Сергий. Не знаю почему, но, видимо, митрополит Сергий несколько замедлил с осуществлением возложенных на него заместительских полномочий. Это обстоятельство представилось нескольким из находившихся в Москве архиереев состоянием Церкви без управления, и эти архиереи, возглавляемые архиепископом Свердловским Григорием, решили по собственному почину образовать Высшее Церковное Управление и объявили себя в таком достоинстве для всей православной Русской Церкви. Узнавши об этом, митрополит Сергий заявил о порученном ему от митрополита Петра заместительстве и призвал архиепископа Григория с его единомышленниками к порядку. Архиепископ Григорий, не отрицая полномочий митрополита

Сергия, не пожелал отказаться от начатой уже затеи с Высшим Церковным Советом и предложил митрополиту Сергию возглавить этот совет и при его помощи управлять Церковию. Митрополитом Сергием предложение это не было принято. Не знаю, как нашел возможность архиепископ Григорий войти в сношение с митрополитом Петром и какими доводами убедил он митрополита Петра, но 1 февраля [н. ст.] 1926 г[ода] м[итрополит] Петр дал резолюцию, по смыслу которой единственной выразительницей воли м[итрополита] Петра в церковном управлении является Коллегия из нескольких архиереев под председательством арх[иепископа] Григория. На основании сей резолюции а[рхиепископ] Григорий открыл деятельность В. В. Ц. С. Но и м[итрополит] Сергий нашел путь к письменному обмену мнениями с м[итрополитом] Петром и доказал местоблюстителю, что воспринятая им от патриарха единоличная власть не должна быть подменена учреждением коллегии. Убежденный доводами своего заместителя, м[итрополит] Петр отменил свое решение от 1 февраля и снова признал права только заместителя м[итрополита] Сергия. Таким образом затея а[архиепископа] Григория повисла в воздухе и так и висит без канонического под собою основания — законного правопреемства. Продолжая поддерживать свою затею, а[рхиепископ] Григорий совершает самочиние и, пока не оставит сего и не покается, общение с ним православных людей является невозможным, так как к прекращению начатого самочиния призывал его и сам первый епископ страны м[итрополит] Петр. Если бы а[рхиепископ] Григорий объявил свой В. В. Ц. С. органом управления не для всей Русской Церкви, а лишь для тех епархий, законные архиереи коих находятся с ним в общении, то его Совет мог бы находить опавдание своему существованию в патриаршем указе об автономии на местах при невозможности отношений с церковным центром, но для этого необходимо было, чтобы под таким углом зрения был учрежден Совет при самом своем зарождении. Теперь же возвращение а[рхиепископа] Григория в общение с Православной Церковью возможно только под условием покаяния и отказа от своей затеи и получения уверений от м[итрополита] Петра о восстановлении их взаимных канонических и молитвенных отношений.

О всех изображенных сейчас происшествиях в церковной жизни я узнал только в июне месяце 1926 г[ода], когда был возвращен на жительство в Усть-Сысольск из отдаленного выселка Зырянского края на р[еке] Ухте, так наз[ываемого] Переволока. Туда я был отправлен в мае 1925 г[ода], когда явился в Усть-Сысольск с уведомлением Усть-Куломского уполномоченного об окончании срока моей ссылки и разрешении мне возвратиться на место постоянного жительства. Чем была вызвана такая неожиданная для меня изоляция, мне не было объяснено ни тогда, ни впоследствии. Ознакомившись по возвращении в Усть-Сысольск с тогдашним церковным положением, я не мог мысленно не приветствовать твердость митрополита Сергия в охранении того церковного устроения, какое принято было митрополитом Петром после почившего патриарха.

После смерти патриарха решение вопроса о дальнейшем устроении церковной жизни ~~представляет~~ принадлежит только Собору Поместной Православной Церкви. Обязанность местоблюстителя — найти возможность довести Церковь до Собора и передать ему неизменным полученное от патриарха преемственно устроение Церкви. Поэтому всякая попытка учреждать в Церкви что-либо сверх того порядка, какой был оставлен патриархом, является нарушением церковного чина, и если бы на такое учреждение отважился местоблюститель, то такое деяние было бы превышением власти. Тем более должно быть оцениваемо как превышение власти подобное деяние со стороны лица, облеченного, так сказать, только отраженною властию, по передоверению, в каковом достоинстве является для Церкви заместитель местоблюстителя патриарха м[итрополит] Сергий. До весны [19]27 года м[итрополит] Сергий, по-видимому, так и понимал свои заместительские права. Приходилось слышать, что в тот период м[итрополит] Сергий, определяя свои полномочия церковные, называл себя только «сторожем» церковного устроения. К сожалению, удержаться на этом скромном положении он не смог, и весною 1927 г[ода] «сторож» церковного устроения превращается в реорганизатора его и учредителя нового церковного управления в виде так называемого временного патриаршего Синода во главе с заместителем патр[иаршего] местоблюстителя. В моем понимании деяние такое преломляется как узурпация

церковной соборной власти, и я счел своим архипастырским долгом в мае 1929 г[ода] поставить в известность управляющего в мое отсутствие Казанской епархией архиепископа Афанасия о моем отношении к созданному м[итрополитом] Сергием церковному положению и копию своего суждения по этому вопросу препроводил м[итрополиту] Сергию к сведению. Это дало основания м[итрополиту] Сергию обменяться со мною двумя письмами, на которые мною дан был своевременный ответ. В переписке этой причины и границы моего расхождения с м[итрополитом] Сергием нашли полное выражение. О. Г. П. У. переписка эта вполне доступна, как имеющаяся в распоряжении канцелярии так наз[ываемого] вр[еменного] патр[иаршего] Синода, откуда может быть истребована и послужит окончанием к настоящему показанию.

В Усть-Сысольске в 1926 г. я пробыл около трех месяцев, затем в октябре был арестован и доставлен в распоряжение Вятского ОГПУ, поместившего меня на жительство в город Котельнич с отобранием там от меня подписки не вступать на службу какую-либо, жить на квартире по указанию местного уполномоченного ОГПУ, ежедневно являться в отдел для регистрации. Такой режим длился до 21 дек[абря] 1926 г., когда явившимся из Вятки уполномоченным Ополевым был арестован и переведен в Вятку с помещением в камере при ОГПУ. Здесь мне было предъявлено присланное из Москвы обвинение в том, будто я вошел в сношения с «черносотенным епископатом», желая его возглавить и действовать во вред сов[етской] власти. Обвинение это было для меня совершенно неясным по своему происхождению, так как ни с кем в сношениях такого характера я не состоял, никого возглавлять не собирался. В половине февраля 1927 г. в том же Вятском О. Г. П. У. был допрошен прибывшим из Москвы Е. А. Тучковым. Из его слов я узнал, что меня кто-то избрал в патриархи Русской Церкви, и Е. А. Тучков интересовался, как я отнесся бы к этому избранию и как осуществлял бы свои патриаршие полномочия? Я отвечал, что для меня на первом месте стоит вопрос о законности избрания, т. е. о избрании законно созванным Собором. Таким же Собором может быть только созванный м[итрополитом] Петром или по его уполномочию м[итрополитом] Сергием. Мне было отвечено, что в данном случае инициа-

тором выборов и является м[итрополит] Сергий, и выборы произведены епископатом. Тем не менее, не зная ни повода, ни формы произведенных будто бы выборов, я отвечал, что совершенно не могу определить обязательное для себя отношение к таким выборам, если они были. Во всяком случае, были они без моего ведома. Но Вы, сказал мой собеседник, являетесь центральной личностию, и снова перешел к вопросам о моем церковном credo. Беседа с Е. А. Т[учковым] по этому вопросу была продолжена и на следующий день, после чего через два месяца мне был объявлен приговор О. Г. П. У. об отправлении меня в ссылку в Сибирь на три года, начиная с 21 декабря 1926 г., и я в тот же день с экстренным поездом был отправлен в сопровождении уполномоченного Ополева и конвоира — в Новосибирск, откуда доставлен в Красноярск и с первым пароходом отправлен в Туруханск. Там мне было указано отбывать срок ссылки на ст[анке] Хантайка, где я и оставался до вызова в Туруханск в июне 1929 г., а отсюда в октябре отпущен доканчивать срок ссылки в Енисейск. Назначенный мне срок окончился, но, по-видимому, я опять оказываюсь если не центральною, то к какому-то делу прикосновенною личностию и потому свободой не пользуюсь.

26 февраля 1930 года. Красноярск.

Митрополит Кирилл Смирнов.

(Архив УФСБ РФ по Кемеровской обл., д. П—17429, л. 42—42об.)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] 15 июня 1922 г. с митрополита Агафангела была взята подписка о невыезде из Ярославля.

[2] Зачеркнуто рукой митрополита Кирилла.

[3] Епископ Леонид (Соболев) (1851—1932), хиротонисан в 1920 г., в 1921 г. назначен епископом Верненским (Алма-Ата), к месту назначения не прибыл; с 18 мая 1922 г. — номинальный председатель обновленческого ВЦУ, с 1 августа 1922 г. — архиепископ Крутицкий (обновленческий), с 6 августа 1922 г. — архиепископ Пензенский и Саратовский. Скончался в обновленческом расколе, будучи митрополитом Орловским (обновленческой иерархии).

[4] В действительности Николай Пельц.

№2

Понятие «гонения на Церковь» заполнилось в своем содержании на основе отношений к Христианской Церкви римской государственности в первые три века христианства. Нарождавшееся христианство встречено было языческим Римом с глубокою ненавистию и подлежало по замыслу язычества непременному истреблению. Поэтому христианство было объявлено стоящим вне закона и все способы к его уничтожению были допустимы до физического истребления христиан включительно.

Говорить о таком гонении и утверждать его наличие по отношению к христианской Церкви в настоящее время со стороны СССР было бы совершенною нелепостию в виду того, что за все время существования сов[етской] власти нет недостатка в издании законов, нормирующих бытие на территории СССР всевозможных религиозных объединений.

К сожалению, и официальная печать, и ответственные советские деятели не скупятся на заявления как об очередной задачи для сов[етской] государственности — покончить с существованием всяких Церквей и даже самой религии. Эта одинаковость задач у римской государственности по отношению к христианству первых трех веков и у сов[етской] государственности по отношению к религии вообще и является причиною того, что все мероприятия власти в сторону религии встречаются как меры, предназначенные к одной цели,— уничтожению религии. Не осторожные же в этом отношении заявления, особенно со стороны воинствующего безбожия, подливают масла в огонь и дают повод к крикам о гонении. Как в самом деле воспринимать религиозному сознанию призывы вроде того, какой был сделан в 1926 году Логиновым по случаю прибытия делегации зарубежного безбожия? Разве не призыв к гонению заключается в утверждении воздействовать на религии «не оружием критики, а критикой оружия»? Конечно, от призыва до де-

ла расстояние может быть очень длительным и даже непроходимым, но повод к воплям дан.

Для моего личного понимания отношения соввласти к религии, предназначенной к ликвидации, представляется как ряд постепенных настойчивых мероприятий в том направлении, чтобы дать возможность всем наличным носителям религиозности дожить на законном основании свой век, но не оставлять наследников своего мировоззрения. В этих целях законодательство по отношению к религии, начавшись возвещением в первоначальной Конституции широкой свободы для веры и неверия с признанием за тем и другим одинаковых прав широкой пропаганды, постепенно суживает активные права веры, усиливая за счет их права и оказательства неверия и безбожия.

Последним выражением правительственного отношения к религии является закон от 8 апр[еля] с объяснительной к нему инструкцией от 1 окт[ября] 1929 г[ода] «О религиозных объединениях». Законом этим религиозная жизнь рассматривается как исключительно личное дело каждого отдельного верующего, имеющего поэтому право объединяться с другими одноверцами только в целях молитвы совместной, но никоим образом не для дел, имеющих общественное значение. Самый термин «община», «общество» совершенно не употребляется в законе. Через это самое понятие о Церкви как обществе, имеющем определенный строй и обязанности, может быть заподозриваться в своей законности и праве на бытие. Такое положение может восприниматься церковным сознанием как стеснение обнаружений церковной жизни, но во всяком случае не как совершенное ее уничтожение. Это есть скорбь для Церкви, но не смерть ее. Под этим знаком скорбного существования я и мыслю бытие Православной Церкви в СССР. Увеличатся ли скорби эти еще или нет — это в воле Божией. И роль правительственного законодательства, создающего эту церковную скорбь, я осмысливаю для себя как обнаружение вовсе на человеческих каких-либо соображений и умышлений, а осуществление над русским церковным обществом суда Божия, карающего нас за наши исторически выявленные церковные падения и призывающего нас к покаянию. Отсюда самые скорби церковные являются обычно генетически

связанными с нашими церковными падениями. Возьму для примера случаи обращения храмов православных под театральные зрелища. Это в своем происхождении есть последствие нашего прошлого отношения к своим храмам. Лет пятьдесят тому назад, а может и больше, никого уже среди церковного общества не стало удивлять то, напр[имер], явление, что под великие праздники, когда колокола призывали верующих в храм, многое множество этих призванных оказывались на концертах какой-нибудь приезжей знаменитости или в театре на модном спектакле. «Раз театры нужны вам больше, чем храмы, то пусть ваши храмы и обращаются в театры»,— слышится мне в данном случае голос суда Божия. Поэтому не жаловаться и вопить считаю я позволительным при переживаемых церковных скорбях, а с покорностью молить Бога о прощении и даровании своей Церкви мирного существования и беспечного. Поэтому всегда молюсь «о всех, иже во власти суть и о еже возглаголати в сердца им благая и мирная о Церкви Святой».

26 февраля 1930 года. Красноярский ОГПУ.

Митрополит Кирилл Смирнов.
(Архив УФСБ РФ по Кемеровской обл., д. П-17429, л. 43-44об.)

ПРИЛОЖЕНИЕ 13

ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА КИРИЛЛА ПО ВОПРОСУ МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЬСТВА

ЯНВАРЬ–ФЕВРАЛЬ 1934 ГОДА

ВЫПИСКА ИЗ ОТВЕТА НА МНЕНИЕ НЕКОЕГО ЛИЦА О НЕОБХОДИМОСТИ ЕМУ (МИТРОПОЛИТУ) ОБЪЯВИТЬ СЕБЯ МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЕМ ПАТРИАРШЕГО ПРЕСТОЛА ДО ВРЕМЕНИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ИЗ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МИТРОПОЛИТА КРУТИЦКОГО ПЕТРА (ПОЛЯНСКОГО)

Неблагополучие в Русской Православной Церкви видится мне не со стороны содержимого ею учения, а со стороны управления. Сохранение надлежащего порядка в церковном управлении со смерти Святейшего Патриарха Тихона и до созыва законного Церковного Собора обеспечивалось завещанием Святейшего Патриарха, оставленного им в силу особого, ему только данного и никому не передаваемого права назначить себе заместителя. Этим завещанием нормируется управление Русской Церковью до тех пор, пока не будет исчерпано до конца его содержание. Несущий обязанности патриаршего местоблюстителя иерарх сохраняет свои церковные полномочия до избрания Собором нового патриарха. При замедлении дела с выбором патриарха местоблюститель остается на своем посту до смерти, или собственного добровольного от него отречения, или устранения по церковному суду. Он не правомочен назначить себе заместителя с правом, тожественным его местоблюстительским правам. У него может быть только временный заместитель для текущих дел, действующий

по его указаниям. Вот в этом пункте и является погрешность со стороны митрополита Сергия, признающего себя в отсутствие митрополита Петра имеющим все его местоблюстительские права. Его грех — в превышении власти, и православный епископат не должен был признавать такую его власть и, убедившись, что митрополит Сергий правит Церковью без руководства митрополита Петра, должен был управляться по силе патриаршего указа 7 (20) ноября 1920 г., готовясь дать отчет в своей деятельности митрополиту Петру или Собору. Если до созыва Собора местоблюститель умирает, то необходимо снова обратиться к патриаршему завещанию и в правах местоблюстителя признать одного из оставшихся в живых, указанных в патриаршем завещании иерархов. Если ни одного в живых не окажется, то действие завещания окончилось, и Церковь сама собою переходит на управление по патриаршему указу 7 (20) ноября 1920 г., и общими усилиями епископата осуществляется созыв Собора для выбора патриарха. Поэтому только после смерти митрополита Петра, или его законного удаления, я нахожу для себя не только возможным, но и обязательным активное вмешательство в общее церковное управление Русской Церковью. Дотоле же иерархи, признающие своим первоиерархом митрополита Петра, возносящие его имя по чину за богослужением и не признающие законной преемственности Сергиева управления, могут существовать до суда соборного параллельно с признающими; выгнанные из своих епархий, духовно руководя теми — единицами, какие признают их своими архипастырями, а невыгнанные руководя духовной жизнью всей своей епархии, всячески поддерживая взаимную связь и церковное единение.

Для меня лично выступление сейчас представляется невозможным, так как я совершенно не уверен в характере отношений митрополита Петра [пропуск?— *А. Ж.*] убедиться в подлинности настроений последнего, чтобы решить, как поступить. Во всяком случае, быть явочным порядком заместителем митрополита Петра без его о том распоряжения я не могу, но если митрополит Петр добровольно откажется от местоблюстительства, то я в силу завещания Святейшего Патриарха и данного ему мною обещания исполню свой долг и приму тяготу местоблюстительства, хотя бы митропо-

лит Петр назначил и другого себе преемника, ибо у него нет права на такое назначение[1].

ПИСЬМО К НЕИЗВЕСТНОМУ АРХИПАСТЫРЮ ПО ВОПРОСУ О МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЬСТВЕ В ПРАВОСЛАВНОЙ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

февраль 1934 года

Христос посреди нас!
Ваше Высокопреосвященство,
Преосвященнейший Владыко, возлюбленный о Господе
собрат архиепископ.

Строки Ваши, полные снисходительности и доверия ко мне, грешному, доставили мне глубокое утешение. Спаси Вас Господи! Вас огорчает моя неповоротливость и кажущаяся Вам чрезмерная осторожность. Простите за это огорчение и еще потерпите его на мне. Не усталостью от долгих скитаний вызывается оно у меня, а неполным уяснением окружающей меня и всех нас обстановки. Ясности этой недостает мне не для оценки самой обстановки, а для надлежащего уразумения дальнейших из нее выводов, какие окажутся неизбежными для ее творцов. Проведение их в жизнь, вероятно, не заставит себя долго ждать, и тогда наличие фактов убедит всех в необходимости по требованию момента определенных деяний. Но разве мало существующих уже фактов? — можете спросить Вы. Да, их немало, но восприятие их преломляется в сознании церковного общества в таком разнообразии оттенков, что их никак не прикрепить к одному общему стержню. Необходимость исправляющего противодействия сознается, но общего основания для него нет, и митрополит Сергий хорошо понимает выгоду такого положения и не перестает ею пользоваться. В одном из двух писем ко мне он не без права указывает на эту разноголосицу обращаемых к нему упреков и потому, конечно, не считается с ними. Обвинение в еретичестве, даже самое решительное, способно только вызвать улыбку на его устах, как приятный повод лишний раз своим

мастерством в диалектической канонике утешить тех, кто хранит с ним общение, по уверенности в его полной безупречности в догматическом отношении.

Между тем среди них немало таких, которые видят погрешительность многих мероприятий митрополита Сергия, но, понимая одинаково с ним источник и размер присвояемой им себе власти, снисходительно терпят эту погрешительность как некое лишь увлечение властью, а не преступное ее присвоение. Предъявляя к ним укоризну в непротивлении и, следовательно, принадлежности к ереси, мы рискуем лишить их психологической возможности воссоединения с нами и навсегда потерять их для Православия. Ведь сознаться в принадлежности к ереси много труднее, чем признать неправильность своих восприятий от внешнего устроения церковной жизни. Нужно, чтобы и для этого прекраснодушия властные утверждения митрополита Сергия уяснились как его личный домысл, а не как право, покоящееся на завещании Святейшего Патриарха. Всем надо осознать, что завещание это никоим образом к митрополиту Сергию и ему подобным не относится.

Воспринять патриаршие права и обязанности по завещанию могли только три указанные в нем лица, и только персонально этим трем принадлежит право выступать в качестве временного церковного центра до избрания нового патриарха. Но передавать кому-либо полностью это право по своему выбору они не могут, потому что завещание патриарха является документом совершенно исключительного происхождения, связанного соборной санкцией только с личностью первого нашего патриарха. Поэтому со смертью всех троих завещанием указанных кандидатов завещание Святейшего Тихона теряет силу, и церковное управление созидается на основе указа 7 (20) ноября 1920 г. Тем же указом необходимо руководствоваться и при временной невозможности сношения с лицом, несущим, в силу завещания, достоинство церковного центра, что и должно иметь место в переживаемый церковно-исторический момент.

Иное понимание патриаршего завещания, утверждаемое митрополитом Сергием, привело уже к тому, что завещание, составленное для обеспечения скорейшего избрания нового патриарха, ста-

ло основой для подмены в церковном управлении личности патриарха какой-то коллегиальной «Патриархией». Почиет ли на этом начинании митрополита Сергия благословение Божие, мы не дерзаем судить, доколе законный Собор своим приговором не изречет о нем суда Духа Святого, но, как и все обновленчеству сродное, не можем признать обновленное митрополитом Сергием и церковное управление нашим православным, преемственно идущим от Святейшего Патриарха Тихона, и потому, оставаясь в каноническом единении с патриаршим местоблюстителем митрополитом Петром, при переживаемой невозможности сношения с ним, признаем единственно закономерным устроение церковного управления на основе патриаршего указа 7 (20) ноября 1920 г.

Твердо верю, что православный епископат при братском единении и взаимной поддержке сохранит с Божией помощью Русскую Церковь в исконном Православии во все время действенности патриаршего завещания и доведет ее до законного Собора.

• • •

Сдается мне, что и Вы сами, и Ваш корреспондент не разграничиваете тех действий митрополита Сергия и его единомышленников, кои совершаются ими по надлежащему чину в силу благодатных прав, полученных через Таинство священства, от таких деяний, кои совершаются с превышением своих сакраментальных прав по человеческим ухищрениям, в ограждение и поддержание своих самоизмышленных прав в Церкви. Таковы деяния епископа Захарии [Лобова] и священника Потапова, о коих Вы упоминаете. Это только по форме тайнодействия, а по существу узурпация тайнодействий, а потому кощунственны, безблагодатны, нецерковны, но Таинства, совершаемые сергианами, правильно рукоположенными во священнослужении, не запрещенными, являются, несомненно, Таинствами спасительными для тех, кои приемлют их с верою, в простоте, без рассуждений и сомнения в их действенности и даже не подозревающих чего-либо неладного в сергианском устроении Церкви. Но в то же время они служат в суд и осуждение самим совершителям и тем из приступающих к ним, кто хорошо понимает существующую в сергианстве неправду и своим непротив-

лением ей обнаруживает преступное равнодушие к поруганию Церкви. Вот почему православному епископу или священнику необходимо воздерживаться от общения с сергианами в молитве. То же необходимо для мирян, сознательно относящихся ко всем подробностям церковной жизни[2].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цитируется по: Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 699—700.
[2] Там же. С. 701—702.

ПРИЛОЖЕНИЕ 14

МАТЕРИАЛЫ ПО ГЖАТСКОМУ ДЕЛУ

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО СМИРНОВА КОНСТАНТИНА (КИРИЛЛА) ИЛАРИОНОВИЧА[1]

1. Фамилия: Смирнов.

2. Имя и отчество: Митрополит Кирилл (Константин Илларионович).

3. Дата рождения: 26 апреля 1863 г.

4. Место рождения: Кронштадт.

5. Местожительство (адрес): Гжатск, Запад[ная] обл[асть], Бельская ул., д. 102.

6. Профессия и специальность: Служитель культа.

7. Место службы и должность или род занятий[2]:

8. Паспорт: выдан в г. Красноярске 7 пасп[ортным] пунктом на год, прописан в Гжатске в декабре 1933 г.

9. Социальное происхождение: отец был пономарем.

10. Социальное положение: ~~нигде не служу~~ (этот ответ был зачеркнут рукой митрополита Кирилла).

а) до революции: был епархиальным архиереем.

б) после революции: с 1919 г. декабря месяца и до августа 1933 г. почти сплошь в тюрьме и ссылке.

11. Образование (общее и специальное): высшее богословское.

12. Партийность (в прошлом и настоящем): беспартийный.

13. Национальность и гражданство (подданство): русский[3].

14. Категория воинского учета-запаса и где состоит на учете:

15. Служба в белых и др. к.-р. армиях, участие в бандах и восстаниях против советской власти (когда и в качестве кого):

16. Каким репрессиям подвергался при соввласти: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что): арестовывался в 1920 и 1922 г. по распоряжению ВЧК.

17. Состав семьи: сестра Вера Иларионовна Гурова живет в Кронштадте.

Подпись арестованного

Арестован 14/VII—1934 г.[4]

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА МИТРОПОЛИТА КИРИЛЛА

16 июля 1934 года

До 19 августа 1933 г. я отбывал ссылку в Туруханском крае. По окончании срока я переехал на жительство в гор. Гжатск Западной области. Проездом через Москву я был в Синоде у митрополита Сергия, которого я спрашивал, переотправил ли он нашу (лично с ним) переписку митрополиту Петру Крутицкому. Переписка эта представляет выяснение моих взглядов о церковном управлении. У митрополита Сергия я узнал, что переписка эта Петру Крутицкому не переслана, т. к. Петр Крутицкий находится в тюрьме, а где именно, Сергий не знает, т. к. сношений с ним не имеет. В Гжатске я поселился у местной жительницы Пашиной, где и проживал до момента ареста, никуда не выезжая. Находясь в Гжатске, я связался с епископами: Афанасием (Сахаровым), Дамаскиным (Цедрик) и Серафимом (Самойловичем). Первый из них, т. е. Афанасий Сахаров, приезжал ко мне весной 1934 г. С Дамаскиным и Серафимом поддерживал письменные отношения[5].

Все эти лица являются сторонниками моей точки зрения по вопросам церковного управления. Серафим же Самойлович настроен даже резче меня.

Мое отношение к политическим выступлениям митрополита Сергия, в частности к т. н. «интервью», заключается в следующем:

во-первых, Сергий не имел права выступать от лица Церкви, т. к. никто его на это не уполномочил, а во-вторых, (он) преувеличенно представил благополучность положения Церкви, которая на самом деле находится, с моей точки зрения, в скорбном положении.

Из Москвы ко мне приезжали в Гжатск: Попов И. В. (б. профессор канонического права), Касаткин С. В. (б. миссионер) и называющий себя архимандритом Горгоний; других не помню[6].

Указанные лица интересовались моим отношением к митрополиту Сергию и получали от меня в этом смысле соответствующие разъяснения.

В июне месяце 1934 г. ко мне приезжал из Каширы иеромонах Паисий для получения совета, как ему быть в связи с тем, что он не признает митрополита Сергия. Я разрешил ему служить дома, другими словами, организовать домашнюю церковь.

Из Кадышков на Урале со мной письменно был связан иеромонах Леонид, который мне сообщил, что им там организована домашняя церковь, т. е. он сам в ней служит.

Со мной вместе жила монашка Евдокия Перевезникова, которая обслуживала меня уже несколько лет, еще со времени ссылки в Комиобласть.

Митрополит Кирилл Смирнов[7].

ПРОТОКОЛ ВТОРОГО ДОПРОСА МИТРОПОЛИТА КИРИЛЛА

16 августа 1934 года

Вопрос: Признаете ли Вы себя виновным в предъявленном Вам обвинении, т. е. в попытке воссоздать к.-р. организацию «Истинно-Православная Церковь»?

Ответ: Нет, не признаю. Я назначен был в завещании патриарха Тихона первым кандидатом на место патриаршего местоблюстителя, и поэтому, вероятно, в сознании многих церковников за мной мыслилась обязанность давать известные разъяснения, которые у них возникают в связи с курсом в церковной жизни, принятым официальной Церковью. Своего отрицательного отношения к

этому курсу я никогда не скрывал и совершенно определенно выразил его в официальных и неофициальных письменных обращениях к митрополиту Сергию. Само собой разумеется, что эти обращающиеся ко мне лица рассматривали меня как их руководителя, и я им не отказывал в возглавлении их, т. е. в руководстве ими. Никого сам к себе не звал и никаких организационных указаний не делал. Не отрицаю того, что я одобрял возможность совершения церковных служб дома, т. е. без регистрации в установленном советским законодательством порядке.

Вопрос: Какие поручения Вы давали Фокиной Л. Н. по части организации подпольных а/с церковных групп в Москве?

Ответ: Весной 1934 г. ко мне в Гжатск из Москвы приезжали некие Иван Иванович и Софья Петровна (фамилии их точно не помню) и поставили передо мной вопрос: можно ли доверять архимандриту Горгонию, т. к. из дальнейшей беседы с ними для меня выяснилось, что Горгоний представляет личность сомнительную, в том смысле, что он не был нам известен, то тогда возник вопрос относительно иеромонаха Паисия из Каширы. Т. к. Паисия я не знал — от ответа воздержался. Спустя примерно месяц—полтора ко мне приехал Паисий. Он произвел на меня благоприятное впечатление и поэтому, когда Фокина поехала в Москву (навестить больного отца), я просил ее зайти к Ивану Ивановичу и сообщить ему о том, какое впечатление произвел на меня Паисий. Какого-либо организационного задания этому вопросу я не придавал и не придаю.

Паисий в беседе со мной советовался: допустимо ли ему снять волосы и ходить в штатском, чтобы не привлекать внимания на себя. Я отвечал ему, что этот вопрос положительно разрешен еще Собором 1917—18 гг.

Вопрос: Кто проживает в Ленинграде из Ваших знакомых, переписывающихся с Вами под инициалами Е. Л.;

Ответ: Этим лицом является церковница Екатерина Александровна Лебедева, проживающая в Ленинграде по ул. Плеханова, 15. Знаком я с ней еще с дореволюционного времени. Раньше она сотрудничала в церковных журналах. Сейчас живет вместе с братом. Лебедева моя т. н. духовная дочь. Состоит со мной в переписке.

Действительно, в одном из писем она сообщила мне о том, что работает над статьей о «единстве церковных сил», в смысле объеди-

нения сознания всех христиан. Эту статью она предполагала выслать для ознакомления мне, но до моего ареста еще этого не сделала.

Вопрос: Кто является автором письма, в котором говорится: «Совершается Суд Божий над Церковью и народом русским. Совершается отбор тех, кои только и смогут быть строителями нового здания Церкви, кои только и будут в состоянии противостоять злу»?

Ответ: Автором этого письма является епископ Дамаскин, мой единомышленник. Письмо это было написано архиепископу Серафиму (Самойловичу), а в копии мне, т. к. выражает его воззрения на современное церковное положение. Смысл этих воззрений, как я их понимаю, состоит в том, что русским народом (верующим) совершен общий грех перед Церковью, в смысле глубокого охлаждения к религиозной жизни и церковным интересам, и вина в этом лежит, главным образом, на духовенстве, не воспитывающим в этом направлении народ. Задача заключается в необходимости более глубокого воспитания — со стороны духовенства — народа, чтобы членами Церкви были истинные христиане, через проповеди, беседы, церковные службы и т. п., что и означает противостояние проявляющемуся в жизни «царству злобы».

Эти взгляды я высказывал епископу Дамаскину и Афанасию. Со мной они были по этому поводу солидарны.

Протокол записан с моих слов верно и мною прочитан. 16 августа 1934 года[8].

ПРОТОКОЛ ТРЕТЬЕГО ДОПРОСА МИТРОПОЛИТА КИРИЛЛА

11 сентября 1934 года

Вопрос: Скажите, кто является автором брошюры, обнаруженной у Вас, в которой говорится, что человек должен повиноваться больше Богу, чем людям «без всякого употребления слова «лояльности»?

Ответ: Кто является автором этой брошюры — я не знаю. Когда и кто передал мне указанную брошюру — не помню, но полагаю,

что она получена мною во время пребывания в ссылке, возможно, в 1929 г.

Смирнов К. И.

Об окончании следствия мне 11 сент. 1934 г. объявлено. *Смирнов К. И.*[9]

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ФОКИНОЙ Л. Н.

20 июля 1934 года

Вопрос: Когда и при каких обстоятельствах Вы поселились в Гжатске?

Ответ: После освобождения из ссылки, за отбытием срока я приехала в Москву. Здесь я, не получив паспорта, поехала в Можайск и, за неимением квартиры, переехала в Гжатск, т. к. там жил мой духовный отец митрополит Кирилл (Смирнов). Это было в первых числах июня 1934 года. Получив в Гжатске 3-х месячный паспорт, я поселилась по соседству со Смирновым — в одном доме.

Вопрос: Какие поручения митрополита Кирилла (Смирнова) Вы выполняли?

Ответ: В бытность в Гжатске я никаких поручений Кирилла (Смирнова), кроме домашне-хозяйственных, не выполняла.

Вопрос: Для каких целей Вы приезжали в июне месяце из Гжатска в Москву?

Ответ: Исключительно для свидания с отцом и для покупки лекарств для (митрополита) Кирилла (Смирнова).

Вопрос: Кого в Москве Вы встречали?

Ответ: Только отца и мать. Больше никого не видала. Если с кем и встречалась, назвать отказываюсь, т. к. никого не хочу замешивать в знакомство с собой.

Вопрос: Назовите лиц, приезжавших к Кириллу (Смирнову) в Гжатск.

Ответ: К Смирнову приезжали: епископ Палладий и священник-благочинный, фамилии которого не знаю. Цель приезда Палладия заключалась в информации о присвоении митрополиту Сер-

гию звания «блаженнейшего» и рассказа о положении дела в епархии. Зачем приезжал священник, не знаю, т. к. это было еще до моего приезда. Больше я ни о каких приездах к Кириллу (Смирнову) ничего не знаю.

Вопрос: Что Вы знаете о приезде из Каширы иеромонаха Паисия?

Ответ: На этот вопрос отвечать не хочу.

Вопрос: У кого Вы останавливались, приехав из Гжатска в Москву 29/VI–34 г. вечером?

Ответ: Отвечать отказываюсь.

Вопрос: К кому Вы заходили 30/VI по Никитникову пер., 4, кв. 20, и для какой цели?

Ответ: Отвечать на эти вопросы отказываюсь.

Вторичный вопрос: Не связана ли Ваша поездка в Москву с выполнением поручений митрополита Кирилла (Смирнова)?

Ответ: Во изменение ранее данного ответа, о том, что я никаких поручений Кирилла (Смирнова) не выполняла, заявляю, что на подобные вопросы отвечать отказываюсь[10].

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ[11] ПО СЛЕДСТВЕННОМУ ДЕЛУ № 7, ПО ОБВИНЕНИЮ СМИРНОВА К. И. И ФОКИНОЙ Л. Н. ПО СТ. 58–10 И 58–11 УК.

19 августа 1933 г., по окончании срока ссылки в гор. Гжатск, Зап. области, прибыл митрополит СМИРНОВ Константин (он же Кирилл) Иларионович, который задался целью воссоздания ликвидированной органами ОГПУ в 1931–32 гг. к.-р. организации «Истинно-Православная Церковь».

СМИРНОВ К. И. установил письменную связь с активными деятелями «ИПЦ» Парфением БРЯНСКИХ, Серафимом САМОЙЛОВИЧЕМ, ДАМАСКИНЫМ и др., совместно с которыми приступил к разработке программных положений организации.

В результате продолжительной переписки с указанными архиереями, уже начали намечаться общие контуры этой программы.

При обыске у СМИРНОВА обнаружено письмо епископа ДАМАСКИНА, в котором излагаются следующие взгляды:

«Совершается суд Божий над Церковью и народом русским. Совершается отбор тех истинных воинов Христовых, кои только и смогут противостоять самому «зверю». Времена же приблизились несомненно апокалипсические».

«Все наши усилия теперь должны быть направлены на установление прочных связей между пастырями и пасомыми. И необходимо по возможности исправить совершенный грех путем противодействия злу, до готовности даже кровию омыть грех свой».

На вопрос об отношении к этому документу СМИРНОВ ответил:

«Автором письма является епископ ДАМАСКИН — мой единомышленник. Письмо было написано архиепископу Серафиму (Самойловичу), а в копии — мне. Смысл этих воззрений состоит в том, что русским народом совершен общий грех перед Церковью, и вина в этом лежит, главным образом, на духовенстве. Задача состоит в необходимости более глубокого воспитания народа, чтобы членами Церкви были истинные христиане, что и означает противопоставление царству злобы.

Эти взгляды я высказывал епископам ДАМАСКИНУ и АФАНАСИЮ, которые были со мною солидарны по этому поводу».

Наряду с этим митрополит СМИРНОВ предпринимал и практические шаги по организации нелегальных ячеек церковников, которые должны были явиться массовой базой организации. Установки по организации подобных ячеек СМИРНОВ давал неким Ивану Ивановичу, Софье Петровне, монахам Горгонию и Паисию, следствием не установленным.

В качестве связиста между собою и указанными лицами СМИРНОВ использовал обвиняемую ФОКИНУ Лидию Николаевну, возвратившуюся из ссылки в июне с. г. Отрицая организационную деятельность по созданию нелегальных ячеек, по этому вопросу СМИРНОВ показал:

«Весной 1934 г. ко мне приезжали некие Иван Иванович и Софья Петровна и поставили передо мной вопрос — можно ли доверять архимандриту Горгонию, т. к. Горгоний не был нам известен, то тогда возник вопрос относительно иеромонаха Паисия. Спустя

примерно месяц-полтора ко мне приехал Паисий. Он произвел на меня благоприятное впечатление и поэтому, когда Фокина поехала в Москву, я просил ее зайти к Ивану Ивановичу и сообщить ему, какое впечатление произвел на меня Паисий».

Допрошенная по этому поводу ФОКИНА заявила, что она является «духовной дочерью» митрополита СМИРНОВА, но на вопросы: 1) в чем выражались даваемые СМИРНОВЫМ поручения, 2) у кого она останавливалась, приезжая из Гжатска в Москву, и 3) что она знает о приезде в Гжатск иеромонаха Паисия, ФОКИНА отвечать отказалась.

На основании изложенного:

1) СМИРНОВ Константин (он же Кирилл) Иларионович, 71 года (род. в 1863 г.), беспартийный, русский, гр-н СССР, одинокий, митрополит, окончил Духовную академию, без определенных занятий, неоднократно репрессировался органами ВЧК-ОГПУ за к.-р. деятельность, до ареста проживал в г. Гжатске; обвиняется в том, что объединял активных деятелей «ИПЦ» ДАМАСКИНА, БРЯНСКИХ, САМОЙЛОВИЧА и др., пытаясь организовать нелегальные к.-р. ячейки, а также принимал участие в разработке программных положений «ИПЦ» и хранил материалы к.-р. содержания — т. е. в преступлении, предусмотренном ст. ст. 58/10 и 58/11 УК.

2) ФОКИНА Лидия Николаевна, 35 лет (род. в 1899 г.), беспартийная, русская, гр-ка СССР, одинокая, окончила гимназию, происходит из семьи служащего, до ареста проживала в г. Гжатске и служила счетоводом «Племзаготтреста», в 1931 г. была осуждена на три года в ссылку по ст. 58/10 УК; обвиняется в том, что, будучи осведомленной о к.-р. деятельности СМИРНОВА, оказывала ему содействие по комплектованию нелегальных кадров «ИПЦ» и устанавливала связи с отдельными участниками этой организации, а также выполняла другие поручения СМИРНОВА, направленные к воссозданию «ИПЦ», т. е. в преступлении, предусмотренном ст. ст. 58/10 и 58/1 УК.

Москва, ОПЕР. УПОЛ. 3 ОТД. /ТОЛСТОЙ/
октября 34 г. СОГЛАСЕН: ПОМ. НАЧ. 3 ОТД. СПО /ТИМОФЕЕВ/

СПРАВКА: 1) СМИРНОВ К. И. и ФОКИНА Л. Н. арестованы 14/VII–34 года и содержатся под стражей в Бутырском изоляторе.

2) Вещ. доказательства по делу: письмо еп. ДАМАСКИНА и брошюра «Беседа двух друзей» – приобщены к следствен. делу.

ОПЕР. УПОЛНОМОЧЕН. 3 ОТД. /ТОЛСТОЙ/

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Приводим анкету в той орфографии и стилистике, в какой анкета была заполнена митрополитом Кириллом.

[2] Пункты 7-й, 14-й и 15-й не были заполнены митрополитом Кириллом.

[3] Заслуживает внимания, что митрополит Кирилл не указал себя подданным СССР.

[4] АУФСБ РФ МО, д. Р–37479, л. 5–5 об.

[5] То, что владыка Кирилл называет на допросе некоторых иерархов и церковных деятелей, с которыми имел письменное или личное общение в гжатский период, объясняется тем, что при аресте была изъята переписка с этими иерархами и мирянами.

[6] Эти слова митрополита Кирилла дают основания предполагать, что число посещавших его было значительно больше того круга лиц, какой был обозначен владыкой Кириллом на допросе.

[7] АУФСБ РФ МО, д. Р–37479, л. 24–25об.

[8] Там же, л. 27–33.

[9] Там же, л. 38.

[10] Там же, л. 34–36об.

[11] Там же, л. 42–45.

ПРИЛОЖЕНИЕ 15

ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА КИРИЛЛА ИЗ ПОСЕЛКА ЯНЫ-КУРГАН

№ 1

ИЕРОМОНАХУ ЛЕОНИДУ[1]

23/8 III 37 г.

Милость Господня да будет с Вами, боголюбивый о. иеромонах Леонид!

19/4 III получил письмо Ваше и перевод на 10 р. Спаси Вас, Господи, за попечение о моих нуждах, только смотрите, чтобы это не было самому себе в обиду или чего-нибудь необходимого.

По поводу Ваших недоумений относительно сергианства могу сказать, что те же самые вопросы и в такой же почти форме были обращены ко мне из Казани десять лет тому назад, и тогда я отвечал на них утвердительно, потому что считал все сделанное м[итрополитом] Сергием ошибкой, которую он сам осознает и пожелает исправить. К тому же среди рядовой паствы нашей было множество людей, не разбиравшихся в происшедшем, и нельзя было требовать от них решительного и деятельного суждения о событиях. С тех пор много воды утекло. Ожидания, что м[итрополит] Сергий исправит свои ошибки, не оправдались, но для прежде несознательных ~~верующих~~[2] членов Церкви было довольно времени, побуждений и возможности разобраться в происходящем, и оч[ень] многие

разобрались и поняли, что м[итрополит] С[ерг]-ий отходит от той Православной Церкви, какую завещал нам хранить Св. Патриарх Тихон, и следовательно для православных нет с ним части и жребия. Происшествия же последнего времени окончательно выявили обновленческую природу сергианства. Спасутся ли пребывающие в сергианстве верующие, мы не можем знать, потому что дело спасения вечного есть дело милости и благодати Божией, но для видящих и чувствующих неправду сергианства (каковы Ваши вопросы) было бы непростительным лукавством закрывать глаза на эту неправду и там искать ~~духовного руководства~~ удовлетворения духовных своих нужд потребностей с совестию, сомнящеюся в возможности такого удовлетворения. Все, что не от веры,— грех. Ложь нельзя исправлять ложью и ~~никоим~~ образом, стало быть, нельзя предпочитать григорьевство сергианству.

С митрополитом Иосифом я нахожусь в братском общении, благодарно оценивая то, что с его именно благословения был высказан от Петроградской епархии первый протест против затеи м[итрополита] Сергия и дано было всем предостережение в грядущей опасности. С правосл. предстоятелями ~~у предстоятелей этой епархии искали и находили руководство по смерти епископа Виктора послушные ему верующие Вятской епархии. Правда, среди них проявляются иногда крайности в отношениях к сергианству (напр., перекрещивание крещенных), но эта ревность не по разуму представляется мне не как принятое у викторовцев исповедание, а как печальная случайность, порожденная личным темпераментом отдельных неразумных ревнителей~~ сей епархии ~~Церкви~~ находился в постоянном общении еп[ископ] Виктор при своей жизни; у них же ~~после его смерти~~ искали и находили руководство ~~послушные ему~~ после смерти еп[ископа] Виктора послушные ему верующие Вят[ской] епархии.

[Далее письмо обрывается.]

№ 2[3]

НАДЕЖДЕ ВАСИЛЬЕВНЕ

1/14. IV. 37

Милость Господня да будет с Вами, дорогая Надежда Васильевна! Получил и две открытки Ваши и письмо и сегодня от имени Аненьки 50 р. За все сердечно благодарю Вас, но с присланными деньгами для меня создалось моральное затруднение. Я об этом писал уже Аненьке. Дело в том, что вручивший Вам эти деньги неведом мне лично, но имя его мне известно с довольно разноречивой характеристикой. Из всего, что слышал, вывожу заключение, что это человек несколько экзальтированный и увлекающийся, ревностный и прямолинейный, что мешает ему учитывать обстановку жизненную, в которой он действует. Ваш дорогой брат, по моему мнению, пережил последнюю неприятность в значительной мере потому, что имел исполнителем своих советов этого своего друга, не проявившего достаточной осторожности и терпеливости. (Я не осуждаю его за этот недостаток, быть может, и не существующий в действительности, а только мною заподозреваемый, но) Становиться с ним в отношения, создающие некоторую зависимость, не могу и потому не могу принять от него материальную помощь. (Пусть огорчается на это и простит меня за эту осторожность, приобретенную во всяком случае горьким опытом. За молитвы и привет благодарю его и о нем имею молитвенную память). Вас приветствую с грядущими днями Страстной седмицы и от души желаю с радостью встретить Св. Пасху. М. Е. благодарит Вас за память и вас приветствует. Всегда *Ваш М. К.*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Архив УКГБ КазССР по Чимкентской области, ф. 1, д. 02455, приложение.

[2] В тексте зачеркнутыми приводятся слова, вычеркнутые рукой самого митрополита Кирилла.

[3] Архив УКГБ КазССР по Чимкентской области, ф. 1, д. 02455, приложение.

ПРИЛОЖЕНИЕ 16

МАТЕРИАЛЫ ПО ЧИМКЕНТСКОМУ ДЕЛУ

№ 1

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО СЛЕДСТВЕННОМУ ДЕЛУ № 723 (1937 года)

«Утверждаю»
вр. нач. Ю/К ОблУ НКВД
Капитан Госбезопасности
(КАЛЬНИНГ)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
(о выделении материалов из следственного дела № 723 на СМИРНОВА Кирилла, ПЕТРОВЫХ Иосифа и КОБРАНОВА Евгения)
г. Чимкент, 1937 г.

Я, оперуполномоченный IV-го отд. Ю/К ОБЛУ НКВД лейтенант госбезопасности КОСТИН, рассмотрев материал следственного дела № 723 по обвинению СМИРНОВА Кирилла, ПЕТРОВЫХ Иосифа, КОБРАНОВА Евгения и с ними группы лиц в количестве 15 человек, обвиняемых по ст. 58 п. 11 и 10 УК РСФСР, НАШЕЛ: что к.-р. деятельность СМИРНОВА, ПЕТРОВЫХ и КОБРАНОВА не ограничились вовлечением и вербовкой в контр-

революционную организацию церковников, вовлеченных вместе с ними 15 человек, активное участие коих доказано следствием, а из материалов видно, что имеется на свободе еще не репрессированные члены той же к.-р. организации, которые продолжают вести контр-революционную деятельность. Еще в целях полного вскрытия и изъятия принадлежащих к организации лиц, необходимо произвести дополнительные аресты, а вместе с этим и следствие, потому —

ПОСТАНОВИЛИ: Дело на СМИРНОВА (Кирилла) Константина, ПЕТРОВЫХ Иосифа и КОБРАНОВА Евгения выделить в отдельное делопроизводство для дальнейшего расследования.

ОПЕР. УПОЛНОМОЧЕННЫЙ IV-го ОТД. (КОСТИН)
Лейтенант Госбезопасности

«Согласен» НАЧ. IV ОТД. УГБ
Лейтенант Госбезопасности (КОСТЕНКО)

№ 2

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА МИТРОПОЛИТА ИОСИФА (ПЕТРОВЫХ)

14 июля 1937 года[1]

Вопрос: Признаете ли Вы себя виновным в том, что Вы возглавляли нелегальную антисоветскую религиозную организацию?

Ответ: Да, я признаю себя виновным в том, что я — Петровых, являюсь одним из руководителей нелегальной религиозной организации[2].

Вопрос: Вы скрываете антисоветскую сущность Вашей организации. Следствие вернется к этому вопросу в дальнейших допросах. Кто является главой данной нелегальной организации?

Ответ: Главой данной нелегальной организации признан митрополит Кирилл Смирнов. Он же Кирилл является первым местоблюстителем патриарха Тихона, с одной стороны, с другой — он

этого заслуживает своим мужественным стоянием, своей борьбой за церковные интересы.

Вопрос: Назовите других лиц руководителей нелегальной религиозной организации.

Ответ: Основными руководителями нелегальной религиозной организации являются: архиепископ Прокопий Херсонский в Кара-Калпакии в г. Турткуль, архиепископ Серафим Угличский — не знаю, где находится, архиепископ Димитрий Гдовский. Из лиц менее ответственного сана, но играющих видную роль в руководстве местными нелегальными религиозными организациями, являются: старец Зосима, фамилии не знаю, протоиерей Рождественский.

Вопрос: Вы не всех руководителей данной организации назвали. Дайте правдивое показание по этому вопросу.

Ответ: Да, я не всех руководителей организации назвал. Руководителями местных организаций также являются: иеромонах Николай — фамилии его не знаю; священник Никулин Александр из Вятской епархии; Кордин Борис Григорьевич; Арсений из г. Алма-Ата.

Вопрос: В чем конкретно выражается Ваша деятельность по руководству нелегальной религиозной организацией?

Ответ: Эта деятельность выражается в руководстве местными религиозными организациями и в содействии им; в сношениях с руководителями этих местных организаций; в подпольной форме отправления религиозных обрядов; мною лично совершено пострижение в монашество двух женщин-старух.

Вопрос: Как осуществлялось Ваше руководство местными организациями?

Ответ: Это руководство осуществлялось через посредство приезжавших ко мне представителей и руководителей местными организациями и через письма.

Вопрос: Назовите, кто приезжал к Вам за время Вашего пребывания в г. Мирзояне?

Ответ: За время моего пребывания в г. Мирзояне ко мне приезжали следующие лица: был у меня некто Лованов из Чимкента, дотоле мне совершенно незнакомый. Он сообщил, что приехал в

Мирзоян по своим служебным делам и зашел ко мне получить благословение. Прошлым летом был у меня из г. Ленинграда доктор Трупов (Трунов?) с женой. Воспользовавшись отпуском, он пожелал, как старый мой знакомый, отдохнуть несколько дней у меня, интересовался бытом жителей Средней Азии, постановкой медицинского дела. Проездом из Алма-Аты в Москву заезжала ко мне Вера Ивановна. Цель ее приезда ко мне была разрешение вопроса, как ей поступить ввиду того, что ее духовный отец протоиерей Свенцицкий, ранее бывший ярым противником м[итрополита] Сергия, неожиданно перед смертью объявил себя сторонником Сергия. Заходил какой-то незнакомый мне священник Лебедев, который просил меня, как и куда поступить ему на духовную службу. Заходил незнакомый мне архидиакон по имени, кажется, Мина, передал мне письмо от моего знакомого архиепископа Бориса Ташкентского. Письмо это носило исключительно дружеский характер. Прошлым летом приехал ко мне иеромонах Гавриил — фамилию не знаю. Он приехал проведать меня, получить благословение и передать от себя маленькую помощь. Из Ташкента приезжала ко мне Мария Карповна проведать меня, как старого знакомого, и оказать помощь. Заходил находящийся в ссылке в г. Мирзояне епископ Омский, зашел просто проведать, хотя он другого религиозного течения. Были у меня неизвестные две монашки, сообщили о приезде их на жительство в Мирзоян, просили допустить их к участию в моих богослужениях, на что я ответил категорическим отказом. Весной прошлого года приезжал ко мне некий иеродиакон... [неразб.] из Курской области, сообщил, что он является посланцем объединившегося там против Сергия духовенства, и просил помочь им советом в том, как и чем доказывается правота отделения от Сергия. Просьбу его в этом я удовлетворил, собрал клочки выдержек по этому вопросу из документов, дополнив их некоторыми разъяснениями (в духе Ярославской декларации) и передал ему. Из Чимкента приезжал ко мне священник Петр Петин, затем приезжала его жена. Оба показывали себя моими сторонниками, оказывали денежную помощь. Прошлым летом была у меня монахиня Анастасия Куликова, бывшая экономкой архиепископа Димитрия. Из-под

Ленинграда приезжала Парашкова Анна, передала мне два письма от священника Рождественских Измаила и Михаила. В письмах они подтвердили свою верность мне и просили помочь в духовном общении со мною.

Вопрос: Вы не всех Вас посещавших лиц назвали?

Ответ: Да, действительно, я не всех назвал лиц, которые приезжали ко мне. Ко мне раза два приезжал из Ташкента священник Ветчинкин; из Вятской епархии — иеромонах по имени Николай и священник Никулин Александр.

Вопрос: Расскажите подробно о приезде к Вам Николая и Никулина Александра.

Ответ: Николай приезжал ко мне в начале текущего года. По приезде он сообщил о своей деятельности в Вятских пределах, где он, по его словам, преимущественно пребывает; характеризовал некоторых тамошних деятелей, большею частью мне мало известных и плохо запоминавшихся[3]. В конце для какого-то деятеля выпросил у меня несколько строк поощрения в виде моего благословения и, спрятав его в дупло своей палки, удалился.

Вопрос: Какой еще разговор был между Вами и Николаем?

Ответ: Николай показал себя чрезвычайно фанатично настроенным ревнителем Православия. Он даже потребовал уничтожения шестиконечной звезды на одной иконе, висевшей на стене. Ранее он стал доказывать, что есть грех в том, чтобы пользоваться всякими документами с изображением невосьмиконечной звезды; есть грех в пользовании советскими паспортами и советскими деньгами. Затем он сообщил, что намерен проехать к м[итрополиту] Кириллу, зачем — для меня не известно.

Вопрос: Вы скрываете о целях поездки Николая к Кириллу. Следствие к этому вопросу вернется в дальнейших допросах. Расскажите о приезде Никулина Александра.

Ответ: С Никулиным Александром я встретился не в Мирзояне, а в Алма-Ате, куда ездил в ноябре прошлого года в октябрьские праздники проведать своего знакомого Бориса Кордина. Никулин также был близко знакомый Кордину, к которому он и приехал одновременно со мной. Никулин сообщил о настроениях в Вятской

епархии, об отсутствии объединяющей точки. Говорил, что взоры многих обращаются на меня, Иосифа, и просил вступить в более деятельные отношения к их положению, сохраняя все в возможной секретности. Таким образом, хотя и не дал прямого ответа о руководстве, общность взглядов установила определенную связь с эти деятелем, который считает меня своим руководителем. Точно с такими же намерениями приезжал ко мне в Мирзоян другой Александр священник, фамилию которого не помню. Этот Александр изъявил желание более определенного руководства вятскими деятелями, представляя нескольких из них к наградам и поощрениям разного рода, просил разрешения постричь нескольких монастырских стариц в монашество. Учитывая трудности его поездки, эти просьбы мною были удовлетворены.

Вопрос: Дайте показания о Ваших связях в г. Ростове Ярославском.

Ответ: В г. Ростове Ярославском я имел переписку только с б. учительницей Петровой Людмилой Владимировной, ныне отбывает ссылку в г. Мерке. Петровой однажды я послал акафист и службу Божией Матери, написанные мною, и рассказ о трех странниках, написанный также мною со слов одного мне знакомого, который когда-то давно мне его рассказал. Как сообщала мне Петрова, акафист и службу она передала священнику Поропкову Василию, последний их читал при богослужениях, и они пользовались большим успехом у верующих.

Вопрос: В чем выражается Ваша связь с м[итрополитом] Кириллом?

Ответ: С м[итрополитом] Кириллом лично я не был знаком, видел его единственный раз в жизни в 1909 году. Моя связь с ним осуществлялась в непосредственной переписке и через посредствующих третьих лиц. Случай непосредственной переписки с м[итрополитом] Кириллом имел место единственный раз в январе 1937 г. Это письмо я направил с архимандритом Арсением (Борис Кордин), который из Алма-Ата приехал ко мне, а затем поехал к м[итрополиту] Кириллу. В своем письме я свидетельствовал владыке свое глубочайшее почтение, говорил, что преклоняюсь перед его

мужественным стоянием своей борьбой за церковные интересы. Это было с моей стороны пробным камнем для выяснения отношения м[итрополита] Кирилла ко мне и установившейся за мною репутации главаря особого церковного движения. От м[итрополита] Кирилла Арсений привез ответ, который вполне удовлетворил меня. Более важная и ответственная была переписка через третьих лиц — священника Ветчинкина (в Ташкенте) и Сеницкого Григория (в Самарканде). Тот и другой непосредственно вели переписку с м[итрополитом] Кириллом и мною.

Вопрос: К этому вопросу следствие вернется при дальнейших допросах. Расскажите о нелегальной деятельности священников Ветчинкина и Сеницкого и архимандрита Арсения.

Ответ: Все трое являются активными сторонниками подпольного религиозного направления, руководителем которого я являюсь. Мне известно, что Ветчинкин и Сеницкий нелегально проводят религиозные обряды. Мне также известно о характере церковной деятельности Арсения, в суждениях о ней он того мнения, что это деятельность может проводиться только при условии строжайшей секретности, среди лиц, заслуживающих полного доверия, как было в первые века христианства.

Мною прочитано. *Иосиф Петровых.*

№ 3
ПОКАЗАНИЯ ОБВИНЯЕМОГО МИТРОПОЛИТА ИОСИФА (ПЕТРОВЫХ) (Spuria)[4]

23 июля 1937 года

Вопрос: На предыдущем допросе Вы признали свое руководство подпольной церковной деятельностью нелегальной церковной организации. Следствие считает Ваши показания не откровенными и предлагает дать показания о контрреволюционной Вашей деятельности.

Ответ: Считаю свои показания откровенными. Контрреволюционной деятельностью я не занимался и организацию церковников, нелегально существующую, о которой я показал на предыдущем следствии, контрреволюционной считать не могу.

Вопрос: Следствием установлено, что Вами было получено из России 450 кг. контрреволюционной литературы, и этот факт от следствия скрыли. Вам предлагается встать на путь полной откровенности и дать показания о контрреволюционной организации, Вашем руководстве и ее деятельности.

Ответ: Да, я хочу встать на правдивый путь и желаю быть искренно-откровенным до конца[5]. Хочу рассказать о своем к.-р. прошлом и сказать о своем действительном политическом кредо с тем, чтобы после этого за мною совершенно ничего не осталось не досказанным, что бы хотя в малейшей степени могло вызвать недоверие ко мне со стороны советской власти и следствия. Вставая на откровенный путь, я твердо заявляю о том, что в корне порываю всякую связь с контрреволюционным элементом, окружающим меня, прекращая свою преступную контрреволюционную деятельность и борьбу с советской властью, которая мною велась и о чем мною будет сказано ниже[6]. Должен я начать с того, что когда-то я был в числе особо близких и особым расположением пользовавшихся соратников быв[шего] патриарха Тихона. С постепенным уменьшением этих соратников Тихона я не последним оказался в числе тех лиц, а оказался одним из первых наследников «Тихоновской славы» и носителем ее. Это положение особо выявилось к моменту моего назначения Ленинградским митрополитом. Пришибленная в то время и притаившаяся реакция темных «политических дельцов» воспряла и поспешила примкнуть ко мне. Но правильно сделала советская власть, когда расправилась быстро с новым контрреволюционным формированием того времени и ее виновником — мною. Неся наказание, данное мне по заслугам, я в то же время не пришел к полному сознанию и откровенности перед властью, не отмежевался решительно и до конца как от своих единомышленников, так и от своих контрреволюционных убеждений, а затаил в себе скрытое недовольство и неприязнь к существующему строю и советской власти. Вот с этого момента и времени было положено

начало особому контрреволюционному подпольному течению церковной жизни, форму и содержание которого это течение сохранило вплоть до момента моего ареста теперь, о чем я дал показание на предыдущем допросе. Быстро приспособилась к новому подпольному положению деятельности церковников и политическая реакция, найдя в подпольном церковном движении для себя наиболее благоприятное условие для развертывания своей контрреволюционной деятельности. Мое нелояльное отношение к советской власти и ее мероприятиям служило тем, что во мне легко находили своего сторонника как исполнители этих мероприятий, так и противники их. Я сам нарушал законы советской власти, в то же время подавал примеры такого же отношения к ним и другим. В результате я стал руководителем контрреволюционного подполья церковников. Приехав в ссылку в Казахстан, мало что изменилось ко мне со стороны моих последователей, а равно и мое отношение к ним. Продолжалась переписка с отдельными лицами, моими единомышленниками, установились более или менее непосредственные сношения с ними и особенно с теми единомышленниками, которые имели за собою значительные группы верующих, и не просто верующих, а зачастую людей антисоветских.

Таким образом, образовался в Казахстане постепенно контрреволюционный центр Всесоюзного значения. Радиусы от этого центра и к нему протягивались со всех концов СССР. Моя переписка перестала быть делом частного интереса, каждая моя строчка считалась достоянием всех, тяготевших так или иначе к новому организовавшемуся нелегальному контрреволюционному центру церковников, который находился на территории Южного Казахстана. Малейшее мое антисоветское проявление, тем более целый ряд таких проявлений (получение и хранение контрреволюционной литературы, распространение некоторых своих литературных трудов в целях контрреволюционной пропаганды и т. п.) и всего этого было достаточно, чтобы привлечь меня к ответу за контрреволюционную деятельность. Размеры этой деятельности не ограничивались моей личной жизнью. Я сознаю свою глубокую ответственность за такую же контрреволюционную деятельность всех, кто входил в этот центр и для кого я являлся примером. Я чувствую по-

требность не скрывать от власти ничего того, что сделано контрреволюционного мною и моими единомышленниками.

В ранее данных мною показаниях я многое уже сообщил, как например, приезды ко мне за надлежащей зарядкой единомышленников из Вятки, Ярославля, Курска, Ленинграда, Ташкента, Алма-Аты, а равно сообщено мною и о переписке с отдельными деятелями на местах. Помимо этого готов сообщить более подробно о каждом моменте и лице, готов вспомнить те обстоятельства и факты, которые сейчас не могу еще припомнить и сконцентрировать. Лично моя контрреволюционная деятельность не ограничивалась перепиской и простым приемом приезжающих. И как я уже показал, переписка моя выходила за границы частных интересов, равно и приезд ко мне единомышленников не был простым посещением «по знакомству», а давал возможность активного проявления своей руководящей роли контрреволюционным движением.

По представлению приезжающих, я раздавал поощрения, награды, разрешал пострижения в тайное монашество, постригал и сам, возвел в сан архимандрита иеромонаха Арсения, подарив ему свою митру. Поскольку это происходило в условиях нелегальности, над людьми, ответственными в равной степени со мною за нелегальные действия, насколько они должны быть вменяемы и мне как деяния преступного характера, признавая себя одним из организаторов нелегального контрреволюционного центра церковников, я изъявляю полное желание не остановиться на данном мною показании, в котором я выразил свою откровенность и основу дела, а желаю расширить и углубить эту основу фактами, лицами, которые входили в контрреволюционный центр и о которых на предыдущем допросе я еще давал не вполне определенные и полные показания.

Допрос прерван.

Вписанное с моих слов мною прочитано и изложено верно. *Иосиф Петровых.*

№ 4

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО СЛЕДСТВЕННОМУ ДЕЛУ № 4488

«УТВЕРЖДАЮ»
ВР. НАЧ. УНКВД ПО Ю/К ОБЛ
КАПИТАН ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
(КАЛЬНИНГ)
19 ноября 1937 г.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ[7]
По следственному делу № 4488 по обвинению:
СМИРНОВА Константина (Кирилла) Илларионовича,
ПЕТРОВЫХ Иосифа Семеновича,
КОБРАНОВА Евгения Яковлевича
по ст. 58 п. 11 и 10 УК РСФСР.

Проведенным расследованием по делу арестованных за контрреволюционную деятельность СМИРНОВА К., ПЕТРОВЫХ И. и КОБРАНОВА Е.— УСТАНОВЛЕНО:

что на территории Южно-Казахстанской области КССР отбывающими административную ссылку вышепереименованными лицами была организована к.-р. организация церковников, в которую вступили все более видные по прошлой к.-р. деятельности находящиеся в ссылке духовенство и к.-р. элементы, проживающие в разных местах СССР. Эта тройка влиятельных духовников организовали из себя центр этой к.-р. церковной организации и возглавляли всю к.-р. работу организации.

Основной своей задачей к.-р. центр поставил:

а) Организацию всех к.-р. сил церковников в строго законспирированном подполье. Развертывание в этом подполье к.-р. повстанческой деятельности с расчетом подготовки темных масс к вооруженному восстанию внутри страны и свержению советской власти с восстановлением монархического строя, с расчетом получения помощи от фашистских стран в момент интервенции против СССР.

б) Восстановление патриаршества и его главенствующей роли над государственной властью в управлении страной, что даст воз-

можность восстановить церковную собственность на землю и вернуть изъятые после революции монастырские и церковные постройки с их угодьями духовенству.

Для осуществления поставленных задач, к.-р. центром практически была проведена следующая к.-р. работа:

1) Для полной консолидации всех к.-р. сил церковников и объединения их на одной к.-р. платформе, обеспечивающей успех борьбы и свержения советской власти, к.-р. центром было принято решение и даны указания членам к.-р. организации ликвидировать всевозможные церковные течения и раскол на этой почве среди духовенства. Во всех своих действиях подчиниться единому руководству, которое осуществляет законный единственный заместитель быв[шего] патриарха Тихона СМИРНОВ Константин (Кирилл) бывш[ий] митрополит Казанский.

2) В целом ряде населенных пунктов СССР были созданы к.-р. ячейки, подчинявшиеся к.-р. центру и руководимые им.

В задачу этих организаций входила вербовка новых членов, развертывание к.-р. деятельности по подготовке темных масс к восстанию, которое должно быть поднято в момент интервенции против Советского Союза со стороны фашистских государств.

На территории Южно-Казахстанской области контрреволюционные ячейки были созданы в наиболее населенных центрах, расположенных на основных путях сообщения области с другими республиками, как то: г. Чимкенте, г. Мирзояне, г. Мерке, г. Кзыл-Орде, ст. Манкент, пос. Ленинском, ст. Арысь, пос. Яны-Курган.

Как руководящий состав вышеуказанных к.-р. ячеек, так и их члены, НКВД арестованы и в количестве 64 человек привлечены по отдельным выделенным делам к уголовной ответственности, из коих 18 человек уже осуждены.

Между СМИРНОВЫМ, ПЕТРОВЫХ и КОБРАНОВЫМ была установлена для каждого из них организационно-руководящая роль к.-р. организацией по принципу единоначалия с полным подчинением воле и указаниям главы к.-р. организации СМИРНОВА К.

На обязанности СМИРНОВА, как главы к.-р. организации, лежало разрешение исключительно принципиальных вопросов организационно-руководящего характера, касающихся всей к.-р. организации. Им же осуществлялась связь и контактировалась к.-р. деятель-

ность с членами к.-р. организации, входившими в к.-р. центр и проживающими вне территории Южно-Казахстанской области и КССР.

ПЕТРОВЫХ Иосиф являлся заместителем СМИРНОВА К. и в случае ареста последнего ПЕТРОВЫХ должен был возглавить к.-р. деятельность организации. Помимо этого, ПЕТРОВЫХ проводил работу по концентрации к.-р. сил церковников вокруг к.-р. организации, вел новую вербовку членов и организовывал к.-р. ячейки на местах.

На обязанности КОБРАНОВА Евгения лежало предварительное обоснование с научной стороны тех принципиальных вопросов, которые всплывали в процессе развертывания к.-р. деятельности, после чего эти вопросы поступали на разрешение главы к.-р. организации СМИРНОВА К., и вербовка новых членов в организацию.

На основании изложенного ОБВИНЯЮТСЯ:

1. СМИРНОВ Константин (Кирилл) Иларионович, рождения 1863 г., уроженец г. Кронштадта, адм. ссыльный, отбывающий ссылку в Яны-Курганском районе Южно-Казахстанской области, в прошлом митрополит, неоднократно судимый за к.-р. деятельность, неженатый, В ТОМ, ЧТО:

являлся организатором и руководителем к.-р. организации церковников. Возглавил к.-р. центр этой организации, поставившей своей задачей путем вооруженного восстания свержения советской власти и установления монархического строя; на территории Южно-Казахстанской области под его непосредственным руководством в г. Мирзояне и п. Яны-Кургане находились 2 к.-р. ячейки, состоящие из афонских монахов, монашек, члены которой репрессированы и осуждены за к.-р. деятельность.

2. ПЕТРОВЫХ Иосиф Семенович, рождения 1872 года, уроженец г. Устюжны Ленинградской области, проживающий в гор. Мирзояне Ю/К области, быв. адм. ссыльный, в прошлом митрополит, неоднократно судимый за к.-р. деятельность, неженатый, в ТОМ, ЧТО:

являлся организатором и руководителем к.-р. организации церковников. В к.-р. центре был заместителем главы к.-р. организации СМИРНОВА. На территории Южно-Казахстанской области непосредственно им организована в г. Чимкенте к.-р. ячейка из б. адм. ссыльных попов и монашек, которая находилась под личным его руководством и члены которой НКВД репрессированы за к.-р. деятельность и осуждены.

Для развертывания к.-р. деятельности среди населения им был завербован в г. Чимкенте авторитетный религиозник РУДНЕВ Николай, который готовился на руководящую работу в одной из к.-р. ячеек.

При обыске изъято 7000 рублей денег, полученных ПЕТРОВЫХ для развертывания к.-р. деятельности в разное время от членов к.-р. организации, проживающих в разных местах СССР. Одновременно изъята и к.-р. литература.

3. КОБРАНОВ Евгений Яковлевич, рождения 1892 г., уроженец с. Благовещенска Дорогобужского р-на Смоленской области, адм. ссыльный, отбывающий ссылку в г. Чимкенте, в прошлом епископ, неоднократно судимый,— В ТОМ, ЧТО:

являлся одним из активных руководителей к.-р. центра к.-р. организации церковников. Оганизовал и осуществлял руководство к.-р. деятельностью к.-р. ячеек в г. Чимкенте, ст. Манкент, гор. Кзыл-Орде, пос. Ленинском, члены которой НКВД репрессированы, частью осуждены. Завербовал в к.-р. организацию адм. ссыльного быв. капитана 2 ранга царского флота — шпиона ПЕСТОВА, через которого проводил к.-р. работу на производстве среди рабочих химфармзавода.

Вырабатывал и научно обосновывал вопросы к.-р. деятельности, которые после этого шли на утверждение СМИРНОВА К.

В момент ареста КОБРАНОВА — в его квартире вместе с ним была арестована приехавшая из Москвы член к.-р. организации КОТОВА, которой КОБРАНОВЫМ было дано задание о развертывании среди работниц фабрики к.-р. деятельности.

Допрошенные в качестве обвиняемых ПЕТРОВЫХ Иосиф, КОБРАНОВ Евгений — себя виновными признали полностью, а СМИРНОВ Кирилл — частично, но полностью изобличается показаниями членов к.-р. организации КОБРАНОВА, ПЕТРОВЫХ и ПОЗДЕЕВСКИМ.

На основании изложенного следственное дело № 4488 считать законченным, виновность СМИРНОВА К., ПЕТРОВЫХ, КОБРАНОВА — доказанной и для судебного разбирательства дело их направить в Тройку при Ю/К Обл. Управлении НКВД.

ОПЕР. УПОЛН. IV ОТД.
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ (КОСТИН)
«СОГЛАСЕН» НАЧАЛЬНИК IV ОТД.
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ (КОСТЕНКО)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Архив УКГБ КазССР по Чимкентской области, ф. 1, д. 02455, л. 48—53.

[2] Митрополит Иосиф признал себя виновным в руководстве «нелегальной религиозной организации», избежав политической окраски вменяемого обвинения. Митрополит Иосиф не называет организацию «антисоветской» или «контрреволюционной», тем самым признавая на этом допросе свою вину только в том, что руководил тайной (т. е. незарегистрированной) религиозной организацией. Обвинение в политическом преступлении таким образом митрополит Иосиф не признает.

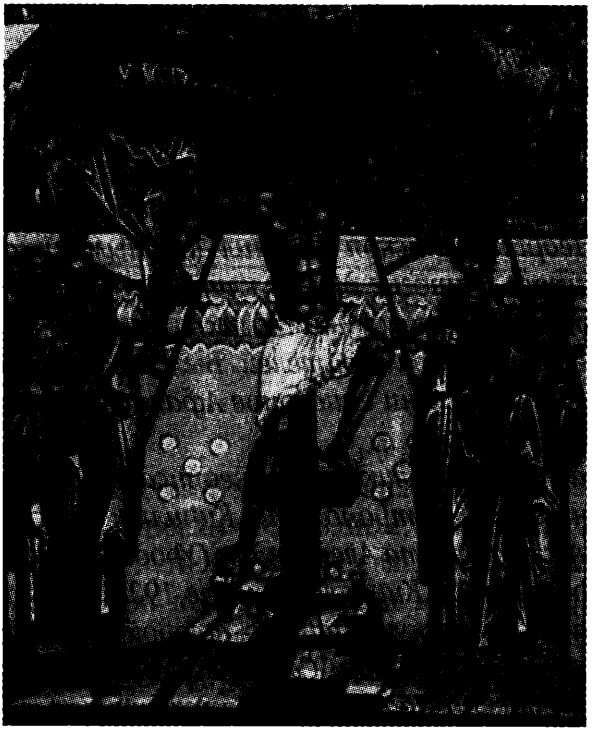
[3] Надо полагать, что митрополит Иосиф намеренно утаивает здесь имена вятских церковников, бывших последователями епископа Виктора (Островидова), не желая подвергать их возможным репрессиям. Называя имя иеромонаха Николая, не называет фамилии его; указывая, что дал письменное благословение, поощряющее церковную деятельность одного из церковников, не называет имени того, кому предназначалось это благословение. Это характерный для подобных допросов уход от конкретизации круга лиц, имен которых митрополит Иосиф оглашать не желает.

[4] По типичной стилистике и стандартной форме документов КГБ, приводимые ниже показания должны быть отнесены к несомненному творчеству самих следователей. Ни одного нового свидетельства не дано в этом документе в сравнении с предыдущими показаниями митрополита Иосифа, и, следовательно, подобную бумагу мог составить кто угодно. Раболепное самооговаривание и вовсе делает невозможным признание авторства за митрополитом Иосифом. Иными словами, мы (подобно Миню в его «Патрологии») смело относим данный документ к разделу «Spuria» (подложный). Вопрос только в том, чья подпись стоит под этим фальсифицированным документом — вынужденного к тому (различными методами) митрополита Иосифа, или же это подпись такая же подложная, как и авторство «показания обвиняемого». Для окончательного разрешения этой проблемы требуется соответствующая экспертиза. Цит. по: Архив УКГБ КазССР по Чимкентской области, ф. 1, д. 02455, л. 54—58.

[5] Обычный прием, использовавшийся следователями при составлении подложных протоколов допроса тех лет. Поначалу допрашиваемый отказывается признать свою вину, но, после грозного требования следователя «встать на путь полной откровенности», высказывает намерение «встать на правдивый путь».

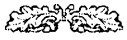
[6] Еще одно доказательство, что значительная часть этого признания составлена самой следственной группой. Обычно термин «ниже» употребляется при письменном ответе. Митрополит же Иосиф допрашивался устно, и ответы его только протоколировались. Таким образом, едва ли отвечающий устно митрополит Иосиф мог употребить нелепое словосочетание «будет мною сказано *ниже*».

[7] Архив УКГБ КазССР по Чимкентской области, ф. 1, д. 02455. лл. 157—161.



ЧАСТЬ III

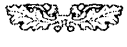
ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ДУХОВНЫХ ЧАД МИТРОПОЛИТА КИРИЛЛА



Последователями и духовными чадами митрополита Кирилла были епископ Красноярский и Енисейский Амфилохий (Скворцов), епископ Ковровский Афанасий (Сахаров), епископ Чистопольский Иоасаф (Удалов), епископ Кинешемский Василий (Преображенский), епископ Тамбовский и Шацкий Зиновий (Дроздов), епископ Дамаскин (Цедрик), епископ Гавриил (Абалымов), архимандрит Неофит (Осипов) и многие другие клирики и миряне. Жизненный путь и христианское служение многих из них нашли своих благодарных исследователей и издателей. Было издано несколько книг об исповеднической жизни епископов Афанасия (Сахарова), Василия (Преображенского).

В этой части мы публикуем жизнеописания двух последователей и духовных чад митрополита Кирилла: епископа Иоасафа (Удалова) и архимандрита Александра (Уродова). Первый познакомился с митрополитом Кириллом в июле 1920 года, когда владыка Кирилл возглавил Казанскую епархию, второй — еще до революции, в бытность свою насельником Санаксарского монастыря Тамбовской епархии. Епископ Иоасаф принял мученическую смерть в Казани в 1937 году, архимандрит Александр после ссылок и концлагерей поселился в с. Соболеве Кировской области, где мирно скончался в 1961 году. Архимандрит Александр прославлен как исповедник и включен в собор Новомучеников и исповедников Российских.

Автор выражает глубокую признательность архивной службе Санаксарского монастыря и лично наместнику обители архимандриту Варнаве (Сафонову) и архивариусу иеромонаху Венедикту (Кулешову) за предоставленные документы и дополнения, позволившие уточнить многие события жизни архимандрита Александра (Уродова).



ЕПИСКОП ЧИСТОПОЛЬСКИЙ ИОАСАФ (УДАЛОВ), ВИКАРИЙ КАЗАНСКОЙ ЕПАРХИИ

Когда 5 апреля 1886 года в городе Уфе в благочестивой семье купца Ивана Александровича Удалова родился мальчик и нарекли его Иваном, то вряд ли кто провидел грядущий крестный путь будущего святителя. Воспитание Иван получил в духе любви к православной вере с неопустительным соблюдением постов и посещением служб. Такое воспитание было традиционным для большинства русских семей того времени и посему, когда Иван решил избрать себе путь священнический, не многие в его роду были тому удивлены.

Окончив Уфимскую семинарию, в августе 1906 года Иван Удалов поступил в Казанскую Духовную академию, все еще живущую под впечатлением деятельности владыки Антония (Храповицкого) — выдающегося иерарха Русской Церкви, бывшего с 1895 по 1900 год ректором академии. Насаждая иночество и покровительствуя ученому монашеству, владыка Антоний личным обаянием и примером содействовал избранию монашеского пути многими талантливыми и образованными выпускниками академии. Именно он, будучи уфимским епархиальным архиереем, и заметил Ивана Удалова в Уфимской Духовной семинарии, прозорливо угадав в молодом семинаристе будущего святителя с даром не книжным, а административным. На академические годы Ивана Удалова приходится его духовное окормление схиархимандритом Гавриилом (Зыряновым) из Седмиезерной пустыни под Казанью[1].

Преподобный старец Гавриил (Зырянов)
и архимандрит Герман (Ряшенцев), священномученик. 1910-е годы

В двадцать четыре года Иван закончил академию со степенью кандидата богословия и архиепископом Волынским и Житомирским Антонием (Храповицким) был зачислен в июле 1910 года в братию Житомирского Богоявленского монастыря. Там состоялось и пострижение Ивана Удалова в монашество с именем Иоасаф, и рукоположение его в сан иеромонаха. Пострижение и рукоположение совершал сам высокопреосвященный Антоний[2]. Участие в судьбе Иоасафа влиятельного архиерея и высокие личные качества молодого иеромонаха содействовали его быстрому продвижению в церковной иерархии. Однако честолюбивые намерения, если и были у Иоасафа, никогда не заслоняли для него понимания иноческого подвига и твердого стояния за чистоту Православия, что показали и последующие события исповеднической жизни владыки Иоасафа.

В сентябре 1910 года иеромонах Иоасаф был назначен помощником инспектора Казанской Духовной академии, а в 1912 году он являлся уже игуменом и исполняющим обязанности настоятеля Казанского Спасо-Преображенского монастыря в кремле. Молодой игумен, которому в момент вступления в права настоятеля древней обители XVI века было всего 26 лет, воспринял ее после настоятельства архимандрита Андрея (бывшего князя Ухтомского). Он установил в ней строгое соблюдение устава и правил в духе древнего благочестия. Обладая незаурядным умом и административным чутьем, игумен (а вскоре архимандрит) Иоасаф в короткое время привел обитель в цветущее состояние. Нося в душе идеалы царя Алексея Михайловича и будучи глубоким ценителем старины, Иоасаф начал устроение часовни в «древнерусском» стиле над мощами столь чтимого казанцами митрополита Ефрема Казанского[3], венчавшего в 1613 году на царство первого из дома Романовых Михаила Феодоровича.

Оставаясь в убеждении необходимости для России монархического государственного устроения, архимандрит Иоасаф, между тем, не скрывал своего негодования той придворной обстановкой, что царила в последние предреволюционные годы.

В начале августа 1918 года белочехи взяли Казань и пробыли в городе ровно месяц, в течение которого казанцев не покидала

Казанский Кремль. Вид на Спасскую башню и Спасо-Преображенский монастырь. Начало XX века

надежда на падение большевизма. Однако в ночь на 10 сентября (н. ст.) белочехи оставили Казань и в город вступили красноармейцы. В момент взятия Казани в городе не осталось ни одного архиерея: митрополит Казанский и Свияжский Иаков (Пятницкий) и викарный епископ Борис (Шипулин) покинули Казань с белочехами, а епископ Чистопольский Анатолий (Грисюк), ректор академии, находился в Москве на сессии Всероссийского Поместного собора. Старшим по чину оказался 32-летний архимандрит Иоасаф. Ему-то и пришлось принять бремя церковной власти в такой тяжелый и критический период, когда повсюду в городе происходили аресты и расстрелы, а большинство городских церквей оказались закрытыми из-за ухода значительной части приходского духовенства с белочехами: так все были напуганы слухами о зверствах, чинимых большевиками. К тому же вне Казани оказались почти все члены епархиального совета, и архимандрит Иоасаф был вынужден вступить в единоличное управление делами Казанской епархии.

Рака с мощами святителя Гурия Казанского. Кафедральный Благовещенский собор, Казань. Начало XX века

В первый же день сменившейся власти подвергся разгрому Зилантов монастырь. Архимандрит Сергий (благочинный монастырей и настоятель Зилантова монастыря) и с ним десять монахов находились в трапезной, когда в обитель ворвались красноармейцы. Иноков вытолкали во двор обители и там возле монастырской стены расстреляли. Это было совершено в отместку за то, что около монастыря белочехи установили два орудия, обстреливавшие миноносцы Раскольникова. Когда большевики ушли, из-под трупов братии выполз окровавленный и чудом оставшийся в живых иеромонах Иосиф (Тюрин), 65-летний старец, бывший духовником братии монастыря. Он дошел до города, где нашел приют в обители Иоанна Предтечи[4]. Старец рассказал о мученической кончине насельников Зилантовой обители архимандриту Иоасафу, который, дабы не подвергать более никого возможным репрессиям со стороны жаждущей крови власти, сам произвел чин отпевания и погребения убиенного архимандрита Сергия и казненных с ним иноков Зилантова монастыря.

Собор Казанских святых.
Икона конца XIX века

20 сентября во время совершения архимандритом Иоасафом литургии в Спасском монастыре в алтарь вошел комиссар и объявил, что Казанский кремль закрывается для публики и объявляется военным городком, а все гражданские учреждения и частные лица выселяются. Закрытие кремлевских храмов последовало 22 сентября 1918 года. Уступая настоятельным требованиям архимандрита Иоасафа, временно управляющего Казанской епархией, власти все же разрешили вынос из кремлевских церквей некоторых наиболее чтимых казанцами святынь. Условием поставили предоставление списка участников (числом не более 20) перенесения святынь и осуществление последнего без пения, колокольного звона и повторных хождений. Решено было, что святыни будут перенесены в Казанский Богородицкий монастырь, находящийся под Казанским кремлем.

Архимандриту Иоасафу поступали противоречивые распоряжения относительно времени переноса. Наконец, в 9 часов вечера силами монахинь Богородицкого монастыря, ибо в самом Спасском монастыре, кроме архимандрита Иоасафа оставались только иеромонах Варсонофий (Лузин) и монах Венедикт, были вынесены: из кафедрального Благовещенского собора — рака с мощами святителя Гурия Казанского, из Спасо-Преображенского монастыря — мощи святителя Варсонофия Тверского, икона Великомученицы Варвары с частицей мощей, древние иконы Николы Ратного и Спаса Всемилостивого, древняя запрестольная икона и крест.

Впервые за много веков мощи Казанских святителей покидали стены древнего кремля. Ныне этот печальный исход видится провозвестником гонений на Православие в XX веке, символическим началом теснения христиан и в самом Казанском крае. Уже была пролита кровь первых казанских новомучеников, уже начались аресты городского духовенства, и вот дошла очередь и до первосвятителей Казанских...

Сохранилось свидетельство очевидца тех событий: «Под покровом темноты в темную осеннюю ночь печальное шествие двинулось из кремля к Казанскому монастырю. В глубоком молчании, без колокольного звона, без священных песнопений, двигалось шествие по пустынным улицам города: военное положение запрещало

жителям выходить на улицы после 7 часов вечера. Так, невидимые никем, шествовали святители Гурий и Варсонофий по улицам своего града, изгнанные из родных обителей, чтобы найти приют под покровом Божией Матери. Согбенные под тяжестью серебряных гробниц, медленно двигались грустные фигуры, храня безмолвие в сердцах, переживавших момент величайшего потрясения. Но скорбь смешивалась с бодрым мужеством и решимостью... В Казанском монастыре духовенство с игуменией ждали приближение шествия в зимнем храме, где в то время совершались ежедневные службы. Шествие долго не появлялось. Наконец оно достигло Святых врат монастыря, их тотчас закрыли за шествием, мощи были внесены во храм и поставлены на приготовленное место — у южной стены. Двери храма были заперты, и началось трогательное ночное служение — молебствие...»[5]

Что творилось в душах собравшихся в ту тревожную и печальную ночь, что переживал сам архимандрит Иоасаф, свидетель разорения родной обители и возводимых гонений на христиан?.. И хотя велика была заслуга архимандрита Иоасафа в сохранении кремлевских святынь, однако же каково было ему наблюдать поругание места, бывшего святым для десятков поколений христиан. Кремлевские церкви, оставшиеся после выдворения насельников Спасской обители без присмотра, подверглись разорению, прежде всего — Дворцовая и Крестовая в митрополичьем доме. В течение следующих недель прихожане различных храмов приносили духовенству найденные обломки церковной утвари: оторванный оклад Евангелия, найденный у стен кремля; антиминсы, обнаруженные прачками в грязном белье, сданном красноармейцами в стирку (борцы за «освобождение трудящихся» использовали сии священные предметы в качестве носовых платков и портянок!); архиерейские мантии, сданные портнихам для переделки в женские платья. Народ-богоносец стал народом-богоборцем...

Архимандриту Иоасафу приходилось решать множество вопросов, прежде не возникавших, в том числе — по защите казанского духовенства, подвергаемого преследованиям. Колесо красного террора набирало обороты. Одним из первых был схвачен священник церкви при губернской тюрьме Дмитрий Шишокин[6] по необосно-

ванному доносу одного милиционера. Несмотря на заступничество православных общин, тюремной администрации и даже надзирателей тюрьмы, священник был расстрелян 10 октября 1918 года. В тот же день был арестован эконом Казанской Духовной академии, священник академической церкви Филарет Великанов[7], и расстрелян 22 октября со священником из Верхнего Услона Даниилом Дымовым[8]. Их вина также была исключительно в принадлежности к духовному сословию. 31 октября был арестован и 12 ноября расстрелян священник Пятницкой церкви Феодор Гидаспов[9]. В Свияжске расстреляли 64-летнего протоиерея Константина Ильича Далматова, а еще прежде зверски убили настоятеля Свияжской обители епископа Амвросия (Гудко)[10]. И так было повсюду...

Сведения о репрессиях поступали в епархиальный совет. Имена убиенных клириков вносились архимандритом Иоасафом, а позже епископом Анатолием (Грисюком) в мартирологи и диптихи для церковного поминовения[11].

26 сентября 1918 года возвратился в Казань из Москвы епископ Чистопольский Анатолий (Грисюк). Он вступил в управление епархией и в течение двух лет был единственным епископом в епархии, которая привыкла иметь правящего архиерея в сане митрополита или архиепископа и двух, а то и трех викарных епископов. При епископе Анатолии существовал епархиальный совет, куда вошел и архимандрит Иоасаф, на мнение и суждение которого владыка Анатолий полагался особенно.

Приближение и последующее отступление армии Колчака привели к тому, что кремль был открыт для граждан и роль его как «военного городка» была завершена. Кремлевские храмы представляли собой печальное зрелище: архимандричьи покои в Спасском монастыре были разграблены, Спасский собор также подвергся осквернению безбожников, церковь бывшего военного училища была обращена в конюшню и гараж... В кремлевских храмах к тому времени богослужения не совершались уже более восьми месяцев.

В сентябре 1919 года чекисты обнаружили ризницу кафедрального собора и предъявили ордер на конфискацию ценностей, которые, по их мнению, «не имели исторического значения». А между

Епископ Анатолий (Грисюк) (справа), священномученик, и епископ Феодор (Поздеевский)

тем, среди ризничных предметов были: жемчужная митра митрополита Маркела и алмазное Евангелие патриарха Адриана, а также многие другие высокохудожественные предметы церковного обихода XVI—XVIII веков. Только благодаря деятельному участию архимандрита Иоасафа, большого ценителя старины и знатока музейного дела, а также Иринарха Стратонова (из Общества археологии) и М. П. Дульского (из Комиссии по охране памятников искусства и старины) удалось отстоять ризницу кафедрального собора. Здесь вновь во всей своей полноте проявился характер архимандрита Иоасафа: его дальновидность и умение общаться с людьми, твердая решимость и последовательность, которые многократно способствовали благоприятному для Церкви решению вопросов. Первая служба во вновь открытом кафедральном соборе была совершена архимандритом Иоасафом в храмовый праздник Благовещения Пресвятой Богородицы 1920 года.

В апреле 1920 года Святейший Патриарх Тихон, узнав, что митрополит Иаков (Пятницкий) не собирается возвращаться в Казань,

ПОВЕСТКА

№ 157 числа 1 октября мес. 1919 года.

ГРАЖД архимандриту Иоасафу

Проживающ Казан, крепость, Спасский монастырь

Казанская Губернская Чрезвычайная Комиссия

предлагает Вам явиться в Отдел юридический

для дачи показания по делу

в 11 час. дня 2 сего

октября к следователю Волкову

по Гоголевской ул., д. № 28 комн. 5

в случае неявки, Отдел принужден будет доставить Вас для допроса под конвоем.

Следователь

Секретарь

Повестка о явке к следователю архимандрита Иоасафа (Удалова), настоятеля Казанского Спасо-Преображенского монастыря

назначил на вакантную Казанскую кафедру нового архиерея — авторитетнейшего иерарха Русской Церкви митрополита Кирилла (Смирнова), встреченного казанцами с ликованием и торжеством. И уже 11 июля совершилось знаменательное событие: архимандрит Иоасаф был хиротонисан во епископа Мамадышского, с назначением местожительства в Кизическом монастыре и с сохранением настоятельства в Спасо-Преображенском. К торжествам 8—11 июля в Казань приехал из Нижнего Новгорода епископ Балахнинский Петр (Зверев)[12], и казанцы имели счастье наслаждаться торжественными богослужениями с целым сонмом архиереев.

Хиротония епископа Иоасафа, в 34 года уже заслужившего авторитет и уважение казанцев, имела огромное значение. Теперь даже в отсутствие митрополита Кирилла в случае необходимости епископы Иоасаф и Анатолий могли совершать епископские хиротонии, что в условиях постоянных арестов и ссылок правящих и викарных архиереев, было необходимым условием сохранения канонического строя. За короткое время епископ Иоасаф заслужил

Главный собор Иоанно-Предтеченского монастыря г. Казани и памятник императору Александру II

расположение и доверие митрополита Кирилла и на долгие годы стал его доверенным лицом в Казани.

6 августа 1920 года митрополит Кирилл был арестован в своих покоях и препровожден в ЧК, а после увезен в Москву. Арест владыки поверг казанцев в уныние, но они вскоре наладили связь с Москвой и начали снабжать митрополита Кирилла всем необходимым, получая от него руководственные указания и распоряжения. 8 ноября 1920 года, в день храмового праздника Духовной академии, преосвященные Анатолий и Иоасаф совершили епископскую хиротонию подготовленного к ней еще митрополитом Кириллом архимандрита Афанасия (Малинина), доцента Казанской Духовной академии, прекрасного оратора и богослова, аскета, жившего созерцательной жизнью и занимавшегося изучением рукописей Соловецкого монастыря, находившихся в библиотеке Духовной академии[13].

Весной 1921 года ГПУ, обнаружив, что Духовная академия, преобразованная в богословские курсы, продолжает существовать,

Здание Казанской Духовной академии

арестовало ректора академии епископа Анатолия[14] и всю академическую профессуру по надуманному обвинению в организации незаконного учебного заведения. Но не найдя веских причин для заключения всех, ГПУ вынуждено было освободить преподавателей академии, присудив всем год условно. И только епископ Анатолий был выслан в Москву и там заключен в тюрьму. Гражданские власти надеялись таким образом дестабилизировать церковную жизнь в Казанском крае. Однако надежды властей на внесение в дела казанской Церкви анархии, а в умы верующих — смятения, не оправдались. Епархия находилась уже в твердых руках епископа Иоасафа, имевшего постоянную и надежную связь с митрополитом Кириллом, заключенным в Таганской тюрьме. Именно епископ Иоасаф, после ареста и высылки епископа Анатолия, был назначен временно управляющим Казанской епархией.

По согласованию с митрополитом Кириллом, владыка Иоасаф и епископ Афанасий совершили хиротонию почтенного 86-летнего архимандрита Седмиезерной пустыни Андроника (Богословско-

го), земляка и друга покойного архиепископа Никанора (Каменского) — иерарха, известного своими историографическими трудами. Епископ Андроник был переведен в Казань в Иоанно-Предтеченский монастырь, ставший в Казани оплотом Православия и убежищем для гонимых в 20-е годы обновленцами пастырей и мирян.

Всего полгода спустя после разгрома академии, в ноябре 1921 года, совместными усилиями академической корпорации и владыки Иоасафа удалось получить разрешение за подписью секретаря коллегии Татнаркомпроса С. Уханова на возобновление деятельности высшей духовной школы в Казани: «На организацию богословских курсов препятствий не встречается, как на организацию всех богословских общин, при условии выполнения всех пунктов декрета».

Уже 20 ноября 1921 года состоялось организационное собрание под председательством епископа Иоасафа, как временного управляющего Казанской епархией. На собрании практически в полном составе присутствовала бывшая академическая корпорация.

Преосвященный Иоасаф во вступительном слове говорил: «После закрытия весной настоящего года Казанской Духовной академии, в церковных деятелях неотступно жила мысль о создании учено-учебного заведения, которое заменило бы Казанскую академию... Нечего говорить, что для Казани и вообще всей восточной части России имеет сугубо важное значение учреждение, в котором культивировалась бы ученая разработка религиозных вопросов, откуда деятелям Церкви помогали бы учеными силами в строительстве церковного дела... Не будем разбираться, кто виноват, что академия закрыта. Грех общий, что мы вовремя не находили надлежащих способов устройства церковных дел. Может быть, нужно было, чтобы устранив долголетнее и многополезное высшее духовное учебное заведение, церковное общество поняло, насколько это заведение важно и необходимо. Как только раздался клич прийти на помощь материальными средствами вновь организованному Богословскому институту, нужно было видеть, с каким полным сочувствием отнеслось к этому собрание церковных общин, как горячо обсуждали вопрос о том, как поставить это дело помощи и с кого взять средства... Если новое учебное заведение за-

Спасо-Преображенский монастырь Казанского кремля.
Начало XX века

рекомендует себя как необходимое и полезное в Казанской и соседних епархиях, то средства потекут на его содержание. Трудно быть оптимистом в наши дни, но когда в провинции разнеслась весть об открытии нового рассадника богословской науки, то к этому начинанию отнеслись очень отзывчиво и стали собирать средства на содержание института... Со стороны Епархиального управления будет оказано институту полное содействие в его существовании. Мы уже предприняли шаги, чтобы заинтересовать в его существовании соседние епархии и Сибирь, и если слава института будет хороша, то и средства будут...»[15]

Ректором института открытым голосованием был избран настоятель Варваринской церкви г. Казани, профессор богословия протоиерей Николай Васильевич Петров. Однако надеждам на возрождение хотя бы в малой доле того, что когда-то представляла собой Казанская академия, не суждено было сбыться. Институт просуществовал чуть более года, не успев не только войти в славу академии, но даже административно оформиться[16].

Новый 1922 год принес радостную весть об освобождении из тюрьмы митрополита Кирилла и епископа Анатолия. Но если владыка Анатолий получил назначение на Самарскую кафедру, то митрополит Кирилл прибыл в Казань. 4 января на вокзале его встречали епископы Иоасаф, Афанасий и толпы ликующих казанцев, истосковавшихся по любимому архипастырю, чей образ уже тогда был окружен ореолом исповедничества и святости. Второе пребывание митрополита Кирилла в Казани продолжалось семь месяцев, и за это время казанцы еще более сплотились вокруг своих духовных вождей, каковыми были митрополит Кирилл и епископ Иоасаф.

После второго ареста Высокопреосвященного Кирилла, последовавшего 21 августа, и ссылки его в Усть-Сысольск, в Казани появился уполномоченный обновленческого Высшего Церковного Управления (ВЦУ), учрежденного в Москве после ареста Святейшего Патриарха Тихона. 1 октября Казанское епархиальное управление (КЕУ) было реорганизовано и в него вошли «живоцерковники».

Епископ Иоасаф, управлявший епархией, не желал поначалу открытого разрыва с обновленцами, как того не сделал и сам митрополит Кирилл, надеясь на преодоление «разномыслия» (как это тогда представлялось) и на созыв Поместного собора.

Получив от обновленческих священников Евгения Сосунцова и Степана Спирина извещение о том, что епископ Иоасаф работает в одном с ними КЕУ, ВЦУ решило, что епископ единомышлен с обновленцами и вознамерилось завладеть Казанской кафедрой, назначив вместо пребывавшего в ссылке митрополита Кирилла своего архиепископа Алексия (Баженова), архиерея дореволюционного поставления, признавшего ВЦУ.

Сей деятель прибыл в Казань в 8 часов утра в Великий Четверток 5 апреля 1923 года. Он занял митрополичьи покои, а после проследовал в зимний храм женского Богородицкого монастыря и встал налево от царских врат в алтаре. Владыка Иоасаф, совершавший в этот день литургию и чин омовения ног, вошел со «Славою...», облачился на кафедре и вступил в алтарь во время малого входа. Здесь он впервые увидел архиепископа Алексия и продолжал совершать литургию, в надлежащих случаях кадя ему как архиерею.

Во время запричастного стиха обновленческий архиепископ Алексий подошел к епископу Иоасафу, назвал себя архиепископом Казанским и спросил будет ли он с ним служить. Владыка категорически отказался, справедливо указав, что подобное поставление нового архиерея на место здравствующего митрополита Кирилла противоречит церковным канонам, посему он, будучи православным архиереем и викарием Казанской епархии, стоящим на позиции подчинения патриарху Тихону и митрополиту Кириллу, подобное решение ВЦУ рассматривает как неканоническое и самочинное. Твердая позиция епископа Иоасафа произвела на архиепископа Алексия сильное впечатление, менее всего ожидавшего от него подобной «измены».

Между тем протоиерей Н. М. Виноградов и другие священники Казанского монастыря стали подходить к архиепископу Алексию под благословение. По окончании литургии владыка Иоасаф совершал посередине храма чин омовения ног. Поистине трагическими, преисполненными глубокого духовного смысла были те минуты, когда священники пели стих об Иуде-предателе, а сами готовы были уже предать своего архиерея. Когда епископ Иоасаф по примеру Христа, умывшего за Тайной Вечерей ноги учеников, омывал ноги этим пастырям, те, не постигнув евангельского значения происходящего, совещались о подчинении обновленческому иерарху. Уже вечером архиепископ Алексий читал в монастыре двенадцать Евангелий, а владыка Иоасаф служил всенощную во Владимирском соборе Казани, куда его пригласил протоиерей Петр Грачев, оставшийся верным Православию. Однако большинство приходских священников, опасаясь репрессий со стороны гражданских властей, открыто поддерживавших обновленцев, признали архиепископа Алексия.

Православные епископы Иоасаф и Афанасий после Пасхи служили тайно, с поминовением Святейшего Патриарха и митрополита Кирилла. Это был первый опыт ухода в нелегальное церковное служение в Казанской епархии. Казанское епархиальное управление, ставшее после ухода из него епископов Иоасафа и Афанасия исключительно обновленческим, приступило к откровенной травле инакомысленных с ним клириков, сплотившихся

вокруг своего идейного и духовного вождя — Преосвященного Иоасафа. Из обновленческого епархиального управления направлялись в ГПУ доносы, где неизменно фигурировало имя «староцерковника, контрреволюционера и ярого тихоновца Иоасафа», который своей «протихоновской и прокирилловской» позицией выступал будто бы не только против обновленчества, но и против советской власти.

Верными Православию в Казани остались только два приходских храма — Покровский, где служил священник Александр Гаврилов, и Петропавловский собор, где священствовал тесть отца Александра — протоиерей Андрей Боголюбов. Главным мотивом отпадения казанского духовенства в обновленчество была боязнь репрессий со стороны властей, покровительством которых «живцы» открыто пользовались. Оставаться сторонником патриарха Тихона стало почитаться за преступную нелояльность к гражданской власти, сделавшей выбор в пользу обновленчества. Владыка Иоасаф, проводивший одно время линию на умиротворение церковных нестроений и входивший, как и епископ Афанасий,— в одно епархиальное управление с живоцерковниками, теперь возглавил группу непримиримых с обновленчеством клириков и монахов, в которую входили постриженники митрополита Кирилла, академически образованные насельники Иоанно-Предтеченского монастыря: игумен Питирим (Крылов), иеромонахи Иоанн (Широков), Палладий (Шерстенников), иеродиакон Серафим (Шамшев), иеромонах Спасского монастыря Феофан (Еланский), а также монахи Раифской и Седмиезерной пустынь, руководимые архимандритами Феодосием (Лузгиным) и Александром (Уродовым).

29 апреля — 9 мая 1923 года в Москве прошел первый т. н. «обновленческий собор», объявивший о низложении патриарха Тихона и лишении его монашества и принявший широкую программу литургических реформ и «церковного обновления», в том числе допустимость второбрачия для священников, брака для епископов и пр. Патриарх Тихон и значительная часть епископата не признала решений этого «собора». Однако обновленчество было поддержано Константинопольским и другими восточными патриархатами, а также Ватиканом. Особенную активность в контактах с обновлен-

цами проявлял представитель папы Д'Эрбиньи. Все это вместе с содействием, оказываемым обновленчеству гражданской властью, убеждало приходское духовенство во избежание неприятностей признавать обновленчество.

В отличие от приходского духовенства, сами казанцы отказались признавать и ВЦУ, и архиепископа Алексия как неканонически поставленного на «живое место». Последнее по церковным канонам грозило ему прещениями, вплоть до извержения из сана. К архиепископу Алексию, как к архиерею еще дореволюционной хиротонии, обращались с увещаниями и профессора Духовной академии, и простые миряне. Но все было тщетно. Алексий, именовавший себя архиепископом Казанским и Свияжским, начал совершать богослужения по приходским церквам. В ночь с 25 на 26 мая (под праздник Пресвятой Троицы), накануне первого выезда обновленческого иерарха в Духосошественскую церковь Казани, весь город оказался усеян антиобновленческими воззваниями, частью расклеенными даже на стенах домов и телеграфных столбах. В листовках архиепископа Алексия называли волком в овечьей шкуре, хищно забравшимся в чужое стадо, и призывали прихожан не принимать его[17]. Текст воззваний весьма разнился (как в стиле, так и по грамотности), что объяснялось написанием этих воззваний различными людьми. Но, по сути, все эти воззвания выражали непримиримую позицию широких церковных кругов. Одно из воззваний гласило:

«Православные Христиане. Церковь наша, окруженная со всех сторон врагами, переживает великую смуту. Часть духовенства изменила Православию, опираясь на врагов Веры, насилием и обманом незаконно захватила церковную власть и, в чаянии собственной выгоды, невзирая на закон об отделении Церкви от государства, стремится поработить Церковь богоборному государству и тем погубить Веру нашу. Казанская кафедра Архиерейская незаконно восхищена некиим епископом Алексием, который по канонам Церкви, за вторжение в чужую епархию при живом Митрополите, подлежит извержению из сана. Кучка духовенства, отступившая от Христовых заветов любви и мира (Спирин, Беллавин, Сосунцов) заставляют и других угрозами, лестию и насилием

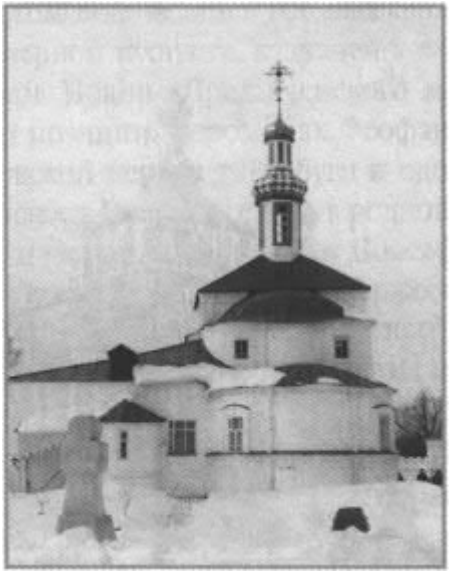
подчиняться самозванцу. Православные епископы наши... (неразб.) и все верные пастыри ждут мучений (и гонений за веру). Православные Христиане. Вступитесь за свободу Церкви и гоните от нея врагов, хотящих губити ю»[18].

Подобные же обращения к православным казанцам, объяснявшие суть произошедшей измены приходского духовенства, подпавшего под власть обновленческого иерарха, появились в Суконной и Пороховой слободах.

Архиепископ Алексий в своем письме обновленческому митрополиту Евдокиму (Мещерскому) писал: «Лично я начинаю сожалеть, что приехал в Казань. Отрицательное отношение ко мне как к узурпатору Кирилловского престола после собора усилилось...»[19] Сетовал обновленческий архиепископ и на то, что епископы Иоасаф и Афанасий отказываются служить в качестве обновленческих викариев, а «своих» поставить нет возможности по причине неприятия их верующими и неканоничности такого поставления: «... пока будут жить здесь епископы Иоасаф и Афанасий, я полагаю, что мы ни одного викария не создадим...»

Были у архиепископа Алексия и другие причины для огорчения. «Наркомюст,— писал Алексий митрополиту Евдокиму,— не вполне единомыслен с ГПУ (которое было «единомышленно» с обновленческим епархиальным управлением.— *А. Ж.*), и посему наша оппозиция действует очень сплоченно и энергично. Контрреволюционным (согласитесь, странная терминология для духовного лица.— *А. Ж.*) штабом является Ивановский монастырь, где 3 инока-академика отказались принять ВЦУ, архиепископа и убеждают всех держаться непременно старого стиля. К ним присоединились все иноки Раифской пустыни, Седмиезерной пустыни, Феодоровского женского монастыря и, частично, монахини Свияжского монастыря... Все наши сообщения (в ГПУ.— *А. Ж.*) о поведении сих противников «обновления», а следовательно — по существу,— и власти, остаются без всякого внимания».

Как видим, логика «враг обновленчества — враг власти» была присуща не только представителям гражданской власти, но и представителям самого обновленчества, рассматривавшего церковную оппозицию как политического врага гражданской власти.



Храм преподобных отец, в Синае и Раифе избиенных. Раифский Богородицкий монастырь

Вместе с тем, обновленческий архиепископ Алексий явно лукавил, говоря, что его доносы оставались без внимания. На заявление обновленческого епархиального управления в ТатОГПУ от 24 мая 1923 года об увольнении иеромонахов Иоанно-Предтеченского монастыря Питирима (Крылова) и Иоанна (Широкова), иеродиакона Серафима (Шамшева) и заведующего Спасского собора Казанского кремля иеромонаха Феофана (Еланского), рядом с замечанием, что за «дальнейшие действия со стороны означенных лиц епархиальное управление снимает с себя ответственность», стоит резолюция сотрудника ОГПУ: «Выяснить подробные политические фигуры этих типов, собрать компрометирующие материалы на них, в частности, по делу расклейки прокламаций и принять репрессивные меры...» А ниже: «Исполнить. Мне думается, арест можно провести 5/6».

Аресты были произведены 14 июня. Инокам вменялось в вину написание и распространение антиобновленческих прокламаций, связь с сосланным в Усть-Сысольск митрополитом Кириллом и

Храм во имя преподобного Евфимия Великого и святителя Тихона Задонского. Седмиезерная Богородицкая пустынь

вообще, как откровенно резюмировалось в одной из докладных записок в ГПУ: «Вся эта черносотенная компания, во главе с архиепископом Иоасафом, представляет собой штаб всевозможных контрреволюционных шашней, за которым плетется все реакционное духовенство и верующая масса, что является в высшей степени в политическом отношении опасным»[20]. Примечательно, что приписав епископу Иоасафу сан более высокий, нежели он имел, власть невольно признала за владыкой авторитет и право временного управления Казанской епархией на время отсутствия митрополита Кирилла. Во всяком случае, влияние преосвященного Иоасафа на умы казанцев и на дела епархиальные было не менее глубокое, чем влияние всего обновленческого епархиального управления.

По делу арестованных монахов Иоанно-Предтеченского монастыря вызывали в ГПУ для дачи показаний и обновленческого архиепископа Алексия (Баженова). Последний заявил, что после того, как архимандрит Феодосий побывал в Иоанно-Предтеченском монастыре и получил печатный текст непризнания ВЦУ, КЕУ и Алек-

сия, под этим текстом подписались все насельники Раифы, впрочем, как и Седмиезерной пустыни, казначей которой ссылался на мнение насельников Иоанно-Предтеченского монастыря как на основание занятой позиции. Иеромонах Феофан (Еланский), сын протоиерея Покровской церкви г. Елабуги и один из ближайших сподвижников епископа Иоасафа, ездил в родной город и там своими проповедями и указаниями владыки Иоасафа многих отвлек от обновленчества, которое уже почти восторжествовало в Елабуге. Престарелый настоятель Иоанно-Предтеченского монастыря епископ Андроник, вызванный в КЕУ для выяснения причин непризнания обновленцев, говорил Алексию вполне откровенно, что ему, Андронику, «неудобно расходиться с епископом Иоасафом»[21].

Впрочем, доказательств по обвинению иноков (не говоря уже о самом епископе) было столь мало, что 30 июня они были отпущены под домашний арест. На допросах все они держались стойко, хотя им и угрожали физической расправой. Иеромонах Феофан, как докладывали следователю тюремные надзиратели, несколько ночей не спал, проводя их в молитве, ожидая скорого расстрела. На защиту иноков по инициативе, исходившей из центра духовной оппозиции, возглавляемой владыкой Иоасафом, выступили слободские рабочие, многие прихожане.

«Торжество» обновленчества продолжалось до середины июля 1923 года, когда из Москвы дошло не только известие об обретении свободы патриархом Тихоном, но и его послание к священнослужителям и всем верным чадам Православной Российской Церкви от 15 июля, где патриарх объяснял подлог живцов, неканоничность их ВЦУ и призывал отпавших к покаянию: «Мы призываем всех епископов, иереев и верных чад Церкви, которые в сознании своего долга, мужественно стояли за богоустановленный порядок церковной жизни, и просим оказать нам содействие в деле умиротворения Церкви своими советами и трудами, а наипаче молитвами Создателю всех и Промыслителю Богу. Тех же, которые волею или неволею, ведением или не ведением пошатнулись в стоящем веке лукавствия и, признав незаконную власть, отпали от церковного единства и Благодати Божией, умоляем сознать свой грех, очистить

себя покаянием и возвратиться в спасающее лоно Единой Вселенской Церкви...»

С получением известий об освобождении патриарха Тихона из-под ареста и гражданского суда, а также совершении им богослужений, местные власти внезапно лишились формальной возможности преследовать его сторонников. Не бездействовали и православные. Уже 17 июля в кафедральном соборе состоялось заседание Общего собрания верующих приходских казанских церквей, организованное кружком ревнителей Православия, возглавляемым преподавателем Богословского института Платоном Ивановичем Ивановым и 28-летним юристом Александром Сергеевичем Кожевниковым, близкими и доверенными людьми владыки Иоасафа. На этом заседании было постановлено, что «единственно законной, канонической властью в Казанской епархии община считает временного заместителя митрополита Казанского — епископа Чистопольского Иоасафа»[22]. Далее замечалось, что «ввиду допущения причтом сношений с раскольниками», причт должен получить от епископа Иоасафа удостоверение, что «он, причт, ныне находится в каноническом общении с епископом и не запрещен в служении, и представить таковое удостоверение приходскому совету». Указывалось также, что, не признавая силы за обновленческим собором 1923 года, община приветствует освобождение патриарха и его заявление на имя Верховного суда, и «всецело стоит на точке зрения полной аполитичности Церкви». Причту предлагалось отныне неуклонно возносить за богослужениями поминовение церковной власти по формуле: «Великаго Господина и Отца нашего Святейшаго Тихона, Патриарха Московского и всея России, и Господина Преосвященнейшего Иоасафа, епископа Чистопольского». В случае же расхождения причта какого-либо храма с изложенными постановлениями общеприходского собрания и неподчинения им, считать неподчинившихся отклонившимися от общины, уволенными из числа служителей Церкви и недопускаемыми к богослужению.

19 июля на квартире у владыки Иоасафа собралось около двадцати наиболее близких ему лиц из духовенства и мирян. С 7 по 11 часов вечера шло это собрание, на котором обсуждалось новое положение Церкви и вырабатывался чин покаяния, которое должны

были приносить отпавшие в обновленчество. Во избежание провокаций и слежки на время собрания из присутствовавших мирян выставлялся караул, о чем и докладывал в ГПУ один из осведомителей[23].

20 июля, накануне празднования Казанской иконы Божией Матери, владыка Иоасаф совершил первое открытое богослужение в Спасо-Преображенском монастыре. Ему сослужило духовенство, еще вчера гонимое властью светской и узурпаторами власти церковной. Ликование было всеобщим, путь владыке Иоасафу верующие усыпали цветами, богослужения совершались по праздничному чину: во время полиелея диаконские свечи, как и свечи сослужившего владыке духовенства, были увиты цветами. Так же празднично, торжественно и многолюдно проходили службы с участием других православных архиереев: епископа Афанасия в Богоявленском храме и епископа Андроника в Иоанно-Предтеченском монастыре.

На следующий день после возобновления епископом Иоасафом богослужений, к нему один за другим стали являться на покаяние священники и диаконы приходских церквей, отпавшие в обновленчество. После исповеди и принесения покаяния отпавших, владыка отпускал им грех участия в расколе. В течение двух-трех дней почти все отпавшее в обновленчество духовенство принесло покаяние и, к радости своих прихожан, было воспринято владыкой Иоасафом в церковное общение. По настоятельному требованию мирян, епископ Иоасаф вместе с православными епископами освятил малым чином (через окропление святой водой) те храмы, что были осквернены совершением в них служб обновленческим архиепископом Алексием. Народ ликовал и плакал, когда происходило освящение кафедрального Благовещенского собора. Обновленческий же архиепископ тотчас направил жалобу в ГПУ. Последними из всех принесли покаяние священники Богородицкого монастыря, чья совесть была особенно отягощена перед православными казанцами. Священники пришли к владыке все четверо и были приняты им благосклонно, с обещанием не унижать их перед епархией, а 3 августа владыка уже совершил богослужение в Богородицком монастыре.

Местное ГПУ, раздосадованное столь ощутимым поражением подопечных им живоцерковников и не имеющее возможности до разъяснения ситуации московскими властями арестовать кого-либо из духовенства, устроило арест Платона Иванова и Александра Кожевникова по доносу провокатора, члена соборной общины, состоявшего тайным осведомителем ГПУ. После покаянного заявления патриарха Тихона, епископ Иоасаф, как его сторонник, был поставлен перед необходимостью разъяснить собственную позицию, с одной стороны, откровенно принуждаемый к тому ГПУ (ведь, если сам патриарх покаялся, то его сторонники должны поступить так же), с другой стороны, желая через это заявление помочь освобождению Иванова и Кожевникова, чья позиция бы тогда полностью совпадала с официальной линией епископа Иоасафа, как временно управляющего епархией.

В своем обращении «К духовенству и мирянам Казанской епархии» владыка определял свое направление в церковной деятельности как внеполитическое: «Поскольку имя мое как религиозного последователя патриарха Тихона в условиях нашей епархии в последнее время силою обстоятельств связывается с понятием «тихоновщины», я со всею силою своего нравственного авторитета встаю на страже проведения в жизнь указанного мною выше направления в церковной деятельности...», т. е. внеполитического. Думая, что получит заявление покаянное, ГПУ явно просчиталось и получило заявление владыки скорее антиобновленческое, но уж никак не антитихоновское. Верующим было ясно, против кого направлены строки заявления: «Тот, кто хочет Церковь как организацию использовать в своих земных целях и толкает ее этим на путь антихристианский, тот обмирщает этот Богочеловеческий союз, превращает Церковь в обычное человеческое учреждение, тому Церковь, как таковая, не важна и не дорога...». Однако видимость покаяния была соблюдена, и через месяц Платон Иванов и Александр Кожевников были выпущены из тюрьмы.

В начале августа 1923 года скончался священник Порфирий Руфимский. Погребение его 6 августа совершал сам владыка Иоасаф.

В отпевании брата участвовал протоиерей Павел Руфимский, блестящий оратор и известный в Казани богослов, но, из-за угроз

ГПУ быть сосланным, малодушно оставшийся на стороне обновленцев. По окончании отпевания он подошел к епископу Иоасафу и со слезами на глазах обратился к нему: «Прошу вас, владыка, когда я умру, похороните меня». Всего через два месяца, участвуя в диспуте против безбожников и произнеся блестящую речь, протоиерей Павел, сходя с кафедры, воскликнул: «А все-таки Бог существует!» Вдруг он пошатнулся и упал замертво. Смерть эта так ошеломила православных казанцев, что примирила с отцом Павлом всех, кто осуждал его прежде за малодушие. Преосвященный Иоасаф, памятуя предсмертную просьбу священника о погребении, исполнил это завещание. Этого же желали и прихожане, не противились и родные.

Между тем обновленческий архиепископ Алексий, считая священника «своим» также явился ко гробу, отслужил панихиду, надеясь произвести и отпевание, но получил твердый отпор со стороны верующих, желавших чтобы именно владыка Иоасаф исполнил этот обряд. Алексий, по обыкновению, пошел жаловаться в ГПУ, заявляя, что епископ Иоасаф из смерти протоиерея Павла делает политическую демонстрацию.

Однако недолгой была растерянность власти. 15 сентября 1923 года с епископа Иоасафа была взята подписка о невыезде за пределы Казани. Мотивы гражданской власти были понятны. В то время как обновленчество в Казанском крае, несмотря на всю поддержку властей, терпит поражение, епископ Иоасаф, не имеющий зарегистрированного епархиального управления (несмотря на все свои об этом просьбы), благословляет инокинь и иноков казанских монастырей (числом более 150 человек) на хождение по деревням и селам епархии с проповедями против обновленчества, с посланиями патриарха Тихона и самого владыки Иоасафа. Более того, епископ Иоасаф представляет патриарху список к награждению духовных лиц, «стойко засвидетельствовавших свою преданность Православной Церкви», среди которых: протоиерей Петропавловского собора Андрей Боголюбов, один из трех казанских приходских священников, в сложные для Православия дни не примкнувший к обновленчеству; протоиерей Павел Мансуровский из села Никольского, единственный священник на весь Арский кантон,

восставший открыто против «живцов» и также открыто поминавший патриарха Тихона; Благовещенской церкви г. Свияжска священник Анатолий Романовский, еще в 1922 году привлекавшийся к ответственности вместе с архимандритом Ефремом за преподавание детям Закона Божия; иноки из Иоанно-Предтеченского, Раифского, Седмиезерного монастырей... Иными словами, даже в отсутствие зарегистрированного епархиального управления епископ Иоасаф успешно осуществлял руководство епархией.

19 сентября 1923 года в «Известиях ТатЦИК» было опубликовано разъяснение Наркомюстиции и прокурора Татреспублики о невозможности публичного поминовения за православным богослужением патриарха Тихона и митрополита Казанского Кирилла. Епископ Иоасаф, прекрасно разбиравшийся в советском законодательстве и стремящийся добиться решения вопроса в интересах православных верующих, направляет номер этой газеты в Наркомюст РСФСР с просьбой разъяснить следующее: «1) Действительно ли поминовение за богослужением патриарха Тихона и митрополита Казанского Кирилла не допустимо по законам Республики... 2) Поминовение патриарха Тихона и митрополита Кирилла действительно ли содержит в себе признаки преступления, караемого ст. 69 Угол. Кодекса... 3) Могу ли я, епископ Православной Церкви, состоящий в религиозном общении с старой иерархией, а не с новообновленческой, регистрироваться как руководитель избравших меня таковым религиозных обществ... 4) Действительно ли регистрация религиозных обществ в настоящее время временно прекращена, тогда как раньше было объявлено о продлении срока регистрации до 1-го ноября»[24]. Владыка Иоасаф стремился добиться снятия запрета на поминовения высшей церковной власти (патриарха Тихона и митрополита Кирилла) и легализовать (зарегистрировать) православное епархиальное управление. Однако гражданская власть понимала, что легализация положения епископа Иоасафа окончательно подорвет обновленческое движение в Татреспублике. Поэтому власти не только не позволили зарегистрировать православное епархиальное управление, но и благосклонно отнеслись к рассылке обновленческим КЕУ по всей Татреспублике копий запрета возношения за богослужениями имен патриарха Ти-

хона и митрополита Кирилла, добавляя к ним еще и имя епископа Иоасафа.

В конце ноября 1923 года архимандрит Питирим (Крылов), иеромонахи Иоанн (Широков), Феофан (Еланский) и иеродиакон Серафим (Шамшев) были вновь арестованы и сосланы на 3 года на Соловки[25]. В январе 1924 года в Ташкент были сосланы Платон Иванов и протоиерей Грузинской церкви, бесстрашный обличитель обновленчества отец Александр Гаврилов, а в марте подвергся высылке в Москву и заключению в Таганскую тюрьму Александр Кожевников.

20 ноября 1923 года Комиссариатом внутренних дел Татреспублики епископу Иоасафу было запрещено служение в храмах вследствие будто бы возбужденного против него судебного дела в Главсуде за принадлежность к сторонникам патриарха Тихона. Однако оказалось, что в суде никакого судебного дела нет, а есть «наблюдательное производство в Татотделе ГПУ», которое было начато еще в начале сентября. Вместе с тем, запрет на служение епископу Иоасафу был объявлен только в конце ноября, вскоре после получения им такого же запрещения от обновленческого ВЦУ. В своем запросе в 5-й отдел Наркомюста РСФСР в декабре 1923 года епископ Иоасаф писал: «Я покорнейше просил бы разъяснить мне: закономерно ли данное распоряжение гражданской власти, препятствующее мне, свободному гражданину, осуществление мною моих религиозных потребностей, и сохраняют ли свою обязательную для всех силу прежде изданные законы и разъяснения центральной власти о предоставлении гражданам полной свободы совести, как то п. 2 основного декрета об отделении Церкви от Государства от 23 января 1918 г., ст. 125 Уголовного Кодекса и Циркуляр от 28 февраля 1919 г. № 123037»[26].

12 декабря 1923 года в ГПУ поступают сведения, что епископ Иоасаф «не имея официального разрешения от гражданской власти на организацию епархиального управления, управляет фактически епархией»[27] (констатация факта полной неспособности обновленческого КЕУ повести за собой церковные общины.— *А. Ж.*), а также имеет связь с бывшим патриархом Тихоном, «от которого ожидаются на днях руководящие указания для епископа Иоасафа в

работе по епархии». 24 декабря 1923 года из почтовой конторы были изъяты и препровождены в ОГПУ письмо епископу Иоасафу от патриарха Тихона с резолюцией последнего о наградах и еще несколько документов административного характера. Характерно, что некоторые документы изымались чекистами с других адресов, поскольку корреспонденция для владыки Иоасафа шла не только на его имя, но и на конспиративные адреса. Однако даже эта конспирация не спасала от изъятия документов. Перлюстрация писем, по всей видимости, была тотальной. Успешно работала и сеть осведомителей.

Вместе с тем изъятых документов оказалось недостаточно для фабрикации основательных обвинений, и епископ Иоасаф был вскоре освобожден из-под ареста. Хотя ему было запрещено совершать богослужения и номинальное управление епархией перешло к епископу Афанасию, однако владыка Иоасаф не переставал служить тайно и фактически оставался при управлении епархией. Епископу же Афанасию, при подсказке из обновленческого епархиального управления, ГПУ запретило совершать рукоположения.

Сознавая влияние епископа Иоасафа на положение церковных дел в Казанском крае, ГПУ явно спешило сфабриковать против него «дело». К тому чекистов подталкивало полное поражение обновленчества в Казани: за архиепископом Алексием к началу 1924 года оставалось всего четыре прихода. Верующие явно игнорировали узурпаторов церковной власти, и средств от приходских общин в КЕУ почти не поступало. В этих условиях КЕУ не переставало своими доносами подталкивать ГПУ к аресту епископа Иоасафа. Из Казани в Москву по линии ОГПУ шли откровенные депеши, что в «кантонах плодотворная работа обновленцев может быть только в том случае, если тамошние тихоновцы лишатся своего наиболее умного и хитрого руководителя».

Одновременно гражданской властью предпринималась работа по дискредитации епископа Иоасафа. Власти понуждали православные общины к регистрации в качестве обновленческих, мотивируя свою позицию тем, что епископ Иоасаф находится под судом. По всей республике в январе-феврале 1924 года кантонные управления объявляли представителям православных религиозных общин

(причем, под расписку) о привлечении епископа Иоасафа к суду по ст. 62 и 123 Уголовного кодекса, а потому предлагали выбрать себе другого епископа. Намекали, что общины должны принять обновленческого архиерея, так как со староцерковническими (поддерживавшими патриарха Тихона) архиереями общины регистрироваться не будут. По этому вопросу епископ Иоасаф вынужден был писать заявление на имя председателя СНК Татреспублики с требованием прекратить вмешательство в дела общин и дискредитацию его личности до всякого вынесения судебного решения.

Одновременно епископ Иоасаф пытался спасти от закрытия церкви бывшего Спасо-Преображенского монастыря в Казанском кремле, мотивируя это необходимостью следить за храмами — памятниками архитектуры XVI века, и за монастырским кладбищем. Еще в декабре 1923 года из НКВД было сообщено представителю Спасо-Преображенского монастыря, что предполагается закрыть в ограде монастыря кладбище и сам монастырь, храм запечатать и всех живущих выселить. 26 февраля 1924 года общиной было получено срочное предложение от местных властей «представить договор, заключенный группой верующих с властью при проведении декрета об отделении Церкви от государства, а также описи имущества монастыря». Стало очевидно, что монастырь будет закрыт. И действительно, все обращения, ходатайства и апелляции к советскому законодательству были бесполезны.

В конце февраля 1924 года обновленческий архиепископ Алексий совершил хиротонии женатых священников во епископов Чистопольского и Чебоксарского (совершалось поставление на «живое» место, ибо владыка Иоасаф носил титул Чистопольского, а Афанасий — Чебоксарского). Так в Казанской епархии возникла параллельная обновленческая иерархия.

Православные епископы предали их анафеме, за что, как за предлог к выдворению владыки Иоасафа из Казани, ухватились в ГПУ. Анафематствование было совершено в Иоанно-Предтеченском монастыре в 1-ю неделю Великого поста, 23 марта, в день Торжества Православия. Епископу Иоасафу сослужили епископы Афанасий, Андроник, множество священников и диаконов. О казанском событии срочной телеграммой от 23 марта 1924 года был

оповещен сам Тучков: «Инициаторами этой идеи были никто иные, как епископ Иоасаф... и епископ Афанасий. Мы намереваемся этот акт использовать для компрометации тихоновщины в целом и в частности указанных епископов, но для того, чтобы эта мера имела больше результатов, просьба сообщить — совершалась ли в Москве анафематствование Тихоном и можно ли нам факт анафематствования использовать для соответствующего давления на епископа Афанасия? (т. к. анафематствование в свое время было чисто правительственной мерой). Это нам необходимо знать еще и потому, что Афанасий склонен продолжать политику Иоасафа»[28]. Тучков из Москвы запрашивал: «Кого же анафематствовали?» Но внятного ответа не получил.

Несмотря на отсутствие каких-либо веских обвинений против владыки Иоасафа, следственное дело против него завершено не было. Епископ вновь был вызван в ГПУ и допрошен 20 апреля 1924 года. На допросе стало очевидно, что гражданские власти добиваются осуждения епископом Иоасафом патриарха Тихона, митрополита Кирилла и признания обновленческого ВЦУ. Однако владыка аргументированно защищал свою православную позицию. Так, на вопрос: почему епископ работал в епархиальном управлении, а затем ушел из него, владыка ответил: «Мое согласие работать в епархиальном управлении в качестве правящего епископа вызвалось моей преемственностью от митрополита Кирилла, обещанием епархиального управления не производить никаких церковных реформ до Собора, обещанием не нарушать моих архиерейских прав в делах церковных обрядностей... Уход мой из епархиального управления состоялся не по политическим соображениям, а потому, что в Казани был назначен новый архиерей, и я в связи с этим был уволен на покой. В данное время в вопросах политических церковных я разделяю точку зрения, выраженную [патриархом] Тихоном в своих воззваниях, изданных до сего времени...»[29]

По поводу своих богослужений, владыка сказал так: «К богослужению приступил после освобождения патриарха Тихона, т. к. в этом освобождении увидел допущение в Москве открытого существования православной, но не обновленческой иерархии...» Владыка отрицал политический характер своей борьбы против обнов-

ленчества в Казани, ибо «всякое вмешательство Церкви в гражданскую политическую борьбу безусловно несовместимо с назначением Церкви; в этой борьбе она превратится в обычное учреждение и перестанет быть высшим беспристрастным критерием жизни человека...» Подтвердив свое убеждение в том, что единственной канонической главой Российской Православной Церкви является патриарх Тихон, владыка Иоасаф заметил: «Я хотел бы и раньше и теперь видеть в лице своего патриарха исключительно духовную главу, руководящую верующими в их духовной жизни...» Как человек владыка Иоасаф мог и не соглашаться с некоторыми из решений Святейшего Патриарха, но как православный архиерей, монах, он всегда признавал за Святейшим Тихоном патриаршие полномочия и следовал указаниям церковной власти. И вплоть до своей мученической смерти владыка Иоасаф ни разу не отступился от патриарха-исповедника, чье имя в 20-30-е годы было ошельмовано и оклеветано и чьи последователи были обречены в советском государстве на преследования.

Власти уже давно желали удаления владыки Иоасафа из пределов Татарской республики. Не решаясь арестовать владыку в Казани, гражданские власти 15 мая 1924 года вызвали его в Москву. В день своего отъезда владыка отслужил литургию в храме Николы Ратного (в Спасо-Преображенском монастыре) при затворенных дверях, в присутствии лишь немногих доверенных людей. Диаконом был Максим Михайлов (тот самый, что вскоре был приглашен в Москву Чесноковым на должность протодиакона церкви Василия Кесарийского на Тверской, где Чесноков был регентом). При возглашении «выклички» он не мог от волнения говорить и разрыдался. Все присутствовавшие плакали, и литургия несколько раз прерывалась из-за всеобщего плача. На возношениях поминалось имя Святейшего Патриарха Тихона, к тому времени вновь запрещенное для поминовения. А около 12 часов ночи поезд увез из Казани владыку Иоасафа, которого провожало множество верующих, не чаявших более свидеться с любимым архипастырем. Как утверждал в 1925 году летописец этих событий, с отъездом епископа Иоасафа окончился «героический» период истории Казанской епархии.

По приезде в Москву епископ Иоасаф с вокзала отправился в Донской монастырь к патриарху Тихону, которого до этого ни разу не видел. Неизвестно, о чем беседовал с ним преосвященный Иоасаф, но, видимо, беседа эта укрепила владыку перед грядущими испытаниями. Когда 16 мая 1924 года епископ явился в ГПУ, он был тотчас арестован и заключен в Бутырскую тюрьму, в которой находился с 17 мая по 23 августа 1924 года. Владыке вменялось в вину антиобновленческие выступления, инкриминируемые как антисоветские, однако епископ Иоасаф смог, ссылаясь на соответствующие светские законы и разъяснения доказать, что подобные обвинения противоречат самому советскому законодательству о религиозных организациях. ГПУ после допросов и более чем трехмесячного заключения 23 августа[30] вынуждено было выпустить его, взяв предварительно подписку о невыезде. В Москве владыка Иоасаф поселяется в Даниловом монастыре, где настоятельствовал архиепископ Феодор (Поздеевский), воспитанник Казанской Духовной академии и духовное чадо старца Гавриила Седмиезерского. В этом монастыре проживали многие удерживаемые гражданской властью в Москве церковные иерархи, большинство из которых приняло впоследствии мученическую смерть. Значительная часть этих иерархов, вошедших в историю как представители т. н. «даниловской оппозиции», были знакомы друг с другом по совместной учебе в стенах Казанской Духовной академии.

В 1925 году скончался патриарх Тихон, и епископ Иоасаф был одним из тех, кто 11 апреля служил литургию при гробе Святейшего Тихона[31], а 12 апреля принимал участие в погребении и подписал акт о передаче высшей церковной власти митрополиту Крутицкому Петру[32], доверенным лицом которого епископ Иоасаф стал довольно скоро. Он участвовал в ответственных переговорах митрополита Петра с властями об организации Священного Синода Русской Церкви, составил по просьбе патриаршего местоблюстителя (и руководствуясь его тезисами) проект декларации, в которой говорилось об отношениях между Русской Православной Церковью и советским государством и которая должна была быть направлена в СНК СССР от имени патриаршего местоблюстителя. Владыка Иоасаф прочел составленный текст жившим тогда в Даниловом

Даниловский монастырь. Троицкий собор и Надкладезная часовня. 1920-е годы

монастыре епископам Пахомию (Кедрову), Парфению (Брянских) и Амвросию (Полянскому) и, после их замечаний и поправок, представил откорректированный текст на утверждение митрополита Петра[33].

Но митрополит Петр не желал передавать декларацию советскому правительству через представителей ГПУ, поскольку в этом документе говорилось об «административном давлении» (фактически, гонениях) на Церковь, нарушении законности в отношении нерегистрируемых православных общин, насильно удерживаемых вне своих епархий иерархов, духовных лиц, содержащихся в тюрьмах вместе с уголовниками и пр. В проекте обращения митрополита Петра, составленном епископом Иоасафом, в частности, говорилось: «...беру на себя смелость возбудить ходатайство пред Совнаркомом о смягчении участи административно наказанных духовных лиц. Одни из них — и притом некоторые в преклонном возрасте — не один год томятся в глухих безлюдных местах Печоры и Нарыма со своими застарелыми недугами без всякой меди-

Епископ Волоколамский Феодор (Поздеевский), иеромонах Герасим (Садковский), архимандрит Герман (Ряшенцев). Сергиев Посад, 1916 год

цинской помощи кругом, другие на суровом Соловецком острове исполняют физическую принудительную работу, к которой большинство из них совершенно не приспособлено. Есть лица, амнистированные ЦИКом СССР и после этого вот уже 2 года томящиеся в безводных степях Туркестана, есть лица, отбывшие свой срок ссылки, но все еще не получившие разрешения возвратиться на места служения.

Я решаюсь также просить и о более гуманном отношении к духовным лицам, находящимся в тюрьмах и отправляемым в ссылку. Духовенство в подавляющем большинстве изолируется по подозрению в политической неблагонадежности, а потому по справедливости к ним должен был применяться тот же несколько облегченный режим, каковой везде и всюду применяется к политическим заключенным. Между тем, в настоящее время наше духовенство содержится вместе с закоренелыми уголовными преступниками и, иногда регистрируемые как бандиты, вместе с ними в общих партиях отправляются в ссылку»[34].

Именно из-за несоответствия содержания обращения планам ГПУ, митрополит Петр добивался личной встречи с главой правительства Рыковым. Однако все попытки осуществить подобные планы оказались безуспешными. Более того, желая изолировать митрополита Петра от влиятельного епископского окружения, к мнению которого митрополит Петр прислушивался и православному чутью которого доверял, ГПУ устроило аресты сторонников патриаршего местоблюстителя. Возможно, свою роль сыграла и полученная ГПУ информация о характере письменного обращения митрополита Петра в Совнарком. Власти были обеспокоены новым свидетельством Церкви о гонениях на верующих и священнослужителей.

Среди первых арестованных иерархов был и епископ Иоасаф как составитель проекта декларации. Владыка был арестован 18 или 19 ноября[35] 1925 года. В один день с ним были арестованы архиепископ Гурий (Степанов) и епископ Прокопий (Титов). 30 ноября были арестованы епископы Парфений (Брянских), Амвросий (Полянский), Дамаскин (Цедрик), Пахомий (Кедров), Тихон (Шарапов), Герман (Ряшенцев), Николай (Добронравов), много священ-

ников, а также бывший обер-прокурор Святейшего Синода Александр Самарин, бывший помощник обер-прокурора Петр Истомин и др.[36] 9 декабря состоялось заседание комиссии по проведению декрета об отделении Церкви от государства при ЦК ВКП (б), на котором по представлению ОГПУ, было постановлено поддержать григорианский раскол, а митрополита Петра арестовать, что и было осуществлено в тот же день.

Владыка Иоасаф обвинялся в преступлении, предусмотренном ст. 69 УК РСФСР и, в частности, в том, что оказывал «пособничество и укрывательство группе монархических епископов и мирян, поставивших своей задачей использование Церкви для нанесения явного ущерба диктатуре пролетариата, путем воздействия на массу и на церковнослужителей». В предъявленном обвинении епископ Иоасаф виновным себя не признал[37].

Постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 21 мая 1926 года, арестованные иерархи, духовенство и миряне были осуждены[38]. Владыка Иоасаф был осужден к высылке на три года в Зырянский край, но выслан в Туруханский. Возможно, причиной этого изменения места ссылки было то обстоятельство, что в Зырянском крае отбывал ссылку митрополит Кирилл и власти не желали соседства и возможного общения единомышленников. В июне владыка Иоасаф этапом был отправлен в Красноярск, оттуда в конце августа — в Туруханский край[39].

В августе 1927 года возобновляется переписка владыки Иоасафа с митрополитом Кириллом, начатая еще когда владыка Кирилл был в ссылке в Зырянской области, а епископ Иоасаф жил в Москве. Между сосланными в один край архиереями (митрополит Кирилл был сослан в Туруханский край в декабре 1926 года) завязывается оживленная переписка. Митрополит Кирилл, будучи изолированным от церковной жизни, информируется обо всем епископом Иоасафом, некоторое время пребывавшим в центре церковных событий в Москве и разбиравшимся в происходящих изменениях.

Когда завершился срок туруханской ссылки владыки Иоасафа, он был направлен в Енисейск, где прожил около двух месяцев в ожидании дальнейшей судьбы. Здесь он получил новое постановление

Епископы (слева направо): Стефан (Андриашенко), Борис (Шипулин), Павел (Кратиров), Константин (Дьяков), Дамаскин (Цедрик), Онуфрий (Гагалюк) и Анатолий (Панкеев). Харьков, 1924 год

о высылке «с прикреплением». Для поселения епископ Иоасаф избрал г. Козьмодемьянск Марийской области[40].

Переписка между митрополитом Кириллом и епископом Иоасафом не прерывалась и в этот период.

К периоду проживания епископа Иоасафа в Козьмодемьянске относится сообщение об его участии через монаха Германа (Тенешева)[41] в т. н. «Кочующем» соборе ИПЦ, состоявшемся с 9 марта по 8 августа 1928 года[42] Поскольку сведения об этом соборе появились только в последние годы, причем только из одного сомнительной достоверности источника[43], то оставим это сообщение без обширных комментариев. Отметим только, что если бы подобное событие, как «Кочующий» собор, причем столь представительное (72 человека), имело бы место, то в предании или в следственных делах об этом остался бы след или хотя бы косвенное упоминание. Кроме того, не известны и документы, на основании которых излагается история этого собора. Соответственно, под сомнением и участие в этом соборе епископа Иоасафа.

Будучи по свидетельству своих современников самым сильным в смысле административного опыта и одаренности архиереем из всех архиереев, бывших в Казани за предыдущие два десятилетия, умевшим держать в своих руках и людей и дело, епископ Иоасаф, чье влияние было всегда широкое и глубокое, вызывал к себе болезненное внимание ГПУ, вскоре сфабриковавшее дело по т. н. контрреволюционной, религиозно-монархической организации-центра «Истинно-Православная Церковь» (ИПЦ). В 1930—1932 годы подобные массовые процессы по т. н. филиалам ИПЦ были инспирированы в Москве, Серпухове, Ленинграде, Воронеже, Твери, Самаре, на Украине.

По одному с епископом Иоасафом делу в июле-августе 1931 года были привлечены все оставшиеся в Казани преподаватели Казанской Духовной академии: профессор В. И. Несмелов, протоиерей Варваринской церкви Николай Петров (первый и последний ректор Богословского института), М. Н. Васильевский, Е. Я. Полянский, И. М. Покровский; епископ Яранский Нектарий (Трезвинский), священники Николай Троицкий, Иаков Галахов (бывший профессор Томского университета), Андрей Боголюбов, Николай Дягилев, Сергий Воронцов, Евлампий Едемский-Своеземцев; монахини закрытых казанских монастырей, миряне (всего по этому делу было осуждено 33 человека).

На допросе по поводу своей приверженности митрополиту Кириллу и неслужения с приверженцами митрополита Сергия (Страгородского) владыка Иоасаф заявил: «Митрополит Кирилл вправе, как один из старейших архиереев, притом указанный патриархом Тихоном первым своим после своей смерти заместителем, требовать от митрополита Сергия его документальных полномочий на созыв такого Синода и при отсутствии таковых, подвергнуть сомнению компетенцию этого Синода; он вправе требовать передачи этого спора на рассмотрение митрополита Петра как еще живущего и сохраняющего свои полномочия патриаршего местоблюстителя. Это право апелляции к главе Церкви гарантировано многими церковными канонами. В силу этого решение митр[ополита] Сергия единолично возникшего между ними конфликта, отказ в передаче этого спора м[итрополиту] Петру[44], и наложение на м[итропо-

лита] Кирилла репрессии в виде увольнения на покой, по моему мнению, канонически неправильно и подлежит отмене... Узурпация митрополитом Сергием не принадлежащих ему прав или во всяком случае сомнительных до их разъяснения, налагаемые им легко репрессии, и не на одного м[итрополита] Кирилла (подчеркиваю, м[итрополит] Кирилл в своем ответе резко и решительно отверг политические мотивы своих разногласий с м[итрополитом] Сергием, что и дает основание держаться строго церковной оценки этого спора), обвинения всех отбывающих различные наказания духовных лиц, в том числе, значит, и меня, в политической преступности,— все это заставило меня до времени окончания ссылки (ноябрь 1931 г.) держаться в отдалении от м[итрополита] Сергия, но не в отделении»[45]. Впрочем, епископ Иоасаф не отрицал и того, что если бы не излишняя «государственная опека» (ссылка и заключение), то, возможно, у него было бы больше возможностей разобраться в происходящем: «Когда я получил бы свободу передвижения, то путем личного обмена мыслями с м[итрополитом] Сергием возможно на многое вышеизложенное изменил бы свою настоящую точку зрения»[46].

Интересовало следователя и отношение епископа Иоасафа к интервью митрополита Сергия иностранным журналистам. «К напечатанному в газетах «Интервью» м[итрополита] Сергия я отношусь так,— отвечал владыка.— Приветствуя его желание всеми имеющимися у него средствами предотвратить готовящуюся новую человеческую бойню и рассеять многие неправильно сложившиеся мнения о нашей жизни, я пожалел, что м[итрополит] Сергий не нашел надлежащего тона для своего «Интервью» и не избежал, не предусмотрел возражений. Когда через несколько времени были напечатаны в газетах авторитетные статьи о допустившихся в разных местах искривлениях и перегибах, то получилось некоторое несоответствие между утверждениями м[итрополита] С[ергия] и этими статьями, чем было нанесено сомнение в правильности слов м[итрополита] С[ергия] и цена «Интервью» во многом потеряла свою ценность»[47].

Вскоре епископу Иоасафу было предъявлено обвинение, по поводу которого владыка собственноручно написал следующее:

«По существу предъявленного мне обвинения не признаю себя виновным, в доказательство чего заявляю следующее. Уже в 1923 г. меня как бывшего тогда в Казани епископом подозревали следственные органы ОГПУ в контрреволюционных деяниях, в частности, в контрреволюционной организации. Дело о мне тогда было направлено в Москву, где я был вызван на допрос, и после рассмотрения дела там я не был признан виновным по возводимым на меня обвинениям, и то обвинение было тогда аннулировано. Таким образом за время моего пребывания в Казани до мая 1924 года московское ГПУ не нашло в моей деятельности никаких признаков преступности. С мая 1924 г. и до момента моего приезда в Казань из Козьмодемьянска, места моей последней ссылки, я в Казани не проезжал, заезжал сюда только на 3-4 дня — проездом из Туруханского края в Козьмодемьянск и, следовательно, никакого участия в каких-либо собраниях, происходивших в Казани, я не мог иметь.

С указанными в обвинении профессорами я не виделся с 1921 года и ни в какой переписке с ними не состоял, а со священником Петровым и Касторским я виделся до своего отъезда из Казани только как со священниками и никаких речей с ними никогда не вел на тему о каких-либо контрреволюционных организациях, чего не могло установить и следствие 1923 года. Монахини Терсинские ко мне ни в Туруханский край (за 6 000 верст), ни в Козьмодемьянск не приезжали, с ними я не переписывался. Богородицкую совсем не знаю, Скалозубова и Ожегова никогда не видал и об их существовании решительно ничего не знал вплоть до последних дней, когда очутился вместе с ними в одной камере. Каких-либо воззваний или обращений политического характера, рассылаемых м[итрополитом] Кириллом я не видал, о них ничего не знаю. Знаю только переписку между ним и м[итрополитом] Сергием по чисто церковным, каноническим вопросам, не имеющую по моему глубокому убеждению никакого политического характера. Эта переписка была закончена еще до выступления Римского папы, поэтому связывать ее с папским выступлением никак нельзя. О каких-то выступлениях казанцев в связи с папским выступлением я слышу впервые и только сейчас из предъявленного мне обвинения.

Двор внутренней тюрьмы НКВД ТатАССР.
Казань, 1930-е годы

Сам я не совершаю богослужений в храме с момента своего ареста в Москве 18 ноября 1925 г., так как в Козьмодемьянске Маротделом ОГПУ таковые мне совершать не дозволялось, значит, не мог использовать в каком-то отношении свое положение как архиерей.

Проживая в Козьмодемьянске 2 года под бдительным надзором органов ОГПУ я не был ни разу заподозрен в чем-либо противосоветском, контрреволюционном. Опровергать отдельные факты обвинения мне не приходится, так как в обвинении не указано ни одного такового, касающегося лично меня и устанавливающего мое непосредственное участие в нем, а приведенные мною выше справки о моей жизни последних лет с неопровержимостью доказывают, что участия в казанской жизни я не мог иметь»[48].

Постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 5 января 1932 г. епископ Иоасаф был осужден к трем годам заключения в концлагерь. В сибирском концлагере он претерпел много мучений, страдал от изнурительного труда, возя тачки с углем в рудниках Араличева (Кузнецкий бассейн), несколько раз бит[49]. Но,

Одиночная камера № 45 внутренней тюрьмы НКВД ТатАССР. Казань, 1930-е годы

видимо, и в заключении, и на рудниках владыка Иоасаф не боялся высказывать своих взглядов на церковную действительность и с достоинством нес свой архипастырский крест в условиях всеобщего богоотступничества.

В 1933 году владыка Иоасаф вместе с несколькими другими православными христианами[50] был арестован 3-м отделом ОГПУ Сиблага. Он обвинялся в том, что «отбывая меру социальной защиты в Осиновских лагерях Сиблага ОГПУ» организовал в лагере вместе с остальными заключенными «контрреволюционную церковно-монархическую группу», вербовавшую новых членов, распространявшую «провокационные слухи о положении Церкви в СССР» и вредшую работу среди заключенных «по разложению лагеря и срыву лагерных работ». Иными словами, епископа обвинялся в преступлении, предусмотренном все той же статьей 58—11 УК СССР.

Епископ Иоасаф в предъявленном ему обвинении виновным себя не признал и на допросе 19 мая 1933 года показал, что ни в какую группу он не входил, и о ней ничего не знал, и никакой агитации не

Коридор внутренней тюрьмы НКВД ТатАССР. Казань, 1930-е годы

вел. Постановлением Особого совещания Коллегии ОГПУ от 28 января срок наказания епископу Иоасафу был увеличен еще на 2 года[51].

Отбыв и это наказание, владыка Иоасаф возвратился в Казань, где поселился со своей престарелой 75-летней матерью.

К тому времени в Казани существовало два КЕУ: обновленческое, с митрополитом Алексием (Баженовым), а позже — митрополитом Иерофеем (Померанцевым), и сергиевское — с постоянно арестовываемым епископатом: архиепископами Афанасием (Малининым), Палладием (Шерстенниковым), Антонием (Миловидовым). Со всеми ними владыка Иоасаф был знаком давно, с некоторыми даже с академической скамьи,— тем печальней и трагичней было для него размежевание с ними.

Владыка Иоасаф не пошел на признание Декларации митрополита Сергия и остался заштатным епископом на покое. Он служил лишь изредка в кладбищенской церкви, причем только панихиды. Окружение его было из ссыльного или сочувствующего ему духовенства. Большинство приходского духовенства (а служить откры-

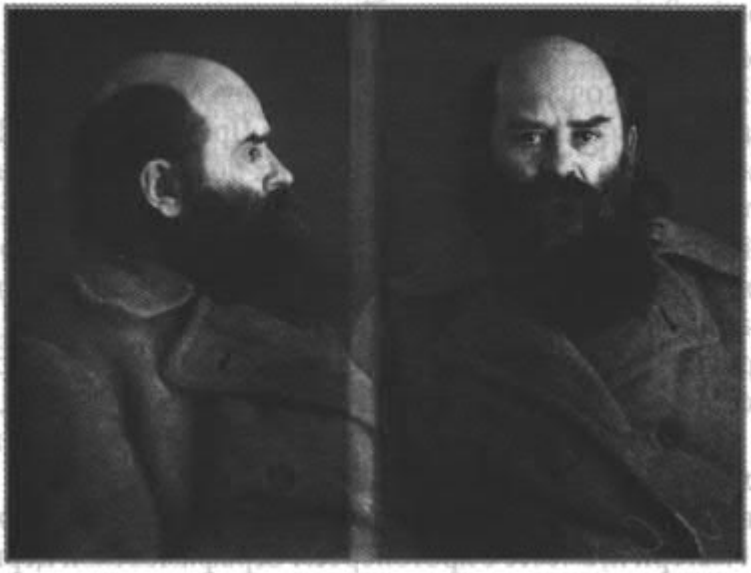
то тогда могли только обновленцы и принявшие Декларацию митрополита Сергия) опасалось посещать его, и если посещало, то тайно. Да и за те годы, что прошли с момента, когда епископ Иоасаф был окончательно отстранен от управления епархией, значительная часть единомысленного владыке духовенства была либо сослана, либо расстреляна.

В апреле 1936 года, когда на Арском кладбище начали разрушать древние надгробные памятники и кресты, владыка Иоасаф в сердцах заметил: «Никуда не годен тот народ, который не бережет старины,— и, помолчав, добавил: — Впрочем, Иосифу Виссарионовичу уже нечего более разрушать, так что кладбище его последняя поддержка».

Не прекращается переписка владыки Иоасафа с митрополитом Кириллом, находившимся в ссылке и лишенным возможности следить за церковными и политическими событиями. В сентябре 1936 года митрополит Кирилл пишет епископу Иоасафу: «Все письмо Ваше, в котором Вы дали, между прочим, статью Е. М. (Е. Ярославского), собственноручно переписанную Вами, перечитал я за один раз, черпая в Ваших предшествовавших рассуждениях нравственное удовлетворение от сознания того, что среди нас не утрачивается правильно-осторожное отношение к грядущим судьбам нашей Матери-Церкви...» О принимаемых же законах, митрополит Кирилл также соглашался с епископом Иоасафом: «Текст документа дает в этом отношении некоторое направление, во всяком случае не в нашу пользу, представляя свободу только антирелигиозной пропаганде. Для нас же даже желание помолиться не в одиночку, а общественно, возможно будет по закону 29 года от 8/4 — только с ведома и разрешения (и, конечно, под наблюдением) милиции»[52].

К владыке Иоасафу часто приезжали крестьяне из окрестных деревень, из сел Чувашской республики и Марийской области. Их рассказы о голоде и преследованиях духовенства вызывали у владыки негодование: «И после таких рассказов — слушать, что жить стало веселее... Неслыханное варварство!»

Сам Преосвященный Иоасаф не имел достаточных средств к существованию, получая весьма скромное пособие от редких треб, а ведь помимо себя еще надо было содержать больную престаре-



Епископ Иоасаф (Удалов).
Фото из следственного дела 1937 года

лую мать. Его мать и в период тюремно-ссыльных мытарств Преосвященного не обходили заботами инокини закрытых монастырей и крестьяне, приезжавшие из районов. Теперь же, по возвращении владыки из концлагеря в Казань, к нему на ул. Тихомирова, дом 31, кв. 2, приезжали его духовные чада, иноки и инокини разгромленных обителей, миряне, почитавшие епископа-исповедника. Каждый старался посильно помочь владыке: кто продуктами, кто — одеждой.

Владыка мало что оставлял себе, ибо значительную часть отсылал через доверенных лиц сосланному духовенству, арестованным и томящимся в заключении в казанской тюрьме священникам. У архипастыря находили приют и ночлег те, кто, гонимые властью за свое исповедание православной веры, вынуждены были бежать из родных мест и скитаться по городам и весям.

Не признав Декларации митрополита Сергия, владыка оставался вне сергиевской иерархии и в казанских храмах сергиевской юрисдикции не служил. Лишь изредка епископ Иоасаф совершал

молебны и панихиды в церкви Ярославских чудотворцев, что на Арском кладбище. В это время, обычно никто из местного духовенства, хотя и сочувствовавшего епископу, но опасавшегося возможных репрессий, не присутствовал, и Преосвященный Иоасаф в окружении 4–5 человек из числа своих последователей и духовных чад мог свободно поминать новомучеников и исповедников Российских, многих из которых знал лично по совместному служению в Казанской епархии, других – по ссылкам и тюремным заключениям.

Характерно, что однажды, на вопрос одного протоиерея, как владыка относится к советской власти, епископ Иоасаф грустно заметил: «Чтобы судить о советской власти, нужно побывать в концлагерях...»

В ноябре 1937 года владыка Иоасаф был арестован у ложа умиравшей матери и, вместе с протоиереем Серафимовской церкви Николаем Троицким, монахинями разгромленного Богородицкого монастыря Евдокией (Двинских) и Степанидой (Макаровой), людьми из своего ближайшего окружения, заключен в тюрьму. Позже была арестована и приговорена к расстрелу игумения закрытого Федоровского Казанского монастыря Ангелина (Алексеева)[53], также единомышленная с епископом Иоасафом и через которую часто осуществлялась пересылка корреспонденции митрополиту Кириллу.

В НКВД священномученику предъявили обвинения в организации контрреволюционного церковного подполья, в переписке со ссыльным митрополитом Кириллом, в клеветнических измышлениях о гонениях на Церковь в СССР и клевете на Сталина и власть, симпатиях фашизму (тогда это было общим обвинением для всех арестовываемых) и врагам народа Троцкому, Тухачевскому и проч. Владыка не признал за собой никакой вины, но почел ниже архиерейского достоинства оправдываться от очевидно сфабрикованных и угрозами или пытками полученных показаний против него тех, кто ценою чужой неволи и смерти покупал собственную жизнь. Да и понимал, вероятно, владыка, что близится земной предел его скитаниям и ссылкам и что этот арест станет последним. Ни изнурительные допросы, ни угрозы следователей, ни творимые ими над православным епископом издевательства и бесчинства не

сломили воли исповедника, не поколебали в нем веры во Христа, во спасительность мученичества до крови.

Заседание тройки от 29 ноября 1937 года приговорило епископа Иоасафа и священника Николая Троицкого к расстрелу[54], а инокинь Евдокию и Степаниду — к 10 годам исправительно-трудовых лагерей[55].

2 декабря, когда Православная Церковь праздновала память преподобного Иоасафа, царевича Индийского, в Казани в 20 часов 35 минут был расстрелян священномученик Иоасаф, епископ Чистопольский.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЗ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

ПИСЬМО ЕПИСКОПА ИОАСАФА ПРОТОИЕРЕЮ АЛЕКСАНДРУ МЕНЬШИКОВУ

Дорогой о. Александр!

О Вашей скорби я уже знал. Преосвященному Алексию я напишу о Вас и постараюсь его уверить в полной непричастности Вас к той интриге, которая завелась в каком-то приходе против священника после посещения этого прихода Вами. Отныне, дорогой о. Александр, выезжайте в села другой епархии только после того, как батюшки получат на то письменное разрешение Преосвященного. Беда в том, что несмотря на грозные времена, наша братия не освобождается от своего обыкновения извлекать свои выгоды из чисто церковных дел. На бывшее Ваше искушение смотрите именно как на искушение: видимо, Вы сильно досадили бесу, не сдавайте своих позиций, т. е. не падайте духом, не ослабляйте своей ревности, служите Господу Богу — ради прославления Его Святейшего имени, а все скорби, случающиеся на нашем пути, это увы обычное явление, случающееся со всяким.

Бог да утешит и подкрепит Вас. Прошу Ваших молитв. *Грешный еп[ископ] Иоасаф.*

(Архив КГБ РТ, д. 2-17615 «а», л. 38-38об.)

ПРОЕКТ ДЕКЛАРАЦИИ МИТРОПОЛИТА ПЕТРА (СОСТАВЛЕН ЕПИСКОПОМ ИОАСАФОМ)[56]

В Совет Народных Комиссаров СССР

Декретом Совнаркома РСФСР от 23/I-18 г. в развитие 4-го пункта Конституции (п. 13) с объявлением отделения Церкви от государства, за всеми гражданами была признана свобода исповедания любой религии (п. 1) и совершения религиозных обрядов (п. 5) и, как гарантия этой религиозной свободы «в пределах республики», было запрещено «издавать какие-либо местные законы или постановления, которые стесняли бы или ограничивали свободу совести, или устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан» (п. 2).

Последующими постановлениями и распоряжениями соответствующих органов власти были разрешены выпуск в свет и распространение религиозной литературы (Цирк. НКЮ и НКВД от 15/VIII-21 г., п. 4) и организация богословских курсов (Декр. ВЦИК 13/VI-21 г. примеч. к п. 3 и разъяснение 5-го отдела НКЮ от 2/V-23 г. № 280). Изданием декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 3/VIII-22 г. и инструкции к нему НКЮ и НКВД РСФСР от 27/IV-23 г. верующим предоставлено право внутреннего церковного самоуправления; созыв общегубернских и всероссийских съездов своего культа и организация исполнительных органов. Ввиду замеченных на практике отступлений местных властей от прежде изданных декретов инструкцией НКЮ по соглашению с НКВД от 19/VI-23 г. (С. У. за 1923 г., № 72) вместе с подтверждением обязательной силы за всеми изданными по церковным вопросам законодательными распоряжениями запрещалось: «всем государственным установлениям, путем административного вмешательства, поддерживать какой-либо культ или какое-либо церковное управление в ущерб другим культам или религиозным группировкам» (п. 7) и на местную власть возлагалась обязанность «оградить спокойное и свободное отправление

религиозных потребностей граждан в той лояльной форме, какая им угодна» (п. 8).

Действительно, разнообразные религиозные исповедания на территории СССР, от примитивного шаманства малокультурных инородцев до всевозможных толков сектантства, пользуются предоставленными им гарантиями религиозной свободы и самоуправления. Они регистрируются в дозволяемых законодательством СССР границах, и их организации получают право законного существования.

Православно-верующими (или по терминологии НКЮ «старо-церковниками») также вместе с представителями других религиозных исповеданий в указанный срок (июнь 23 г.) были предоставлены в надлежащие учреждения все требуемые законом (С. У. № 49) материалы для зарегистрирования их религиозных обществ, но несмотря на то, что соответствующий декрет (п. 5) вменяет в обязанность регистрирующим органам в месячный срок (продленный постановлением Президиума ВЦИК от 23/VI-24 г. протокол № 19 до 1/XI-24 г.) или зарегистрировать общество или учредителям его сообщить мотивы к отказу,— тем не менее до сего времени дела о регистрации религиозных обществ остаются без движения.

Инструкцией о порядке регистрации религиозных обществ (№ 92 «Известий» от 27/IV-23 г.) предусмотрены два повода к отказу в регистрации: 1) если число членов общества менее 50 или 2) если устав, задача и метод деятельности подлежащего регистрации общества противоречат Конституции РСФСР и ее законам. Количество членов наших обществ, как известно, исчисляется не десятками, а сотнями и тысячами, устав представлялся всюду типовой, опубликованный при самом положении о регистрации, о своей же законопослушности и политической лояльности наша Православная Церковь за последнее время делала неоднократные заявления.

Так, глава Православной Церкви, почивший патриарх Тихон, в последние годы несколько раз свидетельствовал об этом, и искренности его заявлений, как можно судить по официальной прессе после его кончины, верили общественно-политические круги. Нами, по преемству от патриарха Тихона ныне возглавляющим Православную Церковь, в послании к верующим от 28/VII с. г. вновь под-

утверждалась политическая лояльность и совершенная непричастность Православной Церкви ко всем видам и формам зарубежной и местной политической борьбы. «Церковь,— писали мы,— ведет верующих только к духовно-нравственному совершенствованию, и нет в ней места для политической борьбы».

В связи с неразрешением до сего времени вопроса о регистрации, положение Православной Церкви в некоторых провинциальных городах за минувший год еще более ухудшилось в сравнении с прежними годами. Там от православных епископов, как незарегистрированных, стали отбираться органами подписки о запрещении им посвящать в священные степени, т. е. совершать определенные священнодействия и руководить духовной жизнью верующих тех общин, которые их избирают.

Для получения священнослужителей органы управления направляют наших православно-верующих к так наз. обновленцам, к которым по различию своих религиозных убеждений они никакого отношения не имеют. Там, где епископы возражали против предъявленных требований, их административно выселяли, а верующие, оставаясь без епископа, должны были ездить из города в город для удовлетворения своих религиозных нужд. Также наблюдаются факты пристрастного и несправедливого отношения к передаче храмов, отнятия их от многочисленных правосл[авных] общин и передачи ничтожной обновленческой группе, несмотря на неоднократные разъяснения НКЮ (напр., 29/III-24 г. № 7792) о незаконности подобных деяний. Есть города и селения, где обновленцев десятки, а владеют они большинством храмов, тысячи же православных ютятся в 1—2-х маленьких церквах.

Даже в самой Москве наше бесправное положение дает основание органам власти духовным интересам большинства православных предпочитать материальную выгоду меньшинства обновленцев. Так, все наиболее чтимые православные святыни, напр. Иверская икона Божией Матери, икона св. Пантелеимона и др. переданы обновленцам.

Бесправностью нашего положения объясняется та постоянная устная и печатная клевета, которую возводят так наз. обновленцы, живоцерковники, возрожденцы и пр., обвиняя ее в ничем

недоказанных политических преступлениях, как это было, напр., на последнем обновленческом съезде. Мы пытались через прокурора Республики заявить протест против клеветнических публичных выступлений обновленческого митр[ополита] Александра Введенского, но наш протест не был принят. Мы просили свой протест напечатать в официальном правительственном органе («Известия»), где помещались заметки о заседаниях этого съезда.

Так, несмотря на все определенные указания и их разъяснения, несмотря на всю парадоксальность подозрений массы населения в политической неблагонадежности, Православная Церковь все же не может получить свободы самоопределения вероучительства, самоуправления, равноправия и защиты закона наравне с иными и меньшими по количеству своих членов религиозными объединениями.

Такое ненормальное, «бесправное» положение доминирующего, особенно среди крестьянской массы, правосл[авного] объединения, естественно, волнует население, создает атмосферу недовольства, нарушает спокойное течение общественной жизни, что подмечено и официальной прессой (см. в «Известиях» статью секретаря ВЦИКа Киселева о поездке по селениям Рязанской губ.), заставляет население терять много времени и средств на поиски защиты своей гарантированной законом религиозной свободы. Возглавляя в настоящее время после почившего патриарха Тихона Правосл[авную] Церковь на территории всего Союза и свидетельствуя снова о политической лояльности со стороны Правосл[авной] Церкви и ее иерархии, я обращаюсь в Совнарком с просьбой, во имя объединенного лозунга о революционной законности сделать категорические распоряжения ко всем исполнительным органам Союза о прекращении административного давления на Православную Церковь и о точном выполнении ими созданных центральными органами власти узаконений, регулирующих религиозную жизнь населения и обеспечивающих всем верующим полную свободу религиозного самоопределения и самоуправления. В целях практического осуществления этого принципа я прошу, не откладывая далее, зарегистрировать повсеместно на территории СССР староцерковные православные общества со всеми вытекаю-

щими из этого акта правовыми последствиями и проживающих в Москве архиереев возвратить на места. Вместе с этим беру на себя смелость возбудить ходатайство пред Совнаркомом о смягчении участи административно наказанных духовных лиц. Одни из них — и притом некоторые в преклонном возрасте — не один год томятся в глухих безлюдных местах Печоры и Нарыма со своими застарелыми недугами без всякой медицинской помощи кругом, другие на суровом Соловецком острове исполняют физическую принудительную работу, к которой большинство из них совершенно не приспособлено. Есть лица, амнистированные ЦИКом СССР и после этого вот уже 2 года томящиеся в безводных степях Туркестана, есть лица, отбывшие свой срок ссылки, но все еще не получившие разрешения возвратиться на места служения.

Я решаюсь также просить и о более гуманном отношении к духовным лицам, находящимся в тюрьмах и отправляемым в ссылку. Духовенство в подавляющем большинстве изолируется по подозрению в политической неблагонадежности, а потому по справедливости к ним должен был применяться тот же несколько облегченный режим, каковой везде и всюду применяется к политическим заключенным. Между тем, в настоящее время наше духовенство содержится вместе с закоренелыми уголовными преступниками и, иногда регистрируемые как бандиты, вместе с ними в общих партиях отправляются в ссылку.

Выражая в настоящем ходатайстве общие горячие пожелания всей моей многомиллионной паствы, как признанный ее высший духовный руководитель, я питаю надежду, что желания нашего православного населения не будут оставлены без внимания высшим правительственным органом всей нашей страны; так как предоставить наиболее многочисленной Правосл[авной] Церкви права легального свободного существования, какими пользуются другие религиозные объединения,— это значит совершить по отношению к большинству народа только акт справедливости, который со всею признательностью будет принят и глубоко оценен православно-верующим народом.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА УДАЛОВА ИОАСАФА (ИВАНА) ИВАНОВИЧА

1 декабря 1930 года

1. Отношение к советской власти вполне лояльное и доверчивое с первого момента, что доказывается следующими фактами: а) при отходе казанцев в Сибирь я оставался в городе и пользовался доверием различных органов сов. власти и б) до возникновения обновленчества ни разу не был привлекаем следственными органами к допросу по подозрению в политической неблагонадежности, да и обвинение в 24 г., возникшее на почве разногласий с обновленцами, в Москве было отвергнуто.

2. Опубликованный декрет об отделении Церкви от государства мною был приветствуем, так как он даровал свободу Церкви, освобождал ее от многих несвойственных ей по ее природе обязанностей и церковным служителям давал больше возможностей отдаваться своей службе Церкви.

3. Отмена преподавания в школах Закона Божия многими из духовенства принималось облегченно, так как освобождала от принудительности детей, как и от школьной дисциплинарной муштровки, что всегда отмечалось как нежелательное явление в таком глубоко интимном деле, как изучение вероучения. Школьное обучение детей заменялось семейным и в храмах. Я хотя никогда не был законоучителем, но все же разделял вышеуказанную точку зрения.

4. Политическая деятельность патриарха Тихона с июня 1923 г. осуждена им же самим, что мною было своевременно приветствуемо путем напечатания в Каз[анской] газете соответствующего воззвания, потом в извлечении перепечатанного в центральных московских «Известиях» и там получившего одобрение. Впоследствии, проживая в Москве полтора года, из них больше полугода при жизни патриарха, присутствуя на его похоронах, рассуждая с следственными органами ОГПУ на допросах там же и особенно присутствуя на собрании нескольких епископов у митр[ополита] Петра совместно с начальником отделения ОГПУ я убедился, что сов.

власть вполне убедилась в отмежевании п[атриарха] Тихона от своей прежней деятельности и в его полной лояльности к сов. власти.

5. Отношение митр[ополита] Сергия к сов. власти, как это мне известно из газет, ничем существенно не отличается от позиции п[атриарха] Тихона его последних 2-х лет. Я лично не могу согласиться с огульным обвинением м[итрополита] Сергия в том, что все духовенство, несущее различные репрессии, действительно повинно в политических преступлениях. За собой таковых преступлений я не знаю.

6. Мое первое знакомство с митр[ополитом] Кириллом началось в июля 1920 г., когда он приехал в Казань в качестве епархиального архиерея, а я был сделан викарием Казанской епархии. Потом полгода — с января по половину августа 1922 г.,— когда он возвратился из тюремного заключения опять в Казань, я служил под его начальством. Потом мы с ним переписывались, когда он был в ссылке в Зырянской области, а я жил в Москве. Во время моего заключения, и первого года моей ссылки, совпадшего с его заключением, наша переписка прекратилась и возобновилась только с приездом его в августе 1927 года в Туруханский край, по соседству со мной.

7. Мое отношение к разногласиям между митр[ополитом] Кириллом и митр[ополитом] Сергием по вопросу о создании последним около себя Синода таково: митр[ополит] Кирилл вправе, как один из старейших архиереев, притом указанный патр[иархом] Тихоном первым своим после своей смерти заместителем,— требовать от митр[ополита] Сергия его документальных полномочий на созыв такого Синода и при отсутствии таковых, подвергнуть сомнению компетенцию этого Синода; он вправе требовать передачи этого спора на рассмотрение митр[ополита] Петра как еще живущего и сохраняющего свои полномочия — патриаршего местоблюстителя. Это право апелляции к главе Церкви гарантировано многими церковными канонами. В силу этого решение митр[ополита] Сергия единолично возникшего между ними конфликта, отказ в передаче этого спора м[итрополиту] Петру[57], и наложение на м[итрополита] Кирилла репрессии в виде увольнения на покой, по моему мнению, канонически неправильно и подлежит отмене.

8. Вышеизложенными обстоятельствами, т. е. узурпацией м[итрополитом] Сергием не принадлежащих ему прав, или во всяком случае сомнительных до авторитетного их разъяснения, налагаемые им легко репрессии и не на одного м[итрополита] Кирилла (подчеркиваю, м[итрополит] Кирилл в своем ответе резко и решительно отвергает политические мотивы своих разногласий с м[итрополитом] Сергием, что и дает основание держаться строго церковной оценки этого спора), обвинение всех отбывающих различные наказания духовных, в том числе, значит, и меня — в политической преступности,— все это заставляло меня до времени окончания срока ссылки (ноябрь 1931г.) держаться в отдалении от м[итрополита] Сергия, но не в отделении. Когда я получил бы свободу передвижения, то путем личного обмена мыслями с м[итрополитом] Сергием, возможно, на многое вышеизложенное изменил бы свою настоящую точку зрения.

9. Выступление папы Римского в Козьмодемьянске я не мог найти, знаком с ним только по кратким газетным выдержкам. Выступать служителю Христа с призывом к кровавой расправе с людьми — дело совершенно недопустимое, и мое отношение к такого рода выступлению — определенно отрицательное.

10. К напечатанному воззванию в газетах «Интервью» м[итрополита] Сергия я отношусь так: приветствуя его желание всеми имеющимися у него средствами предотвратить готовящуюся новую человеческую бойню и рассеять многие неправильно сложившиеся мнения о нашей жизни, я пожалел, что м[итрополит] Сергий не нашел надлежащего тона для своего «Интервью» и не избежал, не предусмотрел возражений. Когда через несколько времени были напечатаны в газетах авторитетные статьи о допустившихся в разных местах искривлениях и перегибах, то получилось некоторое несоответствие между утверждениями м[итрополита] С[ергия] и этими статьями, чем было нанесено сомнение в правильности слов м[итрополита] С[ергия] и цена «Интервью» во многом потеряло свою ценность.

11. О фактах гонения на религию и духовенство со стороны органов Советского Правительства я не знаю, пристрастные отношения отдельных лиц или групп (комсомольцев) лично по отноше-

нию ко мне имели место: например, в меня несколько раз бросали камнями, обзывали всякими постыдными ругательствами и т. д. Также и в прессе приходилось не раз читать оскорбительные для верующего чувства суждения.

12. За время своего почти 14-летнего пребывания в Казани у меня знакомых здесь было много, но за последние 7 лет скитаний значительная часть этих знакомств прекратилась, и я о многих даже не знаю — живы ли они и где живут. Знакомо мне духовенство в большей своей части, близко стоявшие в мое время к Церкви отдельные граждане, монашествующие.

13. Помощь денежную и материальную из Казани получал редко. В Туруханском крае меня поддерживали преимущественно москвичи. Помню, из Казани как-то раз получил переводом деньги от Галахова Н. Я., от Вечесловой Лид. Н. Продукты летом мне привозила на мои деньги, между прочим, вырученные от продажи меха с шубы, некая Порубова. Она раньше ходила за мной, когда я лежал после операции в клинике здесь, жила со мной некоторое время в Москве и до сих пор сохранились у нас с ней добрые отношения. Привозила еще раз ныне летом одна монахиня Мирония что-то из продуктов.

14. Помню, обращался ко мне за советом Н. Я. Галахов по двум основным вопросам: 1) есть ли благодать в Церкви, управляемой без надлежащих полномочий м[итрополитом] Сергием, и можно ли в ней причащаться и исповедаться, и 2) не следует ли и как это сделать — посодействовать снятию репрессии с митр[ополита] Кирилла? Я ему ответил: 1) благодать в Церкви, возглавляемой м[итрополитом] С[ергием] есть, а потому причащаться и исповедоваться в ней можно спокойно, с полным спокойствием совести. 2) Относительно м[итрополита] Кирилла,— если есть желание у верующих, пусть они от своих храмовых организаций подают соответствующие ходатайства о пересмотре его дела м[итрополиту] Сергию. Собирать подписи под ходатайствами от отдельных граждан я не советовал: во время моей жизни в Казани органы власти, в том числе и ОГПУ, к таким явлениям относились отрицательно, считая их ненужным волнением населения. Подавать ходатайства только в случае

наличия большого количества храмовых организаций, при незначительном же меньшинстве не следует смущать верующих.

15. Свящ[енника] Троицкого знаю, когда он был еще в Ягодинском приходе. О нем шла молва как о хорошем проповеднике, много помогающем заводской бедноте, и любимце заречных рабочих. Потом мы с ним несколько месяцев служили в епархиальном совете. Там, помимо должностных обязанностей, как член коллегии, он исполнял различные поручения по устройству церковных торжеств. Об его участии в политических организациях я ничего не знаю, так как с ним в близких отношениях, помимо служебных, не состоял.

16. В своих личных отношениях к советской власти особых приступов враждебности я в себе не помню. Во время наиболее тяжких испытаний в ссылке, когда приходилось голодать, замерзать, валяться больному с слабым сердцем в грязи в тюрьмах, конечно, бывали горькие минуты при наличии сознания своей невиновности, но это не основное чувство.

(Архив КГБ РТ, д. 2-18199, т. 1, л. 250–253)

ЗАЯВЛЕНИЕ В СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ ТАТРЕСПУБЛИКИ

3 сентября 1923 года

Летом прошлого 1922 года в Православной Русской Церкви произошел внутренний раскол: в Церкви появилась так называемая обновленческая группа, которая и взяла в первое время власть в Церкви в свои руки. Но не имея никакого сочувствия в массе православного народа, она не объединяла вокруг себя верующих, а оттолкнула их от себя. В настоящее время, пользуясь изданной Правительством от 27 апреля с. г. инструкцией «О порядке регистрации религиозных обществ», православно-верующие, проживающие на территории Татреспублики и отвергающие по своим религиозным убеждениям обновленческое движение в Церкви, решили самостоятельно зарегистрироваться в НКВД со своими старыми епископами, не примыкающими к обновленческой группе, и из 45 всех хри-

стианских православных общин г. Казани с нами, старыми епископами, уже решили зарегистрироваться 38 и многие общины из кантонов.

Но вот уже около 2-х месяцев прошло со времени подачи первых заявлений о регистрации, а еще ни одно общество православно-верующих нашего объединения не зарегистрировано, хотя в то же время регистрации, подаваемые в НКВД чрез обновленческое епархиальное управление, проходят беспрепятственно.

В Инструкции народных комиссариатов юстиции и внутренних дел всем губисполкомам по вопросам, связанным проведением декрета об отделении Церкви от государства от 19 июня с. г., опубликованной и в Казани, в п. п. 7—8 предусматривается совершенно свободное существование различных церковных управлений и религиозных группировок, и «ни одна религиозная организация не имеет права вмешиваться, как власть имущая, в деятельность какой-либо другой религиозной организации против ее воли», и «запрещается всем государственным установлениям путем административного вмешательства поддерживать какой-либо культ или какое-либо церковное управление в ущерб другим культам или религиозным группировкам», а на местную власть возлагается обязанность «оградить спокойное и свободное отправление религиозных потребностей граждан в той лояльной форме, какая им угодна, и привлекать к ответственности лиц, нарушающих законы РСФСР».

Но тем не менее для православных общин г. Казани и Татреспублики создалось такое положение: им не только не предоставляется возможности сорганизоваться и иметь свой административный орган, как беспрепятственно и легально имеют такой орган так называемое епархиальной управление, обновленческие общины, более того, православные общины, в некоторых случаях насильственно, против своей воли и вопреки закону, требованием органов правительственной власти отдаются в подчинение этому обновленческому епархиальному управлению, к которому по своим религиозным воззрениям они не имеют никакого отношения. Так, например НКВД при ходатайствах общин о разрешении им собраний или крестных ходов требует от них предварительного

разрешения на это от епархиального управления, которое, в свою очередь, не считая православные общины нашего объединения своими, таких разрешений не дает. Таким образом, нашим православным общинам остается одно из двух: или вопреки своей совести подчиниться чуждому им религиозному учреждению, или, если они хотят остаться твердыми в своих убеждениях, лишиться «возможности отправлять свои религиозные потребности в той лояльной форме, какая им угодна», на что имеют полное право по точному тексту выше цитированной Инструкции от 19 июня с. г.

Будучи избран подавляющим большинством, 38-ю из 45, православных общин г. Казани и многими общинами из кантонов религиозным руководителем этих общин и в то же время не получив до сего времени и от органов правительственной власти формального признания самостоятельного существования всего нашего объединения, я сим имею честь покорнейше просить Совнарком выдать мне соответствующее удостоверение, что со стороны гражданской власти Татреспублики нет препятствий к осуществлению мною прав православного епископа — руководителя религиозной жизнью выбравших меня православных общин, или разрешить мне организовать при себе временный совет или канцелярию с теми же правами представительства нашего объединения пред органами правительственной власти, какое фактически имеет обновленческое епархиальное управление, которое существует как представительный орган таких же по своему положению в законе общин, еще не перерегистрированных в общества, каковыми являются и наши общины. При этом прошу Совнарком принять во внимание опубликованное от моего имени в № 191 (286) от 30 августа с. г. в Известиях ТатЦИКа обращение к духовенству и мирянам Казанской епархии, в коем мною открыто объявлено о моем искреннем лояльном отношении к советской власти и полном отмежевании от какого-либо отношения к контрреволюции, к чему призвана мною и вся единомышленная мне казанская паства. Согласно п. 3 Инструкции от 19 июня и нового разъяснения НКЮ, напечатанного в № 177 от 9 августа с. г. в Известиях ЦИКа, религиозные общины и не зарегистрировавшиеся в религиозные общества и наши общины, хотя и до сих пор по неизвестным нам причинам и не перере-

гистрированные еще в религиозные общества, имеют все права на самостоятельное существование и свободное удовлетворение религиозных потребностей входящих в эти общины граждан.

3/IX – 23 г. н. ст.

(РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 202, л. 19–20)

ЗАЯВЛЕНИЕ В НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ЮСТИЦИИ РСФСР

конец сентября 1923 года

Представляя при сем № 207 (302) от 19 сентября с. г. Известий ТатЦИКа, в коем содержится разъяснение Наркомюстиции и прокурора Татреспублики о публичном поминовении за православным богослужением патриарха Тихона и Казанского митрополита Кирилла, прошу Наркомюст РСФСР разъяснить мне:

1) Действительно ли поминовение за богослужением патриарха Тихона и митрополита Казанского Кирилла недопустимо по законам республики?

Поминовение означенных лиц мы – православные – совершали во исполнение своих церковных законов, признавая этих иерархов своими религиозными руководителями, и совершенно не касались их политических убеждений.

2) Поминовение патриарха Тихона и митрополита Кирилла действительно ли содержит в себе признаки преступления, караемого ст. 69 Угол. Кодекса?

До сих пор мы совершали это поминовение по примеру Москвы и на основании имеющегося у нас постановления по этому вопросу Ликвидационной комиссии при Татнаркомюсте от 27 ноября 1922 г. следующего содержания: «Имея в виду, что запрос касается внутренних чисто религиозных отношений, в каковые государственная власть не входит, Комиссия постановила от дачи заключения по данному вопросу воздержаться».

3) Могу ли я, епископ Православной Церкви, состоящий в религиозном общении с старой иерархией, а не с ново-обновленческой,

регистрироваться как руководитель избравших меня таковым религиозных обществ?

О своем взгляде на отношения Церкви к политической контрреволюции мною публично заявлено в прилагаемом при сем обращении (№ 191/286 от 30 августа Известий ТатЦИКа).

4) Действительно ли регистрация религиозных обществ в настоящее время временно прекращена, тогда как раньше было объявлено о продлении срока регистрации до 1-го ноября?

(РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 248, л. 5)

ЗАЯВЛЕНИЕ В НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ЮСТИЦИИ ТАТРЕСПУБЛИКИ

30 октября 1923 года

1. По православным церквам Татреспублики рассылаются епархиальным управлением копии с разъяснениями зам. Наркомюста и прокурора Татреспублики о преступности возношения за богослужениями имен патриарха Тихона и митрополита Кирилла с соответствующей мотивировкой такого разъяснения, а в препроводительной бумаге епархиального управления к двум указанным именам причислено и мое имя — епископа Иоасафа без соответствующей мотивировки (экземпляр такого документа при сем прилагается). Прошу Наркомюст сообщить мне, было ли добавочное разъяснение по этому вопросу, касающееся возношения моего имени, кроме напечатанного в местных Известиях в № 207 (302) от 19 сентября с. г., где говорится только о патриархе Тихоне и митрополите Кирилле, и если было, то по каким основаниям запрещается поминовение меня верующими, так как мотивы запрещения поминовения патриарха Тихона и митрополита Кирилла ко мне совершенно не приложимы. А если такого добавочного разъяснения не было, то епархиальное управление, к которому я и примыкающее ко мне большинство православных общин Казани и кантонов не имеет никакого отношения, очевидно, в целях запугивания моих единомышленников и ради достижения своих целей, при-

крываясь авторитетом высшей судебной инстанции в Татреспублике вводит в заблуждение верующее население.

Ввиду того, что в прилагаемом документе Епархиальное управление ссылается на разъяснение прокурора Татреспублики, покорнейше просил бы Наркомюст путем напечатания в газете для сведения всего верующего населения опубликовать свое подлинное отношение к возношению моего имени за богослужениями, если по этому вопросу действительно не было отрицательного решения Наркомюста, и тем самым выявить лживость распространяемых епархиальным управлением сведений.

2. Пользуясь настоящим случаем, я позволил бы себе высказать свою точку зрения и по существу затрагиваемого вопроса о поминовении за богослужениями тех или иных имен, в частности, о возношении имен патриарха Тихона и митрополита Кирилла, о которых говорится в вышеуказанном разъяснении заместителя Наркомюста и прокурора.

В православных церквах за богослужениями возносится имя своего епископа как религиозного руководителя, как выразителя религиозного мировоззрения целого религиозного объединения, во исполнение определенных требований церковных постановлений 34-го Апостольского правила, 1—14 правил Двукратного собора. Это требование церковных законов объясняется тем, что в христианской религии могут существовать, существовали и существуют различные объединения, отделяющиеся друг от друга по некоторым частным вопросам, а иногда и называющиеся по именам своих первых учителей и руководителей (лютеране, кальвинисты, пашковцы и т. д.). Для внешнего отличия друг от друга и для демонстрации своей религиозной солидарности с тем или иным религиозным руководителем за богослужениями в молитвенных собраниях некоторых из этих объединений и возносятся имена их религиозных глав. Так, именующаяся старообрядческая Церковь поминает повсеместно в России своих старообрядческих митрополита и епископа, в католических костелах возносится по всем католическом мире имя Римского папы, обновленческое объединение поминает Священный Синод, старо-православная Церковь возносит имя своего патриарха, на востоке — имена восточных

патриархов, у нас в России — имя Российского патриарха Тихона. Конечно, с точки зрения советской идеологии имя Римского папы не может быть более приемлемо, чем имя патриарха Тихона, тем не менее как будто бы нигде и никем на всем протяжении Союза Советских Республик поминать папу Римского в костелах не запрещалось. Да и самое поминовение религиозного руководителя совершается в храмах, в среде одного объединения, не выходя за границы этого объединения, за богослужениями, когда никакой и речи о политике не бывает. Ведь здесь в храмах, за богослужениями объединяются лица, как таковые, независимо от своих общественно-политических взглядов и от своего положения в государстве и обществе. Таким образом, вопрос о возношении за богослужениями имени главы известного религиозного объединения, в частности имен патриарха Тихона и митрополита Кирилла (кстати, оба эти иерарха являются «бывшими» только для отколовшейся от Православной Церкви группы верующих, так называемых «обновленцев», а для нас православных они остаются пока один — патриархом, другой — Казанским митрополитом), относится к области чисто внутренних отношений верующих в своему духовному руководителю как выразителю общего религиозного мировоззрения. И никакого иного смысла и цели не имеют. Такая точка зрения на этот вопрос раньше разделялась и Наркомюстом ТССР, именно, в заседании Ликвидационной комиссии 27 ноября 1922 года на мой запрос о закономерности поминовения за богослужениями имени патриарха Тихона было постановлено: «имея в виду, что запрос касается внутренних, чисто религиозных отношений, в каковые государственная власть не входит, комиссия постановила от дачи заключения по данному вопросу воздержаться». А неприкосновенность внутренней жизни Церкви в Союзе Республик гарантируется неоднократными официальными заявлениями различных органов государственной власти, подтверждается это и самым разбираемым разъяснением, в котором утверждается, что «государство решительно не считает себя вправе вмешиваться во внутренние дела Церкви».

Очевидно, такого же положительного взгляда на данный вопрос придерживается и центральная власть в Москве. Впервые

разъяснение о преступности поминовения патриарха Тихона было опубликовано петроградским прокурором месяца 2 тому назад, затем вскоре аналогичное разъяснение опубликовал новгородский прокурор. Это разъяснение, конечно, центральной власти известны. Однако же до сего времени ею не подтверждены для руководства по всему Союзу Республик, а даже наоборот. Несмотря на эти разъяснения, в соседних с Москвою городах в самой Москве на глазах у центральной власти поминовение патриарха Тихона совершается во всех храмах совершенно открыто и беспрепятственно, а на улицах расклеено воззвание с титулом «Святейшего Патриарха Московского и Всероссийского Тихона», напечатанное в типографии с разрешения Главлита. А раз допускается в Центре публичное демонстрирование имени патриарха Тихона, то, естественно, не остается причин не допускать возношения этого имени только при молитвенных собраниях на местах. И если этот акт может быть рассматриваем как преступление, караемое ст. 69 Уголовного Кодекса, то ведь Уголовный Кодекс один и его применение должно быть одинаково как в РСФСР, так и в СССР, а в данном случае получается иное: поминовение патриарха Тихона допускается безнаказанно в РСФСР (Москва, Нижний Новгород, Симбирск, Самара), но запрещается под угрозой судебной ответственности в ТССР. Но вот статья известного декрета Совнаркома об отделении Церкви от государства от 23 января 1918 г., которая гласит: «в пределах Республики запрещается издавать какие-либо местные законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести, или устанавливали какие бы то ни было преимущества, или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан». Инструкция же народных комиссариатов юстиции и внутренних дел всем губисполкомам по вопросам, связанным с проведением декрета об отделении Церкви от государства, которая принята и в ТССР, и опубликована в официальном отделе № 6 Вестника советской юстиции за подписью соответствующих Наркомов ТССР, вновь подтверждается п. 1, что «декрет об отделении Церкви от государства с изданной в развитие к нему инструкцией НКЮ является основным законом, на котором должны основываться все распоряжения и действия власти на местах».

Далее, в разъяснении о поминовении патриарх Тихон и митрополит Кирилл названы «признанными государственными преступниками», между тем это не соответствует фактической правде. По общему смыслу всякого права человек может быть назван преступником только после судебного разбора совершенного им деяния и вынесенного о нем надлежащей судебной инстанцией приговора. Арест и следствие еще не дают оснований клеймить человека таким именем. Даже административная высылка, являющаяся только предохранительной мерой, дабы не было совершено преступление высылаемым лицом, и потому также не может дать основания назвать высланное лицо преступником, раз не было совершено и преступления, иначе он подлежал бы судебному разбирательству. Иногда на самом судебном разбирательстве устанавливается или невиновность подсудимого, или малая причастность его к разбираемому делу. Иногда же после разбора дела к обвиненному применяется амнистия, и он восстанавливается в своих правах. В деле патриарха Тихона суд не высказал своего авторитетного суждения, так как разбора этого дела не было, наоборот, патриарх Тихон был даже освобожден из заключения и теперь свободно, как не ограниченный в своих гражданских правах гражданин, пользуется правом свободного проживания в Москве и свободно осуществляет свое положение в Православной Церкви, везде открыто служит, проповедует и управляет церковными делами как глава ея. Итак, еще никакой судебной инстанцией ни патриарх Тихон, ни митрополит Кирилл не были лишены гражданских прав, а потому и называть их преступниками еще преждевременно. И если на всем протяжении СССР можно беспрепятственно поминать за богослужениями иерархов обновленческой церкви — Алексея, Евдокима, Вениамина, Петра и т. д., то почему же нельзя поминать еще не опороченных судом и не лишенных своих гражданских прав иерархов Православной Церкви Тихона и Кирилла (ср. п. 51 Инструкции НКЮ и НКВД о порядке регистрации религиозных обществ). И если советской властью не делалось препятствий к поминовению патриарха Тихона до его обращения в Верховный Суд с заявлением о своем решительном отмежевании от политической контрреволюции и о своем вступлении на советскую платформу, которому Верховный

Суд придал серьезное значение и освободил патриарха Тихона от заключения, то целесообразно ли запрещать поминать его после его раскаяния и освобождения. Ведь при таком положении дела можно усмотреть и такую несообразность: патриарх Тихон в то время, когда считался противником государственной власти, мог пользоваться большими правами, чем теперь, когда открыто на весь мир объявил себя вполне лояльным гражданином Советской России, да при всем том, при отделении Церкви от государства репрессии гражданского свойства не должны бы влечь за собой, как непременное следствие, репрессий церковного характера, и наоборот, как это бывает при союзе Церкви с государством. Например, лишение служителя культа его священного сана ведь по советскому законодательству не сопровождается для него ограничением его в гражданских правах, как было при прежнем законодательстве, так должно бы быть и при обратном положении дела,— даже ограничение человека в его гражданских правах не должно влечь за собой ограничение его и в церковных правах.

Таким образом, по моему мнению, на основании всех высказанных выше суждений поминовение за богослужениями патриарха Тихона и митрополита Кирилла должно считаться закономерным и ни в коем случае не может быть подведено под действие ст. 69 Уголовного Кодекса, и должно допускаться совершенно беспрепятственно, как оно совершается открыто и беспрепятственно и в центре — Москве, и в соседних с Казанью городах. И если бы Наркомюст убедился основательностью высказанных мною соображений, основанных на данных советского законодательства, и изменил бы свой взгляд на этот вопрос, о чем широко оповестил бы и все верующее православное население, то последнее было бы преисполнено глубокой признательности справедливому и непристрастному Высшему Судебному Учреждению за предоставление ему свободы в своей чисто внутренней церковной жизни.

3. В рассматриваемом разъяснении затронут еще вопрос о регистрации религиозных обществ, избравших меня своим религиозным руководителем. Осмеливаюсь и по этому вопросу высказать свое суждение и просить Наркомюст этот вопрос пересмотреть и

разрешить его также на основании изданных определенных декретов, циркуляров и инструкций.

В разъяснении заподозревается политическая благонадежность, а потому и правомочность меня как религиозного руководителя выбравших меня общин, а между тем я до сих пор в политической неблагонадежности ни одним государственным учреждением обвиняем не был и о своем отношении к политической контрреволюции и патриарху Тихону открыто заявил в своем обращении к духовенству, и казанской пастве, одобренном подлежащим учреждением и напечатанном в местных Известиях в № 191 (286) от 30 августа с. г. В Инструкции Народных комиссариатов юстиции и внутренних дел, напечатанных в № 6 Вестнике советской юстиции, пунктом 8 гарантируется гражданам право придерживаться любых религиозных верований, а п. 7 устанавливается полное равноправие пред государственными установлениями различных религиозных группировок и церковных управлений. Означенная Инструкция была издана как раз для руководства местных властей в связи с состоявшимся в Церкви расколом, когда основная часть православных осталась с патриархом Тихоном, а часть откололась и образовала новые церковные объединения. Своим выражением в начале текста «с появлением новых церквей, как то: живой, древле-апостольской, трудовой и т. д.» — Инструкция определенно указывает, что составителям ее известна и старая (не «новая»), уже бывшая ранее (а не появившаяся) Церковь, возглавляемая патриархом Тихоном, и тем не менее в Инструкции в строгом соответствии со ст. 2 основного декрета об отделении Церкви от Государства не делается никаких ограничений одним или преимуществ другим церковным группировкам.

Между тем в Татреспублике в настоящее время создалось такое положение: православные религиозные общины, избравшие меня своим руководителем и подавшие заявления о регистрации своих объединений в Наркомвнудел 2—3 месяца тому назад на основании «Инструкции о порядке регистрации религиозных обществ», ни одна из них не получила и до сего времени утверждения, религиозные же общины так называемые «обновленческие», с которыми наши общины должны бы быть по точному смыслу выше цити-

рованных директив равноправными, зарегистрированы уже давно. Не получили ответа на свои заявления о регистрации следующие общины г. Казани:

1. Благовещенский кафедральный собор,
Казанско-Богородицкая,
Иоанно-Предтеченская,
Федоровская,
5. Воскресенская,
Богоявленская,
Николо-Нисская,
Николо-Ляпуновская,
Варсонофьевская,
10. Кизическая,
Троице-Пороховская,
Смоленско-Седмиезерская,
Никольско-Пороховская,
Смоленско-Дмитриевская,
15. Макарьевская,
Успенская,
Владимирская,
Ильинская,
Четырех-Святительская,
20. Никольско-единоверческая,
Четырех-Евангелистовская,
Георгиевская,
Духосошественская,
Михаило-Архангельская,
25. Серафимовская,
Евдокиинская,
Варваринская,
Петропавловская,
Вознесенская,
30. Московских Чудотворцев,
31. Успенско-Зилантовская

и очень много (может быть, ни одна сотня) общин в кантонах. В п. 5 Декрета ВЦИК и СНК о порядке утверждения и регистрации

обществ и союзов говорится: Народный комиссариат внутренних дел и его местные органы вправе отказывать в приеме проектов уставов для утверждения. При возникновении со стороны Народного Комиссариата внутренних дел или со стороны Отдела управления по принадлежности возражений против утверждения представленного устава, названные органы обязаны в месячный срок со дня представления устава сообщить учредителям общества или союза об утверждении устава или отказе в таком, в последнем случае с указанием мотивов отказа». В изданной в развитие к этому Декрету НКЮ и НКВД инструкции о порядке регистрации религиозных обществ в п. 5 указаны только два мотива к отказу в регистрации, именно: 1) если число членов его или число учредителей менее 50-ти человек местных жителей, не ограниченных по суду в правах; 2) если устав общества, подлежащего регистрации, задачи его и методы деятельности противоречат Конституции РСФСР и ее законам. Таких препятствий в представленных материалах нашими общинами нет; число членов везде больше 50-ти человек, отвода этих членов никакими учреждениями не было делаемо, а устав представлен всеми общинами общий — типовой, напечатанный при Инструкции, тот же, какой был представляем и обновленческими общинами. Тем не менее до сего времени нет никакого движения поданным заявлениям; нет ни утверждения, ни мотивированного отказа, ни предъявления новых требований выполнения каких-либо формальных опущений. В Постановлении № 128 Народного Комиссариата внутренних дел и дстиции ТССР (напечатанном в № 42 Собраний узаконений и распоряжений) в п. 6 говорится о продлении окончательного срока регистрации, а не окончательного решения этого вопроса, до 1-го ноября с. г., но не говорится об отмене основного Декрета по этому вопросу, обязывающему (п. 5) решать дела этого характера в месячный срок. А когда все же одной общине нашей ориентации (Покровская г. Казани) было отказано в утверждении по соображениям, не предусмотренным в Инструкции, и она, пользуясь представленным ей правом, подала кассацию на это решение, то и на эту кассацию она до сего времени не получила никакого ответа, а кассация подана вот уже около 2-х месяцев тому назад.

Такое неопределенное положение общин нашей ориентации (а их всего в Казани с вновь присоединившимися к нам теперь уже 37 из 44 всех казанских общин) очень гибельно отражается и на внутренней жизни верующих, и на внешнем материальном положении храмов. Верующие в таком неодинаковом отношении органов власти к себе и к обновленцам видят противоречащее всем законам и опубликованным распоряжениям власти предпочтение одной религиозной группировки пред другой, и на этом основании в темной массе создаются разные слухи. Верующие, не получив утверждения своих объединений, лишены возможности иметь свой объединенный административный орган для разрешения своих внутренних церковных недоумений и удовлетворения своих неотложных церковных нужд, и храмы, в силу неопределенного положения общин и их исполнительных органов, терпят большие опущения в материальной части: заготовление топлива, приспособление храма к зиме, необходимы и неотложный ремонт, наем сторожей, певчих, содержание служителей культа и т. д. Для предотвращения всех этих нежелательных и гибельных явлений и для успокоения напрасно волнующегося в течение целых месяцев верующего населения, необходимо вопрос о регистрации, раз он уже поднят Государственной властью, решить скорее в строгом соответствии с вышецитированными определенными законами, предоставляющими всем гражданам полную свободу в их религиозном группировании и, следовательно, дать полную легализацию религиозным объединениям и нашей ориентации, отвергнув совершенно неосновательную огульную подозрительность всех нас в политической неблагонадежности.

г. Казани православный епископ (Иоасаф)

Казань, 30 октября 1923 г.

(РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 202, л. 8–12)

ПИСЬМО ЕПИСКОПА ИОАСАФА СВЯТЕЙШЕМУ ПАТРИАРХУ ТИХОНУ

3 ноября 1923 года

1923 г. ноябр[я] 14. Подтвердить в указе на имя Преосв[ященного] Иоасафа, управл[яющего] Казанской епархией, постановление о том, что еп[ископ] Тимофей есть лишь викарный епископ. Еп[ископу] Тимофею поставить на вид превышение им своих полномочий в делах управления.

Патриарх Тихон

Архиепископ Тихон
Архиепископ Серафим
Архиепископ Петр
Архиепископ Иларион[58]

†

Ваше Святейшество,
Всемилостивейший архипастырь и отец.

Долгом имею довести до Вашего Святейшества, что так называемый Священный Синод всем нам четырем Казанским архиереям прислал указы от 8 октября о запрещении нам за неподчинение Синоду священнослужения с предложением немедленно же по получении указов отправиться, даже престарелому владыке Андронику, в Архангельскую епархию в распоряжение Арх[ангельского] епарх[иального] управления, а Преосвященному Тимофею местожительство назначено в Спасо-Каменном монастыре Вологодской епархии. Указы подписаны митрополитами Вениамином и Тихоном. Нами эти указы возвращены обратно с надлежащей надписью. Живцы утверждают, что дело о высылке нас и с нами еще около 10-ти человек учреждением, коему подведомы подобные дела, отправлено в Москву на утверждение. С меня взята уже подписка о невыезде из Казани еще до получения указа. Если действительно нас всех вышлют, то не откажите, Ваше Святейшество, принять в свое

архипастырское сердце нашу епархию и командировать возможно скорее полноправного православного архиерея, пока возбуждение против живцов у верующих, которое естественно должно появиться у них после нашей высылки, еще не улеглось, а на наше духовенство надежда плоха: большинство из них, кажется, и сейчас оглядывается назад и готово вновь перейти на ту сторону, оправдав себя перед паствой целым рядом софизмов.

Судя по газетам, Вашему Святейшеству благоугодно было перейти на новый стиль. В нашей казанской церковной жизни вопрос о новом стиле является вопросом очень острым. Собственно, на новом стиле живцы здесь и потерпели крах. Были случаи, когда крестьяне священников, перешедших на новый стиль, хотели топить в реке, выгоняли из храмов, выводили на сходки. Старообрядцы, а за ними и единоверцы — новый стиль решительно отвергают, по единоверцам же ровняются и наиболее строго настроенные православные. В городе, может быть, эта реформа и пройдет с отходом в раскол старообрядчества некоторой части православных, в виду того, что служащие в учреждениях и на заводах праздники празднуют по новому стилю, деревня же в массе ни за что не соглашается переходить: там за одно слово о новом стиле заподазривают в уклонении «в ересь», что бы им об этом ни говорил. Ссылка на Ваше Святейшество и на Восток не принимаются, и им не доверяют, а некоторые на это отвечают, что значит все продались. Живцы здесь везде от нового стиля отказались, и если мы теперь перейдем, а они останутся при старом стиле, то от нас и паства деревенская уйдет к ним, потому что все видимые и понятные для народа новшества в Церкви, по мнению народа, заключаются в ломке порядка церковных служб. Духовенство умоляет не ставить его вновь в ужасное положение перед приходами.

Не разрешите ли, Ваше Святейшество, нам, в виду общей неподготовленности православного населения и невозможности широко осведомить и разъяснить приходам епархии, пока воздержаться от перехода впредь до того времени, когда мы получим разрешение на созыв собраний для разъяснения этой реформы на местах и на архиерейские поездки по епархии? Праздник Пасхи, конечно, должны все праздновать в одно время, для чего благоволите, Ваше

Святейшество, преподать нам указание, на каком числе благоугодно будет Вам остановиться, чтобы можно было бы своевременно об этом уведомить и отдаленные приходы.

Вынуждаюсь доложить Вашему Святейшеству о происходящих непорядках в Чувашской области нашей епархии. Резолюцию Вашего Святейшества об утверждении второго епископа для области е[пископа] Тимофея, коему она была вручена посланным, задержал у себя более месяца, даже не уведомив меня о состоявшемся решении при всей возможности сделать это. Этим временем е[пископ] Тимофей ездил по приходам всей области, находившейся еще в ведении преосвященного Афанасия, рукополагал ставленников, награждал до протоиерейства включительно даже тех, с коими я отказывался вместе литургисать в виду принадлежности их к Ж. Ц.[59], организовал целое Областное церковное управление, о чем я узнал совершенно случайно, и распоряжается приходами всей области. При нем в самых близких отношениях состоит и уполномоченный Ж. Ц., именующий себя теперь уже и протоиереем, позиция которого даже для духовенства и теперь непонятна, а моих указаний он определенно не принимает. Русское духовенство увольняет с мест за штат, переводит с места на место, предлагает по благочиниям чувашскому духовенству выделяться в особые от русского духовенства организации. Сейчас готовят новый доклад Вашему Святейшеству об образовании из Чувашской области самостоятельной епархии. Русское духовенство обращается ко мне и с протестами, и с просьбами о защите, но е[пископ] Тимофей, видимо, считает себя совершенно самостоятельным, отказываясь давать мне какое-либо объяснение своих действий, ссылаясь, что он ответственен только пред Вашим Святейшеством. В области в среде духовенства сейчас большое волнение. За защитой своего положения некоторые обращаются и к ж[ив]цам, а тем это очень выгодно. Я очень просил бы Ваше Святейшество подтвердить права е[пископа] Тимофея, как только викарного епископа, обязанного в своих действиях быть солидарным с другими епископами. Очевидно, свое новое положение сравнительно с прежним положением сельского священника совершенно вскружило ему голову и свою фиктивную власть он решил проявить на своих прежних сослуживцах, а это кладет на всех нас — епископов — пятно.

Община кафедрального собора направляет Вашему Святейшеству ходатайство о рукоположении в сан диакона соборного псаломщика, женатого на вдове. Я отказался удовлетворить их просьбу в виду определенного запрещения канонов, в противном случае ж[ив]цы это обстоятельство использовали бы против меня и в свою пользу. Да и не находил оснований к нарушению канонов именно в этом случае, так как человек этот не имеет ни голоса, ни других дарований, чтобы особенно желать видеть его непременно в диаконском сане.

Ваше Святейшество, как благословите мне поступить в следующем деле? Одного псаломщика я рукоположил в диакона, а он, оказывается, женат на разводке, хотя собственноручно показал, что женат на девице. Подлог этот обнаружил Алексий (он вообще внимательно следит за мной) и укорил меня в нарушении канонов. Как мне теперь быть с этим обманщиком?

Дерзаю усердно просить Ваше Святейшество не отказать мне в Ваших святительских указаниях по затронутым здесь вопросам, каковых я буду ожидать с большим нетерпением, если Господь еще продлит мне срок подневольного выбытия из пределов Казанской епархии.

Прося усердно Ваших Святительских молитв и благословения, *Вашего Святейшества нижайший послушник смиренный Иоасаф, епископ Чистопольский.*

Казань, 21 окт./3 нояб. 1923 г.

(РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 202, л. 4–6)

ЗАЯВЛЕНИЕ НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ТАТРЕСПУБЛИКИ

26 ноября 1923 года

Во исполнение Вашего словесного предложения, данного мне 20 сего ноября, сим представляю Вам свои основания не признания мною обязательными для себя распоряжения так называемых Священного Синода и Казанского епархиального управления, и полного отмежевания себя и своих единомышленников от этих учреждений.

Эти учреждения не являются выразителями общего самосознания православно-верующего общества, а являются представительными органами только отдельной, весьма немногочисленной, группы духовенства, примыкающего к так называемому обновленческому движению в Церкви. Центральное Управление, или первоначально называвшееся «Высшее Церковное Управление», составилось из лиц, бывших первыми организаторами обновленческих церковных групп и захвативших власть в Церкви во время заключения патриарха Тихона и его заместителя митрополита Агафангела в мае 1922 года, уверивших православно-верующих, что будто бы им эту власть передал сам патриарх Тихон, что последним, однако, всенародно было опровергнуто в послании от 15 июля с. г. Еще тогда же, в июле 1922 года казанское духовенство на своем собрании постановило не признавать это «Высшее Церковное Управление» законным и правомочным церковным управлением. В Казани епархиальное управление было составлено уполномоченным того же «Высшего Церковного Управления» из лиц, на то никем не уполномоченных, и также без всякого опроса православно-верующих, с обязательством, чтобы члены этого учреждения тотчас же вступили в группу «Живая Церковь», когда во всей Казанской епархии не было еще ни одного зарегистрированного живоцерковника.

Основные же и главные мотивы расхождения православной массы, в частности и меня, с этим обновленческим движением в Церкви заключаются в следующем.

Наша Православная Российская Церковь является только частью Православной Вселенской Церкви, с которой, если она хочет сохранять единение, должна находиться в полном контакте, принимая все то, что принимается всей Церковью, и отвергая то, что отвергается также церковным сознанием всей Вселенской Церкви. Это — общий и непременный закон сохранения единомыслия и единодушия между отдельными частями каждого общественного организма. Мы, православные епископы, пред своим посвящением даем публичное обещание твердо в полной неповрежденности хранить православное вселенское учение и сами исполнять и строго следить за исполнением другими одних и для всех православных обязательных законов (так называемых канонов), особенно

тех из них, которые охраняют единообразную во всей Вселенской Церкви церковную организацию и взаимоотношение между собою отдельных Поместных Церквей. Нарушающие такое единение отдельные церковные общины или группы таких общин исключаются из Православной Церкви и образуют из себя так называемые схизматические, или по-русски раскольнические церкви, с которыми наши каноны нам, православным, категорически запрещают иметь молитвенное и духовное общение.

Обновленческие группы, возглавляемые своим высшим административным органом в Москве, не считаясь с мнением православно-верующих, без всякого сношения с другими Поместными Церквами и не дожидаясь признания себя подлежащими представительными органами Вселенской Церкви, захватив власть и организовав ее вопреки точным церковным законам, произвольно на первых же порах стали изменять и отвергать в своей судебной и административной деятельности целый ряд обязательных канонов, беспощадно десятками увольнять и запрещать духовных лиц, главным образом епископов, сторонников единомыслия со Вселенской Церковью, назначая сверху на их места своих сторонников обновленцев, которых, однако, православное население, не считая своими, упорно не принимало в целом ряде городов. Далее, решив собрать собор, обновленческое управление целым рядом мер гарантировало, чтобы состав его был узко-партийным, не допустив к участию на нем согласно парагр. 6 Положения о созыве собора всех противников обновленческого движения в Церкви, а из опубликованных тезисов, подлежащих обсуждению на соборе, выяснилось для всех православных подлинные задачи и направление всего этого движения. Это движение поставило своей целью реформировать Православную Церковь во всех отношениях: и в вероучении, и в нравоучении, и в организационной части, и в богослужебной области, приблизив Православную Церковь к немецкому протестантизму, и секту представителей которых приглашали даже на свой собор. Опубликованы уже составленные видными представителями обновленчества новые, неведомые Православной Церкви богослужебные чины, предложено, судя по их официальным органам, исключение из числа святых целого вида лиц,

отвергнут и так называемый подвижнический дух Православия, который является наиболее понятным и дорогим именно для русского православного самосознания. Правда, на бывшей летом настоящего года первой сессии собора эти тезисы еще не были рассмотрены, но от обновленческого направления в своей законодательной деятельности собор не отказался и некоторые тезисы все же санкционировал и некоторые каноны отменил, что вправе мог сделать только Вселенский Собор. Таким образом обновленческий собор уже проявил свою позицию в своем отношении ко всей Вселенской Церкви, и по справедливости может быть причислен к соборам раскольническим.

Православно-верующие определенно восстали против такой коренной произвольной реформы неизвестных им до сего времени самозванных реформаторов, чем и объясняется приостановка этими реформаторами своей дальнейшей реформаторской деятельности. Но раз обнаружив свое подлинное лицо, они уже не могут надеяться на получение доверия к себе со стороны православной массы, так как Православная Церковь, узнав их подлинное намерение, не может признать их выразителями своего самосознания, она уже считает и будет считать обновленцев раскольниками и их учреждения — чуждыми для себя учреждениями, совершенно и без всяких оснований претендующих на выражение подлинного самосознания Православной Церкви. Православно-верующие единодушно и повсеместно стоят за сохранение своего древнего, именно вселенского, Православия, и вот уже более года обновленцы настойчиво всякими мерами борются с православными, но православные продолжают их своими не признавать, из приходов их изгоняют и с нетерпением ждут от гражданской власти, на основании ясных и точных указаний советского законодательства, ограждения себя от притязаний обновленцев и легализации им их староправославных организаций. В ряде городов обновленцы остаются в самом ничтожном меньшинстве: в Москве из 300 церквей у обновленцев осталось 5-8, в Нижнем Новгороде, Костроме — 3—4, в Самаре, Саратове, Астрахани — 3—5, в Казани из 47 только 5 храмов. Таким образом это расхождение православных с обновленческим движением в Церкви повсеместное и не зависит от тех или

иных лиц, а корни этого расхождения покоятся в глубине религиозных убеждений верующих. В силу этих убеждений и я считаю обновленческие учреждения чуждыми для себя и их распоряжения не относящимися ко мне, как не состоящему в их обновленческом объединении. Подчинение же нас верующих той или иной религиозной организации зависит от нашего свободного выбора того или иного религиозного направления, а свобода религиозной совести гарантирована всем гражданам Советской России основным декретом об отделении Церкви от государства от 23 января 1918 года, многочисленными циркулярами, инструкциями и разъяснениями правительства, изданными в развитие этого декрета и наконец, ст. 13 основной Конституции РСФСР. Так, Инструкцией народных комиссаров юстиции и внутренних дел по вопросам, связанным с проведением декрета об отделении Церкви от государства, от 19 июня с. г., опубликованной в официальном отделе № 6 Вестника советской юстиции Татреспублики за подписями наркомюста — прокурора ТССР Богаутдинова и врид. наркома внутренних дел ТССР Габидуллина — предоставляется «гражданам право придерживаться любых религиозных верований; ни одна религиозная организация не имеет права вмешиваться, как власть имущая, в деятельность какой-либо другой религиозной организации против ее воли» (п. 8), «от добровольного согласия самих верующих или религиозных обществ, зависит подчинение распоряжениям центральных или епархиальных организаций, делаемым или в порядке внутренней церковной дисциплины» (п. 11). В силу этого запрещается всем государственным установлениям, путем административного вмешательства, поддерживать какой-либо культ или какое-либо церковное управление в ущерб другим культам или религиозным группировкам» (п. 7). Даже более того, на местную власть возлагается обязанность «оградить спокойное и свободное отправление религиозных потребностей граждан в той лояльной форме, какая им угодна, и привлекать к ответственности лиц, нарушающих законы РСФСР» (п. 8). Выражениями «какое-либо церковное управление» и в начале текста «с появлением новых церквей, как то живой, древле-апостольской, трудовой и т. д.» инструкция определенно указывает во-первых, на недопустимость одновре-

менного существования нескольких церковных управлений, и, во-вторых, считает новыми, появившимися церквами те группировки, из которых составились обновленческие организации — т. н. Высшее Церковное Управление, а ныне Священный Синод и Казанское епархиальное управление, а нашу старо-православную Церковь считает основной. Таким образом, само советское законодательство в указанной инструкции отделяет нас, православных, от обновленцев, и в строгом соответствии со ст. 2 основного декрета об отделении Церкви от государства, здесь не делается никаких ограничений одним или преимущество другим религиозным группировкам, и во всяком уж случае нет даже тени обязательности для верующих граждан-христиан вопреки своим религиозным убеждениям и против воли подчиняться какому-либо определенно указанному административному органу неприемлемой вновь появившейся группировки, в данном случае обновленческой.

Обновленческие центральное и местное епархиальное управление не могут, строго говоря, претендовать и на значение представительного органа Церкви, каковое они будто бы могли получить по преемству от ранее существовавших церковных учреждений, так как циркуляром Наркомюста еще от 18 мая 1920 г. было предложено «всем местным Губисполкомам прекращать деятельность бывших консисторий, ныне переименованных в епархиальные советы, генеральные консистории и т. п., как бы они ни назывались и к какому бы культу они ни принадлежали, всюду, где эти последние фактически ее осуществляют». А 5-й отдел того Наркомюста разъяснил (25 августа 1922 г. № 512), что «по духу советского законодательства, каждая группа верующих — это вольная самодовлеющая церковь, которая может устраивать собственную жизнь и иметь какие угодно верования, лишь бы при этом не нарушался законный и общественный порядок и не затрагивались права граждан Советской России... Советское законодательство и государство не вмешивается в вопросы церковной иерархии, образовавшихся на его территории религиозных групп, предоставляя им в делах внутренней организации и устройства полную самостоятельность, вплоть до провозглашения себя автономной, ни от кого независимой церковной общиной... Подчинение отдельной группы граждан, а так-

же и священнослужителей своему епископу является в РСФСР, как и во всей Западной Европе, совершенно добровольным». Последним распоряжением правительственной власти верующим предоставлено право организовывать губернские и всероссийские съезды своих единомышленников-единоверцев и на этих съездах избирать исполнительные органы, а для выполнения постановления своих общин собраний, а также внешнего представительства граждане, составляющие данное религиозное общество, могут, по мере встретившейся надобности назначать служителей культа, выделять из своей среды нужное им число уполномоченных лиц, действующих в пределах предоставленному каждому полномочий» (Инструкция о порядке регистрации религиозных обществ и выдачи разрешений на созыв съездов таковых, п. п. 8, 9 и 16). Но такие съезды могут созываться только религиозными обществами по зарегистрировании их в опубликованном порядке, однако ни Всероссийского, ни местного Казанского съезда таких уже зарегистрированных обществ еще не созывались, и следовательно избрания полномочных исполнительных органов всероссийского или местного казанского не было произведено. Таким образом, поэтому Всероссийский т. н. Священный Синод и местное Казанское епархиальное управление, существующие еще на прежних основаниях, во исполнение распоряжений советского законодательства должны были прекратить свое существование и уже во всяком случае не могут иметь решительно никакого официального значения даже как обычный представительный орган определенной общественной группы, от которой они еще не получили ни избрания, ни уполномочия.

Принимая во внимание цитированное разъяснение 5-го Отдела НКЮ, пока имеют законное существование только отдельные общины, все обновленческие и православные совершенно равноправные, а я как епископ единомышленных со мной общин имею даже больше прав, чем различные ныне существующие обновленческие учреждения, потому что советским законодательством, как видно из цитированных справок, добровольное подчинение епископу граждан допускается, а учреждения, не избранные зарегистри-

ровавшимися согласно новой инструкции обществами не допускаются и к существованию.

Вот мотивированные причины моего неподчинения и непризнания так называемых Священного Синода и епархиального управления, которые для моей религиозной совести, опирающейся на самосознание Вселенской Православной Церкви, и для моих гражданских отношений, регулирующихся изданными правительственными актами, являются чуждыми раскольническими учреждениями, совершенно незаконно называющимися представительными органами Православной Российской Церкви.

Казань, 26 ноября 1923 г.

(РГИА, ф. 831, оп. 202, л. 13-15об)

ЗАПРОС В 5-Й ОТДЕЛ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ЮСТИЦИИ РСФСР

декабрь 1923 года

В дополнение к своему запросу, поданному мною в НКЮ РСФСР в сентябре н. г., имею честь просить 5-й Отдел дать мне разъяснение по следующим вновь возникшим недоуменным вопросам, выяснение которых крайне необходимо для урегулирования взаимоотношений между Православной Церковью и органами местной гражданской власти в виду того, что Православная Церковь в Татреспублике в настоящее время в силу невыясненности многих вопросов, оказывается в гораздо худших условиях, чем мусульманские организации, что, конечно, не может не раздражать православное русское население.

1) 20 ноября с. г. Комиссариатом внутренних дел Татреспублики мне, православному епископу, запрещено служение в храмах вследствие будто бы возбужденного против меня судебного дела в Главсуде за мою принадлежность к патриарху Тихону. Между тем, по справкам оказалось, что в суде никакого судебного дела о мне нет, а есть наблюдательное производство в Татотделе ГПУ, которое начато еще в начале сентября, а запрещение мне объявлено только

в конце ноября, как раз вскоре после получения мною такого же запрещения от обновленческого церковного управления. Я покорнейше просил бы разъяснить мне: закономерно ли данное распоряжение гражданской власти, препятствующее мне, свободному гражданину, осуществление мною моих религиозных потребностей, и сохраняют ли свою обязательную для всех силу прежде изданные законы и разъяснения центральной власти о предоставлении гражданам полной свободы совести, как то п. 2 основного декрета об отделении Церкви от государства от 23 января 1918 г., ст. 125 Уголовного Кодекса и циркуляр от 28 февраля 1919 г. № 123037.

2) Может ли считаться преступлением, караемым ст. 62 Уголовного Кодекса, принадлежность в религиозном отношении к патриарху Тихону, признание его своим религиозным главой, раз он свободно служит в Центре на глазах у власти и беспрепятственно осуществляет свои права, и его руководящие мнения с полным его титулом печатаются на столбцах официальных органов печати, и повсеместно, кроме Татреспублики, совершается возношение его имени за богослужениями. О характере моего отношения к патриарху Тихону мною было публично объявлено в воззвании к казанской пастве, напечатанном в местных казанских Известиях (текст этого воззвания представлен мною в НКЮ РСФСР при запросе в сентябре), и моя точка зрения по этому вопросу получила оправдание в центральных Известиях. Можно ли в данном случае полагаться на только что изданную НКВД и НКЮ инструкцию от 19 июля с. г., коей допускается на территории Советской России равноправное существование наравне с живой, древлеапостольской, трудовой и т. д. и староправославной Церкви, и сохраняют ли свою силу и обязательность для всех местных органов советской власти разъяснение 5-го Отдела НКЮ от 25 августа 1922 г. № 512 о предоставлении гражданам полной свободы в их внутреннем церковном самоуправлении и невмешательстве в вопросы церковной иерархии, лишь бы только не нарушались основные законы и права отдельных граждан.

3) Сохраняет ли за собой обязательную силу указанное выше разъяснение 5-го Отдела за № 512 относительно регистрации епископа, осуществляющего свои епископские права с 1920 года по отношению к избравшим его своим епископом православным общинам.

Новая регистрация религиозных обществ, которые зачисляли меня своим епископом, еще не утверждена, несмотря на то, что все объявленные законом сроки для этого уже прошли, ранее изданных обязательных требований о такой регистрации не было, и я продолжал ведать примыкающими ко мне религиозными общинами до перерегистрации их в религиозные общества на основании выше указанного разъяснения 5-го Отдела, тем более, что согласно Инструкции НКВД от 19 Июля п. 3 религиозные общины и не обязаны непременно перерегистрироваться в религиозные общества.

4) При зарегистрировании религиозных обществ может ли НКВД отводить по своем усмотрению избранных обществами духовных лиц, не опороченных по суду и не лишенных своих гражданских прав, если согласно ранее изданным законоположениям, за все происходящее в обществе и храме, отвечает само общество в обычном судебном порядке. Должно ли общество представлять на утверждение в НКВД новых своих священнослужителей, избранных ими по смерти или уходе от них ранее зарегистрированных, и таким образом, вводится ли с изданием закона о регистрации религиозных обществ новый порядок, именно, несмотря на отделение Церкви от государства, обязательное утверждение органами местной гражданской власти духовных лиц в их должности.

(РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 248, л. 6–7)

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ ТАТРЕСПУБЛИКИ

февраль 1924 года

1. В настоящее время по всей ТР кантонные Управления объявляют под расписку представителям православных религиозных общин о привлечении меня к суду по ст. 62 и 123 Угол Код., а потому предлагают общинам отказываться от меня как о своего епископа и выбирать себе и представлять для зарегистрирования в НКВД другого епископа, причем делается намек, чтобы общины записы-

вали обновленческого архиерея, так как со староцерковными архиереями общины будто бы регистрироваться не будут.

Вопрос о регистрации православных обществ тянется в ТССР с июня месяца. Я спрашивал еще летом и в ГПУ и в НКВД, не будет ли со стороны гражданской власти отвода меня как религиозного руководителя общин староцерковного направления, и мне везде ответили, что отвода не будет. Тем не менее, ни одно православное общество до сего времен и не зарегистрировано, тогда как общества всех других вероисповеданий уже зарегистрированы. Теперь из объявлений Отделов управления как будто выясняется, что причиной задержки в регистрации было мое имя, хотя до декабря истекшего года мне никто не предъявлял никаких обвинений и против моего руководительства общинами формально никто не возражал. Да и теперь все обвинения меня по ст. 62 Угол. Код. базируется на том, что я примыкаю в религиозном, а в отнюдь не политическом отношении к патриарху Тихону, но я уже подал прокурору и наркому юстиции ТР свое письменное возражение против этого обвинения, и, как мне известно, прокурор еще не дал своего заключения о моем деле, как не было и судебного постановления о лишении меня прав, в частности, прав быть руководителем в религиозном отношении верующими. Кроме того, принимая во внимание прилагаемую при сем выписку из газет о беседе с пред. уг. код. коллегии Верх. Суда тов. Галкиным о полной лояльности патриарха Тихона за последнее время, должно совершенно отпасть всякое основание к привлечению к ответственности и религиозных последователей патриарха Тихона. Таким образом, Отделы Управления еще до судебного решения уже лишили меня прав епископа православных общин с явным и определенным намерением поддержать обновленческого епископа, как ранее в ноябре НКВД запретил мне до судебного разбора дела совершение богослужений вопреки ст. 125 Уг. код., которая гласит: «Воспрепятствование исполнению религиозных обрядов, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательствами на права граждан, сопровождается принудительными работами на срок до шести месяцев», а циркуляром НКВД от 28/11-1919 г. № 123037 было объявлено, что «каждый гражданин и гражданка получают право исповедовать по своему убеждению любую религию, поскольку религиозные действия не

сопровождаются контрреволюционными и уголовно наказуемыми деяниями». А так широко объявленная в июне 23 года Инструкция НКВД и НКЮ, авторитетно запрещает всем государственным установлениям путем административного вмешательства поддерживать какой-либо культ, или какое-либо церковное управление в ущерб другим культам или религиозным группировкам (п. 7), а всех нарушающих законы о свободе совести, привлекать к ответственности (п. 8). Эта Инструкция и дала нам, староцерковникам, основание добиваться свободы в своей религиозной ориентации и утверждения наравне с другими своих общин.

Я просил бы Вас выяснить окончательно и объявить всем, могут или нет в ТР свободно существовать религиозные общества староцерковного направления, а священнослужители, не лишенные права по суду, свободно отправлять религиозные обряды и публично совершать богослужения, и законны или нет распоряжения органов административной власти, касающиеся чисто внутренних дел Церкви, именно запрещения священнослужителям совершение богослужения и еще до судебного определения отстранение их от исполнения ими своих обязанностей, и тем самым определенно поддерживающих и насильственно подчиняющих православных чуждым для их религиозной совести лицам и учреждениям. НКЮ РСФСР в разъяснении от 25 августа 1922 г. за № 512 утверждает, что «Советское законодательство и государство не вмешивается в вопросы церковной иерархии, предоставляя им в делах внутренней организации и устройства полную самостоятельность». А всем предыдущим законодательством было утверждено за общинами право свободного выбора священнослужителей, и за все происходящее в храме и в общине возлагается ответственность на самих верующих.

2. В НКВД в декабре истекшего года было сообщено представителю Спасо-Преображенского монастыря в кремле, что предполагается закрыть в ограде монастыря кладбище и самый монастырь, храм запечатать и всех живущих выселить. 26 февраля в развитие этого разговора было получено из НКВД срочное предложение за № 2686 «представить договор, заключенный группой верующих с властью при проведении декрета об отделении Церкви от государ-

ства, а также описи имущества монастыря». Таким образом, вопрос о закрытии монастыря очевидно поставлен на очередь.

В настоящее время Спасо-Преображенский монастырь в собственном смысле не существует, сохранились только церкви, и для совершения богослужения состоит один священнослужитель, и проживает несколько человек для охраны церквей. За время с 1918 года церкви были взламываемы до 15 раз, все помещения совершенно разбиты, остались буквально одни стены. Таким образом использовать помещения без колоссального ремонта не представляется возможным, а убрать и тех немногих сторожей, которые даже ночуют в церквах для охраны, значит подвергнуть церкви полному разрушению. Печати, как показал опыт, не помогают. Именно для лучшей охраны церквей по просьбе Общества археологии при Казанском университете с разрешения Совета укрепленного района в мае 1919 года и было допущено проживание в монастыре нескольким лицам. Храмы использовать под общекультурные учреждения нельзя, они все построены в XVI веке. Кроме того, в ограде монастыря есть кладбище, которое едва ли может быть сейчас же уничтожено, так как здесь есть погребения прошлого года, а неприкосновенность могил по советскому законодательству сохраняется, по крайней мере, в течение 40 лет. Следовательно, этот уголок должен на продолжительное время сохранить свой религиозный характер, а потому и смысл закрытия его будет явно противоречить вышеуказанной Инструкции НКВД и НКЮ, которая предусматривает закрытие храмов при условии использовании их «для реально соответствующего учреждения и притом имеется физическая возможность (средства) для этого приспособления» (п. 4).

В силу изложенного я просил бы Вас сделать распоряжение о прекращении дела о закрытии церквей б. Спасо-Преображенского монастыря. Общине, взявшей в свое ведение храмы Спасо-Преображенского монастыря, крайне необходимо иметь уверенность в неприкосновенности своих храмов потому, что сейчас приходится платить налоги за здания и землю, а раз идет речь о возможном закрытии, то, конечно, отпадет и всякая охота изыскивать средства.

Казань, « » февраля 1924 года.

Епископ Иоасаф.

(РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 248, л. 3—4об)

ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ ЕПИСКОПА ИОАСАФА

[...] политическим прошлым — совершенно неосновательно и может показаться и не беспристрастным, что, конечно, недопустимо в судебном разбирательстве и в обвинительном акте.

Далее, в чем же проявляется у меня борьба за власть в епархии, и чем она могла бы быть предосудительной. В Казани епископом я с 1920 года, почти все верующие, как видно из соотношения количества православных и обновленческих общин, разделяют мою точку зрения на новое движение в Церкви и при подаче заявлений о регистрации вновь подтвердили свое отношение ко мне как к своему епископу. Кто же с кем при таком положении дела борется, и кто может считаться виновным в такой возможной борьбе за власть в Казанской епархии, как нарушитель общественного спокойствия. Тот ли, что избран почти всем казанским населением, или тот, кто, явившись со стороны вопреки воле народа, против желания народа, раздражая народ, старается всеми средствами — клеветой, запугиванием, политическим наветом очернить своего противника — меня, вовлечь в эту интригу народные массы и тем отколоть на свою сторону ту или иную часть верующего населения, которую потом направить против другой части населения. Я уже просил Вас разъяснить мне по поводу представленного Вам документа из обновленческого Казанского епархиального управления с ссылкой на Ваше разъяснение о том, что Вами действительно было запрещено возгласное поминовение меня за богослужениями в православных храмах, о чем епархиальное управление оповестило всю Казанскую епархию, и оказывается, такого запрещения с Вашей стороны делаемо не было. Вот доказательство неблаговидности обновленческих приемов борьбы, в которую вмешиваются без их ведома и судебные инстанции. При таком положении судебная беспристрастная власть должна как будто бы встать против захватчика и возбудителя народных масс, злоупотребляющего именем высшей судебной инстанции в Татреспублике, если же власть нашла нужным и закономерным вмешаться в эти внутрицерковные

интриги, а не осуждать того, кто спокойно сохраняет принадлежащее ему народным избранием положение и при всех, возникавших в течение 6-ти лет недоразумениях, старался путем личных переговоров, не вовлекая народную массу, урегулировать взаимоотношения между Церковью и отдельными гражданскими учреждениями Казанской епархии.

Наконец, мне ставится даже в вину то, что я представлял к наградам некоторых духовных лиц. Так неужели эта чисто церковная мелочь может иметь какое-либо государственное значение? Неужели даже в этой области православный епископ не может быть самостоятельным, что, однако, так авторитетно было гарантировано целым рядом законоположений и разъяснений, в частности, хотя бы тем же уже несколько раз здесь цитированным разъяснением НКЮ за № 312. Если же в подборе представленных мною к наградам лиц хотелось бы усмотреть определенную с моей стороны тенденцию, то мною были представлены лица за их церковную службу, без всякого отношения к их политическим убеждениям. В частности, в ГПУ обращено особое внимание на представление мною к награде протоиерея Мансуровского за его стойкость в Православии, то как раз этот протоиерей единственный из рядового духовенства епархии выступил с печатным призывом жертвовать церковные ценности на голодающих, ведь отношение к этой операции является в моем деле первым признаком политической благонадежности.

Резюмируя все изложенное выше, я утверждаю, что в моем деле рассуждения касаются чисто церковных вопросов, вопросов внутреннего церковного распорядка и нет ни одного факта, подтверждающего мою действительную преступность в политическом отношении, потому что и на самом деле вся моя церковная деятельность всегда преследовала исключительно одни только церковные цели. Я стал популярен только потому, что очень непопулярно в народной массе обновленческое движение в Церкви, представители которого так беззастенчиво борются со мной. Борьба у православных с обновленцами повсеместна, и везде она ведется не в пользу обновленцев. Например, в Москве из 300 церквей у обновленцев только 5, в Нижнем Новгороде, Самаре, Астрахани по 3—4 церкви, в Костроме обновленцев, кажется, вообще нет. Сочувствие

верующих Православию зависит не от тех или иных лиц, стоящих во главе Православной Церкви, а от религиозных убеждений самих верующих, отвергающих обновленчество по чисто религиозным мотивам. Всякие же налагаемые на православных репрессии еще более возбуждают верующее население против обновленцев, потому что их считают главными виновниками всех бедствий Православия в последнее время, так как они, главным образом, в целях успеха своей борьбы, и печатно и устно клевещут на нас, православных, обвиняя всех нас в контрреволюции. Обновленцы всеми (отвергаются?— *А. Ж.*).

Меня спрашивают, почему я раньше, до раскаяния самого патриарха Тихона, не отказался от его противоправительственной деятельности, я опять-таки уже показывал, что тогда никто меня об этом не спрашивал и не допрашивал, а сам я никогда по собственной инициативе в печати не принимал участия, да и судить патриарха я не мог, во-первых, потому что за это дело взялись обновленцы и под покровом борьбы с «тихоновщиной» задумали провести целый ряд неприемлемых для нас, православных, реформ, и верующие меня тогда могли бы также причислить к обновленцам, к которым я никакого отношения не хотел и не хочу иметь, во-вторых, по наших церковным законам судить архиерея могут только 12 архиереев, а судить патриарха вправе только Собор. Если бы был созван православный, а не партийный обновленческий, Собор, и я на нем участвовал бы, то там я высказал бы свою точку зрения о ненормальных отношениях между гражданской и церковной властями.

Принадлежность же к патриарху Тихону как к религиозному главе не зависимо от его политических воззрений, мне кажется, не может считаться преступлением, если последним разъяснением 5-го отдела НКЮ РСФСР на Ваш запрос относительно поминовения патриарха Тихона за богослужениями было разъяснено, что такое поминовение могло бы быть преступным только в том случае, если бы оно сопровождалось публичным восхвалением его контрреволюционной деятельности с призывом следовать за ним как за определенным политическим вождем. Между тем, в моем деле не указано ни одного случая, чтобы где-нибудь, когда-нибудь и каким-нибудь способом я касался одобрительно о прежней политической

деятельности патриарха Тихона. В деле есть один письменный документ, адресованный на мое имя от патриарха Тихона, но и этот документ как раз подтверждает мое показание, что мое отношение к нему касалось вопросов только церковного характера, так как этот документ разъясняет мне недоуменные вопросы о взаимоотношениях между собою епископов Казанских и Чув[ашской] области и об отношении православных к обновленцам. Кроме того, как мне известно, существующий при патриархе Тихоне так называемый Священный Синод легализован гражданской властью и деятельность его проходит под наблюдением уполномоченного ОГПУ Тучкова. А раз эта патриаршая организация легально существует, то почему же я не могу принадлежать к ней? Ведь было бы совершенно невозможно допустить, чтобы в центре РСФСР, в Москве открыто существовала организация, «действующая в целях свержения Рабоче-Крестьянского Правительства» (ст. 62), за деятельностью этой организации следил бы правительственный агент и ей безнаказанно и открыто дозволялось бы сноситься со всеми пунктами СССР.

Таким образом, как мною было публично заявлено, так и в деле я продолжаю показывать, что мои отношения к патриарху Тихону были и есть исключительно религиозного характера, как к своему религиозному главе, который совершенно открыто, на глазах у высшей гражданской власти в Москве осуществляет свои религиозные права по отношению к тем верующим Православной Российской Церкви, которые признают его своим высшим религиозным руководителем. И такое мое отношение к патриарху Тихону было отмечено и на страницах Центральных Известий СССР в № 267 (2004) от 23 (?) ноября 1923 года, и там оно не заклеймено преступным, а, напротив, отмечено как отрадное с общественной точки зрения.

Ст. 123 Уголовного Кодекса предусматривает преступления религиозных или церковных организаций, которые присваивают себе административные, судебные или иные публично-правовые функции или права юридических лиц. В качестве фактического материала против меня в подтверждение действительного нарушения мною этой статьи указано, что я продолжаю ведать некоторыми православными общинами, организую вокруг себя контрреволю-

ционное духовенство и, с целью более тесного сближения с ним, представлял их к награде, и направил в Чувобласть епископа Тимофея, который теперь за что-то привлекается к ответственности Чувотделом ГПУ.

Спрашивается, почему же собственно я не могу ведать православными общинами и духовенством, примыкающим ко мне, как к своему епископу? И каким законом — или специально опубликованным разъяснением — установлен в отмену бывших узаконений особый порядок выбора православными общинами своего епископа и получения им на то специального утверждения органов гражданской власти. Я живу в Казани беспрерывно с 1911 года, с 1920 года состою епископом, и никогда и никакое учреждение не ставило мне в обязанность получать откуда-нибудь какое-либо утверждение в своей должности, и никогда и никто не привлекал меня к ответственности как незаконно присвоившего себе не принадлежащие права. Более того, в октябре 1923 года мною был подан в Совнарком АТССР проект устава для зарегистрирования объединения православных общин... [неразб.] обществ, но это проекте был утвержден потому, что как выяснилось впоследствии, на основании разъяснения 5-го Отдела НКЮ РСФСР от 25 августа 1922 г. № 512 «высшая иерархическая организация всех церквей (римокатолической, евангелическо-реформаторской, греко-православной и т. п.), как то: епархиальная, диацезальная, центральная, не подлежит регистрации со стороны советской власти в РСФСР в виду системы отделения Церкви от государства... Советское законодательство и государство не вмешивается в вопросы церковной иерархии, образовавшихся на его территории религиозных групп, предоставляя им в делах внутренней организации и устройства полную самостоятельность, вплоть до провозглашения себя автономной, ни от кого не зависимой церковной общиной... Подчинение отдельной группы граждан, а также и священнослужителей своему епископу является в РСФСР, как и по всей западной Европе, совершенно добровольным». Новый порядок зарегистрирования служителей культа религиозных обществ у нас в Татреспублике пока не проводится в жизнь, и наши православные общины, подавшие заявления о перерегистрации их в религиозные общества и указавшие в своих спи-

ских меня как своего епископа до сих пор не получили утверждения, хотя все объявленные для сего законом сроки прошли, и эти общины, таким образом, остаются пока при старом положении на правах религиозных общин, по отношению к которым должно иметь всю свою обязательную силу цитированное разъяснение НКЮ за № 512. Ведал же я примыкающими ко мне по сходству наших религиозных убеждений православными общинами единолично, без какой бы то ни было особой состоящей при мне организации, и осуществлял по отношению к этим общинам и добровольно подчиняющимся мне священнослужителям чисто духовные иерархические свои права, не присваивая себе никаких публично-правовых норм, о чем не должно быть никаких данных и в деле, нет на это фактических указаний и в предъявленном мне обвинении.

Итак, я в своей деятельности не выходил из границ предоставленных мне законом прав иерарха определенного религиозного направления, каким же образом я могу подпасть под действие 123 ст., карающей именно религиозные организации, присваивающие себе публично-правовые нормы. Или когда было отменено выше цитированное разъяснение 5-го отдела о закономерности и безнаказанности осуществления епископом своих иерархических прав по отношению к добровольно подчиняющимся ему граждан и духовенству. А ведь в этом разъяснении сказано, что даже «налагаемые церковной властью канонические кары и наказания за непокорность и неподчинение духовной власти в роде отлучения, интердикта, низложения, лишения должности и т. д. не имеют никакой юридической силы в РСФСР, потому что не от епископа, а от самой группы верующих зависит сделать свободный выбор между епископом или угодным группе священнослужителем». И если высшим компетентным юридическим учреждением указано, что архиерейская административная деятельность, не выступающая за пределы внутренней церковной жизни, не имеет юридического значения, то на каком же основании можно применять ко мне статью, карающую именно за присвоение себе не присвоенных законом прав юридического лица.

Следовательно, ст. 123 не должна иметь решительно никакого отношения к моей деятельности: она имеет своим объектом организацию, а я один из одного себя, естественно, никакой организации составить не могу, она карает за присвоение прав юридического лица, а архиерейское благословение, или посвящение в духовные степени, или возложение духовного знака отличия к понятию публично-правовых функций, конечно, подойти никак не смогут.

Далее, мне в предъявленном обвинении ставится в вину, что появившийся летом 1923 года в Чувобласти епископ Тимофей теперь привлекается к ответственности Чуботделением ГПУ по неизвестно для меня какому делу. Но какое мне дело и как я могу отвечать за другого человека и его деятельность? Я еще в сентябре истекшего года письменно заявлял Татотделу ГПУ, что я отказываюсь отвечать за преступные деяния отдельных примыкающих ко мне, как к епископу, членов православных общин, да и не одно законодательство в мире не дает (делает?— *А. Ж.*) ответственным одного человека за самостоятельные преступные деяния другого, даже отца за преступления сына: как же можно возлагать ответственность на одного гражданина за преступную деятельность другого. Я мог бы отвечать за деятельность епископа Тимофея в том только случае, если бы было доказано, что он совершил преступление при моем участии, содействии или по моему настоянию, но фактов такого характера в деле не должно быть и в обвинении ссылок на них нет, потому что с епископом Тимофеем у меня отношения были самые отдаленные. Если же мне ставится в вину самое появление в Чувобласти такого, как бы ненадежного в политическом отношении человека, как епископ Тимофей, то уже в этом деле я не имел решительно никакого участия, и для меня самого этот факт был большой новостью спустя 2 месяца после его совершения. Епископ Тимофей был избран в епископы из священников Чувобласти группой чувашских священников-обновленцев и был командирован в Москву для посвящения обновленческим Казанским епископом Алексеем весной прошлого года, и, по словам е[пископа] Тимофея, на его пребывание в Чувобласти в качестве епископа была согласна и гражданская областная власть. Ко мне, как к старейшему в нашей местности православному епископу, он явился уже епископом спу-

стя 2 месяца после своего посвящения, но в виду возникших у меня недоумений относительно его посвящения я для подтверждения его епископского достоинства предложил ему отправиться к патриарху Тихону как к нашему общему религиозному главе, который и подтвердил законность его посвящения. Мое руководительство епископом Тимофеем проявилось в сообщении ему как новому епископу епископских прав в Советских Республиках на основании советского законодательства, и была выражена просьба, чтобы он в своей церковной деятельности не нарушал добрых отношений между русским и чувашским духовенством в области, и вообще поддерживал бы добрые традиции в церковной жизни Казанской епархии, которая за все 6 лет существования советского строя ни одного раза не вызывала конфликтов между гражданской и церковной властями. Вот и все мое отношения к е[пископу] Тимофею, и иных отношений к нему у меня не было, и сами обвинители их не указывают. Вследствие этого я совершенно недоумеваю, в чем здесь может быть усмотрена моя преступность. Если преступно само появление епископа Тимофея в Чувобласти, то пусть привлекаются к ответственности те лица, которые его избирали и посылали в Москву для посвящения в архиереи; если он действительно совершил какое-нибудь преступление, то об его поступках я не имею никакого представления и к его деятельности я не имел никакого касательства. Если же мне ставится в вину, что я посылал его для разрешения вопроса об его посвящении к патриарху Тихону, а не к обновленцам, то это опять старый вопрос о закономерности отношений по религиозным вопросам к патриарху, что уже было разобрано мною выше.

Далее в обвинении указано, что я встал в оппозицию к возникшему в Церкви обновленческому движению, которое задалось целью сделать Церковь будто бы исключительно «религиозной организацией», и с этого времени борюсь с обновленцами за сохранение своей власти в Казанской епархии. В силу же своего будто бы контрреволюционного настроения я в этой области встал в близкие отношения к контрреволюционным кругам и приобрел популярность в контрреволюционных массах.

Здесь противопоставлены два направления в Церкви — старо-православное, к которому принадлежу я, огульно обвиненное в сочувствии к политической контрреволюции, и обновленческое, будто бы исключительно религиозное, видимо, считающееся в политическом отношении вполне надежным. Но я в указанном выше воззвании к казанской пастве определенно заявил, что «тот, кто хочет Церковь как организацию, как союз верующих использовать в своих земных целях и толкает ее этим на путь антихристианский, тот омирщает этот богочеловеческий союз, превращает Церковь в обычное человеческое учреждение; тому Церковь, как таковая, не важна и не дорога». Я призывал всех верующих, следующих за мной, беречь наши церковные организации, чтобы они были «свободны от всяких подозрений в каких-либо противогосударственных выступлениях, и мы должны, писал я, по долгу своей совести заявить, что раз навсегда отрекаемся от того антинравственного в последних событиях в церковной жизни, что называют «тихоновщиной». Чем же я нарушил такое свое обещание? В чем фактически проявляется моя контрреволюционность в церковной деятельности? И мне кажется все же рискованным такое предположение обвинения, что я возглавляю верующих не только определенного религиозного направления, но и определенного политического, именно контрреволюционного настроения. Ведь к старообрядческому направлению принадлежат из 47 общин г. Казани 42, в том числе верующие рабочие всех заводов и фабрик г. Казани, из Арского кантона — все общины за исключением 9-10. К обновленцам примыкает в Казани только 5 храмов с небольшим количеством верующих. Спрашивается,— ужели почти вся православная Казань и все верующие рабочие, и почти весь Арский кантон, и очень многие общины других кантонов примыкающие ко мне,— контрреволюционеры? А среди всех их я, видимо, популярен потому, что они ни за что не хотят примыкать к обновленческому архиерею.

Такое огульное обвинение православных, ничем себя в подавляющем большинстве не скомпрометировавших, и такой доверительный отзыв об обновленцах, в среде которых большинство... [неразб.]

(РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 202, л. 21-24об)

ИЗ ПИСЬМЕННОГО ОТВЕТА ЕПИСКОПА ИОАСАФА НА ВОПРОСЫ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ (НКЮ ИЛИ НКВД)

[...]

3) *Тихон, действуя «по св. канонам Церкви, меняет свои убеждения и кается. Выдержал ли он свою «христианскую» линию?*

Я читал в газетах, что патриарх Тихон ссылался на каноны по вопросу о церковных ценностях и заявлял о своем личном понимании этих канонов (самого послания я не видел), теперь он признал свою ошибочность в толковании канонов. Патриарх Тихон, как человек, конечно, может и ошибаться, и если бы он упорствовал в своих ошибках, он не был бы достоин своего звания. В православном учении нет догмата о непогрешимости пап. Не ошибается только тот, кто ничего не делает. Ошибаются в толковании законов и авторитетные юристы, в предотвращение таких ошибок и существует юридическая наука, а в церковном законодательстве есть соответствующая наука — каноническое право. Апостол Петр отрекся от Христа, раскаялся, и Христос простил его и поручил ему пасти овец. Очевидно, и Верховный Суд так же посмотрел на сознание патриархом Тихоном своей неправоты и нашел возможным освободить его из-под стражи и дать возможность открыто совершать богослужения и проповедовать. Теперь с наступлением мирных условий жизни, когда возможны съезды, собрания, соборы, думаю, что и в церковном центре не будут повторяться подобные бывшим ошибки и личное мнение одного будет проверяться мнением других, таким образом, общим советом, после всестороннего обсуждения, приниматься те или иные решения.

4) «Взять на себя ответственность за всякого рода антиправительственные выступления и действия со стороны лиц и групп верующих, примыкающих ко мне»,— в таком широком масштабе я, конечно, не могу. По всем существующим законодательствам отец не отвечает за своего сына, и, конечно, ни один духовный руководитель не может отвечать всецело за поступки своих пасомых, тем

более, когда они исчисляются сотнями тысяч. Я могу взять ответственность за то учреждение, которое могло бы сорганизоваться при мне и которое должно бы было помогать управлять церковными делами примыкающих ко мне церковных общин. Я готов строго следить, чтобы это учреждение было в политическом отношении совершенно безупречным. Я могу дать обещание призывать все церковные организации и духовенство быть безупречными гражданами. Но если кому из многочисленных примыкающих ко мне верующих вздумается где-нибудь совершить преступление, конечно, отвечать за него я не могу: он сам имеет разум, и за свои поступки он один и должен отвечать. В Татотделе ГПУ мне неоднократно заявляли, что отвечать за других я не могу, что могут помимо моей воли мое имя использовать в преступных целях. Я эти предупреждения вполне принимаю и беру ответственность только за свои поступки и за направление деятельности того учреждения, которое могло бы быть при мне, под моим непосредственным надзором.

К патриарху Тихону я посылал за благословением начать открытое совершение богослужений до своего обращения в НКВД. Получив благословение от патриарха Тихона, я словесно спрашивал разрешение в НКВД, что и получил так же на словах.

Епископ Иоасаф.

(РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 202, л. 25—25об)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. о старце Гаврииле (Зырянове) примеч. 55 на с. 157.

[2] Клировая ведомость монастырей Казанской епархии 1912 г. Пострижение в монашество Иоанна Удалова с именем Иоасаф состоялось 2 августа 1910 года. 3 августа он был рукоположен во иеродиакона епископом Острожским Гавриилом, викарием Волынской епархии. 6 августа 1910 г. иеродиакон Иоасаф был рукоположен архиепископом Антонием во иеромонахи. Указом Св. Синода от 14 августа 1910 г. назначен на должность преподавателя Житомирского памяти Иоанна Кронштадтского пастырского училища. 29 октября 1910 г. награжден набедренником. Архиепископом Казанским и Свияжским Иаковом (Пятницким) 24 сентября 1911 г. по представлению ректора КазДА епископа Алексия (Дородницына), назначен на должность помощника инспектора КазДА. Указом Святейшего Синода от 11 июля 1912 г. назначен исполняющим обязанности на-

стоятеля Казанского Спасо-Преображенского миссионерского монастыря с возведением в сан игумена.

[3] Митрополит Казанский и Свияжский Ефрем, ближайший помощник святого патриарха Ермогена в борьбе против самозванца и польских интервентов. После мученической кончины патриарха Ермогена, именно митрополиту Ефрему принадлежала вся полнота патриаршей власти. Он председательствовал на Освященном соборе, совершил 11 июля 1613 г. венчание на царствование Михаила Феодоровича Романова; под Уложенной грамотой об избрании на царство Михаила Феодоровича первой стоит подпись именно митрополита Ефрема. Внезапно скончался 25 декабря 1613 г. Был погребен на месте обретения мощей св. Гурия Казанского и Варсонофия Тверского, перед алтарем Спасского собора Спасо-Преображенского монастыря в Казанском кремле. Часовня над мощами митрополита Ефрема, весьма чтимого в дореволюционной Казани, устроенная усердием архимандрита Иоасафа, была разрушена еще в 1930-е годы. На месте закрытого монастыря располагалась воинская часть (т. н. Кремлевский гарнизон). 26 сентября 1995 г. при раскопках, проводимых на месте древней усыпальницы Казанской епархией совместно с Министерством культуры Республики Татарстан, были обретены мощи митрополита Ефрема Казанского. Автору этих строк, руководившему раскопками со стороны Казанской епархии, посчастливилось быть свидетелем и участником этого чудесного события. Мощи митрополита Ефрема крестным ходом были перенесены из Казанского кремля в Иоанно-Предтеченский монастырь, а позже — в Петропавловский собор г. Казани, где они ныне почивают в особой гробнице.

[4] *Польский Михаил, прот.* Новые мученики Российские. Т. 2.— С. 181.

[5] Архив КГБ РТ, д. 2-18199, том вещественных доказательств.— С. 346.

[6] Более подробно о священнике Дмитрии Шишокине — см. *Журавский А. В.* Жизнеописания новых мучеников Казанских.— М.: Изд-во им. Свт. Игнатия Ставропольского, 1996.— С. 106—112.

[7] Более подробно о священнике Филарете Великанове — см. там же.— С. 113—124.

[8] О расстреле священника Даниила Дымова — см. там же.— С. 125—131.

[9] Более подробно о священнике Феодоре Гидаспове — см. там же.— С. 132—150.

[10] Жизнеописание епископа Амвросия — см. там же.— С. 56—92.

[11] Позже этот мартиролог, впрочем, не совсем полный (так, например, имя архимандрита Сергия, настоятеля Зилантова монастыря, указано было, а имена убиенных с ним иноков — нет), был помещен в последнем номере «Известий по Казанской епархии» под несколько завуалированным, но всем понятным заглавием: «Скоропостижно скончавшиеся»... Всего за два месяца большевиками было умерщвлено 32 священнослужителя, имена которых известны. Многих от смерти спас только их уход с белочехами.

[12] Епископ Балахнинский Петр (Зверев), позднее — архиепископ Воронежский, принявший мученическую кончину на Соловках 16 февраля 1926 года, был

выпускником КазДА и почитателем старца Гавриила (Зырянова). Архиепископ Петр хорошо знал архимандрита Иоасафа через владыку Антония (Храповицкого), встречался он с архимандритом Иоасафом и у схиархимандрита Гавриила.

[13] Архиепископ Афанасий (в миру — Александр Антонович Малинин), сын священника, родился 1 марта 1884 г., окончил Пермскую ДС и КазДА (1908), доцент КазДА, с августа 1916 г.— настоятель Иоанно-Предтеченского монастыря г. Казани с возведением в сан архимандрита. Весьма почитался единоверцами, которые предлагали ему стать их епископом. Епископ Чебоксарский (21. 11. 1920), после ссылки епископа Иоасафа — временно управляющий Казанской епархией. После увольнения на покой митрополита Кирилла митрополитом Сергием и Временным патриаршим Синодом — возведен в сан архиепископа (24. 4. 1929) и назначен управляющим Казанской епархии. Архиепископ Ташкентский (23. 3. 1933), Саратовский (11. 8. 1933 — сентябрь 1935). С 1935 г.— в ссылке. В 1939 г. умер в ссылке.

[14] Митрополит Одесский и Херсонский Анатолий (в миру Андрей Григорьевич Грисюк), родился 19 августа 1880 г., сын бухгалтера Кременецкого уездного казначейства, окончил Волынскую Духовную семинарию и Киевскую Духовную академию (1900-1904 гг.) по исторической группе наук. Будучи студентом IV курса академии, пострижен в монашество в Киево-Печерской лавре с наречением имени Анатолий (6 августа 1903 г.). Рукоположен во иеродиакона (15 августа 1903 г.), иеромонаха (30 мая 1904 г.) По окончании КДА — кандидат богословия и и. д. доцента по кафедре общей церковной истории. С 16 августа 1905 по 15 августа 1906 г.— в научной командировке в Константинополе. В августе 1910 г. получает степень магистра богословия за сочинение «Исторический очерк сирийского монашества до половины VI в.». С 29 августа 1911 г. поставляется в архимандрита. С 11 января 1911 г.— экстраординарный профессор по кафедре древней церковной истории. По указу Святейшего Синода с 1912 г. назначен инспектором МДА, с 30 мая 1913 г.— епископ Чистопольский, второй викарий Казанской епархии и ректор КазДА. Хиротонисан был во епископа в храме Христа Спасителя в Москве. С 11 июля 1914 г.— первый викарий Казанской епархии. С сентября 1918 г. по январь 1920 г.— временно управляющий Казанской епархией. 26 марта н. ст. 1921 г. арестован вместе со всей профессурой КазДА по обвинению в нарушении декрета «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» (см. *Журавский А. В.* Казанская церковь в эпоху гонений. Начало испытаний.— Казань: Тан-Заря, 1994 г.) сослан в Москву, заключен в Бутырскую тюрьму, где его жестоко избивали (коридор 7, камера 72). Освобожден в январе 1922 г. вместе с митрополитом Кириллом и послан на Самарскую кафедру. Неоднократно арестовывался. 1924—1927 гг. — ссылка на Соловки. Позже — митрополит Одесский и Херсонский, член Синода митрополита Сергия. В августе 1936 г. арестован и увезен в Киев. Пытки и жестокий тюремный режим так подорвали его силы, что он был лишен возможности самостоятельно двигаться. Перенес крупозное воспаление легких, к концу 1937 г. ослеп, в 1937—1938 гг.— в Ухтпечлаге в КомиАССР. Умер в лагерной больнице 23 января 1938 г.

[15] НА РТ, ф. Р—1172, оп. 3, д. 15. См. Журнал собрания по организации разрешенного к открытию в Казани Богословского института 20/7 ноября 1921 г. под председательством управляющего Казанской епархией епископа Иоасафа.

[16] Более подробно о последних годах существования КазДА и ее закрытии — см. *Журавский А. В.* Казанская Духовная академия в последний период ее существования//Материалы Казанской юбилейной историко-богословской конференции «История и человек в богословии и церковной науке».— Казань, 1996.— С. 95—102.

[17] Примеры этих обращений, появившихся в Духосошественском приходе:

«Православные Христиане! Пора настала вступиться за Святую Веру и Церковь нашу. По происками врага, часть духовенства изменила Православию и, опираясь на безбожников, силою и обманом по всей Руси захватила Церковное Управление, а православных епископов и стойких пастырей сотнями заточила по тюрьмам и ссылкам. Захватчики поработили Церковь безбожникам, а сами, изменив Вере отцов, начинают силой вводить новшества, и уже угрожают преследованием тем, кто не захочет подчиняться. Вселенские Патриархи и прочие православные Церкви за границей, порвали единение с русскими церковными самозванцами и считают их еретиками. И у нас в Казани есть самозванцы и губители Церкви (епископ Алексий, Спирин, Сосунцов, Руфимские, Беллавин, Лебедев), которые, забыв любовь и мир, открыли гонение на истинную Церковь Христову.

Православные Христиане! Гоните от Св. Церкви врагов, хотящих губити ю! Будьте верны Православию, не поддавайтесь их обману, не ходите за их службу и не принимайте от еретиков никаких таинств (крещение, причащение, брак и т. д.), ибо они утратили Благодать и, по правилам Церкви, не священники больше, а простые миряне и еретики!» (Архив КГБ РТ, д. 2-7193, л. 5).

«Архиепископ Алексий — обманщик. Он волк в овечьей шкуре, принявший вид благочестия, но на самом деле шарлатан и мошенник. Народ он обманывает, говоря, что он наместник митрополита Кирилла. Это наглый обман, которым Алексий морочит православных. Не верьте ему — он захватил силою не принадлежащую ему казанскую кафедру, вторгся в епархию и держится нечестным путем. Он ездил на шутовской церковный собор, где выдавал себя за представителя Казанской епархии. Долой самозванца «архиепископа» Алексия» (Архив КГБ РТ, д. 2-7193, л. 4).

[18] Архив КГБ РТ, д. 2-7193, л. 4.

[19] Там же, л. 15.

[20] Там же, докладная записка.

[21] Там же, протокол допроса архиепископа Алексия (Баженова).

[22] Архив КГБ РТ, д. 2-11184, л. 58.

[23] Там же, л. 1-2.

[24] РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 248, л. 5

[25] Архив КГБ РТ, д. 2-7193, постановление Комиссии НКВД от 14/12-23 г. о заключении в концлагерь Крылова, Широкова, Шамшева, Еланского. Игумен

Питирим (в миру — Крылов Порфирий Семенович), родился 26 февраля 1885 г. окончил Тамбовскую семинарию, дальний родственник митрополита Кирилла. Сослан в Соловки, был заведующим тем складом, на котором сосланные епископы писали свое известное Соловецкое послание. В сане архиепископа был расстрелян в Великом Устюге в 1936 или 1938 г.

Иеромонах Иоанн (в миру Андрей Алексеевич Широков), родился 25 ноября 1893 г., окончил Казанский университет, Богословский институт, в январе 1923 г. был пострижен митрополитом Кириллом в монашество, в 1923 г.— сослан на Соловки на 3 года, в сане епископа Волоколамского расстрелян в Москве в 1937 г. Иеромонах Феофан (Еланский), 1897 года рождения, сын священника, постриженник митрополита Кирилла, инок Спасо-Преображенского монастыря, дважды ссылался на Соловки, в сане викария Нижегородской епархии был расстрелян в 1937 г. Иеродиакон Серафим (в миру — Шамшев Сергей Петрович), родился в 1897 г. в Петрограде, воевал в Белой армии, в 1921 г. поселился в Казани, поступил в Ивановский монастырь, был сослан на Соловки в августе 1937 г., будучи епископом Томским, был арестован и, видимо, расстрелян.

[26] РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 248, л. 6—7.

[27] Архив КГБ РТ, д. 2-11184, л. 25.

[28] Там же, л. 89.

[29] Там же, л. 3—7.

[30] Архив КГБ РТ, д. 2-18199, т. 1, л. 249об.

[31] В «Расписании служб при гробе Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея Руси», значилось: «Пятница: 10 ч.— литургия — Епископ Прокопий [Титов], 5 ч.— панихида — Стефан [Гнедовский?], 6 ч.— панихида — Иннокентий [Летяев?], Гавриил [Красновский?]. Суббота: 10 ч.— литургия — Иоасаф [Удалов], 5 ч.— панихида — Борис [Рукин], 6 ч.— всенощная — митрополиты: Петр [Полянский], Сергий [Страгородский], Тихон [Оболенский], Серафим [Александров], епископы Николай, Борис [Рукин], Сергий [Зверев?], Прокопий [Титов].— см. Акты Святейшего Патриарха Тихона...— С. 366.

[32] Акты Святейшего Патриарха Тихона...— С. 416.

[33] *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 2.— Тверь: Булат, 1996.— С. 351.

[34] Полный текст документа публикуется в Приложении.

[35] Дату *18 ноября* называет сам епископ Иоасаф в анкете арестованного.— см. Архив КГБ РТ, д. 2-18199, т. 1, л. 249об. Дату *19 ноября* называет иеромонах Дамаскин.— см. *Дамаскин (Орловский), иером.* Указ. соч. С. 490.

[36] Там же.— С. 490.

[37] Архив КГБ РТ, д. 2-18199, т. 6, л. 46-46об.

[38] Арестованные были осуждены: кто — к трем годам концлагерей (епископы Амвросий (Полянский), Прокопий (Титов), священник Петр Шипков, псаломщик Иоанн Попов, бывший товарищ обер-прокурора Св. Синода Петр Истомин), кто — к трем годам ссылки в Казахстан и Зырянский край (епископы Тихон (Ша-

рапов), Николай (Добронравов), Дамаскин (Цедрик), Гурий (Степанов), Иоасаф (Удалов), Парфений (Брянских), Пахомий (Кедров), священники Николай Покровский, Василий Скворцов, Константин Скворцов, священник Иоанн Скворцов, бывший обер-прокурор Александр Самарин, миряне Владимир Токаревский, Кирилл Матвеев, Федор Челищев), кто — к ссылке на два года (епископ Герман (Ряшенцев), священник Николай Семеняко, диакон Михаил Шик, миряне Лев Хреновский, Иоанн Мещерский), кто — к условной высылке в Зырянский край на 2 года (Константин Виноградов), кто — к лишению прав проживания в шести крупных городах с областями (бывший обер-прокурор Владимир Саблер, известный дореволюционный дипломат Павел Мансуров).— см. *Дамаскин (Орловский), иером.* Указ. соч.— С. 491.

[39] Архив КГБ РТ, д. 2-18199, т. 1, л. 249об.

[40] Там же, л. 249об.

[41] *Осипова И. И.* «Сквозь огнь мучений и воду слез...» Гонения на Истинно-Православную Церковь.— М.: Серебряные нити, 1998.— С. 230.

[42] Там же.— С. 16.

[43] *Амвросий (граф фон Сиверс), еп.* Катакомбная Церковь: «Кочующий» Собор 1928 г. //«Русское Православие».— СПб., 1997, № 3 (7).

[44] Именно как «отказ» рассматривали многие иерархи «молчание» митрополита Сергия на просьбу митрополита Кирилла направить их переписку на суждение митрополита Петра.

[45] Архив КГБ РТ, д. 2-18199, л. 250 об.— 251.

[46] Там же.— л. 250 об.— 251—251об.

[47] Там же.— л. 250 об.— 251об.

[48] Там же.— л. 250 об.— 256—257.

[49] *Польский М.* Указ. соч., т. 2, с. 125.

[50] Помимо епископа Иоасафа были привлечены: Скворцов Александр Яковлевич, 1885 г. р., уроженец с. Нурбаш, ТАССР, отбывающий срок наказания; Сапожников Николай Петрович, 1891 г. р.; Бойчук Андрей Николаевич, 1884 г. р., уроженец дер. Скришили (Польша); Савинский Константин Софронович, 1882 г. р., уроженец Сниткеево, б. Подольской губернии; Егоров Лев Михайлович, 1889 г. р., уроженец Ленинграда; Тумбасов Александр Иванович, 1902 г. р., уроженец Яранска; Юшков Савелий Семенович, 1882 г. р., урож. с. Казанцево, быв. Засибкрая; Цивилева Варвара Панфиловна, 1902 г. р., урож. г. Минусинска, монахиня.

[51] Архив КГБ РТ, д. 2-18199, т. 6, л. 48об.

[52] Архив КГБ РТ, д. 2-15145, л. 75.

[53] Игумения Ангелина (в миру Анна Степановна Алексеева) родилась в 1884 г., дочь мещанина г. Казани, окончила курс в училище в Казани, поступила в Федоровский монастырь и в октябре 1902 г. облечена в рясофор. 17 ноября 1907 г. она последняя настоятельница Федоровского монастыря, поставленная самим епископом Иоасафом и бывшая в монастыре до самого его закрытия в 1928 г. В 1931 г. осуждена на 3 года ссылки (Архангельская, затем Комизырянская

обл.). После освобождения поселилась в Казани, 8 декабря 1937 г. арестована, 15 декабря допрошена и 21 декабря того же года расстреляна.

[54] Архив КГБ РТ д. 2-151445, л. 84, 88 — выписки из протокола 85 заседания Тройки при НКВД ТатАССР от 23 ноября 1937 г. с постановлением о расстреле епископа Иоасафа и отца Николая Троицкого, л. 86, 89 — выписки из актов о приведении приговоров в исполнение 2 декабря 1937 г. в 20 ч. 30 мин.— отец Николай Троицкий, 20 ч. 35 мин.— епископ Иоасаф.

[55] Монахиня Евдокия (Двинских), родилась в 1885 г. в дер. Чиганда, Сарапульского района Вотской обл., из крестьян, с 1903 по 1929 г.— в Богородицком женском монастыре. Затем работала при Серафимовской церкви, помогала митрополиту Серафиму (Александрову) Казанскому (расстрелян в 1937 г.) осуществлять поддержку арестованного и ссыльного духовенства. В 1931 г. осуждена на 3 года ссылки в Архангельск, вернулась в Казань в 1934 г.; — будучи из ближайшего окружения епископа Иоасафа, 29 ноября 1937 г. осуждена на 10 лет ИТЛ.

Монахиня Степанида (Макарова), 1893 г. рождения дочь крестьянина дер. Войкиной, Спасского уезда Казанской губернии, принята в Богородицкий монастырь в 1900 г. облечена в рясофор в августе 1908 г. Несла послушание клиросной и златошвейки. Зимой 1935/36 гг. ездила к митрополиту Кириллу с посылкой и письмом от епископа Иоасафа, получив в свою очередь, от митрополита Кирилла послание епископу Иоасафу. Дальнейшие судьбы монахинь Евдокии и Степаниды — неизвестны.

[56] Текст Декларации цитируется по: *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 2.— Тверь: Булат, 1996.— С. 472-475.

[57] Именно так рассматривали многие иерархи «молчание» митрополита Сергия на просьбу митрополита Кирилла направить их переписку на суждение митрополита Петра.

[58] Выделенная курсивом резолюция содержится на первом листе письма епископа Иоасафа патриарху Тихону. Подписались также: архиепископ Тихон (Оболенский), архиепископ Серафим (Александров), архиепископ Петр (Полянский), архиепископ Иларион (Троицкий).

[59] Ж. Ц.— сокр. Живая Церковь.

АРХИМАНДРИТ АЛЕКСАНДР (УРОДОВ)

Архимандрит Александр (в миру – Георгий Андреевич Уродов, в 20-30-е годы в следственных делах проходил также как Арудов и Орудов) родился, по одним сведениям 23 апреля 1876 года[1], по другим – 4 апреля 1882 года[2] в с. Невежкино Чембарского уезда Пензенской губернии в благочестивой крестьянской семье Андрея Михайловича и Агафьи Алексеевны Уродовых. С детства Георгий был очень религиозен. Окончив земскую школу, он совершил незабываемое паломничество по святым местам. Уже будучи почитаемым старцем, архимандрит Александр в письме схииеромонаху Серафиму (Кошурину) опишет, как в 15-летнем возрасте, 1 января 1891 года он отправился в Киев и четыре месяца до 23 апреля[3] паломничал пешком, начиная с Задонского монастыря. Посетил Воронеж, «...по пути – Ахтырский женский монастырь. В Лубны[4] – ко святителю Афанасию, в Белгород – ко святителю Иоасафу, потом в Переяславль – ко святителю Макарию, в Чернигов – ко святителю Феодосию, потом в Киев – во святую Богосозданную Печерскую Лавру и в прочие киевские монастыри... Также и в Москве был в Кремле, и на служении [будущего][5] Святейшего Патриарха Тихона в Храме Христа Спасителя, где удостоился принять от него благословение»[6]. Особенно отрадным для Георгия было посещение монастырей, в которых не оскудел еще дух истинного подвижничества.

Движимый идеалом монашеского служения, Георгий поступил 17 марта 1895 года[7] в славящийся строгостью устава Санаксарский Темниковский монастырь Тамбовской епархии. Восходя от силы в силу, он прошел различные послушания, прежде чем 30 августа 1911 года был пострижен в монашество с именем Александр, в честь благоверного князя Александра Невского. 8 сентября того же года он был рукоположен во иеродиакона епископом Тамбовским и Шацким Кириллом (Смирновым) и 22 июля 1913 года — во иеромонаха. В монастыре исполнял обязанности казначея. В августе 1914 года был награжден набедренником.

Когда 20 февраля 1915 года скончался настоятель Санаксарского монастыря архимандрит Августин, то 27 мая 1915 года на общем собрании монашествующей братии настоятелем был избран иеромонах Александр. Решение братии было одобрено правящим владыкой архиепископом Кириллом (Смирновым) и утверждено Святейшим Синодом.

20 июля 1915 года, в день памяти пророка Илии, архиепископ Кирилл совершил литургию в храме Рождества Богородицы Санаксарского монастыря. Во время малого входа настоятель обители иеромонах Александр был возведен Тамбовским владыкой в сан игумена.

По окончании литургии архипастырь обратился к новопоставленному игумену и братии с таким напутствием:

«Приветствую вас, братие, с совершившимся признанием высшей церковной властью вашего единогласного избранного брата игуменом нашей обители. Святейший Синод утвердил ваше избрание, а нашею мерностию совершено сейчас на Божественной литургии и самое возведение отца иеромонаха Александра в сан игумена для управления обителью и руководства всех вас ко спасению. Приветствую и тебя, возлюбленный отец игумен Александр, с получением благодати на служение обители в качестве первого ее послушника, в качестве старца, который должен применять свой жизненный опыт, свое проникновение в уставы церковные и исторические, должен являть собою пример исполнения их и вести других ко спасению, должен день и ночь заботиться, чтоб ни одна из пришедших в обитель овец не была погублена хищным

волком и не отдалилась бы от общей пажити. Быть может, найдутся люди, которые скажут: «Какое счастье отцу Александру: в столь молодых годах он уже игумен в обители старой, славящейся строгостью своего устава иноческого жития». Но говорить так можно только забывши слова Христовы: *кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом* (Мф. 20, 26–27). Нет сомнения, что единодушное избрание тебя, молодого иеромонаха, на высокий пост настоятеля является внешним выражением всебратственного признания, что только молодость и сила могут послужить в должной мере осиротевшей обители. Как сильный, ты должен нести немощи братии, и твое настоятельство есть постоянный подвиг служения братии, обители, и через них — Христу Богу. Кто не одолел чего-либо в общем делании, ты должен доделать. Кто согрешил в чем, ты первый в ответе, так как не сумел удержать брата своего в служении истине. На этот подвиг служения братии напутствую тебя и желаю, чтоб Господь дал силу понести подвиг до конца твоей жизни на пользу и всех тех, кто будет приходить в обитель сию, ища духовного утешения.

Как же собственно править тебе врученным стадом? Ответ на это надо искать в Божием слове, в изучении тех порядков, какие апостолы Христовы дали первоначальной Христианской Церкви.

Если вдуматься в то, что такое монастырь, на что он нужен,— станет ясным, что монастырь существует для того, чтоб не исчезла из жизни людей та община Христова, которая существовала изначала. В книге Апостольских Деяний изображается первоначальное устроение этой общины. Там читаем о том, как жили первые христиане (2, 42–46). Они пребывали в учении апостолов, в постоянной молитве и преломлении хлеба. Имели страх в сердце своем пред Богом, и много чудес и знамений совершалось среди них чрез апостолов. У всех все было общее: имения продавались, и вырученные деньги раздавались неимущим. Читая слова эти, начинаем понимать, откуда берет свое начало устав монастырской жизни, и с утешением видим, что первоначальное устройство Церкви Христовой в чистоте хранится именно в обителях. С течением времени жизнь христиан пошла по разным руслам. Пришлось христианам

уклониться от общения в жизни, от единения в имуществе и молитве; характер первоначальной общины стал исчезать. А тут еще переходили в христианство многие из язычников и привносили с собой в уклад жизни свои привычки. Сторонясь этих привычек, ревнующие о Господе стали уходить в пустыню, где и созидали свои общины по примеру первых христиан. И с тех пор стоят монастыри как живые выразители первоначального устройства святой Апостольской Церкви. Там мир со своими делами и заботами, а тут братия с общим подвигом и молитвою, возращающими всех в мире, единодушии и любви.

Этот мир, единодушие и любовь выразительно сказались в вашей среде в единогласном избрании вами своего игумена. И да сохранится навсегда среди вас это великое сокровище. Пусть для этого каждый помнит, что в лице настоятеля вы имеете человека, от Господа поставленного быть свидетелем вашей совести. И хотя бы казалось кому-либо, что у некоторых своего опыта накопилось много, нужно гнать такие мысли как можно дальше. Апостол Павел писал Тимофею, тоже молодому: *Никто да не пренебрегает юностью твоей.* Ваш долг, братие, не считать годы, а помнить наставления апостольские и не пренебрегать тем, кого Бог поставил Своим первым слугою в обители. Ты же *будь образом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте, не неради о пребывающем в тебе даровании, которое дано тебе по пророчеству с возложением рук — священстве. О сем заботься, в сем пребывай, дабы успех твой для всех был очевиден, вникай в себя и в учение, занимайся сим постоянно, ибо так поступая и себя спасешь, и слушающих тебя* (1 Тим. 4, 12—16)».

А далее митрополит Кирилл изрек пророческие слова:

«Но где люди, там и грех; и всякий грех в обители есть скорбь общины больше, чем скорбь грешника. В сегодняшнем Апостольском чтении апостол Павел пишет к коринфянам, как он сделал в свое время распоряжение об отлучении кровосмесника (см. 2 Кор. 2, 4—10). Ищи в этом наставления и себе, как поступить с нарушителями закона. Апостол отлучил кровосмесника от общения с христианами, но потом сам же просит их простить грешника и с общего согласия принять снова в общение. Так точно и ты должен

поступать. Когда будешь встречаться с грехом, смотри на него как на скорбь не только личную, но и всей братии, а потому со всею братиею вместе приноси греху и суд, и прощение. Нужно, чтоб всякий согрешивший чувствовал, что он находится посреди братии, что тяжесть его греха несут и другие, страдающие за него, но любящие и готовые простить его. В этом залог исправления и спасения грешника. Так надо поступать по отношению к грехам явным; но у некоторых концы грехов хорошо бывают похоронены от постороннего взгляда. Пусть и не вылезает грех на соблазн общий, но для игумена он все-таки не должен быть тайной; напротив, к тайному греху должно быть приложено сугубое врачевание единоличным рассуждением игумена, который может и обличить грешника, если это нужно для общего спасения, а может и один понести с согрешившим его тяготу. Господь, *немощная врачующий и оскудевающая восполняющий*, укажет тебе, как в том или другом случае лучше воздействовать на своего брата. Особенно бережно относись к чести и достоинству тех из братий, которые носят священный сан: *Обвинение на пресвитера не иначе принимай, как при двух или трех свидетелях.* Так апостол заповедует Тимофею (1 Тим. 5, 19), а я — тебе. Внимай сему и так вразумляй и свое и братии спасение по мере сил твоих.

Вместе с духовным руководством, соблюдением устава церковного, лежит на игумене забота о пропитании, об имуществе и его сохранении и расходовании. Много поводов представляется в этом случае ко всяким пререканиям. Иногда немощь человеческая дает некоторым из руководителей предлог к тому, чтоб дать ослабу установлениям, что-либо пропустить по службе Божией и т. п. Но памятуй, что ты поставлен не на разрушение, а на созидание своей общины. *Бог не есть Бог неустройства, но мира и порядка* (см. 1 Кор. 14, 33—40), и потому у тебя все должно быть благопристойно и по чину. Блюди чин церковный до конца со всяким страхом и терпением. И если в чем-либо произойдет упущение, возврати положение дела к должному порядку. Слышал ты, например, сегодня, как правился аллилуиарий после Апостола, так правь и всегда, чтоб во время чтения Апостола не развлекать внимание слушателей даже таким делом, как каждение. Когда читается Апостол, пусть все

слушают его со вниманием; а после чтения, во время пения аллилуария, твори каждение, знаменуя тем, что мы насладились благоуханием апостольский наставлений и уповаем еще большего утешения от евангельского благовестия.

У вас устав в общине в общем хорошо блюдется. Но есть намерение у некоторых поспешать в чтении. Между тем, надо заботиться, чтоб всякое слово дошло до сердца слушающего. И на тебе, как настоятеле, лежит наблюдение, чтоб каждый чтец был заранее достаточно приготовлен к исполнению своего послушания. Особенно нужно следить за молодежью, у которой искушение поскорее отчитать действует особенно сильно.

Много работы для настоятеля предоставляет внешняя сторона монастырской жизни, и вот тут-то необходимо иметь меру попечительности. Сегодня евангельское чтение представляет отрывок из той речи, какую говорил Христос книжникам и фарисеям. Они тоже руководили людей ко спасению, были учителями, и их Господь укорял за многие грехи, особенно же за то, что они были вождями слепыми. Вот это искушение будет лежать и на твоем пути. И да поможет тебе Господь Бог избежать его. У них забота о внешнем благополучии оказалась выше заботы о внутреннем состоянии. Старайся проникнуть в эти внешние условия жизни, найти меру — что принадлежит миру, и что должно принадлежать Церкви. Дай тебе Господь найти верный путь в этом распознании мирского и земного от небесного и духовного. Во внешнем обращении с братией будь со всеми ласков. Помни слова Господни: *болий в вас, да будет яко мний; и старей, яко служай и будет всегда не возлежай, но яко служай* (Лк. 22, 26—27), спокоен и терпелив.

Сам Сын Человеческий пришел на землю, чтоб послужить людям. И наш долг отдавать душу свою за врученных нашему попечению. Но такое благодушие не должно выражаться в уступчивости, искательстве и панибратстве. Ты должен нести свой сан как сокровище, врученное Господом Богом, и оказываемую тебе честь должен прилагать не себе, а сану. Поэтому если и старец пожелает почтить твое игуменство особым поклоном, прими его как дань смирения не себе, а Господу Богу, и такую же честь окажи — во имя Господа — его старости. Братию младшую непременно благослов-

ляй всегда и забывшего просить благословение обрати к порядку, чтобы он помнил, что обителью управляет не человеческая сила, а сила Божия. Во всех затруднениях имей совещание со старшей братией и общим решением принимай тот или другой выход. Но если бы оказалось, что собственными силами не разрешите вы того или другого дела, ищи руководства у соседней старшей братии[8], или у отца благочинного и, наконец, у своей епархиальной власти. Всякое новое дело предпринимай с разрешения этой власти. Многое хотел бы я говорить тебе и еще, но на нынешний день довольно.

Прими из рук моих внешний знак твоей власти — вот этот посох. Он должен напоминать тебе и твои права и обязанности. Как пастырь отгоняет от своего стада всякого хищного волка, так и ты должен всячески соблюдать вверенную тебе общину от злых человек. Помни при этом, что у посоха два конца и берегись грозного слова Господня, что *раб тот, который знал волю господина своего и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много* (Лк. 12, 47). В этом напоминание тебе об ответственности на Страшном Суде. Не ослабевай же в молитве и подвиге...»[9]

Служба продолжалась с 8 часов утра до 1 часа дня. Во время речи архиепископа Кирилла игумен Александр с братией стояли у амвона. Вручив жезл новопоставленному настоятелю, владыка благословил насельников обители приветствовать своего нового руководителя. Слово архиепископа Кирилла произвело на иночествующую братию и всех присутствовавших сильное впечатление. Владыка остался в святой обители на ночь, а утром 21 июля выехал в Казанский монастырь.

10 апреля 1916 года игумен Александр был награжден наперсным крестом, а 20 июля 1917 года — палицей.

Революционные события февраля и октября 1917 года игумен Александр не приветствовал. В марте 1918 года часть революционно настроенной братии во главе с иеромонахом Владимиром, заручившись у власти большевиков согласием на избрание нового игумена, восстала против своего настоятеля. Братия отстранила игумена Александра на основании того, что он «не признает советской власти», и избрала нового настоятеля — казначея иеромонаха

Венедикта. Однако поскольку епархиальная власть не поддержала подобных революционных действий, часть братии обратилась к гражданской власти за поддержкой. И нашла ее, взамен на... выплаченные монастырем контрибуции.

Устного заявления трех граждан (иеромонаха, послушника и милиционера) о контрреволюционности игумена Александра было достаточно для принятия решения об его аресте. Народный военно-революционного трибунал Темниковского уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 14 (27) марта 1918 года постановил: «Сего числа в Военно-революционный трибунал явились иеромонах Санаксарского мужского монастыря Владимир, послушник того же монастыря Константин Васильевич Козлов и красноармеец находящийся при монастыре Гавриил Афонин и заявили, что настоятель вышеупомянутого монастыря игумен Александр позволяет себе оскорбительно высказываться по адресу советской власти и вообще проявляет контрреволюционные выходки, в виду чего трибунал ПОСТАНОВИЛ: подвергнуть игумена Александра задержанию при отдельной келье, сдав под охрану красноармейца, произведя об этом немедленно дознание. Задержание поручить начальнику штаба красноармейского отряда»[10].

Через несколько дней начальник штаба сообщал в Темниковский Военно-революционный трибунал, что «игумен Санаксарского монастыря Александр задержан и содержится при отдельной келье монастыря под надзором красноармейца»[11].

Уже после принятого постановления ревтрибунала об аресте игумена Александра в Темниковский Совет солдатских, крестьянских и рабочих депутатов поступило «от послушников Санаксарского монастыря» «заявление» (а по содержанию — откровенный донос), датированное 16 марта ст. ст. (29 марта н. ст.) 1918 года: «Имеем честь заявить оному Совету, что нашего монастыря игумен Александр будучи неизменным монархистом настоящее народного правление в лице Совета называет хулиганским, а представителей его: комиссара Пономарева, председателя совета Лебедева называет негодями, мошенниками, разбойниками и нечестными людьми, преступниками, беззаконниками, захватчиками власти, вообще по его мнению весь Совет заслуживает самого строгого наказания.

Ждет с нетерпением возвращения на престол Николая 2-го, в крайнем случае, правления кадетского или же Вильгельма, при посредстве которых будет уничтожено настоящее советское правление, о чем внушает игумен Александр и своим друзьям и знакомым»[12].

Подписали этот донос два послушника (Константин Козлов и Андрей Носов). Для безбожной власти достаточно было и подобного формального обоснования ареста настоятеля обители. Примечательно, что это заявление было составлено уже после того, как с братией беседовал благочинный церквей г. Темникова протоиерей Димитрий Поспелов, сообщивший братии монастыря о решении епархиальной власти запретить в служении иеромонаха Венедикта и восстановить в правах игумена Александра до завершения расследования епархиальным судом.

Поскольку архиепископ Кирилл (Смирнов) находился на Поместном Соборе, об обстоятельствах случившегося в Санаксарском монастыре владыке Кириллу 18 марта ст. ст. (31 марта н. ст.) сообщил особым письмом благочинный церквей г. Темникова протоиерей Димитрий Поспелов:

«Ваше Высокопреосвященство, милостивейший Архипастырь и отец.

Настоящею докладною почитаю долгом довести до сведения Вашего Высокопреосвященства о нижеследующем. Вследствие телеграфного распоряжения Консистории от 14 сего марта мне пришлось быть в Санаксарском монастыре для объявления об устранении монастырского казначея о. Венедикта от должности и о запрещении его в священнослужении. Объявлено распоряжение во время трапезы. Монашествующие были в полном сборе. После прочтения телеграммы, на вопрос, что же делать, раз монастырем устранен игумен о. Александр и вместо него избран о. Венедикт, я позволил себе ответить, что впредь до суда следует восстановить в правах о. Александра и предоставить исполнение казначейских обязанностей новому лицу вместо о. Венедикта. Иеромонахи, устраненный Венедикт, Корнилий, Памва, Владимир, иеродиакон Никодим и др. тут же выразили нежелание подчиниться велениям телеграммы в вопросе об устранении казначея. О. Корнилий назвал распоряжения епархиальной власти неправильными, а о. Владимир

высказался, что ныне не такое время, чтобы против воли монастыря могла идти епархиальная власть.

Беда в Санаксарском монастыре появилась вместе со вступлением во власть по гор. Темникову и его уезду представителей большевизма. Игумен Александр не приветствовал большевиков. Такое отношение его не понравилось большевистской власти. Этим и воспользовалась недовольная часть монашествующих, чтобы освободиться от о. Александра, заручившись от большевиков согласием на избрание нового игумена.

О. Александр сейчас находится в строгом одиночном заключении, в нетопленой келье и без горячей пищи. Сделано это по распоряжению о. Венедикта. О положении о. Александра пишу со слов посланца иеродиакона Филарета. Объявление последнего распоряжения епархиальной власти ухудшило жизненные условия узника. Попытки сделать что-либо в пользу его разбиваются о те дары, которыми пользуется большевизм наш от новых распорядителей средствами монастыря. С 1-го марта по 14-е, как передано иеромонахами, эти дары выразились в сумме 14 000 руб., помимо наложенной на монастырь контрибуции в несколько десятках тысяч рублей.

Положение Санаксарского монастыря сейчас можно охарактеризовать словами: беспорядок в управлении и разорение в материальной и нравственной областях. Если бы не сами монашествующие, всего этого пока можно было бы избежать.

Большевистская власть по гор. Темникову всецело занялась контрибуциями. За невзнос денег — тюрьма и распродажа имущества. В число обложенных контрибуцией включено и духовенство. Насколько известно, священники обязаны внести по несколько тысяч рублей. Конечно, при Темниковской бедности, этих денег не найдется ни у кого из духовенства, и для него тюрьма и потеря последнего скарба в самом ближайшем времени станут печальною очевидностью.

Сообщая о сем последнем, я ничего не имею в виду, кроме возможной помощи от Вашего Высокопреосвященства для подведомого Вам Темниковского духовенства в его тяжелом положении»[13].

Постановлением от 6 апреля Военно-революционный трибунал поручил расследовать дело об игумене Александре члену трибунала Сусленникову и секретарю А. Лебедеву. 9 апреля 1918 года вследствие постановления от 27 марта с. г. (об аресте игумена Александра) и «на основании заявления монахов Санаксарского монастыря» состоялось следствие по делу «о контрреволюционере игумене Александре».

Иеромонах Владимир на следствии показал, что «игумен Александр постоянно против советской власти выражался оскорбительно, власть эту называл разбойничьей шайкой и на все просьбы монахов не говорить ничего этого, а [что] нужно подчиниться власти, он заявлял, что это не ваше дело, и не отпирал даже ворота начальству советской власти. Игумен Александр — страшный монархист и желает опять воцарения Николая»[14].

Послушник Константин Козлов добавил, что игумен Александр «ведет себя вызывающе, не усмиряется, стращает всех монахов, говоря, что всех вас разгоню за признание советской власти».

Казначей иеромонах Венедикт показал, что «игумен Александр человек суровый — обращения с монахами был самого сурового, советскую власть не признает». Послушник Андрей Носов заявил, что игумен Александр «возмущал монахов возстать против советской власти, называя их хулиганами, сам ведет себя хулиганом. На все просьбы монахов подчиниться власти Советов, говорил, что это не ваше дело»[15]. Иеромонах Корнилий показал, что настоятель «вел себя возмутительно против советской власти и на его просьбы впустить начальника советской власти для переговоров говорил, что не пущу, не ваше дело»[16].

Сам игумен Александр объяснил, что никогда против советской власти ничего не говорил, советскую власть признает и подчиняется — и дает честное слово никогда не выступать, обвинение против него возбуждено ложно — по враждебным обстоятельствам»[17].

После этого представителем ревтрибунала были допрошены пять человек из братии, которые высказались «за удаление из Санаксарского монастыря игумена Александра как вредного человека, объяснили, что жизнь с ним невозможна»[18]. Таким образом, эта часть братия не просто нарушила канонические нормы, обратив-

шись в светский, а не в церковный суд, но и самым недвусмысленным образом выступила против епархиальной власти.

В результате «следствия», ревтрибунал постановил: «ярого контрреволюционера игумена Санаксарского монастыря Александра как не признающего советскую власть выслать из этого монастыря, о чем и сообщить Тамбовской духовной консистории, просить ее немедленно, дабы не увеличились обостренные отношения всей братии с игуменом Александром, перевести в какой-либо другой монастырь и о последующем уведомить трибунал»[19].

Вскоре комиссар внутренних дел Темниковского уезда уже сообщал в Темниковский уездный ревтрибунал, «что игумен Санаксарского монастыря Александр из Санаксарского монастыря, а равно из гор. Темникова выслан в город Тамбов в распоряжение Духовной консистории 9 сего июня, причем копия дополнительного приговора трибунала от 8 июня для представления в консисторию выдана игумену Александру на руки»[20].

Будучи переведен на Бакинскую, а затем на Казанскую кафедру, владыка Кирилл (Смирнов), к тому времени уже митрополит, не забыл гонимого собственной же братией игумена. В июле 1920 года митрополитом Кириллом отец Александр был назначен настоятелем Свияжской Макарьевской пустыни, а затем — наместником Седмиезерной пустыни с возведением 7 апреля 1922 года в сан архимандрита.

Архимандрит Александр активно выступал против обновленчества, не признав самочинного митрополита Алексия (Баженова) и его «епархиальное управление». Вместе с братией пустыни он возражал против изъятия церковных ценностей.

К 1928 году пять из шести монастырских храмов были закрыты. Оставленный верующим Вознесенский храм действовал в качестве приходской церкви. Здесь и служил архимандрит Александр с двумя помощниками — иеромонахами Мартирием и Вениамином.

Иеромонах Вениамин (в миру — Василий Семенович Кошурин, родился в 1883 году в семье крестьян Костромской губернии, обучался в начальном училище) поступил в Седмиезерный Богородицкий монастырь 15 июня 1909 года. Был пострижен в монастыре и там же принял сан иеродиакона, затем — иеромонаха.

31 октября 1928 года архимандрит Александр, иеромонах Вениамин и иеромонах Мартирий были арестованы.

Допрошенный в качестве свидетеля монах Седмиезерной пустыни Палладий (Степанов) заявил, что архимандрит Александр «не хотел платить в Казанский РИК за помещения, занимаемые монахами, вследствие чего за монастырем получалась большая задолженность. Когда мы спрашивали, почему он не платит деньги за помещения Казанскому РИКу, он говорил, что соввласть не признает и деньги платить не будет, так как со своей стороны считает, что соввласть не имеет права брать деньги за монастырские помещения. Тех монахов, которые не подчинялись ему, он неоднократно намеревался изгнать из помещений, на что монахи указывали ему, что они живут не в его здании, а в советском...»[21]

Дали показания и лжесвидетели из мирян:

«После ликвидации Седмиозерского монастыря в нем остались для исполнения треб бывший игумен — архимандрит Александр и два его помощника: иеромонахи Мартирий и Вениамин. Эта ликвидация им, конечно, не особенно понравилась, и они стали искать возможности к сохранению монастырских церквей... Уговаривали нас не отдавать церкви соввласти опечатывать, потому сами не хотели расставаться с монастырем и уезжать из слободы; при их участии и непосредственном руководстве женщины перенесли все ценности из собора в отведенную для треб церковь, взяли все, оставив в соборе только голые стены; монахи говорили, что ничего власти отдавать не надо, что власть состоит из богохульников и что нужно противопоставить себя власти, они все равно силой брать не будут и против организованных ничего не сделают... сейчас закрыли монастыри, а затем закроют и церкви, и где вы, крестьяне, будете молиться?.. в конце концов, перейдете к нехристям и антихристам, которые приедут опечатывать ваши храмы. Так и случилось: приехала милиция, но женщины не дали опечатать, и милиция вынуждена была уехать. После отъезда архимандрит Александр и два его ближайших сподвижника стали говорить, что нужно крепко стоять за церковь, и тогда власть ничего не сможет сделать, оружием разгонять не будут, а церковь вы сохраните. При этом стали проводить с крестьянами беседы против власти, уговаривали крестьян,

Архимандрит Александр (Уродов), преподобноисповедник, на поселении в селе Соболево 24 июня 1952 года

чтобы они приняли меры к сохранению церквей и постояли за веру, ссылаясь на то, что власти от антихриста и ими руководит дух антихриста, который предлагает все храмы закрыть, а верующих превратить в басурман...»

1 ноября на допросе архимандриту Александру было предъявлено обвинение в «систематическом ведении среди крестьянства антисоветской агитации и пропаганды, направленной к возбуждению масс против мероприятий совласти». 14 ноября на постановлении о привлечении его в качестве обвиняемого по ст. 58/10 УК он написал: «Читал, считаю себя невиновным. Архимандрит Александр». А 17 ноября 1928 года подписал протокол допроса: «В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю. В чем и расписуюсь. Архимандрит Александр».

Обвинительное заключение было составлено 31 декабря 1928, и дело передано на рассмотрение Особого Совещания при Коллегии ОГПУ, которое 29 марта 1929 года вынесло приговор: архимандрита Александра «заключить в концлагерь сроком на три года».

Вместе с ним были осуждены иеромонахи Мартирий и Вениамин, так же стойко державшиеся на допросах и не признавшие обвинений, выдвинутых против них.

С первым отходящим этапом через Бутырскую тюрьму архимандрит Александр был отправлен в Соловецкий монастырь особого назначения (СЛОН)[22].

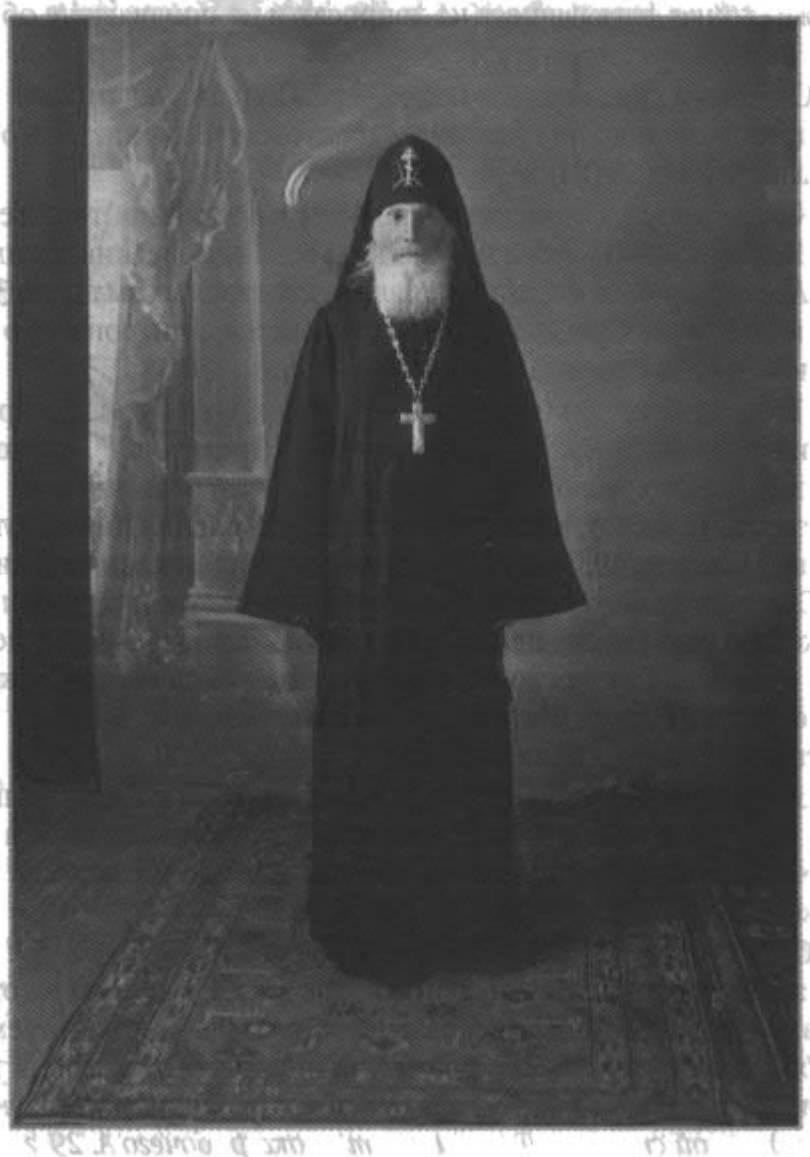
Когда окончился лагерный срок, постановлением того же ОСО при Коллегии ОГПУ от 12 ноября 1931 года исповедник архимандрит Александр был выслан на Урал и находился в ссылке до 30 октября 1934 года. При этом он переписывался с митрополитом Кириллом и имел с ним даже несколько встреч.

После ссылки архимандрит Александр, возможно, по приглашению епископа Яранского Димитрия (Поспелова)[23], знакомого ему еще по Тамбовской епархии (тогда он был благочинным церквей гор. Темникова), выбирает для места поселения Кировскую область, и 5 августа 1935 года его назначают настоятелем церкви в село Сретенское Кировской области. В том же году архимандрит Александр был перемещен настоятелем к Петропавловской церкви села Соболево Санчурского р-на Кировской области, где служил до 30 ноября 1937 года. Митрополита Сергия (Страгородского) архимандрит Александр не поминал.

В 1937 году, не снимая сана, он поступил на работу в Санчурское лесничество рубщиком леса и проработал в лесничестве до 1950 года, тайно исполняя монашеское правило и совершая богослужения.

Сохранилась фотография архимандрита Александра, крепкого и красивого старца, на которой он запечатлен в лесу на заготовке дров. Фотография была предназначена известной и почитаемой в народе казанской старице Домне. На обороте фотографии рукой архимандрита Александра было надписано: *«В молитвенную память дорогой старице Домнушке от инока рабочего А. 29-го июня 1952 года. Снимался 24-го июня 52 года на заготовке для зимы дров. Это дерево имеет толщины 25-ть вершков, которую распилил и расколол этого числа, т. е. 24-го июня. Тут пила и колотушка».*

Проживая в селе Соболево на покое, архимандрит Александр служил тайно и окормлял духовных чад. Он признал избрание



Схиигумен Серафим (Кошурин), бывший насельник Седмиезерной пустыни. 1960-е годы

патриарха Алексия (Симанского) каноничным и поэтому вошел в юрисдикцию Московского Патриархата.

В послевоенные годы он восстановил связи с прежними казанскими и седмиезерскими знакомыми, среди которых и бывший насельник Седмиезерной пустыни иеромонах Вениамин, который после ссылки возвратился в Казань на поселение, где в 1940 году был вновь арестован и сослан. С 1950-х годов иеромонах Вениамин вновь вернулся в Казань и принял схиму с именем Серафим. Тогда же возобновились его переписка и встречи с архимандритом Александром. Служить в церкви (а в то время в Казани действовали кладбищенская церковь Ярославских чудотворцев и Никольский собор) схииеромонаху Серафиму не разрешали, и старец утешался только вниманием частиц из просфор. Именно отец Серафим сохранил святыню Седмиезерной пустыни — чудотворную Седмиезерную икону Божией Матери, которую позже передал в кладбищенский храм. Схииеромонах Серафим спас и часть мощей преподобного старца Гавриила (Зырянова).

От переписки архимандрита Александра со схииеромонахом Серафимом сохранилось удивительное письмо, в котором раскрывается чудный духовный мир старца Александра:

«Милость Божия буди с Вами!

Многоуважаемый мой авва о. Серафим! Первое мое пожелание — желаю Вам быть здоровеньким, наипаче душевного спасения. Неоднократно прочитав Ваше письмо, весьма рад был, что Вы приняли такое путешествие по главным святым местам. Мне представляется, будто и я с Вами путешествовал, как Господь удостоил меня в юных летах 15-летним юношей путешествовать в Киев. Вышел с родины 1 января в 1891 году[24] и до 23 апреля 4 месяца паломничал пешком, начиная с Задонского монастыря, а потом Воронеж, по пути — Ахтырский женский монастырь. В Лубны — ко святителю Афанасию, в Белград (Белгород) — ко святителю Иоасафу, потом в Переяславль — ко святителю Макарию, в Чернигов — ко святителю Феодосию, потом в Киев — во святую Богосозданную Печерскую Лавру и в прочие киевские монастыри, которые и Вы посещали. Также и в Москве был в Кремле и на служении Святейшего

Патриарха Тихона в Храме Христа Спасителя, где удостоился принять от него благословение.

Так мы с Вами счастливцы на сей святой земле. Господь удостоил нас с Вами быть в вечном блаженстве нераздельными, еще приношу Вам великую благодарность за Ваши заботы обо мне, больном старике, и дорогие подарки, и гостинцы. Я Вам посылаю: подрясник,— носите его на доброе здоровье, также ряску, пару белья, грибов, сушеной малины, солоду для кваса,— пейте на доброе здоровье; просфору Вам, Домнушке, и Марии. Шлю благословение Божие — прощальное — Вам и прочим духовным чадам нашим: Домнушке, Марии, если возможно мат[ушке] Варваре, м[атушке] Иувеналии, Тихону Ивановичу, Ивану Михайловичу Горшкову, Анне Барановой[25], мат[ушке] Вере, м[атушке] Ангелине и всем прочим знающим нас. О себе пишу Вам — здоровье мое по уклону [движется] к праотцам, к чему и готовлюсь. 29 мая сего года в среду в час ночи в тонком сновидении видел митрополита Владыку Кирилла в ряске[,] в клобуке, очень благодушным. Сказал мне: поедем. Подъехал один, сидя на тарантасе с впряженной парой коней величественных, и сказал мне[:] садись. И поехали мы с ним к озеру нашей пустыни Седмиезерной. И ехать нельзя по случаю разлива [реки], и я коней выпряг и пошел с ними к задним воротам. Открыта была только калитка, и мне пришлось с этими конями идти в калитку[,] и чуть меня они не затоптали. И прошел благополучно, и кони исчезли, и иду мимо номеров[,] где жили временно дачники, и вдруг подбегают две монашенки [—] мать Виталия[26] и мать Евдокия[27], как они обе в ссылке Вл[адыке] Кириллу служили, и ведя меня под руки[,] запели — осьмаго гласа 8-ю песнь, Осмогласник: «Мусикийским органом согласующим, и людем безчисленным поклоняющимся образу в Деире»[28]... Конец сновидения. 2-е сновидение в эту ночь 29 мая в 4-ре часа утра: видел Владыку Германа Ряшенцева[29], Вы его знаете, он обнял меня[,] и я с ним прощался[,] и очень плакал[,] и сказал ему[:] больше мы с Вами, Владыка, не увидимся. Сон кончился. Пишу Вам эти сновидения[,] дорогой мой авва[,] [ибо] эти святители передали мне из загробной жизни великое утешение и надежду на будущее пребывание. Я считаю[,] после их посещения меня[,] грешного[,] особенным возрождением подкрепляющим меня в немощах моих, я считаю себя счастливцем, живу при такой тишине и благодушии.

Архимандрит Александр (Уродов), преподобноисповедник.
1950-е годы

Вам скажет все податель сего письма насчет помина. Я записал себя о здравии, Влад[ыку] Кирилла и епископа Димитрия[30] — у Сергия Троицы — на вечное поминовение. Если Владычице угодно будет[,] желательно и в Почаеве записать. О[тца] архим[андрита] Августина[31] и себя, по смерти моей, если не придется меня отпеть дома, то отпойте, где Вам благорассудится. А землицу привезете на мой прах. Помин делайте о моей душе на Ваше благоусмотрение. Простите. *Ваш горячо любящий о Господе сомолитвенник архимандрит Александр.* 25-го августа 1958 года.

Добавляю: Вы были у Сергия Троицы, может, запомнили[,] как звать наместника Лавры, напишите мне, необходимо его знать имя»[32].

После ухода из лесничества архимандрит Александр проживал на покое в селе Соболеве, окормляя своих духовных чад.

По их воспоминаниям, отец Александр был истинный подвижник, молитвенник, высокодуховный старец, имеющий несомненный дар прозорливости. Он тихо и смиренно жил в маленьком домике рядом с церковью, напротив колокольни. Одна из его духовных дочерей рассказывала: «Он жил так, что у него и на койке-то ничего не было. Единственно, фуфайка была. И вот хоть укутывайся, хоть в голову клади... Он, верно, все в молении был, а не во сне»[33].

Другая духовная дочь архимандрита Александра, проживавшая в Казани, свидетельствовала о его прозорливости. Однажды после посещения своего духовного отца ей предстояло возвращаться поздним вечером лесом до другого селения. При прощании архимандрит Александр протянул ей краюху хлеба, а на вопрос: зачем ей, если она сыта, ответил: «Отдашь тому, кого встретишь». В лесу ей навстречу выбежал волк. Вначале она испугалась, но вдруг вспомнила слова старца и протянула хлеб волку. И волк ее не тронул.

Архимандрит Александр почил в Бозе 14 августа ст. ст. (27 августа н. ст.) 1961 года. Погребен старец был в селе Соболево, где прожил 26 лет.

О последнем времени и кончине архимандрита Александра сохранилось воспоминание его духовника игумена Димитрия (Роженцова), отпевшего старца по благословению епископа Ки-

Архимандрит Александр (Уродов), преподобноисповедник.
5 июня 1960 года

ровского и Слободского Поликарпа (Приймака), и составившего 1 октября 1961 года краткое жизнеописание архимандрита Александра: «...жил на покое, имел свой дом, занимался душеспасительной жизнью, и поучал верующих ко спасению души, и был великий молитвенник, имел любовь к человекам; по великим праздникам служил литургию, часто причащался Христовых Таин. Духовником ему был игумен Димитрий села Корляки Санчурского района. Наконец, на 86-м[34] году жизни архимандрит Александр 20 июля 1961 года служил литургию, как хорошо и радостно пел, читал, все уже окончил. Обед был приготовлен, [архимандрит] Александр вышел в чулан... и там его ударил паралич в правый бок, рука и нога отнялись, сам ходить уже не мог, только с помощью посторонних. Более всего уже лежал, но говорил. 13 августа ударил второй раз паралич, 14 августа помер в 9 часов вечера тихой христианской кончиной. По назначению епископа Поликарпа совершил отпевание игумен Димитрий, вечером была всенощная, утром в 9 часов отпетие. Народу было очень много, на руках несли до кладбища более вер-

сты... Скончался дорогой мой друг и собеседник архимандрит Александр, вечная ему память. 18 августа отпетие было монашеское полное, как все полагается, с певчими, после отпетия панихида»[35].

К сожалению, ни благочинный протоиерей Л. Медведев, ни протоиерей А. Бородин, служивший неподалеку от села Соболева, об архимандрите Александре очень многого не знали и сообщить о нем на запрос епископа Поликарпа ничего не могли, поэтому и было составлено краткое житие.

За могилой ухаживали духовные чада старца Александра. Почиталась могила архимандрита Александра и катакомбниками, теми, кто не признавал советских паспортов и легальной Церкви. Известны случаи чудотворений как при жизни старца, так и после его блаженной кончины. Архимандрит Александр издавна почитается Казанской, Вятской, Саранской и Марийской епархиями.

В 2001 году были обретены цельбоносные мощи преподобноисповедника Александра, которые теперь почивают в Санаксарском монастыре, и он был прославлен в лике святых[36].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дата 23 апреля 1876 года указана самим архимандритом Александром в письме епископу Поликарпу при воспроизведении своего формулярного служебного списка, а также игуменом Димитрием (Роженцовым) в составленном им 1 октября 1961 года жизнеописании архимандрита Александра.

[2] Дата 4 апреля 1882 года указана в метрической книге с. Невежкино (см. ГАПО, ф. 182, оп. 7, д. 160, л. 230об.-231). Сведения представлены архивариусом Санаксарского монастыря иеромонахом Венедиктом (Кулешовым).

[3] По данным архивной службы Санаксарского монастыря, паломничество происходило в 1898 г.

[4] Лубенский Мгарский монастырь, где находились мощи свт. Афанасия, патриарха Константинопольского.

[5] По мнению о. Венедикта (Кулешова), это могло быть весной 1919 г., когда Св. Синод слушал дело о происшедших в марте 1818 г. бесчинствах в Санаксарском монастыре. Святейший Тихон был уже патриархом.

[6] Письмо из собрания епископа Йошкар-Олинского Иоанна (Тимофеева).

[7] По данным Санаксарского монастыря, в 1901 г.

[8] У старшей братии Саровской пустыни.

[9] Тамбовские епархиальные ведомости, № 14—15 от 2-9 апреля 1916 г. С. 549—556.

[10] ГАТО, ф. Р—5201, оп. 2, д. 100, л. 3

[11] Там же, л. 2

[12] Там же, л. 1.

[13] ЦА ФСБ РФ. Дело по обвинению патриарха Тихона. д. Н-1780. Т. 9. лл. 39—39а.

[14] ГАТО, ф. Р—5201, оп. 2, д. 100, л. 5.

[15] Там же, л. 5об.

[16] Там же, л. 6.

[17] Там же.

[18] Там же.

[19] Там же, л. 6 об.

[20] Там же, л. 7.

[21] Архив КГБ Татарской АССР. Арх. д. № 69867.

[22] Сведения по следственному делу (Архив КГБ Татарской АССР, д. 69867)взяты из «Краткого жития преп. Александра, исповедника», составленного в Санаксарском монастыре.

[23] Епископ Димитрий (Поспелов). Был протоиереем, благочинным церквей г. Темникова, овдовел. 24 сентября 1923 хиротонисан во епископа Темниковского, викария Тамбовской епархии; с 1926 г. в заключении; с 27 июня 1934 — епископ Яранский; с 20 февраля 1936 — епископ Скопинский; с 1936 г. на покое; скончался 8 декабря 1952 г.

[24] См. прим. 3.

[25] Инокиня Анна (Баранова), из Казанского женского Богородицкого монастыря. Дочь крестьянина с. Березовки Уфимской губернии. Принята была в монастырь в 1912 г. Облечена в рясофор 13 ноября 1920 г. Несла послушание при настоятельских покоях. В 1930 г. привлекалась по делу о «Казанском филиале ИПЦ», приговорена к трем годам ссылки, после ссылки вернулась в Казань.

[26] Вероятно, монахиня Виталия (в миру — Векла Ивановна Кузнецова), насельница Успенского монастыря в Кинешме. Была арестована по делу владыки Василия Кинешемского и приговорена к пяти годам концлагерей.

[27] Вероятно, монахиня Рождественского монастыря Евдокия (Перевезникова), прислуживавшая владыке Кириллу в ссылке. Ее имя часто упоминается в письмах митрополита Кирилла, который ласково называл ее «Заботницей».— см. Акты...— С. 867—870.

[28] Песнь 8-я заупокойного канона: *«Мусикийским органом согласующим, и людем безчисленным поклоняющимся образу в Деире, три отроцы не повинувшеся, Господа воспеваху и словословляху во вся веки».*

[29] Епископ Вязниковский Герман (в миру — Ряшенцев Николай Степанович), викарий Владимирской епархии. Родился 10 ноября 1874 г. в купеческой семье. Окончил в 1906 г. Казанскую Духовную академию, духовное чадо схиархимандрита Гавриила (Зырянова), а по смерти старца — владыки Феодора (Поздеевско-

го). Принял монашество на 4-м курсе КазДА. С 1917 г.— ректор Вифанской семинарии. Совместно с епископом Феодором составил акафист благ. князю Даниилу Московскому. 14 сентября 1919 г. хиротонисан во епископа Волоколамского, викария Московской епархии. Арестовывался в 1921 и 1922 г. (Москва), в 1923 г. сослан в Тобольскую область, в августе-ноябре проживал в Москве, арестован 30 ноября 1925 г., 21 мая 1926 г. осужден к трем годам ссылки в г. Турткуль в Каракалпакии. 14 января 1928 г.— освобожден. В июне 1928 г. назначен епископом Вязниковским. Епархией не управлял, с декабря 1928 г. находился в заключении. В 1929—1930 гг.— в Кемских лагерях и на Соловках. В 1931 г.— в ссылке (Котлас, Красноборск, Великий Устюг, с. Вочь, с. Усть-Кулом). 1933 — на поселении в Арзамасе, в 1934 — арестован. В 1934 — в ссылке (ст. Опарино, с. Кочпон, недалеко от с. Тентюково, где на поселении проживал архиепископ Феодор (Поздеевский). 23 февраля 1937 арестован в г. Сыктывкаре. 15 сентября 1937 года — расстрелян.

[30] Епископ Яранский Димитрий (Поспелов), с которым архимандрит Александр был знаком еще с Тамбовской епархии. Именно Димитрий Поспелов, тогда еще протоиерей и благочинный церквей гор. Темникова, сообщал владыке Кириллу 18 марта 1918 г. об аресте игумена Александра (Уродова) восставшей братией Санаксарского монастыря.

[31] По мнению о. Венедикта (Кулешова), речь идет о настоятеле Санаксарского монастыря архимандрите Августине (Кривоногове; сконч. в 1915), о котором архимандрит Александр вспоминал очень тепло, как о своем первом старце, принявшем его в обитель..

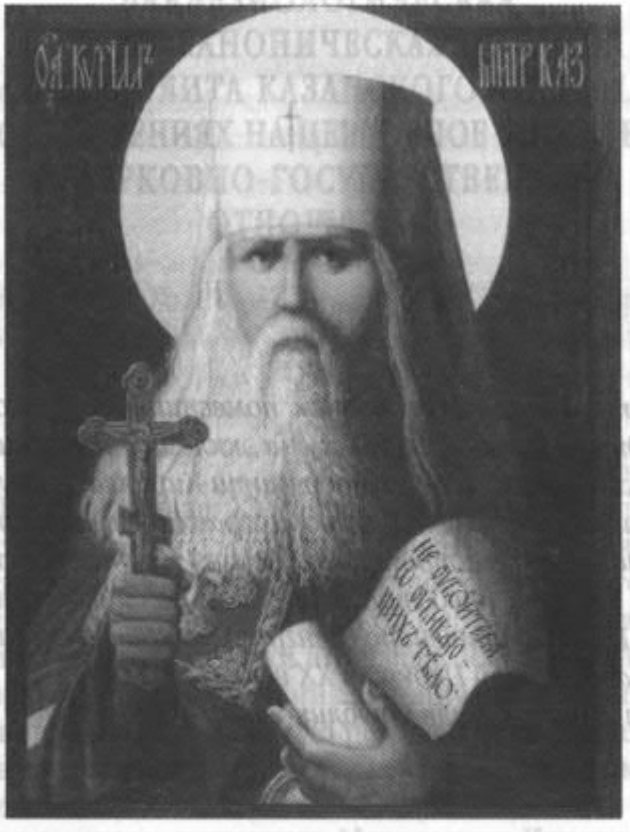
[32] Оригинал письма хранится у епископа Йошкар-Олинского и Марийского Иоанна (Тимофеева), которому приношу искреннюю благодарность за предоставленную копию.

[33] Цитируется по «Краткому житию преп. Александра, исповедника».

[34] По другим сведениям, на 80-м году жизни.

[35] Копия документа была предоставлена протоиереем Алексием Сухих, клириком Вятской епархии.

[36] В святцах память преподобноисповедника Александра отнесена на 1 (14) августа. В действительности, поскольку архимандрит Александр скончался 14 (27) августа 1961, память его должна отмечаться 14 (27) августа.



ЧАСТЬ IV

МИТРОПОЛИТ КИРИЛЛ И ПРАВАЯ ОППОЗИЦИЯ

Автор посчитал необходимым поместить в Приложении две статьи, одна из которых посвящена экклезиологическим и этико-каноническим воззрениям митрополита Кирилла, а другая — описанию светской и церковной историографии о взаимоотношениях правой оппозиции и митрополита Сергия (Страгородского).

Первая статья представляет собой доклад, прочитанный в ноябре 2001 года в Сэнтендре (Венгрия) на конференции «История Русской Православной Церкви в XX веке».

Вторая статья была опубликована в 2000 году в альманахе «Нестор».

ЭККЛЕЗИОЛОГИЧЕСКАЯ И ЭТИКО-КАНОНИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ МИТРОПОЛИТА КАЗАНСКОГО КИРИЛЛА В ЕГО ВОЗЗРЕНИЯХ НА ЦЕРКОВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Роль священномученика Кирилла в истории Русской Церкви XX века до недавнего времени была явно недооценена. Между тем оказывается, что воззрения этого церковного иерарха могут послужить историческому и богословскому осмыслению трагического пути Русской Церкви в минувшем столетии. Мысли и суждения владыки Кирилла в области экклезиологии, христианской этики и применения канонических норм позволяют нам через историко-богословскую ретроспекцию увидеть возможные пути уврачевания трагической разделенности Русской Церкви, длящейся уже более 60-ти лет.

Прежде некоторая статистика. Митрополит Кирилл был расстрелян в 1937 году в возрасте 74 лет. 37 лет выпало прожить этому великому русскому иерарху в XIX веке, 37 лет — в XX. В первые 37 лет уложились мирное детство, юность, студенческие годы и пастырское служение. В последующие 37 лет ему довелось принять монашество, стать главой Урмийской Миссии в Персии и архиереем. При советской власти пришлось прожить 20 лет, но из них менее трех лет — на свободе, а 17 лет — в тюрьмах, лагерях, ссылках. Казнен священномученик Кирилл был в ночь с 20 на 21 ноября н. ст. 1937 года (в навечерие Михайлова дня) в 24 часа.

Владыка Кирилл, несомненно, являлся одним из достойнейших иерархов своего времени, столпом Православия, святителем,

подвиг веры и служение которого можно поставить в один ряд с подвигами святителей Афанасия Великого, Никифора Цареградского и подобных поборников Православия.

Митрополит Кирилл канонизирован и РПЦЗ и РПЦ МП. Имя его свято и для представителей катакомбного движения (не говорю о таких маргинальных исключениях, как т. н. архиепископ Готфский Амвросий (Сиверс), претендующий на преемство от ИПХ).

Без сомнений, церковная позиция митрополита Кирилла воспринималась и правой оппозицией, и последователями митрополита Сергия, и светской властью как особая, не совпадающая с позицией других правых течений. Последователей митрополита Кирилла называли «кирилловцами». Они составляли умеренную оппозицию митрополиту Сергию. Не зря же часть православных зилотов упрекали митрополита Кирилла (даже в 1934 году) в «чрезмерной осторожности»[1]. Отмечал особенность позиции своего оппонента и митрополит Сергий (так, в постановлении о предании митрополита Кирилла суду, фигурирует обвинение во «вступлении в общение с обществом, отделившемся от законного церковного священноначалия»[2], а не обвинение в расколе). Признавали особенность церковной позиции митрополита Кирилла и светские власти. В следственных делах фигурирует упоминание направления, связанного с именем митрополита Кирилла, как *«кирилловское патриаршее»*, наряду с «иосифлянским» или «даниловским»[3].

Митрополит Кирилл прекратил церковное общение с митрополитом Сергием в результате несогласия с его администрированием, которое воспринималось как узурпация не принадлежащих ему прав и как «спорный эксперимент», особенно в области церковно-административного управления (подразумевалось учреждение Временного Патриаршего Священного Синода без согласования с патриаршим местоблюстителем, поспешные прещения на оппонентов, издание постановления от 6 августа 1929 года и пр.). Как отмечал протоиерей Иоанн Мейендорф, не митрополит Сергий первым начал политику поспешных запрещений, ее начали обновленцы («лишив сана» самого патриарха Тихона) и григориане. Но «восприняв эту практику раскольников,— продолжал протоиерей Иоанн Мейендорф,— митрополит Сергий возобновил худшие —

и отнюдь не «тихоновские» — черты старого бюрократического централизма»[4].

Как мне представляется, несогласие митрополита Кирилла с деятельностью митрополита Сергия коренилось не в области воззрений на вопрос церковно-государственных отношений (не в области отношения к Декларации 1927 года), а в области, скорее, *этической.* И это несмотря на то, что по смыслу разногласие заключалось в разности воззрений митрополита Кирилла и митрополита Сергия на *характер администрирования* заместителя патриаршего местоблюстителя и *объем его полномочий.* Митрополит Кирилл, как вождь умеренной оппозиции, придавал вопросу административного управления (т. е. *каноническому* вопросу) характер вопроса *этического,* рассматривая при этом этический вопрос как часть *экклезиологической* проблемы.

В настоящем докладе мне хотелось бы остановиться на том, как экклезиологические и этико-канонические взгляды митрополита Кирилла отражались в его воззрениях на церковно-административную ситуацию и церковно-государственные отношения 20—30-х годов.

Для кого-то будет странным такое словосочетание «этико-канонические воззрения». Что это такое?

Если обратиться к истории канонического права, то можно вспомнить, что в основе большинства канонов лежат христианские этические нормы, выработанные святыми отцами, Вселенскими и Поместными Соборами применительно к конкретным церковным ситуациям. Таковы Апостольские правила, правила святителя Григория Неокесарийского, Петра Александрийского, Василия Великого, других святых, чьи этические трактаты вошли в канонический сборник Иоанна Схоластика, в Номоканон, а затем и в Книгу правил, в качестве церковных канонов. Для нас очевидно, что именно христианская этика являлась одним из важнейших источников формирования свода канонических норм в эпоху Вселенских Соборов.

Отношение митрополита Кирилла к канонам — есть отношение, хорошо характеризуемое известным библейским речением: «*буква мертвит, а дух животворит*». Отсюда становится понятным призыв митрополита Кирилла к заместителю патриаршего

местоблюстителя: *«Не злоупотребляйте, Владыко, буквой канонических норм, чтобы от святых канонов не остались у нас просто каноны. Церковная жизнь в последние годы слагается и совершается не по буквальному смыслу канонов».*

Эту глубокую мысль, которая ныне представляется общим местом в рассуждениях историков и канонистов о церковной ситуации 20-30-х годов XX века, следует пояснить. Ведь в рассуждениях владыки Кирилла о правоприменительной церковной практике раскрываются особенности его экклезиологических воззрений, и, в частности, становится понятной его позиция по вопросу о церковной власти в Русской Церкви.

И здесь мы должны сформулировать **первую особенность** экклезиологических взглядов митрополита Кирилла — это его *отношение к канонам как к этическим нормам, освященным авторитетом и мудростью святых отцов, а не как к механическим универсальным регуляторам всякой церковной ситуации*. Некоторые аспекты чрезвычайно беспрецедентной церковной ситуации, сложившейся в Советской России, не разрешаются на основании канонических правил. Отсюда призыв к митрополиту Сергию не злоупотреблять *«буквой канонических норм, чтобы от святых канонов не остались у нас просто каноны» (письмо 2)*. По собственному признанию священномученика Кирилла, ему важно *«растопить лед диалектически-книжнического пользования канонами и сохранить святыню их духа» (2). «Как бы ни подчеркивали Вы строгость суждения канонов, на какие ссылаетесь, в обличение непослушных Вам,*— писал священномученик Кирилл,— *Ваши толкования производят малое впечатление и на непослушных и на все церковное общество, совершенно перестающее доверять диалектической канонике, развившейся у Вас до ужасающих размеров с появлением обновленчества»*[5].

Характерно, что уже здесь владыка Кирилл говорит об «обновленчестве» митрополита Сергия, но обновленчество это заключается для митрополита Кирилла не в Декларации 1927 года, а в «каноническом буквализме», на основании которого происходит узурпация церковной власти. Митрополит Кирилл напоминает, что

именно на основании церковных канонов обновленческим собором был осужден патриарх Тихон.

В том же втором письме (отзыве) от 10–12 ноября 1929 года митрополит Кирилл приводит конкретный пример вынужденного отхода церковного общества от буквы канонических установлений в силу церковной необходимости и целесообразности. *«Самый переход патриарших прав и обязанностей к митрополиту Петру совершился в небывалом и неведомом для канонов порядке,*– пишет владыка Кирилл, но тут же приводит важный этико-экклезиологический аргумент в пользу легитимности подобной вынужденной меры: – *«Церковное сознание восприняло этот небывалый порядок как средство сохранения целости патриаршего строя, считая последний главным обеспечением нашего православного бытия, особенно ввиду обновленческого отрицания идеи Патриаршества»* (2). Итак, санкция Полноты Церковной или, как пишет митрополит Кирилл, церковного сознания есть фактор легитимизации *«внеканонического»* решения Поместного Собора, санкционировавшего право патриарха Тихона на назначение им местоблюстителей патриаршего престола.

Для сохранения канонического устроения Церкви церковное сознание готово примириться с необходимостью отступить от нормативного канонического запрета на прямое указание патриархом своего преемника. Но поскольку церковное общество санкционировало такое послабление, оно же должно явить механизм контроля за тем, чтобы не произошло злоупотребления послаблением, чтобы вынужденный, ради блага церковного, компромисс не обернулся церковной бедой. Церковным благом в данном случае является сохранение преемственности и неповрежденности патриаршего строя Русской Церкви, церковной бедой – отказ от патриаршества, рецидивы синодальной системы управления Церковью. Именно *внеканоническая* (не говорю – неканоническая) *чрезвычайность правопреемства* митрополита Петра (а через него и митрополита Сергия) обусловили, по мнению митрополита Кирилла, *«насторожившийся контроль над церковными верхами»* со стороны церковного общества. Отсюда и болезненная реакция ревнителей Православия на всякие сомнительные действия, которые появ-

ляются в результате такой внеканонической ситуации. Ведь если чрезвычайная мера, принятая в обход канонов, приводит к отходу от канонического строя Церкви, неприемлемым церковно-административным новшествам и т. д., то у церковного общества возникает вопрос — а зачем была чрезвычайная санкция Собора, если она привела не к сохранению канонического церковного строя, а к его упразднению или умалению? «*Этой психологии церковного общества,* — продолжал митрополит Кирилл,— *Вы не могли не знать и не должны были в деле* ***временно доверенного*** (выделено мной.— *А. Ж.*) *Вам управления Церковью прибегать к* ***спорным экспериментам****; или же должны были тотчас же отказаться от них, как только получили засвидетельствование их спорности, чтобы не стать тем, чем Вы теперь стали, т. е. главным виновником все более усиливающегося пожара церковного бесчиния».*

Итак, введение Временного Патриаршего Синода — есть, по мнению Казанского святителя, спорный эксперимент, который привел к церковному бесчинию. Здесь бесчиние следует понимать не в метафорическом, а в прямом и непосредственном смысле — «бесчиние», т. е. упразднение иерархического единоначалия митрополита Петра мерами и рассуждениями митрополита Сергия, мыслящего себя и[сполняющим] д[олжность] местоблюстителя, а не заместителем его. Такие схоластические рассуждения митрополита Сергия выявляют в нем неизбывную синодальную закваску, характеризуя как яркого представителя синодальной церковной бюрократии. Эту «игру слов» и критиковал митрополит Кирилл.

Вообще, экклезиологические воззрения митрополита Кирилла, если взять статическую их составляющую и отвлечься от некоторой естественной эволюции отношения к деятельности митрополита Сергия, характеризуются 10-ю основными особенностями. О первой уже было сказано.

Вторая — это *приверженность идее патриаршего управления Русской Церковью.* Не зря движение единомысленного митрополиту Кириллу духовенства называли «кирилловским патриаршим». Владыка Кирилл отстаивал решения Поместного Собора о таких формах соборности в церковно-административном управлении,

которые не устраняют единоличности управления Церковью, а следовательно, и ответственности за это управление.

Третья особенность экклезиологических воззрений митрополита Кирилла находится в плоскости отношений митрополита Кирилла и митрополита Сергия. Это *признание митрополита Сергия заместителем патриаршего местоблюстителя, с одновременным отказом считать полномочия заместителя патриаршего местоблюстителя равными полномочиям самого местоблюстителя; а также особенность характеристики административной деятельности митрополита Сергия.*

Митрополит Кирилл признает митрополита Сергия заместителем местоблюстителя, что видно и из соответствующего его обращения к митрополиту Сергию, однако идентифицирует *учредительную* (создание Временного Патриаршего Синода) и *репрессивную* (запрещение инакомысленных епископов) церковно-административную деятельность митрополита Сергия, не согласованную с митрополитом Петром, как узурпацию не принадлежащих заместителю местоблюстителя прав.

Собственно, в начале своего первого письма митрополит Кирилл определил характер разногласий своих и митрополита Сергия как несогласие с административно-церковной деятельностью заместителя патриаршего местоблюстителя, который, по убеждению митрополита Кирилла, «*по своим правам не может равняться с тем, кого он замещает, или совершенно заменить его*»[6].

Речь вовсе не идет о Декларации 1927 года, о которой владыка Кирилл даже не упоминает. Не содержится в письмах митрополита Кирилла и осуждения заместителя местоблюстителя «за его капитуляцию перед советской властью», как это ошибочно утверждается Д. Поспеловским[7]. Вообще политизация взглядов митрополита Кирилла есть глубочайшая ошибка и признак историко-богословского бесчувствия. Сам митрополит Кирилл и в письмах митрополиту Сергию, и на допросах, и в переписке с единомышленниками устраняет политический аспект из темы о причинах своего несогласия с митрополитом Сергием.

Для понимания причин разногласий митрополита Кирилла и митрополита Сергия необходимо уяснить разность в их толкова-

нии прав заместителя местоблюстителя. Митрополит Сергий отстаивал полное тождество своих, как заместителя, прав правам самого местоблюстителя, предлагая даже новое именование своего правового статуса — «временно исполняющий обязанности патриаршего местоблюстителя». В этой терминологической казуистике видятся нам особенности психотипа опытного синодального бюрократа.

Уже во втором своем письме-отзыве владыка Кирилл указывал на то, что митрополит Сергий, вероятно, не замечает весьма существенной разницы между митрополитом Петром и собой в порядке правопреемства. Если митрополит Петр принял свои церковные полномочия после патриарха и является единым носителем оставленных прав, в каковом достоинстве был утвержден в день погребения Святейшего Патриарха собравшимися в значительном количестве епископами, то митрополит Сергий свои полномочия воспринял от митрополита Петра, пусть даже без оговоренных ограничений, но в пользовании ими митрополита Сергия ограничивает существование местоблюстителя митрополита Петра, который от своих местоблюстительских прав не отказывался и до сих пор признается Церковью в своем достоинстве, выступая перед Церковью с посланиями и самостоятельными предложениями. По такому порядку сложившихся отношений за митрополитом Сергием должно оставаться исполнение *«ежедневных обязанностей по церковному управлению»*. Становясь на точку зрения равенства прав митрополита Сергия с правами митрополита Петра,— писал владыка Кирилл,— верующие *«при наличии подобных актов, имели бы одновременно два возглавления нашей Церкви: митрополита Петра и Вас. Но этого в Церкви быть не может, и Ваши права в ней — только отражение прав митрополита Петра и самостоятельного светолучения не имеют»*.

Кроме того, принятие митрополитом Сергием своих полномочий от митрополита Петра, без утверждения епископатом, ставит заместителя местоблюстителя перед Церковью в положение только *«личного уполномоченного митрополита Петра, для обеспечения на время его отсутствия сохранности принятого им курса церковного управления, но не в положение заменяющего главу Церкви, или «первого епископа страны»*.

Отвечая на резкие слова митрополита Сергия «знать свою меру» в суждении о деятельности «первого епископа страны» (т. е. митрополита Сергия), владыка Кирилл выражает недоумение на постоянную склонность митрополита Сергия *«ставить свою деятельность в непосредственную связь с именем почившего патриарха»*.

Характерно, что митрополит Кирилл ни в одном из своих писем не напомнил митрополиту Сергию о его отпадении в обновленчество и его предательстве патриарха Тихона. Надо полагать, что владыка считал это не этичным после принесенного митрополитом Сергием покаяния. Но митрополит Кирилл не мог согласиться с декларируемым митрополитом Сергием первоепископством в очевидный обход прав митрополита Петра, признанного законным патриаршим местоблюстителем. *«Если бы Вы «знали свою меру» и действовали по духу св. канонов,*— писал митрополит Кирилл,— *то остерегались бы постоянно апеллировать к этому авторитету* (авторитету патриарха Тихона.— *А. Ж.*), *так сказать, через голову митрополита Петра, от которого Вы получили свои полномочия, и испрошение согласия митрополита Петра на Ваши мероприятия исключительной важности должно быть для Вас и для Церкви ручательством, что Вы подлинно не отступаете от линии действования Святейшего. Ведь полномочия-то патриаршие перешли непосредственно от патриарха не к Вам, а к митрополиту Петру, и Вам следует сохранять по отношению к нему для всех нас обязательную мерность*[8]» (2).

«Мерность» — термин юридический, но здесь он фиксирует этико-каноническую позицию митрополита Кирилла, убежденного, что нет никаких оснований отчуждать от митрополита Петра его первоиерашество. Все, в том числе (и даже прежде всего) — заместитель местоблюстителя, обязаны признавать первоиерархом Церкви митрополита Петра. Иная позиция, в частности, направленная на утверждение первым епископом заместителя местоблюстителя, является узурпацией прав митрополита Петра.

Четвертая особенность — *признание морально недопустимым совместное евхаристическое общение (литургисание) с последователями митрополита Сергия.*

Отказ от братского общения характеризуется митрополитом Кириллом как «отказ участвовать в чужих грехах» и невозможность иным способом «обличить согрешающего брата»: «*Ни от чего святого и подлинно церковного я не отделяюсь; страшусь только приступать и прилепляться к тому, что считаю греховным по самому происхождению, и потому воздерживаюсь от братского общения с митрополитом Сергием и ему единомышленными архипастырями, так как нет у меня другого способа обличить согрешающего брата*».

Рассуждения митрополита Кирилла являют нам пример литургического богословия, когда евхаристическое служение пастыря допускается только в единомыслии и сердечном мире с сослужителем: «*Я воздерживаюсь литургисать с Вами не потому, что тайна Тела и Крови Христовых будто бы не совершится при нашем совместном служении,*— писал митрополит Кирилл,— *но потому, что приобщение от Чаши Господней обоим нам будет в суд и осуждение, так как наше внутреннее настроение, смущаемое неодинаковым пониманием своих церковных взаимоотношений, отнимет у нас возможность в полном спокойствии духа приносить милость мира, жертву хваления*» *(2)*. Это, так сказать, литургический аспект разрыва церковного общения.

Присутствует здесь и свидетельство о творящейся неправде. Имеется и своеобразный пастырский аспект воздержания от евхаристического общения (попытка «братского взразумления» митрополита Сергия, так как иного средства нет). И здесь со стороны священномученика Кирилла нет стремления как-то умалить достоинство и права митрополита Сергия. Напротив, владыка Кирилл пишет о том, что «*если такое воздержание* (от евхаристического общения.— *А. Ж.*) *будет способно Вас потревожить даже до готовности пересмотреть свои мероприятия и отказаться от услуг Вашего соправителя* (Временного Синода.— *А. Ж.*), *принесших нам небывалое замешательство в чине церковном, то благодарное церковное общество встретит этот Ваш шаг как драгоценную решимость блюсти в неизменной целости принятый Вами на хранение церковный строй*» *(2)*.

И здесь мы подходим к следующей, **пятой особенности** воззрений владыки Кирилла — *признание благодатности таинств не только представителей правой оппозиции, но и последователей митрополита Сергия.*

Митрополит Кирилл особо подчеркивает, что отказ от евхаристического общения с иерархами, единомысленными митрополиту Сергию, не понимается *«как отделение от руководимой митрополитом Сергием части Православной Церкви, так как личный грех митрополита Сергия относительно управления Церковью не повреждает содержимого и этой частью Церкви — православно-догматического учения».*

Впоследствии митрополит Кирилл неоднократно будет указывать на необходимость различать те действия митрополита Сергия и его единомышленников, которые совершаются ими *«по надлежащему чину в силу благодатных прав, полученных через Таинство Священства, от таких деяний, кои совершаются с превышением своих сакраментальных прав по человеческим ухищрениям, в ограждение и поддержание своих самоизмышленных прав в Церкви»* (письмо 1934 года неизвестному архиерею).

Шестая особенность взглядов митрополита Кирилла (как производная от четвертой и пятой) — это *проведение различия между личным и церковным общением с последователями митрополита Сергия* (например, признание морально допустимым для мирян, в случае отсутствия храма с единомысленным духовенством, участвовать в богослужении и причащаться Святых Таин, но без активного участия в жизни прихода; а также готовностью самого митрополита Кирилла — в случае «смертной опасности» — принять елеосвящение и последнее напутствие от сергиевского священника, в том случае, если не окажется поблизости единомысленного с митрополитом Кириллом клирика).

Митрополит Кирилл во втором своем письме-отзыве отвечал митрополиту Сергию: *«Среди рядового духовенства очень немного сознательных идеологов Вашей церковной деятельности. Большинство остается послушным Вам, так сказать, по инерции и не смутятся в случае надобности у меня исповедоваться, исповедовать меня и со мною причащаться, не привлекая к делу мое отно-*

шение к Вам и Ваше ко мне. Приемля от такого священника последнее напутствие, я ничуть не подрываю свою, как вы называете, позицию» (2).

Из этой же особенности экклезиологических воззрений митрополита Казанского Кирилла логичным образом происходит готовность совершать богослужение в сергиевских храмах — *без предварительного освящения* (т. е. без сомнения в благодатности того сергиевского духовенства, которое в этом храме служит). Но богослужение это, в силу разрыва евхаристического общения, митрополит Кирилл будет совершать в одиночку или совместно с единомысленным духовенством.

Проводя различие между частной и церковной молитвой, митрополит Кирилл в своем ответе на вопросы из Казанской епархии писал, что молиться о митрополите Сергии наряду с остальными архипастырями не является грехом — это долг всех православных христиан, если только «*общецерковное рассуждение не объявит учиненное митрополитом Сергием злоупотребление доверенной ему церковной властью грехом к смерти* (Мф. 18, 15—17; 1 Ин. 5, 16)»[9]. В то же время, богослужебное поминовение митрополита Сергия рядом с митрополитом Кириллом, если таковое совершается где-нибудь в Казанской епархии, есть, по слову владыки Кирилла, «*плод недоразумения, созданного уверениями, будто митрополит Кирилл единомыслен с митрополитом Сергием во всех его церковных мероприятиях*».

Здесь чувствуется некоторая *двусмысленность* позиции митрополита Кирилла. Он *признает* митрополита Сергия заместителем патриаршего местоблюстителя, но считает *грехом* сознательное поминовение имени митрополита Сергия рядом с именем митрополита Кирилла. Однако при этом и автономного управления Казанской епархией владыка Кирилл еще не провозглашает (в первом письме 1929 года о церковном управлении по патриаршему указу 1920 года митрополит Кирилл еще не писал, надеясь на восстановление церковного мира).

На эту двусмысленность указывал и митрополит Сергий в своем ответном письме, и ряд современных исследователей (например, протоиерей В. Цыпин[10], Д. Поспеловский[11]). Эту двусмыслен-

ность следует объяснить следующим образом. Митрополит Кирилл не может провозгласить автономного управления, поскольку, во-первых, жив митрополит Петр, местоблюститель патриаршего престола, который признается митрополитом Кириллом и поминается им за богослужением. Потому всякие действия по созданию «автономии» (от митрополита Сергия) будут, хотя бы и косвенно, направлены против митрополита Петра, как главы Русской Православной Церкви. Во-вторых, есть еще надежда на исправление ситуации с церковным управлением. В-третьих, если и должно поминаться имя «первого епископа страны», то это должно быть имя митрополита Петра, что требовал, кстати, и сам митрополит Петр в документах о назначении кандидатов в заместители местоблюстителя. Этого требования — под давлением властей — не соблюдал, кстати, митрополит Сергий, что также настораживало правую оппозицию.

Относительно поминовения в Казанской епархии имени митрополита Сергия рядом с именем митрополита Кирилла, помимо указанных владыкой Кириллом и нами причин, следует вспомнить и распоряжение самого митрополита Кирилла от 8 (21) июня 1922 года, согласно которому в Казанской епархии в случае ареста и ссылки правящего архиерея поминаться должно было только имя митрополита Кирилла, а не викария, временно управляющего Казанской епархией. Причем имя викарного епископа могло поминаться только *в случае смерти* Казанского митрополита на период *до назначения* нового правящего архиерея. Отсюда более понятной становится позиция владыки Кирилла и в вопросе поминовения за богослужением имени митрополита Сергия. Поскольку митрополит Сергий являлся только *заместителем* местоблюстителя, что, в понимании митрополита Кирилла, и означало «викарий», то и возноситься за богослужением должно, прежде всего, имя местоблюстителя — митрополита Петра, а не его заместителя (викария) — митрополита Сергия.

Седьмая особенность — *определение порядка церковной жизни указом патриарха Тихона от 7 (20) ноября 1920 года* «при временной невозможности общения с центром церковной власти», т. е. с митрополитом Петром.

К этому вопросу мы еще обратимся позднее, здесь же процитируем отрывок из февральского письма 1934 года митрополита Кирилла неизвестному архиерею: «*Понимание патриаршего завещания, утверждаемое митрополитом Сергием, привело уже к тому, что завещание, составленное для обеспечения скорейшего избрания нового патриарха, стало основой для подмены в церковном управлении личности патриарха какой-то коллегиальной «патриархией». Оставаясь в каноническом единении с патриаршим местоблюстителем митрополитом Петром, при переживаемой невозможности сношения с ним признаем единственно закономерным устроение церковного управления на основе патриаршего указа 7 (20) ноября 1920 г.*».

Восьмая особенность — *условное непризнание административных распоряжений Синода и митрополита Сергия*, т. е. готовность митрополита Кирилла восстановить церковное общение при устранении митрополитом Сергием незаконных, по мнению митрополита Кирилла, церковно-административных инициатив (учреждение Временного Патриаршего Синода, прещения на оппозиционное духовенство, отказ от передачи всех церковных споров на суд митрополита Петра Крутицкого, восстановлением «мерности» в отношении главы Церкви митрополита Петра).

«*До тех пор, пока митрополит Сергий не уничтожит учрежденного им Синода,* — писал митрополит Кирилл в одном из своих писем,— *ни одно из его административно-церковных распоряжений, издаваемых с участием так называемого Патриаршего Синода, я не могу признавать для себя обязательным к исполнению*».

Готовность митрополита Кирилла к восстановлению церковного мира видна нам из следующих его слов, обращенных к митрополиту Сергию: «*Уверен, что если бы Ваше Высокопреосвященство во имя сохранения церковного исполнения последовали моему совету, то все упоминаемые Вами в письме ко мне противники Ваши снова с любовью возвратились бы под Ваше руководство и прекратилась бы для Вас надобность расточать новые и новые прещения и меня объявлять «учителем бесчиния» со всеми последствиями такого учительства*» (2).

Девятая особенность экклезиологических взглядов митрополита Кирилла заключается в *признании допустимости поминовения гражданской власти по формуле «о всех иже во власти суть и о еже возглаголати в сердца их благая и мирная о Церкви Твоей Святей»* (1-е письмо митрополита Кирилла);

Еще в своем первом письме митрополиту Сергию владыка Кирилл приводил возможные формы поминовения светских властей на великой и сугубой ектеньях, на проскомидии, в евхаристической молитве во время литургий святителя Иоанна Златоуста и святителя Василия Великого. Эта практика сложилась, по утверждению митрополита Кирилла, в 1923 году среди духовенства, находившегося в Зырянской ссылке. Подобное поминовение властей отражало, по мнению владыки, «*искреннее церковное отношение и к Божиему, и к кесареву*»[12]. Признание митрополитом Кириллом возможности и даже необходимости литургического поминовения гражданских властей свидетельствует о том, что его взглядам на светскую власть был чужд ригоризм.

Десятая особенность – это *отношение к гонениям на Церковь как к суду Божию.*

Здесь весьма характерен протокол допроса 26 февраля 1930 года в Красноярске, в котором зафиксировано отношение митрополита Кирилла к антирелигиозной деятельности соввласти. Митрополитом Кириллом правительственные антихристианские мероприятия осмысливаются «*как обнаружение не человеческих каких-либо соображений и умышлений, а осуществление над русским церковным обществом суда Божия, карающего нас за наши исторически выявленные церковные падения и призывающего к покаянию*»[13].

Владыку Кирилла никогда нельзя было упрекнуть в «дипломатичности» ответов. Если это не могло причинить какого-либо вреда кому-то из верующих, владыка отвечал на допросах прямо и, порой, резко, с тем прямодушным достоинством, которое всегда его отличало. Так, в том же 1930 году он писал: «*Отношение сов. власти к религии, предназначенной к ликвидации, представляется как ряд постепенных настойчивых мероприятий в том направлении, чтобы дать возможность всем наличным носителям религиозности*

дожить на законном основании свой век, но не оставлять наследников своего миросозерцания»[14].

Подводя итог рассмотрению особенностей экклезиологических воззрений митрополита Кирилла, заметим, что ключевой фразой в понимании его взглядов на **церковно-административную** ситуацию в Русской Церкви являются слова, написанные им в 1934 году: «*Неблагополучие в Русской Православной Церкви видится мне не со стороны содержимого Ею учения, а со стороны управления*».

А какой порядок преемства церковной власти виделся митрополиту Кириллу в качестве законного и канонического? Понимание митрополита Кирилла выражено в уже процитированном нами письме 1934 года. «*Сохранение надлежащего порядка в церковном управлении со смерти Святейшего Патриарха Тихона и до созыва законного Церковного Собора обеспечивалось завещанием Святейшего Патриарха, оставленного им в силу особого, ему только данного и никому не передаваемого права назначить себе заместителя,*— писал митрополит Кирилл в январе 1934 года.— *Этим завещанием нормируется управление Русской Церковью до тех пор, пока не будет исчерпано до конца его содержание. Несущий обязанности патриаршего местоблюстителя иерарх сохраняет свои церковные полномочия до избрания Собором нового патриарха. При замедлении дела с выбором патриарха местоблюститель остается на своем посту до смерти, или собственного добровольного от него отречения, или устранения по церковному суду*»[15].

Итак, по свидетельству митрополита Кирилла, есть только три условия, по которым местоблюститель устраняется от управления Церковью,— в случае смерти, добровольного отречения, по церковному суду. Это важно, поскольку митрополит Кирилл подчеркивает, таким образом, невозможность устранения местоблюстителя от управления Церковью на основании того, что местоблюститель находится в заключении или ссылке. Известно, что и канонические правила, на которые так часто ссылался митрополит Сергий, не предусматривают назначение епископа на «живое место», особен-

но если епископ насильственно или вынужденно удален из своей епархии.

Далее митрополит Кирилл указывал на то, что местоблюститель *«не правомочен назначить себе заместителя с правом, тождественным его местоблюстительским правам. У него может быть только временный заместитель для текущих дел, действующий по его указаниям. Вот в этом пункте и является погрешность со стороны митрополита Сергия, признающего себя в отсутствие митрополита Петра имеющим все его местоблюстительские права. Его грех — в превышении власти, и православный епископат не должен был признавать такую его власть и, убедившись, что митрополит Сергий правит Церковью без руководства митрополита Петра, должен был управляться по силе патриаршего указа 7 (20) ноября 1920 г., готовясь дать отчет в своей деятельности митрополиту Петру или Собору»*.

Итак, для митрополита Кирилла средством против узурпации митрополитом Сергием власти является патриарший указ 1920 года. Причем, это средство столь же законно (а может быть, и более), сколь и патриаршее завещательное распоряжение, которое ведь и оставлено-то было для сохранения целостности патриаршего церковного строя. При этом главой Церкви остается заключенный, но насильственно властями отстраненный митрополит Петр Крутицкий. В другом, февральском, письме 1934 года митрополит Кирилл писал одному архиерею, что указом 1920 года *«необходимо руководствоваться и при временной невозможности сношения с лицом, несущим в силу завещания достоинство церковного центра»*[16], т. е. с митрополитом Петром.

Если еще до созыва Собора местоблюститель умирает, то, по мнению митрополита Кирилла, *«необходимо снова обратиться к патриаршему завещанию и в правах местоблюстителя признать одного из оставшихся в живых, указанных в патриаршем завещании иерархов. Если ни одного в живых не окажется, то действие завещания окончилось, и Церковь сама собою переходит на управление по патриаршему указу 7 (20) ноября 1920 г., и общими усилиями епископата осуществляется созыв Собора для выбора патриарха»*.

Поэтому только после смерти митрополита Петра или его законного удаления митрополит Кирилл находит для себя «*не только возможным, но и обязательным активное вмешательство в общее церковное управление Русской Церковью. Дотоле же иерархи, признающие своим первоиерархом митрополита Петра, возносящие его имя по чину за богослужением и не признающие законной преемственности Сергиева управления, могут существовать до суда соборного параллельно с признающими; выгнанные из своих епархий, духовно руководя теми единицами, какие признают их своими архипастырями, а невыгнанные — руководя духовной жизнью всей своей епархии, всячески поддерживая взаимную связь и церковное единение*».

Митрополит Кирилл на предложение объявить о вступлении в права местоблюстителя указывает, что «быть явочным порядком заместителем митрополита Петра без его о том распоряжения» не может. Действительно, такое вступление было узурпацией прав, принадлежащих митрополиту Петру, нарушением со стороны владыки Кирилла «мерности» по отношению к находящемуся в узах патриаршему местоблюстителю. Но если митрополит Петр добровольно откажется от местоблюстительства, то, как писал владыка Кирилл, «*я в силу завещания Святейшего Патриарха и данного ему мною обещания исполню свой долг и приму тяготу местоблюстительства, хотя бы митрополит Петр назначил и другого себе преемника, ибо у него нет права на такое назначение*»[17].

Говоря о воззрениях митрополита Кирилла на церковное управление, нельзя не отметить еще одну новую тенденцию в оценке воззрений митрополита Кирилла. В последнее время стала популярной идея об изменении к 1937 году воззрений митрополита Кирилла на благодатность таинств последователей митрополита Сергия. Все рассуждения об эволюции позиции митрополита Кирилла основываются на черновике недописанного письма, обнаруженного в последнем следственном деле, по которому проходил митрополит Кирилл. Это черновик письма от 23 (8) марта 1937 года, адресованного иеромонаху Леониду[18]. Среди прочего в письме содержалась такая фраза: «*Происшествия же последнего времени окончательно выявили обновленческую природу сергианства*»[19].

Понятно, что под происшествиями последнего времени митрополит Кирилл понимал события последних лет: принятие митрополитом Сергием, при живом еще митрополите Петре, титула «блаженнейшего», а также издание 27 декабря 1936 года «Акта о переходе прав и обязанностей местоблюстителя патриаршего престола Российской Церкви к заместителю патриаршего местоблюстителя блаженнейшему митрополиту Московскому и Коломенскому Сергию (Страгородскому)», что было воспринято ссыльной оппозиционной иерархией как игнорирование митрополитом Сергием и завещательного распоряжения патриарха Тихона от 25. 12. 1924 года (07. 01. 1925), и завещательного распоряжения митрополита Петра от 22. 11 (05. 12). 1925 года. Все это происходило в обход прав митрополита Кирилла.

Указания на то, что митрополит Кирилл не мог вступить в управление, сколь справедливы, столь и бессмысленны, ибо в документе митрополита Петра было важное уточнение: «*Возношение за богослужением моего имени, как патриаршего местоблюстителя, остается обязательным*». Таким образом, непременным условием *замещения* патриаршего местоблюстителя являлось *поминовение* митрополита Петра как патриаршего местоблюстителя. Этого условия, кстати, не исполнял митрополит Сергий, что ставило под сомнение очевидность сохранения им подчиненного отношения к митрополиту Петру. Вообще именно тех, кто не поминал за богослужением митрополита Петра, как патриаршего местоблюстителя, и логично было бы называть «непоминающими».

Вместе с тем, в историографии сложилась устойчивая традиция именовать «непоминающими» тех, кто не поминал за богослужениями заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), поминая только патриаршего местоблюстителя митрополита Петра. Любопытно, что самого митрополита Сергия можно было бы вполне оправданно именовать «непоминающим».

Как тут не вспомнить событие, имевшее место 12 декабря 1927 года, когда состоялась беседа представителей Ленинградской епархии епископа Гдовского Димитрия (Любимова), протоиерея Василия Верюжского, протоиерея Викторина Добронравова и мирянина Алексеева с митрополитом Сергием. На вопрос делегатов: «А скажите,

Владыко, имя митрополита Петра предполагается отменить?», — митрополит Сергий отвечал: «Если власти прикажут, так что же будешь делать? И сам Святейший Патриарх Тихон разрешил под давлением властей не поминать его». Тогда протоиерей Василий Верюжский заметил: «Но Святейший Патриарх Тихон мог разрешить не поминать себя, а вы отменить имени митрополита Петра не можете!» На это замечание ответа митрополита Сергия не последовало.

Но вернемся к одному из последних дошедших до нас писем, в котором владыка Кирилл высказывает свое отношение к митрополиту Сергию.

«Ожидание, что м[итрополит] Сергий исправит свои ошибки, не оправдались, но для прежде несознательных ~~верующих~~[20] членов Церкви было довольно времени, побуждений и возможности разобраться в происходящем, и оч[ень] многие разобрались и поняли, что м[итрополит] С-[ерг]ий отходит от той Православной Церкви, какую завещал нам хранить Св. Патриарх Тихон, и следовательно для православных нет с ним части и жребия. Происшествия же последнего времени окончательно выявили обновленческую природу сергианства. Спасутся ли пребывающие в сергианстве верующие, мы не можем знать, потому что дело спасения вечного есть дело милости и благодати Божией, но для видящих и чувствующих неправду сергианства (каковы Ваши вопросы) было бы непростительным лукавством закрывать глаза на эту неправду и там искать ~~духовного руководства~~ удовлетворения духовных своих ~~нужд~~ потребностей с совестию, сомнящеюся в возможности такого удовлетворения. Всё, что не от веры, — грех. Ложь нельзя исправлять ложью ~~и никоим образом~~, стало быть, нельзя предпочитать григорьевство сергианству».

Итак, фраза: «*Происшествия же последнего времени окончательно выявили обновленческую природу сергианства*». Именно в словах «обновленческая природа сергианства» видят исследователи (в частности, первый публикатор упомянутого письма М. В. Шкаровский)[21] эволюцию взглядов и сближение с позицией митрополита Иосифа (Петровых) и епископа Виктора (Островидова). Согласиться с этим не можем, *коренного* изменения взгляды митрополита Кирилла не претерпели. Митрополит Кирилл еще в феврале 1934 года

писал неизвестному архиерею: *«Иное понимание патриаршего завещания, утверждаемое митрополитом Сергием, привело уже к тому, что завещание, составленное для обеспечения скорейшего избрания нового патриарха, стало основой для подмены в церковном управлении личности патриарха какой-то коллегиальной «Патриархией». Почиет ли на этом начинании митрополита Сергия благословение Божие, мы не дерзаем судить, доколе законный Собор своим приговором не изречет о нем суда Духа Святаго, но, как и все,* ***обновленчеству*** *сродное* (выделено мной.— *А. Ж.), не можем признать* ***обновленное*** (выделено мной.— *А. Ж.) митрополитом Сергием и церковное управление нашим православным, преемственно идущим от Святейшего Патриарха Тихона, и потому, оставаясь в каноническом единении с патриаршим местоблюстителем митрополитом Петром, при переживаемой невозможности сношения с ним признаем единственно закономерным устроение церковного управления на основе патриаршего указа 7 (20) ноября 1920 г.»*[22].

Отсюда видно, что для митрополита Кирилла «обновленческая природа сергианства» заключается не в утверждении за деятельностью митрополита Сергия какой-то новой «ереси», а в нарушении нормального (патриаршего) церковного управления, в своеобразном «обновлении» митрополитом Сергием формы высшей церковной власти. Более того, как в 1934 году владыка митрополит признавал благодатность таинств иерархии, признающей митрополита Сергия, так и в 1937 году (в том же письме) митрополит Кирилл упоминает о «ревности не по разуму» некоторых церковных деятелей — (в частности, последователей священномученика епископа Виктора (Островидова), готовых даже перекрещивать «сергиан».

Еще очевиднее позиция митрополита Кирилла становится в следующих его словах: *«Ложь нельзя исправлять ложью и... стало быть, нельзя предпочитать григорьевство сергианству»*. Григорианство являлось расколом, и именно как к расколу относился митрополит Кирилл к деструктивным инициативам в области церковного управления архиепископа Григория (Яцковского). Значит, и в вышепроцитированных словах не видим мы существенного изменения позиции владыки Кирилла. По-прежнему, можно считать,

что для митрополита Кирилла грех митрополита Сергия заключается, как писал владыка еще в 1934 году, *«в превышении власти»*.

Таким образом, мы не наблюдаем существенного изменения взглядов митрополита Кирилла к 1937 году.

Для митрополита Кирилла уже к 1934—1935 годам становится понятно, что митрополит Сергий, узурпировав церковную власть, не отойдет от взятого курса, не будет передавать на суд митрополита Петра вопросы, связанные с правой оппозицией и собственными церковно-административными новшествами, не отменит существование коллегиального Синода, не перестанет запрещать инакомысленное духовенство и не приложит усилий к созыву Собора, пока этого не разрешит советская власть.

В 1937 году констатация все того же необратимого характера церковно-административных реформ митрополита Сергия: *«Ожидания, что м[итрополит] Сергий исправит свои ошибки, не оправдались...»*. Напомним, что для митрополита Кирилла именно христианской этикой поверялись многие сложные экклезиологические вопросы. Отсюда страшный вердикт *«для православных нет с ним* (митрополитом Сергием.— *А. Ж.*) *части и жребия»*. Что это значит «нет с ним части и жребия»? Это значит, что, по мнению митрополита Кирилла, митрополит Сергий — узурпатор церковной власти. С ним «нет части» и потому, что так считают обе стороны (ведь митрополит Сергий своим известным постановлением запрещал даже отпевать инакомысленных, фактически отказав в благодатности таинствам «непоминающих»). Эти слова митрополита Кирилла есть констатация факта состояния церковной разделенности, осознанной обеими оппонирующими друг другу сторонами. Отказываясь от надежды на возвращение митрополита Сергия с пути узурпации церковной власти, митрополит Кирилл тем не менее не отказывает в благодатности той части Церкви, которую возглавляет митрополит Сергий. Рассуждения митрополита Кирилла, как всегда, лишены этического ригоризма, ибо *«дело спасения вечного есть дело милости и благодати Божией»*.

Исследователям еще предстоит более детально выявить особенности богословия митрополита Кирилла, но прошу вас вновь обратить внимание на характер его терминологии. Насколько важным

в экклезиологии оказывается для митрополита Кирилла нравственный аспект, мы видим из следующих часто употребляемых понятий, которые я выстроил в хронологической последовательности по времени их упоминаний священномучеником Кириллом: *«иерархическая совесть» (1), «нарушение братской любви» (1), «обличение согрешающего брата» (1), «воздержание от братского общения» (1), «страх приступить и прилепиться ко греху» (1), «братские увещания» (1), «архипастырский долг» (1), «нежелание и отказ участвовать в чужих грехах» (1), «искренность» и «устранение всякого лукавства» в деле церковном, «церковная терпимость» (1) церковное окормление (1), «смущаемая совесть чад» (1), «совесть паствы» (1), «канонический буквализм» (2), «патриарший строй» (2), «психология церковного общества» (2), «церковное сознание» (2), «церковное бесчиние» (2), «чистота Православия» (2), «христианское душепастырство» (со ссылкой на 1 Пет. 5, 2—3) (3), «дело нравственно-архипастырского служения Святой Церкви» (3), «правда Церкви» (3), «достоинство Церкви» (3).*

Удивительный получается понятийный ряд. В нем экклезиология, церковное право и пастырское богословие неизменно оказываются связаны с представлениями об исключительном значении христианской этики. Отсюда и понятия «достоинство Церкви», «правда Церкви», «совесть паствы» «иерархическая совесть», терминология часто не находившая адекватной оценки. Напомним, что, например, митрополит Сергий откровенно насмехался над стремлением митрополита Кирилла апеллировать к «иерархической совести», а не к канонам. Но эта тема, повторяю, должна еще найти своего благодарного исследователя.

Святая жизнь митрополита Кирилла, его бескорыстное служение Церкви свидетельствуют о том, что бессмысленно искать личные или партийные мотивы там, где принимаемые решения определяются представлениями о высоком достоинстве и ответственности церковных иерархов и заботами о достоинстве Русской Церкви. И сам митрополит Кирилл верил, что *«ревность о сохранении в полной чистоте церковного устроения нашего, как елей над водою, всегда всплывет вверх над обвинениями в раскольничестве в сосуде действительной церковной правды».*

СВЕТСКАЯ И ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ПРАВОЙ ОППОЗИЦИИ И МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ (СТРАГОРОДСКОГО)[23]

Настоящая статья не ставит задачи исследовать взаимоотношения правой оппозиции и митрополита Сергия, а преследует более скромную цель — дать, по возможности, полный и в то же время критический историографический обзор различных мнений светских и церковных исследователей по вопросу о взаимоотношениях правой оппозиции и заместителя патриаршего местоблюстителя (преимущественно в период до конца 1930-х годов).

Левая и правая оппозиции, как некое явление в русской церковной истории, возникают еще до заместительства митрополита Сергия (будущего патриарха Московского и всея Руси). Характерно, что при патриархе Тихоне развивается преимущественно левая оппозиция (обновленчество, григорианство), а правая оппозиция возникает лишь после возникновения левой оппозиции, причем как явление не массовое (пример тому т. н. «даниловская» оппозиция). При этом оппозиционность этой правой оппозиции ограничивается только критикой непоследовательности патриарха Тихона в формировании им Св. Синода и некоторых других частных вопросов, но не приводит к церковному размежеванию или расколу, поскольку Святейший Тихон, чувствуя ответственность, возложенную на него, как на первого после Синодальной эпохи патри-

арха, прислушивается к критике. Иная ситуация происходит при заместительстве митрополита Нижегородского Сергия.

Генезис правой и левой оппозиции различен. Левая оппозиция возникает как движение, инициированное или, во всяком случае, активно поддерживаемое государственной властью. Соответственно левая оппозиция лояльна по отношению к светской власти и ее религиозной (=антирелигиозной) политике. Левая оппозиция антагонистична ортодоксии (староцерковничеству, «тихоновщине»), как направлению, имплицитно (а иногда и откровенно) враждебного атеистическому государству. Кроме того, после освобождения патриарха Тихона и его заявления от 16 июня 1923 года обновленчество утратило те позиции, которые сумело в кратчайшие сроки завоевать благодаря поддержке государственной власти. В этом смысле староцерковничество, в лице Святейшего Патриарха, выбило почву из-под ног обновленчества, продемонстрировав, во-первых, что оно «отныне советской власти не враг»[24], во-вторых, что способно даже при отсутствии зарегистрированных епархиальных управлений, организационно сплотить верующих и духовенство.

Правая оппозиция формируется не только в результате неприятия преобразований в области государственного устройства вообще и в сфере государственно-церковных отношений, в частности. Подобное мнение, широко распространенное в исторической литературе, безусловно, упрощает ситуацию. Правая оппозиция не была однородной, и ее генезис более сложен, чем генезис левой оппозиции. Оппозиция не может быть «безадресной», она должна быть оппозицией кому-то. При патриархе Тихоне правая оппозиция не могла сформироваться, поскольку сам патриарх стоял на правых позициях, во всяком случае до 1923 года. Высокий авторитет Святейшего Тихона и его мудрая церковная политика, сообразующаяся с мнением наиболее авторитетных русских иерархов, позволили избежать (даже после ряда компромиссных заявлений патриарха) формирования активной правой оппозиции.

Ситуация несколько изменилась в краткий период свободного местоблюстительства митрополита Петра (появились отдельные церковные группы, не признавшие его полномочий) и радикально изменилась при заместительстве митрополита Сергия (возникли

размежевания и расколы, причем во главе их стояли многие авторитетные иерархи). В настоящей статье не ставится задача исследовать различные мнения на причины и характер известной Декларации 1927 года, хотя этот документ и играет важную (но не главную) роль в истории взаимоотношений правой оппозиции и митрополита Сергия. Во всяком случае, многие исследователи (вне зависимости от юрисдикционной принадлежности) увязывают начало формирования правой оппозиции именно с опубликованием Декларации 1927 года. Однако нас более интересует характер и генезис правой оппозиции, причины и формы ее возникновения, имевшие место прецеденты подобных оппозиций в церковной истории, оценка правой оппозиции различными светскими и церковными исследователями.

В правой оппозиции всегда можно обнаружить две основные группы — *непримиримую* (которую можно назвать *ревнителями-зилотами*) и *умеренную*. По отношению к ревнителям, митрополита Сергия и единомысленное ему духовенство можно назвать (следуя византийской традиции) *политиками* (сторонниками церковной икономии в вопросах церковно-государственных отношений)[25].

Если честно и тщательно исследовать исторический материал, то можно не раз убедиться, что церковная ситуация в Советской России, какой бы ни казалась она нам уникальной, имеет аналоги в общецерковной истории. Византийские зилоты — игнатиане и арсениты (последователи патриархов Константинопольских: Игнатия (846—857, 867—877), оппонировавшего патриарху Фотию; и Арсения (1255—1260, 1261—1266), отлучившего от Церкви императора Михаила Палеолога, и за это низложенного) — были прямыми предтечами русских сторонников ИПХ XX века. Арсениты являлись поборниками свободы и независимости Церкви даже от византийских императоров, что вступало в противоречие с византийской теорией симфонии государства и Церкви. А разве не напоминает нам приводимая ниже оценка известного русского византиниста описание каким-нибудь сторонником митрополита Сергия (Страгородского) ситуации, например, с иосифлянским движением 30-х годов: «...Взгляды Арсения, взволновавшие общество, нашли нема-

ло приверженцев как среди духовенства, так и среди мирян; возникшие в связи с этим беспорядки и смуты закончились образованием раскола «арсенитов», которые избрали своим девизом изречение апостола Павла: «не прикасайся... и не дотрагивайся» (Кол. 2, 21), т. е. до тех, кто осудил Арсения или согласился на это осуждение... Арсениты нашли сильную опору среди народных масс, где повышенное, напряженное настроение поддерживалось разными странниками, темными бродягами, пользовавшимися в народе славой «Божьих людей»[26].

В дореволюционной отечественной историографии (А. П. Лебедев[27], И. Е. Троицкий[28] и др.) утвердилась тенденция, согласно которой гораздо более симпатичной представлялась позиция политиков (сторонников церковной икономии и симфонического единства государства и Церкви), а не зилотов (арсенитов или игнатиан), которых именовали не иначе, как «темной, непризнанной, странной силой». Это, надо полагать, не вполне справедливо, и объяснялось, конечно, особенностями русской церковной науки синодального периода.

Отношение самих греков к правой оппозиции было иное. Ведь не случайно, в Константинопольской Церкви патриарх Игнатий был канонизован вскоре после смерти (первое житие святителя Игнатия Константинопольского было написано еще его современником Никитой Пафлагонянином), а патриарх Фотий — только в 1860 году[29], несмотря на то, что его исторический и богословский вклад гораздо более значим, чем вклад патриарха Игнатия, несомненно мало одаренного в административном и богословском смысле церковного деятеля.

Дело в том, что арсениты и игнатиане обладали обостренным эсхатологическим сознанием, которое должно быть близким и понятным каждому христианину. Христианин обязан жить в ожидании скорого Второго Пришествия Христова. Поэтому идеи о всеобщей апостасии и близости конца земного мира во все времена находили широкую питательную среду, особенно в эпоху государственных потрясений и национальных катастроф.

Но несомненно и другое. Это эсхатологическое сознание, переходя в крайности, неизбежно приобретало маргинальные формы.

Подобное вырождение происходило и с русскими зилотскими движениями (стригольники, старообрядцы — в прежние века, наиболее крайние группы ИПХ и ИПЦ — в XX веке), изначально выступавшими в качестве ревнителей церковного благочиния и благочестия, но завершавшими свой исторический путь беспоповством. Это сложное и трагическое явление в русской церковной жизни еще до конца не исследовано.

Когда мы говорим о непримиримой оппозиции (ревнителях, зилотах) митрополиту Сергию (Страгородскому) мы не говорим только об иосифлянстве XX века, хотя о нем имеется больше всего публикаций и архивных материалов. Как это ни покажется странным, но взгляды митрополита Иосифа (Петровых) не были столь уж крайними. Иосифлянское движение, ассоциируемое с именем митрополита Иосифа, было неоднородным и не являлось самой крайней оппозицией (во всяком случае, до середины 30-х годов). А внутри иосифлянского движения воззрения, например, епископа Дмитрия (Любимова) (объявившего митрополита Сергия безблагодатным уже в январе 1928 года[30]) были более категоричными, чем митрополита Иосифа, который отделился от митрополита Сергия только в феврале 1928 года, а на допросе осенью 1930 года так высказывался об «иосифлянстве»: «Это течение совершенно несправедливо окрещено «иосифлянами», каковую несправедливость указывает и сам митрополит Сергий в переписке его с митрополитом Кириллом. Гораздо основательнее оно должно быть названо вообще «антисергианским»... Самое течение нашей группы возродилось на благоприятной почве злоупотреблений митрополита Сергия и независимо от каких бы то ни было личностей вызвало одновременно повсюду соответствующе сильную реакцию в церковных кругах без всякого моего участия и влияния. Более того: я сам значительно позднее втянут был в это течение, и не оно шло и идет за мною, а скорее я плетусь в хвосте за ним, не сочувствуя многим его уклонам вправо и влево. И если бы даже уничтожить вовсе меня и мое участие в этом движении, оно безостановочно шло бы и пойдет дальше без малейшей надежды на полное искоренение»[31].

Таким образом, возникает множество вопросов, связанных с идентификацией различных групп и направлений внутри правой

оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому). В научной и публицистической литературе долгое время существовала путаница различных оппозиционных православных течений, в частности ИПХ и ИПЦ. М. В. Шкаровский[32] отмечал это заблуждение в исследованиях и статьях А. И. Демьянова [33], М. Бернштама[34], Д. Поспеловского[35] (полагавших, что ИПХ и ИПЦ — это одно фактически единое движение, только «истинно-православные христиане» — это оппозиционные общины без духовенства), А. И. Клибанова, З. А. Никольской, Л. Н. Митрохина[36] (полагавшие, что ИПХ выделились из ИПЦ на последнем этапе существования последней). Не преодолены подобные заблуждения и большинством современных исследователей. Даже И. И. Осипова в своей монографии, посвященной гонениям на ИПЦ, экстраполирует историю ИПЦ (!) на период до Декларации 1927 года, указывая, прежде всего, на пример оппозиционной деятельности архиепископа Андрея (Ухтомского)[37]. Однако владыку Андрея следует признать скорее одним из основоположников другого оппозиционного течения в Русской Церкви, а именно — Истинно-Православных Христиан (ИПХ). Нет согласия и в датировке возникновения и оформления различных правых движений в Русской Церкви.

Следует признать, что в последние годы появился ряд исследований, основывающихся в основных своих выводах преимущественно на архивных документах и изучающих историю движения «непоминающих» (не поминающих митрополита Сергия, а иногда и светскую власть). Это, прежде всего, исследования М. В. Шкаровского и И. И. Осиповой[38]. Однако, несмотря на то, что в исследованиях первого историка представлен наиболее удачный опыт характеристики правого оппозиционного движения, прежде всего — иосифлянства (ИПЦ), но не указан вполне отчетливо объем понятия «Катакомбная Церковь», не проведен сравнительный анализ исторических прецедентов церковных зилотских движений, умалено значение и несколько искажена позиция умеренной правой оппозиции (прежде всего, митрополита Кирилла) и т. д. В исследованиях же И. И. Осиповой, как это ни странно, и вовсе не делается различия между понятиями ИПЦ и ИПХ, часто выступающими в качестве синонимов. Отчасти это объяснимо отсутствием

достаточного количества архивных документов по истории движения «непоминающих», а также недоступностью некоторых следственных дел из ведомственных архивов. Это объективный фактор. Но есть и субъективный фактор, например, отношение конкретных исследователей к существующей литературе и опубликованным «источникам». В частности, и М. В. Шкаровский и И. И. Осипова активно используют в своих исследованиях публикации архиепископа Готфского Амвросия (Сиверса)[39] о т. н. «Кочующем» Соборе, Усть-Кутском Соборе 1937 года, Тайных Соборах 1948, 1961 годов и пр., часто именно на основании этих материалов делая серьезные аналитические выводы. Между тем сомнительность многих фактов, излагаемых архиепископом Амвросием (Сиверсом) — (и только им!) — позволяет некоторым исследователям[40] предполагать, что акты «Кочующего» и других вышеупомянутых Соборов, являются фальсификатом позднейших лет. Во всяком случае, достоверность подобных документов, кардинально меняющих представление церковных историков об оппозиционном движении в России, требует доказательств.

Наиболее крайним (и, одновременно, наиболее ранним) правым оппозиционным движением явилось движение Истинно-православных христиан (ИПХ). Генезис движения ИПХ довольно сложен. Первые группы катакомбного движения (а ИПХ изначально возникает как нелегальное, «катакомбное») появляются, по мнению некоторых исследователей[41], уже после январского воззвания патриарха Тихона. Следующий этап роста численности нелегальных общин был связан с выступлением против обновленчества, инициированного советской властью, и против изъятия церковных ценностей. По мнению Амвросия (Сиверса), а вслед за ним и М. В. Шкаровского[42] в «катакомбы» ушли и те «ревнители», которые не были удовлетворены компромиссной позицией патриарха Тихона, причем у истоков этого движения стояла влиятельная «даниловская оппозиция» (которая будто бы создала даже в 1923 году «параллельный Синод») и архиепископ Андрей (Ухтомский). Однако, как нам представляется, не вполне справедливо считать «катакомбной» (и ведущей к созданию параллельных церковных структур) позицию «даниловской оппозиции» и архиепископа Андрея (Ухтомского) в

период деятельности патриарха Тихона. Известно, что церковного общения с патриархом Тихоном ни архиепископ Феодор (Поздеевский), ни единомысленные ему епископы (архиепископ Серафим (Самойлович), архиепископ Гурий (Степанов) и др.) не прекращали, «конспиративным Синодом» епископское поселение в Даниловом монастыре в шутку называл сам патриарх Тихон[43]; да и преосвященный Андрей Уфимский не выходил из канонического повиновения Святейшему Патриарху, а автономия Уфимской епархии провозглашалась в ноябре 1922 года по причине ареста патриарха Тихона, отказа признать обновленческое ВЦУ, и на основании постановления от 20 ноября 1920 года, причем вслед за обращением митрополита Агафангела (Преображенского) к русским епископам: «Лишенные на время высшего руководства, вы управляете теперь своими епархиями самостоятельно, сообразуясь с Писанием, церковными канонами и обычным церковным правом, по совести и архиерейской присяге впредь до восстановления Высшей Церковной Власти»[44]. Справедливее будет отметить, что организованное катакомбное движение с участием, в частности, архиепископа Андрея (Ухтомского) возникает после смерти Святейшего Патриарха Тихона. При обновленчестве, в период тюремного заключения патриарха Тихона, имели место нелегальные богослужения церковных иерархов и духовенства, не желавших признавать ВЦУ, но это движение не было в полном смысле правой *оппозицией*, ибо само обновленчество являлось *расколом*. В противном случае мы будем вынуждены говорить о том, что и патриарх Тихон была в *правой оппозиции* обновленческому ВЦУ, а это, безусловно, бессмыслица, поскольку именно патриарх и являлся законным представителем высшей церковной власти. Таким образом, следует признать, что начало активного катакомбного движения относится к периоду после кончины Святейшего Патриарха Тихона.

Действительно, движение ИПХ более активно начинает развиваться с середины 20-х годов, и у истоков его стояли: архиепископ Андрей (Ухтомский) (который и ввел термин «истинно-православные христиане»), часть постриженных им (по благословению патриарха Тихона) епископов, епископ Стефан (Бех), схиепископ Макарий (Васильев). Характерно, что в 1925 году эти епископы не

признали местоблюстительских полномочий митрополита Крутицкого Петра (Полянского)[45], и это впоследствии являлось одним из главных отличий ИПХ от ИПЦ, возникшей позднее, чем движение ИПХ.

С середины 20-х годов в Центральном Черноземье, согласно исследованиям А. И. Демьянова, появляются катакомбные своеобразные *харизматические* (уже изначально маргинальные) движения — федоровцев (последователей монаха Федора (Рыбалкина), считавших, что антихрист пришел в 1917 году, но царствовал только до 1922 года, когда свершилось Второе Пришествие Христа Спасителя и началось 1000-летнее царство), чердашников (последователей Николая Хакилева, активно выступавших за торжество «Царства Божия на земле»), николаевцев (исповедовавших, что Дух Божий воплотился в императора Николая Второго), иоаннитов (ревностных последователей святого праведного Иоанна Кронштадтского), самарян и т. д. Большинство подобных харизматических движений вполне можно классифицировать как сектантские. Однако, по мнению Д. Поспеловского, эти движения «хотя и составляли экстремистское крыло «тихоновской» Церкви, но находились под предводительством монахов и священников этой Церкви и продолжали оставаться ее членами... Легализация сергиевского Синода поставила все указанные движения в нелегальное положение, т. е. толкнула их в катакомбы»[46].

Идеология подобных движений была определенно *антисоветско-эсхатологической* (советская власть — власть антихристова; Ленин (или Троцкий, Сталин) — антихрист; в колхозы вступать нельзя, ибо это учреждения антихристовы; детям в школах без Закона Божия учиться не следует; красная звезда — каббалистический знак сатаны; отсюда — популярность в этих кругах «Протоколов сионских мудрецов»); *катарской* (спасутся только избранные (=последователи данного движения), *харизматической* (основатель или избранный для поклонения человек представлялся носителем особого дара Святаго Духа, иногда даже — воплощенным Богом), *хилиастической* (например, у федоровцев и чердашников). Исключение составляли некоторые (не все) группы иоаннитов, имяславцы и некоторые другие движения, выражавшие скорее пафос на-

родного несогласия с приходом новой власти и с уничижением Православия, чем что-либо еретическое. Характерно, что многие катакомбные движения имели наибольшее распространение в тех губерниях, где до революции традиционно большой успех среди населения имели сектантские движения (например, в Тамбовской и Воронежской губерниях). Значительная часть последователей этих движений вела страннический образ жизни, проповедуя по губерниям и областям свое учение. Все эти движения с разной степенью категоричности отвергли Декларацию 1927 года. Большая их часть составила маргинальную (и потому наиболее непримиримую) составляющую катакомбного движения, а наименее одиозная часть их (в частности, имяславцы, некоторые иоанниты) влились в ИПХ. Например, И. И. Осипова, вслед за Амвросием (Сиверсом), утверждает, что на «Кочующем» Соборе 1928 года проходили переговоры представителей ИПХ с иоаннитами и имяславцами[47].

Как бы мы ни относились к истории о «Кочующем» Соборе, мы не можем игнорировать очевидного факта, что именно течение ИПХ организационно оформило и придало силу церковного движения такому явлению, как «Катакомбная Церковь», причем еще до возникновения и окончательного оформления ИПЦ. Другое дело, что после Декларации митрополита Сергия идеология движения ИПХ конкретизируется, в ее формировании принимают участие уже упоминавшиеся нами архиереи. Влияние на идеологию ИПХ оказывали и те крайние движения, о которых мы также упоминали. Идеология движения была *антисоветско-эсхатологической* (или, в формулировке М. В. Шкаровского, отличалась «антикоммунизмом, имевшим специфический религиозный характер»[48]), *крайне антисергианской* (Московская Патриархия уподоблялась «вавилонской блуднице, сидящей на красном звере», отрицалась благодатность Таинств духовенства, подчиняющегося митрополиту Сергию), *монархической*[49]. Несомненно, если оценивать крайность воззрений последователей движения ИПХ и ИПЦ, то ИПХ были более ригористичны (в частности, далеко не все последователи ИПЦ отрицали благодатность таинств «сергианского» духовенства или отвергали возможность принятия советского паспорта, регистрации приходских общин и пр.). Так, для наиболее крайних последо-

вателей ИПХ, в отличие от значительной части последователей ИПЦ, не представлялось никакой возможности примириться с Московской Патриархией и митрополитом Сергием.

Архиепископ Андрей (Ухтомский), не самый крайний из ИПХ, еще в 1926 году (до Декларации!) так обосновывал собственное нежелание примириться с митрополитом Сергием и непризнание вступление в права митрополита Петра по патриаршему завещанию: «Митрополита Сергия, человека крупных способностей, я считаю способным на всякие компромиссы. С распутинцами он был распутинцем — без малейших протестов — целых 14 лет. В 1922 году с живоцерковниками он стал живоцерковником, позорно признав ВЦУ и изменив патриарху Тихону, признал разбойника Варраву... Вследствие всего вышесказанного, я при всем желании не могу признать над собою, как епархиальным епископом, чье-либо руководство впредь до канонического Собора... Я, в силу 76 Апостольского правила и 23 правила Антиохийского Собора, не могу признать передачи управления всею Русскою Церковью по каким-то тайным духовным завещаниям. Эта игра в завещания совсем не канонична»[50]. После Декларации 1927 года архиепископ Андрей становится еще более категоричен: «правда там, где нет митрополита Сергия, где нет ничего подобного обновленческому предательству»[51].

Большинство исследователей в настоящее время согласны, что в конечном итоге правое оппозиционное движение оформляется в период 1927—1929 годов, когда происходит переход многих приходских общин на нелегальное положение. Именно тогда возникает и терминология, определяющая состояние разделенности («сергиане», «непоминающие»), и оппозиционные группы: «иосифляне», «мечевцы» — последователи протоиерея Сергия Мечева, среди которых епископы Серафим (Звездинский), Арсений (Жадановский), Афанасий (Сахаров), «кирилловцы» — сторонники позиции митрополита Кирилла (Смирнова), «буевцы» — последователи епископа Алексия (Буя), «викторовцы» — сторонники епископа Виктора (Островидова).

Наиболее крупное движение в правой оппозиции — иосифлянское, включившее впоследствии в себя «буевцев» и «викториан».

Постепенно понятие Истинно-Православная Церковь (термин, введенный митрополитом Иосифом) перестало обозначать только иосифлянское движение, а стало собирательным понятием, вбирающим в себя вообще «антисергианское» движение (за исключением движения ИПХ, во всяком случае, до 40-х годов, когда идеологические границы между ИПЦ и ИПХ начинают стираться).

Каков же генезис ИПЦ и период деятельности?

По мнению М. В. Шкаровского, хронологическими рамками иосифлянства следует признать 1927— середину 1940-х годов, «в то время как Катакомбная Церковь смогла просуществовать до наших дней и получила возможность легализовать свою деятельность»[52].

Действительно, оппозиционное движение, оформившееся вскоре в ИПЦ, возникает в 1927 году в Ленинграде после: Декларации митрополита Сергия; вынужденного (по настоянию ОГПУ) перевода митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых) на Одесскую кафедру (13. 09. 1927); и, несмотря на недовольство ленинградской паствы, нового постановления от 12 октября 1927 года с указанием прекратить поминовение за богослужением. Недовольство ленинградских ревнителей было усугублено указом митрополита Сергия от 21 октября 1927 года о повиновении властей и об отмене поминовения епархиальных архиереев, пребывающих в ссылке. Духовенство во главе с епископами Гдовским Дмитрием (Любимовым) и Нарвским Сергием (Дружининым), протоиереями Василием Верижским и Феодором Андреевым, выступает против мероприятий заместителя патриаршего местоблюстителя, направленных на: 1) «порабощение Церкви государству», в частности попущение вмешательства ГПУ в кадровые вопросы Русской Церкви (хиротонии и перемещения епископов по согласованию с ГПУ, замещение кафедр осужденных или сосланных по политическим мотивам епископов и т. д.); 2) придание Временному Патриаршему Синоду совещательного статуса; 3) введение в Синод прекаемых лиц; 4) устранение из богослужения молений о ссыльных епископах и введение молений за гражданскую власть и пр.[53]

Переговоры ленинградской делегации с митрополитом Сергием окончились безрезультатно. 26 декабря 1927 года[54] последовало отделение от митрополита Сергия части ленинградской паствы

и духовенства во главе с епископами Дмитрием (Любимовым) и Сергием (Дружининым), а еще накануне митрополит Сергий запретил в священнослужении по обвинению в раскольнической деятельности епископа Виктора (Островидова), ранее ленинградцев отмежевавшегося от мероприятий митрополита Сергия[55]. 22 января 1928 года послание об отмежевании от митрополита Сергия и подчинении только патриаршему местоблюстителю митрополиту Петру пишет епископ Воронежский Алексий (Буй)[56]. Через несколько дней одно за другим следуют постановления митрополита Сергия и Временного Патриаршего Синода о запрете в священнослужении по обвинению в раскольнической деятельности епископов Дмитрия (Любимова), Сергия (Дружинина), а затем и Алексия (Буя)[57]. В феврале 1928 года последовало постановление заместителя патриаршего местоблюстителя о предании церковному суду за раздорническую деятельность митрополита Иосифа (Петровых) и епископа Иерофея (Афоника)[58]. В своем письме к епископу Димитрию митрополит Иосиф сообщает, что к этому времени уже 26 епископов отложилось от митрополита Сергия. Ленинградские, а затем и иногородние общины обращаются к митрополиту Иосифу за руководством. Постепенно митрополит Иосиф становится во главе движения, получившего устойчивое названия «иосифлянского». Развитие и общая история «иосифлянства» наиболее полно представлены в монографии М. В. Шкаровского «Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви».

С 1937—1938 годов, после расстрела митрополита Иосифа и других лидеров ИПЦ, иосифлянское движение постепенно истощается и несколько теряется в общем катакомбном движении, где основную роль играли группы ИПХ. Постепенно сглаживаются идеологические различия между ИПЦ и ИПХ: после мученической кончины митрополита Крутицкого Петра устранялись разногласия по вопросу о признании патриаршего местоблюстителя; легальная деятельность иосифлянских храмов становится совершенно невозможной, и отношение последователей ИПЦ к советской власти и легальной «сергианской» Церкви ужесточается, становится сходным с позицией ИПХ. Постепенно ИПЦ и ИПХ растворяются в едином катакомбном движении, где стираются имевшиеся прежде раз-

ногласия, формируется особое катакомбное предание, в котором для последователей ИПЦ родным становится архиепископ Андрей (Ухтомский), а для сторонников ИПХ авторитетным признается митрополит Иосиф (Петровых), и особый катакомбный тип религиозного сознания. С утратой епископата,— а позднее и духовенства — значительная часть катакомбных групп (но не все) переходит в беспоповское состояние. Прежде обладавшее некоторым единством движение с 1960-х годов утрачивает цельность, дробится на десятки групп, часто не признающих друг друга. Дальнейшая история катакомбного движения выходит за хронологические рамки заявленной нами темы, хотя следует отметить, что тема эта остается своеобразной исторической лакуной в русской церковной историографии.

Мы уже отмечали, что началом формирования ИПЦ и нового этапа активизации ИПХ послужила Декларация митрополита Сергия, а затем его административная деятельность (перемещение епископата на разные кафедры и канонические прещения на оппонентов). Следует признать, что проблема непонимания и размежевания между правым движением и митрополитом Сергием находится в области *экклезиологических* воззрений оппонирующих сторон. Между тем существуют серьезные различия в том, что именно вменяется в вину митрополиту Сергию крайней и умеренной правой оппозицией. Крайне правая оппозиция (ревнители) выступает прежде всего с осуждением воззрений митрополита Сергия на взаимоотношения Церкви и государства. Рассмотрим этот тезис более подробно.

Мы должны согласиться с С. Л. Фирсовым, утверждавшим, что митрополит Сергий выступает сторонником византийской (хотя и весьма искаженной) модели взаимоотношений государства и Церкви. И едва ли справедлив Д. Поспеловский, упрекавший за этот совершенно очевидный вывод петербургского историка в «НГ-религии». С. Л. Фирсов назвал «удивительный союз почти разгромленной Церкви с коммунистическим государством своеобразной *лжесимфонией*» в противоположность «*псевдосимфонии* синодального периода», в традициях которой воспитывался митрополит Сергий[59]. Относясь негативно к извращенной реализации симфонии

между РПЦ и советской властью, Фирсов не находит возможным осудить самого патриарха Сергия, а считает необходимым нравственно осудить сергианство как систему, приводящую «к апологетике собственной слабости и страху перед внешней силой». «Победа над сергианством,— утверждает петербургский историк,— будет достигнута только тогда, когда Церковь окончательно перестанет искать в лице государства политического (или даже идеологического) союзника»[60].

С последним утверждением едва ли можно полностью согласиться, поскольку, отказываясь от союза (всякого) с государством (любым), мы неизменно отходим от восточной традиции (и православного идеала) взаимоотношений между государством и Церковью и приближаемся к западной модели, которая не есть плохая или хорошая, но есть — другая (католико-протестантская, сложившаяся под влиянием идей Блаженного Августина и святителя Амвросия Медиоланского), едва ли совместимая с отечественной ментальностью. Кроме того, С. Л. Фирсов остановился в своих рассуждениях на личности одного митрополита Сергия, не исследовав взглядов его оппонентов; в результате полной исторической реконструкции не получилось, что и заметил Д. Поспеловский.

Мы же, отметив византийский сервилизм воззрений митрополита Сергия на церковно-государственные взаимоотношения (с любым государством!), вынуждены обратить внимание на особенности взглядов крайне правой оппозиции. Представители этого течения, не отвергая симфонии, как модели взаимоотношений Церкви и православного государства, предложили фактически западную (католическую) модель отношений — независимое автономное существования Церкви от государственной власти. При этом, конечно, существует разница, поскольку западные христиане всегда (по крайней мере, с IV века совершенно точно) исповедовали идеал Церкви, не зависимой от государства (даже христианского). Правая же оппозиция, оставаясь преимущественно сторонницей монархического строя, не видела никаких возможностей сотрудничества (тем более добровольного) с властью, одной из главных идеологических целей которой являлось институционное уничтожение Русской Церкви. Не случайно в среде правой оппози-

ции (особенно крайней) с одобрением было встречено послание папы Римского и идея крестового похода Запада (протестантско-католического!) против советской (безбожной) России. Позднее частью катакомбного движения с радостью было воспринято и начало оккупации СССР германскими войсками. Впрочем, еще в 1935 году, они готовы были встречать Гитлера, как «второго Минина — избавителя от большевиков»[61].

В более ранней истории Восточной Церкви имеются прецеденты отрицательного отношения к идее симфонического единства государства и Церкви. Так, монахи Студитского монастыря (студиты), безусловно православные зилоты VIII века, критиковали св. патриарха Тарасия, а затем и св. патриарха Никифора за т. н. «михианскую» = «прелюбодейную» ересь (состоявшую в благословении патриархом Тарасием брака императора Константина VI со второй женой Феодотой с предшествующим этому браку насильственным пострижением первой жены Марии, а также в снятии прещений патриархом Никифором — под нажимом императора Никифора — с игумена Иосифа, венчавшего упомянутый второй брак императора Константина), и за неверные, как им представлялись, взаимоотношения с императорской властью. Студиты даже временно отлагались от патриархов (от патриарха Никифора — на два года), за что преследовались светскими властями (арестовывались и ссылались). Таким образом, студиты выступали как против византийской теории *симфонии* государства и Церкви («царственное священство» и «священное царство»), исповедуя фактически западную модель независимого существования Церкви от государства (следуя в этом за авторитетом западных отцов), так и против византийского сервилизма Константинопольских патриархов. Заметим, что сложная и напряженная дискуссия, доходившая до взаимных прещений и анафем, происходила между церковными деятелями, канонизированными Православной Церковью.

Тезис об исповедании православным зилотским движением (в лице студитов) западного идеала церковно-государственных отношений можно продемонстрировать следующей фразой преподобного Феодора Студита, обращенной им в январе 814 года в адрес иконоборческого императора Льва V: «...Сказал апостол:

И поставил Бог в Церкви, во-первых, апостолов, во-вторых, пророков, в-третьих, пастырей и учителей, а о царях не сказал. Тебе, о государь, вверено устроение государства и войско — о них и заботься, а Церковь оставь пастырям и учителям, согласно апостолу. Если же не хочешь, то если даже Ангел с неба будет благовествовать нам извращение нашей веры, и его не послушаем, не то что тебя... Если же хочешь быть как ее (Церкви) чадо, то ничто не препятствует. Только следуй во всем духовному твоему отцу», и с этими словами преподобный Феодор указал на патриарха Никифора[62].

И не зря студиты во главе с преподобным Феодором так близко к сердцу принимали авторитет папы Римского и апеллировали к нему как к верховному судье в делах Константинопольской Церкви[63].

Аналогии с русской крайне правой оппозицией XX века, стоявшей (сама того не осознавая) за западную модель церковно-государственных отношений, очевидны. Отсюда можно сделать вывод, что положение русского зилотского движения (например, иосифлян) не уникально, и в истории Православной Церкви имеются многочисленные прецеденты разрывов канонического общения, не вменявшиеся Церковью впоследствии в суд оппозиционерам, поскольку эти размежевания являлись результатом искреннего стремления сохранить чистоту православной веры и христианское благочестие.

Отсюда почти риторическим представляется вопрос: являлось ли иосифлянство (и вообще движение ИПЦ, исключая наиболее маргинальные ее формы) — расколом? Между тем и в историографии по этому вопросу нет единства во мнениях. Часто важнейшим фактором, определяющим позицию того или иного исследователя, является юрисдикционная принадлежность историка. Очевидно, что исследователи РПЦЗ (протоиерей Михаил Польский, епископ Григорий (Граббе), В. Степанов (Русак), протоиерей Лев Лебедев и др.) стоят на признании правоты иосифлян, викториан, буевцев и прочих групп правой оппозиции.

Между тем в большинстве официальных документов Московской Патриархии и трудах церковных историков, юрисдикционно принадлежащих к РПЦ МП, до самого последнего времени, казалось бы, не могло быть иного мнения, кроме как считать правую

оппозицию расколом. Как справедливо заметил М. В. Шкаровский, эта традиция восходит к указу митрополита Сергия и Временного Патриаршего Св. Синода от 6 августа 1929 года, назвавшего митрополита Иосифа (Петровых), епископа Димитрия (Любимова), епископа Алексия (Буя) и их последователей — раскольниками и приравнявшего их (в каноническом положении) к обновленцам и григорианам. Протоиерей Владислав Цыпин без сомнений определяет иосифлянство как раскол[64], и находит типологическое сходство в мотивации и психологии митрополита Иосифа и «неистового предводителя старообрядчества» — протопопа Аввакума Петрова[65]. Согласен с этой оценкой и Д. Поспеловский, именующий правую оппозицию расколом «справа»[66].

Вместе с тем, более серьезное исследование вопроса демонстрирует, что официальная оценка Патриархией (особенно в последнее время) деятельности правой оппозиции не имела тех резких и категоричных форм, как это может показаться на первый взгляд. Даже в прежние годы Русская Православная Церковь стремилась (по мере своих ограниченных советским тоталитаризмом возможностей) преодолеть имеющееся разномыслие. Весьма характерно, что в официальном юбилейном издании «Русская Православная Церковь. 988—1988. Вып. 2. Очерки истории 1917—1988», изданном еще при советской власти, правая оппозиция ни разу не названа расколом. Авторы нашли более дипломатичную и отвечающую исторической правде формулировку «размежевания в русской церковной среде»[67].

Дальнейшая трансформация официальной церковной позиции, уже не вынуждаемой к резким оценкам внешними обстоятельствами, может быть представлена в деятельности Комиссии по канонизации святых при Священном Синоде РПЦ МП. Комиссия, которую возглавляет митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, разработала еще в 1995 году документ под названием «Историко-канонические критерии в вопросе о канонизации новомучеников Русской Церкви в связи с церковными разделениями XX века». Этот документ был одобрен на заседании Священного Синода 26 декабря 1995 года. В этом документе четко говорится, что нельзя «ставить в один ряд обновленческую схизму, с одной сторо-

ны, и «правую оппозицию» — с другой»[68]. «В действиях «правых» оппозиционеров, часто называемых «непоминающими»,— указывается в документе Синодальной комиссии,— нельзя обнаружить явно злонамеренных, исключительно личных, предательских мотивов. Как правило, их действия обусловлены были по-своему понимаемой заботой о благе Церкви»[69]. Проводя «разные степени, градацию разрывов» оппозиционеров с митрополитом Сергием, Комиссия считает возможным канонизацию и митрополита Крутицкого Петра, и митрополита Казанского Кирилла, не отвергая даже возможность церковного прославления митрополита Иосифа, но только после особых канонических исследований. Обращает на себя внимание, что если обновленцы, григорьевцы, самосвятылипковцы и автокефалисты называются раскольниками (=схизматиками), и их канонизация не представляется возможной, то «правая» оппозиция не только не именуется расколом[70], но и само выражение «правая оппозиция» берется в дипломатичные кавычки. Последующая деятельность Синодальной комиссии, одобрившей прославление таких оппонентов митрополита Сергия (Страгородского), как митрополит Агафангел (Преображенский), митрополит Кирилл (Смирнов), архиепископ Серафим (Звездинский), архиепископ Амфилохий (Скворцов), епископ Виктор (Островидов), М. Новоселов и др., показала, что Комиссия четко следовала разработанным ею критериям, постепенно преодолевая официальное негативное отношение к правой оппозиции и признавая (без широкого декларирования) каноничность тех иерархов, которые не порывали церковного общения с патриаршим местоблюстителем митрополитом Петром Крутицким.

Таким образом, было бы заблуждением считать, что официально Московская Патриархия совершенно негативно относится к оппонентам митрополита Сергия. В настоящее время это не так. Здесь РПЦ следует общей традиции церковной икономии, сознавая, что время — лучшее средство для преодоления разномыслия, и приближается к точке зрения протоиерея Иоанна Мейендорфа, представленной им в послесловии к «Трагедии Русской Церкви» Льва Регельсона, и выражающую идею *единства* даже разделенной Церкви: «Спор между митрополитом Сергием и «оппозицией» есть спор

внутри Церкви. Можно — и должно — ставить под сомнение правильность поведения некоторых иерархов Церкви, но *другой Церкви*, кроме той, которую они возглавляют, все же нет. Точно так же, как церковное сознание не может не рассматривать некоторые действия патриарха Никона и, тем более, придворных иерархов эпохи Петра I как ошибочные и даже богохульные, но Таинства и преемственность Церкви не были ущерблены их грехом!»[71]

Среди тех светских историков, кто изначально отказывался именовать «правую оппозицию» расколом, следует упомянуть, прежде всего, М. В. Шкаровского, утверждавшего, что «фактически иосифляне раскольниками не были». Правда, аргументация подобного утверждения весьма слабая: «иосифляне не держались особенных обрядов и не претендовали, подобно обновленцам и григорианам, на создание нового центра церковной власти... главной тактической целью иосифлян было... в конечном счете завоевание высшей церковной власти в существующей Патриаршей Церкви»[72]. Здесь, конечно, присутствует некое лукавство — во-первых, конечной целью и обновленцев, и григориан являлось завоевание высшей церковной власти в существующей Патриаршей Церкви. Во-вторых, наиболее непримиримые представители иосифлянского движения несомненно указывали на необходимость руководствоваться постановлением от 20 ноября 1920 года об автономном управлении, т. е. следовать путем децентрализации церковного управления.

И тем не менее представляется, что Шкаровский в целом прав, опасаясь называть «правую оппозицию» расколом. Однако главным аргументом здесь является то, что значительная часть «правой оппозиции» не выходила из канонического подчинения патриаршему местоблюстителю митрополиту Петру (в отличие от последователей ИПХ). Отказ от стереотипного и детерминированного подхода к этому вопросу демонстрируется и коллективом авторов издания «За Христа пострадавшие», где в предисловии протоиерей Владимир Воробьев, как нам представляется, справедливо указывает: *«Рассматривая по прошествии уже многих десятилетий минувшие события русской церковной истории, необходимо различать расколы, начатые и развивавшиеся по конъюнктурным, властолю-*

бивым, политическим, националистическим и другим подобным соображениям, такие как живоцерковный, обновленческий, григорианский,— от разделений, возникавших по мотивам исповеднического стояния за духовную неповрежденность Истины и жизни церковной. Такие оппозиционеры очень скоро были поставлены перед необходимостью пролить кровь, отдать свою свободу и жизнь за исповедуемые взгляды. Сам их мученический подвиг с большой силой свидетельствует о том, что разногласия и разделения их были поиском Истины, имели временный, тактический характер и не повреждали их принадлежности к Полноте Русской Церкви»[73].

Исследовав историографию крайне правых движений, мы обязаны обратиться и к анализу имеющихся в исторической литературе оценок умеренной оппозиции, обычно ассоциируемой с личностью митрополита Казанского Кирилла (Смирнова). Часть епископата, наиболее авторитетным представителем которого являлся митрополит Кирилл (Смирнов), прекратила церковное общение с митрополитом Сергием в результате несогласия с его администрированием, которое воспринималось как узурпация не принадлежащих ему прав, и как «спорный эксперимент», особенно в области церковно-административного управления (подразумевалось учреждение Временного Патриаршего Священного Синода без согласования с патриаршим местоблюстителем, поспешные прещения на оппонентов, издание постановления от 6 августа 1929 года и пр.).

Как отмечал протоиерей Иоанн Мейендорф, не митрополит Сергий первым начал политику поспешных запрещений, ее начали обновленцы («лишив сана» самого патриарха Тихона) и григориане. Но «восприняв эту практику раскольников,— продолжал протоиерей Иоанн Мейендорф,— митрополит Сергий возобновил худшие — и отнюдь не «тихоновские» — черты старого бюрократического централизма»[74].

Позиция умеренной правой оппозиции не покажется столь уж уязвимой, если посмотреть на нее не предвзято. Например, постановление митрополита Сергия и Временного Патриаршего Священного Синода от 6 августа 1929 года уравнивало в каноническом

отношении левые расколы (обновленцев, григориан) и правую оппозицию, т. е. сторонников митрополита Иосифа (Петровых), епископов Димитрия (Любимова), Алексия (Буя) и др. Таинства клириков правой оппозиции объявлялись недействительными, крещенных таковыми клириками следовало принимать через миропомазание (!), а умерших в «указанных расколах не следовало, хотя бы и по усиленной просьбе родственников, отпевать»[75]. Этим постановлением, по мнению митрополита Кирилла (Смирнова), митрополит Сергий *«не для всех еще ясный спор закреплял как непримиримую церковную вражду»*, обнаруживая в равной мере, как и те, кто отрицал благодатность таинств сергиевой иерархии, *«потерю духовного равновесия»*.

Действительно, если понятна мотивация канонического прещения (попытка препятствия распространению «раскола»), то гораздо сложнее понять, чем руководствовался Временный Патриарший Синод, предлагая второй чин для принятия «крещенных в расколе». Известно, что вторым чином принимают сектантов, совершающих крещение правильно в три погружения с произнесением богоустановленных слов, но погрешающих в частных догматах (ариан, македониан). Иосифляне, таким образом, в каноническом отношении оказались большими вероотступниками, чем католики, несториане или донатисты, для которых практиковался третий чин приема в Православие (через исповедь).

Все вышесказанное позволяет нам сделать вывод, что несогласие умеренной оппозиции с митрополитом Сергием коренилось не в области воззрений на вопрос церковно-государственных отношений, а в области, скорее, *этической*. И это несмотря на то, что по смыслу разногласие заключалось в разности воззрений митрополита Кирилла и митрополита Сергия на *характер администрирования* заместителя патриаршего местоблюстителя и *объем его полномочий*. Митрополит Кирилл, как вождь умеренной оппозиции, придавал вопросу административного управления (т. е. *каноническому* вопросу) характер вопроса *этического,* рассматривая при этом этический вопрос как часть *экклезиологической* проблемы.

Без сомнений, позиция митрополита Кирилла воспринималась и правой оппозицией, и последователями митрополита Сергия, и

светской властью как особая, не совпадающая с позицией других правых течений. Последователей митрополита Кирилла называли «кирилловцами», каковые и составляли умеренную оппозицию митрополиту Сергию. Не зря же часть православных зилотов упрекали митрополита Кирилла (даже в 1934 году) в «чрезмерной осторожности»[76]. Отмечал особенность позиции своего оппонента и митрополит Сергий (так, в постановлении о предании митрополита Кирилла суду, фигурирует обвинение во «вступлении в общение с обществом, отделившемся от законного церковного священноначалия»[77], а не обвинение в расколе). Признавали особенность церковной позиции митрополита Кирилла и светские власти. В следственных делах фигурирует упоминание направления, связанного с именем митрополита Кирилла, как «*кирилловское патриаршее*», наряду с «иосифлянским» или «даниловским»[78].

Долгое время считалось, что позиция митрополита Кирилла двусмысленна и уязвима, что среди епископата последователей у него было мало (мнение митрополита Мануила (Лемешевского) и митрополита Иоанна (Снычева). Однако оказалось, что именно воззрения митрополита Кирилла позволяют вести диалог о преодолении разделений, возникших в результате Декларации и административных действий митрополита Сергия.

Весьма показательно отношение современных исследователей к позиции митрополита Казанского Кирилла (Смирнова). Одни исследователи считают вполне справедливой критику митрополитом Кириллом характера деятельности митрополита Сергия. К таковым относятся: епископ Григорий (Граббе)[79], протопресвитер Михаил Польский, Л. Регельсон, среди современных — М. В. Шкаровский, И. И. Осипова, А. Бутаков (В. Антонов), протоиерей Лев Лебедев, протоиерей Александр Лебедев, В. Степанов (Русак).

Следует отметить, что и среди лиц, принадлежащих юрисдикции Зарубежной Церкви, существует различие в категоричности оценки полемики митрополитов Кирилла и Сергия. Так, протоиерей Александр Лебедев (штат Калифорния) в своей язвительной и резкой монографии «Плод лукавый. Происхождение и сущность Московской Патриархии» так комментирует выдержку из письма митрополита Кирилла неизвестному архипастырю в 1934 году

(в этом письме митрополит Кирилл отметает обвинения последователей заместителя патриаршего местоблюстителя в безблагодатности, но указывает не необходимость воздержания «от общения с сергианами в молитве»): «Это указание митрополита Кирилла написано в то время, когда сергиане еще не впали в ересь экуменизма, и «симфония» Московской Патриархии с богоборческой властью еще не дошла до того, что все ведущие иерархи являлись бы агентами КГБ. Вероятно, мнение митрополита Кирилла о благодатности Таинств сергианцев сейчас было бы иным»[80].

Другие исследователи готовы признать единственной верной позицию митрополита Сергия[81], а деятельность митрополита Кирилла — близкой к раскольнической (среди современных исследователей подобных взглядов придерживается, например, Д. Поспеловский[82], раскольниками именующий и карловчан). Между этими непримиримыми группами церковно-научных оппонентов существуют две группы исследователей, чьи взгляды лишены подобного категоризма. Одна группа исследователей, убежденных в целесообразности мер, предпринимавшихся митрополитом Сергием, стремится избежать крайне резких оценок воззрений митрополита Кирилла, находя для характеристики его взглядов термин «оппозиция». Среди таковых, например, митрополит Иоанн (Снычев)[83], протоиерей Владислав Цыпин[84], авторы издания: «РПЦ. 988—1988. Очерки истории 1917—1988»[85].

Представители другой исследовательской группы полагают, что, признавая справедливость многих доводов митрополита Кирилла, следует отойти от ригористичного подхода к деятельности митрополита Сергия, избегая обвинений первого иерарха в расколе, а второго — в «сергианстве», поскольку оба иерарха принадлежат Единой Церкви. Таких взглядов придерживался протоиерей Иоанн Мейендорф[86]. Сходная позиция, хотя и более критичная по отношению к административной деятельности заместителя патриаршего местоблюстителя, отражена в первом томе биографического справочника «За Христа пострадавшие» и в публикациях автора настоящей статьи[87].

Самая ригористическая и тенденциозная позиция в современной церковной историографии представлена «сочинениями» т. н.

архиепископа Готфского Амвросия (Сиверса) (и его последователей), который претендует на представление интересов современного движения ИПХ. В сочинении под названием «Русская Зарубежная Церковь на стезях отступничества. Апостасия в РПЦЗ и исповеднический путь Катакомбной Церкви», изданном по благословению Амвросия (Сиверса), автор (скрывающийся под инициалами В. К.), выражая, очевидно, позицию самого Амвросия Готфского и базируясь на сомнительных актах «Кочующего» Собора, заявляет: «Достаточно вспомнить, что митрополит Кирилл лично приглашался (через своего посланника) к участию в «Кочующем» Соборе, но был впоследствии отвергнут[88] отцами Собора за нежелание окончательно осудить Сергия как еретика». И далее, обвиняя митрополита Кирилла в порицании тех иерархов, кто отрицал благодатность таинств последователей митрополита Сергия, автор делает вывод: «митрополит Кирилл не только открыто пошел против соборного исповедания ИПЦ (имеются в виду акты т. н. «Кочующего» Собора.— *А. Ж.*), но и встал в данном случае на сторону Сергия, что автоматически уничтожает авторитетность мнения митрополита Кирилла даже как частного»[89]. Однако, по мнению В. К., в дальнейшем позиция митрополита Кирилла, под влиянием митрополита Иосифа (Петровых), трансформировалась в сторону большей непримиримости, вплоть до согласия с решениями «Кочующего» Собора (!). Отсюда вытекает, по мнению того же автора, зыбкость экклезиологии митрополита Кирилла, имеющей тенденцию изменяться в двух направлениях — либо приводить в Московскую Патриархию (примеры епископа Афанасия (Сахарова), епископа Гавриила (Абалымова), либо преобразовываться в непримиримую позицию. Окончательный вывод автора таков: причина экклезиологического сумбура в исповедании РПЦЗ (а именно авторитет Зарубежной Церкви подвергается В. К. сомнению) заключается в том, что в РПЦЗ восторжествовал первоначальный взгляд митрополита Кирилла на сергианство, став «повседневным жизненным руководством в отношениях с МП»[90].

Должны отметить еще одну новую тенденцию в оценке воззрений митрополита Кирилла. В последнее время стала популярной идея об изменении к 1937 году воззрений митрополита Кирилла на

благодатность таинств последователей митрополита Сергия. Все рассуждения об эволюции позиции митрополита Кирилла основываются на черновике недописанного письма, обнаруженного в последнем следственном деле, по которому проходил митрополит Кирилл. Это черновик письма от 23 (8) марта 1937 года, адресованного иеромонаху Леониду[91]. Среди прочего в письме содержалась такая фраза: *«Происшествия же последнего времени окончательно выявили обновленческую природу сергианства»*[92]. Именно в этих словах — «обновленческая природа сергианства» — видят исследователи (в частности, сам публикатор упомянутого письма — М. В. Шкаровский)[93] эволюцию взглядов и сближение с позицией митрополита Иосифа (Петровых) и епископа Виктора (Островидова). Согласиться с этим не можем, *коренного* изменения взгляды митрополита Кирилла не претерпели. Митрополит Кирилл еще в феврале 1934 года писал неизвестному архиерею: *«Иное понимание патриаршего завещания, утверждаемое митрополитом Сергием, привело уже к тому, что завещание, составленное для обеспечения скорейшего избрания нового патриарха, стало основой для подмены в церковном управлении личности патриарха какой-то коллегиальной «Патриархией». Почиет ли на этом начинании митрополита Сергия благословение Божие, мы не дерзаем судить, доколе законный Собор своим приговором не изречет о нем суда Духа Святаго, но, как и все, **обновленчеству сродное*** (выделено мной. — *А. Ж.), не можем признать **обновленное*** (выделено мной. — *А. Ж.) митрополитом Сергием и церковное управление нашим православным, преемственно идущим от Святейшего Патриарха Тихона, и потому, оставаясь в каноническом единении с патриаршим местоблюстителем митрополитом Петром, при переживаемой невозможности сношения с ним признаем единственно закономерным устроение церковного управления на основе патриаршего указа 7 (20) ноября 1920 г.»*[94]

Отсюда видно, что для митрополита Кирилла «обновленческая природа сергианства» заключается не в утверждении за деятельностью митрополита Сергия какой-то новой «ереси», а в нарушении нормального (патриаршего) церковного управления, в своеобразном «обновлении» митрополитом Сергием формы высшей

церковной власти. Более того, как в 1934 году владыка митрополит признавал благодатность таинств иерархии, признающей митрополита Сергия, так и в 1937 году митрополит Кирилл говорит о «ревности не по разуму» некоторых церковных деятелей, в частности, последователей священномученика епископа Виктора (Островидова), готовых даже перекрещивать сергиан. Таким образом, мы не наблюдаем существенного изменения взглядов митрополита Кирилла к 1937 году.

Говоря об отношениях правой оппозиции и митрополита Сергия, мы не можем не сопроводить историографический обзор собственными рассуждениями и выводами. Канонические прещения митрополита Сергия впоследствии даже многими иерархами Русской Православной Церкви не рассматривались как безусловные. Патриарх Московский и всея Руси Алексий I не усомнился совершить панихиду на могиле митрополита Антония (Храповицкого), первоиерарха РПЦЗ, запрещенного митрополитом Сергием, принять в евхаристическое общение без требования «покаяния» епископа Афанасия (Сахарова), бывшего в оппозиции митрополиту Сергию[95], я уже не говорю о том, что можно припомнить редкий пример исполнения указа от 6 августа 1929 года и принятие через миропомазание лиц, крещенных правыми оппозиционерами.

Все это показывает, что канонические прещения митрополита Сергия, возможно целесообразные с точки зрения Высшей Церковной Власти в те тяжелые годы, когда светские власти прилагали все силы к уничтожению Русской Православной Церкви (и когда всякое внутрицерковное разделение было выгодно безбожной власти), могут рассматриваться только как *вынужденные меры* к сохранению единства деятелей Церкви перед лицом господствующего зла. Эти меры, имеющие каноническую силу, в то же время не безупречны с правовой точки зрения, поскольку запрещаемые иерархи не предавались безупречной с формальной точки зрения *процедуре церковного суда.*

Вообще прещения митрополита Сергия имеет смысл рассматривать не в одном только каноническом их аспекте, но и в *церковно-административном*, а также *политическом*. С одной стороны, митрополит Сергий, запрещая в служении иерархов, не согласных

с его церковной политикой, видимо, преследовал цель удержать Церковь от новых размежеваний. Митрополит Сергий мог полагать, что удаление от занимаемых кафедр и запрещение в служении части епископов (в том числе и наиболее авторитетных) — есть все-таки меньшее зло, чем умножение разномыслия и «автономий» в Русской Церкви. Было очевидно, что такие иерархи, как митрополит Иосиф (Петровых), епископ Виктор (Островидов), епископ Алексий (Буй), архиепископ Андрей (Ухтомский) и мн. др., будут продолжать свое независимое суждение по всем церковным вопросам (вплоть до создания автономного управления своими епархиями), что, в свою очередь, будет постоянно служить соблазном церковным чадам, поэтому митрополит Сергий почел за лучшее решить эту проблему радикальным административным путем — запрещением оппозиционных иерархов в священнослужении. Времени на дискуссии не оставалось, но этого, конечно, не желала понимать оппозиция. С другой стороны, нет сомнений, что светская власть оказывала на митрополита Сергия давление как в формулировках текста Декларации 1927 года, так и в вопросах перемещения неугодных властям епископов.

С учетом всего сказанного, можно считать, что прещения митрополита Сергия, накладываемые им на часть оппозиционного ему епископата, имели, кроме канонического, еще и *политический* аспект. Так, во всяком случае, их рассматривала светская власть, так они воспринималась запрещаемым духовенством, политическая вина которого декларировалась (вынужденно) ведь и самим митрополитом Сергием («к ответственности привлекаются отдельные священнослужители не за религиозную деятельность, а по обвинению в тех или иных антиправительственных деяниях» — говорилось в интервью митрополита Сергия газете «Известия» от 16 февраля 1930 года). Таким образом, все три стороны: митрополит Сергий (не по доброй воле), его оппозиция (сознательно) и, наконец, светская власть (намеренно) были согласны видеть в прещениях заместителя местоблюстителя не только церковно-административный, но и политический подтекст. Что придает опять же сомнительность исключительно каноническому характеру церковных прещений на «непоминающих».

Наконец, еще одно соображение. С правовой точки зрения, суд, которым были осуждены представители «правой оппозиции», не являлся судом *последней инстанции.* Оппоненты митрополита Сергия апеллировали к суду первоиерарха Русской Церкви митрополита Петра. Но тот был изолирован от церковного управления. Тем не менее с его стороны известен призыв своему заместителю «поставить церковную жизнь на тот путь, на котором она стояла в первое Ваше заместительство»[96], и «устранить мероприятия», превысившие полномочия заместителя патриаршего местоблюстителя[97]. Таким образом, следует признать незавершенность церковного судопроизводства 30-х годов над «правой оппозицией», а прещения, наложенные на них Временным Патриаршим Синодом,— судом промежуточной инстанции.

Завершением этого процесса следует признать деятельность Синодальной комиссии по канонизации святых, последних Поместных и Архиерейских Соборов, канонизовавших многих представителей «правой оппозиции» и объединивших в святцах и «поминающих» и «непоминающих».

Мы говорили о разнообразных течениях внутри правой оппозиции митрополиту Сергию. Но справедливости ради следует отметить, что среди последователей заместителя патриаршего местоблюстителя также не было полного единомыслия и единства. Например, среди не порывавших канонического общения с митрополитом Сергием были иерархи и духовенство, чье отношение к административной деятельности заместителя патриаршего местоблюстителя было не вполне позитивным. Воззрения этих иерархов можно идентифицировать как идеологию *правого центра*, который старался не участвовать в административной деятельности заместителя патриаршего местоблюстителя.

Например, не вполне одобрял административную деятельность митрополита Сергия митрополит Арсений (Стадницкий) и архиепископ Борис (Шипулин), поддерживавшие отношения с митрополитом Иосифом (Петровых) и его последователями, архимандрит (впоследствии — архиепископ) Гермоген (Голубев), некоторое время общавшийся с ленинградскими иосифлянами[98] и др.

Были иерархи, чья позиция по отношению к Декларации и административной деятельности митрополита Сергия была сознательно позитивной и конструктивной (это были в полном смысле «политики»). Они, например, участвовали в административной деятельности Временного Патриаршего Синода, переговорах с советской властью и т. д. Среди таковых иерархов следует прежде всего указать митрополита Серафима (Александрова), митрополита Павла (Борисовского), митрополита Елевферия (Богоявленского) (проводившего политику центра в Польше и Литве), митрополита Сергия (Воскресенского), (проводившего политику центра в качестве управляющего делами Временного Патриаршего Синода, а во время войны, в качестве экзарха, в Прибалтике), архиепископа Алексия (Симанского), впоследствии — патриарха Московского и всея Руси. Главой и идеологом *центра* являлся сам митрополит Сергий, поскольку мы говорим о правой или левой оппозиции по отношению именно к митрополиту Сергию.

И, наконец, третья группа представляла собой иерархов, чья позиция носила скорее не принципиальный, а тактический характер — характер выживания в условиях тоталитарного государства (бывшие обновленцы, григорианцы, менявшие юрисдикцию в зависимости от отношения государственной власти к тому или иному церковному направлению). Эту группу можно назвать *левым центром*, с поправкой на беспринципность идеологии значительной части представителей этой группы.

Таким образом, общая картина взаимоотношений различных церковных групп в 30-е годы такова (от крайне правого к крайне левому движению).

Правая оппозиция (ПО) состоит из: ***крайне правой оппозиции*** или непримиримых ревнителей, зилотов (харизматические движения, ИПХ, викториане, иосифляне, буевцы) (***КПО***=зилоты), отрицавших благодатность таинств последователей митрополита Сергия, или если и не отрицавших благодатность таинств, то создававших собственные церковные структуры, параллельные сергиевским; ***умеренной правой оппозиции*** (последователи митрополита Казанского Кирилла, «мечевцы», «даниловцы») (***УПО***), не отрицавшей благодатности таинств сергиан и не создававшей парал-

лельных церковных структур, но пошедшей на разрыв церковного общения с центром, как на единственную возможность «обличить согрешающего брата» (в формулировке митрополита Кирилла).

Церковный **центр** (**Ц**), естественно представленный последователями митрополита Нижегородского Сергия, состоит из трех групп: ***правого центра (ПЦ)***, собственно центра или ***политиков*** (***П***) и ***левого центра*** (бывшие григорианцы и обновленцы) (***ЛЦ***).

Левая оппозиция (**ЛО**) очевидно тоже может быть представлена несколькими группами: ***умеренная левая оппозиция*** (григориане) (***УЛО***), не ставившая вопрос обновления Церкви и необходимости церковных реформ, а попытавшаяся захватить высшую церковную власть, — эта оппозиция легко и почти в полном составе перешла в юрисдикцию митрополита Сергия; и ***крайняя левая оппозиция*** (обновленчество) (***КЛО***), ставившая (во всяком случае на первых этапах) задачи обновления церковного строя и высшей церковной власти, упразднения патриаршества, отмены обязательного монашества для епископата и проч. Крайняя левая оппозиция, лишившись после Декларации 1927 года безоговорочной поддержки светской власти, совершенно утратила всякий авторитет, встав на путь неприкрытого сотрудничества с властью (в т. ч. ГПУ—НКВД). Обновленчество держалось до 40-х годов, когда последние иерархи перешли в юрисдикцию Московской Патриархии.

Итак, общая схема такова (для периода до конца 1930-х годов):

Правая оппозиция *{КПО-УПО}* —
Центр *{ПЦ-П (политики) -ЛЦ}* —
Левая оппозиция *{УЛО-КЛО}*

Эта схема весьма условна и может меняться в зависимости от рассматриваемого периода. При изучении взглядов всех указанных групп, наименее политизированными оказываются воззрения митрополита Кирилла. В основе его оппозиции митрополиту Сергию — не политика, а несогласие с администрированием и превышением полномочий заместителя патриаршего местоблюстителя.

Наиболее политизированными оказываются взгляды правой и левой оппозиции. Для ревнителей (православных зилотов) совет-

ская власть есть власть антихриста, а «Сергиева» Церковь — Церковь лукавствующих. Совесть же обновленцев не смущается обращением в НКВД с политическим доносом на духовенство, отказывающееся признать за обновленчеством право на высшую церковную власть. Обновленцы политически активны — публикуют статьи, участвуют в диспутах, клеймят «антисоветски настроенных старопрковников», идеологизированы, причем их идеологизированность прямо противоположна идеологизированности зилотов (которые не участвуют вообще ни в каких акциях советской власти).

Исследовав историографию вопроса, мы вынуждены вновь обратиться к терминологии с целью ее уточнения. Суммируя опыт существующих исследований, можно сказать, что «правая оппозиция» не тождественна понятию «Катакомбная Церковь», ИПЦ или ИПХ. Понятие «правая оппозиция» шире таких понятий, как «катакомбное движение», ИПЦ и ИПХ. Во-первых, некоторое время часть правой оппозиции существовала легально (например, «иосифлянские», «викторианские», «мечевские» приходы). Во-вторых, в правую оппозицию, в качестве умеренного крыла, входили последователи митрополита Кирилла и близкие ему по взглядам иерархи «мечевской» группы, не принадлежавшие ИПХ или ИПЦ (хотя после 1934 года митрополит Кирилл и сближается с митрополитом Иосифом (Петровых), архиепископом Серафимом (Самойловичем), епископом Дамаскиным (Цедриком)). В то же время, поскольку эти иерархи (последователи митрополита Кирилла и «мечевцы») после запрета на легальную церковную деятельность совершали богослужения нелегальным образом, то последние годы их деятельности можно отнести к катакомбному движению. Причем, здесь нельзя употребить вместо термина «катакомбное движение» термин «катакомбная Церковь», поскольку митрополит Кирилл явно не содействовал организации нелегальных церковно-административных структур, параллельных имеющимся легальным (даже после объявленной кончины патриаршего местоблюстителя).

Нет сомнений, что настоящая статья — только один из первых подходов к дальнейшему исследованию вопроса о взаимоотношениях правой оппозиции и митрополита Сергия. Очевидно, что этот

вопрос нуждается в серьезном источниковедческом исследовании и в канонической проработке, чтобы стала возможна близкая к исторической правде реконструкция сложной церковной ситуации 20—40-х годов. Одновременно следует учитывать церковно-исторический опыт прежних веков и других Поместных Церквей, не единожды переживавших противостояние ревнителей (православных зилотов) и сторонников церковной икономии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 700.

[2] Там же. С. 680.

[3] *Иоанна, мон.* Жизнеописание архиепископа Волоколамского Феодора (Поздеевского), последнего ректора Московской Духовной академии //Православная Жизнь (Orthodox Life), 1995, № 10 (550). С. 12.

[4] *Мейендорф Иоанн, прот.* Послесловие //*Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви. С. 623.

[5] Характерно, что уже здесь митрополит Кирилл говорит об «обновленчестве» митрополита Сергия, но обновленчество это заключается для митрополита Кирилла не в Декларации 1927 года, а в «каноническом буквализме», на основании которого происходит узурпация церковной власти. Обновленчество — по митрополиту Кириллу — состоит и в административном нововведении митрополита Сергия, учреждении Временного Патриаршего Синода, органа-соправителя. Иными словами, попытке заменить патриаршество синодальной фомой правления, чреватой коллективной ответственностью (а следовательно коллективной же безответственностью). Синодальная форма правления была в тот период наиболее выгодной для государства системой управления Церковью.

[6] Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 638.

[7] *Поспеловский Д. В.* РПЦ в XX веке. М.: Республика, 1995. С. 146.

[8] Митрополит Сергий в первом своем письме рекомендовал митрополиту Кириллу «знать свою меру» в советах заместителю местоблюстителя.

[9] Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 640.

[10] Протоиерей В. Цыпин отмечает «каноническую сбивчивость и двусмысленность рассуждений» митрополита Кирилла //РПЦ. 1925—1938. С. 184.

[11] *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 146.

[12] Там же. С. 641.

[13] Богословский сборник. 2001. Вып. VIII.— М., ПСТБИ. С. 350; Архив УФСБ РФ по Кемеровской обл., д. П-17429, л. 44 об. Автограф митрополита Кирилла.

[14] Богословский сборник. 2001. Вып. VIII.— М., ПСТБИ. С. 348—349.

[15] Цит. по Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 699—700.

[16] Там же С. 701—702.

[17] Там же. С. 699—700.

[18] Текст письма впервые опубликован в издании История Русской Православной Церкви. Новый Патриарший период. Том 1. 1917—1970.— СПб.: Воскресение, 1997. С. 982—983.

[19] История РПЦ от восстановления Патриаршества до наших дней. Т. I. 1917—1970.— СПб., 1997. С. 982.

[20] Слова вычеркнуты рукой самого митрополита Кирилла.

[21] *Шкаровский М. В.* Иосифлянство: течение в РПЦ.— СПб, 1999. С. 179.

[22] Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 701.

[23] Настоящая статья была впервые опубликована в альманахе «Нестор». 2000. № 1. С. 343—372.

[24] Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 281.

[25] По отношению к умеренной правой оппозиции последователей митрополита Сергия едва ли можно назвать политиками, поскольку разногласия между умеренной правой оппозицией и митрополитом Сергием лежали не в области церковно-государственных отношений, а в области канонической, следовательно — этической (здесь церковная этика понимается как часть православной экклезиологии).

[26] *Васильев А. А.* История Византийской империи. От начала Крестовых походов до падения Константинополя.— СПб.: Алетейя, 1998. С. 367—368.

[27] *Лебедев А. П.* Очерки исторического состояния Византийско-восточной Церкви от конца XI до половины XV века.— М., 1902.

[28] *Троицкий И. Е.* Арсений и арсениты.— СПб., 1873.

[29] *Успенский Ф . И.* История Византийской империи. Период Македонской династии (867—1057).— М.: Мысль, 1997. С. 26. Мнение архиепископа Сергия (Спасского), что патриарх Фотий был вскоре после смерти причислен к лику святых, представляется ошибочным.— См. *Сергий (Спасский), архиеп.* Полный месяцеслов Востока. Т. III. Репринт.— М., 1997. С. 61.

[30] Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 565.

[31] *Шкаровский М. В.* Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви.— СПб.: Мемориал, 1999. С. 18.

[32] *Шкаровский М. В.* РПЦ при Сталине и Хрущеве.— М., 1999. С. 240—242.

[33] *Демьянов А. И.* Истинно-православное христианство.— Воронеж: Воронежский университет, 1977. С. 13—14.

[34] *Бернштам М.* Стороны в гражданской войне 1917—1922 гг. Проблематика, методика, статистика // Вестник РХД, 1978, № 128. С. 273.

[35] *Поспеловский Д.* РПЦ в XX веке.— С. 314.

[36] *Клибанов А. И.* Современное сектантство в Тамбовской области (по материалам экспедиции Института истории АН СССР в 1959 г.) //Вопросы истории и атеизма. Т. 8.— М.: Изд-во АН СССР, 1960; *Никольская З. А.* К характеристике течения истинно православных христиан // Вопросы истории религии и атеизма. Т. 9.— М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 162—188; *Митрохин Л. Н.* Реакционная идео-

логия «истинно православной церкви» на Тамбовщине // Вопросы истории религии и атеизма. Т. 9.— М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 144—162.

[37] *Осипова И. И.* «Сквозь огнь мучений и воды слез...» Гонения на Истинно-Православную Церковь.— М.: Серебряные нити, 1998. С. 10.

[38] *Осипова И. И.* История «Истинно-Православной Церкви» по материалам следственного дела // Ежегодная богословская конференция ПСТБИ. Материалы 1992—1996.— М.: ПСТБИ. С. 374—380; *Осипова И. И.* Новые материалы о преследованиях за веру в Советской России //Церковно-исторический вестник, 1999, № 2—3. С. 4—198; *Осипова И. И.* «Сквозь огнь мучений и воды слез...» Гонения на Истинно-Православную Церковь.— М.: Серебряные нити, 1998; *Шкаровский М. В.* Иосифлянское движение и оппозиция в СССР //Минувшее. Вып. 15.— М., СПб., 1994. С. 446—463; *Шкаровский М. В.* Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви.— СПб.: Мемориал, 1999.

[39] *Амвросий (граф фон Сиверс), архиеп.* Катакомбная Церковь: «Кочующий» Собор 1928 г. //Русское Православие. Всероссийский Вестник ИПХ. СПб., 1997, № 3 (7); *Его же.* Катакомбная Церковь: Усть-Кутский Собор 1937 г. //Русское Православие. Всероссийский Вестник ИПХ. СПб., 1997, № 4 (8); *Его же.* Катакомбная Церковь: Тайный Собор ИПЦ 1948 г. //Русское Православие. Всероссийский Вестник ИПХ. СПб., 1997, № 5 (9); *Его же.* Катакомбная Церковь: Тайный Собор ИПЦ 1961 г. //Русское Православие. Всероссийский Вестник ИПХ. СПб., 1997; *Его же.* Катакомбная Церковь: Освященные Соборы 1994—1997 гг. // Русское Православие. Всероссийский Вестник ИПХ. СПб., 1998, № 3 (12).

[40] Насколько известно автору настоящей статьи, в последнее время сомнения в подлинности документов, опубликованных Амвросием (Сиверсом), высказывались исследователями самых разных направлений: А. В. Антоновым, О. Ю. Васильевой, протоиереем Владимиром Воробьевым, Д. В. Поспеловским, протоиереем Владиславом Цыпиным. Даже М. В. Шкаровский и С. Л. Фирсов, ссылавшиеся на публикации Амвросия (Сиверса), стали сдержаннее относиться к этим материалам.

[41] *Шкаровский М. В.* РПЦ при Сталине и Хрущеве. С. 242.

[42] Там же. С. 243.

[43] *Регельсон Л. Л.* Трагедия Русской Церкви 1917—1945.— М.: Крутицкое подворье, 1996. С. 576.

[44] *Зеленогорский (Гринберг) М. Л.* Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского).— М.: Терра, 1991. С. 91.

[45] В своем ответе собранию благочинных 3 июля 1926 года владыка Андрей высказался так: «Буду отвечать прямо: я не считаю митрополита Петра Крутицкого способным понимать церковную жизнь; это человек, который попал в монахи «по сокращению» на светской службе и способен церковную жизнь только путать. Это я предчувствовал весной 1925 года, и мое предчувствие оправдалось,— он запутал все до невозможности» //*Зеленогорский (Гринберг) М. Л.* Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского).— М.: Терра, 1991. С. 194.

[46] *Поспеловский Д. В.* РПЦ в XX веке. С. 316.

[47] *Осипова И. И.* «Сквозь огнь мучений и воды слез...» С. 19.

[48] *Шкаровский М. В.* РПЦ при Сталине и Хрущеве. С. 246.

[49] Здесь мы не согласимся со Шкаровским, утверждавшим, что в отличие от представителей ИПЦ, в движении ИПХ большинство были монархистами. Нет сомнений (и это видно из следственных дел), что большинство последователей ИПЦ являлись активными или пассивными сторонниками монархии, и если на допросах даже порицали самодержавие, то только в частностях.

[50] *Зеленогорский (Гринберг) М. Л.* Указ. соч. С. 194.

[51] *Нежный А.* Князь Ухтомский, епископ Андрей //Звезда. СПб., 1997, № 10. С. 32.

[52] *Шкаровский М. В.* Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви.— СПб.: Мемориал, 1999. С. 200.

[53] Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 539.

[54] Там же. С. 544.

[55] Там же. С. 540.

[56] Там же. С. 564.

[57] Там же. С. 565—566, 569.

[58] Там же. С. 577.

[59] *Фирсов С. Л.* Время в судьбе: Святейший Сергий, Патриарх Московский и всея Руси. К вопросу о генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века.— СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 159—160.

[60] *Фирсов С. Л.* Указ. соч. С. 161.

[61] *Осипова И. И.* «Сквозь огнь мучений и воды слез...» — С. 149. Несмотря на то, что И. И. Осипова полагает это высказывание приписанным священнику следственными органами, имеется достаточно много свидетельств в пользу симпатий части правой оппозиции фашистской Германии (по принципу из двух зол выбирают меньшее).

[62] *Афиногенов Д. Е.* Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784—847). М.: Индрик, 1997. С. 73.

[63] *Успенский Ф. И.* История Византийской Церкви VI—IX вв.— М.: Мысль, 1996. С. 720.

[64] *Цыпин Владислав, прот.* История РПЦ. 1917—1997.— М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского мон-ря, 1997. С. 180.

[65] Там же. С. 184.

[66] *Поспеловский Д.* РПЦ в XX веке.— М.: Республика, 1995. С. 139—156.

[67] РПЦ 988—1988. Вып. 2. Очерки истории 1917—1988.— М.: Изд-е МП, 1988. С. 46.

[68] Московские епархиальные ведомости. № 2, 1996. С. 31.

[69] Там же. С. 34.

[70] В документе, избегая термина «раскол», «раскольники», приводится терминология следующего рода: оппозиция, оппозиционеры, правые группировки.

[71] *Иоанн Мейендорф, прот.* Послесловие //*Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви.— М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1996. С. 624—625.

[72] *Шкаровский М. В.* Иосифлянство: течение в РПЦ.— СПб.: НИЦ «Мемориал», 1999. С. 29.

[73] *Воробьев Владимир, прот.* Предисловие // За Христа пострадавшие. Кн. I. А—К.— М: ПСТБИ, 1997. С. 13—14.

[74] *Мейендорф Иоанн, прот.* Послесловие // *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви. С. 623.

[75] Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 644.

[76] Там же. С. 700.

[77] Там же. С. 680.

[78] *Иоанна, мон.* Указ соч. С. 12.

[79] *Григорий (Граббе), еп.* Русская Церковь перед лицом господствующего зла.— Джорданвилл, 1991. С. 71—77.

[80] *Лебедев Александр, прот.* Плод лукавый. Происхождение и сущность Московской Патриархии.— Swan Press, 1994. С. 115.

[81] *Васильева О. Ю.* Жребий митрополита Сергия (от «Декларации» до «Памятной записки») // Ежегодная богословская конференция ПСТБИ. Материалы 1997 г.— М.: ПСТБИ, 1997. С. 186.

[82] *Поспеловский Д.* Православная Церковь в истории Руси, России и СССР.— М.: ББИ, 1996. С. 268.

[83] Несмотря на то, что митрополит Иоанн довольно критично отзывается о взглядах митрополита Кирилла, полагая их «одним из отголосков иосифлянского раскола», однако, расколом эти взгляды не называет, считая более справедливым употребить термин «оппозиция» — см.: *Иоанн (Снычев), митр.* Стояние в вере. Очерки церковной смуты.— СПб.: Царское дело, 1995. С. 200.

[84] *Цыпин Владислав, прот.* Русская Православная Церковь. 1925—1938.— М.: Изд. Сретенского мон-ря, 1999. С. 182—184.

[85] Авторы используют термин «оппозиция» и повторяют известное легендарное предание о том, что митрополит Кирилл перед кончиной *в августе 1941 года* (?!) якобы пошел на примирение с митрополитом Сергием //РПЦ. 988—1988. Очерки истории 1917—1988.— М.: Изд-е МП, 1988. С. 46.

[86] *Иоанн Мейендорф, прот.* Послесловие //*Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви.— М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1996. С. 624—625.

[87] *Журавский А. В.* Гжатский период жизни Казанского митрополита Кирилла (Смирнова) и арест 1934 года // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского Института. Материалы 1998.— М.: ПСТБИ, 1998. С. 246—252; *Журавский А. В.* Епископ Чистопольский Иоасаф (Удалов) как последователь митрополита Казанского Кирилла. //Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского Института. Материалы 1992—1996.— М.: ПСТБИ, 1996. С. 356—363; *Журавский А. В.* Жизнь и деятельность митрополита Казанского и Свияжского Кирилла (Смирнова) с 1918 по 1922 г. // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского Института. Материалы 1997.— М.: ПСТБИ, 1997. С. 203—212; *Журавский А. В.* Краткое жизнеописание митрополита

Казанского Кирилла (Смирнова) //Православный Собеседник (Казань), 2000, № 1. С. 204–246.

[88] *Осипова И. И.* «Сквозь огнь мучений и воды слез...» Гонения на Истинно-Православную Церковь.– М.: Серебряные нити, 1998. С. 18.

[89] *В. К.* Русская Зарубежная Церковь на стезях отступничества. Апостасия в РПЦЗ и исповеднический путь Катакомбной Церкви.– СПб.: Изд-е «Вестник ИПХ», 1999. С. 16.

[90] Там же. С. 15–16.

[91] Текст письма впервые опубликован в издании: История Русской Православной Церкви. Новый Патриарший период. Том 1. 1917–1970.– СПб.: Воскресение, 1997. С. 982–983.

[92] История РПЦ от восстановления Патриаршества до наших дней. Т. I. 1917–1970.– СПб., 1997. С. 982.

[93] *Шкаровский М. В.* Иосифлянство: течение в РПЦ.– СПб, 1999. С. 179.

[94] Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 701.

[95] Там же. С. 809–810.

[96] Там же. С. 691.

[97] Там же. С. 681.

[98] *Шкаровский М. В.* Истинно-православные христиане на Украине //Православная жизнь (Orthodox Life), 1998, № 9 (585). С. 3.

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ МИТРОПОЛИТА КАЗАНСКОГО И СВИЯЖСКОГО КИРИЛЛА (СМИРНОВА)

1863, 26 апреля — родился в г. Кронштадте Санкт-Петербургской губернии в семье псаломщика Илариона Смирнова, наречен Константином

1883 — поступил в Санкт-Петербургскую Духовную академию (СпбДА)

1887 — окончил СпбДА со степенью кандидата богословия (за сочинение «Никифор Феотоки и его значение в истории Русской Церкви и духовной литературы»)

1887 — вступил в законный брак с дочерью священника Петербургской епархии Ольгой Николаевной Азиатской

1887, 15 ноября — рукоположен во диакона епископом Выборгским Антонием (Вадковским)

1887, 21 ноября — рукоположен во иерея епископом Выборгским Антонием (Вадковским); назначен на место священника и законоучителя Елисаветпольской гимназии Кавказского учебного округа

1894, 18 октября — назначен настоятелем церкви при 2-й Петербургской гимназии с одновременным исполнением обязанностей законоучителя этой же гимназии

1897 — избран членом епархиального Комитета Миссионерского общества

1900 — привлечен к работе в подкомиссии по вопросу о надлежащей постановке преподавания Закона Божия в средних учебных заведениях Министерства народного просвещения

1900, октябрь — переведен на священническую вакансию к Кронштадтской Свято-Троицкой кладбищенской церкви

1901 — трагическая смерть дочери и супруги

1902, 4 апреля — определение Св. Синода о назначении архимандрита Феофилакта, бывшего начальника Урмийской Духовной Миссии (в Персии) настоятелем Козловского Троицкого третьеклассного монастыря в Тамбовской епархии, а также просьба К. П. Победоносцева выяснить, «не встречается ли со стороны МИДа препятствий к назначению на должность начальника Урмийской Миссии священника Константина Смирнова (по пострижении его в монашество)»

1902, 5 апреля — направление К. П. Победоносцевым министру иностранных дел графу В. Н. Ламздорфу выписки из определения Св. Синода и «доверительного» письма с предложением рекомендуемой митрополитом С.-Петербургским Антонием (Вадковским) кандидатуры священника Константина Смирнова — «талантливого проповедника» и «одного из лучших представителей клира С.-Петербургской епархии»

1902, 11 апреля — сообщение графа В. Н. Ламздорфа К. П. Победоносцеву, что препятствий к назначению священника Константина Смирнова на должность начальника Духовной Миссии не имеется

1902, 20 апреля — извещение К. П. Победоносцевым Св. Синода о мнении МИДа

1902, 10 мая — о. Константин, соглашается на предложение митрополита Антония (Вадковского) и принимает монашеский постриг с именем Кирилл, в честь святителя Кирилла учителя Словенского; постриг в монашество совершен в церкви СПбДА ректором академии епископом Ямбургским Сергием (Страгородским)

1902, 11 мая — возведен в сан архимандрита

1902, 19 августа — вместе с новыми членами Миссии прибыл из Петербурга в Тавриз, где встречен русским генеральным консулом и чиновником от Азербайджанского каргузара; представлен наследнику персидского престола, а затем приглашен в Немет-Абад — летнюю резиденцию русского генерального консульства

1902, 22 августа — выехал из Тавриза в Урмию

1902, 26 августа — прибытие в Урмию

1902, 26 сентября — возглавил общее собрание всего духовенства епархии в городской церкви свт. Николая по вопросу о переводе богослужебных книг; избрана переводческая комиссия

1902, 3 октября — начало работы переводческой комиссии под председательством архимандрита Кирилла

1902, октябрь — начало противостояния с англиканской Миссией в Урмии, устройство при Урмийской Миссии школы с интернатом для сирийских детей

1902, октябрь — 1903, май — переведены на древнесирийский язык: последование вечерни и утрени по Часослову и Служебнику, воскресные песнопения Октоиха 1-го и 2-го гласов, службы праздников Рождества Христова и Пасхи, последование Спасительных Страстей Христовых, чин диаконской и пресвитерской хиротонии, отдельные богослужебные песнопения; на новосирийский язык переведены деяния Св. Синода об открытии честных мощей преп. Серафима Саровского, «Начатки христианско-православного учения» митрополита Филарета Московского, послания сирийского православного епископа Мар-Ионана с каноническими разъяснениями по церковно-богослужебным вопросам и вопросам приходской практики и мн. др.

1902, 8 ноября — письмо из Урмии архимандрита Кирилла митрополиту Антонию (Вадковскому)

1902, 19 ноября — письмо из Урмии архимандрита Кирилла митрополиту Антонию (Вадковскому)

1903, 25 января — письмо из Урмии архимандрита Кирилла российскому генеральному консулу в Азербайджане

1903, 1 февраля — письмо из Урмии архимандрита Кирилла митрополиту Антонию (Вадковскому)

1903, 20 февраля — указ Св. Синода о перевода Урмийской Миссии из ведения Грузино-Имеретинской синодальной конторы в непосредственное подчинение Святейшему Синоду (предписывалось осуществлять связь через первенствующего члена Св. Синода)

1903, март-апрель — запуск собственной типографии Урмийской Миссии

1903, 20 апреля — письмо из Урмии архимандрита Кирилла митрополиту Антонию (Вадковскому)

1903, апрель — завершен перевод чина литургии св. Иоанна Златоуста на древнесирийский язык

1903, октябрь — объявление персидскими властями о передаче всех храмов, числящихся за Урмийской Духовной Миссией «древним назореям» (сирийским несторианам); поддержка персидских властей и несториан инославными миссиями

1903, конец ноября — прибытие архимандрита Кирилла в Петербург для организации защиты интересов Урмийской Миссии

1903, 13 декабря — записка архимандрита Кирилла по вопросу принадлежности урмийских храмов Православной Духовной Миссии

1903, декабрь — 1904, январь — дипломатическое урегулирование вопроса о православных храмах в Урмии

1904, январь — по рекомендации архимандрита Кирилла был хиротонисан находившийся в Петербурге архимандрит Илия, сирохалдей по происхождению, в епископа Тергяварского; по решению Св. Синода Мар-Илия должен был управлять южной, Барандузской частью Урмии, епископ Супурганский и Урмийский Мар-Ионан — северной, Назлучайской; епископу Мар-Аврааму доставалось в управление селение Марсаргиз

1904, январь — учреждение по инициативе архимандрита Кирилла «Кирилло-Сергиевского Урмийского братства» для содействия утверждению Православия в Урмии и обращению несториан в Православие

1904, 12 февраля — прием императором Николаем II архимандрита Кирилла перед его отъездом в Персию

1904, 6 мая — всемилостивейше сопричислен к ордену Св. Анны 2-й степени

1904, 10 мая — назначение епископом Гдовским, третьим викарием С.-Петербургской епархии

1904, 6 августа — хиротония архимандрита Кирилла во епископа Гдовского, третьего викария Санкт-Петербургской епархии, совершена в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры митрополитом Антонием (Вадковским)

1905, 31 октября — епископ Гдовский Кирилл переименован из третьего во второго викария С.-Петербургской епархии

1908, 15 февраля — назначен первым викарием С.-Петербургской епархии

1908, 20 декабря — отпел св. прав. Иоанна Кронштадтского, согласно его предсмертной просьбе, и совершил над его телом первую панихиду; сопровождал тело кронштадтского пастыря в С.-Петербург для погребения

1909, 6 января — на Крещенское богослужение в присутствии Царской Семьи епископ Кирилл отказался выполнить требование полиции и совершить освящение великой агиасмы на кипяченой воде; великое водосвятие владыкой Кириллом в сослужении архимандритов Александро-Невской лавры было совершено у проруби на р. Неве

1909, 28 января — в Исаакиевском кафедральном соборе совершил заупокойную литургию на 40-й день памяти св. прав. Иоанна Кронштадтского

1909, 30 декабря — утверждение епископа Кирилла на самостоятельную кафедру епископа Тамбовского и Шацкого

1910, 24 января — прибытие в Тамбов и вступление в управление Тамбовской епархией

1910, 23 марта — резолюция об увеличении на епархиальных съездах числа представителей от приходского духовенства и церковных старост

1910 — введение в качестве традиции совершения ежегодных заупокойных литургий в дни памяти протоиерея Иоанна Сергиева (Кронштадтского), епископа Феофана Вышенского, епископа Питирима Тамбовского, старца Оптинского Амвросия и др. подвижников благочестия XIX—XX вв.; в эти дни в духовной семинарии, училище и прочих образовательных учреждениях устраивались чтения в память подвижников благочестия

— учреждение Тамбовского просветительско-миссионерского Питиримовского братства

— обзорные поездки для знакомства с епархией, духовенством и положением дел на местах; посещение всех уездных городов Тамбовской губернии, пяти мужских монастырей, одиннадцати женских, 124 сельских приходов; в городах осмотрено 63 храма и 25 школ, в селах, соответственно — 124 и 53; сказано 180 поучений

(хронология поездок: 9 февраля посещены школы и церкви г. Кирсанова; с 14 по 26 февраля — церкви и школы г. Козлова, Елатомского и Темниковского уездов, гг. Кадома, Темникова и Спасска, Саровская и Вышенская пустыни, Санаксарский монастырь; в марте — г. Моршанск; в мае — епископ Кирилл дважды выезжал для освящения храмов в Ахтырском женском монастыре Козловского уезда и в слободе Голынщине Кирсановского уезда; с 31 мая по 4 июня обозревал церкви и школы Шацкого и Моршанского уездов и Моршанскую женскую общину; 25—28 июня — церкви и школы гг. Усмани и Борисоглебска; в июле посетил г. Елатьму и Елатомский уезд; в сентябре предпринял продолжительную поездку по уездам Тамбовскому, Козловскому, Липецкому и Усманскому; 3—6 ноября осматривал церкви и школы г. Лебедяни)

1911 — в продолжение 10 поездок по Тамбовской епархии посетил 5 городов, 5 мужских и 9 женских монастырей, 191 сельский приход и произнес 210 поучений

1911, 16 октября — освящение нового храма Тамбовской духовной семинарии

1912, 11 января — учреждение по инициативе епископа Кирилла Церковно-археологического комитета Тамбовской епархии

1912, январь — вызван в С.-Петербург для присутствия в Св. Синоде, находился в С.-Петербурге до 17 апреля 1912 года

1912, май — по ходатайству епископа Кирилла, духовенства всех епархиальных городов и городского самоуправления о прославлении епископа Тамбовского Питирима Св. Синод, поручил «образовать комиссию для расследования чудес, совершившихся при мощах святителя, и о последующем довести до сведения Св. Синода»

1912, 11 августа — опубликование в «Тамбовских епархиальных ведомостях» открытого письма редактору газеты «Тамбовский край» по поводу кощунственной статьи «Почетный член Ной»

1912, 23 августа — объявление епископом Кириллом о решении учредить второе епархиальное женское училище в г. Шацке

1912, 30 сентября — освящение нового храма, устроенного в честь иконы Божией Матери «Нечаянная Радость», при училище для слепых детей

1912, 3 ноября — принял участие в погребении почившего митрополита Антония (Вадковского)

1913, 14 января — восьмое и последнее заседание особой комиссии под председательством епископа Кирилла по обследованию чудотворений, совершившихся по вере в молитвенное предстательство пред Богом святителя Питирима; направление результатов деятельности комиссии в Св. Синод

1913, март — поручении Св. Синодом провести ревизию Самарского и Уфимского епархиальных управлений

1913, 6 мая — возведен в сан архиепископа

1913, июнь — утверждение решений образованной по благословению епископа Кирилла комиссии, выработавшей проект по сокращению канцелярской деятельности благочинных Тамбовской епархии

1913, 28 июня — резолюция императора Николая II на докладе Св. Синода с предложением канонизации святителя Питирима Тамбовского: «Согласен. Прочел с чувством истинной радости и умиления»

1913, 1—13 июля — определение Св. Синода совершить 28 июля 1914 года торжественное прославление святителя Питирима, епископа Тамбовского

1914, 25 января — деяние Св. Синода о признании епископа Патирима Тамбовского «в лике святых, благодатию Божию прославленных» и о назначении дня прославления святителя Питирима — 28 июля 1914 года

1914, 12 мая — указ Его Императорского Величества из Святейшего Правительствующего Синода о разрешении архиепископу Кириллу, в соответствии с его ходатайством, «при предстоящем прославлении Святителя Питирима, изнести честные его останки и положить их в особый гроб и раку, для благоговейного поклонения верующих»

1914, 19 июня — освящение торжественной закладки в Шацке нового здания епархиального женского училища

1914, 27—29 июля — торжества по прославлению святителя Питирима Тамбовского; в торжествах приняли участие митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир (Богоявленский);

архиепископ Тамбовский и Шацкий Кирилл (Смирнов); епископ Черниговский и Нежинский Василий (Богоявленский); епископ Уральский Тихон (Оболенский); епископ Михайловский Амвросий (Смирнов), викарий Пензенской епархии; епископ Гомельский Варлаам (Ряшенцев), викарий Могилевской епархии; епископ Козловский Зиновий (Дроздов), викарий Тамбовской епархии

1914, 13 сентября – благословлял отправлявшееся из Тамбова на фронт народное ополчение

1914, октябрь – создание по инициативе архиепископа Кирилла Питиримовского епархиального лазарета

1914, 7 декабря – посещение Тамбова государем императором Николаем II, участие в литургии, которую отслужил архиепископ Кирилл, и в молебне при мощах свт. Питирима Тамбовского

1915, 10 января – торжества по случаю 100-летия со дня рождения епископа Феофана Вышенского

1915, февраль – размещение в Тамбовской Духовной семинарии 19 детей и наставника из состава Урмийской Духовной Миссии, вынужденной покинуть Персию из-за вторжения турок и курдов; обеспечение сирийских детей всем необходимым на средства архиепископа Кирилла и А. Н. Нарышкиной

1915, март – отъезд в С.-Петербург для совещания в Св. Синоде и в правительственных организациях по вопросу о судьбе Урмийской Миссии

1915, 2 апреля – встреча архиепископа Кирилла с посетившей Тамбов великой княгиней Елисаветой Феодоровной; совершение молебна перед ракой с мощами свт. Питирима Тамбовского, краткая заупокойная лития об упокоении великого князя Сергея Александровича, на поле брани убиенного князя Олега Константиновича и «всех за веру, царя и Отечество живот свой положивших»; посещение военного лазарета вместе с великой княгиней

1915, 6 мая – «во внимание к отлично-усердной службе» сопричислен к ордену св. Александра Невского

1915 – по ходатайству архиепископа Кирилла Св. Синод установил ежегодное празднование 29 июля Тамбовской иконе Божией Матери, находящейся в Богородичной церкви г. Тамбова

1915, 23 декабря — освящена новая серебряная, вызолоченная рака для мощей свт. Питирима Тамбовского и сень над нею, устроенные на средства, пожертвованные императором Николаем II

1915 — архипастырские поездки по епархии: 25—26 апреля посещение г. Козлова для освящения придела Троицкой церкви; 23—24 мая — обозрение церквей 5-го благочинического округа Тамбовского уезда; с 3 по 10 июня — посещение г. Кирсанова и 34 сел Тамбовского и Кирсановского уездов; с 26 по 30 июня — обозрение Тихвинско-Богородицкого монастыря, церквей г. Кирсанова, а также 14 приходов Кирсановского и Тамбовского уездов; с 8 по 24 июля — посещение монастырей и церквей Шацкого, Темниковского и Спасского уездов

1916 — архипастырские поездки по епархии: с 3 по 18 марта — посещение уездных городов епархии; с 4 по 11 мая — посещение церквей и школ Кирсановского уезда; с 20 мая по 9 июня — церквей, монастырей, церковно-приходских школ Спасского, Темниковского и Елатомского уездов; с 30 июня по 20 июля — церквей, монастырей и учебных заведений духовного ведомства трех упомянутых уездов, а также Шацкого уезда; с 5 по 26 сентября — проведение 20 благочинических собраний, посещение двух городов, 40 сельских церквей.

1917, 12 марта — в связи с отречением императора Николая II и действиями новой власти направляет телеграммы всем благочинным с призывом «общими силами уяснить себе и пастве важность переживаемых событий, ответственность всех за целость Родины»

1917, 9 июня — определением Св. Синода, согласно результатам голосования правящих и викарных епископов, вызван в Петроград для участия в работе Предсоборного совета (набрал 46 голосов)

1917, 15 июня — председательствовал на епархиальном съезде Тамбовской епархии

1917, 21 июня — определением Св. Синода назначен председателем седьмого отдела (о церковном хозяйстве) Предсоборного совета

1917 — член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917-1918 гг., председатель отдела о преподавании Закона Божия

1917, 23 сентября — на заседании Поместного Собора сделал доклад по деятельности возглавляемого Отдела о преподавании Закона Божия в школе

1917, 11 октября — прием соборной делегации во главе с архиепископом Кириллом министром исповеданий А. В. Карташевым, а также А. Ф. Керенским

1917, 14 октября — внеочередной доклад архиепископа Кирилла на Поместном Соборе о переговорах с Временным правительством

1917, 27 октября — вместе с архимандритом Вениамином (Федченковым) оказался в Московском кремле во время военного противостояния большевиков и юнкеров

1917, 31 октября — во время выборов общего числа кандидатов в патриархи указывался вторым (после митрополита Антония (Храповицкого) по числу голосов, а во время голосования по конкретным кандидатурам — пятым, четвертым и третьим соответственно в трех турах голосования

1917, 7 декабря — избран одним из пяти заместителей членов Св. Синода

1918, 4 (17) февраля — организованное законоучительным отделом Поместного Собора (отдел под председательством архиепископа Кирилла) собрание Всероссийского совета родительских организаций, Союза союзов родительских комитетов г. Москвы, представителей родительских комитетов г. Петрограда и законоучителей всех учебных заведений г. Москвы единогласно постановило признать преподавание Закона Божия во всех учебных заведениях обязательным, а попытки его изгнания из школы считать давлением на совесть родителей и учащихся

1918, 14 (27) февраля — по решению Поместного Собора возглавил комиссию по расследованию обстоятельств мученической кончины митрополита Киевского Владимира

1918, 1 апреля (н. ст.) — назначен митрополитом Тифлисским и Бакинским, экзархом Кавказским

1918, 22 марта (4 апреля) 1918 — избран в комиссию по борьбе с большевизмом в Церкви

1918, 19 мая — июль — находился в Баку; направил три письма, патриарху Тихону от 24 мая, 5 и 20 июня

1918, 4 июня — председательствовал на собрании представителей всех приходов г. Баку, в отсутствии возможности созвать епархиальное собрание; избраны члены Временного Бакинского епархиального совета

1918, 4 июля — избран митрополитом Нижегородским на Нижегородском епархиальном съезде духовенства и мирян, получив более 2/3 голосов

1918, 4 июня — постановление Святейшего Патриарха и Священного Синода об утверждении вместо митрополита Кирилла на Тамбовскую кафедру избранного свободным голосованием клира и мирян Тамбовской епархии епископа Козловского Зиновия (Дроздова)

1918, 12 июля — прибыв в Астрахань, получил телеграмму патриарха Тихона, что «благо Церкви требует ныне пребывания его на Кавказе», а не на Нижегородской кафедре; направился в Тифлис, но по обстоятельствам военного времени добраться до Тифлиса не смог

1918, август — прибыл в Москву на третью сессию Поместного Собора

1918, 20 августа — избран заместителем члена соборного Совета

1918, 13 сентября — по предложению соборного Совета возглавил делегацию для передачи Совету народных комиссаров постановления Собора от 24 августа (6 сентября) о необходимости отмены инструкции Народного комиссариата юстиции от 17 (30) августа 1918 г. «по проведению в жизнь Декрета об отделении Церкви от государства»

1918, 18—19 сентября — на 168-169 заседаниях Поместного Собора обсуждался доклад митрополита Кирилла «О церковных округах», сделанный от Отдела о высшем церковном управлении; на 169-м заседании митрополит Кирилл сделал доклад «Об управлении духовно-учебными заведениями, церковно-приходскими школами и законоучительством в светских учебных заведениях» (результат совместной работы соборных отделов «О духовно-учебных

заведениях», «О церковно-приходских школах», «О преподавании Закона Божия» и издательского отдела)

1918, 20 сентября — на заключительном 170-м заседании Поместного Собора председательствовал во время рассмотрения доклада протоиерея А. И. Юницкого «Об устроении Православной Церкви в Закавказье и на Кавказе вообще» (результат работы соборного отдела «Об устроении Православной Церкви в Закавказье»)

1918, 21 октября — постановление патриарха Тихона и Св. Синода: «Не признавая возможным оставлять православное население закавказской паствы без архипастырского руководительства и попечения, постановлено: не перемещать на Нижегородскую Архиерейскую кафедру митрополита Тифлисского и Бакинского Кирилла, поручив временное управление Нижегородской епархией Преосвященному архиепископу Алеутскому Евдокиму»

1918, осень — после окончания Собора продолжал служить в Москве; становится членом Священного Синода

1919, декабрь — арестован ВЧК вместе с митрополитом Арсением (Стадницким) по обвинению в «контрреволюционной агитации путем рассылки воззваний и сношений с Колчаком и Деникиным»; заключение продолжалось около двух месяцев

1920, апрель — назначен митрополитом Казанским и Свияжским

1920, 9 июля — прибыл в Казань в день встречи Смоленской Седмиезерной иконы Божией Матери

1920, 11 июля — совершил вместе с епископом Анатолием (Грисюком) и епископом Балахнинским Петром (Зверевым) хиротонию архимандрита Иоасафа (Удалова) во епископа Мамадышского, викария Казанской епархии.

1920, 19 августа — арестован в Казани по обвинению в том, что «выехал из Москвы в Казань без разрешения ВЧК»; содержался в «Набоковке» (Казанский ЧК), через несколько дней направлен в Москву

1920, 27 августа — осужден Президиумом ВЧК на срок «до конца гражданской войны»; заключение в концлагере заменено до конца гражданской войны заключением в лагере на 5 лет

1920, 5 октября — помещен в Таганскую тюрьму

1920, 7 ноября — избран почетным членом КазДА

1921, 4 февраля — утвержден указом патриарха Тихона в звании почетного члена КазДА

1921, март-апрель — совершал богослужения в школьном помещении тюрьмы; возглавлял пасхальное богослужение

1921, 24 декабря — досрочно освобожден в связи с очередной амнистией по случаю 4-й годовщины Октябрьской революции

1922, в ночь с 17 на 18 января — прибыл в Казань

1922, 21 июня — составил распоряжение «на случай лишения возможности непосредственного руководства церковной жизнью епархии» (управление епархиальными делами принимает на себя один из викариев по старшинству хиротонии; за богослужениями в храмах епархии возносится имя только митрополита, пока он находится в живых, а в случае смерти — до назначения нового возносится имя временно управляющего викария)

1922, 24 июля — председательствовал в Богоявленском соборе г. Казани на общегородском собрании, обсуждавшем современную церковную ситуацию и возможность представителям Казанской епархии участвовать в созываемом обновленческим ВЦУ соборе

1922, июль-август — постриг и рукоположил студентов богословских курсов (открытых вместо КазДА) Питирима (Крылова), Иоанна (Широкова), Палладия (Шерстенникова), Серафима (Шамшева), насельников Казанского Иоанно-Предтеченского монастыря, впоследствии — епископов

1922, 14 (15) августа — арест в Казани; был отвезен за город, посажен в тюремный вагон и отправлен в Москву, где вновь заключен во внутреннюю тюрьму ОГПУ

1922, 27 августа — указ обновленческого ВЦУ об устранении от управления Казанской епархией, увольнении на покой с назначением местопребывания вне пределов Казанской епархии

1922, декабрь — отправлен в одном вагоне с митрополитом Агафангелом (Преображенским) в ссылку: митрополит Кирилл — в Коми-Зырянский край, митрополит Агафангел — в Нарым

1923 — в ссылке в г. Усть-Сысольск (ныне — Сыктывкар)

1923, 5 апреля — на место «уволенного на покой» митрополита Кирилла обновленческим ВЦУ был назначен в Казань архиепископ

Алексий (Баженов); Казанские викарные епископы Иоасаф (Удалов), Афанасий (Малинин), Андроник (Богословский) отказались признать каноничность подобного назначения

1923, май — встречался в ссылке с епископом Серафимом (Звездинским), С. И. Фуделем

1923, лето — перемещен на поселение в г. Усть-Кулом Коми-(Зырян) АО, здесь и в ближайших селениях проживали епископ Новоторжский Феофил (Богоявленский), епископ Петергофский Николай (Ярушевич), епископ Афанасий (Сахаров), епископ Кинешемский Василий (Преображенский), архимандрит Неофит (Осипов)

1923, ноябрь — завещательное распоряжение патриарха Тихона о назначении первым кандидатом на должность местоблюстителя патриаршего престола митрополита Агафангела (Преображенского), вторым — митрополита Кирилла

1924, 21 мая — решением Св. Синода предложен ко включению в состав восстанавливаемого Высшего Церковного Управления (ВЦУ)

1924, июнь — вызван в Москву из Усть-Кулома для собеседования с Е. А. Тучковым, настаивавшим на согласии с включением в состав ВЦУ шести представителей обновленчества, в т. ч. В. Красницкого; оказал влияние на решимость патриарха Тихона отказаться от переговоров с обновленцами и учреждения при патриархе ВЦУ; вновь сослан в Коми-Зырянский край

1925, 7 января — по завещательному распоряжению патриарха Тихона назначен первым кандидатом на должность местоблюстителя патриаршего престола

1925, май — после окончания срока ссылки прибыл в Усть-Сысольск; узнал о вступлении в местоблюстительство митрополита Петра; без суда сослан в Переволок Усть-Ухтинской волости Ижемского уезда Зырянского края

1925, 5 декабря — завещательное распоряжение митрополита Крутицкого Петра (Полянского) на случай своей кончины о передаче прав и обязанностей местоблюстителя — до законного выбора нового патриарха и согласно завещанию патриарха Тихона —

митрополиту Кириллу (Смирнову), или митрополиту Агафангелу (Преображенскому), или митрополиту Сергию (Страгородскому)

1926, 17 июня — прибыл из Переволока в Усть-Сысольск

1926, октябрь — арестован в Усть-Сысольске, доставлен в распоряжение Вятского ОГПУ, местом проживания определено в г. Котельнич Вятской губернии

1926, ноябрь — собраны подписи около 70 (по разным сведениям, от 69-ти до 72-х) епископов в поддержку избрания патриархом митрополита Кирилла

1926, 21 декабря — арестован в г. Котельниче, заключен в Вятскую тюрьму

1926, 24 декабря — уполномоченным 1-го отделения СОЧ Вятгуботдела ОГПУ объявлено постановление об аресте

1927, 4 января — предъявлено обвинение в том, что «сносился с церковными деятелями в целях консультации по церковным делам и оказания на них влияния, а в самое последнее время связался с группой черносотенного епископата, поставившей задачей придать Церкви характер активной антисоветской организации»

1927, середина февраля — двухдневный допрос Е. А. Тучковым, интересовавшимся отношением митрополита Кирилла к тайному избранию его патриархом, направлением возможного осуществления патриарших полномочий, его «церковным credo»

1927, 23 марта — осужден ОСО при Коллегии ОГПУ СССР (по ст. 58—10), приговорен к трем годам ссылки, начиная с 21 декабря 1926 года

1927, апрель — отправлен под конвоем в Новосибирск, оттуда — Красноярск, Туруханск, а затем — на станок Хантайка Красноярского края

1928, зима — направляясь на станок Хантайка, проезжал поселок Полой (200 км севернее Туруханска), где встретил находившегося в ссылке епископа Глуховского Дамаскина (Цедрика)

1929, 15 мая — первое письмо митрополита Казанского и Свияжского Кирилла заместителю патриаршего местоблюстителя митрополиту Нижегородскому Сергию (Страгородскому) из станка Хантайка, Туруханского района, Красноярского округа

1929, июнь — со станка Хантайка вызван в Туруханск, а затем отправлен на поселение в г. Енисейск.

1929, 18 сентября — первое письмо заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия к митрополиту Казанскому и Свияжскому Кириллу

1929, 10—12 ноября — второе письмо («отзыв») митрополита Кирилла, находившегося в Енисейске, митрополиту Сергию

1930, 2 января — второе письмо митрополита Сергия с назначением крайнего срока 15 февраля 1930 года «для выражения канонического послушания и отказа от общения с раскольниками». Предание митрополита Кирилла суду собора архиереев «по обвинению во вступлении в общение с обществом, отделившимся от законного церковного священноначалия и образовавшим раскол, и в поддержке названного раскола своим примером, словом и писаниями»; «в демонстративном отказе от принятия Св. Таин в православных храмах» и «в отказе повиноваться законному заместителю патриаршего местоблюстителя и иметь с ним общение»; увольнение на покой с правом священнодействия с разрешения местных епархиальных архиереев.

1930, 30 января — отзыв митрополита Кирилла, находившегося в с. Каргино Енисейского района, на второе письмо митрополита Сергия

1930, февраль — направлен в Красноярск, где арестован, допрошен и сослан в Туруханский край

1933, 15 ноября — получил паспорт на год; избрал место проживания г. Гжатск

1934, январь — поселяется в г. Гжатске, восстановил письменное общение с епископами Афанасием (Сахаровым), Дамаскиным (Цедриком), Парфением (Брянских), Серафимом (Самойловичем)

1934, январь (?) — будучи проездом в Москве посетил митрополита Сергия (Страгородского)

1934, 20 января и 27 февраля — епископ Елабужский Палладий (Шерстенников) посещал митрополита Кирилла «для переговоров» и с предложением «принести покаяние»

1934, весна — митрополита Кирилла посетили епископ Афанасий (Сахаров), профессор И. В. Попов

1934, 8 июля – распоряжение ОГПУ об аресте митрополита Кирилла

1934, 14 июля – арестован

1934, 2 декабря – осужден Особым совещанием при НКВД СССР, приговорен к 3 годам ссылки в Казахстан, считая с 14 июля 1934 года

1935, январь (?) – встреча с епископом Евгением (Кобрановым) в камере Алма-Атинской тюрьмы

1935, январь (?) – 1937, июль – проживал в ссылке в пос. Яны-Курган Яны-Курганского района Южно-Казахстанской области

1936, осень – обращения к митрополиту Кириллу ссыльных епископов из числа «непоминающих» вступить в права местоблюстителя в связи с объявлением о смерти митрополита Петра (в действительности остававшегося в живых до 10 октября 1937 года); в результате переписки митрополит Иосиф (Петровых), архиепископ Прокопий (Титовым), архиепископ Серафим (Самойлович) и др. высказались за признание митрополита Кирилла главой Русской Церкви и патриаршим местоблюстителем

1937, январь – началось письменное общение с проживавшим в Чимкенте митрополитом Иосифом (Петровых)

1937, 7 июля – арестован в Яны-Кургане по обвинению в «участии в контрреволюционной подпольной организации церковников», заключен в Чимкентскую тюрьму

1937, 19 ноября – осужден тройкой при УНКВД КазССР по Южно-Казахстанской области, приговорен к расстрелу

1937, 20 ноября – расстрелян в Лисьем овраге под г. Чимкент вместе с митрополитом Иосифом (Петровых) и епископом Евгением (Кобрановым)

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I. Использованная тематическая литература:

1. *Акиньшин А.* Священномученик Алексий Воронежский // Православная жизнь.— 1995. № 8. С. 4—16.

2. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея Руси, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917—1943 / Сост. М. Е. Губонин.— М.: Правосл. Свято-Тихоновский богословс. ин-т: Братство во имя Всемилостивого Спаса, 1994.

3. *Алленов А. Н.* Патриарший избранник // Город Тамбов в прошлом, настоящем и будущем: Тезисы докладов краевед. конф., 26 апреля 1996 г.— Тамбов, 1996.

4. *Амвросий (граф фон Сиверс), еп.* Катакомбная Церковь: «Кочующий» Собор 1928 г. // Русское Православие. Всероссийский Вестник ИПХ. СПб., 1997. № 3 (7). С. 2—30.

5. *Амвросий (граф фон Сиверс), еп.* Катакомбная Церковь: Усть-Кутский Собор 1937 г. //Русское Православие. Всероссийский Вестник ИПХ. СПб., 1997. № 4 (8).

6. *Амвросий (граф фон Сиверс), еп.* Катакомбная Церковь: Тайный Собор ИПЦ 1948 г. //Русское Православие. Всероссийский Вестник ИПХ. СПб., 1997. № 5 (9).

7. *Амвросий (граф фон Сиверс), еп.* Катакомбная Церковь: Тайный Собор ИПЦ 1961 г. //Русское Православие. Всероссийский Вестник ИПХ. СПб., 1997.

8. *Амвросий (граф фон Сиверс), еп.* Катакомбная Церковь: Освященные Соборы 1994—1997 гг. //Русское Православие. Всероссийский Вестник ИПХ. СПб., 1998. № 3 (12).

9. *Андриевский А.* Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1911. Ч. 1.

10. Антоний, митрополит С.-Петербургский и Ладожский /Сост. М. Б.— Пг.: О-во распространения религиозн. -нравств. просвещения в духе Православ. Церкви, 1915.

11. *Антонов В. В. (Бутаков А.)* Священномученик епископ Сергий (Дружинин) // Православная жизнь. 1996. № 2. С. 1—9.

12. *Арсений (Жадановский), епископ.* Воспоминания.— М.: Православ. Свято-Тихоновский богослов. ин-т, 1995.

13. *Афиногенов Д. Е.* Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784—847).— М.: Индрик, 1997.

14. *Бернштам М.* Стороны в гражданской войне 1917—1922 гг. Проблематика, методика, статистика // Вестник РХД, 1978, № 128.

15. *Булгаков С. Н.* Агония // Христианский социализм (С. Н. Булгаков): Споры о судьбах России.— Новосибирск, Наука. Сиб. отдние, 1991.

16. *Бутаков А. (Антонов В. В.)* Два письма митрополита Кирилла // Возвращение. 1996. № 4. С. 23—25.

17. *Варнава (Беляев), еп.* Тернистым путем к небу (Per aspera ad astra). М.: Паломник, 1996.

18. *Васильева О. Ю.* Жребий митрополита Сергия (От «Декларации» до «Памятной записки») // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского Института: Материалы, 1997.— М.: Православ. Свято-Тихоновский богослов. ин-т, 1997.

19. *Вениамин (Федченков), митр.* На рубеже двух эпох. М.: Отчий дом, 1994.

20. *Вострышев М. И.* Божий избранник: Крестный путь святителя Тихона, Патриарха Московского и всея Руси. М., 1991.

21. *Вострышев М. И.* Во имя правды и достоинства // Литературная Россия. 1992. 31 янв.

22. Голод 1921—1922 годов и Казанское духовенство / Коммент. Н. Федоровой, Л. Абрамова // Эхо веков. 1998. № 3/4. С. 88—94.

23. *Голубцов С., протодиак.* Московское духовенство в преддверии и начале гонений, 1917—1922 гг. М., 1999.

24. *Голубцов С., протодиак.* Профессура МДА в сетях ГУЛАГа и ЧеКа.— М., 1999.

25. *Григорий (Граббе), еп.* Завет святого Патриарха. М., 1996.

26. *Григорий (Грабб), еп.* Русская Церковь перед лицом господствующего зла. Джорданвилль, 1991.

27. *Дамаскин (Орловский), иером.* Жизнеописание святителя Василия, епископа Кинешемского // *Василий (Преображенский), свт.* Беседы на Евангелие от Марка.— М.: Отчий дом, 1996. С. 3—40.

28. *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия.— Тверь: Булат, 1996. Кн. 2.

29. Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917—1918 гг. В 10 т. Репринт. изд.— М.: Новоспасский монастырь, 1994—2000.

30. *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни.— М.: Москов. рабочий: Изд. отд. Всецерков. Православ. молодеж. движения, 1994.

31. *Егоров В., свящ.* К истории провозглашения грузинами автокефалии своей Церкви в 1917 г.— М., 1917.

32. Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: Материалы, 1992—1996.— М.: Православ. Свято-Тихоновский богослов. ин-т, 1996.

33. Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: Материалы, 1997.— М.: Православ. Свято-Тихоновский богослов. ин-т, 1997.

34. *Елевферий (Богоявленский), митр.* Неделя в патриархии // Из истории христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии.— М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1995. С. 173—318.

35. Житие епископа Серафима (Звездинского): Письма и проповеди.— Б. м., б. г.

36. *Журавский А. В.* Гжатский период жизни Казанского митрополита Кирилла (Смирнова) и арест 1934 года // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: Материалы, 1998.— М.: Православ. Свято-Тихоновский богослов. ин-т, 1998.— С. 246—252.

37. *Журавский А. В.* Епископ Чистопольский Иоасаф (Удалов) как последователь митрополита Казанского Кирилла // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: Материалы, 1992—1996.— М.: Православ. Свято-Тихоновский богослов. ин-т, 1996.— С. 356—363.

38. *Журавский А. В.* Жизнеописание священномученика Иоасафа, епископа Чистопольского. // Orthodox Life (Jordanville, NY, USA).— 1996. № 8 (559). С. 1—25.

39. *Журавский А. В.* Жизнеописания новых мучеников Казанских: Год 1918-й.— М.: Изд-во им. свт. Игнатия Ставропольского, 1996.

40. *Журавский А. В.* Жизнь и деятельность митрополита Казанского и Свияжского Кирилла (Смирнова) с 1918-го по 1922 г. // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: Материалы, 1997.— М.: Православ. Свято-Тихоновский богослов. ин-т, 1997. С. 203—212.

41. *Журавский А. В.* Казанская Духовная академия в последний период ее существования//Материалы Казанской юбилейной историко-богословской конференции «История и человек в богословии и церковной науке».— Казань: Изд-е Казанской епархии и Православного братства свт. Гурия, 1996.— С. 95—102.

42. *Журавский А. В.* Казанская Церковь в эпоху гонений: Страницы истории. Казань: Тан-Заря, 1994.

43. *Журавский А. В.* Краткое жизнеописание митрополита Казанского и Свияжского Кирилла (Смирнова) // Православный Собеседник. Казань. 2000. Вып. 1. С. 204—246.

44. *Журавский А. В. (А. К.)* Оппозиция митрополиту Сергию в Казанской епархии // Православная Русь. 1995. № 10. С. 9—11.

45. *Журавский А. В.* Светская и церковная историография о взаимоотношениях правой оппозиции и митрополита Сергия (Страгородского) // Нестор. 2000, № 1. С. 343—372.

46. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской Духовной академии за 1883/4 учебный год.— СПб., 1884.

47. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской Духовной академии за 1886/7 учебный год.— СПб., 1891.

48. За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917—1956: Биографический справочник.— М.: Православ. Свято-Тихоновский богослов. ин-т, 1997. Кн. 1: А—К.

49. *Зандер Л. А.* Бог и мир. Париж, 1948. Т. 1.

50. *Зеленогорский (Гринберг) М. Л.* Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского).— М.: Терра, 1991.

51. *Иоанн (Максимович), архиеп.* Русская Зарубежная Церковь.— Джорданвилль; Нью-Йорк, 1991.

52. *Иоанн (Снычев), митр.* Расколы // Христианское чтение. 1991. № 6. С. 8—49.

53. *Иоанн (Снычев), митр.* Стояние в вере: Очерки церковной смуты.— СПб.: Царское дело, 1995.

54. *Иоанна, мон.* Жизнеописание архиепископа Волоколамского Феодора (Поздеевского), последнего ректора МДА // Православная жизнь. 1995. № 9. С. 1—29; № 10. С. 1—29.

55. Историко-канонические критерии в вопросе канонизации новомучеников Русской Церкви в связи с церковными разделениями XX века // Московские епархиальные ведомости. 1996. № 2. С. 28—38.

56. История религий в России: Учебное пособие / Под ред. Н. А. Трофимчук.— М.: ООО «Агент», 1998.

57. История Русской Православной Церкви от восстановления патриаршества до наших дней.— СПб.: Воскресение, 1997.— Т. 1: 1917—1970.

58. История Русской Православной Церкви в документах региональных архивов России: Аннотированный справочник-указатель / Научн. рук. архим. Иннокентий (Просвирнин).— М.: Новоспасский монастырь, 1993.

59. История Русской Православной Церкви в документах федеральных архивов России, архивов Москвы и Санкт-Петербурга: Аннотированный справочник-указатель / Науч. рук. архим. Иннокентий (Просвирнин).— М.: Новоспасский монастырь, 1995.

60. Их страданиями очистится Русь.— М.: Изд-во им. свт. Игнатия Ставропольского, 1996.

61. К канонизации новомучеников Российских. М.: Комис. Св. Синода Рус. Православ. Церкви по канонизации святых, 1991.

62. *Карташев А. В.* Церковь. История. Россия: Статьи и выступления.— М., 1996.

63. *Кирилл (Смирнов), сщмч.* Письмо митрополита Кирилла (Смирнова) к м. Евдокии / Публ. О. Косик // Богословский сборник.— М.: Православ. Свято-Тихоновский богослов. ин-т, 1999. Вып. 3. С. 225—227.

64. *Киселев А., прот.* Пути России.—Джорданвилль, Нью-Йорк. б. г.

65. *Клибанов А. И.* Современное сектантство в Тамбовской области (по материалам экспедиции Института истории АН СССР в 1959 г.) //Вопросы истории и атеизма. Т. 8.— М.: Изд-во АН СССР, 1960.

66. *Кривова Н. А.* Власть и Церковь в 1922—1925 гг.— М.: АИРО-XX, 1997.

67. *Кученкова В. А.* Святыни Тамбовской епархии.— М.: Изд. отд. Москов. Патриархии, 1993.

68. *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты.— М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996.

69. *Мануил (Лемешевский), митр.* Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы (включительно): В 6 т.— Erlangen, 1979—1989.

70. Материалы, связанные с вопросом о канонизации священномучеников Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Петра (Полянского), митрополита Серафима (Чичагова) и архиепископа Фаддея (Успенского).— [Софрино]: Комис. Св. Синода Рус. Православ. Церкви по канонизации святых, 1997.

71. *Марцинковский В.* Записки верующего.— СПб.: Библия для всех, 1995.

72. *Мейендорф И., прот., Шавельский Г., прот.* Воспоминания // Вестник Русского студенческого христианского движения. 1955. № 36. С. 39—40.

73. *Мейендорф И., прот.* Православие в современном мире. М.: Путь, 1997.

74. *Мейендорф И., прот.* Святейший Патриарх Тихон, служитель единства Церкви // Выбор. 1992. № 1. С. 42—53.

75. *Митрохин Л. Н.* Реакционная идеология «истинно православной церкви» на Тамбовщине//Вопросы истории религии и атеизма. Т. 9.— М.: Изд-во АН СССР, 1961.— С. 144—162.

76. Молитва всех вас спасет: Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского / Сост., предисл. и примеч. О. В. Косик.— М.: ПСТБИ, 2000.

77. Молю о тех, кого Ты дал мне..: Владыка Серафим (Звездинский) в воспоминаниях духовной дочери схимонахини Иоанны

(Анны Сергеевны Патрикеевой).— М.: Даниловский благовестник, 1999.

78. *Николай II, имп.* Дневники.— М.: Орбита, 1992.

79. *Никольская З. А.* К характеристике течения истинно православных христиан // Вопросы истории религии и атеизма. Т. 9.— М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 162—188.

80. Новомученик Нектарий (Трезвинский), епископ Яранский // Православная жизнь. 1997. № 2. С. 1—6.

81. *Одинцов М. И.* Государство и Церковь: История взаимоотношений, 1917—1938.— М., 1991.

82. *Окунев Н. П.* Дневник москвича (1917—1924).— Р.: YMCA-PRESS, 1990.

83. Оппозиция митрополиту Сергию в Казанской епархии // Православная Русь. 1995. № 10. С. 9—10.

84. *Осипова И. И.* История «Истинно-Православной Церкви» по материалам следственного дела // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: Материалы 1992—1996.— М.: ПСТБИ. С. 374—380.

85. *Осипова И. И.* Новые материалы о преследованиях за веру в Советской России // Церковно-исторический вестник. 1999. № 2/3. С. 4—198.

86. *Осипова И. И.* «Сквозь огнь мучений и воду слез ...»: Гонения на Истинно-Православную Церковь: По материалам следственных и лагерных дел заключенных.— М.: Серебряные нити, 1998.

87. Отец Иоанн Кронштадтский.— СПб.: Рус. народ. Союз им. Михаила Архангела, 1909.

88. Памятная книжка по Санкт-Петербургской епархии / Сост. Н. М. Кутепов.— СПб.: Тип. Отд. Корпуса Погранич. Стражи, 1899.

89. Пастырский венок дорогому батюшке о. Иоанну Кронштадтскому [Репринт. изд.]— Ютика: Фонд им. о. Иоанна Кронштадтского, 1964.

90. Патриарх Сергий и его духовное наследство.— М.: Изд-е Московской Патриархии, 1947.

91. *Польский М., прот.* Новые мученики Российские. В 2 ч.— Репринт. изд.— М.: Светлячок, 1994.

92. *Польский М., прот.* Положение Церкви в Советской России: Очерк бежавшего из России священника.— СПб., 1995.

27. Зак. 43433

93. После Туруханской ссылки (Письма священномученика митрополита Кирилла Казанского к священноисповеднику епископу Афанасию Ковровскому)/ Публ. и примеч. О. Косик // Богословский сборник. Вып. VIII. М., 2001. С. 352—363.

94. *Поспеловский Д. В.* Православная Церковь в истории Руси, России и СССР.— М.: Библейско-Богогослов. ин-т им. св. ап. Андрея, 1996.

95. *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке.— М.: Республика, 1995.

96. Преподобный Парфений Киево-Печерский.— М.: Изд-во им. свт. Игнатия Ставропольского, 1996.

97. Пути России.— Джорданвилль—Нью-Йорк, 1990.

98. *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви.— М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996.

99. *Резникова И.* Православие на Соловках: Материалы по истории Соловецкого лагеря.— СПб., 1994.

100. Российская Церковь в годы революции (1917—1918): Сб.— М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1995.

101. *Русак В. (Степанов), протодиак.* Свидетельство обвинения. В 3 ч.— М.: Рус. книгоизд. товарищество, 1993.

102. Русская Зарубежная Церковь на стезях отступничества. Апостасия в РПЦЗ и исповеднический путь Катакомбной Церкви / Сост. В. К.— СПб.: Изд-е «Вестник ИПХ», 1999.

103. Русская Православная Церковь, 988—1988: Очерки истории.— М.: Москов. Патриархия, 1988. Вып. 2: 1917—1988 гг.

104. Русская Православная Церковь в советское время, 1917—1991: Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. В 2 кн. / Сост. Г. Штриккер.— М.: Пропилеи, 1995.

105. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство, 1917—1941: Документы и фотоматериалы / Сост. О. Ю. Васильева.— М.: Библейско-Богословский ин-т им. св. ап. Андрея, 1996.

106. Святитель Кирилл, митрополит Казанский и Свияжский // Православная беседа. 1992. № 4/5. С. 24—25.

107. Святые новомученики и исповедники Российские // Прямой путь.— 1991. № 1. С. 15—21.

108. Священномученик Кирилл, митрополит Казанский // Тамбовский патерик: Православные святые и подвижники благочестия Тамбовского края / Сост. Алленов А. Н., Бочаров А. С., Левин О. Ю.— Тамбов, 1999. Кн. 1. С. 52—55.

109. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917—1918 гг. Обзор Деяний: третья сессия / Сост. Кравецкий А. Г., Шульц Г.— М.: Крутицкое патриаршее подворье, 2000.

110. *Сергий (Страгородский), патр.* Православная Русская Церковь и советская власть (К созыву Поместного Собора Православной Церкви) // Богословский сборник. 1997. № 1. С. 236—266.

111. *Скурат К. Е.* История Поместных Церквей. В 2 т.— М.: Русские огни, 1994.

112. Следственное дело Патриарха Тихона: Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ.— М.: Памятники исторической мысли, 2000.

113. *Смолич И. К.* История Русской Церкви: 1700—1917 // История Русской Церкви. М., 1996.— Т. VIII, Ч. 1—2.

114. Собрание определений и постановлений Святейшего Собора Православной Российской Церкви 1917—1918 гг.. В 4 кн. [Репринт. изд.]— М., 1994.

115. *Стефан (Садо), иером.* Профессор СПбДА В. В. Болотов и вопрос о чиноприеме воссоединения несториан с Русской Православной Церковью в конце XIX века // Христианское чтение. 1997. № 4. С. 97—123.

116. *Стефан (Садо), иером.* Российская православная Миссия в Урмии (1898—1918) // Христианское чтение. 1997. № 13. С. 73—112.

117. *Стратонов И. А.* Русская церковная смута (1921—1931) // Из истории христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии.— М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1995. С. 29—172.

118. *Султанбеков Б. Ф.* Митрополит Кирилл — последний арест // Султанбеков Б. Ф. История в лицах. Казань: Тат. кн. изд-во, 1997. С. 53—70.

119. *Татьяна, посл.* Священномученик епископ Иерофей (Афоник) и священномученики на Вологодчине // Православная жизнь. 1996. № 2. С. 10—18.

120. *Троицкий С. В.* О неправде Карловацкого раскола: Разбор книги протоиерея Польского.— Париж, 1932.

121. *Троицкий С. В.* Размежевание или раскол.— P.: YMCA-PRESS, 1932.

122. *Трубецкой С. Е.* Минувшее.— P.: YMCA-PRESS, 1989.

123. *Успенский Ф. И.* История Византийской Церкви VI—IX вв.— М.: Мысль, 1996.

124. *Фирсов С. Л.* Время в судьбе: Святейший Сергий, Патриарх Московский и всея Руси: К вопросу о генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века.— СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1999.

125. *Фирсов С. Л.* Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России.— СПб.: Рус. Христиан. гуманит. ин-т, 1996.

126. *Флоренский П. А.* У водоразделов мысли.— М.: Правда, 1990. Т. 2.

127. *Фудель С. И.* Воспоминания // Новый мир. 1991. № 3. С. 188—214; № 4. С. 182—212.

128. *Хлебников М.* Движение истинно-православных в Костромской губернии // Православная жизнь. 1997. № 5. С. 1—29.

129. *Ходаковская О. И.* Священномученик Пимен (Белоликов), епископ Семиречинский и Верненский.— Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2000.

130. *Цыпин В., прот.* История Русской Церкви, 1917—1997 // История Русской Церкви: В 9 кн.— М.: Подворье Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. Кн. 9.

131. *Цыпин В., прот.* История Русской Церкви, 1917—1990: Учебник для духовных семинарий.— М.: Хроника, 1994.

132. *Цыпин В., прот.* Русская Церковь (1917—1925).— М.: Сретенский монастырь, 1996.

133. *Цыпин В., прот.* Русская Церковь (1925—1938).— М.: Сретенский монастырь, 1999.

134. *Шавельский Г., прот.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота: В 2 т. [Репринт. изд.]— М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996.

135. *Шишкин А. А.* Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской Православной Церкви.— Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1970.

136. *Шкаровский М. В.* Иосифлянское движение и оппозиция в СССР // Минувшее.— М., СПб.— 1994. Вып. 15. С. 446—463.

137. *Шкаровский М. В.* Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви.— СПб.: НИЦ «Мемориал», 1999.

138. *Шкаровский М. В.* Петербургская епархия в годы гонений и утрат, 1917—1945.— СПб., 1995.

139. *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве.— М.: Кругицкое патриаршее подворье, 1999.

140. *Шмеман А., прот.* Исторический путь православия.— Р.: YMCA-PRESS, 1985.

141. «Это есть скорбь для Церкви, но не смерть ее...»: Из материалов следственного дела священномученика митрополита Кирилла Казанского (1930) /Публ. Н. Кривошеевой, А. Мазырина // Богословский сборник. Вып. VIII. М. 2001. С. 326—351.

II. Справочная литература

1. Башкортостан: Краткая энциклопедия.— Уфа: Башкир. энцикл., 1996.

2. Большая Советская Энциклопедия. В 30 т., Т. 1.

3. *Булгаков С. В.* Настольная книга для священно-церковно-служителей. В 2 ч. [Репринт. изд.] — М.: Изд. отд. Москов. Патриархии, 1993.

4. Города России: Энциклопедия.— М.: Большая Рос. энцикл.,1994.

5. Книга правил святых апостол, святых Соборов Вселенских и Поместных и святых отец. [Репринт. изд.] СПб.: Титул, 1993.

6. *Никодим (Милаш), еп.* Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского / Пер. с серб. В 2 т. [Репринт. изд.] — М.: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1996.

7. Православная энциклопедия: Русская Православная Церковь.— М., 2000.

8. Православные русские обители. [Репринт. изд.] — СПб.: Воскресение, 1994.

9. Христианство: Энциклопедический словарь: В 3 т.— М.: Большая Рос. энцикл., 1993—1995.

III. Архивные источники

Архив Комитета государственной безопасности Республики Татарстан (АКГБ РТ):
д. 9867;
д. 2-7193;
д. 2-11184;
д. 2-15145;
д. 2-17615 «а»;
д. 2-18199, т. 1-6;
д. 69867.
Архив УФСБ РФ по Кемеровской области:
д. П-17429
Архивное Управление Комитета государственной безопасности Казахской Советской Социалистической Республики по Чимкентской области (АУ УКГБ КазССР ЧО):
ф. 1, д. 02455.
Архивное Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации Московской области (АУ ФСБ РФ МО):
д. Р—37479.
Центральный Архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ):
д. Р—35561;
Н-1780;
д. 601064.
Государственный архив Пензенской области (ГАПО):
ф. 182, оп. 7, д. 160.
Государственный архив Тамбовской области (ГАТО):
ф. 4, оп. 1, д. 9045;
ф. 4, оп. 1, д. 9124;
ф. 4, оп. 1, д. 9310;
ф. 17, оп. 43, д. 45;

ф. 17, оп. 44, д. 58;
ф. 181, оп. 1, д. 2114;
ф. 181, оп. 1, д. 2134;
ф. 181, оп. 1, д. 2154;
ф. 181, оп. 1, д. 2175;
ф. 181, оп. 1., д. 2265;
ф. Р-5201, оп. 2, д. 100.

Национальный архив республики Татарстан (НА РТ):
ф. 1172-Р, оп. 3, д. 15;
ф. 1172-Р, оп. 3, д. 29;
ф. 1172-Р, оп. 3, д. 32;
ф. 1172-Р, оп. 3, д. 33

Российский Государственный исторический архив (Санкт-Петербург) (РГИА):
ф. 796, оп. 165 (1884 г.), д. 1663;
ф. 796, оп. 184, 1903 г., д. 2839;
ф. 796, оп. 185, д. 714;
ф. 796, оп. 185, д. 2922;
ф. 796, оп. 190, I отд., 2а ст., д. 422;
ф. 796, оп. 204, I отд., V ст., д. 132;
ф. 796, оп. 439, д. 523;
ф. 797, оп. 71, отд. II, ст. 3, д. 291;
ф. 797, оп. 73, II отд., 3 ст., д. 524;
ф. 831, оп. 1, д. 46;
ф. 831, оп. 1, д. 202;
ф. 831, оп. 1, д. 248;
ф. 834, оп. 4, д. 938.

Архив автора. Клировые ведомости монастырей Казанской епархии.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Ак. год — академический год
АКГБ РТ — Архив Комитета государственной безопасности Республики Татарстан
АРА — Американская администрация помощи
архиеп. — архиепископ
А/с — антисоветский
АУКГБ КазССР ЧО — Архивное Управление Комитета государственной безопасности Казахской Советской Социалистической Республики по Чимкентской области
АУ ФСБ РТ МО — Архивное Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации Московской области
ББИ — Библейский Богословский Институт
БВ — Богословский вестник
БРЭ — Большая российская энциклопедия
ВВЦУ — Временное Высшее Церковное Управление
ВРХД — «Вестник Русского Христианского движения»
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЦС — Высший Церковный Совет
ВЦУ — Высшее Церковное Управление
ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАПО — Государственный архив Пензенской области
ГАТО — Государственный архив Тамбовской области
ГПУ — Государственное политическое управление
ГУЛАГ — Государственное управление лагерей
д.— дело
еп.— епископ
ЖМП — Журнал Московской Патриархии
иером.— иеромонах

ИПХ — Истинно-православные христиане
ИПЦ — Истинно-Православная Церковь
КазДА — Казанская Духовная академия
КДА — Киевская Духовная академия
КГБ — Комитет государственной безопасности
КГУ — Казанский государственный университет
к. -р.— контрреволюционный (контрреволюционер)
КССР — Казахстанская Советская Социалистическая Республика
л.— лист
МВД — Министерство внутренних дел
МДА — Московская Духовная академия
МИД — Министерство иностранных дел
МП — Московская Патриархия
НАРТ — Национальный архив республики Татарстан
НКВД, Наркомвнудел — Народный комиссариат внутренних дел
НКЮ, Наркомюст — Народный комиссариат юстиции
неразб.— неразборчиво
н. ст.— новый стиль
о.— отец
обл.— область
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР
оп.— опись
ОР и РК — Отдел рукописей и редких книг
ППК — Политический Красный Крест
пос.— поселок
прот.— протоиерей
ПС — Православный Собеседник (Казань)
ПСТБИ — Православный Свято-Тихоновский богословский институт
РГИА — Российский Государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
РГБ — Российская государственная библиотека им. В. И. Ленина (Москва)
РНБ — Российская национальная библиотека им. Салтыкова-Щедрина (Санкт-Петербург)
РПЦ — Русская (Российская) Православная Церковь

РПЦЗ — Русская Православная Церковь за границей
с.— страница
сщмч.— священномученик
СНК — Совет народных комиссаров
СО — секретный отдел
СОЧ — секретно-оперативная часть
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
СПбДА — Санкт-Петербургская духовная академия
СССР — Союз советских социалистических республик
ст.— статья
ст. ст.— старый стиль
УКГБ — Управление Комитета государственной безопасности
УГБ — Управление государственной безопасности
УК РСФСР — Уголовный кодекс РСФСР
УПК — Уголовно-процессуальный кодекс
УСО — Уголовно-следственный отдел
ф.— фонд
ХЧ — Христианское Чтение (Санкт-Петербург)
ЦА ФСБ РФ — Центральный Архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации
ЦВ — Церковные ведомости (Санкт-Петербург)
ЦГИА СПб.— Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЦИК — Центральный исполнительный комитет
ЦК ПК, ЦК Помгол — Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК
ЦТ — Центральная типография (Казань)
Ю/К — Южно-казахстанский

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аарон, первосвященник 364
Аблахат, сирохалд. свящ. 469, 470
Абрамов Л. 292, 410, 828
Аввакум Петров, протопоп 789
Августин Блаженный 786
Августин (Беляев), еп. 279
Августин (Кривоногов), архим. 724, 742, 746
Авдий, свящ. 462
Аверкий (Кедров), еп. 279
Авраам, диакон 437, 438
Агафангел (Преображенский), митр., сщмч. 147, 148, 159, 176, 182, 223, 226, 239, 242, 243, 245, 285, 289, 296, 322, 323, 346, 380, 381, 393, 511-513, 516, 517, 522, 542, 547-550, 560, 561, 567-569, 572, 573, 577, 694, 779, 790, 822, 823, 824
Агафонников, свящ. 278
Адриан, патриарх 626
Азиатская Ольга Николаевна 16, 810
Акиньшин А. 827
Алаверанов Симон, свящ. 22, 422, 466, 467
Александр, свящ. 605
Александр, сирохалд. свящ. 41, 440-443
Александр I, император 117
Александр II, император 196, 197, 628
Александр Невский, блг. князь 724
Александр (Уродов), архим., присп. 6, 202, 616, 634, 723-746
Александр (Трапицын), еп. 158,
Алексеев 295, 767
Алексеев, сотрудник НКВД 348
Алексей Михайлович, царь 619
Алексий, еп. 666
Алексий (Баженов), обновл. митр. 230, 231, 293, 632, 633, 635-639, 641, 643, 646, 647, 661, 684, 693, 712, 719, 734, 823
Алексий (Буй), еп. 279, 531, 557, 558, 782, 784, 789, 793, 799, 827
Алексий (Готовцев), еп. 252
Алексий (Дородницын), архиеп. 158, 716
Алексий (Кузнецов), еп. 289
Алексий (Опоцкий), архиеп., экзарх 39
Алексий II (Ридигер), патриарх 2,
Алексий I (Симанский), патриарх 515, 739, 798, 801
Алексий (Соболев), еп. 57
Алленов А. Н. 8, 87, 408, 827, 834
Амвросий (Гудко), еп. 625, 717
Амвросий Медиоланский, свт. 786
Амвросий Оптинский, преп. 71, 113, 814
Амвросий (Полянский), еп. 241, 279, 651, 720
Амвросий (Сиверс), еп. 721, 750, 778, 780, 796, 806, 827
Амфилохий (Скворцов), еп. 616, 790
Амвросий (Смирнов), еп. 105, 107, 155, 817
Анастасий (Грибановский), митр. 4, 146-148, 160, 165, 166, 289, 305
Анастасий (Меткин), архиеп. 8
Анастасия (Куликова), мон. 603
Анатолий, иеромон. 24, 25, 28, 36, 425
Анатолий (Грисюк), еп. 158, 199, 202, 204, 205, 210, 223, 224, 620, 625, 626, 627, 628, 629, 632, 718, 821
Анатолий (Каменский), еп. 143, 159
Анатолий (Панкеев), еп. 655
Ангелина, мон. 740
Ангелина (Алексеева), игумения 664, 721
Андреев Феодор, прот. 306, 783
Андреева Н. Н. 306
Андрей (князь Ухтомский), архиеп. 3, 83, 146, 147, 151, 289, 619, 777-779, 782, 785, 799, 806, 807, 830

Андриевский А. 88, 92, 827
Андроник (Богословский), еп. 205, 230, 293, 629, 630, 639, 641, 647, 690, 823
Андроник (Никольский), архиеп. 3, 131, 134, 135, 158, 159, 192, 195, 195, 224
Аненька 329, 599
Анна (Баранова), инокиня 740, 745
Антоний (Вадковский), митр. 4, 6, 12, 14-16, 26, 28, 30, 31, 33, 37-40, 45, 47, 53-55, 57, 60-62, 66, 81-83, 87, 89, 91, 94, 108, 406, 413, 426, 443, 455, 810-813, 816, 828
Антоний (Георгадзе), еп. 163, 288
Антоний (Миловидов), еп. 329, 330, 331, 332, 388, 389, 661
Антоний (Храповицкий), митр. 4, 14, 84, 95, 131, 133, 135, 142, 146-148, 160, 241, 242, 295, 305, 617, 619, 716, 718, 798, 819
Антонин (Грановский), еп., обновл. 60, 226, 513, 567-569
Антонов, сотрудник ОГПУ 391
Антонов В. В. (Бутаков А.), историк 8, 383, 402, 403, 409, 794, 806, 828
Аполлинарий, архиеп. 305
Аристотель, древнегреч. философ 332
Аркадий (Остальский), еп. 254, 277
Арсений, патриарх Константинопольский 774, 775
Арсений (Жадановский), еп. 3, 4, 385, 405, 782, 828
Арсений (Кордин), архимандрит 351, 352, 367, 395, 602, 605, 606, 609
Арсений (Стадницкий), митр. 120, 131, 132, 134, 135, 146-148, 150, 158, 159, 178, 191, 193, 197, 198, 242, 289, 291, 308, 309, 311, 351, 360, 384, 386, 800, 821
Артамонов Леонид Константинович, ген.-лейт. 63, 154
Артемов Николай, прот. 8
Артоболевский Иоанн Алексеевич, свящ. 159
Астров Павел Иванович 154, 186
Афанасий Великий, свт. Александрийский 750
Афанасий, патриарх Константинопольский 723, 739, 744
Афанасий (Малинин), архиеп. 204, 205, 213, 214, 224, 226, 227, 230, 293, 313, 511, 512, 515, 520, 576, 628, 629, 632-634, 636, 641, 646-648, 661, 692, 718, 823
Афанасий (Сахаров), еп. 234-236, 250, 251, 257, 263, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 277, 294, 327, 328, 333, 334, 336, 338, 341, 344, 348, 364, 384, 388, 409, 518, 519, 588, 591, 594, 616, 782, 796, 798, 823, 825, 832, 834
Афиногенов Д. Е. 807, 828
Афонин Гавриил 730
Баба, диакон 416
Бадал, свящ. 462, 463, 470
Бадалов, свящ. 428, 454, 464
Барсов Николай Иванович, проф. 14, 411
Баталев Владимир, диакон 293
Беджанов Геваргиз (Георгий), свящ. 35, 414, 420, 433, 443, 444, 446, 447, 453,
Беджанов Одиша 415
Беликов В. И., прот. 227
Беллавин (Белавин) Василий Иванович, обновл. прот. 228, 514, 635, 719
Белокуров В. А., свящ. 228
Бернштам М. 777, 805, 828
Блат И. 343
Богаутдинов 697
Боголюбов Андрей, прот. 634, 643, 656
Боголюбов Николай Михайлович, прот. 138
Богородицкая 658
Бойчук Андрей Николаевич 721
Болотов Василий Васильевич, проф. 23, 88,
Бонч-Бруевич В. Д. 198
Борис (Рукин), еп. 279, 558, 720
Борис (Соколов), еп. 254,
Борис (Шипулин), архиеп. 158, 222, 223, 351, 360, 603, 620, 655, 800
Бородин А., прот. 744

Бочаров А. С. 408, 834
Булгаков С. В. 837
Булгаков Сергий, свящ., философ 95, 121, 157, 828
Бутаков А. (см. Антонов В.)
Бухаров С. Н. 503, 505
Валиахд 434, 435
Варвара 259
Варвара, великомученица 623
Варвара, мон. 740
Варлаам (Ряшенцев), еп. 105, 107, 155, 158, 393, 817
Варнава (Беляев), еп. 828
Варнава (Накропин), архиеп. 180, 289,
Варнава (Сафонов), архимандрит 616
Варрава 782
Варсонофий, еп. Тверской, свт. 199, 623, 624, 717
Варсонофий (Лузин), архимандрит, еп. 226-228, 293, 514, 515, 623,
Василий (Беляев), еп. 347, 392
Василий (Богдашевский), еп. 132, 254
Василий (Богоявленский), архиеп. 3, 105-107, 155, 289, 817
Василий Великий, свт. 318, 354, 524, 562, 649, 751, 763
Василий Дмитриевич, князь 492
Василий Кесарийский - см. Василий Великий
Василий (Преображенский), еп. 3, 236, 294, 333, 350, 364, 389, 393, 616, 745, 823, 829
Васильев А. А. 805
Васильев Афанасий Васильевич 186
Васильева Елизавета Александровна 293
Васильева Ольга Юрьевна, историк 8, 409, 806, 808, 828, 834
Васильевский Михаил Николаевич, проф. 293, 656
Вашунин 262
Введенский Александр, обновл. митр. 670
Великанов Филарет, свящ. 625, 717
Венедикт, иеромон. 730-733
Венедикт, мон. 623
Венедикт (Кулешов), иеромон. 8, 616, 744, 746
Вениамин, сирохалд. свящ. 437, 442
Вениамин (Благонравов), архиеп. 23,
Вениамин (Казанский), митр. 3, 61, 67, 92, 147, 150, 152, 158, 195
Вениамин (Кононов), архимандрит 159
Вениамин (Кошурин), иеромонах - см. Серафим (Кошурин)
Вениамин (Муратовский), архиеп. 147, 684, 690
Вениамин (Федченков), митр. 95, 144, 145, 160, 289, 405, 410, 819, 828
Вера, мон. 740
Вера Ивановна 603
Верюжский Василий, прот. 295, 767, 783
Ветчинкин, свящ. 352, 355, 365, 367, 604, 606
Вечеслова Лидия Николаевна 675
Виктор (Островидов), еп. 284, 320, 357, 358, 522, 525, 526, 531, 552, 614, 768, 769, 782, 790, 797, 798, 799
Вильгельм 731
Виноградов Константин 721
Виноградов Н. П., прот. 214, 215, 227, 324, 633
Виссарион (Зорнин, Зорин), архимандрит, обновл. еп. 279, 289
Виталия (Кузнецова), мон. 333, 389, 740, 745
Владимир, блг. князь, св. равноап. 82
Владимир (Богоявленский), митр. 91, 104, 105-107, 109, 120, 129, 132, 133, 146-147, 155, 158, 159, 160, 189, 195, 816, 819
Владимир, иеромон. 729, 730, 731, 733
Владимир (Пуссет), архимандрит 308, 309, 383
Владимир (Путята), еп. 61
Владимир (Сеньковский), еп. 57
Владимирский Феодор, прот. 289
Власов Петр Михайлович 49, 90
Воробьев Владимир, прот. 8, 287, 403, 791, 806, 808

Воронцов Сергий, свящ. 656
Воронцов-Дашков, граф, наместник на Кавказе 108
Востоков, свящ. 157, 390
Восторгов Иоанн Иоаннович, прот., свщмч. 16, 24, 25, 36, 39, 187, 424, 427, 468
Вострышев М. В. 3, 291, 292, 296, 299, 400, 408, 828
Вячеслав 25
Габидуллин 697
Гавриил, архиеп. 305
Гавриил, иеромон. 603
Гавриил, сирохалд. свящ. 470
Гавриил (Абалымов), еп. 616, 796
Гавриил (Воеводин), архиеп. 252, 277, 716
Гавриил (Зырянов), схиархимандрит, преп. 95, 121, 157, 208, 241, 242, 385, 617, 618, 650, 716, 718, 739, 745
Гавриил (Красновский), еп. 720
Гаврилов Александр, прот. 562, 566, 634, 645
Гагарин Ю. А. 390
Галахов Иаков, свящ. 656
Галахов Николай Яковлевич 675
Галкин 703
Геваргиз, диакон (шамаша) 444, 468, 470
Геваргиз, сирохалд. свящ. 439
Геваргизов Моисей, диакон 428, 432
Геваркул, шамаша - см. Геваргиз, диакон
Гейден, граф, ген.-лейт. 62
Геннадий (Туберозов), еп. 158, 178, 180, 289
Георгий (Аладашвили), еп. 163, 288
Георгий (Лавров), архимандрит, исп. 206, 208, 291
Георгий (Мещевский), игумен 206
Георгий (Ярошевский), еп. 131, 134
Герасим (Садковский), иеромон. 652
Герман (Ряшенцев), еп. 157, 241, 618, 652, 653, 721, 740, 745, 746
Герман (Тенешев), монах 655
Гермоген, архиеп. 305
Гермоген (Голубев), архиеп. 800
Гермоген (Долганов), еп., сщмч. 195
Гидаспов Феодор, свящ. 625, 717
Гитлер 787
Глаголев Михаил Федорович 143
Голицыны, князья 337
Голубцов Георгий Стефанович, прот. 164, 165, 166, 287
Голубцов Сергий, протодиакон 828
Горбунова Вера 359
Горгоний, архимандрит 589, 590
Гордеева В. С. 116, 156
Горшков Иван Михайлович 740
Грачев Петр, прот. 228, 293, 633
Григорий Богослов, свт. 330
Григорий Неокесарийский, Чудотворец, свт. 751
Григорий (Граббе), еп. 356, 394, 402, 409, 788, 794, 808, 828, 829
Григорий (Козлов), еп. 248, 252, 265, 266, 273, 274, 276, 277
Григорий (Лисовский), архиеп. 252,
Григорий (Яцковский), архиеп. 67, 71, 81, 82, 92, 163, 173, 174, 177, 184, 185, 279, 287, 314, 319, 379, 521, 527, 534, 549, 558, 573, 574, 769
Григорович, воен. губернатор, контр-адмирал 63
Громогласов Илья Михайлович, проф. 154, 186
Губонин М. Е. 827
Гуда 411
Гулин 461
Гургенидзе Давид, свящ. 451, 452
Гурий (Руготин) Казанский, архиеп., свт. 199, 621, 623, 624, 717
Гурий (Степанов), архиеп. 142, 157, 185, 191, 205-209, 241, 279, 653, 721, 779
Гурова Вера Илларионовна 588
Гурьев Петр, секретарь 242
Гучков А. И. 157
Гцвра, сирохалд. свящ. 51, 468, 470, 474
Давид, католич. свящ. 28
Давид, царь 364, 487, 489
Давид-малек (-мелик) 36, 424, 444, 468, 470

Далматов Константин Ильич, прот. 625
Дамаскин (Орловский), иером. 3, 247, 259, 278, 294, 296, 299, 300, 392, 393, 401, 408, 516, 720-722, 829
Дамаскин (Цедрик), еп. 241, 295, 301, 302, 338, 344, 345, 348, 365, 366, 380, 392, 588, 591, 593-596, 616, 653, 655, 721, 803, 824, 825
Дамиан (Говоров), еп. 163
Даниил, доктор 36, 425
Даниил Московский, блг. князь 746
Данилов Тихон, семинарист 487
Дашкеев Павел, прот. 334
Демьянов А. И. 777, 780, 805
Деникин Антон Иванович, генерал 197
Денисов 218
Дернов А., прот. 62
Димитрий (князь Абашидзе; в схиме - Антоний), архиеп. 147, 150
Димитрий (Добросердов), еп. 158,
Димитрий (Ковальницкий), архиеп. 55
Димитрий (Любимов), архиеп. 252, 295, 320, 394, 530, 531, 532, 549, 558, 602, 603, 767, 776, 783, 784, 789, 793
Димитрий (Поспелов), еп. 737, 742, 746
Димитрий (Роженцов), игумен 742-744
Димитрий (Туптало) Ростовский, свт. 387
Дионисий (Прозоровский), еп. 158, 252
Добронравов Викторин, прот. 295, 767
Домна, старица 737, 740
Досифей (Протопопов), еп. 159
Дружинин А. И., прот. 227
Дубяго, проф. 225
Дульский М. П. 626
Дымов Даниил, свящ. 625, 717
Д'Эрбиньи, Мишель, еп. 635
Дягилев Николай, свящ. 656
Ева (Павлова), игумения 359
Евгений (Бережков), еп. 158
Евгений (Зернов), архиеп. 308, 311, 384, 386
Евгений (Кобранов), еп. 258, 264, 265, 352, 353, 354, 355, 358-362, 364, 366-370, 372, 374, 375, 377, 393, 394, 395, 600, 601, 610-613, 826
Евгений (Мерцалов), еп. 54, 179, 180, 388
Евдоким (Мещерский), обновл. митр. 146, 178, 181, 182, 221, 289, 292, 512, 556, 558, 636, 684, 821
Евдокия (Двинских), мон. 664, 665, 722
Евдокия (Перевезникова) (м. Е.), мон. 234, 235, 309, 328, 333, 336, 337, 350, 355, 360, 409, 561, 565, 589, 740, 745, 831
Евлогий (Георгиевский), митр. 4, 131-132, 134, 148, 158, 178, 289, 405, 410, 829
Евсевий (Гроздов), еп. 158
Евсевий (Никольский), архиеп. 147
Евфимий Великий, преп. 638
Егоров Владимир Николаевич, свящ. 287, 829
Егоров Лев Михайлович 721
Егоровы, семья 118
Едемский-Своеземцев Евлампий, свящ. 6, 307, 308, 320, 328, 329, 332, 334, 336, 342, 343, 383, 384, 386, 387, 389, 390, 559-566, 656
Екатерина, игумения, сестра свт. Питирима Тамбовского 105
Екатерина II, императрица 514
Елевферий (Богоявленский), митр. 296, 801, 829
Елевферий (Печенников), схим. 359
Елисавета Феодоровна, вел. княгиня, прмчц. 95, 101, 114-117, 121, 123, 156, 157, 406, 817
Енукидзе А. С. 274
Ефрем (Ефремов), архимандрит 644
Ефрем Казанский, митр., свт. 619, 717
Жаров 518
Желобовского Александр, протопресв. 92
Журавская Наталья Александровна 8
Журавский Александр Владимирович 2, 293, 401, 409, 717-719, 808, 809, 829, 830
Журавский Анатолий Семенович 3
Закхей 481
Зандер Л. А. 96, 830

Захария (Лобов), еп. 585
Захаров Феодор, странник 360
Зеленогорский (Гринберг) М. 3, 806, 830
Зибарев Федор Герасимович 159
Зиновий (Дроздов), архиеп. сщмч. 71, 82, 94, 96, 105, 155, 184, 194, 616, 817, 820
Зиновий Отенский, преп. 381
Золотарев Алексей Алексеевич 159
Зосима, преп. Соловецкий 267, 268
Зосима, старец 602
Зосима (Сидоровский), обновл. еп. 267
Иаков, апостол 328,
Иаков (Пятницкий), митр. 146-148, 158, 199, 620, 626, 716
Иафет 416
Иван, келейник 144, 145
"Иван Васильевич" 212, 280
Иван Иванович 342, 590, 594, 595
Иван Федорович 432
Иваницкий Петр, свящ. 235
Иванов Иоанн 28, 413, 415, 416, 431, 433, 442
Иванов Павел, свящ. 426
Иванов Платон Иванович 640, 642, 645
Ивановский Василий, обновл. свящ. 293
Игнатий (Брянчанинов), свт. 298, 387, 388, 717, 830
Игнатий, патриарх Константинопольский 774, 775
Иерофей, игумен 105
Иерофей (Афоник), еп. 308, 385, 531, 784, 835
Иерофей (Померанцев), обновл. митр. 661
Извеков 269
Иларион, схимонах, имяславец 84
Иларион (Троицкий), архиеп., сщмч. 4, 146, 245, 256, 297, 308, 384, 538, 690
Иларион (Цуриков), мон. 359
Илья, архим., сирохалдей - см. Мар-Илия
Илья Муромец 232
Илия, пророк 328, 724
Ильяев Иосиф Инвиев, свящ. 450
Иннокентий (Беляев), архиеп., экзарх 61, 66, 91
Иннокентий (Летяев), архиеп. 329, 335, 388, 720
Иннокентий (Просвирнин), архимандрит 831
Иннокентий (Соколов), еп. 258,
Иннокентий (Тихонов), еп. 279
Иоаким (Левицкий), архиеп. 92, 177, 289
Иоаким, патриарх 105
Иоанн Богослов, апостол 307, 364,
Иоанн (Василевский), еп. 258
Иоанн (Доброславин), еп. 159, 289
Иоанн Златоуст, свт. 31, 211, 318, 330, 332, 490, 763
Иоанн Схоластик 751
Иоанн, свящ. 559
Иоанн (Котляревский), игумен 248
Иоанн (Максимович), архиеп. 831
Иоанн Предтеча, Креститель 498, 499, 621
Иоанн (Поммер), архиеп. 158
Иоанн (Сергиев) Кронштадтский, прот., св. прав. 17-18, 62-63, 65-66, 71, 73, 87, 91, 95, 113, 123, 154, 399, 716, 780, 814, 833
Иоанн (Смирнов), архиеп. 92, 147
Иоанн (Снычев), митр. 385, 386, 402, 409, 794, 795, 808, 831
Иоанн (Тимофеев), еп. 8, 744, 746
Иоанн (Цуриков), мон. 359
Иоанн (Широков), еп. 224, 634, 637, 645, 719, 720, 822
Иоанна, мон. 3, 804, 808, 831
Иоанна, схимон. 3
Иоанна (Патрикеева), схимонахиня 833
Иоанникий, преп. 559
Иоанникий (Дьячков), еп. 143, 158
Иоанникий (Соколовский), еп. 549
Иоасаф Белгородский, свт. 109, 113, 723, 739
Иоасаф, царевич Индийский 665
Иоасаф (Каллистов), архиеп. 199
Иоасаф (Удалов) еп. 6, 157, 202, 204,

205, 213, 224, 230, 241, 279, 284, 293, 365, 401, 409, 515, 616-722, 808, 821, 823, 829
Иоасаф (Шишковский-Дрылевский), еп. 279
Иона, пророк 86
Иона (Звенигородский), игумен 205, 206
Иосиф, игумен 787
Иосиф, сирохалд. свящ. 458, 472
Иосиф Виссарионович - см. Сталин Иосиф Виссарионович
Иосиф Волоцкий, преп. 380, 381,
Иосиф (Петровых), митр. 243, 249, 252, 258, 260-262, 267, 289, 301, 305, 306, 308, 310, 320, 350, 351, 352, 353, 355, 357-362, 365, 367-370, 372, 374, 375, 377, 385, 386, 393, 394, 395, 407, 522, 526, 557, 558, 600-614, 768, 776, 783, 784, 785, 789, 790, 793, 796, 797, 799, 800, 803, 826
Иосиф (Тюрин), иеромон. 621
Ипатий, архимандрит 105
Ирина (Бурова), мон. 392,
Иринарх, архимандрит 105
Иринарх (Синеоков-Андреевский), архиеп. 308, 385
Ирод 498, 499
Иродиада 498, 499
Исаия, пророк 388
Исидор Юрьевский, преп. 57
Исидор, митр., экзарх 460
Истомин Петр 654, 720
Иувеналий (Масловский), архиеп. 157, 159, 308, 385
Иувеналия, мон. 740
Июдин Александр Иванович 186
Казанский А. В., следователь 263, 266, 269, 273
Кальнинг 358, 359, 370, 600, 610
Капралов Евгений Зотикович, прот. 143
Карамазов Митя 232
Каробанов Е. Я. - см. Евгений (Кобранов)
Карташев Антон Владимирович, министр исповеданий, историк 138-140, 143, 160, 503-506, 819, 831
Касаткин С. В., миссионер 341, 589
Касторский А. П., свящ. 227, 658,
Катагощин В. М., свящ. 227
Кацура 170
Керенский Александр Федорович 138, 140-143, 153, 502, 503, 506-510, 819
Кеша - см. Иннокентий (Летяев)
Киреев А. А., ген.-лейт. 62
Кирилл, св., равноап., учитель Словенский 18-19, 54, 88, 394
Кириллов Серафим, свящ. 366, 367, 393
Кирион (Садзаглишвили), католикос всея Грузии 164, 288
Киселев 670
Киселев А., прот. 832
Клибанов А. И. 777, 805, 832
Климент Александрийский, свт. 332
Книшек Екатерина 333, 389
Кобранов Е. Я. - см. Евгений (Кобранов)
Кожевников Александр Сергеевич 640, 642, 645
Козлов - см. Григорий (Козлов)
Козлов Константин Васильевич 730, 731, 733
Коковцев П. К., проф. 32
Кольцов, свящ. 172, 173
Колчак, адмирал 197
Константин VI, император 787
Константин (Булычев), архиеп. 147, 150, 152
Константин (Дьяков), еп. 254, 655,
Кордин Борис Григорьевич - см. Арсений (Кордин)
Корловский Николай Антонович, секретарь приходского совета 169
Корнилий, иеромон. 731, 733
Корнилий (Попов), еп. 289
Корнилий (Соболев), архиеп. 248, 250, 254, 255, 257, 260, 263, 266, 267, 273, 274, 276, 277
Корнилов, гофмейстер 116, 156
Коруэ Борис - см. Арсений (Кордин)
Косик О. 403, 409, 831, 832, 834

Костенко 358, 601, 613
Костин 358, 362, 601, 613
Косюра, инженер 177
Котляревский Сергей Андреевич 290, 503
Котова 613
Кравецкий А. Г. 290, 404, 410, 835
Красиков П. А. 198
Красницкий Владимир, прот., председ. обновл. ВЦУ 229, 236-238, 314, 512, 515, 529, 539, 540, 551, 567, 568, 571, 572, 823
Кривова Н. А. 832
Кривошеева Н. 292, 293, 383, 386, 837
Крошечкин П. К. - см. Павлин (Крошечкин)
Кувшинов Иван Алексеевич, купец 258
Кувшинов Иван Иванович, сын И.А.Кувшинова 258, 259, 275
Кугушева Лидия Петровна, княжна 80
Кудрявцев Михаил, прот. 289
Кузнецов Николай Дмитриевич, проф. 138, 140-142, 154, 183, 186, 191, 199, 206, 290, 502, 505, 507-510
Кум 411
Кутепов Н. М. 87, 833
Кученкова В. А. 832
Лаврентий (Князев), еп. 158, 177, 178, 180, 181, 289
Ламздорф Владимир Николаевич, граф, министр 24-26, 48, 49, 52, 56, 405, 811
Лахостский Павел Николаевич, прот. 154, 184, 185, 290
Лебедев, председатель совета 730
Лебедев, свящ. 603
Лебедев А., секретарь 733
Лебедев А. П., историк 775, 805
Лебедев Александр, прот. 794, 808
Лебедев Александр, свящ. 221, 227, 293, 514, 719
Лебедев Лев, прот. 788, 794
Лебедева Екатерина Александровна 590
Лев V, император 787
Левитин-Краснов А. 299, 400, 408, 832
Лейман 262
Ленин (Ульянов) Владимир Ильич 210, 780
Леонид, иеромон. 341, 357, 403, 589, 597-598, 766, 797
Леонид (Окропиридзе), еп. 163, 288
Леонид (Соболев), архиеп. 568
Лёвин О. Ю. 8, 408, 835
Лиза 565
Лованов 602
Логинов 578
Лозовский А. Г. 8
Лосев А. Ф., философ 95
Лукьянов С., обер-прокурор 67
Львов Владимир Николаевич, обер-прокурор 129, 224, 569
Любимов Николай Александрович, протопресв. 197
Мазырин А. 292, 293, 383, 386, 837
Макарий, архим. 62
Макарий, прмч., Переяславский чудотворец 723, 739
Макарий, еп. 254
Макарий, еп. 366
Макарий (Васильев), еп. 779
Макарий (Гневушев), еп. 158, 178, 181, 195, 289
Макарий (Парвицкий), митр., свт. 4
Максим, патриарх Константинопольский (см. Максимиан, патриарх Константинопольский)
Максимиан, патриарх Константинопольский, свт. 258, 298
Малин Василий, протодиакон 155
Малиновский М. Н., свящ. 227
Мамад-али хан 438, 439
Мамонтов (Мамот) Василий, псаломщик 28, 431
Мансуров Павел 721
Мансуровский Павел, свящ. 511, 643, 707
Мануил (Лемешевский), митр. 390, 400, 794, 832
Мар-Авраам, еп. 52, 451, 454, 462, 813
Мар-Гавриил, еп. 22, 450, 451

Мар-Дынха (Мар-Данха), еп. 437-439, 471, 472
Мар-Ионан (Мар-Иона), еп. 22-25, 32, 33, 35, 45, 52, 413-420, 431, 438, 441, 442, 451, 456, 460, 462, 471, 472, 812, 813
Мар-Илия (Илья), еп. 52, 425, 454, 471, 813
Мар-Соришу, епископ - см. Мар-Авраам
Мар-Шимун (Мар-Шумун), еп. 414, 450, 456
Мар-Юханна, нестор. еп. 471
Мария 740
Мария, супруга имп. Константина VI 787
Мария Ивановна - см. Потапова Мария Ивановна
Мария Карповна 603
Мария Феодоровна Романова, императрица 53, 101, 123, 463
Мария (Рыкова), мон. 355, 359
Марк, евангелист 3, 481, 829
Маркс Карл 206
Марогуловы, род 456, 457
Мартирий, иеромон. 734, 735, 737
Марцинковский В. Ф. 206, 208, 405, 410, 832
Матвеев Кирилл 721
Матфей (Померанцев), архимандрит 153, 154
Медведев Л., прот. 744
Медведков Николай Николаевич 159
Медведь Степан, свящ. 359
Меджи-Салтанэ 41, 433, 441
Мейендорф Иоанн, прот. 166, 287, 402, 409, 750, 790, 792, 795, 804, 807, 808, 832
Менжинский 299
Меньшиков Александр, прот. 666
Мефодий, свт., равноап., учитель Словенский 394
Мечев Сергий, свщмч. 782
Мещерский Иоанн 721
Милет-баши 41, 42, 433, 441-443,
Миллер Г. А. 8
Милова Нина Ефимовна 293
Мина, диакон 603
Минин Кузьма 787
Минь 614
Мирония, мон. 675
Миртов И., прот. 62
Миртов Петр Алексеевич, прот. 290
Митрофан Воронежский, свт. 115,
Митрофан (Абрамов), еп. 159
Митрофан (Загорский), еп. 179, 180
Митрофан (Краснопольский), архиеп. 131, 170, 171, 175, 181, 288
Митрофан (Поликарпов), еп. 254, 297
Митрофан (Русинов), еп. 279
Митрофан (Симашкевич), архиеп. 147, 158
Митрофанов Георгий, прот. 8
Митрохин Л. Н. 777, 805
Михаил Александрович Романов, вел. кн. 101, 126, 127
Михаил Архангел 204, 496
Михаил Палеолог, император 774
Михаил Феодорович Романов, царь 619, 717
Михаил (Богданов), еп. 83, 159
Михаил (Ермаков), митр., экзарх 243
Михаил (Николаев), обновл. еп. 360
Михайлов А. Ф., прот. 227
Михайлов Максим, протодиакон 649
Михей (Алексеев), еп. 66
Моисей, пророк 364, 478
Молчанов 348
Муретов М. Д., проф. 95
Мухатазов Фома, свящ. 414
Мухатазовы, семья 414
Мухтаров Сатур Михайлович 367
Мушир 90
Мылтыкбаев Е. 376
Набоков 204
Надежда Васильевна 599
Назарий (Кириллов), архиеп. 143, 159, 252, 289, 384
Назими-Салтан 438
Нарышкин Эммануил Дмитриевич, обер-камергер 116, 117

Нарышкина Александра Николаевна, статс-дама 80, 102, 104, 109, 113, 117, 156, 817
Невдачин Павел, свящ. 426, 432, 455
Невский А. 229
Недельский Владимир Климетович 159
Нежный А. 807
Нектарий (Трезвинский), еп. 384, 566, 656, 833
Немиров-Колодкин Н. В. 156
Неофит (Осипов), архимандрит 232, 234, 236, 294, 302, 333, 388, 823
Неофит (Следников), еп. 158
Несмелов Виктор Иванович, проф. 656
Нестор (Анисимов), митр. 4, 158, 289
Нефедова Клавдия, церковница 258, 259
Никандр (Молчанов), архиеп. 91
Никандр (Феноменов), митр. 60, 66, 131, 150, 154, 158, 209, 242
Никанор (Каменский), архиеп. 630
Никита Пафлагонянин 775
Никитин Михаил Логинович 169, 184
Никифор, император 787, 788
Никифор, свт. Константинопольский (Цареградский) 750, 787, 788
Никифор (Феотоки), архиеп. 14, 411, 412, 810
Никифоров Александр Исаакович 220, 221
Никодим, иеродиакон 731
Никодим (Кононов), архимандрит 67
Никодим (Кротков), еп. 158
Никодим (Милаш), еп. 389, 837
Никодим (Ротов), митр. 391
Никола Ратный 623, 649
Никола Святоша, Черниговский, св. князь 329
Николай, еп. 305
Николай, иеромон. 602, 604
Николай II, имп., страстотерпец 53, 55, 67, 90, 91, 99, 100, 108, 109, 113, 117, 126, 128, 155, 156, 184, 404, 731, 733, 780, 813, 816-818, 833
Николай Николаевич Романов, вел. князь 165
Николай (Добронравов), еп. 241, 279, 653, 721
Николай (Налимов), архиеп. 55, 57
Николай Чудотворец, свт. Мирликийский 30, 113, 460, 473, 812
Николай (Ярушевич), еп., митр. 235, 823
Никольская З. А. 777, 805, 833
Никон, патриарх 272, 335, 791
Никон (Софийский), архиеп. 94
Никулин Александр, свящ. 602, 604
Нил Сорский, преп. 380, 381
Нилус С. А. 61, 91
Нина, настоятельница 62
Новоселов М. А. 95, 120
Ной 86
Носов Андрей 731, 733
Одинцов М. И. 833
Ожегов 658
Олег Константинович Романов, вел. князь 116, 817
Окунев Н. П. 195, 291, 405, 410, 833
Онуфрий (Гагалюк), еп. сщмч. 655
Ополев 576
Осенний Г. И. 376
Осипова И. И. 402, 403, 408, 409, 777, 778, 780, 794, 806, 807, 809, 833
Орнатский Философ, прот. 66
Павел, апостол 330, 332, 479, 495, 726, 727
Павел I, император 514
Павел (Борисовский), митр. 801
Павел (Лебедев), архиеп., экзарх 23,
Павел (Кратиров), еп. 655
Павлин (Крошечкин), еп. 245, 247-250, 252, 254-260, 263-276, 280, 297
Павел (Поспелов), еп. 158
Павлов Ф., свящ. 125
Паисий, иеромонах 341, 342, 589, 590, 593, 594, 595
Палладий (Степанов), мон. 735
Палладий (Шерстенников), еп. 224, 341, 342, 390, 592, 634, 661, 822, 825
Памва, иеромон. 731
Панкратий (Лапин), инок, имяславец 84, 85
Панов Николай, свящ. 333, 388,

Панормов И. А., прот. 81
Пантелеимон, св. 669
Парашкова Анна 604
Парри, англикан. паст. 33-36, 38, 413-425, 427, 437, 445, 456
Парфений (Брянских), еп. 241, 242, 338, 593, 595, 651, 653, 721, 825
Пахомий (Кедров), еп. 241, 308, 385, 651, 653, 721
Парфений (Краснопевцев), иеросхимонах, преп. 327, 387
Парфений (Левицкий), архиеп. 131, 155, 159
Пашин-Гулеев 518
Пашина 337, 588
Пельдс, свящ. - см. Пельц Николай
Пельц Николай, обновл. свящ. 219-221, 568, 569, 577
Пестов 613
Петин Петр, свящ. 603
Петр, апостол 130, 364, 715
Петр, обновл. иерарх 684
Петр I Алексеевич Романов, император 331, 332, 791
Петр Александрийский, свт. 751
Петр (Зверев), еп., сщмч. 202, 205, 253, 254, 627, 717, 821
Петр (Полянский), митр., патриарший местоблюститель, сщмч. 94, 239-245, 247, 250, 255, 257, 274, 279-281, 295, 296, 299, 302-304, 314, 315, 317-319, 321, 325, 326, 334, 337-340, 345, 346, 347, 350-353, 357, 366, 380, 381, 385, 389, 391, 392, 393, 394, 521, 527, 528, 530, 537, 541-543, 547-549, 555, 560, 561, 563-565, 573-576, 581-583, 588, 650, 651, 653, 656, 672, 673, 690, 720-722, 753, 755-757, 761, 762, 765-770, 773, 780, 782, 784, 790, 791, 797, 800, 823, 832
Петров Владимир, диакон 293
Петров А. А. 468
Петров Николай Васильевич, прот. 227, 512, 515, 631, 656, 658,
Петрова Людмила Владимировна 360, 605
Пимен (Белоликов), еп. 3, 836
Пимен (Извеков), патриарх 294
Пирр (Окропиридзе), еп. 163, 288,
Пира, сирохалд. свящ. 468, 470
Питирим Тамбовский, свт. 4, 71, 97, 98, 100-109, 113, 116, 118, 119, 123, 156, 814-818
Питирим (Крылов), архиеп. 224, 558, 634, 637, 645, 719, 720, 822
Питирим (Окнов), митр. 108, 109, 130, 165
Платон (Рождественский), экзарх, митр. 146-148, 154, 158, 160-163, 165, 166
Победоносцев Константин Петрович, обер-прокурор 14, 24-26, 48, 52, 53, 55, 405, 811
Поздеевский - см. Феодор (Поздеевский)
Покровский Александр Михайлович 293
Покровский Иван Михайлович, проф. 656
Покровский Михаил Степанович, регент 102
Покровский Николай, свящ. 721
Покровский Сергий, свящ. 293
Поликарп (Приймак), еп. 743, 744
Полтавская И. В. 8
Польский Михаил, протопресвитер 402, 717, 721, 788, 794, 833
Полянский, следователь 269, 391
Полянский Е. Я. 656
Померанцев Александр Иванович 293
Пономарев, комиссар 730
Пономарев Павел, проф. 293
Попов Иван Васильевич, профессор 341, 344, 589, 825
Попов Иоанн, псаломщик 720
Попов М., прот., управделами обновленческого ВЦУ 229
Попов С. 2
Поропков Василий, свящ. 605
Порубова 675
Поспелов Александр Алексеевич, свящ. 375

Поспелов Дмитрий (см. также Димитрий (Поспелов), еп.) 731
Поспелов Тихон, прот. 93
Поспеловский Д. В., историк 160, 314, 316, 324, 356, 386, 387, 394, 402, 409, 755, 760, 780, 785, 786, 789, 795, 804-808, 834
Потапенко, свящ. 184, 185
Потапов, свящ. 585
Потапов Георгий Иосифович 388
Потапов Иосиф Афанасьевич, прот. 333, 336, 388, 389
Потапова Мария Ивановна 336, 389
Похитонов, консул 29
Предтеченский, диакон 79
Прокопий (Титов), архиеп., сщмч. 154, 241, 279, 353, 365, 366, 367, 394, 602, 653, 720, 826
Прокопович Д. З., свящ. 227
Протопопов А. Д., министр 130
Пульхеридов Николай, свящ. 299
Райский Константин, свящ. 129
Раскольников 621
Распутин Григорий 109, 120, 121, 157
Распутин, сотрудник НКВД 233
Регельсон Л. 294, 299, 356, 400, 402, 408, 409, 790, 794, 804, 806-808, 834
Резникова И. 834
Ризо 411
Робур 86
Роганов 374, 375
Рождественский, прот. 602
Рождественский Александр Петрович, прот. 154
Рождественский Измаил, свящ. 604
Рождественский Иоанн, прот., благочинный 167, 177
Рождественский Михаил, свящ. 604
Романовский Анатолий, свящ. 644
Рубцов Василий Георгиевич 154, 186
Рувим 437, 471
Руднев Николай 613
Руднев Павел Яковлевич 153, 154
Русак В. - см. Степанов (Русак)
Руфимский Павел, прот. 227, 293, 512, 642, 643, 719
Руфимский Порфирий, прот. 222-223, 227, 293, 512, 642, 719
Рыбникова, купчиха 18
Рыков А. И. 653
Рыкова Мария Сергеевна - см. Мария (Рыкова)
Саблер Владимир Карлович, товарищ обер-прокурора 53, 56, 108, 416, 721
Савва Сторожевский, преп. 198
Савватий, преп. Соловецкий 267, 268
Савватий, обновл. еп. 268
Саввин 391
Савельев Никандр Александрович 391
Савинский Константин Софронович 721
Салар, урмийск. губернатор 41, 51, 432, 433, 434, 435, 441, 474, 475
Салтыков Александр Александрович, тамбов. губернатор 156
Самарин Александр Дмитриевич 146, 199, 206, 654, 721
Самарин Ф. Д. 95, 120
Самсонов Т. П. 198
Самуил, пророк 364
Сапожников Николай Петрович 721
Саркисов (Саргизов) Михаил, диакон 28, 441, 442
Саул, царь 364
Сафас 411
Сахаров А. Г. - см. Афанасий (Сахаров)
Свенцицкий Валентин, прот. 603
Своеземцев Евлампий, свящ. - см. Едемский-Своеземцев Евлампий
Севастиан (Вести), еп. 158
Сейбук В., свящ. 62
Семеняко Николай, свящ. 721
Сеницкая Фаина Григорьевна 355, 367
Сеницкий Григорий, свящ. 352, 355, 606
Серафим 267
Серафим Саровский, преп. 32, 62, 70, 113, 464, 812
Серафим, архиеп. 305
Серафим, свящ. 464
Серафим, еп. 305
Серафим (Александров), митр. 131, 158, 289, 557, 690, 720, 722, 801

Серафим (Звездинский), еп. сщмч. 3, 240, 294, 295, 308, 385, 782, 790, 823, 829, 832
Серафим (Кошурин), схииеромонах 723, 734, 735, 737-739
Серафим (Лукьянов), митр., экзарх 59, 235
Серафим (Мещеряков), архиеп., уклонился в обновленчество 221, 292, 512, 556
Серафим (Остроумов), еп. 132, 159
Серафим (Протопопов), еп. 268, 297
Серафим (Самойлович), архиеп. 260, 338, 340, 342, 344, 348, 353, 390, 393, 394, 522, 549, 588, 591, 593, 594, 595, 602, 779, 803, 825, 826
Серафим (Силичев), еп. 254
Серафим (Чичагов), митр., сщмч. 185, 205, 207, 289, 295, 832
Серафим (Шамшев), еп. 224, 634, 637, 645, 719, 720, 822
Сергей Александрович Романов, вел. князь 116, 817
Сергий (I), архиеп. 305
Сергий (II), архиеп. 305
Сергий Валаамский, преп. 566
Сергий Радонежский, преп. 54, 113,
Сергий (Воскресенский), митр. 285, 801
Сергий (Гуськов), иеромонах, Раифский прпмч. 202
Сергий (Дружинин), еп. 783, 784
Сергий (Зайцев), архим. 621, 717
Сергий (Зверев), еп. 720
Сергий (Лавров), еп. 28, 30, 32, 35, 42, 47, 54, 56-57, 89, 112, 417, 425, 426, 428, 429, 430, 431, 432, 453, 462
Сергий (Петров), еп. 163
Сергий (Спасский), архиеп. 805
Сергий (Страгородский), митр., патриарх 5-7, 15, 19, 60, 66, 92, 94, 131, 142, 146-148, 150, 159, 178-180, 182, 221, 223, 242-250, 252, 254-260, 262, 263, 265-269, 271-279, 281, 282, 284-286, 289, 292, 295-297, 299, 301, 302, 304-326, 330-334, 337-342, 344, 345, 347, 350-353, 355-358, 378-382, 385, 389-394, 402, 409, 512, 515, 516, 520-566, 573-577, 582-585, 588-590, 597-598, 603, 656-658, 663, 673-675, 718, 720, 721, 737, 748, 750-774, 776, 777, 781-785, 789, 790, 792-805, 808, 811, 824, 825, 828, 830, 833, 835, 836
Сергий (Тихомиров), еп. 54, 60
Сильвестр (Ольшевский), еп. 131
Сим 416
Симеон (Холмогоров), схиархимандрит 395
Симон, сирохалд. диакон, 472
Симон (Шлеев), еп. 179, 180, 186, 190, 290
Симонов, сирохалдей 36, 424,
Симонов Авраам 36, 424
Синадский Виктор, свящ. 22, 422, 438, 466, 467
Синицкая Фаина Григорьевна - см. Сеницкая Фаина Григорьевна
Скалозубов 658
Скворцов Александр Яковлевич 721
Скворцов Василий, свящ. 721
Скворцов Иоанн, свящ. 721
Скворцов Константин, свящ. 721
Скурат К. Е. 287, 835
Смагулов 374
Смарагд, архимандрит 196
Смердяков 232
Смирнов, следователь 269, 391
Смирнов Владимир, свящ. 359
Смирнов Иоанн Яковлевич, диакон 272, 299
Смирнов К. И., директор гимназии 16
Смирнов М. Н. 502
Смирнова Ольга Константиновна 18
Смолич И. К. 287, 835
Соболев Г. Г. - см. Корнилий (Соболев)
Соколов Владимир Григорьевич 174, 184
Соколов Павел Ильич, прот. 139, 503
Сократ, древнегреч. философ 332
Соловьев Михаил Павлович 124
Сосунцов Евгений Федорович, обновл. свящ. 228, 293, 512, 514, 516, 517, 632, 635, 719

Софийский Ксенофонт Иванович 214
Софония (Сокольский), еп. 21, 22, 31, 421, 422
Софотеров Михаил, прот. 293
Софья Петровна 342, 590, 594
Спирин Степан (Стефан) Карпович, обновл. свящ. 221, 228, 293, 512, 514, 515, 632, 635, 719
Сталин Иосиф Виссарионович 662, 664, 780, 805-807
Станиславский Алексей Маркианович, прот. 138, 140, 141, 502, 505, 507
Стельмах Косьма, протодиакон 107
Степанида (Макарова), мон. 664, 665, 722
Степанов В. (Русак) 788, 794, 834
Стефан (Андриашенко), еп. 655
Стефан (Бех), еп. 779
Стефан (Гнедовский), еп. 720
Стефан (Садо), иеромон. 8, 88, 89, 90, 401, 408, 835
Столяров А. В. 8
Страгородский И. Н. - см. Сергий (Страгородский)
Стратонов И. А. 626, 835
Султанбеков Б. Ф. 400, 408, 835
Сусленников 733
Сухих Алексий, прот. 8, 746
Таврион (Батозский), архимандрит 248, 258
Тамраз, свящ. 439
Тарасий, патриарх Константинопольский 787
Тарвердий, свящ. 451
Татьяна, посл. 835
Терсинские (Виталия, Калерия), мон., сестры 658
Тимофеев 595
Тимофей, ученик ап. Павла 479, 726, 727
Тимофей (Зайков), еп. 690, 692, 710, 712, 713
Тихон, архиеп. 305
Тихон, иеромон. 24, 25, 28, 425
Тихон Задонский, свт. 460, 638
Тихон, обновл. иерарх 690
Тихон (Белавин), патриарх, свт. 3, 14, 61, 87, 92, 109, 132, 134, 145-150, 153, 154, 159, 160, 161, 164-167, 171-175, 177, 179-184, 193, 194, 197-200, 202, 215, 216, 219-222, 225, 230, 232, 234, 236-240, 242-244, 265, 286-289, 291, 292, 294-298, 303, 304, 314, 315, 320, 335, 340, 345, 352, 353, 356, 357, 359, 366, 369, 378, 381, 384-387, 390, 393-395, 402, 405, 408-410, 511, 516, 517, 522, 527, 529, 539, 540, 541, 543, 550-552, 555, 558, 561, 568-573, 575, 581, 582, 584-586, 589, 601, 607, 611, 626, 632-634, 639, 640, 642-650, 656, 668, 670, 672, 673, 679-686, 690-694, 700, 701, 703, 708, 709, 713, 715, 716, 720, 722, 723, 744, 745, 750, 753, 757, 761, 764, 766-769, 772-773, 778, 779, 782, 792, 797, 804, 805, 808, 809, 821-823, 827, 828, 832, 835
Тихон (Оболенский), архиеп. 105, 107, 155, 159, 690, 720, 722, 817
Тихон (Русинов), еп. 279
Тихон (Шарапов), еп. 241, 279, 653, 720, 721
Тихон (Шевкунов), архим. 8
Тихон Иванович 740
Тихонов Агафангел, диакон 28, 431, 461
Тобурдановский Иоанн, прот. 293
Токаревский Владимир 721
Толгский Николай, свящ. 359
Толстой 595, 596
Тополев Петр, преподаватель 289
Троицкий И. Г., проф. 32
Троицкий И. Е. 775, 805
Троицкий Николай, свящ. 656, 665, 676, 722
Троицкий С. В. 394, 516, 517, 835, 836
Трофимчук Н. А. 831
Троцкий Лев Давыдович 206, 210, 291, 664, 780
Трубецкой Евгений Николаевич, князь, философ 211
Трубецкой Сергей Евгеньевич, князь 210-212, 292, 405, 410, 836

Трупов (Трунов) 603
Тумбасов Александр Иванович 721
Туркевич Венедикт Иеронимович, прот. 159
Тухачевский 664
Тучков Евгений Александрович 236-238, 262, 263, 269, 273, 274, 275, 281, 282, 283, 284, 285, 294, 299, 343, 378, 379, 400, 571, 572, 576, 577, 648, 709, 823, 824
Удалов Иван Александрович 617
Удалов Иван Иванович - см. Иоасаф (Удалов)
Уродов Георгий - см. Александр (Уродов)
Уродовы: Андрей Михайлович, Агафья Алексеевна 723
Успенский Ф. И. 805, 807, 836
Уткин Павел Иванович 138, 502, 505,
Уханов С. 630
Ушана-хан Хаким 434-440, 444, 445, 447, 456, 458, 468, 470, 471
Ушана, свящ. 467, 468
Фаддей (Успенский), архиеп., сщмч. 158, 252, 258, 260, 267, 289, 295, 297, 832
Федорова Н. 292, 410, 828
Федор (Рыбалкин), мон. 780
Феодор Студит, преп. 787, 788
Феодор (Поздеевский), архиеп. 3, 95, 157, 158, 179, 180, 205-208, 242, 328, 348, 370, 375, 395, 650, 652, 745, 746, 779, 804, 831
Феодосий, свт. Угличский, Черниговский 723, 739
Феодосий (Лузгин), игумен 202, 634, 638
Феодосий (Феодосиев), еп. 159
Феодота, супруга имп. Константина VI 787
Феофан, архиеп. 305
Феофан (Быстров), архиеп. 60, 85, 95, 120, 146, 158
Феофан (Говоров) Затворник, свт. 22, 67, 68, 71, 113, 115, 814, 817
Феофан (Еланский), иеромон. 634, 637, 639, 645, 719, 720
Феофан (Ильминский), еп. 3, 158
Феофил (Богоявленский), еп. 235, 823
Феофилакт (Клементьев), еп. 20, 24-26, 33, 36, 47, 88, 158, 164, 424, 425, 445, 460, 467, 811
Филарет, иеродиакон 732
Филарет (Дроздов), митр. 22, 23, 32, 812
Филарет (Никольский), архиеп. 205
Филипп, апостол, диакон 364
Филипп, четверовластник, муж Иродиады 498
Филипп (Гумилевский), еп. 259, 275
Филиппова 390
Филипповский Борис, свящ. 513
Фирсов С. Л. 785, 786, 806, 836
Флавиан (Городецкий), митр. 55, 91
Флоренский Павел, свящ., религ. философ 95, 836
Флоровский Георгий, прот. 396
Фокина Лидия Николаевна 337, 341, 342, 343, 344, 349, 390, 391, 590, 592-596
Фокины (семья): Елена Ивановна, Екатерина Николаевна, Надежда Николаевна, Николай Яковлевич 390
Фома, апостол 458
Фотий, патриарх Константинопольский 774, 775, 805
Фудель Иосиф, свящ. 230
Фудель Мария 235
Фудель Сергей Иосифович 230-233, 235, 293, 294, 404, 410, 823, 836
Хакилев Николай 780
Халиф (Хальфа, Халифа) 433, 434
Хам 416
Хлебников М. 836
Хнанишу 437
Ходаковская 836
Холмогоров - см. Симеон (Холмогоров)
Хошаба Павел, свящ. 416
Хреновский Лев 721
Хрущев Н. С. 375, 376, 805-807
Цветаев Николай, прот. 289

Цветков Игорь, прот. 8
Цветков Николай Васильевич, прот. 199
Цивилева Варвара Панфиловна, мон. 721
Цыпин Владислав, прот. 8, 285, 299, 316, 386, 392, 402, 409, 760, 789, 795, 804, 806-808, 836
Челищев Федор 721
Черкасов Порфирий, обновл. прот. 229, 293,
Чернова Мария Федоровна, тамбов. подвижница 118, 123, 124,
Чернышевский 232
Чесноков 649
Чижов-Коковцев А. М. 375
Чумаков Александр Павлович 236, 333, 350
Шавельский Георгий, протопресв. 4, 146-147, 165, 166, 287, 289, 404, 405, 410, 832, 836
Шавров В. 299, 400, 408, 832
Шакюр-ага 439
Шаумян С. Г. 168
Шварц Сергей Соломонович 218
Шведюк В. Ф. 377
Шеваливский Михаил, свящ. 84
Шеин Василий Петрович, сщмч. 195
Шик Михаил, диакон 721
Шилов Михаил, свящ. 235, 530
Шипков Петр, свящ. 720
Шишкин А. А. 292, 836
Шишокин Димитрий, свящ., сщмч. 624, 717
Шкаровский М. В. 297, 357, 394, 402, 403, 768, 778, 781, 783, 784, 789, 791, 797, 805-809, 837
Шлимун, диакон 435
Шмеман А., прот. 837
Шопенгауэр Артур, философ 74
Штриккер Г., историк 293, 834
Штюрмер Б. В., министр 130
Шульц Гюнтер, профессор, историк 290, 404, 410, 835
Эйваз, доктор 442
Эйваз, сирохалд. свящ. 445-446, 470
Эрн В. Ф., философ 95
Ювеналий (Масловский), еп. - см. Иувеналий (Масловский)
Ювеналий (Поярков), митр. 789
Юницкий Александр Иоаннович, прот. 167, 174, 176, 184, 185, 186, 193, 287, 821
Юрий 562
Юханна, сирохалд. свящ. 451, 470
Юшков Савелий Семенович 721
Ягода Г. Г. 273
Ярославский Е. 662
Яцкевич Виктор Иванович 503

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....3

ЧАСТЬ I
ЖИЗНЕОПИСАНИЕ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА КИРИЛЛА (СМИРНОВА)

ГЛАВА I. Пастырская и архипастырская деятельность митрополита Кирилла до первой мировой войны
Начало жизненного пути и пастырского служения.....11
Миссионерская деятельность архимандрита Кирилла в Урмийской Миссии.....19
Особенности епископского служения в Кронштадте и Тамбове.....54

ГЛАВА II. Служение Высокопреосвященного Кирилла в период первой мировой войны и двух революций
Роль архиепископа Кирилла в канонизации святителя Питирима Тамбовского.....98
Участие в церковной и общественной жизни Тамбовского края в период первой мировой войны.....111
Отношение к революционным событиям 1917 года и участие в Поместном Соборе 1917–1918 годов.....126

ГЛАВА III. Деятельность митрополита Кирилла в Советской России до Декларации 1927 года
Обстоятельства назначения экзархом Грузии и избрания на Нижегородскую кафедру.....161
Первые аресты и управление Казанской епархией.....196
«Тайные выборы патриарха» 1926 года.....245

ГЛАВА IV. Последний период жизни митрополита Кирилла
Отношение священномученика Кирилла к деятельности митрополита Сергия как заместителя патриаршего местоблюстителя.....301
Гжатский период и арест 1934 года.....336
Казахстанская ссылка и мученическая кончина митрополита Кирилла.....349

Заключение.....378

ЧАСТЬ II
ПРИЛОЖЕНИЯ: письма, проповеди, документы

ПРИЛОЖЕНИЕ 1
Историографический и источниковедческий обзор.....399

ПРИЛОЖЕНИЕ 2
Отзыв экстраординарного профессора Н. И. Барсова о сочинении студента Смирнова Константина.....411

ПРИЛОЖЕНИЕ 3
Письма архимандрита Кирилла, начальника Урмийской Миссии
Письмо митрополиту Антонию (Вадковскому) от 8. 11. 1902.....413
Письмо митрополиту Антонию (Вадковскому) от 19. 11. 1902.....426
Письмо Российскому консулу в Азербайджане от 25. 01. 1903.....432
Письмо митрополиту Антонию (Вадковскому) от 01. 02. 1903.....443
Письмо митрополиту Антонию (Вадковскому) от 20. 04. 1903.....455

ПРИЛОЖЕНИЕ 4
Записка архимандрита Кирилла по вопросу принадлежности урмийских храмов Православной Духовной Миссии.....466

ПРИЛОЖЕНИЕ 5
Избранные слова, проповеди и поучения владыки Кирилла
Речь на освящение нового семинарского храма.....476
Слово на Сретение Господне, сказанное за всенощным бдением в Казанском монастыре (1 февраля 1910 г.).....478
Слово во 2-ю Неделю Великого поста, сказанное в Тамбовском Казанском монастыре 14 марта 1910 года.....480
Речь в Тамбовской духовной семинарии на благодарственном молебне перед роспуском на летние каникулы пяти первых классов семинарии.....483

Слово Преосвященного Кирилла, епископа Тамбовского и Шацкого, сказанное под Вербное воскресенье.....487
Поучение о посте.....489
Слово Преосвященного Кирилла, епископа Тамбовского и Шацкого, произнесенное за всенощным бдением.....491
Слово на всенощном бдении под праздник Воздвижения Честнаго и Животворящаго Креста Господня.....494
Поучение по окончании литии в Михаило-Архангельской церкви поселка при станции Сампур.....496
Поучение.....498
Поучение.....499

ПРИЛОЖЕНИЕ 6
Сообщение архиепископа Тамбовского Кирилла о посещении делегацией Поместного Собора Министра-Председателя Временного правительства А. Ф. Керенского.....502

ПРИЛОЖЕНИЕ 7
Расшифровка стенограммы заседания, состоявшегося в Богоявленском соборе Казани 24. 07. 1922.....511

ПРИЛОЖЕНИЕ 8
Протокол допроса Сахарова Афанасия Григорьевича, 16. 01. 1927.....518

ПРИЛОЖЕНИЕ 9
Переписка священномученика Кирилла и заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия
Первое письмо митрополита Кирилла митрополиту Сергию 2 (15). 05. 1929.....520
Первое письмо митрополита Сергия митрополиту Кириллу 18. 09. 1929.....526
Второе письмо («Отзыв») митрополита Кирилла митрополиту Сергию 28. 10 (10. 11) —30. 10 (12. 11). 1929.....537
Второе письмо митрополита Нижегородского Сергия митрополиту Кириллу 2 (15). 01. 1930.....548

ПРИЛОЖЕНИЕ 10
Постановление заместителя патриаршего местоблюстителя и Временного Патриаршего Синода об отношении к священнодействиям, совершенным «раскольничьим клиром».....557

ПРИЛОЖЕНИЕ 11
Письма митрополита Кирилла священнику Е. Едемскому-Своеземцеву
Письмо от 4 ноября 1929 года.....559
Письмо от января–февраля 1930 года.....562

ПРИЛОЖЕНИЕ 12
Показания митрополита Казанского Кирилла
Из следственного дела 1930 года (Красноярск)
№ 1.....567
№ 2.....578

ПРИЛОЖЕНИЕ 13
Письма митрополита Кирилла по вопросу местоблюстительства
Выписка из ответа, январь 1934.....581
Письмо неизвестному архипастырю, февраль 1934.....583

ПРИЛОЖЕНИЕ 14
Материалы по Гжатскому делу
Анкета арестованного Смирнова К. И.....587
Протокол допроса митрополита Кирилла 16. 07. 1934.....588
Протокол второго допроса митрополита Кирилла 16. 08. 1934.....589
Протокол третьего допроса митрополита Кирилла 11. 09. 1934.....591
Протокол допроса Фокиной Л. Н. 20. 07. 1934.....592
Обвинительное заключение по следственному делу.....593

ПРИЛОЖЕНИЕ 15
Письма митрополита Кирилла из пос. Яны–Курган
№ 1 – иеромонаху Леониду.....597
№ 2 – Надежде Васильевне.....599

ПРИЛОЖЕНИЕ 16
Материалы по Чимкентскому делу
№ 1. Постановление по следственному делу.....600
№ 2. Протокол допроса митрополита Иосифа (Петровых) 14. 07. 1937.....601

№ 3. Показания обвиняемого митрополита Иосифа (Петровых) (Spuria), 23. 07. 1937.....606
№ 4. Обвинительное заключение.....610

ЧАСТЬ III
ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ДУХОВНЫХ ЧАД МИТРОПОЛИТА КИРИЛЛА

Епископ Чистопольский Иоасаф (Удалов).....617
Приложения: из архивных материалов.....667

Архимандрит Александр (Уродов).....723

ЧАСТЬ IV
МИТРОПОЛИТ КИРИЛЛ И ПРАВАЯ ОППОЗИЦИЯ

Экклезиологическая и этико-каноническая позиция митрополита Казанского Кирилла в его воззрениях на церковное управление и церковно-государственные отношения.....749

Светская и церковная историография о взаимоотношениях правой оппозиции и митрополита Сергия (Страгородского).....772

Хронология жизни митрополита Казанского и Свияжского Кирилла (Смирнова).....810
Архивные источники и литература.....827
Условные сокращения.....840
Содержание.....843

ВО ИМЯ ПРАВДЫ И ДОСТОИНСТВА ЦЕРКВИ

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ И ТРУДЫ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА КИРИЛЛА КАЗАНСКОГО В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ И ЦЕРКОВНЫХ РАЗДЕЛЕНИЙ XX ВЕКА

Автор-составитель
Александр Владимирович Журавский

Ответственный редактор *Е. А. Смирнова*
Художник серии *С. В. Попов*
Верстка *Е. Б. Крушняк*
Технический редактор *М. Ю. Мыскин*

© Сретенский монастырь, 2004 г.

Отпечатано с готовых диапозитивов издательства
Сретенского монастыря в типографии АО "Молодая гвардия".
Формат 70x100/16. Объем 54 п.л. Тираж 5 000 экз. Зак. № 43433
Печать офсет. Бумага офс. №1. Подп. в печать 17.02.2004
Адрес АО "Молодая гвардия": 127994, Москва, Сущевская, 21
Адрес издательства: 107031, Москва, Б. Лубянка, 19
ЛР № 030613 от 24.07.99